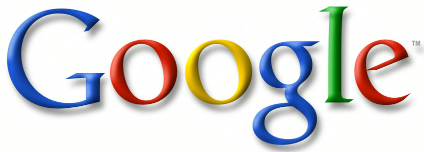


ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XXXIX

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XXXIX

1890

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1890

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ЯНВАРЬ, 1890

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1890 г.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1890 году.

(ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается **въ 1890 году** на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе десять лѣтъ (1880—1889).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Въ настоящее время приступлено къ составленію **„Систематическаго Указателя содержанія „Историческаго Вѣстника“ за 1880—1889 годы“**, т. е. за десять лѣтъ изданія. **„Указатель“** будетъ отпечатанъ (въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ) въ теченіе первой половины 1890 года, и составитъ книгу объемомъ не менѣе двадцати печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Гг. подписчики на **„Историческій Вѣстникъ“**, желающіе получить **„Указатель“**, благоволятъ прилагать къ подписной платѣ **одинъ рубль.** Въ отдѣльной продажѣ цѣна **„Указателя“** будетъ **два рубля.**

„Историческій Вѣстникъ“ за **1889 годъ** разошелся весь по подпискѣ, а потому дальнѣйшія требованія журнала за означенный годъ не могутъ быть удовлетворены.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы **въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ,** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Перваго декабря прошлаго 1889 года, исполнилось десять лѣтъ со дня основанія «Историческаго Вѣстника». Въ этотъ день я удостоился со стороны многихъ лицъ такого вниманія, которое не часто выпадаетъ на долю скромныхъ литературныхъ тружениковъ. Мною было получено множество телеграммъ и писемъ съ поздравленіями и добрыми пожеланіями не только отъ сотрудниковъ, но и отъ подписчиковъ; мнѣ были сдѣланы разные подарки, и цѣнные и незначительные, но дорогіе по сопровождавшимъ ихъ привѣтствіямъ. Само собою разумѣется, что я не могу отнести оказанную мнѣ честь лично къ себѣ; она всецѣло принадлежитъ журналу и отражается на мнѣ лишь потому, что я слишкомъ тѣсно связанъ съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Приношу искреннюю благодарность всѣмъ петербургскимъ и иногороднымъ сотрудникамъ и читателямъ «Историческаго Вѣстника», которые сочувственно вспомнили день его десятилѣтія [1]).

Редакторъ «Историческаго Вѣстника» **С. Шубинскій.**

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ изложены въ отдѣлѣ «Смѣсь», въ замѣткѣ Десятилѣтіе «Историческаго Вѣстника».

АЛЕКСѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ СУВОРИНЪ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 20 ДЕКАБРЯ 1889 Г.

ЗА ЧЬИ ГРѢХИ?

Повѣсть изъ временъ бунта Разина.

I.

Царское сидѣнье.

Ъ ГРАНОВИТОЙ палатѣ, въ столовой избѣ, у великаго государя съ боярами «сидѣнье».

Это было 5-го мая 1664 года.

Съ ранняго утра, которое выдалось такимъ яркимъ и теплымъ, обширная площадь около дворца запружена каретами, колымагами и боярскою дворовою челядью съ осѣдланными конями въ богатой сбруѣ. Экипажи и кони принадлежатъ московской знати, нахлынувшей во дворецъ къ царскому сидѣнью: обширное постельное крыльцо, словно маковое поле, пестритъ цвѣтною и золотною одеждою площадныхъ стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ московскихъ.

Эта пестрая и шумная толпа поминутно разступается и поклонами провожаетъ знатныхъ и близкихъ бояръ, которые черезъ постельное крыльцо проходятъ прямо въ царскую переднюю. Это уже великая честь, до которой стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ высоко, какъ до креста на колокольнѣ Ивана Великаго.

Но и передняя уже давно полна: кромѣ бояръ, въ ней толпятся, по праву, окольничіе, чтò удостоиваются великой чести быть иногда «около» самого государя, равно думные дворяне и думные дьяки.

Наконецъ, въ самой столовой избѣ, въ «комнатѣ»,—высшая знать московская, самые сановитые бородачи. Тутъ же и великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи. Онъ сидитъ въ переднемъ углу, на возвышеніи со ступенями. Подъ нимъ большое золоченое кресло. Столовая изба такъ и блеститъ золотомъ и серебромъ изящной, а чаще аляповатой московской работы: на одномъ окнѣ, на золотномъ бархатѣ, красуются рядомъ четверо серебряныхъ часовъ-курантовъ; у того же окна—серебряный стѣнной «шандалъ»; на другомъ окнѣ—большой серебряникъ съ лоханью, а по сторонамъ его—высокіе разсольники; на третьемъ окнѣ, на золотномъ бархатѣ—другой серебряный разсольникъ, да серебряная позолоченая бочка, «мѣрою въ ведро». На рундукѣ, противъ государева мѣста, и на ступеняхъ, постланы дорогіе персидскіе ковры; около столпа, упирающагося въ потолокъ столовой избы — поставецъ: на немъ ярко горятъ подъ лучами весенняго солнца всевозможные драгоцѣнные сосуды—золотые, серебряные, сердоликовые, яшмовые.

Едва царь усѣлся въ кресло, какъ на постельномъ крыльцѣ произошло небывалое смятеніе. Послышался смѣшанный говоръ, изъ котораго выдѣлялись отдѣльные голоса:

— Хохлы! хохлатые люди ѣдутъ!

— Это черкасы, гетмановы Ивана Брюховецкаго посланцы на отпускъ къ великому государю.

— Смотрите! смотрите! какй усищи!

— И головы бриты, словно у татаръ.

— Только у татаръ хохловъ нѣту, а эти съ хохлами.

Дѣйствительно, изъ-за каретъ и колымагъ, запружавшихъ дворцовую площадь, показалась небольшая группа всадниковъ. Это и были гетманскіе посланцы, всего пять человѣкъ. Ихъ сопровождалъ стрѣлецкій сотникъ, а почетную свиту ихъ составляли три взвода стрѣльцовъ отъ трехъ приказовъ, только безъ пищалей, какъ полагалось по придворному церемоніалу. Своеобразная, очень красивая одежда и вся внѣшность украинцевъ, столь рѣдкихъ въ то время гостей на Москвѣ, не могли не поражать москвичей. Высокія смушковыя шапки съ красными верхами, лихо заломанныя къ затылку и на бекрень; выпущенные изъ-подъ шапокъ, словно дѣвичьи косы, чубы-оселедцы, закинутые за ухо и спускавшіеся до плечъ; длинные, ниспадавшіе жгутами, черные усы; яркіе цвѣтные жупаны, отороченные золотыми позументами; такія же яркія, только другихъ, еще болѣе кричащихъ цвѣтовъ шаровары, пышныя и широкія какъ юбки и убранныя въ жолтые и красные сафьянные сапоги съ серебряными «острогами» и подковами,—все это невольно бросалось въ глаза, вызывало удивленіе москвичей.

Посланцы сошли съ коней и направились къ постельному крыльцу.

— Потѣснитесь малость, господа стольники и стряпчіе!—дайте дорогу посланцамъ его ясновельможности гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго и всего войска запорожскаго низоваго,—говорилъ стрѣлецкій сотникъ, проводя посланцовъ чрезъ постельное крыльцо.

— Добро пожаловать, дорогіе гости!—слышались привѣтствія среди толпившихся на крыльцѣ.

Посланцы вступили въ переднюю, а изъ нея введены были въ столовую избу предъ лицо государя. Ихъ встрѣтилъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ. Бояре, чинно сидѣвшіе въ избѣ и почтительно уставившіе брады свои и очи въ свѣтлыя очи «тишайшаго», такъ же чинно повернули брады свои и очи къ вошедшимъ. Полное, добродушное лицо царя и особенно глаза его освѣтились едва замѣтною привѣтливою улыбкой.

Посланцы низко поклонились и двумя пальцами правыхъ рукъ дотронулись до полу. Это они ударили челомъ великому государю, по этикету. Но всѣ молчали.

Тогда выступилъ Алмазъ Ивановъ и, оборотясь къ лицу государя, громко возгласилъ:

— Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель! Запорожскаго гетмана Ивана Брюховецкаго посланцы, Гарасимъ Яковлевъ съ товарищи, вамъ великому государю челомъ ударили и на вашемъ государскомъ жалованьѣ челомъ бьютъ.

Посланцы снова ударили челомъ.

— Гарасимъ! Павелъ!—снова возгласилъ дьякъ, обращаясь уже къ посланцамъ:—великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ васъ своимъ государскимъ жалованьемъ: тебѣ, Гарасиму—отласъ гладкой, камка, сукно лундышъ, два сорокà соболей да денегъ тридцать рублевъ.

Гарасимъ ударилъ челомъ на государскомъ жалованьѣ и поправилъ оселедецъ, который словно дѣвичья коса перевѣсился съ бритой головы на крутой лобъ запорожца.

— А тебѣ, Павлу,—продолжалъ дьякъ, обращаясь къ Павлу Абраменку, товарищу Гарасима,—тебѣ—отласъ, сукно лундышъ, сорокъ соболей да денегъ двадцать рублевъ.

И Абраменко ударилъ челомъ.

— А васъ, запорожскихъ казаковъ (это дьякъ говорилъ уже остальнымъ тремъ запорожцамъ, стоявшимъ позади посланцевъ) и твоихъ посланныхъ людей (это опять къ Гарасиму) царское величество жалуетъ своимъ государскимъ жалованьемъ отъ казны.

И остальные ударили челомъ.

Царь, сидѣвшій до этого времени неподвижно въ своемъ золотномъ одѣяніи, словно икона въ золотой ризѣ, повернулъ лицо къ Алмазу Иванову и тихо проговорилъ:

— Сказывай наше государское слово.

И дьякъ возгласилъ заранѣе приготовленную и одобренную царемъ и боярами рѣчь:

— Гарасимъ! Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, велѣлъ вамъ сказати: пріѣзжали есте къ намъ великому государю, къ нашему царскому величеству, по присылкѣ гетмана Ивана Брюховецкаго и всего войска запорожскаго съ листомъ. И мы великій государь тотъ листъ выслушали, и гетмана Ивана Брюховецкаго и все войско запорожское, за ихъ службу, что о нашей царскаго величества милости ищутъ, жалуемъ, милостиво похваляемъ, и пожаловавъ васъ нашимъ царскаго величества жалованьемъ, велѣли отпустить къ гетману и ко всему войску запорожскому. И посылаемъ съ вами къ гетману и ко всему войску запорожскому нашу царскаго величества грамоту. Да къ гетману жъ и ко всему войску запорожскому посылаемъ нашего царскаго величества ближнего стольника Родіона Матвѣевича Стрѣшнева да дьяка Мартемьяна Бредихина. И какъ вы будете у гетмана у Ивана Брюховецкаго и у всего войска запорожскаго, и вы ему гетману и всему войску запорожскому нашу царскаго величества милость и жалованье разскажите.

Проговоривъ это, Алмазъ Ивановъ, по знаку царя, приблизился къ «тишайшему» и взялъ изъ рукъ его грамоту, и тутъ же передалъ ее главному гетманскому посланцу, который, почтительно поцѣловавъ ее и печать на ней, бережно уложилъ въ свою объемистую шапку.

Затѣмъ дьякъ, опять-таки по знаку царя, обратился снова къ посламъ:

— Гарасимъ! Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ васъ, посланцевъ гетмана и всего войска запорожскаго, къ рукѣ.

«Гарасько—бугай», какъ его дразнили въ Запорожьѣ товарищи за его воловью шею и за такое же воловье здоровье, тихо, но грузно ступая по полу своими жолтыми сафьянными сапожищами съ серебряными острогами, приблизился къ ступенямъ, которыя вели къ государеву сидѣнью, осторожно поставилъ ногу на первую ступень, какъ бы боясь, что она не выдержитъ воловьяго груза, потомъ на вторую, и перегнувшись всѣмъ своимъ массивнымъ корпусомъ, бережно приложился къ бѣлой, пухлой, «якъ у матушки игуменьи» (подумалъ онъ про себя), выхоленной царской рукѣ, словно къ плащаницѣ. За нимъ приложились и остальные посланцы.

Только послѣдній изъ нихъ, Михайло Брейко, поцѣловавъ царскую руку и почтительно пятясь назадъ, оступился на ступенькѣ и грузно повалился на полъ у подножія государскаго сидѣнья.

— Оце лихо! николи съ коня не падавъ, а тутъ, бачъ, упавъ!— невольно вырвалось у него.

Наивность запорожца разсмѣшила «тишайшаго», а за нимъ разсмѣялась и вся столовая изба.

Молодецъ, однако, скоро оправился и сталъ на свое мѣсто, а дьякъ Алмазъ снова выступилъ съ отпускной рѣчью.

— Гарасимъ!—возгласилъ онъ:—Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ васъ своимъ государскимъ жалованьемъ—въ стола мѣсто кормъ.

Посланцы въ послѣдній разъ ударили челомъ на государевѣ жалованьѣ—на корму—и удалились.

— Какіе молодцы! — весело сказалъ Алексѣй Михайловичъ, когда за казаками затворилась дверь:—съ такимъ народомъ любо жить въ братской пріязни и любительствѣ.

Въ это время изъ-за широкихъ боярскихъ спинъ, съ задней скамьи, поднимается стройный молодой человѣкъ и выступаетъ на середину избы. Одежда на немъ была богатая, изысканная, какую носила тогдашняя золотая молодежь. Изъ-подъ кафтана темномалиноваго бархата ярко выдѣлялся зипунъ изъ бѣлаго атласа съ рукавами изъ серебряной объяри; къ вороту зипуна пристегнута была высокая, шитая, разукрашенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями «обнизь»—родъ стоячаго воротника. Кафтанъ, скорѣе—кафтанецъ, на немъ былъ такой же щегольской: запястья у рукавовъ кафтанца были вышиты золотомъ, по которому сверкали крупныя зерна жемчуга, а разрѣзъ спереди кафтанца и подолъ оторочены были золотною узкою тесьмою съ серебрянымъ кружевомъ; шелковые шнуры съ кистями и массивныя пуговицы съ изумрудами дѣлали кафтанецъ еще нараднѣе.

При видѣ нараднаго молодого человѣка Алексѣй Михайловичъ привѣтливо улыбнулся. Тотъ йстово ударилъ челомъ—побожески: поклонился до земли и коснулся лбомъ пола.

— А—это ты, Иванъ Воинъ,—привѣтствовалъ его государь.

Молодой человѣкъ поднялся съ полу и откинулъ назадъ курчавые волосы. Лицо его рдѣло отъ смущенія, хотя онъ и отвѣтилъ улыбкой на улыбку царя.

— На отпускъ пришелъ?—спросилъ послѣдній.

— На отпускъ, великій государь,—былъ отвѣтъ.

Алексѣй Михайловичъ обратился къ Алмазу Иванову.

— Все готово къ отъѣзду?

— Все, государь,—отвѣчалъ дьякъ,—все въ посольскомъ приказѣ.

— И грамоты къ посламъ, и наша царская казна?

— Все, великій государь, какъ ты указалъ и бояре приговорили.

— Хорошо.—Поѣзжайте же (Алексѣй Михайловичъ обратился къ молодому человѣку)—поѣзжай съ Богомъ, да кланяйся отъ меня отцу.—Простись со мной—и ступай съ Богомъ.

Молодой человѣкъ поднялся къ царскому сидѣнью и горячо поцѣловалъ государеву руку. Алексѣй Михайловичъ поцѣловалъ его въ голову какъ родного сына.

— Учись у отца служить намъ великому государю,—сказалъ онъ въ заключеніе.

Молодой человѣкъ вышелъ изъ столовой избы весь взволнованный.

II.

А соловей-то заливается!..

Вечеромъ того же дня, съ котораго началось наше повѣствованіе, по одному изъ глухихъ проулковъ, выходившихъ къ Арбату, осторожно пробиралась закутанная въ темный охабень высокая фигура мужчины. Легкая соболевая шапочка такъ была низко надвинута къ самымъ бровямъ, и воротъ охабня такъ поднятъ и съ затылка и выше подбородка, что лицо незнакомца трудно было разглядѣть. По всему видно было, что онъ старался быть незамѣченнымъ и неузнаннымъ. По временамъ, онъ осторожно оглядывался—не видать ли кого-либо сзади. Но переулокъ, скорѣе проулокъ, былъ слишкомъ глухъ, чтобъ по немъ часто могли попадаться пѣшеходы, особливо же въ такой поздній часъ, когда Москва собиралась спать или уже спала.

Но сѣверныя весеннія ночи—предательскія ночи.—Онѣ не для тайныхъ похожденій: ни для воровъ, ни для влюбленныхъ. Впрочемъ, глядя на нашего незнакомца, смѣло можно было сказать, что это не воръ, а скорѣе—политическій заговорщикъ или влюбленный.

По обѣимъ сторонамъ проулка, по которому пробирался таинственный незнакомецъ, тянулись высокіе каменные заборы, съ прорѣзами на верху, оканчивавшіеся у Арбата и загибавшіеся одинъ вправо, другой влѣво. И тотъ и другой заборъ составляли ограды двухъ боярскихъ домовъ, выходившихъ на Арбатъ. При обоихъ домахъ имѣлись тѣнистые сады, поросшіе липами, кленами, березами и высокими рябинами, только на дняхъ начавшими покрываться молодою яркою листвой. Изъ-за высокой ограды сада, тя-

нувшагося съ правой стороны, по которой пробирался ночной гость, неслись переливчатыя трели соловья. Незнакомецъ вдругъ остановился и сталъ прислушиваться. Но не трели соловья заставили его остановиться: до его слуха донесся черезъ ограду тихій серебристый женскій смѣхъ.

— Это она,—беззвучно прошепталъ незнакомецъ,—видно, что ничего не знаетъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и очутился у едва замѣтной калитки, продѣланной въ оградѣ праваго сада. Онъ еще разъ остановился и прислушался. Изъ-за ограды слышно было два голоса.

— Только съ мамушкой... Господи благослови!

Тихо, тихо щелкнулъ ключъ въ замочной скважинѣ, и калитка беззвучно отворилась, а потомъ такъ же беззвучно закрылась. Незнакомецъ исчезъ.—Онъ былъ уже въ боярскомъ саду.

Русскія женщины, особенно же жены и дочери бояръ XVI и XVII вѣка, жили затворницами. Онѣ знали только теремъ да церковь. Ни жизни, ни людей они не знали. Но люди—вездѣ и всегда люди, подчиненные законамъ природы. А природа вложила въ нихъ врожденное, роковое чувство любви. Любили люди и въ XVII-мъ вѣкѣ, какъ они любятъ въ XIX-мъ и будутъ любить въ XX-мъ и даже въ двухсотомъ столѣтіи. А любовь—это божественное чувство—всемогуща: передъ нею безсильны и уединенные терема, и «свейскіе зàмки», считавшіеся тогда самыми крѣпкими, и высокія каменныя ограды, и даже—монастырскія стѣны!

А если люди любятъ—а любовь божественная тайна,—то они и видятся тайно, находятъ возможность свиданій, не смотря ни на какія грозныя препятствія.

Не даромъ юная Ксенія Годунова, заключенная въ царскомъ терему и ожидавшая постриженія въ черницы, плакалась на свою горькую долю:

«И не мнѣ постритчися не хочется,
«Чернеческаго чина не здержати,
«Отворити будетъ темна келья—
«На добрыхъ молодцовъ посмотрити»...

Хоть посмотрѣть только!—да не изъ терема даже, а изъ монастырской кельи...

— Воинушко! свѣтъ очей моихъ!—тихо вскрикнула дѣвушка, когда, сбросивъ съ себя охабень и шапку, передъ нею словно изъ земли выросъ тотъ статный молодой человѣкъ, котораго утромъ мы видѣли въ столовой избѣ и котораго царь Алексѣй Михайловичъ назвалъ Иваномъ Воиномъ.

Дѣвушка рванулась къ нему. Это было еще очень юное существо, лѣтъ шестнадцати—не болѣе. На ней была тонкая бѣлая сорочка съ запястьями, вышитыми золотомъ, и унизанными круп-

нымъ жемчугомъ. Сорочка виднѣлась изъ-за розоваго атласнаго лѣтника съ широкими рукавами—«накапками», тоже вышитыми золотомъ съ жемчугами.

— Вотъ не ждала—не гадала...

Пришедшій молчалъ. Онъ какъ-будто боялся даже заговорить съ дѣвушкой, и потому обратился прежде къ старушкѣ-мамушкѣ, вставшей со скамьи при его появленіи.

— Здравствуй, мамушка,—тихо сказалъ онъ.

— Здравствуй, соколъ ясный! Чтò давно очей не казалъ?

Пришедшій подошелъ къ дѣвушкѣ. Та потянулась къ нему и, положивъ маленькія ручки ему на плечи, съ любовью и лаской посмотрѣла въ глаза.

— Что съ тобою, милый?—съ тревогой спросила она.

— Я пришелъ проститься съ тобой, солнышко мое!—отвѣчалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Кàкъ проститься?—для чево?—испуганно заговорила дѣвушка, отступая отъ него.

— Меня государь посылаетъ къ батюшкѣ и къ войску,—отвѣчалъ тотъ.

Дѣвушка, какъ подкошенная, молча опустилась на скамью. Съ розовыхъ щочекъ ея медленно сбѣгалъ румянецъ. Она безпомощно опустила руки словно плети.

Теперь она глядѣла совсѣмъ ребенкомъ. Голубые ея съ длиннымъ разрѣзомъ глаза, слишкомъ большіе для взрослой дѣвушки, смотрѣли совсѣмъ подѣтски, а поблѣднѣвшія отъ печали губки также подѣтски сложились, собираясь повидимому плакать вмѣстѣ съ глазами.

— Для тово я такъ давно и не былъ у тебя,—пояснилъ пришедшій,—таково много было дѣла въ посольскомъ приказѣ.

Дѣвушка продолжала молчàть. Губы ея все болѣе и болѣе вздрагивали. Пришедшій приблизился къ ней и взялъ ея руки въ свои. Руки дѣвушки были холодны.

— Наташа!—съ любовью и тоской прошепталъ пришедшій.

Дѣвушка заплакала, и, высвободивъ свои руки изъ его рукъ, закрыла ими лицо.

— Наташа!—продолжалъ онъ съ глубокой нѣжностью,—если ты любишь меня...

При этихъ словахъ дѣвушка быстро встала, какъ ужаленная...

— А ты этого не зналъ?—глухо спросила она, вся оскорбленная въ своемъ чувствѣ этимъ «если».

— Прости, радость моя!—мое сердце кровью исходитъ, умъ мутится,—быстро заговорилъ пришедшій,—силъ моихъ нѣту оторваться отъ тебя... Коли ты любишь, ты все сдѣлаешь.

Дѣвушка вопросительно посмотрѣла на него. Но онъ повидимому не рѣшался продолжать и стоялъ, потупивъ голову, словно

бы прислушиваясь къ соловью, который изливалъ свою безумную любовь въ страстныхъ треляхъ любовной мелодіи.

— Наташа! обвѣнчаемся нынѣ же, сейчасъ!—и поѣдемъ вмѣстѣ къ батюшкѣ!—вырвалось у него признаніе, какъ порывъ отчаянья.

Дѣвушка, казалось, не поняла его сразу. Только глаза ея разширились.

— Я уже и священника знакомаго условилъ,—продолжалъ пришедшій,—я уже совершенъ возростомъ—могу дѣлать, что Богъ на душу положитъ; а мнѣ Богъ тебя далъ, сокровище безцѣнное! Мы обвѣнчаемся и поѣдемъ къ батюшкѣ—онъ благословитъ насъ: онъ знаетъ тебя.

Безумная радость блеснула въ прекрасныхъ глазахъ дѣвушки, но только—на мгновенье. Русая головка ея, отягченная огромною пепельнаго цвѣта косою, опять безпомощно опустилась на грудь.

— А мой батюшка?—съ тихимъ отчаяньемъ прошептала она,—какъ же безъ батюшкова благословенья?

— Твой батюшка опосля благословитъ насъ.

Дѣвушка отрицательно покачала головой.

— Бѣжать отай изъ дому родительскаго... отай вѣнчаться безъ батюшкова—безъ матушкова благословенья... да такова грѣха не бывывало, какъ и свѣтъ стоитъ,—говорила она словно во снѣ.

Молодой человѣкъ опять взялъ ея холодныя руки.

— Не говори такъ, Наташа.—Вонъ въ Польскомъ государствѣ—сказывалъ мнѣ мой учитель, изъ польской шляхты—въ ихнемъ государствѣ молодыя боярышни всегда такъ дѣлаютъ: отай повѣнчаются, а послѣ вѣнца—прямо къ родителямъ: повинную голову и мечь не сѣчетъ. Ну—назадъ не перевѣнчаешь—и прощаютъ, и благословляютъ.—Такъ водится и за моремъ, у всѣхъ иноземныхъ людей.

Дѣвушка грустно качала головой.

— Али я бусурманка?—али я поганая еретичка?—тихо шептала она:—бѣглянка—соромъ-отъ, соромъ-отъ какой!—Какъ же потомъ добрымъ людямъ на глаза показаться?—Да за это косу урѣзать мало—такого сорому и грѣха и чернеческая ряса не покроетъ.

— Наталья! не говори такъ!—недовольнымъ голосомъ перебилъ ее молодой человѣкъ:—это все московскія забобоны—это тебѣ наплели старухи да потаскуши-странницы.—Мы не грѣхъ учинимъ, а пойдемъ въ храмъ Божій, къ отцу духовному: коли онъ согласенъ обвѣнчать насъ—какой же тутъ грѣхъ и соромъ?.. А коли и грѣхъ-то, на его душѣ грѣхъ, не на нашей.—Ты говоришь—соромъ!—соромъ любить! коли самъ Спаситель сказалъ: любите другъ друга, любитесь! Коли соромъ то, что мы съ тобою любилися—въ этомъ саду, аки въ раю, сердцемъ радовалися! Ахъ, Наташа, Наташа!—ты не любишь меня...

Дѣвушка такъ и повисла у него на шеѣ.

— Милый мой! Воинъ мой! свѣтъ очей моихъ!—я ли не люблю тебя!

— Такъ идешь со мной?

— Хоть на край свѣта!

— Наташа! идемъ же...

— Куда, милый?—не помня себя, спохватилась дѣвушка.

— Въ церковь, къ вѣнцу.

— Къ вѣнцу!—Дѣвушка опомнилась.—Безъ батюшкова благословенья?

— Да, да! нонѣ же, сейчасъ, со мной, съ мамушкой!

— Нѣтъ! нѣтъ!—И дѣвушка въ изнеможеніи упала на скамейку.

Молодой человѣкъ обѣими руками схватился за голову, не зная, на что̀ рѣшиться.

А соловей все заливался въ сосѣднихъ кустахъ. Пѣсня его, счастливая, беззаботная, рвала, казалось, на части сердца влюбленныхъ. Мамушка сладко спала на ближайшей скамьѣ, свѣсивъ на бокъ сѣдую голову.

— Наташа! ласточка моя!—снова заговорилъ молодой человѣкъ, нагибаясь къ дѣвушкѣ и кладя руки на плечи ей:—Наташечка!

— Что̀, милый?—какъ бы во снѣ спросила она.

— Всемогущимъ Богомъ заклинаю тебя!—святою памятью твоей матери молю тебя!—будь моею женой—моимъ спа̀сеньемъ.

— Буду, милый мой, суженый мой!

— Такъ идемъ же—разбудимъ мамушку.

— Нѣтъ! нѣтъ!—не тяни моей душеньки!—Охъ, и безъ того тяжко... Владычица! сжалься!

— Такъ нейдешь?

— Милый! суженый!—оохъ!

— Послѣднее слово?—ты гонишь меня на прощанье?

— Воинушко! родной мой!—не уходи!

Дѣвушка встала и протянула къ нему руки. Но онъ уклонился съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ.

— О! проклятая Москва!—ты все отняла у меня... Прощай же, Наталья, княженецка дочь!—словно бы прошипѣлъ онъ:—не видать тебѣ больше меня!—прощай!—жди другого суженаго!

И схвативъ охабень и шапку, онъ юркнулъ въ калитку и исчезъ за высокой оградой.

Дѣвушка протянула было къ нему руки—и упала на̀-земь какъ подрѣзанный косою полевой цвѣтокъ.

А соловей-то заливается!..

III.

Батюшка и сынокъ.

Молодой человѣкъ, собиравшійся похитить дѣвушку изъ родительскаго дома и такъ презрительно отзывавшійся о московскихъ обычаяхъ, былъ сынъ извѣстнаго въ то время царскаго любимца Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина, по имени Воинъ.

Воинъ представлялъ собою только-что нарождавшійся тогда въ московской Руси типъ западника. До нѣкоторой степени западникомъ былъ уже и отецъ его, любимецъ царя, Аѳанасій.

За нѣсколько времени до того, Нащокинъ посланъ былъ на воеводство въ Псковъ, въ его родной городъ. А по тогдашнимъ обычаямъ московскимъ, воеводство—это было въ буквальномъ смыслѣ «кормленіе»: такого-то послали воеводою туда-то «на кормленіе», другого—въ другой городъ, третьяго—въ третій, и все это—«на кормленіе»: и вотъ для воеводы дѣлаются всевозможные поборы, и хлѣбомъ, и деньгами, и рыбою, и дичью; даже пироги и калачи сносились и свозились на воеводскій дворъ горами.

Нащокинъ первый возсталъ противъ этихъ «приносовъ» и «привозовъ». По тому времени это уже было «новшество», нѣчто даже богопротивное съ точки зрѣнія подъячихъ и истинно-русскихъ людей.

Мало того, Нащокинъ перевернулъ въ Псковѣ вверхъ дномъ весь строй общественнаго управленія, урѣзавъ даже свою собственную, почти неограниченную, воеводскую власть.

Ему жаль было своего родного города, когда-то богатаго и могущественнаго, гордаго союзника и соперника «Господина Великаго Новгорода». Какъ пограничный городъ, стоявшій на рубежѣ двухъ сосѣднихъ государствъ — Швеціи и Польши, Псковъ еще недавно богатѣлъ отъ заграничной торговли съ этими обоими государствами. Войны послѣднихъ лѣтъ почти убили эту торговлю. Между тѣмъ вся экономическая жизнь города и его области сосредоточилась въ рукахъ кулаковъ, богатыхъ «мужиковъ-горлановъ», положительно не дававшихъ дышать остальному населенію страны.

— Я не хочу только кормиться отъ моей родины,—я самъ хочу ее кормить! — говорилъ новый воевода въ съѣзжей избѣ во всеуслышаніе.

— Какъ же ты ее, батюшка воевода, кормить станешь?—лукаво спрашивали «мужики-горланы».

— А вотъ какъ, госпо̀да старички: съ примѣру сторонныхъ, чужихъ земель...

— Это съ заморщины-то, отъ нехристей?—ухмылялись въ бороды лукавые старички.

— Съ заморщины и есть: за моремъ есть чему поучиться. Такъ вотъ я и помышляю въ разумѣ, что какъ во всѣхъ государствахъ славны тѣ только торги, которые безъ пошлины учинены, то и для Пскова̀-города я учиню такожде: быть во Псковѣ-городѣ безпошлинному торгу разъ съ Богоявленія по день преподобнаго Евѳимія Великаго, сирѣчь по 20-е число мѣсяца януарія; другой разъ — съ вешняго Николы по день мученика Михаила Исповѣдника.

— Такъ, батюшка воевода, такъ! Да какая же намъ-отъ съ той безпошлины корысть будетъ?—да и казнѣ-матушкѣ?—лукаво спрашивали горланы-мужики, по нынѣшнему консерваторы.

— А вотъ какая корысть!—то, что̀ вы нонѣ, стакавшись промежъ себя, продаете въ три-дорога молодшимъ и чорнымъ людямъ и рольникамъ, то у иноземныхъ гостей они купятъ за полцѣны.

— Что жъ, батюшка воевода, — это корысть токмо подлымъ людишкамъ, смердьему роду, а казнѣ-ту-матушкѣ пошлинная деньга плакала,—твердили свое старыя лисицы.

— И казну не обойду,—отражалъ ихъ доводы ловкій воевода.— Нонѣ, вѣдомо вамъ буди, по всей матушкѣ Русіи торговые люди плачутся на иноземныхъ гостей: гости-де, стакавшись промежъ себя, какъ и вы вотъ, мошной своей—а у нихъ мошна не вашей чета!—мошной своей всѣхъ нашихъ торговыхъ людей задавили. Вы сами не лѣвой ногой сморкаетесь...

— Хе-хе-хе!—отвѣчали на шутку воеводы старики, — шутникъ ты!

— Нѣтъ, я не шучу; а вы сами вѣдаете, что̀ иноземные гости, чтобы проносить ложку съ русской кашей помимо вашихъ ртовъ, стакались съ вашимъ же братомъ, которые побѣднѣе, задаютъ имъ деньги впередъ, на вѣру, а то и по записи, и на эти-то деньги вашъ братъ, который побѣднѣе, и скупаетъ на торгахъ, и по пригородамъ, и по селамъ товаръ малою цѣною — и все это имъ же, толстосумымъ гостямъ. Вотъ отъ такого-то неудержанія русскіе люди на иноземцевъ, на ихъ корысть, торгуютъ ради скуднаго прокормленія и оттого въ послѣднюю скудость приходятъ, а которые псковичи и свои животы имѣли, то и они отъ своихъ же сговорщиковъ съ нѣмцами для низкой цѣны товаровъ — также оскудѣли.

— Правда, истинная правда, бояринъ,—соглашались старички и удивлялись:—и откуда это ты, бояринъ, въ нашемъ торговомъ дѣлѣ таково сталъ дотошенъ?

— Откуда?—Я не изъ княжаго роду, не изъ богатыхъ бояръ: знавалъ и я, почемъ ковшъ лиха, да и нонѣ цѣны тому ковшу не забылъ.

— Такъ-такъ... Да какъ же ты, бояринъ, этого ковша изведешь,—чтобы насъ то-есть нѣмцы не заѣдали?

— А вотъ какъ: чтобъ не было такого тайнаго сговора съ нѣмцами, чтобъ маломочные псковичи не брали у нихъ въ подрядъ денегъ и не роняли цѣны русскимъ товарамъ, вы, старички и молодчіе, лутчіе торговые люди, распишите сами, по свойству и по знакомству, во Псковѣ-городѣ и по пригородамъ, всѣхъ маломочныхъ людей, распишите ихъ по себѣ, и вѣдайте ихъ торговлю и промысли, а во мѣсто того, что они брали деньги у нѣмцевъ и на нихъ работали, на ихъ колеси воду лили,—будемъ давать имъ ссуду изъ земской избы. Когда такимъ изворотомъ маломочные люди на земскія деньги накупятъ товару, то пущай везутъ его во Псковъ, къ примѣру, въ декабрѣ мѣсяцѣ, сдаютъ товаръ въ земскую избу, въ амбары, гдѣ и записываются всѣ подвозы въ книги, а вы, лутчіе люди, должны принимать тотъ товаръ каждый у своего, кто за кѣмъ записанъ и давать имъ цѣну съ наддачею для прокормленія, и чтобы съ маю мѣсяцу они накупали новыхъ товаровъ—къ самому никольскому торгу; послѣ же торгу вы, лутчіе люди, продавши товары сваломъ иноземцамъ, должны заплатить маломочнымъ людямъ ту цѣну, по какой сами продали.

— Ну, и дóка же нашъ воевода,—твердили послѣ этого псковичи.

Но Нащокинъ въ своихъ преобразованіяхъ пошелъ еще дальше, урѣзавъ свою собственную власть, и опять-таки по образу западному—«съ примѣру сторонныхъ, чужихъ земель».

Собравши въ земской избѣ всѣхъ «лутчихъ людей» Пскова, онъ держалъ къ нимъ такую рѣчь:

— Господа псковичи, лутчіе люди! увѣрились ли вы, что я хочу добра Пскову-городу?

— Увѣрились! увѣрились!—послышались голоса:—въ торговомъ дѣлѣ ты уже утеръ носа нѣмцамъ.

— Спасибо! такъ сотворите теперь сами доброе дѣло Пскову-городу и пригородамъ. Доселѣ воевода судилъ васъ во всѣхъ дѣлахъ и обидахъ; но воевода не всевѣдущъ; вы свои дѣла и обиды лучше знаете. Такъ выберите изъ себя пятнадцать человѣкъ добрыхъ людей на три года, чтобы изъ нихъ каждый годъ сидѣло въ земской избѣ по пяти человѣкъ. Эти пятеро выборныхъ должны судить посадскихъ людей во всѣхъ торговыхъ и обидныхъ дѣлахъ, а ко мнѣ, къ воеводѣ, отводить толко въ измѣнѣ, разбоѣ и душегубствѣ. Ежели же случится тяжба между дворяниномъ и посадскимъ, то судить дворянину—кто будетъ у судныхъ дѣлъ—съ выборными посадскими людьми. Пошлины же съ судныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ пятью выборными, держать въ земской избѣ для градскихъ расходовъ.—Люба ли вамъ моя рѣчь?—закончилъ воевода.

— Люба-то, люба,—только дай намъ малость подумать,—былъ отвѣтъ.

— Думайте, думайте.

За этими думами Псковъ раздѣлился на двѣ партіи: меньшіе люди всѣ примкнули къ «новшеству» Нащокина, «лутчіе»—уперлись на старинѣ, что̀ для нихъ было выгоднѣе.

Такъ и въ иномъ другомъ Нащокинъ шелъ нѣсколько впереди своего вѣка. За это его и не любили старые бояре и подъячіе.

Оттого, когда сегодня утромъ молодой Нащокинъ, Воинъ, шелъ изъ столовой избы черезъ переднюю, его провожало злобное шипѣнье приверженцевъ старины:

— Вонъ—изъ молодыхъ да ранній!—весь въ батюшку.

— А что̀ батюшка!—отъ него старымъ людямъ житья нѣтъ: все бранится, всѣхъ укоряетъ—все, по его, дѣлается не хорошо—толкуетъ о новыхъ порядкахъ, что̀ въ чужихъ земляхъ!

— Знамо!—А каки-таки эти порядки?—Что̀ онъ завелъ во Псковѣ? Пріѣдетъ воевода въ городъ, а ему тамъ и дѣлать нечего, всѣмъ владѣютъ мужики!

— Да что̀ жъ будешь дѣлать!—Великій государь его жалуетъ: грамоты шлетъ ему прямо изъ приказа тайныхъ дѣлъ, и онъ, Аѳонька, пишетъ туда же. Ужъ коли заведенъ приказъ тайныхъ дѣлъ, такъ всякому бы можно писать великому государю, что̀ хочетъ, обносить кого хочетъ—никто не свѣдаетъ.

— И чему дивиться! былъ бы изъ честнаго стараго роду, а то откуда взять?

— Умный человѣкъ!—ядовито замѣчаетъ кто-то.

— Умный!—Никто у него ума не отнимаетъ,—да какъ будто всѣ другіе глупы?

— Ну, а сынокъ, поди, шагнетъ еще выше! вонъ и сейчасъ у великаго государя у ручки былъ.

Дѣйствительно, сынокъ пошелъ дальше отца, только нѣсколько въ другомъ родѣ.

Во многомъ приверженецъ Запада и его общественныхъ порядковъ, Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, проникнутый благоговѣніемъ къ европейскому образованію, пожелалъ и сыну своему, Воинькѣ, дать по возможности отвѣдать этого роскошнаго плода. Но какія были средства для этого въ тогдашней московской Руси?—Ни университетовъ, которыми давно гордилась Европа, ни высшихъ, даже среднихъ образовательныхъ училищъ, ни даже учителей—ничего этого не было на Руси. Даже для царскихъ дѣтей приходилось брать учителей изъ Малороссіи. Но Малороссію Ординъ-Нащокинъ не любилъ. Онъ былъ приверженецъ монархическихъ порядковъ. Не будучи самъ знатнаго рода, онъ душою льнулъ къ древней родовитости, къ аристократизму. Онъ презрительно отзывался даже о Голландіи и ея республиканскомъ управленіи.

— Голанцы—это наши псковскіе и новгородскіе мужики-вѣчники, тѣ же горланы!—отвѣчалъ онъ Алексѣю Михайловичу, когда тотъ желалъ знать его мнѣніе о союзѣ французскаго и датскаго королей съ голландцами противъ Англіи.

Понятно, что онъ не долюбливалъ и Малороссію съ ея выборнымъ началомъ.

— Эти хохлатые люди еще почище нашихъ вѣчевыхъ горлановъ!—говорилъ онъ о запорожскихъ казакахъ,—они своихъ кошевыхъ атамановъ и гетмановъ кіями бьютъ, словно своихъ воловъ.

Зато сердце его лежало къ полякамъ—къ аристократической націи по преимуществу.

И вотъ изъ поляковъ, попавшихъ къ русскимъ въ плѣнъ, Ординъ-Нащокинъ выбралъ учителей для своего балованнаго сына Воина. Не удивительно, что, вмѣстѣ съ мечтательной любовью къ Западу, учителя эти посѣяли въ сердцѣ своего пылкаго и впечатлительнаго ученика презрѣніе къ Москвѣ, къ ея обычаямъ и порядкамъ, даже къ ея вѣрованіямъ. Все московское было для него или смѣшно, или противно.

Подъ вліяніемъ западно-европейскихъ возрѣній на жизнь онъ рѣшился на самый отчаянный по тому времени шагъ—похитить любимую имъ дѣвушку. Однако, всѣ усилія его разбились въ прахъ объ унаслѣдованное московской боярышней отъ матерей и бабушекъ понятіе о женской чести и стыдливости. Ни любовь, ни страхъ вѣчной разлуки, ни страданія оскорбленнаго чувства—ничто не могло заставить дѣвушку переступить роковую грань обычая. Она не перенесла страшнаго момента разлуки—и потеря сознанія облегчила на нѣсколько минутъ ея муки, ея ужасное горе—первое послѣ потери матери великое горе въ ея молодой жизни.

Когда она пришла въ себя, то увидѣла склонившееся надъ нею, ужасомъ искаженное, лицо мамушки.

— Гдѣ онъ? чтò съ нимъ?—были первыя ея слова.

— Не знаю, дитятко,—словно онъ сквозь землю провалился.—А чтò съ тобой, мое золото червонное!

— Я ничего не помню, мамушка: только онъ сказалъ, что мы больше съ нимъ не увидимся.

— Ахъ онъ злодѣй!—да какъ же это такъ?—встревожилась старушка:—чтò тутъ у васъ вышло? чѣмъ онъ тебя обидѣлъ, ласточка моя?

— Онъ ничѣмъ меня не обидѣлъ: онъ только сказалъ, что намъ больше не видаться на семъ свѣтѣ.

— Владычица!—всплеснула руками старушка:—да что съ нимъ, съ окаяннымъ, подѣялось?

Дѣвушка молчала. Даже старой мамкѣ своей она не могла выдать того, что она считала святою великою тайной.

А соловей все заливался...

IV.

Таинственное исчезновеніе молодого Ордина-Нащокина.

Прошло недѣли двѣ послѣ 5-го мая, и по Москвѣ, среди бояръ и придворныхъ, разнеслась вѣсть, что молодой Ординъ-Нащокинъ, Воинъ, пропалъ безъ вѣсти.

Стало также извѣстно, что царь лично отправилъ его съ важными бумагами и большою суммою денегъ къ отцу, который вмѣстѣ съ другими боярами, съ князьями Долгорукими и Одоевскимъ, находился на польскомъ рубежѣ для переговоровъ съ польскими послами о мирѣ.

Одни говорили, что молодой Нащокинъ кѣмъ-либо на дорогѣ былъ убитъ и ограбленъ. Враги же Нащокиныхъ распускали слухъ, что Воинъ, прельстясь деньгами, которыя были ему довѣрены царемъ, и будучи ученикомъ коварныхъ польскихъ панковъ, съ царскими денежками и съ важными бумагами улизнулъ за рубежъ и тамъ протираетъ глаза этимъ денежкамъ.

Извѣстіе объ исчезновеніи молодого Нащокина, естественно, очень смутило Алексѣя Михайловича, и онъ тоже началъ думать, что молодой человѣкъ былъ увлеченъ въ сѣти злоумышленниками и погибъ безвременно. Онъ даже упрекалъ себя въ томъ, что далъ серьезное порученіе такому неопытному юношѣ и ему же довѣрилъ значительную сумму денегъ. Алексѣй Михайловичъ тотчасъ приказалъ отправить гонцовъ во всѣ концы; но все напрасно: молодой человѣкъ словно въ воду канулъ.

Какъ громомъ поразила эта вѣсть дѣвушку, съ которою онъ видѣлся наканунѣ своего отъѣзда изъ Москвы. Она винила себя въ гибели своего возлюбленнаго. Точно окаменѣлая бродила она по переходамъ своего терема и по саду, гдѣ видѣла его въ послѣдній разъ и гдѣ, казалось, на дорожкѣ, ведущей отъ скамейки къ калиткѣ, оставались еще слѣды его ногъ. Какъ безумная припадала она къ этимъ кажущимся слѣдамъ и все звала своего милаго. Она глухо кляла теперь свой напрасный страхъ, свою нерѣшительность. Что̀ для нея людскіе толки и пересуды, если бъ около нея былъ ея суженый? Тогда она боялась идти съ нимъ подъ вѣнецъ; а теперь съ нимъ охотно бы пошла на плаху.—Зачѣмъ же ей теперь жить?—для кого?—Вѣдь только для него свѣтило это солнце, для него синѣлъ этотъ сводъ неба, для него раздавались эти трели соловья.—А соловей пѣлъ и тогда, въ тотъ чудный и ужасный вечеръ, когда она, безумная, оттолкнула его отъ себя.

Она не могла даже плакать, не могла молиться. По цѣлымъ часамъ она сидѣла на той скамейкѣ, на его мѣстѣ, неподвижная, холодная.

Старая мамушка насильно увела ее изъ саду и уложила въ постель. Къ вечеру дѣвушка вся разгорѣлась, а ночью бредила, говорила безсвязныя слова, или вздрагивала, прислушиваясь къ трелямъ соловья.

Больше недѣли оставалась она такимъ образомъ между жизнью и смертью. По ней служили молебны, кропили ее крещенскою водою; къ ней приносили изъ церквей чудотворныя иконы, приводили знахарокъ со всей Москвы.—Все напрасно!

Страшно поразило отца исчезновеніе любимаго сына. Онъ также думалъ, что его Воинъ погибъ отъ руки злоумышленниковъ. Въ нѣсколько дней онъ осунулся, постарѣлъ. Переговоры его съ польскими послами о мирѣ шли вяло—онъ, казалось, утратилъ сразу и умъ, и энергію, и находчивость, и даръ слова, которому прежде всѣ завидовали.

Между тѣмъ розыски пропавшаго безъ вѣсти производились самымъ тщательнымъ образомъ. Изслѣдованъ былъ весь путь отъ Москвы вплоть до польскаго рубежа, до того мѣстечка надъ рѣкою Городнею, гдѣ отецъ пропавшаго, Аѳанасій Ординъ-Нащокинъ, и другіе русскіе послы вели переговоры съ польскими комиссарами о мирѣ. Разспрашивали въ каждомъ попутномъ селѣ, въ каждой деревенькѣ, по кабакамъ и корчмамъ—не проѣзжалъ ли въ такіе-то и такіе дни такой-то, на такой-то лошади, съ такими-то примѣтами. И почти вездѣ отвѣчали, что видѣли такого-то, проѣзжалъ-де, а кто такой—того не вѣдаютъ. И вдругъ слѣдъ его пропалъ какъ-разъ у рубежа, въ пограничномъ лѣсу, гдѣ змѣились три расходившіяся въ разныя мѣста дорожки. Тутъ онъ исчезъ безслѣдно. За рубежомъ, на польской землѣ, его уже не видали.

Ка̀къ и чѣмъ объяснить это таинственное исчезновеніе?—Всѣ теряли головы и никто не могъ ничего придумать.

Несчастный отецъ остановился на одной ужасной мысли: сына его убили.

Но гдѣ убійцы?—кто?—для чего?—для грабежа?—Но кто зналъ, что у него деньги?—Вѣдь гонцы часто ѣздили и изъ Москвы, и въ Москву,—и ни одинъ не пропалъ.—Пропалъ его единственный сынъ, гордость и утѣха его старости, его надежды!

Онъ убитъ—и Аѳанасій знаетъ, кто его убійца. Враги отца, завистники—они наложили злодѣйскую руку на его сына. Они видѣли, какъ 5-го мая великій государь жаловалъ его къ рукѣ. Они знали, куда онъ ѣдетъ и съ какими порученіями. Съ нимъ были бумаги изъ ненавистнаго имъ приказа тайныхъ дѣлъ. Надо захватить эти бумаги и отмстить высокомѣрному отцу въ его единственномъ сынѣ.

Они подослали убійцъ къ невинной жертвѣ. За нимъ слѣдили по пятамъ до самаго рубежа, и въ послѣднюю ночь, въ этомъ порубежномъ лѣсу—убили, зарѣзали!

Но гдѣ же трупъ несчастнаго?—Трупъ зарыли или бросили въ Городню съ камнемъ на шеѣ.

— «Это тебѣ, Аѳанасій, за твою гордыню, за царскія милости, за приказъ тайныхъ дѣлъ!»

Вотъ что теперь они говорятъ промежъ себя, усмѣхаясь въ бороды. А у Аѳанасія сердце кровью исходитъ, мозгъ сохнетъ подъ черепомъ.

Не даромъ этотъ «Тараруй»—князь Хованскій—все теперь передѣлываетъ на свой ладъ во Псковѣ, что̀ сдѣлалъ тамъ онъ, Аѳанасій. Такъ этого мало—надо сына отнять!

Хоть бы кости его найти да похоронить по-христіански!

И Нащокина часто видѣли бродящимъ въ лѣсу, гдѣ—онъ былъ увѣренъ—зарѣзали его сына.

Разъ онъ набрелъ тамъ на старика, сдиравшаго лыки на лапти.

— Здравствуй, старичекъ!—сказалъ онъ:—Богъ въ помощь.—Ты здѣшній будешь?

Старикъ былъ глуховатъ, и не разслышалъ словъ незнакомаго боярина. Онъ только кланялся. Нащокинъ заговорилъ громче и повторилъ свой вопросъ.

— Тутошній, тутошній, батюшкаболяринъ,—отвѣчалъ старикъ,—грѣшнымъ дѣломъ лычки деру на лапотки—только лапотками и кормлюсь.

— Доброе дѣло,—ласково заговорилъ Нащокинъ:—Богъ труды любитъ.

— Чаво баишь, боляринушко?—не разслышалъ старикъ.

— Богъ—говорю—любитъ труды,—а ты вотъ трудишься.

— Тружусь, батюшко,—кормлюсь лапотками.—А ты, чаю, на зайчика?

— На зайчика, дѣдушка.

— Воръ зайчикъ—молоденьку корочку грызетъ—божье деревцо портитъ зря.

— А что, дѣдушка,—не опасно здѣсь на рубежѣ, въ лѣсу?—Не шалятъ, бываетъ, польскіе, а то и русскіе людишки тутъ?

— Бываетъ, батюшко, бываетъ—пошаливаютъ.

— И убивства случаются?

— Попущаетъ Богъ—убиваютъ.—Вотъ и нонѣшней весной—сказывали—убили тутъ боярскаго сынка.

Нащокина словно что̀ ударило подъ сердце.

— Боярскаго сына—говоришь—убили?—спросилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

— Убили, боляринушко, — попустилъ Богъ. Я, поди и злодѣевъ-ту этихъ видѣлъ, да невдомекъ мнѣ было, что это злодѣи. Опосля ужъ смекнулъ—да поздно.

— Разскажи же, дѣдушка, когда и какъ это дѣло было?—На-

щокинымъ овладѣло страшное волненіе.—Припомни, дѣдушка:—можетъ, злодѣи и сыщутся.

— А такъ было дѣло; бояринушко.—Однова этта весной, передъ вешнимъ Миколой, замѣшкался я въ лѣсу съ лычками—ночь захватила.

— Такъ передъ вешнимъ Миколой, говоришь?—переспросилъ Нащокинъ.—«Такъ—передъ Николой и должно быть», съ ужасомъ соображалъ онъ.—Ну, что же?

— Позамѣшкался я этта тоды въ лѣсу, надралъ лычекъ эдакъ свѣженькихъ охапочку, да грѣшнымъ дѣломъ и ковыляю домой. Анъ глядь—вонъ тамъ изъ лѣсу и выѣзжаютъ на коняхъ невѣдомые люди, да туда вонъ прямо за рубежъ и повѣялись.

— Трое, говоришь?

— Трое, бояринушко, трое.

— А обличья ты ихъ не разглядѣлъ?

— Гдѣ разглядѣть, батюшко!—далече ѣхали.—А что меня въ сумленье ввело, батюшка,—дакъ конь у нихъ, у злодѣевъ, лишній: два, какъ и слѣдъ, верхами, а одинъ—отъ злодѣй—одвуконь—другово-ту коня въ поводу велъ. Для-че имъ лишній конь? Знамо—не ихъ конекъ, а изъ-подъ тово боярскаго сынка, что̀ они, злодѣи, убили въ лѣсу и ограбили: теперича этта я такъ мекаю, а тоды—и не вдомекъ было—украли, думаю, конька, злодѣи, да и за рубежъ. А дѣло-ту вышло во̀-како:—душегубство, а окаянныхъ-ту злодѣевъ и слѣдъ, чу, простылъ.

Теперь для Нащокина стало несомнѣннымъ, что то были убійцы его сына, убійцы, подосланные его врагами изъ Москвы. Ясно, что они слѣдили за нимъ по пятамъ, до самого польскаго рубежа, и тутъ, совершивъ свое гнусное злодѣяніе, перебрались за рубежъ, чтобъ воротиться въ Москву уже другою дорогою. Лошадь убитаго они не могли оставить въ лѣсу, а увели ее съ собою и, вѣроятно, продали въ какомъ-нибудь польскомъ мѣстечкѣ.

Нащокинъ далъ старику нѣсколько алтыновъ и пошелъ къ тому мѣсту лѣса, гдѣ, по его мнѣнію, былъ убитъ его сынъ. Но и тамъ не нашелъ онъ никакихъ слѣдовъ преступленія—ни подозрительной земляной насыпи, ни слѣдовъ борьбы или насилія.

А лѣсъ между тѣмъ жилъ полною жизнью, какою только можетъ жить природа въ весеннее время, когда говоромъ и любовнымъ шопотомъ, кажется, звучитъ отъ каждаго куста, когда говорятъ вѣтви и листья на деревьяхъ и трава съ цвѣтами шелеститъ любовнымъ шопотомъ. Все такъ полно жизни, блеска и радости, все дышетъ любовью и счастьемъ, которое слышится въ этомъ неумолчномъ говорѣ птицъ, въ этомъ жужжаньи пчелъ, въ этомъ беззаботномъ гудѣніи и какомъ-то дѣтскомъ лепетѣ неуловимыхъ глазомъ живыхъ тварей,—и среди этой жизни, среди этого бла-

женства природы—смерть, наглая, ужасающая смерть въ самомъ расцвѣтѣ молодой жизни!

«И за что, Боже правый!» шепталъ несчастный старикъ:—«не за его—за мои прегрѣшенія!»

«За что же его, а не меня, Господи!»

Онъ упалъ лицомъ въ траву и беззвучно плакалъ.

А надъ нимъ было такое голубое небо, такое ласковое утреннее солнце.

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ.

(Выдержки изъ автобіографическихъ замѣтокъ).

I.

Значеніе сороковыхъ годовъ.—Мои записки и воспоминанія.—Различіе первыхъ и послѣднихъ годовъ пятаго десятилѣтія XIX вѣка.—XI выпускъ лицея.—Канцелярія военнаго министерства.—Баронъ Вревскій.—Ротное ученье на французскомъ языкѣ.—Секретныя и кавказскія дѣла.—Перемѣны на Кавказѣ и въ канцеляріи.—Клейнмихель и Брискорнъ.—Типы чиновниковъ. — Д'Андрс и его помощникъ. — Ссыльные въ Сибирь и заключенные въ Шлюссельбургской и Петропавловской крѣпости.—Секретные расходы.—Чернышевъ и Уваровъ.—Популярность Перовскаго.—Апатія общества.—А то такъ и не надо.—Новый директоръ канцеляріи.—Исторія одного секретаря.—Приготовленія къ экспедиціи въ Сербію. — Мундтъ и Позенъ.—Успѣхи Шамиля.—Послѣдній Хеакъ.—Мои театральные дебюты.

СОРОКОВЫЕ годы играли важную роль въ исторіи русской культуры — это давно признано писателями всѣхъ направленій. Шестидесятые годы имѣли больше вліяніе на развитіе общества, но въ литературѣ, за немногими исключеніями, оставили гораздо менѣе глубокіе слѣды. Всѣ болѣе или менѣе крупные дѣятели послѣпушкинской эпохи родились въ двадцатыхъ годахъ и въ сороковыхъ начали свое поприще большею частью блестящими дебютами. Движеніе началось въ Москвѣ, въ кружкѣ Аксаковыхъ, Герцена, Грановскаго, но, съ основаніемъ «Отечественныхъ Записокъ», перешло въ Петербургъ, гдѣ уже одной колоссальной фигуры Бѣлинскаго достаточно было, чтобы наполнить собою все десятилѣтіе. Исторія его

составить любопытныя страницы въ хроникѣ нашего умственнаго, эстетическаго и общественнаго развитія, но не смотря на то, что мы вступаемъ уже во вторую половину столѣтія съ той эпохи, она все еще близка къ намъ и мы не имѣемъ возможности говорить объ ней все, что знаемъ. Многіе изъ лицъ, начавшихъ въ то время свою дѣятельность на разныхъ поприщахъ служенія обществу, продолжаютъ ее и теперь, и людямъ сороковыхъ годовъ остается пока собирать матеріалы и отдѣльные эпизоды для будущихъ историковъ той эпохи. Нѣкоторыя черты ея, хотя бы не крупныя, но имѣющія значеніе въ общей картинѣ эпохи, въ ея характеристикѣ, я хочу передать по моимъ воспоминаніямъ и запискамъ того времени. Автобіографическія замѣтки часто появляются въ нашихъ журналахъ—значитъ интересуютъ публику. Какъ коренной петербуржецъ, родившійся и надѣющійся умереть въ Петербургѣ, я оставлялъ его только на короткое время и слѣдилъ за его общественной жизнью въ теченіе полувѣка; поэтому я буду говорить только о Петербургѣ, гдѣ все-таки центръ умственной жизни Россіи, хотя иные утверждаютъ, что онъ не знаетъ ея. Но одно развитіе здѣшней журналистики, притягивающей къ себѣ не однѣ столичныя, но и лучшія провинціальныя силы, доказываетъ несправедливость этого мнѣнія. Какъ старый, хотя и не крупный работникъ на журнальномъ поприщѣ, я встрѣчался на немъ съ личностями, замѣчательными по многимъ отношеніямъ, и сохранить для потомства черты ихъ кажется мнѣ не безъинтереснымъ. Къ сожалѣнію, при этомъ приходится говорить о самомъ себѣ—хотя это уже неизбѣжное неудобство всякихъ мемуаровъ и воспоминаній. Недостатокъ общаго интереса въ моихъ запискахъ выкупается ихъ правдивостью. Я могъ ошибаться въ своихъ убѣжденіяхъ, иногда и мѣнялъ ихъ съ теченіемъ времени, когда ближе узнавалъ лица и факты, или когда они сами измѣнялись. Но я не собиралъ ложныхъ слуховъ и сплетенъ и если осуждалъ кого-либо, то дѣлалъ это на основаніи убѣжденія. Мелкія характеристики у меня могутъ быть неполны, односторонни, но не пристрастны. Мелкіе факты объясняются вообще слабо развитыми общественными интересами того времени.

Начало сороковыхъ годовъ рѣзко отличается отъ конца ихъ. Когда, въ іюлѣ 1841 года, двадцать восемь вышедшихъ изъ стѣнъ закрытаго заведенія молодыхъ людей вступили со школьной скамьи въ общественную жизнь, передъ ними открывалось широкое поприще самой разнообразной дѣятельности. Собственно насъ готовили въ чиновники, какъ и во всѣхъ гражданскихъ заведеніяхъ николаевскаго времени, но за ревностное служеніе отечеству принялись не всѣ изъ насъ и не вдругъ. Бо́льшая часть разъѣхалась по провинціи, къ роднымъ, отдохнуть отъ экзаменовъ, продолжавшихся почти мѣсяцъ. Въ столицѣ изъ всего курса осталось чело-

вѣкъ десять. Лѣтомъ мы продолжали часто видѣться другъ съ другомъ, по осени разбрелись по разнымъ департаментамъ и канцеляріямъ. У отца былъ хорошій знакомый, Брискорнъ, директоръ канцеляріи военнаго министерства, онъ предложилъ взять меня къ себѣ на службу. Мнѣ было все равно, гдѣ ни числиться—о томъ, чтобы не служить вовсе, никто, въ то время, не могъ и подумать. Приходилось, только-что снявъ куртку и мундиръ съ краснымъ воротникомъ, надѣвать сюртукъ съ такимъ же воротникомъ и свѣтлыми пуговицами и отправляться всякій день въ канцелярію отъ Большого театра въ домъ Лобанова, мимо церкви Исаакія, которая по словамъ пессимистовъ должна была вѣчно строиться, какъ теперь она вѣчно чинится. Служба была не тяжелая: собирались часу въ 12-мъ, уходили въ четвертомъ. Я былъ въ отдѣленіи, гдѣ сосредоточивались кавказскія и такъ называемыя секретныя дѣла, получались еженедѣльныя донесенія съ театра военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, составлялись, для представленія государю, ежемѣсячныя вѣдомости о декабристахъ, съ показаніемъ, гдѣ находится каждый изъ нихъ, чѣмъ занимается и т. п. Начальникомъ отдѣленія былъ полковникъ баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій, блестящій, образованный аристократъ, объяснявшійся съ нами, молодыми чиновниками, большею частью по-французски. Дѣла у насъ было такъ немного, — мы составляли вчернѣ исходящія, переписываемыя писарями,—что Вревскій занималъ насъ работою, не входившею въ кругъ нашихъ обязанностей. Такъ мнѣ онъ поручилъ перевести для какого-то французскаго военнаго агента «уставъ о ротномъ ученьи» и я нѣсколько мѣсяцевъ провозился надъ этою совершенно не подходящею къ моимъ мирнымъ знаніямъ и наклонностямъ работою, усердно переводя въ мою «Ecole de peloton» техническіе термины ружейныхъ пріемовъ и ротныхъ построеній. Элегантный полковникъ очень извинялся, поручая мнѣ трудъ, «за который бы долженъ взяться офицеръ, но, къ сожалѣнію, наши офицеры, знающіе ротное ученье, плохо были знакомы съ изученіемъ французскаго языка, а въ лицеѣ этотъ языкъ въ такомъ же ходу, какъ и въ лучшемъ обществѣ». Къ тому же баронъ зналъ, что я занимаюсь литературою, а ротный уставъ принадлежитъ также къ литературѣ, хотя и военно-технической. Я долженъ былъ удовлетвориться этими резонами и перевелъ цѣлую книгу безъ особаго труда, скоро освоившись съ французскими выраженіями, отвѣчающими нашимъ терминамъ. Не знаю, что сдѣлалъ потомъ мой любезный начальникъ съ моимъ переводомъ, который можетъ быть былъ знакомъ и тому французскому начальнику, изъ чьего отряда, въ сраженіи при Черной рѣчкѣ, роковое ядро оторвало голову барону Вревскому. Но кто же могъ думать, въ началѣ сороковыхъ годовъ о томъ, что произойдетъ въ началѣ пятидесятыхъ?

Служебная карьера моя началась довольно удачно: въ 1842 году я былъ уже помощникомъ секретаря и получилъ награду къ святой. На слѣдующій годъ мнѣ однако ничего не дали: переводъ мой былъ уже конченъ, а Древскому нужны были самому деньги для вояжа на Кавказъ, куда онъ отправился вмѣстѣ съ военнымъ министромъ Чернышевымъ, что-то обозрѣвать или провѣрять послѣ смѣны тамошняго главноначальствующаго Головнина Нейдгартомъ. Эта перемѣна отразилась и на канцеляріи. Управляющимъ министерствомъ на время отсутствія Чернышева былъ назначенъ Клейнмихель, уже и тогда имѣвшій большую силу. Само собою разумѣется, что вступивъ въ управленіе, онъ вездѣ, гдѣ только могъ, противорѣчилъ планамъ и распоряженіямъ Чернышева, путалъ дѣла, распоряжаясь всѣмъ самовольно, а главное внесъ въ сношенія съ подчиненными такіе грубые пріемы, какихъ никогда не позволялъ себѣ европейски образованный Чернышевъ. Клейнмихель, въ личныхъ объясненіяхъ съ сослуживцами, съ генералами равными ему чиномъ—конечно, не со всѣми, а съ зависѣвшими отъ него лицами, позволялъ себѣ рѣзкія выходки, называя ихъ солдатскою откровенностью, тогда какъ это была мужицкая грубость. Онъ не стѣснялся и на бумагѣ въ подобныхъ выраженіяхъ и одному изъ директоровъ департамента написалъ прямо, что чиновники его берутъ взятки. Нѣкоторые приказы его, гдѣ онъ съ армейскими остротами соединялъ турецкое правосудіе, ходили по городу, какъ драгоцѣнный памятникъ правительственнаго слога. Петербургъ сильно не долюбливалъ этого аракчеевскаго ставленника, но говорилъ, что онъ будетъ военнымъ министромъ. Слухамъ этимъ повѣрилъ директоръ его канцеляріи, перешелъ на сторону новаго фаворита и, чтобы подслужиться ему, началъ бранить Чернышева. Это былъ поступокъ необдуманный, на который могъ рѣшиться только пустой человѣкъ, какъ Брискорнъ, почти совсѣмъ не занимавшійся дѣлами и рѣдко бывавшій въ канцеляріи, куда по цѣлымъ мѣсяцамъ забывалъ даже передавать дѣла, требовавшія немедленнаго исполненія. Вечера онъ проводилъ за картами, ведя крупную игру. Понятно, что Чернышевъ, вернувшись съ Кавказа и узнавъ обо всемъ, уволилъ тотчасъ же своего директора въ отставку «по прошенію», но не предваривъ его объ этомъ. Это такъ поразило Брискорна, что онъ рѣшился подать просьбу, въ которой заявлялъ, что никогда не думалъ объ отставкѣ и не знаетъ за что уволенъ. Увольненіе все-таки состоялось, только Клейнмихель выхлопоталъ Брискорну другое мѣсто «съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ», единственный пунктъ, къ которому стремились чиновники во всѣ времена. Директоромъ канцеляріи назначенъ былъ Николай Николаевичъ Анненковъ, бывшій впослѣдствіи кіевскимъ генералъ-губернаторомъ.

За перемѣною начальства послѣдовала и смѣна нѣкоторыхъ мелкихъ подчиненныхъ. Мнѣ было больше всего жаль секретаря 2-го стола д'Андре. Новый директоръ призвалъ его и сказалъ: «я слышалъ, что вы хотите уходить отъ насъ. Подавайте же скорѣе въ отставку. У меня уже есть чиновникъ на ваше мѣсто. Въ короткое время вашей службы при мнѣ, я имѣлъ уже изъ-за васъ много непріятностей». Это была правда, но все-таки слѣдовало бы предупредить человѣка, а не подносить ему такіе экспромты. Д'Андре былъ изъ лицейскаго пансіона, очень образованъ, но чиновникъ плохой, не любилъ работать и всѣ дѣла исполняли два его помощника. Одинъ изъ нихъ Арг—еръ долженъ былъ также уйти вмѣстѣ съ д'Андре, угрюмымъ, неразговорчивымъ, охотникомъ покутить, но въ сущности добрымъ малымъ. Гораздо оригинальнѣе былъ этотъ Арг—еръ. Нѣкогда учитель русскаго языка, поступившій въ канцелярію по протекціи Брискорна, онъ въ ней почти ничего не дѣлалъ; его считали ниначто не способнымъ, хоть онъ былъ далеко не глупъ. Добрѣйшаго характера, онъ вскорѣ дошелъ до того, что вся канцелярія начала поступать съ нимъ, какъ съ игрушкой. Его толкали, дергали за волосы, дурачили, давали ему щелчки, выдергивали изъ-подъ него стулъ—и онъ сносилъ все съ величайшимъ хладнокровіемъ. Въ послѣднее время, видя что его выживаютъ, онъ вообразилъ себѣ, что это все происки его секретаря, началъ браниться съ нимъ, писать на него пасквили и, ослѣпленный ненавистью, сдѣлалъ даже нечестный поступокъ, едва ли не единственный въ его жизни, такъ какъ этотъ добрякъ былъ не способенъ сдѣлать сознательно гадкое дѣло. Д'Андре, не смотря на то, что былъ не красивъ, маленькаго роста и очень смуглъ, сватался за дочерью извѣстнаго богача Бер...., которому Арг—еръ послалъ анонимное письмо съ совѣтами не выдавать свою дочь за человѣка тутъ же описаннаго дурными красками. Узнавъ, что канцелярія негодуетъ за это письмо, бѣднякъ даже удивился, такъ какъ поступилъ дурно—просто по глупости. Вскорѣ послѣ этого онъ и исчезъ изъ канцеляріи. Изъ другихъ сослуживцевъ моихъ я ближе всѣхъ былъ съ моимъ товарищемъ по лицею, Андреемъ Николаевичемъ Кирилинымъ, бывшимъ потомъ въ военно-походной канцеляріи, изъѣздившимъ всю Европу въ свитѣ Николая I и Александра II и кончившимъ свое поприще директоромъ канцеляріи императорскаго двора. Изъ писателей въ канцеляріи служили—хотя не долго: Кульчицкій, рано умершій, даровитый беллетристъ, А. В. Дружининъ, М. Е. Салтыковъ, М. Н. Лонгиновъ и Д. И. Каменскій, переводчикъ байроновскаго «Сарданапала» и авторъ «Руководства къ цвѣтоводству», умершій членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

Дѣла у насъ, какъ я уже говорилъ, были очень интересные. Въ первомъ отдѣленіи сосредоточивались, кромѣ кавказскихъ—всѣ

дѣла бывшей секретной экспедиціи, всѣ преступленія государственныя и судимыя военнымъ судомъ. Наказанія за нихъ опредѣлялись самыя тяжкія. Тѣ, кто ссылались въ Сибирь, на каторгу, были гораздо счастливѣе тѣхъ, кто томился на Аландѣ, въ крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ, или сидѣли въ казаматахъ петербургской и шлиссельбургской крѣпости. Незадолго до этого времени прислали въ Шлиссельбургъ на всю жизнь двухъ контролеровъ и одного счетчика польскаго банка, уличенныхъ въ подлогѣ при тиражѣ польскихъ облигацій. Преступленіе конечно важное, нарушающее народное довѣріе къ правительству и государственный кредитъ, но и наказаніе было тяжелое. Поляковъ увезли ночью изъ Варшавы, оторвавъ отъ ихъ семействъ; они просили позволенія написать къ женамъ и отцамъ, чтобы извѣстить родныхъ о постигшей ихъ участи и выпросить какое-нибудь облегченіе хоть въ матеріальномъ отношеніи—присылкою средствъ къ существованію. Но имъ было объявлено, чтобы они не смѣли просить ни о чемъ и что они «должны быть забыты». Тогдашнее правосудіе, наказавъ преступника, съ большимъ трудомъ и противъ своего желанія облегчало его наказаніе, а напротивъ иногда усиливало судебный приговоръ. Такъ въ то время, съ 1836 года, сидѣлъ въ петербургской крѣпости несчастный Павловъ, убившій Апрѣлева, хотя былъ осужденъ на ссылку въ Сибирь. Конечно, онъ лучше согласился бы копать тамъ руду, чѣмъ сидѣть здѣсь въ казематѣ.

Хотя въ канцеляріи преобладали дѣла о военныхъ людяхъ, но встрѣчались также и о статскихъ, даже о дамахъ. Такъ почти въ одно время съ выдачею двадцати тысячъ рублей на подъемъ Нейдгардту при его отправленіи на Кавказъ, получила тысячу рублей серебромъ дѣвица Тур—ая неизвѣстно за военныя или статскія услуги. (Съ 1842 года начали считать на серебро и цифра секретныхъ расходовъ по военному министерству за этотъ годъ—371,812 рублей съ копѣйками и 4,100 червонцевъ, не казалась вовсе огромною). Получилъ также пособіе для отправленія въ Парижъ одинъ изъ адъютантовъ Чернышева, по особенному случаю. Сестра его, проживъ нѣсколько лѣтъ, въ полномъ счастіи, которому всѣ завидовали, должна была отправиться путешествовать въ Италію, чтобы дать время поумолкнуть, въ Петербургѣ, уже слишкомъ распространившимся слухамъ о ея необыкновенномъ счастьи. Отъ перемѣны положенія, отъ разлуки съ родиной, отъ обманутыхъ ли надеждъ, или отъ извѣстія, что ея счастіе выпало на долю другой,—а можетъ быть и отъ всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ,—только несчастная сошла съ ума и ее привезли въ Геную въ припадкахъ бѣшенства. По неимѣнію тамъ хорошихъ докторовъ, порѣшили свезти ее въ Парижъ. Братъ сталъ проситься туда же, чтобы повидаться съ сестрою. Его отпустили, хотя и неохотно, но дали ему черезъ Нес-

сельроде курьерское порученіе, чтобы въ Парижѣ не думали, что онъ пріѣхалъ туда по своей волѣ.

Чернышева вообще не любили, не только въ обществѣ, но и въ народѣ: въ Малороссіи его проклинали публично, за то что онъ отнялъ у народа даже человѣческія права. Общую нелюбовь раздѣлялъ съ нимъ и министръ просвѣщенія Уваровъ, гонитель мысли и науки. Своими крутыми мѣрами онъ достигалъ только того, что положеніе дѣлъ ухудшалось. Въ началѣ 1843 года, онъ уволилъ въ отставку одного дерптскаго профессора, вся вина котораго состояла только въ томъ, что по случаю его юбилея студенты поднесли ему серебряный кубокъ. Это несправедливое увольненіе заслуженнаго ученаго повело только къ тому, что четырнадцать его товарищей-профессоровъ также подали въ отставку. Это взволновало, впрочемъ, только интеллигентныя сферы и не касалось вовсе народа, о развитіи котораго и не помышляли въ николаевское время. Но народъ относился съ благодарностью и къ тѣмъ, кто заботился о его матеріальномъ благосостояніи. Такъ онъ очень любилъ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго за то, что тотъ ввелъ таксу на говядину и, при продажѣ припасовъ, приказалъ взвѣшивать ихъ безъ бумаги. Конечно, эти нововведенія скоро же исчезли, такъ какъ борьба съ нашими торгашами очевидно намъ не подсилу и мы черезъ полстолѣтіе благополучно переплачиваемъ лишнія копѣйки за мясо, а при покупкѣ сахара головами, напримѣръ, платимъ за два фунта веревокъ и толстой синей бумаги столько же какъ и за сахаръ; но въ то время даже и кратковременная попытка хоть немного обуздать алчность нашего купечества дѣлала человѣка популярнымъ. Петербургъ былъ также благодаренъ Перовскому за то, что съ помощью Синицына онъ захватилъ въ городѣ огромную шайку воровъ и мошенниковъ, жившихъ обществомъ и имѣвшихъ свои законы, свой условный языкъ и своего начальника. Въ крѣпость посадили 84 человѣка. Само-собою разумѣется, что при тогдашнемъ, полномъ отсутствіи гласности, публика ничего не узнала ни о ходѣ, ни о результатахъ слѣдствія по дѣлу, которое, казалось бы, затрогивало ея интересы.

А впрочемъ и къ интересамъ своимъ она оставалась во всѣ времена достаточно равнодушна. И тогда уже говорили, что въ жизни нашей руководящую роль играютъ три завѣтныя слова: «авось, небось и какъ-нибудь». Мнѣ кажется, что забываютъ еще одно типическое выраженіе, играющее едва ли не бóльшее значеніе въ жизни русскаго человѣка, очень скоро примиряющагося со всякою дѣйствительностью, какъ бы ни противорѣчила она его первоначальнымъ планамъ и надеждамъ. Это фраза: «а то такъ и не надо», выражающая полнѣйшую покорность судьбѣ и начальству. Въ моемъ дневникѣ записана слѣдующая просьба одного

купца къ полиціймейстеру: «Государь мой, господинъ полиціймейстеръ! Есть у меня слуга Петька, мужикъ хорошій, работящій, только цѣлый день лежитъ на печи и ничего не дѣлаетъ. Конечно, трудъ—дѣло доброе и хорошо, кто трудится,—ну, а то такъ и не надо. Когда я заставляю его работать, онъ работаетъ, ничего—хорошо, а то такъ и не надо. Теперь онъ захворалъ, здоровье воистину необходимо, а то такъ и не надо. Но дома я больного держать не могу и если онъ точно боленъ, что вамъ знать лучше—возьмите его пожалуста въ больницу—а то такъ и не надо». Конечно, это анекдотъ, но въ немъ заключается философія народнаго духа и характера. Хорошо, когда жизнь наша идетъ свѣтло и гладко, какъ зерно по бархату—а то такъ и ненадо. Вотъ какой-то Громницкій застрѣлился Богъ весь изъ-за чего. Вотъ покончили съ жизнью двое родственниковъ: она замужняя женщина, выданная замужъ насильно, онъ ея двоюродный братъ; они любили другъ друга, но не могли соединиться. Тогда она ушла отъ мужа и братъ застрѣлилъ сначала ее, потомъ себя. Подобные случаи повторяются въ теченіе полувѣка и до нашего времени.

Новый директоръ канцеляріи былъ человѣкъ вполнѣ дѣловой и дѣятельный, хотя и не выходилъ изъ уровня общаго типа высшихъ чиновниковъ николаевскаго времени. Принадлежа къ высшему кругу, онъ довольно хорошо говорилъ по-французски, иногда дѣлалъ замѣчанія остроумныя и деликатныя, а въ другое время отпускалъ армейскія остроты и даже грубости, то не обращалъ вниманія на застегиванія крючковъ и пуговицъ, то привязывался къ пустымъ мелочамъ. Въ бумагахъ, поправлялъ слово сверхъ, и приказывалъ писать сверьхъ. Канцелярскія дѣла велъ съ умомъ и толкомъ, но иногда выкидывалъ странныя колѣнца. Получивъ донесеніе изъ Берлина о какой-то перемѣнѣ въ обмундировкѣ одного прусскаго полка и не понявъ какого-то термина нѣмецкаго портняжнаго искусства, онъ вздумалъ послать фельдъегеря съ приказаніемъ привезти въ канцелярію нѣмецкаго портного для объясненій. Фельдъегерь объѣхалъ нѣсколько портныхъ и вернулся съ извѣстіемъ, что всѣ они больны и не могутъ оставить свое дѣло, а одинъ прямо объявилъ, что боится ѣхать, потому что его могутъ отправить съ фельдъегеремъ прямо въ Сибирь. Въ маѣ 1843 года въ канцеляріи прибавилось новое, четвертое отдѣленіе и начальникомъ его сдѣланъ Устряловъ, братъ историка. Вышли въ отставку другой начальникъ отдѣленія фон-Дервизъ и секретарь Ав—овъ. Послѣдній былъ маленькій, рябенькій, вертлявый, неказистый человѣчекъ, немножко грязненькій и достаточно смѣшной, типъ мелкаго чиновничества, покорный, скромный, молчаливый, работящій и пустой. Отличительное его качество, за которое ему больше всего доставалось, была—разсѣянность. За нее ему дѣлали часто выговоры, но онъ приглаживалъ свои рѣдкіе, бѣлесовато-рыженькіе во-

лосы, грызъ ногти и отмалчивался. Онъ былъ, впрочемъ, добрый человѣкъ, готовый оказать услугу безъ корыстныхъ видовъ. Въ канцеляріи любили его, хоть и смѣялись надъ нимъ. Онъ былъ изъ купеческаго званія и, получивъ къ святой Станислава, дававшаго тогда дворянство, былъ внѣ себя отъ восторга и, должно быть изъ благодарности, низачто не хотѣлъ оставить благодѣтельной канцеляріи, дающей такія блистательныя награды. Только предложеніе лучшаго мѣста у Перовскаго заставило его подать въ отставку. Вмѣсто него секретаремъ вступилъ Александръ Карловичъ Баумгартенъ, прекрасный человѣкъ, съ которымъ я близко сошелся.

Въ то же время канцелярія была завалена работою по случаю приготовленій къ экспедиціи въ Сербію, гдѣ возникли безпорядки при избраніи князя. Три недѣли, днемъ и вечеромъ, два начальника отдѣленія, Петровъ и Вольфъ, сидѣли за бумагами, писали приказанія для сформированія 24-хъ-тысячнаго отряда, но потомъ было приказано остановить всѣ приготовленія. Зачѣмъ собирались, почему отказались? никто тогда объ этомъ и не спрашивалъ. Политикою въ то время не занимались не только публика, но и тотъ кто близко стоялъ къ ней. Все вѣдало, обо всемъ заботилось одно высшее начальство. Полковникъ генеральнаго штаба Вольфъ былъ одно время моимъ прямымъ начальникомъ, за отсутствіемъ Вревскаго. Это былъ очень деликатный и образованный человѣкъ, любимецъ министра и большой театралъ. Не таковъ былъ Шау—съ, бывшій начальникъ секретной экспедиціи. Съ непривлекательной наружностью онъ соединялъ еще болѣе непріятное обращеніе. Любя задавать тонъ, онъ въ бумагахъ старательно исправлялъ то, что вовсе не требовало никакихъ поправокъ. Почти всѣ въ канцеляріи имѣли съ нимъ непріятныя столкновенія, а я съ первыхъ словъ разошелся съ нимъ и даже перестаъ кланяться, приходя въ должность раза два въ недѣлю, пока онъ временно завѣдывалъ отдѣленіемъ. Николай Петровичъ Мундтъ, бывшій переводчикомъ при театрѣ и товарищъ моего отца, перейдя къ намъ въ канцелярію вскорѣ же такъ поссорился съ Шау—сомъ, что вышелъ отъ насъ и поступилъ къ генералу кригс-комисару Храпачеву, даже противъ его воли, но потому, что такъ было угодно Позену. Этотъ временщикъ, еврейскаго происхожденія, былъ въ то время въ большой силѣ въ военномъ вѣдомствѣ и въ высшихъ сферахъ. Выйдя въ люди изъ ничтожества, онъ быстро сдѣлался почти всевластнымъ лицомъ въ администраціи—зачто и почему? этого никто не зналъ. Награды, раздаваемыя имъ своимъ приверженцамъ, были баснословны. Онъ давалъ блестящіе вечера и обѣды, любилъ, чтобы у него было много народа, чтобы объ немъ всѣ говорили. Я былъ у него на двухъ вечерахъ, но съ перваго же визита и онъ самъ и его семейство, состоявшее изъ глухой жены, бывшей его экономки, и двухъ некрасивыхъ дочерей—такъ мнѣ не понравились, что я

прекратилъ съ ними знакомство, хотя оно могло быть мнѣ очень полезно по службѣ. Мундтъ потому и сдѣланъ былъ правителемъ канцеляріи Храпачева и пошелъ дальше, что былъ поклонникомъ и прихлебателемъ Позена.

Къ обязанностямъ помощниковъ секретарей и чиновниковъ, прикомандированныхъ къ канцеляріи, принадлежало дежурство. Раза два въ мѣсяцъ приходилось проводить въ ней весь день до другого утра. Это, впрочемъ, соблюдалось не строго, и обыкновенно дежурный, заглянувъ подвечеръ въ канцелярію и, посидѣвъ тамъ съ часокъ, благополучно отправлялся, куда ему было надобно. Я обыкновенно уходилъ въ театръ, но иногда и оставался читать интересовавшія меня кавказскія дѣла, непринадлежавшія къ моему столу. Въ 1843 году дѣла эти были далеко не въ блестящемъ положеніи. Шамиль взбунтовалъ всю Аварію и перерѣзалъ множество народа, не признававшаго его власть. Онъ занялъ всѣ аварскія укрѣпленія, кромѣ Хунзака, гдѣ заперся генералъ Клюки фон-Клюгенау, отрѣзанный отъ всякой помощи. Горцы вторгались даже въ чисто русскія области: въ октябрѣ они захватили въ плѣнъ адъютанта Нейдгарта, Глѣбова, на большой дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ставрополя. Въ стычкахъ съ горцами погибло много нашихъ, особенно молодыхъ офицеровъ, присланныхъ изъ разныхъ полковъ. Всѣ наши укрѣпленія въ Аваріи и Дагестанѣ были взяты или разрушены. Весь правый флангъ поднялся и въ нашей власти остались только обѣ Кабарды. Лѣвый флангъ и Черноморію также охватило волненіе. Клюки фон-Клюгенау погубилъ даромъ массу войска. Нейдгардтъ потребовалъ его въ Тифлисъ. Шестой пѣхотный корпусъ былъ назначенъ на Кавказъ. Съ этимъ корпусомъ, число войскъ на Кавказѣ дошло до 80 тысячъ.

Знакомство мое съ Кавказомъ дало мнѣ поводъ написать поэму изъ его недавняго быта. Написавъ ее недѣли въ двѣ, я издалъ ее въ маѣ 1842 года. Основою ея послужила печальная судьба одного горскаго племени хеаковъ, отрасли Адиге, существовавшаго около полутораста лѣтъ, но истребленнаго въ концѣ тридцатыхъ годовъ чумою, занесенною изъ Анапы, и набѣгами шапсуговъ. Хеаки занимали земли на сѣверъ отъ Доба, гдѣ было Кабардинское укрѣпленіе и жили отъ Цемеса до Кубани, селясь преимущественно по рѣчкамъ Мескагѣ и Анапка. Они явились въ этой странѣ послѣ генуэзцевъ и признавали князьями предковъ Сефиръ-бея-зан-Оглу. Ихъ обратили въ рабство болѣе сильные и многочисленные ихъ сосѣди—натухайцы и шапсуги. Исторію, конечно вымышленную, послѣдняго представителя племени хеаковъ я разсказалъ въ своей поэмѣ, прошедшей незамѣтною и разошедшеюся всего въ сотнѣ экземпляровъ. Только Сенковскій, въ своей «Библіотекѣ для Чтенія», нашелъ, что я достойный и прямой преемникъ Лермонтова. Не любя нашего великаго поэта, онъ радъ былъ случаю сравнить

съ его безсмертными произведеніями очень слабую поэму, въ которой только вѣрно изображены нравы и своеобразный бытъ двухъ горскихъ племенъ, хищныхъ и воинственныхъ враговъ Россіи, исповѣдующихъ странную вѣру—смѣсь язычества съ христіанствомъ, не признающихъ никакихъ обрядовъ и поклоняющихся Богородицѣ (Мерьем-Анши). Обрядъ ихъ богослуженія, подробно описанный въ началѣ поэмы, едва не подвергся исключенію: цензура находила неприличнымъ описаніе этого обряда и искаженіе имени Богородицы. По счастью цензоромъ поэмы былъ Петръ Александровичъ Корсаковъ, человѣкъ умный, и отстоялъ въ комитетѣ эту главу. Изъ этой поэмы я составилъ въ томъ же году либретто оперы, которую хотѣлъ написать небездарный музыкантъ Ушаковъ, братъ смазливенькой хоть и плохой танцорки, пользовавшейся одно время вниманіемъ театраловъ. Какъ большинство русскихъ людей, Ушаковъ съ жаромъ принялся за работу, быстро написалъ три очень недурныхъ нумера, но потомъ охладѣлъ къ ней, забросилъ, взялся за что-то другое и умеръ, ничего не окончивъ и не сдѣлавъ.

Въ ряду сороковыхъ годовъ 1843-й былъ типичнѣе другихъ и потому я дольше остановлюсь на немъ и отчасти на 1844-мъ, прежде чѣмъ перейти къ послѣднимъ годамъ этого десятилѣтія, такъ рѣзко отличающимся отъ его начала. При соблюденіи хронологическаго порядка въ замѣткахъ придется по временамъ повторяться, но это уже неизбѣжное неудобство всѣхъ мемуаровъ. О своихъ произведеніяхъ постараюсь говорить словами другихъ. Вотъ что отмѣтилъ А. И. Вольфъ, въ своей «Хроникѣ петербургскихъ театровъ», начиная обзоръ сезона 1842—1843 года: «Къ небольшому кружку присяжныхъ театральныхъ тружениковъ присоединился въ 1842 году В. Р. Зотовъ, только-что вышедшій изъ лицея. Дебютировалъ онъ «Святославомъ», историческою драмою въ стихахъ. Драма выдержала только два представленія, хотя отличалась исторической правдой и звучными стихами. Слѣдующія произведенія В. Зотова, какъ оригинальныя такъ и переводныя «Наука и женщина», «Король Энціо», «Учитель», «Первый дебютъ»—удались гораздо лучше перваго. Въ «Учителѣ» главное лицо—молодой человѣкъ, попавшій прямо со школьной скамейки въ провинціальный омутъ, было удачно снято съ натуры и пьеса имѣла бы конечно еще большій успѣхъ, еслибы не страдала вялостью дѣйствія». Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ почтеннаго хроникера нашей сцены и хотя написалъ для нея, въ короткое время, болѣе сорока пьесъ, но непридавалъ имъ большого значенія и, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, совсѣмъ отказался отъ драматическаго поприща, на которомъ работалъ больше изъ любезности, по знакомству съ артистами, въ бенефисы которыхъ шли почти всѣ мои произведенія. Потомъ они дѣлались собственностью дирекціи, а я получалъ за нихъ въ вознагражденіе, отъ актрисъ—сладкія улыбки, отъ актеровъ—була-

вочки въ галстукъ или предложеніе поужинать въ модномъ ресторанѣ. Подобныя предложенія дѣлались особенно охотно, такъ какъ всѣ знали, что я никогда не принимаю ихъ, не умѣя пить и кутить. Григорьевъ 1-й, которому я написалъ въ бенефисъ «Жизнь Мольера» такъ и умеръ, продолжая въ теченіе 5-ти-6-ти лѣтъ спрашивать при встрѣчѣ со мною: «а когда же мы съ вами поужинаемъ у Беранже?» (ресторанъ у Полицейскаго моста). Такъ и остался за нимъ этотъ ужинъ—до новой встрѣчи на томъ свѣтѣ.

II.

Театралы.—Смерть Головина.—Балетныя корифейки.—Андреянова и Смирнова.—Люсиль Гранъ.—Значеніе балета.—Александринскій театръ.—Режиссеръ Куликовъ и его эпиграмы.—Семейство Самойловыхъ.—Равнодушіе публики къ Гоголю и Глинкѣ.—Русская опера.—Французскій и нѣмецкій театры.—Нѣмецкая опера.—Театральная цензура.—Магнитическіе сеансы и лекціи Лемольта.—Рубини и итальянская опера.—Рубинштейнъ и Листъ.—Бросаніе цвѣтовъ.—Театральная школа и генералъ Дубельтъ.—Комета 1843 года.—Генералъ Головачевъ.—Цензурный проектъ Михайловскаго-Данилевскаго.—Строгость Александра I и довѣрчивость Николая I.—«Булочная» и фельетонистъ «Русскаго Инвалида».—Волконскій и Кавелинъ.—Общественные толки при отсутствіи гласности.—Революція въ Греціи.—Европа въ 1843 году.

Въ молодые годы я былъ страстный театралъ, и почти всякій вечеръ проводилъ въ театрахъ. Тогда, впрочемъ, театралами называли собственно поклонниковъ балета, величаемыхъ нынче балетоманами; я чаще всего посѣщалъ оперу, русскіе, французскіе, нѣмецкіе спектакли, а балетъ смотрѣлъ потому, что его давали тогда и послѣ оперы. Но хорошенькія танцорки производили и на меня впечатлѣніе и я воспѣлъ Сысоеву, Рюхину, Горину и особенно Колосову въ юмористическомъ стихотвореніи «Театралъ», изданномъ отдѣльной книжечкой съ прекрасными рисунками Тимма. Тамъ было и нѣсколько портретовъ тогдашнихъ театраловъ, участь которыхъ не всегда была пріятна и завидна. Такъ, въ началѣ 1843 года, умеръ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ посѣтителей балета, двадцатилѣтній Головинъ. Онъ былъ влюбленъ въ танцорку Ду—ну, бывшую еще воспитанницей театральной школы. Онъ провожалъ ее всякій разъ послѣ спектакля и она сама начала кокетничать съ нимъ, дѣлая ему глазки со сцены, пока за ней еще никто не ухаживалъ. Когда же у нея объявился богатый и важный поклонникъ, она откровенно сказала Головину, чтобы онъ оставилъ ее въ покоѣ. Когда же онъ началъ описывать ей всѣ мученія отвергнутой любви, расчетливая дѣвица просто отправила его къ чорту. Сцена эта происходила послѣ спектакля, у театраль-

наго подъѣзда, когда карета воспитанницъ готова была отвезти ихъ въ школу. Головинъ вцѣпился въ окно кареты и его съ трудомъ могли оттащить. Въ ту же ночь онъ слегъ въ постель, прохворалъ два мѣсяца и умеръ, какъ говорятъ, отъ аневризма. Хоронили его въ одинъ день съ митрополитомъ Серафимомъ, но въ то время, когда Невская лавра ломилась отъ народа, Головина провожало на Волково человѣкъ 12 молодежи. Шли мы за гробомъ вовсе не въ печальномъ настроеніи: однимъ театраломъ стало меньше—явятся другіе! Сначала шли разговоры о случаяхъ, подходящихъ къ настоящему. Я припомнилъ о судьбѣ молодого герцога Бомонъ, умершаго отъ любви къ пѣвицѣ Мире и о появленіи на его великолѣпномъ памятникѣ, на кладбищѣ отца-Лашеза, шести нотъ: la, mi, re, la, mi, la, надъ которыми долго ломали голову, пока не разгадали, что они означаютъ: La Miré l'a mis là. Потомъ начали говорить уже не о смерти, а о театрѣ и, больше всего, о балетѣ и танцоркахъ, спорили о достоинствахъ Андреяновой и Никитиной, наконецъ стали хохотать надъ моими замѣчаніями о Шлефохтъ, Миловой и Гравертъ. Первая является всегда передъ публикой съ приторной гримасой. Государь какъ-то замѣтилъ, что у нея—милая улыбка и Шлефохтъ съ тѣхъ поръ носитъ ее постоянно и никогда не снимаетъ. Что же касается до двухъ остальныхъ танцорокъ, то ноги Гравертъ и руки Миловой до того похожи между собою, что если Гравертъ будетъ танцовать на рукахъ Миловой, а Милова подниметъ къ небу ноги Гравертъ, то никто этого и не замѣтитъ. Кто-то нашелъ, что подобныя бесѣды не ведутся у гроба и свѣжей могилы, но большинство рѣшило, что театралу и мертвому пріятны разговоры о театрѣ.

Корифейки того времени не отличались красотою и что всего страннѣе, многія изъ нихъ были очень похожи другъ на друга, точно были вылиты по одной формѣ; такое сходство встрѣчалось прежде у солдатъ одного набора и одной роты. Лица Яковлевой, Шлефохтъ, Костиной, Даниловой, Миловой, Коростинской 2-й были чисто русскія: пухленькія, свѣженькія, полненькія, курносенькія, при видѣ которыхъ приходила охота взять ихъ за щечки какъ ребятъ. Танцовали онѣ пожалуй и не дурно, но безжизненно, автоматически, движеніями напоминали маріонетокъ. Изъ первыхъ балеринъ, у Андреяновой носъ былъ такъ длиненъ, что поднявши ногу, она боялась всегда задѣть за него. Смирнова танцовала съ такимъ сердитымъ видомъ, что хотѣлось сказать ей:—«возьми хоть еще полтора рубля за кресло, только пожалуйста не сердись». У Андреяновой и вообще была такая непривлекательная наружность, что положительно становилось непонятнымъ, чѣмъ она могла плѣнить Гедеонова. М. Л. Неваховичъ постоянно рисовалъ ее въ своемъ «Ералашѣ» даже не въ карикатурѣ. На одномъ рисункѣ она изображена передъ прилавкомъ моднаго магазина.—«Покажите ма-

теріи, которыя были бы мнѣ къ лицу», — говоритъ она. — «Извините-съ, такихъ еще не привезли!» — отвѣчаетъ приказчикъ съ выпученными глазами.

30 января, дебютировала въ балетѣ «Жизель» хореграфическая знаменитость, Люсиль Гранъ, замѣнившая Тальони, съ которою Петербургъ простился на масляницѣ 1842 года. Дебютантка не произвела особеннаго впечатлѣнія, хотя была хорошая танцорка. Но замѣнить Тальони было не легко и второстепенная балерина не могла увлечь нашу публику. Вмѣстѣ съ Гранъ явился къ намъ изъ Гамбурга Бергъ со своимъ звѣринцемъ и георамой; послѣдняя, впрочемъ, скоро закрылась, такъ какъ была не панорамой земли, а простымъ собраніемъ ландкартъ, за созерцаніе которыхъ не находилось охотниковъ вносить 30 коп. серебромъ. Страсть къ увеселеніямъ и зрѣлищамъ была и тогда, какъ теперь, очень велика въ Петербургѣ, но въ то время онъ не зналъ еще прелестей оперетки и шансонетки, еще не достигшей и въ Парижѣ своего развитія.

Заговоривъ о балетѣ, я скажу нѣсколько словъ объ этомъ родѣ зрѣлищъ, чтобы потомъ не возвращаться къ нему. Гранъ, протанцовавъ три мѣсяца въ Петербургѣ, оставила его незамѣтно, не простившись съ публикой, принявшей ее довольно холодно. А между тѣмъ это была танцорка хорошей школы, въ ней было много искусства, чистоты, отчетливости, но нѣкоторые рѣзкіе жесты и позы разрушали всякое очарованіе. У нея были большіе выразительные глаза, но вообще суховатая фигура съ некрасивыми ногами и безконечными руками была непривлекательна. Она танцовала здѣсь «Сильфиду», «Герту», «Тѣнь» и Елену въ «Робертѣ», но ни въ одной изъ этихъ ролей не понравилась. По ея отъѣздѣ, Андреянова вздумала съиграть «Жизель»; въ ней были и страсть, и увлеченіе вовсе ненужныя въ этой роли; движенія были неловки, рѣзки, угловаты: въ танцахъ у нея не было ни крѣпости въ ногахъ («стального носка», какъ выражаются теперь), ни апломба, ни пируета, ни рон-де-жамба и эти недостатки не выкупались смѣлостью позъ — ея единственнымъ достоинствомъ, выражавшимся особенно въ характерныхъ, вакхическихъ па, гдѣ смѣлость эта переходила въ наглость. Такого рода испанскій танецъ былъ у нея во второмъ актѣ балета «Герта» и въ этомъ балетѣ Гедеоновъ показывалъ свою фаворитку всѣмъ пріѣзжавшимъ сюда гостямъ. Такъ въ іюнѣ, хотя и при почти пустомъ театрѣ, она танцовала для Мекленбургъ-Шверинскаго герцога. Изъ корифеекъ нравились еще публикѣ Прихунова, Левкѣева и Ришаръ, — послѣдняя оставила, впрочемъ, Петербургъ и перешла на парижскую сцену, а Левкѣева вступила въ труппу Александринскаго театра. Ей сначала покровительствовалъ скопецъ Солодовниковъ, потомъ генералъ Дубельтъ. Одно время за кулисами возбуждало большой смѣхъ ухаживаніе за нею В. А. Каратыгина, привозившаго ей даже конфекты, не

смотря на всю свою скупость и писавшаго ей стихи. Новыхъ балетовъ въ сезонъ не ставили. Кромѣ тѣхъ, которые я называлъ выше, давали: «Дѣву Дуная», «Гитану», «Озеро волшебницъ». Въ концѣ года возобновили «Воспитанницу Амура» — единственный балетъ, гдѣ еще была древняя миѳологія. Прошлогодняя попытка возобновитв «Зефира и Флору» Дидло и «Марса и Венеру» Блаша— не имѣла успѣха. На сценѣ преобладала миѳологія средневѣковая съ ея феями, сильфидами, виллисами и чертями. Вообще балетъ не смотря на то, что онъ долженъ занимать послѣднее мѣсто въ ряду сценическихъ зрѣлищъ, стоялъ на первомъ планѣ въ глазахъ дирекціи театровъ и лицъ извѣстнаго положенія въ свѣтѣ второй и даже третьей молодости, находившихъ удовольствіе въ томъ, чтобы любоваться полускромными позами полуобнаженныхъ полудѣвицъ. Въ то время не писали глубокомысленныхъ и мнимоученыхъ дисертацій о пользѣ балета, но также горячо отстаивали его пластическое и даже эстетическое значеніе, хотя стремились въ балетъ съ болѣе или менѣе порнографическими цѣлями. Послѣ гастрономическаго обѣда съ тонкими винами и ликерами это было очень пріятное развлеченіе, удовлетворявшее эпикурейскимъ наклонностямъ всегда присущимъ сытому человѣчеству. Вотъ почему балетъ всегда процвѣталъ въ эпоху упадка всѣхъ другихъ стремленій и наклонностей, какими бы софизмами балетоманы всѣхъ временъ ни оправдывали своей страсти къ этому роду зрѣлищъ.

Первое мѣсто въ ряду сценическихъ представленій принадлежало, конечно, драмѣ и комедіи, и нашъ Александринскій театръ въ этомъ году, какъ и въ слѣдующемъ, стоялъ въ апогеѣ своего блеска. Поставили «Женитьбу» Гоголя и нашей мало развитой публикѣ пьеса понравилась не съ перваго раза. Характеры дѣйствующихъ лицъ находили карикатурными, развязку—неестественною. Слышно было даже шиканье, когда Подколесинъ выскочилъ въ окно. Комедію съиграли всего шесть разъ въ этотъ сезонъ, тогда какъ «Ломоносовъ» Н. Полевого шелъ 19 разъ и даже его «Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ китайцами» 11 разъ. Куликовъ сдѣлалъ тогда пьесу и изъ «Мертвыхъ душъ», вышедшихъ въ свѣтъ въ томъ же году, но передѣлка оказалась очень неудачна. Не оцѣнила публика и Мартынова, явившагося въ мольеровскомъ Гарпагонѣ еще болѣе великимъ артистомъ, чѣмъ въ Подколесинѣ. Театръ потерялъ даровитаго хотя нѣсколько холоднаго актера Брянскаго, оставившаго сцену по неудовольствіямъ съ Гедеоновымъ, но пріобрѣлъ хорошую актрису на первыя роли— Вѣру Самойлову; сестра ея Надежда и братъ Василій уже давно пользовались любовью публики; даже ихъ мать Софья считалась Самойловой 1-й, хотя и не являлась уже на сценѣ. Была у нихъ еще старшая сестра Любовь, не являвшаяся на сценѣ, но заботившаяся объ артистическомъ развитіи сестеръ. На этомъ основаніи она

играла своего рода роль за ку исами и до того надоѣдала съ разными требованіями режиссеру Куликову, что онъ писалъ на нее эпиграммы въ такомъ родѣ:

«Хотя я Вѣру не люблю,
«Но если съ ней соединюся,
«Тогда съ Надеждой примирюся,
«Любовь же къ... Софьѣ я пошлю».

Въ другой эпиграммѣ Куликовъ осмѣиваетъ жалкаго конторскаго чиновника Крутицкаго, бывшаго на побѣгушкахъ у Гедеонова и подслуживавшагося Самойловымъ, въ чаяніи отъ нихъ всякихъ благъ:

«Крутицкій не щадитъ по дружбѣ всѣ усилья,
«Бѣжитъ, кричитъ, зоветъ предъ публику Василья.
«Въ немъ бѣготня такъ взволновала кровь,
«Что выпустивъ Надежду, Вѣру,
«Разъ сгоряча, забывъ и стыдъ и мѣру,
«Онъ чуть не выпустилъ предъ публику Любовь».

Этотъ Крутицкій пользовался незавидною репутаціею при театрѣ, но нажилъ себѣ три дома, поставленный наблюдать за сборами театральныхъ кассировъ. На него Куликовъ написалъ слѣдующую эпиграмму съ каламбуромъ, основаннымъ на закулисныхъ сплетняхъ, не имѣвшихъ, повидимому, достаточнаго основанія:

«Мужъ къ ловлѣ денежной приставленъ,
«Чрезъ мужа и женѣ добро.
«Мужъ ловитъ злато и сребро,
«Женѣ—самой ловъ предоставленъ».

Въ русской оперѣ, въ этотъ сезонъ, была поставлена «Русланъ и Людмила». Нечего и говорить, что большинство публики отнеслось къ ней также равнодушно, какъ къ «Скупому» Мольера и «Женитьбѣ» Гоголя. Если успѣхъ такихъ драматическихъ произведеній можетъ быть спорнымъ, то что же сказать объ успѣхѣ музыки, для пониманія которой необходимо обладать еще бо̀льшимъ эстетическимъ развитіемъ. Сколько умныхъ людей не только не любятъ, но и вовсе не понимаютъ музыки. Мы пришли однажды слушать «Руслана» съ моимъ товарищемъ, впослѣдствіи сдѣлавшимся министромъ, которому никто не откажетъ ни въ умѣ, ни въ дарованіи. Я долго доказывалъ, что музыку Глинки нельзя оцѣнить съ перваго разу, такъ она оригинальна и мѣстами геніальна. Вотъ что отвѣчалъ мой собесѣдникъ:

— Геній не всегда бываетъ оригиналенъ, оригинальность далеко не всегда геніальна. Прислушаться можно ко всему, также какъ присмотрѣться. Отъ долгой привычки можетъ быть только два послѣдствія: или вещь понравится, или отъ нея получишь отвращеніе. Середины тутъ быть не можетъ. Можно присмотрѣться къ красавицѣ и она надоѣстъ, можно привыкнуть къ некрасивой

женщинѣ и она понравится. Мотивъ музыкальный, сначала казавшійся страннымъ, можетъ показаться пріятнымъ отъ частаго повторенія; если онъ даже очень обыкновененъ—ухо будетъ стараться найти въ немъ что̀-нибудь особенное. Что же это за опера, которую начинаешь понимать послѣ десяти представленій? Можно написать такую, что ее не поймутъ и послѣ сотни спектаклей. Стало быть такая опера вѣчная и мы слушая ее будемъ все надѣяться, что когда-нибудь созрѣемъ для ея пониманія. Я увѣренъ, что Глинка началъ писать «Руслана» съ похмелья, надѣясь: авось что̀-нибудь да выйдетъ.

И это мнѣніе раздѣлялось многими, хотя большинство публики слушало оперу, если не съ увлеченіемъ, то съ любопытствомъ. Въ теченіе сезона ее дали 31 разъ, не смотря на довольно слабое исполненіе. Главными персонажами русской оперы были: цыганъ Петровъ, французъ Шарпантье (Леоновъ) и итальянецъ Този. Только въ этомъ году присоединились къ нимъ баритонъ Артемовскій и теноръ Михайловъ, завербованные въ Малороссіи. Женскій персоналъ состоялъ изъ превосходнаго контральто Петровой и двухъ сопрано: очень рѣзкаго—Степановой и очень жидкаго—Семеновой.

Наша французская труппа была блестящая и пьесы исполнялись съ рѣдкимъ ансамблемъ, но между ними не было ни одной выдающейся. Особенный, рѣдкій успѣхъ имѣла бульварная мелодрама «Les mémoires du diable» передѣланная изъ романа Сулье: ее дали 22 раза въ сезонъ. «Анджело» Виктора Гюго играли подъ названіемъ «La comédienne de Venise». Цѣломудренная цензура не хотѣла, чтобы ее заподозрили въ томъ, будто она можетъ позволить въ Россіи какую-нибудь драму Гюго. Когда въ «Ломоносовѣ» княгиню Дашкову приказывали назвать: княгиня NN, а Шувалова передѣлывали въ Меценатова—это еще можно было какъ-нибудь объяснить, но когда даже во французской комедіи «La fille de Figaro», цензура передѣлывала Жозефину Бонапарте въ госпожу Леклеркъ—это было уже выше всякихъ соображеній: почему на сцену можно было вывести сестру Наполеона, а не жену его? Въ пустомъ водевилѣ, данномъ въ бенефисъ Аллана, одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: «l'homme-c'est l'image de Dieu». — «Oui, mais en laid», отвѣчаетъ другое. И тутъ цензура разрѣшила эту фразу только съ измѣненіемъ Бога въ божество. Нѣмецкая труппа была также очень недурна и раздѣлялась на оперную и драматическую, но пьесы игрались невозможныя. Большой успѣхъ имѣла, напримѣръ, комедія «Странное родство» (Die seltsame Verwandschaft), написанная четырехстопнымъ риѳмованнымъ ямбомъ. Сюжетъ ея въ томъ, что дочь немолодой женщины выходитъ замужъ за отца своего жениха, котораго она считаетъ убитымъ, а женихъ, вернувшись женится съ досады на матери своей бывшей невѣсты. Только нѣмцамъ можетъ придти въ голову составить

пьесу изъ такого запутаннаго родства. Лучшею драматическою актрисою была Лилла Леве, очень хорошенькая, имѣвшая много поклонниковъ, но она скоро уѣхала и ее замѣнила мамзель Граафъ, aus Riga, тощая, худощавая, но не безъ дарованія. Въ оперѣ примадонами были Нейрейтеръ съ большимъ голосомъ, но безъ малѣйшаго чувства, и Валькеръ, хорошая, но уже устарѣвшая пѣвица, толстая, коротенькая, игравшая Ромео въ усахъ и съ бородкой, намалеванныхъ жженой пробкой. Что за антиэстетическія понятія у этихъ нѣмцевъ!

Кромѣ театровъ, въ Петербургѣ было мало другого рода зрѣлищъ. Какъ теперь, въ нѣкоторыхъ кружкахъ его свирѣпствуетъ спиритизмъ, такъ полвѣка назадъ господствовалъ животный магнетизмъ. Главнымъ жрецомъ его была придворная особа—оберъ-егермейстеръ Пашковъ, не знаю, родня ли современному изобрѣтателю новаго религіознаго ученія. Я напрасно старался проникнуть въ тайны магнетическаго усыпленія таинственными пассами—со всѣхъ сеансовъ меня изгоняли какъ невѣрующаго. Въ семействѣ моего цензора и хорошаго пріятеля, Михаила Александровича Корсакова, была одна особа, дѣвушка нервная и впечатлительная, не разъ усыпляемая Пашковымъ. Она сама пригласила меня на одинъ сеансъ, который сама назначила въ магнетическомъ снѣ, но когда я явился, чтобы быть свидѣтелемъ чудесъ—угадыванія мыслей присутствующихъ, чтенія писемъ положенныхъ на животъ и рецептовъ на латинскомъ языкѣ, не зная его вовсе (все это, говорятъ, она продѣлывала прежде), она начала метаться въ креслѣ и кричать, чтобы я ушелъ, такъ какъ я смѣюсь въ душѣ надъ великими тайнами. Мнѣніе мое она могла конечно знать и безъ магнетическаго предвидѣнія, но мнѣ все-таки не удалось даже посмотрѣть, при какой обстановкѣ совершаются всѣ эти фокусы. И тогда ученые возставали всѣми аргументами истинной науки противъ увлеченія этою магіею. Въ посту Лемольтъ читалъ на французскомъ языкѣ публичныя лекціи о гальванизмѣ и магнетизмѣ обыкновенномъ, неорганическомъ и животномъ. Дѣйствительность послѣдняго была положительно отвергнута Лемольтомъ, допускавшимъ существованіе одного сонамбулизма, какъ болѣзненное исключеніе, аномалію человѣческаго организма. Признаніе важности месмерическихъ и магнетическихъ чудесъ было бы опроверженіемъ всѣхъ научныхъ знаній и общественныхъ отношеній.

4-го марта, Петербургъ услышалъ наконецъ въ концертѣ знаменитаго Рубини. Онъ пріѣхалъ еще на масляницѣ и слушалъ въ театрѣ «Руслана и Людмилу». Трудно дать понятіе современному поколѣнію о томъ, что такое этотъ великій пѣвецъ. Зала Дворянскаго Собранія была наполнена чуть не до верху волнующеюся массою изъ головъ, лентъ, эполетъ, голыхъ плечъ, локоновъ, перьевъ, тюрбановъ, прекрасныхъ нарядовъ и некрасивыхъ жен-

щинъ. Не слышавъ Рубини, нельзя представить себѣ, до какой степени можетъ достигнуть искусство и человѣческій голосъ и какъ артистъ умѣетъ употребить ихъ. У него были ноты, потрясавшія до глубины сердца, какъ въ аріи изъ «Марино Фальери». Первая арія Пиччини, представлявшая наборъ руладъ, трелей, переливовъ и полосканій голоса не произвела впечатлѣнія, хотя и поражала голосовой эквилибристикой. Голосъ у этого уже не молодого пѣвца не обширенъ, но въ немъ нѣтъ не только ни одной фальшивой, но даже сомнительной ноты. А между тѣмъ, еще въ 1842 году устарѣвшая Паста угощала насъ такими звуками, отъ которыхъ приходили въ ужасъ даже лица, не знающія что значитъ детонировать. Черезъ три дня, при гораздо меньшемъ стеченіи публики, былъ концертъ тринадцатилѣтняго піаниста, котораго и тогда уже силились произвести въ наши доморощенныя знаменитости. Рубинштейнъ игралъ хорошо, бѣгло, чисто и вѣрно, но смѣшно было требовать жизни и чувства отъ ребенка. На святой недѣлѣ пріѣхалъ Листъ и давалъ концерты лѣтомъ, но не смотря на это публика стекалась слушать блестящаго виртуоза. Въ послѣднемъ концертѣ своемъ, 2-го іюня, въ Большомъ театрѣ, онъ былъ предметомъ восторженныхъ овацій, особенно послѣ исполненнаго имъ марша изъ «Руслана и Людмилы». Въ концертѣ участвовали лучшіе пѣвцы и артисты и Листъ самъ акомпанировалъ всѣмъ лучше всякаго оркестра. Увертюру изъ «Вильгельма Телля» и фантазію на мотивы «Роберта» онъ игралъ на изобрѣтенномъ Лихтенталемъ piano-orchestre. Это изобрѣтеніе не вошло однако въ употребленіе. Верхняя клавіатура устроена на подобіе органа и издаетъ въ стаккато звуки, похожія на жидовскія цимбалы. Съ полнымъ звукомъ струннаго инструмента никакъ не гармонируютъ духовые аккорды. Въ концѣ спектакля изъ всѣхъ ложъ четвертаго яруса, вмѣстѣ съ цвѣтами и букетами, посыпались на сцену листочки бѣлой, розовой и голубой бумаги, на которыхъ въ изысканныхъ французскихъ фразахъ выражалась просьба еще разъ пріѣхать въ Петербургъ. Это было нововведеніемъ, потому что еще въ 1842 году было запрещено бросать букеты Тальони и если теперь вошло въ обычай бросать цвѣты Рубини, то потому что первый букетъ къ ногамъ пѣвца упалъ изъ царской ложи. Въ благодарность Листъ съигралъ свой хроматическій галопъ. Въ концертѣ игралъ еще Блазъ на кларнетѣ. Этотъ лысый фламандецъ сдѣлалъ изъ своей дудки удивительный инструментъ и игралъ на немъ съ такимъ чувствомъ, что приводилъ въ восторгъ. Рубини пѣлъ дуэтъ изъ «Велизарія» и изъ «Роберта» Девере, тріо изъ «Лукреціи Борджіа» съ Элизою Мерти и баритономъ Чіабата.

Въ апрѣлѣ начались итальянскіе спектакли съ Рубини, игравшимъ съ русскими и нѣмецкими оперными артистами. Съ каждою новою оперою восторгъ публики все увеличивался. Въ «Отелло»

выходная арія, дуэтъ съ Яго, послѣдняя сцена, увлекали публику; въ «Лучіи» дуэтъ перваго акта, финалъ второго и арія третьяго заставляли самаго холоднаго зрителя расчувствоваться и волноваться. 31-го мая было послѣднее 17-е представленіе. Энтузіазмъ публики дошелъ до послѣднихъ границъ. 18-го октября нѣмецкая опера простилась съ Петербургомъ и никогда болѣе въ немъ не возобновлялась, а 13-го октября открылась итальянская, въ которой я абонировалъ ложу № 1 четвертаго яруса и просидѣлъ въ ней чуть не сорокъ лѣтъ до закрытія у насъ итальянской оперы. Началась она «Пиратомъ», плохою оперою Беллини, изъ которой ничего не сдѣлалъ и Рубини, тѣмъ болѣе, что пѣвшая съ нимъ примадонна Тадини была тоже плоха, а баритону Тамбурини негдѣ было развернуть свои силы. Другая примадонна Ассандри, дебютировавшая въ «Нормѣ», также не понравилась, какъ теноръ Пазини, но нельзя же всѣмъ быть Рубини. За то Віардо-Гарсія произвела фуроръ особенно въ «Сонамбулѣ». Въ финалѣ третьяго акта, когда женихъ упрекаетъ ее въ измѣнѣ, а она увѣряетъ въ своей невинности—плакали не только дамы, но и мужчины. Въ «Отелло» пѣсня объ ивѣ приводила въ восторгъ. Въ «Севильскомъ цирюльникѣ» арія «una voce poco fa», вставные нумера въ урокѣ пѣнія, особенно алябьевскій «Соловей» доводили публику до крайнихъ предѣловъ энтузіазма. Холоднаго Петербурга нельзя было рѣшительно узнать.

За неимѣніемъ другихъ развлеченій я ходилъ въ посту въ театральную школу смотрѣть спектакли воспитанниковъ. Давали большею частью старый хламъ въ родѣ «Шалости влюбленныхъ», «Мужъ какихъ много» и т. п.; играли въ массѣ—скверно, но между учениками, готовящимися къ сценѣ, попадались иногда замѣчательныя дарованія, которыя легко было бы развить, еслибы въ школѣ обращали хоть какое-нибудь вниманіе на драматическое искусство. Въ то время особенно выдавались положительнымъ талантомъ воспитанники Аббе и Вальдекъ. Куда они потомъ дѣвались и вышло ли изъ нихъ что̀-нибудь—не знаю; вѣроятно, не перенесли борьбы за существованіе, при полнѣйшемъ равнодушіи театральнаго начальства, заботившагося только о подготовленіи танцорокъ. Но и этихъ балетныхъ жрицъ развивали больше для практическихъ цѣлей въ жизни, чѣмъ для достиженія совершенства въ хореграфическомъ искусствѣ. Хорошіе учителя являлись только въ практическомъ направленіи. Однимъ изъ ревностныхъ развивателей субъектовъ неопытныхъ на житейской сценѣ былъ генералъ Дубельтъ, другъ директора и всего дома. Онъ приходилъ въ школу во всякое время запросто, въ старомъ сюртукѣ, заглядывалъ для наблюденія за порядкомъ—и въ классныя, и въ уборныя, и въ дортуары, бесѣдовалъ со всѣми равно благосклонно, бралъ всѣхъ безразлично за подбородокъ, и смазли-

венькихъ и дурнушекъ, и всѣ находили совершенно естественнымъ такое отеческое вниманіе. Даже любящій сплетни и пересуды Петербургъ не находилъ ничего страннаго въ такомъ явномъ покровительствѣ тайной полиціи высокимъ цѣлямъ сценическаго искусства.

Столицѣ не было никакого дѣла до интимной исторіи театра: она знала только то, что происходитъ по сію, а не по ту сторону кулисъ. Ее гораздо больше занимала, напримѣръ, въ это время комета, неизвѣстно откуда-то вдругъ появившаяся, въ концѣ марта, вмѣстѣ съ такими морозами, какихъ не было во всю зиму. Комета эта, загнувшая хвостъ на 42 градуса, то есть почти на четверть горизонта, исчезла недѣли черезъ три также неожиданно. Достигни она двадцатью четырьмя днями позже своего перигелія, земля непремѣнно попала бы въ хвостъ ея и вторженіе этой странной свѣтящейся матеріи въ нашу атмосферу могло бы произвести въ ней какой-нибудь переворотъ. Это было громадное свѣтило съ ядромъ, въ тысячу семьсотъ разъ большимъ чѣмъ земля, съ хвостомъ въ шестьдесятъ мильоновъ миль. Если бы наклоненіе хвоста было всего восемью градусами ниже, онъ задѣлъ бы землю, можетъ быть смахнулъ бы съ нея половину царствъ и обитателей. Любопытно, что тогда дѣлали бы остальные?.. Астрономы увѣряли, что это была та самая комета, которая потопила землю при Ноѣ; но не предусмотрѣвъ ея появленія, они не предсказали и эпохи ея возвращенія въ нашу солнечную систему. Что же касается до ея неожиданнаго появленія на небѣ, то собственно петербуржцевъ не могло особенно поразить это обстоятельство, потому что они и у себя на землѣ привыкли ко всякимъ неожиданностямъ. Такъ въ одинъ день съ появленіемъ кометы состоялось публичное разжалованіе въ канонеры генералъ-маіора Головачева, начальника охтенскаго порохового завода, за его безчеловѣчное обращеніе съ солдатами. Что̀ именно дѣлалъ этотъ генералъ—объ этомъ не публиковалось, но самый обрядъ публичнаго исполненія приговора уже доказывалъ, что вина была не маловажная. Впослѣдствіи, при разжалованіи военныхъ лицъ не упоминалось, за что именно они наказываются, а печаталось просто: за преступленіе предусмотрѣнное такою-то статьею военнаго положенія,—поди, отыскивай эту статью.

Не представлялъ особенной неожиданности и предложенный въ то же время извѣстнымъ историкомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ проектъ—подвергать военной цензурѣ всѣ вообще статьи и разсужденія, гдѣ говорится хотя бы нѣсколько словъ о военномъ искусствѣ; всѣ біографіи полководцевъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, даже анекдоты объ нихъ. Уваровъ—это было также довольно неожиданно—отвергнулъ этотъ проектъ, сказавъ, что въ такомъ случаѣ надо подвергнуть военной цензурѣ всѣхъ древнихъ

классическихъ писателей и даже лѣтопись Нестора. Проектами ревностныхъ сыновъ отечества завалены были въ особенности всѣ военныя учрежденія. Такъ капитанъ Грибергъ, составляя правила отступленія отъ непріятеля, совѣтовалъ для избѣжанія преслѣдованія, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пойдетъ непріятельская артиллерія, зарывать неглубоко въ землю магниты, которые притягивали бы къ себѣ колеса пушекъ, обитыхъ желѣзомъ и задерживали этимъ ихъ движеніе. Генералъ Тишинъ предлагалъ вооружить всѣ госпитали на Кавказѣ, дабы больные, вслучаѣ неожиданнаго нападенія горцевъ, могли сами защищать себя. Какъ ни дики подобные проекты, но пусть бы лучше генералы сочиняли ихъ, чѣмъ поступать какъ Головачевъ или Нильсенъ, избившій въ то же время ногами до полусмерти станціоннаго смотрителя, ни въ чемъ не повиннаго. А между тѣмъ государь не допускалъ безчеловѣчнаго обращенія и приказалъ сдѣлать строгій выговоръ генералу Тулубьеву за то, что тотъ въ своемъ донесеніи, употребляетъ выраженіе пара арестантовъ, «приличное только воламъ и другимъ животнымъ». Находили, что государь не прощалъ тѣмъ, кто однажды обманулъ его довѣріе, но въ этомъ отношеніи его снисходительность была бы уже слабостью. Въ подобномъ случаѣ Александръ I былъ еще суровѣе. Вотъ два малоизвѣстные факта его біографіи.

При восшествіи на престолъ онъ произвелъ одного изъ своихъ любимцевъ въ генералъ-маіоры и далъ ему вслѣдъ за тѣмъ мѣсто генерала квартирмейстера по морской части. Тотъ отыскалъ гдѣ-то, въ старинномъ регламентѣ Петра I, что генералъ квартирмейстеръ долженъ быть въ то же время и генералъ-лейтенантомъ и потому явился благодарить государя за милость въ генералъ-лейтенантскомъ мундирѣ. Александръ I назвалъ это школьнической выходкой, утвердилъ его въ чинѣ, но черезъ три мѣсяца лишилъ мѣста и, не смотря на всѣ просьбы, никогда никуда не опредѣлялъ и не давалъ ему пенсіи, которой онъ и не выслужилъ по закону. Наказаніе это, кажется, совершенно справедливо. Вотъ другой случай. Послѣ сраженія при Лейпцигѣ французы начали быстро отступать. Одна деревня вблизи города была еще занята ими. Александръ I, объѣзжая свои посты, встрѣтилъ полковника Мандрыкина, возвращавшагося съ небольшимъ отрядомъ съ поля сраженія и приказалъ ему сдѣлать рекогносцировку—занята ли деревня французами и намѣрены ли они очистить ее. Полковникъ отправился на развѣдки, но не доѣзжая еще до деревни, замѣтилъ разставленные пикеты и патрули и потому заблагоразсудилъ—обойти деревню лѣсомъ и сдѣлать свои наблюденія стороною. Но попавъ въ лѣсъ, онъ заблудился тамъ и долгое время то не могъ найти дороги, то боялся выйти изъ лѣса, чтобы не попасться французамъ. Наконецъ черезъ нѣсколько часовъ онъ выбрался изъ лабиринта и отправился прямо къ государю съ донесеніемъ, что взять деревню

нѣтъ никакой возможности, такъ какъ она занята непріятелемъ. «Если полковникъ считаетъ нась непріятелями,—отвѣчалъ Александръ,—то онъ правъ, но за то онъ никогда не будетъ генераломъ». И государь сдержалъ свое слово. Дѣло въ томъ, что пока полковникъ плуталъ въ лѣсу, русскіе, получивъ извѣстіе съ другого фланга объ очищеніи деревни французами, заняли ее безъ выстрѣла. И въ этомъ случаѣ, полковникъ какъ неоправдавшій довѣрія государя, былъ наказанъ подѣломъ.

Императора Николая можно скорѣе упрекнуть въ томъ, что онъ былъ слишкомъ довѣрчивъ къ лицамъ, стоящимъ близко къ нему и не допускалъ мысли, чтобы они могли злоупотреблять его довѣріемъ. Такъ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ оберъ-полиціймейстера Кокошкина, вздумалъ обревизовать его канцелярію, государь не позволилъ этого потому, что Кокошкинъ—генералъ-адъютантъ. Изъ Польши нѣкто Петрашко три года писалъ доносы на злоупотребленія Погодина, генералъ-интенданта дѣйствующей арміи, доказывая, что онъ съ товарищами обкрадываетъ казну. Прося нарядить комисію для изслѣдованія дѣла, Петрашко отдавалъ въ залогъ справедливости своихъ обвиненій, свою честь, жизнь и имущество, но доносъ его оставили безъ разслѣдованія: Погодинъ былъ любимецъ Паскевича, а кто же тогда осмѣливался сомнѣваться въ безкорыстіи и справедливости варшавскаго проконсула?

Къ литературѣ, особенно драматической, государь относился снисходительно. Водевиль «Булочная», написанный въ этомъ году, былъ сначала вовсе запрещенъ къ представленію по настоянію полиціи. Потомъ, цензура III-го Отдѣленія позволила пьесу, но съ такими урѣзками и сокращеніями, что П. Каратыгинъ не согласился поставить ее въ искаженномъ видѣ и упросилъ князя Волконскаго доложить объ ней государю. Тотъ прочелъ водевиль, приказалъ съиграть его во дворцѣ и въ Александринскомъ театрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ написанъ и прислалъ перстень автору ея, Каратыгину. Въ то же время фельетонистъ «Русскаго Инвалида» Сорокинъ, былъ посаженъ, по высочайшему повелѣнію, на недѣлю на гауптвахту, за то что онъ написалъ статью о спектаклѣ итальянской оперы, въ которой Віардо Гарсіа получила два букета при восторженныхъ рукоплесканіяхъ публики,—а спектакль въ этотъ вечеръ былъ отмѣненъ. Сорокинъ оправдывался тѣмъ, что онъ писалъ не о представленіи оперы, а о ея репетиціи, но и это оправданіе было достаточно глупо, потому что на репетиціяхъ не аплодируютъ и не бросаютъ букетовъ. Министра двора однако разсердило это оправданіе и онъ приказалъ не пускать никого изъ постороннихъ лицъ на репетиціи.

Волконскаго публика не любила точно также, какъ и всѣхъ другихъ министровъ (кромѣ Перовскаго) въ особенности за то, что

онъ давалъ слишкомъ много воли Гедеонову. Не пользовался любовью Петербурга и его генералъ-губернаторъ Кавелинъ, формалистъ до педантизма и вдобавокъ фразеръ. Въ праздникъ Преполовенія онъ провожалъ крестный ходъ вокругъ крѣпости и увидѣлъ вдали въ нѣсколькихъ саженяхъ, человѣка, который шелъ стороною, не снимая шляпы. Кавелинъ велѣлъ взять его на гауптвахту, не смотря на то, что это былъ статскій совѣтникъ, человѣкъ больной, нарочно отошедшій далеко отъ крестнаго хода и надѣвшій шляпу, чтобы не простудиться въ сильный вѣтеръ. Не разузнавъ ничего, не разспросивъ ни о чемъ, Кавелинъ началъ кричать при всѣхъ окружающихъ:—«Это французское вольнодумство! Какъ смѣть наносить иностраннаго песку на нашъ благодатный русскій черноземъ!» Объ этихъ словахъ какъ и вообще обо всемъ, что дѣлалось не только въ столицѣ, но и во всей Россіи, общество узнавало чрезвычайно быстро, не смотря на совершенное отсутствіе журнальной и всякой другой гласности. Такъ, въ Петербургъ тотчасъ же пришло извѣстіе о дуэли въ Москвѣ между князьями Долгорукимъ и Голицынымъ изъ-за флигель-адъютантскаго мундира, причемъ Долгоруковъ былъ раненъ въ ногу. Говорили, что юнкеръ Ордынскій попался съ фальшивыми ассигнаціями, но такъ какъ онъ увѣрялъ, что нашелъ ихъ, то его разжаловали въ солдаты за утайку найденнаго и сослали въ дальній гарнизонъ. Узнали также скоро, что въ государя стрѣляли въ Познани, когда онъ ѣхалъ въ коляскѣ съ Суковкинымъ, что въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ были безпорядки и волненія, окончившіяся по счастію безъ кровопролитія. Понятно, что печать не могла сообщить о такихъ происшествіяхъ, но она молчала и о томъ, что дѣлалось въ Европѣ. Такъ сентябрская революція въ Греціи разсказана была въ «Сѣверной Пчелѣ» такъ, что нельзя было ничего понять изъ ея разсказа. А между тѣмъ это была одна изъ оригинальныхъ революцій, безъ смутъ, безпорядковъ, безъ пролитія крови. Болѣе десяти лѣтъ греки переносили автократическіе эксперименты своего нѣмецкаго короля-католика, женатаго на протестанткѣ, но наконецъ потеряли терпѣніе. 3 сентября 1843 года въ два часа ночи аѳинскіе граждане вмѣстѣ съ войскомъ собрались передъ дворцомъ Оттона и громкими криками требовали конституціи. Король, ничего не знавшій о единодушномъ заговорѣ своихъ подданныхъ, вышелъ на балконъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, потребовалъ, чтобы ему дали время для сочиненія конституціи. Ему отвѣтили, что все уже готово, министры его смѣнены, назначены новые, государственный совѣтъ уже разсуждаетъ о положеніи Греціи, составляя проектъ конституціи, а ему остается только подписать ее и созвать для ея утвержденія народное собраніе. Оттонъ тотчасъ же подписалъ ее, потомъ еще въ теченіе 20-ти лѣтъ старался всѣми средствами нарушить ее, пока наконецъ его не изгнали оконча-

тельно. Вообще положеніе Европы и въ то время предвѣщало уже политическія бури, возникшія въ концѣ этого десятилѣтія: Франція воевала съ своимъ королемъ въ парламентѣ и журналистикѣ. Англія—съ О'Коннелемъ и Ирландіею; въ Пруссіи публично осмѣивали короля въ театрѣ; въ Италіи не прекращались возстанія противъ неаполитанскихъ Бурбоновъ и австрійскихъ эрцгерцоговъ; въ Испаніи объявленіе королевы Изабеллы совершеннолѣтнею не останавливало волненій; Австрія порывалась сбросить съ себя гнетъ метерниховскаго режима. Первые годы пятой декады XIX вѣка носили уже въ себѣ зародыши революцій конца сороковыхъ годовъ.

В. Зотовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

(Изъ одной семейной хроники).

«Въ раю».

I.

АКЪ СТАЛЪ я себя помнить, каждый годъ мы ѣздили въ Знаменское, къ «тетенькѣ» Варварѣ Николаевнѣ Дукмасовой. То есть, намъ-то она приходилась бабушкой, а отцу съ матушкой—тетенькой, и потому всѣ звали ее «тетенькой», и даже сама она не любила, чтобы ее называли иначе.

— Ужъ ты, мать моя, заспѣшила, нарожала дѣтей; и пожить-то, какъ слѣдуетъ, не успѣла,—говорила она матушкѣ, какъ-то уныло поглядывая на насъ:—первая меня въ бабки произвела: отличилась...

Но, тѣмъ не менѣе, однако, она насъ любила, особенно меня,—потому, можетъ быть, что я былъ ея крестникъ. Или, еще можетъ быть потому, что я представлялся ей вышедшимъ въ дукмасовскую родню.

— Этотъ будетъ совсѣмъ Миша-братъ:—и—глаза его, и лобъ, и потомъ вотъ этотъ вихоръ... говорила она, разсматривая меня.

Она почему-то была необыкновенно высокаго мнѣнія о дукмасовскомъ родѣ—родѣ своего мужа—и потому благоволила и ко мнѣ.

Но я ужъ привыкъ выслушивать такія разсужденія: дядя Петръ Васильевичъ Скурлятовъ находилъ, что я весь въ скурлятовскую родню; тетушка Марья Дмитріевна Чемезова—что я весь въ Чемезовыхъ вышелъ... и потому, я только поглядывалъ на нихъ,

и никакъ не могъ понять, что это за достоинства такія они во мнѣ все открываютъ?.. И почему это хорошо быть похожимъ на Дукмасовыхъ, Скурлятовыхъ или Чемезовыхъ, а не на свой родъ, фамилію котораго я носилъ? Чѣмъ онъ хуже нхъ? Чѣмъ они лучше? Но это меня не особенно занимало.

Эти поѣздки въ Знаменское и къ другимъ дальнимъ, т. е. на далекомъ отъ насъ разстояніи жившимъ родственникамъ, составляли въ своемъ родѣ цѣлыя событія, о которыхъ начинали говорить еще съ весны и готовились долго, все обдумывали, соображали, взвѣшивали—къ кому первому ѣхать, къ кому по дорогѣ «туда» заѣзжать и къ кому «оттуда», когда поѣдемъ назадъ, у кого сколько пробыть, кому что сказать и какъ у кого себя вести? Вспоминая теперь эти поѣздки, я не знаю, что такое собственно онѣ представляли—актъ дипломатической вѣжливости, посольство чрезвычайное, или, навѣщенія дорогихъ родственниковъ, нѣжно любимыхъ. Я скорѣе думаю первое, потому-что чувствъ этихъ нѣжныхъ и родственныхъ, вообще говоря, было мало...

Предпринимались эти поѣздки обыкновенно лѣтомъ, въ началѣ лѣта, когда еще ни уборки, ни фруктовыхъ и плодовыхъ заготовокъ нѣтъ, такъ въ послѣднихъ числахъ мая, самое позднее въ первыхъ числахъ іюня.

Къ этому времени дипломатическая сторона поѣздки бывала ужъ совершенно выяснена,—соображались и разбирались вопросы второстепенные: объ удобствахъ поѣздки, какъ и когда, въ какой день, выѣхать, какія вещи съ собой брать и проч. и проч. Эти второстепенные вопросы, представляющіеся теперь пустяками, не были, во-первыхъ, въ то время такими, и, потому, къ нимъ относились иначе: совсѣмъ другія были понятія, другой строй жизни, потому-что другой совсѣмъ былъ бытъ.

Дня за три до того, какъ трогаться въ путь, карету давнымъ давно ужъ осмотрѣнную своими домашними слесарями и каретниками, выдвигали изъ каретнаго сарая и, она, въ чехлѣ, стояла на конюшенномъ дворѣ для чего-то наружѣ до того самаго дня, когда ее будутъ нагружать и запрягать. Сундуки и важа изъ нея и съ нея давно уже принесены въ домъ и стоятъ они въ дѣвичьей, въ дѣтскихъ и въ нихъ постепенно, мало-по-малу, не спѣша, все укладываютъ.

— Ну, дѣтское, сударыня, все уложено,—говоритъ, приходя къ матушкѣ, нянька наша Устинья Ивановна.

—. Все?

— Все, сударыня.

И онѣ, провѣряя, не забыли ли что, обѣ начинаютъ перечислять наименованія предметовъ, сколько чего взято съ собою, уложено—сколько рубашечекъ, кальсончиковъ, платочковъ и проч. и проч. Выходятъ недоразумѣнія при этомъ:

— Ахъ, Устиньюшка, я тебя не понимаю совсѣмъ,—съ непритворнымъ искреннимъ удивленіемъ говоритъ матушка,—кальсончиковъ ты берешь шесть! Мальчикъ—ну, развѣ можетъ ему этого хватить? Вѣдь это дѣвочкѣ—можно, довольно...

— Сударыня, да вѣдь и прошлый разъ шесть же паръ брали,—обиженнымъ тономъ говоритъ нянька.

— Да вѣдь, я думаю, онъ ростетъ!.. Онъ всюду уже теперь ходитъ, развѣ удержишь его: онъ и рыбу удить пойдетъ и верхомъ ѣздить будетъ, и такъ, въ лѣсу, съ саду бѣгать будетъ, пачкаться. Не понимаю, какъ это ты только не понимаешь этого,—резонно и глубоко обдуманно возражаетъ ей матушка и приказываетъ взять еще кальсончиковъ.

Въ особомъ сундукѣ и въ двухъ баульчикахъ, съ вышитыми бисеромъ крышками, уложены вещи гувернантки нашей Анны Карловны. Она тоже всего набрала съ собой: и бѣлья, и всякихъ вещицъ до рукодѣлья и нашихъ книжекъ и тетрадокъ включительно. Мы не будемъ, конечно, ни дорогой, ни въ гостяхъ у родственниковъ учиться, но на всякій случай, а можетъ... Мы это знаемъ все отлично, даже глубоко убѣждены, что этого не случится; но берутъ это все и не для этого, а для того, чтобы это все было подъ рукой, и чтобы, въ случаѣ чего, можно было сказать:—«А вотъ, если будете шалить, васъ посадятъ заниматься съ Анной Карловной»—вотъ для чего. Но это насъ также мало пугало, какъ чучело на огородѣ воробьевъ.

А потомъ матушкины вещи, ея сборъ... Во время нашего пребыванія у родственниковъ—у однихъ должна быть свадьба, у другихъ имянины, тамъ торжественно празднуется рожденіе. И ко всему этому берутся особыя, приличныя случаю, платья, всѣ принадлежности. А вещи няньки Устиньи Ивановны, вещи горничной Матреши, которая тоже ѣдетъ съ нами, потому-что, кто же будетъ ходить за матушкой, кто же будетъ въ чужомъ мѣстѣ ходить за всѣми ея вещами?

Въ день отправленія, съ утра, карета, все еще въ чехлѣ, запрягается въ одну лошадь и, такимъ образомъ, доставляется къ дому, къ крыльцу. Тутъ ей новый осмотръ.. Осматриваетъ отецъ, осматриваетъ старикъ Осипъ Матвѣевичъ, дворецкій и камердинеръ еще дѣда покойника, осматриваетъ ее даже садовникъ Михей — онъ былъ когда-то форрейторомъ и тоже въ этомъ понимаетъ. Наконецъ, мы, дѣти, на минутку заглядываемъ въ нее: намъ отворяютъ дверцы и мы смотримъ на знакомую намъ ея синюю суконную обивку съ безчисленными басонами, висящими въ ней, подушками, зеркальцами, нюхаемъ, какъ духи какіе, юфтевый запахъ, который присущъ ей и котораго мы ужъ давно не слыхали — съ самаго прошлаго года, какъ ѣздили въ ней въ то же самое время.

Наконецъ, пораньше въ этотъ день нарочно, часовъ въ одиннадцать, подаютъ завтракъ, а карету между тѣмъ запрягаютъ: привели съ конюшни, къ крыльцу, большихъ матушкиныхъ каретныхъ вороныхъ лошадей ужъ совсѣмъ въ хомутахъ, въ шлеяхъ, съ ними пришла цѣлая толпа конюховъ, одни лошадей держать, другіе ихъ запрягаютъ, оправляютъ, охорашиваютъ. Кучеръ Ермилъ все еще въ поддевкѣ пока запрягаютъ, онъ самъ обыкновенно съ серьезнымъ видомъ ходитъ и все осматриваетъ: онъ одѣнется, также какъ и форрейторъ Ефимъ («Ефимка») потомъ, гдѣнибудь за угломъ, когда все будетъ готово и имъ ужъ вотъ-вотъ садиться—одному на козлы, а другому въ сѣдло.

И до чего все это свѣжо у меня въ памяти! какъ сейчасъ, я вижу, смотримъ мы на все это изъ оконъ, выбѣгаемъ вмѣстѣ съ вышедшими на крыльцо большими, озабоченно распоряжающимися, осторожно и бережно выносящими и укладывающими въ карету узелочки, картонки, свертки...

Наконецъ карета уложена, запряжена, кучеръ Ермилъ сидитъ, совсѣмъ оправленный и подоткнутый, на козлахъ, «Ефимка» форрейторъ на сѣдлѣ, Никифоръ, нашъ выѣздной человѣкъ, готовъ тоже. Мы уже позавтракали.

— Ну, что же, сядемъ? Передъ отъѣздомъ надо помолиться Богу, да и пора въ путь уже,—говоритъ матушка, какъ бы мысль эта ей только-что сейчасъ пришла въ голову, одѣтая тоже, какъ и всѣ, совсѣмъ уже по дорожному.

Садятся всѣ, молча сидятъ съ полминуты, начинаютъ потомъ креститься, встаютъ. Слышатся поцѣлуи, говорятъ: «съ Богомъ», «въ путь добрый», и проч. Матушка дѣлаетъ въ послѣдній—не сотый ли разъ?—замѣчаніе относительно огня, т. е. осторожнаго обращенія съ огнемъ. Остающаяся въ домѣ за старшую по женскому хозяйству и вообще по женской части, Евпраксѣюшка, говоритъ:— «Будемъ остожны, избави Господи. Что такое, какъ же это можно? Будьте покойны, сударыня-барыня — смотрѣть будемъ еще пуще обыкновеннаго». Отецъ насъ цѣлуетъ, креститъ, какъ бы мимоходомъ, но серьезно говоритъ:—«Не шалите же, не дурачтесь, Анна Карловна, вы смотрите пожалуйста за ними». Съ матушкой онъ говоритъ, напоминая ей намеками про вопросы высшей политики, какъ съ кѣмъ встрѣтиться, кому не забыть, что сказать, кому объ чемъ ничего не говорить и пр., и пр. Все переговорено, все подтверждено — пора же, наконецъ, садиться въ карету и ѣхать... Выходимъ на крыльцо, начинается усаживаніе, кончается оно. Въ тарантасѣ, запряженномъ парой, позади кареты, уже сидятъ нянька Дарья Аѳанасьевна съ Матрешей: онѣ забрались туда сейчасъ же, какъ увидѣли насъ выходящихъ на крыльцо. Теперь всѣ ждутъ только, когда отойдетъ отъ дверецъ кареты отецъ, договаривающій еще о чемъ-то съ матушкой, и когда выѣздной нашъ лакей Ни-

кифоръ, стоящій тутъ же, крикнетъ Ермилу кучеру:—Пошелъ! и самъ съ удивительной, всѣхъ насъ удивлявшей, ловкостью вскочитъ на козлы, когда карета, какъ корабль какой-нибудь, медленно отчалитъ и тронется въ дальный путь... Наконецъ отецъ отходитъ отъ окна кареты и какъ бы передаетъ этимъ насъ въ вѣдѣніе Ермила, Никифора и прочихъ. Раздается: «Пошелъ!» Карета всколыхнулась на своихъ ремняхъ и рессорахъ и поплыла. Какъ въ панорамѣ проходятъ передъ нами, куда-то двигаясь, флигеля, конюшни, людскія; потянулся длинный валъ, что идетъ вокругъ всего нашего сада. Мы смотримъ въ этотъ садъ, сквозь строй стволовъ березъ, липокъ, кленовъ. Тамъ виднѣются дорожки, знакомыя мѣста, и какъ-то вдругъ станетъ скучно—не скучно, а тоскливо—станетъ на душѣ... Въ каретѣ всѣ сидятъ съ постными лицами и молча...

Но это не долго протянется: только исчезнутъ изъ вида усадьба и знакомыя близкія мѣста, начнутся у насъ разговоры: новые предметы, попадающіеся на встрѣчу, начнутъ привлекать любопытство,—прелесть поѣздки—путешествія проявятся во всей своей завлекательности...

II.

Дукмасовское Знаменское было большое имѣніе, отлично, по тогдашнему, устроенное. Обширная усадьба отличалась прочностью, «капитальностью», какъ говорили тогда, всѣхъ построекъ. Дѣйствительно, всюду виднѣлись огромныя, толстыя бревна, крыши вездѣ были желѣзныя, всѣ строенія на каменныхъ фундаментахъ, на дворѣ порядокъ и чистота; сейчасъ видно было, что тутъ живетъ дѣйствительно хозяинъ. Такое же впечатлѣніе простора и прочности производилъ и домъ—обширный, съ высокими, большими комнатами, наполненными прочною мебелью, чинно стоявшей вдоль стѣнъ; все было солидно, массивно въ домѣ; даже половики, которые въ обыкновенные, не парадные дни, лежали вдоль всѣхъ комнатъ и корридора, поражали широтой и добротностью холста. По этимъ половикамъ неслышными шагами бѣгали безчисленныя молоденькія горничныя, дѣвчонки-подростки, и скромно выступали степенныя, приближенныя къ «тетенькѣ» женщины, завѣдывавшія кружевницами, коверщицами, вышивальщицами и пр. и пр. По нимъ же, по этимъ половикамъ, торопливой и тоже не слышной походкой спѣшно проходили лакеи и рысцой пробѣгали казачки, принося то и дѣло господамъ трубки и длинненькія, сложеныя вдвое, полосочки бумаги для закуриванія—спички тогда только-что входили въ употребленіе, да и то были вонючіе, съ сѣрой, и, назывались «сѣрничками»; всѣ поэтому закуривали или отъ бумажки, или отъ уголька, или, въ солнечные дни, отъ зажигатель-

наго стекла. Бѣготни прислугѣ было много, но происходила она, если такъ можно было выразиться, въ порядкѣ, благоустроенно и чинно. Бѣда, если бы «тетенька» замѣтила, что какой-нибудь лакей или горничная смѣются, перекидываются словами.

Одной стороной домъ выходилъ на обширный дворъ, содержавшійся въ удивительномъ порядкѣ, по срединѣ котораго, въ видѣ бесѣдки съ шпицемъ и вырѣзаннымъ изъ желѣза флюгеромъ-лошадкой, былъ устроенъ колодезь,—а другой стороной домъ примыкалъ къ саду старинному, громадному съ безконечными, казалось намъ, березовыми, липовыми, кленовыми и дубовыми дорожками, съ кругами, съ куртинами, наполненными яблонями, вишнями, кустами орѣшника, черной и красной и бѣлой смородины, крыжовника и проч. Въ саду были устроены просторныя акацивыя бесѣдки, гдѣ вершины деревьевъ были такъ связаны, что образовывали куполъ. Это намъ, дѣтямъ, казалось верхомъ садоваго искусства.

— Отчего у насъ въ саду этого нѣтъ?—спрашивали мы гувернантку Анну Карловну.

— Это очень трудно сдѣлать.

Мы и думали, что это очень трудно сдѣлать и потому дивились.

Садъ примыкалъ къ рѣкѣ довольно широкой и какъ намъ говорили очень глубокой. Вода въ ней была чистая, прозрачная, не то что въ нашемъ прудѣ и водились въ этой рѣкѣ не одни лишь караси, какъ въ нашемъ прудѣ, но и другая всякая рыба: окуни, ерши, лещи и раки. Нянька наша и сопровождавшія иногда насъ «ихнія» горничныя дѣвушки и женщины разсказывали намъ даже про сомовъ, огромныхъ, головатыхъ, которые водились въ глубокихъ омутахъ этой рѣки, и которые проглатывали не только утокъ, но хватали за ноги даже дѣтей, когда тѣ купались и не осторожно доплывали до глубокихъ мѣстъ...

За рѣкой, по той сторонѣ, было видно гумно съ ригой, какими-то сараями, овинами, амбарами и такимъ количествомъ скирдовъ хлѣба, котораго, собраннаго въ одномъ мѣстѣ, больше мы не видывали. Это были безконечно длинные ряды скирдовъ, начиная отъ совершенно темнаго цвѣта прошлогоднихъ, третьягодняшнихъ, четверогодняшнихъ, чѣмъ старше, тѣмъ темнѣе, и до урожая нынѣшняго года, золотыхъ въ сравненіи съ ними. Когда мы бывали въ Знаменскомъ не въ началѣ лѣта, а въ концѣ, мы видали эту роскошную картину невиданнаго нами обилія...

— Дѣдушка богатъ,—говорила нянька и всѣ, и мы дивились, слушая ихъ, этому видимому его богатству...

По другую же сторону рѣки, вдали, синѣлъ лѣсъ, принадлежавшій тоже дѣдушкѣ. Въ нашей степной сторонѣ лѣса не было ни у кого, ни у насъ, ни у сосѣдей, и потому и лѣсъ насъ занималъ и мы разспрашивали тоже про него.

— Земляники такъ что̀, ягодъ всякихъ, орѣховъ, грибовъ,—разсказывали намъ.

Мы однажды, въ какую-то поѣздку нашу, ѣздили въ лѣсъ, т. е. ѣздили всѣ и насъ взяли съ собою, и я помню первое впечатлѣніе лѣса—таинственное и страшное, которое показалось еще болѣе такимъ отъ поднявшейся вдругъ, когда мы тамъ были, бури съ грозой и дождемъ. Въ вершинахъ деревьевъ стоялъ гулъ, какъ голоса какіе раздавались тамъ... Мнѣ всю ночь потомъ снился этотъ лѣсъ, гроза въ немъ и ливень...

Дѣдушка съ бабушкой («тетенькой») были богаты и мужиками. Кромѣ того, что мужиковъ было много у нихъ, они были еще и самые богатые въ уѣздѣ.

— Такихъ мужиковъ, какъ Дукмасовскіе, гдѣ же вы еще встрѣтите?—говорили про нихъ всѣ:—исправные, богатые, не воры, не разбойники. Григорій Михайловичъ умѣлъ ихъ поставить и держать ихъ въ рукахъ...

Я помню, слушая эти разговоры про Знаменскихъ мужиковъ, я думалъ все: какъ же это онъ, дѣдушка, сдѣлалъ это?—Всѣ хозяева, у всѣхъ есть мужики, а сдѣлалъ только онъ одинъ; никто не съумѣлъ этого сдѣлать, а онъ съумѣлъ... Я помню, съ какимъ вдумчивымъ вниманіемъ, подъ впечатлѣніемъ этихъ разсужденій, я разсматривалъ каждый разъ длинные ряды мужицкихъ избъ въ Знаменскомъ, пытливо смотрѣлъ на лица попадавшихся намъ на встрѣчу мужиковъ...

И какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли, матушка иногда, глядя въ окно кареты на мужицкія избы въ Знаменскомъ, на ихъ дворы и гумна, говорила:

— Анна Карловна, хлѣба-то что у мужиковъ—смотрите-ка, и вѣдь все старый еще, третьягодняшній.

Я слышилъ эти разговоры о богатствѣ Знаменскихъ мужиковъ и дома, когда мы возвращались изъ Знаменскаго.

— Григорій Михайловичъ умный человѣкъ,—соглашался отецъ, слушая эти разсказы,—онъ понимаетъ это дѣло...

Я помню разсказъ объ этихъ же мужикахъ, какъ какой-то Сидоръ Егоровъ предлагалъ дѣдушкѣ выкупъ за себя съ семьей восемь тысячъ, а Макаръ Семеновъ десять тысячъ и дѣдушка все-таки не взялъ, не согласился ихъ отпустить на волю.

— Чтожъ тутъ такого, и неудивительно,—разсуждали всѣ—соглашались,—при его состояніи можно все себѣ позволять. Другой, бѣдный человѣкъ, на его мѣстѣ, разумѣется, взялъ бы—десять тысячъ, за одну семью большія деньги—а ему что̀? Богачей онъ всѣхъ выпуститъ изъ деревни—она ужъ не та у него будетъ. Онъ изъ самолюбія этого не дѣлаетъ. Вотъ, дескать, какіе у меня есть мужики.

— Это, т. е., какъ же выкупъ?—спрашивалъ я при этомъ, слушая ихъ разсказы—разсужденія.

— Очень просто,—отвѣчали мнѣ,—мужикъ внесетъ деньги, а ему дадутъ вольную.

— И онъ уѣдетъ тогда?

— Куда угодно, сдѣлай одолженіе...

Помню я, когда мы гостили въ Знаменскомъ, поѣздки по праздникамъ въ церковь къ обѣднѣ и при этомъ мужиковъ знаменскихъ и бабъ, одѣтыхъ по праздничному. Мы подъѣзжаемъ, а большая каменная знаменская церковь ужъ полна народомъ; народъ стоитъ на паперти, вокругъ церкви, ограды, передъ отворенными настежъ церковными дверями. И вся эта масса, одѣтая по праздничному, молящагося народа кланяется намъ, а дѣдушка съ бабушкой, мы и другіе родственники и гости, пріѣхавшіе съ нами, проходимъ въ церковь и намъ всѣ тамъ тоже кланяются, даютъ дорогу, тѣснятся.

— Вотъ этотъ,—слышу я позади себя или возлѣ, кто-нибудь говоритъ, когда мы займемъ свои мѣста и станемъ, чтобы молиться,—вотъ этотъ вотъ, вонъ съ сѣдой бородой мужикъ, видите, это самый первый богачъ... Десять тысячъ за себя это онъ Григорію Михайловичу выкупу давалъ,—онъ и двадцать можетъ дать...

И дѣйствительно они, знаменскіе мужики, поражали непривычный взглядъ видомъ своего довольства. Ѣдутъ—лошади у нихъ такъ и блестятъ, шерсть лоснистая, мѣдныя бляхи у шлей горятъ на солнцѣ, а сами жирныя лошади едва бѣгутъ, да и то какъ-то лѣниво, сонно, точно онѣ пообѣдали сейчасъ, хотятъ спать, а ихъ запрягли...

Но я помню также, что эти всѣ разсматриванья Знаменскихъ мужиковъ со стороны ихъ довольства и богатства, всѣ разсужденія объ этомъ ихъ довольствѣ и богатствѣ, на меня, ребенка еще, все-таки производили какое-то странное впечатлѣніе, мнѣ невольно приходило въ голову сравненіе съ такимъ же разсматриваніемъ коровъ въ стадѣ, когда ихъ прогоняли мимо насъ домой съ поля, и разсуждали объ относительной сытости ихъ, о количествѣ даваемаго ими удоя... Было что-то странное, эгоистическое, матеріальное, безучастное въ этихъ разсужденіяхъ и это дѣтской чуткой душой сейчасъ чувствовалось, слышалось. О людяхъ не говорятъ такъ теперь. Объ нихъ такъ можно было говорить только тогда—тогда, когда они были собственностью. Тамъ чтобы мнѣ не говорили о томъ времени, но теперь такъ не говорятъ объ людяхъ, потому что теперь ихъ такъ нельзя разсматривать...

Въ такомъ же блестящемъ видѣ представлялись и дворовые въ Знаменскомъ, которые жили отдѣльно отъ мужиковъ, цѣлыми поселками, сейчасъ за усадьбою господской, на берегу пруда. У нихъ у всѣхъ были собственныя избы, свой скотъ, коровы, свиньи, овцы, у нѣкоторыхъ даже лошади. Я помню завистливые взгляды и такіе

же завистливые разговоры и разсужденія родственниковъ и сосѣдей и по поводу ихъ.

— Да у иного помѣщика и мужики такъ не живутъ, какъ дворовые здѣсь. Какіе же это дворовые? У нихъ все у каждаго есть свое.

Я помню завистливый испугъ даже одной нашей родственницы, которая раньше не бывала въ Знаменскомъ, и, пріѣхавъ, увидала или узнала отъ кого, что коровы, овцы и свиньи дворовыхъ ходятъ и пасутся отдѣльнымъ стадомъ отъ крестьянскаго. Она никакъ все не могла свыкнуться съ мыслью объ такомъ благополучіи этихъ дворовыхъ и все разспрашивала:

— А гдѣ же это стадо ходитъ? Почему же отдѣльно отъ крестьянскаго?

— Потому что крестьянское стадо ходитъ по крестьянской землѣ,—отвѣчали ей,—а это по господской. У дворовыхъ же вѣдь нѣтъ земли...

Но тутъ къ вящшему ужасу ея оказалось, что у дворовыхъ въ Знаменскомъ есть и земля: имъ было дано по нѣскольку, по осьминнику на семью, чтò-то въ родѣ этого, для посѣвовъ конопли, картофеля, капусты, овощей и проч. Бѣдная родственница послѣ этого замолчала даже, только поднимала плечи и все улыбалась. Но что это была за улыбка! Въ ней все было, даже чувство жалости «къ дяденькѣ»—дѣдушка ей приходился дядей—что его такъ обираютъ и грабятъ дворовые...

Дворня въ Знаменскомъ была многочисленная, я не знаю, не помню теперь сколько было всѣхъ дворовыхъ, но чтò-то очень много. Цѣлые флигеля отдѣльно были заняты коверщицами, которыя ткали попоны для лошадей, ковры; были потомъ флигеля, въ которыхъ работали кружевницы, вышивальщицы по батисту и тонкому полотну, которыя вышивали не только воротнички и рукавчики, но цѣлыя пеньюары и платья. Ниже объ этомъ будетъ сказано подробнѣе... Наконецъ, было множество женщинъ, женъ кучеровъ, конюховъ, поваровъ, садовниковъ, ткачей, лакеевъ, которые были при дѣвичьей, въ домѣ, при флигеляхъ для пріѣзжихъ родственниковъ и гостей, ходили въ ключахъ, т. е. при кладовыхъ, ледникѣ, подвалѣ, выходѣ, ходили за птицей: за гусями, утками, курами, индѣйками, коровницы, скотницы, которыя ходили доить коровъ, поить телятъ, сбивали масло и проч. и проч.

Но больше всего бросалось въ глаза и дразнило зависть—внѣшній видъ дворни, особенно конюховъ и кучеровъ: всѣ въ красныхъ рубашкахъ, въ синихъ тонкаго сукна чуйкахъ, въ поддевкахъ и полушубкахъ зимой.

— Выводитъ, каналья, лошадь,—она блеститъ и рожа у него съ жиру блеститъ,—говорили, я помню, про конюховъ.

— А, кучеръ-то! Вѣдь онъ, ракалья, кромѣ тройки, знать ничего не хочетъ. Какая у него забота—никакой. Объ чемъ ему думать?

И дѣйствительно, въ Знаменскомъ и тщательно вычищенныя и отлично кормленыя лошади блестѣли и блестѣли также и тѣ, кто ходилъ за ними и правилъ ими, тоже отлично одѣтые и хорошо кормленые...

Все въ Знаменскомъ носило на себѣ печать прочности и прочной, обезпеченной сытости. Это не было случайностью, это было дѣло цѣлаго строя, порядка, который достигъ въ Знаменскомъ своей высшей степени, которой онъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь достигалъ и могъ достигнуть.

— Да, говорили всѣ, у Дукмасовыхъ такое житье людямъ, какого ужъ, кажется, нигдѣ нѣтъ.—Какъ въ раю живутъ...

И, по тогдашнему, это былъ рай...

III.

Владѣльцы этого «рая», дѣдушка Григорій Михайловичъ и бабушка Варвара Николаевна, были люди замѣчательные.

Дѣдушка былъ высокъ ростомъ, худощавъ, сухого сложенія; коротко, подъ гребенку остриженъ; сѣдъ, съ краснымъ лицомъ, на которомъ торчалъ маленькій, сухенькій носикъ; все лицо бритое и оттого жесткое—я такого жесткаго лица не зналъ другого. Когда онъ насъ цѣловалъ, то подставлялъ свою щеку и я помню, какая она была сухая, черствая, съ жесткими морщинами. Но самое замѣчательное въ немъ—были его глаза—совсѣмъ свѣтло-свѣтло сѣрые, притомъ мутные и какіе-то точно остановившіеся, застывшіе: онъ ими почти не моргалъ. Это, впрочемъ, можетъ быть, было отъ того, что онъ, какъ говорили, «страдалъ глазами»: въ молодости, онъ много кутилъ, по разсказамъ, и это оттого. Дѣдушка почти постоянно носилъ большой шелковый зеленый зонтъ надъ глазами, который онъ въ рѣдкихъ случаяхъ и то на самое короткое время снималъ. Отъ этого зонта видъ у него былъ даже какой-то страшный и когда мы были совсѣмъ еще маленькіе, мы прямо боялись его.

— Какой онъ страшный,—говорили мы.—Мама, онъ сердитый.

— Вздоръ какой. Дѣдушка-то?—Вы не вздумайте еще это въ Знаменскомъ разсказывать...

Говорилъ онъ мало и то отрывочно, замѣчаніями по поводу того, что ему разсказывали, или того, что онъ слышалъ, при немъ говорили. Скажетъ свое мнѣніе или замѣчаніе въ двухъ-трехъ словахъ и опять замолчитъ и неизвѣстно—не видать его глазъ подъ зонтомъ—что онъ спитъ, дремлетъ или слушаетъ. Отъ этого разсказчикъ, особенно съ непривычки, не зная, слушаетъ ли его дѣдушка, время отъ времени останавливался, поглядывалъ на другихъ, какъ бы спрашивая ихъ: «продолжать мнѣ, или онъ заснулъ?» Присутствующіе тогда кивали ему успокоительно головой,

дескать, продолжайте, продолжайте—это у него привычка такая, или самъ дѣдушка, пожевавъ сухими, узкими губами говорилъ: «ну-съ... я слушаю»... Разсказчикъ продолжалъ, ставилъ въ разговорѣ вопросы, дѣлалъ даже почти прямо обращеніе къ дѣдушкѣ,—онъ все молчалъ, Наконецъ, тотъ опять начиналъ останавливаться, оглядываться и дѣдушка тогда, пожевавъ, говорилъ:—«ну-съ... я слушаю»...

Иногда для чего-то мы сидѣли тутъ же и слушали, слушали безъ конца, эти скучнѣйшіе, длиннѣйшіе разговоры и не знали когда это насъ отпустятъ бѣгать въ садъ или играть въ другія комнаты. Но матушка насъ удерживала, показывала глазами, пожимала плечами, дескать, «нельзя, сидите—что это за глупости»... Я очень часто, особенно когда былъ поменьше, начиналъ наконецъ клевать носомъ, а сестра Соня—такъ та прямо прислонится къ спинкѣ дивана или кресла и спитъ, пока матушка, или кто-нибудь изъ родственниковъ, не замѣтятъ этого и не разбудятъ ее. Тогда ужъ, во избѣжаніе скандала дальше, и чтобы также не замѣтилъ этого дѣдушка, матушка тихонько, на ципочкахъ, чтобы не помѣшать разговору, вставала, подзывала насъ пальцемъ къ себѣ и уводила. Дорогой она, разумѣется, дѣлала намъ наставленія, какъ это нехорошо мы дѣлаемъ, что это невѣжливо, дѣдушка если увидитъ, можетъ обидѣться и что поэтому другой разъ она насъ съ собою въ Знаменское не возьметъ.

Но мы были рады, что насъ наконецъ отпустили и мы опять можемъ и бѣгать, и играть. Ея угрозы, что она насъ съ собою сюда другой разъ не возьметъ, мы не боялись, понимая, что это она такъ только говоритъ.

Дѣдушка всегда почти держалъ въ лѣвой рукѣ короткій, не длиннѣе аршина, черешневый чубукъ съ глиняной на концѣ трубкой, которую раскуривалъ иногда до того, что табакъ горѣлъ въ ней, какъ уголь, краснымъ огнемъ и искры такъ и падали изъ нея. Тогда онъ большимъ пальцемъ правой руки, прижималъ огонь. Отъ этого у него палецъ этотъ бытъ въ нижней своей части всегда темнокоричневый, обожженный. Дѣдушка, какъ и всѣ тогда, курилъ Жуковъ табакъ, въ синихъ четверткахъ, и весь пропахъ имъ. Я, какъ сейчасъ помню этотъ слащавый, «медовый», какъ называли тогда, запахъ и онъ, по своему, былъ хорошъ.

Только передъ обѣдомъ и потомъ по вечерамъ дѣдушка приходилъ въ гостиную и вотъ такъ сидѣлъ и слушалъ разговоръ, а то все время, если былъ въ домѣ, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, гдѣ чтò-то считалъ и разбиралъ какія-то бумаги. Туда къ нему приходили и, остановившись у притолки дверей, говорили съ нимъ приказчикъ, бурмистръ, конюшій и проч. Съ ними дѣдушка говорилъ точно такими же отрывочными замѣчаніями и никогда не возвышая голоса. Также почтительно и у этой же притолки сто-

яли и купцы, пріѣзжавшіе къ нему покупать рожь, овесъ, пшеницу, лошадей. У него былъ очень хорошій конскій заводъ, славившійся въ свое время.

Дѣдушка никогда ничего не читалъ. Въ домѣ, кажется, не было совсѣмъ книгъ. Въ кабинетѣ у него на желтомъ, карельской березы, письменномъ столѣ лежали только лѣтъ за двадцать, одинъ на другомъ календари да какая-то большая толстая книга, содержаніе и заглавіе которой я не знаю; только не библія и не евангеліе. По стѣнамъ висѣли мушкетоны, ружья съ кремнями, турецкіе пистолеты, кривые, почти дугой, ятаганы, черкесскія шашки и цѣлая коллекція старинныхъ, прадѣдовскихъ, временъ Елисаветы и Екатерины шпагъ и сабель—огромныя, съ разлатыми, какъ рога оленя, рукоятками и совершенно заржавившими лезвіями. Между ними висѣлъ въ рамкѣ, новенькій, чистый, не закоптѣлый, литографированный портретъ графа Орлова-Чесменскаго на бѣговыхъ дрожкахъ, въ халатѣ со звѣздой и въ собольей шапкѣ, проѣзжающаго шагомъ своего знаменитаго Барса, родоначальника всѣхъ рысаковъ. Этотъ портретъ тогда у всѣхъ былъ заводчиковъ лошадиныхъ, а у кого тогда въ нашей сторонѣ не было заводовъ конскихъ?..

Дѣдушка вставалъ всегда рано, и зимой и лѣтомъ въ четыре часа, и въ халатѣ, съ трубкой, выходилъ въ залъ, гдѣ къ этому времени на развернутомъ ломберномъ столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, поставленномъ по срединѣ комнаты, былъ приготовленъ чай; кипѣлъ самоваръ, на блюдечкѣ лежали ломтики лимона и степеннаго вида женщина Евпраксьюшка, довѣренная и приближенная въ домѣ, стояла возлѣ стола, готовая наливать въ стаканъ дѣдушкѣ чай. Онъ показывался въ дверяхъ, и она снимала салфеточку съ чайника,—на самоваръ его никогда не ставили—и наливала. Дѣдушка подходилъ къ столу, отхлебывалъ глотокъ, другой и начиналъ ходить взадъ и впередъ по бѣлому чистому холщевому половику, разостланному вдоль всѣхъ парадныхъ комнатъ. Въ это же время являлась съ метелочками и гусиными крыльями горничная и начинала подметать полы и стирать пыль. Дѣдушка ходилъ такъ по комнатамъ долго, съ часъ. Онѣ не мѣшали ему.

Однажды какъ-то, еще наканунѣ испросивъ позволенія на другой день какъ можно раньше встать и отправиться съ нашимъ человѣкомъ Никифоромъ удить рыбу на рѣку, я совсѣмъ ужъ одѣтый, готовый, вышелъ въ парадныя комнаты и наткнулся на странную тогда для меня сцену. Дѣдушка, этотъ суровый человѣкъ, стоялъ въ гостиной и держалъ за подбородокъ молоденькую какую-то горничную. Потомъ дѣдушка потрепалъ ее по щекѣ и хотѣлъ было взять за талію, какъ вдругъ въ это время замѣтили—онъ или она—меня и все сразу перемѣнилось: дѣдушка пошелъ, медленно зашагавъ,

шлепая туфлями, а молоденькая горничная принялась крылышкомъ подметать полъ...

Но дѣдушка, должно быть, что-то подумавъ, захотѣлъ отвести мнѣ глаза, схитрить. Возвращаясь изъ залы опять, онъ сдѣлалъ видъ, что только сейчасъ меня увидалъ и даже ласковѣе обыкновеннаго нагнулся ко мнѣ, подставилъ свою щеку и высказалъ удивленіе, куда это я такъ рано всталъ и собрался.

— Ну, выпей хоть стаканъ чаю-то со мною,—проговорилъ онъ.

Я повиновался и Евпраксьюшка налила и мнѣ.

Но ни слова больше—какъ будто ничего не было и я ничего не видалъ. Я никому не сказалъ объ этомъ въ то время, боясь, какъ бы не перестали мнѣ позволять рано вставать и ходить удить рыбу...

Впослѣдствіи уже я узналъ, что случай, видѣнный мною, не былъ исключительнымъ и дѣдушка, когда захочетъ, былъ и веселый и ласковый и умѣлъ шутить...

Бабушка («тетенька») Варвара Николаевна, напротивъ, была отъ природы нрава необыкновенно вспыльчиваго, горячаго и необыкновенно подвижная. Лицомъ же, сложеніемъ и вообще всѣмъ корпусомъ она походила на императрицу Анну Іоанновну на полтинникахъ и рублевикахъ. Такая же полнота въ груди, въ плечахъ, и такой же, какъ бы отуманенный сладкой задумчивостью взоръ. Росту она была средняго, блондинка, съ переходомъ въ рыжую, глаза голубыя съ поволокой, выраженіе которыхъ часто мѣнялось, смотря по тому, что она говорила. Если она, напримѣръ, описывала чью-нибудь красоту, то, для наглядности, придавала своимъ глазамъ упомянутое выше выраженіе сладкой пріятной задумчивости и слегка какъ-то трепетала при этомъ рѣсницами. Если, напротивъ, разсказывала о чьемъ-нибудь коварствѣ, какъ кто-нибудь хотѣлъ ее надуть, обмануть или вывѣдать чрезъ нее чтò-нибудь, она глаза щурила и однимъ изъ нихъ, ближайшимъ къ слушателю подмигивала, дескать: «ахъ, ужъ оставьте, насъ тоже не проведешь»... Когда же бабушка была чѣмъ-нибудь огорчена, слушала чтò-нибудь непріятное, узнавала нехорошее извѣстіе, она складывала губы, какъ-то стягивая ихъ въ пучечекъ; выраженіе же лица было совсѣмъ убитое; въ это время она также часто вздыхала. Но особенная она совсѣмъ была, когда такъ сказать, развертывалась. Много гостей, она довольна, въ духѣ, видитъ что все хорошо, въ порядкѣ, всѣ удивляются ея хозяйству, обилію всего у нея,—тогда, кромѣ глазъ съ поволокой и трепетанія рѣсницъ, она еще и произносила нѣкоторыя слова въ носъ «по-французски». Это былъ уже верхъ блаженства и здѣсь она иногда проговаривалась, а злые языки потомъ пускали входъ ея обмолвки, которыя и облетали весь уѣздъ и проникали даже далѣе, за предѣлы его, достигая всѣхъ ея родственниковъ и знакомыхъ.

Вообще, надо правду сказать, воспитанія она большого не получила. Оно было у нея домашнее, того времени, и при томъ мелкопомѣстной среды. Бабушка была взята дѣдушкой за красоту, совсѣмъ безъ приданаго, изъ бѣднаго рода дворянъ Мутовкиныхъ, жившихъ въ своемъ маленькомъ имѣньицѣ недалеко отъ Знаменскаго. Дѣдушка увидалъ какъ-то однажды ее въ церкви, во время обѣдни, былъ пораженъ ея красотою и, никому не сказавъ объ этомъ ни слова, поѣхалъ къ бѣднымъ Мутовкинымъ, никакъ неожидавшимъ къ себѣ визита богатаго и гордаго (дѣдушка былъ очень гордъ) сосѣда, и сдѣлалъ тутъ же или на другой день предложеніе. Черезъ мѣсяцъ была ихъ свадьба... Бабушка очень любила разсказывать объ этомъ, причемъ глаза ея покрывались поволокой.

— Григорій Михайловичъ тогда вѣдь очень красивъ былъ,—разсказывала она:—глаза эти... (при этомъ слушатели закусывали губы; дѣлали серьезныя и внимательныя лица, чтобы не улыбнуться). Тогда глаза эти,—продолжала бабушка,—были у него еще навыкатѣ, строгіе эдакіе и я первое время его боялась...

Бабушка начинала иногда объ этомъ разсказывать и при дѣдушкѣ; тогда онъ откашливался слегка и если она ужъ очень при этомъ расходилась, то и останавливалъ ее. Бабушка вздыхала и замолкала, и это портило потомъ всегда ея расположеніе духа...

Какъ я уже сказалъ, бабушка была проникнута необыкновеннымъ уваженіемъ къ происхожденію дѣдушки и считала родъ Дукмасовыхъ кажется самымъ аристократическимъ у насъ родомъ. Уже принадлежавъ въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ къ нему чрезъ свое замужество съ дѣдушкой, она все не могла утратить этого уваженія своего. Вступивъ въ родъ, современемъ, это чувство уваженія въ ней обратилось, кажется, въ личное самолюбіе, какъ принадлежащей теперь къ этому роду. Никто такъ не былъ чувствителенъ къ малѣйшимъ и самымъ отдаленнѣйшимъ намекамъ на какой-нибудь неблаговидный случай въ дукмасовскомъ прошедшемъ, какъ она. Сейчасъ же она начинала защищать, хотя и дѣлала это не всегда удачно и бывали случаи, что было бы гораздо лучше, если бы она промолчала и показала видъ, что это ей все равно...

Говоря строго, бабушка не была авторитетомъ и дома, и если всѣ справедливо удивлялись ея хозяйству, порядку заведенному ею, ея удивительнымъ коверщицамъ, кружевницамъ и вышивательщицамъ, то самою ее, взятую какъ личность, высоко никто не цѣнилъ, чему много способствовали вотъ тѣ ея «обмолвки», о которыхъ было говорено выше. За глаза объ ней безъ улыбки почти никто не говорилъ.

И помимо даже того, что будетъ разсказано дальше, я не думаю, чтобы она была съ добрымъ сердцемъ; мнѣ кажется, она, кромѣ своей недалекости, была еще и холодная, безсер-

дечная женщина. Преобладающей чертой у нея во всякомъ случаѣ было бахвальство, самолюбивое, честолюбивое. Похваляя ее, удивляясь ея хозяйству, восторгаясь имъ, льстя, однимъ словомъ, ей, можно было у нея многое добыть. По крайней мѣрѣ, многіе съ успѣхомъ достигали такимъ образомъ своихъ цѣлей: бабушка расщедривалась и отдавала или дѣлала льстецу то, чего бы она иначе не сдѣлала и не отдала.

Дѣтей у бабушки съ дѣдушкой было немного—всего двое: дочь Полинька, Палагея Григорьевна, воспитывавшаяся гдѣ-то въ Москвѣ въ институтѣ, откуда ее привозили на лѣто, «воздушная», необыкновенно наивная дѣвушка, похожая въ одно время и на мать, и на отца. Она съ нами обращалась, какъ съ дѣтьми, покровительственно, а вообще насъ не любила. Почему-то намъ было запрещено называть ее «тетенькой», кажется, потому, что это названіе старитъ дѣвушку, а ей было еще всего восемнадцать лѣтъ. Намъ было велѣно и мы звали ее Полинькой.

А затѣмъ былъ сынъ Коля, Николай Григорьевичъ. Этотъ воспитывался въ Петербургѣ, въ лицеѣ, и также пріѣзжалъ къ родителямъ на лѣто. Но я хорошо помню его уже чиновникомъ. Онъ служилъ гдѣ-то какимъ-то секретаремъ и я, услыхавъ первый разъ этотъ его чинъ или званіе, все думалъ, я помню, какіе же это секреты онъ знаетъ? И ждалъ отъ него, не станетъ ли онъ намъ показывать эти свои секреты-фокусы?.. Уже впослѣдствіи я понялъ какая злая иронія на чиновниковъ заключается въ этомъ словѣ...

Этого мы звали дядей—это намъ было позволено и это ему самому кажется нравилось. «Дядя Коля» былъ болѣзненнаго вида съ старчески-изношеннымъ лицомъ молодой человѣкъ. Онъ постоянно чѣмъ-то страдалъ и принималъ какія-то лекарства; былъ необыкновенно вѣжливъ и почтителенъ къ матери и отцу; почтительно цѣловалъ у нихъ послѣ обѣда, ужина и чая, руки, а равно когда здоровался утромъ и прощался вечеромъ. Намъ это видѣть въ такомъ большомъ сынѣ было особенно еще странно потому, что мы отроду не цѣловали руки у отца: онъ не позволялъ этого, и вообще никому не давалъ цѣловать руки.

«Дядя Коля» былъ, кромѣ того, еще камеръ-юнкеромъ и въ деревню, куда онъ пріѣзжалъ въ отпускъ, привозилъ съ собою мундиръ камеръ-юнкерскій. Бабушка съ дѣдушкой, иногда, когда собиралось много гостей, приказывали ему надѣвать его и онъ выходилъ въ гостиную въ чулкахъ, башмакахъ и въ разшитомъ золотомъ мундирѣ. Всѣ на него смотрѣли, онъ ходилъ такъ съ полчаса, потомъ его отправляли переодѣться.

— Теперь вотъ только ключъ ему,—когда онъ уходилъ, говорилъ дѣдушка,—и совсѣмъ будетъ на ногахъ.

Я слышалъ это нѣсколько разъ уже, почти даже всякій разъ,

какъ заставляли его переодѣваться въ камеръ-юнкерскій мундиръ, и однажды спросилъ матушку: про какой это такой ключъ все говоритъ дѣдушка?

— А это, который дядя Коля долженъ получить.

— Какой же онъ?

— Золотой.

— На что же онъ?

— Чтобы носить.

— Гдѣ?—спросилъ я.

— Вотъ гдѣ.

И матушка шутя дала мнѣ шлепка отъ котораго я, засмѣявшись, весело подпрыгнулъ... Но я тогда все-таки не понялъ ничего; за то теперь каждый разъ, когда я вижу такой ключъ, я вспоминаю и дядю Колю и этотъ тогда разговоръ....

Но бабушка, однакожъ, какъ ни странно это было, не любила его: она гораздо больше любила дочь, Полиньку. И причина этого была кажется единственно въ томъ, что «дядя Коля» былъ весь, лицомъ и фигурой, въ ея, мутовскинскую, а не дукмасовскую родню: до того, какъ я сказалъ, она была проникнута уваженіемъ къ дукмасовскому роду...

И, казалось даже, чѣмъ больше онъ ухаживалъ за ней, тѣмъ онъ противнѣе ей становился и ее начинало иногда даже прямо раздражать.

А за глаза, конечно, только при близкихъ, она даже это непріятное чувство къ нему высказывала:

— Не лежитъ, мой другъ,—говорила она матушкѣ,—сердце у меня къ нему.

— Э, тетенька, полноте, что вы говорите,—возражала ей матушка.

— Нѣтъ, не говори, мой другъ... Не лежитъ... Ну, не лежитъ... не лежитъ...

Однажды, при мнѣ, во время такого разговора съ матушкой она назвала сына, «дядю Колю» «гнилымъ».

— И весь онъ гнилой,—сказала она...

Я не понималъ тогда этого слова и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее, а потомъ на матушку.

— Ну, ступай, иди къ Аннѣ Карловнѣ, играй съ сестрой,—сказала тогда мнѣ матушка, вѣроятно изъ опасенія какъ бы я, по обыкновенію своему, не сталъ ее разспрашивать, что такое это слово «гнилой» означаетъ...

Уже потомъ, гораздо позже, когда «дядя Коля» былъ и оберъ-секретаремъ, и имѣлъ ключъ, а я жилъ въ Петербургѣ, студентомъ университета, и часто видался съ больнымъ дядей, вѣчно лечившимся, я понялъ роковой смыслъ этого ея слова...

Вотъ изъ этихъ четырехъ лицъ—дѣдушки, бабушки, ихъ сына и дочери—состояло все семейство владѣльцевъ Знаменскаго «рая».

IV.

Не смотря, однако, на все то, что я сказалъ—да я тогда не понималъ и половины всего того, чтò видѣлъ—намъ, дѣтямъ, поѣздка къ бабушкѣ и дѣдушкѣ въ этотъ ихъ «рай», въ Знаменское, представлялась всякій разъ крайне интереснымъ, любопытнымъ, заманчивымъ и желаннымъ. Чтò собственно намъ нравилось тамъ, я теперь съ точностью опредѣлить не могу. Нравилось, вѣроятнѣе всего, даже просторъ, ширина размаха во всемъ, обиліе и относительная свобода отъ надзора за нами Анны Карловны. Въ Знаменскомъ она какъ-то стушевывалась—бабушка не любила ее и называла ее, какъ вообще гувернантокъ, «наемницею»—и мы очень часто были ввѣряемы тамъ многочисленнымъ, степеннымъ, надежнымъ и достойнымъ довѣрія приближеннымъ Евпраксѣюшкамъ, Авдотьюшкамъ, Аксиньюшкамъ и проч., съ которыми, вмѣстѣ съ нянькой нашей Устиньей Ивановной, мы и совершали прогулки по саду, проводя въ этомъ цѣлые дни, слушали разсказы этихъ женщинъ про бабушкино и дѣдушкино богатство, про обиліе всего въ Знаменскомъ и иногда слушали случайно и разговоры ихъ съ нашей нянькой и между собою, часто совсѣмъ другого характера, но тѣмъ не менѣе очень иногда любопытные и оставлявшіе по себѣ на насъ сильное впечатлѣніе... Анна Карловна, зная нелюбовь къ себѣ бабушки, устранялась, уединялась, стушевывалась, какъ я говорю, и отъ этого мы жили совсѣмъ другой жизнью, а кто же болѣе дѣтей любитъ разнообразіе?

Во время этихъ бесѣдъ знаменскихъ Авдотьюшекъ и Аксиньюшекъ съ нашей нянькой, а также и изъ разговоровъ и споровъ одной съ другими, мы узнавали, говорю я, иногда преинтересныя вещи, которыхъ у насъ не было дома и которыхъ существованія мы поэтому и не подозрѣвали даже.

Услышимъ мы бывало чтò-нибудь подобное и начинаемъ спрашивать объ этомъ ихъ или нашу няньку и онѣ тогда только догадаются, что имъ объ этомъ, быть можетъ, да и навѣрно даже, не слѣдовало при насъ говорить. Но онѣ такъ любили «отводить душу» въ разговорахъ, что попадали такимъ образомъ впросакъ то и дѣло. Проговорятся, спохватятся, но ужъ поздно, и онѣ и наша нянька намъ говорятъ:

— А вы объ этомъ, смотрите, бабушкѣ и дѣдушкѣ или и маменькѣ не проговоритесь.

— Да,—подтверждаетъ и наша нянька,—а то за это достанется.

Но я, при всей своей живости, былъ въ этомъ отношеніи выдресированъ—никогда не проговаривался, а сестра Соня вообще молчаливая,—и подавно.

Но однажды, въ одинъ изъ такихъ вотъ нашихъ пріѣздовъ въ Знаменское, мы услыхали сперва съ сестрой, а потомъ увидали

нѣчто такое, что на насъ произвело до того сильное впечатлѣніе, что мы долго и послѣ все задумывались и толковали объ этомъ.

Помню, въ этотъ разъ пріѣздъ нашъ былъ особенно богатъ новыми и неожиданными сильными впечатлѣніями.

Пріѣхали мы въ Знаменское, по обыкновенію, прямо къ обѣду, т. е. часа въ три. Въ домѣ мы нашли какую-то странную и подозрительную тишину, какъ бываетъ это когда кто-нибудь боленъ въ домѣ, господа въ ссорѣ и проч.—въ этомъ родѣ...

Это было тѣмъ болѣе странно, что мы ожидали встрѣтить совсѣмъ обратное: Полинька была просватана за мѣстнаго помѣщика, ихъ ближайшаго сосѣда, тоже человѣка очень богатаго и готовились съ свадьбѣ, которая скоро должна была быть, чуть ли даже не въ пребываніе наше въ Знаменскомъ.

Матушка даже спросила кого-то изъ лакеевъ, принимавшихъ наши пальто въ передней:

— Что, у васъ все благополучно?

— Все слава Богу-съ.

— Здоровы всѣ?

— Слава Богу-съ.

— Всѣ въ домѣ?

— Въ домѣ-съ.

Страннымъ было уже то, что никто—ни дѣдушка, ни бабушка, ни Полинька—какъ обыкновенно, не встрѣчали насъ въ передней еще и даже никто не выглядывалъ изъ дверей залы. Мы вошли среди этой странной тишины. Наконецъ, показался дѣдушка въ своемъ зеленомъ зонтѣ надъ глазами и съ трубкой въ лѣвой рукѣ. Матушка расцѣловалась съ нимъ, потомъ онъ намъ поочередно подставлялъ свою щеку и мы ощутили всю ея черствость и жесткость вмѣстѣ съ запахомъ табаку, который былъ присущъ дѣдушкѣ и безъ котораго мы не могли даже вообразить его себѣ.

— А тетенька?—спросила его матушка.

Дѣдушка пожевалъ губами, слегка поднялъ плечо и проговорилъ не то съ грустью, не то съ ироніей:

— Тамъ... у себя...

— А Полинька?

— Тамъ же,—тѣмъ же голосомъ отвѣтилъ дѣдушка...

Матушка поняла, что что-нибудь должно быть произошло, случилось и не стала его дальше разспрашивать и освѣдомилась объ его лишь здоровьѣ.

— Какое ужъ мое здоровье!—загадочно проговорилъ дѣдушка.— Это вѣдь только Варварѣ Николаевнѣ, тетенькѣ твоей, въ голову приходитъ...—и недоговоривъ фразы сказалъ:—уйми ты ее, урезонь хоть ты ее...

Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что что-то у нихъ произошло и дѣдушка тутъ теперь страдательное лицо, безъ вины виноватъ.

Онъ даже былъ какъ-то сконфуженъ, чувствовалъ себя неловко, видимо былъ въ состояніи непривычномъ для него; не видѣли никогда и мы его такимъ.

— Ну, Анна Карловна, идите съ ними... въ комнату, которую вамъ тамъ покажутъ,—сказала матушка.

Мы пошли, а она еще осталась съ дѣдушкой. Дорогой на встрѣчу намъ попалась Полинька, спѣшившая на встрѣчу къ матушкѣ и намъ показалось, когда она расцѣловалась съ нами, что глаза у нея какъ будто слегка заплаканы.

Мы переодѣлись съ дороги, умылись и совсѣмъ уже готовые все еще оставались въ своей комнатѣ, не зная идти ли намъ и вообще что намъ дѣлать. Даже Анна Карловна, эта опытная, знающая все, какъ и въ какомъ случаѣ ей себя вести, и она была видимо въ недоумѣніи что ей дѣлать? Я было спросилъ, подававшую намъ умываться горничную, что такое съ бабушкой, но и та отвѣтила, что ничего-съ, а Анна Карловна замѣтила мнѣ по-нѣмецки, что никогда не слѣдуетъ прислугу разспрашивать...

Наконецъ, къ намъ пришла матушка, о чемъ-то у окна полушопотомъ поговорила съ Анной Карловной, при чемъ мы могли замѣтить только, что не мало и матушка удивлена и чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи: она нѣсколько разъ поводила плечами, съ удивленіемъ поднимая ихъ, и вздыхала. Тѣмъ не менѣе однакожъ, она, осмотрѣла насъ, въ порядкѣ ли мы, и повела съ собою къ бабушкѣ.

Бабушку мы застали въ спальнѣ. Она, совсѣмъ одѣтая, лежала у себя на огромной своей кровати краснаго дерева съ высокимъ изголовьемъ, на которомъ были изображены амуры, стрѣлы и проч. и была видимо подавлена, убита какимъ-то горемъ. Глаза у нея тоже были заплаканы. Возлѣ нея у кровати стояли Авдотьюшка и Аксиньюка ея любимыя довѣренныя женщины съ унылыми потными лицами и держали—одна мокрую повязку для головы, очевидно, приготовленную для убитой горемъ или больной бабушки, или ею только-что снятую; а другая—чайную чашку съ чѣмъ-то лекарственнымъ. Шторы на окнахъ были спущены. Въ комнатѣ пахло мятными каплями и еще другими какими-то. Тутъ же, у изголовья, въ креслѣ, сидѣла и Полинька. Мы подошли къ бабушкѣ, поцѣловали у нея руку, потомъ поцѣловались съ ней въ губы. Она казалась совсѣмъ слабой и голосомъ говорила слабымъ, то и дѣло вздыхая, при чемъ въ вздохѣ ея слышалось подавленное рыданіе. Видимо, она только-что начала успокоиваться.

— Вотъ, бабушка-то ваша какая...—начала она и опять чуть было не расплакалась:—Дожила до чего...

Но и Полинька, и матушка поспѣшили сейчасъ же ее успокоить.

Бабушка проговорила еще нѣсколько фразъ, сдѣлала какое-то замѣчаніе въ родѣ того, какъ мы за годъ выросли и проч., и когда

запасъ ея вниманія къ намъ и ласковыхъ словъ изсякъ, матушка сказала намъ, чтобы мы пошли погулять съ Анной Карловной въ садъ, пока, до обѣда, и чтобы далеко не уходили.

Обѣдать бабушка въ залъ не вышла и мы въ этотъ день обѣдали только съ дѣдушкой и съ Полинькой. Матушка, желая внести все-таки сколько-нибудь болѣе веселаго настроенія и отвлечь и дѣдушку отъ его думъ, усиленно старалась разсказывать про то, какъ мы ѣхали, какая жара въ полѣ и т. п. Но, при всемъ стараніи ея изъ этого все-таки ничего не выходило. Дѣдушка сидѣлъ молчаливый, время отъ времени вздыхалъ, а Полинька хоть и улыбалась сочувственно матушкѣ, но это она дѣлала только видъ, а ее эти разсказы ни сколько не интересовали, какъ и никого они не могли интересовать. Вообще, настроеніе было самое натянутое и обѣдъ прошелъ до крайности скучно.

Мы такъ рады были, когда наконецъ всѣ встали изъ-за стола и, поблагодаривъ за обѣдъ дѣдушку, который отправился къ себѣ въ кабинетъ, по обыкновенію, отдохнуть послѣ стола,—вышли черезъ гостиную на большой балконъ, выходившій въ садъ.

Но мы все-таки еще не понимали въ чемъ тутъ дѣло, что̀ такое случилось, почему совершенно, повидимому, здоровая бабушка лежитъ у себя въ спалнѣ на кровати къ заплаканными глазами, окруженная приближенными и достойными женщинами съ лекарственными пузырьками, а дѣдушка ходитъ сконфуженный, совсѣмъ потерянный и просилъ матушку:—«образумъ хоть ты ее»,—очевидно, бабушку.

Я никакъ не могъ даже догадаться, не смотря на всю мою наблюдательность и, можно сказать, опытность въ пониманіи по намекамъ, по полусловамъ, по сметкѣ однимъ словомъ: дѣти точно также быстро развивались и тогда, но вотъ только въ другомъ направленіи...

И весь этотъ день, и вечеръ, я никакъ не могъ узнать настоящей, дѣйствительной причины. Спрашивать объ этомъ Анну Карловну, съ которой мы ходили послѣ обѣда гулять, было совершенно безполезно, она все равно бы не сказала, да она и сама знала развѣ только въ чемъ дѣло, а самыхъ подробностей, всей сути-то не могла еще знать: ни съ матушкой, ни съ нянькой, она не имѣла еще случая одинъ на одинъ говорить.

Такъ насъ и уложили въ этотъ вечеръ спать въ совершенномъ невѣдѣніи всего, что тутъ происходило въ домѣ.

Но на другой день мы съ сестрой узнали все...

Какъ я ужъ сказалъ выше, по причинѣ не любви бабушки къ гувернанткѣ нашей Аннѣ Карловнѣ, эта послѣдняя не только стушевывалась въ Знаменскомъ, но какъ-то даже уединялась подъ разными какими-нибудь предлогами, когда мы пріѣзжали въ этотъ «рай». Насъ поэтому гулять въ садъ отпускали всегда съ нянькой

нашей и вотъ съ этими степенными и приближенными знаменскими женщинами. Такъ было и этотъ разъ. Анна Карловна на утро оказалась больной: у ней разболѣлись зубы, она подвязала себѣ щеку, и мы пошли гулять въ садъ съ нянькой нашей въ сопровожденіи «Анфисушекъ», «Авдотьюшекъ» и т. п. Мы съ сестрой начали бѣгать, собирать палочки, цвѣты, а наши надзирательницы затянули свою пѣсню—безконечные разговоры о новостяхъ. Я навострилъ уши; побѣгалъ сколько-то и началъ отставать, держаться ближе къ нимъ. Наконецъ, мы, погулявши сколько-то, добрались до бесѣдки и тамъ всѣ усѣлись. Я скоблилъ какую-то палочку перочиннымъ ножемъ, сестра дѣлала букетики изъ набранныхъ цвѣтовъ; нянька съ приближенными женщинами говорила.

— Не догадывалась... не догадывалась, милая моя,—говорила нашей нянькѣ одна изъ женщинъ,—до вчерашняго дня, до самаго вчерашняго дня не догадывалась... А вчера вотъ и налетѣла... И случилась бѣда нежданно-негаданно совсѣмъ. И никогда она раньше шести-семи часовъ не вставала, а тутъ, вотъ, ей, какъ кто сказалъ, словно, встала, сама, никому неговоря ни слова, накинула пеньюаръ, ножки въ туфельки, вышла, глядитъ, а они въ гостиной... баринъ-то Вѣрку-дѣвку обнялъ да такъ (женщина показала какъ) взялъ ее за подбородокъ, по щечкѣ и ласкаетъ... Барыня постояла, постояла въ дверяхъ, силы—моченьки-то у ней не хватило, она вдругъ вскрикнула слабымъ страннымъ голосомъ да шлёпъ объземь, въ дурнотѣ: припадокъ съ ней сдѣлался...

— Гм... вотъ что̀, подумалъ я:—Да я же это давно, еще въ прошломъ году видѣлъ...

А женщина продолжала:

— Ну, сейчасъ народъ сбѣжался: Евпраксѣюшка, изъ зала, гдѣ барину чай наливала, Стёшка горничная барынина, Лушка дѣвчонка... Баринъ-то хочетъ къ барынѣ подойти, взять ее за руку, а она эдакъ (женщина показала какъ) ручкой-то отъ него... показываетъ, дескать, не подходи ко мнѣ, не прикасайся, потому однимъ глазкомъ-то видитъ, одинъ глазокъ-то закрытъ у ней, а другой только эдакъ въ половину—она и видитъ все...—Несите, говоритъ, меня въ спальню, спирту мнѣ подайте. Принесли мы ее въ спальню, положили на кровать, понюхала она это спирту и говоритъ:—А подлая эта гдѣ, разлучница-то моя, злодѣйка? Подайте мнѣ ее... Кинулись мы за Вѣркой, а ея и слѣдъ простылъ и гдѣ она никто не знаетъ. Ну, первое дѣло, думаемъ, давиться на чердакъ кинулась—мы туда—нѣтъ, осмотрѣли со свѣчей весь чердакъ—нѣтъ. Куда думаемъ? На рѣку топиться пошла? Туда мы за ней. А она ужъ стоитъ на самомъ берегу и того гляди вотъ-вотъ въ воду сейчасъ бросится. А на этомъ мѣстѣ вода глубоченная, омутъ тутъ возлѣ—бросится—какъ ключъ ко дну пойдетъ. Ей и боязно видно стало, дѣвка-то она эдакая смирная да робкая, ну и не рѣшается,

стоитъ, а не рѣшается все...—Что ты, молъ, дура! Какъ закричимъ мы на нее—души тебѣ своей не жаль, страшнаго суда Божьяго не боишься? Подошли мы къ ней, а она вся вотъ какъ (женщина показала какъ) трясьмя трясется, какъ въ лихорадкѣ... и глаза такіе у ней стали—смотритъ на насъ, а какъ бы словно ничего не видитъ ими... Ну, взяли мы ее, повели... проводимъ:—ты, говоримъ, какъ къ барынѣ войдешь,—въ ножки сейчасъ ей...

Барыня, какъ увидала ея, опять сейчасъ въ дурноту... Только полежала этакъ не много, видитъ однимъ глазкомъ, Вѣрка стоитъ у кровати передъ ней на колѣняхъ, приподнялась она немножко, да ее эдакъ... эдакъ... наотмашь (женщина показала опять какъ) ручкой два раза по щекѣ:—«Барыней захотѣла быть?.. да?.. подайте сейчасъ сюда ножницы, косу ей отрѣзать, полголовы ей остричь»...

Принесли сейчасъ ножницы,—косу прочь:—«Стригите голову ей!» Стригутъ ей голову, а барыня-то сдержать не могутъ, значитъ, гнѣва, нѣтъ, нѣтъ да и ручкой ее опять эдакъ... эдакъ...—«Сослать ее, говоритъ, сегодня же въ дальній хуторъ, выдать ее тамъ за самаго послѣдняго что ни-есть пастуха-дурака старика, за свиньями чтобы тамъ ходила...» Нарядили сейчасъ же подводу, посадили ее, и собраться не дали,—маршъ въ Семеновскую пустошь, на хуторъ...

— А «дѣдушка-то чтожъ?»—хотѣлъ было я воскликнуть, но какъ-то удержался. Нянька предупредила, точно догадавшись, спросила:

— Ну, а баринъ?

— Ничего... Ни слова... И виду не показалъ... Услыхалъ Вѣрка плачетъ, голоситъ, воетъ, спросилъ только:—«Что, какое наказаніе барыня ей положила?»—и ничего больше... А тутъ ужъ вотъ и вы пріѣхали,—заключила разсказчица...

— Эта какая же Вѣрка-дѣвка? — спросила наша нянька: — Дашки вышивальщицы слѣпой сестра?

— Та самая. Она... Онъ ей, баринъ-то, съ прошлаго года ни покоя, ни проходу не давалъ. Утромъ придетъ она комнаты убирать, баринъ ходитъ моціонъ дѣлаетъ, а я наливаю чай, хоть и не вижу тамъ, что у нихъ, а все понимаю, слышу... догадываюсь... А какъ сказать-то барынѣ объ этомъ?

— Да, какъ можно,—согласилась нянька.

— Въ томъ-то и дѣло... Выйдетъ такая исторія, что тутъ потомъ? Всякому вѣдь, матушка, тоже себя жаль, всякій за себя опасается...

Онѣ поговорили еще сколько-то; разговоръ на эту тему видимо у нихъ изсякалъ. Вдругъ нянька спросила:

— Ну, а что въ нонѣшнемъ-то году слѣпенькихъ у васъ прибавилось?

— Три,—отвѣтила ей женщина.—Двѣ-то совсѣмъ ослѣпли, а

одна-то видитъ еще, только вечеромъ, при свѣчахъ, ужъ не можетъ работать. Барыня ее такъ-то ужъ жалѣетъ, такъ-то жалѣетъ... Первая вышивательница была.

— Даша?—спросила нянька.

— Даша, Вѣрки этой самой сестра. И, замѣтьте вы, способность какая у обѣихъ сестеръ: Дашка была первая въ свое время вышивательница и эта также.

— Даша-то вѣдь ужъ ничего не видитъ? — опять спросила нянька.

— Нѣтъ, вотъ, какъ мѣсяцъ не поработала, отдохнули глаза, стала видѣть немножко;—«только вижу я,—говоритъ,—все какъ бы черезъ сѣтку какую, или такъ какъ бы черезъ рѣденькую кисею... или черезъ ситичко»...

— Всѣхъ-то ихъ теперь сколько, слѣпенькихъ?—проговорила нянька.

— Всѣхъ-то? Да всѣхъ теперь сколько?—семь всѣхъ,—отвѣтила ей женщина:—Дашка, Катюшка, Аксютка...—начала она перечислять.

Въ это время разговоръ ихъ перервали; кто-то пришелъ за нами изъ дома, звать насъ къ завтраку, онѣ замолчали: мы всѣ вмѣстѣ и пошли.

— Ну, я теперь узналъ все, я знаю въ чемъ дѣло теперь,— сказалъ я сестрѣ, идя съ ней на нѣсколько шаговъ впереди.

— Въ чемъ?

— Бабушка поймала дѣдушку, увидала, какъ онъ Вѣрку-дѣвку какую-то обнималъ и цѣловалъ.

Сестра подняла на меня глаза и смотрѣла.

— Только, я не знаю, я это все въ прошломъ году еще самъ, своими глазами видѣлъ,—сказалъ я.

— Ты?!.—проговорила сестра.

— Да, я... Я всталъ рано, чтобъ удить, вышелъ въ гостиную и вижу дѣдушка стоитъ, одной рукой зонтъ свой поправляетъ, а другой горничную за подбородокъ держитъ и ласкаетъ ее.

Сестра сомнительно покачала головой, дескать, не вѣрится что̀-то, непохоже это на него, не можетъ быть...

Тогда я ей разсказалъ со всѣми подробностями, какъ это я видѣлъ въ то время, и потомъ передалъ ей разговоръ няньки съ женщинами, ихъ разсказъ о томъ, какъ это было теперь, какъ бабушка его поймала и проч. и проч.

Сестра слушала все это, по обыкновенію, молча, только изрѣдка взглядывала на меня въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ.

— За что̀ же ее? Вѣдь дѣдушка виноватъ,—наконецъ проговорила она.

— Да, ну, и все-таки и она... Зачѣмъ не сказала бабушкѣ,—

объяснялъ я ей и самъ хорошенько еще не понимая ни ея, ни дѣдушкиной вины...

Сестра пожала плечами, непонимая ничего.

— Только ты объ этомъ не говори никому,—предупредилъ я.— Я въ прошломъ году никому не сказалъ. И потомъ вотъ что: онѣ о какихъ-то слѣпенькихъ послѣ все говорили. У нихъ семь слѣпенькихъ вышивальщицъ есть. Въ нынѣшнемъ году три еще ослѣпли...

Но мы, между тѣмъ, подошли къ дому, разговоръ этотъ надо было прекратить,—такъ вопросъ о «слѣпенькихъ» и остался на время пока не выясненнымъ для меня, да я и не думалъ, что это особенно что-нибудь интересное... Самое главное я ужъ узналъ— причину ссоры дѣдушки съ бабушкой и этого натянутаго и непонятнаго настроенія у нихъ въ домѣ...

V.

Мало-по-малу однакожъ все приходило въ порядокъ, въ свою обычную колею. Не вдругъ, но по немножку. Къ завтраку бабушка не выходила и мы завтракали безъ нея, съ дѣдушкой и Полинькой, но она, также какъ и матушка, видимо была ужъ спокойнѣе. Полинька даже смѣялась, а дѣдушка что-то замѣтилъ по какому-то поводу и высказалъ, по обыкновенію, свое мнѣніе. Но къ обѣду бабушка уже вышла. Когда мы пришли къ обѣду опять изъ сада, мы увидали ее ужъ въ гостиной, хотя она еще все была въ своей утренней широкой блузѣ и въ рукахъ держала пузырекъ съ какимъ-то спиртомъ, который время отъ времени и нюхала. Дѣдушка былъ тутъ же, въ гостиной, но какъ бы избѣгалъ говорить съ бабушкой, а сидѣлъ и слушалъ какъ разсказывала ему что-то матушка. Полинька сидѣла въ какомъ-то странномъ и тревожномъ настроеніи и все улыбалась. Оказалось, что сейчасъ получено было письмо отъ ея жениха, что онъ вернулся изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ за какими-то покупками къ свадьбѣ, за подарками Полинькѣ, и сегодня вечеромъ будетъ здѣсь. Однимъ словомъ, мы застали картину если не совсѣмъ и обычную въ Знаменскомъ домѣ, то ужъ во всякомъ случаѣ видно было, что дѣло пошло на ладъ, острый періодъ слезъ окончился, кризисъ миновалъ.

Но меня занимала обычная моя дума. Я, придя въ гостиную, сѣлъ въ уголокъ, слушалъ ихъ разсказы, разговоръ, смотрѣлъ на ихъ лица, всматривался въ нихъ, въ ихъ выраженіе, въ ихъ улыбки и думалъ:—«Ну, здѣсь это все кончилось, или скоро кончится, всѣ опять помирятся и все сегодня же, вѣроятно, пойдетъ попрежнему— да ужъ и пошло,—а что и гдѣ теперь эта «Вѣрка-дѣвка?» Ѣдетъ она теперь, или ужъ пріѣхала на хуторъ... будутъ ее замужъ вы-

давать за дурака-пастуха старика, плачетъ она... пожалуй еще вздумаетъ опять тамъ утопиться... всѣ смѣются надъ ней»...

Вдругъ неслышными шагами, по половику, вошелъ въ гостиную лакей и, остановившись у двери, доложилъ:

— Евгеній Васильевичъ пріѣхали.

Это былъ женихъ Полинькинъ. Онъ очевидно пріѣхалъ сюрпризомъ, написавъ нарочно, что будетъ вечеромъ, а пріѣхалъ къ обѣду.

Полинька вскочила, всплеснула ручками и не говоря ни слова юркнула въ другую дверь—она была одѣта по домашнему, не для встрѣчи жениха. Бабушка тоже забыла свое унылое и убитое настроеніе и подбирала платье и говоря матушкѣ: «прими его, встрѣть, мой другъ»! поспѣшила тоже вслѣдъ за Полинькой. Матушка съ дѣдушкой пошли въ залу. Но мнѣ не захотѣлось даже встать и взглянуть на него. Я такъ и остался, какъ сидѣлъ...

Обѣдъ, разумѣется, оттянулся часа на полтора—надо было прибавить кушанья; столъ перекрыли вновь; надо было разставить другой сервизъ, хрусталь. Во всемъ домѣ поднялась та шопотливая и шмыгающая суета, которая обыкновено бывала всегда въ эдакихъ случаяхъ. Бабушка, одѣтая въ какое-то необыкновенное платье (она одѣвалась всегда ужасно безвкусно), вошла совершенно въ покинутую было ею роль хозяйки и смотрѣла орломъ—любимое ея выраженіе. (По ея словамъ и дѣдушка когда былъ женихомъ и первое время потомъ тоже смотрѣлъ «орломъ»). Полинька съ какими-то коробочками и футлярами въ рукахъ то ластилась и притворно надувалась, когда говорила съ женихомъ, то перебѣгала отъ одного къ другому, показывая привесенные женихомъ подарки. Даже и мнѣ поднесла и показала.

— Хорошо,—кисло сказалъ я.

— Тебѣ не нравится?

— Нѣтъ, ничего.

— Ты ничего не понимаешь!

И она полетѣла къ другому.

А у меня въ головѣ все сидѣла эта несчастная «Вѣрка». Все здѣсь опять какъ скоро измѣнилось, опять какъ ничего и не было; все опять попрежнему, все на своемъ мѣстѣ, всѣ остались, какъ было, тутъ же... одной ея нѣтъ... была и нѣтъ ея...

И дѣдушка ходилъ совсѣмъ какъ ни въ чемъ не бывало, поправлавлялъ свой зонтъ, останавливался, раскуривалъ до красна свою трубку, потомъ придавливалъ пальцемъ пепелъ въ ней и произносилъ свое мнѣніе.

Женихъ былъ, казалось, на седьмомъ небѣ и все говорилъ, когда Полинька куда-нибудь упархивала изъ гостиной:—А какой она еще ребенокъ?..

Матушка радовалась ихъ счастью.

Обѣдъ прошелъ какъ-то усиленно оживленно. Не говоря уже о Полинькѣ и ея женихѣ, которые сидя рядомъ все взглядывали другъ на друга и молча жали другъ другу руки, отчего дѣлалось какъ-то неловко, но и дѣдушка, и матушка разговаривали какъ по заказу. Только начинаетъ ослабѣвать разговоръ, кто-нибудь сейчасъ новую тему придумаетъ. Такимъ разговорчивымъ я никогда не видывалъ еще дѣдушку. Бабушка въ своемъ удивительномъ платьѣ тоже старалась быть веселой, но все-таки иногда вспоминала вѣроятно о своемъ горѣ-обидѣ и на минуту вдругъ дѣлалась какъ-бы почувствовавшей изнеможеніе. Но она сейчасъ же опять вновь овладѣвала собою, входила въ настоящій тонъ, какъ только матушка, замѣтивъ опасность, грозившую общему радостному настроенію, взглядывала на нее и дѣлала ей глазами какой-то не одобрительный знакъ.

Послѣ обѣда, съ общаго рѣшенія, дѣдушку отправили въ кабинетъ отдыхать. Онъ началъ было храбриться, говорить, что это, если онъ не будетъ спать, все равно его нисколько не утомитъ и проч. Но всѣ возстали противъ этого: и матушка, и Полинька, и ея женихъ. Даже вдругъ бабушка къ удивленію всѣхъ сказала:

— Ну ужъ идите, идите (она иногда говоритъ ему вы). Нечего тутъ храбриться-то, да молодиться...

Это вышло очень мило... Всѣ кинулись къ дѣдушкѣ со словами:— «Ну, ужъ теперь, извольте отправляться: бабушка велѣла...» Дѣдушка повиновался, очень довольный, и пошелъ, а всѣ обратились за тѣмъ къ бабушкѣ и съ чувствомъ, хотя и безъ словъ, благодарили ее за то, что она первая заговорила съ дѣдушкой и такимъ образомъ положила начало концу ихъ ссоры.

Всѣ вышли послѣ этого на террасу, гдѣ былъ большой круглый столъ и куда бабушка приказала подать послѣобѣденный чай, такъ какъ было извѣстно, что женихъ любитъ послѣ обѣда чай.

Доброе и счастливое настроеніе продожалось и тамъ. Женихъ разсказывалъ о своей поѣздкѣ, про Москву, какъ онъ тамъ хлопоталъ, разъѣзжалъ по магазинамъ и проч., и проч. Вдругъ бабушка вспомнила, что она еще не показывала матушкѣ приготовленное ею дома Полинькино приданое бѣлье... Это была ея слабость и въ то же время ея гордость. Она не похвасталась этимъ до сихъ поръ только потому, что вслѣдствіе случившагося печальнаго недоразумѣнія ея съ дѣдушкой, ей было ужъ не до того. Теперь, оправившись и нѣсколько позабывъ про свое горе, она, разумѣется, не могла удержаться, чтобы не показать сегодня же своего шедевра—предметъ общаго удивленія и зависти цѣлаго уѣзда, даже всей губерніи, потому что вышиванье гладью ни у кого не было доведено до такой высокой степени совершенства. Она послала позвать главную надсмотрщицу за кружевницами, Маланьюшку,—и когда та пришла, бабушка не полѣнилась сама встать и вмѣстѣ съ нею пойти

отпереть шкафы и комоды, гдѣ висѣло и лежало это приданое бѣлье. Скоро на террасу стали выносить безчисленныя горничныя безчисленное количество удивительно вышитыхъ батистовыхъ сорочекъ для Полиньки, кальсончиковъ, юбокъ, воротничковъ, рукавчиковъ, чепчиковъ и проч. и проч. Довѣренныя женщины Аринушка и Лукерьюшка брали все это поочередно отъ стоявшихъ на террасѣ и державшихъ на трепетныхъ рукахъ горничныхъ и преподносили всѣмъ. Бабушка съ скромнымъ, но исполненнымъ не описуемой гордости видомъ, происшедшимъ отъ сознанія своего недосягаемаго превосходства надъ всѣми хозяйками-помѣщицами, давала объясненія:

— Вотъ этотъ, мой другъ, чепчикъ,—говорила она матушкѣ,— вышивали двѣ дѣвки ровно полгода... ты посмотри...

— Удивительно... удивительно...—повторяла матушка.

— А вотъ эту рубашку подвѣнечную—ты посмотри—двѣ дѣвки вышивали годъ и три мѣсяца.

— Удивительно.

Полинька пріятно улыбалась; женихъ видѣвшій, конечно, ужъ это приданое и можетъ быть не разъ, показывалъ видъ, что тоже изумленъ, пораженъ. А можетъ онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ въ восторгѣ отъ этого...

Осмотръ продолжался долго... Было пересмотрѣно огромное количество бѣлья и все вышитаго, расшитаго. Наконецъ, бабушка, обращаясь къ Маланьюшкѣ, надзирательницѣ за вышивальщицами сказала:

— Ну, теперь, какъ уложишь это все опять на свое мѣсто, тогда принеси... понимаешь?

Маланьюшка, женщина степеннаго вида, съ необыкновенной таинственной важностью шопоткомъ отвѣчала ей:—Понимаюсь... слушаюсь...

— А это что̀ такое, тетенька, вы велѣли принести?—очень хорошо зная что̀, но какъ бы недогадываясь, спросила матушка.

— Ты сейчасъ, мой милый другъ, увидишь,—отвѣчала бабушка.

Но всѣ знали что̀ это такое, потому что и матушка, и Полинька, и женихъ, и даже сама бабушка, поглядѣли другъ на друга, пріятно и довольно улыбаясь.

Въ дверяхъ, изъ гостиной на террасу, показались сперва сама Маланьюшка надзирательница, высоко поднимая и держа науровнѣ съ головой что̀-то бѣлое въ рукахъ, и этому бѣлому, широкому и длинному не было еще видно конца, а были ужъ видны изъ дверей головы горничныхъ съ полуиспуганнымъ выраженіемъ на лицахъ, поддерживавшихъ это же бѣлое и дальше. Всѣ встали и послышались тѣ короткія, отрывочныя, невольныя одобренія, какъ въ театрѣ: браво-браво-браво, когда зрители не могутъ удержаться отъ

восторга, но и боятся высказать или выразить его громко, чтобы не перервать вызвавшаго ихъ восторгъ дѣйствія...

— Вотъ... проговорила бабушка.

Это нѣчто было удивительное! Это былъ пеньюаръ весь сплошь вышитый гладью: дырочки, фестончики, городки, кружечки, цвѣточки—живого мѣста, что называется, на немъ не было—все вышито!..

Эфектъ былъ произведенъ чрезвычайный. Когда, наконецъ, удивленія, восхищенія и восторги всѣхъ уже были выражены и бабушка приняла отъ всѣхъ дань одобренія, подобающую ей, матушка наконецъ спросила ее:

— Ну, а сколько же, тетенька, времени вышивали его?

— Два года, мой другъ... Двѣнадцать дѣвокъ два года вышивали его... Три изъ нихъ ослѣпли...

Всѣ выразили сожалѣніе по этому случаю. А бабушка, вздохнувъ, добавила:

— И самая моя любимая, лучшая—Дашка... Такой у меня ужъ не будетъ другой,—съ грустью закончила она.

— Лушка, сударыня, тоже хорошо будетъ вышивать,—замѣтила отъ себя ей какъ бы въ утѣшеніе надзирательница.

Бабушка только съ грустью улыбнулась.

— Что та безотвѣтная только была... — опять сказала надзирательница, и вдругъ остановилась.

Горничныя, державшія пеньюаръ, стояли и точно это до нихъ нисколько, ни малѣйше, не касалось, не интересовало ихъ. Точно эти слѣпыя были не изъ ихъ же рядовъ, не изъ нихъ же набраны...

А бабушка подъ впечатлѣніемъ грустной утраты своей продолжала:

— Я сказала ей еще тогда: ну, Дашка, говорю, кончишь этотъ пеньюаръ — сама себѣ выбирай изъ всей дворни жениха: какого выберешь, за того и выдамъ тебя... И я знала даже кого бы она выбрала...

— И гдѣ же она, тамъ теперь? Во флигелѣ съ другими?—спросила матушка.

— Тамъ-съ, сударыня,—отвѣчала ей надзирательница,—съ прочими слѣпыми... ей только все отдѣльно приказано поставить отъ другихъ: и кровать, и сундукъ, и все...

На Полиньку и на ея жениха этотъ разговоръ не произвелъ никакого, казалось, впечатлѣнія. Они были счастливы и счастье ихъ было такъ полно. Она, можетъ быть, однако, была бы не менѣе счастлива и безъ этого пеньюара...

— Эти слѣпенькія гдѣ же живутъ у васъ?— спросилъ я надзирательницу.

— Въ маленькомъ флигелькѣ-съ, что въ садъ одной стороной выходитъ... Имъ тамъ чудесно... Онѣ тамъ, какъ въ раю, живутъ,— отвѣтила надзирательница.

Матушка посмотрѣла на меня и ничего не сказала.

VI.

Утромъ на слѣдующій день я ждалъ, дождаться не могъ, когда кончится это чаепитіе на террасѣ и насъ съ нянькой, въ сопровожденіи «Аксиньюшки» и «Евпраксѣюшки» отпустятъ гулять въ садъ; нѣмка-гувернантка была попрежнему больна зубами или только сказывалась больной.

— Соня, ты слышала вѣдь вчера про этихъ слѣпенькихъ — намъ надо сегодня ихъ посмотрѣть. Вотъ несчастныя-то!—говорилъ я сестрѣ.

— Да, — сказала она и, по обыкновенію, посмотрѣла на меня.

— Я знаю и гдѣ онѣ живутъ—въ этомъ маленькомъ, желтенькомъ флигелѣ. Мы, какъ пойдемъ, попросимся въ эту сторону гулять. А то все въ одно и то же мѣсто ходимъ—надоѣло. И увидимъ ихъ. Онѣ, говорятъ, все на травкѣ передъ флигелькомъ своимъ сидятъ. Выйдутъ и сидятъ на солнышкѣ—ничего не видятъ. Такъ ты попросись же,—училъ я ее.—Я буду просить и ты проси, чтобы мы въ эту сторону сада пошли. Только ты не говори зачѣмъ. А то нянька пожалуй не согласится.

— Хорошо.

— Подумаютъ, что намъ нельзя туда. Ты понимаешь?

— Понимаю.

Она была чрезвычайно кроткая, тихая, но необыкновенно понятливая и сердечная дѣвочка. Только ее надо было понимать. Кто не зналъ ее и не понималъ ее, думалъ, что она ко всему равнодушная, что ей ни до чего дѣла нѣтъ, она ничему не бываетъ рада и ей никого не жалко. Но я ее понималъ отлично, и она меня тоже понимала.

Когда, наконецъ, матушка сказала:—«Ну, идите, если хотите, гулять въ садъ: только няньку позовите»—я сейчасъ же побѣжалъ и все устроилъ. Кромѣ няньки, съ нами, по обыкновенію, пошли и «Аксиньюшка» или «Евпраксѣюшка».

Какъ было условлено, я началъ проситься идти гулять въ ту часть сада, къ которой примыкали заднимъ фасомъ флигеля и въ томъ числѣ и маленькій желтенькій флигелекъ. Нянька, ничего не подозрѣвая, согласилась и мы прямо, выйдя съ балкона, повернули за уголъ. Помню, я все боялся какъ бы матушка или другія, стоявшія на террасѣ, замѣтивъ это, не спросили бы насъ куда мы это повернули, вмѣсто того, чтобы идти

прямо. Но насъ никто не спросилъ, вѣроятно, и не замѣтили даже куда мы направились, и мы совершенно спокойно продолжали идти. До желтенькаго флигелька было довольно далеко, но онъ уже былъ видѣнъ. Въ саду передъ нами дѣйствительно былъ довольно большой лужокъ, но на немъ никого не сидѣло. Мы шли по дорожкѣ, обсаженной рѣдкими березками, и намъ все было видно. Флигеля, счетомъ пять или шесть, занятыя коверщицами, кружевницами, вышивальщицами, были отъ насъ вправо, а на концѣ ихъ, самый послѣднiй — желтенькiй, который насъ интересовалъ. Но вотъ мы, наконецъ, поровнялись съ нимъ, я осмотрѣлъ все пространство впереди—нигдѣ, никого, ни души. Окна во флигелѣ закрыты, бѣленькiя шторки спущены, дверь на крылечкѣ въ садъ затворена.

— И поютъ онѣ такъ-то хорошо, такъ-то хорошо,—услыхалъ я позади меня говорили съ нашей нянькой «Авдотьюшка» и «Евпраксьюшка»,—такъ-то жалостно, такъ за душу тебя и беретъ...

Я насторожился.

— Вонъ тамъ, за бугорочкомъ, онѣ теперь и сидятъ,—продолжала говорить женщина.—Утромъ самоварчикъ поставятъ, чайку попьютъ и пойдутъ на бугорочекъ. Лушка-то видитъ чуть-чуть, да вотъ и Дашка теперь тоже стала хоть сколько-нибудь видѣть — онѣ возьмутся всѣ за руки дружка съ дружкой и идутъ. Прежде онѣ тутъ вотъ, бывало, все сиживали, ну, гости какъ-то и увидали разъ, начали разспрашивать: отчего, какъ и что̀, барынѣ и непрiятно стало, она и не велѣла имъ на глазахъ-то тутъ сидѣть, а чтобы, если хотятъ, уходили вонъ туда, съ глазъ долой, за бугорокъ...

Мы шли по дорожкѣ, прямо къ бугорку, который былъ въ сторону, вправо отъ дорожки, шагахъ въ тридцати. Теперь все дѣло было въ томъ, чтобы мы ихъ сразу какъ-нибудь увидѣли и тогда ужъ отступать будетъ поздно.

— Дашка-то съ барышней Полиной Григорьевной, маленькая когда была, играла, и выучилась читать-писать, книжекъ много читала, охотница была читать. Теперь она имъ и разсказываетъ все, на манеръ какъ бы сказокъ, только это все правда, написано все это въ книжкахъ,—разсказывала женщина:—имъ это теперь и какъ бы вмѣсто занятiя, работать-то не могутъ, окромя что чулки вязать,—и слушаютъ ее.—Слушаютъ, слушаютъ, ну, скажутъ, дѣвушки, а теперь давайте пѣть. И запоютъ... страсть какъ жалобно. Все равно какъ страннички поютъ... вотъ, которыя Богу молиться ходятъ...

Онѣ помолчали немного. Мы подходили къ бугорку.

— Чтожъ, такъ разобрать если,—опять заговорили женщины,—это имъ и къ лучшему, можетъ быть, спасутся, душеньки свои спасутъ, въ царствiе небесное угодятъ...

Вдругъ и сразу мы увидали ихъ всѣхъ на травѣ, шагахъ въ пяти

отъ бугорка, сидятъ прямо на солнцѣ, на открытомъ мѣстѣ; на головахъ и на шеѣ бѣленькія полотняныя платочки, сѣренькія, домашняго тканья, платьица; нѣкоторыя вязали чулки, другія такъ сидѣли и тихо разговаривали. Мы всѣ невольно остановились. Но уходить было уже поздно. Нянька наша чтὸ-то было заговорила, но я ее перебилъ:

— Это слѣпенькія? Это про которыхъ вчера, когда приданое показывали, Маланьюшка говорила? Я слышалъ она матушкѣ разсказывала,—заговорилъ я.—Няня пойдемъ посмотримъ ихъ.

Нянька и женщины чтὸ-то начали было шептаться между собою.

— Мы не скажемъ; пойдемте, мы никому не скажемъ! Соня, слышишь, никому ни говори,—хлопоталъ и устроивалъ я.

Нянька пассивно повиновалась. Мы своротили съ дорожки и пошли къ нимъ по травѣ. Я впереди, за мною сестра, а позади насъ нянька и женщины.

Слѣпенькія услыхали шуршаніе травы, почуяли наше приближеніе и начали во всѣ стороны оглядываться—не видали откуда мы къ нимъ приближаемся. Я помню, это такъ на меня подѣйствовало, что я невольно замедлилъ шаги и остановился, не доходя до нихъ.

— Онѣ не видятъ, смотри, онѣ оглядываются во всѣ стороны; онѣ насъ ищутъ, не видятъ,—говорила мнѣ сестра.

Я стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи и смотрѣлъ на нихъ. Наконецъ, одна какая-то вглядѣлась въ насъ и должно быть увидала, потому, что начала чтὸ-то говорить другимъ и тѣ усиленно завертѣли головами во всѣ стороны, отыскивая насъ... Наконецъ, мы всѣ подошли къ нимъ. Онѣ хотѣли вставать; но я началъ говорить, чтобы онѣ сидѣли.

— Ничего, чтожъ такое, встанутъ не развалятся отъ этого,—заговорила одна изъ сопровождавшихъ насъ женщинъ.

Дѣвушки между тѣмъ всѣ встали и, слыша голоса, по слуху смотрѣли на насъ своими мертвыми, не зрячими, т. е., открытыми, глазами...

— Вотъ молодые господа къ вамъ пришли, посмотрѣть на васъ захотѣли,—опять заговорила женщина.—Катерину Васильевну знаете? Ну, такъ вотъ это дѣтки ея къ бабушкѣ пріѣхали...

Одну изъ нихъ я узналъ—это была та самая знаменитая вышивальщица Даша, которую я столько разъ и прежде видѣлъ въ домѣ и о которой такъ тужила теперь бабушка, потерявъ въ ней лучшую свою вышивальщицу.

— Вы ничего не видите?—робко спросилъ я ее.

— Такъ, немножко вижу... Такъ, какъ бы сквозь ситичко или кисейку рѣденькую,—отвѣтила она.—А прежде совсѣмъ не видѣла...

Мнѣ показалось, что глаза у нея заплаканы.

— Вы плакали,—сказалъ я,—или это у васъ такъ... болятъ?—проговорилъ я.

Она всхлипнула и утерла глаза. Она плакала... Позади себя я услыхалъ шопоткомъ говорила нянькѣ одна изъ женщинъ:

— Вѣрка-то, что съ бариномъ... которую вчера сослали, сестра вѣдь ей приходится вотъ и плачетъ...

— Ну, пойдемте, пойдемте,—вдругъ заторопила насъ нянька.—Пойдемте же, а то увидятъ насъ, бѣда тутъ будетъ, пойдемте. Прощайте, дѣвушки.

Я помню на меня все это такъ подѣйствовало, что нянька должна была меня взять за рукавъ моей рубашки и потянуть съ мѣста, чтобы я шелъ. Сестра Соня стояла тоже въ такомъ же состояніи и не двигалась. Нянька и ее потащила за рукавъ.

— Смотрите же не разсказывайте, не говорите, какъ придете, бѣда еще такая изъ этого выйдетъ, всѣмъ достанется и гулять пускать не будутъ,—все повторяла дорогой, когда шли назадъ, нянька.

Женщины, сопровождавшія насъ, поддакивали ей въ этомъ. Но намъ было не до разсказовъ...

«Рай» въ Знаменскомъ кончился для бабушки года за два до объявленія воли. Тогда выбрали новаго предводителя, онъ пріѣхалъ къ бабушкѣ съ дѣдушкой и попросилъ, чтобы ему показали слѣпыхъ вышивальщицъ. Бабушка было не хотѣла ему ихъ показывать, но онъ сказалъ, что это необходимо и ему ихъ показали. Онъ видѣлъ ихъ. А черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ уѣхалъ, бабушка распустила всѣхъ своихъ вышивальщицъ и въ томъ числѣ и «слѣпенькихъ»: ихъ возвратили роднымъ... Другія совсѣмъ времена тогда подходили...

Сергѣй Терпигоревъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. Н. МУРАВЬЕВѢ.

I.

Предложеніе сдѣланное мнѣ въ 1853 г. Кавказскимъ начальствомъ.—Переговоры мои.—Домъ Бекетовыхъ.—Сама хозяйка его.—Встрѣча моя съ П. Х. Граббе.—Отъѣздъ на Кавказъ.—Москва.—Орловская губернія.—Воронежъ.—Донъ.—Ставрополь.—Встрѣча въ Екатериноградѣ кн. Воронцова.—Владикавказъ.—Горы.—Тифлисъ.—Его общество.—Кн. А. И. Барятинскій.—Отъѣздъ въ Мингрелію.—Баронъ Розенъ.—Чолокское сраженіе.—Вторженіе скопищъ Шамиля въ Кахетію.—Кюрюкъ-Дарьинское сраженіе.—Случай съ Александровскимъ.—Письмо кн. Воронцова къ кн. Барятинскому.—Высадка союзниковъ въ Крыму.—Увольненіе кн. Воронцова.—Назначеніе Н. Н. Муравьева.—Дѣйствія его на пути отъ Ставрополя къ Тифлису.—Кончина императора Николая.—Пріѣздъ Н. Н. Муравьева въ Мингрелію.

СЕНЬЮ 1853-го года, мнѣ предложена была начальствомъ Кавказскаго учебнаго округа должность воспитателя малолѣтняго владѣтеля Мингреліи, князя Николая Давидовича Дадіана. Переговоры начались у меня лично, въ Петербургѣ, съ попечителемъ Кавказскаго округа, а по отъѣздѣ его отсюда, письменно съ нимъ же, и, благодаря дальнему разстоянію и тогдашнимъ плохимъ путямъ сообщенія съ Кавказомъ, тянулись очень долго.—Въ эту выжидательную и переходную для меня полосу, досуги свои я чаще всего коротал въ одномъ близко знакомомъ мнѣ домѣ, сосѣдей по деревнѣ, Бекетовыхъ.—Это были люди состоятельные, жившіе уже нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, главнымъ образомъ съ дѣловою цѣлью. Бе-

кетовъ былъ опекуномъ племянниковъ своей жены, сиротъ горнозаводчика милліонера, Баташова, которые и воспитывались въ его домѣ, подъ руководствомъ нѣжно любившей ихъ тетки. Сложныя и запутанныя дѣла опеки заставили Бекетовыхъ перезнакомиться съ множествомъ петербургскихъ тузовъ и принимать ихъ у себя. У нихъ бывали: тогдашній министръ финансовъ, Брокъ, товарищъ министра юстиціи, Илличевскій, правитель походной канцеляріи государя, Суковкинъ, и, чаще всѣхъ, тогдашнее свѣтило, государственный секретарь, В. П. Бутковъ, являвшійся иногда сюда на вечеръ въ 12 часовъ ночи. Кромѣ этихъ дѣльцовъ, ѣздила масса знакомыхъ—придворныхъ, свитскихъ и гвардейцевъ, принадлежавшихъ къ высшему кругу. Елена Петровна Бекетова, обладавшая замѣчательнымъ тактомъ и не утратившая еще, въ 35 лѣтъ, свѣжести своей красоты, сдѣлала салонъ свой очень привлекательнымъ и находила въ мужѣ своемъ отставномъ гусарѣ, весельчакѣ и добрякѣ, Дмитріѣ Апполоновичѣ, полезнаго себѣ по этой части помощника. Но что въ особенности выдѣляло Бекетову, это умѣніе говорить съ государемъ въ маскарадѣ.

Извѣстно, что императоръ Николай часто посѣщалъ маскарады Большого театра и по долгу тамъ оставался. Они, конечно, не имѣли ни малѣйшаго сходства съ теперешними, посѣщались лучшимъ обществомъ и были недосягаемы для масокъ полусвѣта. Государь любилъ женскій умъ, развлекавшій его въ часы досуга. Само-собою разумѣется, что особъ прекраснаго пола, желавшихъ интриговать его, являлся сюда цѣлый рой; угодить ему было не легко, маску не интересную онъ скоро оставлялъ и бывалъ въ особенности недоволенъ начинавшею говорить съ нимъ о какомъ-нибудь дѣлѣ; тогда онъ передавалъ ее находившемуся тутъ же Дубельту, а тотъ доканчивалъ дѣловые разспросы. Елена Петровна Бекетова, съ перваго же своего дебюта, проявила столько такта и ума, что государь былъ ею очарованъ, долго съ нею ходилъ и тѣмъ обратилъ даже общее на нее вниманіе. За первымъ вечеромъ послѣдовали другіе, а между тѣмъ Бекетова такъ искусно вела свою тактику, что августѣйшій ея кавалеръ самъ наконецъ заинтересовался ея домашними обстоятельствами, сталъ о нихъ разспрашивать, узналъ материнскія заботы ея о сиротахъ Баташовыхъ, что дѣла ихъ въ особенности запутаны долгами казнѣ, обѣщалъ разспросить объ этомъ министра финансовъ и чѣмъ возможно помочь. Слово не расходилось у государя съ дѣломъ, при первомъ же докладѣ Вронченки, онъ сочувственно говорилъ съ нимъ объ опекѣ наслѣдниковъ Баташова, а тотъ, понявъ, конечно, откуда это шло, сдѣлался покорнѣйшимъ слугою Елены Петровны. За нимъ потянули къ ней замѣститель его Брокъ и другіе тузы.

Приглашенный разъ навсегда къ 5 часамъ, т. е. къ обѣденному часу, я, какъ человѣкъ свой, сидѣлъ у Бекетовыхъ обыкновенно

до того времени, какъ начинали появляться гости. Однажды, въ началѣ января 1854 года, когда отъѣздъ мой на Кавказъ былъ уже рѣшенъ окончательно, я такъ засидѣлся и заговорился съ Еленой Петровной о предстоящей мнѣ поѣздкѣ, что не замѣтилъ какъ прошло ея avant-soirée, и человѣкъ доложилъ о генералѣ Граббе; я схватился за шляпу, чтобы исчезнуть; хозяйка меня остановила словами:

— Куда вы? не уходите. Это премилый и препочтенный старикъ, безвинно теперь опальный, [1]) и тѣмъ болѣе еще мною уважаемый. Кстати, онъ прекрасно вѣдь знаетъ Кавказъ и наставитъ васъ многому полезному. Сегодня же, кромѣ него, врядъ ли кто къ намъ заглянетъ, многіе на раутѣ у австрійскаго посла.

Я положилъ шляпу, а въ это время входилъ уже высокій, сѣдой генералъ, немного сутуловатый отъ лѣтъ, съ прекрасными чертами лица. Поздоровавшись съ нимъ, хозяйка представила меня; появился и Бекетовъ, успѣвшій выспаться, и бесѣда, какъ водится, началась съ новостей дня, а потомъ хозяйка навела ее на самое для меня интересное.

— А вотъ Павелъ Христофоровичъ,—сказала она,—вы видите передъ собой молодого человѣка, собирающагося ѣхать служить на Кавказъ, въ страну хорошо вамъ извѣстную.

Она сказала, чѣмъ я тамъ буду и гдѣ поселюсь. Генералъ хорошо зналъ Мингрелію и тогдашнюю ея правительницу, знакомъ былъ съ покойными ея мужемъ и тестемъ, и сообщилъ о нихъ и о странѣ не мало интересныхъ подробностей. Замѣтно было, что о Кавказѣ онъ говорилъ съ особенною любовію.

— Жаль только,—прибавилъ онъ,—что врядъ ли вы уже застанете тамъ самого Воронцова.

— Отчего же такъ?—спросила Елена Петровна.

— На дняхъ государь получилъ отъ него просьбу о продолжительномъ отпускѣ въ чужіе края, для леченія у тамошнихъ знаменитостей. Мудрено только помочь ему: онъ впадаетъ въ маразмъ—старческое безсиліе.

— А сколько же ему лѣтъ?

— За семьдесятъ. Годы, пожалуй, и не совсѣмъ еще большіе, недавно еще, мѣсяцевъ шесть тому назадъ, онъ держался очень бодро и только послѣ настоящаго разрыва нашего съ Турціей, вдругъ опустился. Приписываютъ это тому, что войны этой онъ очень не хотѣлъ, предвидя отъ нея большія для насъ усложненія и трудности. Тревожится больше всего за свои дѣтища и творенія—Одессу, Крымъ и Кавказъ.

— Что же Кавказъ; тамъ вѣдь все побѣда за побѣдой; давно ли возили по Петербургу присланныя оттуда знамена?

---

[1]) За извѣстную растрату Политковскаго.

— Да; а вотъ Воронцовъ на все это глядитъ иначе; эти побѣды его не утѣшаютъ. Большія связи въ Англіи и Австріи съ лицами высокопоставленными даютъ ему возможность знать все, что тамъ думаютъ и говорятъ; этотъ-то источникъ и заставляетъ его недовѣрчиво относиться къ воинственной политикѣ государя. По мнѣнію его, она надѣлаетъ намъ много хлопотъ и враговъ и не легко будетъ съ ними справляться. Мыслей его здѣсь не раздѣляютъ и мнѣ пишутъ съ Кавказа, что онъ поэтому и бѣжитъ оттуда съ мрачнымъ предчувствіемъ. Отпускъ его есть предверіе къ полному увольненію.

— Кто же его замѣнитъ?

— Сегодня только сказалъ мнѣ военный министръ, что государь остановилъ свой выборъ пока на Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ.

— Да вѣдь онъ же опальный?

— Былъ такимъ, но въ прошломъ году, послѣ смотра его корпуса государемъ, въ Варшавѣ, онъ опять въ милости.

— Я встрѣчалась съ нимъ нѣсколько разъ въ обществѣ, что не можетъ назваться знакомствомъ. Говорятъ, умный человѣкъ, только мнѣ показалось, что много о себѣ думаетъ. Притомъ же, какой бирюкъ и бука.

Граббе засмѣялся.

— Наружность и характеръ у него не изъ мягкихъ, объ этомъ спору нѣтъ; за то въ дѣлѣ серьезномъ, требующемъ твердости, на него можно положиться. Не испортитъ. Одно только наводитъ на раздумье: Воронцова Николай Николаевичъ терпѣть не можетъ, и всегда ѣдко критиковалъ каждый его шагъ на Кавказѣ. Государю, конечно, это извѣстно, и врядъ ли онъ захочетъ обидѣть старика Воронцова, и не посовѣтуется прежде всего съ нимъ объ этомъ назначеніи.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другіе предметы. Такимъ образомъ, совершенно случайно, не выѣзжая еще изъ Петербурга, я, благодаря встрѣчѣ съ генераломъ Граббе, узналъ о готовящихся перемѣнахъ въ высшихъ сферахъ Кавказа и намѣченную уже отчасти программу.

18-го января тронулся я въ далекій путь и ѣхалъ очень медленно. Въ Москвѣ и въ Орловской деревнѣ моей сестры, я прожилъ болѣе двухъ недѣль, затѣмъ въ такихъ большихъ городахъ, какъ Воронежъ, Новочеркаскъ, Ставрополь, останавливался для отдыха на два, на три дня, а во Владикавказѣ поневолѣ сидѣлъ 8 дней, благодаря завалу въ горахъ. Дорога вездѣ была адская, сплошь изрытая ухабами, понадѣланными обозами войскъ, стягивавшихся на югъ; разгонъ лошадей доходилъ до того, что ожидать ихъ приходилось по суткамъ. Отъ Ставрополя позволялось тогда ѣхать только днемъ въ сопровожденіи казачьяго конвоя, а ночью,

вслѣдствіе опасности отъ горцевъ, нужно было ночевать на почтовыхъ станціяхъ. Словомъ, тогдашняя поѣздка на Кавказъ была подвигомъ. Въ Екатериноградѣ встрѣтилъ я большой поѣздъ князя Воронцова, уѣзжавшаго со всѣмъ своимъ штатомъ за границу, а во Владикавказѣ мнѣ сказали, что князь отстоялъ покуда Кавказъ отъ назначенія сюда Муравьева и оставилъ вмѣсто себя всѣми уважаемаго Н. А. Реада.

До Тифлиса, переполненнаго наѣхавшими со всѣхъ сторонъ офицерами, добрался я въ самыхъ послѣднихъ числахъ марта и едва могъ добиться номера въ гостинницѣ Дюбека; пришлось спать первую ночь на стульяхъ въ буфетѣ, пока утромъ номеръ не очистился. Въ то же утро поѣхалъ я представиться попечителю учебнаго округа, барону Николаи, и директору канцеляріи намѣстника М. П. Щербинину, а послѣдній на другой же день представилъ меня генералу Реаду. Тифлисъ удивилъ меня своею обширностью и массою хорошихъ магазиновъ. Знакомство мое съ тифлисскимъ обществомъ сдѣлалось какъ-то само собой, довольно быстро и оно мнѣ очень понравилось. Простота, умъ и радушіе, въ немъ царили. Среди молодежи встрѣтилъ я нѣсколькихъ своихъ университетскихъ товарищей; редакторомъ газеты «Кавказъ» оказался пріятель мой Вердеревскій; всѣ они состояли при канцеляріи намѣстника, къ которой и меня причислили съ откамандированіемъ по особо возложенному на меня порученію въ Мингрелію. Нашелся тутъ у меня и родственникъ, В. А. Давыдовъ, адъютантъ кн. А. И. Барятинскаго; онъ представилъ меня своему генералу, очень любезно меня принявшему. Князь былъ тогда совсѣмъ еще красавцемъ, стройнымъ, моложавымъ. Узнавъ, что я скоро собираюсь уѣзжать въ Мингрелію, князь предложилъ мнѣ дать попутчика унтеръ-офицера Кабардинскаго полка, барона Розена, ѣхавшаго съ порученіемъ въ Гурійскій отрядъ.

Вообще, проведенныя мною три недѣли въ Тифлисѣ произвели на меня очень пріятное впечатлѣніе; но оріентироваться въ томъ, что тутъ думалось и творилось мнѣ было еще очень трудно по малому знакомству съ дѣлами Кавказа; тѣмъ не менѣе чувствовалось, что здѣсь не достаетъ хозяина. Воронцовъ своимъ девятилѣтнимъ намѣстничествомъ оставилъ по себѣ чрезвычайно глубокій слѣдъ; все общество тифлисское, составленное имъ же, привыкло жить его умомъ, его направленіемъ, это сказывалось на всякомъ шагу и никому изъ членовъ этого общества не хотѣлось вѣрить, что бы князь и княгиня никогда сюда уже не вернулись. Н. А. Реадъ, очень любезный старикъ, когда-то лихой кавалерійскій офицеръ и командиръ Ольвіопольскаго гусарскаго полка, служившій подъ начальствомъ Воронцова въ Отечественную войну, случайно попавшій на свое теперешнее высокое мѣсто, ничего собою не изображалъ и прежде всего самъ имъ тяготился. Говорили о пред-

стоящихъ будущихъ сраженіяхъ съ турками, объ экспедиціяхъ противъ Шамиля, но отсутствіе настоящаго хозяина никому не внушало довѣрія къ полному успѣху.

Въ концѣ апрѣля, я выѣхалъ въ Мингрелію съ даннымъ мнѣ княземъ Барятинскимъ попутчикомъ, барономъ Розеномъ. Не могу не помянуть нѣсколькими словами этого прекраснаго молодого человѣка. Кавалергардскій поручикъ, онъ разжалованъ былъ въ рядовые за дуэль съ графомъ Генриковымъ, убитымъ имъ, и присланъ на Кавказъ въ Кабардинскій полкъ. Три года тянулъ онъ солдатскую лямку и боевыми отличіями въ экспедиціяхъ противъ горцевъ добылъ себѣ чинъ унтеръ-офицера и два георгіевскихъ креста. Теперь князь Барятинскій посылалъ его въ Гурійскій отрядъ для того, чтобы дать ему случай новаго отличія, за которое являлась возможность представить его къ производству въ офицеры и затѣмъ къ полному помилованію и возвращенію къ Кавалергардскій полкъ. Нѣсколько дней совмѣстнаго пути насъ очень сблизили и я душевно полюбилъ этого молодого человѣка, уже испытавшаго въ своей жизни столько горя. Онъ былъ единственнымъ сыномъ заслуженнаго генерала и коменданта г. Ревеля. Близкое будущее рисовалось ему въ радужныхъ надеждахъ; въ Гуріи ожидалось тогда сраженіе и онъ не сомнѣвался, что выйдетъ изъ него цѣлымъ и невредимымъ, и затѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ обниметъ своего старика-отца. Мысль о смерти была отъ него далека. Мы разстались въ Кутаисѣ, не прощаясь, а увѣренные снова скоро увидѣться; но чрезъ нѣсколько недѣль, въ первой же перестрѣлкѣ съ турками при Нигоитахъ, Розенъ былъ убитъ двумя пулями разомъ: въ голову и сердце...

Я не стану говорить о пріѣздѣ своемъ въ Мингрелію, о томъ, что я тамъ нашелъ, какъ устроился, все это уже было разсказано мною въ моихъ «Кавказскихъ воспоминаніяхъ», скажу только, что, живя въ этой странѣ, готовившейся вскорѣ сдѣлаться театромъ войны, я былъ въ курсѣ всего, происходившаго на Кавказѣ вообще.

Удачное снятіе Черноморской береговой линіи владѣтелемъ Абхазіи и блистательное Чолокское сраженіе (4-го іюня) были помрачены вторженіемъ (3-го и 4-го іюня) скопищъ Шамиля въ Кахетію и плѣномъ множества жителей, въ числѣ которыхъ находились княгини Чавчавадзе и Орбеліани съ своими дѣтьми. Фактъ этотъ показалъ съ одной стороны полную несостоятельность лицъ, начальствующихъ на лезгинской кордонной линіи, а съ другой увеличившуюся дерзость Шамиля. Къ счастію нашему, онъ ограничился только этимъ набѣгомъ; но проникни значительная его партія, подъ начальствомъ Кази-Магомы, чрезъ Гомборы въ Тифлисъ, она надѣлала бы много намъ бѣдъ, такъ какъ въ самомъ Тифлисѣ въ это время войскъ совсѣмъ почти не было. Все это прекрасно поняли

въ краѣ и Кюрюкъ-Даринская блистательная побѣда (24-го іюля) князя Бебутова, надъ турками, была безсильна сгладить дурное впечатлѣніе отъ набѣга Шамиля. Притомъ же и происшествіе съ адъютантомъ Бебутова, Александровскимъ, посланнымъ имъ съ донесеніемъ о побѣдѣ, произвело тоже непріятную сенсацію. Александровскій, пожалованный званіемъ флигель-адъютанта, счастливый выше всякой мѣры этою монаршею милостью, возвращался въ Тифлисъ. На одной изъ станцій уже за Ставрополемъ, смотритель, вѣроятно выпившій, грубо отказалъ ему въ лошадяхъ; онъ сталъ его бранить, а тотъ ударилъ его по лицу. Вслѣдствіе сильнаго психическаго аффекта отъ такого оскорбленія, послѣ котораго Александровскому показалось, вѣроятно, что онъ неизбѣжно долженъ лишиться носимаго эксельбанта, онъ вошелъ на станцію и застрѣлился изъ находившагося при немъ револьвера. Дали знать мѣстной полиціи, а та при составленіи акта нашла на умершемъ, какъ всѣмъ было извѣстно, человѣкѣ совершенно бѣдномъ, безъименный билетъ государственнаго банка на пятьсотъ тысячъ рублей. Ходили слухи, что это былъ вкладъ, сдѣланный имъ по порученію кн. Бебутова, а тотъ почерпнулъ эти деньги будто бы изъ милліоновъ, отпускаемыхъ ему на подкупъ курдовъ [1]). Хотя загадочный билетъ унаслѣдовалъ по закону, служащій въ Тифлисѣ же, гражданскій чиновникъ, братъ Александровскаго, но тѣмъ не менѣе огласка его обнаружила хищеніе на Кавказѣ въ широкихъ размѣрахъ и, конечно, быстро дошла до самого государя, и безъ того крайне недовольнаго Реадомъ, за оставленіе на произволъ судьбы Гагринскаго гарнизона и предположеніе вывести войска изъ Дагестана для усиленія ими дѣйствующей противъ турокъ арміи. Между тѣмъ, Воронцовъ, жившій въ это время за границей, писалъ къ кн. Барятинскому отъ 19-го сентября 1854 года, изъ Шевенинга, слѣдующее:

«По всему, что мы получаемъ изъ Тифлиса, узнаемъ съ радостью, что генералъ Реадъ съумѣлъ снискать уваженіе и общую симпатію и видимъ на сколько онъ счастливъ, что послѣ моего отъѣзда не была послана туда, н ѣ к о т о р а я л и ч н о с т ь, которая не съумѣла бы понять ни людей, ни дѣлъ Кавказа, и захотѣла бы все передѣлать на свой образецъ и произвести всякія перемѣны, что бы только показать, что она могла бы лучше все сдѣлать, чѣмъ тотъ, кто былъ раньше его». (Фельдм. кн. Бар. А. А. Зиссермана, стр. 367).

Ясно, что тутъ рѣчь шла о Н. Н. Муравьевѣ, отъ котораго старикъ Воронцовъ всѣми силами открещивался. Но въ Петер-

---

[1]) О подобныхъ вкладахъ въ банки, присланныхъ изъ Крыма и достигавшихъ до 8 милліоновъ говоритъ и сенаторъ К. Н. Лебедевъ въ «Запискахъ» ихъ напечат. въ «Русск. Арх.» (кн. 11, стр. 459, 1888 г.).

бургѣ терпѣніе наконецъ истощилось, дѣла наши въ Крыму приняли не благопріятный оборотъ, совершилась высадка союзниковъ; на Кавказѣ неотлагательно требовалась сильная рука и свѣтлѣйшему намѣстнику дали понять, что, для блага родины, ему пора просить о полномъ своемъ увольненіи. 24-го октября 1854 года, по его просьбѣ, онъ былъ освобожденъ отъ своей должности по разстроенному здоровью, а затѣмъ государь, вернувшись къ сдѣланному уже имъ выбору, назначилъ 29-го ноября намѣстникомъ на Кавказъ Н. Н. Муравьева.

Послѣ всего нами сказаннаго, становится понятнымъ, что какъ миссія Н. Н. Муравьева, сама по себѣ, такъ и личное его настроеніе, при пріѣздѣ на Кавказъ, не могли не отзываться суровостью. Въ чемъ состояла суть бывшаго когда-то столкновенія между нимъ и Воронцовымъ, съ точностью не можемъ сказать, и смутно слышали, что случилось оно въ то время, какъ первый командовалъ корпусомъ, расположеннымъ въ Новороссійскомъ краѣ, а Воронцовъ былъ тамъ генералъ-губернаторомъ [1]). Не найдя себѣ поддержки свыше, Муравьевъ чуть ли не выходилъ даже въ отставку и съ того времени ненавидѣлъ Воронцова, а когда въ 1854 году, тотъ затормозилъ назначеніе его на Кавказъ, почти на цѣлый годъ, то понятно, что только подлилъ этимъ масла въ огонь. Уязвленный въ своемъ честолюбіи, Муравьевъ за это время еще болѣе озлобился. Инструкція данная ему государемъ, при назначеніи намѣстникомъ, какъ мы увидимъ дальше, ни мало не смягчила этого настроенія и онъ ѣхалъ на Кавказъ съ сильнымъ предубѣжденіемъ противъ всего воронцовскаго.

Вѣсть о его пріѣздѣ въ Ставрополь дошла до насъ въ декабрѣ и съ перваго же шага онъ началъ косить направо и налѣво, изъ мухи дѣлать слона, все подтягивалъ, на все наводилъ трепетъ. Всѣхъ возмутила исторія съ пятигорскимъ комендантомъ, полковникомъ П. А. Принцемъ, лицомъ уважаемымъ. Муравьевъ уволилъ его по неправильному навѣту губернатора Волоцкаго. Это приписывали еще тому, что Принцъ служилъ когда-то въ оккупаціонномъ корпусѣ Воронцова во Франціи, слѣдовательно былъ человѣкомъ ему преданнымъ.

Въ концѣ февраля, насъ всѣхъ поразила вѣсть о кончинѣ императора Николая и, какъ мы слышали въ Мингреліи, первый привезъ ее въ Тифлисъ Н. Н. Муравьевъ.

9-го апрѣля прибылъ наконецъ новый намѣстникъ и въ Мингрелію. Мнѣ пришлось находиться вмѣстѣ съ воспитанникомъ моимъ, въ числѣ лицъ, встрѣтившихъ его у лагеря Гурійскаго отряда, близъ селенія Сорта. Средняго роста, коренастый старикъ, съ гу-

---

[1]) Подробности этой исторіи, конечно, мы найдемъ въ свое время въ печатающихся теперь въ «Русск. Арх.» мемуарахъ Н. Н. Муравьева.

стыми нависшими бровями и глубокой складкой на лбу, Муравьевъ дѣйствительно производилъ суровое впечатлѣніе. Подойдя къ девятилѣтнему владѣтелю Мингреліи, тогда уже поручику лейбъ-казачьяго полка, онъ улыбнулся и указывая пальцемъ на его эполеты сказалъ:

— Вотъ какой, ты, братъ, большой чинъ, ну, здравствуй!—и поцѣловался съ мальчикомъ.

— А вы причемъ тутъ въ вицъ-мундирѣ?—обратился онъ ко мнѣ.

— Состою при канцеляріи вашего высокопревосходительства и командированъ сюда для воспитанія владѣтеля.

— А учите его латинскому языку?

— Еще не начиналъ.

— И совсѣмъ не учите. А ты, милый мой,—обратился онъ опять къ владѣтелю,—поѣзжай къ мамашѣ и скажи ей, что я отсюда къ ней скоро буду. Тамъ и представь меня ей.

Мы, конечно, поспѣшили исполнить это и часа черезъ два Н. Н. съ подобающей церемоніей былъ принятъ владѣтельницей, княгиней Е. А. Дадіани, въ резиденціи ея Квашихорахъ, гдѣ ему отведено было помѣщеніе.

II.

Пріемъ княгинею Дадіани намѣстника.—Вечерняя бесѣда.—Разсказъ Н. Н. Муравьева о назначеніи его на Кавказъ.—Случай съ цесаревичемъ въ лагерѣ подъ Варшавой въ 1853 году.—Напутствіе государя и благословеніе императрицы иконой.—Представленіе правительницею мингрельскихъ князей и дворянъ намѣстнику.—Рѣчь его.—Смотръ Гурійскому отряду.—Обѣдъ у правительницы.—Порученіе возложенное намѣстникомъ на полковника Н. П. Колюбакина.—Отъѣздъ намѣстника въ Тифлисъ.

Въ Квашихорахъ, резиденціи правительницы Мингреліи, намѣстникъ прежде всего направился въ церковь, гдѣ ожидалъ его мингрельскій епископъ Ѳеофанъ, оттуда пошелъ къ дому княгини, у котораго выставленъ былъ почетный караулъ изъ князей и дворянъ, а сама правительница встрѣтила его съ дѣтьми своими и съ сестрой, Ниной Александровной Грибоѣдовой, въ дверяхъ пріемной залы. За этой церемоніальной встрѣчей слѣдовалъ парадный обѣдъ, а по окончаніи его намѣстникъ, отпустивъ почетный караулъ, причемъ благодарилъ его за оказанную ему честь,—удалился въ отведенное ему помѣщеніе.

Въ 10-мъ часу вечера, когда княгиня со всѣмъ своимъ семействомъ сидѣла въ чайной комнатѣ, Н. Н. Муравьевъ вошелъ сюда, не какъ оффиціальное лицо, а какъ старинный другъ и родственникъ хозяйки. Нина и Екатерина Александровны, урожденныя

княжны Чавчавадзевы, обѣ воспитывались у тетки своей Ахвердовой, на падчерицѣ которой, а ихъ двоюродной сестрѣ, былъ женатъ въ первомъ своемъ бракѣ Николай Николаевичъ. Не видались они уже болѣе 20 лѣтъ, воспоминаній накопилось у нихъ не мало и разговоръ пошелъ на эту тему.—Меня, сидящаго тутъ же, онъ мало занималъ, такъ какъ большая часть лицъ въ немъ упоминаемыхъ была мнѣ неизвѣстна, а интересовалъ меня болѣе всего самъ Муравьевъ. Я увидѣлъ въ немъ совсѣмъ уже не того суроваго генерала, какимъ онъ былъ еще утромъ: складка на лбу у него разгладилась, глаза приняли совсѣмъ добродушное выраженіе, сюртукъ былъ растегнутъ. Пришла пора отпустить дѣтей ко сну; они простились, ушли съ гувернанткой и сдѣлали нѣкоторую паузу общему разговору. Княгиня возобновила его, спросивъ Муравьева извѣстій о его братѣ Андреѣ Николаевичѣ, съ которымъ была въ хорошихъ отношеніяхъ и поддерживала переписку, при чемъ разбирать его ужаснѣйшій почеркъ, мелкій какъ бисеръ, приходилось нерѣдко и мнѣ.

— Давно ужъ я съ нимъ не видѣлся,—отвѣчалъ Н. Н.—Онъ вѣдь непосѣдъ: то на Афонѣ, то въ Кіевѣ, то у Троицы, за нимъ не угоняешься. Въ третьемъ году, зимой, заѣхалъ ко мнѣ совсѣмъ сюрпризомъ въ деревню, очень порадовалъ, да и напугалъ. Церковь у меня въ самой усадьбѣ. Ночью вдругъ звонъ въ колокола. Я проснулся, думалъ не набатъ ли, не горитъ ли гдѣ, послалъ узнать. Оказалось, что священникъ мой захотѣлъ угодить Андрею Николаевичу, боится его и началъ служить заутреню по чину, въ 4-мъ часу.—Ну, братъ, держишь же ты ихъ въ дисциплинѣ,—сказалъ я ему за чаемъ. Прожилъ онъ у меня съ недѣлю и все угощалъ меня звономъ. Но вообще я замѣтилъ, что онъ не совсѣмъ доволенъ своимъ дѣломъ, жаловался, что невѣріе ростетъ быстро; да и четокъ и разныхъ другихъ сувенировъ что-то у него меньше.

— Теперь, конечно, онъ пріѣдетъ къ вамъ сюда,—заключила Нина Александровна.

— Ну, Богъ знаетъ, даль-то вѣдь ужасная, а по теперешнему времени и семью-то свою не знаю еще, когда перевезу.

Муравьевъ задумался.

— Да судьба удивительно играетъ людьми,—началъ онъ вдумчивымъ тономъ.—Думалъ ли я, что вернусь когда-нибудь на Кавказъ, а вотъ снова я здѣсь. И сдается мнѣ не на радость.

Онъ опять замолчалъ и спустя нѣкоторое время сталъ говорить не спѣша, съ разстановкой:

— Въ прошломъ году, въ концѣ ноября, въ Варшавѣ, вечеромъ, когда я кончилъ уже свои занятія и собирался выйти изъ кабинета, адъютантъ, присланный фельдмаршаломъ (кн. Паскевичемъ) доложилъ мнѣ, что князь проситъ меня къ себѣ. Когда я вошелъ къ нему, онъ сказалъ мнѣ, что получилъ сейчасъ письмо съ

фельдъегеремъ отъ государя, который вызываетъ меня въ Петербургъ.

— Сдайте должность старшему по себѣ и поспѣшите туда выѣхать. Не скрою отъ васъ,—сказамъ мнѣ фельдмаршалъ, что государь даетъ вамъ высокое назначеніе намѣстника Кавказскаго. Въ ту же ночь я былъ уже въ дорогѣ, на третій день подъѣхалъ къ Зимнему дворцу и явился къ государю, какъ былъ въ дорожномъ костюмѣ. Государя я не видѣлъ болѣе уже года и тутъ къ прискорбію моему замѣтилъ въ немъ большую перемѣну, онъ какъ-то осунулся и значительно постарѣлъ. Онъ крѣпко меня обнялъ и сказалъ:

— «Николай Николаевичъ, ты мнѣ нуженъ, призываю тебя въ трудную минуту, послужи мнѣ и отечеству. На Кавказѣ нѣтъ у меня теперь хозяина, назначаю тебя туда своимъ намѣстникомъ. Государство переживаетъ тяжкую пору испытаній, а казну никто не щадитъ. На Кавказѣ этимъ щеголяютъ, требуютъ все денегъ да денегъ, а откуда ихъ взять, никому до того нѣтъ дѣла».

Государь въ общихъ чертахъ обрисовалъ мнѣ не отрадную картину здѣшняго положенія.

— «Впрочемъ ты усталъ теперь съ дороги,—заключилъ онъ,—поѣзжай отдохни, завтра будь у меня въ 9 часовъ вечера, а утромъ побывай у военнаго министра, побесѣдуй съ нимъ, онъ все знаетъ и ему извѣстны мои мысли».

Я поднялся съ кресла, но государь меня остановилъ:

— «Постой, поведу тебя къ императрицѣ, она больна, лежитъ въ постелѣ, просила меня дать ей знать, когда ты пріѣдешь; она желаетъ тебя видѣть».

Государь повелъ меня къ ней въ спальню; увидѣвъ меня, государиня протянула мнѣ руку, которую я поцѣловалъ и сказала мнѣ:

— «Вся надежда государя и моя теперь на васъ, Николай Николаевичъ.—Поспѣшите къ мѣсту вашего назначенія и успокойте насъ. Я буду молить Бога, чтобы онъ поддержалъ васъ... Передъ отъѣздомъ придите опять ко мнѣ, я васъ благословлю иконой».

Мы вышли изъ спальни императрицы и государь снова меня обнялъ. Весь въ слезахъ отъ такого трогательнаго и милостиваго пріема поѣхалъ я къ брату, котораго еще не видѣлъ.

На другое утро я являлся къ наслѣднику цесаревичу. Онъ осчастливилъ меня такимъ же сердечнымъ пріемомъ. Тоже болѣе года не видалъ я его и замѣтилъ въ немъ перемѣну, впрочемъ къ лучшему. Тучность его уменьшилась и причиною тому было одно обстоятельство, случившееся съ нимъ у меня въ лагерѣ подъ Варшавой. Случай очень серьезный.

Въ 1853 году, возвращаясь съ цесаревимъ съ Ольмюцкаго свиданья, государь пожелалъ сдѣлать смотръ моему корпусу, остался

имъ доволенъ и осчастливилъ меня съ наслѣдникомъ принятіемъ моего солдатскаго обѣда въ лагерномъ шатрѣ. Гости мои были въ самомъ прекрасномъ настроеніи, что меня отъ души радовало; вдругъ, за вторымъ блюдомъ, когда подали рыбу, цесаревичъ поперхнулся и сталъ съ силою откашливаться; въ горло ему попала рыбья кость. Откашливанье не вело ни къ чему; онъ посинѣлъ, глаза выкатились, кость его душила. Произошло смятеніе. Государь, вскочивъ со своего мѣста, разстегнулъ мундиръ цесаревичу, ударялъ его въ шею рукой, ничто не помогло. Находившійся тутъ же лейбъ-медикъ, просилъ позволенія дѣйствовать инструментомъ, его допустили и онъ съ большими усиліями протолкнулъ наконецъ кость въ пищепроводъ. Наслѣдникъ тогда вздохнулъ и сталъ приходить въ себя. Эти нѣсколько минутъ были ужасны. Я никогда не видѣлъ государя на столько смущеннымъ и разстроеннымъ. Онъ былъ въ отчаяніи, блѣденъ, слезы текли у него по лицу и пока все не кончилось, не переставалъ креститься.

Наслѣдникъ сильно ослабѣлъ, его раздѣли и положили въ мою постель. Лейбъ-медикъ сказалъ, что гортань вѣроятно должна быть уязвлена и потребуетъ нѣсколько дней леченія. Ночь больной провелъ у меня въ шатрѣ покойно; на утро осмотрѣли его горло и нашли небольшую язвину. Государь, отбывшій поздно вечеромъ въ Лазенковскій дворецъ, пріѣхалъ снова къ 9-ти часамъ утра. Доктора нашли, что состояніе здоровья наслѣдника не препятствуетъ ему слѣдовать въ Петербургъ; ему обвязали горло и августѣйшіе мои гости, при прощальныхъ кликахъ всего корпуса, изволили отбыть изъ лагеря. Говорили мнѣ потомъ, что послѣ этого наслѣдникъ и сталъ худѣть.

Цесаревичъ повторилъ мнѣ тоже, что я слышалъ уже вчера отъ государя, прибавивъ, что вечеромъ будетъ самъ при нашемъ совѣщаніи.

Въ теченіе трехъ дней покончилъ я въ Петербургѣ все, что было мнѣ нужно и явился къ государю откланяться. Императрица позвала меня къ себѣ, благословила иконой, а государь передъ тѣмъ, чтобы меня отпустить, взялъ меня за руку и сказалъ мнѣ:

— «Смотри же, Николай Николаевичъ, беру съ тебя слово, ни въ чемъ не отступать отъ данной тебѣ инструкціи. Главное, береги казну, она нужна на дѣло и только на дѣло».

Затѣмъ онъ меня обнялъ и простился.

Знаю, что пріѣздъ мой сюда немногимъ сладокъ, въ особенности тѣмъ, спокойствіе которыхъ уже потревожено, но доставлять всѣмъ удовольствія, не составляетъ моей задачи.

Я ѣхалъ отъ Ставрополя не торопясь, въ концѣ февраля добрался наконецъ до Гартискара, послѣдней станціи отъ Тифлиса. Часть сопровождавшихъ меня лицъ отправилъ впередъ, а самъ заночевалъ на станціи, собираясь пораньше въѣхать въ Тифисъ.

Ночью разбудилъ меня фельдъегерь съ ужаснымъ извѣстіемъ: императора Николая не стало, онъ скончался... Вы поймете, какъ оно поразило меня... Онъ взялъ съ меня слово и унесъ его съ собой. Могу ли я отступить отъ того, что̀ онъ мнѣ повелѣлъ и что̀ обѣщалъ я ему выполнить.

Новый императоръ удостоилъ меня собственноручнымъ письмомъ. Доброта его безгранична... Дай Боже ему твердости душевной, чтобы довести до конца начатое отцомъ и успокоить Россію.

Муравьевъ смолкъ. Лицо его выражало сильную искреннюю скорбь. Разсказъ его, или лучше сказать, исповѣдь, живо рисовала весь глубокій трагизмъ послѣднихъ мѣсяцевъ, пережитыхъ тѣмъ величавымъ монархомъ, котораго не переставала оплакивать тогда вся Россія.

Какъ человѣкъ трудовой, Николай Николаевичъ, рано утромъ начиналъ уже свои занятія, а потому въ половинѣ двѣнадцатаго простился съ хозяйками и пошелъ къ себѣ.

На другой день, въ 8 часовъ утра, началась у него усиленная работа въ кабинетѣ. Командиръ Гурійскаго отряда, князь Мухранскій, и начальникъ его штаба, баронъ Усларъ, а затѣмъ и сопровождавшіе намѣстника, директоръ канцеляріи по гражданской части А. Ф. Крузенштернъ и по военной Н. С. Кахановъ, чередовались своими докладами.

Въ 11 часовъ утра правительница Мингреніи представила намѣстнику почетнѣйшихъ князей и дворянъ своихъ, нарочно для того пріѣхавшихъ изъ своихъ имѣній. Муравьевъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

— «Я слышалъ отъ правительницы вашей, что вы ей служите вѣрно и она довольна вашимъ усердіемъ. Оно такъ и должно быть. Служа ей и этому сиротѣ (намѣстникъ при этомъ приблизилъ къ себѣ маленькаго владѣтеля), вы служите государю. Вы понесли тяжелую потерю—лишились своего владѣтеля въ самую трудную и нужную минуту, я понимаю, какъ велика для васъ эта потеря и какъ должна она васъ печалить. Но для того, чтобы домъ вашихъ владѣтелей снова возстановился отъ этого несчастья, вы должны соединиться еще съ большимъ рвеніемъ и, служа вѣрно правительницѣ, внутреннимъ порядкомъ способствовать ей благополучно возростить вашего малолѣтняго Дадіа̀на, котораго призваніе—составить ваше счастіе. Вооружитесь всѣ единодушно противъ врага, отъ котораго многіе уже пострадали! Это не тотъ врагъ, который теперь подъ Севастополемъ; съ тѣмъ мы справимся при Божьей помощи и тотъ для насъ не страшенъ, — сообщу вамъ даже, что передъ выѣздомъ изъ Тифлиса получилъ очень хорошее извѣстіе о нашихъ дѣлахъ подъ Севастополемъ — нѣтъ не о томъ врагѣ говорю я вамъ; но есть другой врагъ, который приходитъ не съ обнаженнымъ мечемъ, а въ темнотѣ и тѣмъ болѣе надо его

остерегаться. Этотъ врагъ былъ причиною революцій во Франціи и безпорядковъ въ Германіи; этотъ врагъ гнѣздится и въ горахъ Кавказа и дѣлаетъ несчастіе многихъ племенъ; этотъ врагъ когда заведется гдѣ-нибудь, то разрываетъ всѣ священныя связи общественныя, даже семейныя, и повергаетъ въ несчастіе цѣлыя страны, врагъ этотъ—внутреннія распри и несогласія... Но противъ него есть два вѣрныхъ оружія: вѣра и строгое исполненіе своего долга. Вамъ, конечно, это очень хорошо понятно, потому-что вы оправдываете это своею усердною службою правительницѣ, службою, которая, повторяю, есть служба государю... Вы знаете, какъ государь печется о васъ и какъ искренно желаетъ вашего благосостоянія, а это благосостояніе можетъ быть только при строгомъ исполненіи закона. Служа вѣрно своей правительницѣ, вы тоже въ свою очередь требуете законнаго повиновенія отъ вашихъ подданныхъ. Я присланъ сюда государемъ императоромъ для того, чтобы охранять законныя права правоправящихъ и нѣтъ силы, которая бы остановила власть мою въ этомъ отношеніи.

«И такъ продолжайте хранить между собою должный порядокъ и пользуйтесь въ мирѣ всѣми благами, дарованными вамъ Богомъ; но забудьте всѣ мелкія между собою ссоры и помните, что при малѣйшемъ нарушеніи этого порядка, вы изъ своей роскошной страны сдѣлаете жилище добровольно навлеченныхъ на себя несчастій».

Николай Николаевичъ говорилъ безъ приготовленія, ровно, отчетливо и внушительно. Рѣчь его переводилъ по-грузински съ совершенною точностью письмоводитель правительницы, князь Ираклій Лордкипанидзе. Она произвела сильное впечатлѣніе.

Въ 12 часовъ назначенъ былъ лагерный смотръ отряду. Муравьевъ приказалъ моему воспитаннику, лейбъ-казачьему поручику, состоять въ этотъ день при себѣ держурнымъ. Мальчикъ былъ въ восторгѣ и мы поѣхали на смотръ. Отрядъ былъ немногочисленъ, насчитывалось въ немъ не болѣе четырехъ тысячъ штыковъ и порѣдѣлъ онъ не столько отъ бывшаго у него славнаго сраженія подъ Чолокомъ, сколько отъ разныхъ инфекціонныхъ болѣзней, между прочимъ и отъ пятнистаго тифа, страшно косившаго людей; тѣмъ не менѣе люди, оставшіеся на лицо, смотрѣли героями. Муравьевъ выдвинулъ отрядъ на обширную поляну передъ лагеремъ и заставилъ его продѣлывать всѣ военныя эволюціи. Самъ командовалъ, всѣмъ распоряжался и дѣлалъ свои замѣчанія. Стоя сзади него на довольно близкомъ разстояніи, я не могъ не подивиться мастерству его въ этомъ дѣлѣ, а главное, его дальнозоркости; въ самыхъ послѣднихъ рядахъ онъ замѣчалъ неисправности и тотчасъ же ихъ корректировалъ. Пропустувъ мимо себя отрядъ церемоніальнымъ маршемъ, онъ благодарилъ всѣхъ и распустилъ по палаткамъ. Сѣвъ затѣмъ на барабанъ, подозвалъ

къ себѣ дежурнаго поручика князя Дадіана и къ неописанному его удовольствію отдалъ ему такое приказаніе:

— Ступай къ саперамъ, спроси тамъ хлѣбъ и принеси его сюда.

Воспитанникъ мой въ сопровожденіи одного изъ находившихся тутъ офицеровъ полетѣлъ стрѣлой къ саперамъ и явился отъ нихъ съ хлѣбомъ, оказавшимся прекраснымъ.

Собравъ вокругъ себя начальниковъ частей, Н. Н. бесѣдовалъ съ ними довольно долго и, отпустивъ, обѣщалъ завтрашній день послѣ обѣда пріѣхать въ лагерь простымъ гостемъ, повеселить солдатъ. За смотръ было дано нижнимъ чинамъ по чаркѣ водки и по полтинѣ на человѣка.

Вернулся намѣстникъ въ Квашихоры къ обѣду. Въ числѣ приглашенныхъ находился и полковникъ Н. П. Колюбакинъ, состоящій по особымъ порученіямъ при намѣстникѣ. Муравьевъ видѣлъ его сегодня въ первый разъ, но вѣроятно имѣлъ уже объ этомъ оригинальномъ человѣкѣ лестный отзывъ. Во время обѣда онъ сдѣлалъ ему какой-то вопросъ, на который тотъ по обыкновенію своему отвѣтилъ очень рѣзко и громко. Мы, знавшіе Колюбакина, привыкли къ его тону, но Муравьевъ, слышавшій его въ первый разъ, спросилъ очень мягко:

— За что же вы сердитесь, полковникъ?

— Не думаю сердиться, ваше высокопревосходительство, всегда такъ говорю, а говоръ свой измѣнить не умѣю, да и не могу.

Муравьевъ взглянулъ на него опять же очень добродушно и прибавилъ:

— А я думалъ, что вы сердитесь.

Тѣмъ и кончился разговоръ.

Послѣ обѣда, когда старикъ опять уже работалъ въ кабинетѣ, позванъ былъ къ нему полковникъ Колюбакинъ и, оставшись тамъ довольно долго, вышелъ замѣтно чѣмъ-то взволнованный.

Онъ былъ близко знакомъ съ Ниной и Екатериной Александровнами, и потому, придя къ нимъ, разсказалъ въ чемъ дѣло.

Муравьевъ поручилъ ему произвести строжайшее изслѣдованіе по злоупотребленіямъ, бывшимъ въ Гурійскомъ отрядѣ, во время командованія имъ княземъ А. И. Гагаринымъ. Всѣ знали, что Гагаринъ былъ самый безкорыстный и честный человѣкъ, джентльменъ въ душѣ, но приближенные къ нему лица, пользуясь его мягкостью и незнакомствомъ съ хозяйственною частью, развели страшныя хищенія. Дѣйствія ихъ были извѣстны, раскрыть и обличить ихъ было не трудно, для чего нуженъ былъ только честный и безкорыстный человѣкъ, который бы ихъ не укрылъ. Муравьевъ возложилъ это порученіе на Н. П. Колюбакина.

Объяснивъ все это княгинѣ Дадіанъ и Грибоѣдовой, Колюбакинъ присовокупилъ что совсѣмъ не радъ этому порученію. Плу-

товъ онъ конечно не пощадитъ и подведетъ ихъ подъ надлежащую кару, но всѣ они не стоятъ мизинца князя Гагарина, а тотъ неизбѣжно первый отвѣтитъ за слабость своего надзора и отвѣтитъ всею своею долговременною, безпорочною службою.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ Колюбакинъ,—прежде чѣмъ получу объ этомъ бумагу, пойду и все объясню Муравьеву, если же и послѣ того, онъ потребуетъ отъ меня исполненія своего приказанія, то ужъ не знаю, что сдѣлаю, только Гагарина губить не стану.

Нельзя при этомъ умолчать, что Колюбакинъ съ Гагаринымъ, не смотря на то, что оба были самые честные люди, постоянно находились въ какихъ-то контрахъ, и это началось съ тѣхъ поръ, когда первый былъ Кутаисскимъ военнымъ губернаторомъ, а послѣдній тамошнимъ же вице-губернаторомъ. За что они ссорились трудно было понять, только, не смотря на взаимное уваженіе, они никакъ не могли спѣться.

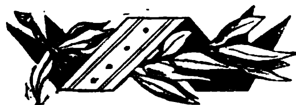
Спустя нѣкоторое время, Колюбакинъ просилъ адъютанта Муравьева Желтухина доложить о себѣ намѣстнику; его позвали въ кабинетъ и онъ опять долго тамъ оставался. Когда же вышелъ оттуда, мы увидѣли его сіяющимъ.

Муравьевъ уважилъ всѣ его резоны и приказалъ прекратить это грязное дѣло. Колюбакинъ сдѣлался съ этой поры его любимцемъ, онъ назначилъ его исправляющимъ должность Кутаисскаго военнаго губернатора, и вскорѣ, за увольненіемъ князя Мухранскаго, утвердилъ его.

Намѣстникъ, пробывъ еще сутки и снова посѣтивъ лагерь, гдѣ были устроены разныя игры, пѣли хоры пѣсенниковъ, сдѣлано было солдатамъ угощеніе,—уѣхалъ въ Зугдиды для свиданія съ владѣтелемъ Абхазіи, княземъ Михаиломъ Шервашидзе, а оттуда черезъ Гурію (въ которой тоже были расположены части отряда) вернулся въ Тифлисъ.

К. Бороздинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ПОВѢСТЬ О СУДѢ ШЕМЯКИ.

ТАРИННАЯ русская повѣсть, извѣстная подъ именемъ «Суда Шемяки», принадлежитъ къ числу популярнѣйшихъ литературныхъ произведеній среди народа. Она появилась на Руси въ XVII вѣкѣ (первыя извѣстія о ней относятся ко времени Михаила Ѳеодоровича) вмѣстѣ съ многими другими повѣстями иностраннаго происхожденія, а въ первой половинѣ XVIII вѣка разошлась уже по рукамъ русскихъ грамотѣевъ съ лубочными иллюстраціями. Повѣсти съ сюжетами, подобными сюжету «Шемякина суда», встрѣчаются у разныхъ народовъ, что, конечно, позволяетъ искать для нихъ одного общаго источника происхожденія. Много времени прошло до той поры пока повѣсть, имѣющая своимъ содержаніемъ серьезную и назидательную легенду о праведномъ судьѣ, превратилась въ сатиру на взяточниковъ. «Постепенное наслоеніе, какъ говоритъ академикъ М. И. Сухомлиновъ [1]), видоизмѣнявшее древнюю основу, совершалось подъ вліяніемъ различныхъ источниковъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ». Эта древняя основа «Шемякина суда»—одна сага, источникъ которой указанъ санскритологомъ Бенфеемъ въ буддійскихъ легендахъ. Основа древней саги, съ прибавленіемъ различныхъ подробностей, смотря по мѣсту и времени пользованія ею, встрѣчается въ одной тибетской сказкѣ изъ Дзанглуна, въ индѣйской сказкѣ о каирскомъ купцѣ, въ третьей редакціи 6-го суда Соломона, въ пѣснѣ о Правдѣ Карла Великаго, въ одной изъ итальянскихъ новеллъ Джіовани Серкамби (1347—1424), въ одномъ изъ древнихъ англійскихъ стихотвореній. «Общность канвы, говоритъ Ѳ. И. Булгаковъ [2]), давшей жизнь всѣмъ этимъ сказа-

---

[1]) Сборникъ отд. рус. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. X, № 6, 1873 г., стр. 33.

[2]) См. предисловіе, стр. 3 и слѣд. къ «Повѣсти о судѣ Шемяки» въ изданіи Общ. Люб. Древней Письменности. Спб. 1879. Содержаніе различныхъ сказаній изложено по этому предисловію.

ніямъ, подтверждается въ нихъ одинаково неудачнымъ ходомъ дѣйствій подсудимаго, приводящихъ его въ судъ, и однороднымъ, по существу, судебнымъ рѣшеніемъ». Въ тибетской сказкѣ браминъ на пути въ судъ нечаянно убиваетъ ткача, упавши на него со стѣны,—затѣмъ умерщвляетъ ребенка, не замѣтивъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ ему пришлось присѣсть; въ индѣйской сказкѣ подсудимый сбиваетъ съ ногъ беременную женщину, которая отъ этого выкидываетъ,—сталкивается затѣмъ съ всадникомъ и нечаянно вышибаетъ у лошади глазъ, а спрыгивая въ каменоломню, убиваетъ человѣка, на котораго упалъ. Судья во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшаетъ дѣло въ пользу подсудимаго, причемъ приговоры его сходны съ приговорами «Суда Шемяки», относительно сына убитаго и выкинувшей женщины. Аналогичные приговоры мы встрѣчаемъ въ третьей редакціи 6-го суда Соломона, въ пѣснѣ о Правдѣ Карла Великаго и въ другихъ вышеназванныхъ сказаніяхъ. Такъ въ первомъ сказаніи царю Соломону жалуется купецъ на бѣдняка, будто онъ воротилъ ему потерянный кошель со 100 фунтами, тогда какъ въ немъ было 120. Когда бѣднякъ пошелъ на судъ, трескъ отъ лопнувшихъ на немъ кожаныхъ брюкъ испугалъ лошадь, отъ чего упала сидѣвшая на ней дама и лишилась глаза; бросившись съ отчаянія въ море, бѣднякъ упалъ на рыбака и убилъ его. Рѣшенія суда таковы: кошель присуждается бѣдному,—рыцарю, мужу изувѣченной дамы, предоставить помѣняться женами съ виновнымъ, отъ чего рыцарь отказывается и даетъ даже отступного,—брату рыбака предлагаютъ броситься съ берега въ море, причемъ мѣсто убитаго долженъ занять бѣднякъ; на это истецъ не согласенъ и даетъ 20 марокъ отступного.

Во второмъ сказаніи дѣло заключается въ слѣдующемъ. Промотавшійся владѣлецъ богатаго наслѣдства занимаетъ у жида 1000 гульденовъ съ обязательствомъ, въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ, отдать фунтъ своего мяса. По винѣ жида, должникъ просрочилъ три дня, а жидъ, желая получить условленную неустойку, ведетъ его къ императору Карлу на судъ. На пути лошадь бѣдняка раздавила ребенка, — затѣмъ бѣднякъ, заснувши, свалился за окно и убилъ стараго рыцаря. Карлъ присуждаетъ 1) жиду— вырѣзать изъ тѣла подсудимаго только (ни больше, ни меньше) фунтъ мяса, въ противномъ случаѣ ему угрожаетъ смерть, 2) отцу раздавленнаго ребенка—отдать свою жену подсудимому, чтобы онъ прижилъ съ ней другого ребенка и 3) истцу за убитаго рыцаря—броситься изъ окна на отвѣтчика, котораго посадятъ внизу на скамью, и убить его своимъ паденіемъ.

Такая замѣчательно устойчивая и почти неизмѣнная общность мотивовъ въ изложенныхъ сказаніяхъ говоритъ, конечно, въ пользу одного общаго, первоначальнаго источника для нихъ. Нашъ «Шемякинъ судъ», сходствуя по основѣ съ приведенными сказаніями, отличается отъ нихъ характеромъ живого отношенія къ современной ему русской дѣйствительности,—характеромъ сатирическимъ, хотя послѣдній, по мнѣнію г. Сухомлинова, и не сознавался старинными читателями, такъ какъ въ тогдашнихъ понятіяхъ о судѣ и въ самыхъ судебныхъ обычаяхъ было много такого, что отзывалось глубокою древностью и сближало дѣйствительную жизнь съ областью легендъ и преданій. Законъ возмездія въ буквальномъ смыслѣ слова, немного отличающійся отъ рѣшенія Шемяки о чужой женѣ и убійцѣ старика, былъ въ полной силѣ въ русскомъ обществѣ XVII столѣтія. Наша повѣсть является чуждой религіозному взгляду на приговоры легендарнаго суда буддійскихъ разсказовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не признаетъ безусловно справедливыми рѣше-

нія Карлова или Соломонова суда. Съ одной стороны Шемякинъ судъ— судъ неправый, вызванный разсчетами судьи на взятку, съ другой же— приговоръ согласуется съ традиціями, издавна усвоенными повѣстью, и съ современными ей понятіями о справедливости. Такимъ образомъ, занесенная къ намъ (вѣроятно, черезъ Польшу, по мнѣнію г. Тихонравова) судная легенда, такъ сказать, акклиматизировалась въ русской жизни, пріобрѣла своеобразную русскую окраску и проникласъ элементомъ сатирическимъ, отсутствовавшимъ при ея первоначальномъ эпическомъ характерѣ. Обстановка и развитіе первоначальнаго сюжета, равно и самое мотивированіе разсказа видоизмѣнились, примѣнительно къ условіямъ русской дѣйствительности. Благодаря такому колориту современности (независимо отъ увеселительнаго характера повѣсти), «Судъ Шемяки» и пріобрѣлъ въ народѣ широкую популярность, войдя даже въ пословицу.

Предлагаемое стихотворное переложеніе «Суда Шемяки» К. Н. Льдова не единственное въ своемъ родѣ въ русской литературѣ. Въ 1794 году, въ Москвѣ, нѣкій А. О. (Оленинъ, по мнѣнію г. Сухомлинова) издалъ лубочное стихотворное переложеніе повѣсти (съ моральнымъ оттѣнкомъ), сдѣланное дубовыми виршами. Въ недавнее время Ѳ. Б. Миллеръ стихомъ легкимъ и литературнымъ весьма успѣшно перефразировалъ занимающую насъ повѣсть, давъ ей заглавіе: «Судья Шемяка» [1]). Ни то, ни другое переложеніе не могутъ быть названы переложеніями въ буквальномъ смыслѣ слова, съ сохраненіемъ возможной точности въ отношеніи къ подлинику безъ ущерба требованіямъ литературнымъ. Попытка г. Льдова кажется намъ весьма удачной, такъ какъ ему посчастливилось соединить литературность переложенія съ точной передачей подлинника. Кое-какія отступленія не нарушаютъ общей гармоніи и красоты передачи, ибо они сдѣланы въ духѣ древняго письма. Г. Льдовъ, такъ сказать, реставрировалъ старинную русскую повѣсть въ стихотворной формѣ. Факсимиле лубочныхъ иллюстрацій съ текстомъ заимствовано нами изъ изданія «Повѣсти о судѣ Шемяки», сдѣланнаго «Общ. Люб. Древ. Письменности».

ШЕМЯКИНЪ СУДЪ.

(По рукописи XVII вѣка).

Жили въ нѣкоторомъ царствѣ
Двое братьевъ земледѣльцевъ,
Былъ богатъ одинъ изъ братьевъ,
А другой весьма убогъ.
Много лѣтъ ссужалъ богатый
Брата бѣднаго, но тщетно:
Помощь скудная, какъ видно,

---

[1]) См. «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ» Гербеля. Изд. 5-е. Подъ редакціей П. Н. Полевого.

Приходилася не въ прокъ.
Вотъ пришелъ однажды бѣдный,
Въ поясъ брату поклонился,
Сталъ просить его усердно:
— «Братъ, ссуди-ка мнѣ лошадку,
«Привезу дровецъ изъ лѣса
«И отдамъ тебѣ назадъ».
Но, какъ сумерки, нахмурясь,
Отвѣчаетъ гордый братъ:
— «Я ссужалъ тебя нерѣдко,
«А что толку? ты, какъ прежде,
«Безъ конца мнѣ докучаешь...
«Помогать тебѣ, что воду
«Лить въ дырявое ведро!»
Подбоченился богатый,
Свысока глядитъ на брата,—
Дескать, чувствуй одолженье,
Поклонись-ка за добро!
Но коня ссудилъ, однако...
А бѣднякъ неугомонный
Снова кланяется брату:
— «Одолжи-ка хомута!»
Тутъ богатый ненашутку
Осерчалъ, всплеснулъ руками:
— «До чего, молъ, братецъ дожилъ,—
«Хомута просить не стыдно!..
«Эхъ, ты, голь да нищета!»
Отошелъ бѣднякъ отъ брата
И головушку повѣсилъ...
Думалъ, думалъ—и придумалъ:
— «Привяжу я, дескать, дровни
«Къ лошадиному хвосту!»
Какъ задумалъ, такъ и сдѣлалъ:
Съѣздилъ въ лѣсъ и съ полнымъ возомъ
Возвращается въ деревню
Да, съ усталости, дорогой
И вздремнулъ себѣ съ версту...
Подъѣзжаетъ бѣдный къ дому,
Да, съ просонокъ, подворотню
Отпереть не догадался,—
И случилася бѣда:
Какъ стегнулъ кнутомъ онъ лошадь,
Та помчалася, рванулась,—
И осталась безъ хвоста!
Потужилъ бѣднякъ, поохалъ,

1.

Внекоторыхъ полестинахъ два брата живаше единъ богаты адругои убоги пріиде убоги братъ кбогатомꙋ лошади проепти начемъ бы емꙋ влесъ подрова съездить и богатыже даде емꙋ лошадь убогиже нача ихомꙋта про шати богатыже вознего довалъ. набрата недаде емꙋ хомꙋта

Печат. поз. м. 1839. года. майя. 30 цен. В. Флерокъ

2.

убогиже братъ умысли себе что дровни привезать лошади захвостъ ипоехалъ влесъ подрова инасекъ возъ великъ елико сила можетъ лошади вести иприехалъ кодворꙋ своемꙋ иотворилъ вороты аподворотню забылъ выставить лошадьже бросилась чрезьподворотню иоторвала усеба хвостъ

Видитъ,—дѣла не поправишь,
И, скрѣпивши сердце, къ брату
Свелъ безхвостаго коня.
Какъ взглянулъ богачъ на лошадь,
Сталъ темнѣе грозной тучи
И, накинувшись на брата,
Ну, бранить его, позорить:
— «Погоди-ка, шаромыжникъ,
«Вотъ узнаешь ты меня.
«Лошадь взялъ, обезобразилъ
«И ведетъ еще ко мнѣ...
«Что за прокъ въ такомъ безхвостомъ,
«Искалѣченномъ конѣ!»

3

4

И пошелъ онъ въ ближній городъ
Бить челомъ судьѣ Шемякѣ,
И бѣднякъ пошелъ за братомъ...
— «Все равно пошлютъ за мною,—
Разсудилъ онъ,—и придется
«Отправляться поневолѣ
«И платить еще вдобавокъ
«За дорогу приставамъ».
Часъ идутъ, другой и третій...
Стало на небѣ смеркаться,
Кое-гдѣ блеснули звѣзды
И тайкомъ перемигнулись,
Какъ любовные глазенки
Заколдованныхъ царевенъ

И царевичей незримыхъ...
Все замолкло. Пролетѣла
Мышь ночная... По холмамъ,
По долинамъ и лужайкамъ
Тихо рѣетъ ангелъ ночи
И въ лазурное лукошко
Сѣетъ ласковыя грезы...
Утомились оба брата
И рѣшили по дорогѣ
Завернуть въ село большое.
— «У попа переночую,
«Онъ знакомецъ мнѣ давнишній!..»
На пути рѣшилъ богатый—
И вошелъ въ попову хату;
И бѣднякъ вошелъ туда же
И забрался на полати.
Разсказалъ попу пріятель,
Какъ ссудилъ онъ брату лошадь,
Какъ хвоста она лишилась...
— «Вотъ иду теперь къ Шемякѣ,
«Пусть Шемяка насъ разсудитъ!»
Побесѣдовавши чинно,
Попъ и гость за ужинъ сѣли,
Не позвали бѣдняка.
Жадно смотритъ онъ, голодный,
Какъ ѣдятъ хозяинъ съ гостемъ
Бокъ бараній, солонину
И съ начинкой гусака.
Засмотрѣлся братъ убогій,
Да съ полатей и сорвался,
Съ вышины упалъ на люльку,
Задавилъ попу до смерти
Малолѣтняго сынка...
Дѣлать нечего, пришлося
И попу идти къ Шемякѣ
Бить челомъ о смерти сына.
Чуть на небо голубое
Зорька ранняя прокралась,
Сталъ хозяинъ вмѣстѣ съ гостемъ
Въ городъ ближній собираться;
И бѣднякъ пошелъ за ними.
Вотъ и стѣны городскія,
Вотъ и мостъ, и ровъ глубокій...
Рвомъ везетъ какой-то житель
Въ баню дряхлаго отца.

5.

идѹщимже имъ коградѹ кѹпно богаты братъ ионои мѹжикъ убогїже занїми їдаше прилѹчися имъ йтти высокїмъ мостомъ у богїже иде снимми їразѹме что не быть емѹ жївомѹ ѿсѹдье шемяки їбросился смостѹ хотелъ уши бїтца досмерти подмостомъ сынъ ѡца везетъ хвораго вбаню їонъ попалъ кнемѹ всанї издавїлъ его досмерти сынъ поїде вїть челомъ што отца ево ушилъ

6.

богаты братъ прїиде кшемяк сѹдье бити челомъ нѣбрата како улошадї хвостъ выдернѹлъ убо гиже подня камень изавязалъ в платъ їкажетъ позади брата и то помышляетъ аще сѹдья не помне станетъ сѹдить то яев ушибѹ досмерти сѹдьяже чая с то рѹблевъ даетъ отдела їпри казалъ богатомѹ отдать убогомѹ лошадь пока унея хвостъ вырости

Вдругъ бѣднякъ, попа и брата
Убоявшись пуще смерти,
Съ моста бросился,—но тщетно
Онъ искалъ успокоенья
И желаннаго конца:
Съ высоты упалъ убогій
На разслабленнаго старца,
И ушибъ его до смерти.
Тутъ несчастнаго схватили
И ведутъ на судъ къ Шемякѣ.
— «Какъ, молъ, быть? Бѣда большая,
«Не избыть такой напасти,
«Дать мнѣ нечего Шемякѣ»,—

По дорогѣ думалъ бѣдный,
И, размысливъ, поднялъ камень,
Завернулъ въ платокъ холщевый,
Положилъ тихонько въ шапку,—
И предсталъ передъ судомъ.
Началъ рѣчь вести богатый,
Сталъ разсказывать про лошадь,
Бьетъ на бѣднаго челомъ.
Челобитную прослушавъ,
Бѣдняку сказалъ Шемяка:
— «Чѣмъ ты можешь оправдаться,
«Безъ утайки, говори!»
Не отвѣтилъ онъ ни слова,
Трижды въ поясъ поклонился,
Вынулъ камень и украдкой
Показалъ его Шемякѣ.
Тотъ подумалъ, что подарокъ
Посулилъ ему убогій,—
И сказалъ другому брату:
— «Безъ хвоста ужъ что за лошадь!
«Ты такую не бери.
«Новый хвостъ отвѣтчикъ долженъ
«Отростить ей непремѣнно—
«И вернуть тебѣ коня».
Дѣло первое покончивъ,
Приступилъ судья къ другому.
Вотъ и попъ выходитъ, слезно
Бьетъ челомъ о смерти сына:
— «Накажи, молъ, душегубца!»
Показалъ опять убогій
Тотъ же камень, а Шемяка,
Какъ и прежде, догадался:
«За второе дѣло, видно,
«Узелъ золота отвѣтчикъ
«Обѣщаетъ для меня!»
И сказалъ попу Шемяка:
— «Онъ ушибъ тебѣ ребенка,
«Онъ ушибъ его до смерти,
«Пусть же помнитъ онъ судью!
«За такое преступленье
«Онъ обязанъ, не промедля,
«Поселиться съ попадьею,
«Возмѣстить тебѣ потерю
«И вернуть затѣмъ обратно
«И дитя, и попадью!»

7

8

Порѣшивъ попово дѣло,
Третій судъ Шемяка началъ.
Вотъ выходитъ съ челобитной
Сынъ разслабленнаго старца...
— «Везъ отца я нынче въ баню,—
Объясняетъ онъ Шемякѣ,—
«Вдругъ съ моста упалъ отвѣтчикъ
«Прямо въ ровъ, попалъ въ телѣгу—
«И убилъ отца до смерти!
«Накажи его достойно,
«Отомсти ему, Шемяка!»
Показалъ убогій снова
Тотъ же камень, а Шемяка,

9.

прїиде убоги братъ кбогатомꙋ братꙋ посꙋдеисъ комꙋ приказꙋ лошади прошать безъхвоста покаунеи выроститъ хвосъ тъ богатыже невосхоте лошади дати даде емꙋ денехъ пать рꙋблевъ да три четверти хлева да козꙋ доинꙋю ипомириса съ нимъ вечно

10.

прїиде убоги братъ кмꙋжикꙋ инача посꙋдеискомꙋ приказꙋ женꙋ прошати и потехъ местъ пока ровенокъ родитса мꙋжик же нача сꙋбогимъ мирити са идаде убогомꙋ падьдесатъ рꙋблевъ дакоровꙋ степенкомъ дакобылꙋ сжеребенкомъ дачетыри четверти хлева ипомириса снїмъ вечно

Какъ и прежде, догадался,
Что сулитъ онъ третій узелъ,
И сказалъ истцу: «Достоинъ
«Онъ суровой, грозной кары.
«Пусть во рву онъ станетъ тамъ же,
«Гдѣ убитъ почтенный старецъ,
«Ты же, сынъ и первый мститель,
«Кинься сверху въ ровъ глубокій—
«И убей его до смерти!»
Конченъ судъ, истцы выходятъ
И отвѣтчикъ вмѣстѣ съ ними.
И проситъ богатый началъ:
— Братъ, отдай-ка мнѣ коня».

11

прїиде увоги ксынȣ задцово-
увистко нача емȣ говорить
что посȣденскомȣ приказȣ те
ве стать намостȣ амне подмос
томъ иты вросаїся намена їзам
би мена досмерти сынже нача ї
помышлати севе какъ скочю съ
мостȣ ево незадавишъ асамъ у
шивуся досмерти нача свогїи
мїритися даде емȣ денегъ·200 рȣ.
даłошать дапать четверїки хле

12

сȣдьаже шемака выслалъ слȣгȣ
кȣбогомȣ прошать денегъ трїс
та рȣблевъ увогїже показа ка
мень їрече ашевы сȣдьа непомне
сȣдїлъ їа хотелъ ево ушивїть до
смерти слȣгаже прїиде ксȣдье їс
каза проубогова ашевы ты не
понемъ сȣдилъ їонъ хотелъ тева
етемъ камнемъ ушивить досъ
мерти сȣдьаже нача крести
тїся слава бгȣ что·а·поне сȣдї

Отвѣчалъ убогій брату:
— «По судейскому указу,
«Какъ лишь выростетъ хвостъ новый,
«Ты тотчасъ свое получишь,—
«А до той поры лошадка
«Пусть побудетъ у меня».
Дѣлать нечего, богатый
Сталъ мириться съ бѣднымъ братомъ:
— «Дай безхвостую, молъ, лошадь,
«Хороша и такъ она!»
Помирился братъ убогій,
Получилъ за лошадь выкупъ:
Пять рублей, козу дойную

И три четверти пшена.
И пошелъ къ попу убогій,
Проситъ:—«дай твою жену!
«По судейскому указу,
«Я обязанъ за вину
«Взять ее и жить съ ней вмѣстѣ,
«И съ ребенкомъ возвратить!..»
Попъ взмолился, сталъ мириться,
Выкупъ бѣдному сулить:
Пятьдесятъ рублей деньгами,
Хлѣба четверти четыре,
Да корову и теленка,
Да кобылу съ жеребенкомъ.
Взялъ убогій этотъ выкупъ
И къ послѣднему истцу,
Какъ назначено, приходитъ,—
— «Дескать, нынче я согласенъ
«Стать во рву на томъ же мѣстѣ,
«Гдѣ къ покойному отцу
«Я упалъ съ моста въ телѣгу,—
«Ты жъ войди на мостъ и кинься,
«И убей меня до смерти».
Сынъ подумалъ:—«Я, пожалуй,
«Самъ до смерти расшибуся».
И мириться сталъ съ убогимъ,—
Двѣсти далъ ему рублей,
Лошадь далъ ему гнѣдую
Да муки ржаной въ придачу
Пять отборныхъ четвертей.
А судья Шемяка выслалъ
Слугъ къ отвѣтчику—просить,
Чтобъ отдалъ узлы съ дарами.
— «Я не даръ сулилъ Шемякѣ,—
Отвѣчалъ бѣднякъ подъячимъ,—
«Я хотѣлъ его убить,
«Если онъ меня осудитъ!
«Подъ платкомъ таился камень...»
Какъ узналъ о томъ Шемяка,
Сталъ отъ радости креститься:
— «Кабы я судилъ иначе,
«Могъ убить меня отвѣтчикъ
«И конечно бы убилъ
«Грузнымъ камнемъ... Слава Богу,
«Что по немъ я разсудилъ!»

К. Льдовъ.

ДЕКАБРИСТЪ КНЯЗЬ Е. П. ОБОЛЕНСКІЙ.

(Пять неизданныхъ писемъ и нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія) [1].

РИВОДИМЫЯ здѣсь письма декабриста князя Е. П. Оболенскаго адресованы имъ Андрею Васильевичу Протасьеву, мужу его сестры Екатерины, съ которой онъ былъ особенно друженъ. Они найдены въ числѣ прочихъ бумагъ, въ селѣ «Большія Можары» Рязанской губ., Сапожковскаго уѣзда, перешедшемъ отъ сына А. В. Протасьева—Евгенія Андреевича Протасьева къ моей матери З. П. Головинской.

Письма Оболенскаго охватываютъ весьма значительный періодъ времени, такъ какъ первое помѣчено 1830 годомъ, а послѣднее 1843 годомъ. Первое представляетъ особенный интересъ—въ немъ Оболенскій описываетъ жизнь свою въ Сибири за четыре года и пребываніе въ Нерчинскихъ заводахъ, о которыхъ не сообщаютъ ничего остальные его товарищи по ссылкѣ.

Въ происшествіяхъ 14-го декабря Оболенскій, какъ извѣстно, принималъ самое дѣятельное участіе и принадлежалъ къ числу старѣйшихъ членовъ Сѣвернаго Тайнаго Общества. Его обвиняли нѣкоторые въ нанесеніи раны штыкомъ Милорадовичу (см. «Всеподданнѣйшій Докладъ Комиссіи»), но это обвиненіе можно считать вполнѣ опровергнутымъ, какъ объясненіемъ самого Оболенскаго, такъ и разсказами очевидцевъ. Самый характеръ Оболенскаго не допускаетъ мысли о чемъ-либо подобномъ. Блондинъ, съ голубыми глазами, чрезвычайно красивый (см. «Воспоминанія» Т. П. Пассекъ, «Русская Старина», т. 7, стр. 184, и «Записки» Фелькнера тамъ же, т. 2), Оболенскій отличался мягкостью въ обращеніи и религіозностью. Онъ всегда внушалъ къ себѣ симпатію въ окружающихъ и былъ любимцемъ своего начальника, генералъ-адъютанта Карла Ивановича Бистрома, командовавшаго всею пѣхотою гвар-

---

[1]) Письма эти находятся въ настоящее время въ собраніи автографовъ П. Я. Дашкова.

дейскаго корпуса, при которомъ состоялъ въ званіи старшаго адъютанта, въ чинѣ поручика лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

Оболенскій встрѣтилъ 1825 года въ Москвѣ, въ своемъ семействѣ, состоявшемъ изъ отца, уже престарѣлаго, матери (рожденной Магницкой, дочери М. Л. Магницкаго, см. «Русская Старина» т. 14, стр. 641) и многочисленныхъ сестеръ и братьевъ, а слѣдующій годъ встрѣчалъ уже въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Причисленный къ первому разряду государственныхъ преступниковъ, благодаря тому, что былъ однимъ изъ трехъ предсѣдателей Общества и принималъ участіе въ дѣйствіяхъ на Сенатской площади, Оболенскій былъ приговоренъ къ смерти, замѣненной императоромъ Николаемъ ссылкою въ каторжныя работы безъ срока. 21-го іюля 1826 года, Оболенскій съ первою партіей арестантовъ былъ уже на дорогѣ въ Сибирь. Жизнь его въ ссылкѣ подробно описывается имъ въ печатаемыхъ нами письмахъ.

I [1]).

Милый другъ и братъ! Вотъ уже пятый годъ, что пера не бралъ въ руки и не изливалъ никому своихъ чувствованій:—давно желалъ я сказать тебѣ то, что у меня на душѣ, давно хотѣлъ тебѣ передать то, что со мною было въ продолженіе сего долгаго времени; но долженъ былъ покориться обстоятельствамъ, и я удовольствовался перепискою черезъ Елизавету Петровну: [2]) Боязнь на-

[1]) Относительно этого письма слѣдуетъ замѣтить, что оно было доставлено не легальнымъ путемъ, какъ это видно изъ post-scriptum'а. Мнѣ кажется, что, принимая во вниманіе число, выставленное на письмѣ (12 марта 1830 года), можно предположить, что оно находилось вмѣстѣ съ письмами, доставленными черезъ Дружинина княгинѣ Шаховской въ Иркутскъ, такъ какъ Дружининъ былъ выпущенъ въ началѣ 1830 года. Интересный разсказъ Якушкина о томъ, какъ Дружинину было поручено передать княгинѣ Шаховской желѣзный ящикъ, въ которомъ было множество писемъ и который былъ наполненъ табакомъ, а тотъ, ничего не зная, вынулъ табакъ и отослалъ въ бумагѣ, подаривъ ящикъ въ церковь, и какъ затѣмъ опять долженъ былъ его добыть, чтобы передать по назначенію, можно найти въ «Русскомъ Архивѣ», 1870 года, страницы 1609, 1610. Этотъ Дружининъ, такъ же какъ и его товарищи Тантыковъ и Колесниковъ, былъ лишь соузникомъ декабристовъ. Въ Оренбургѣ Завалишинъ 2-й вздумалъ образовать тайное общество, но затѣмъ самъ первый предалъ товарищей: Тантыкова, Колесникова и Дружинина, которые и заточены были въ Сибири съ декабристами. Письмо это могло быть также доставлено черезъ Фелицату Осиповну Смольянинову или черезъ одну изъ женъ декабристовъ.

[2]) Е. П. Нарышкина. Сперва, какъ извѣстно, самимъ декабристамъ было запрещено писать, а писали за нихъ дамы. (См. «Записки Басаргина», сборникъ Бартенева «XIX вѣкъ», стр. 129, книга 1-я). Е. П. Нарышкина, урожденная графиня Коновницына, была дочерью извѣстнаго генерала 1812 года. Ея братъ, подпоручикъ Коновницынъ былъ отнесенъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ къ числу государственныхъ преступниковъ девятаго разряда и осужденъ къ лишенію правъ и ссылкѣ въ Сибирь, но Николай Павловичъ приказалъ преступниковъ этого разряда, по лишеніи дворянства и чиновъ, написать въ солдаты, въ

влечь на тебя новыя неудовольствія останавливала всякое покушеніе къ перепискѣ съ тобой.

Если теперь я нарушилъ это, то единственно отъ того, что не могу ни черезъ которую изъ нашихъ благодѣтельницъ сказать тебѣ объ интересныхъ моихъ дѣлахъ.

Ты знаешь, милый другъ, что я долженъ Нарышкину 5,000 рублей.

Папенька призналъ этотъ долгъ, далъ вексель отъ себя Елизаветѣ Петровнѣ, и обѣщалъ скорую уплату:—но вотъ уже четыре года, что онъ объ уплатѣ молчитъ;—зная ихъ стѣсненныя обстоятельства, и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи увѣренъ, что они не рѣшатся никогда, въ письмахъ своихъ обо мнѣ, упоминать объ долгѣ, я прибѣгаю къ тебѣ, милый другъ, и прошу тебя употребить всевозможныя усилія для убѣжденія батюшки къ уплатѣ священнаго для меня долга.—Если онъ не можетъ сего сдѣлать вдругъ безъ разстройства, то постепенная уплата не будетъ для него затруднительна.

Впрочемъ, ты знаешь лучше меня семейныя дѣла, и потому устройся, какъ умѣешь; но избавь меня, сдѣлай милость, отъ непріятнаго чувствованія неисполненія одной изъ священнѣйшихъ обязанностей.

По письмамъ отъ папеньки, кажется, что долгъ Сергѣя Борисовича [1]) въ 300 рублей уплаченъ; и такъ съ этой стороны я покоенъ.—Расчетъ всѣмъ долгамъ я послалъ папенькѣ чрезъ моего Егорушку [2]) прежде 14-го и надѣюсь, что онъ дошелъ вѣрно.

дальніе гарнизоны. Коновницынъ 1-й былъ солдатомъ въ Сибири, потомъ на Кавказѣ, и умеръ въ 1850 году прапорщикомъ отъ дурного климата. Въ «Росписи государственнымъ преступникамъ приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда, осуждаемымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ» о немъ говорилось: «принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной онаго цѣли, относительно бунта, и соглашался на мятежъ» Умирая, Милорадовичъ просилъ Николая Павловича помиловать Коновницына, сына своего друга (id стр. 272).

Младшій Коновницынъ, 16-ти лѣтъ, былъ тоже сосланъ на Кавказъ, потомъ прощенъ.

Мужъ Елизаветы Петровны, полковникъ Нарышкинъ, изъ Сибири былъ переведенъ на Кавказъ солдатомъ, потомъ, по просьбѣ сестры своей—Тучковой, игуменьи Спасо-Богородицкаго монастыря, прощенъ въ 1840 году и умеръ въ 1863 году. Первоначально въ Сибири Нарышкинъ былъ съ остальными въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ, а въ 1832 году вышелъ на поселеніе съ преступниками, отнесенными къ 4-му разряду, къ которому былъ причисленъ. На поселеніи жилъ въ Курганѣ. Нарышкинъ принадлежалъ къ числу богатыхъ, такъ какъ вносилъ ежегодно 1,000 рублей въ артель. Е. П. Нарышкина въ Сибири чувствовала себя весьма одинокой, такъ какъ, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, умерла у нея дочь, и не было ни дѣтей, ни родныхъ, въ числѣ товарищей мужа, по заключенію. (См. «Записки барона Розена», «Отечественныя Записки», 1878 г.).

[1]) Сергѣй Борисовичъ Леонтьевъ, мужъ сестры Оболенскаго—Маріи Петровны.

[2]) Егорушка, преданный слуга князя Евгенія, котораго впослѣдствіи онъ просилъ отпустить на волю.

По словамъ братьевъ, которыхъ я видѣлъ въ крѣпости, [1]) верховая моя кобыла и упряжныя были проданы за 3,600 руб. Дрожки, сани и остальное въ домѣ должно было принести около 1,500 руб. и потому я полагаю, что изъ всего моего долга осталось заплатить не болѣе пяти или шести тысячъ.

Окончивъ скучную статью объ деньгахъ, которые всегда были мои враги, какъ тебѣ извѣстно, разскажу тебѣ, любезный другъ, все, что со мною было въ продолженіе сихъ четырехъ лѣтъ:— 21-го іюля 1826 года выѣхалъ я изъ крѣпости. Не стану тебѣ говорить о томъ, что я чувствовалъ, разставаясь навсегда со всѣмъ тѣмъ, что оживляло мою жизнь. Въ понедѣльникъ я видѣлся съ братьями: [2]) Митя плакалъ, и я также. Сергѣй молчалъ; часъ времени мы проговорили объ отцѣ, о тебѣ, о домашнихъ, и едва нѣсколько словъ успѣли мы сказать, какъ часъ разставанія наступилъ; я надѣялся еще разъ съ ними увидѣться въ субботу, но въ среду въ полночь, [3]) мы уже были на дорогѣ въ Тихвинъ. Послѣ трехъ-недѣльнаго пути достигли мы наконецъ Иркутска, откуда послали насъ по заводамъ для назначенной намъ каторжной работы. Я и Якубовичъ попали на соловаренный заводъ, [4]) въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска.

Пріѣхавъ къ мѣсту нашего назначенія, дали намъ недѣлю отдыха, послѣ котораго дали топоры въ руки и послали въ лѣсъ рубить дрова. Бодро пошли мы съ Якубовичемъ, съ топоромъ за поясомъ, и начали валить лѣсъ, и крупный, и мелкій. Работа казалась сначала тяжелою; но впослѣдствіи привычка нѣсколько уменьшала ея тягость. Въ теченіе шестинедѣльнаго нашего пребыванія на семъ заводѣ мы были свободны, жили на своей квартирѣ, ходили на работу въ которое время вздумается, и признаюсь, самая каторга была довольно сносная, исключая отношеній къ мѣстному начальству, которыя вездѣ и всегда довольно непріятны. Что касается до денегъ, то хотя я выѣхалъ единственно

---

[1]) Въ «Воспоминаніяхъ о К. Ѳ. Рылѣевѣ» князя Евг. Оболенскаго, помѣщенныхъ въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. 1, Оболенскій говоритъ, что не видѣлъ никого изъ родныхъ и знакомыхъ съ 15-го декабря 1825 года, перваго дня заключенія, до 9-го іюля 1826 года, гдѣ, въ залѣ комендантскаго дома встрѣтился съ друзьями. Тамъ же, вѣрно, онъ видѣлъ и братьевъ въ первый разъ.

[2]) Это было второе и послѣднее свиданіе.

[3]) Черезъ 11 дней послѣ сентенціи были отправлены восемь человѣкъ: Артамонъ Захарьевичъ Муравьевъ, Василій Львовичъ Давыдовъ, Александръ Ивановичъ Якубовичъ, двое Борисовыхъ, Трубецкой, Волконскій и Оболенскій. Имъ въ Сибири было гораздо хуже на первыхъ порахъ, чѣмъ декабристамъ, высланнымъ впослѣдствіи.

[4]) Они попали въ такъ называемое Иркутское Усолье. Начальникомъ завода былъ Крюковъ, обращавшійся довольно гуманно.

со ста рублями, которые мнѣ сунулъ Егоръ Михайловичъ [1]), передъ отъѣздомъ, вѣроятно, по твоему порученію; но я успѣлъ продать свои золотые часы, и хоть издержалъ много на дорогѣ, но осталось чѣмъ подѣлиться съ товарищемъ, у котораго ничего не было;— сверхъ того, княгиня Трубецкая [2]), пріѣхавъ вслѣдъ за мужемъ, послала намъ 500 рублей; сими деньгами мы завелись всѣмъ, что нужно для хозяйства, одѣлись кое-какъ и завелись бѣльемъ.

Мы уже думали завестись домомъ своимъ и основаться на долгое время въ заводѣ, гдѣ наша участь была довольно сносная, какъ вдругъ пріѣхали и объявили намъ повелѣніе отправиться въ Иркутскъ;—сопровождаемые казаками, со всѣми военными почестями, 6-го октября [3]) переправились мы черезъ Ангару. Изъ всѣхъ заводовъ собрали насъ въ одно время въ Иркутскъ; и тутъ увидѣлись мы въ первый разъ съ Трубецкимъ и Волконскимъ, [4]) съ

---

[1]) Плацъ-маіоръ. Оболенскій былъ болѣе счастливъ, чѣмъ Басаргинъ, которому, напр. Е. М. сунулъ передъ отъѣздомъ въ Сибирь десять серебрянныхъ гривенниковъ въ бумажкѣ, хотя при арестѣ у Басаргина было отобрано 1,700 р. (См. «Записки Н. В. Басаргина» въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. I).

[2]) Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная графиня Лаваль. Ея мужъ былъ полковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и дежурнымъ штабъ-офицеромъ четвертаго пѣхотнаго корпуса, но никогда не былъ назначаемъ губернаторомъ, какъ о томъ повѣствуетъ Лакруа. Ранѣе 14-го декабря онъ былъ назначенъ мятежниками главнымъ начальникомъ на этотъ день, но, обладая характеремъ нерѣшительнымъ, не явился на площадь.

Вечеромъ 14-го, Трубецкой былъ у своего родственника, австрійскаго посланника, графа Лебцельтерна, къ которому явился за нимъ, по приказанію Николая Павловича, графъ Нессельродс и тотъ долженъ былъ его выдать. Чрезвычайно курьезное описаніе его свиданія съ императоромъ у Лакруа. (См. «Исторія жизни и царствованія Николая I», сочиненіе Поля Лакруа, переводъ съ французскаго. Т. I. М. 1877 — 1878 годъ). Верховный Уголовный Судъ отнесъ его къ первому разряду, и приговорилъ къ смерти, но Николай смягчилъ наказаніе и назначилъ каторжныя работы безъ срока. Въ «Росписи» о немъ говорилось: «управлялъ Сѣвернымъ Тайнымъ Обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ, и согласился именоваться главою и предводителемъ воинскаго мятежа, хотя въ немъ лично и не дѣйствовалъ». Трубецкой принадлежалъ къ числу основателей общества. Въ Сибирь онъ попалъ съ первой партіи декабристовъ, (см. пред. примѣч.) и былъ назначенъ на винокуренный казенный заводъ около Иркутска (въ 70 верстахъ), но тамъ пробылъ не долго,— всѣхъ первыхъ восемь ссыльныхъ привезли въ Иркутскъ и затѣмъ отправили въ Нерчинскъ. (О жизни въ Нерчинскѣ см. текстъ). Изъ Нерчинска Трубецкой былъ переведенъ съ остальными въ Читу и Петровскій заводъ. Въ 1838 году кончился срокъ работъ, и въ 1839 году Трубецкой былъ поселенъ въ Иркутскѣ. Трубецкой принадлежалъ къ числу богатыхъ, такъ какъ вносилъ въ артель декабристовъ въ Петровскомъ заводѣ 2—3 тысячи ежегодно. (См. «Записки Басаргина», въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», книга 1-я). Въ Сибири имѣлъ дѣтей.

[3]) 1826 года.

[4]) Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, бывшій флигель-адъютантъ, генералъ 23-хъ лѣтъ, участвовалъ въ кампаніи 1812 года, постоянно находясь при

которыми и отправились въ Нерчинскъ. Прибывъ туда, послали насъ въ острогъ, или, лучше сказать, въ тюрьму, въ которой подѣланы были для каждаго клѣтка въ два аршина длины и въ полтора ширины.—Насъ выпускали изъ клѣтокъ, какъ звѣрей, на работу, на обѣдъ и ужинъ, и опять запирали. Работа была подъ землею на 70 и болѣе саженъ. Урочныя наши работы были наравнѣ со всѣми каторжными въ заводѣ, отъ которыхъ мы отличались единственно тѣмъ, что насъ держали послѣ работы въ клѣткахъ; а они всѣ пользуются свободой, исключая тѣхъ, кои впадаютъ послѣ ссылки въ заводы въ преступленія, за которыя ихъ наказываютъ, и сажаютъ на извѣстное время въ тюрьму. Не стану тебѣ описывать, любезный другъ, подземное царство, которое ты можешь узнать отъ всякаго, бывшаго въ горныхъ заводахъ.—Работа вообще не столь тяжела, какъ воображаютъ при видѣ сихъ ужасныхъ подземныхъ ходовъ, въ которые версты полторы и болѣе ходишь съ согнутою спиною, и лѣстницами, въ извѣстныхъ мѣстахъ, устроенными, спускаются въ самую глубину сей пропасти. Если количество работы не столь отяготительно, то сіе замѣняется невыгоднымъ положеніемъ во время работы: часто принужденъ работать въ дырѣ, пробиваемой въ стѣну, въ которой садились на колѣна, и принимаешь разныя положенія, смотря по высотѣ мѣста, чтобъ ударить молотомъ фунтовъ въ 15 или 20. Но ты можешь себѣ представить, каково намъ было въ тюрьмѣ, если работа въ горѣ была для насъ временемъ пріятнѣйшимъ, нежели заключеніе домашнее.

Дни праздничные были для насъ точно днями наказанія:—въ душной клѣткѣ, гдѣ едва можно повернуться, милліонъ клоповъ и разной гадины, осыпали тебя съ головы до ногъ и не давали покоя. Присоединя къ тому грубое обращеніе начальства [1]), которое

государѣ, или главнокомандующемъ. Былъ женатъ на Марьѣ Николаевнѣ Раевской, воспѣтой Некрасовымъ въ поэмѣ «Русскія женщины». Верховный уголовный судъ отнесъ его къ первому разряду преступниковъ и приговорилъ къ смерти, но императоръ помиловалъ, назначивъ вѣчныя каторжныя работы. Волконскій съ первой партіей декабристовъ былъ отправленъ въ Сибирь и попалъ съ Трубецкимъ на винокуренный заводъ около Иркутска. Затѣмъ переведенъ въ Нерчинскъ съ остальными, а изъ Нерчинска въ Читу и Петровскій заводъ. Наконецъ, когда, благодаря послѣдующимъ распоряженіямъ, вышелъ срокъ каторжныхъ работъ преступникамъ 1-го разряда, Волконскій былъ поселенъ въ Иркутскѣ. Въ артель Петровскаго завода вносилъ 2—3 тысячи ежегодно, т. е. принадлежалъ къ числу богатыхъ. (См. «Записки Басаргина»). Въ Сибири имѣлъ дѣтей. Волконскій былъ возвращенъ въ 1856 году, и умеръ въ своемъ имѣніи Черниговской губерніи въ 1865 году, а жена его въ 1863 году.

[1]) Начальникомъ Нерчинскихъ заводовъ былъ нѣкій Бурнашевъ, человѣкъ возмутительный—«заплечный мастеръ», какъ его называетъ М. А. Бестужевъ въ своихъ «Запискахъ» (См. «Русская Старина», томъ 2-й, стр. 187), который очень сожалѣлъ, что высшее начальство не позволяетъ ему «вывести въ расходъ» государственныхъ преступниковъ.

привыкши обращаться съ каторжными, поставляло себѣ обязательностью насъ осыпать ругательствами, называя насъ всѣми ругательными именами. Къ тому долженъ еще тебѣ сказать, что къ намъ приставленъ былъ отъ иркутскаго губернатора квартальный, который долженъ былъ смотрѣть за нами; а отъ горнаго начальства офицеръ [1]) горный, которому также поручено было смотрѣть надъ нами: горное начальство боялось донесеній квартальнаго, и потому строгость умножало: квартальный же боялся горныхъ и такимъ образомъ насъ окружали двѣ непріязненныя силы, которыя старались только увеличить наши тягости.—Но какъ всему есть предѣлы, то и сему былъ также таковой. Съ февраля [2]) мѣсяца на насъ надѣли желѣзо, а съ весной насъ велѣно употреблять только въ работы, надъ землею, что по ихъ мнѣнію значило облегченіе въ работѣ, а по нашему увеличеніе тягости работы, которая подъ землею легче. Впрочемъ, ко всему привыкнуть можно, исключая того, что оскорбляетъ собственное наше достоинство. Въ семъ послѣднемъ мы дѣйствительно получили облегченіе, потому что начальникъ заводовъ [3]) рѣже началъ насъ посѣщать, и потому мы уже не слышали слова слишкомъ оскорбительныя. Къ тому же присутствіе нашихъ истинныхъ ангеловъ-хранителей, княгинь Трубецкой и Волконской, доставляло намъ и отраду, и утѣшеніе. Воспоминаніе [4]) о всемъ томъ,

---

[1]) Нѣкій Рика, необразованный и грубый.

[2]) 1827 года. Желѣза надѣли вопреки законоположеніямъ, освобождающимъ отъ этого лицъ привилегированнаго сословія, по распоряженію государя. Въ апрѣлѣ 1831 года сняли цѣпи. (См. «Русскій Архивъ», 1870 года. «Изъ записокъ декабриста Якушкина»).

[3]) См. предыд. примѣч.

[4]) Декабристы восторженно вспоминаютъ о всѣхъ дамахъ пріѣхавшихъ въ Сибирь къ мужьямъ. (См. «Записки Васаргина», въ сборникѣ Бартенева, «Девятнадцатый вѣкъ», книга 1-я, стр. 129; «Русскій Архивъ», 1870 года. «Изъ записокъ декабриста Якушкина», стр. 1592; «Записки барона Розена», «Отечественныя Записки» 1876 года, «Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 года» А. П. Бѣляева, глава XII «Русская Старина», томъ 30-й и т. д.). Назовемъ здѣсь этихъ дамъ: Е. П. Нарышкина (см. пред. примѣч.), Н. Д. Фонъ-Визина, урожденная Апухтина, М. Н. Волконская (см. пред. примѣч.), Е. И. Трубецкая (см. пред. примѣч.), Александра Григорьевна Муравьева, рожд. Чернышева, жена извѣстнаго Никиты Михайловича Муравьева, братъ которой графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, наслѣдникъ огромнаго майората, находился въ ссылкѣ вмѣстѣ съ ея мужемъ. Она умерла въ Сибири, въ Петровскомъ заводѣ, въ 1832 году. Далѣе назовемъ еще А. В. Ентальцеву, мужъ которой, подполковникъ Ентальцевъ, былъ сперва поселенъ въ Ялуторовскѣ, потомъ переведенъ на Кавказъ и сошелъ съ ума. Къ этимъ первымъ присоединились потомъ баронесса Розенъ и Юшневская. Женѣ Якушкина, Шереметевой, не было позволено пріѣхать. Затѣмъ Анненковъ женился въ Сибири, въ Читѣ, на француженкѣ Ледантю, чрезвычайно красивой особѣ. Портретъ ея находится въ нашемъ родовомъ имѣніи, Симбирской губ., Буинск. уѣзда, деревнѣ Ивашевкѣ.

О женахъ декабристовъ см. также отдѣльную статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

что эти женщины оставили, чтобы раздѣлить участь своихъ мужей, всѣ препятствія, которыя онѣ преодолѣли, всѣ лишенія, которымъ онѣ добровольно себя подчиняли, неудовольствія, которыя онѣ сносили, словомъ все, и даже одно присутствіе ихъ приносило намъ минуты неизъяснимыя: онѣ насъ кормили, одѣвали,—словомъ, были намъ болѣе, нежели родные: признаюсь тебѣ, любезный другъ, что это время было для меня очень тягостно. Оставленный отцомъ, не получая отъ него ни строки, въ продолженіе двухъ лѣтъ я думалъ, что обреченъ на всегдашнее забвеніе отъ него и отъ всѣхъ васъ. Время хотя не примиряло меня съ сею мыслію, но по крайней мѣрѣ заставило философствовать поневолѣ и убѣждаться, что нѣтъ ничего постояннаго въ мірѣ. Такъ прожили мы, любезный другъ, въ Нерчинскихъ рудникахъ или заводахъ, въ Благодатскомъ рудникѣ, до октября мѣсяца, тутъ повезли насъ въ Читу, гдѣ уже были собраны всѣ нынѣшніе жители Читинской тюрьмы [1]).

[1]) Скажу нѣсколько словъ объ этихъ «жителяхъ Читинской тюрьмы» и главнымъ образомъ, о первыхъ восьми, какъ ближе стоявшихъ къ Оболенскому. О Трубецкомъ и Волконскомъ я уже упоминалъ. Артамонъ Захарьевичъ Муравьевъ, полковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка, принадлежалъ къ Южному Обществу и Верховный уголовный судъ, отнеся его къ преступникамъ 1-го разряда, приговорилъ къ смертной казни. Помилованный съ товарищами, онъ былъ сперва на казенномъ винокуренномъ заводѣ около Иркутска, затѣмъ въ Нерчинскѣ, Читѣ, Петровскомъ заводѣ и съ 1839 г. въ Иркутскѣ на поселеніи. Въ Сибири занимался медициной (хирургіей, первоначально подъ руководствомъ штабъ-лекаря Вольфа и говорятъ довольно успѣшно). Василій Львовичъ Давыдовъ, отставной полковникъ, родственникъ Волконскаго, также былъ причисленъ къ первому разряду и перевозимъ съ товарищами, до выхода на поселеніе въ Красноярскѣ въ 1839 г. Въ «Росписи» о немъ говорилось: «участвовалъ въ управленіи тайнаго Общества и старался распростанять оное принятіемъ членовъ и порученій; участвовалъ согласіемъ въ предположеніяхъ объ отторженіи Областей отъ Имперіи и пріуготовлялъ къ мятежу предложеніемъ одной артиллерійской ротѣ быть готовой къ дѣйствіямъ». При вступленіи на престолъ императора Александра II, Давыдовъ былъ помилованъ, но ему не удалось пріѣхать на родину—онъ умеръ въ Сибири послѣ манифеста, Давыдовъ былъ очень богатъ—его бабка племяница Потемкина (см. о немъ «Заря», 1883 г.). Онъ чуть ли не одинъ изъ семейныхъ декабристовъ рѣшился самъ отослать дѣтей, съ перемѣною фамиліи, какъ-то было предложено въ 1842 г., въ Россію. Потомъ они опять приняли фамилію Давыдовыхъ.

Александръ Ивановичъ Якубовичъ, капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка, одинъ изъ кавказскихъ героевъ, былъ большимъ другомъ Оболенскаго. Съ нимъ онъ познакомился у постели умирающаго Чернова, на похоронахъ котораго въ первый разъ собрались всѣ вмѣстѣ члены Тайнаго Общества (см. «Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ» кн. Е. П. Оболенскаго, въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. I). Не за долго передъ тѣмъ Якубовичъ перенесъ тяжелую операцію (въ 1823 году). Человѣкъ чрезвычайно энергическаго характера, Якубовичъ принималъ самое дѣятельное участіе въ событіяхъ 14-го декабря, хотя и не числился членомъ Общества. Верховный уголовный судъ отнесъ его къ преступникамъ перваго разряда и онъ перенесъ общую съ ними участь. Въ 1839 году, когда кончился срокъ работъ, онъ былъ поселенъ въ Енисейскѣ, гдѣ устроилъ мыловаренный заводъ и жилъ безбѣдно. Средства для этого пред-

Насъ было восемь въ Нерчинскѣ: Трубецкой, Волконскій, Артамонъ Муравьевъ, Давыдовъ, Якубовичъ, два брата Борисовыхъ и я. Радостно обнялись мы съ товарищами. Нарышкина обнялъ я съ истиннымъ восторгомъ.

пріятія онъ получилъ отъ кн. Оболенскаго, какъ это видно изъ конца второго письма. Якубовичъ умеръ въ 1845 г.

Борисовы, первый—отставной подпоручикъ и второй—подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады, принадлежали къ Обществу Соединенныхъ Славянъ и, какъ основатели Общества и умышлявшіе на цареубійство, были отнесены Верховнымъ уголовнымъ судомъ къ первому разряду и имѣли общую съ преступниками этого разряда участь. По окончаніи срока работъ, были поселены въ Иркутскѣ. Въ Сибири составили коллекцію насѣкомыхъ и отослали московскому профессору Фишеру (см. «Записки Басаргина»).

Иванъ Ивановичъ Пущинъ, коллежскій ассесоръ, пріѣхавшій позднѣе изъ Шлиссельбурга, гдѣ содержался вмѣстѣ съ Юшневскимъ, Дивовымъ, Пестовымъ и Николаемъ Александровичемъ Бестужевымъ, братомъ Марлинскаго (см. «Русскій Архивъ» 1870 г. «Изъ записокъ декабриста Якушкина», стр. 1581), находился 14-го декабря на площади рядомъ съ Оболенскимъ (см. «Воспоминанія» А. П. Бѣляева, «Русская Старина» томъ 30-й стр. 499). Когда Пущинъ поступалъ въ гражданскую службу, Пушкинъ, его товарищъ по лицею и другъ, привѣтствовалъ это поступленіе стихами, думая, что своею честностью Пущинъ можетъ быть чрезвычайно полезнымъ на этомъ поприщѣ. Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ Оболенскимъ, Пущинъ составилъ о 14-мъ декабрѣ записки, напечатанныя за границей, которыя я, къ сожалѣнію, не могъ достать. О нихъ упоминается въ примѣчаніи «по поводу воспоминаній о К. Ѳ. Рылѣевѣ» Е. Я. въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. I, и въ статьѣ Н. Свистунова «Нѣсколько замѣчаній по поводу новѣйшихъ книгъ и статей о 14-мъ декабрѣ» «Русскій Архивъ» 1870 г. стр. 1664. Кромѣ того, въ «Русскомъ Архивѣ» 1879 г. № 12 напечатано письмо И. И. Пущина къ Э. А. Энгельгардту изъ Ялуторовска о жизни въ Сибири.

Въ Читинской тюрьмѣ находился между прочимъ извѣстный издатель историческаго сборника «Русская Старина» Корниловичъ, отправленный въ первомъ же году (въ 1827 г.) съ фельдъегеремъ на Кавказъ (см. замѣтку Сиротинина «Декабристы» «Русская Старина», т. 29, стр. 422) и умершій въ 1835 г. солдатомъ отъ горячки, которой захворалъ, простудившись, спасая тонувшаго въ рѣкѣ товарища—солдата; подполковникъ Михаилъ Лунинъ, умершій въ каторжной работѣ за брошюру на англійскомъ языкѣ, напечатанную за границей; Александръ Александровичъ Бестужевъ-Марлинскій,—изрубленный на Кавказѣ черкесами въ 1837 г. уже офицеромъ; Никита Муравьевъ, одинъ изъ основателей Сѣвернаго Общества (о немъ см. выше пред. примѣч.) съ своимъ родственникомъ гр. Чернышевымъ; лейтенантъ Завалишинъ, составившій записки и живущій до сихъ поръ въ Москвѣ; корнетъ Свистуновъ, живущій въ Москвѣ; поручикъ Басаргинъ, авторъ «Записокъ» въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ»; баронъ Штейнгель, подполковникъ Фаленбергъ, мичманъ Бѣляевъ и баронъ Розенъ, оставившіе записки; князь Одоевскій—извѣстный поэтъ, другъ Лермонтова, поселенный въ Иркутскѣ, затѣмъ переведенный на Кавказъ солдатомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ и здѣсь умершій чахоткой отъ дурного климата въ 1839 г.; Александръ Николаевичъ Муравьевъ, братъ извѣстнаго Михаила Николаевича, умершій въ 1863 г. сенаторомъ въ Москвѣ; подполковникъ Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, братъ повѣшеннаго; наконецъ сгорѣли въ Верхоленскѣ: Андреевъ и штабъ капитанъ Рѣпинъ въ 1832 г. Сошли съ ума: Ентальцевъ (см. пред. прим.), Николай Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, капитанъ Фурманъ, князь Шаховской, поручикъ Шахиревъ, полковникъ Враницкій, Петръ Александровичъ Бестужевъ. Всѣхъ декабристовъ въ Читѣ было 88.

Пущинъ пріѣхалъ въ декабрѣ послѣ 20-ти-мѣсячнаго содержанія въ Шлюссельбургѣ. Съ того времени живемъ мы кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ. Четыре сарая служатъ намъ жилищемъ общимъ. Они довольно теплы; каждый изъ нихъ имѣетъ въ ширину аршинъ и 3/4 мѣста, а длину сколько занимаетъ кровать. Первое пріятное чувство, которое я испыталъ, происходило отъ письма, которое я получилъ отъ отца вскорѣ послѣ пріѣзда въ Читу. Я опять ожилъ душою, увидѣлъ, что еще привязанъ къ міру нитью непрерываемою, священною, любви отца къ сыну, которой, казалось, долженъ былъ лишиться навсегда. Часто приходило мнѣ на мысль, милый другъ, что странны довольно люди, которые смѣшиваютъ политическое поведеніе человѣка съ его отношеніями гражданскими или семейными. Какъ политическій членъ общества я могъ быть подверженъ наказанію высшей власти; но если я исполнилъ по возможности обязанности сына, брата и друга, имѣютъ ли они право лишать меня того—что я заслужилъ прежними моими поступками. Пусть проступки семейные подлежатъ сужденію семейному, но проступки политическіе подлежатъ сужденію политической власти; зачѣмъ же прибавлять къ наказаніямъ политическимъ наказанія семейныя. Впрочемъ, я тебѣ говорю, милый другъ, это не потому, чтобы огорченіе двухлѣтняго молчанія вашего, оставило въ сердцѣ моемъ слѣды, ибо я впослѣдствіи былъ вполнѣ вознагражденъ отцомъ за долговременное молчаніе. Его письма доставляли и доставляютъ мнѣ доселѣ одно истинное утѣшеніе, которымъ я могу пользоваться. Я вижу его любовь ко мнѣ, и для меня все остальное неважно. Признаюсь тебѣ, милый другъ, я сначала сѣтовалъ и на тебя, когда послѣ перевода твоего изъ Финляндіи въ дивизію, которая около Москвы, и наконецъ послѣ отставки твоей, я отъ тебя не получалъ писемъ, но одни поклоны въ письмахъ отца. Поклоны эти такъ мнѣ казались сухи, что я старался отогнать отъ себя мысли, которыя они во мнѣ возбуждали. Но вижу теперь, что ты не писалъ не по волѣ, а по неволѣ [1]). Теперь, милый другъ, кажется препятствій болѣе не предвидится и я надѣюсь что ты, любя меня по прежнему, будешь чаще вспоминать. Письма, милый другъ, ничего не значатъ, часто нечего сказать въ письмѣ, но они необходимы для сохраненія и оживленія чувства, соединяющаго двухъ людей. Ты скажешь, что письма не родятъ дружбы; но мы любимъ и умершихъ. Какая же разница отъ любви къ живымъ, если мы и съ тѣми и съ другими будемъ имѣть сношенія одинаковыя. Вотъ, милый братъ, мои мысли о семъ предметѣ. Я прошу тебя еще не затрудняться политическими

---

[1]) Андрей Васильевичъ Протасьевъ относился гораздо лучше остальныхъ родныхъ къ кн. Евгенію, благодаря особенной дружбѣ существовавшей между кн. Евгеніемъ и сестрой Екатериной Петровной Протасьевой, рожд. Оболенской.

отношеніями, которыя открываютъ твои письма всякому, кто имѣетъ право и порученіе читать твои письма. У насъ съ тобою политическихъ сношеній нѣтъ. То же, что у меня на сердцѣ, я не затрудняюсь показать всѣмъ. И такъ пиши, милый другъ, ко мнѣ съ тою свободою, съ какою писалъ прежде. Если когда-нибудь я получу позволеніе лично передавать тебѣ мои мысли, то будь увѣренъ, что ты найдешь во мнѣ все, что было прежде. То же самое желаніе быть искреннимъ передъ тобою и изложить тебѣ въ письмѣ моемъ настоящее положеніе души моей. Теперь скажу тебѣ, милый другъ, что я съ большимъ удовольствіемъ узналъ о замужествѣ Вариньки [1]). Провидѣніе, соединившее ее съ юношею 22-хъ-лѣтнимъ, душою невиннымъ, должно утвердить ее семейное благополучіе. Я не зналъ Михайловскаго [2]); но радовался, видя и Сашеньку пристроенною. Но признаюсь тебѣ, что сильно былъ тронутъ нѣсколькими строками, приписанными имъ ко мнѣ въ письмѣ сестриномъ. Эти строки показали мнѣ въ немъ человѣка истинно добраго и честнаго. Изъ сихъ строкъ я точно угадалъ, что Сашурка наша счастлива. Что же касается до Прончищева, то признаюсь тебѣ, я его не понимаю и не желаю его осуждать. Варинька написала мнѣ одно письмо и даже не отвѣчала Елизаветѣ Петровнѣ на то письмо, которое она ей обо мнѣ писала. Отъ него ни слуху ни духу. Странно, что каторжная работа, въ которой я нахожусь болѣе четырехъ лѣтъ, могла разрушить чувства, которыя должны пережить и насъ самихъ. Но то же самое я долженъ сказать и о братѣ Николаѣ, о сестрѣ Марьѣ [3]), о Сергѣѣ Борисовичѣ; жаль что число нѣсколько велико, но нечего дѣлать. Впрочемъ, не думай, чтобъ молчаніе ихъ меня тревожило; но признаюсь, что грустно разувѣриться въ людяхъ и этотъ опытъ, вѣроятно, не первый и не послѣдній для меня будетъ [4]). Что скажу теперь о здѣшнемъ нашемъ житьѣ-бытьѣ? Насъ въ одномъ домѣ или въ четырехъ большихъ комнатахъ 42 человѣка. Остальные въ другихъ тюрьмахъ разсажены тоже какъ и мы. Изъ числа твоихъ знакомымъ Нарышкинъ и Пущинъ живутъ со мною въ одномъ домѣ, но въ разныхъ комнатахъ. Цѣлый день у насъ какъ въ солдатскихъ казармахъ,

---

[1]) Варвара Петровна Оболенская вышла замужъ за Прончищева.

[2]) Александра Петровна Оболенская была замужемъ за Михайловскимъ.

[3]) Марья Петровна Оболенская была замужемъ за Сергѣемъ Борисовичемъ Леонтьевымъ.

[4]) Описаніе жизни ссыльныхъ въ Читинской тюрьмѣ желающіе сравнить могутъ найти: «Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г.» А. П. Бѣляева, гл. XII, въ «Русской Старинѣ», т. 30; «Пребываніе декабристовъ въ тюремномъ заключеніи въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ» Д. И. Завалишина въ «Русской Старинѣ», т. 32; «Записки Н. В. Басаргина», сборникъ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. I, стр. 127 и слѣд.; «Записки Мих. Алек. Бестужева»—«Русская Старина», т. 2; «Записки барона Розена» «Отечественныя Записки», 1878 г. и т. д.

которыя ты довольно часто посѣщалъ: шумъ, споры о предметахъ философскихъ, ученыхъ и тому подобное, которые большею частію служатъ къ тому, чтобы убить часа три или четыре долгихъ нашихъ дней. Встаю я рано, читаю, занимаюсь кой-чѣмъ умственнымъ пока всѣ спятъ и тишина не нарушена; потомъ опять читаю, но для препровожденія времени болѣе нежели для занятія. Нѣсколько часовъ въ день посвящаю механическимъ трудамъ: столярничаю, шью [1]) или подобное что-нибудь дѣлаю. На казенную работу [2]) ходимъ мы черезъ день. Наша обязанность смолоть муки десять фунтовъ на ручныхъ мельницахъ. Для меня работа не тяжела, потому что, слава Богу, силы физическія доселѣ меня не оставляютъ; но для тѣхъ, у которыхъ грудь слаба, работа эта тяжеленька. Лѣтомъ начинаются у насъ работы каждый день и утромъ и вечеромъ: мы дѣлаемъ дороги, починяемъ старыя, ровняемъ улицы, такъ чтобы вездѣ проѣхать какъ шаромъ прокатить. Сверхъ того, у насъ собственный нашъ огородъ, на которомъ трудовъ не мало [3]): на сто человѣкъ заготовить запасу на зиму—не маловажный трудъ. 105 грядъ каждый день полить занимаетъ по крайней мѣрѣ часовъ пять или шесть въ день. Осенью мы собираемъ овощи съ грядъ, квасимъ капусту, свеклу, укладываемъ картофель, рѣпу, морковь и другія овощи для зимняго продовольствія и такимъ образомъ невидимо настаетъ октябрь и зимнія, долгія ночи опять заставляютъ обращаться къ трудамъ умственнымъ. Вотъ тебѣ, милый другъ, круговое теченіе нашего года. Что касается до внутренняго, душевнаго состоянія моего, то скажу тебѣ, что я спокоенъ душевно и ищу болѣе утѣшенія въ самомъ себѣ, нежели во внѣшнихъ предметахъ. Религія доставляетъ мнѣ истинное душевное утѣшеніе. Я говѣю три раза въ году и это три эпохи, въ которыхъ я обновляюсь новою жизнью и—вновь душою и духомъ. Это три

---

[1]) Бѣляевъ въ «Воспоминаніяхъ» говоритъ, что Оболенскій, Кюхельбекеръ, Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, Загорецкій и Фроловъ составляли артель портныхъ. Оболенскій пожертвовалъ байковое одѣяло Бѣляеву и сшилъ ему изъ него казакинъ (стр. 810). Онъ же давалъ братьямъ Бѣляевымъ уроки англійскаго языка и они въ одинъ годъ перевели сочиненіе Gibbon'a «History of the decline and fall of the Roman Empire», сдѣлавъ такимъ образомъ этотъ замѣчательный трудъ доступнымъ товарищамъ. По воскресеньямъ устраивались религіозныя чтенія, на которыхъ присутствовали, кромѣ Оболенскаго, еще Пушкинъ, Крюковъ, Завалишинъ, Басаргинъ, Одоевскій, Мозгалевскій.

[2]) Первоначально работа состояла въ томъ, чтобы наполнять какой-то ровъ, носившій названіе Чертовой Могилы, затѣмъ стали молоть муку на ручныхъ мельницахъ. Мука выходила никуда негодная. Мололи лишь желающіе. Иные посылали кого-либо изъ сторожей за себя на эту работу. Вообще, мѣсто этой работы представляло изъ себя нѣчто въ родѣ клуба декабристовъ, куда они собирались играть въ шахматы и разговаривать (см. «Записки Басаргина», стр. 128 и «Изъ Записокъ декабриста Якушкина», стр. 1595).

[3]) Оболенскій съ особенною любовью занимался садоводствомъ и огородничествомъ.

времени, въ которыхъ истина яснѣе намъ представляется и мы живѣе и сильнѣе чувствуемъ истинно доброе, истинно хорошее. Остальное время года я занимаюсь болѣе философскими предметами [1]). Книгъ философскихъ у насъ здѣсь не много, и потому я просилъ бы тебя прислать и мои нѣмецкія всѣ и еще нѣсколько другихъ, о которыхъ я упомянулъ въ письмахъ къ отцу. По послѣднему твоему письму я вижу, что мнѣ нечего ожидать присылки ихъ. Если же ты захочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, то отправь мнѣ тѣ книги, которыя найдешь, и въ особенности все, что ты найдешь философіи Шеллинга или Оккена, черезъ Нарышкиныхъ сестеръ, которыя съ удовольствіемъ доставятъ брату все, что ты перешлешь для меня. Я знаю очень, что твои финансы не позволяютъ тебѣ большихъ издержекъ [2]), но я и не прошу тебя излишняго, а по немногу скопи денегъ и перешли два, три творенія, и я буду доволенъ. Что касается до денегъ, посылаемыхъ мнѣ отцомъ, то я желалъ бы получать вѣрнаго дохода 1,000 въ годъ, т. е. каждую треть или въ три мѣсяца 250. Меня лично обезпечило бы и менѣе, но надобно тебѣ сказать, милый другъ, что у насъ здѣсь многіе не получаютъ отъ родныхъ, по бѣдности ихъ, совершенно никакого пособія, и потому все то, что получаютъ остальные, дѣлится между такимъ количествомъ людей, что каждая присылка денегъ дѣлается совершенно незначительной, удовлетворяя необходимѣйшимъ нуждамъ другихъ [3]). Обѣдъ (и ужинъ зачеркнуто) нашъ состоитъ изъ двухъ блюдъ, ужинъ изъ одного; чай утромъ и вечеромъ съ молокомъ—вотъ все, что мы можемъ себѣ позволить,

---

[1]) Въ Петровскомъ заводѣ Оболенскій читалъ лекціи по философіи, см. «Воспоминанія Бѣляева».

[2]) А. В. Протасьевъ не получилъ большого приданаго за Екат. Петровн. Оболенской. Изъ росписи, собственноручно подписанной кн. Петромъ Николаевичемъ Оболенскимъ, видно, что Протасьевъ получилъ 20,000 р. ассигнаціями, вещей на 24000, двороваго человѣка съ женой и трехъ дѣвокъ.

[3]) Въ Читѣ отпускалось отъ правительства на содержаніе 6 к. мѣдью и 2 пуда муки на каждаго заключеннаго въ мѣсяцъ. Конечно, этого было совершенно не достаточно. Многіе, не получавшіе ничего отъ родныхъ, вынуждены крайностью, рѣшались просить прибавки. Однако остальные совершенно правильно сочли, что это было бы унизительно для всѣхъ и дѣло уладилось. Образовалась впослѣдствіи артель, въ которую каждый дѣлалъ взносы по мѣрѣ возможности, оставляя себѣ лишь необходимое. На нѣкоторыхъ вкладчиковъ я уже выше указывалъ, то были: Трубецкой, Волконскій, Ивашевъ, Нарышкинъ, Фонъ-Визинъ и др. Такимъ образомъ, каждый нуждающійся, не обязываясь ни передъ кѣмъ изъ болѣе богатыхъ товарищей, получалъ все необходимое. Среднимъ числомъ, доходъ каждаго декабриста можно опредѣлить въ 500 р. Выходящіе на поселеніе безъ собственныхъ средствъ получали единовременно до 700 р. Уставъ этой замѣчательной артели можно найти у Басаргина (см. «Записки Басаргина», сборникъ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ», кн. I. ст. 149). Эта артель можетъ, между прочимъ, служить лучшимъ доказательствомъ того, что во всякомъ товариществѣ все зависитъ главнымъ образомъ не отъ устава, а отъ степени нравственнаго развитія сочленовъ.

смотря по присылкѣ денегъ. Мы бывали безъ чаю въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ и болѣе. Иногда мы можемъ только пить чай одинъ разъ въ день, и такъ далѣе: уменьшеніе и увеличеніе нашихъ доходовъ есть мѣра нашихъ потребностей. И потому, любезный другъ, я желалъ бы душевно получать положительный доходъ, который достаточенъ былъ бы для меня и двухъ другихъ еще. Что касается до бѣлья, платья и пр. то здѣсь все разойдется очень скоро и будь увѣренъ, что всякая присылка сюда есть истинное доброе дѣло [1]). Тебѣ предоставляю исполнить въ семъ случаѣ потребности собственнаго твоего сердца. Между многими, которые родными оставлены, находится здѣсь нѣкто Тютчевъ, Алексѣй Ивановичъ, племянникъ родной извѣстнаго тебѣ Михаила Ивановича Тютчева. Онъ служилъ въ старомъ Семеновскомъ полку [2]), имѣлъ собственное материнское имѣніе, приносившее ему довольно дохода. Отецъ его съ того времени, какъ онъ взятъ въ крѣпость, и доселѣ не писалъ и не посылалъ ему ни копѣйки. Если ты увидишь кого-нибудь изъ Тютчевыхъ, бывшихъ лейбъ-гусаровъ, то скажи имъ о положеніи ихъ брата и авось-либо они помогутъ ему у отца его. Прощай, милый другъ; одно условіе съ тобою при полученіи сего письма: совершенное молчаніе объ немъ и ради Бога храни совершенную тайну о способахъ какими оно доставлено. Молю Бога, чтобы оно дошло до тебя и доставило тебѣ отраду и утѣшеніе. Въ знакъ того, что письмо это дошло до тебя, скажи въ твоемъ письмѣ что-нибудь о книгахъ. или Тютчевѣ. Объ успѣхѣ же въ денежныхъ дѣлахъ я узнаю изъ писемъ отцовскихъ. Христосъ съ тобою, милый другъ, мысленно обнимаю тебя

Е. Оболенскій.

12-го марта, 1830 года.

P. S. Еще нѣсколько словъ хочу приписать къ тебѣ, милый другъ. Вмѣсто условленнаго знака, о которомъ я тебѣ писалъ, т. е. сказать нѣсколько словъ о Тютчевѣ или о книгахъ,—если ты получишь это письмо, то отвѣчай по слѣдующей почтѣ и выставь на верху: понедѣльникъ « — » числа. Но чтобы еще болѣе удостовѣрить меня въ полученіи сего письма, то напиши въ самомъ письмѣ: извѣстіе о тебѣ отъ марта мѣсяца мы получили, и называй

---

[1]) Конечно, всякая присылка была «истинно добрымъ дѣломъ», хотя часто доброе намѣреніе посылавшихъ не имѣло результатовъ для декабристовъ. Вещи перехватывались, подмѣнивались и т. д. почтовыми чиновниками и низшимъ начальствомъ.

[2]) Тютчевъ въ 1821 году переведенъ былъ изъ Семеновскаго полка въ одинъ изъ полковъ 8-й дивизіи. Верховный уголовный судъ отнесъ его къ числу преступниковъ второго разряда и приговорилъ къ вѣчнымъ каторжнымъ работамъ, но благодаря послѣдующимъ распоряженіямъ правительства срокъ работъ преступникамъ второго разряда истекъ въ 1835 г., а въ іюлѣ 1836 г. Тютчевъ съ товарищами вышелъ на поселеніе.

Сашеньку Михайловскую Сашуркой. Въ своихъ письмахъ не упоминай о присылкѣ какихъ-либо книгъ или вещей, о которыхъ я тебѣ писалъ, напримѣръ Шеллинга или Оккена, но просто скажи, что они вновь вышли и ты ихъ присылаешь мнѣ; равнымъ образомъ о всѣхъ другихъ вещахъ. Я не пишу къ папинькѣ, потому что боюсь его испугать и ввести въ сомнѣніе, что онъ можетъ подлежать когда-либо отвѣтственности за полученное письмо. Предоставляю тебѣ, милый другъ, найти время и случай показать ему письмо такимъ образомъ, чтобы не растревожить его. Касательно книгъ, которыя я тебя прошу прислать черезъ Нарышкиныхъ сестеръ, то это единственно потому, что я увѣренъ, что папинька, жалѣя расходы, ограничиться хочетъ въ присылкѣ книгъ тѣми, которыя у него въ библіотекѣ. Но мнѣ невозможно удовольствоваться симъ. Я приготовляюсь къ 20-ти-лѣтнему заключенію тюремному и потому выбираю себѣ такого рода занятія и чтеніе, которыя можно нѣсколько разъ перечитать съ новымъ удовольствіемъ и пользою. Если ты узнаешь, что выходитъ въ свѣтъ всемірная исторія Шеллинга съ товарищами, подъ названіемъ—das Weltall, то пришли. Въ университетѣ ты найдешь источникъ всѣхъ сихъ извѣстій литературныхъ. Ничего еще не говорилъ я тебѣ о братьяхъ [1]). Извѣстіе о томъ, что они разжалованы въ рядовые

[1]) Считаю не лишнимъ привести здѣсь переписку гр. Дибича о братьяхъ Оболенскаго съ княземъ Петромъ Николаевичемъ Оболенскимъ. Дибичъ писалъ князю слѣдующее:

«Милостивый Государь

«Князь Петръ Николаевичъ!

«Государь Императоръ, принимая искреннѣйшее участіе въ постигшемъ васъ недавно семейственномъ несчастіи, тѣмъ съ вящшимъ нынѣ соболѣзнованіемъ раздѣляетъ горесть вашу, что ваше сіятельство получите новое огорченіе чрезъ поведеніе двухъ сыновей вашихъ Дмитрія и Сергѣя, въ пажескомъ корпусѣ воспитывающихся. Оба они своимъ поведеніемъ, нравомъ упорнымъ и непреклоннымъ, первый издавна, а послѣдній съ самаго поступленія своего въ корпусъ, обратили на себя особенное вниманіе и попеченіе корпуснаго начальства, но всѣ мѣры снисхожденія и строгости къ ихъ исправленію были истощаемы безъ всякой пользы и даже безъ малѣйшихъ видовъ къ улучшенію ихъ нравственности обыкновенными способами, принятыми въ учебномъ заведеніи для воспитанія благороднаго юношества. Посему корпусное начальство нашлось въ необходимости войти съ представленіемъ и Его Величество съ крайнимъ сожаленіемъ принужденъ былъ согласиться съ онымъ, дабы сихъ молодыхъ людей удалить изъ корпуса, въ коемъ дальнѣйшее ихъ пребываніе не только не обѣщаетъ собственно для нихъ никакой пользы, но дурные ихъ примѣры обращаются во вредъ совоспитанникамъ ихъ. По крайней мѣрѣ, Его Величество надѣется, что сіи мѣры строгости, можетъ быть во время еще принятыя, предупреждая дальнѣйшее зло, послужатъ къ собственному сыновей вашихъ счастію и ваше родительское сердце найдетъ утѣшеніе въ будущемъ ихъ лучшемъ поведеніи, для достиженія сей цѣли, единственно изъ уваженія къ вамъ и по участію въ горестномъ вашемъ положеніи Его Величество при назначеніи сыновей вашихъ на время рядовыми въ одинъ изъ полковъ финляндскаго отдѣльнаго корпуса, поручить ихъ соизволилъ особенному попеченію командира онаго

меня не изумило, какъ ты можешь легко себѣ представить. Зная слабое смотрѣніе корпуса и при томъ неуваженіе воспитанниковъ къ начальникамъ безнравственнымъ, я убѣжденъ былъ, что первое увеличеніе строгости возбудитъ между юношами негодованіе и будетъ причиною шума, котораго слѣдствія обрушатся на двухъ или трехъ. Жребій этотъ палъ на братьевъ и я признаюсь тебѣ не почитаю великимъ несчастіемъ то, что они лишились карьеры, какъ у насъ говорятъ. Напротивъ—несчастіе должно закалить ихъ характеръ и по неволѣ кладетъ печать твердости на слабодушіе. Я Сережей былъ всегда доволенъ; Мишенька мягкосердечнѣе, но слабѣе духомъ. Сверхъ того, я очень доволенъ тѣмъ, что они въ Финляндіи, гдѣ общество гораздо образованнѣе нашего и гдѣ самое

генералъ-адютанта Закревскаго, возложивъ на него употребить всѣ старанія къ исправленію ихъ нравственности и ко внушенію имъ правилъ должнаго повиновенія и покорности начальству.

«Извѣщая объ ономъ Ваше сіятельство по Высочайшей волѣ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью

«Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

«Графъ Иванъ Дибичъ.

«Санктъ-Петербургъ
«№ 1662-ой
«24-го Сентября, 1827 года.

Князь Оболенскій на это письмо отвѣчалъ письмомъ къ государю:

«Всемилостивѣйшій Государь.

«Въ болѣзненномъ чувствѣ душевно и тѣлесно находясь осчастливенъ милостивымъ изъявленіемъ къ скорбіямъ моимъ, какъ вѣрноподданный ощущаю таковой Величайшій даръ. Владыко праведный, судъ творящій надъ виновными, принимаетъ участіе съ соболѣзнованіемъ и раздѣляетъ горесть отца. Государь! Клянусь тебѣ, что таковая ко мнѣ сострадательная милость и вяще что ни чѣмъ не заслужилъ ее столь воздѣйствовала, что внемля Высочайшей твоей волѣ достойно изложенной наказаніемъ сыновей моихъ, возчувствовалъ, вздохнувъ со слезами теплой молитвы къ Всевышнему за Царя благотворящаго къ пользѣ заблудшихъ бремя старости и печали облегчая упованіемъ на милосердіе съ благовѣйнымъ чувствомъ припадаетъ къ священнымъ стопамъ

«В. И. В. вѣрноподанный

«кн. П. Н. Оболенскій.

Послѣ сего Дибичъ написалъ Оболенскому слѣдующее письмо.

«М. Г.

«Кн. П. Н.

«Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу отъ меня письма Вашего Сіятельства ко мнѣ объ обращеніи сыновей вашихъ въ юнкера Высочайше отозваться изволилъ, что Его Величество о дѣтяхъ вашихъ, имѣя попеченіе съ чувствомъ равнымъ отеческой вашей объ нихъ заботливости, не оставитъ распорядиться устроеніемъ будущаго ихъ положенія. Поставляя себѣ пріятнымъ удовольствіемъ извѣстить Ваше Сіятельство о таковомъ Монаршемъ отзывѣ имѣю честь быть съ истиннымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ

«№ 9 Мая, 11 дня
? года

«Вашего Сіятельства покорн. слуга

«И. Дибичъ.

гражданское устройство доставляетъ каждому болѣе личнаго уваженія къ самому себѣ. По сему, находясь между такими людьми, невольно получаемъ навыкъ къ доброму и хорошему. Одно что могло меня тревожить—это былъ добрый нашъ родитель, коего могли растроить столько ударовъ, одни за другимъ ему посылаемыхъ. Но и его Благое Провидѣніе подкрѣпило, и я душевно благодарилъ Всевышняго за помощь имъ оказываемую въ то время, когда она необходима. Если можно имъ будетъ писать ко мнѣ, то скажи имъ, что я много буду утѣшенъ ихъ письмами не только по чувству брата, но еще болѣе по участію душевному, которое я принимаю въ первыя лѣта ихъ юности. Вотъ еще моя просьба къ тебѣ. У Сережи жилъ бѣдный студентъ Петербургскаго университета Александръ Васильевичъ Никитеньковъ [1]). Ты я думаю знаешь его исторію. Сдѣлай милость увѣдомь меня о его судьбѣ. И если нужно, то помогай ему по возможности. Не забывай также моихъ добрыхъ служителей Егорушку и Петрушу. И если можно выпустить ихъ на волю, то я душевно былъ бы радъ. Еще нѣсколько словъ о денежныхъ обстоятельствахъ. Ты увидѣлъ изъ письма моего, что княгиня Трубецкая послала мнѣ 250 р. Деньги эти я получилъ не въ заемъ и потому уплата ихъ не есть вещь, касающаяся честнаго слова моего. Но вообще признаюсь тебѣ, любезный другъ, я желалъ бы душевно имъ возвратить эту сумму, не потому чтобы они хотѣли бы воротить, единожды ими данное въ день нужды, но по внутреннему чувству деликатности, которое заставляетъ всякаго отплатить тѣмъ же того, кто его обязалъ. Я уже теперь не въ бѣдности и потому пріятно было бы имъ отдать эти деньги, тѣмъ болѣе что они теперь весьма часто бываютъ въ нуждѣ. Если ты это письмо покажешь папинькѣ, то онъ можетъ легко сіе исполнить или выславъ прямо ко мнѣ 500 р. трехъ мѣсячнаго моего содержанія вмѣсто 250; тогда я и сочтусь съ Трубецкимъ, или выславъ эти деньги прямо на имя княгини Трубецкой, какъ давнишній мой долгъ мужу ея. Сверхъ того, по первоначальномъ прибытіи моемъ въ Иркутскъ я писалъ къ папинькѣ о 220, которые я взялъ у Артамона Муравьева на дорогѣ и далъ ему росписку въ оныхъ съ тѣмъ, чтобы уплатить его женѣ. Не знаю дошло ли это письмо; въ случаѣ неполученія, похлопочи объ уплатѣ оныхъ. Вотъ теперь, кажется, все сказалъ. Прощай, милый другъ, обнимаю тебя мысленно, да будетъ надъ тобою благословеніе Всевышняго. Твой другъ и братъ Е. Оболенскій.

Въ томъ же году въ началѣ осени, состоялось переселенње декабристовъ изъ Читы въ Петровскій заводъ, гдѣ для нихъ строилось помѣщеніе. Описаніе путешествія изъ Читы въ заводъ можно

[1]) Извѣстный впослѣдствіи профессоръ и писатель.

найти у Басаргина, Розена и другихъ (см. «Записки Басаргина», стр. 143; «Записки Розена» «Отечествен. Записки», № 4, глава X; «Записки Мих. Алек. Бестужева» «Русск. Старина», т. 2). Описаніе жизни въ Петровскомъ заводѣ можно найти въ запискахъ многихъ декабристовъ, не разъ мною цитированныхъ, между тѣмъ какъ описаніе жизни въ Нерчинскѣ, какъ я говорилъ уже выше, оставилъ лишь Оболенскій въ приводимомъ письмѣ, которое поэтому пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Изъ его товарищей, первыхъ восьми ссыльныхъ, никто не писалъ записокъ или, по крайней мѣрѣ, не печаталъ, другіе же декабристы (напр. Бестужевъ) могли говорить о жизни въ Нерчинскѣ лишь по разсказамъ. Слѣдующее письмо уже писано изъ Петровскаго завода. Вѣроятно оно относится къ 1838 г. Оболенскій говоритъ въ письмѣ, что «съ 21-го года я съ тобою не видался—вотъ уже прошло 17 лѣтъ съ того времени», т. е. письмо писано въ 1838 году. Далѣе Оболенскій говоритъ о плацъ-маіорѣ Осипѣ Адамовичѣ Лепарскомъ, который ранѣе былъ лишь плацъ-адъютантомъ. Этотъ Лепарскій былъ племянникомъ извѣстнаго коменданта Станислава Романовича Лепарскаго, умершаго въ 1837 году, о которомъ съ единодушной похвалой говорятъ всѣ декабристы въ своихъ запискахъ, за исключеніемъ Д. И. Завалишина. На мѣсто Лепарскаго комендантомъ былъ назначенъ Ребиндеръ, родственникъ декабриста Басаргина (см. «Записки Басаргина»), вышедшаго на поселеніе въ 1836 году. Генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, во время ссылки декабристовъ былъ сперва Лавинскій, затѣмъ Броневскій, на котораго декабристы произвели очень благопріятное впечатлѣніе и, наконецъ, съ 1847 года, графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.

II.

Любезный другъ Андрей! Давно не бесѣдовалъ я съ тобою, но не раззнакомился и не переставалъ тебя любить сердечно, какъ истиннаго и вѣрнаго друга. Я назвалъ тебя съ самаго начала тѣмъ именемъ дружескимъ, которымъ тебя назвалъ добрый мой родитель, поручая тебѣ Наташу [1]). Его память для меня священна и послѣднее слово его для меня драгоцѣнно. Оно указало на тебя, любезный другъ, и потому я еще съ большей любовью къ тебѣ говорю. Какъ изъяснить тебѣ, почему я тебѣ пишу. Просто скажу тебѣ, потому что случай представился, въ который я могу сказать тебѣ нѣсколько словъ безъ свидѣтелей, которые хотя не мѣшаютъ,

---

[1]) Наталья Петровна Оболенская вышла замужъ за князя Александра Петровича Оболенскаго, бывшаго впослѣдствіи почетнымъ опекуномъ въ Московскомъ присутствіи.

но докучливы, притомъ хочу поговорить тебѣ о своихъ денежныхъ дѣлахъ. Съ 21-го года я съ тобой не видался. Вотъ уже прошло 17 лѣтъ съ того времени: ты потерялъ Катю [1]); въ ней ты потерялъ часть необходимую твоего существа, твоего земнаго благополучія; а я потерялъ въ ней сестру, друга юности, сердце крѣпко любящее и неизмѣнное. Словомъ то, что незамѣнимо въ этой жизни. Его любовь ко мнѣ перешла въ твое сердце, милый другъ; и хотя мы доселѣ молчали повидимому другъ съ другомъ; но я знаю, что ты меня любишь искренно, вѣрно;—благодарю тебя за это чувство. Душевно желалъ бы, чтобы въ дѣтяхъ твоихъ сохранилось бы то же чувство: но это можно желать; а исполненіе не возможно. Они меня не знаютъ, и не узнаютъ на семъ свѣтѣ; они никогда не узнаютъ, что вся ихъ будущность для меня драгоцѣнна,—что всякій добрый поступокъ ихъ, все что въ нихъ будетъ добраго, искренне будетъ меня радовать: словомъ что во всемъ, что касается до нихъ я буду принимать искреннее участіе. Отзывъ батюшки и сестеръ о твоихъ дѣтяхъ душевно меня утѣшали: они согласны въ похвалахъ. Какъ отецъ ты сдѣлалъ для нихъ все, что можно сдѣлать. Ты былъ для нихъ и наставникомъ и другомъ. Дай Богъ тебѣ пожать плоды твоихъ трудовъ. Я увѣренъ, что они не будутъ напрасны. Ихъ любовь къ тебѣ будетъ тебѣ утѣшеніемъ; постепенное развитіе сѣмянъ, тобою посѣянныхъ, будетъ тебя радовать въ нихъ. Но при всемъ добромъ, что я тебѣ сказалъ, скажу искренно, что я не безъ страха за твоего Васиньку [2]), который уже въ юношескихъ лѣтахъ, и уже началъ свое поприще. Дай Богъ ему начать его съ благословеніемъ Божіимъ, а продолжать со страхомъ Божіимъ. Зная самъ какъ скользки пути въ мірѣ, какъ все ласкаетъ чувствамъ, страшусь невольно за всякаго юношу, который входитъ въ свѣтъ, люблю я ихъ душевно, какъ существа, въ которыхъ жизнь еще готова развиться и принести прекрасные плоды, но вмѣстѣ съ тѣмъ боюсь, чтобы плоды не были не соотвѣтственны ожиданіямъ. Вотъ что скажу Васинькѣ въ особенности. Живи, милый другъ мой, такъ, какъ бы невидимо присутствующій Богъ видимо тебѣ предстоялъ:—пріучи себя любить Бога, всѣмъ сердцемъ твоимъ; и знай, что ты не найдешь лучшаго друга и отца. Ему повѣряй свои скорби, свои заботы, свой страхъ, свои желанія и вѣрь, что во всемъ ты будешь утѣшенъ, успокоенъ, обрадованъ. Это истинно и вѣрно, какъ вѣренъ и истиненъ самъ Богъ;—моя скорбь, милый другъ, единственно въ томъ, что можетъ быть твои дѣти не постигли еще вполнѣ, и не знаютъ, что никто, кромѣ Бога,

---

[1]) Екатерина Петровна Протасьева, рожд. Оболенская, скончалась 1-го іюня 1827 года.

[2]) В. А. Протасьевъ служилъ въ конной артиллеріи, затѣмъ жилъ въ деревнѣ и умеръ въ 1873.

не можетъ насъ сохранить отъ грѣха, и всѣхъ его послѣдствій. Впрочемъ, извини мою заботливость: она истекаетъ изъ глубины души, отъ всей полноты любви не земной. Духъ матери ихъ, живущей нынѣ въ горнихъ селеніяхъ, можетъ быть говоритъ теперь моими устами. Все это тебѣ знакомо, милый другъ, и вѣрно все предвидѣно тобою для блага твоихъ дѣтей, но пусть и мое слово будетъ въ согласіи съ тобой и я вдвойнѣ буду радъ. Какъ сказать тебѣ теперь о всемъ томъ, что я чувствовалъ при извѣстіи о смерти добраго родителя, нѣжнѣйшаго друга, души любящей не земной любовью, души кроткой, ангельской, тихой, безмятежной, терпѣливой и даже долготерпѣливой, снисходительной, но не къ пороку, и чистой по возможной чистотѣ здѣсь на землѣ. Эта душа была частью моей души, своею любовью она меня согрѣвала; своею молитвою она ниспосылала на меня милость Божію, она меня утѣшала, соединяла со всѣми вами узами той любви, которую онъ самъ носилъ въ сердцѣ ко всѣмъ вамъ. Все это было, а теперь осталось воспоминаніе, печать вѣчной, неразрывной любви въ сердцѣ; утѣшительное чувство, что я его любилъ и что имъ я былъ любимъ: но самого его ужъ нѣтъ. Вотъ все что скажу о своей потерѣ: уже давно онъ былъ не земной; но большею и лучшею частью своего существа онъ былъ уже небесный житель; но и снисходя къ земнымъ, на насъ однихъ онъ останавливался; на однихъ смотрѣлъ съ радостью, на другихъ съ утѣшеніемъ, на иныхъ съ надеждою на будущее; на всѣхъ съ отцовской любовью, которой кажется нѣтъ выше на землѣ:—ты послужилъ ему, милый другъ, въ послѣдніе годы его жизни, въ тяжкое для него время при раздѣлѣ имѣнія, ты послужилъ ему еще болѣе въ послѣдніе часы его жизни, ты принялъ его послѣднюю улыбку, послѣднее привѣтствіе, послѣднее лобзанье; цѣлую твои уста, цѣлую твои руки, они всѣ освящены. Не было Катеньки: но ты былъ тутъ и замѣнилъ ее. Не могу выразить всего, что чувствую, милый другъ, но люблю тебя отъ всей души. Послѣ всего того, что сказалось отъ сердца, что мнѣ осталось тебѣ сказать:—всей души не исчерпаешь; тамъ глубина неизмѣримая, когда духъ Божій растворитъ сердце любовью: эта любовь обнимаетъ всѣхъ, она достигаетъ за предѣлы этого міра; она согрѣваетъ тихо, безмятежно; она упояетъ, ублажняетъ душу росой не земною. Это даръ Божій; имъ согрѣтый, я говорилъ съ тобой; и духъ родителя какъ будто присутствовалъ въ моей бесѣдѣ.—Незабвенна его память, непрестающая любовь къ нему. Но обращусь къ тебѣ, милый другъ; со времени твоего отъѣзда изъ Москвы, я не знаю ничего о тебѣ. Варинька [1]) мнѣ ничего не могла сказать, потому что не знала, куда ты опредѣлишь Васиньку по твоему желанію. Вообще съ отъѣздомъ Наталіи я лишился извѣстій

---

[1]) Варвара Петровна Прончищева, сестра Оболенскаго (см. 1-е письмо).

частыхъ о всѣхъ васъ:—когда будешь писать къ нимъ, не забудь подтверждать, чтобы они увѣдомляли меня о тебѣ со всей подробностію.

Личной переписки съ тобой я не буду заводить, во-первыхъ, потому что не самъ пишу [1]); а во-вторыхъ, потому что думаю иногда: не повредитъ ли Васинькѣ мое родство, хотя увѣренъ, что государь нашъ не обращаетъ на это вниманія; но по чувству, свойственному всякому въ моемъ положеніи, эта мысль невольно вкрадывается въ сердце. Не думай, любезный другъ, видѣть во мнѣ либерала. Самъ Господь (я смѣло скажу) вычеркнулъ меня изъ этого списка.—Со страхомъ скажу: я рабъ Божій, не вѣрный и грѣшный; и смѣло скажу: я вѣрноподданный моему государю, и сынъ вѣрный церкви. Съ этими названіями, съ этими титлами, если Господь насъ утвердитъ своей печатью ненарушимою и истинною, я перейду въ вѣчность, вопреки всему тому, что скажутъ и будутъ говорить люди.—Такимъ ты меня знай, любезный другъ, и такимъ ты меня помышляй. О себѣ лично мнѣ нечего тебѣ болѣе говорить: 11-ти-лѣтнее заключеніе оставило на мнѣ свои слѣды также какъ и надъ всѣми моими товарищами: пока душа живетъ, я доволенъ; я многаго не желаю. Перейду теперь къ денежнымъ дѣламъ: я знаю, что ты устраивалъ насъ, знаю, что ты обо мнѣ имѣлъ попеченіе, исполняя волю батюшки; увѣренъ, что ты все сдѣлалъ, что могъ для блага всей семьи: я писалъ брату Константину чрезъ начальство о нѣкоторыхъ моихъ распоряженіяхъ изъ того капитала, который мнѣ назначенъ былъ батюшкой,—вотъ они: уплатить Нарышкину долгъ 4,000 рублей съ процентами по 5-ти на сто въ годъ, считая съ 1826 года, что составитъ 6,500 рублей. Послать мнѣ на уплату моего долга здѣсь 2,500 рублей;—отъ имени батюшки дать Жеребцову 100 рублей, Парфену Кузнецову 100 рублей. Егору Кудрявцеву отъ меня въ уплату моего долга 100 рублей; и отъ батюшки 50 рублей. Левашову 50 рублей, 100 рублей раздѣлить кучеру батюшки, его дѣвчонкѣ, и другимъ поближе ему, которыхъ онъ болѣе любилъ, отъ имени батюшки. Отъ его же имени въ Троицко-Сергіевскую лавру 250 рублей; и въ Новодѣвичій монастырь въ память матушки 250 рублей: Всей суммы 40,000 рублей: слѣдовательно у меня должно остаться капиталу 30,000 рублей; но это еще не все, изъ этихъ 30,000 я отдѣляю еще 5,000 рублей: вотъ ихъ назначеніе—2,500 рублей я даю одному изъ моихъ товарищей—Якубовичу [2]).

---

[1]) Приводимое письмо Оболенскій написалъ цѣликомъ самъ, это можно видѣть изъ сравненія почерка этого письма съ первымъ, которое безспорно имъ самимъ написано. Этой фразой Оболенскій хотѣлъ указать на то обстоятельство, что обыкновенно ему приходится писать черезъ начальство (см. ниже о письмѣ къ брату), а для писемъ собственноручныхъ и не контролируемыхъ онъ долженъ былъ пользоваться благопріятнымъ случаемъ, и потому онѣ являлись какъ бы исключеніемъ изъ общаго правила.

[2]) О Якубовичѣ см. прим. къ первому письму.

Онъ былъ человѣкъ богатый и, кромѣ того, имѣлъ отца нѣжнаго и любящаго. Но вотъ уже третій годъ, что онъ перестал ему писать, и никакой помощи ему не посылаетъ; этимъ временемъ онъ вошелъ въ долги, будучи увѣренъ въ словѣ отца, который переводилъ капиталъ на его имя. Теперь онъ остался безъ ничего, и съ долгомъ, который нечѣмъ уплатить:—онъ не говорилъ мнѣ о своихъ нуждахъ, и я не сказалъ ему о своихъ намѣреніяхъ, но твердо положилъ въ сердцѣ помочь ему, если только будетъ возможность. 1,000 рублей я назначаю товарищу моего заключенія, старцу избитому въ бояхъ, который дѣлитъ со мною хлѣбъ-соль вотъ уже четыре года; 1,500 рублей оставляю себѣ на обзаведеніе къ поселенію.—Исполненіе всего этого я поручаю тебѣ, и увѣренъ, что ты также искренно и вѣрно его исполнишь, какъ я этого желаю. Если Якубовичъ получитъ деньги изъ дому, то онъ отдастъ мнѣ мою ссуду: еслижъ нѣтъ, то счеты мои кончены какъ теперь, такъ и въ будущее время. Послѣдніе 5,000 рублей ты можешь переслать на имя нашего плацъ-маіора полковника Осипа Адамовича Лепарскаго при письмѣ, въ которомъ ты объяснишь, что 2,500 рублей посылаешь мнѣ на обзаведеніе; а 2,500 рублей просишь его передать Александру Ивановичу Якубовичу, по счету твоему съ его родственникомъ, ему извѣстному.—Я не думаю, чтобы ты опасался вступить въ эту переписку, но какъ отецъ тебѣ можетъ придти эта мысль, и потому въ этомъ случаѣ дѣйствуй, какъ тебѣ покажется лучше; но исполни мое желаніе. Такъ какъ я ничего не знаю о...

Конецъ этого письма къ сожалѣнію утраченъ. Все о чемъ просилъ Оболенскій Протасьева, тотъ исполнилъ. Благодаря послѣдующимъ распоряженіямъ правительства, срокъ работъ первому разряду преступниковъ истекъ въ 1838 и въ 1839 годахъ. Оболенскій съ товарищами вышелъ на поселеніе. Оболенскаго поселили въ Туринскѣ и затѣмъ перевели въ Ялутуровскъ, гдѣ онъ нашелъ друзей своихъ Пущина и Якушкина. Слѣдующія два письма писаны Оболенскимъ изъ Туринска, а послѣднее изъ Ялутуровска.

III.

Андрею Васильевичу П.....[1]). Не знаю, любезный другъ Андрей, отъ чего доселѣ я не имѣю отъ тебя ни малѣйшей вѣсточки, ты такъ давно имѣешь мое письмо, что могъ бы передать нѣсколько

---

[1]) П.... Протасьевъ. Это письмо какъ видно изъ самаго адреса (Оболенскій не рѣшился писать полной фамиліи Протасьева и подписаться) также дошло не легальнымъ путемъ. Оно доставлено Ник. Иван. Пущинымъ, братомъ Ив. Ив., о которомъ говорилось въ примѣчаніи къ первому письму.

словъ черезъ нашего общаго знакомаго, но ты молчишь и я не знаю, какъ ты рѣшилъ мою просьбу къ тебѣ [1]). Я увѣренъ, что по сердечному желанію ты готовъ все исполнить; но по средствамъ можетъ быть нѣтъ той полной возможности, которая могла бы тебѣ развязать руки: скажу тебѣ, милый другъ, что братъ Константинъ рѣшительно ничего не можетъ для меня сдѣлать. Нынѣшній годъ хуже всѣхъ прежнихъ:—доселѣ онъ не выслалъ мнѣ еще условленнаго дохода; поѣхалъ теперь въ Бутурлино откуда съ первой почтой обѣщается выслать недоимокъ; но я не твердо увѣренъ въ исполненіи; между тѣмъ я долженъ, непремѣнно долженъ заплатить и потому желалъ бы какъ-нибудь изворотиться, чтобы избавясь отъ долга остаться чистымъ и честнымъ. Ты меня упрекаешь въ неблагоразуміи:—я давно самъ себя въ этомъ упрекаю; но до сихъ поръ не могу излѣчиться отъ неизлѣчимой болѣзни: впрочемъ, милый другъ, уже поздно себѣ дѣлать упреки, когда исправить нельзя того, что сдѣлано: но желательно бы исправить и въ этомъ я прошу твоего содѣйствія.—Если тебѣ нельзя будетъ мнѣ выслать всѣхъ пяти тысячъ, о которыхъ я тебя проскілъ; то вышли три и я буду доволенъ и этимъ:—современемъ Констаннинъ устроится и дошлетъ мнѣ то, что мнѣ нужно; однимъ словомъ, другъ Андрей, дѣйствуй въ мою пользу, какъ можешь; ты знаешь, сколько можешь меня этимъ обязать: оставлю это въ твоихъ рукахъ и расположеніи, а теперь поговорю о тебѣ самомъ. Съ какимъ радостнымъ чувствомъ я прочелъ описаніе каждаго изъ твоихъ дѣтей, ты себѣ можешь легко представить. Твои попеченія о нихъ не были и не будутъ тщетны; въ этомъ я убѣжденъ. О старшемъ нечего говорить—Василій въ тѣхъ лѣтахъ, что ему достаточно того чувства, которое онъ питаетъ къ тебѣ, чтобы оградить отъ какого-нибудь дурного поступка:—и такъ если его направленіе хорошо, то можно ожидать, что и теченіе жизни будетъ таковымъ же, хотя нельзя ни за что поручиться:—милый другъ, ты самъ знаешь, какъ трудно пройти безбѣдно путемъ жизни.—Единому Господу возможно провести насъ по этому бурному морю къ вѣрному и тихому пристанищу.—Ему и поручаю всѣхъ твоихъ дѣтокъ мысленно; но каждаго изъ нихъ прошу тебя обнять за меня особенно: пусть каждый изъ нихъ знаетъ, что я горжусь каждымъ изъ нихъ, и хотя не имѣю надежды ихъ когдалибо увидѣть въ здѣшней жизни; но что если Господь не отвергнетъ меня, то надѣюсь съ ними увидѣться въ будущей. Родство наше не пустой звукъ; но сила связующая насъ и въ здѣшней и въ будущей жизни.—Я увѣренъ, что и они хранятъ ко мнѣ чув-

[1]) Протасьевъ болѣе года, въ силу различныхъ обстоятельствъ, не писалъ Оболенскому. Въ чемъ заключалась просьба Оболенскаго видно изъ дальнѣйшаго содержанія письма.

ство родственное, отъ тебя наслѣдованное. Милость Божія хранящая насъ всѣхъ, да сохранитъ ихъ на хорошемъ пути и утвердитъ на незыблемомъ основаніи Вѣры, отъ которой проистекаетъ одно добро. Не много могу съ тобою бесѣдовать теперь, милый другъ, но многое хотѣлось бы тебѣ передать!—ты думаешь, что мы съ тобою не увидимся, потому-что тебѣ пошелъ седьмой десятокъ; нѣтъ, милый другъ, не твои года будутъ помѣхой нашему свиданію [1]), а твердое убѣжденіе, что край родной для меня закрытъ: на милость образца нѣтъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь; но и тутъ намъ должно пройти черезъ Кавказъ, для того, чтобы съ вами увидѣться; а для Кавказа у меня уже нѣтъ силъ:—моя физика много ослабѣла въ эти послѣдніе годы—не чувствуя никакихъ особенныхъ болѣзней, я вижу, что слабѣю силами и этому горю уже не могу помочь:—по нравственному расположенію, душа еще сильно живетъ и ощущаетъ, но тѣло ей не сильный помощникъ. И такъ о свиданіи нечего думать. Теперь пока прощусь съ тобой: — въ обратный проѣздъ Н. Ив. [2]) ты получишь отъ меня граматку попространнѣе: тебѣ извѣстный и вѣрный другъ твой:—августа 7-го, 1842 года.

Изъ слѣдующаго письма видно, что Оболенскій получилъ, наконецъ, отъ Протасьева тѣ свѣдѣнія, которыя ожидалъ получить.

IV.

Октября 13-го, 1842 года.

Ты можешь себѣ легко представить, милый другъ и братъ Андрей, что твоя дружба, твоя услуга, твоя всегдашняя готовность быть полезнымъ и словомъ и дѣломъ, личная ко мнѣ твоя снисходительность и дружба, не измѣнившіеся ни временемъ, ни обстоятельствами—все это составляетъ такой невещественный богатый капиталъ, который къ тебѣ все болѣе и болѣе привязываетъ. Что же мнѣ тебѣ болѣе говорить: и какъ лучше тебѣ выразить, какъ я тебя цѣню, и какъ мнѣ усладительны сношенія съ тобою. Ты самъ будешь умѣть разгадать мои чувства и мысленно пожать мнѣ руку въ знакъ мысленнаго, но близкаго нашего сердечнаго единенія. Дай Богъ, чтобы оно еще долго продолжалось здѣсь на землѣ, и чтобы оно сохранилось на вѣки за предѣлы этого міра. Такъ тверды и непреложны должны быть наши связи, какъ христіанъ; такъ милый другъ желалъ бы душевно, чтобы оно исполнилось:—и такъ насъ учитъ святая наша вѣра. Дагерротипы твои получилъ, и порадовался смотря на семью

---

[1]) Оболенской ошибался—онъ увидѣлся съ Протасьевымъ (см. конецъ статьи).

[2]) Николай Ивановичъ Пущинъ объѣзжалъ Сибирь для обозрѣнія судебныхъ мѣстъ по порученію министра юстиціи.

мною многолюбимую, но которыхъ черты мнѣ были не знакомы. Надѣюсь со временемъ увидѣть и твоего моряка и твою Анюту съ мужемъ [1]) Не могу не убѣждаться, что я ихъ не встрѣчу болѣе на землѣ, что мнѣ уже не суждено узнать ихъ лично; но черты ихъ лица мнѣ будутъ знакомы и это будетъ для меня утѣшительно. Въ твоемъ портретѣ я не вижу большей перемѣны противъ того времени, какъ тебя зналъ. Нельзя, чтобы 20-тилѣтній срокъ не оставилъ послѣ себя слѣдовъ, но для меня въ портретѣ это едва замѣтно.—Я не могу себѣ представить твою особу иначе, какъ я ее видалъ прежде и потому остаюсь при моемъ мнѣніи, что ты мало измѣнился. Васинька твой мужественъ, плечистъ, въ физіономіи нѣтъ изнѣженности свѣтской, и того равнодушія ко всему какое замѣтно во многихъ dandy или львахъ.—Дай Богъ, чтобы онъ все шелъ тѣмъ хорошимъ путемъ, которымъ началъ свое поприще, и бывъ крѣпокъ тѣломъ, скрѣпилъ бы душу, отъ состоянія которой зависитъ его истинное благо:—О Евгеньюшкѣ [2]) не говорю:—это милый отрокъ, довольно серьезный по выраженію лица; ты его описывалъ мнѣ и это описаніе меня сблизило съ нимъ, и заставило полюбить. Но возможно ли мнѣ не любить дѣтей Катиныхъ и твоихъ: это кажется не подлежитъ вопросу.

Много, мой другъ, ты меня усладилъ своей бесѣдой, касаясь направленія, которое ты стараешься дать твоимъ дѣтямъ. Изъ словъ твоихъ я не могу не видѣть глубокаго чувства, которымъ ты проникнутъ и силы желанія твоего направить ихъ на путь жизни истинный. Знаю и постигаю всю трудность направить, всѣми бурями молодости жизни и свѣта обуреваемый корабль юноши къ вѣрной и извѣстной цѣли:—человѣку это не возможно;—но для Бога все возможно—слово непреложное, какъ тотъ, кто его изрекъ. Многое въ твоемъ словѣ отрадно и справедливо, но во многомъ я не согласенъ съ тобой. Зная отчасти свѣтскую жизнь, ея законы, ея требованія, съ трудомъ могу согласиться, чтобы юношу подчинить этимъ законамъ: ты самъ знаешь, какъ несправедливы приговоры міра, какъ его правила и законы ложны въ примѣненіяхъ, хотя основаніе ихъ истинно. По моему мнѣнію, первымъ долгомъ въ отношеніи къ юношѣ, я почелъ бы разоблачить постепенно передъ нимъ свѣтлую наружность міра, столь блестящаго въ формахъ, и столь ничтожную въ сущности:—можно ли и должно ли подчиняться общему мнѣнію, когда это общее мнѣніе несправедливо, ложно, и даже губительно. Я знаю всю трудность освобо-

---

[1]) Анна Андреевна Протасьева была замужемъ за Павломъ Матвѣевичемъ Муравьевымъ,—двоюроднымъ братомъ извѣстнаго Михаила Николаевича Муравьева.

[2]) Евгеній Андреевичъ Протасьевъ, живущій въ Петербургѣ, имѣлъ любезность дать мнѣ многія разъясненія относительно содержанія этихъ писемъ, за которыя я считаю долгомъ выразить ему свою сердечную благодарность.

диться отъ этихъ цѣпей: но юношѣ съ крѣпкими нравственными силами должно внушить то истинное величіе характера, которое пріобрѣтается борьбою за истину, противъ всего міра. Не подчиняться міру долженъ человѣкъ христіанинъ, но побѣждать міръ, не словомъ—потому-что слово міра муднѣе его слова,—но дѣломъ высотою своего характера: вѣрою образованнаго и утвержденнаго. Вотъ истинное наше назначеніе:—къ этому долженъ готовиться юноша, вступающій въ свѣтъ, на этомъ поприщѣ долженъ онъ испытывать свои силы, въ этой всегдашней борьбѣ долженъ онъ крѣпнуть, и сдѣлаться твердымъ поборникомъ и мученикомъ истины,—вотъ его назначеніе: пусть наружныя его формы будутъ формы общества, пусть всѣ въ немъ видятъ по наружности тоже, что видятъ у другихъ: но пусть душа его принадлежитъ Единому Богу: она его достояніе:—она носитъ на себѣ образъ Его святой и въ ней Онъ одинъ долженъ отражаться всегда,—для юноши это легче нежели для того, кто душу свою долгимъ порочнымъ навыкомъ затемнилъ и сдѣлалъ ее менѣе способной къ принятію благихъ впечатлѣній. Примѣняясь къ міру, печать міра налагается на душу, и образъ міра, отразившись въ душѣ, затемняетъ ее, и постепенно образуетъ на ней тѣ темныя пятна, которыя изглаживаются впослѣдствіи однимъ милосердіемъ Божіимъ:—но путь о которомъ я говорю—путь трудный, и тернистый; на немъ предстоятъ много преградъ, и перейти его безбѣдно не возможно; но убѣдиться должно съ самаго начала, что нѣтъ другого пути, и что имъ однимъ должно итти;—надобно знать, что борьба есть наше назначеніе, и съ этою мыслію долженъ юноша вступать въ свѣтъ:—я знаю, что его идеи не ясны, его чувствованія шатки, его желанія наслажденій сильны, но за то силы его крѣпче, его воля сильнѣе, его вѣра чище и несомнѣннѣе; но ты меня спросишь, какимъ путемъ можетъ юноша принять это благое начало, и развить его впослѣдствіи? — Вѣра, милый другъ, есть наслѣдіе, которое мы получаемъ отъ нашихъ отцевъ: они ее приняли, сохранили, и намъ передали въ благословеніи Божіемъ, надъ ними бывшимъ, и намъ ихъ руками переданномъ.—Этимъ благословеніемъ милость Божія всегда открыта для насъ, двери сердца его отъ насъ не закрыты.—Пусть юноша почувствуетъ и пойметъ, что никто въ мірѣ не можетъ съ такою полнотою любить его, какъ любитъ его Богъ.—Въ любви отца и матери онъ видитъ отраженіе этой любви.—Ихъ любовью, онъ знакомится съ этимъ святымъ чувствомъ, но отъ нихъ же онъ долженъ научиться любви къ Богу: когда это чувство, эта увѣренность въ этой безпредѣльной полнотѣ любви Бога къ человѣку, единожды вселится въ сердце юноши въ полной вѣрѣ, тогда оно принесетъ свои плоды; къ кому и съ какою большею довѣренностью можетъ обратиться тотъ, кому нужно довѣрить свои радости, свои скорби, всю свою душу—какъ не тому, кто одинъ

можетъ и скорбь утолить, и дать утѣшеніе, котораго никто изъ человѣковъ не можетъ дать!—Но все это не приходитъ вдругъ. Но началомъ можетъ и должна быть полная довѣренность къ Богу, столь же близкому къ намъ, какъ наше собственное дыханіе: съ этимъ началомъ, начнется рядъ дивныхъ событій въ нашей душѣ, которыя всѣ будутъ намъ свидѣтельствовать о Богѣ, и во всемъ научать и познавать Его, и болѣе и болѣе любить.—Но человѣкъ долженъ знать напередъ, что съ любовью Божіей, для него настаетъ время борьбы съ міромъ. Онъ долженъ принять этотъ крестъ, и знать, что въ этой борьбѣ и должна состоять его жизнь.

Ты видишь, мой другъ, какъ неистощимъ тотъ предметъ, о которомъ я началъ съ тобою бесѣдовать. Цѣль моей бесѣды состояла въ томъ, чтобы бороться съ міромъ, и что къ этой-то борьбѣ должно приготовить юное поколѣніе и пріучить его не дорожить много ни сужденіемъ міра, ни его приговорами, ни его угрозами, ни насмѣшками, но даже его приличіями. Обязанность отцовъ и истинныхъ друзей юнаго поколѣнія, должна состоять въ томъ, чтобы освободить по возможности своихъ питомцевъ отъ рабскихъ цѣпей, налагаемыхъ на нихъ общественными мнѣніями и сужденіями. Многое и многое желалъ бы я передать юному нашему поколѣнію; какъ душевно желалъ бы вселить въ нихъ всю высоту ихъ гражданскаго назначенія, какъ сладостно было бы видѣть въ нихъ людей, которые поняли бы свое призваніе на землѣ, быть вѣчными поборниками правды и истины: чѣмъ болѣе они будутъ черпать отъ единаго источника истины, тѣмъ болѣе разольютъ этотъ свѣтъ вокругъ себя, тѣмъ высшую пользу принесутъ тому отечеству, которого они граждане. Но и въ этомъ случаѣ правда Божія въ противуположности съ правдою міра. Цѣль ихъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы правда Божія восторжествовала надъ правдою міра. Это торжество несомнѣнно, потому что поборникомъ ее есть тотъ, кто побораетъ за насъ. Итакъ примите, мои друзья юнаго поколѣнія, коихъ представителями Васинька, Петруша и Евгеній, примите мое усердное желаніе видѣть васъ такими, какими вы можете и должны быть. Помощь Божія несомнѣнна для васъ, друзья мои— повѣрьте мнѣ, что всѣ ваши желанія добра будутъ исполнены — повѣрьте, что съ помощью Божіею, всѣ преграды на пути вашемъ къ добру будутъ устранены. Возьмите себѣ знаменіемъ крестъ Господень, на немъ былъ распятъ Господь и Богъ; по правдѣ человѣческой, мірской — по правдѣ Божіей Онъ торжествовалъ и надъ смертію и надъ міромъ, и нынѣ царствію Его нѣтъ и не будетъ конца. Такъ и вы, друзья мои, готовьтесь къ борьбѣ, но будьте увѣрены въ торжествѣ, оно несомнѣнно, какъ непреложенъ Богъ. Съ этимъ словомъ обниму васъ крѣпко, всею крѣпостію любви вѣчной и неизмѣнной.

О денежныхъ нашихъ дѣлахъ съ тобою, другъ Андрей, не буду много говорить. Я воспользуюсь тою свободою, которую ты мнѣ далъ, и постараюсь исполнить мои обязательства денежныя съ тою же любовью, съ какою ты, мой другъ, помогъ мнѣ въ часъ нужды. Это письмо я пишу тебѣ за нѣсколько дней до пріѣзда Николая Ивановича Пущина; на нынѣшній день окончу мою бесѣду съ тобою, другъ Андрей, при пріѣздѣ Пущина, заключу еще нѣсколькими строками.

Николай Ивановичъ пріѣхалъ, другъ Андрей, и я долженъ кончить мою бесѣду съ тобою. Ты съ нимъ переговоришь обо мнѣ и выслушаешь его описаніе нашего житья-бытья. Оно скромно и тихо, и по большей части уединенно, кромѣ экстра-ординарныхъ случаевъ, которые по волѣ и по неволѣ сближають съ обществомъ. Посылаю моему другу Васинькѣ туринскаго [1]) художества табачницу на память. Я задалъ художнику трудную задачу, сдѣлать полковника сходнымъ чертами съ даггерротипомъ конно-артиллериста моего знакомца: онъ старался, но не могъ этого сдѣлать. Вмѣсто шитья на воротникѣ онъ поставилъ петлицы. Это непростительно, потому что ошибка замѣчена, когда не было возможности исправить. И такъ пусть идетъ мой подарокъ со всѣми ошибками, но пусть напоминаетъ Васинькѣ любящаго его дядю. Жена Ник. Иван. писала ему, что твоя Анночка благополучно разрѣшилась отъ бремени и сдѣлала тебя дѣдушкой. Не знаю съ кѣмъ тебя поздравить—съ внукомъ или внучкой, но радуюсь этой общей семейной радости. Поцѣлуй за меня и твою Анюту и новаго пришельца въ міръ; пожми руку дружески твоему зятю, моему старинному знакомому, въ которомъ я не ожидалъ видѣть въ то время такого близкаго родственника [2]). Окончательно прощусь съ тобою, какъ съ истиннымъ другомъ. Если когда-нибудь тебѣ вздумается побесѣдовать со мною, пиши черезъ Наташу. Ваши письма нигдѣ не читаются, кромѣ Тобольска: наши проходятъ чрезъ 3-е Отдѣленіе, но и тамъ едва ли они читаются. Оффиціальнаго письма ты не получишь отъ меня: но пока я живъ, я буду имѣть вѣрные случаи перемолвить съ тобою нѣсколько дружескихъ словъ. Прости, другъ Андрей,—обнимаю тебя со всею любовью, какую ты знаешь въ другѣ и братѣ,

Е. Оболенскомъ.

Ноября 12-го, 1842 года.

Слѣдующее и послѣднее письмо написано Оболенскимъ почти черезъ годъ. Въ этотъ промежутокъ времени вѣроятно Оболенскому не представлялось «вѣрныхъ случаевъ» къ передачи письма и онъ не писалъ. Тѣмъ временемъ состоялось перемѣщеніе Оболенскаго въ Ялуторовскъ.

[1]) Сдѣланную въ г. Туринскѣ, гдѣ былъ поселенъ Оболенскій и откуда писалъ это письмо.

[2]) Павелъ Матвѣевичъ Муравьевъ (см. пред. прим.).

V.

Любезный другъ Андрей! Вотъ уже годъ прошелъ, съ того времени, какъ ты мнѣ писалъ и подалъ руку помощи въ часъ нужды, и я еще ничѣмъ не отплатилъ тебѣ за твое одолженіе. Годовой срокъ долженъ бы быть ознаменованъ чѣмъ-нибудь существеннымъ, а между тѣмъ оной-то и нѣтъ доселѣ, и ты можетъ быть меня укоряешь въ неаккуратности. Чтобы болѣе объ этомъ не говорить, то скажу тебѣ, что съ начала будущаго года уплата моя начнется со всею возможною аккуратностью, а если Богъ поможетъ, будетъ продолжаться безостановочно ежегодно до окончательнаго разсчета съ тобою. Ты можетъ быть весьма спокоенъ и не думаешь о моемъ долгѣ, но меня онъ тревожитъ весьма часто, и потому я говорю тебѣ объ немъ съ первыхъ словъ моего письма. Чтобы устроиться такъ, какъ мнѣ хочется въ образѣ жизни, мнѣ нужно знать, гдѣ мы будемъ имѣть постоянное наше мѣстожительство: доселѣ оно еще не рѣшено. Здѣсь въ Ялутуровскѣ, мы жильцы на время, наше назначеніе — Тобольскъ. Когда это сбудется, мы утвердимся постоянно и устроимся съ Пущинымъ на житье въ добромъ согласіи, сообразно съ средствами каждаго изъ насъ. Теперь же наши расходы превышаютъ наши средства; и это не мудрено. Переѣзды съ мѣста на мѣсто сопряжены съ непремѣнными убытками; всего перевести нельзя, то что перевозится, ломается и портится и проч. и проч. Что сказать тебѣ, милый другъ, о томъ годѣ который прошелъ со времени послѣдняго моего письма къ тебѣ. Николай Ивановичъ тебѣ разсказалъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ, и дополнилъ то, чего не было въ моемъ письмѣ. О тебѣ я слышу отъ Наташи и иногда отъ Николая Ивановича, который замолвитъ словечко кой-когда и о тебѣ, милый другъ. Въ послѣднемъ (вѣроятно письмѣ) онъ говоритъ, что ты сталъ посѣщать частенько Англійскій клубъ, гдѣ находишь и пріятныхъ собесѣдниковъ, и нѣкоторое развлеченіе въ чтеніи газетъ и журналовъ. Я понимаю отчасти твой образъ жизни, и радуюсь тому, что, кромѣ семейнаго круга, ты участвуешь и въ общественной жизни; такъ какъ вѣроятно ты не садишься въ большія партіи, то цѣлью твоихъ посѣщеній пріятная бесѣда, и нѣкоторое удовольствіе, которое приноситъ столкновеніе съ людьми образованными. Хотя у насъ нѣтъ клуба, но и мы рѣшились назначить дни для соединенія всей братіи въ одну семью. Въ четверги собираются у насъ. По воскресеньямъ у Муравьева: пообѣдаемъ, поболтаемъ, или помолчимъ, кой-о чемъ, поиграемъ въ шахматы, въ вистъ; вечеръ пройдетъ, иногда съ пріятными впечатлѣніями, но всегда съ любовью другъ къ другу.

Чѣмъ же ознаменовался этотъ годъ: признаюсь тебѣ, мало что

могу объ немъ сказать; время шло своимъ чередомъ, однихъ унесло въ могилу, другимъ дало жизнь, а насъ пощадило, прибавивъ еще нѣсколько дней къ итогу всей прошедшей жизни; по обыкновенію, нѣсколько сѣдинъ прибавились къ прежнимъ и отчасти немощи стали проявляться замѣтнѣе прежняго. Все это происходило по наружности, по внутреннему же, не знаю что сказать. Но смѣю воскликнуть съ великимъ Павломъ: хотя мой внѣшній человѣкъ тлѣетъ, но внутренній со дня на день обновляется; оно такъ и должно быть, и иначе не можетъ быть. Господь устроилъ насъ такимъ образомъ, чтобы разрушеніе внѣшняго, служило средствомъ къ возсозданію внутренняго, внѣшнее разрушеніе есть начало смерти; когда мы сближаемся, то видимъ что черезъ нее мы живемъ; умирая ко всему внѣшнему, преходящему, мы оживаемъ для всего вѣчнаго, непреходящаго. Но смерть и разрушеніе не могутъ быть безъ скорбей и болѣзней. Мы не можемъ ихъ любить и желать, потому что и то и другое противно нашему естественному влеченію къ наслажденіямъ; но мы и не призваны къ жизни по естеству, или сообразной съ нашими наклонностями; но имѣемъ назначеніе въ жизни сверхъ-естественной, высшей; въ этомъ мы должны убѣдиться ежедневно, ибо должны каждый день бороться съ нашими наклонностями, и подчинять наши желанія законамъ высшимъ, но намъ не подчиняется нашъ внѣшній человѣкъ безъ сопротивленія. Этотъ законъ, разумомъ сознаваемый, есть первый нашъ воспитатель; когда мы признаемъ его власть, то бываемъ люди нравственные. Но этимъ цѣль нашей жизни не оканчивается. Человѣкъ нравственный по разуму, великъ въ здѣшнемъ мірѣ; но онъ еще не готовъ для инаго сверхъ-чувственнаго міра. Совершеніе его произойдетъ въ то время, когда онъ и разумъ и волю подчинитъ закону Духа, Владычественному надъ всѣмъ и Совершителю всего. Мы христіане призваны къ этой высшей жизни. Первый шагъ по этому поприщу есть вѣра: она начинается въ насъ съ младенческаго возраста; второй—надежда, которую можно назвать вѣрою съ сознаніемъ того Лица въ котораго вѣруемъ; послѣдній, или третій шагъ, есть любовь, или та же вѣра, съ обладаніемъ того Лица, въ котораго вѣровали, и на кого надежду полагали. Это высшее наше воспитаніе происходитъ въ насъ не отъ человѣка; но отъ Бога. Это иначе и не можетъ быть, потому что вся цѣль воспитанія состоитъ въ познаніи и совершенномъ соединеніи съ Богомъ. Ты, я думаю, помнишь слова евангелиста, или лучше Самого Спасителя: Никто Бога не знаетъ, кромѣ Сына, и того, кому Сынъ захочетъ открыть. Я заговорился, милый другъ, и высказалъ тебѣ по сердцу то, что ощущаю, и какъ ощущаю. Не умѣю себя остановить, и не хочу перемѣнять того, что написалъ, хотя можетъ быть ты найдешь, что я коснулся предмета слишкомъ важнаго для этого листка.

Не надѣюсь имѣть отъ тебя лично извѣстій о твоей семьѣ. Твоя молодежь украшаетъ мой кабинетъ своими фигурками; но желательно бы было слышать о нихъ живую рѣчь отъ тебя. Твой Евгеній безъ сомнѣнія знакомъ съ товарищемъ своимъ Евгеніемъ же Якушкинымъ. Его отецъ близкій мой пріятель, и достойный всякаго уваженія; на дняхъ онъ мнѣ прочелъ письмо сына, котораго содержаніе такъ хорошо выказываетъ лицейскаго юношу, что я душевно пожелалъ, чтобы лицейскіе товарищи, Протасьевъ и Якушкинъ, были близки, какъ близки между собою отецъ и дядя ихъ. Если эта дружба между молодыми людьми уже существуетъ, то я буду очень доволенъ; между тѣмъ пріятно было бы услышать твою рѣчь о всѣхъ ихъ. Не сомнѣваюсь, что и Васинька доволенъ службою и служба довольна имъ. По многимъ слухамъ, которые до насъ доходятъ, молодежь нынѣшняя служитъ не съ тою пріятностью, съ какою мы служили; не могу не вѣрить, чтобы взыскательность по службѣ простиралась до того, чтобы ею оскорблялось офицерское достоинство; между тѣмъ говорятъ, что это бываетъ не рѣдко; по другимъ слухамъ видно, что гвардейскіе офицеры рѣдко бываютъ въ высшемъ кругу, который наполняется молодежью изъ дипломатическаго корпуса, и изъ министерствъ. Слѣдовательно, офицеры должны по большей части проводить дни между собою, что довольно весело; но не столь полезно какъ общество людей образованныхъ.

Настало время кончить письмо. Если хочешь доставить мнѣ удовольствіе прочесть твои строки, то передай ихъ Николаю Ивановичу, который ихъ доставитъ черезъ одного знакомаго, который ихъ доставитъ намъ вѣрно. Итакъ прости, другъ Андрей, съ любовью тебя обнимаю, не забывай друга и брата

Е. Оболенскаго.

Портретъ Петрушки я ожидаю.

Почта пришла и привезла извѣстіе что Евгеній Якушкинъ вышелъ изъ лицея и обратился въ Московскій университетъ.

Сентября 12-го, 1843 года.

О жизни Оболенскаго и другихъ декабристовъ въ Ялуторовскѣ даетъ нѣкоторое понятіе письмо И. И. Пущина къ Э. А. Энгельгардту («Русскій Архивъ», 1879 года, № 12). Въ Сибири Оболенскій женился и прожилъ до всемилостивѣйшаго манифеста Александра II отъ 26 августа 1856 года. Тогда онъ пріѣхалъ въ Москву и здѣсь видѣлся съ родными. Затѣмъ Оболенскій жилъ въ Калугѣ и умеръ въ 1865 году. При жизни онъ ничего не печаталъ, хотя вмѣстѣ съ Пущинымъ и составилъ, по видимому, записку о 14-мъ декабря, которая была напечатана послѣ его смерти за границей подъ заглавіемъ мнѣ неизвѣстнымъ. Въ 1856 г. Оболенскій записалъ еще свои «Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ», напечатанныя въ сборникѣ Бартенева «Девятнадцатый вѣкъ» въ 1872 г. Кромѣ того, въ «Русскомъ Архивѣ», 1873 г., № 1, была напечатана переписка Якова Ивановича Ростовцева съ Оболенскимъ. Этимъ, кажется, исчерпывается все, что было напечатано изъ писемъ и записокъ Оболенскаго.

М. Головинскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. Д. ХВОЩИНСКОЙ.

ЕРЕДЪ ТѢМЪ какъ познакомиться съ Надеждой Дмитріевной, я видѣла ея фотографическую карточку, по которой составила себѣ невѣрное понятіе о ея наружности. На карточкѣ она смотрѣла такой чопорной старухой, что я пошла къ ней только ради любопытства, пользуясь случаемъ быть представленной ей одной знакомой.

Когда мы вошли и стали раздѣваться, въ переднюю проворно выбѣжала маленькая фигурка въ черномъ платьѣ со шлейфомъ, съ чернымъ тюлевымъ чепцомъ на сѣдыхъ волосахъ—это и была она.

Съ добродушнымъ ворчаньемъ за то, что ее забываютъ, привѣтствовала она свою гостью, потомъ подошла ко мнѣ, и я назвала себя. Тогда она поцѣловала меня въ губы, поднявшись на носки и положивъ мнѣ на плечи свои крошечныя руки. Пріемъ этотъ и простодушно привѣтливое выраженіе ея лица были пріятной для меня неожиданностью, и я сказала:

— На карточкѣ вы совсѣмъ другая.

— Это потому, что игра физіономіи не передается фотографіей,— отвѣтила она вскользь, и въ гостиной завела разговоръ о рязанскихъ знакомыхъ, которыхъ я не знала.

Крупныя губы на подвижномъ лицѣ, маленькій носъ, который мило сбирался, когда она смѣялась, и совсѣмъ молодые, живые, темные, выразительные глаза, все это вмѣстѣ съ маленькой фигуркой составляло что-то дѣтски-привлекательное, забавное, необыкновенно милое. Она говорила скоро и съ видимымъ удовольствіемъ, слова такъ и лились, непринужденно и красиво. Передъ ней стоялъ въ низенькомъ темномъ подсвѣчникѣ огарокъ, который она зажигала, чтобы раскурить погасающую тонкую сигарку. Журналы

и газеты лежали вездѣ: на столѣ, на стульяхъ, на роялѣ. Надъ диваномъ, въ томъ углу, гдѣ мы сидѣли, были развѣшаны хорошія литографіи, и почти треть гостиной у оконъ была заставлена высокими растеніями и цвѣтами. Въ сосѣдней небольшой комнатѣ виденъ былъ шкафъ съ книгами и обѣденный столъ.

Наконецъ она обратилась ко мнѣ и сказала:

— Какъ-то вечеромъ сидѣла я у Салтыкова въ кабинетѣ, и при мнѣ была получена имъ рукопись для напечатанія въ «Отеч. Зап.», прочитавъ приложенное къ ней письмо, онъ воскликнулъ:— «Бѣда мнѣ! Талантливый авторъ, да еще женщина, а требуетъ, чтобы я ночь не спалъ, читая ея рукопись, ибо утромъ завтра ждетъ отвѣта отъ меня».

Я съ негодованіемъ прервала ее вопросомъ:—что же это за авторъ?

Надежда Дмитріевна, потупившись, съ невиннымъ видомъ отвѣчала:

— Я посмотрѣла на подпись, тамъ стояло: Виницкая.

— Да Богъ съ вами, какъ вы преувеличиваете,—начала было я, но невольно разсмѣялась вслѣдъ за ней.

Смѣхъ у нея былъ заразительный, и глаза ея съ веселой кротостью такъ ясно и внимательно смотрѣли, что и другой анекдотъ, обо мнѣ разсказанный ею не безъ шутливаго поддразниванья, при всемъ неправдоподобіи приписаннаго мнѣ поступка, заставилъ меня разсмѣяться отъ души. Потомъ она, раскуривъ сигарку, поднесла къ моимъ губамъ пламя свѣчи, и попросила меня сказать: «попъ». Я сказала «попъ» и свѣчка погасла.

Послѣ этого перваго визита я бывала у нея изрѣдка. У меня не было до нея никакихъ дѣлъ, и она не нуждалась во мнѣ, но съ каждымъ моимъ приходомъ она все лучше ко мнѣ относилась, и просила почаще бывать. Правдива она была до рѣзкости, никого изъ одной только вѣжливости не приглашала, и я чувствовала себя у ней какъ дома, ибо вѣрила, что не стѣсняю ее. Она какъ родная со мной обращалась, входила въ мои личныя дѣла до мелочей, и съ ворчливой лаской закидывала меня вопросами и совѣтами:—«на что вамъ? куда вы дѣли? а вы бы лучше вотъ какъ сдѣлали» и проч. А мнѣ такъ необходимо было чье-нибудь участіе. Что-то близкое и дорогое проглядывало въ ея словахъ и манерахъ, переносило въ дѣтство, въ счастливые годы юности, душа согрѣвалась въ ея обществѣ. Честность, съ которой мы рождаемся отъ честнаго отца и честной матери, внушенная намъ въ школѣ честнымъ наставникомъ, воспринятая изъ безсмертныхъ твореній, честность поступковъ, мыслей и внутреннихъ побужденій, которую затѣмъ такъ рѣдко удается видѣть въ чужихъ людяхъ, сохранилась въ ней во всей своей неприкосновенной чистотѣ вмѣстѣ съ искренностью и простотой.

Какая бы ни была тяжесть на душѣ, придешь къ ней пасмурная, раздосадованная, съ скопившимися въ груди слезами, а она такъ мило обойдется, такъ разсмѣшитъ и приголубитъ, что забудешь половину своихъ горестей. Веселая, живая говорунья, никого не щадившая своей незлобивой насмѣшкой, въ своихъ неистощимыхъ разсказахъ она глумилась иногда и надъ собой. Она терпѣть не могла частныхъ театровъ съ тѣхъ поръ, какъ разъ попала въ артистическій кружокъ, и вотъ какъ она объ этомъ разсказала:

— Думала: умру. Зала биткомъ набита, и всѣ стоятъ, потому что стульевъ мало. Я маленькая, и въ заднемъ ряду ничего не могла видѣть, кромѣ спинъ и затылковъ, и хотѣла уйти сейчасъ же какъ вошла. Но только-что я повернулась къ двери, какъ въ нее влетѣлъ молодой человѣкъ, зацѣпился пуговицей сюртука за цѣпочку моего лорнета и втащилъ меня въ толпу. Я его молила:— «остановитесь, отцѣпите меня, милостивый государь!»—Ничего не слышитъ и не замѣчаетъ, стремится, изо всѣхъ силъ, продираясь локтями впередъ, и все тащитъ меня за собой какъ собачку на цѣпочкѣ. Цѣпочка затянулась на шеѣ, того и гляди: умру. Тогда я рѣшилась взять его за локоть. Онъ обернулся такъ строго, и почти крикнулъ: — «что вамъ угодно?» Я едва могла выговорить, показавъ рукой на шею:—«сдѣлайте милость, освободите». Онъ извинился, отцѣпилъ меня, и устремился дальше, а я осталась въ серединѣ толпы, ни назадъ, ни впередъ ужъ выбраться и не могла. И пришлось волей-неволей стоять до изнеможенія, ничего не видя, кромѣ луны на самомъ верху сцены, да и ту всю перекосило, потому что неловко потянули небосклонъ, такъ что луна была представлена въ формѣ изогнутой груши. И за это удовольствіе я деньги заплатила.

Она всегда была непрочь надъ кѣмъ-нибудь посмѣяться съ гостями по вечерамъ за тамбурнымъ вязаньемъ, любила пройтись насчетъ собратовъ по перу, не исключая Тургенева и Толстого, въ произведеніяхъ которыхъ находила бездну недостатковъ. Это была чуть ли не единственная ея слабость, но была именно слѣдствіемъ замѣчательной искренности ея натуры, выбрасывающей наружу малѣйшую непріязнь. Ни одного скрытаго чувства, ни пятнышка на совѣсти, вся свѣтлая, правдивая душа ея видна была насквозь въ спокойномъ состояніи и въ минуты возмущенія несправедливостью. Всѣ мысли ея отражались на лицѣ и высказывались на чистоту по адресу бездарностей, случайно, по знакомству наполняющихъ своими жалкими кропаньями журналы за хорошій гонораръ. А она бѣдствуетъ, ее перестаютъ читать, забываютъ. Посредственностямъ, завладѣвшимъ руководствомъ печати доставалось отъ нея. Съ какой-то схоластической придирчивостью выискивала она ничтожнѣйшіе промахи въ каждомъ новомъ производеніи и съ горячностью доказывала:

— Хронологія не соблюдена. Герой не могъ быть такихъ лѣтъ въ такомъ-то году, черезъ пять страницъ нельзя состариться. Или: какъ же онъ могъ попасть изъ столовой прямо въ спальню, если въ предыдущей главѣ столовая расположена была въ другомъ фасадѣ. Это неточность. Вотъ посмотрите, какъ я работаю,—говорила она, уводя меня въ свою маленькую комнату съ кроватью отгороженной ширмой и небольшимъ столомъ, поставленнымъ лѣвымъ бокомъ къ окну. На немъ лежали мелко-намелко исписанные листы отъ верхняго края страницы до нижняго уголка сжатыми, едва разборчивыми строчками. Четвертушки и клочки бумаги тоже сплошь усѣяны ея микроскопическимъ почеркомъ, и на отдѣльныхъ бумажкахъ начерчены линіи, клѣтки, квадраты.

— Это планы. Планы квартиры я заранѣе обдумаю и нарисую и ужъ не собьюсь: гдѣ какая комната, у меня читатель словно видитъ ихъ расположеніе. Я медленно, иногда по двѣ строки въ день пишу, да за то отчетливо и добросовѣстно работаю. А это хронологія,—показывала она испещренную цифрами бумажку. Передъ тѣмъ какъ начать работу, я уясню себѣ и запишу: кто изъ героевъ въ какомъ году родился. Это необходимо.

Говорила она о себѣ тономъ самозащиты, дававшимъ понять, что ее недостаточно цѣнятъ, и слышался въ немъ также упрекъ, зачѣмъ другіе не поступаютъ какъ она, а имъ отъ этого не хуже. Выразительныя глаза ея при этомъ съ безнадежной тоской говорили, что счастья и радостей не дано ей, только слава мирила ее съ жизнью, а ее отнимаютъ у нея.

— Мнѣ по двадцати пяти рублей платили, и теперь пожалуй немногимъ болѣе платили бы, еслибъ непогрѣшимый нашъ судья, безпристрастный Салтыковъ, не поддержалъ меня.

Салтыкова, какъ человѣка и какъ писателя, она боготворила, равнымъ образомъ и Михайловскаго считала совершенствомъ. Но когда тотъ въ своей критикѣ о ней выразился: «son verre n'est pas grand, mais elle bois dans son verre» это ее глубоко потрясло. И она прямо и открыто, съ неудовольствіемъ и рѣзкостью дошедшей до ребяческой наивности, измѣнила о немъ свое мнѣніе:—«исписался, выдохся, пересталъ понимать». Ей невозможно было отказать себѣ хоть въ этомъ слабомъ утѣшеніи.

Съ добродушнымъ юморомъ вышучивала она разсказъ изъ моей книжки:

— У васъ тамъ одна дѣвочка поминутно лѣзетъ къ нянькѣ цѣловаться, значитъ, хорошая дѣвочка, а другая за кустомъ цѣлуется съ мальчишкой, столо-быть дрянь. Ахъ, батюшки мои, какъ это поучительно!

Я смѣялась, и продолжала развивать ея пародію въ томъ же духѣ.

— Я васъ за то и люблю, что у васъ совсѣмъ нѣтъ литера-

турнаго самолюбія, — говорила она, не подозрѣвая что подъ ея вліяніемъ я привыкла критически относиться къ себѣ.

Съ каждымъ годомъ она слабѣла здоровьемъ, добродушный юморъ смѣнялся по немногу ѣдкими сарказмами, уныніе проглядывало въ словахъ.

— Сколько лѣтъ пишу, сколько упорнаго труда потратила, а умру подъ заборомъ: ни пенсіи, ни богадѣльни за нашу тяготу не полагается.

Всего болѣе ее огорчало, что знакомые, которыми она дорожила, ея прежніе друзья, все рѣже ее навѣщали. Безъ общества она скучала, но была разборчива на собесѣдниковъ и прихотлива, и разъ особенно была довольна моимъ появленіемъ, потому что у ней никого не было, кромѣ скучной гостьи, которую она напрасно силилась занять. Она разсказала, какъ одна рязанская грандесса, поклонница архимандрита, поставила ей въ укоръ знакомство съ семинаристами, когда она готовилась писать свой: «Баритонъ». Надежда Дмитріевна отвѣтила грандессѣ:

— За семинариста можно замужъ выйти, а за архимандрита нельзя.

Еще она разсказала своей скучной гостьѣ о томъ, какъ она Василевскаго приняла за Базилевскаго у кого-то на вечерѣ.

— Мнѣ говорятъ: — Василевскій здѣсь, а мнѣ послышалось Базилевскій, котораго я рада была видѣть, потому что онъ дѣлаетъ добро, и по моей заглазной просьбѣ выдалъ 200 руб. на женскіе курсы. Я сказала, чтобы мнѣ его представили, и онъ началъ съ того, что спросилъ меня, какъ мнѣ нравятся фельетоны «Буквы». Я отвѣчала, что очень не нравятся и принялась безпощадно ихъ критиковать. Меня толкали сзади, а я, не понимая, продолжала свое. Тогда меня подъ какимъ-то предлогомъ увели отъ него въ другую комнату и объяснили:—Вѣдь это Василевскій, а его псевдонимъ: «Буква». Можете себѣ представить мое положеніе!

Вѣроятно гостья ничего не могла себѣ представить, потому что даже не улыбнулась, и наступило молчаніе.

Надежда Дмитріевна была не въ ударѣ, за послѣднее время стала повторяться, и преобладающей темой разсказовъ изъ ея прошлаго были случаи ея невольнаго или умышленнаго пренебреженія къ кому-нибудь. Она сказала:

— Что это въ самомъ дѣлѣ все я, да я, говорю, я хочу слушать. Кто изъ моихъ двухъ собесѣдницъ скажетъ что̀-нибудь поинтереснѣе, тому назначу премію-сюрпризъ. Начните вы.

Гостья начала вяло, и плохо выговаривая, невообразимо пошлое повѣствованіе о чьихъ-то похожденіяхъ въ Парижѣ, вдаваясь въ надоѣдливыя повторенія. Покуда она говорила, я замѣтила, что у меня развязался башмакъ, и хотѣла пойти въ другую ком-

нату, но Надежда Дмитріевна сдѣлала мнѣ знакъ, выразивъ глазами нетерпѣніе. Видно было, что она не въ духѣ. Вдругъ она прервала разсказчицу:

— Ну и конецъ, стало-быть, остальное понятно. Разсказывайте вы,—обратилась она ко мнѣ.—Говорите же чтò-нибудь.

— У меня развязался башмакъ,— сказала я, что попало на языкъ.

— Когда, гдѣ, и при какихъ обстоятельствахъ?

— Сегодня на улицѣ. Посреди тротуара я вдругъ нагнулась, чтобы завязать его, а быстро шедшій сзади мущина нечаянно перелетѣлъ черезъ меня, какъ въ чехарду.

— Вотъ это интересно!— воскликнула она со смѣхомъ, — и не удерживала обиженную гостью, которая вдругъ поднялась уходить. Оставшись со мной, она еще посмѣялась.

— Спасибо за экспромтъ, вы избавили меня отъ бѣшеной скуки, вы очень умны на глупости. Вѣдь есть же люди, какъ животныя, лишенные способности смѣяться. Мнѣ смѣхъ необходимъ. Смѣхъ освѣжаетъ, оживляетъ, оздоровляетъ меня. Не даромъ первый сатирическій журналъ во Франціи служилъ замѣной для врачебныхъ средствъ.

Тутъ я узнала отъ нея, что нѣкій врачъ Галли Матьё обладалъ способностью смѣшить своихъ паціентовъ въ такой степени, что безъ лекарствъ имъ помогалъ. Пріѣдетъ, насмѣшитъ и уѣдетъ. А больной, почувствовавъ себя бодрѣе, встанетъ съ постели. Популярность врача такъ возросла, что за невозможностью поспѣвать на практику, онъ разсылалъ вмѣсто себя больнымъ печатные листы съ своими остротами, и съ своимъ именемъ на заголовкѣ. Отсюда произошло обыкновеніе называть вздоръ галлиматьей.

Въ другой разъ я ее застала совершенно одну дома, и въ самомъ грустномъ настроеніи.

Она сидѣла въ спальнѣ за своимъ рабочимъ столикомъ и, послѣ обычныхъ привѣтствій, молча хмурилась, разбирая бумаги. Вдругъ она захныкала какъ ребенокъ, и залилась слезами.

— Вѣчно, всю жизнь въ зависимости,—порывисто начала она,— еслибъ вы знали... приходите, приводите почаще. Скажите, чтобы меня не забывали, по возможности не оставляли... одну.

И также неожиданно она вышла изъ комнаты, а вернувшись, безаботно заговорила:

— Слышали, что спириты-то продѣлываютъ: самòго Господа Бога пробуютъ надуть. Не смотрите такъ на меня. Прошло. Видите какъ нелегко мнѣ иногда бываетъ казаться бодрой и веселой. Не оставляйте меня.

Не зная что сказать, я уткнулась въ ея рукопись.

— Зачѣмъ вы пишете такъ мелко, — спросила я, — портите глаза.

— Привычка экономить бумагу. Бѣдны мы были. Бывало найду клочекъ, такъ крошечный уголокъ бумаги, и испишу весь вдоль и поперекъ, а мысли все набѣгаютъ, набѣгаютъ, да не на чемъ ихъ записать. Руки замирали отъ холода. Жили мы въ такомъ домишкѣ, что въ щели стѣнъ просвѣчивало зимнее солнышко.

Съ невыразимой грустью отдалась она своему прошлому; любовь къ своимъ, къ отцу, къ своему бѣдному гнѣзду, звучала въ ея задушевномъ голосѣ, и чуялось мнѣ присутствіе моихъ родныхъ въ воспроизводимыхъ ею образахъ.

— То-то радости было, какъ напечатали мой первый трудъ, отецъ не отходилъ отъ меня, мы съ нимъ стали вмѣстѣ все читать и обсуждать.

— А за меня не кому было порадоваться,—сказала я.

— Большое горе, если не съ кѣмъ радость раздѣлить. Изъ-за того я и замужъ пошла, что боялась одиночества, развѣ возможно никого не имѣть?

— Ничего не имѣть то же нехорошо.

— Ничего такъ и никого, рѣдко бываетъ иначе. Высмотрѣла я себѣ хуторокъ съ пестрой лужайкой, садомъ и ручейкомъ—живописное мѣсто, и не дорого продавалось. Какъ теперь помню: выскочила овца изъ-за куста, испугалась меня и стоитъ какъ вкопаная. Я погладила ее: не бойся меня, глупый звѣрь! И тутъ же порѣшила пріобрѣсти твердую почву подъ ногами, хуторъ почти въ рукахъ у меня былъ. Но сестрѣ понадобились деньги. Мужу понадобились деньги ѣхать лечиться, я все имъ и отдала, что было скоплено трудомъ.

Покорной, беззащитной кротостью и слабой добротой вѣяло отъ ея существа и внушало какое-то безпредѣльно-нѣжное, необъяснимое чувство жалости, смѣшанной съ уваженіемъ. Привязалась я къ ней, и она выказывала мнѣ всѣ признаки расположенія.

Когда я объявила ей, что ѣду въ Загребъ учительницей русскаго языка, она чуть не заплакала, обхватила мою шею руками и упрашивала не ѣздить.

— Не довѣряйтесь братушкамъ, я знаю, какъ они поступаютъ съ нашими бѣдняками, не ѣздите. Дайте мнѣ слово, что останетесь, безъ этого не отпущу.

Слезы стояли въ ея глазахъ. Я дала слово и осталась, хотя уже было написано условіе съ нанявшимъ меня хорватомъ. Тогда она дала мнѣ свою карточку съ такою надписью на оборотѣ: «Не скачи, человѣкъ, по свѣту безъ толку; сиди дома и дѣлай свое дѣло, благо можешь его дѣлать».

— Вѣдь я никуда не ѣздила, за границей не была, а сдѣлала, что умѣла,—уговаривала она меня.—Зачѣмъ вамъ на дачу ѣздить, наймите комнату въ садикъ окномъ, и работайте. Я на дачахъ не

могу работать. Ужъ если вамъ надоѣлъ Петербургъ, поѣзжайте въ Рязань, тамъ у вокзала наймите квартиру. Жила же я въ Рязани.

Вообще въ ней часто проявлялась наклонность заставить другихъ идти по своимъ слѣдамъ, и быть можетъ это вытекало изъ того же безсознательнаго побужденія съ какимъ матери желаютъ видѣть дѣтей похожими во всемъ на себя.

Между тѣмъ, частыя болѣзни разрушали ея слабый организмъ, отражались на состояніи ея духа. Все придирчивѣе, нетерпимѣе становилась она, до ожесточенія изощрялась въ ѣдкихъ остротахъ надъ плохими сочиненіями авторовъ, которые «пьютъ изъ большого стакана»:

«Mais ce que je ne m'explique guerre,
«C'est que nos auteurs boivent
«Le bon vin dans de petits verres
«Et le mauvais dans de grands».

— Я «пью изъ маленькаго стакана», гражданскихъ мотивовъ недостаточно въ моихъ работахъ, что жъ дѣлать: я бы давно бросила писательство, еслибъ имѣла средства.

Горечь и жолчь поднимались со дна ея свѣтлой души; безпомощно болѣзненный видъ ея дѣтской фигурки вызывалъ на глубокое состраданіе. Но понемногу охладѣла она ко мнѣ и замѣнила добродушную воркотню, если бывала недовольна мною, язвительными, порою облеченными въ лесть, и всегда мѣтко направленными колкостями. И разъ, когда я говоря о комъ-то, выбранила его жидомъ, забывъ, что въ числѣ ея гостей чуть ли не рядомъ со мной сидѣлъ еврей, она отдѣлала меня на славу.

— Вы, какъ сказочная принцесса,—сказала она,—и умны и прекрасны, а откроете ротъ—изъ него тараканы ползутъ.

Съ этого вечера ужъ я не видѣла ее здоровой, то-есть самостоятельно переходящей изъ комнаты въ комнату.

Послѣ непродолжительнаго отсутствія изъ Петербурга, узнавъ, что она сильно хворала, я поспѣшила ее навѣстить. Мнѣ пришлось подождать ея выхода. Чтò-то зловѣщее чуялось мнѣ въ глухой знѣ, двиганьи по полу въ глубинѣ корридора. Я заглянула туда, и увидѣла ее, едва переступающую съ ноги на ногу. Она держалась за спинку стула, который толкала передъ собой по мѣрѣ своего передвиженія. Минуты шли, покуда она такъ ползла. Я не выдержала и горько заплакала. Куда дѣлась проворная, живая, добрая Надежда Дмитріевна?

— И вы такая же будете,—заговорила она прежнимъ шутливымъ тономъ,—и вдалась въ интересующіе ее попрежнему вопросы, но ужъ безъ пылкаго задора. Еще искры остроумія блестѣли въ ея словахъ, но слушала я безъ вниманія, придумывая предлогъ ее оставить,—до того невыносимо тяжко было впечатлѣніе. Требо-

валось напряженіе чтобы вслушаться въ ея слабый, упавшій голосъ. И при каждомъ моемъ движеніи она остерегалась.

— Не дотрогивайтесь до меня: руки болятъ, плечи, ноги, все болитъ.—Она раздражалась.

— Потише говорите, я не слышу, когда громко говорятъ.—Но стоило понизить голосъ, и она опять раздражалась.

— Не слышу я этимъ ухомъ, пересядьте сюда. Охъ, не толкните вы меня!

Въ послѣдній разъ незадолго до ея отъѣзда на дачу, я застала ее окруженную подушками на креслѣ. Вмѣсто неизмѣннаго чернаго платья, на ней надѣтъ былъ ситецъ бѣлыми и синими полосками; волосы были зачесаны назадъ, похудѣвшее лицо казалось моложавымъ, надежда свѣтилась въ глазахъ. Она была въ компаніи съ бестужевской курсисткой, которую не отпускала отъ себя по цѣлымъ днямъ. Значительно на меня посмотрѣвъ, она кивнула, чтобы я нагнулась къ ней, и указавъ глазами на курсистку прошептала:

— Хочу новые типы создавать, вотъ вамъ и новость.

Все тѣ же литературные вопросы передъ несознаваемой близостью смерти наполняли и волновали ее. Поговоривъ, и не сказавъ ничего новаго, она по-дѣтски надулась, искоса направивъ на меня холодный взглядъ, и съ своей обычной искренностью, неспособная таить и держать въ сердцѣ непріятныхъ чувствъ, не замедлила обнаружить причину своего неудовольствія.

— Я никогда въ редакціяхъ впередъ не забирала денегъ и не выторговывала ихъ,—сухо промолвила она, и въ отрывистомъ полушопотѣ ея слышался все тотъ же упрекъ: зачѣмъ другіе не поступаютъ какъ она.

Высказавъ мнѣ это, она успокоилась, и разсказала кстати ей пришедшую на память басню на французскомъ языкѣ, потомъ въ утомленіи поникла головой.

Поговоривъ съ незнакомой мнѣ курсисткой, я необдуманно воскликнула:

— Да это моя Полѣнова! У меня есть этотъ типъ въ новомъ сочиненіи.

Надежда Дмитріевна, съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ глядя на меня, улыбнулась, помолчала и въ порывѣ прежняго задора вся оживилась:

— Да гдѣ вамъ справиться! Ужъ вѣрно все не то, все коекакъ, все на̀скоро, безъ выдержки и обработки. Дайте прочесть.

— Сдала̀ въ редакцію, зимой прочтете.

Она вздохнула и задумалась. Тяжело ей было справляться съ мыслью, что никто не умѣетъ писать, а она умѣетъ, да не можетъ. Я проклинала себя за неосторожность.

— До зимы я не доживу,—сказала она наконецъ,—ужъ поскорѣй бы избавить себя и всѣхъ отъ тягости, не до курсистокъ мнѣ.

Курсистка, какъ будто не о ней шла рѣчь, все это время спокойно распарывала старую вещь Надежды Дмитріевны для передѣлки, выпросивъ эту работу, чтобы сложа руки не сидѣть, только ямочки на щекахъ выдавали, что улыбка бродитъ по ея низко опущенному лицу.

Я простилась съ Надеждой Дмитріевной навсегда.

Громадное лишеніе утратить личность съ теплой душой, благороднымъ характеромъ и съ выдающейся силой духа, какой была Надежда Дмитріевна.

Вся жизнь ея сложилась неудачно. Обиженная природой, безъ опредѣленныхъ средствъ, она не пользовалась развлеченіями; удовольствія ей были недоступны, и только выпадали ей на долю огорченія, непрерывныя, ежедневныя огорченія, скопляя горечь въ ея мягкомъ, необыкновенно добромъ и любящемъ сердцѣ. И въ сердцѣ этомъ ни тепла, ни свѣта, никакихъ радостей не отражалось, ничто его не оживляло, кромѣ собственнаго творчества и литературныхъ успѣховъ. Естественно поэтому, что до послѣдней крайности должна была доходить ея чуткая отзывчивость ко всему касавшемуся единственнаго источника ея живучести.

Но и тутъ ей не посчастливилось. Надо же было такъ случиться, что какъ разъ именно съ той фамиліей, которую она выбрала псевдонимомъ, и уже составила себѣ извѣстность, явился талантливый авторъ «Петербургскихъ трущобъ» и неразборчивая публика смѣшала ихъ или отожествляла, что въ значительной степени нейтрализовало ея вліяніе. Это такъ сильно ее угнетало, что она равнодушно слышать не могла о немъ.

Но ничто не сокрушило духа этой женщины слабой физически, но съ изумительной нравственной устойчивостью, сохранившей рѣдкую душу и рѣдкій умъ до конца дней своихъ.

Благодаря такой же роковой случайности, пришлось скончаться ей вдали отъ участія своихъ друзей и почитателей, которыхъ она всегда такъ просила не оставлять одну, не забывать ее. Безъ заслуженныхъ проводовъ и прочувствованнаго надгробнаго слова погребена единственная русская писательница, наконецъ, признанная уже въ некрологахъ равной Тургеневу и Гончарову.

А. Виницкая.

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ГРАДОВСКІЙ.

(Опытъ характеристики).

КОНЧАВШІЙСЯ 6-го ноября 1889 года профессоръ С.-Петербургскаго университета, Александръ Дмитріевичъ Градовскій, принадлежалъ всецѣло къ людямъ, которые могутъ считаться типичными представителями, убѣжденными послѣдователями и популяризаторами освобожденной и обновленной Россіи шестидесятыхъ годовъ. Для этихъ людей 19-е февраля 1861 года было началомъ новаго лѣтосчисленія русской исторіи, а слова Манифеста о «свободномъ трудѣ», «домашнемъ благополучіи» и «общественномъ благѣ» народа—словами новаго завѣта, къ которому они приложили и пріурочили всю свою научную, литературную и общественную дѣятельность.

Ю. Ѳ. Самаринъ, К. Д. Кавелинъ, А. Д. Градовскій,—всѣ эти сошедшіе уже въ могилу типичные представители «зари просвѣщенной свободы», могутъ быть, несмотря на нѣкоторое различіе въ убѣжденіяхъ, поставлены въ одну категорію, въ одну группу. Всѣхъ ихъ тѣсно соединяло чувство глубокаго поклоненія реформамъ Александра II, общее служеніе до послѣдней минуты своей жизни началамъ, указаннымъ въ Манифестѣ 19-го февраля 1861 года. Вотъ почему славянофилъ Самаринъ рисовался человѣку либеральнаго направленія, покойному Александру Дмитріевичу, какъ «типъ русскаго гражданина», какъ «типъ общественнаго дѣятеля съ убѣжденіями твердыми и неподкупными, съ стремленіями чистыми и безкорыстными». Несмотря на значительное различіе въ годахъ, несмотря даже на различіе въ періодахъ дѣятельности, общественное значеніе Самарина, Кавелина, Градовскаго, органически связано съ реформеннымъ періодомъ шестидесятыхъ годовъ. Если

первымъ двумъ выпало на долю принять непосредственное участіе въ разработкѣ и примѣненіи къ жизни освободительныхъ принциповъ, то послѣднему принадлежитъ неотъемлемая честь въ нашей литературѣ популяризаціи правительственныхъ идей того времени, формулировки началъ русскаго государственнаго права, возведенія ихъ въ стройное цѣлое, какими они явились послѣ освобожденія крестьянъ, и настойчивой проповѣди необходимости непрерывнаго прогресса въ этихъ реформахъ.

Градовскій родился въ Воронежской губерніи въ 1841 году. Его отецъ, извѣстный на югѣ селитроваръ, далъ своему сыну прекрасное домашнее образованіе, а затѣмъ опредѣлилъ его во 2-ю Харьковскую гимназію. Въ 1858 году, онъ поступилъ на юридическій факультетъ Харьковскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1862 году со степенью кандидата правъ. Уже на университетской школьной скамьѣ молодого студента манило, подъ вліяніемъ даровитыхъ наставниковъ, профессоровъ Каченовскаго и Пахмана, отдать себя исключительно на служеніе наукѣ; но его излюбленной мечтѣ не сразу пришлось увидѣть осуществленіе, и мы видимъ его въ теченіе трехъ лѣтъ по окончаніи университетскаго курса въ роли практическаго дѣятеля, провинціальнаго чиновника. До осени 1865 года онъ управляетъ имѣніемъ отца въ Воронежской губерніи, редактируетъ въ Харьковѣ «Губернскія Вѣдомости», служитъ чиновникомъ особыхъ порученій при Воронежскомъ губернаторѣ. Эта дѣятельность, давшая ему возможность изучить провинціальную Россію, какъ дореформенную, такъ и въ моментъ ея пробужденія къ новой жизни, убѣдила его окончательно, что не среди Коробочекъ, Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Собакевичей и Ноздревыхъ мѣсто человѣку, мечтающему о наукѣ, о широкой общественной дѣятельности, понимающему въ чемъ зло отечества и каковы цѣли врачеванія... И вотъ уже въ октябрѣ 1865 года мы встрѣчаемъ его ревностно работающимъ въ Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ надъ обширною диссертаціею «Высшая администрація Россіи XVIII вѣка и генералъ-прокуроры». Это сочиненіе, потребовавшее отъ него всего лишь полгода труда, обратило на себя вниманіе нашихъ ученыхъ и было гостепріимно встрѣчено Петербургскимъ университетомъ. Юридическій факультетъ удостоилъ автора, представившаго свою работу на званіе магистра, искомой научной степени. Бойкій и острый умъ, громадная эрудиція, удивительная работоспособность въ молодомъ ученомъ говорили профессорской корпораціи, что она имѣетъ дѣло съ недюжинною личностью и что остававшаяся еще вакантною каѳедра государственнаго права можетъ найти въ немъ достойнаго замѣстителя. Нельзя при этомъ не замѣтить, что Университетскій Уставъ 1863 года, поставившій такъ высоко академическую науку, расширилъ значительно противъ прежняго и преподаваніе полити-

ческихъ наукъ. Съ послѣднихъ какъ бы снята была окраска чего-то страшнаго, враждебнаго, слово «политика» перестало тревожить подозрительные умы и получило право гражданства среди другихъ терминовъ научнаго знанія. Государствовѣдѣнію былъ предоставленъ широкій просторъ, оно было поставлено во главѣ факультетскаго преподаванія; три каѳедры, соединенныя, впрочемъ, въ одну общую—по теоріи государственнаго права, по русскому государственному праву и праву иностранныхъ государствъ—давали возможность учащимся почерпнуть изъ университетской аудиторіи широкія познанія о значеніи и развитіи государственнаго организма, какъ высшей формы человѣческаго общежитія.

Поэтому и къ профессору, замѣщающему эту каѳедру, при новой постановкѣ вопроса, предъявлялись серьозныя требованія, если только онъ хотѣлъ быть на высотѣ своего призванія. И дѣйствительно, Градовскій, по защитѣ имъ магистерской диссертаціи въ 1866 году, приглашенный вслѣдъ за симъ на вакантную въ Петербургскомъ университетѣ каѳедру, съ честью оправдалъ возложенныя на него юридическимъ факультетомъ надежды, явившись создателемъ, творцемъ русскаго государственнаго права въ томъ смыслѣ, какъ эта отрасль знанія должна быть понимаема въ наукѣ. Двадцатипятилѣтній юноша, на отвѣтственной и одной изъ главнѣйшихъ каѳедръ университета, толкующій студентамъ мало разработанный въ отечественной литературѣ предметъ—явленіе рѣдкое въ нашей русской жизни! Положеніе Градовскаго было нелегкое и тѣмъ болѣе, что сама жизнь государственная и общественная еще отливалась въ опредѣленныя формы, еще только входила въ указанныя ей реформами шестидесятыхъ годовъ рамки. Нужно было улавливать, быстро осмысливать совершавшіяся явленія, находить имъ теоретическое, научное обоснованіе, подвергать критической разработкѣ и вводить ихъ какъ матеріалъ, какъ составные элементы, въ то, что подразумѣвается подъ наукою русскаго государственнаго права. Но молодой ученый справляется съ этою задачею и ставитъ въ Петербургскомъ университетѣ преподаваніе своего предмета на высоту, желанную уставомъ 1863 года и требованіями научной истины. Объ этомъ легко можно судить изъ появившагося въ печати его сочиненія: «Начала русскаго государственнаго права», которое составляетъ предметъ его академическихъ курсовъ, читанныхъ каждому выпуску студентовъ-юристовъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ. Сочиненіе это выходило по частямъ: первый томъ—въ 1875, второй—въ 1876 и, наконецъ, первая часть третьяго тома—въ 1883 году; вторая часть этого тома, долженствовавшая обнять собою вопросъ о самоуправленіи—земскомъ, городскомъ и крестьянскомъ, не увидала свѣта, хотя и составляла въ ряду остальныхъ отдѣловъ русскаго государственнаго права постоянный предметъ чтеній студентамъ. Конечно, этотъ полный курсъ профессора

Градовскаго въ томъ видѣ, какъ онъ появился въ печати, былъ предметомъ многолѣтняго упорнаго труда, цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ. Къ числу таковыхъ должна быть отнесена и его докторская диссертація: «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи», написанная въ 1868 году. Помимо этой книги, перу Александра Дмитріевича принадлежитъ еще цѣлый рядъ критическихъ

Александръ Дмитріевичъ Градовскій.

очерковъ, хотя и не претендующихъ на самостоятельное значеніе, но составляющихъ настоящій ученый вкладъ въ русскую юридическую науку. Сюда относятся напечатанныя сначала въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ въ теченіе шестидесятыхъ годовъ, а потомъ вошедшія вмѣстѣ съ другими его работами въ одну книгу подъ названіемъ: «Политика, исторія и администрація», статьи, «Теорія представительства», «Государственный строй древней Россіи», «Эпизодъ изъ исторіи церковнаго управленія».

Выше уже было сказано, что Градовскій явился творцомъ науки русскаго государственнаго права. До него дѣлались попытки нѣкоторыми учеными представить по этому предмету свои курсы, но попытки эти далеко не удовлетворяли назрѣвшей потребности [1]). Профессоръ Петербургскаго университета И. Е. Андреевскій, отпечатавшій въ 1866 году свой курсъ «русскаго государственнаго права», въ виду не совсѣмъ еще завершившихся въ то время судебныхъ реформъ, не могъ по самому существу дѣла вполнѣ удачно справиться съ догматическимъ и теоретическимъ элементомъ предмета, почему и предоставилъ больше всего мѣста историческому ходу развитія организаціи нашего административнаго механизма. Кіевскій профессоръ Романовичъ-Славатинскій, хотя и удѣлилъ догматическому элементу больше вниманія, но за то почти не коснулся теоретической стороны дѣла, не искусился въ научной критикѣ.

Иначе поставилъ вопросъ Градовскій. Взявъ за образецъ раздѣленіе предмета на отдѣлы и классификацію учрежденій у нѣмецкихъ ученыхъ Рӧнне, Шульце, Гротефенда, онъ далъ въ своихъ «Началахъ» одинаково полное примѣненіе всѣмъ методамъ изученія—сравнительному, критическому и историческому, поставилъ вопросъ о нашемъ государственномъ устройствѣ и государственномъ управленіи на почву строгихъ требованій европейской юридической науки. Въ его изложеніи каждый отдѣлъ явился чѣмъ-то цѣлымъ, съ своимъ самостоятельнымъ основаніемъ. Идея законности служитъ основаніемъ перваго тома о «государственномъ устройствѣ», такъ какъ этою идеею опредѣляется существо неограниченной монархіи, какъ юридической формы государства. Ученіе объ «органахъ управленія» во второмъ томѣ основано на понятіи должности, «постояннаго управленія, предназначеннаго къ непрерывному осуществленію опредѣленныхъ цѣлей государства». Въ третьемъ томѣ изложено сначала общее ученіе о мѣстномъ управленіи—централизаціи, децентрализаціи и самоуправленіи, далѣе слѣдуетъ чрезвычано полный и живо написанный очеркъ о мѣстномъ управленіи и, наконецъ, изложена организація правительственныхъ и дворянскихъ мѣстныхъ учрежденій.

Въ такой постановкѣ вопроса читалъ Градовскій нашимъ студентамъ-юристамъ свои обширные курсы русскаго государственнаго права. Изъ его аудиторіи выходили будущіе отечественные дѣятели съ основательнымъ знаніемъ строя своего отечества, съ пониманіемъ основъ, лежащихъ въ нашей административной организаціи, которая рисовалась имъ не какъ сцѣпленіе случайныхъ историческихъ явленій, но какъ стройное органическое цѣлое въ юридическомъ освѣщеніи.

---

[1]) См. объ этомъ въ «Сборникѣ Государственныхъ знаній», т. III, ст. г. Коркунова «Государственное право (теорія)».

И преподаваніе государственнаго права европейскихъ державъ велось имъ въ столь же научномъ направленіи. И эта каѳедра, нынѣ по новому уставу сведенная на степень предметовъ второстепенныхъ и необязательныхъ, была имъ поставлена образцово: студенты-слушатели выносили по этому предмету обширныя познанія съ широкими обобщеніями и теоретическимъ обоснованіемъ. О характерѣ его курсовъ можно судить отчасти по напечатанному имъ въ 1886 году сочиненію «Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ». Покойный профессоръ не успѣлъ довести печатаніе этого капитальнаго труда до конца и выпустилъ только первый томъ, обнимающій собою историческую часть предмета. Названному сочиненію предшествовалъ рядъ подготовительныхъ статей и трудовъ, появившихся въ журналахъ и отдѣльными изданіями въ теченіе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Главнѣйшими можно считать его историко-юридическіе этюды «Государство и прогрессъ», «Парламентаризмъ во Франціи», вошедшіе въ упомянутую книгу «Политика, исторія и администрація», а также отдѣльное сочиненіе «Германская конституція».

Первый томъ «Государственнаго права европейскихъ державъ» заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ развитія и распространенія конституціонныхъ учрежденій на западѣ Европы и имѣетъ цѣлью показать, какъ эти учрежденія явились результатомъ политической, національной, духовной и экономической жизни нашихъ сосѣдей. Историческому обозрѣнію предпосланъ очеркъ развитія политическихъ идей, имѣвшихъ вліяніе на направленіе умовъ въ исходѣ XVIII вѣка. Можно смѣло сказать, что отечественная оригинальная литература съ выходомъ въ свѣтъ этого сочиненія Градовскаго въ первый разъ получила цѣльный и обстоятельный трудъ, въ которомъ читатель можетъ найти политическую исторію новаго времени Европы и Америки. Мы наблюдаемъ здѣсь развитіе прогрессивныхъ и реакціонныхъ движеній европейской мысли, присутствуемъ при возрожденіи и вырожденіи народностей, на нашихъ глазахъ передовые бойцы и дѣятели воздвигаютъ конституціонныя зданія и рядомъ съ этимъ мы замѣчаемъ, какъ эти зданія уже начинаютъ колебаться подъ напоромъ новыхъ вѣяній мысли, свѣжихъ теченій жизни... Точно въ яркомъ калейдоскопѣ проходитъ передъ нами здѣсь борьба началъ монархическихъ, конституціонныхъ и соціалистическихъ, точно въ блестящемъ освѣщеніи представляется нашимъ взорамъ панорама европейской политической жизни за столѣтіе ея существованія.

Обширная научная дѣятельность Александра Дмитріевича внушала къ нему глубокое уваженіе университетской молодежи, невольно приковывала ея вниманіе къ его профессорскому авторитету. Его популярность установилась съ первыхъ же лѣтъ вступленія въ академическую семью и достигла своего зенита въ половинѣ

семидесятыхъ годовъ. Не обладая краснорѣчіемъ, Градовскій привлекалъ къ себѣ студентовъ главнымъ образомъ содержаніемъ своихъ лекцій, опредѣленностью научныхъ и жизненныхъ воззрѣній.

Онъ стремился видѣть въ своихъ слушателяхъ не отбывающихъ для диплома университетскую повинность, но людей сошедшихся съ опредѣленною, сознательною цѣлью—вынести изъ профессорской аудиторіи какъ можно больше свѣдѣній и знанія. Безпощадно строгій въ исполненіи собственныхъ обязанностей, онъ не менѣе былъ требователенъ и къ своимъ ученикамъ. Если ему въ силу академической свободы по уставу 1863 года не удавалось заставить слушателей аккуратно посѣщать лекціи, за то онъ являлся на экзаменахъ настоящимъ судьей и цѣнителемъ знаній, пріобрѣтенныхъ аудиторіей. Экзаменъ у Градовскаго былъ не шуточнымъ дѣломъ и благополучно проходилъ лишь тотъ, кто дѣйствительно осмысленно зналъ и понималъ предметъ. Поблажекъ, снисхожденія тутъ не допускалось и чѣмъ слабѣе являлся комплектъ экзаменующихся, тѣмъ выше подымалъ онъ уровень требованій, тѣмъ раздражительнѣе становился онъ, тѣмъ болѣе народа уходило отъ экзаменаціоннаго стола съ предложеніемъ продлить свое пребываніе въ университетѣ еще на годъ. Эта строгость была не дѣломъ каприза и болѣзненности, а проистекала изъ иного источника. Онъ стремился сдѣлать изъ своихъ слушателей честныхъ и просвѣщенныхъ гражданъ для пополненія рядовъ русской интелигенціи. Вотъ почему, предъявляя молодежи строгія научныя требованія, онъ неумолчно твердилъ ей: учись и учись, запасайся изъ университета прежде всего какъ можно больше знаніемъ, чтобы явиться на жизненномъ поприщѣ человѣкомъ умственно развитымъ и просвѣщеннымъ! Рядомъ съ этою проповѣдью онъ предостерегалъ ее отъ увлеченій «политическими утопіями», убѣждалъ ее сначала запастись образованіемъ, а потомъ уже брать на себя роль общественныхъ и политическихъ дѣятелей. И чѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сильнѣе проявлялись въ жизни высшихъ учебныхъ заведеній разныя увлеченія, влекшія за собою въ большинствѣ случаевъ грустныя для учащихся послѣдствія, тѣмъ громче подымалъ онъ свой голосъ, тѣмъ страстнѣе и раздражительнѣе говорилъ онъ противъ этихъ «увлеченій, агитацій и утопій».

Въ одной изъ статей въ «Голосѣ»[1]) подъ заглавіемъ «Задача русской молодежи» онъ даетъ намъ понятіе, какъ бесѣдовалъ онъ съ своей аудиторіей на подобныя темы и какія требованія предъявлялъ онъ ей.

«Задача учащейся молодежи состоитъ въ увеличеніи объема русской интеллигенціи»,—пишетъ онъ.—«Молодежь не должна бросаться въ «народный океанъ», но должна увеличивать мыслящую,

[1]) См. сборникъ «Трудные годы» (1876—1880 гг.) А. Градовскаго.

разумную и нравственную часть русскаго общества, потому что только здѣсь можетъ она принести пользу и народу... Неучащееся поколѣніе есть минусъ въ народной жизни; не учась, оно губитъ себя, а губя себя, оно убавляетъ количество тѣхъ здоровыхъ, дѣятельныхъ силъ, на которыя каждое общество не только въ правѣ, но обязано разсчитывать для своего успѣшнаго движенія впередъ. Какая реформа, какое новое учрежденіе, какое серьезное національное предпріятіе осуществимы, если народъ не будетъ имѣть возможности разсчитывать, что для этихъ предпріятій и учрежденій найдутся люди, способные вести и поддерживать ихъ не только въ данную минуту, но и впослѣдствіи?»

Покойный профессоръ часто обращался къ темѣ о необходимости борьбы съ агитаціей, съ анархическими и соціалистическими ученіями. Эту тему онъ развивалъ и на своихъ лекціяхъ студентамъ и въ газетныхъ фельетонахъ «Голоса».

Газетная и журнальная работа была для Александра Дмитріевича такою же потребностью, какъ университетская каѳедра. Ему недостаточно было одной тѣсной аудиторіи, гдѣ онъ былъ ограниченъ рамками спеціальности; онъ нуждался въ иной трибунѣ, съ которой можно было обращаться къ болѣе широкому кругу слушателей, говорить о болѣе живыхъ предметахъ съ точки зрѣнія современныхъ требованій государства и общества. Такою трибуною для него служила газетная и журнальная публицистика, въ которой онъ создалъ себѣ почетное мѣсто, выдающееся имя политическаго писателя.

Градовскій рано вступилъ на литературное поприще. По окончаніи курса въ университетѣ мы видимъ его редакторомъ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», затѣмъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ является сотрудникомъ въ журналахъ братьевъ Достоевскихъ «Время» и «Эпоха», подъ знаменемъ «почвенниковъ», проповѣдывавшихъ необходимость нравственнаго единенія съ народомъ, отрицавшихся либерализма и западничества. Въ 1867 году, онъ печатаетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова обширную критическую статью на сочиненіе Б. Чичерина «О народномъ представительствѣ», а позже нѣсколько научныхъ работъ въ «Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.», «Зарѣ» и «Судебномъ Вѣстникѣ». Но этотъ періодъ дѣятельности Градовскаго не даетъ еще яснаго представленія о немъ, какъ о публицистѣ съ строго опредѣленнымъ складомъ убѣжденій. Онъ точно еще вырабатываетъ свои основныя воззрѣнія, свои руководящіе политическіе принципы, причемъ во всякомъ случаѣ подходитъ ближе къ московскимъ литературнымъ направленіямъ шестидесятыхъ годовъ, нежели къ петербургскимъ съ «Отечественными Записками», «Современникомъ» и «Вѣстникомъ Европы» въ роли руководителей общественнаго мнѣнія. Съ самаго конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ онъ

уже начинаетъ болѣе интересоваться «злобами», «вопросами дня» и посвящаетъ имъ въ «Голосѣ», «Зарѣ» и «Судебномъ Вѣстникѣ» нѣсколько научно-публицистическихъ очерковъ, въ которыхъ яснѣе опредѣляетъ свои общественные и политическіе идеалы. Онъ является въ нихъ горячимъ поклонникомъ началъ Положенія 19 февраля, свободы печатнаго слова и развитія общественныхъ силъ отечества, высказывается противъ предварительной цензуры для журналовъ, противъ необходимости усиленія административной власти въ ущербъ самоуправленію. Авторъ предостерегаетъ правительство, чтобъ оно не пугалось «уступокъ духу времени», не парализовало начатыхъ реформъ, не сворачивало съ избраннаго пути. Руководящею мыслью всѣхъ этихъ статей, собранныхъ въ его книгѣ «Политика, исторія и администрація», можно считать, «что наше спасеніе заключается въ томъ, чтобы честно и откровенно стать на почву истиннаго гражданскаго порядка, который немыслимъ безъ разумной общественной свободы».

Семидесятые и начало восьмидесятыхъ годовъ могутъ считаться пышнымъ разцвѣтомъ его публицистическаго таланта и литературной дѣятельности. Два сборника, въ которыхъ соединены главнѣйшія его статьи того времени, оставилъ намъ въ наслѣдіе покойный профессоръ. Сборники эти: «Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ» и «Трудные годы» обнимающіе собою его газетную и журнальную дѣятельность съ 1873 по 1880 годъ. Статьи въ первомъ сборникѣ, большая часть которыхъ была напечатана въ журналѣ «Бесѣда», или составляли предметъ его публичныхъ лекцій, имѣютъ своею задачею изслѣдовать значеніе національнаго вопроса для современной жизни, прослѣдить условія его возникновенія. Авторъ является здѣсь сторонникомъ типа національно-прогрессивнаго государства, какъ его отчасти понимали германскій философъ Фихте старшій и наши первые славянофилы, почему онъ и высказываетъ свое открытое сочувствіе этимъ направленіямъ въ нѣмецкой и русской мысли. Въ этихъ статьяхъ онъ отрицаетъ единую «всеспасающую цивилизацію», «своекорыстный бездушный космополитизмъ» и ставитъ единственными естественными основаніями и цѣлью жизни каждаго государства начало народности. Теорія національно-прогрессивнаго государства приводитъ его къ заключенію, что слова—«національность и трудъ, національность и творчество, національность и школа, національность и свобода должны быть однозначущими». Обращаясь къ своему отечеству, онъ говоритъ: «Мы твердо вѣримъ, что матеріальная и духовная самостоятельность Россіи имѣетъ общечеловѣческое значеніе. Пусть же она укрѣпляетъ въ себѣ эту самостоятельность неуклонною работою надъ собою, непрерывнымъ обновленіемъ своей внутренней жизни, народною школою, равноправностью, правдою въ податяхъ, въ судѣ и въ народномъ хозяйствѣ».

И въ слѣдующемъ сборникѣ, въ «Трудныхъ годахъ» мы встрѣчаемъ тѣ же мотивы о значеніи національнаго вопроса, но главный центръ авторской проповѣди заключается не въ этомъ, а въ уясненіи политическихъ и общественныхъ событій отечественнаго дня, въ указаніи на истинные желаемые пути историческаго развитія русскаго народа, въ опредѣленіи значенія общественнаго идеала, въ анализѣ нашихъ домашнихъ недуговъ и неустройствъ, которыми страдало отечество въ трудные семидесятые года. Онъ подробно останавливается на значеніи интеллигенціи въ жизни страны и отводитъ ей главенствующее мѣсто, какъ выразительницѣ стремленій и желаній своего народа. «Русская земля,—говоритъ Градовскій,—жаждетъ, какъ хлѣба насущнаго, настоящихъ русскихъ людей, которые умѣли и хотѣли бы говорить и дѣйствовать за всю землю, въ которыхъ частные типы нашего общества... слились бы въ цѣльный, всеобъемлющій типъ мыслящаго, нравственнаго, трудолюбиваго и стойкаго русскаго человѣка». Этотъ русскій человѣкъ долженъ преслѣдовать, по его мнѣнію, не соціалистическія утопіи, не увлекаться западничествомъ, какъ только подражательною способностью, но стремиться къ осуществленію идеаловъ земскаго развитія своей страны въ духѣ реформы 1861 года.

«Развитіе земскаго начала въ нашемъ управленіи,—писалъ онъ,—будетъ наилучшимъ средствомъ образовать ту разумную и нравственную силу, о которую разобьются всѣ попытки насильственныхъ передѣлокъ нашей родины, по какимъ бы то ни было «шаблонамъ», и особенно по шаблону соціальной демократіи...» Съ укрѣпленіемъ земскаго начала, согласно его ученію, разовьется и нашъ политическій и общественный строй, а съ нимъ вмѣстѣ культурное состояніе народа. Такимъ образомъ, отсюда вытекало общее ученіе о взаимодѣйствіи между отдѣльными индивидуальностями и политическимъ, культурнымъ строемъ отечества; въ частности же, касательно Россіи, являлась настойчивая проповѣдь о необходимости дальнѣйшаго земскаго развитія, начало которому главнымъ образомъ положено 19 февраля. «Вотъ почему каждый,—утверждаетъ онъ,—кто желаетъ нашего національнаго развитія, долженъ желать и укрѣпленія и развитія началъ, выраженныхъ въ знаменательныхъ актахъ нынѣшняго царствованія, впервые давшихъ извѣстное обезпеченіе человѣческой личности въ Россіи». Непрерывный прогрессъ національнаго земскаго развитія съ правомъ свободнаго его обсужденія и руководствомъ интеллигенціей, какъ представительницей стремленій и желаній страны—таковъ его идеалъ, горячо и настойчиво проповѣдуемый въ статьяхъ восьмидесятыхъ годовъ. Изъ такой формулировки политическихъ стремленій вытекаютъ его враждебныя отношенія и полемика съ московской журналистикой въ лицѣ Каткова и Аксакова, а также

съ Достоевскимъ,—авторомъ Пушкинской рѣчи на юбилейномъ торжествѣ въ Москвѣ.

Какъ врагъ свободнаго земскаго развитія, какъ панегеристъ типа полицейско-бюрократическаго государства съ сильно развитой централизаціей и административной опекой, Катковъ ведетъ съ конца прошлаго и во все теченіе настоящаго десятилѣтія упорную борьбу противъ либерализма, представителями котораго онъ считаетъ въ петербургскомъ обществѣ газету «Голосъ» и ея главнаго сотрудника Александра Дмитріевича Градовскаго. Не менѣе рѣзко и страстно нападаетъ на послѣдняго и И. С. Аксаковъ, считавшій его, однако, до конца семидесятыхъ годовъ человѣкомъ своего лагеря, своего направленія. Представитель славянофильской школы заподозриваетъ типъ націальнопрогрессивнаго государства Градовскаго и полагаетъ, что въ этомъ типѣ слишкомъ много отводится мѣста «государственности», внѣшней законности въ ущербъ живому народному организму и его внутренней правдѣ. Аксаковъ боится, какъ бы съ усиленіемъ интеллигенціи народу не навязаны были чуждыя его духу начала западной жизни, какъ бы государство не пріобрѣло бюрократическую окраску, какъ бы надъ народомъ не была установлена опека верхнихъ слоевъ, а самый народъ не былъ сведенъ къ роли пассивной и безличной массы.

Направляя свои громы и молніи противъ петербургской либеральной журналистики, интеллигенціи и свободныхъ вѣяній, московскіе публицисты особенно охотно и часто упоминаютъ имя Александра Дмитріевича, какъ наиболѣе виднаго и талантливаго представителя противныхъ и враждебныхъ имъ вѣяній и кружковъ. Придавая такое значеніе петербургскому профессору и отводя ему такое видное мѣсто, они не погрѣшаютъ противъ истины. Популярность и извѣстность Градовскаго росла съ каждымъ годомъ его дѣятельности, какъ профессора, ученаго и литератора. Его публичныя лекціи, которыхъ онъ немало прочиталъ въ теченіе семидесятыхъ годовъ и въ особенности во время славянскаго движенія, привлекали слушателей массами. Его фельетоны въ «Голосѣ» и статьи въ «Русской Рѣчи» вызывали всегда горячіе споры и толки, его пріемные дни по воскресеньямъ собирали многочисленныхъ гостей изъ различныхъ лагерей и направленій. «На этихъ вечерахъ,—вспоминаетъ въ «Новомъ Времени» (№ 4922) одинъ изъ лично знавшихъ покойнаго профессора,—можно было встрѣтить Н. Я. Данилевскаго, Н. Н. Страхова, Н. П. Семенова и многихъ другихъ, вовсе не принадлежавшихъ къ тѣмъ литературнымъ органамъ, въ которыхъ писалъ Градовскій... оттого-то и были такъ живы и интересны его воскресные вечера на Васильевскомъ островѣ, гдѣ много и горячо спорили Н. Я. Данилевскій съ Кавелинымъ—оба близкіе друзья покойнаго Градовскаго, но всегда діаметрально расходившіеся въ своихъ взглядахъ. На этихъ

вечерахъ бывали славянофилы и западники, консерваторы и либералы, профессора и журналисты, иногда показывались такіе люди, какъ М. Г. Черняевъ, М. Д. Скобелевъ, и тугой на ухо А. И. Кошелевъ старательно прислушивался къ мыслямъ и сужденіямъ хозяина. Бывалъ у Градовскаго, пріѣзжая въ Петербургъ, и М. Н. Катковъ, впрочемъ, лишь до возникшаго въ началѣ 70-хъ годовъ вопроса о пересмотрѣ университетскаго устава, порвавшаго прежнія отношенія между проф. Градовскимъ и знаменитымъ московскимъ публицистомъ».

Разные наши общественные и литературные дѣятели шли въ гости къ Александру Дмитріевичу не только какъ къ остроумному и просвѣщенному собесѣднику, но многіе видѣли въ немъ и человѣка, могущаго дать полезный совѣтъ и инціативу въ дѣлахъ болѣе сложныхъ и важныхъ. Такъ, когда въ 1880 г. въ направленіи нашей внутренней политики и въ настроеніи правительственныхъ сферъ произошелъ замѣтный поворотъ въ пользу общественнаго довѣрія и общественной самодѣятельности, нѣкоторые наши администраторы дорожили указаніями и мнѣніями покойнаго Градовскаго. Его близкія отношенія въ ту пору къ министерству внутреннихъ дѣлъ, къ графу Лорисъ-Меликову, не составляютъ въ настоящее время тайны и министерство народнаго просвѣщенія въ тѣ дни видѣло въ немъ не чужого человѣка.

Это общественное и литературное значеніе Градовскаго давало достаточное основаніе враждебной ему печати къ нападкамъ на него, какъ на одного изъ виднѣйшихъ представителей либеральнаго теченія русской мысли. Александръ Дмитріевичъ не оспаривалъ презрительно даваемой ему клички «либералъ» и выступалъ въ этихъ случаяхъ лишь на защиту общей программы партіи, къ которой его причисляли, говоря: «либералы полагаютъ, что для дѣйствительнаго проявленія нашихъ силъ необходимы болѣе льготныя условія существованія, при которыхъ могло бы развернуться національное творчество». Возвращаясь къ той же темѣ въ одномъ изъ фельетоновъ «Голоса» (1880 г. № 236), онъ писалъ: «Дѣло идетъ о томъ, чтобы пробудить, наконецъ, народныя и общественныя силы отъ долгой спячки, чтобъ эти силы вышли и вычистили русскую землю отъ всего наноснаго и тлетворнаго, накопившагося въ нашей средѣ въ послѣднее время, и вывели наше отечество на ту дорогу, на которой подобаетъ идти сильной и великой державѣ. Не сидѣть же намъ, въ самомъ дѣлѣ, слушая соціалистическія бредни съ одной стороны и мистическія завыванія съ другой стороны. Покорно благодаримъ».

Къ числу такихъ «мистическихъ завываній» онъ относилъ и многія статьи въ «Руси» Аксакова, и сочиненіе Н. Страхова «Борьба съ Западомъ», и извѣстную рѣчь Достоевскаго въ Москвѣ на Пушкинскихъ торжествахъ. Эта рѣчь, названная въ свое время

«событіемъ», дала поводъ покойному Өедору Михайловичу развить свое жизненное, политическое и историческое profession de foi, въ которомъ многіе усмотрѣли примиреніе нашихъ литературныхъ и общественныхъ направленій, торжество славянофильства и покаяніе либерализма, поворотный пунктъ въ нашемъ общественномъ развитіи, послѣ котораго всѣ партіи безъ изъятія пойдутъ по пути, указанному авторомъ «Братьевъ Карамазовыхъ».

Но такое мнѣніе оказалось преждевременнымъ и нѣсколько поспѣшнымъ. Въ числѣ лицъ, отнесшихся скептически къ проповѣди оратора о значеніи личной нравственности и о правѣ русскаго народа на поклоненіе ему Запада, находился и Градовскій, усмотрѣвшій въ этихъ словахъ болѣзненное явленіе времени, направленіе, вредное для современниковъ. «Въ статьѣ «Мечты и дѣйствительность» («Голосъ» 1880 г. № 174) онъ изложилъ, рядомъ съ доказательствами несостоятельности поэтической проповѣди Достоевскаго, и свой личный взглядъ на нашу дѣйствительность. «Никакое общественное совершенствованіе не можетъ быть достигнуто только черезъ улучшеніе личныхъ качествъ людей его составляющихъ... Улучшеніе людей въ смыслѣ общественномъ не можетъ быть произведено только работою «надъ собою» и «смиреніемъ себя»... въ весьма великой степени общественное совершенство людей зависитъ отъ совершенства общественныхъ учрежденій, воспитывающихъ въ человѣкѣ, если не христіанскія, то гражданскія доблести».

Отмѣтивъ, что «общественные идеалы нашего народа находятся еще въ процессѣ образованія, развитія», что «еще слишкомъ много неправды, остатковъ вѣкового рабства засѣло въ немъ, чтобъ онъ могъ требовать себѣ поклоненія», онъ говоритъ: «правильнѣе было бы сказать и современнымъ «скитальцамъ» и «народу» одинаково: смиритесь передъ требованіями той общечеловѣческой гражданственности, къ которой вы, слава Богу, пріобщились, благодаря реформѣ Петра Великаго. Впитайте въ себя все, что произвели лучшаго народы-учители наши. Тогда, переработавъ въ себѣ всю эту умственную и нравственную пищу, вы съумѣете проявить и всю силу вашего національнаго генія, внести и свою долю въ сокровищницу всечеловѣческаго...»

Настоятельная потребность въ совершенствованіи общественныхъ учрежденій, средства къ такому совершенствованію, борьба съ остатками вѣкового рабства, необходимость общечеловѣческой гражданственности—вотъ тѣ темы, на которыхъ онъ сосредоточиваетъ большинство своихъ дальнѣйшихъ фельетоновъ и передовыхъ статей по внутреннимъ вопросамъ въ «Голосѣ», вплоть до выбытія этой газеты изъ нашего литературнаго строя.

Съ прекращеніемъ въ 1883 году газеты Краевскаго замолкаетъ и публицистическая работа Градовскаго. Въ окружающей дѣйствительности появились иныя теченія, осуществились иныя проекты, сошли со сцены близкіе ему общественные и государственные люди, значительно измѣнилась вся физіономія отечественной дѣйствительности—и убѣжденной рѣчи публициста «Голоса», человѣку реформъ шестидесятыхъ годовъ, не нашлось уже болѣе трибуны, съ которой бы онъ могъ ежедневно обращаться къ обширной аудиторіи русскихъ читателей... Градовскій, какъ газетный дѣятель, смолкъ и сосредоточилъ свои занятія на главной спеціальности — русскомъ и иностранномъ государственномъ правѣ, выпустивъ въ свѣтъ свои капитальные труды по этимъ предметамъ, упомянутые въ началѣ нашей статьи. Но замкнувшись въ своемъ научномъ кабинетѣ, онъ тѣмъ не менѣе внимательно прислушивался къ тому, что дѣлается и за стѣнами этого кабинета... Некрасовъ сказалъ въ одномъ стихотвореніи:

«Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
«Тотъ не любитъ отчизны своей».

Градовскій страстно любилъ Россію, а она приносила ему слишкомъ много «гнѣва» и «печали». Доходившее до него ужъ черезчуръ разнилось съ тѣмъ, о чемъ онъ нѣкогда мечталъ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ и К. Д. Кавелинымъ, въ излишкѣ вызывало чувства, указанныя поэтомъ.

Они же были гибельны его сердцу, страдавшему порокомъ; но онъ не могъ ихъ заглушить а въ связи съ этимъ развивалась все сильнѣе и сильнѣе сердечная болѣзнь, которая и свела его наконецъ въ могилу...

Полная, обстоятельная біографія А. Д. Градовскаго въ настоящее время немыслима. Слишкомъ былъ онъ жизненъ, слишкомъ была связана его дѣятельность съ вопросами, о которыхъ не настала пора говорить. Когда же наступитъ эта пора, то пусть будущій біографъ покойнаго профессора не забудетъ обратить вниманіе читателей на его статью о «Юріѣ Ѳедоровичѣ Самаринѣ» въ сборникѣ «Трудные годы», гдѣ онъ рисуя автора «Окраинъ» и «Іезуитовъ», даетъ нить къ пониманію и своей личности, своихъ идеаловъ, своихъ чувствъ. «Самаринъ..., говоритъ Градовскій [1]), былъ человѣкомъ реформы, т. е. горячимъ защитникомъ того, что пріобрѣтено обществомъ съ 1861 года... онъ видѣлъ... въ земскомъ самоуправленіи, въ зачаткахъ печатнаго слова, въ новомъ судѣ, не только уступку принципамъ свободы, но условія, способныя под-

[1]) «Трудные годы», стр. 43.

нять нашъ народный духъ, сообщить нашей политикѣ болѣе національный характеръ»... Вотъ почему онъ возставалъ противъ такъ называемыхъ охранителей, «поставившихъ себѣ цѣлью запугать правительство и подвинуть его на ломку всего, созданнаго съ 1861 года». Всѣ эти «проекты» производили на него болѣзненное ощущеніе. Ему казалось, что онъ «присутствуетъ при совѣщаніи незваныхъ врачей, желающихъ насильственно сдѣлать операцію здоровому человѣку...»

Б. Глинскій.

МОГИЛА КНЯЗЯ-ШУТА.

ЯТАГО августа 1887 года, часовъ въ шесть утра, я выѣхалъ изъ Москвы съ добрымъ пріятелемъ моимъ, художникомъ К. В. Лебедевымъ, по дорогѣ къ Троицѣ. Не по желѣзной Ярославской дороги, а по шоссейной, на извозчикѣ... Мнѣ хотѣлось давно уже проѣхать къ Троицѣ именно этимъ путемъ, хотѣлось кое-что по пути посмотрѣть и разузнать; хотѣлось убѣдиться въ томъ, какъ многое измѣнилось или совсѣмъ исчезло, навѣки утратилось для русской археологической науки съ того времени, когда этимъ же самымъ путемъ ѣхалъ (въ концѣ прошлаго вѣка) Карамзинъ, подготовляясь писать свои живыя и любопытныя «Впечатлѣнія по пути къ Троицѣ». Когданибудь, въ другое время, я, можетъ быть, скажу нѣсколько словъ о впечатлѣніяхъ вынесенныхъ мною изъ моей поѣздки, но въ настоящую минуту ограничусь только слѣдующей небольшой замѣткой.

Проѣхавъ мимо Алексѣевскаго, Ростокина, Малыхъ и Большихъ Мытищъ, Тарасовки, Пушкина и Новой Деревни, мы добрались до историческаго села Братовщины (иначе Братошина). Я невольно припомнилъ, что это село было одною изъ многихъ вотчинъ нѣкогда сильнаго и знаменитаго вельможи и любимца царевны Софіи Алексѣевны, князя Василія Васильевича Голицына. Невольно припомнилась по этому поводу и странная, трагическая судьба его рода, въ теченіе полувѣка успѣвшаго снизойти съ высшихъ степеней могущества, богатства и знатности до величайшаго ничтожества... Припомнилась и какая-то журнальная замѣтка о томъ, что въ селѣ Братовщинѣ покоится гдѣ-то прахъ несчастнаго шута-

Голицына (внука князя Василія Васильевича), игравшаго такую жалкую, страдательную роль въ извѣстной свадьбѣ Ледянаго Дома— этой безпримѣрно-жестокой, ужасной шуткѣ...

— А гдѣ же могила его?—спросилъ меня мой спутникъ.—Надо бы ее розыскать... Зарисовать на память.

— Надо бы! Да гдѣ ее розыщешь? Вы знаете, какъ у насъ сохраняются могилы...

Потолковали; остановили извозчика у церкви — пошли бродить по кладбищу. Пересмотрѣли всѣ могилы, всѣ памятники, перечитали всѣ надписи въ стихахъ и прозѣ — и ничего не нашли. Могилы были все новыя, недавнія; подъ крестами и надгробными плитами мирно покоились останки разныхъ купцовъ, купчихъ и окрестныхъ помѣщиковъ.

— Да быть же не можетъ!—говорилъ я моему спутнику.—Мы вѣрно гдѣ-нибудь пропустили или просмотрѣли. Навѣрно помню, что здѣсь именно онъ и похороненъ; помнится даже, что въ родословной Голицыныхъ объ этомъ несчастномъ князѣ-шутѣ сказано: «умеръ 1778 года въ своихъ помѣстьяхъ и похороненъ въ селѣ Братовщинѣ».

Опять начались поиски и усиленный осмотръ могилъ и памятниковъ, не только въ оградѣ церкви, но и за оградой. И опять безъ всякаго результата. Но меня ужъ досада взяла:—я стоялъ на своемъ, и непремѣнно захотѣлъ отыскать эту несчастную могилу...

Мы рѣшили обратиться съ вопросомъ къ священнику, зашли въ его скромный, чистенькій домикъ, на дорогѣ около церкви, и, принятые весьма радушно, за чашкой чая, разговорились о могилѣ князя-шута.

Оказалось, что священникъ — еще недавно получившій этотъ приходъ и притомъ совсѣмъ молодой человѣкъ—зналъ по-наслышкѣ, что Братовщина когда-то принадлежала Голицынымъ, сообщилъ намъ даже мѣстное преданіе о томъ, что «княжой дворецъ» былъ построенъ когда-то на холмѣ, налѣво отъ дороги, и что тамъ до сихъ поръ откапываютъ изъ земли кирпичи и щебень... Но о могилѣ князя-шута онъ не имѣлъ никакого понятія.

Я разсказалъ печальную исторію несчастнаго князя Михаила Алексѣевича Голицына (въ общихъ чертахъ, конечно) и очень заинтересовалъ молодого моего собесѣдника; и не только его, но и его молодую супругу.

— Постой-ка, постой!—обратилась она къ мужу.—Да вѣдь это они на новомъ кладбищѣ искали, а мнѣ батюшка мой говорилъ, что на старомъ есть какая-то могила, точно, что какой-то князь похороненъ... Не Голицынъ ли?

— Какое старое кладбище?—спохватились мы оба разомъ.—Гдѣ? Далеко ли отсюда?

— Да нѣтъ же? Вотъ тутъ и есть... Вы мимо проѣзжали... По за церковью,—у самой дороги.

— Батюшка! Поѣдемъ съ нами... Давайте розыскивать.

— Что жъ? Извольте:—поѣдемъ.

И онъ обязательно поѣхалъ съ нами на старое кладбище, которое расположено у самой дороги, на окраинѣ небольшого возвышенія, какъ кажется срѣзаннаго при проведеніи шоссе [1]). Кладбище

Могила князя М. А. Голицына въ селѣ Братовщинѣ.

заброшенное, заросшее бурьяномъ, крапивой и всякими сорными травами... Ни ограды, ни слѣда памятниковъ, или крестовъ. Кое-гдѣ, среди травы, бѣлѣются только какіе-то камни и возвышаются маленькіе бугорочки. Но вотъ, около избушки, поставленной также на краю срѣзаннаго возвышенія, мы видимъ нѣчто въ

[1]) Если ѣхать отъ Москвы, то не доѣзжая церкви, по той же правой сторонѣ дороги.

родѣ каменной скамьи. На этой скамьѣ сидятъ, около нея рѣзвятся и скачутъ, играютъ дѣти. Вовсе не предполагая, что это нагробный памятникъ, мы подходимъ къ каменной скамьѣ, и мой спутникъ, художникъ Лебедевъ, первый обращаетъ вниманіе на какую-т надпись на камнѣ и кричитъ намъ:

— Да вотъ не она ли это? Не та ли самая? Въ надписи говорится о какомъ-то Голицынѣ!

Подходимъ къ камню и на узкой боковой сторонѣ его читаемъ высѣченную надпись:

1775 году июня 18
числа скончался князь
Михаилъ Алексіевичъ Галицынъ
ѿ рожденія ево семе
десяти восьми летъ
а скончалъ векъ свой.

Эта надпись, которую я списалъ буквально съ камня, оказалась очень важною датою, опровергающею невѣрныя данныя Голицынскихъ родословій. Если князь Михаилъ Алексѣевичъ скончался 78-ми-лѣтнимъ старикомъ въ 1775 году — значитъ онъ родился въ 1697 году, а не въ 1687 году, какъ показываетъ Серчевскій, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о родѣ князей Голицыныхъ. Значитъ также, что онъ родился въ то время, когда его дѣдъ и отецъ (Алексѣй Васильевичъ) жили въ ссылкѣ, а не ѣхалъ съ ними въ ссылку двухъ-лѣтнимъ ребенкомъ, какъ разсказываютъ нѣкоторые біографы Голицыныхъ. Невѣрно показанъ у Серчевскаго, слѣдовательно, и годъ первой женитьбы Михаила Алексѣевича (1711); надо предполагать, что женился онъ ровно на десять лѣтъ позднѣе, т. е. въ 1721 году, когда ему всего было 24 года отъ роду. Невѣрно показаннымъ и у Серчевскаго, и у другого біографа [1]) оказывается и самый годъ смерти князя-шута, который, какъ видно изъ надписи на его гробницѣ, скончался не въ 1778 г., а въ 1775.

На память о нашихъ поискахъ, К. В. Лебедевъ зарисовалъ въ альбомъ могилу несчастнаго князя, и мы воспроизводимъ здѣсь его рисунокъ. Недурно было бы, конечно, еслибы потомки князя Михаила Алексѣевича вспомнили, взглянувъ на этотъ рисунокъ, о своемъ несчастномъ предкѣ и позаботились объ оградѣ для его скромнаго надгробнаго памятника.

П. Полевой.

---

[1]) Князь Н. И. Голицынъ, въ корректурныхъ листахъ родословія князей Голицыныхъ.

РАДИЩЕВСКІЙ МУЗЕЙ ВЪ САРАТОВѢ.

I.

ИЗЪ ВСѢХЪ русскихъ провинціальныхъ городовъ Саратову посчастливилось первому имѣть у себя художественно-промышленный музей.

Необходимость такихъ музеевъ съ рисовальными при нихъ школами, какъ разсадниковъ искусства, давно уже чувствуется самымъ настоятельнымъ образомъ. Для цѣлой массы ремесленныхъ производствъ рисованіе имѣетъ первенствующую важность: изящество рисунка кладетъ свою печать на издѣлія, поднимаетъ ихъ цѣну, увеличиваетъ сбытъ и, содѣйствуя возвышенію художественной культуры, способствуетъ и экономическому процвѣтанію страны. Это подтверждается, всего лучше, примѣромъ Англіи, которая, послѣ всемірной Лондонской выставки 1851 года, когда обнаружилось, что англійскія издѣлія далеко уступаютъ въ достоинствѣ издѣліямъ другихъ странъ, взялась за устройство музеевъ и рисовальныхъ школъ съ необыкновенной энергіей. На другой же годъ послѣ выставки былъ открытъ Кенсингтонскій музей въ Лондонѣ, а чтобы сдѣлать произведенія искусства болѣе доступными для жителей провинціи, были устроены подвижныя отдѣленія этого музея, такъ называемыхъ «tracnelling» для перевозки художественныхъ коллекцій изъ одной мѣстности въ другую. На устройство Кенсингтонскаго музея правительство отпустило 450.000 руб. сер. и частныя пожертвованія дали 750.000 руб. сер. Насколько сочувственно отнеслись къ развитію въ странѣ искусства англійскія

провинціи, видно изъ того, что въ городахъ стали учреждаться художественно-промышленные музеи, преимущественно попеченіемъ и на счетъ мѣстныхъ мануфактуристовъ. Въ теченіе десяти лѣтъ такихъ музеевъ устроено до сорока. Кромѣ того, открыто 92 школы съ 16.620 учащимися.

Что̀-либо подобное у насъ, пока, совершенно немыслимо, такъ какъ общество наше не сознаетъ еще огромнаго образовательнаго значенія искусства, считая его чуть не роскошью. Но и у насъ, къ счастью, находятся отдѣльныя лица, сдѣлавшія крупные вклады на дѣло проведенія въ массу художественныхъ знаній. Два имени въ этомъ отношеніи займутъ выдающееся мѣсто въ исторіи развитія русскаго художества: барона Александра Людвиговича Штиглица и профессора живописи Алексѣя Петровича Боголюбова. Основанное первымъ въ столицѣ центральное училище техническаго рисованія хотя и будетъ служить главнымъ образомъ Петербургу, но принесетъ несомнѣнную пользу и провинціи, готовя для нея учителей. Учрежденіе же А. П. Боголюбовымъ художественно-промышленнаго музея съ рисовальнымъ училищемъ въ Саратовѣ является прямо направленной къ цѣли помощью развить искусство тамъ, гдѣ оно находится въ наибольшемъ пренебреженіи—въ провинціи.

Приведенная теперь съ такимъ блестящимъ успѣхомъ въ исполненіе мысль устроить въ провинціи художественный музей явилась у А. П. Боголюбова давно, когда онъ еще изучалъ живопись въ Дюссельдорфѣ. Еще тогда онъ обратилъ вниманіе на ненормальность того явленія, что у насъ художественное образованіе и лучшія произведенія искусства сосредоточены только въ столицахъ, а въ провинціи почти нѣтъ ничего, способствующаго развитію вкуса и артистическихъ познаній въ обществѣ и народѣ. Онъ рѣшилъ употребить свои силы и средства на то, чтобы хоть сколько-нибудь измѣнить такой порядокъ вещей къ лучшему. Задумавъ это прекрасное дѣло, А. П. Боголюбовъ преслѣдовалъ намѣченную имъ цѣль неустанно и непреклонно въ теченіе всей своей многолѣтней художественной дѣятельности. Онъ собиралъ картины и другіе художественные предметы, покупая ихъ, вымѣнивая на свои произведенія и принимая въ видѣ дара отъ своихъ многочисленныхъ друзей, сочувствовавшихъ его намѣреніямъ. Наконецъ, въ 1877 г., онъ призналъ, что все пріобрѣтенное имъ представляетъ настолько солидное и обильное художественное собраніе, что уже наступило время начать переговоры объ учрежденіи музея. Въ первоначальныхъ своихъ намѣреніяхъ А. П. Боголюбовъ имѣлъ отдать художественныя коллекціи въ предположенный музей только послѣ своей смерти, обезпечивъ нужды музея и школы особымъ капиталомъ, но впослѣдствіи онъ это намѣреніе измѣнилъ, благо-

даря чему музей уже и существуетъ; капиталъ же, до 150.000 руб., явится посмертнымъ вкладомъ жертвователя.

Мѣстомъ для открытія музея А. П. Боголюбовъ назначилъ Саратовъ, какъ главный городъ губерніи, гдѣ родился извѣстный гуманистъ екатерининскаго времени, Александръ Николаевичъ Радищевъ, родной дѣдъ А. П. Боголюбова по матери, въ честь котораго онъ пожелалъ наименовать музей «Радищевскимъ». Имя Радищева занимаетъ на столько высокое мѣсто въ исторіи русской культуры, что мысль посвятить ему учрежденіе такого гуманитарнаго характера, какъ музей, должна быть признана въ высшей степени симпатичной. Наконецъ, Саратовъ былъ выбранъ А. П. Боголюбовымъ мѣстомъ для музея—какъ одинъ изъ видныхъ центровъ провинціи въ низовомъ Поволжьѣ.

Не имѣя еще прочныхъ связей съ Саратовомъ, А. П. Боголюбовъ сообщилъ задуманный имъ планъ учрежденія музея своему другу—члену государственнаго совѣта К. П. Побѣдоносцеву, который, въ декабрѣ 1877 года, обратился къ тогдашнему саратовскому губернатору М. Н. Галкину-Врасскому съ письмомъ и, увѣдомивъ о намѣреніяхъ А. П. Боголюбова, просилъ оказать содѣйствіе ихъ осуществленію. М. Н. Галкинъ-Врасскій отнесся къ сообщенію К. П. Побѣдоносцева съ горячимъ сочувствіемъ, и въ томъ же декабрѣ 1877 года пригласилъ городскую думу воспользоваться предложеніемъ Боголюбова въ интересахъ города и мѣстнаго края. Въ это же время къ саратовскому городскому головѣ поступило заявленіе гласныхъ И. Т. Миловидова, Г. Н. Юренева и З. И. Лисенко, въ которомъ они сообщили, что, находясь въ Петербургѣ, они представлялись К. П. Побѣдоносцеву и выслушали отъ него просьбу заявить предъ саратовскою городскою думою о желаніи А. П. Боголюбова передать въ собственность города его коллекціи картинъ и другихъ художественныхъ предметовъ съ тѣмъ, чтобы городъ устроилъ для нихъ помѣщеніе.

Возникшій такимъ путемъ въ Саратовскомъ городскомъ управленіи вопросъ объ учрежденіи музея разсматривался городскою думою въ засѣданіи 11-го января 1878 г. и вызвалъ единогласное постановленіе, которымъ предложеніе г. Боголюбова было принято, съ обязательствомъ устроить на средства города новое каменное зданіе для помѣщенія музея и школы рисованія при немъ.

Послѣ этого А. П. Боголюбовъ болѣе двухъ лѣтъ не дѣлалъ городу никакихъ напоминаній и вопросъ о музеѣ снова выступилъ на сцену въ 1880 году, когда М. Н. Галкинъ-Врасскій, оставившій уже къ этому времени Саратовъ, сообщилъ письмомъ городскому головѣ, что о составленіи плана на зданіе для музея г. Боголюбовъ просилъ своего товарища, профессора архитектуры Штрома.

Въ засѣданіи 21-го іюня 1880 г. дума выбрала мѣсто для зданія музея на Театральной площади и рѣшила послать г. Штрому

выкопировку плана какъ этого мѣста, такъ и другого, на Соборной площади. Въ этомъ же засѣданіи единогласно состоялся актъ о приглашеніи А. П. Боголюбова принять на себя званіе почетнаго гражданина города Саратова, имѣющій то важное значеніе, что съ этого момента необходимость устройства музея въ Саратовѣ уже дѣлалась окончательно признанною и становилась только вопросомъ времени.

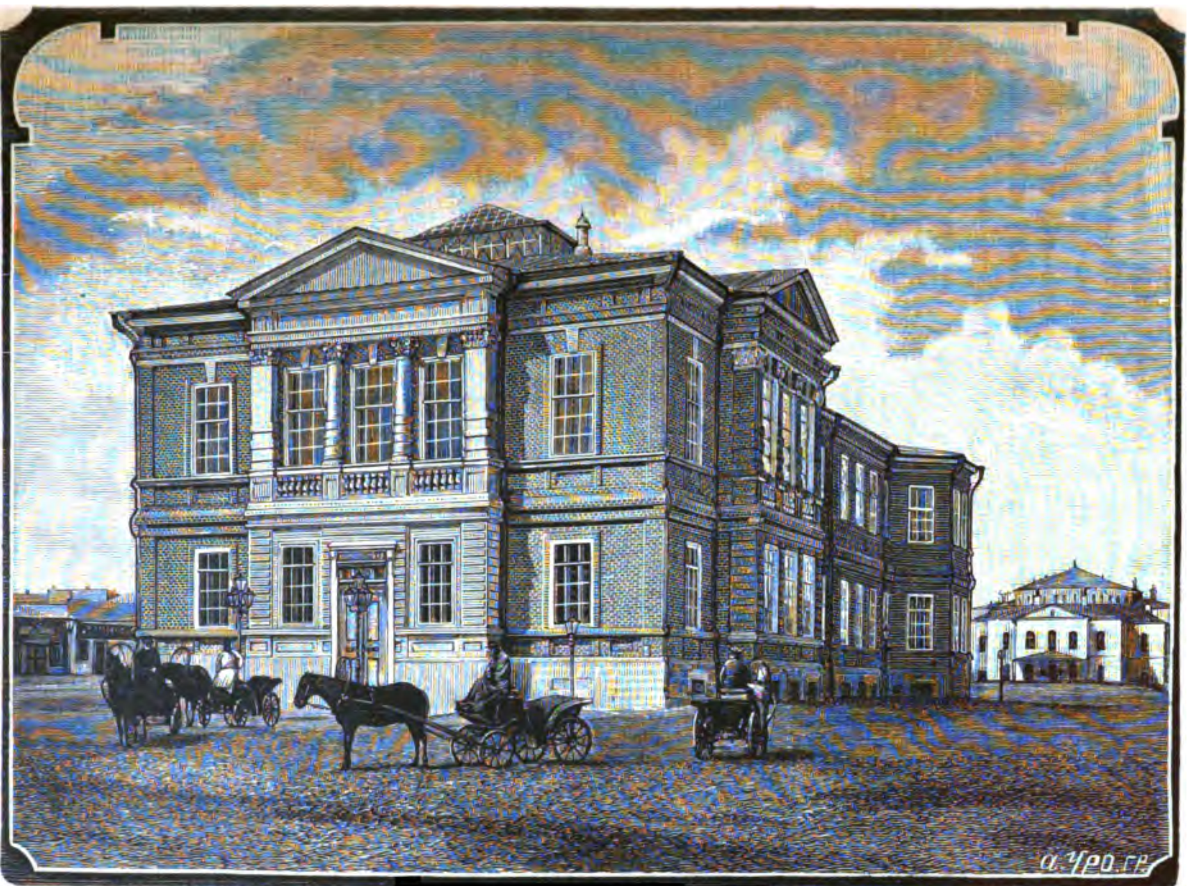
Когда отъ г. Штрома былъ полученъ одобренный г. Боголюбовымъ проектъ зданія для музея, городская дума, въ мартѣ 1882 г., разсмотрѣла смѣту, первоначально опредѣленную городскимъ архитекторомъ въ суммѣ 92.678 руб., кромѣ расхода на устройство близь музея лавокъ въ 11.670 руб. Въ апрѣлѣ было окончательно рѣшено строить зданіе на Театральной площади. Постройку поручено произвести хозяйственнымъ способомъ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ члена городской управы А. В. Пескова. Наблюденіе за работами было возложено на городского архитектора, гласнаго А. М. Салько, который посылался городомъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ составителемъ проекта г. Штромомъ относительно выполненія работъ.

Приступивъ немедленно къ заготовкѣ матеріаловъ, комиссія окончила ее въ апрѣлѣ 1883 г., а 1-го мая состоялась закладка зданія. Дальнѣйшія работы велись настолько успѣшно, что къ октябрю 1883 года комиссіей было израсходовано на зданіе уже 50.529 руб. и выяснено, что для всей постройки потребуется еще 50.470 руб., которые думой тогда же и ассигнованы. Впослѣдствіи сумма расходовъ на постройку была увеличена до 103.700 руб., изъ которыхъ образовался остатокъ до 1000 руб., употребленный потомъ на расходы по обстановкѣ музея.

Полная отдѣлка зданія была окончена къ маю 1885 г. Между тѣмъ были получены коллекціи г. Боголюбова, а также картины и вещи, высочайше дарованныя для музея. Въ первыхъ числахъ іюня пріѣхалъ въ Саратовъ А. П. Боголюбовъ и подъ его руководствомъ все содержимое музея было размѣщено въ зданіи на соотствующія мѣста къ 26 іюня.

27-го іюня духовная процессія, съ епископомъ Павломъ во главѣ, съ хоругвями и крестами, прослѣдовала изъ каѳедральнаго собора въ зданіе музея и состоялось его освященіе. Въ тотъ же день основатель музея, А. П. Боголюбовъ, показывалъ его гласнымъ городской думы и давалъ при этомъ самыя подробныя объясненія всѣхъ картинъ и вещей.

Окончательное открытіе музея произошло 29-го іюня и совершилось весьма торжественно въ присутствіи начальника губерніи, городскихъ гласныхъ, представителей всѣхъ вѣдомствъ и публики. Ровно въ 12 часовъ дня, по прибытіи духовенства и хора пѣвчихъ, въ большой актовой залѣ былъ отслуженъ молебенъ, по окончаніи



Радищевскій музей въ Саратовѣ.

котораго былъ пропѣтъ духовный концертъ. Затѣмъ публика заняла мѣста, и начальникъ губерніи, А. А. Зубовъ, обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой, объявивъ «Радищевскій» музей открытымъ, указалъ на его просвѣтительное значеніе для края и ту облагораживающую роль, какую музей, какъ храмъ искусства, можетъ и долженъ занять въ дѣлѣ воспитанія юношества. Затѣмъ предсѣдатель строительной комиссіи А. В. Песковъ прочиталъ краткій очеркъ возникновенія музея, послѣ чего братъ основателя музея, Н. П. Боголюбовъ, въ пространной рѣчи познакомилъ публику съ жизнью и дѣятельностью знаменитаго родственника своего—А. Н. Радищева:

«Милостивые государи и милостивыя государыни! Попечитель музея А. В. Песковъ, изложивъ предъ вами историческій обзоръ по его устройству, упомянулъ, что онъ получилъ названіе «Радищевскаго». Мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы познакомить васъ съ тѣми основаніями, которыя послужили къ тому, чтобы музей носилъ такой придатокъ.

«Радищевъ, памяти котораго посвящаются музей и школа, былъ человѣкъ далеко не заурядный. Въ нашей литературѣ онъ извѣстенъ какъ глубокій мыслитель и писатель. Въ средѣ служебной онъ слылъ за отличнаго юриста, опытнаго чиновника и безкорыстнаго человѣка. Въ сферѣ ученыхъ онъ выдавался изъ этой среды, какъ человѣкъ передовой того времени, обладавшій многосторонними знаніями. Помимо юриспруденціи онъ изучилъ философію, химію, медицину, исторію литературы европейской и отечественной. Онъ зналъ основательно языки: латинскій, англійскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій. Онъ перечиталъ всевозможныхъ классическихъ писателей и слѣдилъ, помимо своихъ служебныхъ занятій, за современной литературой иностранной и отечественной. Какъ свѣтскій, образованный человѣкъ, онъ зналъ музыку, самъ игралъ на скрипкѣ, былъ ловкимъ наѣздникомъ и танцоромъ, считался хорошимъ и счастливымъ стрѣлкомъ, однимъ словомъ—Александръ Николаевичъ Радищевъ былъ популярнѣйшимъ человѣкомъ своего времени.

«Радищевъ родился въ Саратовской губ., Кузнецкаго уѣзда, въ селѣ Аблязовѣ, 20-го августа 1749 года. Отецъ его имѣлъ 2,000 душъ. Когда пришло время дать сыну воспитаніе, онъ помѣстилъ его въ Пажескій корпусъ. Юный Радищевъ скоро выдвинулся изъ среды товарищей своими блестящими способностями и въ 1766 году посланъ былъ императрицей Екатериной II въ Лейпцигскій университетъ въ числѣ двѣнадцати избранныхъ молодыхъ людей для полученія высшаго образованія.

«Послѣдствія оправдали выборъ императрицы. Радищевъ, возвратясь въ Россію въ 1770 году, поступилъ на службу въ Сенатъ протоколистомъ съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Затѣмъ онъ перешелъ къ графу Александру Романовичу Воронцову, бывшему президентомъ коммерцъ-коллегіи, асессоромъ и до конца своей жизни, не смотря на всѣ житейскія невзгоды, пользовался его дружбой и покровительствомъ.

«Въ 1780 году, Радищевъ, уже извѣстный императрицѣ, какъ человѣкъ непоколебимой честности, назначенъ былъ помощникомъ къ завѣдывавшему петербургской таможней—Далю, человѣку старому, больному, плохо владѣвшему русскимъ языкомъ, и вообще неспособному. Хотя ему и поручено было составить новый тарифъ, но эта трудная работа исполнена была всецѣло Радищевымъ, который, помимо ея, управлялъ и таможней, а послѣ смерти Даля утвержденъ былъ

въ этой должности самой императрицей, не смотря на множество искателей, старавшихся получить это мѣсто, и награжденъ былъ чиномъ коллежскаго совѣтника и орденомъ св. Владиміра 4 степени.

«Любя литературу, Радищевъ свободные часы отъ дѣлъ посвящалъ ей постоянно: издалъ нѣсколько сочиненій и переводовъ и, какъ свободный мыслитель, не стѣсняясь, высказывалъ свои взгляды на пороки общественные и злоупотребленія, вкравшіяся въ сферу служебную.

«Такъ, управляя еще таможней въ 1789 г., онъ издалъ книгу, подъ названіемъ: «Поѣздка изъ Петербурга въ Москву», послужившую поводомъ къ неумолимому гоненію, окончившемуся тѣмъ, что онъ былъ лишенъ чиновъ, дворянства и сосланъ въ Сибирь, въ Илимскій острогъ. Это случилось въ разгаръ первой французской революціи.

«Многія изъ высказанныхъ Радищевымъ идей, какъ напр. освобожденіе крестьянъ, гласное судопроизводство, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія—въ настоящее время мы видимъ уже совершимися фактами, а о свободѣ торговли, которой онъ былъ горячій поклонникъ, свободѣ книгопечатанія и пр. ведется журнальная полемика безнаказанно. Скажу болѣе: даже книга его «Поѣздка изъ Петербурга въ Москву» была напечатана лѣтъ 12 тому назадъ съ небольшими лишь пропусками. Но Радищевъ, опередивши свой вѣкъ своими взглядами, пострадалъ и поплатился преждевременной кончиной.

«Во время ссылки Радищевъ женился во второй разъ. Онъ имѣлъ дѣтей и отъ перваго брака, но всѣ они умерли холостыми. Отъ второго брака въ Илимскѣ родились у него двѣ дочери и сынъ. Возвращенный изъ ссылки императоромъ Павломъ, онъ не былъ еще прощенъ и обязательно проживалъ въ родовомъ селѣ Нѣмцовѣ, Калужской губерніи.

«Императоръ Александръ I посмотрѣлъ иначе на опальнаго Радищева: онъ возвратилъ ему чины, дворянство, орденъ и какъ опытнаго юриста, опредѣлилъ въ комиссію для составленія законовъ, гдѣ Радищевъ успѣлъ составить проектъ гражданскаго уложенія, а для составленія уложенія уголовнаго собирался ѣхать въ Англію. Но судьбѣ угодно было пресѣчь полезную и безкорыстную дѣятельность Радищева и не дать времени оправдать оказанныя ему монархомъ милость и довѣріе. Здоровье его въ суровомъ заточеніи было надломлено и силы душевныя потрясены до основанія; онъ постоянно жаловался на разные недуги и, кромѣ того, страдая ипохондріей, кончилъ жизнь почти внезапно. Семья осиротѣла буквально, така какъ и вторая жена его скончалась на пути въ Россію, въ Тобольскѣ.

«Императоръ, узнавъ о тяжкой болѣзни Радищева, присылалъ къ нему двухъ лейбъ-медиковъ, въ томъ числѣ извѣстнаго Виллье, но помощь ихъ была безполезна. Онъ скончался 12-го сентября 1802 года.

«Едва государь узналъ о кончинѣ полезнаго слуги своего, какъ повелѣлъ: малютокъ-дѣтей и именно дочерей принять въ Смольный монастырь, а сына — во Второй кадетскій корпусъ.

«Изъ нихъ сынъ Аѳанасій Александровичъ хотя и былъ женатъ, но скончался въ преклонной старости генералъ-лейтенантомъ бездѣтнымъ, въ родовомъ селѣ Аблязовѣ, въ октябрѣ 1881 г. Изъ дочерей только одна Ѳекла Александровна вышла въ 1820 году за полковника Боголюбова—нашего отца. И такъ, братъ мой, Алексѣй Петровичъ и я—прямые потомки Александра Николаевича Радищева. Мы оба бездѣтны.

«Когда брату моему пришла мысль основать художественный музей и при

немъ школу техническаго рисованія и пополнить первый своимъ художественнымъ имуществомъ, то онъ обратился съ этимъ къ г. Саратову, какъ представителю родины Радищева, и провелъ въ то же время мысль о посвященіи храма изящныхъ искусствъ памяти передового человѣка минувшаго столѣтія, а нашего родного дѣда. Городъ отозвался сочувственно къ его завѣтной мысли, и вотъ, милостивые государи и государыни, почему музей именуется нынѣ «Радищевскимъ».

Послѣднимъ говорилъ основатель музея А. П. Боголюбовъ. Вышелъ онъ къ каѳедрѣ взволнованный торжествомъ событія и исполненіемъ своей завѣтной цѣли. Начавъ съ того, что мысль объ устройствѣ саратовскаго музея встрѣтила высокое покровительство государя императора, онъ обратился къ саратовцамъ съ слѣдующими словами:

«Глубокоуважаемые граждане г. Саратова. Вы поняли мою мысль, вы дали средства завершить ее, а потому дѣло мое и ваше составляетъ наше общее дѣло. Мы стремились къ нему съ одинаковымъ рвеніемъ. Богъ помогъ намъ осуществить его, и мнѣ остается лишь принести вамъ мою живѣйшую благодарность за осуществленіе первой половины нашей общей задачи и пожелать, чтобы и вторая ея половина, т. е. открытіе школы, осуществилась такъ же скоро и благополучно, какъ и открытіе самаго музея, дабы прекрасное цѣлое послужило на пользу нашей любезной и дорогой родины».

Послѣ того присутствующими былъ подписанъ актъ объ открытіи музея, а начальникомъ губерніи, по просьбѣ представителей городского управленія, была послана телеграмма на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ просьбою повергнуть предъ государемъ императоромъ всеподданѣйшія чувства признательности города за всемилостивѣйшія пожалованія, обогатившія вновь открытый музей.

Въ тотъ же день, 29-го іюня, городомъ данъ обѣдъ въ честь основателя музея, А. П. Боголюбова, въ залѣ коммерческаго клуба, украшенномъ зеленью и цвѣтами, изъ которыхъ былъ свитъ вензель государя императора, вензель виновника торжества, А. П. Боголюбова, и годъ «1885»,—памятный въ исторіи Саратова такимъ выдающимся событіемъ, какъ открытіе «Радищевскаго» музея.

Изъ сказанныхъ за обѣдомъ рѣчей приведемъ здѣсь только одну, произнесенную заступающимъ мѣсто городского головы И. Я. Славинымъ, весьма удачно очертившимъ въ ней данный моментъ и достойно выразившимъ чествованіе основателя музея А. П. Боголюбова:

«Сегодня—сказалъ г. Славинъ—мы были свидѣтелями и участниками событія, которое будетъ имѣть несомнѣнное значеніе въ исторіи нашего города и, пожалуй, даже цѣлаго края. Сегодня мы восприняли первый провинціальный художественный музей. Мы, слишкомъ близко стоящіе къ этому историческому факту, не въ состояніи въ настоящее время сдѣлать надлежащую оцѣнку значенія этого факта и всѣхъ послѣдствій, изъ него вытекающихъ. Пройдутъ года съ нынѣшняго дня, минуютъ десятилѣтія, столѣтія пронесутся надъ нашимъ музеемъ, можетъ быть новые вклады, болѣе цѣнные во всѣхъ отношеніяхъ, по-

ступять въ него; можетъ быть изъ него, какъ изъ неизсякаемаго источника, польется въ массу широкой, живоносной волной художественное образованіе. Но это дѣло будущаго. Въ данное время для насъ несомнѣнно одно... Пройдутъ года; на смѣну намъ придутъ новые дѣятели на поприще служенія общимъ интересамъ; скромныя имена насъ, случайныхъ маленькихъ сотрудниковъ этого большого дѣла, забудутся, затуманятся отъ времени. Но не забудется и не затуманится одно имя. Имя это яркой путеводной звѣздой будетъ блестѣть для всѣхъ работниковъ и радѣтелей на Божьей нивѣ родного искусства, негасимымъ свѣточемъ будетъ горѣть оно въ исторіи нашего музея и изъ тьмы вѣковъ лучи этого свѣточа упадутъ на самыя отрадныя страницы исторіи нашего города. Имя это, господа, у всѣхъ у насъ на устахъ. Это имя учредителя и основателя музея, нашего почетнаго гражданина, Алексѣя Петровича Боголюбова, за котораго я еще разъ и предлагаю тостъ».

Рѣчь эта была встрѣчена общимъ восторгомъ и вызвала одушевленныя оваціи присутствующихъ въ честь виновника торжества А. П. Боголюбова.

На другой день, 30-го іюня, Радищевскій музей былъ открытъ безплатно для публики. Къ десяти часамъ утра къ музею собралась огромная толпа народа въ нѣсколько тысячъ, одновременный доступъ которой не могъ быть дозволенъ по невозможности вмѣстить ее въ зданіе музея. Впускалось за разъ по 500—600 человѣкъ, но всѣмъ желающимъ войти въ музей въ этотъ день не удалось его осмотрѣть. Всего до трехъ часовъ дня въ музеѣ перебывало 2700 посѣтителей.

II.

Вслѣдъ за открытіемъ музея всѣ его коллекціи были подвергнуты систематизаціи, которая дала 25 группъ наполняющихъ музей предметовъ: I-я изъ нихъ, самая главная и самая цѣнная, состояла изъ картинъ и этюдовъ, исполненныхъ масляными красками, въ числѣ 285 экземпляровъ. Изъ нихъ 30 картинъ поступили изъ императорскаго Эрмитажа, 27 картинъ (и 12 этюдовъ натурнаго класса для рисовальной школы) изъ императорской Академіи Художествъ, девять картинъ отъ жертвователей: Ф. А. Бронникова, М. П. Боткина, П. М. Третьякова, К. И. Радищевой, Л. С. Киндякова, Артели с.-петербургскихъ художниковъ, двухъ саратовцевъ-академиковъ—А. А. Харламова и Ѳ. С. Журавлева; остальные 207 картинъ и этюдовъ даны музею А. П. Боголюбовымъ и изъ нихъ 118—его произведенія. Мы здѣсь не будемъ подробно перечислять авторовъ поступившихъ въ музей картинъ, а только скажемъ, что въ числѣ ихъ имѣются прекрасно исполненныя копіи и оригиналы знаменитѣйшихъ мастеровъ XVI, XVII и XVIII столѣтій, школъ итальянской, испанской, нѣмецкой, фламандской и голландской, и новѣйшіе представители школъ нѣмецкой, французской и русской, которая была представлена довольно полно 49 авторами; иностранныхъ авторовъ имѣлось 57.

II и III группы заключали въ себѣ живопись клеевыми и водяными красками (акварели) и рисунки сепіей, тушью, перомъ и карандашемъ. Всѣхъ работъ этого рода при открытіи музея было 380 экземпляровъ, изъ которыхъ 306 подарены А. П. Боголюбовымъ и въ нихъ 244—его работы. Изъ мѣстныхъ жителей при открытіи музея художникъ Д. Н. Россовъ подарилъ три акварели своей работы, и Ю. К. Нейпертъ пожертвовала прекрасную миніатюру-акварель XVIII вѣка.

IV, V и VI группы состояли изъ гравюръ, офортовъ, литографій, фотографій и альбомовъ. Въ нихъ вошло 117 предметовъ, изъ которыхъ 102 даны А. П. Боголюбовымъ. Между альбомами есть весьма цѣнныя и рѣдкія изданія: поступившіе отъ А. П. Боголюбова офорты Форстера, акватинты и офорты Гравезанда, гравюры Чемезова и «Собраніе каррикатуръ» Гогарта и отъ В. В. Стасова «Восточный и славянскій орнаментъ».

VII—отдѣлъ скульптуры и VIII каменныя издѣлія заключали въ себѣ—первый 36, а второй 51. Изъ скульптуръ 4 даны Эрмитажемъ, 23 А. П. Боголюбовымъ и 7 разными лицами и въ томъ числѣ саратовцами: Л. Н. Дехановымъ, Г. Д. Языковымъ, А. Н. Минхомъ и А. П. Честновымъ. Изъ 51 вещи каменныхъ издѣлій 47, на сумму 11,830 руб., отпущены изъ запасовъ императорскихъ гранильныхъ фабрикъ.

IX и X—фарфоръ, фаянсъ, терракоты и образцы матеріаловъ фарфороваго производства составились изъ 25 вещей, на сумму 1050 руб., высланныхъ Эрмитажемъ, 151 вещи, поступившихъ отъ А. П. Боголюбова, и изъ другихъ пожертвованій, изъ которыхъ замѣчательно блюдо XVIII вѣка, подаренное Э. К. Ульрихъ. Въ числѣ фарфоровыхъ вещей имѣлось 51 русской керамики (живопись по фарфору) и изъ нихъ 34 кисти А. П. Боголюбова. Отъ него поступило много стариннаго фарфора: севрскаго, саксонскаго, китайскаго и старыхъ дельфтскихъ фабрикъ.

XI и XII—стекло и матеріалы стекляннаго производства. Въ эти группы вошли 84 предмета, изъ которыхъ 28, на 330 руб., получены изъ Эрмитажа, 37 отъ А. П. Боголюбова, давшаго рѣдкіе экземпляры венеціанскаго и рейнскаго стекла XVII и XVIII вѣковъ и, между прочимъ, окно изъ росписного стекла работы академика В. Е. Сверчкова, стоимостью въ 1500 руб. Въ остальныхъ 19 предметахъ заключаются матеріалы стекляннаго производства (10) и вещи, поступившія отъ города и гг. А. П. Троицкаго, Н. Я. Залетова и В. М. Воронцова—саратовцевъ.

Группы XIII золотыя и серебряныя вещи (51), XIV бронза (77 вещей), XV олово, желѣзо и чугунъ (7 в.), XVI рѣзное дерево и кость (18 в.), XVII утварь и мебель (207 в.), XVIII модели и клише (5 в.), XIX ткани, гоблэны и ковры (152 в.) и XX вооруженіе (12 в.) составились главнымъ образомъ изъ пожертвованій А. П. Боголюбова, доставившаго изъ общаго числа 519

вещей 353 рѣдкихъ образца произведеній разныхъ странъ и при томъ очень древнихъ (есть одна византійская эмаль XI вѣка).

XXI группа—монеты и ассигнаціи и XXII—медали и знаки, взятыя вмѣстѣ, составляли при открытіи музея довольно видную нумизматическую коллекцію, главные вклады въ которую сдѣланы И. А. Новиковымъ, В. М. Воронцовымъ, А. Н. Минхомъ и Г. Н. Юреневымъ; послѣднимъ пожертвовано собраніе монетъ изъ 920 экземпляровъ и въ томъ числѣ 551 серебряныхъ. Затѣмъ, весьма цѣнный даръ поступилъ отъ императорской Археологической комиссіи: 349 серебряныхъ, научно опредѣленныхъ, золотоордынскихъ монетъ изъ клада, найденнаго близь с. Воскресенскаго, Вольскаго уѣзда. Всѣхъ монетъ при открытіи музея было 2048 и медалей 40.

XXIII группа состояла изъ 55 вещей этнографическо-археологическаго характера, изъ которыхъ 47 даны А. П. Боголюбовымъ и заключались въ предметахъ, добытыхъ изъ раскопокъ; XXIV—естественно-историческая (минералы и окаменѣлости) заключалась въ 55 экземплярахъ и начало ей положилъ саратовецъ, писатель И. А. Саловъ, подарившій коллекцію рудъ и камней, 34 образца.

Наконецъ, XXV отдѣлъ—библіотека музея—открылся при 80 названіяхъ въ 170 томахъ книгъ и рукописей. Между прочимъ, получено: отъ А. П. Бахрушина изъ Москвы рукописный экземпляръ сочиненія А. Н. Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», отъ А. Г. Рубинштейна его манускриптъ «Памяти Скобелева», фантазія для оркестра, и отъ П. В. Жуковскаго (сына поэта) двѣ рукописи поэта Пушкина и одна поэта Жуковскаго.

Всего при своемъ открытіи музей имѣлъ 3979 предметовъ, число которыхъ въ первые же три года существованія музея увеличилось до 7681. Несомнѣнно, что даже въ первоначальномъ своемъ видѣ «Радищевскій» музей представляетъ собою образцовое художественное хранилище въ русской провинціи.

Въ недалекомъ будущемъ при музеѣ должно открыться училище техническаго рисованія, уставъ котораго уже выработанъ. Средства на первоначальное обзаведеніе училища имѣются и сформировались изъ пожертвованій С. С. Полякова (2000 р.) и А. С. Суворина (1312 р.), обезпеченіе же текущихъ нуждъ училища, при пособіи отъ города, изъявилъ согласіе принять на себя основатель музея А. П. Боголюбовъ (городъ наименовалъ училище «Боголюбовскимъ»). Съ открытіемъ училища и музей долженъ пріобрѣсти еще большее значеніе, какъ разсадникъ искусства въ такой мѣстности Россіи, которая имѣя всѣ задатки для развитія художественной культуры, до сихъ поръ была въ этомъ отношеніи совершенно обездолена.

А. Кущъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Томы I и II. Литературные очерки и портреты. Спб. 1889.

ОТЯ Г. СПАСОВИЧЪ въ предисловіи къ своимъ очеркамъ и портретамъ заявляетъ, что онъ только «въ свободное время», т. е. между дѣломъ, интересовался вопросами искусства, изучая великихъ писателей, въ особенности поэтовъ, что, слѣдовательно, на его опыты литературной критикѣ нужно смотрѣть, какъ на занятіе для автора не главное,— однако, такая рекомендація, предпосланная первымъ двумъ томамъ, не болѣе и не менѣе какъ излишняя скромность ибо г. Спасовичъ критикъ безспорно талантливый и выдающійся. Его извѣстность литературная, пожалуй, меньше извѣстности адвокатской; но несомнѣнно, что она прочнѣе и солиднѣе. Г. Спасовичъ одаренъ способностью писать очень сжато и мѣтко; въ этомъ отношеніи незамѣнимымъ средствомъ для него является его яркій, метафорическій, почти художественный языкъ. Далѣе, г. Спасовичъ умѣетъ схватывать самую сущность разбираемаго произведенія и анализировать ее очень проницательно и толково. Критическій методъ г. Спасовича наиболѣе удачный: это—методъ историко-біографическій; авторъ не разрубаетъ на двѣ половины писателя и человѣка, а разсматриваетъ ихъ во взаимодѣйствіи; біографическіе факты изъ жизни разбираемыхъ писателей служатъ г. Спасовичу нерѣдко счастливымъ средствомъ для освѣщенія той или другой стороны извѣстнаго таланта или извѣстнаго произведенія; историческая же точка зрѣнія помогаетъ критику многое объяснить, а подчасъ и извинить въ разбираемомъ писателѣ, чего съ иной постановкой вопроса не удалось бы сдѣлать.

Правда, критическій анализъ г. Спасовича подчасъ дѣлается черезчуръ мелочнымъ и придирчивымъ, а языкъ метафорическій переходитъ подчасъ въ реторическій. Но эти недостатки не важны, сравнительно съ болѣе круп-

ными, которые отчасти уже отмѣчены другими рецензентами,—о не замѣченныхъ же мы сейчасъ скажемъ. Эти недостатки—сильное пристрастіе ко всему польскому и являющаяся отсюда тенденціозность во взглядахъ на многое и многихъ въ сферѣ исторіи литературы. Затѣмъ, въ критикѣ замѣтно также пристрастіе и къ байронизму.

Г. Спасовичу однимъ изъ рецензентовъ его сочиненій было очень дѣльно замѣчено, что онъ напрасно старается изобразить изъ себя «вѣтки хмѣля, перескакивающаго съ одного берега на другой», т. е. съ польскаго на русскій и обратно, ибо въ критикѣ его очень мало пониманія русской народности. О польской же, напр. въ лицѣ Мицкевича, г. Спасовичъ говоритъ въ панегирическомъ тонѣ и съ пониманіемъ. Въ этомъ убѣжденіи читатель утверждается, прочитавъ съ одной стороны, въ первомъ томѣ, очерки—«Владиславъ Сырокомля» (Людвигъ Кондратовичъ), «Мартинъ Матушевичъ» и его мемуары, «Винцентій Поль и его поэзія»,—а во второмъ томѣ очерки— «Мицкевичъ въ раннемъ періодѣ его жизни (до 1830 г.), какъ байронистъ» и «Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго»; съ другой стороны—въ томъ же первомъ томѣ—краткую, но весьма характерную въ извѣстномъ отношеніи рѣчь «О Пушкинѣ», а во второмъ томѣ очерки «Байронизмъ у Пушкина» и «Байронизмъ у Лермонтова». Начнемъ съ конца, т. е. съ отношенія г. Спасовича къ русскимъ великимъ поэтамъ.

Г. Спасовичъ находитъ, что Пушкинъ «былъ по преимуществу веселый человѣкъ» (I, 210) и что критикъ не можетъ видѣть въ Пушкинѣ «образецъ великаго гражданина, образецъ героя» (ib., 211); далѣе г. Спасовичъ заявляетъ, что Пушкинъ «создатель поэтическаго языка», «настоящій чародѣй»— и только. Кромѣ того, критикъ заявляетъ, что ему нѣтъ дѣла до того «полумиѳическаго Пушкина», какимъ онъ былъ изображенъ въ рѣчи Достоевскаго. Поэтому, очевидно, что народность Пушкина г. Спасовичъ считаетъ чѣмъ-то «полумиѳическимъ»; а вотъ и доказательсто: «Лермонтовъ, говоритъ г. Спасовичъ (II, 370), считалъ Пушкина не національно-русскимъ, а общеевропейскимъ поэтомъ, какимъ Пушкинъ и былъ въ дѣйствительности». Или вотъ еще доказательство (II, 340): Пушкинъ, по мнѣнію г. Спасовича, по очереди подпадалъ вліянію то Байрона, то Шекспира, то Данта. «Въ концѣ концовъ это вліяніе... перешло въ легкую, трудноуловимую зыбь. Бывали времена, когда поэтъ отъ этого вліянія совсѣмъ освобождался,—и тогда онъ былъ вполнѣ независимъ, своеобразенъ, какъ причудливыя созданія народной или шекспировской фантазіи—воздушный сильфъ игривый Пукъ или—безподобный Аріель». О національномъ же значеніи Пушкина ни слова. Приведенныя цитаты на столько характерны, что не нуждаются въ коментаріяхъ. Въ мнѣніяхъ г. Спасовича въ сущности нѣтъ ничего новаго: такіе взгляды были высказаны еще Чернышевскимъ въ началѣ 50-хъ годовъ, повторялись Добролюбовымъ, были возведены въ перлъ нелѣпости Писаревымъ, а теперь пережевываются дряхлыми поклонниками утилитарно-публицистической школы въ русской критикѣ. Эти предвзятые и узкіе взгляды на великаго русскаго поэта пора бы давно сдать въ архивъ. Повтореніе же ихъ въ устахъ г. Спасовича доказываетъ только непониманіе имъ самыхъ глубокихъ и національныхъ твореній Пушкина. Конечно, приходится объ этомъ только пожалѣть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтить, что, повидимому, г. Спасовичъ цѣнитъ во всѣхъ поэтахъ, исключая поль-

скихъ, ихъ космополитичность и радикализмъ. Такъ о Лермонтовѣ г. Спасовичъ говоритъ (II, 373): «Не будь Байрона и его вліянія—изъ Лермонтова вышелъ бы, можетъ быть, крупный поэтъ, не очень высокаго полета съ узкимъ національнымъ направленіемъ, сильно державшійся за родную почву множествомъ корней, а потому и популярный и любимый. Подъ вліяніемъ Байрона изъ Лермонтова выработался поэтъ высокаго полета, но космополитическій». Такимъ образомъ ясно, что г. Спасовичу русская національность несимпатична и кажется узкой. Лермонтовъ потому только великъ, что былъ Байронъ; а не будь послѣдняго, Лермонтовъ не былъ бы Лермонтовымъ. Не правда ли странная и тенденціозная логика?

Если же мы обратимся теперь къ польскимъ поэтамъ, которыхъ разбираетъ г. Спасовичъ, то замѣтимъ къ нимъ совершенно иное отношеніе, чѣмъ къ поэтамъ русскимъ. Такъ, Мицкевича г. Спасовичъ называетъ «національнымъ Тиртеемъ» (II, 220), про Сырокомлю-Кондратовича критикъ говоритъ безъ всякой тѣни упрека, что онъ ставилъ «своей цѣлью и задачей быть не только національнымъ, но, и въ особенности—народнымъ», т. е. простонароднымъ (I, 4); про Винцентія же Поля г. Спасовичъ съ большимъ сочувствіемъ замѣчаетъ, что «никто сильнѣе Поля не провозгласилъ великихъ истинъ» что «надо въ дому у себя быть своей силой».—«И въ вѣрѣ отцовъ, и въ разной одеждѣ», и также что «Изъ рода въ родъ перейдутъ и Богъ, и память дѣлъ,—родное слово и родная совѣсть», т. е. польское слово и польская совѣсть. Такимъ образомъ, ясно, что польскимъ поэтамъ г. Спасовичъ ставитъ въ заслугу ихъ національзмъ и даже народность, а въ русскихъ эти качества или не признаетъ (въ Пушкинѣ), или говоритъ, что они подрѣзали бы поэтическія крылья (Лермонтову).

Кромѣ этюдовъ о польскихъ и русскихъ поэтахъ, г. Спасовичемъ во второмъ томѣ помѣщенъ довольно обширный очеркъ «Байронъ и нѣкоторые его предшественники». Это, какъ намъ кажется, наиболѣе удачная и блестящая вещь изъ всѣхъ остальныхъ. Г. Спасовичъ—поклонникъ Байрона; онъ всесторонне и внимательно изучилъ не только творенія британскаго великаго поэта, но и литературу о немъ. Положимъ, что въ общихъ своихъ выводахъ о Байронѣ г. Спасовичъ высказываетъ мало новаго—критическіе взгляды на поэта уже установились,—но въ частностяхъ, въ этой превосходной статьѣ разсыпано много тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній. Здѣсь богатое эстетическое чутье г. Спасовича не затемняется ни польскими симпатіями, ни русскими антипатіями. **С. Т—чевъ.**

Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г., біографическіе очерки А. В. Экземплярскаго. Томъ первый. Спб. 1889.

«Цѣль настоящаго труда—дать занимающимся русскою исторіею справочную книгу для одного изъ самыхъ важныхъ, и любопытныхъ, но едва ли, можно сказать, вполнѣ изслѣдованныхъ и обработанныхъ періодовъ русской исторіи, періода татарскаго». Такъ говоритъ авторъ въ началѣ своего предисловія, а потому мы должны разсмотрѣть его книгу только какъ справочное пособіе. Вся книга распадается на слѣдующіе отдѣлы: Владимірскіе великіе князья, Владиміро-Московскіе, просто московскіе, Новгородская и

Псковская земли; въ этихъ пяти отдѣлахъ авторъ старается изложить всѣ событія исторической жизни сѣверной Руси, насколько ихъ можно пріуро чить къ тому иль другому великому князю, слѣдовательно примѣняя преимущественно біографическій способъ изложенія. Конечно, отъ этого способа пришлось уклониться, когда рѣчь пошла о вольныхъ городахъ, пользовавшихся исключительнымъ правомъ избирать и изгонять своихъ князей. При этомъ впереди перваго, четвертаго и пятаго отдѣловъ помѣщены краткіе очерки Владимірскаго княжества съ Юрія Долгорукаго, Новгорода и Пскова со времени ихъ основанія. Получилась объемистая книга въ тридцать почти листовъ, въ которой многія страницы неизбѣжно повторяются, такъ какъ приходится по нѣсколько разъ говорить объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ; прагматизмъ исчезаетъ, такъ какъ весь трудъ невольно разбивается на клѣточки съ ярлычками: «Иванъ Калита», «Дмитрій Донской» и т. д. Кромѣ того, предлагаемыя біографіи не имѣютъ законченности и цѣльности, читатель не выясняетъ себѣ ни личности князя, ни окружающей его среды, ни характеристики эпохи; черезъ это дѣлается понятнымъ, что трудъ г. Экземплярскаго есть первобытная компиляція, за которую мы можемъ сдѣлать комплиментъ автору, что онъ очень усидчивъ и кропотливъ въ работѣ, болѣе или менѣе внимательно подобралъ матеріалъ, но «своего» мы не видимъ, слѣдовательно автора нѣтъ, остался одинъ компиляторъ. На основаніи этого входить въ разсмотрѣніе содержанія книги не представляется возможности, но такъ какъ книга предназначена быть справочною, то слѣдуетъ посмотрѣть, насколько правильны указанія хронологическія и родословныя. Ссылаясь на Мальгина и Лелевеля, авторъ говоритъ, что дочь Ярослава 2 Всеволодовича, Евдокія, была за польскимъ королемъ Лешко 1 Бѣлымъ; это очевидная нелѣпость: Ярославъ 2 родился 8 февраля 1191 года, а жена короля была уже матерью въ 1211 году, выйдя замужъ въ 1208 году, когда еще Ярославъ 2 не былъ даже женатъ; насколько намъ извѣстно, жена Лешко 1 была Гренислава (но не Евдокія), дочь бѣльзскаго князя Александра Всеволодовича, двоюроднаго брата Даніила Галицкаго. У великаго князя Святослава Всеволодовича авторъ указываетъ только одного сына, тогда какъ ихъ было два сына и одна дочь. Когда родился первый московскій князь Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ, по книгѣ г. Экземплярскаго не видно, хотя извѣстно, что онъ родился въ 1229 году. Такой же пропускъ относительно Андрея 2 Ярославича, родоначальника князей Шуйскихъ, родившагося въ 1217 году, автору почему-то хочется увѣрить, что Александръ Невскій (род. 20 мая 1220 года) былъ старше брата его Андрея 2, упуская изъ вида, что вся борьба потомковъ Андрея 2 съ потомками Александра Невскаго происходила во имя того, что первые признавали право старшинства (какъ установившійся обычай) выше воли монгольскаго владыки на берегахъ Амура, который призналъ великимъ княземъ болѣе понравившагося ему Александра. Сомнѣваясь въ томъ, что Андрей 2 былъ женатъ на Устиньѣ, дочери Даніила Галицкаго, авторъ утверждаетъ, что лѣтописи перепутали, такъ какъ Устинья была женою Андрея Ярославича Угличскаго; между тѣмъ, такого князя во всей родословной Рюриковичей днемъ съ огнемъ не найти; намъ извѣстенъ въ эту эпоху только угличскій князь Андрей Владиміровичъ, сынъ Владиміра Константиновича Угличскаго, двоюроднаго брата Александра Невскаго. Великій князь Дмитрій 2 Михайловичъ родился 15 сентября 1298 года, а по автору онъ годомъ моложе. Когда родился Иванъ 1

Калита, авторъ совершенно не указываетъ, хотя извѣстно, что онъ родился въ 1282 году. Относительно Семена Гордаго авторъ дѣлаетъ чуть не алгебраическія вычисленія, чтобы указать на 1316 годъ, какъ на годъ его рожденія, хотя извѣстно, что онъ родился 7 сентября 1315 года. У великаго князя Ивана 2 авторъ указываетъ одну дочь, неизвѣстную по имени, вышедшую замужъ за какого-то Дмитрія Коріатовича, внука Гедимина; въ родословной же таблицѣ, помѣщенной въ концѣ книги, является и вторая дочь Анна, жена Дмитрія Михайловича Боброка, знаменитаго участника Куликовской битвы. Такимъ образомъ, изъ одной бани получаются разныя вѣсти и справляющійся недоумѣваетъ, чему больше вѣрить: тексту или таблицѣ? Вопросъ разрѣшается очень просто: г. Экземплярскому не пришло въ голову справиться съ родословіемъ Гедиминовичей, а то онъ увидилъ бы тамъ, что у Гедимина отъ третьей жены Явны Ивановны было два сына: Явнутъ и Коріатъ, въ православіи Иванъ и Михаилъ; у этого Коріата-Михаила изъ числа семи сыновей былъ Дмитрій, получившій удѣлъ на Волыни, откуда онъ, вслѣдствіе притѣсненій отъ родственниковъ, ушелъ «на Москву», гдѣ онъ сохранилъ свои прозвища Волынца и Боброка. Такимъ образомъ выясняется, что Дмитрій Коріатовичъ и Дмитрій Михайловичъ одно и то же лицо; г. Экземплярскій этого не зналъ и поэтому сочинилъ Ивану 2 вторую дочь. Всѣ указанные, а также и не указанные, промахи внушаютъ мало довѣрія къ труду г. Экземплярскаго, какъ къ справочной книгѣ.

А. Б—въ.

Тверь въ XVII вѣкѣ. Историческій и археологическій путеводитель по г. Твери. Изслѣдованіе Н. Н. Овсянникова. Тверь. 1889.

Главнымъ источникомъ для изслѣдованія г. Овсянникова послужили, какъ это онъ самъ заявляетъ въ первой главѣ своего труда, двѣ писцовыя книги, одна 1625—1626 гг. и другая 1685—1686 г. Первая представляетъ собой выписку изъ писцовыхъ книгъ Твери Потапа Нарбекова, которой въ настоящее время нѣтъ даже въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и которая теперь представляетъ изъ себя большую рѣдкость. Естественно, что изслѣдованіе, сдѣланное на основаніи этихъ рѣдкихъ и не всякому доступныхъ документовъ, должно имѣть нѣкоторое значеніе и интересъ тѣмъ болѣе, что, какъ говоритъ авторъ, «занимаясь изученіемъ этихъ двухъ историческихъ памятниковъ», онъ не думаетъ «пересказать подробно одно ихъ содержаніе» и хотя не имѣетъ въ виду «возстановить городъ Тверь въ XVII в. во всѣхъ подробностяхъ съ обозначеніемъ на планѣ всѣхъ улицъ, церквей, дворовъ, домовъ», но за то берется опредѣлить «исторически сложившійся допетровскій видъ города, насколько онъ выясняется изъ названныхъ выше писцовыхъ книгъ и другихъ источниковъ».

Въ концѣ XVII в., г. Тверь, какъ это показываетъ изслѣдованіе, по своему устройству нисколько не отступала отъ общаго типа древне-русскихъ городовъ. Она состояла изъ крѣпости-дѣтинца (кремля) и четырехъ небольшихъ посадовъ: Загородскаго, Зарьмацкаго, Затверецкаго и Заволжскаго. Крѣпость, какъ это видно изъ писцовыхъ книгъ, а также плана Твери, сдѣланнаго Олеаріемъ въ XVII в. и приложеннаго къ его сочиненію «Neun Orientalische Reise» (Schleswig 1647, стр. 7), была окружена рвомъ, ва-

ломъ и тыномъ съ 11 башнями и 4 воротами. За стѣнами, въ кремлѣ, находилась «патрональная святыня» Твери—соборъ св. Спаса, построенный въ 1285 г. при вел. кн. Михаилѣ Ярославичѣ на мѣсто сгорѣвшей деревянной церкви свв. Козьмы и Дамьяна. Главной святыней этого храма являются мощи тверскаго князя Михаила Ярославовича, погибшаго въ 1519 г. въ Ордѣ. Храмъ этотъ въ XVII в. былъ богатъ разнаго рода утварью, которая очень подробно описана г. Овсянниковымъ, благодаря полнотѣ главнаго его источника. Не менѣе богатъ «Спасъ Златоверхій» и историческими воспоминаніями, тѣсно съ нимъ связанными. Въ немъ въ 1486 г. присягали тверскіе князья и бояре Іоанну III, который въ томъ же году, спустя нѣкоторое время, слушалъ здѣсь обѣдню съ сыномъ своимъ Іоанномъ, шестьдесятъ лѣтъ спустя здѣсь молился Грозный, а спустя еще столько же времени храмъ этотъ былъ опустошенъ поляками и литовцами. Кромѣ этого храма, не менѣе дорогъ для тверитянъ по историческимъ воспоминаніямъ монастырь св. Аѳанасія, находящійся позади Спаса Златоверхаго, гдѣ вел. кн. Михаилъ Александровичъ постригся въ иноки и приказалъ написать «грамоты душевныя». Кромѣ этихъ двухъ главнѣйшихъ святынь, замѣчательныхъ, какъ по своей древности, такъ и по историческимъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ ними, здѣсь же въ Кремлѣ находился владычный дворъ, княжескія палаты, которыя, по словамъ писцовой книги, въ 1626 г. имѣли еще своды, но спустя нѣкоторое время своды эти «вверху опали», «палата каменная обалилась», воеводскій домъ, приказная и губная избы. Послѣдняя, впрочемъ, въ концѣ XVII в. (1676 г.) была сломана и должность губнаго старосты отмѣнена, вслѣдствіе чего всѣ его обязанности и власть перешли къ воеводѣ. Земская же изба, какъ и во всѣхъ старыхъ городахъ, находилась за стѣнами кремля — на Загородскомъ посадѣ. Здѣсь же помѣщалась чарошная изба, съ виннымъ погребомъ. Здѣсь главную роль игралъ земскій староста, завѣдывавшій раскладкою, сборомъ и доставкою воеводѣ государственныхъ податей и сборомъ казенныхъ пошлинъ, главную часть которыхъ составлялъ кружечный или питейный сборъ. Должность эта была учреждена Грознымъ, который «велѣлъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ ....доходы сбирати и къ нимъ на срокъ привозити, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею» (стр. 35). При большомъ развитіи торговли въ Твери XVII в. здѣсь имѣлъ довольно большое значеніе также таможенный голова, собиравшій различныя пошлины съ товаровъ, привозимыхъ на торгъ. Въ прежнія времена получало пошлины съ привозимыхъ товаровъ духовенство, завѣдывавшее также вѣсами и мѣрами. Чтобы облегчить духовенству исполненіе этихъ чуждыхъ ему обязанностей, правительство назначило чиновниковъ, которые «получали извѣстные проценты съ собираемыхъ для духовенства пошлинъ». Спустя нѣкоторое время, правительство совершенно присвоило себѣ пошлины и чиновники, завѣдывавшіе сборомъ ихъ, превратились въ «таможенныхъ головъ». Предметами внутренней торговли были преимущественно—соль, хлѣбъ, мясо, рыба, порохъ, чай (?) и другіе предметы. Многіе изъ нихъ попадали сюда, вслѣдствіе ничтожнаго развитія судоходства по Волгѣ въ XVII в., изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, какъ напримѣръ, порохъ, шелкъ, желѣзо, стоили поэтому очень дорого, но откуда они привозились, мы на основаніи писцовыхъ книгъ рѣшить не можемъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ опредѣленію границъ и описанію четырехъ тверскихъ посадовъ.

Въ одномъ изъ нихъ, а именно въ посадѣ Затьмацкомъ, находился храмъ «Бѣлая Троица», не менѣе почитаемый, чѣмъ «Спасъ Златоверхій». Храмъ этотъ былъ основанъ въ царствованіе Ивана Грознаго (1564 г.) и, несмотря на частыя непріятельскія нападенія и пожары почти единственный изъ всѣхъ тверскихъ храмовъ, сохранившійся до нашего времени почти въ первоначальномъ своемъ видѣ.

Въ общемъ, г. Овсянниковъ отнесся къ своей работѣ очень внимательно и добросовѣстно. Жаль только, что внутренняя жизнь Твери XVII в. затронута только слегка и даже почти обойдена, хотя знакомство съ Тверью съ этой стороны имѣло бы большой интересъ и значеніе особенно при описаніи, сдѣланномъ такъ подробно и точно авторомъ. Слѣдовало бы также, по нашему мнѣнію, автору приложить къ своему труду подробный планъ Твери въ настоящее время, потому что безъ этого плана для человѣка, не знакомаго съ расположеніемъ города, многое въ описаніи г. Овсянникова остается не яснымъ. Такъ напримѣръ, какое понятіе можетъ составить себѣ не мѣстный житель о Твери въ XVII в. по такому опредѣленію ея границъ: «Онъ, т. е. городъ, включалъ въ себя мѣста, занимаемыя теперь соборомъ, дворцомъ, гимназіей, реальнымъ училищемъ, соборнымъ домомъ, однимъ городскимъ садомъ и губернаторскимъ домомъ. Нынѣшній домъ Дворянскаго собранія былъ крайнимъ пунктомъ крѣпости въ эту сторону и т. д.» (стр. 5), или: «гдѣ стоитъ губернаторскій домъ, тамъ въ XVII в. были ряды» (стр. 27). Встрѣчаются также изрѣдка нѣкоторыя неточности и противорѣчія въ выводахъ. Такъ напримѣръ, на стр. 41, перечисляя предметы внутренней торговли Твери XVII в., г. Овсянниковъ сюда же относитъ и чай, хоти мы и не вполнѣ понимаемъ, какимъ образомъ чай въ XVII в., могъ быть предметомъ внутренней торговли; но черезъ нѣсколько страницъ, именно на стр. 49, авторъ уже отрицаетъ торговлю чаемъ, категорически заявляя, что въ «Записной книгѣ таможенныхъ пошлинъ въ Твери ни разу не упоминается о привозѣ чаю, сахару, табаку и привозныхъ винъ». Не вполнѣ основательнымъ кажется также намъ выводъ, что будто бы Тверь называлась домомъ «св. Спаса» (стр. 13), сдѣланный на основаніи словъ Аѳанасія Никитина, которыми онъ начинаетъ описаніе своего хожденія за три моря около 1470 г.: «поидохъ отъ св. Спаса Златоверхаго». Намъ кажется, что здѣсь Аѳанасій Никитинъ разумѣлъ въ буквальномъ смыслѣ храмъ Спаса, а не Тверь. Нѣсколько странно также сопостовленіе имени тверскаго князя Михаила Александровича, постригшася въ монахи, съ именами Діоклитіана и Карла V.

В. Б.

Вопросы философіи и психологіи, подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. При участіи Московскаго Психологическаго Общества. Годъ I. Книга 1. Москва. 1889.

Когда, полгода тому назадъ, появилось извѣщеніе объ изданіи новаго журнала, посвященнаго вопросамъ философіи и психологіи, то вниманіе людей, интересующихся научно-философскою литературой, было привлечено спискомъ его сотрудниковъ. Здѣсь встрѣчаются имена почти всѣхъ нашихъ писателей, заявившихъ себя въ данной области болѣе или менѣе цѣнными трудами. Съ одной стороны, это давало основаніе надѣяться, что изданіе,

обезпеченное такими силами, не будетъ страдать худосочіемъ, отъ котораго умирали его предшественники. Но съ другой стороны, невольно являлся вопросъ: можетъ ли существовать философскій органъ съ такимъ разнообразнымъ составомъ сотрудниковъ? Каково будетъ его направленіе, когда въ немъ будутъ участвовать лица діаметрально противоположныхъ воззрѣній на главные вопросы науки? Не повторится ли здѣсь извѣстная басня о лебедѣ, щукѣ и ракѣ? Съ цѣлью разрѣшить подобныя недоумѣнія, редакторъ «Вопросовъ», профессоръ Н. Я. Гротъ, далъ нѣкоторыя разъясненія въ статьѣ, напечатанной въ № 263 «Русскихъ Вѣдомостей», за настоящій годъ. Почтенный профессоръ говоритъ о «направленіи» своего журнала очень неясно: «Есть одно направленіе мысли, которое можетъ примирить всѣ направленія—это живое, безкорыстное и чуждое всякаго личнаго самолюбія стремленіе къ истинѣ во имя добра. Всякій считаетъ истиннымъ свой образъ мыслей, но на чьей сторонѣ истина — неизвѣстно. Задача же редактора состоитъ въ томъ, чтобы быть терпимѣе всѣхъ, какъ можно свободолюбивѣе и относиться съ довѣріемъ къ чужимъ силамъ. Для устраненія же ошибокъ въ оцѣнкѣ этихъ чужихъ силъ нужно, чтобы въ выборѣ и группировкѣ матеріала участвовало нѣсколько компетентныхъ лицъ». Поэтому при редакціи составился комитетъ отъ Психологическаго Общества, который и будетъ послѣдней инстанціей въ рѣшеніи всѣхъ сомнительныхъ вопросовъ. Сохраняя за собою право отстаивать свои воззрѣнія, редакторъ обѣщаетъ «терпимо и любовно блюсти всякую хотя бы и враждебную (ему) мысль».

Полагаясь на практическую мудрость г. редактора и комитета, можно было ожидать, что «дѣло пойдетъ на ладъ», хотя новое изданіе не будетъ собственно журналомъ, съ опредѣленнымъ философскимъ направленіемъ, а скорѣе—сборникомъ статей по философскимъ и психологическимъ вопросамъ, что также, конечно, не безполезно.

На вопросъ о томъ: «какова же будетъ форма сотрудничества людей съ разными убѣжденіями? не придутъ ли они тотчасъ въ столкновеніе и взаимное раздраженіе и не разойдутся ли такъ, что не будутъ въ состояніи писать въ одномъ и томъ же журналѣ», — редакторъ отвѣчаетъ такимъ образомъ:

«Мы надѣемся, что ничего подобнаго не случится. Главная задача въ томъ, чтобы журналъ былъ честнымъ, служилъ истинѣ, а не людямъ или постороннимъ интересамъ. Болѣе всего нужно блюсти нравственную чистоту... Журналъ будетъ допускать всякую полемику и даже будетъ поощрять ее, но подъ условіемъ уваженія къ личности человѣка, съ которымъ споришь...» Нечего говорить о томъ, насколько необходимо послѣднее условіе во всякой полемикѣ, а тѣмъ болѣе въ полемикѣ, которая ведется между вкладчиками одного и того же изданія.

Но вотъ предъ нами первая книга «Вопросовъ философіи и психологіи». Она наводитъ насъ на печальныя размышленія, и внушаетъ опасеніе за будущность новаго журнала. Дѣло въ томъ, что здѣсь помѣщена, между прочимъ, статья кіевскаго профессора А. А. Козлова: «Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествовѣдѣнія». Давно уже извѣстно, что г. Козловъ—крайній метафизикъ, и потому естественно, что онъ, въ своей статьѣ, защищаетъ или, по выраженію Н. Я. Грота, «отстаиваетъ» телеологическое мірообъясненіе. «Это телеологическое міробъя-

сненіе исходитъ изъ той мысли, что каждая изъ существующихъ въ мірѣ вещей и всѣ вмѣстѣ имѣютъ своею основою нѣчто единое и притомъ такое, что не только составляетъ сущность ихъ бытія, но отъ чего зависятъ также и всѣ взаимныя отношенія вещей, весь порядокъ и послѣдняя цѣль ихъ развитія. Это нѣчто и составляетъ всеобщую связь между вещами, вслѣдствіе которой онѣ входятъ въ цѣльный организмъ единаго міра и вслѣдствіе которой въ этомъ мірѣ рѣшительно нѣтъ ничего случайнаго и безсмысленнаго, а все необходимо не въ силу слѣпыхъ механическихъ законовъ, а въ силу закона разума, осуществляющаго полную и всестороннюю гармонію бытія многихъ различныхъ существъ». Самъ авторъ сознается, что эта теорія, несмотря на свою древность, далеко еще не доказана, что она, въ своемъ развитіи, отстала отъ другой, противоположной — механической теоріи. Если онъ отдаетъ предпочтеніе первой предъ второй, то его задача состояла въ томъ, чтобы представить «научныя» доказательства одной и опроверженія другой, относясь съ уваженіемъ къ личности, къ убѣжденіямъ своихъ противниковъ. Не такъ думаетъ г. Козловъ. Онъ какъ бы забываетъ, что пишетъ не въ своемъ, блаженной памяти «Философскомъ Трехмѣсячникѣ», а въ журналѣ, гдѣ дается мѣсто и статьямъ сторонниковъ механической теоріи, гдѣ требуется «коллективная работа». Механическое міросбъясненіе онъ приписываетъ большинству, у котораго, «кромѣ слабой потребности знанія и истины, весьма слаба и энергія мысли»,—людямъ для которыхъ «серьезно мыслить — составляетъ тяжкій и непосильный трудъ». Въ полемикѣ противъ своихъ «антогонистовъ»—послѣдователей критицизма, сенсуализма и скептицизма — г. Козловъ доходитъ до того, что называетъ ихъ врагами истинной философіи, а ихъ ученіе продуктомъ «ложнаго и малодушнаго разума, который вѣчно боролся и будетъ бороться съ истиннымъ и сознающимъ свою силу разумомъ». Этотъ «истинный» разумъ нашъ авторъ защищаетъ противъ такихъ «антогонистовъ» въ числѣ которыхъ видимъ великихъ мыслителей—Канта, Ньютона, Локка, Юма, Конта и др...

Въ такомъ смыслѣ нужно понимать и «скромное выраженіе надежды» г. Козлова, что редакція «Вопросовъ философіи и психологіи» «будетъ высоко держать знамя разума, какъ высшей инстанціи въ дѣлѣ философскаго и всяческаго знанія и неослабно отстаивать право этого разума на обладаніе высшими критеріями какъ въ вопросѣ бытія или дѣйствительности и возможности, такъ и въ вопросѣ истиннаго міропониманія и міросбъясненія». Отношеніе кіевскаго профессора къ людямъ, воззрѣній которыхъ онъ не раздѣляетъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что онъ, по словамъ редактора, состоитъ въ числѣ «главныхъ сотрудниковъ» журнала. Значитъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ далеко не раздѣляетъ воззрѣній г. Грота на «задачи журнала»: онъ чуждъ широкой умѣренности и хотѣлъ бы придать философскому органу исключительно метафизическій характеръ. А если такъ, если журналъ, дѣйствительно, будетъ оправдывать «надежды» г. Козлова, то онъ не замедлитъ сдѣлаться повтореніемъ редактированнаго нѣкогда тѣмъ же Козловымъ «Философскаго Трехмѣсячника». Относительно послѣдняго мы должны замѣтить слѣдующее. Въ статьѣ редактора говорится, что этотъ журналъ имѣлъ свойственный ему характеръ потому что «три года тому назадъ почтенный А. А. Козловъ былъ настолько одинокъ въ своей философской проповѣди, что не могъ дать дѣлу ту болѣе широкую организацію, которую мы нынѣ пытаемся осуществить». По нашему мнѣ-

нію, «эта почтенная попытка» приняла такой видъ не потому, чтобы у насъ совершенно не было тогда людей, способныхъ къ коллективной работѣ, въ родѣ той, какая предпринимается въ настоящее время: а вслѣдствіе постановки, которую въ самомъ же началѣ придалъ дѣлу редакторъ слишкомъ съузивши его «направленіе».

Изъ статьи Н. Я. Грота «О задачахъ журнала», сверхъ указаннаго уже нами, узнаемъ еще, что редакція новаго журнала надѣется на возникновеніе спеціально «русской», національной философіи, существеннымъ признакомъ которой будто бы является примиреніе требованій ума съ запросами сердца. Въ ряду философовъ этого направленія ставится имя Вл. С. Соловьева, который помѣстилъ въ разбираемой книгѣ статью: «Красота въ природѣ». Авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на объективномъ значеніи красоты. Для доказательства своего положенія, онъ пользуется сочиненіями «великаго Дарвина» и другими данными современной науки. Въ объясненіи же ея основаній повторяются обычныя у нашего философа метафизическія построенія: красота разсматривается какъ всемірная идея, со стороны совершенства или законченности своего воплощенія.

Кромѣ названныхъ, въ составъ книги входятъ статьи Л. Н. Ланге: «О дѣйствіи гашиша»; В. В. Лесевича: «Религіозная свобода по эдиктамъ царя Асоки Великаго» (по исторіи мысли на Востокѣ); кн. С. Н. Трубецкого: «О природѣ человѣческаго сознанія» и Шишкина: «О психофизическихъ явленіяхъ съ точки зрѣнія механической теоріи». Послѣднія двѣ не окончены.

С.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томы LXVI, LXVII и LXVIII. Спб. 1889.

Вновь вышедшіе томы «Сборника» Императорскаго Русскаго Историческаго Общества попрежнему полны глубокаго историческаго интереса, заключая въ себѣ новые документы высокой важности и цѣнности по отечественной исторіи XVIII столѣтія. Всѣ три вновь изданные тома являются продолженіемъ нѣкоторыхъ изъ предшествовавшихъ томовъ.

Такъ, томъ LXVI, напечатанный подъ наблюденіемъ Предсѣдателя Общества А. А. Половцова, заключаетъ въ себѣ донесенія и другія бумаги англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ съ 1728 по 1733 годъ и является уже шестой частью дипломатической переписки англійскихъ пословъ и посланниковъ, извлеченной изъ Англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Раньше эта дипломатическая переписка появлялась въ томахъ XII, XIX, XXXIX, L и LXI. Всѣхъ документовъ въ новомъ томѣ дипломатической переписки обнародовано 270, большая часть которыхъ составляютъ донесенія К. Рондо лорду Гаррингтону о текущихъ политическихъ, придворныхъ и дипломатическихъ событіяхъ въ Россіи. К. Рондо зорко слѣдитъ за всѣми перепетіями въ государственномъ управленіи послѣ кончины Екатерины I, дѣлаетъ любопытныя характеристики тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, причемъ подчасъ не скупится на сообщеніе о нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма пикантныхъ подробностей, иногда также останавливается и на характеристикахъ царствующихъ особъ—Петра II и императрицы Анны Іоанновны; не забываетъ К. Рондо въ своихъ донесеніяхъ и представителей другихъ государствъ—пословъ гер-

цога де-Лиріа, графа Вратислава, Вестфаля и др. Весьма любопытны сообщенія К. Рондо о своихъ бесѣдахъ съ тогдашнимъ государственнымъ канцлеромъ Головкинымъ и вице-канцлеромъ Остерманомъ; несомнѣнное значеніе имѣютъ сообщенія о дѣлахъ польскихъ, испанскихъ, турецкихъ, персидскихъ и голштинскихъ, сообщенія о тогдашней торговлѣ Англіи съ Россіей, о состояніи русскаго флота и русской арміи, причемъ въ приложеніяхъ даются весьма подробные и обстоятельные списки русскихъ военныхъ кораблей и всѣхъ тогдашнихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ. Однимъ словомъ, въ LXVI томѣ мы находимъ очень много важныхъ документовъ для политической исторіи Россіи въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія; хотя подчасъ эти документы сообщаютъ и сравнительно мало новаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ они являются существеннымъ подтвержденіемъ уже извѣстнаго намъ изъ другихъ источниковъ.

Въ LXVII томѣ помѣщено продолженіе политической переписки императрицы Екатерины II. Раньше эта переписка появлялась уже въ 3-хъ частяхъ и нынѣшняя часть, обнимая годы 1766—1767, является четвертой частью. Напечатанъ LXVII томъ подъ наблюденіемъ члена Общества Ѳ. А. Бюлера при содѣйствіи В. А. Уляницкаго. Всѣхъ бумагъ—рескриптовъ, указовъ, грамотъ, депешъ, донесеній, инструкцій, декларацій, реляцій и писемъ—здѣсь помѣщено около 300. Главный и преобладающій интересъ новыхъ бумагъ императрицы Екатерины II заключается въ перепискѣ Н. И. Панина съ княземъ Репнинымъ, нашимъ тогдашнимъ посломъ въ Варшавѣ. Въ этой перепискѣ—богатѣйшій матеріалъ для исторіи нашихъ отношеній къ Польшѣ въ началѣ царствованія Екатерины II, которая, по словамъ рѣчи кн. Репнина предъ королемъ и сеймомъ польскимъ, не могла «отступить отъ покровительства своего диссидентамъ», а слѣдовательно «и взирать спокойнымъ окомъ на чинимыя имъ несправедливыя притѣсненія». Именно диссидентскій вопросъ и господствуетъ въ новыхъ документахъ, касающихся Польши. Кромѣ того, въ LXVII томѣ немалый интересъ представляютъ письма и депеши Панина къ другимъ посламъ—кн. Голицыну въ Парижъ, Обрѣскову въ Константинополь, гр. Остерману въ Швеціи,—наконецъ письма того же Панина къ князю Радзивиллу, барону Гольцу, маршалу диссидентской конфедераціи, къ князьямъ Чарторижскимъ. Къ послѣднимъ особенно интересно письмо (№ 1365) Панина отъ 4-го іюля, въ которомъ поясняется характеръ русской политики относительно Польши и требованія Россіи въ видахъ «возстановленія республики на самостоятельныхъ и прочныхъ основахъ». Эти требованія заключались: въ союзѣ съ Россіей, въ освобожденіи диссидентовъ отъ угнетенія и въ регулированіи границъ. Извѣстно, какъ исполнила Польша эти справедливыя требованія своей старшей славянской сестры и что было послѣдствіемъ вѣроломнаго поведенія «наияснѣйшей Риги Посполитой» съ ея фанатическими панами.

Наконецъ, въ LXVIII томѣ, подъ наблюденіемъ члена Общества проф. В. И. Сергѣевича, обнародованы дворянскіе депутатскіе наказы въ комиссію для составленія проекта Новаго Уложенія—отъ 9-ти губерній: Казанской, Эстляндской, Лифляндской, Выборгской, Нижегородской, Малороссійской, Слободско-Украинской, Воронежской и Бѣлгородской. Дворянскіе наказы двухъ послѣднихъ губерній, Оренбургской и Новороссійской, появятся вмѣстѣ съ наказами отъ городовъ и такимъ образомъ изданіе депутатскихъ наказовъ вскорѣ будетъ окончено, составивъ съ раньше изданными восемь объеми-

стыхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ весьма важный матеріалъ для изученія быта Россіи въ половинѣ прошлаго столѣтія, ибо дворяне не только высказываютъ, по вѣрному замѣчанію проф. Сергѣевича (Предисловіе, III), пожеланія свои, относящіяся къ будущему,—но и дѣлаютъ указанія на недостатки современнаго имъ порядка вещей. Наказы даютъ богатый матеріалъ и для исторіи русскаго права, знакомя насъ съ малоизвѣстной намъ судебной и правительственной практикой своего времени и тѣмъ существенно дополняя наши свѣдѣнія, почерпаемыя изъ указовъ,—и для исторіи общественнаго быта прошлаго вѣка. Всѣхъ наказовъ напечатано въ новомъ томѣ 62. Особенно часто въ нихъ повторяются жалобы дворянъ на неурядицы въ тогдашнемъ судопроизводствѣ, ибо судъ по формѣ примѣнялся, по неудачной реформѣ Петра Великаго, у насъ ко всякимъ дѣламъ, какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ. Не мало также жалобъ на стѣснительныя условія при заемѣ денегъ, ибо какъ бы ни былъ ничтоженъ искъ, судьи не давали суда, если истецъ не представлялъ акта, совершеннаго у крѣпостныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, чтобы занять ничтожную сумму въ нѣсколько рублей и не лишить своего кредитора права иска, надо было ѣхать съ городъ, гдѣ были учреждены крѣпостныя дѣла, иногда за сто и болѣе верстъ.— Любопытны и характерны также просьбы малороссійскихъ дворянъ «учредитя въ Малой Россіи рады свободныхъ нужнѣйшыхъ наукъ университетъ и тотъ университетъ Императорскыми своимы сохраныть прывылегіямы».

С. Т—чевъ.

Учебникъ исторіи профессора А. Трачевскаго. Древняя исторія. Второе, исправленное изданіе. Съ 52 рисунками, 3 планами и 4 картами. Спб. 1889.

Въ предисловіи къ первому изданію своей книги, вышедшему въ 1883 г., проф. Трачевскій говорилъ: «Предназначенный для среднихъ учебныхъ заведеній, учебникъ исторіи можетъ служить и для самообразованія, такъ какъ задачей автора было изложить, въ общедоступной формѣ, тотъ запасъ научныхъ свѣдѣній, который составляетъ необходимый обиходъ каждаго просвѣщеннаго человѣка».

При составленіи учебника исторіи имѣлось въ виду, прежде всего, чтобы онъ стоялъ на высотѣ современной науки и былъ миніатюрнымъ отраженіемъ нынѣшней цивилизаціи. Согласно взгляду автора на ту и другую, выраженному во введеніи, требовались: 1) строгій выборъ фактовъ, безъ чего пришлось бы пожертвовать въ пользу политической исторіи, культурой, которою должно особенно дорожить; 2) наиболѣе сжатое и точное изложеніе, которое устранило бы возможность фразерства, столь соблазнительнаго при преподованіи исторіи.

По опыту оказалось, что при такихъ условіяхъ составленіе учебника гораздо труднѣе сочиненія ученыхъ диссертацій. Замѣчая самъ нѣкоторыя недостатки своей работы, авторъ увѣренъ, что люди болѣе свѣдущіе и опытные уловятъ въ ней еще болѣе промаховъ. Онъ настолько дорожитъ этимъ плодомъ своихъ многолѣтнихъ трудовъ, что желаетъ видѣть его въ улучшенномъ видѣ; въ ожиданіи серьозной критики со стороны ученыхъ и педагоговъ, настоящее изданіе будетъ сверхъ того украшено картами и рисунками, которыхъ не успѣли приготовить теперь.

Обѣ надежды автора исполнились: книга вызвала цѣлый рядъ рецензій, большею частію благопріятныхъ; и болѣе обстоятельныя изъ нихъ дали автору возможность исправить рядъ неточностей и недосмотровъ. Книга дожила до второго изданія, и щедрый издатель далъ автору возможность превосходно иллюстрировать ее.

Въ передовыхъ странахъ западной Европы уже давно поняли, что иллюстрація, служащая только украшеніемъ книги для чтенія, для книги учебной есть необходимость, и что науки историческія и филологическія не пользовались до нашего времени этимъ важнѣйшимъ орудіемъ только по непростительному недоразумѣнію. Референтъ ясно помнитъ, въ какой восторгъ пришли лѣтъ 30 назадъ московскіе преподаватели латинскаго языка и студенты-филологи, когда было получено нѣмецкое изданіе, кажется, Юлія Цезаря съ картами, планами сраженій и рисунками военныхъ машинъ и вооруженія. И было отъ чего. Подумайте, какое нужно сдѣлать усиліе ума и воображенія не только ученику, но и довольно опытному преподавателю, чтобы по древностямъ Адама или Шафа (оба руководства были переведены на русскій языкъ еще въ началѣ столѣтія, и были въ ходу и въ началѣ 60-хъ годовъ) изъ словеснаго описанія сочинить себѣ представленіе о катапультахъ, баллистахъ, винеяхъ и т. п. И какъ удобно это замѣнить одной картинкой, занимающей всего полстраницы! Теперь иной гимназистъ 7-го класса, пользующійся хорошими изданіями классиковъ и общедоступнымъ учебникомъ древностей, въ иныхъ отношеніяхъ знаетъ больше, нежели учителя его учителей, проштудировавшіе три толстыхъ тома Адама.

Пока подъ исторіей разумѣли только исторію политическую, съ грѣхомъ пополамъ еще можно было обходиться одной книгой и картой, но какъ только вводится въ учебникъ исторія культуры, и составитель учебника дѣлаетъ хотя бы небольшіе экскурсы въ область археологіи, рисунки оказываются такъ же необходимыми, какъ въ учебникѣ ботаники или физики.

Но здѣсь составитель учебника встрѣчается съ роковой диллемой: сдѣлать иллюстраціи дорогія—учебникъ настолько подорожаетъ отъ этого, что не будетъ доступенъ учащимся. Обыкновенно предпочитаютъ первый способъ дѣйствія, такъ какъ при второмъ совсѣмъ не будетъ достигнута ближайшая цѣль того, отъ чьей воли зависитъ появленіе книги на свѣтъ, т. е. издателя; и вотъ преподавателю приходится прибѣгать къ такимъ несовершеннымъ суррогатомъ, какъ рисованіе на доскѣ или показываніе рисунковъ въ атласѣ, который имѣется въ одномъ, много двухъ экземплярахъ на цѣлый классъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ непосредственно къ учебнику исторіи проф. Трачевскаго въ этомъ второмъ его изданіи. О текстѣ книги мы много распространяться не будемъ не потому, конечно, чтобъ мы считали его менѣе цѣннымъ, нежели иллюстраціи, но потому, что о немъ было достаточно говорено послѣ появленія перваго изданія. Чтобы охарактеризовать почтенный трудъ г. Трачевскаго въ общихъ чертахъ, мы считаемъ достаточнымъ привести справедливыя слова одной рецензіи (Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г. за октябрь), которую г. Трачевскій въ предисловіи къ этому изданію называетъ «самой лестной по своей строгости, обширности и серьозному тону». По убѣжденію автора этой рецензіи, книга г. Трачевскаго «не есть случайная компиляція, а трудъ мыслящаго, научно-образованнаго человѣка». А такихъ учебниковъ по исторіи, о которыхъ можно бы ска-

вать что-нибудь подобное у насъ нѣтъ и не было; да и на Западѣ ихъ немного.

Но та же рецензія «лестная по своей строгости», указала въ учебникѣ г. Трачевскаго и длинный рядъ недосмотровъ, фактическихъ неточностей, и въ настоящемъ изданіи авторъ вполнѣ воспользовался всѣми этими указаніями, также, какъ и многими замѣчаніями другихъ рецензій. Онъ не только исправилъ частныя ошибки, но и постарался нѣсколько упростить свое мѣстами слишкомъ картинное, витіеватое и потому нелегкое изложеніе. Особенно это замѣтно въ тѣхъ параграфахъ, которые посвящены изображенію культуры и общимъ выводамъ (напр. § 244 и слѣд.).

Кромѣ того, авторъ уже по собственному, достойному всякой похвалы, почину подвергъ свой учебникъ исправленію, и внесъ въ него все то изъ послѣднихъ изслѣдованій, что онъ считалъ доступнымъ для цѣлей общеобразовательныхъ; изученіе грекоримскаго міра за 5 лѣтъ немного ушло впередъ, но по Востоку сдѣлано не мало, и г. Трачевскій исправилъ, гдѣ оказалось нужнымъ, цифры и т. п., и на стр. 43 даже упомянулъ о новѣйшихъ открытіяхъ Сарзека. Есть нѣсколько подновленій и въ введеніи между прочимъ прибавлено (стр. 4) дѣленіе языковъ на изолирующіе, агглютинирующіе и флексирующіе.

Обращаемся къ иллюстраціямъ и начинаемъ съ картъ,—ихъ четыре (Востокъ, Греція, Италія и міръ, извѣстный древнимъ). Онѣ прекрасно исполнены въ извѣстномъ картографическомъ заведеніи Ильина и отличаются замѣчательной ясностью. Если не ошибаемся, онѣ настолько тщательно пригнаны къ тексту книги, что въ нихъ нѣтъ именъ, въ ней не встрѣчающихся. Въ томъ же заведеніи сдѣланы и 3 раскрашенные плана: Аѳины, Римъ республиканскій и Римъ императорскій (послѣдніе два нѣсколько мелки; можетъ быть, было бы лучше дать одинъ планъ Рима, но въ большомъ объемѣ). Рисунковъ въ книгѣ 52, всѣ исполнены прекрасно.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній въ виду несомнѣнно предстоящихъ слѣдующихъ изданій. Проф. Трачевскій мѣстами уже упростилъ языкъ своего учебника; желательно, чтобы онъ шелъ дальше въ томъ же направленіи и замѣнялъ менѣе звучными, но болѣе общедоступными и точными выраженіями обороты въ родѣ слѣдующихъ! Ксерксъ «погрузился въ грязныя козни гарема» (стр. 151) Парѳяне «наполнили золотомъ помертвѣлыя уста» Красса (325) и т. д.

Въ виду педагогической цѣли мы рекомендовали бы почтенному автору уменьшить кое-гдѣ количество сообщаемыхъ фактовъ, чтобы развить поподробнѣе другіе, и въ особенности избѣгать говорить мимоходомъ о томъ, что учащемуся неизвѣстно. Напр. на стр. 383 авторъ говоритъ: «Легіоны дрались между собой изъ-за добычи, ходили на преторіанцевъ, играли короной». Какіе легіоны? когда? Вѣдь ученикъ только-что прочелъ даже два раза (382 и 383), что преторіанцы были уничтожены Северомъ; ясно представить себѣ дѣла онъ не можетъ, и ему остается только заучить фразу безъ пользы (кстати сказать о преторіанцахъ: черезъ 2 страницы ихъ опять уничтожаетъ уже Діоклетіанъ). Г. Трачевскій, конечно, имѣетъ въ виду интересы учащагося, желая дать ему больше знанія на маломъ количествѣ страницъ; но лучше пожертвовать деталями, чѣмъ ясностью.

Еще нѣсколько мелкихъ поправокъ. На той же 383 стр. сказано, что готы есть смѣсь германцевъ съ славянами; едва ли можно считать это

доказаннымъ. Едва ли также Ульдпила перевелъ всю библію. На стр. 388 іерархія переведено словомъ чиноначаліе, см. священноначаліе. «Писалъ полемики» (стр. 391) выраженіе неудобное. О томъ когда именно «возникли пѣсни Оссіана» (стр. 395) въ учебникѣ лучше не говорить: вопросъ спорный. Назвать живопись катакомбъ очень плохою (стр. 401) слишкомъ смѣло. Выраженіе автора, что «догма создалась, несмотря на ереси» (стр. 402) противорѣчитъ его же словамъ на стр. 399, гдѣ онъ говоритъ, что «развитію догматики способствовала борьба съ ересями».

Мы убѣждены, что еслибъ авторъ самъ провелъ свою книгу черезъ одинъ-два класса, къ 3-ему изданію онъ далъ бы намъ руководство безукоризненное. **А. К.**

Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ (1141—1173), изслѣдованіе Константина Грота. Варшава. 1889.

Умныя рѣчи и слушать пріятно, умныя книги и въ руки взять весело. Вотъ первыя мысли, которыя являются по прочтеніи объемистой книги г. Грота въ 528 страницъ; въ ней читатель знакомится съ одною изъ эпохъ историческихъ Мадьярскаго королевства, прошлыя судьбы котораго извѣстны русскому читателю съ нѣмецкой точки зрѣнія, сквозь нѣмецкую призму, и знакомится не такъ, какъ это угодно den edlen Herren Professoren deutscher Abstammung, а какъ шла историческая жизнь народа на самомъ дѣлѣ. Китайской стѣны обособленности у г. Грота нѣтъ, взамѣнъ этого вы видите живое слово, полный прагматизмъ и разумное включеніе въ рамки своего изслѣдованія жизни другихъ народовъ, насколько эта жизнь имѣла смыслъ и значеніе для исторіи мадьяръ. Такой способъ писанія исторіи замѣчательно совпадаетъ съ тѣмъ планомъ, который намѣчается истинными потребностями науки и который знаменуетъ собою эмансипацію русскаго историка отъ вліянія нѣмецкаго учителя, самаго вреднаго въ дѣлѣ разслѣдованія прошлыхъ судебъ славянства. Очевидно, мы должны привѣтствовать г. Грота, какъ желаннаго съ русско-славянской точки зрѣнія бытописателя, и желать чтобы другіе дѣятели въ области исторіи послѣдовали благому примѣру его. Самый предметъ изслѣдованія г. Грота крайне любопытенъ для славяновѣдѣнія, потому что въ исторіи мадьярскаго народа есть возможность болѣе или менѣе послѣдовательно прослѣдить какъ германизмъ и его лучшій союзникъ—католичество, шагъ за шагомъ, настойчиво и упорно, отбили цѣлую область у восточнаго славянства и православія. По историческому ходу событій, Паннонія должна была войти въ сферу византійскаго вліянія, но благодаря близорукости восточныхъ императоровъ, измельчавшихъ въ придворныхъ интригахъ и не понимавшихъ значенія славянства, они не съумѣли привлечь къ себѣ болгаръ, сербовъ и мадьяръ, а потому борьба шла постоянная, такъ какъ греки стремились не къ ассимиляціи, а къ порабощенію. Между тѣмъ, католическій западъ умѣло пользовался обстоятельствами и, игнорируя многочисленное славянское православное населеніе Панноніи, постепенно приручалъ дикихъ мадьярскихъ вождей, обращалъ ихъ въ католичество и воспитывалъ ихъ въ духѣ, желательномъ Риму и Ахену. Сами же мадьяры долго симпатизировали паннонскимъ славянамъ, среди которыхъ имъ пришлось жить, относились дружески къ полякамъ, русскимъ, валахамъ, сербамъ и боснякамъ, имѣли съ ними частыя сношенія, вступали въ род-

ственныя связи и вообще тяготѣли къ востоку, откуда они и пришли. Ладиславъ Святой былъ племянникомъ Казиміра I польскаго, Стефанъ II Молніеносный былъ внукомъ Владиміра Мономаха; Гейза III былъ племянникомъ Стефана II сербскаго и женился на дочери кіевскаго великаго князя Мстислава I, слѣдовательно приходился такимъ же родственникомъ Роману Галицкому, какъ ему самому былъ родственникомъ извѣстный претендентъ на мадьярскій престолъ Борисъ Коломановичъ, воспитанный въ Россіи. Іоаннъ 2 византійскій изъ дома Комниновъ женился на Прасковьѣ (по мѣстному Пирошкѣ), дочери Ладислава Святого, а его дочь Ольга была женою Юрія Долгорукаго Суздальскаго, сестра котораго Афимья Владиміровна, вышла замужъ за Коломана и была матерью претендента Бориса. Очевидно, при такихъ оживленныхъ постоянныхъ сношеніяхъ и родственныхъ связяхъ, историкъ не имѣетъ права огораживать себя китайскою стѣною и игнорировать все происходящее за послѣднею; разсказывая исторію мадьяръ, необходимо затронуть борьбу за кіевскій престолъ, волненія въ Галичинѣ, событія въ Польшѣ, столкновенія чеховъ съ австрійскими Бабенбергерами, эмиграцію венеціанскихъ аристократовъ въ среду славянъ, возстанія сербовъ противъ Византіи, борьбу императоровъ изъ-за южной Италіи и такъ далѣе. Съ этой точки зрѣнія изслѣдованія г. Грота объ одной изъ любопытнѣйшихъ эпохъ мадьярской исторіи полно высокаго интереса; онъ разсматриваетъ царствованія Гейзы III, Стефана III, Ладислава II, Стефана IV и Бѣлы III, вступленіемъ на престолъ котораго и заканчивается трудъ г. Грота. Избранная эпоха тѣмъ именно любопытна, что за это время совершился среди мадьяръ знаменательный переворотъ: вмѣсто востока, они стали тяготѣть къ западу; нѣмецкое вліяніе сдѣлалось господствующимъ въ бывшей Паннонія, а вслѣдствіе этого, мадьяры сдѣлались злѣйшими врагами славянъ. Передать это въ нѣсколькихъ строчкахъ невозможно, необходимо прочесть всю книгу, обладающую, кромѣ научныхъ достоинствъ, изящнымъ изложеніемъ и литературнымъ слогомъ. Если всѣ произведенія г. Грота (разсматриваемое нами третье изъ числа серьезныхъ) обладаютъ указанными достоинствами, то русская историческая наука можетъ поздравить себя съ такимъ работникомъ, а мы можемъ пожелать, чтобы скорѣе нашелся подобный же изслѣдователь прошлыхъ судебъ Россіи, свободный отъ эгоистической программы нѣмецкаго историка и не создающій китайской стѣны изъ-за угодливо усвоенной нѣмецкой кропотливости. Относительно земли мадьяръ г. Гротъ говоритъ въ своемъ предисловіи: «Судьбы старой Угріи вообще, особенно же эпохи Армадовичей (до 1301 г.), послѣ крупныхъ и основательныхъ, но уже устарѣвшихъ работъ венгерскихъ ученыхъ прошлаго столѣтія, остаются нынѣ почти совершенно безъ критической разработки. Современные мадьярскіе историки какъ будто пренебрегаютъ Угріею той эпохи, быть можетъ мало имъ симпатичной по духу и характеру; нѣмецкіе же и другіе иностранные занимаются ею по большей части лишь настолько, насколько съ нею связаны судьбы Германіи и Запада, и конечно со своихъ спеціальныхъ точекъ зрѣнія, а потому всегда болѣе или менѣе односторонне. Вотъ почему весьма желательно, чтобы на эту область было обращено особенное вниманіе въ славянской исторіографіи. Мадьярскіе историки новѣйшей формаціи, то есть пропитанные западничествомъ, именно съ Бѣлы III начинаютъ свои изслѣдованія, потому что съ Бѣлы III мадьяры окончательно уклонились отъ славянскихъ традицій, которыхъ они придерживались

приблизительно четыреста лѣтъ. Съ перемѣною своего тяготѣнія мадьяры понесли и двоякаго рода утраты: матеріальныя и духовныя. Первыя состояли главнымъ образомъ въ потерѣ важныхъ областей на югѣ, Срѣма и Далматіи, отвоеванныхъ императоромъ Мануиломъ, а также въ томъ матеріальномъ истощеніи, которое причинили ей продолжительныя кровопролитныя войны и внутреннія смуты. Вторыя, менѣе осязательныя, но еще болѣе важныя и не могущія укрыться при внимательномъ изученіи хода событій, заключались въ существенныхъ уступкахъ, сдѣланныхъ врагамъ угорской самобытности и національной церкви, то есть въ уступкахъ латинству и всякимъ западно-европейскимъ вліяніямъ, отрывавшимъ Угрію отъ восточнаго греко-славянскаго міра и втягивавшимъ ее и въ политическомъ и въ культурномъ отношеніяхъ—въ міръ западный, латино-германскій. Благодаря всему этому, мы видимъ мадьяръ такими, какими они оказываются въ настоящее время, то есть врагами славянъ».

А. Б—въ.

Генеральный Планъ Императорскаго Воспитательнаго, для приносныхъ дѣтей, Дома и Госпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ Москвѣ. (1763—1767 гг.). Въ 3-хъ частяхъ. С.-Петербургъ. 1889.

Настоящее изданіе этого важнаго историческаго памятника, напечатанное по распоряженію Опекунскаго Совѣта, представляетъ собою ни что иное, какъ перепечатку изданія 1789 года, съ добавленіемъ небольшой статьи «Дополненіе, утверждающее ненарушимость порядка», заключающей въ себѣ разъясненіе вопроса о времени и основаніяхъ установленія особой присяги для Почетныхъ Опекуновъ. Перепечатка эта вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что изданіе Генеральнаго Плана 1789 г., равно какъ и болѣе раннія изданія 1767 и 1774 гг., сдѣлались уже теперь библіографическою рѣдкостью, а въ «Полномъ Собраніи Законовъ», изданномъ въ 1830 году, гдѣ также напечатанъ «Генеральный Планъ», имѣются нѣкоторыя редакціонныя измѣненія въ содержаніи его и выпущена весьма важная статья «Предъувѣдомленіе къ читателямъ», помѣщенная, однако, въ отдѣльномъ изданіи 1789 года и несомнѣнно принадлежащая Бецкому, насколько объ этомъ можно судить по содержанію и характеру изложенія ея. Въ виду всего этого нынѣшнее изданіе Генеральнаго Плана является весьма желательнымъ и лицамъ, интересущимся русской исторіей конца XVIII вѣка, остается только поблагодарить за него Опекунскій Совѣтъ, тѣмъ болѣе, что внѣшность книги представляется въ очень хорошемъ видѣ: напечатана она на хорошей бумагѣ, съ точнымъ соблюденіемъ ороографіи изданія 1789 года, приложенные къ книгѣ рисунки отличаются чистотой отдѣлки, а самый текстъ снабженъ примѣчаніями, въ которыхъ указывается отношеніе различныхъ изданій между собою. Что касается до содержанія этого памятника, то въ краткой рецензіи не мѣсто подробно разбирать его. Мы позволимъ себѣ только указать, что кромѣ своего непосредственнаго значенія для исторіи воспитательныхъ домовъ въ Россіи, Генеральный Планъ имѣетъ еще другое, не менѣе, если не болѣе, важное значеніе, какъ памятникъ педагогическихъ воззрѣній выдающихся людей русскаго общества въ царствованіе императрицы Екатерины II, и въ частности воззрѣній

Бецкаго. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны первая и третья части Плана, такъ какъ въ нихъ авторъ высказываетъ болѣе общихъ взглядовъ на воспитаніе, тогда какъ во второй части излагаются лишь обязанности членовъ Опекунскаго Совѣта и привратниковъ Воспитательнаго Дома.— Взгляды автора Плана и совѣты, подаваемые имъ для воспитанія дѣтей, въ значительной своей части не устарѣли еще и теперь, когда прошло около столѣтія послѣ его смерти. Приведемъ два наиболѣе характерные примѣра. Говоря о наказаніи дѣтей, Бецкій совѣтуетъ стараться исправлять ихъ увѣщаніями; въ нужномъ же наказаніи особливо наблюдать, чтобъ жестокостію не привести ихъ къ упорству и безчувствію, и для того наказывать больше стыдомъ, недопущеніемъ гулять съ прочими, стояніемъ на колѣнахъ, и недодованіемъ пищи и прочаго, смотря по приличности лѣтъ, возроста и пола (Генеральный Планъ, ч. I, стр. 23). Въ другомъ мѣстѣ по поводу обученія дѣвочекъ онъ высказываетъ свой взглядъ на женское образованіе, заключающійся въ желаніи, «дабы всѣ дѣвушки не только обучились читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями, для гражданской жизни полезными» (ч. III, стр, 37). Не менѣе характерны для опредѣленія нравственной личности автора и тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ о крѣпостномъ правѣ: не высказываясь прямо противъ него, онъ осуждаетъ однако всѣ болѣе рѣзкія частныя его проявленія и вставляетъ въ Генеральный Планъ пунктъ, навсегда освобождающій воспитанниковъ Воспитательнаго Дома и ихъ потомство отъ крѣпостного состоянія.

В. М.

Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. Историческій очеркъ Н. Чечулина. Спб. 1889.

Тема, избранная г. Чечулинымъ для своего очерка, представляетъ большой интересъ и важность въ дѣлѣ изученія исторіи Россіи прошлаго столѣтія. Многіе уже пробовали дѣлать характеристику русскаго общества минувшаго вѣка, но попытки этихъ изслѣдователей не могутъ быть названы удачными, ибо по большой части страдаютъ легковѣсностью и односторонностью, преувеличивая испорченность молодого русскаго общества XVIII вѣка и отрицая въ немъ всѣ хорошія качества, всякій нравственный и умственный прогрессъ. Разумѣется, такая точка зрѣнія совсѣмъ неправильна, и г. Чечулинъ вполнѣ справедливо вооружается противъ нея, доказывая на основаніи изученія мемуаровъ и записокъ современниковъ совершенно противоположное. Но, говоря о прогрессѣ молодого общества, безпристрастному историку необходимо обстоятельно остановиться и на отрицательныхъ сторонахъ тогдашнихъ нравовъ и быта, чтобы картина вышла законченной. Къ сожалѣнію, г. Чечулинъ этого почти не дѣлаетъ и впадаетъ такимъ образомъ тоже въ односторонность. Положимъ, что авторъ (стр. 26) заявляетъ, что не претендуетъ на «широкіе выводы»; но вѣдь онъ тотчасъ же прибавляетъ, что хочетъ «изобразить общественную жизнь въ провинціи въ половинѣ прошлаго вѣка» и затѣмъ прослѣдить ее до конца столѣтія, поэтому читатель, кажется, въ правѣ ожидать картины широкой. Но авторъ ограничиваетъ свою задачу только бытомъ дворянъ центральныхъ, великорусскихъ, по преимуществу дворянскихъ губерній и, кромѣ того, говоритъ только о дворянахъ средняго состоянія и болѣе бѣдныхъ, совершенно поче-

му-то игнорируя столичную жизнь. Такимъ образомъ, полной картины нравовъ русскаго общества XVIII столѣтія искать въ трудѣ г. Чечулина нечего: авторъ въ узкихъ, произвольно обозначенныхъ рамкахъ, пользуясь своей начитанностью по части мемуаровъ и записокъ, рядомъ выдержекъ старается доказать, что провинціальное общество прогрессировало—и только. Такой постановкой вопроса, конечно, нельзя удовольствоваться, ибо она не научна въ силу своей преобладающей оптимистической тенденціи. Этимъ мы не думаемъ умалять значенія добросовѣстной и интересной работы г.Чечулина, а хотимъ только сказать, что его оцѣнка не можетъ считаться окончательной и русское общество XVIII вѣка ждетъ еще своего талантливаго историка, который бы, на основаніи всесторонняго изученія документальнаго матеріала, художественно и научно нарисовалъ эту любопытную историческую бытовую картину.

Очеркъ г. Чечулина состоитъ изъ пяти главъ. Въ первой авторъ разбираетъ характеристики русскаго общества XVIII столѣтія, сдѣланныя гг. Незеленовымъ, В. Семевскимъ, Дубровинымъ и Гольцевымъ. Признавая ихъ односторонность, авторъ поясняетъ, что этотъ недостатокъ явился вслѣдствіе неправильнаго метода, примѣняемаго обыкновенно при изученіи мемуаровъ и записокъ современниковъ. Названные изслѣдователи обращали вниманіе преимущественно на темныя стороны, на факты, единичные. По мнѣнію г. Чечулина, характеристика непремѣнно должна изобразить стороны положительныя (стр. 10). Такая странная исходная точка зрѣнія не мало, повторяемъ, вредитъ автору заставляя его впадать въ крайности оптимизма. Вѣрно замѣтивъ, что при изученіи исторіи общества надо обращать вниманіе на «тотъ фонъ», на которомъ выступаютъ выдающіеся факты, авторъ дѣлаетъ очень бѣглый обзоръ литературы XVIII вѣка, стараясь выбрать все пригодное для своихъ цѣлей. Обращаясь въ дальнѣйшемъ изложеніи къ мемуарамъ и запискамъ Болотова, Державина, фонъ-Визина, Винскаго, Данилова и др., г. Чечулинъ, къ сожалѣнію, не даетъ критической оцѣнки этихъ источниковъ, какъ матеріаловъ для характеристики быта и нравовъ тогдашняго русскаго общества. Поэтому, для массы читателей ссылки на нихъ могутъ быть не достаточно убѣдительны: вѣдь, можетъ быть, авторъ, черпая изъ матеріаловъ годное для себя, отбрасываетъ негодное?

Вторая глава посвящена изображенію провинціальнаго общества предъ манифестомъ 1762 года. Картина выходитъ весьма непривлекательной: дворянство мало чѣмъ отличается отъ крестьянства—такъ первобытна его обстановка, такъ узки его интересы, такъ низокъ умственный уровень его жизни. А воспитаніе дѣтей (стр. 45—48) свидѣтельствуетъ даже объ очень низкомъ нравственномъ уровнѣ тогдашняго общества (въ данномъ случаѣ правда записокъ и мемуаровъ взяла верхъ надъ оптимизмомъ г. Чечулина).—Въ третьей главѣ авторъ трактуетъ о провинціальномъ обществѣ отъ манифеста о вольности дворянства до учрежденія губерній; эта глава наиболѣе слабая, ибо мемуары и записки даютъ мало матеріала; наиболѣе цѣнны замѣчанія относительно повышенія умственнаго уровня.—Въ четвертой главѣ г. Чечулину удается такъ или иначе показать присутствіе несомнѣннаго прогресса съ внѣшней стороны въ русскомъ обществѣ послѣдней четверти прошлаго вѣка, послѣ областной реформы, хотя напрасно авторъ затушевываетъ многія непривлекательныя стороны того времени, говоря о нихъ вскользь и замѣчая,

что большинство общества было не таково. Наконецъ, въ пятой главѣ авторъ дѣлаетъ попытку показать умственный и нравственный прогрессъ въ тогдашнемъ обществѣ и, по нашему мнѣнію, значительно грѣшитъ въ стремленіи обѣлить и оправдать во что бы то ни стало всѣ недостатки людей, даже лучшихъ, прошлаго вѣка. Такъ, авторъ прибѣгаетъ къ раздѣленію нравственности на личную и общественную для того, чтобы показать, что люди въ XVIII вѣкѣ были такими же людьми, какъ и теперь, т. е. столь же нравственными какъ и теперь. А что они спокойно и безмятежно уживались съ крѣпостнымъ правомъ, такъ это, по мнѣнію г. Чечулина, ничего не доказываетъ, ибо крѣпостное право относится къ вопросамъ изъ области нравственности общественной. Такіе пріемы доказательствъ кажутся намъ нѣсколько софистическими и нисколько не научными: нравственность личная и общественная находятся несомнѣнно во взаимодѣйствіи и сильно вліяютъ другъ на друга, ибо вѣдь общество составляется изъ индивидуумовъ и общій уровень нравственности поднимается въ зависимости отъ нравственнаго развитія каждаго отдѣльнаго человѣка. — Не смотря на указанные нами недостатки, мы все-таки считаемъ трудъ г. Чечулина очень полезной и дѣльной попыткой показать извѣстный прогрессъ въ развитіи русскаго общества XVIII вѣка и такимъ образомъ сдѣлать первый шагъ къ болѣе правильному изученію одного изъ интереснѣйшихъ вопросовъ нашей новой исторіи.

С. Т—чевъ.

Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ; соч. Н. И. Шишкина. Касимовъ. 1889.

Сознаніе необходимости ближе ознакомиться съ прошлымъ своего роднаго края, начинаетъ все болѣе вкореняться въ русскомъ обществѣ. Сказки и легенды, которыми наслаждались и удовлетворялись въ прошломъ столѣтіи и даже въ первой половинѣ нынѣшняго, уступаютъ мѣсто серьезнымъ изысканіямъ въ архивахъ, приказахъ и монастыряхъ; такимъ образомъ, документальныя свѣдѣнія пріобрѣтаютъ большую цѣнность въ глазахъ изслѣдователей. Провинціальные труженики стали опубликовывать накоплящійся историческій матеріалъ и, такимъ образомъ, исторія Россіи сдѣлалась совершенно иною, чѣмъ ее предполагали кабинетные ученые, вышедшіе изъ-подъ ферулы нѣмца-учителя. Дѣйствительная исторія земли русской постепенно заступаетъ мѣсто сочиненной различными исторіографами. Къ числу упомянутыхъ провинціальныхъ труженниковъ слѣдуетъ отнести и г. Шишкина, составившаго книгу, заглавіе которой мы привели. Исторія чисто мусульманскаго ханства или царства, подъ бокомъ Москвы и Владиміра, представляетъ въ дѣйствительности много любопытнаго и достойнаго вниманія. Бѣжавшій изъ Орды царевичъ Касимъ, сынъ второго основателя Казани, царя Улу-Мухаммеда, сдѣлался вѣрнымъ слугою Василья Темнаго во время его борьбы съ Шемякою и его братьями и въ награду за это былъ назначенъ въ 1452 году вассальнымъ (или, по привычкѣ того времени, удѣльнымъ) княземъ Мещерскаго городца на Окѣ. Позднѣе этотъ городецъ стали называть Касимовымъ. Нѣсколько династій смѣняли другъ друга въ Касимовѣ, отсюда выбирались цари мятежной Казани, наконецъ, послѣдняя династія, ведущая свой родъ отъ Кучума сибирскаго, угасла въ лицѣ царицы Фатимы въ 1681 году. Всего въ Касимовѣ было, безъ Фатимы, четырнадцать царей:

Касимъ (1452—1469), Даньяръ (1469—1486), Нуръ-Дуалетъ (1486—1491), Сатылганъ (1491—1506), Джанай (1506—1512), Шейхъ-Авлеаръ (1512—1516), Шахъ-Али (1516—1519, 1536—1548, 1553—1567), Джанъ-Али (1519—1532), Саинъ-Булатъ (1567—1573), Мустафа-Али (1573—1599), Уразъ-Мухаммедъ (1600—1610), Арсланъ (1614—1627), Сендъ-Бурханъ или Василій (1627—1679), Фатима (1679—1681). Московскіе правители упорно сохраняли это государство въ государствѣ, видя въ немъ надежный оплотъ противъ татарскихъ набѣговъ съ востока и съ юга; мало того, если касимовскій царь по доброй волѣ принималъ православіе, то его смѣщали и назначали новаго, обязательно мусульманина. Однако, когда опасенія набѣговъ стали исчезать, когда далеко за Касимовымъ возникли новые укрѣпленные города, смыслъ и значеніе касимовскихъ царей оказались настолько подорванными, что они сдѣлались титулярными царями, безъ власти и силы; при дворѣ московскомъ ихъ стали третировать наравнѣ съ пришлыми татарскими мурзами, а послѣдній царь, Василій, былъ просто богатымъ помѣщикомъ, но не владѣтельнымъ государемъ. Просуществовавъ 229 лѣтъ, какъ столица мусульманскаго царства, Касимовъ незамѣтно превратился въ заурядный русскій городъ съ воеводою во главѣ, по волѣ царя Ѳедора Алексѣевича; званіе воеводы было уничтожено со введеніемъ городоваго положенія 1785 года при Екатеринѣ II, а теперь Касимовъ представляетъ изъ себя торговый уѣздный городъ Рязанской губерніи съ 16,000 жителей и 11 учебными заведеніями. Вся книга г. Шишкина, очевидно, заслуживаетъ полнаго вниманія за серьезную попытку изложить связно исторію касимовскаго царства въ доступной для большинства читателей формѣ (изслѣдованіе Вельяминова-Зернова въ трехъ томахъ и сборникъ актовъ и грамотъ Пискарева, не всякому подъ силу), но автору необходимо сдѣлать серьезный упрекъ въ неряшливости изданія. Обиліе опетокъ производитъ очень дурное впечатлѣніе и затрудняетъ даже чтеніе. Кромѣ того, для полноты монографіи, автору слѣдовало бы удѣлить немного болѣе мѣста этнографіи касимовскаго царства, тѣмъ болѣе, что мордвины и мещеряки должны были повліять на вселившихся татаръ и въ теченіе времени образовать нѣчто въ родѣ новаго народа. Мещерскій городецъ, основанный Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году, долженъ, конечно, имѣть свою исторію до 1376 года, когда его испепелили золотоординскіе татары, а между тѣмъ г. Шишкинъ проходитъ полнымъ молчаніемъ почти трехсотлѣтній періодъ, что довольно странно при обиліи матеріаловъ по исторіи рязанской земли. Автору слѣдовало бы назвать свой трудъ, въ виду нѣкоторой односторонности, не «Исторіею города Касимова», а «Исторіею касимовскихъ царей».

А. Б—въ.

Пензенскія губернскія вѣдомости. Первое пятидесятилѣтіе 1838—1888 г. Отдѣлъ неофиціальный: систематическій сводъ статей, относящихся къ Пензенскому краю, хронологическій и алфавитный указатели. Составилъ И. И. Василевъ. Пенза. 1889.

Губернскія вѣдомости возникли въ 1830 году, когда послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе объ изданіи правительственныхъ печатныхъ органовъ въ губерніяхъ и областяхъ Россіи. До 1837 года вѣдомости положено было издавать въ видѣ опыта только въ шести губерніяхъ—Астраханской, Казанской, Кіевской, Нижегородской, Слободско-Украинской и Яро-

славской, а съ 1837 года онѣ начали появляться и въ другихъ губерніяхъ. Съ этого же года въ нихъ появились и два отдѣла—оффиціальный и неоффиціальный—которыхъ раньше не было. До 1862 года Пензенскія вѣдомости въ своемъ неоффиціальномъ отдѣлѣ, не представляютъ ни особеннаго интереса, ни особеннаго значенія, Статьи, посвященныя изученію мѣстныхъ условій жизни, стали появляться, главнымъ образомъ, за послѣднее двадцатипятилѣтіе,—и Пензенскія губернскія вѣдомости заняли одно изъ видныхъ мѣстъ среди другихъ правительственныхъ губернскихъ органовъ, какъ, напр., Черниговскаго, Саратовскаго, Нижегородскаго.

Г. Василевъ очень добросовѣстно пересмотрѣлъ болѣе 5 тысячъ нумеровъ Пензенскихъ вѣдомостей за 50 лѣтъ ихъ существованія и сдѣлалъ весьма тщательный сводъ всѣхъ статей по извѣстнымъ рубрикамъ, которыхъ набралось 25 (въ 26 отдѣлѣ помѣщенъ перечень рисунковъ и чертежей, въ разное время воспроизведенныхъ на страницахъ вѣдомостей); кромѣ того, онъ снабдилъ свой сводъ нѣсколькими указателями, очень полезными и необходимыми для справокъ: первый—хронологическій указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части за время съ 1858 по 1862 годъ, второй—личный, третій—географическій и четвертый—предметный. Всѣхъ статей за 50 лѣтъ отмѣчено около 3-хъ тысячъ. Въ обстоятельномъ предисловіи къ своему своду г. Василевъ справедливо замѣчаетъ, что эти статьи являются надежнымъ источникомъ, изъ котораго можно получать матеріалы для родиновѣдѣнія. На основаніи этого матеріала можно составить нѣкоторое понятіе о до-историческомъ прошломъ края, о народахъ, населявшихъ губернію прежде, чѣмъ Пенза стала извѣстною въ исторіи; не мало въ систематизированыхъ статьяхъ разсѣяно свѣдѣній о почвенныхъ, климатическихъ и гигіеническихъ условіяхъ губерніи, о числѣ и занятіяхъ ея обитателей, встрѣчается не мало данныхъ по статистикѣ, географіи и этнографіи: изложены событія изъ жизни правительственныхъ, сословныхъ и общественныхъ учрежденій; не мало свѣдѣній о развитіи и ходѣ народнаго образованія, городской и сельской промышленности, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ и пр. Постепенно совершенствуясь и оживляясь, Пензенскія вѣдомости нынѣ издаются по программѣ, которая все-таки болѣе и менѣе удовлетворяетъ мѣстныхъ жителей, а именно, въ нихъ помѣщаются телеграммы столичныхъ газетъ, мѣстная хроника, земская и городская хроника, сельскохозяйственныя статьи, хроника происшествій, внутреннія и заграничныя извѣстія, чертежи, политипажи, рисунки и объявленія. Конечно, выполненіе этой программы оставляетъ желать еще многаго, ибо, напр., внутреннія и заграничныя извѣстія представляютъ перепечатки изъ другихъ газетъ. Но и въ данномъ своемъ видѣ нѣкоторыя губернскія вѣдомости сравнительно сносны и есть надежда, что не въ далекомъ будущемъ онѣ сдѣлаются настоящими органами мѣстной жизни, ея руководителями съ правительственной точки зрѣнія.

С. Тр—въ.

Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Составилъ и издалъ Е. Н. Дверницкій. Кіевъ. 1889.

Важное значеніе памятниковъ древне-русской жизни, памятниковъ, которые дошли до насъ въ сравнительно не большомъ количествѣ, съ каждымъ годомъ все больше и больше чувствуется нашей исторической наукой, ста-

рающейся дать на основаніи ихъ возможно болѣе справедливое и точное изображеніе нашего прошлаго. Вслѣдствіе такого взгляда на археологическія древности, въ послѣднее время часто приходится слышать протесты противъ того грубаго и безцеремоннаго отношенія, съ которымъ необразованная часть общества относится къ этимъ драгоцѣннымъ, исчезающимъ свидѣтелямъ нашей старины, принося ихъ въ жертву личному, часто самому незначительному расчету. Примѣръ такого протеста, находимъ мы между прочимъ въ «Кіевской Старинѣ». [1]) «Среди памятниковъ Владиміръ-Волынска особенно выдавались величественныя развалины древняго каѳедральнаго собора, построеннаго въ XII в. Владиміро-Волынскимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Но Боже! въ какомъ ужасномъ небреженіи оказался этотъ священный памятникъ православія и древне-русскаго искусства, обращенный невѣждами въ конюшню и загонъ для скота. Самый фактъ построенія этого храма древне-русскимъ княземъ и существованія при немъ въ теченіе 4½ вѣковъ православной епископской каѳедры былъ извѣстенъ лишь немногимъ мѣстнымъ жителямъ, большинство же, въ томъ числѣ нѣкоторые даже представители духовенства, въ простотѣ невѣжества вѣрили нелѣпой сказкѣ, будто этотъ храмъ былъ построенъ какимъ-то латинскимъ бискупомъ. Не въ лучшемъ положеніи оказались и другіе намятники мѣстиой православной старины. Остатки храмовъ заростали бурьяномъ или расчищались подъ частныя постройки, иныя лишь въ не давнее время оказались застроенными еврейскими домами; древніе предметы безслѣдно исчезли изъ церквей и попадали въ руки заграничныхъ антикваріевъ». Несмотря однако на массу такого рода жалобъ, зло нисколько не уменьшается. Ясно, что для борьбы съ этимъ зломъ не достаточно протестовъ отдѣльныхъ лицъ, не достаточно ихъ одинокой дѣятельности, а нужно общество, общество, которое бы обладало значительными силами для этой борьбы. Такое общество, подъ именемъ «Владиміро-Волынскаго общества» и основано въ декабрѣ 1887 года. Братство поставило своей задачей сбереженіе древнихъ памятниковъ русской жизни и ознакомленіе мѣстнаго населенія съ исторіей и археологіей края путемъ устройства музея, а также изданіемъ популярныхъ брошюръ. Одну изъ этихъ брошюръ, заглавіе которой мы выписали, думаемъ разобрать здѣсь.

Прежде всего мы находимъ въ ней краткій обзоръ исторіи г. Владиміръ-Волынска, «обзоръ необходимый для связности предлагаемаго очерка», въ которомъ авторъ намѣтилъ главнѣйшіе моменты въ жизни этого древняго города. Будучи основанъ не позже 988 г., Владиміръ-Волынскъ въ 1231 г. могъ уже поразить своей красатой венгерскаго короля Андрея, который выразился о немъ, «яко така града не изобрѣтахъ ни въ нѣмѣчскыхъ странахъ» [2]). Обзоръ свой авторъ доводитъ до 1794 г., затѣмъ даетъ описаніе города въ древности, слегка касается его состоянія въ настоящее время и наконецъ переходитъ къ главной части своего труда, именно къ описанію древнихъ церквей и монастырей, существующихъ здѣсь въ настоящее время, знакомитъ съ ихъ исторіей, внѣшнимъ видомъ, при чемъ описаніе свое иллюстрируетъ снимаками съ нихъ. Особенной полнотой и занимательностью отличается описаніе Успенскаго каѳедральнаго собора, основаннаго, какъ показали изслѣдованія проф. А. Прахова, въ XII в., описаніе Васильевской

---

[1]) «Кіевск. Старина». 1889 г., іюль, стр. 286 и сл.

[2]) Ип. Лѣт. стр. 510.

церкви, основанной въ XIV в., Святогорскаго монастыря (XI в.) и развалинъ Θеодоровской церкви. Не меньшій, впрочемъ, интересъ представляетъ также описаніе другихъ церквей. Вообще весь трудъ г. Дверницкаго интересенъ и заслуживаетъ вниманія уже по тому одному, что авторъ воспользовался массой неизданнаго, архивнаго матеріала, найденнаго имъ въ консисторіи и церквяхъ.

Встрѣчаются, однако, въ трудѣ г. Дверницкаго, хотя и очень рѣдко нѣкоторыя неточности. Такъ напримѣръ, въ историческомъ очеркѣ, авторъ говоритъ: «нѣкоторые изъ князей (Волынско-Галицкихъ) носили даже королевскій титулъ» (5 стр.), между тѣмъ какъ такихъ князей было всего два, а именно: Даніилъ Романовичъ и Юрій I Львовичъ, принявшій въ 1301 г. титулъ «rex Russiae et princeps Lodomeriae», но уже его сынъ Андрей въ договорѣ съ Литовскимъ Орденомъ (1325 г.) называется просто княземъ—dux Wladimiriae et Rossiae. Затѣмъ, занятіе Владиміра-Волынскаго двоюроднымъ братомъ Даніила Романовича, Александромъ Всеволодовичемъ, произошло не въ 1202 году, а двумя годами позже, т. е. въ 1204. Часто также употребляетъ г. Дверницкій мѣстныя слова и выраженія, не употребляющіеся въ русскомъ языкѣ и потому не для всѣхъ понятныя. Такъ напримѣръ на стр. 9: «трудами предмѣщанъ», «уніатскіе олтарики» (стр. 20), «бабинецъ» (это слово представляетъ собой простую передѣлку малороссійскаго слова «бабныкъ», которымъ называется та часть церкви, гдѣ стоятъ бабы). Всѣ эти и нѣкоторыя другія неточности, изрѣдка попадающіяся въ разбираемой нами брошюрѣ, вслѣдствіе своей незначительности и немногочисленности нисколько не уменьшаютъ достоинства и значенія труда г. Дверницкаго. Остается только желать побольше такихъ достосовѣстныхъ трудовъ, являющихся на помощь благимъ начинаніямъ основаннаго братства.

В. Б.

Около трона, романъ изъ жизни современныхъ нѣмецкихъ аристократовъ. Н. А. Попова. Спб. 1890.

Силы, враждебныя мирному и спокойному развитію человѣчества, существовали во всѣ времена, хотя имѣли самый разнообразный видъ и носили различныя названія. Въ настоящее время, какъ начинаютъ догадываться многіе, этими тормазами для человѣчества являются двѣ силы: іезуитство и юнкерство. Послѣднее, напоминающее собою лагерь Чингисъ-Хана или Батыя, страшный въ своемъ наступательномъ движеніи, опасенъ для мирнаго процвѣтанія европейскихъ народовъ только до той поры, пока руководителемъ юнкерства состоитъ свѣтлѣйшій канцлеръ Германской имперіи; умретъ онъ, исчезнетъ опытный руководитель и юнкерство потеряетъ три четверти своей силы и своего значенія. Очевидно, юнкерство есть только временный тормазъ, созданный своеобразно понятымъ шовинизмомъ. Другой же тормазъ болѣе опасенъ. Испанскій психопатъ Игнатій Лойола создалъ въ 1540 году мрачное подпольное братство для борьбы съ врагами католицизма и это братство задалось мыслью достичь всемірнаго господства. «Цѣль оправдываетъ средства», говоритъ іезуитъ и не отступаетъ при этомъ ни передъ чѣмъ, лишь бы содѣйствовать достиженію цѣли всего братства. Вотъ этотъ тормазъ, недоступный контролю и работающій во мракѣ, очень опасенъ и борьба съ нимъ обязательна для всѣхъ народовъ, дорожащихъ свободною

дорогою для своего развитія. Напоминать объ этомъ необходимо почаще и г. Поповъ очень удачно воспользовался беллетристическою формою, чтобы напомнить о томъ же. Канвою для его романа послужила пока таинственная смерть наслѣднаго австрійскаго принца Рудольфа, о причинахъ которой сообщались досужими репортерами самыя разнорѣчивыя извѣстія. Фабулу романа г. Поповъ построилъ такъ. Въ одномъ нѣмецкомъ герцогствѣ (читай въ Австріи) наслѣдный принцъ Альфредъ, женатый на принцессѣ Саломеи, рѣзко проявилъ свои антипатіи къ іезуитамъ и политикѣ желѣзнаго канцлера, такъ называемой «лигѣ мира»; вслѣдствіе этого онъ сдѣлался опаснымъ для тѣхъ и другихъ. Уничтожить его, стереть его съ лица земли—сдѣлалось задачею іезуитовъ и тѣмъ болѣе легкою задачею, что принцъ былъ пристрастенъ къ вину и женщинамъ. Его стали спаивать и познакомили съ дочерью одного лѣсничаго, расчитывая, что за соблазненную демократку отомстятъ ножемъ или пулею ея родные. Этого не случилось. Демократка Амалія оказалась цѣльною, возвышенною натурою, которая ставила на первый планъ идею, а не себя; она, сдѣлавшись любовницею принца, принялась тактично перевоспитывать его и еще болѣе укрѣплять въ ненависти къ іезуитамъ и «лигѣ мира»; отказываясь принимать подарки для себя, Амалія охотно взяла у Альфреда 185.000 гульденовъ для устройства общежитія плотникамъ, приходящимъ въ столицу. Іезуиты всполошились, видя, что «лѣсная козочка» не служитъ ихъ цѣлямъ, а усиливаетъ только пропасть между ними и принцемъ, подготовляя въ послѣднемъ опаснаго для нихъ врага. Тогда интриганы познакомили его съ баронессою Маріею Абендъ; послѣдняя такъ очаровала Альфреда, что онъ рѣшился развестись съ женою, чтобы жениться на Маріи. На просьбу, посланную папѣ, послѣдовалъ отказъ и Марія рѣшилась на самоубійство, не желая перенести позора, но Амалія познакомилась съ нею, съумѣла успокоить ее и указала ей цѣль: поддержать принца въ борьбѣ съ отцомъ и врагами. Тогда іезуиты потеряли терпѣніе и распорядились круто: одинъ изъ берлинскихъ шпіоновъ отравилъ Амалію и ея отца; мнимый демагогъ, на самомъ дѣлѣ слуга іезуитовъ, объявилъ брату Амаліи, что его сестра и отецъ убиты по приказанію принца; обезумѣвшій Карлъ прибѣжалъ въ паркъ, гдѣ жилъ его отецъ лѣсничій, убѣдился въ истинѣ извѣстія и въ изступленіи застрѣлилъ Альфреда, когда тотъ пріѣхалъ съ Маріею въ замокъ при паркѣ для переговоровъ безъ помѣхи о томъ, что дѣлать въ виду отказа папы въ разводѣ. Увидя трупъ принца, Марія Абендъ немедленно отправилась стрихниномъ, который носила въ карманѣ уже нѣсколько дней. Такимъ образомъ, катастрофа разразилась, но истинные виновники ея остались неизвѣстными. Монсиньоръ (Галимберти) съ чувствомъ отслужилъ панихиду по «застрѣлившемся» наслѣдномъ принцѣ, сознавая, что опасный врагъ подпольнаго братства сошелъ со сцены. Этимъ заканчивается романъ. Вполнѣ возможно, что на самомъ дѣлѣ причина смерти кронпринца Рудольфа другая, но невольно приходитъ на память судьба многихъ членовъ дома лотарингскихъ Габсбурговъ, осмѣлившихся востать противъ іезуитовъ: всѣ они погибали насильственною смертью. Кромѣ того, вспоминается судьба явныхъ противниковъ юнкерства, погибавшихъ или явно насильствено или среди таинственныхъ обстоятельствъ, невыясненныхъ слѣдствіемъ. Невольно приходитъ на мысль, что разсказъ г. Попова долженъ быть близокъ къ истинѣ. Какъ бы то ни было, романъ «Около трона» написанъ бойко, умѣло и читается съ удовольствіемъ; указаніе на могуще-

ственнаго тайнаго врага, орденъ іезуитовъ, никогда не можетъ быть несвоевременнымъ, потому что напоминать о немъ массамъ слѣдуетъ по возможности чаще, какъ мы упомянули объ этомъ выше. Правда, вѣнскій журналистъ-рецензентъ или берлинскій сочтутъ этотъ романъ оскорбительнымъ памфлетомъ, но на это можно возразить, что появленіе подобныхъ романовъ вызывается въ силу того, что враги іезуитизма и юнкерства какъ-то уже очень кстати умираютъ. Романъ г. Попова переведенъ уже на французскій и италіанскій языки. **А. Б—въ.**

Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ (1838—1888), сост. М. М. Захарченко. Кіевъ. 1889.

22 августа 1888 года институтъ благородныхъ дѣвицъ въ Кіевѣ праздновалъ пятидесятый годъ своего существованія. По этому случаю инспекторъ институтскихъ классовъ составилъ очеркъ полувѣковой дѣятельности института, присоединивъ къ нему юбилейный отчетъ о состояніи учебнаго заведенія. Все вмѣстѣ это составило книжечку въ 168 страницъ, отпечатанныхъ чисто и красиво на хорошей бумагѣ и украшенную очень недурно исполненными фототипіями, изображающими императоровъ Николая I, Александра II и Александра III, императрицъ Александру Ѳеодоровну, Марію Александровну и Марію Ѳеодоровну, четырехъ начальницъ института (П. И. Нилову, Е. Д. Голубцову, А. А. Родзянко и Л. К. Эрнстъ), затѣмъ нѣсколько снимковъ съ института и его залъ, а также планъ институтской земли. Мысль основать институтъ въ Кіевѣ принадлежитъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которой не пришлось осуществить этой мысли. Однако, благодаря генералъ-губернаторамъ графу В. В. Левашеву и Д. Г. Бибикову, а также попечителю округа, Е. Ѳ. фонъ-Брадке, проектъ былъ приведенъ въ исполненіе, благодаря щедротамъ императора Николая I, и открытіе института состоялось 22 августа 1838 года. Новое учебное заведеніе сразу привлекло къ себѣ симпатіи мѣстнаго населенія, такъ что въ 1840 году пришлось отказать нѣсколькимъ десяткамъ лицъ въ пріемѣ по недостатку мѣста. Въ 1843 году институтъ перешелъ въ собственное помѣщеніе, выстроенное на землѣ, пріобрѣтенной отъ университета въ Старомъ городѣ. Августѣйшіе покровители неоднократно посѣщали институтъ и всегда оставались довольны какъ системою воспитанія, такъ и вообще порядками заведенія. Первое посѣщеніе императора Николая I состоялось 1 сентября 1845 года, послѣднее посѣщеніе нынѣ царствующаго императора со всею семьею состоялось 17 августа 1885 года. Расходъ по институту въ 1838 году составлялъ 20.911 р. 31½ коп., въ 1863 году—68,934 р. 12¾ коп., а въ 1888 году—173,694 р. 23 коп. Всѣхъ выпусковъ было тридцать четыре, причемъ окончили курсъ 1,283 воспитанницы, въ томъ числѣ 284 съ шифрами и медалями; ко дню юбилея въ институтѣ числилось 253 воспитанницы.

А. Б—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русская жизнь въ оцѣнкѣ англичанина.—Англія озабоченная успѣхами Россіи въ Средней Азіи.—«Капитанская дочка», изучаемая англійскими офицерами.—Карьера нигилиста. — Русскій профессоръ въ оцѣнкѣ лондонскихъ ученыхъ.—Смерть Ральстона.—Офиціальное путешествіе по Босніи и Герцеговинѣ.—Гвоздеобразныя надписи въ странѣ іероглифовъ.—Монографія Антонина.—Защитникъ Ингеборги.—Германскій императоръ Фридрихъ II.

ОССІЯ продолжаетъ интересовать англичанъ не меньше, чѣмъ французовъ и нѣмцевъ. Въ концѣ прошлаго года въ Лондонѣ, кромѣ переводовъ нѣсколькихъ русскихъ писателей, вышли и оригинальныя сочиненія о нашемъ отечествѣ. Томасъ Мичель, бывшій членъ англійскаго посольства въ Петербургѣ, знающій русскій языкъ, издалъ «Русскія картины, начертанныя перомъ и карандашомъ» (Russian pictures, drawn with pen and pencil, by Thomas Michell). Другой знатокъ нашей литературы, критикъ журнала Academy, В. Р. Морфиль, сочувственно привѣтствуетъ эту книгу, «имѣющую цѣлью ближе познакомить англійскаго читателя съ великою русскою имперіею, проложить путь для лучшаго пониманія между двумя націями (to pave the way for a better understanding)». Не о сближеніи, а только о пониманіи говоритъ осторожный критикъ, находя, что авторъ обладаетъ для этого всѣми данными: владѣя русскимъ языкомъ, онъ долго жилъ въ Россіи и составилъ описаніе ея, изданное нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ руководство для ознакомленія съ нею. «Онъ пишетъ въ благосклонномъ и безпристрастномъ духѣ и даетъ столько доказательствъ истинной симпатіи къ своему предмету, что мы чувствуемъ—ему можно вѣрить». Такъ изображая, напримѣръ, капитана парохода въ Нижнемъ-Новгородѣ, Мичель доходитъ до выраженій глубокаго, искренняго сочувствія къ веселому товарищу своего путешествія. Лучшая часть описанія посвящена Сибири и ея ссыльнымъ. Въ изображеніи жизни ссыльныхъ Мичель правдивѣе и компетентнѣе Джорджа Кеннана, писавшаго о томъ же предметѣ.

Планъ книги вообще очень удаченъ. Читатель слѣдитъ за авторомъ, по всѣмъ главнымъ городамъ имперіи отъ Новгорода до Тифлиса. Прекрасные рисунки иллюстрируютъ разсказъ, написанный живымъ и легкимъ языкомъ. Нѣкоторые политипажи взяты изъ книги Скюйлера о Петрѣ Великомъ, изъ Крыма и Закавказья Тельфера. Встрѣчаются и плохіе, устарѣвшіе клише, какъ прибытіе Чанселора въ 1553 году въ Холмогоры, или Стенька Разинъ, бросающій въ Волгу персидскую принцесу, изъ «Исторіи Россіи» Мотлея. Англійскій критикъ не соглашается съ авторомъ, приводящимъ сожалѣнія грузинъ о потерѣ ихъ независимости: они несомнѣнно исчезли бы изъ ряда націй, еслибы Россія не явилась ихъ покровительницею. Въ 1795 году персіане разрушили почти весь Тифлисъ и тысячи грузинъ были уведены плѣнниками въ Персію. Лезгины и другія кавказскія племена также постоянно враждовали съ ними. Между этими кавказскими племенами не было никогда солидарности въ дѣйствіяхъ и цѣляхъ. Въ 1855 году Омеръ-паша, вторгнувшись въ Мингрелію, не встрѣтилъ никакой поддержки въ ея жителяхъ, и его воззванія, что онъ пришелъ освободить страну отъ русскихъ варваровъ, возбуждали негодованіе, такъ какъ страна страдала всегда подъ властью мусульманъ. Напрасно также Мичель называетъ Шамиля татариномъ, когда онъ былъ природный лезгинъ. Съ ихъ хищническими наклонностями и нравами полудикія племена Кавказа не могли, по его покореніи, оставаться въ своихъ горахъ и хотя переселились въ Турцію въ числѣ пятисотъ тысячъ, отъ 1858 по 1865 годъ, но князь Горчаковъ имѣлъ полное основаніе напомнить лорду Росселю, приписывавшему эту эмиграцію притѣсненіямъ правительства—о переселеніи въ послѣднее время четырехъ милліоновъ ирландцевъ изъ своей родины. Мичель упоминаетъ также объ успѣхахъ Россіи въ Средней Азіи, возбудившихъ неудовольствіе въ англичанахъ, хотя благодаря этимъ успѣхамъ въ обширной странѣ уничтожены разбои и невольничество. Финляндія, Польша и другія русскія завоеванія также подробно описаны Мичелемъ. Въ русской исторіи авторъ дѣлаетъ важныя ошибки. Если еще можно допустить, что иностранецъ приписалъ основаніе Пскова княгинѣ Ольгѣ, то уже совершенно непростительно утвержденіе, что императоръ Иванъ VI былъ сынъ Елисаветы и даже—Бирона!

— Книга члена парламента Курзона касается Россіи въ центральной Азіи въ 1889 году и южно-русскаго вопроса (Russia in Central Asia in 1889 and the anglo-russian question. By George Curzon). Свои выводы авторъ основываетъ на трудахъ своихъ предшественниковъ, изслѣдовавшихъ эту область, стараясь оставаться безпристрастнымъ «между руссофобами, какъ Вамбери, обманывающими другихъ и руссофилами, какъ Стидъ, которые сами обманываются». Въ послѣдней главѣ своего труда «Русское управленіе въ центральной Азіи», авторъ хвалитъ это управленіе, но находитъ что по нашей афганской границѣ необходимо устроить желѣзную дорогу. На случай смерти Абдурахмана, Россія имѣетъ передъ англичанами тѣ преимущества, что у нея есть кандидатъ на престолъ эмира—Исхакъ-ханъ. Она медленно, но постоянно усиливаетъ свой операціонный базисъ и, готовясь занять сѣверныя и западныя провинціи Афганистана, найдетъ тамъ твердую для себя опору, а ея армія двинется на югъ черезъ Балхъ на Кабулъ, или черезъ Гератъ на Кандагаръ. Силы ея всегда могутъ увеличиться подкрѣпленіями черезъ Каспійское море, тогда какъ англійскій полководецъ

долженъ будетъ довольствоваться тѣми войсками, какія у него подъ руками. Приближеніе русскихъ къ Гиндукушу, уничтожая независимость и значеніе Афганистана, будетъ служить предметомъ вѣчной паники въ Индіи. Поэтому никакой раздѣлъ Афганистана между Англіей и Россіей немыслимъ; малѣйшее нарушеніе только-что утвержденной афганской границы должно немедленно вызвать объявленіе войны Россіи со стороны Англіи «какъ этого требуетъ ея честь». Это говоритъ Курзонъ на 353-й страницѣ своей книги, а нѣсколько раньше, на 267-й замѣчаетъ, что «занятіе русскими Герата не поведетъ неминуемо къ войнѣ». Такихъ противорѣчій у автора встрѣчается не мало. То онъ увѣренъ въ побѣдѣ русскихъ, то говоритъ, что при первомъ движеніи ихъ впередъ можно будетъ повторить слова Кромвеля: «теперь Господь предаетъ ихъ въ наши руки!» То онъ утверждаетъ, что занятіе Герата не ведетъ за собою занятіе Кандагара и обладаніе даже обоими этими городами не угрожаетъ завоеваніемъ Индіи, то повторяетъ, что взятіе этихъ городовъ сократитъ на цѣлый мѣсяцъ наступленіе непріятеля къ Индіи, потребуетъ сосредоточенія всѣхъ оборонительныхъ силъ Англіи на границѣ и громадныхъ расходовъ королевства. И въ то же время онъ называетъ планъ похода на Индію—фантастическимъ. Для предупрежденія опасности авторъ совѣтуетъ отправить въ Гератъ, Балхъ, Маймене и другіе пограничные пункты англійскихъ офицеровъ резидентами, но самъ же сознается, что безъ сильнаго эскорта, они подвергнутся покушеніямъ на ихъ жизнь, а большіе отряды для охраны ихъ возбудятъ враждебныя дѣйствія дикарей. Вообще, въ сужденіяхъ о будущихъ судьбахъ Афганистана и отношеніяхъ къ нему Россіи, у Курзона, какъ и всѣхъ англичанъ, писавшихъ объ этомъ вопросѣ, нѣтъ ни опредѣленныхъ плановъ, ни твердыхъ мыслей. Ясно, что они не знаютъ сами, что будутъ дѣлать въ случаѣ переворотовъ въ этой странѣ.

— Изъ сочиненій русскихъ писателей замѣчателенъ переводъ «Капитанской дочки» Пушкина, изданный въ Калькутѣ для учащихся офицеромъ бомбейскаго штаба Годфреемъ (The Captain's daughter. By A. C. Pooshkin. Litterary translatedfrom the russian for the use of studenty by Stuart H. Godfrey, Bombay Staff corps Calcutta). Переводъ этотъ доказываетъ, что англійскіе офицеры въ Индіи усердно занимаются русскимъ языкомъ, и основательно изучаютъ его. Переводчикъ ошибается только, утверждая въ предисловіи, что на англійскомъ языкѣ «нѣтъ ни одного дословнаго перевода русскаго сочиненія, по которому изучающій этотъ языкъ, могъ бы ознакомиться съ искусствомъ русскихъ прозаиковъ». Тургеневъ давно уже переведенъ вѣрно и искусно Ральстономъ, Аштономъ Дильке, Скюйлеромъ, графъ Толстой—Долемъ. Да и «Капитанская дочка» переведена уже анонимнымъ авторомъ и издана вмѣстѣ съ нѣкоторыми разсказами Лермонтова, незадолго до начала Крымской войны. Это не мѣшаетъ, однако, тому, чтобы товарищи Годфрея по оружію прочли съ пользою для себя новый переводъ «одного изъ лучшихъ, прелестныхъ разсказовъ» (prettiest, charming) по словамъ англійской критики, удивляющейся простотѣ и художественности изложенія.

— Англичане восхищаются и оригинальными произведеніями русскихъ людей, пишущихъ на англійскомъ языкѣ. Критикъ «Атенеума» говоритъ съ большою похвалою о романѣ Степняка,—«Карьера нигилиста» (The areer of a nihilist By Stepniak). Въ то время когда Россія уже начи-

наетъ забывать о печальной эпохѣ, когда горсть увлеченныхъ фанатиковъ держала въ страхѣ общество и администрацію, англичане продолжаютъ увѣрять, что нигилизмъ играетъ важную роль въ русской жизни и доставляетъ сенсаціонныя темы для оживленія русскихъ романовъ. Авторъ утверждаетъ, что революціонный элементъ развивается въ среднемъ классѣ, какъ протестъ противъ грубаго обращенія полиціи... Странный взглядъ и на полицію и на нигилизмъ!.. Женщинамъ авторъ отводитъ первенствующее мѣсто во всемъ романѣ и представляетъ ихъ руководительницами всѣхъ предпріятій.

— Спеціальный лондонскій журналъ «Nature» помѣстилъ въ отдѣлѣ «научныхъ знаменитостей» біографію и портретъ Дмитрія Ивановича Менделѣева. Віографія написана Торпомъ на основаніи данныхъ, доставленныхъ петербургскими профессорами Меньшуткинымъ и Горбовымъ и профессоромъ пражскаго университета Враунеромъ. Но самостоятельная оцѣнка трудовъ знаменитаго химика принадлежитъ англійскому ученому. «Менделѣевъ, говоритъ онъ, такой плодовитый писатель, что въ предѣлахъ журнальнаго очерка трудно оцѣнить все, что имъ сдѣлано. Нѣтъ ни одного отдѣла химической науки, который не былъ бы обязанъ ему важными открытіями. Его геніальная концепція періодическаго закона элементовъ повела къ открытію многихъ новыхъ простыхъ тѣлъ. Королевское общество наукъ присудило ему медаль Деви, лондонское химическое общество—высшій знакъ своего отличія—медаль Фарадея». Упомянувъ о работахъ Дмитрія Ивановича по изученію воздухоплаванія, нефтяной и каменноугольной промышленности, объ его учебникахъ по химіи и энциклопедіи, по технологіи, объ образованіи имъ нѣсколькихъ поколѣній русскихъ химиковъ, Торпъ прибавляетъ: никто изъ русскихъ ученыхъ не оказалъ такого значительнаго и продолжительнаго вліянія на развитіе физико-химическихъ наукъ какъ Менделѣевъ. «Онъ имѣетъ такое же значеніе для Россіи, какъ Берцеліусъ для Швеціи, Либихъ для Германіи, Дюма для Франціи». Прошлымъ лѣтомъ нашъ ученый читалъ въ Лондонѣ лекціи, имѣвшія огромный успѣхъ, не смотря на свою спеціальность.

— Вмѣстѣ съ англійскими журналами мы можемъ пожалѣть о ранней смерти знатока русской литературы Вильяма Ральстона. Онъ родился въ 1829 году и кончилъ свое образованіе въ Кембриджѣ въ 1850 г. Чтобы оказать помощь своему недостаточному семейству, онъ поступилъ на службу въ Британскій музей и занялся тамъ изученіемъ русскаго языка. Въ 1868 году онъ отправился въ Россію и проѣхалъ отъ Петербурга до Воронежа; черезъ два года онъ повторилъ свою поѣздку и изъ шести недѣль проведенныхъ у насъ—десять дней прожилъ въ помѣстьи Тургенева, съ которымъ вошелъ въ близкія сношенія. Въ 1875 г. онъ еще разъ посѣтилъ Россію, знакомясь на мѣстѣ не только съ нашей литературой, но и съ народнымъ бытомъ. Плодомъ этихъ добросовѣстныхъ изученій были: переводъ тургеневскаго «Дворянскаго гнѣзда» и такіе серьезные этюды, какъ «Крыловъ и его басни» (3-е изданіе 1871 г.). «Пѣсни русскаго народа, какъ иллюстрація славянской миѳологіи и русской общественной жизни» (1872). «Русскія народныя сказки» (1873), «Древняя исторія Россіи» (1874). Кромѣ того, онъ написалъ въ англійскихъ журналахъ много статей о Россіи, ея законахъ, преданіяхъ, о деревенской жизни, о Тургеневѣ, Островскомъ, о принцессѣ Таракановой, о русскихъ пословицахъ и др. Сверхъ того,

онъ читалъ лекціи объ этихъ предметахъ въ разныхъ городахъ Англіи. Онъ былъ членомъ-кореспондентомъ русскихъ обществъ: историческаго, географическаго, любителей исторіи и словесности, нижегородскаго статистическаго комитета и пр. Въ «Атенеумѣ» онъ писалъ рецензіи о русскихъ книгахъ. Натура впечатлительная и воспріимчивая, онъ трудился усердно, скоро привязывался, дѣлалъ много добра, хлопоталъ за всѣхъ своихъ знакомыхъ. Онъ помогъ Мекензи Валлесу издать его большой трудъ о Россіи, велъ дѣятельную кореспонденцію съ англійскими и русскими писателями. Его любовь къ Россіи, странная въ англичанахъ, не измѣнялась до конца жизни, проведенной въ уединеніи, вслѣдствіе разстроеннаго усидчивымъ трудомъ здоровья.

— Любопытна съ точки зрѣнія австрійской политики книга члена венгерскаго парламента Асбота, изданная одновременно въ Пештѣ на венгерскомъ, и въ Лондонѣ на англійскомъ языкѣ «Офиціальная поѣздка по Босніи и Герцеговинѣ» (An official tour through Bosnia and Herzegovina). Авторъ, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, четыре года сряду сопровождалъ министра финансовъ Каллая въ его ежегодной поѣздкѣ по славянскимъ провинціямъ, захваченнымъ Австріею въ силу берлинскаго трактата, и плодомъ его наблюденій явилась книга, имѣющая преимущественно историческое и археологическое значеніе, но мѣстами обнаруживающая и хищническую политику Австріи по отношенію къ землямъ, занятымъ ею вопреки народнаго права и желанія страны. Асботъ говоритъ обо всемъ по немногу: объ этнографіи и религіи, о литературѣ и народныхъ легендахъ, о земельныхъ условіяхъ и общественной жизни, даже о богумиловской ереси, бывшей одно время господствующею церковью въ государствѣ. Онъ возстаетъ противъ мнѣнія Эванса, что ученіе богомиловъ сходно съ протестантствомъ и видитъ въ немъ напротивъ сильную вѣру во всѣ догматы, что противно духу протестантовъ. Богомилы далеки отъ Эразма, Кальвина и Лютера, но близки къ Іоанну Лейденскому, Гуссу, альбигойцамъ. Въ ученіи богомиловъ есть слѣды армянскаго манихеизма: они вѣрятъ, что земля создана не Богомъ, а сатаною, которому Богъ позволилъ творить въ теченіе семи дней. Брачную жизнь они считаютъ грѣхомъ, ветхій завѣтъ—произведеніемъ діавола, выдававшимъ себя за Бога, пока Христосъ не пришелъ въ міръ. Одни изъ богомиловъ считаютъ сатану первороднымъ сыномъ божіимъ, другіе отвергаютъ это, но всѣ вообще не признаютъ поклоненіе кресту какъ орудію опозоренному смертью Христа. Не признаютъ они также никакихъ образовъ и иконъ, ни церковныхъ обрядовъ, ни священниковъ, ни епископовъ, ни причастія, жизнь ведутъ строго-нравственную. Изгнанные изъ Босніи, богомилы перенесли свое ученіе въ Сербію, Болгарію и южную Россію, гдѣ слѣды ихъ замѣтны въ раскольничьихъ сектахъ.

— Подъ названіемъ «Находка въ Телль-эль-Амарна» (La trouvaille de Tell-el-Amarna) обнародовано изслѣдованіе одного изъ любопытнѣйшихъ открытій въ области египетской археологіи. Въ концѣ 1887 года, въ маленькой египетской деревнѣ найдена колекція глиняныхъ дощечекъ съ гвоздеобразными надписями. Ассиро-вавилонскія письмена въ странѣ гіероглифовъ представляли такую необычайную находку, что ученый міръ усомнился въ дѣйствительности открытія, тѣмъ болѣе, что оно было сдѣлано не европейскими археологами и филологами, а продавцами мѣстныхъ древностей. Вскорѣ однакоже исчезли сомнѣнія въ обманѣ или поддѣлкѣ и разборъ гвоздеобраз-

ныхъ письменъ, нынѣ изданный въ свѣтъ, хотя еще и не въ полномъ видѣ, объяснилъ ихъ происхожденіе. Глиняныя досчечки представляютъ офиціальную переписку фараоновъ XVIII династіи Аменофиса III и IV или Аменготпу, какъ читаетъ это имя Масперо, съ правителями и губернаторами Ассиріи, признававшей, въ эту эпоху, египетскихъ царей своими сюзеренами. Между этими остатками дипломатической кореспонденціи, дошедшей до насъ только въ обрывкахъ, встрѣчаются также письмена халдейскихъ и ассирійскихъ царей. Написаны эти документы въ тонѣ покорности и подчиненія, доказывающихъ, что эти владыки заискивали покровительства Египта и не даромъ Тутмесъ III и его наслѣдники вписали Ассирію въ число своихъ данниковъ. Изъ этихъ депешъ видно, что египтяне не управляли лично странами, платившими имъ дань, а оставляли этимъ странамъ ихъ прежнюю администрацію, подъ условіемъ акуратнаго платежа дани. По временамъ «царскіе посланники въ сѣверныя страны» являлись въ этихъ странахъ для провѣрки—соотвѣтствуютъ ли доходы ихъ количеству вносимой дани. Но почти всякій годъ египетскія арміи являлись въ этихъ странахъ для подавленія возникавшихъ тамъ возстаній. Гвоздеобразная азбука была въ общемъ употребленіи у всѣхъ ассирійскихъ племенъ и въ то же время служила для дипломатическихъ сношеній государствъ отъ Тигра до Нила.

— Латуръ Гайе издалъ замѣчательный этюдъ изъ римской исторіи II вѣка «Антонинъ благочестивый и его время» (Antonin le pieux et son temps). Въ послѣднее время вышли прекрасныя біографіи Траяна, Адріана, Марка-Аврелія, Септимія Севера, но Антонинъ еще не былъ предметомъ спеціальнаго изученія. Теперь пополненъ и этотъ пробѣлъ. Книга французскаго историка представляетъ не только подробную жизнь преемника Адріана, но всѣ событія его времени, всѣ предпринятыя имъ реформы, общество, императорскій дворъ, искуство, науки и литературу, отношеніе язычества къ христіанству. Жаль только, что авторъ строго ограничиваетъ свои изслѣдованія 23-мя годами царствованія Антонина, тогда какъ результаты многихъ событій этой эпохи отразились въ болѣе позднее время. Лучшія стороны этюда: отношенія Антонина къ сенату и христіанамъ, изслѣдованіе философскихъ ученій и юридическихъ вопросовъ. Общій выводъ сочиненія тотъ, что Антонинъ былъ однимъ изъ лучшихъ императоровъ и образцомъ языческихъ добродѣтелей. Пристрастіе автора къ своему герою простирается до того, что онъ не только описываетъ его привычки и занятія: охоту за кабанами, уженье рыбы, бесѣды его съ работниками своихъ виноградниковъ за завтракомъ изъ чесноку и жирныхъ анчоусовъ, но старается даже оправдать жену императора Фаустину отъ обвиненій вполнѣ доказанныхъ,— въ весьма предосудительномъ поведеніи. Неосновательность этихъ обвиненій авторъ видитъ въ томъ, что Антонинъ всегда очень хорошо относился къ своей женѣ, тогда какъ это обстоятельство доказываетъ только кротость императора, а вовсе не безупречность Фаустины.

— Робертъ Давидсонъ издалъ исторію Филиппа Августа короля Франціи и Ингеборги (Philupp II August von Frankreich und Ingeborg). Лѣтописи разсказываютъ, что въ 1201 году, на соборѣ въ Суассонѣ, созванномъ для суда надъ женою французскаго короля, бѣдный, неизвѣстный клеркъ обратился къ Филиппу Августу и кардиналамъ, прося позволенія защищать королеву, отвергнутую своимъ мужемъ. Получивъ позволеніе, онъ произнесъ такую краснорѣчивую и энергичную рѣчь въ защиту Ингеборги,

что удивилъ всѣхъ присутствующихъ на соборѣ, хотя конечно не повліялъ на ихъ рѣшеніе. Авторъ вышедшей нынѣ книги напоминаетъ этого клерка. Почти черезъ семьсотъ лѣтъ нѣмецъ еврейскаго происхожденія является защитникомъ французкой королевы, отвергнутой своимъ мужемъ на другой день послѣ брака по неизвѣстной причинѣ. Давидсонъ собралъ множество документовъ, относящихся къ этому процессу, cause célèbre XIII вѣка. Онъ ѣздилъ нарочно въ Копенгагенъ, мѣсто рожденія Ингеборги, чтобы въ городскихъ архивахъ отыскать какіе-нибудь слѣды ея родства. Для этой же цѣли онъ жилъ долго во Франціи, роясь, кромѣ національной парижской библіотеки, въ архивахъ Орлеана, Санлиса, Этампа, Корбейля. Онъ посѣтилъ всѣ города, гдѣ жила Ингеборга и составилъ обширную біографію, въ которой старается представить свою героиню образцовою женою и женщиною. Что за ней не было никакой особенной вины доказывается и ея несправедливымъ осужденіемъ въ 1197 году и возвращеніемъ ей въ 1213 году королевскаго званія; но явное стремленіе автора представить ее идеаломъ совершенства много вредитъ исторической правдѣ сочиненія и заставляетъ заподозрѣвать всѣ его изъисканія. Лучше всего имъ опредѣлена роль Инокентія III въ этой исторіи. Во имя справедливости и святости брака папа принялъ сторону отверженной королевы и наложилъ даже интердиктъ на Францію. Но эта мѣра не улучшила участи Ингеборги. Король оставался непреклоннымъ и папа, дорожа его союзомъ и желая отвлечь его отъ союза съ Гогенштауфенами и понудить къ походу противъ альбигойцевъ, не хотѣлъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Онъ сáмъ предложилъ Филиппу Августу средство сдѣлать его разводъ вполнѣ законнымъ: объявить, что вслѣдстіе колдовства король не могъ имѣть брачныхъ сношеній съ своей женою. Но и признаніе за Ингеборгою королевскихъ правъ не было слѣдствіемъ папскихъ угрозъ и увѣщаній. Король замышлялъ въ это время сдѣлать высадку въ Англію и, чтобы оправдать это нападеніе, заявилъ права Ингеборги на это государство, какъ дочери датскихъ королей, а права эти она принесла въ приданое Филиппу-Августу, выйдя за него замужъ. Пристрастіе къ женѣ дѣлаетъ въ то же время автора несправедливымъ къ мужу и Давидсонъ не достаточно цѣнитъ энергію короля и его государственныя заслуги. Но въ общемъ—книга нѣмецкаго писателя представляетъ все-таки цѣнный вкладъ въ изслѣдованіе любопытнаго эпизода исторіи среднихъ вѣковъ.

— Другой эпизодъ той же эпохи передаетъ Максъ Гальбе, въ своей книгѣ «Фридрихъ II и папскій тронъ до коронаціи императора» (Friedrich II und der päpstliche Stuhl bis zur Kaiserkrönung). Благодаря поддержкѣ Инокентія III, внукъ Барбаруссы, Фридрихъ II, овладѣлъ германскою короною. Ведя упорную войну съ партіей гвельфовъ, императоръ оставался благодарнымъ папскому престолу. Въ 1213 году онъ утвердилъ за папою старинныя римскія владѣнія—аллодіальныя земли графини Матильды и допустилъ въ Германіи назначеніе епископовъ папою, затѣмъ далъ обѣщаніе идти въ крестовый походъ и, въ 1216 году, отказался отъ всякой опеки надъ своимъ сыномъ Генрихомъ, королемъ Сициліи, также какъ отъ всякаго личнаго соединенія этого королевства съ имперіею. Но освободившись однажды отъ всѣхъ своихъ враговъ, Фридрихъ не захотѣлъ исполнить своихъ обѣщаній и книга Гальбе передаетъ подробно обо всѣхъ усиліяхъ Фридриха избавиться отъ своихъ обязательствъ. Сначала онъ поручилъ Генриху управленіе Швабскимъ герцогствомъ, потомъ успѣлъ сдѣлать его римскимъ королемъ.

Преемникъ Инокентія, Гонорій III принужденъ былъ признать всѣ эти нарушенія договоровъ и въ 1220 г. короновалъ Фридриха императоромъ, все еще надѣясь, что онъ отправится въ походъ. Историкъ останавливается на этомъ эпизодѣ, не разсказывая послѣдующаго тридцатилѣтняго царствованія, полнаго драматическими событіями, какъ взятіе Іерусалима, отлученіе Фридриха отъ церкви Григоріемъ IX, преданіе императера анаѳемѣ и объявленіе низверженнымъ съ престола папою Инокентіемъ IV, и пр. Поэтому изслѣдованіе Гальбе только начала политической карьеры Фридриха далеко не опредѣляетъ его историческаго значенія и не даетъ полныхъ данныхъ для его правильной оцѣнки.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

Буддійская молитва за царя, установленная въ память о чудесномъ спасеніи Ихъ Величествъ въ день 17-го октября 1888 года.

ОЛИТВА ЭТА составлена главою буддійскаго духовенства Сибири Бандидо-Хамбо-Ламой (его титулъ) Гусино-Озерскаго дацана Даншиломъ Гомбоевичемъ Гомбоевымъ, и по его приказанію читается или поется ламами при хуралахъ (богослуженіяхъ) во всѣхъ дацанахъ (буддійскіе храмы) Восточной Сибири.

«Да будетъ благословенно! Несравненно благодѣтельные, высшіе покровители, дарующіе долголѣтіе, безпредѣльно вѣчные Будды: Аюшэ, Усниха, Вицзая, Цаганъ-Дара-экэ и другіе, даруйте счастіе многолѣтія милосердному, держащему колесо силы, единственному другу всего народа, небомъ дарованному, могущественнѣйшему и великому государю императору Александру III! Будды, даруйте ему многія лѣта и тѣлесную крѣпость, какъ алмазъ!

«Будды, даруйте многолѣтнее безпрерывное царствованіе въ нашемъ обширнѣйшемъ государствѣ на пользу и славу отечества царю, обладателю людей, перерожденію высочайшаго! Устройте жизнь его безпритворно счастливою! Развѣвая знамя могущества, издающее тысячи лучей и побѣждающее враговъ, да укротитъ онъ злыхъ враговъ безъ остатка, да сдѣлаетъ довольными своихъ любимыхъ подданныхъ и да многолѣтенъ будетъ онъ!

«Даруйте великому государю нашему, мановеніемъ своего побѣдоноснаго оружія покорившему подъ свою державу дерзавшихъ величіемъ многихъ мелкихъ царей, многолѣтіе на славу людямъ міра!

«Даруйте многія лѣта и тѣлесную крѣпость, какъ алмазъ, благочестивой государынѣ императрицѣ Маріи и наслѣднику цесаревичу Николаю, слава котораго распространится во всѣхъ странахъ, какъ полная луна!

«Силою истины да распространится вѣра, и повелителю народа великому государю многія лѣта!

«Да возсіяетъ, какъ полнолуніе, правленіе его, подобно предкамъ, и да блаженствуетъ народъ подъ державнымъ скипетромъ его, благословеніемъ необманчиваго провидѣнія; да уничтожатся по силѣ всеблагаго намѣренія и желанія всѣхъ вѣрныхъ людей противныя (Ему) мысли и все желанное (Имъ) доброе исполнится». Сообщено **В. Птицынымъ.**

II.

Страничка изъ исторіи нашихъ сношеній съ Персіей въ 1829 г.

Неизданное письмо графа К. В. Нессельроде къ графу И. Ѳ. Паскевичу-Эриванскому.

Не многимъ извѣстно, что И. Ѳ. Паскевичъ имѣлъ намѣреніе принудить персіянъ искупить кровью на полѣ чести звѣрское убійство тегеранскою чернью Грибоѣдова, который доводился ему по женѣ племянникомъ. Трауръ, въ который облекъ себя и весь дворъ, наслѣдникъ персидскаго престола Аббасъ-мирза—первый отъ свободной женщины сынъ разслабленнаго Фетъ-Али, второго шаха изъ династіи Каджаровъ,—не казался графу Эриванскому достаточнымъ удовлетвореніемъ Россіи за гибель ея представителя—жертвы безсильной злобы недавно укрощеннаго врага. Не казни виновныхъ (дѣйствительные виновники тегеранскаго неистовства противъ русскихъ были недосягаемы для правосудія) намѣревался требовать Паскевичъ, а прямого доказательства со стороны персидскаго правительства его «приверженности» къ Россіи, какъ увѣряло это правительство, не перестававшее слѣдовать внушеніямъ англичанъ и пользоваться субсидіями Остъ-Индской компаніи. Онъ хотѣлъ, чтобы Персія приняла участіе въ нашей войнѣ съ Турціей 1829 г., кровью своихъ сыновъ—не на эшафотѣ, а на полѣ брани—искупила насильственную смерть русскаго посланника. Но такая «операція»[1]) встревожила гр. Нессельроде. Прикрываясь именемъ государя, сильный довѣріемъ монарха, дипломатъ сталъ умолять Паскевича осторожно обходиться съ англичанами (ménager les anglais) и даже старался увѣрить его, вопреки очевидности, что на нихъ наговариваютъ армяне и другіе «азіатскіе интриганы» съ явнымъ намѣреніемъ посѣять раздоръ между нами и Великобританскою державою. Противиться было бы безполезно и Паскевичъ, видимо, сдался.

Помѣщаемое ниже неизданное письмо графа Нессельроде къ графу Паскевичу-Эриванскому прекрасно рисуетъ излишнія опасенія, слывшія за государственную мудрость, нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, всегдашній страхъ нашей дипломатіи XIX вѣка передъ политическими «осложненіями», которыя въ значительной мѣрѣ создавались этимъ же страхомъ. Письмо графа Нессельроде приводится въ дословномъ спискѣ съ его французскаго текста и въ переводѣ. Вотъ это письмо:

---

[1]) См. ниже.

Je regrette vivement, mon cher Comte, de ne pas pouvoir être d'accord avec Vous sur les mesures que Vous avez prises à l'égard de la Perse. Je crains, je l'avoue, qu'elles ne produisent l'effet absolument contraire à celui que Vous aviez en vue. Votre intérêt était de gagner du temps, de calmer, de rassurer le Gouvernement Persan, d'avoir l'air par conséquent de le regarder comme entièrement étranger à l'assassinat de Griboyedoff et de nous contenter de la réparation qu'il nous offrair dans l'envoi d'un des fils d'Abbas-Mirza. C'était la marche que Vos dépêches précédentes signalaient comme la plus utile et la plus analogue à Votre position générale. Je ne vois pas trop ce qui a pu Vous engager, mon cher Comte, à en dévier. Vos lettres à Abbas-Mirza sont préssantes et même un peu impératives. Ne pourraient elles pas le jeter dans une fausse route et précisément provoquer les dèterminations contre nous, que jusqu'ici rien n'indiqait d'une manière un peu précise et que nous avons un si grand intérêt d'éviter? C'est la ce que nous craignons et l'Empereur attand avec une vive anxiété les resultats de la mission du Prince de Koudacheff. Je doute qu'Abbas-Mirza se décide à faire la guerre aux Turcs; il n'en a pas les moyens et trop de dangers personnels à combattre dans l'intérieur. D'ailleurs je regarde toujours cette operation comme peu utile à la guerre et très embarassante à la paix. Que les Persans restent tranquilles vis-à-vis de nous, qu'ils Vous laissent, mon cher Comte, poursuivre sans entraves le cours de vos victoires contre les Turcs; que le Chah nous envoie un des Princes du sang, n'importe lequel, pour expier l'événement de Téhéran,—c'est tout ce qu'exige la dignité de l'Empereur et la tendance générale de Sa politique. J'aime à espérer encore que c'est de cette manière, et d'aucune d'autre, que se terminera la crise survenue dans nos relations avec la Perse si mal à propos. Je compte sur le savoir faire de Nicolas Dolgorouky qui a de l'esprit et du tact et fera sans doute tout ce qui dêpend de lui pour prévenir des complications plus graves.

Veuillez, mon cher Comte, nous envoyer Malzoff à Pétersbourg, il reçoit double récompense que sa conduite mérite à tous égards. C'est un jeune homme qui pourra devenir tres distingué lorsque l'âge et l'expérience auront un peu mûri ses idées et calmé ses passions.

C'est de Varsovie que je Vous adresse cette lettre, je l'expèdie la veille du couronnement. Notre séjour ici se prolongera jusqu'au 10 Juin. L'Empereur y a êtê accuéilli avec le plus grand enthousiasme. Dans le reste du monde tout va bien, pour nous au moins. Quelques nuages qui se sont élevés dans nos rapports avec l'Angleterre viennent d'être heureusement dissipés; voila pourquoi j'appéhende si fort que Vos lettres à Abbas-Mirza ne nous attirent quelque nouvel orage, et notre premier intérêt est de terminer cette seconde campagne contre le Turcs sans nous exposer à des complications avec d'autres puissances. Je vous conjure donc de ménager les Anglais et de ne pas ajouter foi à tous les bruits, que les arméniens et autres intrigants asiatiques ne cessent de répendre dans le dessein évident de semer la zizanie entre nous.

Adieu, mon cher Comte, annoncez nous bientôt quelque bonne victoire sur les Turcs dans votre genre. Je n'ai pas besoin de Vous répéter combien mes voeux Vous accompagneoront partout.

Nesselrode.

Varsovie,
le 11 Mai 1829.

Переводъ.

«Глубоко сожалѣю, любезный графъ, что не могу согласиться на мѣры, принятыя Вами по отношенію къ Персіи. Признаюсь, я опасаюсь, чтобы онѣ не произвели дѣйствія прямо противоположнаго вашимъ ожиданіямъ. Вамъ было важно выиграть время, успокоить персидское правительство, сдѣлать видъ, что мы находимъ его вполнѣ непричастнымъ къ убійству Грибоѣдова и сочтемъ себя удовлетворенными отправкою одного изъ сыновей Аббаса-Мирзы. Это былъ образъ дѣйствія, намѣченный Вашими прежними депешами, какъ самый удобный и наиболѣе подходящій къ Вашему общему положенію. Я право не вижу, любезный графъ, что могло побудить Васъ отступиться отъ него. Ваши письма къ Аббасу-Мирзѣ требовательны и отчасти даже повелительны. Не толкнутъ ли они его на ложную дорогу, не вызовутъ ли именно на замыслы намъ враждебные, чего до сихъ поръ еще не было въ точности замѣчено и чего намъ такъ важно избѣгать? Вотъ чего мы опасаемся, и государь съ живѣйшимъ безпокойствомъ ожидаетъ результатовъ миссіи князя Кудашева. Я сомнѣваюсь, чтобы Аббасъ-Мирза рѣшился на войну съ турками; на это у него нѣтъ средствъ и слишкомъ много предстоитъ ему преодолѣть личныхъ опасностей внутри. Къ тому же я продолжаю смотрѣть на эту операцію какъ на мало полезную для войны и стѣснительную для мира. Лишь бы персіяне оставались спокойными въ отношеніи насъ, пусть бы только они не препятствовали, любезный графъ, ходу вашихъ побѣдъ надъ турками, лишь бы шахъ прислалъ одного изъ принцевъ крови, все равно кого, чтобы загладить тегеранское происшествіе,— вотъ все, что требуется достоинствомъ государя и общимъ направленіемъ его политики. Я все еще надѣюсь, что именно такъ, а не иначе разрѣшится кризисъ, столь не во время наступившій въ нашихъ сношеніяхъ съ Персіей. Я разсчитываю на умѣнье Николая Долгорукаго, человѣка съ умомъ и тактомъ, который, разумѣется, сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы предупредить болѣе важныя осложненія.

«Благоволите, любезный графъ, прислать къ намъ въ Петербургъ Мальцова, онъ вдвойнѣ вознаграждается за свое достойное во всѣхъ отношеніяхъ поведеніе. Это молодой человѣкъ, который очень можетъ возвыситься съ годами, когда нѣсколько созрѣютъ его мысли и поулягутся страсти.

«Отправляю къ вамъ это письмо изъ Варшавы наканунѣ коронованія. Наше пребываніе здѣсь продолжится до 10 іюня. Государю была оказана самая восторженная встрѣча. На остальномъ свѣтѣ все благополучно, для насъ по крайности. Нѣсколько тучъ, омрачившихъ было наши отношенія съ Англіей, счастливо разсѣялись; вотъ почему я очень боюсь, чтобы ваши письма къ Аббасу-Мирзѣ не навлекли на насъ какой-нибудь новой грозы; нашъ первый интересъ окончить эту вторую кампанію противъ турокъ, не подвергая себя компликаціямъ съ другими государствами. Умоляю васъ осторожно обходиться съ англичанами и не давать вѣры всѣмъ тѣмъ слухамъ, которые непрестанно распространяются армянами и другими азіатскими интриганами съ явнымъ намѣреніемъ посѣять между нами раздоръ.

«Прощайте, любезный графъ, поскорѣе извѣстите насъ о какой-нибудь доброй побѣдѣ надъ турками въ вашемъ родѣ. Мнѣ нѣтъ надобности повторять, на сколько мои лучшія пожеланія всюду вамъ сопутствуютъ.

«Нессельроде.

«Варшава,
«11 мая 1829.

Письмо это отправлено графомъ Нессельроде на другой день по прибытіи въ Тифлисъ персидскаго принца Хозроя, сына Аббаса-Мирзы, и, очевидно, было получено Паскевичемъ уже во время слѣдованія принца въ Петербургъ, по требованію нашего правительства, чтобы загладить оскорбительную для русскаго національнаго достоинства и постыдную для персіянъ кровавую расправу тегеранской черни.

Упоминаемый въ письмѣ князь Кудашевъ, гвардіи штабъ-капитанъ, состоялъ въ то время адъютантомъ Паскевича и ѣздилъ въ Тавризъ, куда прибылъ 13-го апрѣля 1829 года, съ важнымъ порученіемъ отъ графа Эриванскаго къ Аббасу-Мирзѣ. Оно было вызвано самимъ наслѣдникомъ персидскаго престола, искавшаго дружбы своего недавняго побѣдителя. Дѣло происходило такъ:

Находившаяся съ нами въ войнѣ Порта всячески старалась воспользоваться насильственною смертью нашего посланника въ Тегеранѣ для вовлеченія персіянъ въ войну съ Россіей. Шахъ, подстрекаемый ею, англичанами, своими другими сыновьями и недовольными Туркманчайскимъ миромъ, настаивалъ, чтобы Аббасъ-Мирза, управлявшій провинціей Адербейджаномъ съ резиденціей въ Тавризѣ, тотчасъ открылъ наступательныя дѣйствія. И дѣйствительно войска въ Адербейджанѣ собирались, персидское правительство укрѣпляло Дарадизское ущелье, за Араксомъ; по дорогѣ отъ Маранды и Хои къ Нахичевани, начали появляться разъѣзды персіянъ и носились слухи, что одинъ изъ сыновей шаха, Гассанъ-Али-Мирза, идетъ къ Тавризу съ наскоро набраннымъ внутри Персіи значительнымъ войскомъ. Устрашенный англійскимъ резидентомъ, консулъ нашъ безъ всякаго приказанія оставилъ Тавризъ, и такимъ образомъ дипломатическія сношенія наши съ Персіей были совершенно порваны. Въ это время (въ началѣ марта) явился въ тифлисскій карантинъ персидской службы капитанъ (юзъ-баши) Али и объявилъ, что имѣетъ крайнюю нужду въ свиданіи съ графомъ, которому долженъ одному открыть важное дѣло. Паскевичъ въ тотъ-же день посѣтилъ карантинъ и изъ объясненій съ Али удостовѣрился въ затруднительномъ положеніи Аббаса-Мирзы, который чрезъ посланнаго просилъ совѣта и помощи графа Эриванскаго. Паскевичъ не спѣшилъ отвѣтомъ и только въ апрѣлѣ, какъ мы видѣли, отправилъ Кудашева съ однимъ явнымъ и другимъ тайнымъ письмомъ къ Аббасу-Мирзѣ. Сверхъ того, князю Кудашеву приказано было вездѣ на пути распускать слухъ, что онъ посланъ на встрѣчу персидскаго принца, ѣдущаго въ Тифлисъ, для испрошенія пощады за убійство русскаго министра. Въ тайномъ письмѣ заключалось, между прочимъ, слѣдующее:

«Ваше Высочество спрашиваете меня какъ поступить въ трудныхъ обстоятельствахъ... Если В. В. желаете знать мое мнѣніе, то со всею искренностію скажу, что нѣтъ другого средства затратить плачевную утрату, какъ просить у великаго Государя моего прощенія за неслыханный поступокъ тегеранской черни. Лучшій способъ для того прислать ко мнѣ въ Тифлисъ одного изъ Вашихъ братьевъ или сына для отправленія посломъ въ С.-Петербургъ. Беру на себя подкрѣпить дѣло это моимъ собственнымъ ходатайствомъ предъ престоломъ Августѣйшаго Монарха. Для большаго доказательства приверженности Вашей къ Россіи, какъ Вы сіе всегда утверждали, должно дать другое направленіе намѣреніямъ шаха: объявить войну Турціи, вторгнуться въ ея предѣлы, напасть на Ванъ; съ моей стороны обѣщаю Вамъ

пособія въ ружьяхъ и пушкахъ и буду содѣйствовать войсками сему завоеванію. Этимъ ясно докажете, что всѣ происшествія не были ни въ Вашей, ни въ шахской волѣ.—Объявите на какихъ условіяхъ Вы захотите сіе предпринять: оно будетъ имѣть для Васъ неоцѣненныя выгоды. Ваше Высочество извѣстны, что я ни когда не измѣнялъ слову своему» [1]).

Понятно, почему государь съ безпокойствомъ ожидалъ послѣдствій миссіи кн. Кудашева, какъ писалъ графъ Нессельроде.

Аббасъ-Мирза черезъ два дня отвѣтилъ посланному, «что хотя неувѣренъ въ согласіи шаха и знаетъ недоброжелательство братьевъ, но по совѣту друга своего, графа Эриванскаго, на все рѣшается и безъ дозволенія шаха тотчасъ отправляетъ своего сына просить забвенія [2]) оскорбительнаго неистовства тегеранской черни» [3]).

Задуманное Паскевичемъ вовлеченіе персіянъ въ войну съ турками, разумѣется, требовало настойчивости и даже повелительнаго тона въ письмахъ къ Аббасу-Мирзѣ, но такой образъ дѣйствій не входилъ въ разсчеты графа Нессельроде, и, «чтобъ гусей не раздразнить», мы на собственныхъ плечахъ вынесли всю кампанію 1829 года. Сообщено **А. П. М.**

III.

Портретъ.

(Шуточное стихотвореніе).

Въ 1850-хъ годахъ, въ бытность извѣстнаго графа Арсенія Андреевича Закревскаго московскимъ генералъ-губернаторомъ, проживалъ въ Москвѣ, пожалуй, не менѣе извѣстный гастрономъ, богачъ и страшный толстякъ Михаилъ Өедоровичъ Р—новъ. Жилъ онъ вполнѣ «лукуллически»; слава объ его обѣдахъ и роскоши обстановки гремѣла даже за границею. Вдругъ, по неизвѣстнымъ никому достовѣрно причинамъ и, какъ говорили тогда, не совсѣмъ по своей волѣ,—онъ переселился въ Тамбовское имѣніе, откуда вскорѣ опять переѣхалъ въ Москву, гдѣ и умеръ въ началѣ 1870-хъ годовъ. По этому поводу ходило въ то время по рукамъ, въ Москвѣ и въ Тамбовѣ, слѣдующее, будто на Р—нова написанное, не лишенное остроумія, стихотвореніе:

«Вѣсъ имѣетъ динамическій,
«Видъ могучій—Олимпическій,
«Вкусъ невинный и библическій—
«Страны древней—сод...ческой.
«Весь для жизни онъ физической,
«Сердца—нѣтъ (метафорически),—
«Не ученъ академически,
«Не мечтаетъ поэтически,
«Но не глупъ онъ прозаически
«На расчетъ математическій
«Обсчитать ариөметически,—
«А на жизнь философически
«Смотритъ онъ въ очки оптически.

---

[1]) Посвященная Паскевичу и напечатанная съ Высочайшаго соизволенія «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 годахъ». Спб. 1836. Ч. 2-я, гл. III и IV.

[2]) Въ приведенномъ сочиненіи сказано: «просить прощенія въ забвеніи» и т. д., но это очевидная опечатка или описка автора.

[3]) Тамъ же, стр. 46.

«Домъ отдѣланъ артистически,
«Все добывъ экономически,—
«Бронзы, мраморы антически
«И картины италлически...
«Вслѣдъ затѣмъ аристократически
«Принялъ кругъ онъ эстетическій.
«Друзей прежнихъ политически
«Отдалилъ дипломатически,
«Улыбнулся саркастически,—
«И пошелъ систематически
«По карманамъ методически.
«Между тѣмъ жизнь лукуллически
«Началась вполнѣ классически;
«Угощалъ гастрономически
«Всяки пятницы хронически...
«Иногдажъ іезуистически
«Въ карты сядетъ,—и цинически,
«Взявши способы практически,
«Перетянетъ магнетически
«Всѣ монеты металлически
«Въ сундучекъ свой механическій.
«Или вдругъ евангелически
«Одолжитъ филантропически,
«Все отдастъ коммунистически,
«Но потомъ израилически
«Счетъ подастъ,—и механически
«Сундучекъ открытъ мистическій
«И вновь замкнутъ герметически...

«Жизни анакреонтической
«Не одобрилъ деспотическій
«Графъ Закревскій—мужъ стоическій;
«Началъ вдругъ періодически
«Звать на судъ соломоническій,
«И не вѣруя скептически
«Въ извороты сатанически,
«Привязался вдругъ облически
«Онъ за вкусы сод...чески...
«И нашъ другъ гастрономическій
«Преданъ смерти политической,
«Тоесть посланъ юридически
«Жить въ деревню идиллически,
«Сѣять хлѣбъ агрономически...

«Но сундукъ есть механическій,—
«Онъ вернется къ намъ магически,
«Заживетъ миѳологически,
«И опять въ фонарь готическій,
«Сядетъ монументъ руническій;
«И пока ударъ классическій
«Не убьетъ апоплексически—
«Насмѣется гомерически
«Надъ законы юридически.

«Сей портретъ фографическій
«Отдаю на судъ критическій
«Нашей публики клубической».

Сообщено **С. С. Жихаревымъ.**

СМѢСЬ.

ЕСЯТИЛѢТІЕ «Историческаго Вѣстника». 1-го декабря 1889 года, исполнилось десять лѣтъ со дня основанія «Историческаго Вѣстника». Въ этотъ день, редакторъ журнала, Сергѣй Николаевичъ Шубинскій, получилъ множество телеграммъ и писемъ съ поздравленіями и добрыми пожеланіями, не только отъ сотрудниковъ, но и отъ подписчиковъ.

Постоянные сотрудники журнала поднесли С. Н. Шубинскому, на память, роскошный бюваръ. Лицевую сторону его составляетъ серебряная, массивная доска въ большой листъ писчей бумаги съ воспроизведеннымъ на ней чеканнымъ рельефомъ рисунка обложки «Историческаго Вѣстника», причемъ всѣ фигуры, буквы и украшенія рисунка, изображены вполнѣ согласно съ оригиналомъ, за исключеніемъ того, что вмѣсто названія мѣсяца, выставленнаго на книжкахъ журнала, помѣщены года «1880—1889». Въ верхней части серебряной доски, надъ рельефной копіей съ обложки, вычеканена рельефомъ же монограмма С. Н. Шубинскаго, а на свободномъ полѣ доски выгравированы факсимиле слѣдующихъ 62 участниковъ подарка:

Абазы В. А., Безобразова П. В., Бильбасова В. А., Брикнера А. Г., Бѣлозерской Н. А., Бѣлогрицъ-Котляревскаго Л. С., Бычкова Ѳ. А., Васильева В. А., Веселовскаго Н. И., Галахова А. Д., Глинскаго Б. Б., Голубева А. А., Городецкаго М. И., Данилевскаго Г. П., Дашкова П. Я., Добротворскаго Н. А., Дубасова И. И., Есипова Г. В., Забѣлина И. Е., Зубчанинова А. И., Иловайскаго Д. И., Кирпичникова А. И., Кобеко Д. Ф., Кони А. Ѳ., Корсакова Д. А., Корсакова А. Н., Крылова В. А., Кутейникова Н. С., Лихачева Н. П., Лѣскова Н. С., Маттэ В. В., Мальшинскаго А. П., Милюкова А. П., Михневича В. О., Молчанова А. Н., Мордовцева Д. Л., Оглоблина Н. Н., Оксенова А. В., Опочинина Е. Н., Павлищева Л. Н., Петерсена В. К., Петрова Н. И., Полевого П. Н., Попова Н. А., Пыляева М. И., Пѣтухова Е. В., Россоловскаго В. С., графа Саліаса Е. А., Сорокина Н. В., Суперанскаго М. Ѳ., Сухомлинова М. И., Танкова А. А., Терпигорева С. Н., Тимоѳеева С. П., Титова А. А., Трубачева С. С., Труворова А. Н., Федорова И. Ф., Филиппова М. М., Цвѣтаева И. В., Шенрока В. И., Языкова Д. Д.

Бюваръ, отдѣланный бархатомъ оливковаго цвѣта, съ массивными, чеканными гвоздями на нижней доскѣ, вложенъ въ изящный дубовый футляръ съ зеркальнымъ стекломъ. Дополненіемъ къ бювару служатъ серебряные перо и ножъ для разрѣзки книгъ, вычеканенные въ стилѣ рисунка журнальной обложки, съ вырѣзанною на немъ подписью С. Н. Шубинскаго и годами «1880—1889». Всѣ эти предметы исполнены по мысли и подъ наблюденіемъ сотрудника «Историческаго Вѣстника» М. И. Городецкаго: бюваръ въ мастерской Грачева, а ножъ и перо,—Хлѣбникова.

Сотрудникъ журнала С. С. Трубачевъ составилъ къ этому дню брошюру подъ заглавіемъ «Обзоръ содержанія «Историческаго Вѣстника» за первое десятилѣтіе его существованія, 1880—1889», въ которой сдѣлана общая характеристика изданія и наиболѣе выдающихся статей, помѣщенныхъ въ немъ за десятилѣтній періодъ.

Типографія «Новаго Времени» изъявила готовность безвозмездно напечатать составленную г. Трубачевымъ брошюру. По отпечатаніи, она будетъ разослана сотрудникамъ журнала, участвовавшимъ въ чествованіи десятилѣтняго его существованія, вмѣстѣ съ фотографическими снимками съ бювара, изготовленными фотографомъ Н. П. Полевымъ.

Сотрудникъ журнала, художникъ-граверъ В. В. Маттэ поднесъ С. Н. Шубинскому портретъ его, гравированный на мѣди, въ весьма красивой рамѣ.

Сотрудникъ журнала, художникъ-граверъ А. И. Зубчаниновъ, подарилъ также портретъ С. Н. Шубинскаго, гравированный на деревѣ.

Кромѣ того, г. Шубинскимъ получены подарки отъ П. Я. Дашкова, Н. Н. Захарова, В. Э. Кетрица, А. П. Коломнина, П. В. Мартынова, С. Н. Терпигорева и (по почтѣ) отъ двухъ лицъ, не пожелавшихъ обозначить свои фамиліи.

Изъ многочисленныхъ телеграммъ, присланныхъ С. Н. Шубинскому, приводимъ одну, подписанную профессорами Казанскаго университета, Д. А. Корсаковымъ и Н. В. Сорокинымъ, такъ какъ она въ сущности, резюмируетъ почти всѣ остальныя телеграммы:

«Сердечно привѣтствуемъ глубокоуважаемаго Сергѣя Николаевича съ десятилѣтіемъ «Историческаго Вѣстника», которымъ вы объединили историческую науку, связавъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ; этимъ вы достигли распространенія историческихъ свѣдѣній среди образованныхъ классовъ. Да ростетъ ваша энергія и просвѣтительная дѣятельность на долгіе годы на благо родной земли».

Празднованіе пятисотлѣтія русской артиллеріи. Въ декабрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ помѣщенъ краткій очеркъ постепеннаго развитія у насъ артиллеріи, со времени перваго появленія на Руси огнестрѣльнаго оружія. Самое празднованіе этого событія происходило въ Петербургѣ въ теченіе двухъ дней. Оно началось въ Кронверкѣ Петропавловской крѣпости; во дворѣ Кронверка отъ самыхъ воротъ и до главнаго входа разставлена была шпалерами вся гвардейская артиллерія, находящаяся въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ. Противъ главнаго входа, украшеннаго флагами, высилась пирамида изъ старинныхъ пушекъ, ядеръ, бомбъ и проч. По обѣ стороны ея былъ выставленъ запряженный взводъ (2 орудія) полевыхъ мортиръ, какъ образецъ послѣдняго нововведенія въ полевой артиллеріи. Позади стояли зарядные ящики и лафеты, а еще далѣе весь дворъ былъ буквально усѣянъ лафетами, зарядными ящиками и дулами орудій разныхъ временъ. Передъ главнымъ входомъ построился почетный караулъ отъ 1-й Его Величества батареи гвардейской конно-артиллерійской бригады. При входѣ въ Кронверкъ предъ глазами открывалась лѣстница, роскошно убранная тропическими растеніями, арматурами, оружіемъ, саблями и пр. На каждой ступени этой лѣстницы съ обѣихъ сторонъ стояли юнкера Михайловскаго артиллерійскаго

училища. Обѣ лѣстницы на верху сходились въ большую площадку, за которой уже находился длинный залъ Кронверка. Залъ этотъ представляетъ собою скорѣе длинную, дугообразную галлерею, отдѣляющуюся отъ такой же галлереи желѣзной рѣшеткою. Рѣшетки не было видно: она вся сплошь закрыта украшеніями изъ броней, щитовъ, шлемовъ, ружей, сабельныхъ клинковъ, знаменъ и пр. Украшенія собраны въ видѣ огромныхъ кокардъ, а пустыя мѣста заставлены тропическими растеніями. Противъ самаго входа находился портретъ Государя Императора. По обѣ стороны его—бюсты Дмитрія Іоанновича Донского и Петра Великаго. Подлѣ бюстовъ два орудія; одно—старинное, XIV вѣка, другое—нынѣшнее. У старинной пушки—пушкарь въ костюмѣ XIV вѣка, въ красномъ кафтанѣ, желтыхъ сапогахъ, остроконечной шапкѣ, съ изображеніемъ льва на груди, у новаго орудія—артиллеристъ нынѣшней эпохи. Налѣво отъ бюста Петра Великаго—столъ, на которомъ разложены: книги, выпущенныя къ юбилею въ роскошныхъ переплетахъ: (особенно красивъ одинъ переплетъ: по краю золотомъ сдѣлано артиллерійское шитье, а за шитьемъ — портреты всѣхъ фельдцейхмейстеровъ русской артиллеріи), группа, изготовленная Техническимъ училищемъ, ружье работы казеннаго Тульскаго завода; великолѣпно инкрустированное, медали и жетоны, сдѣланные въ память юбилея. Далѣе всѣ стѣны залы были убраны островами изъ щитовъ, шлемовъ, броней, ружей, сабель, поверхъ которыхъ въ кокардахъ, увѣнчанныхъ императорской короной, находились иниціалы Дмитрія Донского и Государя Императора. Каждый такой островокъ оружія и арматуръ поясненъ надписью сраженія и года, въ который оно происходило. Слѣва первая надпись гласила: «Казань—1552 годъ», далѣе «Эрестферъ—1701 годъ», «Франкфуртъ—1756 годъ» и т. д. Съ 10 часовъ утра, въ залѣ стали собираться приглашенныя лица. Тутъ были члены Государственнаго Совѣта, генералы, командиры артиллерійскихъ частей и множество офицеровъ, преимущественно артиллеристовъ. На праздникъ спеціально прибыли представители артиллерійскихъ округовъ со всѣхъ концовъ Россіи: 30 генераловъ, 37 штабъ-офицеровъ и 48 оберъ-офицеровъ. Блестящіе мундиры, ленты, эполеты, звѣзды, заполняли всю среднюю часть залы, а боковыя вѣтви ея представляли сплошную массу золотыхъ и серебряныхъ эполетъ, среди которыхъ оазисами виднѣлось нѣсколько черныхъ фраковъ. Все это обливалось электрическимъ свѣтомъ лампочекъ, вдѣланныхъ въ потолокъ; освѣщеніе было поразительно эффектно: казалось, точно огромный залъ залитъ свѣтомъ яснаго солнечнаго дня. Военный министръ прочиталъ высочайшую грамоту, въ которой, указавъ на то, что со введенія огнестрѣльнаго оружія впервые распоряженіемъ великаго князя Дмитрія Донского, русская артиллерія въ борьбѣ съ могущественными и грозными врагами и въ мирномъ усовершенствованіи своихъ средствъ всегда стояла на высотѣ своего долга—Государь Императоръ выражаетъ полную увѣренность, что и впредь русская артиллерія будетъ отличаться присущимъ ей духомъ военной доблести и неустаннаго труда на пути самостоятельныхъ усовершенствованій и съ честью выдержитъ всякое испытаніе.

По прибытіи Государя Императора со всѣмъ Августѣйшимъ Домомъ и по совершеніи молебствія, на привѣтственную рѣчь генерала фельдцейхместера Его Величество отвѣтилъ слѣдующими словами:

«Господа артиллеристы, Я счастливъ, что могу привѣтствовать васъ сегодня съ пятисотлѣтнимъ юбилеемъ дорогого всѣмъ намъ дня и счастливъ, что этотъ юбилей пришелся въ Мое царствованіе. Отъ души благодарю васъ, всѣхъ артиллеристовъ присутствующихъ и отсутствующихъ, настоящихъ и прежнихъ, за неизмѣнно-храбрую боевую службу и увѣренъ, что наша артиллерія, какъ и вся наша армія, будетъ отличаться на поляхъ сраженій какъ и прежде. Не дай Богъ, чтобы это случилось скоро, да избавитъ насъ Господь отъ этого тяжкаго испытанія, но если это случится, то

Я увѣренъ, что наша храбрая артиллерія, какъ и всѣ другіе роды оружія, постоятъ за честь и славу нашего дорогого отечества. Ура! нашей артиллеріи!»

Въ этихъ словахъ печать всей Европы увидѣла новый залогъ миролюбія повелителя Россіи. На другой день происходили пріемы депутацій и парадный обѣдъ.

Чествованіе памяти А. Д. Градовскаго въ юридическомъ обществѣ. Большой залъ столичнаго мирового съѣзда былъ полонъ представителями судебнаго міра, литературы и учащейся молодежью. Студенческіе мундиры были разсѣяны по всему залу. Чествованіе было открыто предсѣдателемъ Н. И. Стояновскимъ, пригласившимъ послѣ краткой рѣчи все собраніе почтить память покойнаго вставаніемъ. Затѣмъ на каѳедру вошелъ ученикъ и сотрудникъ А. Д. Градовскаго, И. Я. Фойницкій. Онъ охарактеризовалъ покойнаго профессора, какъ человѣка, который, умирая, оставилъ по себѣ память не только въ семьѣ, но и въ потомствѣ. Онъ оставилъ богатое духовное наслѣдіе, какъ ученый, общественный дѣятель, публицистъ и какъ человѣкъ. Идея, которой жилъ Градовскій, была идея закона сильнаго и безпристрастнаго. Онъ проводилъ ее, начиная съ своего перваго литературнаго труда—трактата о толкованіи закона. Дѣятельность его ярче и рѣзче всего сказалась въ университетѣ, куда онъ отдалъ лучшія свои силы. Онъ располагалъ къ себѣ сердца своихъ слушателей благородствомъ мысли и былъ миротворцемъ людей и мыслей. Молодежь, оставляемая при университетѣ для приготовленія къ профессурѣ, пользовалась его особеннымъ вниманіемъ. Студенты были его дѣтьми и между ними и Градовскимъ существовали всегда тѣсныя отношенія и душевная теплота. Онъ былъ членомъ и учредителемъ Юридическаго Общества. Правда онъ увлекался, но увлекался всегда въ хорошую сторону и всю жизнь до послѣдней минуты вѣрилъ только въ одно хорошее и доброе человѣческой натуры. Смерть его—тяжкая потеря.

Н. М. Коркуновъ говорилъ о заслугахъ покойнаго въ разработкѣ русскаго государственнаго права. Онъ вездѣ искалъ матеріаловъ для примѣненія ихъ къ русской жизни. Въ его трудахъ преобладаютъ всюду историческіе элементы государственнаго права, и труды эти, не смотря на ихъ кажущееся разнообразіе, представляютъ одно стройное цѣлое уже потому, что у него была одна задача—выяснить основы государственной русской жизни. Задача эта—трудна: законодательный матеріалъ у насъ разрозненъ настолько, что даже простой пересказъ государственнаго права очень труденъ. Градовскій долженъ былъ собирать, систематизировать и освѣщать разрабатываемые матеріалы. Онъ не былъ переимщикомъ готовыхъ западныхъ идей, но творилъ самостоятельно. Онъ разработалъ въ своемъ курсѣ, полагая въ основу начала законности, устройство и управленіе государства. Онъ далъ классификацію государственныхъ учрежденій, раздѣляя управленіе на верховное и подчиненное. Этой послѣдней идеи не хватало у прежнихъ юристовъ и она составляетъ неотъемлемую заслугу Градовскаго. Онъ—первый истолкователь русскаго государственнаго права.

Слѣдующій ораторъ, М. И. Свѣшниковъ, посвятилъ свою рѣчь характеристикѣ покойнаго, какъ профессора по каѳедрѣ государственнаго права иностранныхъ державъ. До него не были по этому предмету установлены ни задача, ни методъ и самой туманной стороной задачи было изслѣдованіе политическихъ явленій; заслугой Градовскаго было то, что онъ это изслѣдованіе поставилъ на позитивную почву. Не задолго до смерти онъ началъ трудъ: «Конституціонное право западныхъ государствъ» и не успѣлъ закончить его. Вышелъ только первый томъ. Въ немъ онъ отстаиваетъ свободу человѣческой личности: къ ней онъ стремился всю жизнь и ее проводилъ въ своихъ теоріяхъ политическихъ наукъ. Съ каѳедры раздавалась проповѣдь гуманно-

сти и прогресса. Въ своихъ слушателяхъ онъ видѣлъ будущихъ борцовъ за ту науку, которую онъ проводилъ всю жизнь.

К. К. Арсеньевъ очертилъ его, какъ публициста. Послѣ знаменитой рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ, когда поулеглось первое впечатлѣніе, Достоевскому многіе возражали, и онъ отвѣтилъ только Градовскому. Какъ публицистъ, онъ былъ вооруженъ знаніемъ, всегда оставался человѣкомъ науки, шелъ самостоятельно, прокладывалъ дороги и никогда не былъ въ чьей-либо свитѣ. Это показываетъ и полемика его съ Достоевскимъ, который говорилъ, что правда не внѣ народа, а въ немъ самомъ. Это и составляло основную мысль полемики, на это и возражалъ Градовскій. Онъ вѣрилъ въ нераздѣлимость идеаловъ и искалъ ихъ въ душѣ, внутри человѣка. Онъ былъ далекъ отъ идеала—«спасать свои животишки»—какъ говорилъ о немъ Достоевскій. Онъ вѣрилъ въ народность, какъ въ воспитателя «я», ибо она сама есть совокупность этого «я». Та же идея, что и въ лекціяхъ, проводилась имъ и въ его статьяхъ.

Послѣднимъ говорилъ А. Ѳ. Кони, какъ о частной личности честнаго человѣка. Къ Градовскому, по словамъ оратора, вполнѣ были примѣнимы слова: «упорствовалъ, волнуясь и спѣша». Онъ былъ не только умный человѣкъ, но человѣкъ высшаго порядка. Онъ былъ идеалистомъ не 40-хъ, а 60-хъ годовъ, когда начинались реформы, и вступилъ въ жизнь въ тотъ моментъ, когда общество было проникнуто довѣріемъ къ народу. Онъ проповѣдывалъ, что общество должно было приготовить народъ къ довѣрію, а это можетъ проповѣдывать только идеалистъ. Когда общество стало терять идеалы, онъ начиналъ говорить объ идеалахъ. Всѣмъ памятны его страстныя лекціи въ клубѣ художниковъ. Во время послѣдней войны, въ всеобщемъ одушевленіи и готовности проливать кровь за идею, онъ видѣлъ не зло, а возрожденіе идеаловъ общества. Личнаго спокойствія онъ не имѣлъ никогда. Въ немъ была сильно развита потребность ежедневно бесѣдовать съ обществомъ и дѣлиться съ нимъ своими мыслями. Одинъ иностранецъ, описывая Петербургъ, удивлялся, что въ немъ улицы постоянно мокры, а сердца сухи. Градовскій доказалъ невѣрность второй части этой мысли: онъ жилъ и умеръ съ теплымъ, горячо бившимся во имя идеи сердцемъ.

Ораторовъ провожали аплодисментами. Собраніе было закрыто словами предсѣдателя: «Миръ праху его».

50-лѣтній юбилей А. Г. Рубинштейна справлялся въ теченіе шести дней. Въ первый день въ Дворянскомъ собраніи происходилъ торжественный актъ. Залъ собранія представлялъ блестящій видъ: представители большого свѣта и искусства наполняли залъ. Масса дамъ въ утреннихъ туалетахъ, затѣмъ мундиры со звѣздами и фраки. Въ глубинѣ эстрады на красной драпировкѣ помѣщался колоссальный бюстъ героя торжества, работы художника А. Л. Обера. У пьедестала помѣщались статуи трехъ музъ. Передъ бюстомъ помѣщался оркестръ и хористы. Принцъ Георгъ Мекленбургскій привѣтствовалъ юбиляра продолжительной рѣчью, причемъ припомнилъ, что именно въ его семьѣ, въ теченіе трехъ поколѣній, начиная съ покойной великой княгини Елены Павловны, заслуги и талантъ А. Г. Рубинштейна находили всегда горячую оцѣнку.

Вице-президентъ русскаго музыкальнаго общества А. Н. Маркевичъ сообщилъ о всемилостивѣйшемъ пожалованіи А. Г. Рубинштейну пенсіи въ 3,000 р. Затѣмъ г. Маркевичъ передалъ юбиляру спеціально выбитую для этого дня золотую медаль отъ музыкальнаго Общества. Далѣе читались поздравительные адресы и телеграммы, принимались депутаціи, исполнялись кантаты въ честь юбиляра, а въ слѣдующіе дни и его собственныя произведенія, старыя и новыя: ораторія «Вавилонское столпотвореніе», опера «Горюша» и пр. и пр.

Стодвадцатипятилѣтняя годовщина Академіи Художествъ была отпразднована членами ея въ торжественномъ засѣданіи. Конференцъ-секретарь П. Ѳ. Исѣевъ прочелъ рѣчь, въ которой сдѣлалъ краткій обзоръ дѣятельности Академіи за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Совѣту Академіи пришлось прежде всего особыми постановленіями устранить тѣ несовершенства и пробѣлы въ уставѣ 1859 г., дѣйствующемъ и понынѣ, которые не сообразовались съ настоятельными потребностями художественнаго образованія, выясненными самой практикой дѣла. Съ этой цѣлью совѣтъ выработалъ рядъ новыхъ правилъ относительно учебной программы; сдѣланъ обязательнымъ такой важный предметъ, какъ исторія изящныхъ искусствъ, а для медальеровъ, кромѣ того, исторія медальернаго искусства. Самымъ важнымъ мѣропріятіемъ, направленнымъ къ расширенію художественнаго образованія, явилось постановленіе 1881 г.—допускать лишь окончившихъ гимназію къ пріему въ академисты по всѣмъ отраслямъ искусствъ, а не только по отдѣлу архитектуры, какъ это установлено было въ 1872 году. Совѣтъ учредилъ при Академіи безплатные воскресные уроки рисованія. Сознавая недостаточную подготовку учениковъ Академіи къ преподавательской дѣятельности, Академія, въ 1879 г., учредила педагогическіе курсы для приготовленія учителей рисованія и академистовъ и нормальную рисовальную школу, находящуюся въ вѣдѣніи этихъ курсовъ рисованія.

Наконецъ, въ ряду мѣропріятій Академіи въ интересахъ русскаго искусства рѣчь отмѣчаетъ то, что предпринято Академіей для сохраненія памятниковъ родной старины отъ разоренія, уничтоженія и передѣлокъ. Совѣтъ въ данномъ случаѣ призналъ необходимымъ посылать въ теченіе года въ путешествіе по Россіи своихъ бывшихъ питомцевъ по архитектурѣ, съ цѣлью предохраненія древнихъ русскихъ памятниковъ родной старины отъ разоренія, уничтоженія и передѣлокъ, а также съ цѣлью реставрированія древнихъ русскихъ памятниковъ по уцѣлѣвшимъ частямъ и для срисованія тѣхъ, которые сохранились еще или не потерпѣли отъ значительныхъ передѣлокъ позднѣйшаго времени. Плоды этой мѣры уже не замедлили обнаружиться. Академическій музей христіанскаго искусства и архитектурные классы ежегодно обогащаются замѣчательными предметами и рисунками съ предметовъ древнерусскаго искусства. Исключительное право производства и разрѣшенія съ археологическою цѣлью раскопокъ въ имперіи на земляхъ казенныхъ, принадлежащихъ разнымъ установленіямъ, и общественныхъ, предоставляется императорской археологической комиссіи. Всѣ учрежденія и лица, предполагающія производить раскопки, обязаны, независимо отъ сношенія съ начальствами, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ упомянутыя земли, входить въ предварительное соглашеніе съ императорской археологической комиссіей и открываемые при раскопкахъ цѣнные и особо важные въ научномъ отношеніи предметы должны быть присылаемы въ ту же комиссію для представленія на высочайшее воззрѣніе. Реставрацію же монументальныхъ памятниковъ древности разрѣшается производить лишь по предварительному соглашенію съ той же комиссіей и по сношенію ея съ Академіей Художествъ.

Записки русскихъ людей. Знатокъ русской старины, М. И. Пыляевъ, составилъ списокъ главнѣйшихъ мемуаровъ и записокъ, оставленныхъ русскими писателями и общественными дѣятелями и до сихъ поръ еще не обнародованныхъ. Приводимъ этотъ списокъ въ виду часто встрѣчающейся необходимости въ справкахъ подобнаго рода:

Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ, велъ записки, изъ которыхъ напечатаны были: «Воспоминанія студентства» 1832—35 г. «День» 1862, № 39 и 40-й.

Балашовъ, министръ полиціи, оставилъ записки, что видно изъ указанія бар. Корфа въ его книгѣ «Жизнь Сперанскаго», ч. II, стр. 18.

Бантышъ-Каменскій, Николай Николаевичъ, 1737—1814. О запискахъ

его упоминается, съ приведеніемъ краткой выписки, въ біографіи его, въ «Словарѣ достопамятныхъ людей», 1847, т. I.

Бестужевъ, Ник. Алек. † 1855 г.; напечатанъ отрывокъ изъ его записокъ (о событіи 14 декабря) въ «Полярной Звѣздѣ», т. 7, вып. 2-й. Лондонъ, 1862 г., стр. 1—7.

Бенкендорфъ, графъ, отрывки изъ его записокъ (о паденіи изъ коляски Николая Павловича 1836 г., близъ Чембаръ), въ «Русск. Ар.», 1865, № 2.

Бени (Артуръ). Объ его запискахъ упоминаетъ нѣсколько разъ Н. С. Лѣсковъ; по предположенію онѣ могутъ находиться въ родѣ дворянъ Коптевыхъ. Записки эти обнимаютъ собою первыя попытки общественнаго движенія въ 60-хъ годахъ, и содержатъ разсказъ о такъ называемомъ инцидентѣ Н. А. Некрасова по денежнымъ счетамъ г-жи Огаревой.

Василько-Петровъ, Василій Петровичъ, учитель драматическаго искусства и фельетонистъ «Русск. Инвалида»—оставилъ свои записки.

Воейковъ, А., по указанію Н. Быстрова въ его статьѣ о Крыловѣ, въ «Сѣверн. Пчелѣ» 1846 г., № 64, стр. 256, писалъ записки о своей жизни.—Отрывокъ изъ нихъ о царствованіи Павла I помѣщенъ въ «Историческомъ Сборникѣ», Лондонъ, 1861, II.

Владиміръ, епископъ Тобольскій, 1791 † 1845 г. Василій Алявдинъ, профес. нѣсколькихъ семинарій, съ 1842 г. епископъ.—Въ статьѣ о немъ А. Сулоцкаго въ «Странникѣ», 1862 г., II, стр. 165, 184, сказано, что онъ оставилъ автобіографическія записки.

Вельяшевъ-Волынскій, Д. И., писатель, умеръ въ 1818 г., велъ подробный журналъ всего любопытнаго, какъ говоритъ И. М. Снегиревъ.

Горголи, Иванъ Савичъ, петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, велъ записки.

Дубельтъ, Леонтій Васильев., генералъ-лейтенантъ, ум. 1862; въ некрологѣ его въ «Сѣверн. Пчелѣ», № 118, и «Русск. Инвалидѣ», № 96, сказано, что онъ оставилъ любопытные мемуары.

Жебелевъ, Григор. Иван., актеръ † 1857 г., отрывки изъ его любопытныхъ записокъ были напечатаны въ «Спб. Вѣд.», 1859, № 200.—Записки были у Василько-Петрова.

Жихаревъ, Степанъ Петровичъ, велъ записки до конца своей жизни.—Напечатаны: «Записки студента», «Дневникъ чиновника», веденные Жихаревымъ до 1807 г. и затѣмъ «Воспоминанія стараго театрала», «Отеч. Зап.», 1854 г.; умеръ въ 1862 году. Пишущій эти строки видѣлъ въ годъ смерти автора у него нѣсколько большихъ тетрадей, которыя онъ передалъ при немъ княгинѣ Гагариной.

Зотовъ, Р. М.; напечатаны только отрывки изъ его воспоминаній, въ приложеніи къ «Драматическ. Сборнику» 1859 г., № 3, II и въ «Иллюстр. газетѣ» (автобіограф. записки находятся въ редакціи «Историческаго Вѣстника» и будутъ напечатаны вполнѣ).

Измайловъ, Влад. Васильев., 1773—1830; велъ дневникъ, который впослѣдствіи находился у Борис. Мих. Ѳедорова.

Каверинъ, Пав. Ник., бывшій оберъ-полиціймейстеръ московск., въ 1812 году; велъ свои записки по разсказамъ современниковъ.

Каразинъ, Василій Назарьевичъ, 1763 † 1842 г. Велъ дневникъ, какъ видно изъ біографіи его, напечатанной Гр. Данилевскимъ въ «Сѣв. Пчелѣ», 1860 г., №№ 24, 25, 26, 29 и 31. См. также некрологъ его въ «Одесск. Вѣстникѣ» 1842, № 95, а также въ «Москов. Вѣдом.», 1842, № 101, и «Чтен. Моск. Общ, Истор. и древ.», 1861, кн. IV.

Лохвицкій, Кондратій Андреевичъ, род. 1775 г.; изъ его дневника, веденнаго въ 1798, 1808 и 1819 гг., извлечено многое, относящееся до исторіи мистицизма въ Россіи, о Лабзинѣ и пр. сообщ. Ѳ. Терновскимъ въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи», 1863 г., окт.

Лунинъ, Алек. Мих.; записки о его жизни, имѣющія впрочемъ только автобіографическое значеніе, кажется, хранятся у М. П. Полуденскаго.

Марченко, Алек. Романовичъ, государств. секретарь, 1782—1840. Въ «Энциклопедич. Словарѣ», А. Старчевскаго, т. VII, стр. 486, въ ст. о немъ сказано, что онъ «велъ собственноручныя записки или очерки своей жизни и трудовъ». Въ «Историч. Сборникѣ», Лондонъ, 1859, кн. I, напечатана его записка о событіяхъ, совершившихся при восшествіи на престолъ импер. Николая I.

Матюшкинъ, Ѳедоръ Ѳедоров, адмиралъ; ссылка на его записки въ книгѣ бар. Корфа, «Жизнь Сперанскаго», II, 218.

Оболенскій, Евгеній Петровичъ; отрывокъ изъ его записокъ напечатанъ заграницей, въ «Будущности», 1861, № 9, 191. «Записка о знакомствѣ съ участниками заговора 14 декабря—судѣ и ссылкѣ».

Самборскій, Андр. Аѳанасьевичъ, протоіерей, † 1815 г.; напечатаны отрывки изъ его записокъ, какъ напр.: «Эпизодъ изъ исторіи Австріи и Россіи 1799—1804», «День», 1862 г., № 37, и «В. К. Александра Павловна».

Свиньинъ, Павелъ Петровичъ, † 1839 г. Въ эпиграфѣ статьи своей: «Дмитріевъ на гробѣ Карамзина» въ «Сѣвер. Пчелѣ», 1838 г., № 19, Свиньинъ говоритъ: «болѣе 30 лѣтъ, именно съ похода моего въ Адріатику на эскадрѣ адмирала Сенявина, я веду постоянно свой дневникъ, замѣчая бѣгло все необыкновенное, со мной случившееся, все странное и удивительное, мною видѣнное и слышанное».

Скалонъ, г-жа, дочь писателя Капниста, вела также записки. (Эти записки находятся въ редакціи «Историческаго Вѣстника» и будутъ скоро напечатаны).

Сперанскій, М. М., отрывки изъ его дневника въ жизни его бар. Корфа, 2 ч., Спб. 1861.

Фотій, архимандритъ, указанія объ оставленныхъ имъ запискахъ въ книгѣ «Жизнь Сперанскаго» бар. Корфа, I, 259; часть ихъ я видѣлъ у П. Н. Тиханова.

Чаруковскій, Прохоръ Алексѣевичъ, докторъ, ученый секретарь медико-хирургической академіи. Въ біографіи его, въ словарѣ Старчевскаго, сказано, что онъ велъ мемуары.

Якушкинъ, Иванъ Дмитріевичъ; изъ записокъ его помѣщены: о 14 декабрѣ въ «Полярной Звѣздѣ», 1862 г., и потомъ въ 1-й части «Записокъ декабристовъ».

† Въ Ментонѣ **Сергѣй Петровичъ Боткинъ**; онъ родился въ 1832 году въ Москвѣ, въ богатой купеческой семьѣ. Дѣтство, проведенное среди чисто-русской обстановки, и воспитаніе выработали въ С. П. на всю жизнь любовь къ труду и ко всему русскому. По окончаніи курса въ пансіонѣ Эннеса, онъ поступилъ въ московскій университетъ. С. П. только по простой случайности сдѣлался докторомъ; онъ предназначалъ себя занятіямъ математикою, но такъ какъ въ годъ вступленія его въ университетъ временно закрыты были всѣ факультеты, кромѣ медицинскаго, то С. П. поступилъ на этотъ факультетъ и въ 1855 г., по окончаніи курса, по предложенію вел. кн. Елены Павловны въ числѣ другихъ врачей отправился въ Крымъ и находился въ Бахчисараѣ при лазаретѣ Пирогова. По окончаніи войны С. П. вернулся въ Москву и вскорѣ отправился за границу продолжать свое научное образованіе. Онъ перебывалъ въ нѣсколькихъ университетахъ и прослушалъ лекціи лучшихъ профессоровъ того времени - Вирхова, Траубе, Клода Бернара и др. Вернувшись въ 1860 г. послѣ долгихъ трудовъ изъ-заграницы, вмѣстѣ съ извѣстнымъ физіологомъ Сѣченовымъ, С. П., приглашенный въ медико-хирургическую академію, былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ въ терапевтическую клинику проф. Шипулинскаго, а черезъ годъ, по выходѣ Шипулинскаго, избранъ на его мѣсто ординарнымъ профессоромъ, завѣдывающимъ

клиникою 4 курса и затѣмъ совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго комитета и медицинскаго совѣта. Въ 1870 г. С. П. былъ назначенъ лейбъ-медикомъ. Обширная медицинская эрудиція, глубокія познанія по діагностикѣ и леченію болѣзненныхъ процессовъ, современный способъ клиническаго преподаванія, скоро сдѣлали его извѣстнымъ въ качествѣ профессора и замѣчательнаго практическаго врача. Въ кабинетѣ Боткина начались самостоятельныя работы многихъ русскихъ молодыхъ врачей, его учениковъ, и самая клиника, какъ разсадникъ практическихъ врачей, была переобразована во всѣхъ отношеніяхъ. До послѣднихъ дней жизни, С. П. продолжалъ профессорскую дѣятельность въ военно-медицинской академіи и состоялъ дѣятельнымъ членомъ во многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществахъ. Благодаря его горячему содѣйствію, Георгіевская община достигла большихъ успѣховъ. С. П. также занималъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди нашихъ благотворителей. Онъ и жена его принимали дѣятельное участіе въ поддержаніи учащейся молодежи. Не смотря на громадную практику, онъ не только находилъ время пользовать бѣдныхъ людей безвозмездно, но покупалъ даже для нихъ лекарства на свой счетъ. Ученые труды С. П. пользуются широкою извѣстностью даже за границей и «Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней» переведенъ на нѣсколько языковъ. Самостоятельныя работы С. П. можно встрѣтить во многихъ иностранныхъ журналахъ. 27-го апрѣля 1887 года домашнимъ образомъ праздновался 30-лѣтній юбилей его блестящей ученой дѣятельности; хотя онъ отъ торжествъ и юбилейныхъ чествованій категорически отказался, тѣмъ не менѣе ему было поднесено много адресовъ и альбомовъ. Имя С. П. Боткина, какъ ученаго, навсегда сохранится въ исторіи медицины и—не только въ ней одной. Какъ общественный дѣятель и высокоталантливый русскій человѣкъ, онъ не умретъ и въ лѣтописяхъ Россіи и во всемірной исторіи культуры.

† Въ Петербургѣ профессоръ Александръ Дмитріевичъ **Градовскій**; онъ родился въ 1841 г., воспитывался во 2-й харьковской гимназіи и затѣмъ кончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ А. Д. занялъ каѳедру государственнаго права въ Петербургскомъ университетѣ и очень скоро пріобрѣлъ репутацію одного изъ талантливѣйшихъ профессоровъ. Въ числѣ его научныхъ трудовъ капитальными считаются «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи» и «Начала государственнаго права». Но кромѣ профессорской дѣятельности, А. Д. заявилъ себя даровитымъ и горячимъ публицистомъ, работая преимущественно въ газетѣ «Голосъ», гдѣ игралъ выдающуюся роль въ качествѣ сотрудника и вмѣстѣ съ этимъ руководителя по внутреннимъ вопросамъ. Статьи покойнаго въ «Голосѣ» всегда обращали на себя вниманіе живостью изложенія, силою аргументаціи и вообще свидѣтельствовали о выдающемся публицистическомъ талантѣ. Какъ лекторъ Градовскій, не смотря на неблагопріятныя стороны дикціи, обусловливавшіяся астматическимъ удушьемъ, привлекалъ всегда многочисленныхъ слушателей—и его аудиторія, благодаря интересному и живому содержанію лекцій, была одной изъ наиболѣе посѣщаемыхъ на юридическомъ факультетѣ. Болѣзненное состояніе обусловливало раздражительность, неровность и язвительность характера покойнаго—что особенно ярко сказывалось во время экзаменовъ. А. Д. Градовскій передъ смертью вышелъ въ отставку. Литературная дѣятельность его началась въ 1866 году въ газетѣ «Судебный Вѣстникъ», подъ редакціей профессора Чебышева-Дмитріева. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ онъ писалъ много въ различныхъ журналахъ. Въ 60-хъ годахъ статьи его печатались въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ «Русскомъ Вѣстникѣ», потомъ въ «Бесѣдѣ», «Зарѣ» и «Русской Рѣчи» (въ двухъ послѣднихъ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ), а также въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», во время сербской войны. Русская наука лишилась въ Градовскомъ уважаемаго

ученаго, русская печать—даровивитаго публициста, горячо любившаго свою родину. Неисправимый идеалистъ, впечатлительный и нервный по своей натурѣ южноруссa, Градовскій часто и много увлекался. Но, не соглашаясь съ нимъ во мнѣніяхъ, нельзя было тѣмъ, кто его близко зналъ, не уважать его увлеченій и таланта. 12 лѣтъ тому назадъ, въ горячо и прекрасно написанномъ некрологѣ Ю. Ѳ. Самарина, Градовскій, указавъ, что Самаринъ многимъ казался только умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, «нѣсколько пикантнымъ потому, что писанія и рѣчи его отличались такъ называемымъ у насъ оппозиціоннымъ духомъ», сказалъ: «исторія объяснитъ его иначе и отведетъ ему иное мѣсто. Она распознаетъ въ немъ рѣдкій и даже странный типъ русскаго гражданина. Удивительное, можетъ быть, непонятное для многихъ слово!». Покойный Градовскій, такъ мѣтко охарактеризовавшій Самарина, былъ его ближайшимъ послѣдователемъ—ихъ тѣсно связала душевная пріязнь, продолжавшаяся до смерти Самарина и общность настроенія и вѣры въ будущее Россіи.

† Генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ **Алексѣй Аѳиногеновичъ Ильинъ.** Имя его извѣстно всей грамотной Россіи; въ самой скромной народной школѣ можно найти изданіе картографическаго заведенія, созданнаго имъ въ Петербургѣ. Начавъ двадцать семь лѣтъ назадъ въ товариществѣ съ Полторацкимъ со скромной литографіи съ двумя ручными прессами, покойный усиленнымъ и усидчивымъ трудомъ довелъ свое заведеніе до крупныхъ размѣровъ; изданія его считаются сотнями, а экземпляры ихъ милліонами. Въ дѣло это Ильинъ вложилъ, что называется, душу. Уже владѣльцемъ значительнаго состоянія, можно его было видѣть ежедневно по цѣлымъ часамъ за корректурою картъ. Ту же любовь къ картографіи умѣлъ онъ внушить всѣмъ своимъ близкимъ. Изъ картографическаго заведенія Ильина вышло столько новыхъ картъ, книгъ, плановъ и рисунковъ, что одно перечисленіе названій этихъ трудовъ составляетъ объемистую брошюру. Кто знаетъ, какъ трудна у насъ книго-издательская дѣятельность, какъ мало находятъ у насъ серьезныя книги читателей и особенно покупателей, тотъ оцѣнитъ почтенныя усилія Ильина, который изъ года въ годъ еще расширялъ свою издательскую дѣятельность. Въ числѣ изданій его, къ которымъ нельзя отнестись иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ, слѣдуетъ упомянуть русскій переводъ обширной «Всеобщей географіи» Элизе Реклю, затѣмъ подробный «Атласъ Россійской имперіи», «Атласъ по русской исторіи» Замысловскаго, «Климатъ Россіи» Воейкова и т. д. Много лѣтъ издавалъ онъ безъ всякаго барыша на пользу юношества журналъ «Всемірный путешественникъ». Наконецъ, надобно упомянуть о географическомъ магазинѣ, спеціально устроенномъ имъ въ столицѣ. Въ личныхъ сношеніяхъ Алексѣй Аѳиногеновичъ отличался простотою, прямодушіемъ, чрезвычайною деликатностью и добротою. Къ своимъ служащимъ и рабочимъ отношенія у него были самыя патріархальныя и онъ постоянно заботился объ ихъ участи.

† Въ Кіевѣ редакторъ-издатель «Кіевской Старины» **Александръ Степановичъ Лашкевичъ.** По окончаніи курса въ Кіевскомъ университетѣ въ началѣ 60-хъ годовъ, покойный принималъ дѣятельное участіе по введенію въ Юго-западномъ краѣ крестьянской реформы и, въ качествѣ мирового посредника, а затѣмъ предсѣдателемъ съѣзда, оставилъ по себѣ свѣтлую память, какъ объ одномъ изъ лучшихъ дѣятелей реформы. Посвятивъ себя затѣмъ служенію земскому дѣлу въ Малороссіи, онъ со смертью бывшаго редактора «Кіевской Старины» г. Лебединцева, въ 1887 г. пріобрѣлъ это изданіе и поселился въ Кіевъ, гдѣ всецѣло отдался новому дѣлу. Не смотря на постоянные дефициты, онъ неуклонно и энергично старался поднять свой журналъ, посвященный интересамъ и задачамъ малорусскаго племени, до уровня нашихъ лучшихъ журналовъ.

† Почетный членъ археологическаго института и другихъ ученыхъ учрежденій **Николай Ивановичъ Григоровичъ**. Состоя около двадцати лѣтъ дѣлопроизводителемъ и членомъ особой при синодѣ коммиссіи по разбору хранящихся въ синодальномъ архивѣ дѣлъ, онъ много трудился: надъ составленіемъ и изданіемъ узаконеній синода, а также надъ «Описаніемъ дѣлъ его архива» и надъ редактированіемъ издаваемаго синодомъ «Собранія мнѣній и отзывовъ покойнаго митрополита московскаго Филарета по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ». Результатами трудовъ его явились: семь томовъ собранія узаконеній синода и четыре выпуска «Собраній мнѣній и отзывовъ Филарета по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ». Ему же принадлежатъ и другіе труды: «Обзоръ православныхъ монастырей въ Россіи, со времени введенія штатовъ по духовному вѣдомству до 1869 г.»; обзоръ общихъ законоположеній о содержаніи православнаго духовенства въ Россіи со времени введенія штатовъ по духовному вѣдомству (1764—1863 гг.); «Каѳедры русскихъ архіереевъ» и мн. др. Въ исторіи разработки русскаго архива Н. И. Григоровичъ долженъ занять видное мѣсто по разработкѣ біографіи государственнаго канцлера временъ Екатерины—Безбородки. Учрежденная наслѣдниками Безбородки премія въ 5.000 р. за составленіе полной біографіи Екатерининскаго канцлера долго не находила ученаго, который нашелъ бы время и возможность перерыть чуть ли не всѣ наши государственные архивы за время дѣйствій Безбородки. Н. Ив. взялся за это и, послѣ свыше десятилѣтнихъ трудовъ по разработкѣ собранныхъ изъ разныхъ архивовъ матеріаловъ, издалъ въ двухъ объемистыхъ томахъ біографію Безбородко и получилъ за этотъ трудъ установленную премію. Ему синодальный архивъ обязанъ порядкомъ, въ какомъ онъ сдалъ его почти за полтора года до своей болѣзни. Руководствомъ, услугами его какъ архивнаго справщика, какъ ученаго архивиста, пользовались всѣ, кто только работалъ за послѣднія 25 лѣтъ въ синодальномъ архивѣ. Заслуги покойнаго на научномъ поприщѣ оцѣнены разными обществами исторій и древностей. Въ прошломъ году эти ученыя общества праздновали 25-лѣтній юбилей его учено-литературной дѣятельности. Н. Ив. Григоровичъ—сынъ извѣстнаго въ исторіи духовной литературы священника церкви здѣшняго Аничковскаго дворца и свое образованіе получилъ въ здѣшнемъ университетѣ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу біографіи Н. И. Хмельницкаго.

Я лично зналъ съ самаго ранняго своего дѣтства Николая Ивановича Хмельницкаго—близкаго пріятеля покойнаго моего отца, а потому считаю долгомъ своимъ указать на нѣкоторыя неточности въ прекрасной статьѣ о немъ Н. А. Добротворскаго, помѣщенной въ декабрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1889 г.

Хмельницкій, губернаторствуя долгое время въ Смоленскѣ, любимый и уважаемый всѣми классами населенія, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ и до сихъ поръ сохранившаяся объ немъ тамъ добрая память, пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ государя, внезапно переведенъ былъ на должность Архангельскаго губернатора, вслѣдствіе раскрывшихся крупныхъ хищеній по сооруженію Московско-Смоленскаго шоссе. Государь, ни мало не сомнѣваясь въ безкорыстіи Хмельницкаго и не считая его соли-

дарнымъ съ хищниками, въ видѣ наказанія за слабый надзоръ за дѣйствіями инженеровъ путей сообщенія, перевелъ изъ Смоленска въ Архангельскъ. Но по французской пословицѣ—les absents ont toujours tort—когда Хмельницкій жилъ уже на растояніи нѣскольких тысячъ верстъ отъ мѣстности, въ которой обнаружены были злоупотребленія, слѣдственная комиссія, желавшая, въ извѣстной степени, обѣлить инженеровъ путей сообщенія, постаралась набросить тѣнь на Хмельницкаго и представила его не безучастнымъ къ наживѣ.

Графъ Толь, тогдашній министръ Путей Сообщенія, за что-то недолюбливавшій Николая Ивановича, довелъ такое обвиненіе до свѣдѣнія государя, вслѣдствіе чего Хмельницкій былъ тотчасъ же вызванъ изъ Архангельска, гдѣ губернаторствовалъ уже года полтора, и посаженъ въ крѣпость. Самому же слѣдствію былъ приданъ особенно серьезный характеръ, составъ слѣдственной комиссіи усиленъ и во главѣ ея поставлено лицо, пользовавшееся особеннымъ довѣріемъ государя, а когда черезъ шесть мѣсяцевъ слѣдствіе было окончено, государь потребовалъ дѣло къ себѣ, прочиталъ отъ доски до доски, и убѣдившись въ клеветѣ, взводимой на Хмельницкаго, немедленно повелѣлъ освободить его, и какъ напрасно пострадавшему, пожаловалъ орденъ Владиміра 2-й степени. Хмельницкій, слѣдовательно, содержался не 5 лѣтъ, какъ сказано у г. Добротворскаго, а всего 6 мѣсяцевъ. Свиданіе съ государемъ и разговоръ, передаваемый авторомъ, со словъ смолянъ, есть не болѣе, какъ легенда. Ничего похожаго на это не происходило; но шестимѣсячное заключеніе такъ ужасно повліяло на душу и организмъ Николая Ивановича, что онъ дѣйствительно сталъ не узнаваемъ и этотъ фактъ свѣжо сохранился въ моей памяти.

До заключенія Хмельницкій могъ называться еще молодымъ человѣкомъ, у него не было ни одного сѣдого волоса, а послѣ заключенія онъ былъ уже разрушенный, дряхлый и сѣдой старикъ. Отецъ мой, посѣтившій его однимъ изъ первыхъ, послѣ освобожденія изъ крѣпости, въ домѣ его, на Петербургской сторонѣ, гдѣ онъ постоянно жилъ съ сестрою, пораженъ былъ происшедшей въ немъ перемѣной, а спустя нѣкоторое время, когда и самъ Хмельницкій былъ у насъ, мы съ трудомъ его узнали. Пожалованіе Владимірской звѣзды нисколько его не утѣшило, и онъ просилъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, какъ особой милости, заграничнаго отпуска. Въ чужихъ краяхъ онъ мало отдохнулъ и, вернувшись оттуда, вскорѣ вышелъ въ отставку, а за тѣмъ велъ жизнь очень уединенную, посвящая бо̀льшую часть времени чтенію и литературѣ. Изъ портретовъ его самымъ удавшимся можно считать изданный при книгѣ «Сто русскихъ литераторовъ». Характеристика его, сдѣланная Н. А. Добротворскимъ, очень вѣрна. То былъ дѣйствительно человѣкъ чрезвычайно добрый, мягкій, душевный, въ высшей степени изящный въ своихъ манерахъ, а разговоръ его, когда онъ бывалъ въ духѣ, отличался остроуміемъ, аттической солью и тонкой ироніей. Говорилъ онъ протяжно, какъ бы нехотя, и вызывая своею рѣчью смѣхъ, никогда самъ не смѣялся. Многіе, и въ особенности изъ числа сильныхъ міра, не долюбливали Николая Ивановича за его языкъ и въ безсиліи своемъ отражать мѣткіе его стрѣлы, называли его позёромъ и кривлякой. Впослѣдствіи, когда мнѣ случалось неоднократно бывать въ обществѣ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Тютчевымъ, сходствомъ манеры разговора онъ мнѣ напоминалъ Н. И. Хмельницкаго.

К. Бороздинъ.

II.

Библіографическая рѣдкость.

Въ «Русской Старинѣ» за 1873 г. (т. VII-й), апрѣль мѣсяцъ, на стр 479—490, перепечатана одна изъ очень рѣдкихъ книгъ, изданная графомъ Аракчеевымъ и носящая заглавіе: «Рескрипты и записки государя императора Павла I къ графу Аракчееву». Редакція журнала, предпосылая этой перепечаткѣ нѣсколько словъ отъ себя, приводитъ извлеченія изъ писемъ гр. Аракчеева къ его сотруднику, Ивану Ѳомичу Самбурскому, которыя касаются собственно печатанія другой библіографической рѣдкости, также изданной Аракчеевымъ, именно—«Писемъ императора Александра I къ Аракчееву». Относительно обѣихъ названныхъ книжекъ редакція высказываетъ предположенія, что онѣ заложены въ колоннахъ грузинскаго собора и въ его колокольнѣ. Намъ посчастливилось найти вмѣстѣ съ другимъ экземпляромъ «Рескриптовъ и писемъ императора Павла I» и нѣкоторыя довольно любопытныя свѣдѣнія о самой книгѣ. Эти свѣдѣнія находятся въ письмѣ Аракчеева, отъ 30 декабря 1820 г., изъ Петербурга, на имя Управлявшаго Московскимъ Архивомъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ А. Ѳ. Малиновскаго, при которомъ (письмѣ) былъ присланъ Малиновскому одинъ экземпляръ названной книжки. Вотъ это письмо:

«Милостивый государь мой Алексѣй Федоровичъ: Я имѣлъ честь получить письмо Вашего Превосходительства отъ 23-го сего декабря, за которое, какъ равно и за поздравленіе меня съ праздникомъ Рождества Спасителя нашего и новымъ годомъ, приношу Вамъ, милостивый государь, мою истинную благодарность, прося Ваше Превосходительство принять и отъ меня взаимное съ тѣмъ же поздравленіе и усердное желаніе мое, чтобы Вы всегда были здоровы и благополучны.—Ея Превосходительству, милостивой государынѣ, Аннѣ Петровнѣ и почтенной вашей дочери свидѣтельствую мое почитаніе и равномѣрно поздравляю съ наступающимъ новымъ годомъ. Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ Вашего Превосходительства покорный слуга графъ Аракчеевъ. P. S (собственноручный). Вы меня дарили разными рѣдкими книгами, кои у меня хранятся въ моей Грузинской монастырской библіотекѣ то позвольтѣ и мнѣ Васъ подарить одною прилагаемою у сего маленькою книжкою единственно для Вашего сведенія, ибо я напечаталъ оную только десять экземпляровъ, дабы по смерти моей хотя нѣсколько оные сохранились, чемъ обяжетѣ любящаго и почитающаго Васъ»...

Такимъ образомъ, изъ этого письма Аракчеева видно, что книга «Рескрипты и записки государя императора Павла I къ графу Аракчееву» напечатана была всего въ десяти экземплярахъ и потому должна быть отнесена къ числу большихъ рѣдкостей. Книжка эта - небольшая по своимъ размѣрамъ: въ ней 42 страницы in 8. Вмѣсто сорочки служатъ два листа сѣрой бумаги, почти такой же, на которой напечатана и самая книжка; на первомъ изъ нихъ напечатано приведенное выше заглавіе ея, а послѣдній, совсѣмъ чистый, листъ служитъ задней половиной сорочки; по корешку книга обложена узкой полосой темнозеленой бумажки (тесемочкой). Въ книгѣ нигдѣ не обозначено ни мѣста, ни времени печатанія ея; нѣтъ на ней ни цензурнаго дозволенія, ни какой-либо помѣты, на которой было бы можно построить предположеніе о времени и мѣстѣ печатанія. Приведенное выше письмо Аракчеева къ Малиновскому даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія для рѣшенія этого вопроса. Какъ видно изъ письма, Аракчеевъ посылаетъ настоящую книжку, когда Малиновскій былъ управляющимъ архивомъ. Слѣдовательно она: 1) напечатана ни въ какомъ случаѣ не позднѣе 1820 года, къ которому относится письмо и 2) можно думать, что она напечатана именно въ этомъ 1820 году, предполагая, что Аракчеевъ посылаетъ ее, какъ книгу новую, только-что вышед-

шую, и что онъ едва ли бы послалъ ее, если бы она была давно напечатана.— Что касается мѣста печатанія, то можно думать, что она напечатана тамъ же, въ той же типографіи, гдѣ и другая книжка—«Рескрипты императора Александра I», т. е. въ типографіи при управленіи военныхъ поселеній. На это даетъ намекъ и одно изъ писемъ Аракчеева къ Самбурскому: «Благодарю васъ, пишетъ ему Аракчеевъ изъ Грузина, отъ 5-го іюля 1821 г., за исполненіе моихъ порученій; я рескрипты императора Павла получилъ, а прочія печатаемыя записки прошу оставить у себя до личнаго нашего свиданія»...

Книжка печатана не сплошь, а съ большими пробѣлами, которые зависѣли отъ того, что каждый рескриптъ печатался съ новой страницы, а такъ какъ рескрипты были большею частью очень краткіе и занимали только нѣсколько строчекъ и весьма рѣдко всю страницу, то остальное незанятое пространство и оставалось пустымъ, такъ самое бóльшое число строчекъ—26 находится на одной только 3-й страницѣ, 25, 24 и 21 строчка также на одной страницѣ, отъ 20 до 15 строчекъ на 12 страницахъ, отъ 15 до 10 на 21 страницѣ, на двухъ страницахъ по 9 и 7 строчекъ и на одной 6 строчекъ. Только одинъ рескриптъ напечатанъ на двухъ страницахъ (26—27) и также двѣ страницы занимаютъ коротенькія лаконичныя записочки, при печатаніи соединенныя въ группы. — Счетъ страницъ въ книжкѣ идетъ вверху съ 2 по 42, причемъ цифры заключены въ скобкахъ (1), (2), (3) и т. д. первая страница не имѣетъ своей цифры. Кромѣ того, внизу идетъ счетъ по листамъ, 16 страницъ въ листѣ; на 1-й страницѣ—1, на 17—2, на 18—звѣздочка и на 33—3. Находящіеся въ книгѣ документы обнимаютъ время съ 13 января 1794 года по 18 мая 1799 г. и по своему содержанію довольно разнообразны. Книжка перепечатана въ «Русской Старинѣ» довольно вѣрно; хотя иногда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, допущены отступленія (бóльшею частью мелочныя) отъ подлинника. Такъ въ «Русской Старинѣ» не имѣется общаго заголовка, помѣщеннаго въ подлинникѣ, на 1 страницѣ, впереди перваго рескрипта: «Высочайшіе рескрипты». Въ подлинникѣ до текста рескрипта напечатано вездѣ сперва мѣсто, откуда посланъ тотъ или другой рескриптъ, и потомъ уже дата рескрипта; въ «Русской Старинѣ» все это помѣщено въ обратномъ порядкѣ, сперва дата, а потомъ мѣсто отправленія рескрипта, (подлинникъ: «С.-Петербургъ. Генваря 13-го дня 1794-го года». «Русская Старина»: «Января 13-го дня 1794 г. С.-Петербургъ). Встрѣчается также измѣненіе правописанія; подлинникъ печатаетъ: «генваря», въ «Русской Старинѣ» вездѣ поправлено на «января». Подлинникъ имѣетъ симпатію къ большимъ буквамъ, печатая: Офицерскихъ, Офицеръ, Г. Подполковникъ, Меня Моего, Камендантъ, Маіоръ и т. п.; «Русская Старина» напечатала всѣ подобныя слова съ маленькой буквы. Встрѣчается и обратное явленіе. «Русская Старина» очень неравнодушна къ запятымъ, употребляя ихъ довольно часто тамъ, гдѣ въ подлинникѣ ихъ нѣтъ (напр. «Р. С.»: «ему отъ меня, равномѣрно, предписано. Впрочемъ, съ благорасположеніемъ»...; въ подлинникѣ нѣтъ ни одной запятой). Встрѣчаются также нѣкоторыя незначительныя прибавленія. Въ подлинникѣ при помѣтахъ о времени полученія рескрипта послѣ цифроваго показанія года, нѣтъ буквы г. (ода) (т. е. только «1794» или 1796); «Русская Старина» прибавляетъ вездѣ эту букву. Подлинникъ печатаетъ: «Гре: бат: Пол: Ланскому»...; «Русская Старина» печатаетъ безъ сокращеній: «Гренадерскаго баталіона полковнику Ланскому»... Встрѣчаются также ороографическія поправки, напр., вмѣсто «прилѣжное» въ «Русской Старинѣ» — прилежное; вмѣсто «при томъ» — притомъ; вмѣсто «серебренымъ»—серебрянымъ; вмѣсто «отсудствіе»—отсутствіе, и т. п.

Е. А. К.

ИЗАБЕЛЛА ОРСИНИ

ГЕРЦОГИНЯ БРАЧЧІАНО

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

И. ФІОРЕНТИНИ

СЪ 29 ГРАВЮРАМИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

Н. А. ПОПОВА

(Isabella Orsini, duchessa di Bracciano)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1890

I.

Дочери Козимо Медичи.

ЕСНА была въ полномъ разцвѣтѣ, голубое небо Флоренціи точно улыбалось. Вновь разведенный садъ дворца Питти красовался множествомъ нарядныхъ и душистыхъ цвѣтовъ.

На террассу, выходившую въ садъ, придворные лакеи вынесли роскошныя кресла, ковры, скамейку и столикъ. Вскорѣ тяжелыя драпировки на дверяхъ балкона распахнулись и на порогѣ показалась красивая и величественная фигура Элеоноры Толедо, жены Козимо де-Медичи, въ сопровожденіи своихъ трехъ дочерей: Изабеллы, Маріи и Лукреціи. Въ описываемую нами эпоху герцогиня Элеонора была уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ; мать восьми дѣтей, она, не смотря на это, сохранила свѣжесть и красоту. Ея черные волосы, большіе глаза и матовый цвѣтъ лица, дѣлали ее прекраснымъ типомъ испанской красоты. Кромѣ физическихъ достоинствъ, признанныхъ безъ исключенія всѣми, Элеонора была замѣчательно добра. Современники говорятъ, что супругу герцога Тосканскаго достаточно было видѣть, чтобы обожать ее и преклониться передъ ней.

Дворецъ Питти былъ купленъ герцогиней и передѣланъ по ея вкусу. Герцогъ Козимо въ угожденіе своей супругѣ перевелъ свое семейство изъ Стараго Палаццо (Palazzo-Vecchio) въ Палаццо Питти. Ежегодно эту новую резиденцію герцогскаго семейства увеличивали, украшали, разбивали цвѣтники, сажали деревья, устроивали гроты, кіоски, каскады и т. д.

Войдя на террассу и окинувъ взглядомъ роскошныя клумбы цвѣтовъ и зеленѣющихъ деревьевъ, Элеонора пріятно улыбнулась

и, посадивъ около себя дочерей, дѣлала замѣчанія, касающіяся украшеній своей любимой резиденціи.

Окружавшія ее дочери были также хороши, какъ и она сама, хотя красота каждой изъ молодыхъ принцессъ была своеобразна и онѣ нисколько не походили другъ на друга.

Изабелла только-что начинала развиваться, изъ ребенка-дѣвочки уже формировалась красавица-женщина. Она была высока ростомъ, очень стройна, съ черными кудрями и бровями, въ глазахъ горѣлъ огонь, впослѣдствіи превратившійся въ страшное пламя; черты лица правильныя, общее выраженіе крайне симпатичное.

Марія обладала красотой совершенно инаго характера. Въ ней все было величественно, покойно, меланхолично. Въ наше время про такую красавицу сказали бы, что она не отъ міра сего.

Лукреція была прелестный ребенокъ, живой портретъ ея красавицы-матери.

Глядя на эту чудную княжескую деадему (principesco diadema), кто бы могъ подумать, что эти юныя красавицы-герцогини такъ страшно кончатъ?!

Но не будемъ забѣгать впередъ. Въ этотъ день все имѣло праздничный видъ—и природа, и люди; даже мечтательная Марія радостно улыбалась. Во дворцѣ предстояло празднество по случаю пріѣзда въ Флоренцію герцога Браччіано, Паоло Джіордано, наслѣдника всемогущаго римскаго дома Орсини, уже стяжавшаго славу знаменитаго воина. Молоденькія принцессы совѣщались съ матерью о туалетахъ для предстоящаго празднества.

— Ты, Изабелла,—говорила герцогиня,—надѣнь платье фіолетоваго цвѣта, вообще твой костюмъ долженъ быть изящный и вмѣстѣ съ тѣмъ строгій, ты, моя прелестная Марія, должна себѣ выбрать скромный костюмъ, а ты, Лукреція, надѣнь платьице сообразно твоему возросту.

Потомъ для Изабеллы мать посовѣтовала надѣть простое ожерелье изъ жемчуга, для Маріи бриліанты, а для Лукреціи рубины.

Пажи, стоявшіе въ почтительномъ отдаленіи, любовались на эту чудную группу, достойную кисти талантливаго художника. Изабелла, хотя еще очень юная, поражала своей величественной красотой, Марія особенно привлекала вниманіе одного изъ пажей. Это былъ юноша красивой наружности, Гуальтьеро, сынъ дворянина Якова Малатеста изъ Римини. Предки его были синьоры Романьи, но вслѣдствіе бѣдности ихъ всемогущество пало и молодой Гуальтьеро долженъ былъ поступить на службу ко двору Медичи, хотя эти Медичи были еще незначительные торговцы въ то время, когда Малатеста уже пользовались славой и могуществомъ. Марія замѣтила страстный взглядъ, уставленный на нее красивымъ пажемъ и отвѣчала ему тѣмъ же. Молодые люди, не объяснившись, уже любили другъ друга, ежедневно переговариваясь взглядами,

которые говорили о чувствахъ любви гораздо краснорѣчивѣе словъ. Юность и первая любовь не разсуждаетъ. Дочь знаменитаго и всемогущаго герцога Тосканскаго Козимо Медичи, конечно, не смѣла мечтать соединиться съ бѣднымъ пажомъ, хотя онъ и былъ древней дворянской фамиліи. Быть можетъ, это препятствіе распаляло еще болѣе чувства влюбленныхъ.

— Мессеръ Гуальтьеро,—обратилась герцогиня Элеонара къ пажу Малатеста,—вы присутствовали при въѣздѣ герцога Браччіано? Мнѣ разсказывали, что парадъ былъ необыкновенный.

— Да, герцогиня, я имѣлъ счастье быть тамъ, дѣйствительно встрѣча была блестящая. Вся гвардія и офицеры нашего государя встрѣтили герцога около Порто Романо. Трубачи и музыканты начали играть при появленіи его, окруженнаго блестящей свитой. Раззолоченыя кареты, отрядъ кавалеріи, пажи, самъ герцогъ верхомъ на лошади, убранной золотомъ и серебромъ, походилъ на короля въ коронѣ.

Пажъ разсказалъ бы еще болѣе подробно встрѣчу герцога Браччіано, но доложили о пріѣздѣ герцога Козимо Медичи.

Въ эту эпоху правитель Тосканы былъ въ самомъ цвѣтущемъ возростѣ, онъ имѣлъ тридцать пять лѣтъ отъ роду, былъ очень красивъ собою и отличался надмѣнностью.

Рожденный отъ второстепенной линіи, онъ никогда не мечталъ сѣсть на тронъ. До восемнадцатилѣтняго возроста онъ жилъ въ деревнѣ и проводилъ время въ охотѣ, но послѣ смерти Александра Моро, депутаты отъ сената внезапно пріѣхали къ нему на виллу Треббіо въ Мутелію и предложили корону, свалившуюся съ окровавленной головы тирана. Не смотря на свои весьма юные года, Козимо Медичи съумѣлъ обмануть избравшихъ его сенаторовъ. При помощи палача и яда онъ избавился отъ всѣхъ своихъ враговъ, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый богачъ Филиппъ Строцци, любимый и уважаемый цѣлой Италіей; самое названіе республики онъ уничтожилъ и сдѣлался абсолютнымъ господиномъ страны.

Желая получить покровительство всемогущаго императора Карла V, Козимо имѣлъ намѣреніе сочетаться бракомъ съ дочерью императора, Маргаритою, вдовою своего предшественника Александра. Но папа Павелъ III назначилъ Маргариту въ жены своему племяннику Фарнезе Октавіо, а императоръ Карлъ V рекомендовалъ молодому Козимо жениться на дочери неаполитанскаго вице-короля донъ Педро ди Толедо. Элеонора отличалась необыкновенной красотой и хотя не была царской крови, но происходила отъ древнѣйшей дворянской фамиліи.

Отъ этого брака родилось восемь дѣтей. Три дѣвицы, съ которыми мы уже познакомились и пять сыновей. Старшій Франческо долженъ былъ наслѣдовать герцогскій тронъ, Джіованни, возведенный въ санъ кардинала, имѣлъ надежду впослѣдствіи быть

папой; Гарція предназначался для военной карьеры, Фердинандъ и Петръ совсѣмъ еще дѣти, но отличались уже красотой, какъ и ихъ мать, и были надмѣнны, какъ отецъ.

Сколько несчастій и превратностей судьбы предстояло испытать всѣмъ этимъ красавицамъ-принцессамъ и принцамъ дома Медичи, но въ данный моментъ никто не подозрѣвалъ ничего подобнаго. Самъ глава семьи, герцогъ Козимо, вошелъ на террасу, гордо улыбаясь, глядя на жену и дочерей.

— Милая моя жена и прелестныя дѣти, — сказалъ онъ, — вотъ наконецъ и я между вами; послѣ государственныхъ занятій, какъ отрадно отдохнуть среди своей дорогой семьи... Лукреція, поди сюда; что ты выучила урокъ? А ты, Марія, кончила свое вышиваніе? Покажи мнѣ его.

Марія сдѣлала знакъ одной изъ близь стоящихъ фрейлинъ. Послѣдняя подошла къ ней и отдала что-то тщательно свернутое. Марія поспѣшила развернуть свертокъ и передала отцу. Это былъ гербъ Медичи, вышитый золотомъ на кускѣ матеріи, предназначенный для гвардейскаго знамени.

Герцогъ Козимо съ восторгомъ разсматривалъ мастерскую работу дочери. Вышито было дѣйствительно артистически. Рисунокъ сдѣланъ художникомъ Вазари и молодая работница съумѣла изобразить его шелками и золотомъ превосходно. Корона герцога на темномъ фонѣ будто освѣщалась молніей.

— Прелестная корона!—вскричалъ Козимо.

Въ душѣ онъ не былъ особенно доволенъ знаменемъ, ему хотѣлось бы имѣть не герцогскую, а королевскую корону. Но не вся еще Тоскана попалась въ его желѣзную руку. Въ Сіенѣ пока развивалось знамя свободы, хотя честолюбивые замыслы флорентійскаго герцога давно уже простирались къ сосѣду.

— Ну, а ты, Изабелла, — обратился Козимо къ своей старшей дочери,—помнится написала новую консону съ акомпаниментомъ мандолины. Я ее еще не слыхалъ; спой-ка мнѣ ее теперь.

Изабелла нѣсколько сконфузилась, попробовала отговориться, но отецъ настоялъ.

Пажу велѣно было принести мандолину.

Молодая дѣвушка взяла инструментъ, сдѣлала нѣсколько акордовъ и запѣла консону, музыку и слова которой она сама сочинила. Голосъ молодой принцессы отличался необыкновенной прелестью и задушевностью; слова какъ нельзя лучше подходили къ музыкѣ. Поэтическій и композиторскій талантъ красавицы Изабеллы привелъ въ восторгъ слушателей. Поэзія съ мелодіей точно нѣжно обнимались, замирая въ страстномъ восторгѣ.

— Браво! браво! браво! моя прелестная дочка,—кричалъ аплодируя герцогъ и, подойдя къ Изабеллѣ, обнялъ ее и, цѣлуя въ лобъ, сказалъ:

— Тотъ, кто будетъ твоимъ супругомъ, можетъ гордиться тѣмъ, что пріобрѣлъ такое сокровище.

Между тѣмъ со двора послышался стукъ лошадиныхъ подковъ о шашки мостовой и музыка.

— Что тамъ за шумъ?—спросила герцогиня Элеонора.

— Это герцогъ Браччіано,—отвѣтилъ Козимо.—Прежде оффиціальнаго пріема, онъ просилъ у меня позволенія представиться вамъ частно.

Сказавъ это, герцогъ Козимо поспѣшилъ навстрѣчу гостю. Вскорѣ любезный хозяинъ подвелъ молодого герцога къ своей супругѣ и сказалъ:

— Позволь тебѣ представить моего лучшаго друга Паоло Джіордано Орсини, римскаго князя и знаменитаго капитана.

Орсини почтительно поклонился герцогинѣ Медичи и поцѣловалъ ея руку. Затѣмъ, откланявшись молодымъ принцессамъ, онъ взялъ за руку герцога и торжественно вскричалъ:

— Да здравствуетъ на многіе лѣта знаменитый домъ Медичи, который украшаетъ свѣтъ такими прелестными цвѣтами!

Паоло Джіордано Орсини былъ молодой человѣкъ крѣпкаго сложенія, съ орлинымъ носомъ и подстриженной бородкой, онъ былъ типъ крѣпкаго и браваго солдата. Получивъ хорошее воспитаніе, онъ умѣлъ держать себя въ высшемъ кругу общества и былъ замѣчателенъ своей вѣжливостью, доходившей до рыцарства.

— Что новенькаго въ Римѣ?—спросилъ Козимо, когда гость усѣлся.

— Прекрасныя новости,—отвѣчалъ Орсини.—Римъ представляетъ собой постоянный праздникъ. Папа думаетъ только объ однѣхъ веселостяхъ и развлеченіяхъ.

— Юлій III совершенная противоположность Юлію II-му,—сказалъ Козимо.—Онъ тосканецъ, я зналъ его очень хорошо, когда онъ былъ еще кардиналомъ Дель-Монте; всегда веселый, безпечный, игривый. Онъ былъ камергеромъ Юлія II и вступилъ на престолъ, принявъ его имя.

— Съ дозволенія князя, вы можете идти гулять въ садъ,—обратилась герцогиня Элеонора къ дочерямъ.

Три принцессы, поклонившись герцогу Браччіано и матери, отправились въ садъ въ сопровожденіи флейлинъ.

Хозяева остались одни съ своимъ гостемъ и могли вести интимный разговоръ

— И такъ папа?

— Ничѣмъ болѣе не занимается, какъ постройкой виллы за Порто дель Пополо,—отвѣчалъ Орсини,—его святѣйшество задался идеей превзойти великолѣпіемъ знаменитые сады Нерона и знать ничего не хочетъ; онъ прямо объявилъ своимъ подчиненнымъ,

чтобы они не смѣли ему докладывать дурныхъ вѣстей. Затѣмъ очень много говорятъ о кардиналѣ Бертуччино.

— Кто онъ такой?

— Молодой человѣкъ весьма темнаго происхожденія, какъ разсказываютъ сынъ нищенки изъ Пармы и неизвѣстнаго отца. Когда папа Юлій былъ еще кардиналомъ Дель-Монте и жилъ въ Пармо, въ качествѣ папскаго уполномоченнаго, случилось весьма забавное происшествіе. Большая обезьяна кардинала разъ поймала въ свои лапы ребенка одной нищенки, имѣя желаніе, конечно, познакомить его съ своими зубами и когтями, но ребенокъ такъ ловко съумѣлъ высвободиться изъ объятій обезьяны, что его имененція кардиналъ Дель-Монте, видѣвшій всю эту сцену, пришелъ въ полный восторгъ, взялъ ребенка подъ свое покровительство и назначилъ ему почетную должность быть часовымъ около обезьяны, назвавъ его Бертуччино. Время шло, ребенокъ росъ, а съ нимъ вмѣстѣ росла и привязанность къ нему кардинала, обогатившаго потомъ своего любимца. По смерти Юлія II, когда собрался конклавъ, кардиналъ Дель-Монте будто бы въ шутку сказалъ: «если вы меня выберете въ папы, я вамъ дамъ въ товарищи Бертуччино». И это не была шутка, кардиналъ сдержалъ свое слово: вступивъ на папскій престолъ, онъ наградилъ красной шапкой бывшаго часового своей обезьяны и далъ ему названіе Дель-Монте. Кардиналы, разумѣется, протестовали, но это ровно ни къ чему не повело. Папа объявилъ имъ, что вновь пожалованный кардиналъ лучше ихъ всѣхъ.

— Говорятъ, онъ очень вспыльчивъ, Юлій III?

— О, да! И когда взбѣсится, бываетъ страшнѣе всякаго турка. Недавно его святѣйшество за столомъ вышелъ изъ себя и наговорилъ массу ругательствъ по поводу недожареннаго павлина.

— А кто управляетъ государственными дѣлами? — спросилъ герцогъ Козимо.

— Кардиналъ Крешенціо, а съ нимъ вмѣстѣ донна Ерсилія.

— Донна Ерсилія?..

— Да, жена Джіамбатиста, племянника папы. Она также надмѣнна и горда, какъ герцогиня Пармская, Маргарита австрійская, дочь императора Карла V-го. Каждому пріѣзжему синьору въ Римѣ необходимо добиться аудіенціи у Ерсиліи и ей откланяться.

Поговоривъ еще о римскихъ новостяхъ, Орсини уѣхалъ.

Герцогъ Козимо, проводивъ гостя, взялъ подъ руку жену и отправился въ ея апартаменты.

— Какъ тебѣ понравился Орсини? — спросилъ Козимо, когда они остались одни.

— Я нашла его приличнымъ кавалеромъ.

— Прекрасно, а желаешь ли ты знать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Флоренцію?

— Пожалуйста.

— Онъ хочетъ жениться на одной изъ нашихъ дочерей.

— На которой?

— На Изабеллѣ.

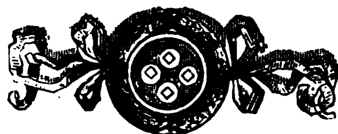
— Не находишь ли ты, что она еще черезчуръ молода для замужества?

— Она въ такихъ же лѣтахъ, какъ была ты, когда шла за меня замужъ.

— Этотъ Орсини, какъ видно, крутой солдатъ, я боюсь за мою нѣжную и деликатную Изабеллу.

— Объ этомъ не безпокойся, Изабелла дорога моему сердцу также какъ и твоему. Орсини тотчасъ послѣ свадьбы уѣдетъ въ Римъ, а Изабелла останется съ нами. Мы ее тогда лишь отдадимъ мужу, когда онъ въ состояніи будетъ оцѣнить такое сокровище.

Герцогъ Козимо еще многое говорилъ своей супругѣ въ доказательство необходимости брака ихъ дочери съ Орсини и всей пользы, которую представляетъ этотъ бракъ для ихъ дома. Элеонора слушала внимательно мужа, ничего ему не возражала; но сердце матери болѣзненно сжималось, она предчувствовала несчастье дочери. Прежде чѣмъ идти спать, она пошла взглянуть на Изабеллу. Дѣвушка покоилась безмятежнымъ сномъ и не знала, что судьба ея уже рѣшена. Долго Элеонора смотрѣла на свою дорогую дочь и, глубоко вздохнувъ, потихоньку вышла изъ ея спальни.



II.

Празднество.

А СЛѢДУЮЩІЙ день вечеромъ на балѣ предположено было оффиціально объявить о помолвкѣ дочери герцога, принцессы Изабеллы, съ Паоло Джіордано Орсини.

Утромъ герцогиня Элеонора, прижавъ къ сердцу дочь, сообщила ей ея судьбу.

Эту новость Изабелла приняла совершенно равнодушно, она не возбудила въ ней ни радости, ни горя. Человѣка, предназначавшагося ей въ мужья, она видѣла одинъ разъ въ жизни, и онъ тотчасъ послѣ свадьбы уѣзжалъ въ Римъ. Съ давнихъ поръ она привыкла къ мысли, что должна выйти замужъ за какого-нибудь важнаго синьора и, что ея сердце въ выборѣ суженаго не будетъ участвовать, объ этомъ позаботится ея отецъ, герцогъ Козимо. По этому молодая дѣвушка приготовлялась встрѣтить оффиціальное объявленіе о замужествѣ совершенно равнодушно.

Занимаясь поэзіей и музыкой, принцесса Изабелла хотя и имѣла понятіе о любви, но никогда не испытала этого чувства.

Въ первый моментъ Изабеллу опечалила только одна мысль: разлуки съ любимой матерью, и дорогими сестрами, но когда ей сказали, что она останется въ Флоренціи, а въ Римъ уѣдетъ одинъ ея мужъ, она совершенно успокоилась. Напротивъ, предстоявшія празднества ее тѣшили, ей было пріятно сознавать, что на балѣ она въ качествѣ невѣсты будетъ предметомъ вниманія всей знатной молодежи.

Мотивы, побуждавшіе герцога Козимо устроить этотъ бракъ, были, конечно, политическаго характера. Онъ думалъ единственно

объ одномъ, чтобы осуществить свои честолюбивыя надежды. Борьба Франціи съ Испаніей ажитировала всю Европу и раздѣляла Италію на два лагеря. Преобладающее вліяніе Испаніи на полуостровѣ способствовало увеличенію могущества тосканскаго герцога и, наоборотъ, ослаблѣніе этого вліянія неблагопріятно должно было отразиться на честолюбивыхъ планахъ Козимо Медичи.

Въ данный моментъ самой пламенной мечтой герцога тосканскаго было завладѣть Сіеной, вольности которой протежировали французы. Завоевавъ Сіену, можно было надѣяться присоединить этотъ городъ къ своимъ владѣніямъ, подъ покровительствомъ короля Карла V-го, котораго герцогъ Козимо Медичи былъ преданнѣйшимъ и покорнымъ слугою.

Предпріятіе было не особенно трудно. Испанцы и французы оспоривали другъ у друга преобладаніе въ Италіи, при чемъ перевѣсъ былъ на сторонѣ первыхъ. Савойскій герцогъ Карлъ III хорошо это зналъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ Сіену занимали, то французскія войска, то испанскія, между ними происходили сраженія и не выигрывала ни та, ни другая сторона. Страдали только раззоренные пьемонтцы.

Если испанскія войска придутъ изъ Неаполитанскаго королевства въ Тоскану и присоединятся къ войскамъ герцога Козимо, то надежда овладѣть Сіеной легко осуществится. Только въ одномъ случаѣ предпріятіе можетъ не удастся, если французамъ окажетъ помощь всемогущій домъ Орсини, преданный Франціи и доселѣ противодѣйствующій дому Колонна, вѣрному слугѣ Испаніи. Слѣдовательно, для достиженія цѣли было необходимо расторгнуть союзъ Орсини съ французами и присоединить его къ испанцамъ, или по крайней мѣрѣ сдѣлать нейтральнымъ. Именно съ этой цѣлью была рѣшена свадьба Изабеллы де-Медичи съ герцогомъ Браччіано.

Послѣ того, какъ женихъ оффиціально представился ко двору герцога Флоренціи, вечеромъ состоялось празднество.

Въ освѣщенный самымъ затѣйливымъ образомъ дворецъ Питти собралась толпа гостей, состоящая изъ князей, важныхъ персонажей государства, и самое избранное общество дворянъ Флоренціи и Пизы.

Экипажи и верховыя лошади оставались на площади дворца; всѣ шли пѣшкомъ до главной лѣстницы, гдѣ и тушили фонари. Провожатые отправлялись въ прихожія, а синьоры вверхъ по лѣстницѣ.

Входъ въ залъ былъ изъ сада, илюминованнаго разноцвѣтными огнями.

Въ главномъ залѣ, гдѣ собралось все семейство герцога, были выстроены мажордомы, одѣтые въ черномъ бархатѣ съ золотыми медалями; они указывали ходъ важнымъ гостямъ.

На почетномъ мѣстѣ сидѣла герцогиня Элеонора съ красавицей невѣстой. Изабелла была одѣта въ роскошное фіолетовое платье,

шитое золотомъ; ея густая, черная коса имѣла форму короны, переплетенной жемчугомъ. Она поражала всѣхъ своей необыкновенной красотой.

Приглашенные гости почтительно кланялись герцогинѣ Элеонорѣ и поздравляли будущую герцогиню Браччіано.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи сидѣли сестры Изабеллы, окруженыя придворными дамами и дѣвицами.

Въ другомъ концѣ зала стояли герцогъ Козимо де-Медичи и женихъ Паоло Джіордано Орсини; они о чемъ-то бесѣдовали между собой. Сынъ герцога Козимо, наслѣдникъ престола, Фердинандъ, стоялъ тутъ же. Это былъ молодой человѣкъ гордаго вида, уже сознававшій свое великое назначеніе; недалеко отъ Фердинанда его братья донъ Гарціа и донъ Джіованни о чемъ-то разсуждали съ придворными кавалерами и офицерами. Остальные два принца, какъ маленькіе, были въ дамскомъ кружкѣ.

Былъ поданъ сигналъ къ танцамъ. Кавалеры поспѣшили приглашать дамъ и пары начали строиться.

Донъ Гарціа, самый красивый и любезный изъ сыновей герцога Козимо предложилъ руку одной молоденькой и очень хорошенькой дамѣ, возбудившей всеобщую зависть прекраснаго пола за предпочтеніе, оказанное ей молодымъ герцогомъ. Она была въ цвѣтѣ молодости и красоты, съ розовыми щеками, русой косой и пламенными глазами, что дѣлало ее однимъ изъ самыхъ соблазнительныхъ существъ.

При всемъ этомъ, она была чрезвычайно граціозна. Склонивъ голову и опираясь на плечо кавалера, она летала, какъ бабочка, едва касаясь земли. Во все время танцевъ, донъ Гарціа не спускалъ съ нея своихъ пламенныхъ глазъ, безпрестанно пожимая ей руку. Когда ихъ взоры встрѣчались, красавица-блондинка сгорала отъ застѣнчивости и сладострастнаго трепета.

По окончаніи танцевъ, молодой герцогъ, провожая свою даму на ея кресло, тихо сказалъ:—«Я жду тебя въ саду».

Послѣ этого, донъ Гарціа, походивъ немого по залѣ, смѣшался съ толпой и вышелъ черезъ террасу въ садъ. Въ концѣ уединенной алеи, куда не проникали лучи свѣта, молодой человѣкъ остановился въ тѣни и, опершись на одну изъ статуй, сталъ ждать ту, которая занимала его юное сердце.

Пока она выйдетъ незамѣтно изъ танцовальнаго зала, познакомимъ ее съ нашими читателями.

Прелестная блондинка, блиставшая своей красотой и граціей на парадномъ балѣ герцога Козимо де-Медичи, была изъ дома Салвіати, родственниковъ Медичи, жена главнаго капитана герцога Кіаппино Вителли. Какимъ образомъ состоялся этотъ бракъ между старымъ капитаномъ, способнымъ болѣе къ войнѣ, чѣмъ къ любовнымъ галантностямъ, и молоденькой красавицей, было для

Паоло Джіордано и его двоюродный братъ Троило Орсини.

дозв. ценз. спб., 20 декабря 1889 г.

всѣхъ тайною. Праздные люди говорили, что прелестная супруга Вителли большая любительница всѣхъ удовольствій вообще и въ особенности любовныхъ похожденій. О мужѣ разсказывали, что онъ слѣпо любитъ свою Юлію и, видя явную невозможность удержать ее, поневолѣ долженъ сносить разныя вещи, смотря сквозь пальцы на ея сердечныя склонности.

Ни для кого не было тайной, что молодой герцогъ донъ Гарціа безумно влюбленъ въ Юлію Вителли. Леопарди правду сказалъ, что истинную любовь скрыть нельзя. И это тѣмъ болѣе справедливо, когда любовь внушается пылкимъ, но неопытнымъ юношамъ красавицами, изощрившими свои способности въ искусствѣ сладострастныхъ искушеній.

По уходѣ герцога донъ Гарціа изъ залы, нѣсколько времени спустя, хорошенькая блондинка бросила разсѣянный взглядъ кругомъ себя и увидя, что ея мужъ о чемъ-то разговариваетъ съ герцогомъ Козимо, обратилась къ своей пріятельницѣ и повѣренной всѣхъ сердечныхъ тайнъ, Жиневрѣ Валори, съ просьбой пройтись по саду. Послѣдняя, конечно, изъявила согласіе и онѣ обѣ отправились въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Придя въ полуосвѣщенную аллею, Жиневра оставила руку подруги и подошла къ одной изъ статуй, около которой была клумба цвѣтовъ. Вѣроятно, цвѣты имѣли прекрасный запахъ, потому что разсматривавшая ихъ совсѣмъ наклонилась.

Между тѣмъ изъ-за статуи вышелъ донъ Гарціа и, бросился обнимать Юлію: цѣловалъ ея шею, грудь, щеки,

— Гарціа! другъ мой, опомнись! заклинаю тебя,—шептала Юлія.

— О, божественная Юлія—тихо говорилъ влюбленный, складывая руки будто для молитвы,—сжалься надо мной, не доводи меня до помѣшательства, до полнаго безумія, согласись на мою просьбу.

— Но что я могу для тебя сдѣлать, мой милый Гарціа?

— Я давно уже прошу тебя подарить мнѣ секретное свиданіе, гдѣ бы я могъ открыть всю глубину моего чувства любви къ тебѣ и все, что наполняетъ мое сердце.

— Но ты же знаешь, что я этого не могу сдѣлать, что мой мужъ страшно ревнивъ, что онъ ужасенъ... Ты хочешь видѣть меня жертвой его гнѣва?

— Если ты захочешь, если въ твоемъ сердцѣ пылаетъ такое же чувство, какъ и въ моемъ — никакихъ препятствій быть не можетъ. Развѣ наше свиданіе не могло бы устроиться въ домѣ Валори?

— У Жиневры! И ты могъ это подумать! Да развѣ я посмѣю оскорбить моего друга? Просить ее, чтобы она позволила мнѣ въ ея домѣ устроить любовное свиданіе!.. Помилуй! Да я при одной этой мысли краснѣю!

— Полно пожалуйста! Валори тебя любитъ, а кто любитъ, тотъ

все прощаетъ. Затѣмъ, если вѣрить слухамъ, она также не сторонится отъ любви.

— Кто, Жиневра? Это олицетворенная добродѣтель, не клевещи на нее, Гарціа.

— Я клевещу? По моему любящая женщина заслуживаетъ похвалы, а не осужденія.

— Злой упрямецъ!—отвѣчала улыбаясь Юлія,—это тебя въ философской школѣ выучили такой морали?

Говоря это, красавица ударила юношу своими тонкими пальчиками по щекѣ. Въ отвѣтъ на это влюбленный сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ; она стыдливо уклонялась, хотя сердце ея трепетало въ груди и горячая струя дыханья сжигала лицо Гарціа, тщетно ловившаго губы красавицы; наконецъ, она сама точно въ забытьи бросила легкій, возбуждающій поцѣлуй на его щеку. Гарціа безумно цѣловалъ ея шею, щеки, грудь, но пламенную струю, вскипятившую его кровь поймать не могъ, очаровательный ротъ съ его розовыми губами былъ тутъ, но упиться его ароматомъ было нельзя, онъ исчезалъ неизвѣстно куда въ самый страстный моментъ. Бѣдный влюбленный юноша изнемогалъ въ неравной борьбѣ. Но вотъ наконецъ красавица уступила. Было ли то нѣжное увлеченіе съ ея стороны, или маневръ кокетства,—неизвѣстно; быть можетъ и то, и другое. Она позволила поцѣловать свои розовыя губки. Вѣроятно поцѣлуй влюбленнаго юноши былъ черезчуръ продолжителенъ и страстенъ, потому что Юлія, вырываясь, говорила:

— Гарціа!.. оставь меня...

— Нѣтъ не оставлю,—говорилъ обезумѣвшій отъ восторга герцогъ,—пока ты мнѣ не обѣщаешь исполнить мою просьбу.

— Ну, хорошо... да...

— Завтра?

— Да, завтра.

— Въ которомъ часу?

— Въ два часа по-полудни.

— Въ домѣ Валори?

— Да... Ну, а теперь мнѣ надо возвратиться въ залъ. Быть можетъ меня ищетъ мужъ. Боже сохрани, если онъ замѣтитъ мое волненіе.

Влюбленные вышли изъ тѣни аллеи. Юлія взяла подъ руку Валори и возвратилась въ танцовальный залъ, гдѣ снова начался ея тріумфъ. Со всѣхъ сторонъ она слышала комплименты и похвалы необыкновенной кресотѣ ея лица, покрытаго легкимъ румянцемъ, блеску ея чудныхъ глазъ и страстной улыбкѣ.

Паоло Орсини, счастливый женихъ Изабеллы Медичи, прогуливался по залѣ преисполненный гордости съ своимъ кузеномъ кавалеромъ Троило Орсини. Это былъ молодой человѣкъ выше средняго роста, прекрасно сложенный, съ правильнымъ лицомъ,

хотя нѣсколько блѣднымъ, что, придавало ему интересность въ глазахъ прекраснаго пола.

Приглашенный быть на помолвкѣ своего кузена, Джіордано Орсини, Троило былъ уже представленъ герцогу Козимо Медичи, но еще не удостоился узнать остальныхъ своихъ родственниковъ, которые ему не были извѣстны.

Паоло Джіордано подвелъ его къ креслу герцогини Элеоноры и сказалъ:

— Позвольте, всемогущая герцогиня, рекомендовать вамъ моего кузена, Троило Орсини.

Герцогиня Элеонора подала ему руку, которую онъ поспѣшилъ поцѣловать. Затѣмъ почтительно раскланялся съ Изабеллой, сидѣвшей рядомъ съ матерью. Молодая невѣста въ это время слушала музыку, а потому и не обратила вниманія на представленнаго ей кавалера, отвѣтивъ лишь легкимъ наклоненіемъ головы на его почтительный поклонъ.

Троило Орсини, обмѣнявшись съ герцогиней Элеонорой нѣсколькими незначительными фразами, возвратился съ своимъ кузеномъ въ залъ.

Хотя принцесса Изабелла почти не обратила никакого вниманія на вновь представленнаго ея матери молодого человѣка, тѣмъ не менѣе она произвела глубокое впечатлѣніе на мечтательнаго Троило Орсини. Молодой, красивый, благородный, богатый, онъ еще не испыталъ любви. Подъ идеалъ, созданный его воображеніемъ, не подходила ни одна женщина изъ всѣхъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ обществѣ. Онъ весь погрузился въ свой поэтическій культъ. Изабелла Медичи подходила подъ этотъ идеалъ; онъ встрѣтилъ въ ней женщину съ благородной наружностью, страстными, выразительными глазами—именно такими глазами, о которыхъ онъ давно мечталъ и которые онъ любилъ уже прежде, чѣмъ встрѣтить ихъ въ живомъ существѣ. Эти глаза выражали разумъ, сильное чувство и женскую натуру, преобладающую надъ всѣмъ. И именно этотъ олицетворившійся наконецъ идеалъ была невѣста его кузена, на свадьбѣ котораго онъ долженъ присутствовать. Впрочемъ, для него, Троило, никогда не могло быть даже отдаленной надежды обладать Изабеллой. Если герцогъ Козимо Медичи рѣшился отдать свое сокровище всемогущему главѣ дома Орсини, то на это были политическія причины; ему-то, не особенно знатному и совсѣмъ не всемогущему, Троило Орсини, Изабеллу никогда бы не отдали, слѣдовательно, еслибы она не была женою Браччіано, то ее бы отдали за другого, тоже изъ-за политическихъ цѣлей, но никакъ уже не за него. Но, впрочемъ—разсуждалъ Троило,—почему бы этому обожаемому существу не полюбить кого-нибудь и кромѣ мужа? Кто первый заставитъ биться это дѣвственное сердце, конечно, будетъ одинъ изъ счастливѣйшихъ смертныхъ. Занятый такими мыслями, Троило

едва отвѣчалъ на вопросы своего кузена. Между тѣмъ, они вышли въ садъ, гдѣ могли бесѣдовать болѣе свободно, чѣмъ въ залѣ.

— Ну, что же ты скажешь о моей невѣстѣ?—спросилъ герцогъ Браччіано.

— Я только могу тебя поздравить.

— Откровенно?

— Наиоткровеннѣйшимъ образомъ.

— Дѣйствительно, она очень хороша, имѣетъ благородную осанку и, какъ говорятъ, очень развита. Значитъ, она съумѣетъ поддержать достойнымъ образомъ имя герцогини Браччіано, а это для меня главное. Ты вѣдь знаешь, что сердце мое не здѣсь, а въ Римѣ.

Троило дѣйствительно было извѣстно, что Паоло Джіордано былъ въ связи съ Викторіей Аккорамбони женою Франциско Каретти, но онъ думалъ, что женившись на Изабеллѣ Медичи, Джіордано порветъ эту незаконную связь. Но какъ оказалось слова герцога показывали совершенно противное.

— Ты понимаешь хорошо,—началъ опять Джіордано,—что эта свадьба совершилась вслѣдствіе политическихъ соображеній. Могущество нашего дома всегда зависитъ отъ случайнаго выбора папы. При каждомъ конклавѣ мы рискуемъ, что будетъ избранъ на папскій престолъ кто-нибудь изъ нашихъ враговъ. Нынѣ царствующій папа Юлій живъ и слава Богу, пусть живетъ, а что если онъ умретъ? Могутъ вспыхнуть страсти, а этого надо ждать со дня на день. Слѣдовательно необходимо приготовиться. Вотъ почему я и рѣшилъ войти въ союзъ съ флорентійскимъ синьоромъ, въ которомъ я всегда найду сильную опору, на случай моей размолвки съ новымъ папой. Узелъ нашего союза это свадьба.

— А твоя любовь къ Каретти?

— Все еще живетъ въ моемъ сердцѣ. Въ свѣтѣ нѣтъ ни женщины, ни дѣвицы, которая бы могла уничтожить во мнѣ это чувство, составляющее мою жизнь.

— Ну, а когда ты привезешь Изабеллу въ Римъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Троило, вотъ тутъ-то именно для меня и совершилась самая счастливѣйшая комбинація. Сказать тебѣ откровенно, я былъ въ страшномъ безпокойствѣ относительно этого обстоятельства, потому что Викторія мнѣ уже запретила жениться и это было бы для нея страшнымъ оскорбленіемъ и съ ея взбалмошнымъ характеромъ Богъ знаетъ чѣмъ бы могло кончиться? Но Козимо меня выручилъ. Любя страстно свою дочь, онъ поставилъ условіемъ, чтобы послѣ нашей свадьбы я ее оставилъ въ Флоренціи, пока будетъ рѣшено: долженъ ли я Изабеллу везти въ Римъ или самъ переѣхать во Флоренцію.

— Что̀ же ты сдѣлаешь?

— Теперь я еще не знаю; будущность моя неизвѣстна. Пока я оставляю жену во Флоренціи, а самъ вернусь въ Римъ къ моей

Викторіи, постараюсь успокоить ея гнѣвъ и сохранить ея любовь.

Здѣсь Паоло Джіордано началъ распространяться о множествѣ доказательствъ привязанности къ нему Аккорамбони и силѣ ея пламенной страсти. Но Троило его уже не слушалъ, весь погруженный въ размышленіе о томъ, какъ иногда бываетъ несправедлива судьба къ людямъ.

При входѣ въ залъ они встрѣтили герцогиню Элеонору съ дочерью, шедшихъ прогуляться въ садъ. Молодые люди почтительно остановились, желая пропустить герцогиню и ея свиту. Троило посмотрѣлъ на Изабеллу и ихъ взгляды встрѣтились. Теперь, какъ и въ первый разъ, мечтательный молодой человѣкъ почувствовалъ, что невѣста его кузена произвела на него глубокое впечатлѣніе.

Изабелла съ сестрами прогуливалась между цвѣтами и фонтанами подъ наблюденіемъ придворныхъ фрейлинъ. Между тѣмъ, сестра невѣсты, Марія Медичи, нѣсколько отдалившись отъ группы дамъ нашла возможнымъ вести слѣдующій разговоръ съ пажомъ Гуальтьеро Малатеста.

— О, Марія,—говорилъ молодой человѣкъ,—сегодня я испыталъ адскія мученія!

— Это почему?

— Разнесся слухъ, что герцогъ Браччіано женится не на Изабеллѣ, а на васъ, какъ на старшей. Я былъ въ страшной неизвѣстности до самаго вечера.

— Ну, а теперь вы успокоились, довольны?

— Мнѣ успокоиться и быть довольнымъ?! Теперь выдаютъ замужъ вашу сестру Изабеллу, но черезъ годъ, что я говорю, черезъ мѣсяцъ, быть можетъ, дойдетъ очередь и до васъ. Это ужасно!..

— Нѣтъ, Гуальтьеро, я клянусь вамъ, если не буду ваша, то никому не буду принадлежать.

— Марія, прелестная Марія и это правда, вы будете всегда меня любить,—вскричалъ восторженно влюбленный и, увлекшись, взялъ принцессу за руку.

— Гуальтьеро,—сказала Марія, освобождая свою руку,—вы забываете, что за нами наблюдаютъ.

— Неужели вы будете въ состояніи бороться съ вашимъ отцомъ,—продолжалъ пажъ,—передъ которымъ все приклоняется?

— Да, потому что я рѣшилась на все, хотя бы мнѣ пришлось запереться въ монастырь.

— Это обѣщаніе, Марія, воспламеняетъ мои чувства до такой степени, что я хочу осмѣлиться попробовать счастья. Я сброшу костюмъ пажа, надѣну военный мундиръ и кто знаетъ, быть можетъ, буду достоинъ васъ. Быть можетъ, въ одинъ день я представлюсь вашему отцу и буду у него просить вашей руки въ на-

граду за мои заслуги. Одно ваше слово, прелестная Марія, только одно, и я готовъ идти на самые смѣлые подвиги.

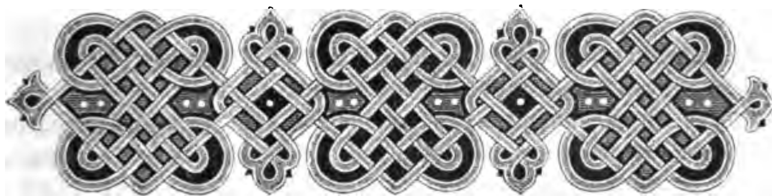
— Если это внушаетъ вамъ ваше благородное сердце, слѣдуйте ему, Гуальтьеро, что же касается до меня, то я мало надѣюсь на успѣхъ.

— Марія! Марія!—кричала младшая сестра Лукреція.

Принцессы возвратились въ апартаменты. Праздникъ уже кончался.

Приглашенные гости почтительно откланивались и благодарили за честь, доставленную имъ.

Троило Орсини и Паоло Джіордано уѣхали послѣдніе. Откланиваясь Изабеллѣ, Троило страстно взглянулъ на нее; онъ былъ блѣденъ, глаза его сверкали и на этотъ разъ невѣста Джіордано не могла не обратить на него вниманія. Его выразительная наружность произвела впечатлѣніе на молодую дѣвушку.



III.

Въ домѣ Валори.

ВЪ РОСКОШНОЙ спальнѣ-будуарѣ, куда сквозь тяжелыя драпри не могъ проникнуть лучъ утренняго свѣта, на пышной кровати, лежала молодая женщина, только-что пробудившаяся отъ крѣпкаго сна. Она была прелестна. Густые, черные волосы ея косы, небрежно выбившіеся изъ-подъ ночнаго чепца, оттѣняли блѣдно-матовый цвѣтъ лица, улыбка еще не совсѣмъ исчезла съ полуоткрытыхъ губъ, обнаруживавшихъ рядъ бѣлыхъ маленькихъ зубовъ и длинныя рѣсницы прикрывали будто легкой дымкой глаза черные, какъ уголь; бѣлая грудь колебала кружева ночной рубашки, руки, точно выточенныя изъ мрамора, были граціозно закинуты подъ голову. Красавица находилась подъ вліяніемъ только-что прерванныхъ радужныхъ сновидѣній, въ полудремотѣ. Она еще не могла дать себѣ отчета, проснулась ли совсѣмъ, или мечтала, или продолжается ея сонъ? Эта молодая красавица, сирена, которую такъ восторженно воспѣвали современные поэты, обитавшая среди роскоши флорентійскаго двора, была Жиневра Валори, пріятельница Юліи Вителли.

Ея утренняя сладкая дремота была прервана нѣсколькими легкими ударами въ маленькую дверь и появленіемъ преданной ей камеристки.

— Онъ?—спросила Жиневра.

— Да онъ,—отвѣчала хитро улыбаясь камеристка.

— Проси его скорѣе.

— Пожалуйте, синьоръ,—сказала камеристка, отворяя дверь.

Молодой элегантный кавалеръ поспѣшно вошелъ въ спальню. Камеристка удалилась, плотно закрывъ дверь.

Удостоенный проникнуть въ роскошный будуаръ прелестной Жиневры, былъ одинъ изъ сыновей флорентійскаго герцога, кардиналъ Джіованни де-Медичи, счастливый любовникъ Жиневры Валори.

Въ тѣ времена титулъ кардинала не стѣснялъ галантныхъ привычекъ молодыхъ князей. Напротивъ, чистокровныя аристократки съ особеннымъ удовольствіемъ заводили любовныя интриги съ лицами высшей духовной іерархіи. Кардиналы: Фарнезе Медичи, Гонзаго, Эсте Савойскій, въ особенности отличались своими романическими похожденіями. Католическая Франція также служила не малымъ соблазномъ для всѣхъ. Кардиналы: Роганъ, Ретцъ, Ришильё, Лорены, Бурбоне, открыто жили съ своими любовницами.

Жиневра, какъ и ея пріятельница Юлія, были истинныя жрицы сладострастья. Частое и продолжительное отсутствіе капитана Валори, занимавшаго постъ посланника при иностранныхъ дворахъ, давало красавицѣ полную возможность удовлетворять своимъ галантнымъ капризамъ.

Обладая красотою и всѣми женскими прелестями, Жиневра безъ особеннаго труда покорила сердце молодого Джіованни де-Медичи, который сдѣлался ея любовникомъ и самымъ покорнѣйшимъ слугою, при полномъ отсутствіи собственной воли. Страстныя объятія красавицы и огонь ея черныхъ глазъ превратили въ пепелъ волю и умственную способность молодого кардинала.

Такимъ образомъ, двѣ пріятельницы, Жиневра и Юлія, завладѣли обоими сыновьями флорентійскаго герцога: кардиналомъ Джіованни и донъ Гарціа.

— Знаешь, Джіованни,— говорила соблазнительная Жиневра, разглаживая волосы своего молодого любовника, — я приготовила тебѣ сюрпризъ?

— Какой, моя богиня? — спрашивалъ Джіованни, покрывая страстными поцѣлуями роскошное тѣло красавицы.

— Ты ни въ какомъ случаѣ не можешь догадаться, кого у меня встрѣтишь.

— Кого?

— Твоего брата, Гарціа.

— Онъ у тебя въ домѣ? — вскричалъ Джіованни, мѣняясь въ лицѣ.

— Да, у меня въ домѣ и не одинъ.

— Съ кѣмъ же?

— Съ моимъ лучшимъ другомъ Юліей Вителли.

— Съ нею?!

— Да, они любятъ другъ друга также, какъ и мы...

Въ это время послышался стукъ въ дверь и появившаяся ка-

Мастерская Бенвенуто Челлини.

дозв. ценз. спб., 20 декабря 1889 г.

меристка объявила, что достойнѣйшая синьора Юлія пожаловала и хочетъ представиться знаменитой синьорѣ Жиневрѣ Валори.

При видѣ кардинала Джіованни, появившагося въ залъ въ сопровожденіи Жиневры, Юлія сконфузилась и встала, желая уйти.

— Полно, милая,—сказала улыбаясь ея пріятельница,—мы въ своей семьѣ.

Затѣмъ не замедлилъ прибыть и донъ Гарціа и также крайне удивился, встрѣтивъ брата. Ни одинъ изъ нихъ не зналъ о любовной интригѣ другого.

Вскорѣ конечно все обошлось, какъ нельзя лучше. Обѣ пары отправились въ тѣнистый садъ. Началась веселая, оживленная бесѣда о любовныхъ похожденіяхъ, столь любимая обществомъ въ то время распущенности нравовъ, потомъ мало-по-малу каждая пара стала искать уединенія. Разговоры сдѣлались еще интимнѣе. И когда спустилась ночь, влюбленные дали свободу своимъ чувствамъ. Страстный шопотъ, нѣжные поцѣлуи, восторженныя клятвы, нарушали тишину уединенныхъ гротовъ, покрытыхъ вьющимися растеніями. Слугъ нигдѣ не было видно; двери заперты и все являлось будто по волшебству. Время отъ времени парочки сходились въ нейтральномъ пунктѣ. Здѣсь было все, что даетъ роскошь и богатство. Золотые кубки наполнялись виномъ, предлагались разные тосты, сыпались веселыя остроты, и т. д. и д. Всѣхъ болѣе былъ счастливъ донъ Гарціа. Онъ первый разъ вкушалъ истинное блаженство любви. Его Юлія была очаровательна и кардиналъ Джіованни въ душѣ рѣшилъ, что она красивѣе и милѣе его любовницы, хотя Жиневра нетолько ни въ чемъ не уступала Юліи, но, напротивъ, была соблазнительнѣе своей подруги. Для молодого кардинала главная прелесть Юліи заключалась въ томъ, что она была запрещенный плодъ, между тѣмъ какъ Жиневрой онъ уже обладалъ. Завистливый кардиналъ въ одинъ мигъ возненавидѣлъ брата и въ груди его шевельнулось къ нему злое чувство.

Послѣ этого дня, донъ Джіованни рѣзко перемѣнился, онъ уже не былъ такъ нѣженъ съ своей Жиневрой, какъ прежде. Хотя это обстоятельство и не укрылось отъ наблюденія красавицы, но причина его была ею перетолкована совершенно иначе, чѣмъ слѣдовало. Отсутствіе пламенныхъ восторговъ въ своемъ любовникѣ Жиневра отнесла къ истощенію его молодого организма. Красавица изъ опыта знала, что влюбленные юноши первоначально горятъ жаркимъ пламенемъ, но скоро превращаются въ пепелъ. Напротивъ, она даже была довольна, получила бо̀льшую свободу, что давало ей возможность осмотрѣться и пріискивать новую побѣду. Ей и въ голову не могло прійти, чтобы Юлія, ея пріятельница и подруга, зажгла огонь страсти въ сердцѣ молодого кардинала.

Между тѣмъ, донъ Джіованни вездѣ искалъ случая встрѣтить очаровательную Юлію и увивался около нея, какъ бабочка около огня. Онъ не пропускалъ ни одного праздника, ни гулянья, ни бала. Глаза его повсюду искали только Юлію и со страстью остонавливались на ней, когда ее находили. Донъ Гарціа сначала ничего не замѣчалъ, но опытная кокетка тотчасъ поняла какое впечатлѣніе она произвела на брата своего любовника. Юлія Вителли принадлежала къ разряду тѣхъ женщинъ, которыя, гордясь своей красотой, стремятся увеличить число поклонниковъ и чтобы достигнуть этой цѣли употребляютъ все искусство кокетства. Каждый поклонникъ, отбитый отъ соперницы, доставляетъ большое удовольствіе подобнымъ женщинамъ, какъ Юлія Вителли, потому-что такая побѣда унижаетъ ту, отъ которой отсталъ ухаживатель. Торжество еще болѣе увеличивается, когда кокеткѣ удается отбить любовника отъ другой красавицы. Именно въ этомъ послѣднемъ она видитъ свою силу, преимущество и никакъ не хочетъ понять, что иногда это дѣлается мужчинами, отличающимися своимъ непостоянствомъ и положившими себѣ цѣлью жизни ухаживать за красавицами и соблазнять ихъ.

Юлія Вителли въ душѣ торжествовала, видя съ какой небрежностью относится кардиналъ дома Медичи къ красавицѣ Валори и ждетъ, какъ милостыни, взгляда, улыбки, или привѣтливаго слова ея, Юліи. Обладая способностью самого утонченнаго кокетства, эта соблазнительная женщина умѣла изъ искры сдѣлать цѣлый пожаръ, едва зародившееся чувство развить до степени безумной страсти. Она прекрасно соразмѣряла томные взгляды, пожатіе руки, вздохи, полуслова; не удовлетворяя вполнѣ влюбленнаго, она вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно давала ему надежду. Такая система кокетства при красотѣ очаровательной блондинки всегда ей удавалась—изъ новорожденнаго быстро образовывался гигантъ.

Эта игра въ концѣ концевъ вскружила голову молодому кардиналу и можно было назвать чудомъ, какимъ образомъ молодой человѣкъ въ его положеніи могъ скрывать свою страсть.

Ненавидя всѣми силами души своего брата Гарціа, счастливаго обладателя Юліи, Джіованни умѣлъ себя такъ держать, что видѣвшіе ихъ вмѣстѣ говорили:

— Какъ искренно любятъ другъ друга эти два брата!

Кардиналъ постоянно искалъ случая сдѣлать признаніе своему обожаемому кумиру и изъ собственныхъ устъ Юліи услышать приговоръ свой: жить или умереть. Но говорить съ Юліей безъ свидѣтелей было въ высшей степени трудно. Если около нея не было мужа, то непремѣнно стоялъ Гарціа. Въ домѣ Юліи также было очень трудно уловить счастливый моментъ, потому что капитанъ Вителли, убѣдившись въ душѣ въ невѣрности своей вѣтренной супруги, старался по крайней мѣрѣ спасти приличіе. Свиданія его брата съ Юліей въ домѣ Валори, хотя и продожались, но тѣмъ

менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь молодой кардиналъ могъ высказать свои пламенныя чувства, потому что около Юліи былъ постоянно Гарціа. При томъ же, въ такихъ случаяхъ, донъ Джіованни приходилось играть роль влюбленнаго въ Жиневру и быть свидѣтелемъ нѣжностей, расточаемыхъ Юліей ея счастливому любовнику. И то и другое для влюбленнаго кардинала было равносильно пыткѣ.

Но, наконецъ, судьба сжалилась надъ Джіованни: случай быть вдвоемъ съ Юліей представился. Мужъ Юліи былъ далеко отъ Флоренціи, а донъ Гарціа получилъ какое-то порученіе отъ отца и также отсутствовалъ. Влюбленный молодой человѣкъ бросился въ домъ предмета своего обожанія и былъ принятъ. Въ самыхъ страстныхъ выраженіяхъ онъ объяснился ей въ любви, говорилъ о своихъ страданіяхъ, о томъ какъ долго скрывалъ чувство любви.

— Участь моя,—сказалъ въ заключеніе влюбленный,—зависитъ отъ васъ, я жду вашего рѣшенія: жить мнѣ или умереть.

При этомъ кардиналъ упалъ на колѣни и страстно цѣловалъ руки красавицы.

— Несчастная я!—вскричала Юлія съ притворнымъ удивленіемъ, достойнымъ самой талантливой актрисы,—но вы развѣ не знаете, что я люблю вашего брата, донъ Гарціа? Какъ же я могу раздѣлять ваши чувства, не нарушая клятвы, данной Гарціа?

— Вы уже достаточно сдѣлали его счастливымъ,—продолжалъ донъ Джіованни, цѣлуя руки Юліи,—удѣлите и мнѣ хотя каплю этого блаженства, сжальтесь надо мной!

Благородная синьора съ достоинствомъ встала, выпрямилась во весь ростъ, высвободила свои красивыя, изящныя руки и холодно-гордо сказала:

— Джіованни! вы сами не знаете, что говорите; вы меня оскорбляете... Не думайте обо мнѣ такъ дурно, не осуждайте меня за мой поступокъ. Я не способна по капризу мѣнять мои чувства. Выданная замужъ за человѣка, котораго не любила, я первый разъ услыхала изъ устъ Гарціа страстную исповѣдь божественной любви... слова его эхомъ отозвались въ моей тоскующей душѣ... я безсознательно отдалась ему... не думая ни о чемъ, не понимая, что я дѣлала... Если бы вы, Джіованни, первый заговорили со мной такимъ языкомъ, все равно я была бы ваша... можетъ быть... потому что и вы также... красивы, милы, добры, какъ и Гарціа.

— Юлія!

— Но теперь мое сердце занято... слово мною дано... На чтò же вы можете надѣяться? Чтò я для васъ могу сдѣлать?..

— Но дайте мнѣ по крайней мѣрѣ надежду въ будущемъ, умоляю васъ!

— Развѣ я могу въ вашей душѣ уничтожить надежду? Она нераздѣльный спутникъ истинной любви.

— О нѣтъ! иногда надежда покидаетъ влюбленнаго и тогда онъ умираетъ.

— Значитъ, вы хотите меня увѣрить, что только надежда на мою взаимность заставляетъ васъ жить, да?—спросила Юлія, кокетливо улыбаясь.

— И вы сомнѣваетесь? Въ такомъ случаѣ посмотрите на мои впалыя щеки, на глаза, въ которыхъ уже потухаетъ огонь молодости. Развѣ это не есть доказательства моей смертельной грусти? Что же меня можетъ поддерживать, кромѣ надежды, отнимите у меня ее—и я умру.

— Да сохранитъ меня небо, чтобы я была причиною такого страшнаго горя вашей матери-герцогини. Я вовсе не желаю вашей смерти,—отвѣчала Юлія, продолжая улыбаться.

— Значитъ, вы мнѣ позволяете надѣяться, Юлія?

— Я не могу запретить вамъ надѣяться,—отвѣчала тѣмъ же тономъ красавица.

— Но вы мнѣ ничего не обѣщаете?

— Да развѣ я могу вамъ что-нибудь обѣщать?

— Скажите мнѣ по крайней мѣрѣ, если Гарція перестанетъ быть милъ вашему сердцу...

— Но это невозможно...

— Но допустимъ это предположеніе хотя на одинъ моментъ.

— Хорошо допустимъ.

— Въ такомъ случаѣ могу ли я быть такъ счастливъ...

— Быть его преемникомъ?

— Именно.

— Знаете, Джіованни, любовь это есть святая книга, которую можно читать разъ въ жизни. Когда дойдешь до послѣдней страницы, книгу обыкновенно закрываютъ... и... настаетъ сонъ.

— Но и отъ сна пробуждаются... и любятъ другой разъ.

— Да для такого непостояннаго, какъ вы—это вѣрно. Развѣ вы не любите Жиневру, мою пріятельницу?

— Да я ее любилъ до тѣхъ поръ, пока вашъ божественный образъ не запечатлѣлся въ моемъ сердцѣ.

— Значитъ, можно надѣяться, что третья смѣнитъ мой образъ въ вашемъ сердцѣ?

— О нѣтъ! Любовь, которую вы мнѣ внушили проходитъ только съ жизнью.

— Всегда такъ говорятъ, но: «смѣются боги клятвамъ влюбленныхъ».

Такимъ образомъ искусная кокетка играла съ молодымъ обожателемъ, какъ кошка съ мышкой. Впадая одновременно въ грустный, меланхолическій тонъ и насмѣшливо-игривый, Джіованни ничего не добился опредѣленнаго, но и надежда не погасла въ его пламенномъ сердцѣ, и онъ вышелъ изъ палаццо Юліи Вителли болѣе влюбленнымъ, чѣмъ когда-нибудь.

IV.

Свадьба.

ЕРЦОГЪ Браччіано, согласившись съ будущимъ тестемъ, рѣшилъ немедленно отправиться въ Римъ, спустя три мѣсяца возвратиться въ Флоренцію и сыграть свадьбу.

Герцогъ Козимо де-Медичи съ своими сыновьями проводили почетнаго гостя до Римскихъ воротъ (Porta romana). Послѣ многихъ пожеланій счастливаго пути и скораго возвращенія, гостепріимные хозяева вернулись во Флоренцію, а Паоло Джіордано Орсини, окруженный свитой, отправился по римской дорогѣ. Около Джіордано ѣхалъ его кузенъ Троило Орсини. Разговаривая о роскоши флорентійскаго двора, красотѣ женщинъ и любезности Медичи, путешественники сдѣлали десять миль и уже приближались къ мѣсту, гдѣ былъ назначенъ первый отдыхъ, какъ случилось происшествіе, нарушившее хорошее расположеніе духа всѣхъ, въ особенности самого герцога Браччіано. Лошадь Троило Орсини, испугавшись дерева, сломаннаго бурей и лежавшаго поперекъ дороги, закусила удила и понесла. Тщетно удерживалъ ее всадникъ, она неслась какъ съумасшедшая и, наконецъ, сбросила сѣдока. Троило былъ поднятъ безъ чувствъ, подъѣхавшими людьми герцога и отнесенъ на рукахъ въ сосѣднюю деревню. Призванный фельдшеръ привелъ въ себя больного и, осмотрѣвъ его, объявилъ, что опасности нѣтъ, только слабо ранена голова и вывихнута ключевая кость, но что всѣ остальные органы нетронуты. Герцогъ Джіордано былъ крайне опечаленъ этимъ обстоятельствомъ, тѣмъ болѣе, что не могъ оставаться съ своимъ больнымъ кузеномъ, такъ какъ дѣла крайне важныя требовали его присутствія въ Римѣ. Оставивъ при больномъ двухъ своихъ служащихъ, онъ отправился дальше. Между тѣмъ въ Флоренціи узнали о происшествіи съ Троило Орсини.

Герцогъ Козимо тотчасъ распорядился послать экипажъ въ деревню, гдѣ лежалъ больной, и его перевезли во Флоренцію прямо во дворецъ и поручили заботѣ придворныхъ хирурговъ.

Такимъ образомъ, случай устроилъ, что влюбленный Троило снова могъ любоваться очаровательной Изабеллой и жить съ ней подъ одной кровлей, дышать однимъ съ нею воздухомъ. Именно этого и добивался влюбленный молодой человѣкъ, продѣлывая маневръ паденія съ лошади.

Принужденный нѣкоторое время лежать въ постелѣ, Троило Орсини мало-по-малу сталъ поправляться, ключица, вправленная на мѣсто, срослась и хирурги позволили ему прогуливаться. Онъ сталъ осматривать всѣ достопримѣчательности города, любовался художественными произведеніями искусства, столь поощряемыми герцогомъ де-Медичи. Въ сообществѣ послѣдняго онъ посѣтилъ мастерскую знаменитаго Бенвенуто Челлини, который въ то время приготовлялъ модель Персео, по заказу герцога Козимо; осматривалъ большія историческія картины, работанныя Вазари, также по приказанію герцога въ Palazzo Vecchio. Химическія лабораторіи, школы, шерстяныя заведенія, пользовавшіяся въ то время такой громкой славой, не мало привлекали любопытство выздоравливающаго; онъ всѣ ихъ желалъ осмотрѣть; между тѣмъ время шло незамѣтно и близился срокъ возвращенія изъ Рима жениха для свадьбы, уѣзжать не стоило; Троило рѣшилъ остаться. Не желая злоупотреблять любезнымъ гостепріимствомъ герцога, онъ изъявилъ желаніе перейти изъ дворца на частную квартиру. Какъ и надо было ожидать, герцогъ Козимо возсталъ противъ такого рѣшенія и не позволилъ Троило уѣзжать изъ дворца.

Троило повиновался и поспѣшилъ обо всемъ увѣдомить своего кузена Браччіано. Въ длинномъ письмѣ онъ сообщалъ свои впечатлѣнія, видѣнныхъ имъ научныхъ и художественныхъ диковинокъ столицы Тосканы, необыкновенно любезное обращеніе съ нимъ гостепріимнаго хозяина, герцога Козимо, и прибавлялъ, что ввиду краткости срока рѣшился ждать въ Флоренціи пріѣзда его, Браччіано.

Живя въ дворцѣ Питти, Троило имѣлъ случай ежедневно встрѣчать прелестную Изабеллу. Ея необыкновенная красота, чу́дное пѣніе и артистическая игра на многихъ музыкальныхъ инструментахъ, существовавшихъ въ ту эпоху—покорили окончательно сердце молодого человѣка; онъ страстно, беззумно полюбилъ невѣсту своего кузена. Видѣть Изабеллу, слышать ея голосъ, сдѣлалось душевною потребностью для Троило. Мысль, что это дивное созданіе, о которомъ онъ едва смѣлъ мечтать, предназначено другому, заставляла невыносимо страдать влюбленнаго молодого человѣка. Между тѣмъ эту адскую пытку Троило не промѣнялъ бы на райскія наслажденія, потому что онъ ежедневно могъ любоваться идеальной красотой Изабеллы.

Само собой разумѣется, Троило Орсини, какъ хорошо воспитанный дворянинъ, никогда не смѣлъ себѣ позволить нарушать придворный этикетъ: заводить разговоръ съ Изабеллой, или оставаться съ ней вдвоемъ; онъ довольствовался любоваться ею издали и именно такъ, что, кромѣ ея, никто изъ окружающихъ этого не замѣчалъ.

Троило Орсини, какъ мы сказали выше, былъ молодъ и хорошъ собой, кромѣ всего этого, онъ обладалъ многими качествами, привлекавшими къ нему вниманіе женщинъ. Увлекательно-краснорѣчивый, онъ никогда не доводилъ до утомленія слушателя. Память имѣлъ весьма обширную и могъ продекламировать стихи многихъ извѣстныхъ поэтовъ. Прекрасно пѣлъ, акомпанируя себѣ на арфѣ, съ удивительнымъ искусствомъ извлекая изъ этого инструмента прелестныя мелодіи. Въ присутствіи всего двора онъ нерѣдко мѣрился силами артистическаго таланта съ старшимъ сыномъ герцога донъ Франческо. Прекрасно держался на лошади и замѣчательно искусно умѣлъ управлять ею.

Кавалеристы Тосканы, видя, какъ Троило заставляетъ себѣ покоряться самыхъ горячихъ лошадей, удивлялись, какимъ образомъ такой знаменитый ѣздокъ, могъ позволить себя сбросить лошади?

Съ дамами Троило былъ чрезвычайно любезенъ и разнообразенъ, объяснялъ имъ достоинство каждаго растенія, значеніе фигуръ изъ геральдики, указывалъ разницу въ характерахъ школъ живописи и прекрасно умѣлъ разсуждать о дѣлѣ искусства. Образованная и талантливая Изабелла не могла не обратить вниманія на молодого оратора, глаза котораго метали искры страсти, лицо дышало энергіей и вся фигура была такъ граціозно-изящна. Въ ту эпоху придворная молодежь занималась лишь интригами и жалкой местью. Въ глазахъ умной Изабеллы Троило Орсини являлся исключеніемъ.

Мало сказать, что онъ понравился Изабеллѣ, мы будемъ ближе къ правдѣ если замѣтимъ, что впечатлѣніе, произведенное на нея молодымъ красивымъ кавалеромъ, было болѣе чѣмъ простое вниманіе; въ ея дѣвственное сердце онъ бросилъ зерно нѣжной страсти.

Когда Троило читалъ ей стихи Данте или Петрарки и она пристально смотрѣла на него, мелодичный, застѣнчивый голосъ чтеца отзывался эхомъ въ ея молодой груди, вызывая въ ней очаровательный трепетъ.

Стихи, выражавшіе любовь, Троило декламировалъ особенно выразительно и нѣжно, желая ими высказать свои собственныя чувства. Словами Данте Алигери, онъ говорилъ Изабеллѣ, что она прелестна [1]). Читая «Освобожденный Іерусалимъ», (Gerusaleme

---

[2]) Tanto gentile e tanto onesta pare
La donna mia... (Dante).

liberata), только-что появившійся въ свѣтъ, дойдя до стиховъ:

«Она такъ скромна и такъ прекрасна,
«Я много желаю, мало надѣюсь и ничего не прошу [1])».

Троило прекращалъ чтеніе и глядѣлъ на Изабеллу, страстно сверкая глазами. Изъ присутствовавшихъ никто не замѣчалъ этого маневра влюбленнаго, потому что чтеніе прерывалось на одну секунду, но Изабелла видѣла взглядъ и прочла въ немъ, что Троило Орсини ее любитъ.

Когда мы видимъ, что симпатичной намъ личности мы внушаемъ любовь, наше чувство симпатіи къ ней увеличивается и наконецъ переходитъ въ нѣжную страсть. Дѣвственное сердце Изабеллы сказало ей, что она любима и молодая дѣвушка уже не могла скрыть отъ себя, что и она любитъ Троило Орсини. Въ головѣ ея, съ того момента, возникъ рядъ вопросовъ: почему не онъ, Троило, назначенъ ей въ женихи, а Паоло Джіордано, котораго она совсѣмъ не знаетъ. И тотъ и другой носятъ фамилію Орсини. Между тѣмъ перваго она полюбила, ко второму равнодушна, какъ къ постороннему, совершенно чуждому ей человѣку. Первый ее понимаетъ, сочувствуетъ ей во всемъ, страстно ее любитъ, второму неизвѣстны ни ея умъ, ни образованіе, ни таланты, онъ женится на ней единственно изъ политическихъ разсчетовъ. «Какъ жаль— думала Изабелла, что я не предназначена Троило, съ нимъ моя жизнь была бы полна блаженства».

А если бы попробовать тронуть сердце отца? Онъ такъ ее любитъ. Здѣсь дѣло идетъ о счастьи всей ея жизни. Кто знаетъ, быть можетъ, отецъ и перемѣнилъ бы свое рѣшеніе. И молодая дѣвушка попробовала. Но съ первыхъ же словъ она увидала, что бракъ ея съ герцогомъ Браччіано, главою дома Орсини—рѣшенъ окончательно; что отецъ ее хотя и любитъ, но честолюбивые его замыслы дороже ему счастья дочери.

Такимъ образомъ надежда подѣйствовать на чувства отца была окончательно потеряна; Изабелла должна покориться судьбѣ, ожидавшей ее. Она мечтала лишь объ одномъ, чтобы эти блаженные дни никогда не кончались, чтобы долго, долго, не пріѣзжалъ ея женихъ, Паоло Джіордано Орсини. Мысль, что это счастливое время пролетитъ быстро, что наконецъ пріѣдетъ ея женихъ, приводила въ отчаяніе Изабеллу. Постоянная сердечная тревога, долгія безсонныя ночи, наконецъ, положили свою печать на прелестную наружность молодой дѣвушки, щеки ея поблѣднѣли и въ прекрасныхъ глазахъ отражалась тоска истерзанной души.

Каждый день Изабелла читала пламенную исповѣдь любви въ глазахъ Троило, звуки его голоса вызывали въ ней страстный трепетъ и смущали ея дѣвственный сонъ.

---

[1]) Ei che modesto e si comèssa e bella,
Brama assai, poco spera, e nulla chiede.

Между тѣмъ день, назначенный для свадьбы, приближался. Герцогъ Браччіано уже сообщалъ о своемъ прибытіи въ Терни, Перуджіо и Ареццо, находящіеся въ весьма близкомъ растояніи отъ Флоренціи.

Въ городѣ и при дворѣ уже начали дѣлать приготовленія къ предстоящему празднеству. Повсюду кипѣла работа. Устроивали арки, цирки для борьбы и охоты. Дѣлали приготовленія для иллюминаціи и фейерверковъ и т. д.

День въѣзда жениха въ Флоренцію былъ торжественно отпразднованъ. Герцогское семейство, дворъ, городскіе судьи, начальники войскъ и дворянство, встрѣтили его у воротъ города. Двоюродный братъ жениха, Троило Орсини, съ двумя сыновьями герцога Флоренціи и знатной свитой выѣхали къ нему на встрѣчу за три версты отъ города. Во дворцѣ Питти его ждали герцогъ Козимо, герцогиня Элеонора и принцесса Изабелла съ сестрами. Три дня спустя, съ большой торжественностью было совершено бракосочетаніе епископомъ Флоренціи во дворцѣ Питти. Затѣмъ послѣдовали три дня непрерывныхъ празднествъ.

Залпы артиллеріи и звонъ колоколовъ призывали народъ принять участіе въ ликованіи своихъ государей. На площадяхъ угощали гражданъ и сжигали разноцвѣтные фейерверки. Въ балаганахъ, выстроенныхъ по случаю празднества, давались даровыя представленія. Вечеромъ на всѣхъ мостахъ трещали, шипѣли и разрывались искуственные огни и ракеты.

Въ то время населеніе Флоренціи раздѣлялось на отдѣльныя группы, соотвѣтствовавшія различнымъ національностямъ города. Эти общества, въ случаяхъ торжественныхъ событій, щедро награждаемыя дворомъ, принимали участіе въ публичныхъ торжествахъ и назывались Potenze festeggianti. Эти группы, одѣтыя одинаково, ходили по городу, каждая имѣла свое знамя и предводителя, называвшагося королемъ или императоромъ. Комичныя фигуры императора дель-Прато и вице-императора Камальдоли выступали въ сопровожденіи длинной свиты придворныхъ, а также и короли Биліеме и Батилапи съ грансиньорами Тинтори и Ботилапи. Всѣ они были одѣты въ оригинальныхъ костюмахъ. Обыкновенно торжество начиналось фехтованіемъ, потомъ совершались разныя представленія, схватки и пиршества.

При дворѣ увеселенія были конечно болѣе утонченнаго характера. Въ первый вечеръ было дано театральное представленіе, въ которомъ Аполлонъ и Музы восхваляли въ своихъ пѣсняхъ достоинства супруговъ. Затѣмъ появились одинъ за другимъ города, управляемые Медичи, окруженные нимфами, и каждая изъ нихъ посвящала одинъ куплетъ тѣмъ же супругамъ. Во второй вечеръ, въ герцогскіе аппартаменты вереницей вошли пять богато замаскированныхъ компаній, первая состояла изъ шести паръ полуна-

гихъ индѣйцевъ, вторая—изъ другихъ шести паръ въ древне-флорентійскомъ одѣяніи изъ лукко и парчи, затѣмъ греческіе герои, двѣнадцать императоровъ въ мантіяхъ и со скипетрами, украшенными драгоцѣнными камнями и, наконецъ, двѣнадцать пилигримовъ въ плащахъ изъ легкой золотой ткани, съ серебряными чашами въ рукахъ.

На парадномъ обѣдѣ третьяго дня, на которомъ присутствовало болѣе ста важныхъ флорентійскихъ дамъ, славившихся знатностью и красотою, и еще бо́льшее количество кавалеровъ, разносили кушанья въ продолженіе четырехъ часовъ. Передавалась изъ рукъ въ руки розовая вода, разносились блюда съ фазанами, куропатками, павлинами. За паштетомъ, миндальнымъ пирожнымъ и другими сластями, на столѣ появлялись каплуны, голуби съ сосиськами и ветчиной, засахаренные цыплята, цѣлые бараны съ соусомъ изъ вишень, поросята кислые и сладкіе, телячьи головы, раззолоченыя и посеребряныя, голуби жареные съ подливкой изъ оливокъ, торты и всѣхъ возможныхъ сортовъ варенья. Три раза мѣняли скатерти и убирали столъ цвѣтами и ароматами.

Подъ конецъ обѣда дамамъ поднесли браслеты и другія украшенія изъ золота, усыпанные драгоцѣнными камнями.

Танцы продолжались до утра.

Среди всѣхъ этихъ увеселеній молодая была грустна.

Незадолго передъ свадьбой, герцогъ Козимо купилъ великолѣпную виллу Барончелли, получившую впослѣдствіи названіе Поджіо Имперіале, роскошно убралъ ее и презентовалъ въ видѣ свадебнаго подарка своей любимой дочери Изабеллѣ. Въ эту виллу по окончаніи торжества и удалились августѣйшіе молодые супруги.

V.

Мужъ и жена.

АОЛО Джіордано Орсини оставался лишь короткое время въ Поджіо Имперіале. Спустя нѣсколько дней послѣ свадьбы, онъ сталъ готовиться къ отъѣзду въ Римъ, повидимому, призываемый туда важными семейными дѣлами, на самомъ же дѣлѣ любовью къ Викторіи Аккорамбони. Герцогъ покинулъ жену, сорвавъ цвѣтокъ ея стыдливой юности.

Онъ стремился къ инымъ привязанностямъ, къ инымъ болѣе для него дорогимъ наслажденіямъ. Прощаясь съ женой, онъ не просилъ ее помнить о немъ, сохранить ему любовь, а только сберечь неприкосновеннымъ и незапятнаннымъ его имя.

Можно себѣ представить съ какими чувствами Изабелла осталась одна. Супружескія объятія Орсини не оставили въ ней другого воспоминанія, кромѣ грубаго нападенія, похожаго на дерзкое насиліе. Ни малѣйшее чувство деликатности не скрасило неприглядной реальности факта. Изъ сношеній съ молодымъ супругомъ Изабелла вынесла только одно оскорбленіе и была покинута самымъ унизительнымъ образомъ, спустя нѣсколько дней, когда дикій звѣрь удовлетворилъ свои животныя страсти. Образованная, деликатная Изабелла болѣе не могла быть унижена. Въ ней страдала гордость принцессы и достоинство женщины.

Спѣши Паоло Джіордано, спѣши въ объятія Аккорамбони, но помни, что въ Флоренціи ты оставилъ прекраснѣйшую изъ женщинъ, оскорбленную тобою до глубины души и ненавидящую тебя какъ заклятаго врага! Но молодой супругъ, весь охваченный силою

страсти къ своей любовницѣ, не видалъ и не подозрѣвалъ ничего подобнаго.

Между тѣмъ, двоюродный братъ его, Троило, нашелъ новый предлогъ для продленія своего пребыванія во Флоренціи и герцогъ Браччіано нимало неподозрѣвавшій настоящей причины, задерживавшей кузена, передъ отъѣздомъ въ разговорѣ наединѣ обратился къ нему съ слѣдующей просьбой:

— Въ короткое пребываніе мое въ Флоренціи я успѣлъ убѣдиться въ распущенности нравовъ этого города. Ни дворъ, ни даже само семейство герцога, не остались не запятнанными. Эти братья Изабеллы разнузданные мальчишки и я сильно сомнѣваюсь, чтобы и самъ герцогъ, отличался святостью. Жена моя, окруженная всѣми ими, остается здѣсь. Мнѣ было бы весьма не желательно, чтобы ихъ дурные примѣры сбили ее съ пути. Поэтому прошу тебя, добрый братъ, такъ какъ ты остаешься здѣсь, если дорожишь связующимъ насъ звеномъ родства и считаешь священнымъ честь нашего имени, наблюди за герцогиней Браччіано. Въ случаѣ, чего не дай Богъ, ты замѣтишь какой-нибудь, даже самый отдаленный признакъ, заставившій тебя сомнѣваться въ добродѣтели Изабеллы, немедленно меня объ этомъ увѣдомь. Я вполнѣ на тебя полагаюсь.

Троило ничего не отвѣчалъ, боясь себя выдать и только въ знакъ согласія пожалъ руку брата.

Послѣ этого разговора Паоло Джіордано и Троило подошли къ Изабеллѣ.

— Во время моего отсутствія,—сказалъ торжественно супругъ,— я поручаю заботу о васъ моему двоюродному брату. Обращайтесь къ нему, чтобы не случилось и повинуйтесь ему, какъ бы вы повиновались мнѣ.

Послѣ отъѣзда мужа, Изабелла осталась одна въ Поджіо Имперіале. Она могла бы отправиться въ палаццо Питти и въ родной семьѣ развлекаться среди праздниковъ и увеселеній, но она чувствовала себя утомленной, подавленной и избѣгала всякаго рода развлеченій. Ей необходимо было уединиться, сосредоточиться, чтобы обдумать всѣ обстоятельства, сдѣлавшія ее несчастною.

Она, которая, какъ и всѣ дѣвушки, мечтала о замужествѣ, конечно, счастливомъ, теперь чувствовала себя одинокой, покинутой, какъ никогда. Юная Изабелла точно была оглушена чѣмъ-то, сбита съ толку, потеряна; сколько она не размышляла, никакъ не могла дать себѣ отчета въ своемъ душевномъ состояніи. Съ отвращеніемъ, доходившимъ до ужаса, думала она о своемъ мужѣ и трепетала при мысли снова увидѣть его, снова переносить его близость и ласки, такъ глубоко оскорбившія ее. Изабеллѣ казалось, будто она попала въ страшную пропасть, изъ которой уже никто не въ силахъ ее спасти. Она проводила время въ уединенныхъ

КОНКУРСЪ

ОТЪ МОСКОВСКОЙ КОМИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ.

I.

Комиссія назначаетъ конкурсъ на составленіе брошюры для публичнаго чтенія въ народныхъ читальняхъ на тему **„Ученье—свѣтъ, а неученье—тьма“.**

II.

Разъясненіе конкурсной темы „Ученье свѣтъ, а неученье—тьма“.

Тема должна быть развита никакъ не въ формѣ отвлеченнаго разсужденія, а въ формѣ живого разсказа, на основаніи котораго дѣлается выводъ о томъ, что ученье есть свѣтъ, а неученье—тьма.

Желательно, чтобы понятіе—«ученье», было представлено не въ узкомъ матеріальномъ смыслѣ, т. е. не какъ средство, служащее къ улучшенію личнаго существованія, а какъ самое могущественное орудіе, улучшающее духовную сторону человѣка; при такомъ только развитіи онъ дѣлается болѣе всего способнымъ понять, какъ должно свои обязанности къ Богу, Царю, Отечеству и собственной семьѣ.

III.

Условія конкурса.

1) Брошюра должна быть не болѣе двухъ и не миѣе одного печатнаго листа.

2) Къ чтенію требуется возможно больше картинъ (не менѣе десяти), съ указаніемъ въ текстѣ для нихъ мѣста. Картины по мысли автора будутъ исполнены художникомъ, состоящимъ при Комиссіи.

3) Авторъ брошюры, признанной вполнѣ удовлетворяющею условіямъ конкурса, получаетъ **двѣсти рублей:** сто рублей по одобреніи рукописи Комиссіею и сто рублей по одобреніи ея Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

4) Первое изданіе чтенія, оплаченнаго конкурсною преміею, составляетъ собственность Комиссіи, а послѣдующія изданія — автора.

5) Срокъ для представленія рукописей не позже 1-го декабря 1890 года.

и 6) Рукописи съ девизомъ и фамиліей авторовъ въ отдѣльныхъ запечатанныхъ конвертахъ адресуются на имя Предсѣдателя Комиссіи А. И. Святскаго, Москва, почтамтъ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

по образцу послѣдняго (XIII) изданія

БРОКГАУЗА,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЪ И РИСУНКОВЪ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА

И. Е. АНДРЕЕВСКАГО.

(Въ XVI—XVIII томахъ) поступитъ въ продажу съ сего 1890 года. Въ первый годъ выйдетъ пять полутомовъ, каждый въ 30 печатныхъ листовъ убористой печати; все же изданіе предполагается окончить въ пять лѣтъ. Первый полутомъ будетъ выпущенъ въ февралѣ сего 1890 года.

Цѣна за полутомъ въ изящномъ переплетѣ—три руб; за доставку по почтѣ—согласно тарифу. Книги по выходѣ изъ печати, будутъ высылаться съ наложеннымъ платежомъ. Желающіе получить означенное изданіе соблаговалятъ сообщить свой адресъ Конторѣ Редакціи, при Семеновской типографіи, С.-Петербургъ, Фонтанка, 84.

№ 27.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

А. Б. Отчего? зачѣмъ? и почему? Оскудѣніе и искаженіе русской рѣчи. Спб. 1889 г. Ц. 40 к.

Абрамовъ, Я. В. Новѣйшіе успѣхи знанія. Популярные очерки. Спб. Ц. 2 р.

Альбрехтъ, В. Ф. Практическое руководство къ изученію шахматной игры. Выпускъ III. Новгородъ. 1889 г. Ц. 1 р.

Альманахъ „Сѣверъ" на 1890 г. Изданіе Вс. С. Соловьева. Спб. Ц. 2 р.

Андерсенъ. Сказки. Съ портретомъ автора и 117 рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Андерсенъ, Г. Х. Избранныя сказки въ пересказѣ для дѣтей О. И. Роговой. Съ рисунками. Спб. Ц. 3 р.

Анучинъ, Д. Н. проф. О географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія Россіи сравнительно съ распредѣленіемъ роста въ другихъ странахъ. (Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ.), т. VII, вып. 1-й. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.

„Артистъ". Театральный, музыкальный и художественный журналъ. Кн. III. М. 1889 г. Ц. 2 р.

Архивъ князя Воронцова. Книга 36-я. М. 1890 г. Ц. 3 р.

Ахтомеріанъ. Ножичекъ. Разсказъ водовоза. Перев. съ армянскаго. Тифлисъ. 1889 г. Ц. 30 к.

Балашевъ, В. и В. Маркевичъ. Судебный календарь на 1890 г. Спб. Ц. за 2 ч. 1 р.

Бѣлелюбскій, А. Очеркъ постройки обходной линіи Веребьинскаго моста Николаевской желѣзной дороги. Съ чертежами. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бернетъ, Ф. Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Бобчевъ, С. С. Письма о Македоніи и македонскомъ вопросѣ. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.

Бортkевичъ, І. Прямолинейная тригонометрія съ примѣрами и задачами. Изд. 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Васильевъ, С. Драматическіе характеры. Вып. I. Молчалинъ („Горе отъ ума"). М. Ц. 1 р.

Вернъ, Жюль. Матіасъ Сандорфъ. Романъ съ рисунками Беннета. М. 1890 г. Ц. 3 р.

Викела, Д. Лука Ларасъ. Разсказъ изъ эпохи греческаго возстанія 1821 г. Переводъ съ греческаго. Одесса. 1889 г. Ц. 1 р.

Война грибовъ. Народная сказка въ рисункахъ Е. Полѣновой. М. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гейне, Генрихъ. Книга пѣсенъ. Вып. I „Лирическое интермеццо". М. 1890 г Ц. 50 к.

Гонеръ, О. Робинзонъ Крузоэ. Его странствованія и приключенія на морѣ и на сушѣ. По разсказу Дефоэ. Со ста раскрашенными рисунками. Спб. Ц. 3 р.

*) **Гете.** Его жизнь и избранныя стихотворенія. Съ 30-ю рисунками. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Спб. Ц. 1 р.

Глазуновъ, Н. Л. Пять комическихъ пьесъ для дѣтскаго театра. Съ 3-мя рисунками. Спб. Ц. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Григоровичъ, Д. В. Полное собраніе сочиненій въ десяти томахъ. Т. II. Спб. Ц. за 10 т. 15 р.

Гюго, Викторъ. Человѣкъ, который смѣется (L'homme qui rit). Съ портретомъ автора. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Данилевскій, Н. Я. Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Диккенсъ, Ч. Иллюстр. романы въ сокращенномъ переводѣ. Л. Шелгуновой. Давидъ Копперфильдъ. — Большія наде-

жды. — Лавка древностей. — Оливеръ Твистъ.—Нашъ общій другъ.—Домби и сынъ. Спб. Ц. за каждый романъ по 40 к.

Диккенсъ, Ч. Барнаби Рёджъ. Романъ въ 2-хъ томахъ. М. 1889 г. Ц. за 2 тома 2 р. 50 к.

Желиховская, В. Розанчикъ. Волшебная сказка для дѣтей. Спб. Ц. 3 р.

Желиховская, В. Изъ тьмы къ свѣту. Исторія мальчика-молокана. Повѣсть для юношества. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Засодимскій, П. Аля. Изъ біографіи одной маленькой дѣвочки. Спб. Ц. 35 к.

Захарьинъ, Г. А. проф. Клиническія лекціи. Вып. I-й. М. 1889 г. Ц. 60 к.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ). Люди темные. Очерки и картинки изъ народнаго быта. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Ильинскій, А. И. Женщины. Возможность долгаго неувяданія и борьба за здоровье, красоту, самобытность и существованіе. Издан. 2-е. М. 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

*) **Историческая** портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 г. Съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXXI. Ц. 2 р.

Исторія литературы фортепіанной музыки. Курсъ А. Г. Рубинштейна. 1888—1889. Спб. Ц. 1 р. Продается въ пользу фонда, подносимаго въ распоряженіе А. Г. Рубинштейна по случаю 50-ти-лѣтія его музыкально-художественной дѣятельности.

Калмыковъ, Н. А. Таблицы для вычисленія емкости круглой цилиндрической посуды въ ведрахъ. Ирбитъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каразинъ, Н. Изъ русской жизни. Альбомъ рисунковъ. Вып. II. Спб. Ц. 3 р.

Каренинъ, В. Сказка про маленькую рыбку и про великаго человѣка. Рис. Елиз. Бемъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Kaulbars, N. Baron. Aperçu des travaux géographiques en Russie (Société Imp. russe de Géographie). St.-Petersb. 1889. Prix. 1 r. 50 c.

Кенисаринъ, Ахметъ Султанъ. Султаны Кенисара и Садыкъ. Біографическіе очерки. Обработано для печати и снабжено примѣчаніями Е. Т. Смирновымъ. Съ портретомъ и рисунками. Ташкентъ. 1889 г. Ц. 2 р.

Коренблитъ, А. И. Химическіе реактивы, ихъ приготовленіе, свойства, испытаніе и употребленіе. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котляревскій, Н. Очерки новѣйшей русской литературы. I. Поэзія гнѣва и скорби. М. 1890 г. Ц. 30 к.

Котъ-Мурлыка. Темный путь. Романъ-хроника (въ 4-хъ частяхъ). Спб. Ц. за 2 тома 3 р. 50 к.

Коховскій, Вс. Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній въ 1888 — 1889 учебномъ году. XXVI годъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Кошелевъ, А. И. Біографія. Т. I. Молодые годы Александра Ивановича. Кн. I и II. М. 1889 г. Ц. за двѣ кн. 6 р.

Крапоткинъ, К. С., кн. Историческій очеркъ производства охмѣляющихъ напитковъ. Винокуреніе по новѣйшимъ способамъ. Съ рисунками. Спб. 1889 г. Ц. 4 р.

Круксъ, У. Лучистая матерія или четвертое состояніе тѣлъ. Новгородъ. 1889 г. Ц. 75 к.

Крыловъ, Викторъ (Александровъ). Драматическія сочиненія. Т. V. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лейкинъ, Н. А. Въ царствѣ глины и огня. Романъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Liesegang, P. E. Dr. Печатаніе серебряными солями (Позитивный процессъ). Съ рисунками. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р. 40 к.

Липкмановъ. Стихотворенія. М. 1889 г. Ц. 1 р.

Лонгфелло, Г. Гайавата. Сказка изъ жизни сѣверо-американскихъ индійцевъ. Съ рисунками Н. Каразина. Спб. Ц. 2 р.

Л—ъ, К. А. (Псевдонимъ: Валяй-Прямо). Искорки и блестки. Повѣсти, очерки и разсказы. Спб. Ц. 1 р.

Майковъ, Л. Н. Первые шаги Ивана Андреевича Крылова на литературномъ поприщѣ. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Горное гнѣздо. Романъ. М. Ц. 1. р. 50 к.

Мантегацца, П. Больная любовь. Гигіеническій романъ. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Маркеловъ, А. И. Глухарный токъ, тяга и чучелиная охота. (По поводу очерка „Законы объ охотѣ" Н. В. Туркина). Спб. 1889 г. Ц. 10 к.

Масальскій, В. И., кн. Вѣсовое качество зерна главнѣйшихъ хлѣбовъ въ Европейской Россіи по даннымъ за восьмилѣтіе 1881—1888 гг. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.

Мещерскій, Н. И. Совѣты леченія животныхъ. Тифлисъ. 1889 г. Ц. 20 к.

Михайловичъ, А. Карманная книжка фотографа практика и любителя. Спб. 1890 г. Ц. 2. р.

Mauriac, Ch. Сифилисъ гортани, дыха-

тельнаго горла и бронховъ. М. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Незвановъ, П. Дѣтскіе разсказы. Съ рисунками. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р.

Нотовичъ, Н. А. Гдѣ дорога въ Индію? М. 1889 г. Ц. 50 к.

Ординъ, К. Покореніе Финляндіи. Опытъ описанія по неизданнымъ источникамъ. 2. т. Спб. 1889 г. Ц. за 2 т. 7 р.

Отъ Парижа до предѣловъ Индіи. Закаспійская желѣзная дорога, русскія среднеазіятскія владѣнія и краткій очеркъ Индіи. Составлено по гр. Шолле, Эдг. Буланже, Бонвало и др. М. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Популярная медицина. Указатель лучшихъ, общепонятныхъ медицинск. книгъ для публики, фельдшеровъ, сельскихъ учителей и т. п. лицъ. Спб. 1889 г. Ц. 15 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. М. Ц. 2 р.

Проказы шалуна. Юмористическій романъ въ стихахъ и каррикатурахъ. По рисункамъ В. Буше. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Путеренъ-Занъ, М. Д-ръ. Матеріалы для физіологіи и патологіи грудныхъ дѣтей. Спб. Ц. 40 к.

Пушкинъ, А. С. Капитанская дочка. Историческій романъ. Съ 188 рис. М. Малышева. Спб. 1889 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р.

Радивановскій, В. Курсъ строительнаго искусства. Часть I. Строительные матеріалы. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.

Раффи. Биби-Шарабани. Этюдъ изъ жизни огнепоклонниковъ въ Персіи. Переводъ съ армянскаго. Тифлисъ. 1889 г. Ц. 15 к.

Реформа мѣстнаго управленія. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.

Рубецъ, А. Сборникъ школьныхъ хоровыхъ пѣсенъ для однородныхъ двухъ голосовъ. Вып. 1-й. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Рубинштейнъ, А. Г. Автобіографическія воспоминанія. 1829—1889 г. Съ портретами А. Г. Рубинштейна. Издан. 2. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Русская военная сила. Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Выпускъ 10-й. Періодъ царствованія Императоровъ Николая I и Александра II—до всеобщей воинской повинности. М. 1889 г. Ц. 60 к.

*) **Русскій календарь** на 1890 г. А. Суворина. Спб. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

Рыкачевъ, М. Результаты метеорологическихъ наблюденій первой международной полярной экспедиціи 1882—1883 г. Спб. 1889 г. Ц. 70 к.

Рыловъ, М. А. Наставленіе къ выдѣлкѣ кошины на гамбургскій товаръ, къ раскройкѣ ея на товаръ сапожный и башмачный. Изд. 2-е. Казань 1889 г. Ц. 80 к.

Самаринъ, Ю. Ѳ. Сочиненія. Т. VII. М. 1889 г. Ц. 2 р.

Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 69. Спб. 1889 г. Ц. 3 р.

Серафимовъ, В., свящ. Описаніе Исаакіевскаго собора въ С.-Петербургѣ. Съ рисунками и планомъ. Изд. 2 е, сокращенное. Спб. 1889 г. Ц. 60 к.

Силичъ, Л., д-ръ. Камни (ринолиты) и постороннія тѣла въ носу. Монографія. М. 1890 г. Ц. 40 к.

Силичъ, Л., д-ръ. Насморкъ и его виды: острый, хроническій, нервный и проч. М. 1890 г. Ц. 80 к.

Скабичевскій, А. Сочиненія. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики. 2 т. Спб. 1890 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Скоутъ Россель. Дж. Теорія волнъ. Волны, перемѣщенія въ океанахъ воды, воздуха и эѳира. Спб. Ц. 1 р.

Скрипицынъ, В. А. Подсудимые. Очерки и разсказы. Воспоминанія и наблюденія изъ области русскаго современнаго уголовнаго правосудія. Спб. 1890 г. Ц 2 р.

Случевскій, К. Стихотворенія. Кн. 4-я. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Смирновъ, А. П. Изъ жизни нашихъ предковъ. Историческіе очерки и картинки для юношества. Съ рисунками. Спб. Ц. 1. р. 75 к.

Соболевъ, М. В. Къ елкѣ. Указатель книгъ, одобренныхъ педагогической критикой для дѣтскаго чтенія. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Стебутъ, И. А. Сельско-хозяйственное знаніе и сельско-хозяйственное образованіе. Сборникъ статей. Изданіе 2-е, дополн. М. 1889 г. Ц. 80 к.

Танѣевъ, С. Театральныя мелочи изъ прошлаго Императорскихъ театровъ. Вып. 5-й. Спб. Ц. 1 р.

Тиме, Г. Руководство къ рудничному нивеллированію и къ съемкѣ рудниковъ градусникомъ и компасомъ. Издан. 2-е, измѣн. и дополн. Съ рисунками. Спб. Ц. 2 р.

Толычева, Т. Спасо-Бородинскій монастырь и его основательница. Изд. 3-е. М. 1889. Ц. 40 к.

Толычева, Т. Бабушкино благословеніе. Повѣсть. Съ 3-мя рис. М. 1889 г. Ц. 50 к.

Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки. Новый полный переводъ Ю. Доппельмайеръ. Со статью академика А. Веселовскаго. Съ 95-ю рис. Т. II. Ц. 2 р. 75 к.

*) **Флоринскій, В. М.** Домашняя медицина. Лечебникъ для народнаго употребленія. Изданіе 4-е, пересмотрѣнное. Спб. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

Хандриковъ, М. Теорія движенія планетъ и кометъ около солнца по коническимъ сѣченіямъ. Кіевъ. Ц. 5 р.

Хвельсонъ, Анна. Среди цвѣтовъ. Разсказы стараго садовника. Съ рисунками. Спб. Ц. 2 р,

Цертелевъ, Д., князь. Эстетика Шопенгауэра. Изд. 2-е. Спб. Ц. 50 к.

Шамиссо, Ад. Чудесная исторія Петра Шлемиля. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Шапиръ, О. Безъ любви. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Швачка, К. И. Математическія замѣтки. Четыре выпуска. Кіевъ. 1889 г. Ц. каждаго выпуска 1 р.

Шведовъ, Н. Чудесное спасеніе Ихъ Имп. Величествъ и Ихъ Августѣйшихъ Дѣтей 17-го окт. 1888 года. Чтеніе для войскъ и народа. Съ картинами. Издан. 3-е. Ц. 15 к.

Шевляковскій, М. Коммерческія игры: винтъ, безикъ и др. Съ приложеніемъ „Карточной терминологіи". Спб. Ц. 1 р.

Шимкевичъ, П. Электрическая желѣзнодорожная сигнализація. Вып. I-й. Спб. Ц. 80 к.

Шляпкинъ, И. А. Слово Даніила Заточника. По всѣмъ извѣстнымъ спискамъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Шостакъ, И. Н. Производство турецкаго табака и огневая сушка табака по американскому способу, рекомендованному г. Щербачовымъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Щукаревъ, А. Изслѣдованія въ области каталога аѳинскихъ архонтовъ III в. до Р. Х. 300—265 до Р. Х. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эварницкій, Д. И. Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ и Новороссійскаго края. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эйхельманъ, О., проф. Замѣтки изъ лекцій по международному праву. Кіевъ. 1889 г. Ц. 80 к.

Эйхельманъ, О., проф. Введеніе въ систему международнаго права. Вып. I-й. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р.

Энгельгардтъ, Ник. Стихотворенія. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Эргардъ, Ф., проф. Экспертиза о насильственной смерти капитана Гиждеу (Убійство или самоубійство). Съ рисункомъ. Кіевъ. 1889 г. Ц. 85 к.

Эртель, А. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 3 р.

Этнографическое обозрѣніе. Періодическое изданіе Этнографич. Отдѣла Имп. Общ. любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи, сост. при Московск. Университетѣ. Книга II, подъ ред. секрет. Этногр. Отдѣла Н. Янчука. М. 1889 г. Ц 1 р. 50 к.

Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ новѣйшихъ русскихъ писателей. Вып. 4 й. Писатели, умершіе въ 1886 г. Ц. 80 к.

Яковлевъ, В. Къ исторіи заселенія Хаджибея. 1789—1795 г. Къ исторіи завоеванія Хаджибея. Одесса. 1889 г. Ц. 30 к.

Якубовичъ, Ев. Грезы и пѣсни. Стихотворенія. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1890 г. Ц. 50 коп.

Ярковскій, И. О. Всемірное тяготѣніе, какъ слѣдствіе образованія вѣсомой матеріи внутри небесныхъ тѣлъ. Кинетическая гипотеза. М. 1889 г. Ц. 2 р.

---

*) Изд. А. С. Суворина.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ФЕВРАЛЬ, 1890

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1890 г.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

дозв. ценз. спб., 19 января 1890 г.

ЗА ЧЬИ ГРѢХИ? [1]

Повѣсть изъ временъ бунта Разина.

V.

Въ своей семьѣ.

А МОСКВѢ, между тѣмъ, дѣла шли своимъ порядкомъ.

Патріархъ Никонъ, поссорясь съ царемъ, давно сидѣлъ безвыѣздно въ Воскресенскомъ монастырѣ, и на всѣ попытки государя примириться съ нимъ отвѣчалъ глухимъ ворчаніемъ. Алексѣй Михайловичъ съ своей стороны, мѣшая государственныя дѣла съ бездѣльемъ, тѣшилъ себя тѣмъ, что, проживая въ селѣ Коломенскомъ, отъ скуки каждое утро купалъ въ пруду своихъ стольниковъ, если кто изъ нихъ опаздывалъ къ царскому смотру, то есть—къ утреннему выходу [2]).

Но сегодня почему-то не занимало его это купанье стольниковъ. Онъ вспоминалъ о своемъ бывшемъ «собинномъ» другѣ Никонѣ, и его грызло сознаніе, что онъ былъ слишкомъ суровъ съ нимъ. Но и Никонъ не хотѣлъ идти на примиреніе.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIX, стр. 9.

[2]) Государь самъ писалъ объ этомъ стольнику Матюшкину: «Извѣщаю тебѣ, что тѣмъ утѣшаюся, што стольниковъ купаю ежеутръ въ прудѣ. Іордань хороша сдѣлана, человѣка по четыре и по пяти и по двѣнадцати человѣкъ, за то кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю; да послѣ купанья жалую, зову его ежедень, у меня купальщики тѣ ядятъ вдоволь, и иныя говорятъ мы де нарокомъ не поспѣемъ, такъ де и насъ выкупаютъ и за столъ посадятъ»...

А тутъ еще это исчезновеніе молодого Ордина-Нащокина. По его винѣ онъ погибъ! Каково же должно быть бѣдному отцу?

«А все я—всему я виной», грызла ему сердце эта мысль:— «отъ меня все исходитъ—и горе, и радость... А кому радостно?— Больше слезъ я вижу, чѣмъ радостей... Бѣдный, бѣдный Аѳанасій!—Не пошли я малаго, онъ бы живъ теперь былъ... А то на!— обласкалъ своею милостью—и малаго не стало»...

Въ такія грустныя минуты Алексѣй Михайловичъ любилъ заходить къ своей любимицѣ, къ маленькой царевнѣ Софьѣ. Она своими ласками, своимъ дѣтскимъ щебетаньемъ, развлекала его, отвлекала отъ думъ.

И Алексѣй Михайловичъ задумчиво побрелъ по переходамъ къ свѣтлицѣ своей дѣвочки.

Уже передъ дверью свѣтлицы онъ услыхалъ ея серебристый смѣхъ.

— Блаженни!—тихо, съ грустной улыбкой, проговорилъ онъ,— ихъ бо есть царствіе божіе.

И онъ тихонько вступилъ въ свѣтлицу. Отъ этого свѣтленькаго теремка, отъ всего, что̀ онъ увидѣлъ, такъ на него и повѣяло чистотой дѣтства, невинности, счастьемъ невѣдѣнія. Дѣвочка сидѣла у стола надъ какой-то книгой и теребила свои пышные, еще не заплетенные волосы. А въ сторонкѣ, у окна, сидѣла ея мамушка и что̀-то вязала.

— Ахъ, мамка, какъ это смѣшно, какъ смѣшно!—повторяла дѣвочка.

— Что̀ смѣшно, моя птичка?—вдругъ услышала она за собою голосъ отца—и вздрогнула отъ нечаянности, потому что ноги Алексѣя Михайловича, обутыя въ мягкія сафьянныя туфли, тихо ступали по коврамъ, не дѣлая ни малѣйшаго шуму.

Дѣвочка вскочила и радостно бросилась отцу на шею.

— Батюшка! государь! свѣтикъ мой!—обнимала она его, лаская руками шелковистую бороду родителя.

— Здравствуй, здравствуй, птичечка моя—ясные глазыньки!— любовно цѣловалъ и гладилъ онъ дѣвочку.—Здравствуй и ты, мамушка.

— Самъ здравствуй, свѣтикъ нашъ, царь-осударь, на многія лѣта!—кланялась мамушка.

— Что̀ это вы тутъ смѣшное читаете?—спросилъ Алексѣй Михайловичъ:—не сказку ли какую?

— Нѣтъ, батюшка, не сказку,—отвѣчала царевна—и опять ея голосокъ зазвенѣлъ смѣхомъ, точно серебряный колокольчикъ.— Вотъ эта книга—она называется: «Книга глаголемая Лусидаріусъ или златый бисеръ» [1]).—Тутъ обо всемъ писано—и о звѣздахъ, и

---

[1]) Книга эта имѣется у автора.

о землѣ, и о зѣло дивныхъ людяхъ въ землѣ индѣйской.—Вотъ послушай.

И дѣвочка нагнулась надъ раскрытою книгой, писанною полууставомъ.

— Слушай—читала она:—«тамо есть люди, именуемые силокпеси, (циклопесы—циклопы), имѣютъ только по единой ногѣ и рыщутъ борзѣе птицына летанія, а егда сядетъ или ляжетъ, тою ногою отъ зноя и отъ дождя закрывается».—Какъ же это, батюшка, объ одной ногѣ?—удивлено посмотрѣла она на отца.

— А такъ, дитятко,—чудеса Господни неисповѣдимы,—отвѣчалъ царь серьезно.

Дѣвочка какъ бы смутилась немножко, но снова нагнулась надъ книгой и что̀-то искала въ ней.

— А вотъ, смотри,—сказала она торопливо:—слушай: «таможе есть люди безглавніи, имъ же есть очи на плечахъ, и вмѣсто устъ и носа имѣютъ на персехъ по двѣ диры».—Какъ же это, батюшка?—развѣе безъ головы можно жить?—спросила она.

— Не знаю, милая; но у Бога все возможно,—задумчиво говорилъ Алексѣй Михайловичъ.—А гдѣ ты взяла эту книгу?—спросилъ онъ.

— Мнѣ мама дала ее почитать, а мамѣ ее подарилъ протопопъ Аввакумъ.

— Аввакумъ,—повторилъ про себя Алексѣй Михайловичъ.

Онъ опять задумался—опять что̀-то укоромъ подкатилось къ его сердцу. «Можетъ быть, за правду и этотъ страдаетъ, думалось ему:—но гдѣ правда, гдѣ истина... Истина!—Іисусъ же отвѣта не даде!—Боже великій!»

При имени Аввакума онъ вспомнилъ, что этотъ мученикъ религіознаго фанатизма, по его же повелѣнію, прикованъ на цѣпь въ одной изъ келій монастыря Николы на Угрѣшу.—А кто правъ?—онъ ли, Аввакумъ?—Никонъ ли?—двуперстное или троеперстное сложеніе?—Гдѣ же истина?

«Іисусъ же отвѣта не даде», ныло у него на сердцѣ.

Видя грустную задумчивость отца, юная царевна стала робко ласкаться къ нему, и ему представилась другая такая же сцена: юный Воинъ ласкается къ своему отцу; а теперь этотъ отецъ осиротѣлъ, и осиротилъ его онъ.

Желая отогнать мрачныя мысли, Алексѣй Михайловичъ машинально беретъ подаренную царицѣ Аввакумомъ книгу и читаетъ вслухъ:

— А—вонъ оно что!—о нашей Европѣ тутъ пишется—вишь ты!—Еоропой ее именуетъ:—«Вторая часть сего міра зовется Еоропа, яже простреся по горамъ, тамо языкъ германскій, Готоы, тамо же величайшая рѣка Дунай»...

— Вишь ты!—перебилъ онъ самъ себя:—Дунай:—а мою Волгу-

ту и забыли?—а може мы не въ Европѣ живемъ?—Посмотримъ, что дальше будетъ (читаетъ): «а отъ моря языкъ благоизбранный и людіе храбри словенстіи, яже суть Русь»!..

— Вишь ты!—улыбнулся онъ:—не забыли и насъ—спасибо!—Ну, инъ далѣ: «та може бриляне»—это еще что за бриляне?—не вѣмъ... «чехи, ляхи, поляки, воринганы (варяги, надо бы думать), фрязи, микіяне (такихъ не знаю), датцы, керенгвяне (и такихъ не слыхалъ), фрисляндія, и инныя многія земли. На другой половинѣ тоя же Европы земли Остерляндія, Сунгорія, Бѣсемія, галове, греки, та страна даже до моря».

Книга такъ заинтересовала Алексѣя Михайловича, что онъ присѣлъ къ столу, а юная царевна взмостилась къ нему на колѣни и обвила рукою его шею.

— Ахъ, ты, дѣвка! тяжелая какая стала!—ласково трепалъ онъ волосы у дѣвочки:—и не диво—тринадцатый годокъ ужъ пошелъ.

— Нѣтъ, батюшка-царь—четырнадцатый!—поправила она отца.

— Ой ли?—ну, совсѣмъ невѣста—пора замужъ.

— Я замужъ не хочу!

— Ну, захочешь... Сиди смирно!—Посмотримъ, что тамъ далѣ книга пишетъ.

Онъ нагнулся и сталъ читать: «И земля Дамасія, въ ней же есть источникъ дивный, иже отъ него зажигаются свѣщи»... Дивны дѣла твои, Господи!—перебилъ онъ себя.—«Тамо и великая гора Олимпусъ, ея же высота превыше облакъ, отъ той же горы начинается земля Италія, тамо украина имянуемая Римъ»... Точно—Римъ, гдѣ папежъ живетъ... «И Галлія, Британія, тамо Венецыя, юже созда царь Ипутусъ, оттолѣ вышла рѣка Рынъ [1]), и течетъ по французской землѣ; подлѣ той рѣки прилежатъ мнози велицыи украины—Кастилія, Колонія (Каталонія!), Местинія, Страстборхъ, Стернъ, потомъ начнется Испанія, къ ней прилежатъ широкія страны, Картеза градъ и иные многіе. Сіе испанское государство лежитъ все подлѣ моря. Къ тому государству близъ страны, иже есть Британія и Англія губѣрнія Канатосъ; изъ сихъ странъ вывозятъ злато. Тамо же на заподъ край моря страна нарицаемая Схоттія: тамо пришедъ солнце отъ востокъ, скрывается; то есть мѣсто, глаголемое заподъ; тамо же въ морѣ близъ островъ, на немъ же древеса, которыя ростутъ, отнюдь не повалятся; тамо же есть Мерзлое море; въ томъ мѣстѣ толика студеность, еже тамо невозможно человѣку быти».

— Вотъ, батюшка,—перебила его Софья:—ты все воюешь съ поляками—на что они тебѣ? А ты бъ завоевалъ намъ рай.

— Какой рай, птичка?—удивился Алексѣй Михайловичъ.

— А гдѣ великая рѣка Гангъ.

---

[1]) Рейнъ, конечно.

И царевна стала перелистывать книгу.

— Ахъ, все твоя борода мѣшаетъ,—отвела она рукой пушистую бороду отца:—вотъ! «Тамъ же есть люди въ велицѣй рѣцѣ Ганги (начала она читать), яже изъ рая течетъ» — видишь? изъ рая... «Тѣ люди имѣютъ овощіе, иже изъ рая пловутъ, и отъ тѣхъ овощевъ питаются живыми ядрами, а иные пищи не требуютъ, и тѣ овощи осторожно вельми у себя блюдутъ того ради, понеже они зѣло боятся злосмраднаго всякаго обонянія, и тѣми овощами защищаютъ животъ свой; аще, если которой изъ нихъ обоняетъ какую злосмрадную воню, а тѣхъ вышепомянутыхъ овощевъ при себѣ имѣть не будетъ, то вскорѣ умираетъ и живъ быти не можетъ, яко рыба на сушѣ». Вотъ видишь, гдѣ рай.

— Вижу токмо, дитятко мое, что дивны творенія рукъ божіихъ,—задумчиво проговорилъ государь:—а гдѣ ужъ намъ, грѣшнымъ, рая достигнуть въ сей жизни! хоть бы послѣ смерти Господь сподобилъ насъ рая пресвѣтлаго своего.

Онъ замолчалъ. Слышны были только благочестивые вздохи мамушки.

— Чтò, мамка, вздыхаешь?—спросилъ ее государь.

— О грѣхахъ, батюшка-царь,—отвѣчала старушка.

Послышался шорохъ атласнаго платья, и въ дверяхъ свѣтлицы показалась царица Марья Ильишна, какъ ее тогда называли, а не Ильинишна.

Софья соскочила съ колѣнъ отца, и бросилась къ матери.

— Ахъ, мама! чтò мы тутъ съ батюшкой читали!—и объ раѣ, и объ Европѣ, и объ людяхъ безъ головъ!—торопилась, почти захлебываясь, будущая правительница русской земли.

— Гдѣжъ это вы такй чудеса вычитали?—улыбалась Марья Ильишна.

— А въ той книгѣ, чтò ты мнѣ дала—«Книга глаголемая Лусидаріусъ».

— Такъ и есть таки люди, чтò безъ головъ?—недовѣрчиво спросила царица.

— Есть, мама; только у нихъ очи на плечахъ, а вмѣсто устъ и носа—на персяхъ по двѣ диры.

— А чѣмъ же они ядятъ?

— Должно быть, мама, этими дирами.

— А гдѣ они живутъ?

— Въ Индѣйской землѣ, мама. И есть тамъ люди объ одной ногѣ.

Алексѣй Михайловичъ тоже подошелъ къ царицѣ.

— Чтó, Маша, слышно о протопопѣ Аввакумѣ?—какъ-то робко спросилъ онъ, не смѣя взглянуть ей въ глаза.

— Во узахъ сидитъ мученикъ-святитель — на чепи у Николы на Угрѣшу!—какъ бы нéхотя, но съ нервной дрожью въ голосѣ отвѣчала царица.

— Ты спосылала къ нему?

— Спосылала не разъ.

— Отъ меня?

— Отъ тебя и отъ себя: твоимъ царевымъ словомъ умоляла.

— И чтожъ онъ?

— Стоитъ такъ, чепью окованъ, руки горѣ: не соединюсь—говоритъ—со отступниками: онъ—говоритъ—мой царь, мой! Я—говоритъ—не сведу съ высоты небесныя рукъ, дондеже Богъ его отдастъ мнѣ! И ручки такъ къ небу простираетъ: не сведу—говоритъ—рукъ съ высоты! не сведу [1])! Это онъ къ тому, что будто тебя у него отступники отняли.

— Охъ, Маша, тяжелъ мой крестъ—крестъ царевъ!—горько покачалъ головой Алексѣй Михайловичъ:—тяжела шапка Мономаха! Кто правъ? гдѣ истина? повторяю я съ Пилатомъ: «что̀ есть истина? Іисусъ же отвѣта не даде». Помнишь это, Маша?

И царь, задумавшись, повернулся и направился къ себѣ.

— А что̀ молодой Ординъ-Нащокинъ? такъ и не сыскали?—кликнула ему вслѣдъ царица.

Но Алексѣй Михайловичъ ничего не отвѣтилъ.

VI.

Стенька Разинъ въ гостяхъ у Аввакума.

Что̀ же, въ самомъ дѣлѣ, было съ Аввакумомъ, котораго участь такъ горячо принималась къ сердцу всею царскою семьей и изъ-за котораго у царя съ царицей были иногда очень горькія препирательства?

Онъ, дѣйствительно, сидѣлъ на цѣпи у Николы на Угрѣшѣ. Ему, впрочемъ, не привыкать было къ этимъ цѣпямъ, къ битью плетьми, палками, къ тасканью за волосы, за бороду.

А теперь и таскать было не за что̀. У него отрѣзали его святительскую бороду, остригли его іерейское украшеніе—волосы.

— Видишь,—говорилъ онъ посланцу царицы, князю Ивану Воротынскому:—полюбуйся, какъ окарнали меня!—волки, а не люди: оборвали меня, горюна, словно собаки — одинъ хохолъ оставили, какъ у поляка на лбу. Да что говорить! — Богъ ихъ проститъ. Я своего мученія на нихъ не спрошу — ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, и буду молиться о нихъ—о живыхъ и о преставльшихся. Діаволъ между нами разсѣченіе положилъ.

Теперь онъ былъ одинъ въ своей темницѣ, лежалъ на полу, на связкѣ соломы, и бормоталъ что̀-то про себя. Онъ былъ страшно измо-

---

[1]) «Житіе протопопа Аввакума». Изд. проф. Тихонравова.

жденъ, худъ какъ скелетъ, но въ энергическихъ, совсѣмъ юношескихъ ясныхъ глазахъ свѣтилась дѣтская радость. Чему же онъ радовался? А радовался своимъ мукамъ, истязаніямъ, которымъ его подвергали въ жизни за идею — за двуперстное сложеніе, за трегубую аллилую, за букву І въ словѣ Ісусъ, а не Іисусъ... Онъ теперь лежалъ и съ дѣтской радостью припоминалъ всѣ эти истязанія.

— Это тогда, когда воевода у вдовы отнялъ дочь дѣвицу, а я за нихъ заступился,—и онъ воздвигъ на мя бури! у церкви его слуги мало до смерти меня не задавили. И азъ, лежа мертвъ полчаса и больше, и паки оживъ божіимъ мановеніемъ: но его опять научилъ діаволъ: пришелъ въ церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ въ ризахъ, — а я въ то время молитвы говорю. — Это разъ.

Но ему помѣшали продолжать перечисленіе испытанныхъ имъ истязаній. Кто-то постучался въ желѣзную дверь его тюрьмы.

— Господи Ісусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!—проговорилъ за дверью чей-то незнакомый голосъ.

— Аминь!—съ удивленіемъ отвѣчалъ Аввакумъ, потому-что къ нему въ тюрьму никого не впускали, даже послаицевъ отъ царицы.

Загремѣли ключи, три раза щелкнулъ замокъ, заскрипѣла на ржавыхъ петляхъ дверь и въ тюремную келью вошелъ неизвѣстный человѣкъ.

Аввакумъ разомъ окинулъ его взглядомъ, и даже какъ-будто смутился. Передъ нимъ стоялъ могучій, широкоплечій мужчина въ казацкомъ одѣяніи, подстриженный въ кружало, какъ стриглись тогда донскіе и воровскіе казаки. Широкій лобъ обличалъ въ пришлецѣ могучую энергію. Но особенно поражали его глаза: въ нихъ было что̀-то властное, непреклонное; за этими глазами люди идутъ въ огонь и въ воду; этимъ глазамъ повинуются толпы,—было что̀-то непостижимое въ нихъ, что̀-то такое, что̀ смутило даже Аввакума, котораго не смущали ни плахи, ни костры, ни убійственныя очи Никона, ни царственный взглядъ царя Алексѣя Михайловича.

Аввакумъ быстро поднялся съ соломы.

— Благослови меня, святой отецъ! — сказалъ пришелецъ повелительнымъ голосомъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—какъ-то смущенно проговорилъ протопопъ-фанатикъ.—Ты кто, сынъ мой?

— Я казакъ съ вольнаго Дону.

— А какъ имя твое, сыне?

— Зовутъ меня Стенькой.

— Рабъ Божій Степанъ, значитъ. А по отчеству?

— Отца Тимошкой звали.

— А развѣ отецъ твой помре?

— Да. По ево душѣ я и молился въ Соловкахъ да по братней, по Тимоѳеевой же, что казнили неправедно.

— Кто и за чтò?—удивился Аввакумъ.

— Казнилъ его князь Юрій Долгорукій. Братъ мой старшій, Тимоѳеемъ же какъ и отца звали — былъ у насъ атаманомъ и съ казаками ходилъ въ походъ супротивъ поляковъ, въ помощь этому князю Юрью. По окончаніи похода братъ мой оставилъ Долгорукаго и повелъ казаковъ на Донъ. Мы люди вольные — служимъ бѣлому царю по нашему хотѣнію, коли казачій кругъ приговоритъ. Мы креста никому не цѣловали на холопство—братъ и ушелъ съ казаками домой, а князь Юрій, осерчавъ на то, обманомъ заманилъ къ себѣ брата—и отрубилъ ему голову.

— Царство небесное славному атаману, рабу божію Тимоѳею,— набожно проговорилъ Аввакумъ. — А куда же ты, Степанъ Тимоѳеевичъ, путь держишь?—спросилъ онъ.

— Къ себѣ на тихій Донъ, отче святый. Я иду изъ Соловокъ.

— Изъ Соловокъ!—удивился протопопъ.—Не маленькій путь сотворилъ ты, сынъ мой, во имя божіе: подвигъ сей зачтется тебѣ. Какъ же ты обо мнѣ узналъ, миленькій?

— Твое имя, отче святый, аки кадило на всю святую Русь сіяетъ,—былъ отвѣтъ.

Аввакумъ набожно перекрестился.

— Недостоинъ я сего, сыне: я—песъ, лающій во славу божію за святое двуперстіе да за истинную вѣру,—сказалъ онъ смиренно; но глаза его разомъ засвѣтились: — и буду лаять до послѣдняго издыханія—на плахѣ, на висѣлицѣ, на кострѣ, на крестѣ!

Онъ заходилъ было по своей тюрьмѣ, но она была такъ тѣсна, какъ клѣтка, и онъ остановился, видимо любуясь своимъ нежданнымъ посѣтителемъ.

— Какъ же ты, сынъ мой, попалъ ко мнѣ во узилище?—спросилъ онъ гостя. — Вишь ко мнѣ никого не пущаютъ; даже вонъ царицыны посланцы—и тѣ со мною разговариваютъ черезъ оконную да дверную рѣшетку. Онамедни самъ царь приходилъ, да только походилъ около моея темницы, и опять пошелъ прочь. И Воротынскій бѣдной, князь Иванъ, просился же ко мнѣ въ темницу; ино не пустили горюна; я лишь въ окно глядя, поплакалъ на него [1]). А какъ ты попалъ ко мнѣ?—чѣмъ отперъ сердце недреманной стражи?

— Золотымъ ключемъ,—былъ отвѣтъ.

— А! разумѣю. — А чтò нонѣ, сынъ мой, въ Соловкахъ творится, въ обители святыхъ угодниковъ Зосимы-Савватія?—спросилъ Аввакумъ.

— Крѣпко стоятъ за двуперстіе и Никона клянутъ.

---

[1]) См. «Житіе пр. Аввакума».

У фанатика опять засверкали глаза при имени Никона.

— У! Никонишко, адовъ пёсъ!—всплеснулъ онъ руками:—ты знаешь ли, какъ онъ книги печаталъ?—«Печатай»—говоритъ—«Арсенъ, книги какъ-нибудь, лишь бы не по старому». Такъ-су и сдѣлали! О, будь они прокляты, окаянные, со всѣмъ лукавымъ замысломъ своимъ, а страждующимъ отъ нихъ вѣчная память трижды! Вить ты не знаешь, чтὸ у насъ дѣлается: за старую вѣру жгутъ и пекутъ, что барановъ. Охъ, Господи! какъ это они въ познаніе не хотятъ прійти? Слыхано ли!—огнемъ да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Хороши апостолы съ кнутами! Развѣ тѣ такъ учили? Развѣ Христосъ приказалъ имъ учить огнемъ, кнутомъ да висѣлицею? О! да чтὸ и говорить! За то много ангельскихъ вѣнцовъ роздали новые апостолы—такъ и сыплятъ вѣнцами. А я говорю: аще бы не были борцы, не бы даны были вѣнцы. Есть борцы! Нонѣ кому охота вѣнчаться мученическимъ вѣнцомъ, незачѣмъ ходить въ Персиду, либо въ Римъ къ Діоклетіану,—у насъ свой Вавилонъ!—Ну-тко, сынокъ—(обратился онъ къ Стенькѣ), нарцы имя Христово истово—Ісусъ, стань среди Москвы, перекрестись двѣми персты,—вотъ тебѣ и царство небесное, и вѣнецъ! Ну-тко, стань!..[1])

— И стану!—громовымъ голосомъ отвѣчалъ Разинъ (это былъ онъ), такъ что даже фанатикъ вздрогнулъ и попятился отъ него:—и стану среди Москвы, и крикну имя Христово.

Онъ былъ величественъ въ своемъ негодованіи и, казалось, выросъ на цѣлую голову. Аввакумъ смотрѣлъ на него въ какомъ-то умиленіи, въ экстазѣ. Онъ самъ былъ весь энергія и сила; а тутъ передъ нимъ стояла теперь какая силища!

— Слышишь, Москва! слышите, бояре! я къ вамъ приду—я вездѣ найду васъ!—Ждите меня!

Разинъ остановился—его душило негодованіе. Потомъ онъ сталъ говорить спокойнѣе.

— Я прошелъ теперь всю Русь изъ конца въ конецъ—отъ Черкаска до Соловокъ: вездѣ-то бѣднота, вездѣ-то слезы и рыданія, вездѣ голодъ. А тутъ, на Москвѣ-то! палаты, что твои храмы божьи. Да куда! богаче церквей. Не такъ залиты золотомъ и жемчугами ризы матушки Иверской, какъ ферези да кафтаны боярскіе. А колесницы въ золотѣ, а кони—тожъ въ золотѣ—сущіе фараоны! Тамъ—корки сухой нѣту, а тутъ за однимъ обѣдомъ съѣдаютъ и пропиваютъ цѣлыя селы, цѣлыя станицы. Это ли правда? Это ли побожески?

Аввакумъ стоялъ передъ нимъ какъ очарованный и все крестилъ его.

— Охъ, сыночекъ мой богоданный! Степанушко мой свѣтикъ!—шепталъ онъ со слезами на глазахъ.

---

[1]) Подлинныя слова изъ «Житія».

Они долго еще бесѣдовали, и Аввакумъ со всею пылкостью, на какую только онъ былъ способенъ, съ неудержимою страстностью своего кипучаго темперамента изобразилъ такую потрясающую картину смутнаго состоянія умовъ въ тогдашней московской Руси, что въ пылкой головѣ Разина созрѣлъ кровавый планъ—завести новые порядки на Руси, хотя бы для этого пришлось бродить по колѣна въ крови.

— Будь благонадеженъ, святой отецъ,—сказалъ онъ съ свойственною ему энергіею,—мы положимъ конецъ господству притѣснителей.

— Какъ же ты это сдѣлаешь, чадо мое богоданное?—спросилъ Аввакумъ.

— Мы начнемъ съ Дона, Яика и съ Волги: тѣхъ, что голодаютъ и плачутъ, больше, чѣмъ тѣхъ, что объѣдаются и радуются.—Всѣ голодные за мной пойдутъ, только надо дать имъ голову. А головой этой для нихъ буду я, Степанъ Тимоѳеевъ сынъ Разинъ. Жди же меня, отче святый!

— Буду ждать, буду ждать, чадо мое милое, ежели до той поры не сожгутъ меня въ срубѣ,—говорилъ фанатикъ въ умиленіи, обнимая и цѣлуя своего страшнаго гостя.

Разинъ ушелъ, а Аввакумъ долго стоялъ на колѣняхъ и молился, звеня цѣпью.

VII.

«За куклой—женихъ забытъ»!...

Миновало лѣто. Прошло и около половины зимы 1664 года, и о молодомъ, пропавшемъ безъ вѣсти, Ординѣ-Нащокинѣ уже и забывать стали. Не забывали о немъ только отецъ несчастнаго да царь Алексѣй Михайловичъ. Не могла забыть и та юная боярышня, съ которой онъ такъ грустно простился наканунѣ своего рокового отъѣзда изъ Москвы.

Это была единственная дочь боярина, князя Семена Васильевича Прозоровскаго, шестнадцатилѣтняя красавица Наталья. Хотя она и оправилась нѣсколько послѣ постигшаго ее удара и тяжкой болѣзни—молодость взяла свое; однако, она въ душѣ чувствовала, что молодая жизнь ея разбита. Куда дѣвалась ея живость, неукротимая веселость! Правда, ея похудѣвшее, томно-задумчивое личико стало еще миловиднѣе, еще прелестнѣе; но при взглядѣ на нее, всѣмъ, знавшимъ и незнавшимъ ее прежде, почему-то думалось, что это милое созданіе не отъ міра сего, что такія не живутъ среди людей и мѣсто ихъ среди ангеловъ свѣтлыхъ.

Отецъ, боготворившій ее, хотя угадывалъ сердцемъ, какое страданіе подтачиваетъ эту молодую жизнь; но онъ слишкомъ уважалъ

святость ея чувства и съ грустью молчалъ, будучи увѣренъ, что всесильная молодость все побѣдитъ, что богатства молодости такъ неисчислимы, такъ неисчерпаемы, что ихъ никакая сила, кромѣ смерти, не ограбитъ, даже не умалитъ.

Дѣвушка тоже молчала. Чувство ея и ея горе были слишкомъ святы для нея, чтобы въ эту святыню могъ заглянуть чей бы то ни было взоръ, даже взоръ отца или матери.

Однажды, за нѣсколько дней передъ Рождествомъ, отецъ, желая ее развлечь, накупилъ ей очень много подарковъ и разныхъ нарядовъ, самыхъ изящныхъ, самыхъ дорогихъ, какіе только можно было найти въ Москвѣ. Дѣвушка горячо благодарила отца, цѣловала его руки, голову, лицо, обнимала его, но тутъ же не выдержала и расплакалась, горько-горько расплакалась.

— О чемъ ты, дитятко мое ненаглядное, радость моя единая! о чемъ же?—испугался и растерялся злополучный отецъ.

— Батюшка! милый мой! родной мой!—плакала она, обливая слезами щеки растерявшагося князя.—Знаешь, мой дорогой, о чемъ я хочу просить тебя?

— О чемъ, мое дитятко золотое, солнышко мое! проси—все для тебя сдѣлаю!

— Батюшка! свѣтикъ мой! отдай меня въ монастырь.

— Въ монастырь! что̀ съ тобой, моя ягодка! мое дитя! утѣха моя!

— Да, мой родной, отдай: я хочу принять ангельскій чинъ, не жилица я на міру, я хочу быть Христовой невѣстой.

И несчастная разрыдалась пуще прежняго: слово «невѣста» точно ножомъ ее по сердцу полоснуло.

— Да Господь же съ тобой, чистая моя голубица! Господь съ тобой, сокровище мое!—утѣшалъ ее отецъ.—Обдумай свое хотѣніе—пощади и меня, старика: на кого ты оставишь меня?—съ кѣмъ я буду доживать свой вѣкъ, съ кѣмъ раздѣлю я мое одинокое старчество?—Для кого мои добра̀, мои богачества? [1]).

И онъ самъ горько заплакалъ, обхвативъ руками бѣлокурую головку дочери, какъ бы боясь, что вотъ сейчасъ-сейчасъ она уйдетъ отъ него, улетитъ на крыльяхъ ангела.

— Хоть погоди малость—поживи со мной до весны—дай мнѣ одуматься—съ государемъ переговорить: онъ же объ тебѣ спрашивалъ—ты такъ ему полюбилась—онъ часто видѣлъ тебя въ Успенскомъ, какъ ты молилась тамъ и плакала этими днями. И царевнушка Софья въ тебѣ души не чаетъ: она просила привезти тебя въ соборъ на «пещное дѣйство».—Поѣдемъ, мое золото,—а тамъ подумаемъ, потолкуемъ:—можетъ... Государь спосылаетъ гонцовъ въ Польшу... можетъ, Богъ дастъ... еще не вѣрно...

---

[1]) У него было еще два малолѣтнихъ сына отъ второй жены; но за какой-то проступокъ онъ сослалъ ее съ сыновьями въ ея вотчину.

Онъ не договорилъ, боясь, что зашелъ слишкомъ далеко. Онъ самъ хорошо понималъ, что въ довѣрчивое сердце своей любимицы онъ забрасываетъ напрасную надежду; какъ и всѣ въ Москвѣ, онъ зналъ, что молодого Ордина-Нащокина уже не воскресить; но ему во что̀ бы то ни стало хотѣлось подольше удержать дочь отъ рокового рѣшенія... «Молодо-зелено-перегоритъ, а тамъ еще свѣжѣе расцвѣтетъ», думалось ему, и онъ давалъ понять дѣвушкѣ, что онъ что̀-то знаетъ, чего-то—а чего именно, она сама догадается—онъ ждетъ, что имъ-де съ царемъ что̀-то извѣстно, а что̀— пусть сама соображаетъ. Онъ слѣпо вѣрилъ во всемогущество молодости и времени: все переживается человѣкомъ, всякія душевныя раны, даже повидимому смертельныя — исцѣляетъ время. Развѣ онъ думалъ, что переживетъ свою Аннушку, мать этой самой дѣвочки?—А пережилъ. Сколько разъ, когда она, такая молоденькая да хрупкенькая, умерла у него на рукахъ и онъ свезъ ее въ Новодѣвичій на погостъ,—сколько разъ онъ пытался наложить на себя руки! Такъ не попустилъ: не попустилъ вотъ этотъ невинный ангелочекъ, вотъ эта самая Наталенька—вся въ мать!—Наталенька, что теперь тихо плачетъ у него на плечѣ. Ее было жаль кинуть одну на бѣломъ свѣтѣ, ее, этого чистаго ангелочка,—и онъ остался жить для нея. И смертельная его рана зажила, закрылась съ годами, хоть повременамъ и саднитъ,—охъ, какъ саднитъ! Переживетъ и она свое дѣвичье великое горе, заживетъ и ея кровавая рана—заживетъ, Богъ милостивъ.

— Вотъ ужо повезу тебя, дитятко, на «пещное дѣйство»,—говорилъ онъ, лаская всхлипывавшую у него на плечѣ дѣвушку:— а тамъ съ государемъ перемолвлюсь о вѣстяхъ нѣкіихъ... кубыть, надо бы надѣяться... и Аѳанасій Лаврентьичъ (онъ зналъ, что дѣвочка понимаетъ, о комъ онъ говоритъ)—и Аѳанасій Лаврентьичъ, кубыть, повеселяе сталъ малость... Богъ милостивъ, не оставитъ...

Онъ чувствовалъ, какъ при этихъ словахъ у него на груди, подъ шитою шелками тонкою срачицею, колотилось сердце его дѣвочки.

— А развѣ послы наши воротились съ польскаго рубежа?—робко спросила она.

— Воротились, дитятко.

— И Аѳанасій Лаврентьичъ?

— И онъ, золото мое... Сказываю тебѣ—кубыть, веселяе маленечко сталъ... Вѣстимо, Богъ его, горюна, не оставитъ: добёръ ужъ зѣло человѣкъ.

Все это онъ выдумывалъ. Ничего веселаго онъ не замѣтилъ въ старикѣ Ординѣ-Нащокинѣ. Видѣлъ онъ его въ Успенскомъ соборѣ, какъ тотъ служилъ панихиду по сынѣ и плакалъ. Вотъ все, что̀ онъ замѣтилъ. Но ему нужно было во что̀ бы то ни стало удержать дочь на краю пропасти, къ которой влекло ее ея молодое чувство, ея разбитая любовь и отчаяніе.

— Все вотъ гонцовъ ждутъ изъ Польши—позамѣшкались они,—на что-то намекалъ онъ.

— А далеко, батюшка, эта Польша—Аршавъ-городъ?—спрашивала дѣвушка, переставая плакать и отирая слезы шелковою ширинкой.

— Варшава, дитятко, а не Аршавъ,—поправлялъ онъ (тогда наши боярышни въ гимназіяхъ не учились):—а далеконько-таки, правда, эта Варшава.

— И тамъ все еретички живутъ, какъ наша Маришка-безбожница?

— По нашему онѣ еретички, милая, а все жъ онѣ христіанскаго закону, токмо латынской, папежской вѣры.

— Сказываютъ—все красавицы?

— Не все красавицы, милая:—люди какъ люди.

Онъ зналъ, къ чему она гнетъ; догадывался, что у нея на сердчишкѣ копошилось; но показывалъ видъ, что ни о чемъ не догадывается.

— А какъ у нихъ, батюшка, вѣнчаются?—съ родительскаго благословенія?

— Вѣстимо, дитятко.—Гдѣ жъ это видано, чтобъ безъ родительскаго благословенія что ни на есть доброе чинилось—упаси Богъ! А который человѣкъ дѣлаетъ что безъ родительскаго благословенія, и отъ того человѣка самъ Господь отвернется.

Мало-по-малу дѣвушка успокоилась, и они рѣшили ѣхать въ Успенскій соборъ на «пещное дѣйство».

«Пещное дѣйство»—это въ древней Руси былъ особый церковный обрядъ, не сохранившійся до нашего времени. Онъ состоялъ въ томъ, что за нѣсколько дней до праздника Рождества Христова, и обыкновенно въ послѣднее воскресенье, во время заутрени, въ церкви, въ присутствіи патріарха и царя—если служба шла въ Успенскомъ соборѣ, изображалась въ лицахъ, «лицедѣйно», извѣстная библейская исторія о трехъ благочестивыхъ отрокахъ—Ананіи, Азаріи и Мисаилѣ, посаженныхъ въ горящую печь по повелѣнію халдейскаго царя за то, что отроки не хотѣли поклониться его идоламъ.

Для этого, по распоряженію соборнаго ключаря, убирали въ соборѣ большое паникадило, что надъ амвономъ, принимали и самый амвонъ, а на его мѣсто ставили «халдейскую пещь». Это былъ большой полукруглый шкафъ безъ крыши, на подмосткѣ и съ боковымъ входомъ. Стѣны «халдейской пещи» раздѣлены были, по числу отроковъ, на три части или внутреннія стойла, украшенныя рѣзьбою, позолотою и приличными «пещному дѣйству» изображеніями. Около «пещи» ставились желѣзные «шандалы» съ вставленными въ нихъ витыми свѣчами.

«Пещное дѣйство» начиналось обыкновенно съ вечерни. Это было нѣчто въ родѣ увертюры или пролога къ самому «дѣйству». Начинали благовѣстомъ въ большой колоколъ, и благовѣстъ отличался особенной торжественностью: онъ продолжался цѣлый часъ. Москва вся спѣшила на это удивительное зрѣлище, замѣнявшее ей и наши театры, и концерты, и наши оперы съ оперетками, балеты и феэріи. Шествовалъ на это зрѣлище и царь съ своимъ семействомъ и съ боярами.

Собственно дѣйствующихъ лицъ полагалось шестеро, не считая самого патріарха, сослужащаго ему духовенства, поддьяковъ или иподіаконовъ и двухъ хоровъ пѣвчихъ: это были—«отроческій учитель», три «отрока»—самые юные и красивые мальчики изъ дѣтей бѣлаго соборнаго духовенства, и два «халдея».

Когда Прозоровскіе, отецъ и дочь, пріѣхали въ соборъ и вошли въ храмъ, «пещное дѣйство» только-что начиналось. Царь и царица уже возсѣдали на державномъ мѣстѣ, а около «государя» свѣтилось дѣтскимъ любопытствомъ оживленное личико его любимицы, царевны Софьюшки. Она съ необыкновеннымъ интересомъ наблюдала за всѣмъ, что происходило въ соборѣ, все видѣла, все замѣчала, почти всѣхъ знала, и поминутно, хотя незамѣтно, дергала отца то за рукавъ, то за полу одежды, и передавала ему свои наблюденія, замѣчанія, или спрашивала о чемъ-либо.

Когда вошли Прозоровскіе, она, «непосѣда царевна», не преминула толкнуть отца. Царь замѣтилъ Прозоровскихъ, и ласково поглядѣлъ на блѣдное, задумчивое, но прелестное личико княжны. Она замѣтила, замѣтила и сочувственно остановившійся на ней взглядъ юной царевны,—и слабый румянецъ окрасилъ ея матовыя, нѣжныя щечки.

Соборъ горѣлъ тысячами огней, которые, отражаясь въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ иконъ, на лампадахъ и паникадилахъ, наконецъ—на золотыхъ и парчевыхъ ризахъ духовенства, превращали храмъ въ какое-то волшебное святилище. «Пещь», освѣщаемая громадными витыми свѣчами въ массивныхъ «шандалахъ», смотрѣла чѣмъ-то зловѣщимъ.

Вдругъ весь соборъ охватило какое-то трепетное волненіе: всѣ какъ бы вздрогнули и, оглядываясь ко входу въ трапезу, чего-то ожидали.

Это начиналось шествіе—начало «дѣйства». Это шествовалъ самъ святитель, блюститель патріаршаго престола, ростовскій митрополитъ Іона (патріархъ Никонъ, послѣ неудачной попытки, 19-го декабря, воротить свое значеніе, предавался въ этотъ часъ буйному негодованію въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ). Впереди святителя шествовали «отроки» съ зажженными свѣчами. Они были одѣты въ бѣлые стихари, и юныя, розовыя личики ихъ осѣнялись блестящими вѣнцами: что̀-то было въ высшей степени умилительное въ этихъ полудѣтскихъ вѣнчанныхъ головкахъ.

По бокамъ «отроковъ» шли «халдеи» въ своихъ «халдейскихъ одеждахъ»: они были въ шлемахъ, съ огромными трубками, въ которыя была вложена «плавучая трава», со свѣчами и пальмовыми вѣтками.

Процессія двигалась дальше по собору между двухъ сплошныхъ стѣнъ зрителей, напутствуемая тысячами горящихъ любопытствомъ, тревогой и умиленіемъ глазъ.

Князь Прозоровскій украдкой наблюдалъ за дочерью. Онъ видѣлъ, что глаза ея блестятъ, нѣжныя щечки рдѣли румянцемъ. Она была вся зрѣніе. Онъ глянулъ на державное мѣсто—на царицу, на юную царевну. И у нихъ на лицахъ такое же оживленіе и восторгъ.

«Охъ, женщины, женщины!» думалось ему: «вы—до старости дѣти: дай вамъ куклу, игрушку, дѣйство—и вы все забыли... за куклою—женихъ забытъ!..».

Святитель вошелъ въ алтарь. За нимъ вошли и «отроки», только сѣверными дверями.

Халдеи остались въ трапезѣ.

Началось пѣніе поддьяковъ, къ которому присоединились свѣжіе, звонкіе голоса «отроковъ».

VIII.

„Пещное дѣйство“ [1]).

Собственно «пещное дѣйство» совершалось уже послѣ полуночи, въ заутрени, за шесть часовъ до разсвѣта.

Внутренность собора еще ярче, чѣмъ во время вечерни, горитъ тысячами огней. Царская семья опять на державномъ мѣстѣ, но болѣе торжественно разодѣтая. Духовенство и святитель еще въ болѣе пышныхъ ризахъ.

И Прозоровскіе, князь и юная княжна, тоже на своихъ мѣстахъ. Только у послѣдней глазки немножко заплаканы: «кукла» не надолго утѣшила бѣдную. Въ молодой душѣ засѣло что-то болѣе могучее и оттѣснило собой весь остальной міръ. Она думаетъ о гонцахъ изъ Польши, о послѣднемъ весеннемъ вечерѣ, когда такъ безумно пѣлъ соловей въ кустахъ. Отецъ видитъ это и страдаетъ.

Предшествуемый «отроками» со свѣчами и «халдеями» съ пальмовыми вѣтвями, святитель опять проходитъ между стѣнами молящихся и входитъ въ алтарь. И «отроки» входятъ туда же.

---

[1]) Подробное описаніе «пещнаго дѣйства» находится въ «Древ. рос. вивліоѳ.» VI, 375 и далѣе.

Утренняя служба началась. Хоры пѣвчихъ съ особенною торжественностью и силою исполняли каноны. Соборъ гремѣлъ богатыми, могучими голосами, которые всегда такъ любила Москва.

Во время пѣнія седьмого канона, гдѣ, какъ извѣстно, упоминаются «три отрока», когда хоръ грянулъ—«Отроци богомудрія», и когда ирмосы и причеты чередовались по клиросамъ, на иконостасное возвышеніе выступилъ «отроческій учитель» и сотворилъ по три земныхъ поклона передъ мѣстными иконами.

Затѣмъ, подойдя и поклонившись святителю Іонѣ, возсѣдавшему на возвышеніи противъ «пещи» въ сонмѣ соборнаго духовенства, возгласилъ:

— Благослови, владыко, отроковъ на уреченное мѣсто предпоставити!

Святитель поблагословилъ его «по главѣ» и съ своей стороны возгласилъ:

— Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако!

«Отроки» въ это время стояли въ сторонѣ, лицомъ къ святителю и ко всему собору молящихся.

— Бѣдненькіе!—не вытерпѣла царевна Софья, вся превратившаяся въ зрѣніе.

«Учитель» отошелъ къ «отрокамъ», обвязалъ ихъ по шеямъ убрусами, и, когда святитель сдѣлалъ соотвѣтственный знакъ рукою, передалъ ихъ на жертву «халдеямъ».

«Халдеи», взявъ «отроковъ» за концы убрусовъ, повели ихъ къ «пещи»: одинъ «халдей» шелъ впереди, ведя перваго «отрока», за нимъ два остальные, держась руками другъ за друга, а другой «халдей» позади отроковъ.

Вотъ, наконецъ, «отроковъ» привели къ «пещи».

— Дѣти царевы!—гроко возгласилъ первый «халдей», указывая пальмовою вѣткой на «пещь»:—видите ли сію пещь, огнемъ горящу и вельми распалему!

— Сія пещь,—пояснялъ другой «халдей»,—уготовася вамъ на мученіе.

«Отрокъ», изображавшій собою лицо Ананіи, гордо выпрямился и сказалъ:

— Видимъ мы пещь сію, но не ужасаемся ея: есть бо Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ,—той силенъ изъяти насъ отъ пещи сія!

— И отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ!—повторилъ за нимъ второй «отрокъ», изображавшій Азарію.

— А сія пещь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе!—съ силою и твердостью заканчивалъ Мисаилъ.

— Вотъ такъ молодцы отроки!—вырвалось у царевны Софьи:—не убоялись пещи огненной.

Она сказала это такъ громко, что даже святитель Іона улыб-

нулся и многіе обернулись къ державному мѣсту. Софья сидѣла вся красная, и мать укоризненно качала ей головой.

Между тѣмъ, протодіаконъ, стоя въ царскихъ вратахъ, зажигалъ «отроческія свѣчи», а «отроки», готовясь къ мученію, безбоязненно пѣли:

«И потщимся на помощь»...

Свѣчи зажжены, пѣніе отроковъ окончено. Тогда протодіаконъ съ зажженными свѣчами направился къ святителю и вручилъ ему свѣчи.

Затѣмъ отроки поочередно подходили къ святителю и, получивъ отъ него по свѣчѣ, кланялись и цѣловали его руку.

Тогда «учитель» развязывалъ каждаго изъ «отроковъ», и святитель благословлялъ ихъ на мученіе.

Выходили затѣмъ «халдеи» и вели такой разговоръ:

— Товарищъ!

— Чего?

— Это дѣти царевы?

— Царевы.

— Нашего царя повелѣнія не слушаютъ?

— Не слушаютъ.

— А златому тѣлу не поклоняются?

— Не поклоняются.

— И мы вкинемъ ихъ въ печь?

— И начнемъ ихъ жечь!

— Ахъ, злые, гадкіе мучители!—опять вырвалось у юной царевны; но она, спохватившись, сама зажала себѣ ротъ рукой.

Тогда «халдеи» взяли подъ руки Ананію и втолкнули въ «пещь».

— А ты, Азарія, чево сталъ?—обращались они ко второму «отроку»—И тебѣ у насъ то же будетъ.

Брали затѣмъ и Азарію и также толкали въ «пещь». Потомъ и Мисаила ввергли къ братьямъ на мученіе.

Едва «отроки» ввергнуты были въ «пещь», какъ выходилъ чередной звонарь съ горномъ, наполненнымъ горящими угольями, и ставилъ его подъ пещь. Протодіаконъ же возглашалъ:

— Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ! Хвально и прославлено имя твое во вѣки!

«Отроки» повторяли за протодіакономъ этотъ стихъ, и «халдеи», ходя около печи со свѣчами, пальмовыми вѣтвями и трубками, бросали изъ трубокъ «плавучую траву» и махали пальмовыми вѣтвями, какъ бы раздувая огонь.

Въ это время протодіаконъ читалъ «пѣснь отроковъ».

— И прави путіе твои, и судьбы истины сотворилъ еси!

Чтеніе протодіакона поддьяки сопровождали пѣніемъ, которое такъ оживляло и разнообразило оригинальное «пещное дѣйство».

Прозоровскій украдкой взглянулъ въ это время на дочь, и увидѣлъ, что его «дѣвочка опять нашла свою куклу». Это его успокоило.

— Ты не притомилась, дѣвынька?—шепнулъ онъ ей.

— Нѣтъ, батюшка,—таково хорошо дѣйство!—былъ отвѣтъ и ласковый взглядъ ясныхъ глазъ.

Между тѣмъ, протодіаконъ возглашалъ:

— И распаляшеся пламень надъ пещію!

А отроки какъ бы подкрѣпляли его возглашеніе:

— Яже обрѣте о пещи халдейстѣй!

Въ это время выступалъ изъ сонма духовенства соборный ключарь и подходилъ къ священнику подъ благословеніе!

— Благослови, отче, ангела спущати въ пещь.

Священникъ благословлялъ его, а діаконы брали у «халдеевъ» трубки съ «плавучею травою» и огнемъ. Протодіаконъ же громогласно возглашалъ:

— Ангелъ же Господень сниде купно со Азаріиною чадію въ пещь, яко духъ хладенъ и шумящъ!

Въ этотъ моментъ сверху появляется ангелъ съ крыльями, со свѣчою въ рукѣ, и съ громомъ спускается въ «пещь».

При видѣ съ громомъ спускающагося ангела, «халдеи», которые очень высоко держали пальмовыя вѣтки, разомъ попадали, а дьяконы опаляли ихъ свѣчами.

Но скоро «халдеи» опомнились отъ ужаса, но еще боялись подняться.

— Товарищъ!—заговорилъ первый «халдей».

— Чево?—спросилъ второй.

— Видишь?

— Вижу.

— Было три, а стало четыре...

— Грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобися Сыну Божію.

«Отроки» же между тѣмъ ухватились за ангела—два за крылья, а одинъ за лѣвую, конечно, босую ногу. Затѣмъ ангелъ сталъ подниматься вверхъ вмѣстѣ съ отроками, а потомъ сбрасывалъ ихъ въ „пещь» обратно.

Протодіаконъ снова читалъ «пѣснь отроковъ»; отроки тоже опять пѣли въ «пещи», имъ вторили дьяки праваго, потомъ лѣваго клироса.

«Халдеи» между тѣмъ поднялись съ полу, зажгли свои свѣчи и стояли уничтоженные, съ поникшими головами. Они были посрамлены.

А съ клиросовъ неслось стройное пѣніе... «благословите тріе отроцы!»

Ангелъ снова спускался въ пещь «съ громомъ и трясеніемъ», а «халдеи» въ ужасѣ падали на колѣни.

Наконецъ, ангелъ совсѣмъ улеталъ и тогда «халдеи», ободрен-

ные этимъ, подходили къ «пещи», отворяли ее, въ удивленіи стояли безъ шлемовъ, давно валявшихся на полу, и вели такой разговоръ:

— Ананія! гряди вонъ изъ пещи!

— Чего сталъ?—говорилъ второй «халдей».

— Поворачивайся!—не иметъ васъ ни огонь, ни солома, ни смола, ни сѣра.

— Мы чаяли—васъ сожгли, а мы сами сгорѣли!

Тогда «халдеи» сами брали «отроковъ» подъ руки, выводили изъ пещи одного за другимъ, снова надѣвали на себя шлемы, брали въ руки свои трубки съ «плавучею травой» и огнемъ и становились по обѣ стороны отроковъ.

Затѣмъ протодіаконъ возглашалъ многолѣтіе царю, всему царствующему дому и властямъ.

Послѣ славословія протодіаконъ вмѣстѣ съ «отроками» входилъ въ «пещь» и читалъ тамъ евангеліе.

Такъ кончалось «пещное дѣйство».

Прозоровскіе возвращались домой, когда было еще совсѣмъ темно. Свѣтъ отъ факеловъ и фонарей, сопровождавшихъ кареты и пѣшеходовъ, возвращавшихся изъ собора по домамъ, освѣщалъ иногда внутренность кареты Прозоровскихъ и блѣдное личико княжны. Она сидѣла съ закрытыми глазами, и отецъ думалъ, что она, утомленная продолжительной службой, дремлетъ.

— Батюшка!—вдругъ произнесла она:—ты такъ и не говорилъ съ государемъ.

Онъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Нѣту, дитятко, отвѣчалъ онъ:—когда же было?—дѣйство шло... Вотъ ужò—на смотру.

Дѣвушка опять закрыла глаза. Факелы опять повременамъ освѣщали ея блѣдное, грустное личико.

«Оо-хо-хо»! думалось Прозоровскому:—«дѣвочка опять потеряла куклу».

— А смотръ государевъ рано будетъ?—снова услыхалъ онъ вопросъ.

— Рано, ласточка,—ты еще почивать будешь.

«Нѣтъ, тутъ не куклой пахнетъ... Оо-хо-хо!»

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

ТНОСИТЕЛЬНО И. С. Тургенева до сихъ поръ существуютъ нѣсколько разныхъ и весьма противурѣчивыхъ мнѣній: одни считаютъ его чуть не консерваторомъ, другіе, наоборотъ, чуть не краснымъ; одни видятъ въ немъ человѣка безъ опредѣленныхъ убѣжденій, но въ высшей степени честолюбиваго, который въ угоду честолюбію приносилъ рѣшительно все, и, смотря по времени и обстоятельствамъ, являлся то въ одномъ видѣ, то въ другомъ, шелъ то по теченію, то противъ теченія, какъ было выгоднѣе,— не въ смыслѣ какихъ-либо матеріальныхъ расчетовъ, а для литературной извѣстности и популярности; другіе, напротивъ, считаютъ его человѣкомъ убѣжденнымъ, который никогда не измѣнялъ убѣжденіямъ и всегда оставался вѣренъ идеаламъ сороковыхъ годовъ, съ которыми выступилъ на литературное поприще, идеаламъ, хотя нѣсколько общимъ и неопредѣленнымъ, но несомнѣнно очень свѣтлымъ и возвышеннымъ. Одни говорятъ, что дѣло не въ свѣтозарности идеаловъ, а въ томъ, что когда наступило время ихъ осуществленія, то Тургеневъ двоился, былъ непослѣдователенъ или неискрененъ: относясь, напр., отрицательно къ крѣпостному праву, своихъ крестьянъ, однако, на волю не отпускалъ, подобно нѣкоторымъ помѣщикамъ, а пользовался ихъ трудомъ до самой эмансипаціи; а другіе имъ на это отвѣчаютъ, что прилагать такую строгую мѣрку къ нему нельзя и что одно то уже, что онъ такъ долго держалъ знамя свободы и просвѣщенія въ рукахъ, есть уже большая

заслуга съ его стороны, и т. д. и т. д. Литературныя его отношенія и положеніе также полны недоразумѣній: то онъ тяготѣетъ къ «Современнику», то появляется въ «Русск. Вѣстникѣ», когда послѣдній принялъ уже иное направленіе, чѣмъ вначалѣ; то либеральная критика недовольна имъ и говоритъ, что онъ поетъ въ унисонъ реакціи и обскурантизму, то Катковъ не одобряетъ его за излишній либерализмъ. И все это какъ-то переплетается съ чисто личными его недоразумѣніями съ разными лицами. На самыхъ похоронахъ Тургенева намъ пришлось слышать нѣсколько такихъ противуположныхъ мнѣній: одни говорили о немъ какъ о человѣкѣ очень умѣренномъ, даже именно какъ о плохо понятомъ консерваторѣ, допускавшемъ одинъ только прогрессъ—постепенный, одну только—медленную эволюцію; а крайняя фракція, какъ бы въ отвѣтъ на это, раздавала листокъ, въ которомъ urbi et orbi говорилось: «онъ нашъ, а не вашъ». Появившіяся послѣ смерти воспоминанія немного прибавили къ выясненію его личности: одни изъ этихъ воспоминаній, при всей симпатіи къ покойному, оставляли что-то какъ бы недоговореннымъ; другія прямо накладывали на него неблагопріятную тѣнь (печатавшіяся въ «Русскомъ Вѣстникѣ»); третьи представляли его какимъ-то не то легкомысленнымъ, не то двусмысленнымъ. Вообще, неблагопріятныхъ и сомнительныхъ мнѣній о Тургеневѣ гораздо больше, чѣмъ благопріятныхъ, и въ то же время на его долю выпала рѣдкая популярность не только послѣ смерти, какъ это по большей части бываетъ, но и при жизни еще. Въ послѣдніе годы и во время болѣзни ему приходилось видѣть очень много общественнаго вниманія, уваженія и почета: ему дѣлали оваціи, посылали сочувственные адресы и письма, дамы цѣловали руки. А похороны его были положительно небывалыми на Руси похоронами, по многолюдству и одушевленію.

Лично меня подобная противуположность взглядовъ и отношеній къ Тургеневу нисколько не удивляетъ: таковъ ужъ удѣлъ всѣхъ крупныхъ и сложныхъ натуръ. А натура у него была несомнѣнно очень сложная. Баринъ по рожденію и привычкамъ, онъ имѣлъ настолько больше умственныхъ и вообще духовныхъ потребностей, что не могъ жить жизнью русскаго барства. И вотъ, онъ повернулся къ нему спиною и жилъ за границей. Его влекло туда не только нѣжное и постоянное чувство къ женщинѣ, навѣстившей его въ тяжелую для него минуту, (когда онъ жилъ поневолѣ у себя въ деревнѣ), но и свобода: ему тамъ вольнѣе дышалось. Жилъ онъ за границею, но въ то же время всѣ его лучшіе помыслы были въ Россіи, о ней онъ говорилъ, думалъ, и ей посвящалъ все свое творчество, т. е. всю или почти всю внутреннюю жизнь. Онъ настолько зналъ европейскую жизнь и располагалъ настолько крупнымъ талантомъ, что могъ бы занять видное

мѣсто и въ европейской литературѣ, беря сюжеты для произведеній изъ тамошняго быта, но онъ не могъ этого дѣлать, потому-что любилъ родину. Самое бо̀льшое, на что̀ онъ рѣшался, это придавать нѣкоторымъ своимъ фигурамъ общечеловѣческій характеръ, расширять ихъ или придавать имъ нѣсколько европейскаго изящества, но въ то же время они оставались русскими. Любилъ родину, но въ то же время не принималъ прямого, непосредственнаго участія въ ея нуждахъ и судьбахъ, какъ сдѣлалъ бы человѣкъ, которому она дороже собственнаго спокойствія. Становился совсѣмъ европейцемъ и въ то же время оставался русскимъ бариномъ, со всѣми слабыми сторонами нашего барства, и никакъ не могъ совлечь съ себя этого первичнаго, точно прирожденнаго и насквозь его пропитавшаго культа. Тяготѣлъ къ лучшимъ литературнымъ стремленіямъ и въ то же время не принадлежалъ близко ни къ одному изъ литературныхъ кружковъ, а держался какъ-то особнякомъ и не стѣснялся дурными отзывами о людяхъ [1]). Держался особнякомъ, но въ то же время имѣлъ настолько общественнаго чувства и мужества, чтобы въ Москвѣ, на Пушкинскомъ празднествѣ, не принять протянутую Катковымъ руку примиренія: въ то время, какъ нѣкоторые все забыли и радостно хватали эту всесильную руку, онъ помнилъ, сколько эта рука написала противъ литературной свободы, и оставилъ ее въ воздухѣ.

Я далекъ отъ намѣренія выяснить вполнѣ личность и характеръ Тургенева: я не зналъ его настолько. Хотя характеръ его мнѣ и кажется понятнымъ, но я не рѣшусь утверждать, что не ошибаюсь. Покойный М. Е. Салтыковъ однажды въ разговорѣ утверждалъ, что я вижу Тургенева только съ показной стороны. Съ обычною своею прямотою и суровостью онъ говорилъ: «онъ передъ вами, кикъ павлинъ, распускаетъ хвостъ, а вы любуетесь, и это ему пріятно; а потомъ самъ же будетъ разсказывать, что за нимъ ухаживаютъ, и опять получитъ при этомъ удовольствіе». Насколько Салтыковъ былъ правъ,—не знаю, только я, дѣйствительно, видѣлъ Тургенева лишь съ хорошей стороны, и сторона эта мнѣ казалась не совсѣмъ показною. Салтыковъ, этотъ прямой, нервный, искренній и не любившій никакихъ компромиссовъ человѣкъ, человѣкъ весь отдавшійся литературѣ и видѣвшій въ ней чуть ли не самое высшее призваніе на землѣ, былъ очень часто слишкомъ строгъ къ людямъ и имѣлъ на это неоспоримое право; но право это было чисто личнымъ его правомъ, его да развѣ еще весьма

[1]) Напримѣръ о Некрасовѣ, который, какъ сейчасъ помню, незадолго передъ смертью вотъ что говорилъ: «Право, я никогда не любилъ денегъ, а скорѣе боялся ихъ. Потому и берегъ. Это Тургеневъ меня ославилъ какимъ-то сребролюбцемъ. Онъ постоянно швырялъ деньги. Ему можно было швырять, а мнѣ нѣтъ. Получитъ изъ деревни, разбросаетъ въ нѣсколько дней все и пріѣдетъ ко мнѣ за деньгами, а не дашь—сердится».

немногихъ столь же цѣльныхъ людей, а большинство не можетъ такъ смотрѣть на Тургенева. Тѣмъ болѣе не имѣетъ права смотрѣть на него такъ наше общество, которое обязано ему очень многимъ, которое само не имѣетъ даже сотой доли его заслугъ и имѣетъ неизмѣримо больше всякихъ изъяновъ и пороковъ. Хорошія его стороны не поглощались дурными и не были только костюмами, которые онъ мѣнялъ, а гораздо глубже коренились въ его душѣ. Если онъ не шелъ наравнѣ съ другими передовыми людьми въ оцѣнкѣ происходившихъ явленій и дальнѣйшемъ логическомъ развитіи идей, то не потому, что не хотѣлъ, а потому что не могъ, вслѣдствіе душевнаго процесса; то онъ сомнѣвался въ вѣрности и цѣлесообразности дальнѣйшаго шага, то не находилъ въ себѣ внутренняго ему соотвѣтствія, то его просто что-нибудь шокировало, какъ эстетика и барина, хотя бы это была иногда даже какая-нибудь частность. Натуры колеблющіяся, нерѣшительныя, сомнѣвающіяся, были любимыми натурами Тургенева, на изображеніе которыхъ онъ клалъ все свое мастерство, надѣляя ихъ чертами личнаго своего характера. Это вовсе неслабыя натуры, вовсе не тряпки, какъ нѣкоторые думаютъ, а напротивъ натуры даровитыя, которымъ не достаетъ только внутренняго или внѣшняго равновѣсія для надлежащей дѣятельности. За то онѣ смотрятъ дальше; я не говорю видятъ, но нѣкоторыя и видятъ. Тургеневъ самъ отдавалъ предпочтеніе людямъ дѣйствія, но любилъ не Донъ-Кихотовъ, а Гамлетовъ. По природѣ, самъ онъ былъ несомнѣннымъ Гамлетомъ, но довольствоваться такимъ жребіемъ не могъ и его постоянно тянуло въ первые ряды жизни, не къ какой-либо обыденной и тѣмъ болѣе мелкой практической дѣятельности, а къ такой, которая соотвѣтствуетъ первымъ рядамъ и большимъ внутреннимъ силамъ. Но при первыхъ же практическихъ шагахъ въ немъ начиналась рефлексія и просыпался Гамлетъ. Тургеневъ съ его слабостями, а можетъ быть больше всего благодаря имъ, былъ гораздо ближе къ обществу, чѣмъ другіе вожди. Онъ настолько былъ органически связанъ съ обществомъ, что собственно говоря не могъ слишкомъ далеко заходить впередъ, ходить безъ оглядки, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ, а постоянно оглядывался и соображался съ тѣмъ, что дѣлается назади; но въ то же время и такъ же постоянно его тянуло впередъ и впередъ, если не дѣйствовать, то смотрѣть. Такіе люди систематически дѣйствовать не могутъ, а либо остаются на житейской аренѣ вмѣстѣ съ большинствомъ общества пассивными зрителями, либо дѣйствуютъ и догоняютъ другихъ порывами; догоняютъ, а иногда и перегоняютъ; часто проигрываютъ, а иногда и оказываются совершенно неожиданно господами положенія. Я не знаю, думалъ ли когда-нибудь Тургеневъ о руководящемъ положеніи, стремился ли когда-нибудь серьезно руководить общественнымъ мнѣніемъ, одинъ или вмѣстѣ съ другими, но

что онъ принималъ близко къ сердцу общественные и литературные вопросы и интересы,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. И очень возможно, что если бы къ нему болѣе заботливо и снисходительно относились люди, которыхъ онъ цѣнилъ и уважалъ, то роль его въ литературѣ могла бы быть иною, менѣе обособленною и болѣе плодотворною. Нельзя, конечно, въ этомъ никого винить, потому-что странно было бы приспособлять цѣлую литературу къ одному человѣку или требовать къ нему бо̀льшей внимательности, чѣмъ самъ онъ личными отношеніями заслуживалъ. Поджидать размышляющихъ въ житейской борьбѣ такъ же трудно, какъ и собирать отсталыхъ. Но мы никого и не винимъ, а только хотимъ сказать, что такія сложныя натуры руководятся и очень сложными душевными процессами, которые не легко поддаются опредѣленіямъ. Онѣ никогда почти не возбуждаютъ такихъ глубокихъ и искреннихъ симпатій, какъ натуры цѣльныя, но тѣмъ не менѣе всегда представляютъ глубокій интересъ. Выясненіе характера Тургенева можетъ быть чрезвычайно интересною темою для психолога. Каждая новая черта, каждый лишній штрихъ, могутъ пригодиться и не должны пропадать. Вотъ поэтому мнѣ и думается, что и мое непродолжительное знакомство съ нимъ и особенно то, что онъ говорилъ относительно литературы, представляетъ нѣкоторый интересъ и можетъ служить для его характеристики.

Знакомство мое съ Иваномъ Сергѣевичемъ началось въ 1879 году: по указанію одного общаго нашего знакомаго, онъ прислалъ мнѣ изъ-за границы двѣ рукописи проживавшихъ тамъ русскихъ, съ которыми тѣ къ нему обратились, для пристройства ихъ въ петербургскіе журналы. Подобныя обращенія къ Тургеневу были очень часты: одни просили у него совѣта, другіе рекомендаціи, третьи просто интересовались его мнѣніемъ. Я знаю случаи, когда ему посылались за-границу рукописи даже изъ Россіи. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ посылалъ прямо въ редакціи, а другія черезъ знакомыхъ, поручая имъ позаботиться объ ихъ судьбѣ и куда-нибудь пристроить; но и въ первомъ случаѣ онъ нерѣдко просилъ кого-нибудь узнавать о рукописяхъ, будутъ онѣ напечатаны или нѣтъ, и если нѣтъ, то передать ихъ въ какую-нибудь другую редакцію, и т. п. Потомъ еще раза два или три онъ обращался ко мнѣ съ подобными же порученіями, какъ лично, такъ и черезъ А. В. Топорова. Въ то время я былъ постояннымъ сотрудникомъ одного петербургскаго журнала и имѣлъ знакомства въ другихъ редакціяхъ, такъ что подобныя порученія меня нисколько не обременяли и не удивляли,—съ ними постоянно всѣ и ко всѣмъ обращались,—но вотъ что̀ меня удивило, или лучше сказать порадовало: мы, нѣсколько человѣкъ пріятелей и я въ томъ числѣ, мечтали о новомъ журналѣ, который издавался бы на нѣсколько иныхъ

основаніяхъ и преслѣдовалъ бы нѣсколько иныя цѣли, и Тургеневъ, узнавъ объ этомъ, выражалъ намъ сочувствіе и пожелалъ со всѣми нами познакомиться. Его вообще интересовали молодые и новые писатели, что̀ они представляютъ собою и что̀ несутъ въ жизнь, а можетъ быть отчасти и какъ къ нему относятся, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ категорически отказывались отъ знакомства съ нимъ, не смотря на неоднократно высказанное имъ желаніе и попытки ихъ увидѣть. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь (1879—81 годы), онъ не пользовался особымъ расположеніемъ въ тѣхъ кружкахъ, къ которымъ я принадлежалъ: на него были недовольны за его «Дымъ» и «Новь», а нѣкоторые не забыли еще и «Отцевъ и дѣтей», но главнымъ образомъ недовольны были «Новью». Я и тогда раздѣлялъ и въ значительной степени и до сихъ поръ раздѣляю это недовольство, но недовольство мое не переходило въ нетерпимость и безапелляціонное обвиненіе: я просто находилъ, что онъ гораздо лучше сдѣлалъ бы, еслибы совсѣмъ не писалъ этого неблестящаго и въ литературномъ отношеніи романа, но ни на одну минуту не ставилъ «Нови» на одну доску съ «Бѣсами» Достоевскаго, какъ нѣкоторые дѣлали. Тамъ я видѣлъ озлобленіе, прежде и больше всего озлобленіе, а тутъ находилъ нѣчто примиряющее, нѣчто происходящее совсѣмъ изъ иного источника: порою недоразумѣніе и недостаточное знакомство съ молодежью (а не предумышленность), порою скорбь и досаду, (а не нетерпимость и злобу), а порою несомнѣнно и добрыя стремленія и желанія, словомъ, нѣчто отъ доброты. Все это какъ-то само собою чувствовалось между строкъ. Чувствовалась доброта и въ письмахъ, въ которыхъ Тургеневъ писалъ о рукописяхъ. Писемъ этихъ было у меня немного: два или три изъ нихъ (разрѣзавъ на части, такъ какъ желающихъ было больше) я роздалъ въ 1883 году, послѣ Тургеневскихъ похоронъ, знакомымъ, желающимъ имѣть его автографъ, а одно, оставленное себѣ на память, къ сожалѣнію, утерялъ или по ошибкѣ уничтожилъ. Письма эти, впрочемъ, не заключали въ себѣ ничего особеннаго: это были краткія, дѣловыя письма, въ которыхъ онъ или просто излагалъ, что̀ именно желательно авторамъ, или рекомендовалъ ихъ статьи, но и тутъ, говорю я, сказывалась душевность и сочувствіе къ бѣдственному положенію авторовъ: «постарайтесь пожалуйста пристроить, потому что авторъ нуждается», «сдѣлайте что̀ можно, авторъ бѣдствуетъ» и т. п. Мало того, можно было видѣть, что Тургеневъ сочувствуетъ въ статьяхъ, дѣйствительно, хорошимъ мыслямъ, хотя въ литературномъ отношеніи рекомендаціи его далеко не всегда были удачны и не соотвѣтствовали дѣйствительному достоинству статей. Все это какъ-то невольно располагало къ нему и укрѣпляло во взглядѣ на [него, который потомъ такъ хорошо высказалъ и Н. К. Михайловскій. Совершенно независимо отъ

меня и въ другое время онъ почувствовалъ относительно Тургенева то же самое, что и я. Собравъ мысленно всѣхъ дѣйстующихъ лицъ его произведеній къ его гробу, онъ показалъ, что они могутъ простить ему тѣ обиды, какія онъ нѣкоторымъ изъ нихъ причинилъ, какъ потому, что въ обидахъ этихъ не было для нихъ безчестья, а съ его стороны злонамѣренности, такъ и потому, что «слишкомъ много обязано русское общество этому человѣку», и это тѣмъ болѣе, что человѣкъ этотъ никогда не былъ Савломъ, никогда не былъ въ рядахъ гонителей истины и гасителей свѣта, а если ему и случалось впадать въ ошибки, порождать недоразумѣнія и обнаруживать личныя слабости, могшія быть тому или другому досадными и непріятными, то все это «не должно и просто не можетъ заслонять собою его громадныхъ заслугъ» [1]).

Журналъ, о которомъ мы мечтали и о которомъ мнѣ пришлось потомъ не разъ говорить съ Тургеневымъ, долженъ былъ издаваться и вестись кружкомъ, артелью, а помѣщаться въ немъ должны были статьи преимущественно начинающихъ писателей. Старые таланты старѣлись, а молодые на смѣну не являлись. Это съ одной стороны, а, съ другой, у насъ въ литературѣ всегда былъ избытокъ пишущей братіи, не находившій мѣста въ существующихъ органахъ печати, избытокъ не слишкомъ яркихъ или невыработавшихся еще дарованій, но дарованій отличавшихся честнымъ направленіемъ, такъ что голосъ ихъ, помимо всего прочаго, былъ бы не безполезнымъ голосомъ. Это въ большинствѣ случаевъ были неисправимые идеалисты, для которыхъ литература была чѣмъ-то въ родѣ святая святыхъ. Люди менѣе разборчивые въ нравственномъ отношеніи и менѣе привязанные къ литературѣ, потерпѣвъ неудачу, скоро переходили на другія поприща и пристроивались на какіе-нибудь мѣста: шли въ чиновники, поступали въ банки, на желѣзныя дороги, и т. п.; а эти терпѣли массу лишеній и все-таки оставались писателями. Литература была для нихъ настоящею могилою и тяжелымъ крестомъ. Въ этомъ отношеніи у насъ всегда дѣло стояло довольно нераціонально: вмѣсто того, чтобы дать приложеніе этимъ силамъ и образовать для нихъ одно-два новыхъ изданія, наши журналы и газеты относились къ нимъ очень равнодушно и небрежно.

Въ общемъ итогѣ получался изъ этого для литературы не выигрышъ, а проигрышъ. Начинающіе писатели также встрѣчали чаще чисто формальныя отношенія къ себѣ, чѣмъ внимательность и поддержку, и, испытавъ разъ-другой неудачу, не рѣдко бросали писать. Чѣмъ конфузливѣе и робче былъ человѣкъ, тѣмъ скорѣе это происходило. Нѣкоторые изъ старыхъ писателей отлично это понимали, зная, какой деликатный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мучи-

---

[1]) Томъ VI, стр. 157—8.

тельный вопросъ представляетъ первый литературный опытъ, и старались, насколько могли, поддерживать и ободрять подававшихъ надежды и не обезкураживать неудачниковъ; но такихъ писателей было не много, большинство было не таково: оказывалась статья неумѣло написанной или неподходящей, ее возвращали по большей части безъ объясненій, или ссылались для формы на какія-нибудь причины, лишь бы только избѣжать объясненій по существу; газеты сплошь и рядомъ совсѣмъ не возвращали не принятыхъ рукописей, а недѣльныя изданія даже издѣвались въ своихъ «почтовыхъ ящикахъ» надъ злополучными авторами забракованныхъ статей. Послѣднее продолжается и до сихъ поръ. Попасть начинающему писателю въ число постоянныхъ сотрудниковъ какого-нибудь изданія было дѣломъ не легкимъ: для этого надо было или отличаться выдающимся талантомъ, или доказать умѣнье работать и долгое время ждать, или, какъ это не странно, имѣть связи, знакомства и протекцію. Каждое изданіе велось обыкновенно единолично или постояннымъ составомъ близкихъ и хорошо знавшихъ другъ друга людей. Иначе, конечно, и не могло быть. Благодаря этому, изданія во многомъ выигрывали, но за то, если дѣло было не въ рукахъ живыхъ, отзывчивыхъ и никогда не старѣвшихся умственно людей, то превращалось въ нѣчто замкнутое, педантическое, однообразное, въ какія-то литературныя канцеляріи. Конечно, относительно отзывчивости главную роль играли цензурныя условія,—литературныя канцеляріи всегда переживали органы съ болѣе отзывчивыми нервами и теплою кровью,—но намъ казалось, что и въ этихъ предѣлахъ можно быть живѣе. Видя, что жизнь ставитъ новыя требованія, что нарождаются новые вопросы, что молодежь ждетъ отвѣтовъ и разъясненій, что во многомъ надо разобраться, намъ хотѣлось отвѣчать и отвѣчать на все это. Единоличный порядокъ, особенно когда на первый планъ выступали издательскіе интересы и соображенія, былъ еще хуже. Затѣмъ, и положеніе многихъ постоянныхъ сотрудниковъ было неправильно: они должны были изо дня въ день или изъ мѣсяца въ мѣсяцъ работать для существованія, писать не тогда, когда хочется, а къ извѣстному дню и часу, и не то, что̀ хочется, а что̀ ближе, словомъ были въ положеніи поденщиковъ (въ газетахъ) и штучниковъ (въ журналахъ). Все это, какъ понятно, отзывалось на достоинствѣ работъ и не могло дать увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Гораздо лучше было обезпечить людямъ minimum ихъ текущихъ издержекъ, въ предѣлахъ ихъ годового или полугодоваго заработка, вмѣсто того чтобы заставлять постоянно торопиться, черезъ силу работать или просить у издателей авансовъ и кредита. Положимъ, что рѣдкія изданія отказывали къ этомъ постояннымъ сотрудникамъ, но кланяться все-таки было непріятно, тѣмъ болѣе часто, какъ это приходилось нѣкоторымъ. Наконецъ, издатель всегда могъ сказать, что сотрудникъ ему больше не нуженъ.

Вотъ все это мы и мечтали измѣнить: сохраняя все хорошее изъ стараго, вмѣстѣ съ тѣмъ внести въ дѣло нѣчто новое. Мечты наши долго не осуществлялись: то не находилось подходящаго изданія, то попытки получить разрѣшеніе на новое—не удавались, то не было денегъ, и т. п. Наконецъ, судьба намъ улыбнулась,—довольно, впрочемъ, кислою улыбкою,—мы пріобрѣли маленькій, подцензурный журнальчикъ—«Русское Богатство». Передъ этимъ онъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пріостанавливался и вновь возникалъ, утрачивая все больше и больше подписчиковъ, и въ послѣднее время, какъ говорится, просто валялся на литературныхъ задворкахъ. Онъ не выходилъ, но право на изданіе еще сохранялось. Это была настоящая утлая, дырявая ладья, въ которой и предстояло совершить трудное плаваніе и произвести всѣ тѣ преобразованія, о которыхъ мы мечтали. Положеніе вещей было такое: не было подписки и денегъ; не было ни у кого практическаго умѣнья вести дѣло и ладить съ цензурою; приходилось работать даромъ, а для многихъ это было не только трудно, но даже невозможно; были хорошія имена, но не имена литературныхъ корифеевъ, которые обезпечиваютъ успѣхъ изданію, да и тѣ имена, которыя были, не всецѣло принадлежали журналу, потому что должны были участвовать въ другихъ изданіяхъ, гдѣ приходилось работать. Надо отдать справедливость, что большинство хорошихъ писателей намъ сочувствовало, хотя нѣкоторые и посмѣивались, говоря, что ничего у насъ не выйдетъ. Предпріятіе, дѣйствительно, было довольно смѣлымъ, чтобы не сказать больше. Какъ разъ въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ Тургеневъ, и у нѣкоторыхъ изъ насъ явилась мысль заручиться и его именемъ и попросить у него какой-нибудь разсказъ или статейку для журнала. Другіе были противъ этого, говоря, что «не стоитъ кланяться» и даже «связываться съ нимъ»; но большинство думало не такъ, указывая именно на то, что онъ самъ высказываетъ намъ сочувствіе, и тѣмъ болѣе что коммерческихъ выгодъ съ журналомъ у насъ не соединялось, а прежде всего было желательно создать хорошее дѣло. Если мы и разсчитывали работать въ журналѣ и имѣть впослѣдствіи правильный заработокъ, то издательскихъ интересовъ ни у кого въ виду не было, такъ какъ всю чистую прибыль, какая могла бы получаться, предполагалось употреблять, съ одной стороны, на увеличеніе, улучшеніе и удешевленіе журнала, а, съ другой, на общее повышеніе литературнаго гонорара и типографскаго труда, не исключая и постороннихъ сотрудниковъ. При такихъ условіяхъ не такъ стыдно было обратиться къ Тургеневу. Затрудняло насъ только одно, какой предложить ему гонораръ: такой, какой онъ получалъ изъ другихъ редакцій, былъ для насъ обременителенъ, а установившійся для обыкновенныхъ статей—черезчуръ малъ; одни говорили, что ника-

кихъ исключеній дѣлать не слѣдуетъ, другіе, напротивъ, что не слѣдуетъ срамиться и надо лучше занять денегъ, чтобы заплатить ему не меньше другихъ, третьи предлагали, чтобы онъ самъ назначилъ плату. Но такъ какъ до вопроса о гонорарѣ дѣло не дошло, то объ этомъ можно и не говорить. А Тургеневъ между тѣмъ съ своей стороны опять выражалъ сочувствіе нашему предпріятію и между прочимъ высказалъ Г. И. Успенскому, котораго раньше зналъ, желаніе познакомиться съ нами. Были не желавшіе и этого, и когда зашла рѣчь, гдѣ назначить мѣсто для свиданія—въ редакціи или у кого-нибудь на частной квартирѣ, то одни стояли за редакцію, на томъ основаніи, что если онъ самъ хочетъ знакомиться, то пусть въ редакцію или къ каждому особо съ визитомъ и приходитъ, а другіе, напротивъ, стояли за частную квартиру. Въ концѣ концовъ остановились на квартирѣ Г. И. Успенскаго. Въ назначенный вечеръ собрались мы, и пріѣхалъ Тургеневъ. Первое впечатлѣніе, какое онъ на меня произвелъ, было слѣдующее: «какой онъ большой (высокій), а мы какіе маленькіе». Перезнакомившись со всѣми, Тургеневъ сѣлъ и сейчасъ же овладѣлъ разговоромъ. Говорилъ онъ прекрасно, просто и образно, слегка пришамкивая по-стариковски.

— «Сейчасъ я со Скобелевымъ обѣдалъ,—сказалъ онъ.—Вотъ красная дѣвушка: поминутно краснѣетъ, скажетъ слово и покраснѣетъ. И не подумаешь, что такой храбрый».

Потомъ разсказалъ, что они говорили со Скобелевымъ, перешелъ къ нашей политикѣ по Восточному вопросу, къ тому, какъ смотрятъ на эту политику въ Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, и т. д. Рѣчь лилась почти безостановочно, а мы слушали, попивая чай. Впрочемъ, не всѣ молчали: кто предлагалъ вопросъ, кто вставлялъ замѣчаніе, а одинъ вступилъ даже въ продолжительный разговоръ. Это были двѣ полныя противуположности: одинъ—старикъ, другой—юноша, совсѣмъ почти мальчикъ; тотъ сѣдой и высокій, этотъ черный, какъ жукъ, и маленькій; тотъ художникъ, этотъ экономистъ, т. е. сама проза и цифра. Тургеневъ съ большимъ вниманіемъ вслушивался въ то, что онъ говорилъ, и, повидимому, слушалъ его съ удовольствіемъ. Скоро разговоръ перешелъ на разные внутренніе вопросы: на народъ, экономическое его положеніе, земельное устройство, возростаніе кулачества и проч.

— Вотъ явленіе, — сказалъ Тургеневъ относительно кулачества,—съ которымъ просто необходимо считаться и не оставлять его безъ вниманія. Скоро не будетъ, кажется, деревни безъ кулака. Плодятся они положительно какъ грибы и чортъ знаетъ что̀ дѣлаютъ. Это какіе-то разбойники. Я думаю написать разсказъ объ одномъ такомъ артистѣ, который такъ и назову—«Всемогущій Житкинъ». Это, видите ли, сосѣдъ бывшихъ нашихъ крестьянъ. Онъ не только всячески ихъ эксплуатируетъ, не только беретъ съ

нихъ разные поборы и чуть ли не каждый день загоняетъ ихъ скотъ и беретъ штрафы, но захватываетъ даже у нихъ землю, переноситъ межи и переставляетъ столбы. Представьте, какую штуку выкинулъ: жаловались мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ крестьяне, что онъ у нихъ землю захватилъ. Я сказалъ имъ: захватилъ, такъ жалуйтесь суду.—«Да жаловаться-то, говорятъ, нельзя; ужъ жаловались, да ничего не выходитъ, потому что по плану-то по его выходитъ. А на самомъ-то дѣлѣ по нашему должно быть». Что, думаю, за чепуха такая? Послалъ въ контору, велѣлъ принести планъ, поѣхалъ съ нимъ на мѣсто и увидѣлъ, что все какъ слѣдуетъ, т. е. границы въ натурѣ совпадаютъ съ планомъ. Очевидно крестьяне не правы. Такъ и сказалъ имъ. А они между тѣмъ все свое твердятъ и каждый годъ мнѣ повторяютъ одно и тоже: захватилъ да захватилъ. Ну, думаю, это обыкновенная исторія: мужику какъ втемяшится что̀ въ голову, такъ не скоро оттуда выйдетъ. Однако, представьте, что̀ вышло: въ позапрошломъ году разбирали у меня въ кладовыхъ и на чердакахъ всякій хламъ и старыя бумаги и нашли старый планъ имѣнія, гдѣ обозначены сосѣднія границы и земля, отведенная потомъ крестьянамъ. Сталъ я сличать этотъ планъ съ новымъ и убѣдился, что они не сходятся. Велѣлъ запречь дрожки и поѣхалъ на мѣсто: оказалось, что межа, дѣйствительно, перенесена и что крестьяне правы. Просто руками развелъ и окончательно сталъ въ тупикъ, какъ это могло случиться. Ахъ, какая тутъ досада меня взяла!— Между тѣмъ, увидѣвъ, что я пріѣхалъ опять съ планомъ и что̀-то смотрю, пришли и мужики, цѣлая огромная толпа, пришелъ и Житкинъ, и какая было вышла непріятная исторія: услышавъ, что правда не на его, а на ихъ сторонѣ, они напустились на него и стали самымъ невозможнымъ образомъ ругаться; онъ сначала было попробовалъ отругиваться, но потомъ видитъ дѣло плохо, видитъ, что негодованіе ростетъ и становится все единодушнѣе и единодушнѣе, видитъ, что его окружаютъ... Былъ одинъ моментъ, когда и мнѣ показалось, что вотъ еще одно какое-нибудь слово, одна какая-нибудь капля, и всѣ набросятся на него и растерзаютъ въ клочки. Признаться, перетрусилъ я; попаду, думаю, въ кашу, пожалуй еще подстрекателемъ сдѣлаютъ: я вѣдь планъ розыскалъ и пріѣхалъ съ нимъ, я сказалъ, что онъ не правъ, и т. д. Но тутъ меня внезапно осѣнила мысль, которая дала дѣлу совершенно неожиданный оборотъ. Вдругъ я протискался впередъ и просто не своимъ голосомъ закричалъ на Жидкина: «я тебѣ, мерзавецъ, за это задамъ. Въ острогъ засажу, въ каторгу сошлю, въ кандалы закую!» Смотрю, всѣ примолкли, возбужденіе въ толпѣ утихаетъ, видятъ, что защита есть, что самъ баринъ, а слѣдовательно и начальство, за дѣло берутся. — «Вотъ погоди, говорятъ, будетъ тебѣ на орѣхи, вражій сынъ, узнаешь кузькину

мать». А Житкинъ тѣмъ временемъ все пятился да пятился назадъ, дошелъ до дома, юркнулъ въ него и заперъ дверь. Точно камень у меня съ души свалился: слава Богу, думаю, благополучно все кончилось. И за нихъ вѣдь боялся: случись что-нибудь, отвѣчали бы, не пошутили бы съ ними. Дальше. Пообѣщавъ наказать Житкина, я, дѣйствительно, думалъ не оставлять этого дѣла такъ и что-нибудь сдѣлать, просилъ всѣхъ, кого только можно было, обратить на это вниманіе, говорилъ при случаѣ даже губернатору, котораго хорошо знаю; всѣ обѣщали, но не тутъ-то было: по крайней мѣрѣ, въ прошломъ году ничего еще не было сдѣлано и все оставалось по старому. Вотъ интересно, что въ нынѣшнемъ году найду. Очень возможно, что и до сихъ поръ ничего не сдѣлано. Просто удивительно, какими судьбами, какими путями, такіе господа устроиваютъ и обдѣлываютъ свои дѣла: чтобы межу перенести и одинъ планъ замѣнить другимъ, надо похлопотать да похлопотать, и втихомолку вѣдь этого тоже нельзя сдѣлать, объ этомъ, вѣроятно, если не всѣ, то многіе знали или слышали. Затѣмъ, тотъ фактъ какъ вамъ нравится, что я, крупный мѣстный землевладѣлецъ, человѣкъ со связями и знакомствами, ничего не могу сдѣлать въ данномъ случаѣ, не могу добиться никакого толку. Увѣренъ вѣдь, что и губернаторъ на моей сторонѣ и желалъ бы также, чтобы дѣло рѣшилось въ пользу крестьянъ, но и онъ, оказывается, не все можетъ сдѣлать!—Такія дѣла обдѣлываются черезъ всю эту канцелярскую многочисленную уѣздную мелюзгу, а съ нею въ тѣсной связи, конечно, и губернская мелюзга, вотъ и идутъ отписки да переписки, справки да заключенія, а губернаторъ тѣмъ временемъ ждетъ-ждетъ да и забудетъ. Во многихъ случаяхъ только этого и было нужно. Но лучше всѣхъ самъ этотъ Житкинъ: представьте, въ прошломъ году ѣду я по желѣзной дорогѣ, вдругъ онъ на одной изъ станцій откуда-то взялся, влетаетъ въ вагонъ и валится въ ноги: «сдѣлайте Божескую милость не погубите, вѣкъ Богу буду молить» и т. д. Вы можетъ быть подумаете, что онъ отказывается отъ захваченной земли и проситъ только, чтобы наказанія ему какого-нибудь не было? нѣтъ, онъ проситъ только, чтобы я отказался отъ дѣла и оставилъ его какъ оно есть. Понимаете, кланяется, а въ то же время свое дѣло дѣлаетъ, зацѣпилъ зубами и не можетъ разжать пасть-то.

Затѣмъ, помнится, зашла у насъ рѣчь объ отношеніи народа къ помѣщикамъ, начальству и вообще къ власти, и Тургеневъ расказалъ намъ тему другого предположеннаго имъ разсказа, который онъ думалъ озаглавить—«Повиноваться!» Разсказъ этотъ былъ просто неподражаемъ въ устной передачѣ, по своей рельефности и живости. Я не могу его въ точности воспроизвести, но суть состояла въ слѣдующемъ: проѣзжалъ куда-то по Орловской губерніи императоръ Николай Павловичъ, проѣзжалъ на лошадяхъ, такъ

какъ желѣзной дороги тогда еще не было. И вотъ крестьяне, желая его повидать, бросали работу и со всѣхъ сторонъ бѣжали на станцію, гдѣ онъ долженъ былъ мѣнять лошадей. Нѣкоторые дѣлали по 25 верстъ и больше. Въ то время гдѣ-то въ Орловской губерніи были какія-то недоразумѣнія между крестьянами и помѣщиками. Увидѣвъ крестьянъ, Николай Павловичъ строго взглянулъ на нихъ, сказалъ имъ нѣсколько словъ, которыя закончилъ словомъ: «повиноваться!» и при этомъ погрозилъ имъ пальцемъ. Все остальное, кромѣ этого, совершенно улетучилось у крестьянъ изъ памяти, а это слово и жестъ, напротивъ, глубоко врѣзались и точно все подавили и вытѣснили изъ головы. По отъѣздѣ Николая Павловича, ближайшіе крестьяне и тѣ, которые мимо шли, пришли къ Тургеневу и разсказывали, что было, но, говорилъ Тургеневъ, я рѣшительно не могъ составить себѣ объ этомъ никакого представленія. Сколько ни разспрашивалъ, на какіе лады ни ставилъ вопросовъ, всѣ повторяли только одно: «какъ сталъ онъ въ тарантасѣ, да какъ глянетъ на насъ, такъ мы всѣ на колѣнки и упали, а онъ поднялъ, значитъ, палецъ да какъ крикнетъ «повиноваться!» Тутъ ужъ мы ницъ всѣ полегли и долго такъ лежали. Онъ ужъ уѣхалъ давно, а мы все лежимъ, только помаленьку поглядываемъ. Ѣдетъ это въ гору, а пальцемъ все грозитъ. И покеда изъ глазъ скрылся, все стоялъ въ тарантасѣ и палецъ держалъ. Палецъ-то во какой!» Тургеневъ показывалъ со словъ очевидцевъ величину представившагося имъ пальца чуть не въ полъ-аршина. «Ей-Богу, не преувеличиваю,—говорилъ онъ.— Не можетъ быть, говорю одному, чтобы такой большой палецъ былъ; божится, что такой. Не могъ также разубѣдить ихъ, что будто Николай Павловичъ, стоя въ тарантасѣ ѣхалъ; увѣряютъ, что стоялъ и конецъ. По всей вѣроятности, онъ обратился къ нимъ, садясь въ экипажъ, и крикнулъ «повиноваться», стоя,—такъ это впечатлѣніе и застыло. А на счетъ того, что онъ еще говорилъ, такъ-таки ничего и не добился».

— Вотъ, Иванъ Сергѣевичъ, еслибы вы написали и намъ дали какой-нибудь изъ этихъ разсказовъ?—сказалъ кто-то, кто именно— теперь ужъ не помню.

— Если напишу, то извольте,—сказалъ Тургеневъ,—только послѣдній разсказъ врядъ ли цензуренъ. Я и на счетъ перваго-то сомнѣваюсь: очень возможно, что и въ немъ что̀-нибудь усмотрятъ.

Затѣмъ, стали говорить о нашихъ намѣреніяхъ, цѣляхъ и матеріальномъ положеніи журнала. Какъ человѣкъ болѣе опытный, онъ прежде всего указалъ, что безъ денегъ трудно вести хорошо дѣло, а затѣмъ, что подцензурному изданію не легко конкурировать съ безцензурными и что ладить съ цензурою надо большое умѣнье. Это, впрочемъ, мы и сами хорошо понимали. О чемъ еще

говорилось—не помню, помню только, что вечеръ прошелъ очень оживленно и что мы остались довольны Тургеневымъ. Затѣмъ, мы пригласили его еще черезъ нѣсколько дней къ одному изъ издателей «Слова», г. С., который любезно предложилъ устроить для него вечеръ, но вечеръ этотъ прошелъ довольно скучно, какъ-то официально и натянуто: кромѣ насъ были еще гости, около Тургенева усѣлся адвокатъ N—ъ, тоже до нѣкоторой степени причастный къ литературѣ, и совершенно завладѣлъ имъ; онъ почтительно разсказывалъ ему чтò-то и столь же почтительно предлагалъ разные вопросы, не давая никому слова сказать, такъ что мы все время сидѣли и слушали. Между тѣмъ, ничего интереснаго онъ не говорилъ, всѣмъ было скучно, а Тургеневу должно быть больше всѣхъ, хотя онъ разсказывалъ чтò-то и отвѣчалъ на вопросы. Послѣ, по крайней мѣрѣ, онъ жаловался и жалѣлъ, что ни о чемъ не удалось поговорить. Видя, что почтительному плѣненію его конца не будетъ, мы стали понемногу уходить въ другія комнаты и говорить между собою.

Черезъ нѣсколько дней Тургеневъ уѣхалъ изъ Петербурга, такъ что въ этотъ пріѣздъ я его больше не видѣлъ; а вскорѣ и мнѣ пришлось отправиться по дѣламъ на югъ. Въ Петербургъ возвратился я уже зимою, въ концѣ 1880 года. Положеніе наше за это время, съ одной стороны, улучшилось, а съ другой—ухудшилось: улучшилось тѣмъ, что кромѣ «Русскаго Богатства» у насъ было еще «Слово» и въ цензурномъ отношеніи стало легче, настолько легче, что въ первое время мнѣ довольно трудно было примѣниться къ болѣе высокому литературному тону; а ухудшилось тѣмъ, что матеріальныя наши дѣла не улучшались, а ухудшались: приходилось дѣлать займы, изворачиваться, принимать на себя разныя обязательства и т. д. Одни стояли за то, чтобы совсѣмъ бросить «Русское Богатство», какъ не стоющую канитель, и сосредоточиться всѣмъ въ «Словѣ», другіе стояли за «Русское Богатство» и ни за что не хотѣли его оставлять, такъ что пришлось раздѣлиться надвое: одни перешли въ «Слово», другіе остались въ «Русскомъ Богатствѣ». Къ этому присоединились еще нѣкоторыя недоразумѣнія. Но все это было бы еще ничего и навѣрное какъ-нибудь пережилось бы, а судьба готовила намъ нѣчто худшее: 1-е марта было роковымъ и въ нашей литературной предпріимчивости; послѣ него цензура стала гораздо строже, мы не могли найти официальнаго редактора для «Слова», который удовлетворялъ бы цензурнымъ желаніямъ, и журналъ долженъ былъ прекратиться. Не время еще теперь разсказывать о всѣхъ нашихъ злоключеніяхъ, да въ настоящемъ случаѣ и не въ этомъ дѣло, такъ какъ я о Тургеневѣ говорю.

Въ 1881 году, если не ошибаюсь въ маѣ, онъ опять пріѣхалъ изъ-за границы. Находя, что жить можно только или въ Парижѣ,

или въ деревнѣ, онъ, какъ птица, два раза въ году совершалъ перелетъ: весною отправлялся въ деревню, а осенью возвращался въ Парижъ, при чемъ проѣздомъ обыкновенно останавливался на нѣсколько дней въ Петербургѣ и Москвѣ, чтобы повидаться съ знакомыми. Въ этотъ пріѣздъ ему, однако, пришлось довольно долго просидѣть въ Петербургѣ, потому что онъ заболѣлъ: у него было что-то̀ такое въ печени, былъ кашель, но главнымъ образомъ болѣли ноги. Узнавъ, что онъ пріѣхалъ и лежитъ, мы съ Г. И. Успенскимъ отправились его навѣстить. Стоялъ онъ въ то время въ меблированныхъ комнатахъ, на углу Морской и Невскаго, гдѣ въ послѣднее время обыкновенно останавливался. Просидѣли мы у него не долго: былъ у него, кажется, кто-то въ это время и чувствовалъ онъ себя не совсѣмъ хорошо; а говорили, помнится, больше о текущихъ дѣлахъ и событіяхъ и множествѣ всевозможныхъ слуховъ, которые въ то время ходили въ Петербургѣ. Время тогда было очень смутное, никто не зналъ, что̀ будетъ и чему вѣрить, невѣроятное осуществлялось, ни съ чѣмъ несообразное казалось возможнымъ, а потому самые разнообразные слухи циркулировали въ великомъ изобиліи. Помню, впрочемъ, говорили еще вотъ о чемъ: въ то время въ редакціи газетъ и журналовъ начали довольно часто присылать рукописи крестьяне. Я не знаю, продолжается ли это и до сихъ поръ или уже прекратилось, но тогда у насъ, по крайней мѣрѣ, не рѣдко получались такія рукописи. Какая-то полоса такая вышла, такъ что порою даже казалось, что мужикъ не хочетъ больше молчать и собирается говорить. Въ рукописяхъ этихъ говорилось и о народныхъ нуждахъ, и о правдѣ и неправдѣ, и о начальствѣ, и о судѣ, и о землѣ, и о соціалистахъ, словомъ, обо всемъ, что такъ или иначе касалось народа, его жизни и души. Успенскій очень интересовался этими рукописями, всегда ихъ внимательно прочитывалъ, собиралъ и хранилъ, находя въ нихъ большой интересъ и доказывая, что ихъ непремѣнно нужно печатать, какъ непосредственный голосъ народа. Заинтересовалъ онъ ими и Тургенева, который просилъ его прислать ему нѣкоторыя изъ нихъ для прочтенія.

— Вы, господа, не забывайте же меня пожалуйста,—говорилъ прощаясь Тургеневъ,—и не считайтесь съ больнымъ визитами: видите я теперь какой.

Черезъ нѣсколько дней я былъ въ Морской по дѣлу и по дорогѣ еще разъ зашелъ къ Тургеневу. Чувствовалъ онъ себя лучше. Говорилъ много и о разныхъ предметахъ, но больше всего о литературѣ и молодыхъ писателяхъ. Говорилъ о Г. И. Успенскомъ, котораго очень любилъ и цѣнилъ, досадуя на него только за одно, почему онъ не попытается большого романа или повѣсти написать; а изъ молодыхъ писателей больше всѣхъ ему нравился Гаршинъ: «какая должно быть у него чудесная душа,—говорилъ онъ,—только

что-то болѣзненное въ немъ есть». Очень нравилась ему еще небольшая повѣсть Виницкой, напечатанная въ то время въ «Отеч. Запискахъ»: «просто прелестныя, чисто художественныя есть страницы,—говорилъ онъ,—но не все хорошо, а потому трудно сказать, что̀ изъ нея выйдетъ». Тургеневъ слѣдилъ рѣшительно за всѣмъ, что появлялось новенькаго въ литературѣ, не исключая даже иллюстрированныхъ изданій и такихъ газетъ и журналовъ, которыхъ въ Петербургѣ обыкновенно не читаютъ, а потому зналъ и такихъ писателей, которые только-что выступили въ литературу или написали только одну какую-нибудь вещь, мало кому извѣстную. Онъ помнилъ даже особенно выдающіяся и яркія мѣста и страницы, которыя произвели на него впечатлѣніе, обращалъ вниманіе даже на слогъ и внѣшность.

— А у Виницкой,—сказалъ онъ,—должно быть Салтыковъ не мало вымарывалъ и исправлялъ... Такъ это какъ-то чувствуется. Я почти безошибочно всегда могу сказать, гдѣ онъ постарался. Это ужъ такой человѣкъ, котораго всегда и вездѣ узнаешь. И должно быть сердится при этомъ, вѣрно что̀-нибудь было неподходящее или слишкомъ растянутое. Сейчасъ вѣдь это видно, какъ онъ вырубаетъ. А какъ самъ онъ меня радуетъ, вы не можете себѣ представить: онъ не только нисколько не старѣетъ, но становится все лучше и сильнѣе, все ярче и опредѣленнѣе. Я радуюсь за него, помимо всего прочаго, еще чисто эгоистически, потому что это наше поколѣніе: значитъ, мы не совсѣмъ еще старики и кое на что̀ годимся... За исключеніемъ меня, впрочемъ, потому что я врядъ ли могу ужъ теперь работать.

— А вы хотѣли два разсказа-то написать?—сказалъ я.

— Да, вотъ хотѣлъ и не могъ ничего съ собою сдѣлать. Ну, да это что. Я говорю работать такъ, чтобы стыдно не было, работать какъ Салтыковъ, напримѣръ, работаетъ. Знаете, что мнѣ иногда кажется: что на его плечахъ вся наша литература теперь лежитъ. Конечно, есть и кромѣ него хорошіе, даровитые люди, но держитъ литературу онъ. Вотъ на комъ непростительный грѣхъ, что не пишетъ, вотъ кто могъ быть теперь чрезвычайно полезенъ,—Левъ Толстой; но что̀ вы съ нимъ подѣлаете: молчитъ и молчитъ, да мало еще этого—въ мистицизмъ ударился. Такого художника, такого первоклассного таланта у насъ никогда еще не было и нѣтъ. Меня, напримѣръ, считаютъ художникомъ, но куда же я гожусь сравнительно съ нимъ. Ему въ теперешней европейской литературѣ нѣтъ равнаго. Вѣдь онъ за что̀ бы ни взялся,—все оживаетъ подъ его перомъ. И какъ широка область его творчества—просто удивительно. Будетъ ли это цѣлая историческая эпоха, какъ въ «Войнѣ и мирѣ», будетъ ли это отдѣльный современный человѣкъ съ высшими духовными интересами и стремленіями, или просто крестьянинъ съ его чисто русскою душею,—вездѣ онъ остается

мастеромъ. И барыня высшаго круга выходитъ у него какъ живою, и полудикарь — черкесъ; даже животныхъ, вы посмотрите, какъ онъ изображаетъ. Однажды, мы видились съ нимъ лѣтомъ въ деревнѣ и гуляли вечеромъ по выгону, недалеко отъ усадьбы. Смотримъ, стоитъ на выгонѣ старая лошадь самаго жалкаго и измученнаго вида: ноги погнулись, кости выступили отъ худобы, старость и работа совсѣмъ какъ-то пригнули ее; она даже травы не щипала, а только стояла и отмахивалась хвостомъ отъ мухъ, которыя ей досаждали. Подошли мы къ ней, къ этому несчастному мерену, и вотъ Толстой сталъ его гладить и, между прочимъ, приговаривать, что тотъ, по его мнѣнію, долженъ былъ чувствовать и думать. Я положительно заслушался. Онъ не только вошелъ самъ, но и меня ввелъ въ положеніе этого несчастнаго существа. Я не выдержалъ и сказалъ: «Послушайте, Левъ Николаевичъ, право, вы когда-нибудь были лошадью». Да, вотъ извольте-ка изобразить внутреннее состояніе лошади. И въ то же время одинаково ему доступны и психическая сторона высоко-развитаго человѣка, и высшая философская мысль. Но что̀ вы съ нимъ подѣлаете? Весь съ головою ушелъ въ другую область: окружилъ себя библіями, евангеліемъ чуть ли не на всѣхъ языкахъ, исписалъ цѣлую кучу бумаги. Цѣлый сундукъ у него съ этой мистической моралью и разными кривотолкованіями. Читалъ мнѣ кое-что, — просто не понимаю его... Говорилъ ему, что это не дѣло, а онъ отвѣчаетъ: «Это-то и есть самое дѣло». Очень вѣроятно, что̀ онъ ничего больше и не дастъ литературѣ, а если и выступитъ опять, такъ съ этимъ сундукомъ. Онъ не только для общества, но и для литературной школы былъ бы нуженъ. У него есть ученики. Гаршинъ вѣдь несомнѣнно его ученикъ.

Тургеневъ очень подробно разспрашивалъ меня о Гаршинѣ и особенно объ его эксцентрическомъ путешествіи къ графу Лорисъ-Меликову, о которомъ тогда говорили.

Тургеневъ лично зналъ Гаршина.

Очень удивлялся онъ, какимъ образомъ Гаршинъ, такой миролюбивый человѣкъ, вдругъ бросилъ студенческую скамью и попалъ на войну, очутился вдругъ на Дунаѣ, въ дѣйствующей арміи, сражался и былъ раненъ. Я также этому не мало удивлялся и однажды спросилъ его объ этомъ: — «Да, видите ли, какъ это случилось, — отвѣчалъ онъ, — я всегда сочувствовалъ братушкамъ, а тутъ какъ нарочно экзамены подошли, и я... по правдѣ сказать, — струсилъ экзаменовъ, а потому взялъ и уѣхалъ». Онъ даже доказывалъ, помнится, когда я спросилъ: — а развѣ на войнѣ менѣе страшно? что экзамены, какъ актъ систематическаго и растянутаго страха, который переживается человѣкомъ индивидуально, при сознаніи полной своей зависимости отъ случая, усмотрѣнія и настроенія экзаменаторовъ, хуже военнаго страха, когда люди

двигаются противъ опасности какъ-то стихійно, всѣ вмѣстѣ и съ одинаковыми для всѣхъ шансами умереть или остаться въ живыхъ.

— Скажите пожалуйста,—вдругъ совершенно неожиданно спросилъ меня Тургеневъ послѣ нѣкотораго раздумья, — очень меня бранятъ за мою «Новь?»

Я смутился отъ такого неожиданнаго вопроса, предложеннаго тоже какимъ-то смущеннымъ голосомъ, но сейчасъ же оправился и подумалъ, зачѣмъ я буду умалчивать или неправду ему говорить, а потому отвѣтилъ:

— Да, Иванъ Сергѣевичъ, побраниваютъ...

— За что̀, за что̀, скажите пожалуйста, вотъ это-то мнѣ и интересно. Я сознаю, что это неудачная въ литературномъ отношеніи вещь, но у кого же нѣтъ неудачныхъ вещей? У всѣхъ есть, и, право, за это не стоитъ такъ бранить человѣка, да я думаю, что только за это и не бранили бы меня, а тутъ очевидно недовольство гораздо глубже идетъ. Это я вижу ужъ по однимъ печатнымъ отзывамъ, а затѣмъ и слышу черезъ знакомыхъ, слышу, но все-таки никакъ не могу взять въ толкъ, въ чемъ именно дѣло, чѣмъ недовольны? Пожалуйста не стѣсняйтесь и говорите откровенно. Я буду очень вамъ благодаренъ.

— Да, видите ли, говорятъ, что вы молодежь не настоящую взяли...

— Какую видѣлъ, такую и взялъ.

— Есть гораздо болѣе яркія и симпатичныя фигуры.

— Не отрицаю этого и охотно допускаю, но я такихъ людей близко не видѣлъ, не видѣлъ ихъ дѣятельности, а затѣмъ подумайте, какъ бы я сталъ изображать ихъ дѣятельность? Вѣдь тогда «Новь» не могла бы появиться въ русской печати. Наконецъ, такія вещи трудно писать только по наслышкѣ, ихъ надо близко видѣть, а еще лучше пережить. У меня, если хотите, есть въ «Нови» такія фигуры, но я не посмѣлъ ихъ очерчивать даже общими чертами, поэтому онѣ и стоятъ у меня вдали, въ туманѣ. Ахъ, съ какимъ удовольствіемъ я изобразилъ бы «безымяннаго человѣка», это полное отреченіе отъ себя и всего, чѣмъ люди дорожатъ и во всѣ вѣка дорожили. Право, только русскій человѣкъ можетъ выдумать и быть способнымъ на такую штуку.

— Вотъ и говорятъ, зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вы Соломина поставили какъ-то выше другихъ?

— Не выше, а вышло это, вѣроятно, потому, что Соломинъ ближе и понятнѣе мнѣ, ближе къ моимъ понятіямъ и представленіямъ, а затѣмъ я убѣжденъ, что такіе люди смѣнятъ теперешнихъ дѣятелей: у нихъ есть извѣстная, положительная программа, хотя бы и маленькая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, у нихъ есть практическое дѣло съ народомъ, благодаря чему они имѣютъ отно-

шенія и связи въ жизни, т. е. имѣютъ почву подъ ногами, на которой можно твердо стоять и гораздо увѣреннѣе дѣйствовать, тогда какъ люди, не имѣющіе не только прочныхъ корней, но и просто поддержки ни въ народѣ, ни въ обществѣ, уже самою силою обстоятельствъ обречены на гибель и должны дѣйствовать урывками, постоянно озираясь и затрачивая непроизводительно, хотя бы на одно это, массу силъ. Не подумайте, однако, что это мнѣ доставляетъ удовольствіе. Увѣряю васъ, что кромѣ грусти ничего не доставляетъ.

— А не думаете ли вы, что Соломины легко могутъ превращаться въ простыхъ буржуа или въ самодовольныхъ навозныхъ жуковъ?

— Это ужъ отъ нихъ зависитъ, это смотря по человѣку или по людямъ и по тому, какъ они будутъ дѣйствовать, — въ свою пользу или нѣтъ, въ одиночку или согласно, поддерживая другъ друга. Но подобныя превращенія всегда и во всѣхъ положеніяхъ вѣдь возможны.

— Вотъ еще говорятъ, что вы недостаточно показали всю трудность условій, въ какихъ нашей молодежи приходится жить и дѣйствовать, стремиться къ добру, пытаться дѣлать его и потомъ страдать.

— Это вѣрно. Тутъ, дѣйствительно, слѣдовало бы многое сказать. Мнѣ на дняхъ разсказывали такіе факты, что просто ужасъ беретъ. Но опять какъ это скажешь?

— Затѣмъ, Иванъ Сергѣевичъ, самое главное, чѣмъ недовольны въ «Нови», это то, что вы изобразили почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, кромѣ Соломина, ниже обыкновеннаго умственнаго уровня. Въ этомъ усматриваютъ съ вашей стороны умыселъ.

— Это неправда, этого я не имѣлъ въ виду. Послушайте, ну развѣ же они такъ глупы? Конечно, это не геніи, но и не глупцы. Скажите пожалуйста, какъ вы сами объ этомъ думаете? Откровенно скажите.

— Откровенно говоря, и мнѣ тоже кажется: я не скажу прямо глупы, этого, дѣйствительно, нельзя сказать, а какъ-то придурковаты.

Тургеневъ засмѣялся и покраснѣлъ.

— Ну, значитъ, у меня не вышло, что̀ я хотѣлъ показать,— сказалъ онъ.—Увѣряю васъ, что я не имѣлъ въ виду изобразить ихъ такими, я бралъ обыкновенныхъ, среднихъ людей, а если и былъ тутъ нѣкоторый умыселъ, такъ вотъ какой: мнѣ хотѣлось показать нѣкоторую умственную узость людей въ сущности вовсе не глупыхъ. Такъ вѣдь это и есть на самомъ дѣлѣ: люди до того уходятъ въ борьбу, въ технику разныхъ своихъ предпріятій, что совершенно утрачиваютъ широту кругозора, бросаютъ даже читать, заниматься, умственные интересы отходятъ постепенно на задній

планъ и получается въ концѣ концовъ нѣчто такое, что лишено духовной стороны и переходитъ въ службу, въ механизмъ, во что̀ хотите, только не въ живое дѣло. Гдѣ нѣтъ движенія мысли, тамъ нѣтъ и прогресса. Почему же никто не хочетъ посмотрѣть такъ на вопросъ, что я потому указалъ на эту слабую сторону, что желалъ добра молодежи?

Теперь ужъ я не помню всѣхъ подробностей этого довольно продолжительнаго разговора, помню только, что Тургеневъ въ заключеніе сказалъ:—«Новь» вѣдь у меня не кончена. Я удивляюсь, какъ этого не замѣтили. Тамъ прямо оборваны нити, и какъ бы мнѣ хотѣлось, если только буду въ состояніи, написать продолженіе или что̀-нибудь отдѣльное на ту же тему. Не хочется только, чтобы объ этомъ раньше времени говорили.

Затѣмъ, онъ спросилъ меня, что̀ у насъ въ редакціонномъ портфелѣ есть интереснаго по части беллетристики и просилъ дать ему нѣкоторыя рукописи для просмотра. Черезъ нѣсколько же дней я исполнилъ это его желаніе и завезъ ему какія-то двѣ рукописи, которыхъ и самъ еще не читалъ, но которыя мнѣ хвалили. Заходилъ я къ Тургеневу по большей части утромъ, пока еще не начинались къ нему визиты. Такъ самъ онъ просилъ, чтобы имѣть возможность поговорить. Заставалъ я его обыкновенно уже въ залѣ на диванѣ, куда онъ съ трудомъ перебирался изъ спальни. Ходить ему было очень трудно, одѣваться также, а потому онъ не одѣвался и лежалъ въ фуфайкѣ и всемъ прочемъ изъ сосновой шерсти, прикрывъ чѣмъ-нибудь ноги, которыя должно быть очень болѣли, потому что онъ частенько морщился и поправлялъ ихъ, а иногда и прямо жаловался: «ахъ, какая несносная боль! Когда придетъ кто-нибудь и говоришь, то все еще ничего, какъ-то легче становится, а ужъ какъ одинъ останешься, такъ просто бѣда». Тургеневъ былъ очень словоохотливъ и обыкновенно сейчасъ же начиналъ что̀-нибудь разсказывать, точно, дѣйствительно, стараясь поскорѣе заглушить боль. Разсказывалъ онъ, помню, много фактовъ о похожденіяхъ разныхъ русскихъ путешественниковъ за границей, преимущественно людей болѣе или менѣе извѣстныхъ по общественному положенію, разсказывалъ о разныхъ искателяхъ и искательницахъ приключеній, которыя тоже къ нему заявлялись иногда въ Парижѣ, о жизни русскихъ эмигрантовъ и т. д. Должно быть частенько приходилось ему выручать соотечественниковъ, а еще чаще оказываться въ неловкомъ положеніи, въ какое они его ставили.

— Можете представить, что со мною сдѣлалъ М. [1]), разсказывалъ онъ: жилъ-жилъ въ отелѣ, у меня бывалъ, я у него бывалъ, бралъ у меня иногда понемногу взаймы, потомъ надо ему выѣхать,

[1]) Писатель, пишущій подъ псевдонимомъ въ мелкой прессѣ.

а расплатиться въ отелѣ нечѣмъ. Нужно нѣсколько сотъ франковъ. Приходитъ ко мнѣ, и у меня какъ нарочно денегъ нѣтъ. Говорю: извините, самъ безъ денегъ.—«Неужели же, говоритъ, не можете достать, у васъ тутъ знакомые, связи». Постараюсь, говорю, но обѣщать не могу. Ушелъ. Думалъ я, думалъ, какъ же его выручить, и составился у меня по этому поводу нѣкоторый планъ: думаю, достану ему денегъ, а онъ пускай пришлетъ тому лицу, которое дастъ деньги, обязательство редакціи, что деньги будутъ уплачены. Только дня эдакъ черезъ два, черезъ три, захожу къ нему въ отель сообщить этотъ планъ, вошелъ въ подъѣздъ, хочу подниматься по лѣстницѣ, какъ вдругъ слышу вверху голосъ дочери хозяйки отеля: «maman, тотъ господинъ». Вслѣдъ затѣмъ вылетаетъ на лѣстницу сама maman и кричитъ швейцару: «задержать его». Швейцаръ подвинулся къ двери и загородилъ мнѣ отступленіе. Что такое, думаю, за исторія? Отступать, конечно, я и не думалъ, потому что только-что пришелъ. Затѣмъ и мать и дочь спускаются внизъ и набрасываются на меня: «вашъ другъ поступилъ съ нами не хорошо, не заплатилъ денегъ, вылѣзъ ночью въ окошко и уѣхалъ... Мы такъ о немъ заботились, считали его за порядочнаго человѣка, а онъ... Мы надѣемся, что вы, какъ другъ его, заплатите за него, наконецъ, онъ самъ говорилъ, что вы заплатите» и т. д. и. т. д. Я до того ошалѣлъ, что сразу ничего не понялъ и совершенно даже забылъ о М.—«Пожалуйста, говорятъ, не представляйтесь, мы отлично васъ помнимъ, какъ вы приходили къ М., и знаемъ, что вы его другъ». Тутъ только, услышавъ фамилію, я сообразилъ въ чемъ дѣло. Какой, чортъ возьми, я ему другъ, я у него и былъ то всего два раза; онъ, говорю, и мнѣ тоже долженъ.

— «Ахъ, это всегда такъ говорятъ, чтобы не платить»,—отвѣчаютъ обѣ въ одинъ голосъ, и опять: «мы считали его за вполнѣ порядочнаго человѣка, заботились о немъ, а онъ въ окошко» и т. д. Каково положеніе! Пришлось вѣдь заплатить. Иначе еще больщій скандалъ вышелъ бы.

Въ этотъ же разъ разсказывалъ Тургеневъ о неловкомъ положеніи другого рода, въ которое поставилъ его недавно передъ тѣмъ одинъ нашъ дипломатъ, перемѣнившій вскорѣ дипломатическое поприще на другое. Дипломатъ этотъ всегда былъ извѣстенъ творческою фантазіею или, говоря проще, способностью сочинять небылицы въ лицахъ.

— Вотъ вамъ недавній фактъ,—говорилъ Тургеневъ: пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ и разсказываетъ, что у него былъ Андраши, передаетъ разговоръ, какой у нихъ происходилъ, разговоръ чрезвычайно интересный въ политическомъ отношеніи, такъ какъ дѣло касалось соглашенія Австріи и Россіи по славянскому вопросу. Соглашеніе это, по его словамъ (и при его участіи, конечно), уже состоялось, было существующимъ фактомъ и представляло большія выгоды для

Россіи. Я въ тотъ же день былъ кое у кого и разсказалъ объ этомъ событіи, только заѣзжаю, между прочимъ, и къ его кузинѣ *** и ей тоже разсказываю, а она мнѣ и говоритъ: «послушайте, я въ этомъ сомнѣваюсь, потому что не дальше какъ вчера у меня была m-me Андраши, а потомъ и самъ онъ на минутку заѣзжалъ, и еслибы чтò-нибудь подобное дѣйствительно было, то я знала бы, а, напротивъ, я слышала совершенно противуположное, т. е. что никакого выгоднаго для Россіи соглашенія состояться не можетъ. Развѣ вы не знаете моего кузена, чтобы всему вѣрить, что онъ говоритъ? Постойте, я вамъ это завтра же узнаю, потому что буду у Андраши». И завтра же я получилъ отъ нея письмо,—сказалъ Тургеневъ, ударяя кулакомъ по столу, что Андраши у него даже не былъ, и не только не былъ, а даже не собирается его видѣть. Хорошо сочиняетъ?! Это такой врунъ, которому рѣшительно ни въ чемъ нельзя вѣрить, ни въ чемъ и ни одному слову. И зачѣмъ нужно было это сочинять—положительно неизвѣстно. Это какая-то потребность во враньѣ. Какъ непріятно съ такими господами имѣть какое-нибудь дѣло. Какъ они насъ компрометируютъ въ глазахъ Европы: всѣ вѣдь знаютъ, что онъ лгунъ, такъ и относятся... Я очень боюсь, что онъ ко мнѣ заѣдетъ. Въ Парижѣ заѣзжалъ. Нѣтъ, впрочемъ, теперь не заѣдетъ: во-первыхъ, здѣсь не Парижъ, а во-вторыхъ, время другое и теперь такіе господа совсѣмъ иначе ко мнѣ относятся. Я вамъ разскажу, въ какомъ я здѣсь комическомъ положеніи, только вы пожалуйста никому не говорите, потому что мнѣ, право, стыдно. Теперь вѣдь здѣсь время переходное, смутное, говорятъ о свѣдущихъ людяхъ, всѣхъ спрашиваютъ, какъ быть и чтò дѣлать. Въ Парижѣ были глубоко убѣждены, что какъ только я сюда пріѣду, такъ сейчасъ же меня позовутъ для совѣщаній: «Пожалуйте, Иванъ Сергѣевичъ, помогите вашею опытностью» и т. д. Гамбета, который прежде держался относительно меня довольно высокомѣрно, тутъ два раза пріѣзжалъ ко мнѣ, нѣсколько разъ совѣщался съ Греви и составили они вмѣстѣ цѣлую программу, которую я долженъ былъ тутъ предложить, программу безусловно прекрасную, выгодную, конечно, для Франціи, но не менѣе выгодную также и для Россіи. Сколько было надеждъ и волненій. Теперь они тамъ ждутъ отъ меня извѣстій, и самъ я, признаться, тоже раздѣлялъ ихъ надежды, а я сижу вотъ здѣсь дуракъ дуракомъ цѣлыхъ двѣ недѣли и не только меня никуда не зовутъ, но и ко мнѣ-то никто изъ вліятельныхъ людей не ѣдетъ, а тѣ, кто заглядываетъ, какъ-то все въ сторону больше смотрятъ и наровятъ поскорѣе уѣхать: «Ничего, молъ, неизвѣстно, ничего мы не знаемъ». По нѣкоторымъ отвѣтамъ и фразамъ, имѣю даже основаніе думать, что я здѣсь непріятенъ, что лучше было бы мнѣ куда-нибудь уѣхать. Да я и самъ уѣхалъ бы съ большимъ удовольствіемъ, еслибы только не эта проклятая болѣзнь. Очень ужъ тутъ скучно теперь, а иногда,

право, даже страшно бываетъ: ничего не понимаешь, что̀ творится, каждый что̀ хочетъ, то и дѣлаетъ, а потомъ все объясняютъ недоразумѣніемъ. Покорно благодарю за такія недоразумѣнія. Какъ только мало-мальски поправлюсь, сейчасъ же уѣду въ деревню. Но теперь, пожалуй, и въ деревнѣ тоже страшно?

— А въ деревнѣ-то чего же бояться?

— Какъ чего? И тамъ, я думаю, тоже сумятица и смута въ головахъ. Знаете, что̀ можетъ быть, засмѣялся Тургеневъ: я иногда боюсь, что какой-нибудь шутникъ возьметъ и пришлетъ въ деревню приказъ: «Повѣсить помѣщика Ивана Тургенева». И достаточно, и повѣрьте придутъ и исполнятъ. Придутъ цѣлою толпою, старики во главѣ, принесутъ веревку и скажутъ: «Ну, милый ты нашъ, жалко намъ тебя, то есть вотъ какъ жалко, потому ты хорошій баринъ, а ничего не подѣлаешь,—приказъ такой пришелъ». Какой-нибудь Савельичъ или Сидорычъ, у котораго будетъ веревка-то въ рукахъ, даже можетъ быть плакать будетъ отъ жалости, а самъ веревку станетъ расправлять и приговаривать: «Ну, кормилецъ ты нашъ, давай головушку-то свою, видно ужъ судьба твоя такая, коли приказъ пришелъ».

— Ну, ужъ это вы преувеличиваете,—сказалъ я.

— Нѣтъ, право, можетъ быть, можетъ. И веревку помягче сдѣлаютъ, обомнутъ, и сучекъ на деревѣ получше выберутъ,—фантазировалъ Тургеневъ и смѣялся.

Въ это время въ прихожей позвонили. Не могу не разсказать этого маленькаго, вводнаго эпизода, который до извѣстной степени тоже характеризуетъ, съ одной стороны, тургеневское добродушіе, а съ другой—чисто барскую брезгливость.

Вслѣдъ за звонкомъ зашелестѣло въ прихожей женское платье и послышился женскій голосъ:

— Г-нъ NN тутъ живетъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Тургеневъ,—я тутъ живу.

— А NN гдѣ же живетъ?

— Право, не знаю. Я не знаю NN и живу тутъ одинъ.

— Извините пожалуйста,—сказала барыня и ушла.

Но не прошло и пяти минутъ, какъ дверь снова растворилась и послышался тотъ же голосъ:

— Вѣдь вы мосье Тургеневъ?

— Да, Тургеневъ.

— Вы изъ Москвы вмѣстѣ съ NN пріѣхали?

— Нѣтъ-съ одинъ, и не изъ Москвы, а изъ-за границы.

— Какъ это странно... Но въ такомъ случаѣ вы, значитъ, въ Москву ѣдете?

— Не въ Москву, а въ Орловскую губернію, но буду проѣздомъ и въ Москвѣ.

— Какъ это хорошо. Позвольте васъ повидать... Мнѣ надо съ вами поговорить, у меня есть маленькая просьба.

Тургеневъ обратился шопотомъ ко мнѣ: «что̀ ей отъ меня надо, я ее не знаю»; а потомъ громко отвѣтилъ:

— Извините пожалуйста, сударыня, я васъ въ данную минуту принять не могу, потому что не одѣтъ и лежу. Я боленъ.

— Это ничего, если только вы не настолько больны.

— Но мнѣ самому неловко принять васъ въ такомъ видѣ: я въ одномъ бѣльѣ...

— А я вамъ говорю, что это ничего. Я на васъ смотрѣть не буду, если хотите.

Тургеневъ помялся, поправился немного, покрылся до груди и сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ пожалуйте...

Вошла довольно еще молодая, очень хорошо одѣтая и не дурная дама и внесла съ собою цѣлую струю какихъ-то духовъ. Черное шелковое платье, накидка, шляпа и изящный маленькій поклонъ, который она сдѣлала, все говорило о благовоспитанности и пожалуй даже о принадлежности къ хорошему обществу. Я всталъ, чтобы дать ей мѣсто поближе къ Тургеневу, и хотѣлъ было проститься, но Тургеневъ не пустилъ: «Нѣтъ, ужъ это извините»,—сказалъ онъ такимъ тономъ, какъ еслибы говорилъ: «Одного меня въ столь трудномъ положеніи не оставляйте». Я отошелъ къ окну и сѣлъ, а незнакомка заняла кресло около стола и самаго тургеневскаго изголовья.

— У васъ, мосье Тургеневъ, столько знакомыхъ, столько связей,—заговорила она,—что я хочу васъ просить объ опредѣленіи въ какое-нибудь заведеніе двухъ моихъ дѣтей-мальчиковъ.

— Опредѣлять, сударыня, я никуда не могу, но дѣйствительно знакомые у меня есть и я могу попросить ихъ.

— Ахъ, это рѣшительно все равно, потому что вашу просьбу навѣрное исполнятъ.

— Въ такомъ случаѣ, куда же бы вы хотѣли помѣстить вашихъ дѣтей, а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ интересно было бы знать, о комъ именно я буду просить и съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Она назвала ему фамилію, а затѣмъ сказала:

— Мнѣ все равно куда: въ корпусъ, въ гимназію, въ лицей, лишь бы только они были на мѣстѣ и учились.

— Я знаю директора одной военной гимназіи въ Москвѣ, вотъ, если хотите, съ нимъ поговорить можно.

— Пожалуйста.

— Тогда мнѣ нужно будетъ записать это для памяти.

Тургеневъ досталъ записную книжку и спросилъ, какъ зовутъ ея дѣтей. Та сказала, онъ записалъ и сталъ что̀-то говорить, но потомъ вдругъ, какъ бы опомнившись, сказалъ:

— Что же это я, однако, дѣлаю: имена записалъ, а и не спросилъ васъ, сколько лѣтъ вашимъ дѣтямъ. Это тоже надо записать. Сколько лѣтъ старшему?

— Старшему пять, а младшему четыре.

Тургеневъ вытаращилъ глаза, не зная разсердиться ему или засмѣяться, но сказалъ довольно спокойно, отодвигая записную книжку:

— Развѣ такихъ маленькихъ куда-нибудь опредѣляютъ, ихъ не примутъ.

— Я и не хочу, чтобы сейчасъ приняли, а впослѣдствіи,— нисколько не смущаясь, отвѣчала барыня.

— Ну, такъ тогда и надо хлопотать, а не теперь.

Вслѣдъ затѣмъ барыня нагнулась къ Тургеневу и стала ему говорить что̀-то шопотомъ. Что̀ она говорила, не знаю, видѣлъ я только, что Тургеневъ, по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ его уху, отворачивалъ лицо въ сторону, къ стѣнѣ, и краснѣлъ. Потомъ онъ немного приподнялся и сказалъ мнѣ:

— Будьте такъ добры, достаньте у меня вотъ тутъ въ письменномъ столѣ... вотъ въ правомъ ящикѣ...

Не зная, что именно достать, я отодвинулъ столъ и, увидѣвъ тамъ 10 рублей, подалъ ихъ ему. Я не ошибся: ихъ-то именно и нужно было. Вслѣдъ затѣмъ барыня простилась и ушла. Когда дверь затворилась, Тургеневъ чуть не вскрикнулъ:

— Слава тебѣ Господи! меня вѣдь чуть-чуть не вырвало: она совсѣмъ пьяна, отъ нея такъ водкой несетъ,—и духами еще при этомъ,—что я еле выдержалъ. Вотъ разодолжилъ бы. Послѣдніе 10 руб. вѣдь отдалъ ей. Теперь у меня ничего нѣтъ. Только уходи, матушка, поскорѣй.

— Зачѣмъ же вы это сдѣлали?—сказалъ я.—Вотъ она теперь за ваше здоровье еще напьется.

— А Богъ съ ней, дѣлай тамъ, что̀ хочешь. Вы скажите лучше вотъ что: хорошо, что больше не было, я все отдалъ бы, лишь бы только она ушла.

— Какъ же вы теперь будете безъ денегъ?—спросилъ я.—Вѣдь это неудобно, возьмите пока хоть у меня, со мною есть деньги.

— Нѣтъ, спасибо, спасибо. Мнѣ сегодня же привезутъ деньги. Все равно мнѣ нужны деньги на дорогу. Скажите лучше, какія рукописи вы мнѣ принесли?

Я сказалъ и отдалъ ему рукописи, причемъ высказалъ сожалѣніе, что не могъ захватить еще одного разсказа Н. В. Максимова, который мнѣ очень нравится, но не нравится, къ сожалѣнію, цензурѣ.

— А въ чемъ тамъ дѣло?—спросилъ Тургеневъ.—Если не трудно и есть время, разскажите пожалуйста вкратцѣ.

— По моей передачѣ вы не увидите литературной стороны

разсказа, т. е. самаго описанія, потому что я совсѣмъ плохо говорю, а тутъ именно въ описаніи-то все и заключается, такъ какъ темою для разсказа послужилъ дѣйствительный случай, бывшій въ Пензенской губерніи.

— Нѣтъ, все-таки разскажите мнѣ только самую суть, самое содержаніе разскажите.

— А суть, — сказалъ я, — такая: жила, видите ли, въ одномъ селѣ солдатка, Матрешка, женщина опустившаяся, пьяная, оброшенная. Всѣ, кто хотѣлъ, пользовался ея услугами, всѣ надъ нею смѣялись, ругали ее или ругались ею, а подъ пьяную руку и били. Дома своего у нея не было, ночевала она, гдѣ случится изъ милости, а нерѣдко и просто подъ заборами, по близости кабака. Но вотъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ, въ сердцахъ на помѣщика, задумали поджечь барское гумно и рѣшили воспользоваться для этого ею. Съ этою цѣлью одинъ изъ нихъ приласкался къ ней, поговорилъ по-человѣчески и сказалъ ей, чтобы она сослужила службу міру. И вотъ, подъ вліяніемъ этой-то ласки, человѣческаго отношенія и идеи быть полезной міру, она вдругъ точно перерождается, становится другимъ человѣкомъ.

Тургеневъ приподнялся на диванѣ:

— Какая чудесная тема, — сказалъ онъ. — Ну, а затѣмъ что же?

— А затѣмъ совершаетъ она поджогъ, производится слѣдствіе, крестьяне, не дорожа ею и выгораживая себя, показываютъ на нее, попадаетъ она въ острогъ и судится въ окружномъ судѣ. Но, выдавши ее, крестьяне чувствуютъ сожалѣніе, ихъ, какъ говорится, зазрила совѣсть, и они рѣшаются выгородить ее на судѣ, т. е. отказаться отъ своихъ показаній и сказать, что ничего не видали, ничего знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ. Цѣль достигается, и подсудимая выходитъ изъ суда оправданной. Только и всего.

Тургеневъ, забывши о больныхъ ногахъ, вдругъ вскочилъ и съ чисто юношескимъ нетерпѣніемъ спросилъ:

— Ну, а дальше что̀? Какъ онъ кончилъ? Какъ?

— А дальше, по выходѣ изъ суда, и она, и свидѣтели отправились въ кабакъ, перепились и опять все попрежнему пошло, т. е. она превратилась опять въ старую Матрешку.

— Очень хорошо, ужасно я радъ, что онъ такъ кончилъ,—сказалъ Тургеневъ,—ложась опять на диванъ,—это вполнѣ естественно; а я боялся, что онъ какъ-нибудь понѣмецки кончитъ: заставитъ ее выйти за кого-нибудь замужъ, устроитъ имъ съ мужемъ какую-нибудь булочную или лавочку и т. д. Вы мнѣ все-таки пожалуйста пришлите этотъ разсказъ.

Прощаясь, онъ еще разъ повторилъ ту же просьбу и сказалъ:

— Кланяйтесь пожалуйста Глѣбу Ивановичу и всѣмъ-всѣмъ.

Мнѣ кажется, что еслибы я съ вами, господа, почаще видѣлся, то опять сталъ бы писать. А если буду въ силахъ и что̀-нибудь напишу изъ того, что думаю, непремѣнно пришлю вамъ.

Я поблагодарилъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ возвратилъ мнѣ оставленныя ему рукописи и уѣхалъ въ деревню. Больше я его уже не видѣлъ.

С. Н. К.

ОТЖИВШІЕ ТИПЫ.

Очеркъ первый.

Мадамъ Тома.

«Dans un rayon de lumière,
«Comme une vision légère,
«Passent des ombres d'autrefois»...
A. Musset.

I.

ЛѢТОМЪ, съ утра до вечера, ее можно было видѣть подъ старымъ развѣсистымъ кленомъ въ саду.

Это собственно былъ не садъ, а палисадникъ, занимавшій въ ширину ровно столько мѣста, сколько занималъ домъ; но въ длину онъ тянулся саженъ на шесть дальше и казался намъ очень большимъ. Въ немъ были клумбы съ душистыми цвѣтами, много розъ, бѣлыхъ и розовыхъ сантифолій, сирень трехъ сортовъ. Когда она цвѣла, ароматомъ ея наполнялись не только комнаты перваго этажа, но и второго, черезъ окна, открывающіяся въ садъ. Былъ также красный и желтый шиповникъ и барбарисъ, нѣсколько вишневыхъ деревьевъ, три-четыре яблони, крыжовникъ. Яблоки не дозрѣвали, но вишни и крыжовникъ были превкусные. Направо, въ углу, Павелъ устроилъ парничекъ, гдѣ выращивались ранней весной, подъ стеклянными рамами, редисы, огурцы и салатъ. Подъ балкономъ была бесѣдка со скамейками и столомъ, выкрашенными въ зеленую краску.

Садикъ былъ содержанъ прекрасно, благодаря страсти къ садоводству Павла...

Но о Павлѣ послѣ, очеркъ этотъ я посвящаю мадамъ Тома. Она играла такую важную роль въ моемъ дѣтствѣ и такъ своеобразно повліяла на мое нравственное развитіе, что я не могу не отвести ей перваго мѣста въ моихъ воспоминаніяхъ; кромѣ того, изъ всѣхъ тѣней прошлаго это та, которую мнѣ всѣхъ отраднѣе вызывать и всѣхъ легче; при одномъ ея имени воспоминанія поднимаются во мнѣ толпой, въ такомъ множествѣ, что трудно въ нихъ разобраться и я впередъ прошу читателя не сѣтовать на меня за непослѣдовательность.

Какъ живая встаетъ передо мной оригинальная фигура старухи съ большой головой на узкихъ плечахъ, длиннымъ лицомъ съ крупными мужскими чертами умнаго, энергичнаго лица.

Какого она была роста—высокаго или низенькаго—я не могу сказать; но казалась она ниже другихъ, потому что сильно прихрамывала на одну ногу. Перенесенная сюда, вслѣдствіе цѣлаго ряда любопытныхъ приключеній, изъ деревни въ окрестностяхъ Парижа, она оставалась вѣрной нравамъ и обычаямъ своей родины, одѣвалась такъ, какъ тамъ привыкла одѣваться и жила, большею частью, воспоминаніями того, что̀ тамъ оставила. Впрочемъ, и всему тому, что̀ здѣсь ее окружало, умѣла она придать особенный, иностранный колоритъ, бросавшійся въ глаза каждому, кто видѣлъ въ первый разъ ее и ея обстановку.

Обстановка эта заключалась въ просторной комнатѣ съ однимъ окномъ, уставленной множествомъ ящиковъ, сундуковъ и старою мебелью; но на кровати постель была оправлена не по-русски, а такъ, какъ за границей убираютъ постели, съ разложенными не одна на другую, а въ рядъ подушками, прикрытыми сплошь гладко натянутымъ одѣяломъ изъ сшитыхъ вмѣстѣ ситцевыхъ лоскутковъ.

Никогда мадамъ Тома не ложилась днемъ на кровать, даже и тогда, когда бывала нездорова, что случалось, должно быть, очень рѣдко, потому что я больной ее не помню.

Утромъ, когда бы мы къ ней не прибѣжали, она ужъ всегда была вставши, постель ея и комната прибраны, цвѣты на окнѣ политы, кошки, Бланшъ и Марьета, накормлены и сама она сидитъ за работой въ креслѣ у стола съ ящикомъ, въ которомъ, кромѣ нитокъ, иголокъ и тому подобныхъ принадлежностей для шитья и вязанья, были также книги.

II.

О, эти книги!

Ни одинъ романъ, а романы всю раннюю юность имѣли для меня неотразимую прелесть запрещеннаго плода, ни одинъ романъ не интересовалъ меня такъ страстно, какъ маленькіе томики въ кожаныхъ переплетахъ, съ текстомъ, напечатаннымъ на грубой синеватой бумагѣ, составлявшіе библіотеку мадамъ Тома.

Между ними я помню особенно живо исторію св. Женевьевы Брабантской, изданія прошлаго столѣтія, съ картинками.

Мадамъ Тома знала эту книгу наизусть, и когда я читала ее вслухъ, она добавляла знакомую исторію такими коментаріями, отъ которыхъ воображеніе разыгрывалось у меня до изступленія. По цѣлымъ часамъ витала я мысленно въ дремучихъ лѣсахъ съ дикими звѣрями, въ пещерахъ съ спасающимися въ нихъ красивыми женщинами съ длинными золотистыми волосами, въ которые онѣ закутывались съ ногъ до головы, какъ въ плащи.

На одной изъ картинокъ была изображена такая сцена: у входа въ пещеру стоитъ Женевьева въ позѣ, полной благороднаго достоинства. Одной рукой она придерживаетъ на груди густую волну своихъ чудныхъ волосъ, другой указываетъ рыцарю въ латахъ и шлемѣ, остановившемуся передъ нею въ изумленіи, на совершенно голаго мальчика. Внизу надпись: «Seigneur, vous voyez devant vous votre épouse infortunée et votre fils, victimes tous deux d'une infame calomnie» (Государь! вы видите передъ собою вашу несчастную супругу и вашего сына, сдѣлавшихся жертвами безсовѣстной клеветы!) Вдали, между деревьями, выглядываетъ коза, та самая, что въ теченіе семи лѣтъ кормила своимъ молокомъ эту интересную особу и ея ребенка.

Исторія эта такъ меня волновала, что даже, зная ея конецъ, а именно, что въ послѣдней главѣ жестокій и ревнивый рыцарь, супругъ злополучной Женевьевы, сознаетъ свое заблужденіе и блестящимъ образомъ исправляетъ его,—я не могла удержаться отъ слезъ и страха, перечитывая описаніе хитрой, ловко подведенной интриги, сплетенной злодѣями на погибель невинной души.

И мадамъ Тома не могла равнодушно это слышать. Чтеніе ежеминутно прерывалось возгласами: «Oh, les gueux! Non, faut il être lache! Et le mari, en vla un chenapan! C'est moi, qui n'aurait jamais pardonné! Oh non, pour ça jamais!» (О! Бездѣльники! Надо же быть такимъ подлецомъ! А мужъ, вотъ негодяй! Я никогда бы не простила! О, нѣтъ, никогда!)

Но я съ нею не соглашалась. Съ моею склонностью къ романтизму мнѣ казалось много интереснѣе поступить такъ, какъ Женевьева, всѣхъ простить, вести до конца добродѣтельную жизнь и прослыть за это послѣ смерти святой.

III.

Святой! «Ouiche, en vla une blague» (О, вотъ вздоръ),—ворчала сквозь зубы съ лукавой усмѣшкой старая француженка, религія которой состояла изъ странной смѣси вольнодумства съ предразсудками. Небо безъ Бога она точно также не могла себѣ предста-

вить, какъ и землю безъ чорта, но изъ святыхъ признавала одного только нашего святителя Николая чудотворца, оказавшаго ей въ трудную минуту какую-то важную услугу, за которую она была ему безконечно благодарна. Называла она его «le St. Nicolas russe».

Становясь на молитву, она каждое утро бесѣдовала съ нимъ вслухъ съ трогательною фамильярностью, какъ съ хорошимъ пріятелемъ, жаловалась ему на обидчиковъ и давала ему совѣты: «Tu aurais bien du les secouer pour leur traitrise et leur cochonnerie. Tu vois donc bien, qu'ils se moquent du bon Dieu et de leur semblables, c'est moi, qui les aurait arrangé, si j'étais à ta place!» (Ты бы долженъ былъ хорошенько ихъ встряхнуть за ихъ предательство и свинство. Развѣ ты не видишь, что они смѣются надъ Богомъ и надъ ближними? будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы ихъ отдѣлала!).

Сколько разъ доводилось намъ слышать изъ сосѣдней комнаты подобнаго рода воззванія, обращенныя къ образу, висѣвшему въ почетномъ углу, въ комнатѣ мадамъ Тома.

Иногда она пускалась съ нимъ въ разсужденія иного рода: «Je ne brule devant toi ni cierges, ni huile, mais tu dois la même chose faire ce que je demande, car je ne veux que la justice moi. Je ne suis pas comme cette rapporteuse de Taniouche, qui reste à gigoter des heures par terre, devant des images et qui après ça assome de coups cette pauvre petite innocente de Warka, pour la plus petite faute» (Я не жгу передъ тобою ни воска, ни масла, но ты все-таки долженъ сдѣлать для меня то, что я прошу, потому что я требую только справедливости. Я не похожа на эту доносчицу Танюшу, которая, распростершись ницъ, дрыгаетъ ногами цѣлые часы передъ образами, а потомъ осыпаетъ ударами бѣдную и невинную маленькую Варьку за самый ничтожный проступокъ).

Къ духовенству она вообще не благоволила, но нашихъ русскихъ поповъ все-таки предпочитала католическимъ ксендзамъ. Этихъ ужъ она положительно не переваривала и если ходила иногда на исповѣдь, то единственно для того, кажется, чтобъ всласть облегчить себѣ душу, наговоривъ духовнику непріятныхъ истинъ. «Je lui en ai dit! Je lui en ai dit! Il a reçu son paquet, pas de danger que je me taise comme les autres, je suis pour la justice moi» (Я ему порядкомъ наговорила! Хорошо наговорила! Онъ получилъ, что̀ ему слѣдовало! Я не буду молчать, какъ другіе; я стою за справедливость).

IV.

Съ нами она разговаривала и спорила какъ со взрослыми людьми, увлекалась при этомъ и высказывала вещи, которыя принято тщательно скрывать отъ дѣтей. Объяснить это ей и рекомендовать быть осторожнѣе—было безполезно; соображенія подобнаго рода

были недоступны ея пониманію, она отвѣтила бы на нихъ презрительно пожимая плечами: «en vla encore des bêtises! Est ce qu'ils ne doivent pas connaitre la vie, ces enfants!» (Вотъ еще глупости! Развѣ дѣти, не должны знать жизни!)

По мѣрѣ того, какъ мы подростали, насъ отдаляли отъ мадамъ Тома и передавали на руки гувернантокъ и гувернеровъ, которыхъ мы терпѣть не могли, а на наше мѣсто въ дѣтскую, рядомъ съ комнатою мадамъ Тома, переселяли меньшихъ дѣтей, тѣхъ, что раньше были на попеченіи кормилицъ и русской няни Ѳеклистьевны. Этимъ мадамъ Тома могла сколько угодно разсказывать про разную чертовщину, про невѣрныхъ женъ, ревнивыхъ мужей и покинутыхъ любовницъ, или кровавые эпизоды изъ великой революціи, описывать казнь Шарлоты Кордэ, при которой она будто бы присутствовала, и превозносить такихъ предаваемыхъ у насъ анаѳемѣ личностей, какъ Робеспьеръ и Маратъ,—предполагалось, что на младенцевъ четырехъ, пяти лѣтъ подобные разсказы никакого впечатлѣнія произвести не могутъ.

И какъ ошибались! Я до сихъ поръ помню нѣкоторые случаи, которымъ была свидѣтельницей или о которыхъ слышала въ эти лѣта. Не все, конечно, но именно то, что̀ по мнѣнію старшихъ, мнѣ всего меньше слѣдовало знать.

V.

Начала я съ описанія нашего садика, потому что воспоминаніе о немъ неразлучно съ воспоминаніемъ о мадамъ Тома. Лѣтомъ она весь день проводила въ саду. Съ трехъ сторонъ онъ былъ окруженъ акаціями. Желтенькіе цвѣточки съ медовымъ запахомъ, распускавшіеся раньше всѣхъ прочихъ цвѣтовъ, привлекали множество пчелъ и осъ. Черезъ эту живую изгородь трудно было продраться до рѣшетки, но въ одномъ мѣстѣ, а именно со стороны улицы, было расчищено небольшое пространство подъ старымъ кленомъ и тутъ стоялъ стулъ съ высокой спинкой, для мадамъ Тома, деревянный табуретъ, замѣнявшій ей столъ для работы, и другой, пониже, которымъ овладѣвалъ тотъ изъ насъ, кому удавалось прибѣжать сюда раньше прочихъ. Остальныя дѣти размѣщались на землѣ. Набѣгавшись до усталости по дорожкамъ, мы прибѣгали сюда поглазѣть черезъ рѣшетку на улицу. Акаціи росли и здѣсь, но не такъ густо; между вѣтвями можно было видѣть проходившихъ мимо, съ звонкимъ выкрикиваніемъ, торговокъ мочеными яблоками, ягодами, воблой. Сновало также тутъ и семейство лавочника, торговавшаго на углу подсолничными и арбузными сѣмячками, пряниками, булками и тому подобнымъ товаромъ. Мальчики и дѣвочки всѣхъ возростовъ, въ грязныхъ рубашенкахъ

и юбчонкахъ, пробѣгали мимо нашего садика съ хохотомъ и визгомъ невоспитанныхъ, уличныхъ ребятишекъ. Такъ звали у насъ ихъ съ презрѣніемъ всѣ старшіе. Всѣ, кромѣ мадамъ Тома. Она относилась къ нимъ доброжелательно, а мы слѣдовали ея примѣру и принимали горячее участіе въ судьбѣ этихъ Машекъ, Полекъ и Алешекъ, которые останавливались охотно передъ нашей рѣшеткой, чтобъ поболтать о своихъ дѣлахъ.

Мадамъ Тома вела знакомство и съ кривой Китовной, торговавшей ягодами, яблоками и грушами, и разспрашивала про ея семейныя дѣла. «Eh bien, ta dochka (дочка) elle est toujours avec ce pas grand chose de Mikit? Il faut la marier avant qu'elle ne soit... tu comprends?» (Ну что, двоя дочка все еще возится съ этимъ негодяемъ Никитой? Нужно ее выдать замужъ прежде чѣмъ она... понимаешь?) дополняла она свою рѣчь краснорѣчивой жестикуляціей.

На знакомства она была неразборчива, дружила и съ трубочистомъ, которому путь лежалъ раза три въ недѣлю мимо нашего сада, и съ почтальономъ, разносившимъ по городу письма, и съ старымъ шарманщикомъ, у котораго въ хриплой шарманкѣ восхитительно вальсировали куколки въ старомодныхъ костюмахъ, и съ экономкой богатой помѣщицы Х—ной, нашей сосѣдки съ правой стороны, и съ казачкомъ господъ Я—хъ, нашихъ сосѣдей слѣва.

Бесѣды происходили иногда съ нашею помощью. Мы ей переводили то, чего она не понимала, и задавали ея пріятелямъ вопросы отъ ея имени.

— Вчера лавочница пробѣжала мимо насъ съ заплаканными глазами и не хотѣла остановиться, когда я ее позвала, спроси о чемъ она плакала? Опять, вѣрно, съ мужемъ подралась изъ-за того черненькаго писарька, съ которымъ она теперь амурится,—рекомендовала мадамъ Тома которому-нибудь изъ своихъ воспитанниковъ, четырехлѣтнему Ѳедѣ, напримѣръ, или пятилѣтней Сонѣ.

Просьба ея немедленно исполнялась и отъ маленькаго чумазаго оборвыша, остановившагося передъ рѣшеткой, получался такой отвѣтъ, который заставилъ бы содрогнуться отъ ужаса нашу maman, еслибъ она его услышала. Подробности о тумакахъ и оплеухахъ, о томъ, какъ тятьку приволокли домой пьянымъ, какъ онъ у мамки всю косу выдралъ, и тому подобное, такъ и сыпались въ этихъ бесѣдахъ, въ перемежку съ коментаріями мадамъ Тома, коментаріями, почти всегда скабрезнаго свойства.

Ничѣмъ не интересовалась она такъ сильно, какъ любовными исторіями, и у нея былъ особенный талантъ откапывать ихъ всюду. Одинаково близко принимала она къ сердцу волненія какой-нибудь барышни, влюбленной въ свѣтскаго франта и швеи Лизы, поджидавшей каждый вечеръ въ сѣняхъ повара Яшку, чтобъ цѣловаться съ нимъ.

Сословныя различія для нея не существовали, не даромъ же родилась она въ самый разгаръ французской революціи и носила слѣды словъ: liberté, fraternité, égalité, татуированными на лѣвой рукѣ, пониже плеча, какимъ-то фанатикомъ тогдашнихъ модныхъ идей, ея отцомъ, кажется. Она отлично помнила множество событій той эпохи и чрезвычайно ярко и типично умѣла передавать ихъ.

Впрочемъ, не одно только прошлое занимало ея воображеніе; оно у нея вволю разыгрывалось и въ настоящемъ. Во всемъ, что̀ окружало ее, умѣла она подмѣтить то, чего другіе не замѣчали и въ изобрѣтеніи пищи для фантазіи равной ей трудно было найти. Окружающая ее среда въ дворянской семьѣ, пропитанной господствующими въ то время предразсудками узкой сословной морали, приводила ее въ постоянное волненіе и негодованіе. Особенно живо интересовалась она судьбой крѣпостного люда, кишившаго здѣсь въ такомъ множествѣ, что я даже и припомнить не могу по именамъ всѣхъ дѣвокъ, женщинъ, мальчишекъ и взрослыхъ мужчинъ, изъ которыхъ состояла наша дворня, она же всѣхъ ихъ коротко знала и живо принимала къ сердцу все, что̀ до нихъ касалось. Любопытства къ людямъ въ ней былъ такой неизсякаемый запасъ, что для удовлетворенія его она изловчалась по цѣлымъ часамъ бесѣдовать съ ними на особенномъ жаргонѣ, смѣсь французскихъ словъ съ русскими, до неузнаваемости исковерканныхъ; но дополнялся этотъ жаргонъ такой краснорѣчивой мимикой, что они отлично понимали другъ друга.

VI.

Садикъ нашъ выходилъ на пыльную, пустынную улицу, довольно узкую и стиснутую между длинными, сѣрыми, утыканными гвоздями, заборами, со свѣшивающимися черезъ нихъ вѣтвями деревьевъ. По этой улицѣ въ экипажахъ не ѣздили; она служила только для пѣшеходовъ.

Внѣ этого уголка, городъ намъ былъ мало извѣстенъ; выѣзды наши ограничивались визитами къ бабушкѣ, жившей въ собственномъ домѣ неподалеку, поѣздками по воскресеньямъ къ обѣднѣ въ Крестовую церковь, да катаньями—зимой въ саняхъ по улицамъ, а лѣтомъ за городъ, съ гувернанткой m-elle Огюстъ, которую мы терпѣть не могли и которая въ свою очередь относилась къ намъ съ чопорнымъ равнодушіемъ и брезгливостью истой англичанки. Забѣгать при всякомъ удобномъ случаѣ къ мадамъ Тома и жаловаться ей на нашу притѣснительницу было для насъ душевной потребностью; никакими наказаніями нельзя было насъ отъ этого отучить.

Старушка намъ сочувствовала вполнѣ. Тутъ, кромѣ участія къ намъ, играла роль племенная вражда.

— Les anglaises, elles sont toutes rancunières et méchantes,—авторитетнымъ тономъ объявляла мадамъ Тома. Ce n'est pas leur faute, c'est parce qu'elles ont trop de brouillard dans leur pays, mais, tout de même, on ne les aime pas chez nous. (Всѣ англичанки злопамятны и злы. Причиной тому то, что въ ихъ отечествѣ слишкомъ много тумана; но тѣмъ не менѣе ихъ у насъ не любятъ).

«Chez nous»—это значило во Франціи.

M-lle Auguste была уроженка Ирландіи. Какъ попала она въ Россію, не знаю. Исторія ея была можетъ быть и интересна, но намъ и въ голову не приходило изощрять нашу фантазію на этотъ счетъ. Другое дѣло мадамъ Тома; про нее намъ все было извѣстно. У нея былъ мужъ по имени Рюриковъ (она произносила это имя на французскій ладъ, съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ) и сынъ Шарль.

Не было у насъ человѣка въ домѣ, которому она не разсказала бы по сотнѣ разъ, какъ она встрѣтилась съ мужемъ (въ 1814 году, когда русскіе вступили въ Парижъ), какъ влюбилась въ него и послѣдовала за нимъ въ Россію.

VII.

Путешествіе длилось три года. Это была цѣлая эпопея. Два раза на нихъ нападали разбойники въ лѣсахъ, тогда еще дремучихъ въ Германіи; они ѣхали на своей лошади Коко, въ фурѣ, нагруженной пожитками. На одномъ перечисленіи этихъ пожитокъ мадамъ Тома останавливалась по цѣлому часу, а иногда и дольше, смотря по тому, сколько времени имѣли въ своемъ распоряженіи ея слушатели.

Останавливались отдыхать въ деревняхъ и селахъ, а иногда, когда ни тѣхъ, ни другихъ, долго не попадалось на пути, въ жилищахъ разныхъ двусмысленныхъ личностей, поселившихся вдали отъ населенныхъ мѣстъ, вслѣдствіе обстоятельствъ весьма таинственнаго свойства.

Такъ, напримѣръ, они провели однажды ночь у женщины, про которую шла молва будто она колдунья, извела разными, извѣстными ей одной, чарами, трехъ мужей и пропасть чужого народа, судилась за сношеніе съ дьяволомъ; но, обернувшись птицей, вылетѣла изъ рукъ палачей именно въ ту минуту, когда ее должны были казнить.

Попадались имъ также на пути пустынники, спасавшіеся въ лѣсныхъ дебряхъ отъ мірской суеты и искушеній. Но что было всего занимательнѣе—это ея разсказы про нападеніе разбойниковъ.

Чтобы не мучить Коко, путь совершался большею частью пѣшкомъ. На фурѣ, подъ навѣсомъ отъ дождя и солнца, сидѣлъ только

ихъ ребенокъ. Ему не было еще году, когда они выѣхали изъ Франціи.

Мнѣ до сихъ поръ такъ живо представляется эта сцена, точно я знаю ее не по разсказамъ только, а видѣла ее собственными глазами и даже участвовала въ ней, шествуя за повозкой вмѣстѣ съ мадамъ Тома и ея мужемъ.

Фигура послѣдняго представляется смутно, я вижу только высокаго человѣка, въ огромныхъ эполетахъ и съ саблей на боку; но мадамъ Тома является передо мной какъ живая, въ чепцѣ изъ туго накрахмаленной бѣлой кисеи, съ плоенными оборками и большимъ зеленымъ бантомъ спереди. Платье на ней изъ темнаго ситца, очень узкая юбка, талья подъ мышками и рукава пышными буффами. На плечахъ то, что̀ она называла un châle, просто пестрый платокъ, бумажный по буднямъ и шерстяной по праздникамъ, какъ всѣ горничныя у насъ носили; но она умѣла какъ-то особенно его надѣвать, прикалывая толстой булавкой на груди такъ, что онъ имѣлъ видъ сложенной граціозными складками косынки.

Передники у нея были тоже особеннаго фасона, широкіе и длинные, съ большими карманами и всегда свѣтлые.

Всю свою жизнь оставалась она вѣрной модѣ, вывезенной изъ Парижа, въ 1815 году, и въ другомъ костюмѣ я не могу ее себѣ представить.

Слушая ея разсказы, я переживала вмѣстѣ съ нею всѣ ея страхи и волненія подъ высокими, зелеными сводами вѣковыхъ деревьевъ, когда наступала ночь, а до ночлега было еще далеко и кругомъ начиналъ раздаваться вой дикихъ звѣрей, зловѣщій свистъ, сбирающихся на промыселъ разбойниковъ, и каждую минуту можно было ждать появленія вѣдьмы, гнома, не нашедшаго покоя въ могилѣ мертвеца, и тому подобные ужасы.

Вообще, ѣхать ночью было такъ опасно, что путешественники всего больше заботились о томъ, чтобъ попасть на ночлегъ засвѣтло. Но имъ это не всегда удавалось. Дорогъ они не знали; верстовыхъ столбовъ тогда еще не принято было ставить, пускались въ путь наобумъ, отъ мѣста до мѣста, слѣдуя указаніямъ попадавшихся на встрѣчу людей и часто плутая по цѣлымъ часамъ.

И вотъ однажды случилось такъ, что въ дремучемъ лѣсу на нихъ напали разбойники.

День клонился къ вечеру. Коко такъ усталъ, что везти дальше повозку отказывался. Рюриковъ хотѣлъ было стегнуть его кнутомъ, но мадамъ Тома этому воспротивилась. Бить животное, послѣдовавшее за ними изъ Франціи! Да она скорѣе согласилась бы, чтобъ ее прибили. Она сказала мужу: «вернемся лучше назадъ, на ту мельницу, гдѣ мы ночевали. Коко увидитъ, что мы идемъ назадъ (удивительно умное животное было это Коко!) и охотно послѣдуетъ

за нами». Но Рюриковъ былъ упрямъ какъ оселъ, всѣ ихъ несчастья происходили отъ этого упрямства. О! Еслибъ онъ во всемъ слушался мадамъ Тома! Вернуться къ мельнику онъ не захотѣлъ, человѣкъ этотъ ему не нравился, il lui trouvait une mauvaise figure. Сколько ни убѣждала его жена, онъ упорно стоялъ на своемъ и, передохнувъ съ часочекъ, они двинулись дальше.

И вдругъ, на перекресткѣ между тремя дорогами, когда уже совсѣмъ стемнѣло, раздался въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи свистокъ, а затѣмъ, немного погодя, сухіе сучья захрустѣли подъ чьими-то тяжелыми ногами, изъ-за деревьевъ выскочили люди съ страшными лицами и огромными ножами за поясомъ.—«La bourse ou la vie!» Ужъ по одному этому возгласу можно было догадаться, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

Мадамъ Тома стала умолять мужа не сопротивляться и безъ боя дать имъ обыскать фуру и взять все, что имъ вздумается. У нея былъ зашитъ въ нижней юбкѣ мѣшечекъ съ золотыми, который она такимъ образомъ надѣялась спасти отъ злодѣевъ. На нѣсколько тысячъ было у нея въ этомъ мѣшечкѣ золотыхъ. Но Рюриковъ, по своему обыкновенію, заупрямился. У него была длинная острая сабля; онъ выхватилъ ее изъ ноженъ и сталъ ею дѣйствовать. И дѣйствовалъ онъ отлично, что ни ударъ—то либо голова, либо нога, либо рука летитъ съ тѣла долой. По одной версіи, мадамъ Тома помогала ему наносить удары непріятелю большой, суковатой палкой, по другой—она ослѣпляла разбойниковъ и заставляла ихъ выбывать изъ строя тѣмъ, что кидала имъ горстями нюхательный табакъ въ глаза.

Но тѣмъ не менѣе совладать съ цѣлой шайкой вдвоемъ не удалось и, положивъ на мѣстѣ человѣкъ двадцать или даже больше, имъ все-таки въ концѣ концовъ пришлось сдаться.

Тутъ ужъ начался такой ужасъ, что когда повѣствованіе, которое мы знали наизусть, приближалось къ этому мѣсту, у насъ мурашки начинали бѣгать по тѣлу и мы прижимались другъ къ другу, не спуская глазъ съ разсказчицы и жадно глотая каждое ея слово.

Разбойники рѣзали мадамъ Тома и ея мужа ножами, стрѣляли въ нихъ изъ пистолетовъ, пыряли ихъ кинжалами и, наконецъ, расхитивши все ихъ имущество, покинули ихъ въ самомъ жалкомъ видѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ происходило побоище.

Фуру съ Коко они увели, конечно, и несчастные путешественники непремѣнно умерли бы отъ ранъ, голода и жажды, еслибъ черезъ нѣсколько часовъ, на разсвѣтѣ, не проѣхала мимо этого мѣста какая-то принцесса, отправляющаяся на богомолье въ золотой каретѣ и съ блестящей свитой.

Она услышала крикъ ребенка, звавшаго на помощь, приказала остановиться, подозвала его къ себѣ и между ними завязался слѣ-

дующій діалогъ: «Кто ты, прекрасное дитя? Почему ты одинъ въ этой дикой и уединенной мѣстности, и гдѣ твои родители?» спросила принцесса. «Слѣдуйте за мною, принцесса, и вы увидите, въ какомъ положеніи мои родители. Полиція въ вашей странѣ такъ плохо устроена, что на насъ напали разбойники и сдѣлали насъ несчастными на всю жизнь». Принцесса вышла изъ коляски и послѣдовала за Шарлемъ, который привелъ ее къ тому мѣсту, гдѣ мадамъ Тома съ Рюриковымъ плавали въ крови.

Какимъ образомъ ребенокъ двухъ лѣтъ могъ заговорить вдругъ такъ ясно и разумно—осталось для насъ навсегда неразъясненной загадкой, но это къ дѣлу нейдетъ, суть въ томъ, что принцесса оказалась очень доброй и великодушной, и къ тому же близкой родственницей русскаго императора. Она помѣстила мадамъ Тома съ мужемъ въ госпиталь, гдѣ, впрочемъ, не взирая на прекрасный уходъ, они пролежали больше года прежде чѣмъ поправиться на столько, чтобъ быть въ состояніи продолжать путь. Мадамъ Тома хотѣли совсѣмъ отрѣзать ногу. Между лечившими ихъ докторами былъ одинъ толстый и рыжій, съ хитрымъ и злымъ лицомъ, который изъ ненависти къ своей паціенткѣ особенно настаивалъ на операціи; но тутъ Рюриковъ опять проявилъ свое упрямство, на этотъ разъ весьма впрочемъ кстати, и объявилъ, что согласенъ лучше, чтобъ жена его умерла, чѣмъ остаться ей жить съ деревянной ногой. Обошлось такимъ образомъ безъ операціи. На дорогу принцесса снабдила ихъ всѣмъ необходимымъ. Она предлагала мадамъ Тома мѣсто при своемъ дворѣ, а таже Рюрикову, но этотъ послѣдній не пожелалъ оставаться у нѣмцевъ и тѣмъ погубилъ свою карьеру на всю жизнь.

Экипажа своего и вѣрнаго коня Коко они лишились, а потому пришлось остальную дорогу пройти частью пѣшкомъ, частью въ дилижансѣ.

Факты эти описывались мадамъ Тома не всегда въ одномъ и томъ же видѣ и порядкѣ, но это нисколько насъ не смущало и преспокойно, поправивъ ее, когда она ужъ черезчуръ завиралась, мы съ сверкающими отъ удовольствія глазами просили ее продолжать дальше.

Впрочемъ, должно быть въ разсказѣ ея была и доля правды. Одна нога у нея была гораздо короче другой, вслѣдствіе неудачной вправки кости послѣ перелома, на тѣлѣ ея виднѣлись шрамы отъ глубокихъ порѣзовъ какимъ-то острымъ оружіемъ, а у мужа ея была такъ продавлена грудь, что служить въ военной службѣ онъ ужъ не могъ больше.

На счетъ того, какимъ образомъ остался при этой баталіи цѣлъ и не вредимъ ея сынъ у нея было столько различныхъ версій, что ни одной изъ нихъ не уцѣлѣло въ моей памяти.

VIII.

Сынъ былъ ея идоломъ. Никогда не надоѣдало ей говорить про него и ничѣмъ нельзя ей было больше угодить, какъ попросить разсказать что-нибудь про Шарля.

Всѣ у насъ въ домѣ знали, какъ онъ красивъ, уменъ, благороденъ и великодушенъ. Въ томъ, что онъ прекрасно воспитанъ, мы не сомнѣвались и почему-то всегда представляли его себѣ мальчикомъ. Потому, можетъ быть, что въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ мадамъ Тома постоянно возвращалась ко времени его дѣтства. Когда ей попадалась на глаза картинка съ изображеніемъ красиваго ребенка, она всегда утверждала, что это вылитый портретъ ея Шарля.

У насъ такимъ образомъ хранилось множество портретовъ сына мадамъ Тома, въ видѣ курчавыхъ купидоновъ, амуровъ, и тому подобныхъ изображеній, содранныхъ съ помадныхъ банокъ, бонбоньерокъ, а также въ книжкахъ съ картинками.

Долго не знали мы, гдѣ живетъ Шарль и чѣмъ онъ съ отцомъ занимается. Выражаться опредѣленно на этотъ счетъ мадамъ Тома не любила, но изъ намековъ ея можно было вывести, что Рюриковъ, если не генералъ, то по крайней мѣрѣ полковникъ, и что ведетъ онъ съ сыномъ самую прекрасную, благородную и добродѣтельную жизнь, какую только можно вести на землѣ. Далеко гдѣ-то, такъ далеко, что имъ невозможно было навѣщать мадамъ Тома, гдѣ-нибудь за океаномъ, можетъ быть, или за высокими, высокими горами, съ дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ разбойники и дикіе звѣри.

Географіи насъ еще тогда не учили, а разспрашивать старшихъ обо всемъ, что лѣзло въ голову, было немыслимо,—то, что называется теперь дѣтскою любознательностью и всячески поощряется, считалось тогда докучливостью, вреднымъ любопытствомъ и вовсе не одобрялось.

Разсуждала съ нами по-человѣчески одна только мадамъ Тома. Понятно, что мы на все смотрѣли ея глазами. Она и на чувства наши къ родителямъ вліяла безконтрольно. Отца нашего, съ которымъ другихъ сношеній, кромѣ внѣшнихъ и самыхъ отдаленныхъ, у нея не было, она весьма одобряла, увѣряя qu'il n'est pas fier du tout et qu'il sait vivre. Онъ же со своей стороны находилъ ее забавной и время отъ времени дѣлалъ ей подарки: пришлетъ черезъ камердинера колоду игранныхъ картъ, фунтъ нюхательнаго табаку, рюмку вина со стола во время обѣда и тому подобное. Когда ему случалось встрѣтить ее въ прихожей или на лѣстницѣ, ковылявшей въ садъ или оттуда, онъ иногда останавливался, чтобъ перекинуться съ нею двумя-тремя фразами. Къ вниманіямъ подобнаго рода она была очень чувствительна.

Мать нашу, которую она коротко и сухо называла madame, наша старушка не долюбливала, но открыто критиковать ее не осмѣливалась и, выслушивая жалобы на нее отъ насъ и отъ прислуги, политично молчала, глубокомысленно поджимая губы и медленно покачивая головой не то въ знакъ изумленія, не то порицанія.

Много, много, если выведенная изъ себя какимъ-нибудь ужъ черезчуръ вопіющимъ распоряженіемъ той, что была въ домѣ полновластной хозяйкой, у нея вырвется восклицаніе: «Oh, Jesus, Maria, quelle misère!» Или: «Si j'étais le bon Dieu jamais je ne souffrirais une injustice pareille!» (О! Іисусъ, Марія! какой ужасъ! Или: Еслибъ я была Богомъ, я не потерпѣла бы подобной несправедливости!).

И всѣ мы такъ хорошо сознавали справедливость ея негодованія, что даже любимцы maman, питавшіе къ ней особенную нѣжность, протестовать не отваживались. За то же какъ другія дѣти, приверженцы отца, торжествовали!

Дворня тоже дѣлилась въ этомъ отношеніи на два лагеря: любимцы барина и любимцы барыни, постоянно враждовавшіе между собой.

Тутъ ужъ процвѣтало то, что у насъ, дѣтей, никогда не было въ ходу, а именно система доносовъ. Въ домѣ разыгрывались чудовищныя драмы. Ненависти, длившіяся цѣлые десятки лѣтъ, передававшіяся отъ поколѣнія къ поколѣнію; исподволь и съ утонченною злобою подготовляемые планы мести приводились въ исполненіе съ изумительной выдержкой и искусствомъ.

Между несчастными, занятыми однимъ общимъ дѣломъ, осужденными на совмѣстную жизнь и страданіе, ѣсть по нѣскольку разъ въ день за однимъ столомъ, терпѣть однѣ и тѣ же напасти и притѣсненія отъ господъ и отъ тѣхъ, кого господамъ заблагоразсудится поставить надъ ними старшими, между этими несчастными были такіе, у которыхъ хватало упрямства по цѣлымъ годамъ не говорить другъ съ другомъ ни слова и помнить, вѣчно помнить, и въ радости, и въ горѣ, какую-нибудь обиду, нанесенную однимъ другому такъ давно, что надо было обладать сверхъестественною памятью, чтобы представить себѣ, въ чемъ именно состояла эта обида.

Злопамятностью отличалась и мадамъ Тома. Она не могла забыть ни одной изъ обидъ, нанесенныхъ ей нашею матерью. Презрительныя улыбки, брезгливые взгляды, неделикатныя слова и замѣчанія въ родѣ того, напримѣръ, что она, хотя и француженка, но такая же прислуга, какъ и всѣ прочіе. Разница только въ томъ, что тѣ крѣпостные, а эти, мадамъ Тома, m-lle Auguste, m-r Клумбъ, служатъ по найму. Никогда не могла забыть мадамъ Тома, какъ однажды maman разсказывала при ней, что у помѣщика Панафи-

дина высѣкли француза-гувернера на конюшнѣ. Мадамъ Тома была увѣрена, что maman сдѣлала это нарочно, чтобъ оскорбить ее и дать понять, что и съ нею можно поступить точно также. Мы тоже были въ этомъ увѣрены и намъ было очень жалко мадамъ Тома и стыдно за maman. Не могла она также свыкнуться ни съ надменностью своей госпожи, ни съ ея равнодушнымъ отношеніемъ къ людямъ, все это видѣла она и раньше, въ другихъ домахъ, гдѣ жила до поступленія къ намъ, но порядки эти возмущали и волновали ее черезъ двадцать лѣтъ точно также сильно и страстно, какъ въ первый годъ ея пріѣзда въ Россію. Когда maman проходила мимо, не оборачиваясь и едва замѣтнымъ кивкомъ отвѣчая на ея поклонъ, она иногда не выдерживала и брала насъ въ свидѣтели такого оскорбительнаго обращенія, ворча сквозь зубы: «c'est comme la duchesse d'Angoulême. Nous ne sommes pas des hommes pour elle, mais des statues».

IX.

Чтобъ кончить про мадамъ Тома, я должна разсказать случай, который можетъ служить эпилогомъ къ моимъ воспоминаніямъ о ней.

Произошло это, когда мнѣ уже было одиннадцать лѣтъ и я уже года три жила съ Катей внизу, въ комнатѣ рядомъ съ той, что занимала m-lle Auguste и служившей намъ также классной.

Жизнь мы вели замкнутую, особенно зимой, когда ни въ садъ нельзя было выйти, ни купаться, ни за городъ ѣздить. Весь день проходилъ въ урокахъ, въ упражненіяхъ на фортепіанахъ, да въ занятіяхъ рукодѣліями подъ руководствомъ учителей и гувернантки. Съ maman и съ отцомъ мы видѣлись три раза въ день и на короткое время: за обѣдомъ, да утромъ и вечеромъ, когда мы приходили—утромъ здороваться съ ними, а вечеромъ—прощаться.

Единственнымъ развлеченіемъ было вырваться изъ классной и побѣжать на верхъ къ маленькимъ дѣтямъ и къ мадамъ Тома. Это было особенно весело въ сумеркахъ, когда мы заставали ее на полу передъ печкой, разсказывающей свои исторіи тѣснившимся вокругъ нея дѣтямъ.

Вѣчно жарилось, пеклось или подсушивалось у нея что̀-нибудь вкусное въ этой печкѣ: тыква, орѣхи, подсолнечныя сѣмечки, картофель, сухари изъ сдобныхъ лепешекъ—деревенскій гостинецъ, которымъ дѣлились съ нею горничныя.

Дрова, весело потрескивая, горѣли у нея такъ дружно и ярко, какъ нигдѣ. Она какъ-то особенно хорошо умѣла раскладывать ихъ, поджигать и подправлять кочергой. Передъ печкой, на пространствѣ, омытомъ яркимъ блескомъ, такъ свѣтло, что можно различить каждую крапинку на ситцевыхъ платьицахъ и рубашон-

кахъ дѣтей, каждую морщинку на темномъ лицѣ мадамъ Тома. Но дальше комната утопаетъ въ тѣняхъ. Особенно мрачно сгущаются онѣ въ томъ углу у окна, гдѣ ея кресло и столъ съ ящикомъ, въ которомъ страшная книга «Le petit Albert», съ кабалистическими изображеніями и заклинаніями. Книжку эту грѣхъ читать, и для какого употребленія держала ее мадамъ Тома въ своемъ столѣ вмѣстѣ съ другими, болѣе невиннаго содержанія, какъ исторія Женевьевы Брабантской, напримѣръ, я теперь не помню. Но тогда намъ и это было вѣроятно извѣстно.

Когда мадамъ Тома разсказываетъ что-нибудь страшное, мы жмемся другъ къ другу и боимся оглядываться по сторонамъ, такъ и кажется, что изъ каждаго угла выдѣляются привидѣнія. Тѣни принимаютъ фантастическія очертанія; по потолку и бѣлымъ, оштукатуреннымъ стѣнамъ медленно ползутъ черныя фигуры, пускающіяся въ пляску, когда, вооружившись кочергой, мадамъ Тома начинаетъ выколачивать искры изъ багровыхъ головней.

По мѣрѣ того, какъ дрова прогораютъ, свѣтовой кругъ постепенно съуживается и платья, повѣшенныя надъ кроватью, подъ чернымъ коленкоромъ, начинаютъ принимать такой видъ, что жутко на нихъ смотрѣть, такъ и кажется, что это не платья, а тотъ самый висѣльникъ, про котораго мадамъ Тома разсказывала одну изъ своихъ самыхъ страшныхъ исторій.

Уголья горятъ долго, обдавая окружающіе предметы пурпуровымъ блескомъ и навѣвая на душу мечтательныя грезы.

Въ комнатѣ тѣсно отъ множества сундуковъ, ящиковъ, старой мебели, корзинъ, коробокъ и тому подобной рухляди. Стѣны облѣплены картинками, вырѣзанными изъ книгъ и модныхъ журналовъ, раззолоченными ярлыками съ банокъ и бутылокъ. Какую бы дрянь ни принесли мадамъ Тома, она ни отъ чего не отказывалась, все принимала съ благодарностью и всему находила приличное мѣсто въ своемъ помѣщеніи.

Осенью она сушила плоды на зиму. Нарѣзывала ломтиками очищенныя груши и яблоки, а дѣти нанизывали эти ломтики на толстыя нитки, которыя подвѣшивались ожерельями къ потолку. Всю зиму пахло здѣсь сушеными плодами, съ примѣсью желтофіоли и зеленаго лука, произроставшаго на окнѣ, въ горшкахъ и деревянныхъ ящикахъ.

Maman находила этотъ запахъ отвратительнымъ и увѣряла, что ужъ отъ одной этой вони невозможно входить зимой въ комнату мадамъ Тома; но намъ все здѣсь нравилось и мы съ удовольствіемъ проводили бы тутъ всю нашу жизнь, еслибъ намъ не препятствовали въ этомъ.

Къ девяти часамъ уголья подергивались бѣлой пеленой, мадамъ Тома зарывала въ золу нѣсколько картофелинъ и, притворивъ заслонку, поднималась со всею компаніею съ полу. По коридору раз-

давались шаги, это Агаша приносила дѣтямъ ужинъ на большомъ подносѣ, молоко въ бѣлыхъ кружкахъ и хлѣбъ, нарѣзанный ломтями. Такъ называемый вѣсовой калачъ, покупался онъ на базарѣ большими, высокими ковригами, съ верхней коркой, обсыпанной мукой, на вкусъ солоновато-кислый, и всегда одинъ и тотъ же. Кушаньями насъ, дѣтей, не баловали; это входило въ систему воспитанія.

Мадамъ Тома ужинала позже и всегда однимъ и тѣмъ же: яичницей съ лукомъ.

Уложивши своихъ питомцевъ, она еще съ часъ времени и больше шила или вязала, или, когда никто къ ней не заходилъ, читала которую-нибудь изъ своихъ книгъ, всегда вслухъ и съ трудомъ, почти по складамъ разбирая слова.

Впрочемъ, заниматься литературой ей удавалось рѣдко; большею частью такъ случалось, что съ ранняго вечера кто-нибудь изъ дворни начинаетъ уже шмыгать по коридору, выжидая удобной минуты проскользнуть къ французянкѣ (такъ называли ее у насъ люди), чтобъ покалякать съ нею.

X.

Послѣ полуночи весь домъ уже спалъ и увидѣть со двора свѣтъ въ которомъ-нибудь изъ оконъ, за исключеніемъ огоньковъ, мерцающихъ кое-гдѣ въ лампадкахъ, случалось очень рѣдко. А потому можно себѣ представить, какъ мы всѣ переполошились, когда разнесся слухъ, что по верху, т. е. въ третьемъ этажѣ, кто-то по ночамъ ходитъ.

У таинственнаго посѣтителя была тяжелая поступь; дѣвушки, спавшія въ большой дѣвичьей внизу (на войлокахъ, постилавшихся каждый вечеръ на полъ и убиравшихся въ сѣни утромъ), разсказывали, что онѣ слышали его шаги по черной лѣстницѣ, а также скрыпъ растворяемыхъ дверей. Прибавляли къ этому уже совсѣмъ дрожащимъ отъ страха голосомъ, что онъ прогуливается со свѣчей или фонаремъ въ рукахъ, во второмъ часу ночи, когда давно уже всѣ огни погашены въ домѣ. Форейторъ Акимка двѣ ночи кряду видѣлъ мелькавшій свѣтъ въ окнахъ, выходившихъ на дворъ.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, братъ Андрюша, улучивъ удобную минуту во время урока русскаго учителя, шепнулъ мнѣ на ухо, чтобъ я подождала его по выходѣ изъ класса въ коридорѣ, гдѣ онъ сообщитъ мнѣ нѣчто очень важное на счетъ «привидѣнія».

Я, разумѣется, побѣжала въ назначенное мѣсто какъ только учитель ушелъ, и узнала тамъ слѣдующія подробности: Петька его видѣлъ; это большой мужикъ, страшный, въ сапогахъ съ гвоздями и въ овчинномъ тулупѣ.

Произнося эти слова, Андрюша широко таращилъ глаза и захлебывался отъ волненія, но я была разочарована. Мужикъ! Это ужъ совсѣмъ не отвѣчало моимъ понятіямъ о привидѣніяхъ. Кому же неизвѣстно ихъ одѣяніе? Бѣлый саванъ или какая-нибудь хламида въ этомъ родѣ. И должны они гремѣть цѣпями, ужъ это непремѣнно.

— Если это мужикъ, то что̀ же тутъ особеннаго?—спросила я съ досадой.

— Но у него большой ножъ за поясомъ, и, вообще, онъ страшный. Мы съ Костей рѣшили сегодня ночью его подкараулить. Какъ только мсье Клумбъ заснетъ, мы выбѣжимъ въ коридоръ, оттуда въ сѣни, а потомъ проберемся на верхъ, къ двери на чердакъ. Петька говоритъ, что онъ каждую ночь спускается съ чердака, чтобъ бродить по дому. Онъ его тамъ и видѣлъ.

На меня вдругъ напала большая храбрость и я объявила, что пойду на встрѣчу привидѣнію вмѣстѣ съ ними.

Весь день провели мы въ большомъ волненіи. Когда наступилъ вечеръ и насъ уложили спать, я развязала завязки у чепчика, чтобъ лучше слышать звонъ часовъ изъ сосѣдней комнаты, сѣла на кровать и, широко раскрывъ глаза въ темнотѣ, стала ждать условленнаго часа.

Всѣ страшныя исторіи, которыми былъ начиненъ у меня мозгъ, съ невыразимою ясностью стали одна за другой всплывать въ моей памяти. Петькинымъ словамъ я не довѣряла вполнѣ, ему можетъ быть показалось, что привидѣніе похоже на мужика. Аннушка, та разсказывала, что къ нимъ въ дѣвичью что̀-то сѣдое и лохматое заглядываетъ въ дверь, каждый разъ, когда шаги раздаются надъ ихъ головами.

— Если сѣдое и косматое—домовой, значитъ,—авторитетно заявила Танюша.

И прибавила къ этому, что когда она была молода, домовой часто приходилъ ее душить.

— Хлѣбъ съ солью я для него за дверь въ сѣни выносила. Какъ забудешь вынести, такъ ужъ и жди, что пожалуетъ.

А швея Лиза припомнила при этомъ про свою бабушку. Къ этой по ночамъ крылатый змій повадился. И до того онъ ее домучилъ, что она извелась вся, сталъ у нея животъ пухнуть, какъ бы отъ водяной, и, наконецъ, она умерла.

Это и многое другое припоминалось мнѣ въ эту достопамятную ночь. Я такъ привыкла засыпать какъ только лягу въ постель, что первыя минуты меня неудержимо клонило ко сну, но я пересилила себя. Не хотѣлось срамиться передъ братьями. Они стали бы смѣяться надо мной, еслибъ я не пошла съ ними вмѣстѣ смотрѣть на привидѣніе. По ихъ мнѣнію, всѣ дѣвочки были трусихи и ни на какой геройскій подвигъ не способны.

Чѣмъ глубже надвигалась ночь, тѣмъ сильнѣе овладѣвало мною нервное возбужденіе. Меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Слухъ мой становился такъ тонокъ, что я слышала тиканье стѣнныхъ часовъ изъ сосѣдней комнаты, а когда они били, я вздрагивала отъ испуга.

Наконецъ, темнота стала постепенно разсѣиваться, окна засеребрились мягкимъ блескомъ, полная луна выплыла изъ-за высокихъ топőлей, чернѣвшихъ надъ заборомъ сосѣдняго сада, и освѣтила широкій дворъ, да такъ ярко, что можно было различить конуру рыжаго Сѣрко у конюшни.

При такомъ освѣщеніи можно легко расхаживать по всему дому безъ свѣчей.

Часы пробили двѣнадцать. У насъ было условлено сойтись въ сѣняхъ въ первомъ часу. Переждавъ еще нѣкоторое время, я осторожно спустилась съ постели, накинула капотикъ на плечи и, тихо ступая босыми ногами по полу, выбралась благополучно мимо спящей Танюши и Кати въ столовую, а оттуда черезъ длинную буфетную въ сѣни, гдѣ меня ждали Андрюша съ Костей.

Мы стали подниматься въ третій этажъ. Туда вела другая лѣстница, изъ внутреннихъ комнатъ, теплая, крашеная, съ крѣпкими ступенями и перилами, но чтобъ скорѣе добраться до двери на чердакъ, мы предпочли идти по черной лѣстницѣ, холодной, съ окнами, выходившими на задній дворъ.

Изъ этихъ оконъ, съ разбитыми по мѣстамъ стеклами, дуло немилосердно и насъ насквозь прохватывало холодомъ морозной зимней ночи, но мы думали только о томъ, чтобъ половицы не скрыпѣли слишкомъ громко подъ нашими ногами и молча, притаивъ дыханіе, добрались до цѣли. Дверь на чердакъ оказалась притворенной и отворить ее мы не рѣшились. Комната мадамъ Тома находилась въ противоположномъ концѣ коридора; сонъ у нея былъ очень чуткій, она могла насъ услышать.

Кто-то изъ насъ предложилъ спрятаться въ углубленіи подъ лѣстницей и ждать появленія призрака, не трогаясь съ мѣста. Мы забились въ тѣсный уголокъ. Тутъ было совсѣмъ темно, скреблись мыши, пахло рогожей, старыми тряпками, пылью. Должно быть, и паутины было тутъ достаточное количество, но мы были такъ поглощены ожиданіемъ, что на такія мелочи не обращали вниманія.

Ждать пришлось не долго; десяти минутъ не прошло, какъ крутыя, мѣстами подгнившія, ступени заскрипѣли надъ нашими головами.

Дѣйствительно, у привидѣнія поступь была претяжелая, каждую минуту казалось, что оно продавитъ лѣстницу, свалится на насъ и передавитъ какъ мухъ.

Намъ было такъ жутко, что навѣрное каждый изъ насъ проклиналъ въ душѣ свою отважность, но отступать было поздно и бѣжать некуда.

Мысль объ остро отточенномъ ножѣ, усмотрѣнномъ Петькой за поясомъ незнакомца, не покидала меня ни на минуту. Мнѣ казалось, что я ужъ ощущаю холодъ этого ножа на своей шеѣ.

Впрочемъ, и привидѣніе въ свою очередь принимало мѣры предосторожности, и спускалось съ лѣстницы очень медленно. Однако, въ концѣ концовъ, страшный скрыпъ надъ нашими головами прекратился и шаги удалились. Но вылѣзти изъ нашей засады мы не рѣшались. Чтò же дѣлать дальше? Неужели вернуться назадъ, ничего не увидавши? И гдѣ же его искать теперь? Онъ, можетъ быть, совсѣмъ ушелъ изъ дому, чтобъ никогда не вернуться?

Мнѣ, признаться сказать, мысль эта очень улыбалась, но братья примириться съ нею не желали. По ихъ мнѣнію, привидѣніе должно было непремѣнно вернуться на чердакъ. Ждать здѣсь его возвращенія или отложить изслѣдованіе до слѣдующаго дня? Поспоривъ объ этомъ еще нѣсколько минутъ, мы рѣшились на послѣднее и пустились въ обратный путь. И вдругъ, въ концѣ коридора мы какъ вкопанные остановились: изъ комнаты мадамъ Тома, черезъ плохо притворенную дверь, тянулась полоса свѣта. Но что было еще удивительнѣе—это то, что оттуда слышались голоса. Мадамъ Тома съ кѣмъ-то разговаривала, вполголоса правда, но среди ночной тишины даже и шопотъ былъ бы явственно слышенъ.

На стѣнѣ, противъ полурастворенной двери, шевелились предательскія тѣни.

Мы подкрались ближе и увидали слѣдующее: у стола, на обычномъ своемъ мѣстѣ, сидѣла мадамъ Тома, а противъ нея—мужикъ. Тотъ самый мужикъ, котораго видѣлъ Петька, въ овчинномъ тулупѣ, съ длинной бородой и крупной, всклокоченной головой.

Передъ нимъ горѣла на столѣ свѣча и стояла тарелка съ чѣмъ-то съѣстнымъ. Онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; руки у него были большія, темныя, въ мозоляхъ, съ толстыми корявыми пальцами. Густые, черные волосы спадывали ему на лицо. Когда, тряхнувъ головой, онъ откинулъ ихъ назадъ, мы увидѣли его глаза, добрые и печальные, тонкій, длинный носъ и крупныя, красныя губы, съ бѣлыми крѣпкими зубами.

Мы долго и внимательно его разсматривали. Въ немъ ровно ничего не было ни страннаго, ни страшнаго,—мужикъ, какъ мужикъ: сутуловатый, мѣшковатый, старообразый.

Мадамъ Тома смотрѣла на него съ невыразимою нѣжностью и со слезами умиленія на глазахъ.

Никогда еще не видѣли мы ее такой взволнованной. Слезы текли по ея морщинистымъ щекамъ, но она ихъ не замѣчала и, подкладывая на тарелку своему посѣтителю заранѣе приготовленную провизію, она приговаривала съ глубокими вздохами: «Mange, mon garçon, mange».

Онъ отвѣчалъ глухимъ сдавленнымъ басомъ:

— Merci bien, maman.

Но человѣкъ этотъ имѣлъ такъ мало общаго съ тѣмъ существомъ, какимъ являлся въ нашемъ воображеніи сынъ мадамъ Тома, что мы тогда только поняли, въ чемъ дѣло, когда среди бесѣды она назвала его по имени:

— «Oui, Charles, oui, mon garçon...»

Это былъ Шарль!

Мы молча отошли отъ двери, сконфуженные, растерянные, съ тоскливымъ чувствомъ не столько разочарованія, сколько жалости въ душѣ.

Спускаясь съ лѣстницы, Костя рискнулъ было подтрунить надъ сыномъ мадамъ Тома, но Андрюша такъ сердито замахнулся на него кулакомъ, что онъ смолкъ на полусловѣ. А я кусала себѣ губы, чтобъ не разревѣться вслухъ.

Про нашу ночную экскурсію никто не узналъ, и мы даже между собою никогда не вспоминали про нее. Впрочемъ, и въ дѣвичьей, и въ людской, слухи о привидѣніи смолкли. Ночью, надъ головами горничныхъ таинственные шаги больше не раздавались и въ непоказанное время никто не ходилъ со свѣчей по дому.

Шарль, вѣроятно, отправился во-свояси, въ ту деревню за Волгой, гдѣ онъ и отецъ его, отставной солдатъ Ѳома, по прозванію Рюриковъ, жили простыми мужиками, обработывая принадлежавшій имъ клочекъ земли.

Н. Мердеръ (Северинъ).

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. Н. МУРАВЬЕВѢ [1].

III.

Письмо Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову. — Отвѣтъ на него кавказца. — Натянутыя отношенія Муравьева съ Барятинскимъ. — Отъѣздъ послѣдняго съ Кавказа.—Дѣятельность Муравьева по военному и гражданскому управленіямъ.— Дѣло Чернявскаго.

СКОРѢ послѣ отъѣзда Н. Н. Муравьева изъ Приріонскаго края, у насъ въ лагерѣ появилась изъ Тифлиса копія съ извѣстнаго письма Муравьева къ А. П. Ермолову и копія съ отвѣта на него кавказца. Говорили, что отвѣтъ сочинилъ поручикъ артиллеріи Р. А. Фадѣевъ, а принялъ на себя авторство подполковникъ Тенгинскаго полка, князь Д. И. Святополкъ-Мирскій. Въ то же время доходили до насъ слухи о самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ Муравьева съ Барятинскимъ, до того уже обострившихся, что послѣдній вскорѣ совсѣмъ оставляетъ Кавказъ; спустя же почти мѣсяцъ, мы узнали, что князь Барятинскій, дѣйствительно, 15-го мая, уѣхалъ изъ Тифлиса, напутствуемый общимъ сожалѣніемъ. Эти два факта, о которыхъ впослѣдствіи не мало было говорено и писано, надѣлали много вреда лично самому Муравьеву и нисколько не послужили къ улучшенію хода дѣлъ въ управляемомъ имъ краѣ.

Кто-то совершенно справедливо замѣтилъ, что Муравьевъ черезчуръ долго дожидался высшаго назначенія и потому, добравшись,

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIX, стр. 86.

наконецъ, до вожделѣнныхъ верховъ, заторопился не въ мѣру, давъ волю своему нетерпѣнію. Допустимъ, что у него дѣйствительно имѣлось основаніе къ предубѣжденію противъ воронцовскаго режима, да и самая инструкція государя, тоже недовольнаго тогдашними порядками на Кавказѣ, могла настроивать его въ направленіи къ крутымъ мѣрамъ; но все-таки нужна была прежде всего строго обдуманная программа и выдержка, а ихъ-то къ сожалѣнію и не оказалось. Вмѣсто намѣстника царскаго, облеченнаго обширнѣйшею властію и не нуждающагося поэтому усиливать ее своею личною суровостью, войска увидѣли предъ собой генерала, занявшагося исключительно самымъ неразборчивымъ, грубымъ и оскорбительнымъ для всѣхъ подтягиваніемъ ремешковъ и добивающагося, во чтобы то ни стало, найти во всемъ злоупотребленія. Самъ старый кавказецъ, служившій здѣсь во времена Ермолова и Паскевича, изъ личнаго своего опыта, Муравьевъ, долженъ былъ лучше всякаго другого понимать, что между нашими, внутри расположенными войсками, или такъ называемою глубокою арміею и кавказскими войсками, была огромнѣйшая разница; заброшенныя далеко отъ родины, обреченныя на безпрерывную, труднѣйшую боевую практику среди природы и мѣстности, представлявшихъ, чуть не на каждомъ шагу, непреодолимыя препятствія, они не могли мѣриться на одинъ аршинъ съ тѣми, у которыхъ единственною цѣлью являлись выправка и подготовка къ смотрамъ и парадамъ. Неисправности въ ремешкахъ не могли заслонять собою на Кавказѣ высокихъ боевыхъ качествъ, особаго закала и духа здѣшняго войска. Муравьевъ какъ бы позабылъ все это и сталъ съ перваго своего шага на ложную почву формалистики и подтягиванья, началъ людей, испытанныхъ въ бою, любимыхъ солдатами, перетасовывать, ни за что̀, ни про что̀, и замѣнять совершенно ничтожными личностями, бросавшимися ему въ глаза своею показною выправкою. Періодъ времени отъ Ермолова до своего пріѣзда на Кавказъ, онъ не ставилъ какъ бы ни во что̀; блистательной двадцатипятилѣтней боевой службы кавказскихъ войскъ для него не существовало, онъ низвелъ ее не только на ничтожество, но въ оправданіе своей безтактности утверждалъ даже, что этотъ періодъ былъ не болѣе какъ разложеніемъ прежней боевой закваски здѣшнихъ войскъ. Эти мысли его, конечно, не могли встрѣтить сочувствія ни въ комъ, ихъ никто съ нимъ не раздѣлялъ, и тогда, очутившись совершенно одинокимъ въ своихъ сужденіяхъ, онъ, по какому-то странному капризу, набросалъ ихъ, чтобы отвести душу, въ письмѣ своемъ къ А. П. Ермолову.

Возвеличивъ въ немъ ермоловскій режимъ до героическихъ размѣровъ, онъ говорилъ про Воронцова, что тотъ оставилъ войска въ такомъ положеніи, что для защиты ихъ нужно прислать сюда новыя войска. «Нынѣ (т. е. въ 1855 г.),—писалъ онъ,—средства

утроились, а все мало да мало. Дѣятельность вашего времени (т. е. А. П. Ермолова) замѣнилась бездѣйствіемъ, тратящаяся нынѣ огромная казна не могла замѣнить безкорыстнаго усердія, внушеннаго вами подчиненнымъ вашимъ, для достиженія предназначаемой вами цѣли». («Рус. Арх.» 1888 г., кн. 10, стр. 243 и 244).

А разъ такое письмо очутилось въ рукахъ давно уже развѣнчаннаго проконсула Кавказа, въ высшей степени популярнаго въ Москвѣ, оно пошло прежде всего на прочтеніе въ московскій англійскій клубъ, тамъ снялись съ него копіи и полетѣли во всѣ концы нашего обширнаго отечества. Само собою разумѣется, что одна изъ нихъ скорѣе всего дошла до Кавказа. Отвѣтъ на письмо создался тотчасъ же. Кто былъ его авторомъ и какія были у него личныя на то побужденія—это совершенно безразлично; но важно то, что онъ возражалъ талантливо и съ достоинствомъ на незаслуженное оскорбленіе, нанесенное всему кавказскому войску и поставилъ Муравьева въ крайне неловкое положеніе. Въ сущности совсѣмъ незлобивый, но нервный и безтактный, Муравьевъ поселилъ этимъ письмомъ между собою и ввѣреннымъ ему войскомъ отчужденіе. Теперь, слишкомъ тридцать лѣтъ спустя, изъ интересныхъ мемуаровъ его, печатаемыхъ въ «Рус. Арх.», оказывается, что, нанося незаслуженное оскорбленіе кавказцамъ и расточая хвалы Ермолову, онъ былъ не искрененъ. Говоря въ этихъ мемуарахъ о началѣ персидской войны 1826 г., Муравьевъ сваливаетъ неудачи военныхъ дѣйствій цѣликомъ на Ермолова и заключаетъ такими словами: «Правленіе его было уже такъ слабо и частные начальники столько пользовались сею слабостью, что послѣдствія отъ сего, какъ и оказалось, должны были произойти самыя пагубныя». («Рус. Арх.», 1888 г., кн. II, стр. 401).

Изъ уваженія къ памяти Муравьева нельзя не пожалѣть, что такое письмо вышло изъ-подъ его пера.

Не менѣе прискорбенъ былъ и разладъ его съ княземъ Барятинскимъ. Причину его объясняли различно; между прочимъ, А. А. Зиссерманъ въ книгѣ своей «Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій» говоритъ, что она крылась въ немилости къ Н. Н. Муравьеву цесаревича, сдѣлавшагося вскорѣ по назначеніи намѣстникомъ Муравьева императоромъ. Со словъ одного высокоуважаемаго правдиваго человѣка, пользовавшагося многолѣтнимъ дружескимъ расположеніемъ Н. Н. Муравьева, г. Зиссерманъ передаетъ слѣдующее: «Когда императоръ Николай Павловичъ вызвалъ въ Петербургъ Муравьева, чтобы предложить ему должность главнокомандующаго на Кавказѣ и тотъ явился во дворецъ, то былъ приглашенъ государемъ въ кабинетъ, гдѣ находился и наслѣдникъ цесаревичъ. Войдя туда, генералъ былъ очень любезно встрѣченъ государемъ, который при этомъ обратясь къ сыну сказалъ: «Александръ, подвинь генералу кресло». Наслѣдникъ поспѣшилъ испол-

нить приказаніе отца, не скрывъ, однако, нѣкотораго неудовольствія или смущенія... И въ ту же минуту Муравьевъ понялъ, что невинно пріобрѣлъ нерасположеніе. «Я привелъ здѣсь этотъ случай,—говоритъ г. Зиссерманъ,—потому, что онъ не могъ не повліять на отношенія генерала Муравьева къ князю Барятинскому. Ему, конечно, были извѣстны отношенія князя Александра Ивановича къ наслѣднику; вспомнивъ же о неблагопріятномъ для него случаѣ въ кабинетѣ императора Николая, онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ придти къ заключенію, что въ своемъ начальникѣ штаба видитъ предъ собою готоваго преемника». (Стр. 384 и 385).

Ни мало не сомнѣваясь въ совершенной точности передачи г. Зиссерманомъ слышаннаго имъ отъ лица близкаго человѣка къ Н. Н. Муравьеву, мы не можемъ не усумниться въ вѣрности колорита, приданнаго самимъ Муравьевымъ случаю съ пододвинутымъ ему цесаревичемъ кресломъ. Прежде всего глубокое уваженіе къ священной памяти благодушнѣйшаго изъ монарховъ, императора Александра Николаевича, не позволяетъ допустить мысли, чтобы ничтожный случай этотъ, не заключавшій въ себѣ ничего обиднаго для его самолюбія, могъ обусловливать немилость его къ кому-либо и тѣмъ болѣе къ заслуженному старику генералу, одному изъ немногихъ, остававшихся тогда въ живыхъ, участниковъ славной Отечественной войны; а потомъ, нельзя забывать, что Н. Н. Муравьевъ, при всей своей искренности и правдивости, въ минуты досады, по нервности своей натуры, заглушалъ въ себѣ иногда эти высокія качества и до того увлекался, что въ рѣчахъ своихъ явно противорѣчилъ говоренному имъ прежде, при совершенно другомъ настроеніи. Лучшимъ подтвержденіемъ тому можетъ служить письмо его къ А. П. Ермолову, о которомъ мы только-что сказали.

Не принадлежитъ ли и самый колоритъ разсказа о пододвинутомъ креслѣ къ той же категоріи? Создался онъ, конечно, въ ту пору, когда Н. Н. Муравьевъ проживалъ Цинцинатомъ въ своемъ Скорняковѣ и, припоминая неудачи своего намѣстничества, срывалъ досаду на всѣхъ и разсказывалъ многое при соотвѣтственномъ тому колоритѣ, позабывъ при этомъ, что были люди, слышавшіе отъ него за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, при иномъ его настроеніи, совсѣмъ иной разсказъ, хотя бы о томъ же эпизодѣ назначенія его на Кавказъ и гдѣ ни слова не упоминалось о пододвинутомъ ему съ неудовольствіемъ креслѣ цесаревичемъ.

Нѣтъ, мы полагаемъ, что причину разлада Муравьева съ Барятинскимъ нужно искать глубже, а именно въ самыхъ свойствахъ ихъ личности и цѣльности характеровъ.

Пріѣхавъ на Кавказъ съ предубѣжденіемъ къ Воронцову, Муравьевъ не могъ освободиться отъ того же чувства и ко многимъ лицамъ, близко стоявшимъ къ князю. На первомъ планѣ былъ, конечно, Барятинскій, обязанный быстрому движенію на

службѣ исключительно своему военному таланту и своимъ личнымъ боевымъ заслугамъ. Совершенно независимый по своему положенію, родовитый и богатый, осчастливленный милостію государя и въ то же время искреннею дружбою цесаревича, князь служилъ на Кавказѣ во имя девиза «noblesse oblige», и готовилъ себя къ высшему на немъ посту съ тѣмъ, чтобы вполнѣ примѣнить къ дѣлу свой обширный опытъ, знакомство съ краемъ и людьми на пользу своего отечества.—Отношенія его къ Воронцову, основанныя на общности интересовъ и понятій, давно уже перешли въ самую тѣсную дружбу, а потому, какъ бы ни былъ Барятинскій независимъ по своему характеру, онъ не могъ относиться равнодушно къ рѣзкимъ и неправильнымъ сужденіямъ о личности и дѣйствіяхъ Воронцова и всѣ слова и поступки Муравьева съ пріѣзда въ Ставрополь не находили въ немъ никакого сочувствія. Муравьевъ же, мало знакомый съ Барятинскимъ, считалъ его не болѣе, какъ большимъ баричемъ, котораго хитрый старикъ Воронцовъ, въ виду близости его къ наслѣднику вытаскивалъ впередъ не по заслугамъ. Такимъ образомъ, встрѣчѣ этихъ двухъ лицъ предшествовало невыгодное пониманіе ими другъ друга. Муравьевъ вызвалъ Барятинскаго въ Пасанауръ и здѣсь произошло первое ихъ свиданіе, которое, разумѣется, не установило сближенія между ними, и они должны были замкнуться исключительно въ тѣсныя рамки служебныхъ отношеній. До Гартискара доѣхали они въ одной коляскѣ; Барятинскій откланялся и поѣхалъ отсюда дальше, въ Тифлисъ, а Муравьевъ заночевалъ на станціи, гдѣ и дошла до него, ночью, вѣсть о кончинѣ императора Николая.

Столь крупное событіе должно было поразить ихъ обоихъ съ одинаковою силою и нѣтъ сомнѣнія, что въ эту минуту они оба были далеки отъ какихъ-либо заботъ о собственномъ своемъ положеніи; но и служебныя сношенія вскорѣ убѣдили ихъ, что совмѣстная работа не можетъ у нихъ спориться. По словамъ всѣхъ сотрудниковъ Муравьева, онъ былъ тяжелымъ работникомъ, погружавшимся черезчуръ уже въ детали, терявшимся въ нихъ и туго составлявшимъ въ каждомъ дѣлѣ общій на него взглядъ. Процессъ этотъ совершался въ немъ очень медленно, такъ какъ онъ никому не довѣрялъ, прочитывалъ обыкновенно самъ всякую бумаженку отъ доски до доски и наводилъ массу побочныхъ справокъ. Барятинскій былъ работникъ совсѣмъ иного склада; онъ постигалъ всякую вещь быстро, разработку деталей не отнималъ отъ тѣхъ на чьей обязанности и отвѣтственности она лежала и не оскорблялъ никого своимъ недовѣріемъ.

Муравьевъ, какъ одинъ изъ первыхъ, по давности своей службы, офицеровъ генеральнаго штаба, страдалъ еще и общею имъ слабостью, видѣть во всякомъ человѣкѣ, не прошедшемъ курса военной академіи, чуть ли не полуграмотнаго и давить его своею докто-

ральностью и ученостью, зачастую весьма сомнительнаго свойства. Имѣя въ Барятинскомъ именно такого не академическаго помощника, Муравьевъ изводилъ его своимъ педантизмомъ, причемъ и окружающіе его относились къ Барятинскому тоже не съ должнымъ уваженіемъ. Однажды, когда Барятинскій вышелъ изъ кабинета намѣстника и просилъ дежурнаго адъютанта, шведа, капитана К., послать вынесенный имъ портфель зачѣмъ-то въ штабъ, тотъ грубо ему отвѣтилъ: «потрудитесь сами послать его съ казакомъ, а я здѣсь не для вашихъ посылокъ». Барятинскій, ни слова не сказавъ, подошелъ къ казачьему офицеру и просилъ его исполнить это порученіе. Тотъ, конечно, поспѣшилъ исполнить, а Барятинскій вернулся въ кабинетъ Муравьева [1]). Появленіе въ такую пору въ Тифлисѣ письма Муравьева къ Ермолову, затѣмъ отвѣта на него, по словамъ досужихъ сплетниковъ, будто бы сочиненнаго въ кабинетѣ у самаго Барятинскаго... все это не могло не утомить князя и онъ попросилъ 9-го мая увольненія отъ должности начальника штаба и отпуска въ Петербургъ.

Передъ отъѣздомъ, Барятинскій въ письмѣ къ Воронцову, объяснилъ мотивы своего удаленія. «Я полагаю, писалъ онъ, что генералъ Муравьевъ преданъ пользамъ страны и что онъ пріѣхалъ сюда съ наилучшими намѣреніями, но, къ несчастью, невѣрно настроенный, очень предубѣжденный и подъ впечатлѣніемъ завистливыхъ убѣжденій, всегда стремящихся унизить истинную заслугу. Кажется также, что у него не достаетъ такта, что о воспитаніи его мало заботились и что его развитіе не стоитъ на высотѣ его положенія: у него много дѣланнаго и мало естественнаго. Отъ совокупности всего этого, разумѣется, онъ до сихъ поръ не могъ внушить никому никакой симпатіи. Усердіе и священный огонь вдохновенія, необходимые въ великихъ дѣлахъ и которые вы умѣли всегда такъ удачно подмѣчать и поддерживать въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ, здѣсь совершенно угасли. Къ тому же, я полагаю, вы сами знаете генерала Муравьева, и даже, быть можетъ, лучше чѣмъ я; вспоминаю кстати объ одномъ разговорѣ, который мы вели съ вами относительно его личности. Теперь я думаю, какъ легко представить вамъ себѣ ту печальную картину, которую мы въ настоящее время изъ себя изображаемъ. Правленіе здѣсь можно смѣло назвать палочнымъ, во всей его грубости, правленіе которое подавляетъ всѣ честныя и хорошія чувства и ко-

---

[1]) Съ небольшимъ черезъ годъ, когда Барятинскій возвратился на Кавказъ намѣстникомъ, бывшій адъютантъ Муравьева К., въ чинѣ уже подполковника, командовалъ батареей и находился въ страшномъ смущеніи, ожидая къ себѣ пріѣзда князя. Но тотъ такъ обласкалъ и благодарилъ его за найденный у него порядокъ, что шведъ тогда ясно понялъ разницу между безтактностью своего прежняго патрона и высокимъ тактомъ настоящаго.

тораго не существовало здѣсь уже давно» («Фельдм. кн. Барят.», Зиссерманъ, стр. 390).

Въ этой оцѣнкѣ Муравьева Барятинскимъ, нельзя не удивляться умѣренности человѣка, которому безтактность муравьевская попортила не мало крови.

Съ безтактностью у Муравьева соединялась и крайняя неумѣлость оцѣнивать и выбирать людей. Разсказанный нами случай съ полковникомъ Колюбакинымъ былъ счастливымъ исключеніемъ. Такъ напримѣръ, одного батальоннаго командира подполковника О., пришедшаго недавно на Кавказъ съ 13-ю дивизіею, совершеннѣйшаго бурбона, онъ особенно облюбовалъ за его выправку и, съ производствомъ въ полковники не въ очередь, назначилъ командиромъ одного изъ лучшихъ полковъ на Кавказѣ. Пробывъ на этомъ мѣстѣ года три, О. сдѣлался посмѣшищемъ всего полка и, наконецъ, самъ додумался выйти въ отставку, успѣвъ все-таки изрядно набить себѣ карманъ.—Послѣ смотра батареи подполковника Б., Муравьевъ пришелъ въ такой восторгъ, что послалъ спросить его: какую хочетъ тотъ награду? Б. былъ тоже изъ недавнихъ на Кавказѣ, слылъ за мастера извлекать доходы изъ своей батареи, а въ то же время, какъ заядлый фронтовикъ, умѣлъ соблюдать блестящую внѣшность своей команды. Не любилъ онъ только идти въ дѣло и подъ разными предлогами отлынивалъ отъ него, сдавая команду старшему по себѣ. Офицеры считали его трусомъ. Вопросъ заданный Муравьевымъ крайне его смутилъ. Просить креста было нельзя, онъ уже имѣлъ Анну съ короной на шеѣ, Владиміра же подполковнику не даютъ, а просить производства въ полковники значило отказаться отъ батареи. Вышелъ онъ изъ этой мудреной альтернативы, наивно прося доложить главнокомандующему, «что для него, Б., ничего не можетъ быть драгоцѣннѣе благоволенія обожаемаго монарха». Муравьевъ, скупой на награды, остался очень доволенъ, поставилъ всѣмъ въ примѣръ умѣренность Б. и представилъ его къ Высочайшему благоволенію.—Подобныхъ казусовъ случалось у него не мало по военному управленію, ихъ всѣхъ не припомнишь, да и по гражданскому шло все въ такомъ же родѣ.

Директоръ канцеляріи А. Ѳ. Крузенштернъ не пришелся ему по душѣ, должно быть потому же, что былъ воронцовской школы. Онъ посадилъ его въ совѣтъ и вмѣсто него взялъ къ себѣ извѣстнаго Д. И. Кипіани. Но въ Петербургѣ этого перемѣщенія не утвердили и Крузенштерну пришлось опять вернуться. Доклады намѣстнику были чистой мукой; въ кабинетъ требовались не экстракты, которымъ Муравьевъ не вѣрилъ, а подлинныя, иногда очень объемистыя дѣла, которыя прочитывались имъ самимъ отъ доски до доски. Занимался онъ съ утра до глубокой ночи, но резолюціи выработывались имъ очень медленно.—Раза два въ недѣлю ходилъ онъ въ баню, которую устроилъ на русскій манеръ въ домѣ на-

мѣстника, и тутъ въ предбанникѣ, когда, выпарившись до красна, онъ сидѣлъ покрытый простыней, ему дѣлали доклады начальники частей. Онъ просилъ ихъ только не стѣсняться и снимать съ себя вицъ-мундиры.—Сцена выходила прекурьезная.

Но и при этой своеобразной формѣ дѣлопроизводства, иногда проскакивали у него рѣшенія замѣчательныя своею справедливостью. Разскажу, напр., дѣло горнаго инженера, капитана Чернявскаго.

Завѣдывалъ этотъ инженеръ Кульпинскимъ соленымъ промысломъ. Молодой еще человѣкъ, сибирякъ, хорошо учившійся, женатый года два съ небольшимъ на красавицѣ, онъ имѣлъ уже отъ нея дочку и боготворилъ свою семью. Въ его резиденціи жило еще нѣсколько чиновниковъ тоже семейныхъ и въ числѣ ихъ военный врачъ, полякъ, неженатый. Принадлежа къ категоріи завзятыхъ Донъ-Жуановъ, этотъ послѣдній пустился ухаживать за женою Чернявскаго и безъ всякаго повода съ ея стороны, въ то время, когда Чернявскій отсутствовалъ, уѣхавъ куда-то по дѣламъ промысла дня на два, взобрался къ ней, ночью, чрезъ окошко, въ спальню. Чернявская и кормилица, спавшая тутъ же, приняли его за вора, крикомъ своимъ призвали людей и Донъ-Жуанъ попался, причемъ, конечно, обнаружились его грязныя побужденія. Исторія огласилась на все мѣстечко; вечеромъ, когда вернулся Чернявскій, жена разсказала ему все. Позвать нѣсколькихъ казаковъ, пойти съ ними къ полячку-лекарю, связать его, притащить къ себѣ на конюшню и отодрать, такъ что небо показалось ему съ овчинку—было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Лекарь пролежалъ безъ памяти сутокъ двое и, прійдя въ себя, отправился съ жалобой къ подлежащему начальству. Чернявскаго удалили отъ должности, оставили при половинномъ содержаніи и предали слѣдствію и суду. Процедура затянулась до безконечности, судъ только и дѣлалъ, что возвращалъ слѣдствіе для новыхъ дополненій; въ этихъ проволочкахъ прошло одиннадцать лѣтъ; у бѣдняка Чернявскаго народилась цѣлая куча дѣтей, съ которыми онъ нищенствовалъ, а въ это время полячекъ-докторъ благодушествовалъ и, находя себѣ сильныхъ покровителей, добрался уже и до тепленькаго мѣстечка завѣдующаго госпиталемъ.

Но Муравьевъ, прочитавъ дѣло отъ доски до доски, положилъ ему конецъ. Чернявскій былъ освобожденъ изъ-подъ суда и слѣдствія, удержанное за 11 лѣтъ половинное жалованье ему возвращено полностью; онъ произведенъ изъ капитановъ въ маіоры и назначенъ воинскимъ начальникомъ въ Редутъ-Кале.—Полячекъ лекарь уволенъ отъ службы и высланъ съ Кавказа.

Такія рѣшенія заставляли всѣхъ порядочныхъ русскихъ людей мириться съ угловатостями Муравьева.

IV.

Впечатлѣніе отъ военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи и осады Карса среди войска и туземнаго населенія.—Сдача Карса.—Слухи о мирѣ.—Возраженія Муравьева.—Возвращеніе въ Тифлисъ.—Бережливость его и скука.—Губернаторъ Лукашъ и его семья.—Чудачество намѣстника.—Незнакомство съ мѣстными обычаями.—Любимцы Н. Н. Муравьева.—Нина Александровна Грибоѣдова.—Пріемъ городской депутаціи.—Пріѣздъ подполковника Доливо-Добровольскаго въ Мингрелію.—Разсказъ его о донесеніи изъ-подъ Карса о неудачномъ штурмѣ.—Дѣйствія Н. Н. Муравьева въ Чечнѣ.—Увольненіе его и отъѣздъ съ Кавказа.—Заключеніе.

Говорить о военныхъ дѣйствіяхъ Н. Н. Муравьева въ Малой Азіи, объ обложеніи имъ Карса, неудачномъ его штурмѣ 17-го сентября, и, наконецъ, о сдачѣ этой крѣпости, 16-го ноября, самими турками—было бы здѣсь совершенно излишнимъ; все это имѣетъ уже свою литературу, въ которой видное мѣсто занимаютъ записки самого же Муравьева; но мы скажемъ только о томъ впечатлѣніи, которое всѣ эти событія производили на дѣйствовавшія войска и мѣстное населеніе. Войска не любили Муравьева и громко на него роптали. Прежде всего располагало ихъ къ тому, получившее слишкомъ распространенную извѣстность, письмо его къ А. П. Ермолову, а затѣмъ и скупость Муравьева въ наградахъ. Онъ чуть ли не воскресилъ Анну 4-й степени или, такъ называемую, «Клюкву», о которой давно и помину уже не было на Казказѣ, а награда Анною 3-й степени считалась имъ уже большою. Солдаты ненавидѣли заведенныя имъ разныя гимнастическія игры: лапту, бары, городки и т. п.; на Кавказѣ всѣ эти упражненія, также какъ и лагерные маневры, теряли въ тѣ времена свой смыслъ; люди проходили здѣсь совсѣмъ иную школу, гдѣ выше всякой гимнастики стояли смѣтливость, находчивость, умѣніе дѣйствовать въ одиночку, но такъ чтобы дружно поддерживать и выручать товарищей въ минуты опасности, а потому всѣ эти игры по приказу начальства, ни мало ихъ не веселившія и ставившія солдатъ въ положеніе, чуть не автоматовъ, сильно имъ претили. Въ особенности не скрывали они своего неудовольствія, когда послѣ неудачнаго штурма, положившаго на мѣстѣ до 7 тысячъ убитыми и ранеными, Муравьевъ опять принялся за свои бары и городки... Солдаты дали ему тогда прозвище духобора. Что они хотѣли этимъ выразить, трудно сказать, только прозвище это было на языкѣ ихъ и бранью и иронiей.

Туземное населеніе, въ особенности, въ прибрежной къ Черному морю части края, гдѣ сдѣланъ былъ дессантъ Омеромъ-Пашой, крайне смутилось духомъ; отбитіе штурма уронило здѣсь на столько курсъ нашихъ бумажныхъ денегъ, что на нихъ ничего нельзя было покупать, не неся громадной потери. Въ Зугдидахъ, одинъ духанщикъ продалъ сторублевую ассигнацію за серебрянный рубль. Цѣна на всѣ привозные товары страшно поднялась, пудъ муки стоилъ

9 рублей, пудъ сахару—30 рублей, а на недвижимость, и въ особенности дома въ городахъ, она упала до невѣроятнаго, благодаря пущенной молвѣ, что русскіе при отступленіи своемъ изъ края, по всегдашней своей привычкѣ, все сожгутъ сами. Нашлись люди, извлекшіе изъ паники не малые барыши, такъ, напримѣръ, одинъ докторъ, нѣмецъ, купилъ себѣ въ это время въ Кутаисѣ домъ за 2 тысячи рублей, а годъ спустя, послѣ заключенія мира, продалъ его за 14 тысячъ. Неудачный штурмъ отозвался и на дѣйствіяхъ Гурійскаго отряда. Резервы его, стоявшіе въ Сурамѣ, взяты были внезапно Муравьевымъ въ Александрополь и князь Багратіонъ-Мухранскій, оставшись безъ нихъ, лишенъ былъ возможности съ своимъ малочисленнымъ отрядомъ удержать наступленіе тридцатитысячнаго корпуса Омера-Паши: Мингрелія обратилась, благодаря этому, въ шестимѣсячный театръ турецкой оккупаціи.

Сдача Карса, плѣнъ англійскаго генерала Вильямса со всѣмъ его штабомъ и значительнаго турецкаго гарнизона, были лучомъ свѣта среди продолжительной и мрачной полосы, пережитой Закавказьемъ. Гурійскій отрядъ, усиленный значительными резервами, перешелъ въ наступленіе и турецкій генералиссимусъ, увеличившій свой гаремъ пріобрѣтеніемъ въ него покупкою хорошенькой мингрелки, сталъ отступать къ Редуту-Кале и Анакліи.

Въ общемъ ходѣ войны, взятіе Карса, конечно, было все-таки утѣшительнымъ явленіемъ; но оно не могло уже разсѣять, шедшаго тогда изъ Петербурга, вѣянія—покончить войну во что бы то ни стало, не останавливаясь ни передъ какими уступками. До Кавказа стали доходить оттуда свѣдѣнія, что ведутся уже въ этомъ направленіи переговоры, встрѣтившіе въ Н. Н. Муравьевѣ горячаго оппонента; онъ и слышать не хотѣлъ въ ту минуту о мирѣ и резоны свои поспѣшилъ представить государю. У него былъ готовъ цѣлый планъ движенія впередъ на Эрзрумъ, черезъ всю Малую Азію, въ успѣхѣ котораго онъ не сомнѣвался и который, по мнѣнію его, долженъ былъ сгладить впечатлѣніе отъ неудачъ нашихъ на другихъ театрахъ войны. Спѣшить въ ту минуту заключеніемъ мира, цѣною громадныхъ жертвъ, онъ считалъ во всякомъ случаѣ несогласнымъ съ русскими интересами. Но голосъ его остался одинокимъ, доводы Воронцова въ совѣтѣ государя взяли верхъ,—миръ рѣшено было заключить; тѣмъ не менѣе позабыть высокій цивизмъ и вѣрное русское чутье въ этомъ Н. Н. Муравьева нельзя. Слѣдовавшія вскорѣ за унизительнымъ для насъ Парижскимъ трактатомъ событія заставили послѣ сожалѣть о нашей поспѣшности. Внутреннія бѣдствія во Франціи, неурожай, страшное наводненіе южныхъ ея частей и затѣмъ голодъ, а въ то же время и восстаніе въ Остъ-Индіи, давали основаніе думать, что не заключи мы въ этомъ году мира, руки у Франціи и Англіи не были бы тогда развязаны и онѣ сами спустили бы свой тонъ до такихъ размѣровъ,

при которыхъ въ мирномъ трактатѣ наше достоинство не было бы нарушено. Все это, повторяемъ, заставляетъ жалѣть, что голосъ Муравьева былъ заглушенъ, и нельзя не помянуть его съ искреннимъ сочувствіемъ.

По возвращеніи изъ-подъ Карса, Н. Н. снова занялся текущими дѣлами по военному и гражданскому управленіямъ и эта полоса опять же не можетъ назваться веселою для Тифлиса. Скупость и бережливость его сказывались на всемъ; онъ довелъ ихъ до того, что, поручивъ узнать сколько расходуется на пушку, стрѣлявшую въ полдень и, узнавъ, что въ годъ она обходится 125 рублей, приказалъ прекратить этотъ раззорительный для казны обычай, заведенный еще чтимымъ имъ Алексѣемъ Петровичемъ. Театры, итальянскій и русскій, по прекращеніи имъ субсидій, закрылись, въ городѣ царствовала скука; у намѣстника вечеровъ не бывало, а назначенный имъ тифлисскимъ губернаторомъ генералъ Лукашъ не умѣлъ ни соединить вокругъ себя, ни оживить общества. Другъ и товарищъ юности Н. Н. Муравьева, человѣкъ старый, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія о краѣ и людяхъ, которыми долженъ былъ управлять, Лукашъ черезчуръ поздно сюда пріѣхалъ, чтобъ чему-нибудь научиться, ни съ чѣмъ не освоивался и замкнулся исключительно въ бумажной формалистикѣ. Онъ и жена его, урожденная княжна Шаховская, тоже старушка, люди въ сущности очень почтенные, жили единственными заботами о воспитаніи своего шестнадцатилѣтняго сына, очень красиваго и милаго. Затащилъ сюда Н. Н. этихъ старинныхъ своихъ друзей неизвѣстно для чего и поставилъ въ самое неловкое положеніе; изъ русскихъ у нихъ никто почти не бывалъ, а туземцы прямо надъ ними потѣшались. Поводъ къ тому дала сама M-me Лукашъ. Изъѣздивъ Европу по всѣмъ направленіямъ, она очень полюбила въ Апенинахъ и Пиреніяхъ экскурсіи на мулахъ, а найдя на Кавказѣ ту же природу, не спросясь никого, завела и здѣсь тотъ же способъ передвиженія. Но здѣсь взглянули на это иначе. На всемъ Востокѣ женщинѣ садиться на мула считается за величайшій позоръ; въ прежнія времена на нашемъ Кавказѣ такъ наказывали распутныхъ и невѣрныхъ женъ, память объ этомъ была еще свѣжа и можно себѣ представить какимъ презрительнымъ смѣхомъ встрѣчены были эти любознательныя экскурсіи губернаторши съ своимъ сынкомъ.

Да и самъ Муравьевъ, полный старческихъ чудачествъ, не рѣдко попадался въ просакъ своимъ невѣдѣніемъ восточнаго этикета и обычаевъ. Имена и фамиліи лицъ, встрѣчаемыхъ имъ впервые, онъ безпрестанно позабывалъ, передѣлывалъ на свой ладъ и на чемъ-нибудь, имъ самимъ измышленномъ, навсегда останавливался. Назвавъ на первыхъ порахъ Крузенштерна, Алексѣемъ Ивановичемъ, а того звали Ѳедоровичемъ, не переставалъ онъ его такъ

называть до конца, въ чемъ мнѣ самому пришлось убѣдиться. Выйдя изъ своего кабинета, въ Квашихарахъ, попросилъ онъ меня пригласить къ нему Алексѣя Ивановича, къ счастію прибавивъ Крузенштерна, а то бы я не зналъ кого звать. Я поспѣшилъ передать его приглашеніе.

— Кого же онъ зоветъ,—спрашиваетъ меня улыбаясь Крузенштернъ,—конечно Алексѣя Ивановича?

— Дѣйствительно такъ, ваше превосходительство.

— Ну да, онъ меня передѣлалъ,—продолжалъ смѣясь Алексѣй Ѳедоровичъ,—и теперь пріучилъ самого къ новому отчеству.

На пути въ Кутаисъ, Муравьева встрѣтилъ, на Квирилѣ, шарапанскій уѣздный начальникъ, А. А. Изюмскій, очень ему понравившійся, но это не помѣшало ему передѣлать Изюмскаго въ Любимцева и называть такъ во время всего пути, а потомъ и при возвращеніи въ Тифлисъ.

— А гдѣ же Любимцевъ,—позовите ко мнѣ Любимцева,—скажите Любимцеву то-то... и т. д. всѣ уже знали о комъ шла рѣчь и передавали Изюмскому.

А между тѣмъ во всемъ, что касалось давно прошедшаго, Н. Н. удивлялъ своею памятью,—людей знакомыхъ и двадцать лѣтъ не виданныхъ, узнавалъ сразу и не ошибался, ни въ ихъ имени, ни отчествѣ.

При посѣщеніи имъ Гуріи, въ первый разъ въ жизни видѣлъ онъ этотъ прелестный уголокъ и пришелъ въ неописанный восторгъ отъ мѣстной милиціи, командиромъ которой былъ тогда князь Малакія Гурьели. Одинъ красивѣе другого, стройные, граціозные, легкіе на ходу, неутомимые, до чрезвычайности выносливые и отчаянно храбрые, гурійцы, въ своихъ оригинальныхъ и живописныхъ костюмахъ, совершенно его очаровали. Отъ Саджавахо до Озургетъ, на разстояніи верстъ восьмидесяти, пѣшіе, разсыпнымъ строемъ, конвоировали они его, летѣли, какъ птицы съ пригорка на пригорокъ и все время пѣли свои, полныя мелодіи, пѣсни. При каждой остановкѣ онъ собиралъ ихъ вокругъ себя, велъ съ ними черезъ переводчика самую задушевную бесѣду и подъ конецъ иначе не называлъ ихъ, какъ «душки гурійцы».

Страненъ былъ и подборъ любимцевъ Н. Н., торчавшихъ у него въ Тифлисѣ въ часы досуга. То были Егоръ Николаевичъ или иначе «Егорчикъ» Ахвердовъ, братъ его первой жены, прокутившійся отставной поручикъ, уже старикъ, не знавшій гдѣ преклонить голову, и скитавшійся по роднымъ своимъ, въ качествѣ Гамлета Щигровскаго уѣзда. Муравьевъ водворилъ его у себя. Затѣмъ шелъ капитанъ-лейтенантъ N, бывшій когда-то гардемариномъ на томъ самомъ кораблѣ, который везъ Н. Н. съ ввѣреннымъ ему корпусомъ въ Босфоръ для защиты султана отъ возмутившагося египетскаго паши. N, наивнѣйшій добрякъ, не выдумавшій пороху,

только хихикалъ, разсказывая мелкіе морскіе анекдоты и со всѣмъ соглашался. Третьимъ любимцемъ состоялъ хромой кн. Димитрій Гурьели (братъ Малакіи), чистѣйшій типъ гасконца.—Глупый, невѣжественный, хвастунъ и бахвалъ, плохо говорящій по-русски, и со всѣмъ этимъ считающій себя великимъ аристократомъ, онъ умѣлъ чѣмъ-то такъ понравиться Николаю Николаевичу, что тотъ даже посылалъ его съ какимъ-то порученіемъ въ Петербургъ. Собираясь уѣзжать туда и въ первый разъ увидать сѣверную Пальмиру, Димитрій пришелъ посовѣтоваться съ М. Н. Колюбакинымъ, какъ ему себя такъ держать.

— Ты побольше хромай и поменьше говори,—далъ тотъ ему дружескій совѣтъ.

И вотъ съ такимъ-то тріо Н. Н. находилъ развлеченіе вести бесѣду въ часы досуга. Конечно, это было въ немъ остаткомъ стариннаго барства, необходившагося безъ шутовъ.

Порою, когда Нина Александровна Грибоѣдова пріѣзжала въ Тифлисъ, она обыкновенно дѣлалась хозяйкой у Николая Николаевича и одна только допускалась въ домовую его церковь. Онъ глубоко ее уважалъ, между ними поддерживалась сердечная дружба, и нерѣдко Нина Александровна являлась передъ нимъ ходатаемъ за опальныхъ, успѣвая всегда смягчать суроваго старика.

Однажды, пришла она къ нему въ воскресенье къ обѣднѣ и принесла ему чудесный букетъ чайныхъ, бѣлыхъ розъ; когда кончилась служба, Н. Н. принялъ отъ нея этотъ букетъ и вышелъ съ нимъ въ залу, гдѣ дожидалась его армянская городская депутація, съ головою впереди. Пришли эти господа жаловаться на обремененіе квартирною повинностью и на притѣсненія полиціи. Голова говорилъ очень красно и длинно, излагая безвыходное положеніе градскаго общества. Муравьевъ слушалъ его, не прерывая до конца, и когда тотъ смолкъ, передалъ ему въ руки букетъ розъ, затѣмъ, ни слова не сказавъ, поклонился и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Депутація, ошеломленная этимъ пассажемъ, отправилась съ букетомъ восвояси на посмѣшище всего Тифлиса. Лучшаго отвѣта на ея кляузу нельзя было придумать.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1856 года, когда правительница Мингреліи, княгиня Дадіанъ, жила въ м. Гордѣ, къ ней прибылъ изъ Тифлиса присланный Н. Н. Муравьевымъ съ высочайшимъ рескриптомъ подполковникъ Доливо-Добровольскій. Въ этомъ рескриптѣ государь изъявлялъ ей всемилостивѣйшее свое благоволеніе за личное участіе съ мингрельскою милиціей въ минувшихъ военныхъ дѣйствіяхъ Гурійскаго отряда противъ Омера-Паши. Княгиня поручила мнѣ помѣстить подполковника у себя во флигелѣ; мы съ нимъ познакомились и въ бесѣдѣ за стаканомъ чаю я услышалъ отъ него очень интересный разсказъ.

«Какъ ни великъ былъ секретъ всѣхъ подготовленій къ штурму

Карса, ближайшія къ Н. Н. Миравьеву лица, изъ его свиты, конечно, догадывались о немъ и съ нетерпѣніемъ ждали этого рога изобилія великихъ и богатыхъ милостей, зная, что самая интересная изъ нихъ выпадетъ счастливцу, которому главнокомандующій поручитъ везти къ государю донесеніе о побѣдѣ. Понятно, что желаніе попасть въ роль этого счастливца тревожило сонъ нѣкоторыхъ аспирантовъ, имѣвшихъ на то шансы, но когда штурмъ не увѣнчался побѣдой, то они всѣ попрятались въ кусты: никому не было охоты везти донесеніе о торжествѣ турокъ; всѣмъ памятенъ былъ эпизодъ съ графомъ Гейденомъ, явившимся изъ-подъ Альмы, отъ князя Меншикова, къ императору Николаю. Да и самъ Муравьевъ, читая на лицахъ своихъ приближенныхъ ихъ мысли, не хотѣлъ огорчать ихъ такимъ порученіемъ и, перебирая служащихъ въ штабѣ, остановилъ выборъ свой на артиллерійскомъ капитанѣ Доливо-Добровольскомъ. Его и послали, ни мало не заботясь о томъ, что̀ его ожидаетъ: «бѣда не велика, штабной, все вынесетъ».

«И вотъ какимъ образомъ нежданно, негаданно», сказалъ мнѣ мой гость, «сдѣлался я вѣстникомъ къ государю о неудавшемся штурмѣ Карса».

«Признаюсь, вспоминая про Гейдена, чувствовалъ я какъ бы мурашки въ спинѣ. Какъ свидѣтелю и участнику штурма, мнѣ памятны были всѣ печальныя его подробности, передъ глазами моими мерещилось страшное число убитыхъ и искалеченыхъ, со многими изъ нихъ былъ я знакомъ, уважалъ ихъ, какъ людей достойныхъ, и все это предстояло мнѣ докладывать государю, когда онъ станетъ меня разспрашивать. Не могъ же я рисовать эту мрачную картину радужными красками. Государь находился въ Николаевѣ и меня на всемъ протяженіи этого длиннаго переѣзда осаждали подобныя мысли. На восьмой день пути, по страшной дорогѣ, тройка донесла меня наконецъ до Николаева и остановилась у того дома, гдѣ жилъ государь, въ 7-мъ часу утра. Камердинеръ государя спросилъ меня откуда я, и сказалъ, что сейчасъ же обо мнѣ доложитъ. Государь приказалъ будить себя при получаемыхъ донесеніяхъ съ театра войны. Черезъ нѣсколько минутъ меня позвали. Государь лежалъ въ походной постелѣ, возлѣ него на столикѣ стояла свѣча съ абажуромъ.

— «Съ Кавказа? было первымъ его вопросомъ.

— «Такъ точно, ваше императорское величество.

— «Благополучно ли?

— «Никакъ нѣтъ, ваше величество, неблагополучно. Штурмъ Карса отбитъ.

«Государь приподнялся и перекрестился.

— «Гдѣ же донесеніе?

«Я подалъ. Онъ сталъ читать его. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ останавливался и перечитывалъ ихъ.

— «Большой уронъ!»—сказалъ онъ мнѣ.

— «Большой, ваше величество.

«Онъ опять перекрестился.

— «Да будетъ воля святая, Господня».

«Помолчавъ немного, взглянулъ онъ на меня.

— «Ты ужасно усталъ, ступай отдохни, спасибо за скорую ѣзду, поздравляю тебя съ чиномъ подполковника».

«Я вышелъ совершенно озадаченный. Какъ? все тѣмъ и кончилось? да я же и подполковникъ! А какой милостивый, полный доброты взглядъ у государя, и какой сердечный у него голосъ! Мысли мои перепутывались отъ этой счастливой, пережитой мною минуты.

«Меня провели въ помѣщеніе для пріѣзжающихъ съ донесеніями, тамъ нашелъ я кровать, легъ на нее, или лучше сказать упалъ отъ изнеможенія и заснулъ, какъ убитый.

«Поздно вечеромъ позвали меня къ военному министру, который долго разспрашивалъ меня о подробностяхъ штурма и сказалъ мнѣ, что я могу недѣли двѣ отдохнуть въ Николаевѣ.

«Этотъ городъ былъ въ то время однимъ изъ главнѣйшихъ госпитальныхъ пунктовъ для раненыхъ и выздоравливающихъ изъ-подъ Севастополя. На бульварѣ его, въ полуденную пору, прогуливалось не мало калѣкъ съ палками и на костыляхъ, здѣсь же часто можно было видѣть и государя съ нѣсколькими лицами его сопровождавшими и въ числѣ ихъ неотлучнаго съ нимъ графа Орлова.

«Я былъ свидѣтелемъ однажды, какъ, подходя къ одной скамейкѣ, на которой сидѣлъ съ костылями раненый офицеръ, желавшій приподняться, государь приказалъ ему не трогаться съ мѣста и, сѣвъ около него, нѣсколько времени милостиво съ нимъ разговаривалъ. Потомъ, пожавъ ему руку, пошелъ дальше.

«Графъ Орловъ, немного поотставшій, подошелъ къ раненому и съ упрекомъ сказалъ ему:

— «Стыдно вамъ, милостивый государь, что вы позволили себѣ сидѣть передъ государемъ, вамъ надо было встать, какъ только вы его завидѣли издали, и не заставлять его усаживать себя. А потомъ, когда васъ осчастливаетъ государь своимъ рукопожатіемъ, надо цѣловать руку. Ваши раны лучше всего говорятъ о вашихъ заслугахъ, а потому отъ васъ и требуется надлежащее пониманіе какъ себя держать передъ государемъ. Вамъ говоритъ это старый солдатъ, не взыщите за правду. Вы должны помнить, кто для насъ всѣхъ государь.

«Затѣмъ онъ поклонился раненому, давно уже поднявшемуся передъ нимъ на своихъ костыляхъ, и быстро пошелъ вслѣдъ за государемъ».

Когда Доливо-Добровольскій вернулся въ Карсъ, Н. Н. Муравьевъ благосклонно принялъ его, а послѣ сдачи крѣпости и по возвращеніи въ Тифлисъ, давалъ ему еще нѣсколько особыхъ порученій, изъ которыхъ настоящее привело его въ Мингрелію. Впослѣдствіи уже, во время намѣстничества кн. Барятинскаго, онъ былъ начальникомъ штаба у Евдокимова, въ Дагестанѣ, женился на племянницѣ его жены Θедосѣевой и унаслѣдовалъ отъ него графскій титулъ. Доливо-Добровольскій пользовался общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ ровнаго и прямодушнаго характера. А всетаки первый толчекъ данъ былъ ему неудавшимся штурмомъ Карса.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Н. Н. Муравьевъ, побывалъ въ Чечнѣ, заложилъ укрѣпленіе Берды-Кель на р. Аргунѣ, и свои соображенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, представилъ въ Петербургъ. При этомъ, какъ говорили, онъ круто поставилъ свои условія и просилъ въ томъ случаѣ, если они не будутъ одобрены, своего увольненія, которое и послѣдовало при высочайшемъ къ нему рескриптѣ отъ 22-го мая 1856 года.

Н. Н. не долго послѣ того оставался въ Тифлисѣ и на прощальномъ обѣдѣ, данномъ ему сослуживцами, сознался въ своемъ ошибочномъ мнѣніи о кавказкомъ войскѣ, отдавалъ полную справедливость его высокимъ качествамъ и выразилъ сожалѣніе о письмѣ своемъ къ А. П. Ермолову. Это сознаніе было принято очень сочувственно всѣми присутствующими и старику устроили почетные проводы.

Что же изображалъ собою намѣстникъ Кавказа Н. Н. Муравьевъ? Былъ ли онъ дѣйствительно тутъ нуженъ, принесъ ли какую-нибудь пользу, и оставилъ ли какой-либо по себѣ слѣдъ?

Лучшими отвѣтами на эти вопросы могутъ быть факты.

Назначенъ былъ Н. Н. Муравьевъ на Кавказъ въ такую минуту, когда мудрено было разобраться въ хаосѣ, царившемъ не только здѣсь, но и во всей обширной русской имперіи, охваченной войною, принявшею колоссальные размѣры.—Своею цѣльною личностію онъ поддержалъ престижъ власти. Его страшились всѣ дурныя и вредныя силы, стремящіяся всегда въ полосы общей смуты давать просторъ своимъ вождѣленіямъ. Одно уже это сдерживало зло отъ его распространенія. Рамокъ бюджета онъ не допустилъ никому перейти, а напротивъ того сдѣлалъ казнѣ крупныя сбереженія. Взятіе Карса само по себѣ занесло его имя на страницы исторіи.

Съ прекращеніемъ войны и возвращеніемъ края къ мирному теченію въ дѣлахъ, Муравьеву нечего было оставаться на Кавказѣ,

онъ самъ это сознавалъ, задача его здѣсь была покончена и онъ ушелъ отсюда во-время. А тогда въ глазахъ всѣхъ мелкіе недостатки этого достопамятнаго человѣка стушевались сами собою, и припоминая недолгій періодъ его намѣстничества, всѣ поняли, что имѣли въ лицѣ своего начальника и правителя, доблестнаго и вѣрнаго слугу своему государю и отечеству.

К. Бороздинъ.

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ. [1].

(Выдержки изъ автобіографическихъ замѣтокъ).

III.

Либеральный или консервативный городъ Петербургъ?—На сколько онъ перемѣнился въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ.—Полиція и освѣщеніе.—Регулярность столицы.—Старыя улицы.—Физіономія мостовъ и заборовъ.—Уличные запахи.—Климатъ и погода.—Петербургская природа.—Дача и столичное общество.—Литературныя характеристики. — П. А. Корсаковъ, какъ цензоръ и писатель. — «Маякъ» и Бурачекъ.—Несторъ Кукольникъ.—Межевичъ и «Полицейскія Вѣдомости».—«Репертуаръ и Пантеонъ».—Свадьба Песоцкаго.—Русскія «Осы».—«Статейки въ стихахъ безъ картинокъ».—Уличная литература.—Господство пошлости на русской сценѣ.

ЕТЕРБУРГЪ принято называть городомъ либеральнымъ—конечно, въ пику Москвѣ,—но врядъ ли найдется въ Европѣ столица консервативнѣе нашей. Мы знаемъ, какія огромныя перемѣны произошли въ теченіе полвѣка въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ. На сколько же въ это время подвинулся впередъ Петербургъ въ области наружнаго благоустройства? Развѣ не охранялъ онъ тщательно и ревниво въ это полустолѣтіе всѣ свои особенности, которыми онъ не даромъ славится въ цивилизованномъ мірѣ: свои изумительныя мостовыя, не менѣе изумительныхъ извозчиковъ, свои думскіе распорядки и тому подобные «раритеты», какихъ не встрѣтишь теперь ни въ одномъ городѣ, вышедшемъ изъ эпохи

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXXIX, стр. 29.

пещерныхъ и свайныхъ построекъ. Совершались, конечно, и въ немъ нѣкоторыя улучшенія—невольная дань неугомонному духу времени: полиція предписала не только «тащить и не пущать» сѣрый народъ, но и вѣжливо провожать черезъ Невскій стариковъ и нянекъ съ дѣтьми, охраняя ихъ отъ экипажей, бѣшено мчащихся, какъ на рысистыхъ бѣгахъ; «квартальные надзиратели» переименованы участковыми приставами, «будочники» околодочными; введены конки, очень умѣренно, но акуратно давящіе человѣкъ по десяти въ мѣсяцъ; явились сначала газъ, потомъ электричество, соперничествующіе между собою и въ томъ, что сначала оба горятъ прекрасно, но какъ только пріобрѣтутъ монополію, начинаютъ «пошаливать». Устроенъ наконецъ фильтръ—улучшеніе безспорно полезное, но еще разъ доказавшее, что мы и улучшать какъ-то начинаемъ все не съ того конца, какъ слѣдуетъ. Почва столицы, въ теченіе ея двухсотлѣтняго существованія, до того пропиталась всякими нечистотами, что канализація города сдѣлалась настоятельною необходимостью, а мы вмѣсто отвода несомнѣнныхъ источниковъ заразы, проводимъ сомнительной чистоты воду по трубамъ, нечищеннымъ въ теченіе десятковъ лѣтъ.

Въ географическихъ учебникахъ сороковыхъ годовъ, гдѣ города обозначались однимъ эпитетомъ, какъ: Парижъ—великолѣпный, Лондонъ—обширный, Вѣна—промышленный, Римъ—вѣчный, Москва—древній, Петербургъ названъ «регулярнымъ». Развѣ и теперь не главная черта его та, что онъ регуляренъ—во всѣхъ отношеніяхъ? Развѣ есть для него что̀-нибудь на свѣтѣ важнѣе регулярности? Если гдѣ-нибудь въ заневскихъ странахъ домà и не вытянуты въ безукоризненную линію и погнулись немножко на бокъ, то погнулись все-таки чрезвычайно регулярно. На такихъ окраинахъ города есть цѣлыя улицы, которыя лѣпясь очень скромно вдоль заборовъ, вдругъ какъ бы испугавшись чего-нибудь, бросаются вправо или влѣво. Такія улицы лучше всего подтверждаютъ консервативность Петербурга. Правда, въ центрѣ его явились зданія, оскорбляющія своею вычурною архитектурою регулярность, нарушеніе которой ни за что̀ не было бы допущено въ николаевскую эпоху, но это только незначительныя уступки все тому же духу времени, либеральному уже по самой своей натурѣ. Къ сожалѣнію, этотъ либерализмъ выяснился рѣзче всего въ явленіи, составляющемъ дѣйствительно главнѣйшее различіе между прежнею эпохою и нынѣшнею; явленіе это—непомѣрное и весьма нежелательное размноженіе въ столицѣ—жидовъ. Въ этомъ отношеніи Петербургъ уже нисколько не напоминаетъ сороковые года, когда жидъ въ Петербургѣ былъ такимъ же рѣдкимъ явленіемъ, какъ теперь русскій человѣкъ на биржѣ, въ правленіи банковъ, акціонерныхъ обществъ, въ адвокатурѣ, въ магазинахъ, въ страховыхъ и другихъ учрежденіяхъ.

Съ сороковыхъ годовъ даже для урегулированія Петербурга сдѣлано очень немного: исчезло нѣсколько деревянныхъ домовъ на видныхъ мѣстахъ, проложена въ центрѣ города всего одна улица—Пушкинская, да и та въ самое послѣднее время, другія только перемѣнили названіе. Такъ Шестилавочная назвалась Надеждинскою, Грязная—Николаевскою, Девятая рота—Бассейною; роты Семеновскаго полка получили названіе городовъ московской губерніи, Обуховскій проспектъ оказался Забалканскимъ, Мѣщанскія обратились въ Казанскую, Казначейскую и проч. Но все это только въ центральныхъ частяхъ, окраины столицы почти не измѣнились, не смотря на значительный приростъ населенія. Тамъ остались по прежнему Болотныя улицы, Ружейныя, Разстанныя, Разночинныя, Широкая, Слоновая, Бармалѣева, Плуталова, Гулярная, Теряева, Пустая и пр.; исчезли только Пискунова, Односторонняя, Поперечная, Оспинная, Траерная, Дребезгова, Проходная, Кошкина, Молчаливая; ихъ уже вовсе не прогресивныя клички замѣнились именами позднѣйшихъ дѣятелей, какъ «Треповская» улица. Но Сукинъ переулокъ остался. Уничтожилось также нѣсколько одноименныхъ Офицерскихъ, Воскресенскихъ, Мясныхъ улицъ, Глухихъ и Мучныхъ переулковъ, но это уже было необходимо для избѣжанія путаницы въ адресахъ. Огромный шагъ впередъ сдѣлалъ городъ съ устройствомъ скверовъ и садовъ. Въ годы моего ранняго дѣтства еще существовалъ бульваръ на Невскомъ проспектѣ, но уже съ конца двадцатыхъ годовъ началось въ Петербургѣ безпощадное истребленіе всякой зелени. Надо было видѣть, съ какимъ всепревозмогающимъ усердіемъ моментально уничтожалась въ николаевское время всякая травка, позволившая себѣ выглянуть на свѣтъ Божій не только на пустынныхъ площадяхъ столицы, но даже на дворѣ зданія, особенно если это зданіе было казенное. За подобный «недосмотръ» потерялъ мѣсто смотритель одного изъ такихъ зданій на Литейной, не выходившей въ началѣ царствованія Николая I на Неву, а оканчивавшейся неуклюжимъ строеніемъ Литейнаго двора съ высокою башнею.

Значительно измѣнилась также въ столицѣ физіономія мостовъ. Въ весьма недавнее сравнительно время ихъ очистили отъ всякихъ ларей, съѣстныхъ и книжныхъ, считавшихся прежде необходимою ихъ принадлежностью. Въ николаевское время мосты были излюбленнымъ мѣстомъ петербургскаго простолюдина. Прислонивъ ко всѣмъ четыремъ угламъ любого моста разныя отрасли мелкой промышленности, простой народъ нерѣдко цѣлые дни проводилъ у этихъ мостовъ, бесѣдуя съ земляками, наблюдая за прохожденіемъ барокъ, подъ арками моста, или просто облокотясь на перила и поплевывая въ воду, для собственнаго удовольствія. Мостъ для мелкаго петербуржца былъ тогда тоже, что форумъ для римлянина. Здѣсь уличные политики зачастую вели бесѣды о пред-

метахъ неподлежащихъ ихъ обсужденію, пока грозный окликъ хожалаго будочника, угощавшагося тутъ же поблизости разной снѣдью, не прерывалъ бесѣдъ приглашеніемъ не толпиться и расходиться. У мостовъ же обыкновенно воздвигались и будки, гдѣ доблестные стражи, лишенные уже алебардъ, отнятыхъ у нихъ въ тридцатыхъ годахъ, продолжали ревностно охранять самихъ себя, изрѣдка забирая подъ гостепріимный кровъ своихъ жилищъ уже черезчуръ подгулявшихъ и расходившихся гражданъ. Мостъ питалъ множество народа, начиная съ извозчика, который обыкновенно ставилъ тутъ же свою колоду, до бабы, продававшей лѣтомъ чернику въ помадной банкѣ, а зимой пряники, напоминающіе цвѣтомъ и вкусомъ мостовой булыжникъ, на которомъ баба утверждала лотокъ съ своимъ товаромъ. Съ уничтоженіемъ разносной торговли на петербургскихъ мостахъ, она потеряла свою оригинальную физіономію. Ютилась эта торговля невозбранно и у заборовъ, которыхъ прежде было гораздо больше въ Петербургѣ, ихъ также особенно облюбилъ простой народъ, останавливавшійся передъ ними за всякими надобностями, заглядывавшій во всѣ скважины барочныхъ досокъ, изъ которыхъ обыкновенно сколачивались заборы, исписывавшій ихъ нецензурными рисунками и афоризмами. Пристрастіе къ ббразамъ игриваго содержанія и краткимъ, но энергичнымъ изреченіямъ было такъ велико, что потребовались также весьма энергичныя мѣры и многіе годы, чтобы отучить доморощенныхъ Рембрантовъ и Пироновъ отъ иллюстрированія некрашеныхъ заборовъ произведеніями отечественной порнографіи. Исчезли также съ теченіемъ времени и развитіемъ уличной цивилизаціи специфическіе запахи нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ улицъ. Такъ Гороховая пахла смѣсью горячаго хлѣба съ деревяннымъ масломъ, Чернышевъ переулокъ сбитнемъ и тухлыми яицами, Демидовъ—соленой севрюжиной и сушеными грибами, Малая Подъяческая—старыми сапогами, и т. д.

И пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, точно также раздавались все тѣ же жалобы на петербургскую погоду; въ этомъ отношеніи городъ нашъ особенно консервативенъ. И въ сороковыхъ годахъ случалось ѣздить въ Рождество и новый годъ на дрожкахъ съ тою только разницею, что тогда падать съ дрожекъ было неудобнѣе, ибо между ними преобладали такъ называемыя «гитары» или «калиберъ», на который, чтобы удержаться въ равновѣсіи, надо было садиться верхомъ. Пролетки были также рѣдки, какъ хорошіе дни безъ «осадковъ». Но и къ этимъ осадкамъ и вообще къ непостоянству петербургскаго климата, кажется, было уже время привыкнуть и Николай Павловичъ былъ совершенно правъ, говоря иностраннымъ посламъ «я не понимаю, почему мой климатъ находятъ дурнымъ». Дѣйствительно, только одна привычка петербуржца вѣчно на что-нибудь плакаться, объясняетъ его неизмѣнныя, изъ

году въ годъ, и безплодныя жалобы на погоду. Давно уже всѣ статистики и климатологи подтвердили, что въ Петербургѣ собственно два времени года: сѣроснѣжная зима и зеленодождливая зима; первая бываетъ по временамъ бѣлоснѣжной и очень холодной, вторая — сухозеленой и не очень холодной,—вотъ и вся разница между ними. Первая устанавливается обыкновенно въ январѣ—и длится мѣсяца четыре, вторая—въ маѣ тоже на четыре мѣсяца; остальные четыре мѣсяца въ году представляютъ собою смѣсь этихъ двухъ временъ, въ которой количество снѣжныхъ осадковъ равняется количеству дождевыхъ. Съ этой несложной метеорологіей можно было бы уже давно свыкнуться, а между тѣмъ житель столицы продолжаетъ по привычкѣ роптать то на дождь, то на снѣгъ, то на бездождье, то на вѣтеръ, одинаково дующій во всѣ дни, мѣсяцы и годы. Медицинская статистика города ни въ прошломъ, ни въ нынѣшнемъ полустолѣтіи не занималась вычисленіемъ: отъ простудныхъ или отъ желудочныхъ болѣзней больше умираетъ петербуржецъ. Теперь она, правда, подводитъ итоги смертности въ столицѣ, печатая ихъ еженедѣльно въ газетахъ, изслѣдуя въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ происхожденіе и развитіе разныхъ инфлуэнцій и катаровъ. Прежде на этотъ счетъ было гораздо проще: хитрыхъ названій болѣзнямъ не давали, и умирали отъ нихъ также основательно, какъ и теперь, только приписывая причины ихъ — Божьей волѣ, а не размноженію въ водѣ и воздухѣ бактерій и микробовъ, и не занимались ловлею ихъ во всѣхъ закоулкахъ человѣческаго тѣла. Медицинскихъ знаменитостей не создавали, юбилеевъ ихъ не справляли, памятниковъ имъ не воздвигали, а лечились съ одинаковою вѣрою и въ рецептъ, исписанный невѣдомыми каракулями, и въ нашептанную водицу, которою пользовались еще радомичи и вятичи, стало быть задолго до барона Вревскаго. Вымираемость въ Петербургѣ была всегда сильнѣе рождаемости, что вовсе неудивительно въ городѣ, гдѣ сносныхъ всего три, такъ называемыхъ, лѣтнихъ мѣсяца, а остальные такъ перемѣшиваются между собою, что трудно отличить май отъ сентября, апрѣль отъ октября, мартъ отъ ноября.

Петербургская природа пробуждается обыкновенно въ апрѣлѣ; существенные признаки этого пробужденія состоятъ въ томъ, что улицы начинаютъ принимать вмѣсто грязносѣраго — грязнобурый цвѣтъ, сани начинаютъ исчезать. Въ сороковыхъ годахъ зимою, вмѣстѣ съ городскими извозчиками, допускались въ ѣзду и деревенскіе, въ бѣлыхъ нагольныхъ тулупахъ, въ саняхъ сколоченныхъ на живую нитку; въ пятидесятыхъ годахъ такихъ возницъ полиція уже не пускала въ столицу. Насильственной, «треповской» весны тогда не устроивали, а предоставляли снѣгу самому сползать съ крышъ домовъ и мостовыхъ, и литься грязнымъ пото-

комъ въ водосточныя трубы. По этой массѣ рыхлаго снѣга, перемѣшаннаго съ пескомъ и грязью, прыгали и переваливались сани, каждую минуту скользя полозьями по голымъ каменьямъ, скрывающимся подъ огромными лужами. Погода въ это время стоитъ постоянно непостоянная: утромъ солнце, къ полудню дождь, вечеромъ холодный вѣтеръ, ночью морозъ. Иногда, для разнообразія, бываетъ утромъ морозъ, въ полдень солнце, къ вечеру дождь, ночью рѣзкій вѣтеръ—и такъ далѣе, дѣлая изъ этихъ четырехъ частей дня и погоды всевозможныя перестановленія по извѣстной математической формулѣ ньютонова бинома. Главныя петербургскія улицы представляютъ тогда оригинальное зрѣлище: на одной сторонѣ ихъ, пригрѣваемой солнцемъ, катятся неуклюжія дрожки и снуютъ франты въ лѣтнихъ костюмахъ; по другой — прыгаютъ по жидкому грязеснѣгу сани и шагаютъ флегматически мѣховыя пальто и еноты. Вскрытіе рѣкъ и каналовъ доставляетъ праздному люду пріятное занятіе смотрѣть по цѣлымъ часамъ, какъ дворники отбиваютъ баграми ледъ отъ гранитной набережной и проводятъ его внизъ по теченію. По временамъ мосты и набережныя захлебываются народомъ любующимся на это зрѣлище; раздаются бойкія выходки народнаго, преимущественно непечатнаго остроумія, потѣшающагося и надъ неловкимъ ударомъ багра по льдинѣ и надъ вороною, плывущею на осколкѣ льдины и съ любопытствомъ посматривающею на людскія занятія. Первый весенній праздникъ екатерингофскаго гулянья удается очень рѣдко: термометръ никакими просьбами не поднимается выше точки замерзанія, на деревьяхъ ростутъ одни голики, земля сыра и черна,— рѣдко гдѣ торчатъ клочки прошлогодней травы, превратившейся на корнѣ въ сѣно, только верба стелетъ по землѣ красноватые стволы, усѣянные пушистыми распукольками. Съ первыми числами іюня оканчивается царство густой грязи и начинается царство жидкой. Календарь показываетъ наступленіе лѣта—предосторожность похвальная, безъ которой это было бы трудно замѣтить, и петербуржецъ, то промокая отъ дождя, то просыхая отъ холоднаго вѣтра, выставляетъ двойныя рамы и, обвязывая простуженную щеку, говоритъ: «пора на дачу!»

На петербургскія дачи жалобы слышатся также уже гораздо больше полувѣка. Число ихъ въ послѣднее время только значительно увеличилось. Столичный житель отвоевалъ себѣ нѣсколько новыхъ мѣстъ для своихъ лѣтнихъ переселеній; но строилъ онъ для дачъ, и тогда какъ теперь, какъ истый консерваторъ, одни карточные домики, безъ всякаго приспособленія къ своему климату, съ мавританскими и другими украшеніями по наружному фасаду, но безъ малѣйшихъ удобствъ внутри, съ верандами и бельведерами, но безъ печей, съ разными примѣненіями къ защитѣ отъ солнца, которое такъ рѣдко заглядываетъ въ Петербургъ, но

безъ всякой защиты отъ холоднаго, сильнаго вѣтра, насквозь продувающаго всѣ наши дачи, въ теченіе всего, такъ называемаго лѣта. Мѣняются также по временамъ модныя и излюбленныя мѣста для дачныхъ поселеній. Въ началѣ сороковыхъ годовъ высшій кругъ селился преимущественно на Каменномъ островѣ, въ Царскомъ и Павловскомъ, средній—на петергофской дорогѣ, въ чухонской деревнѣ Крестовскаго острова и въ Колтовскихъ, сообщавшихся съ Крестовскимъ только посредствомъ перевоза на яликахъ, а отъ города отдѣленныхъ деревянною мостовою, но не въ формѣ торцовой, введенной въ пятидесятыхъ годахъ, а въ видѣ бревенъ, положенныхъ поперекъ улицы и по которымъ экипажи прыгали, какъ по фортепіаннымъ клавишамъ. Новая и Старая Деревни вошли въ моду только въ концѣ сороковыхъ годовъ съ устройствомъ моста на Крестовскій и съ открытіемъ въ Новой Деревнѣ минеральныхъ водъ и концертовъ Излера. Въ Полюстровѣ, на своей роскошной дачѣ, жилъ тогда старикъ Кушелевъ-Безбородко и въ его саду, открытомъ для публики, заѣзжіе концертанты давали по временамъ музыкальные вечера. Московское шоссе и до проведенія рельсовъ во вторую столицу было пустынею и занято не дачами, а фабриками, за то петергофское, не отвоеванное еще путиловскими и другими заводами, переполнялось, особенно въ Тентелевой и Автовой деревнѣ, около Краснаго Кабачка и Сергіева монастыря, мелкими дачниками, гулявшими по шоссе, покрытомъ густою пылью въ сухую погоду и не менѣе густою грязью послѣ дождя. По вечерамъ эти дачники, принадлежавшіе большею частью къ чиновничьему классу, бились также усердно въ преферансъ, какъ усердно винтятъ теперь ихъ потомки.

Но наблюденія надъ общественною жизнью Петербурга завели бы меня очень далеко и заняли бы слишкомъ много мѣста въ журналѣ. Я могу говорить здѣсь о нихъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ 1844—45 гг. я посвятилъ этому предмету цѣлый рядъ статей въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», издававшемся подъ редакціей Межевича. Статьи имѣли юмористическій характеръ, потому что иначе какъ въ этомъ тонѣ и нельзя было относиться къ тогдашнему обществу. Да и у всѣхъ народовъ серьезно къ своимъ современникамъ относятся только проповѣдники и моралисты, а не журналистика. Французы безспорно самая общежительная нація въ мірѣ, но и тамъ Вольтеръ, хотя печаталъ, что только во Франціи и существуетъ общество, самъ въ то же время увѣрялъ, что это общество живетъ только злословіемъ, насмѣшками и лукавствомъ. Правда, Бюфонъ торжественно объявляетъ, что человѣкъ своимъ могуществомъ обязанъ обществу, что оно образовало умъ его, дало пищу его воображенію, показало ему вполнѣ все богатство силъ его. За то Руссо говоритъ откровенно, что первое зло большихъ городовъ—общество, въ которомъ люди должны быть

совсѣмъ не тѣми, каковы они на самомъ дѣлѣ. Даже англійскій поэтъ Муръ объясняетъ, что въ городѣ живется плохо оттого, что городъ создалъ человѣкъ, тогда какъ деревню создалъ Богъ. Каково же приходится жить въ нашемъ городѣ, созданномъ уже положительно прихотью одного человѣка, если и не «разсудку вопреки»,—припоминая стихъ Грибоѣдова, то уже во всякомъ случаѣ «на перекоръ стихіямъ». Въ статьяхъ моихъ я разбиралъ подробно, какъ живетъ Петербургъ, и кто живетъ въ немъ, какія въ немъ существуютъ маніи и житейскія непріятности, какъ въ немъ сочиняются новости и устроивается дачная жизнь, какъ онъ веселится, встрѣчаетъ новый годъ, путешествуетъ, купается, посѣщаетъ театры, слушаетъ итальянскую оперу, составляетъ домашніе спектакли. Думаю, что эти очерки представляютъ достаточно полную картину столичной общественной жизни въ началѣ сороковыхъ годовъ, со всѣми ея особенностями, странностями, недостатками, съ ея нравственною приниженностью и апатіею, съ ея лжеманіею и чиноманіею, съ ея эгоизмомъ и пышностью, проникающими во всѣ слои населенія, гдѣ въ высшій кругъ попадаетъ всякій, кто разбогатѣетъ какимъ бы то ни было средствомъ, гдѣ средній кругъ никакъ не хочетъ признаться въ томъ, что онъ средній, а низшій считаетъ себя среднимъ. Но и въ двухъ послѣднихъ кругахъ неуклонно исполняютъ золотое правило современнаго эгоизма: «не дѣлай никогда самъ того, что̀ можешь заставить дѣлать другого», а въ высшемъ кругу эта аксіома выражается еще обширнѣе: «не дѣлай для другого ничего, что̀ можешь сдѣлать для самого себя».

Я уже говорилъ, что начало сороковыхъ годовъ далеко не походило на конецъ ихъ, но петербургское общество начинало уже чаще пробуждаться отъ своей вѣчной спячки и интересоваться великими произведеніями, появившимися въ теченіе 1842—46 гг. Потому не одинъ литературный міръ былъ огорченъ смертью лучшаго цензора того времени Петра Александровича Корсакова. Это былъ вполнѣ образованный и истинно добрый человѣкъ. Литературное поприще свое онъ началъ 17-ти лѣтъ, издавъ два объемистыхъ тома собранія путешествій во внутреннюю Африку, въ 1807 году, и въ томъ же году поступилъ на службу при русской миссіи въ Голландіи, гдѣ провелъ четыре года, изучивъ основательно голландскій языкъ. Въ 1812 году онъ вступилъ въ петербургское ополченіе, гдѣ сошелся съ моимъ отцомъ. Поступивъ потомъ вмѣстѣ въ масонскую ложу св. Михаила, они остались друзьями до смерти Корсакова. Міровыя событія того времени настроили его на патріотическій тонъ и онъ написалъ нѣсколько стихотвореній на разныя побѣды, не мало торжественныхъ гимновъ, кантатъ, «Храмъ славы истинныхъ героевъ» и пр. Потомъ онъ сталъ работать для театра, переводилъ пьесы, оперу Изуара «Жокондъ,

или искатели приключеній», написалъ трагедію въ стихахъ «Маккавеи», изъ еврейской исторіи, наконецъ, въ 1817 году, издавалъ журналъ, сначала подъ названіемъ «Русскій пустынникъ», потомъ съ половины года перекрестилъ его въ «Сѣвернаго Наблюдателя»— нравственное, сатирическое, литературное и политическое изданіе. Журналъ не пошелъ — и Корсаковъ обратился къ службѣ, какъ единственному занятію, дающему обезпеченный кусокъ хлѣба въ Россіи. Онъ былъ не богатъ, хотя и владѣлецъ сколькихъ-то душъ, и долженъ былъ своимъ трудомъ содержать семью, тогда какъ братъ его, женившись на послѣдней отрасли дома Дондуковыхъ, получилъ за нею въ приданое, кромѣ деревень, княжескій титулъ и мѣсто, на которомъ его заклеймилъ Пушкинъ безсмертнымъ шестистишіемъ. Въ 1835 году, Петръ Александровичъ былъ сдѣланъ цензоромъ, и въ печати снова стали появляться его труды, сначала очерки голландской литературы, біографія поэта Катса, потомъ романъ «Креолка и европеецъ», повѣсть «Приключенія бѣднаго сироты». Въ 1840 году, онъ принялъ дѣятельное участіе въ изданіи «Маяка». Вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ Л. А. Меемъ я послалъ изъ лицея въ томъ же году нѣсколько стихотвореній въ этотъ журналъ. Они были напечатаны, но вмѣстѣ съ тѣмъ Корсакову почему-то вздумалось написать мнѣ посланіе въ стихахъ «Совѣты друга», въ которыхъ называлъ меня преемникомъ Пушкина. Я въ свою очередь, конечно, отвѣчалъ также посланіемъ, въ которомъ счелъ долгомъ дать ему эпитеты «наставника и цѣнителя Пушкина»—такъ какъ Корсаковъ былъ его цензоромъ; я говорилъ о высокой роли «быть покровителемъ искусства, совѣты опыта давать, настроить молодую лиру на чистый, звучный, вѣрный тонъ», просилъ благословить поэта на высокое призванье. Для девятнадцатилѣтняго стихотворца было конечно очень лестно получить, на первыхъ шагахъ своего поприща, одобреніе такого опытнаго писателя и цензора—и я сожалѣлъ, что не сохранилъ его посланія. Вмѣстѣ съ другими автографами и разными не печатными произведеніями, соединенными въ одну тетрадь, оно было взято другимъ моимъ товарищемъ, М. Н. Лонгиновымъ, который, какъ записной библіофилъ и собиратель всякихъ литературныхъ курьезовъ, счелъ удобнымъ пріобщить и мою тетрадь къ своей замѣчательной колекціи, о которой однако, какъ и о его рѣдкой библіотекѣ, и не подумали позаботиться наслѣдники талантливаго библіографа и отщепенца русской литературы.

Оставаясь цензоромъ моихъ первыхъ произведеній, Корсаковъ продолжалъ относиться ко мнѣ чрезвычайно благосклонно и хотя въ 1842 году цѣликомъ закрестилъ мою большую поэму «Взглядъ императрицы», изъ царствованія Екатерины II, но съ моей стороны было непостижимымъ промахомъ представить въ тогдашнюю цензуру такую вещь. Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ отстаивалъ

меня сколько могъ. Въ домѣ его я встрѣчалъ всегда самый радушный пріемъ. Его милыя, образованныя дочери оказывали большое вниманіе начинающему писателю, хотя въ ихъ гостиной собирались люди уже составившіе себѣ литературную извѣстность, какъ напр., Кукольникъ, драмы котораго не сходили тогда со сцены. Другъ Брюлова и Глинки, представителей русской живописи и музыки, онъ самъ считалъ себя представителемъ русской поэзіи и надо сознаться, большинство нашей публики раздѣляло тогда это мнѣніе, тѣмъ болѣе, что чарующіе звуки лермонтовскихъ стиховъ не находили достойныхъ отголосковъ въ произведеніяхъ молодыхъ поэтовъ того времени. Не смотря на всѣ старанія «Отечественныхъ Записокъ» направить эстетическіе вкусы читателей на истинный путь, партія «Сѣверной Пчелы» и «Библіотеки для Чтенія» была еще очень сильна и имѣла многочисленныхъ приверженцевъ. А къ нимъ въ 1840 году присоединился еще «Маякъ», этотъ представитель «опозиціи застоя и мракобѣсія», какъ его называлъ Аполлонъ Григорьевъ. Но о тлетворной цѣли и позорной дѣятельности этого журнала критикъ могъ говорить прямо только двадцать лѣтъ спустя (въ журналѣ «Время» 1861 года, № 5); а въ тогдашнюю эпоху открыто возстать противъ него было не легко, такъ какъ онъ прикрывалъ свои ретроградныя тенденціи благочестіемъ, православіемъ и народностью, и распространялъ идеи обскурантизма, какъ говоритъ Грибоѣдовъ: «все подъ личиною усердія къ царю». Дѣятельное участіе такого честнаго и добродушнаго писателя, какъ Корсаковъ, въ такомъ журналѣ объяснялось въ старомъ ополченцѣ, помимо его шовинистскаго и отсталого направленія, желаніемъ увеличить свои средства доходами по изданію. Для этой же цѣли онъ давалъ свое имя разнымъ книгопродавческимъ, хотя и полезнымъ предпріятіямъ, какъ переводы «Робинзона Крузе» Дефо (1843 г., 2 части) и «Воспоминанія слѣпого» Араго (1844 г., 2 части). Эти переводы только редактировались Корсаковымъ, а работали надъ ними другія лица. Переводъ Робинзона съ англійскаго подлинника былъ даже и хорошимъ дѣломъ, такъ какъ въ то же время вышелъ другой, съ нѣмецкой передѣлки Кампе. А между тѣмъ этотъ второй переводъ, принадлежащій Межевичу, въ скоромъ же времени достигъ третьяго изданія (1842, 1846 и 1859 гг.), тогда какъ лучшій трудъ Корсакова не имѣлъ успѣха. Habent sua fata libelli. Но появленіе имени уважаемаго цензора, какъ редактора неуважаемаго журнала во всякомъ случаѣ было неудобно и едва ли прилично. Имя второго редактора С. Бурачка, выставляемое на обложкѣ «Маяка» не смягчало непріятнаго впечатлѣнія, производимаго ретроградными выходками журнала подъ флагомъ цензуры.

Бурачекъ, не смотря на всѣ усилія обратить на себя вниманіе рѣзкими выходками противъ просвѣщенія и прогресса, не имѣлъ никакого значенія въ журналѣ. Этотъ полупомѣшанный обскурантъ,

не разъ лечившійся въ пріютахъ для душевно больныхъ и пѣвшій пѣтухомъ на крышѣ своего домика, на окраинѣ Васильевскаго острова, такъ и умеръ не составивъ себѣ никакого литературнаго имени, не смотря на свое редакторство. Нелюдимъ, мрачнаго вида, онъ почти вовсе не появлялся въ гостиной своего товарища по редакціи, гдѣ, въ послѣднее время, преобладающая роль принадлежала Кукольнику, въ которомъ другіе посѣтители видѣли гордость и славу русской литературы. Но этотъ бойкій и нелишенный остроумія ораторъ на холостыхъ пріятельскихъ сходкахъ, въ гостиной Корсакова держалъ себя очень скромно, рѣдко пускался въ разглагольствованія объ искусствѣ и творчествѣ и разъигрывалъ даже скорѣе роль вздыхателя по одной изъ царицъ общества, чѣмъ роль проповѣдника великихъ поэтическихъ истинъ. Вздыханія его по очень умной, симпатичной дѣвушкѣ, высказывавшіяся въ усиленномъ писаніи къ ней стиховъ и въ открытомъ ухаживаніи за нею, приняли такой настойчивый характеръ, что стали ходить слухи о его матримоніальныхъ намѣреніяхъ. Ему было лѣтъ 35 и, кромѣ литературныхъ занятій, приносившихъ ему порядочныя выгоды, онъ служилъ въ военномъ министерствѣ по провіантской части—стало быть былъ женихъ хоть куда. Онъ не скрывалъ своего расположенія къ дѣвушкѣ, у сестры которой былъ также горячій поклонникъ и также поэтъ только лѣтъ на десять помоложе. Посѣтители Корсакова начали серьезно считать женихами обоихъ поэтовъ, но всѣ эти проекты кончились съ неожиданной смертью Корсакова 11-го апрѣля 1844 года. Онъ захворалъ еще въ концѣ марта и умеръ на 56 году, далеко не старымъ человѣкомъ. Его дочери и всѣ родные были поражены этой кончиной. Семья его вскорѣ же покинула Петербургъ и поселилась въ деревнѣ. Сыновей онъ не оставилъ. Послѣднимъ и самымъ замѣчательнымъ его трудомъ, вышедшимъ за нѣсколько дней до его смерти, былъ «Опытъ Нидерландской антологіи», собраніе переводовъ въ стихахъ — голландскихъ поэтовъ. Вмѣстѣ съ его критическими статьями о Іостѣ ван-Фондель, Якобѣ Катсѣ, Бильдердейкѣ и другихъ корифеяхъ голландской литературы, антологія составляетъ единственную книгу на русскомъ языкѣ, изъ которой можно ознакомиться съ этой литературой. Ни до Корсакова, ни послѣ него, никто не занимался ею, и даже Межовъ въ своей «Исторіи русской и всеобщей словесности», не упоминаетъ вовсе ни имени Корсакова, ни его произведеній. Наша литература такъ скоро забываетъ своихъ дѣятелей, что напоминаніе о нихъ становится далеко не лишнимъ. Только Кукольникъ, принужденный отказаться отъ своихъ матримоніальныхъ плановъ и женившійся впослѣдствіи на домоправительницѣ финляндскаго происхожденія, посвятилъ Корсакову небольшую статью въ своей «Иллюстраціи», которую началъ издавать въ 1845 году, да въ словарѣ Старчевскаго помѣщена

краткая біографія этого далеко не бездарнаго писателя и хорошаго человѣка. Забывать его не слѣдовало, какъ ни прискорбно было его участіе въ «Маякѣ», хотя это участіе конечно не мало способствовало этому забвенію. Къ тому же, въ ноябрѣ того же 1844 года, Россія понесла такую утрату въ лицѣ своего геніальнаго баснописца Крылова, что эта кончина, вмѣстѣ со смертью общеевропейскихъ дѣятелей, какъ Торвальдсенъ, Жофруа-Сент-Илеръ, Нодье, Делавинь и др., могла легко заставить забыть о потерѣ Петра Александровича Корсакова, отъ котораго литература была вправѣ ждать еще многихъ полезныхъ трудовъ.

Другой, также слишкомъ рано кончившій свое поприще редакторъ и писатель, съ которымъ я сошелся еще при жизни Корсакова, также заслуживаетъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько словъ, хотя онъ забытъ еще больше. О немъ, не только у Межова, но и въ словарѣ Толя не сказано ни слова. Умеръ онъ 35-ти лѣтъ, тоесть двадцатью годами моложе Корсакова, а между тѣмъ сдѣлалъ больше чѣмъ тотъ и вообще былъ образованъ глубже и многостороннѣе. Московскій уроженецъ, Василій Степановичъ Межевичъ, знакомый Краевскому, какъ хорошій учитель, пріѣхалъ въ Петербургъ 25-тилѣтнимъ юношею и принялъ дѣятельное участіе въ редакціи «Литературной Газеты», преобразованной Краевскимъ, который хотѣлъ сначала поручить Межевичу вести критическій отдѣлъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», но, сойдясь съ Бѣлинскимъ, предоставилъ своему товарищу мѣсто критика не въ журналѣ, а въ газетѣ. Межевичъ еще въ Москвѣ былъ извѣстенъ серьезными трудами: въ 1835 году была напечатана его рѣчь «о народности въ жизни и поэзіи». Еще раньше онъ заявилъ себя, какъ опытный педагогъ, своимъ изслѣдованіемъ системы взаимнаго обученія и переводомъ «Методы всеобщаго обученія» Жакото. Критическое поприще онъ началъ въ «Телескопѣ». Панаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» выставляетъ его совершенной бездарностью, но это также несправедливо, какъ утвержденіе этого литературнаго хлыща, что Бѣлинскій, добиваясь всѣми силами попасть въ «Отечественныя Записки», упрашивалъ расхваливать его Краевскому. Подобныя упрашиванія были бы совершенно безцѣльны, такъ какъ Краевскій, съ первыхъ же дней знакомства съ Панаевымъ, втершимся въ новый журналъ, не вѣрилъ ни одному слову этого юркаго сотрудника, одержимаго колосальною лжеманіей. Межевичъ заявилъ себя въ Москвѣ и здѣсь разнородными трудами: онъ переводилъ Манцони, Кампе, издавалъ «Кабинетъ для чтенія», собраніе лучшихъ статей изъ иностранныхъ журналовъ, составилъ юмористическій сборникъ «Колосья», въ родѣ «Осъ» Альфонса Карра, писалъ театральныя пьесы и рецензіи. Таланта разносторонняго, хотя и не блестящаго у Межевича нельзя отнять, но нравственныя качества его были не привлекательны. Онъ вскорѣ же разошелся съ Краевскимъ, пе-

решелъ въ булгаринскую партію и началъ сотрудничать въ «Сѣверной Пчелѣ». Какъ благонамѣренный литераторъ, онъ былъ выбранъ редакторомъ офиціальныхъ «Вѣдомостей петербургской городской полиціи», основанныхъ въ 1839 году и выходившихъ сначала по два раза въ недѣлю, съ 1843 года—по три, а съ 1847-го ежедневно. Въ томъ же 1839 году Песоцкій основалъ театральный журналъ «Репертуаръ», имѣвшій первые два года большой успѣхъ. Какъ истинно русскій издатель, Песоцкій, вмѣсто того, чтобы заботиться объ улучшеніи журнала, тотчасъ же завелъ на подписныя деньги пару рысаковъ и столько же француженокъ. Но на третій годъ подписка уменьшилась и дѣла пошли хуже. Упадку ихъ содѣйствовало также появленіе другого, тоже театральнаго изданія «Пантеонъ», основаннаго въ 1840 году Ѳ. А. Кони; издателемъ былъ такой же аферистъ какъ Песоцкій—Поляковъ, но имѣвшій свой книжный магазинъ, котораго у Песоцкаго никогда не было. Существованіе двухъ журналовъ съ одинаковою цѣлью и направленіемъ было конечно излишнею роскошью и, въ 1842 году, оба они были при послѣднемъ издыханіи и Кони отказался отъ редакторства. Для своего спасенія журналы рѣшились соединиться, и въ 1843 году явился «Репертуаръ и Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ» подъ редакціей Межевича. Онъ самъ много работалъ въ журналѣ, писалъ біографіи русскихъ и иностранныхъ драматурговъ и артистовъ, составлялъ компиляціи, статьи по теоріи искусства, но разборъ пьесъ и вообще театральную критику поручилъ мнѣ, также какъ отдѣлъ заграничныхъ сценическихъ новостей и юмористику. Три года журналъ шелъ недурно, но у издателя не было средствъ поддержать его—и онъ прекратился на 7-й книжкѣ 1846 года.

Черезъ два года съ небольшимъ другое редакторство Межевича въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» окончилось еще печальнѣе. На 54-мъ нумерѣ газеты редакція ея была взята у Межевича и передана И. Мокрицкому. Произошли какія-то «недоразумѣнія» по счетамъ редакціи съ полиціей, при сдачѣ въ казну денегъ за объявленія—исторія обычная вездѣ, гдѣ одно лицо завѣдуетъ чужими деньгами и можетъ держать ихъ у себя хотя бы самое короткое время, не сдавая ихъ куда слѣдуетъ. Чѣмъ позже и рѣже приходится отдавать отчетъ въ казенныхъ деньгахъ, тѣмъ возможнѣе «по разсѣянности» смѣшать ихъ со своими и послѣдствія отъ этого выходятъ весьма печальныя. Для Межевича они были тѣмъ печальнѣе, что незадолго передъ тѣмъ, его постигло семейное горе: умерла жена его, съ которою, годъ тому назадъ, случилось большое несчастіе—ее разбили лошади и она пространдала очень долго, несмотря на всѣ старанія докторовъ оказать ей помощь. Старанія эти конечно не дешево стоили мужу и должны были заставить его выдти изъ скромнаго бюджета обыденныхъ домашнихъ расхо-

довъ и безъ того съ трудомъ покрываемыхъ его редакторскимъ жалованьемъ и литературными доходами. Это конечно не оправдываетъ его «недоразумѣній» съ казною, но отчасти объясняетъ ихъ. Къ сожалѣнію, гласнаго суда тогда не было и вѣдомство, къ которому принадлежалъ Межевичъ—какъ дѣлаютъ это, впрочемъ, и теперь многія вѣдомства—сочло своимъ долгомъ не доводить до гласности проступка чиновника и уволило его на основаніи такого-то пункта. Газеты не смѣли понятно заикнуться о причинахъ увольненія, но въ городѣ много говорили объ этомъ случаѣ и иные были на сторонѣ Межевича, находя растрату казенныхъ суммъ совершенно незначительною, а кару за нее слишкомъ тяжелою. Интересъ къ судьбѣ его увеличился, когда, черезъ полгода послѣ отставки, Межевичъ умеръ скоропостижно, въ сентябрѣ того же 1849 года. О причинѣ смерти 35-тилѣтняго здороваго человѣка также не было ни одного слова въ печати. Одни толковали, что причина смерти—бѣдственное, одинокое положеніе всѣми оставленнаго писателя, другіе приписывали самовольную кончину его—упрекамъ совѣсти и боязни суда за вновь обнаруженныя злоупотребленія по изданію «Полицейской газеты». Такъ и осталось неразгаданнымъ это дѣло, какъ и многія литературныя и административныя дѣла.

У Межевича не было ни дѣтей, ни семьи, ни родныхъ. Все имущество его распродали, послѣ его смерти, съ публичнаго торга. Я пріобрѣлъ на аукціонѣ нѣсколько рѣдкихъ книгъ изъ его библіотеки и довольно оригинальный письменный столъ, доставшійся ему отъ петербургскаго оберъ-полиціймейстера Кокошкина. Съ тѣхъ поръ на этомъ столѣ, вмѣсто полицейскихъ донесеній, сорокъ лѣтъ строчатся произведенія болѣе или менѣе литературныя. Межевичъ былъ характера слабаго, нерѣшительнаго, несообщительнаго. Маленькаго роста, чрезвычайно худощавый, бѣлокурый, близорукій; онъ былъ неразговорчивъ и даже въ бесѣдахъ съ близкими людьми объяснялся нескладно и далеко не краснорѣчиво. Но сердце у него было мягкое, доброе. Онъ охотно признавалъ въ другихъ превосходство таланта и отдавалъ справедливость всякому дарованію, даже легко подчинялся вліянію другихъ. Не смотря на его нелюдимость, во время редакторства, у него собирался иногда по вечерамъ небольшой кругъ сотрудниковъ, умно и горячо ораторствовалъ Апполонъ Григорьевъ — но только до ужина, послѣ котораго онъ былъ уже невмѣняемъ; пѣлъ Варламовъ разбитымъ, надтреснутымъ, но полнымъ выраженія голосомъ свои задушевные романсы, до сихъ поръ незабытые, хотя и недостаточно оцѣненные музыкальной критикою. Бывалъ тутъ и издатель «Репертуара», Песоцкій, задумавшій поправить выгодною женитьбою уже давно колебавшіяся дѣла свои. Не говоря ни слова по-французски, онъ женился на француженкѣ, которой покровитель-

ствовалъ извѣстный тогда придворный метрдотель Эмберъ. Свадьба эта, бывшая въ январѣ 1845 года, произвела нѣкотораго рода сенсацію въ среднемъ петербургскомъ обществѣ. По поводу этой свадьбы заговорили о «сліяніи сословій», которое и въ наше время прививается очень туго. Отпраздновали ее съ большою роскошью, свадебный балъ былъ великолѣпенъ, музыка прекрасная, угощеніе, ужинъ, вина, доставленные Эмберомъ, самые тонкіе. Но на балу господствовала самая странная «смѣсь одеждъ и лицъ». Были приглашены писатели, купцы, актеры, офицеры, сенаторы, генералы, придворные чины и повара. Балъ отличался отсутствіемъ всякой церемонности и этикета. Дочери извѣстнаго историка и генералъ-лейтенанта М. Д., фрейлины, очень усердно отплясывали кадрили рядомъ съ купеческими приказчиками и французскими магазинщицами, къ цеху которыхъ принадлежала молодая. Ригоризмъ николаевскаго времени осуждалъ это смѣшеніе сословій, но большинство публики было имъ довольно.

Свадьба не поправила, однако, положенія Песоцкаго: говорили, что за женою онъ далеко не получилъ того, что ему было обѣщано. Вообще, кромѣ первыхъ годовъ «Репертуара», всѣ книжныя предпріятія его не удавались, хотя онъ, какъ говорится, бросался во всѣ стороны и затѣвалъ множество изданій. Въ 1842 году, имѣли успѣхъ, впрочемъ весьма эфемерный, маленькія книжки, выходившія не періодически, въ форматѣ «Осъ» Альфонса Карра. Этотъ сборникъ анекдотовъ, мыслей, остротъ, мелкихъ замѣтокъ о современной жизни, передѣланный на русскіе нравы, оказался у насъ весьма щедушнымъ и недолговѣчнымъ. Появленіе такихъ брошюръ началось съ «Комаровъ» Булгарина, которымъ редакторъ «Сѣверной Пчелы» придалъ второй заголовокъ своего газетнаго фельетона «Всякая всячина». Выпуска два были прочтены съ любопытствомъ, но потомъ, видя въ нихъ тѣ же грязныя сплетни и ту же рекламу разнымъ торговцамъ, какъ и въ «Пчелѣ», публика перестала интересоваться ими. Князь Вяземскій написалъ на нихъ злую эпиграму, начинавшуюся стихомъ: «Комаръ твой—не комаръ, а развѣ клопъ вонючій». Гораздо чище и серьезнѣе были «Колосья» Межевича, но и ихъ вышелъ только «Снопъ первый»; второй вовсе не появлялся. Нѣсколько бо́льшій успѣхъ имѣли «Статейки въ стихахъ безъ картинокъ», но съ хорошенькою виньеткою. Издалъ ихъ режиссеръ Александринскаго театра Н. И. Куликовъ съ Некрасовымъ. Нашъ поэтъ не писалъ еще тогда своихъ соціальныхъ сатиръ, не былъ «печальникомъ народнаго горя», а сочинялъ и переводилъ водевили и драмы для русской сцены. Ставя своего «Петербургскаго ростовщика», онъ сошелся съ Куликовымъ, и они издали, въ февралѣ 1843 года, книжечку въ 16-ую долю, въ 32 страницы. Начиналась она «Встрѣчею стараго 1842 года съ новымъ 1843-мъ», написаною Куликовымъ. Это—обычная бесѣда, «на оконечности

земной» гòда, отходящаго въ вѣчность съ своимъ наслѣдникомъ. Сорокъ второй годъ жалуется, что люди, «разводя каждую каплю добра моремъ злодѣяній», оправдывая себя, говорятъ: «такой ужъ годъ дурной!» А между тѣмъ «честь, дружба, трудъ, любовь, умъ, чувство и душа поверглись въ прахъ предъ золотымъ кумиромъ и жажда прибыли, и алчность барыша теперь владѣютъ цѣлымъ міромъ». Сорокъ третій годъ указываетъ на «кого-то со звѣздой» дающаго обѣтъ не гнать сиротъ и вдовъ, не слушаться плутовъ и службой заниматься. «Объѣлся онъ и захворалъ, — говоритъ сорокъ второй, — и мысль пришла ему о смерти; палилъ огонь, давили черти, онъ испугался, задрожалъ, но только боль пройдетъ въ желудкѣ—онъ все забудетъ въ тѣ же сутки».— «Вотъ блудный сынъ, игрокъ и мотъ, у ногъ отца лежитъ, рыдая и о прощеньи умоляя».—«Тутъ тонкой подлости расчетъ: срокъ векселей—на новый годъ».—«Вотъ литераторовъ семья, безъ желчи, зависти и злости, чтобъ встрѣтить новый годъ сошлись другъ къ другу въ гости»—«Воистину примѣрные друзья—до первой только кости».—«Вотъ журналистъ и патріотъ! казнитъ перомъ, шестой десятокъ, развратъ, порокъ, не терпитъ взятокъ»...—Пера безъ взятки не возьметъ: съ нагого стащитъ взятку! За деньги пляшетъ круглый годъ патріотически въ присядку!» За этою бесѣдою, написанною бойкими стихами, слѣдуетъ большой юмористическій фельетонъ въ стихахъ, Некрасова, подъ названіемъ «Говорунъ. Записки петербургскаго жителя Ѳ. А. Бѣлопяткина». Они перепечатаны въ послѣднемъ посмертномъ изданіи стихотвореній поэта и въ полномъ собраніи 1881 года въ одномъ томѣ (съ выпускомъ только четырехъ строкъ), но странно, что упоминая даже о томъ, что Некрасовъ писалъ по заказу книгопродавца Полякова азбуки и сказку «Баба-Яга», составитель біографіи поэта не говоритъ ни слова о «Статейкахъ въ стихахъ». Правда они въ 1881 году были уже библіографической рѣдкостью. Вторая книжечка вышла въ іюнѣ 1843 года уже въ сорокъ страницъ со второю главою «Говоруна», гдѣ описывались, какъ и въ первой, петербургскія новости того времени: Рубини и его концерты, циркъ и пр.

Въ этой же книжкѣ была помѣщена моя фантастическая сказка «Жизнь и люди». (Отрывки изъ нея помѣщены и въ хрестоматіи Гербеля «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ»). Дѣйствіе ея происходитъ «на границахъ мірозданія съ безпредѣльностью и хаосомъ». На этой чертѣ между вѣчной жизнью и пустымъ небытіемъ Духъ жизни останавливаетъ тѣни умершихъ людей, стремящихся къ источнику жизни и спрашиваетъ: «прежде чѣмъ вамъ жить вѣчно, скажите какъ въ мірѣ вы временно жили и смертью достойны ли жизнь получить?» Является семь представителей русскаго общества и всѣхъ ихъ Духъ жизни отправляетъ въ небытіе, потому что на землѣ они жили не такъ какъ слѣдуетъ. У меня

было такихъ представителей девять, но двумъ изъ нихъ цензура вовсе не позволила жить и уморила ихъ до появленія въ печати. Сначала цензоръ запретилъ всю сказку. Это былъ добрѣйшій и пустѣйшій Амплій Николаевичъ Очкинъ, редакторъ «Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостей». Большого труда стоило мнѣ убѣдить его—пропустить совершенно невинную фантазію; онъ все твердилъ, что она противорѣчитъ общепринятымъ понятіямъ о загробной жизни.— Да вѣдь это сказка, поэтическій бредъ—твердилъ я ему—и только этимъ аргументомъ удалось мнѣ склонить его подписать разрѣшеніе къ печати, хотя и съ исключеніемъ двухъ лицъ и нѣсколькими передѣлками. Такъ мой «вельможа» превращенъ былъ въ «важнаго человѣка», который «любилъ порядокъ, симетрію, а вольнодумства не любилъ и нашу славную Россію съ утра и до ночи хвалилъ; на службѣ только лишь считался, имѣя мѣсто при дворѣ, и въ разговоры не мѣшался о Богѣ, правдѣ и добрѣ». Въ типѣ «Помѣщика» оказалось почему-то непозволительнымъ названіе деревни «Сонницы, гдѣ дрожали всѣ оконницы, какъ съ друзьями онъ кутилъ». Но вообще этотъ типъ 1843 года вышелъ цѣльнымъ и рельефнымъ и уже никакъ не былъ бы пропущенъ въ 1848 году, особенно цензоромъ моей «Литературной Газеты» Елагинымъ. Онъ бы конечно скорѣе повѣсился, чѣмъ подписалъ такіе стихи:

Я заморской тарабарщинѣ
Не учился никогда.
Дѣвки—круглый годъ на барщинѣ,
Да такія что бѣда.
На крестьянъ моихъ мошенниковъ
Дворня дюжая моя
Извела не мало вѣниковъ...
Какъ же, хамова семья!
Не на толь они родилися,
Чтобы барину служить,
А туда же нарохтилися
Для себя копить и жить!
И за то они разбойники,
Какъ прибралъ меня Творецъ—
Вотъ какъ выли по покойникѣ,
Растащивши погребецъ.

Въ типахъ актрисы, сочинителя, льва, барышни, труженика, цензоръ не дѣлалъ существенныхъ урѣзокъ, хотя нѣкоторыя помарки его остались непостижимыми загадками. Такъ въ изображеніи эксплуатируемаго редакторомъ жалкаго газетнаго сотрудника (тогда еще ихъ не называли репортерами) выброшены стихи «Душа забыла и стыдъ и честь—вѣдь надожъ было и пить и ѣсть». Въ портретѣ мелкаго чиновника исключены стихи: «Писалъ при всемъ стараніи я рядомъ ровныхъ словъ, но гдѣ властей названіе—тамъ буквы въ пять вершковъ. Покорность и приличіе—вотъ главный мой

законъ, за то я за отличіе былъ въ чинъ произведенъ». Въ портретѣ свѣтскаго хлыща или льва, считающаго себя поклонникомъ свободы, выброшено это слово и стихи «Для устройства Россіи тайкомъ я имѣлъ планъ чудесный—чего онъ мнѣ стоилъ! Еслибъ дали мнѣ власть—пусть бы дворъ посмотрѣлъ, какъ бы все я прекрасно устроилъ». Но передъ исключеніемъ цѣлаго типа свѣтской дамы рѣшительно становишься въ тупикъ. Эта представительница большого свѣта говоритъ: «я очень весело жила и очень жить любила. Мой мужъ былъ точно добрый мужъ, простъ, важенъ чрезвычайно и вѣчно занятъ, и къ томужъ еще совѣтникъ тайный. Я жизнь примѣрную вела. Толпа не догадалась, кого я въ свѣтѣ избрала, кому я отдавалась. Хоть не изъ знатныхъ былъ онъ львовъ, но ктожъ того не знаетъ, что состоянія любовь у насъ не разбираетъ». Что же въ этомъ портретѣ было новаго и непозволительнаго? Понятно было въ николаевское время исключеніе типа армейскаго офицера, частная жизнь ихъ, особенно въ далекихъ гарнизонахъ, была дѣйствительно непривлекательна, хотя это не мѣшало имъ являться истинными героями на поляхъ битвы. Но жизнь эта теперь уже давно сдѣлалась достояніемъ печати и перешла уже въ преданіе, такъ какъ нынѣшніе преемники эпохи шагистики и бурбонства далеко не похожи на армейцевъ сороковыхъ годовъ. Поэтому я позволяю себѣ воспроизвести этотъ типъ частной офицерской жизни, и тогда впрочемъ далеко не общей—чтобы видѣть громадную разницу между тѣмъ, что было полвѣка назадъ и что теперь.

Я жизнь провелъ въ ученьяхъ и смотрахъ,
Да на дежурствѣ въ караулѣ,
Гдѣ киверъ голову разломитъ такъ что страхъ,
Прилечь нельзя и сидя спишь на стулѣ.
На мнѣ сидѣлъ прекрасно мой мундиръ—
Такъ чисто низачто не нарисуешь.
Мнѣ разъ сказалъ бригадный командиръ:
«Ты, братецъ, живописно маршируешь!»
Я былъ въ полку герой и молодецъ.
Начальники меня любили, отличали,
Въ столицу разъ, какъ образецъ
Мундировъ новой формы, посылали.
Я лучше всѣхъ умѣлъ закручивать усы,
Взъерошить бакенбарды щеткой,
Подчасъ завиться для красы
И увиваться за красоткой.
Умѣлъ искусно дымъ я носомъ выпускать,
Придумать кстати каламбуры
И эполетами встряхнувши, выступать,
Пристукнувъ каблукомъ въ концѣ второй фигуры.
Хоть службой заняты мы всѣ въ родномъ краю,
Успѣлъ прочесть я три романа.

Съ гитарою бывало все пою:
«Звукъ унылый фортепьяна
«Выражай тоску мою».
Я декламировать умѣлъ стихи Баркова,
Понтерку во время умѣлъ загнуть подчасъ.
Но какъ-то подзадорясь разъ,
Хватилъ ужъ черезъ край арачку дорогого—
Да и отправился тотчасъ.

«Статейки въ стихахъ» разошлись быстро, но стоя очень дешево, не могли принести выгодъ издателямъ и прекратились на второмъ выпускѣ. Въ подражаніе имъ Песоцкій задумалъ издавать «Побрякушки», сборникъ мелкихъ статеекъ въ стихахъ и прозѣ, но первый выпускъ, появившійся въ апрѣлѣ былъ слишкомъ малъ—всего 8 страницъ съ двумя стихотвореніями и двумя десятками анекдотовъ, мыслей, остротъ, эпиграмъ. Предпріятіе лопнуло на третьемъ выпускѣ. Анонимнымъ редакторомъ его и единственнымъ составителемъ былъ я, по просьбѣ Песоцкаго, хотя дешевое остроуміе уличной литературы вовсе не въ моемъ характерѣ, да и при усилившейся строгости тогдашней цензуры эта литература, питающаяся осмѣяніемъ мелкихъ недостатковъ, сплетнями и скандалами, вскорѣ сдѣлалась совершенно невозможною и возобновилась съ новою силою только въ новое царствованіе, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, пока не сосредоточилась окончательно въ уличныхъ листкахъ такъ называемой мелкой прессы. Печальнѣе всего было господство пошлости на русской сценѣ, гдѣ почти безраздѣльно царствовалъ пустой водевиль, привлекавшій всегда многочисленную публику и возбуждавшій ея телячій восторгъ. Въ водевиляхъ 1842—43 гг. написанныхъ Ленскимъ, Каратыгинымъ 2-мъ, Кони, въ «Булочной», «Ложѣ перваго яруса», и др. была веселость, соль, острота. Съ 1844 года въ «Герояхъ преферанса», «Полькѣ въ Петербургѣ» и подобныхъ имъ произведеніяхъ Григорьева 1-го была уже одна пошлость. И теперь въ Петербургѣ винтеровъ не меньше, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ было преферансистовъ, но подвиги ихъ совершаются подъ мирною сѣтью клубовъ, а не переносятся на сцену и не воспѣваются драматическою литературою. А въ 1844 году, «Герои преферанса», поставленные въ ноябрѣ, съиграны были до конца года 24 раза («Полька» 31 разъ) и привели въ такой восторгъ публику, что она, переполняя всякій разъ залу театра, напѣвала безъ устали не только въ ней, но въ департаментахъ и на улицахъ такіе милые стишки:

«Ужъ яжъ-те друга милочку
«Доѣду, проучу.
«И въ жилку друга, въ жилочку
«Чувствительно хвачу».

Не въ правѣ ли былъ тогдашній поэтъ, когда говорилъ:

«Да, въ жизни намъ печальный жребій розданъ
«И мы себя мечтой напрасною томимъ:
«Міръ для посредственности созданъ
«И пошлость гордо правитъ имъ».

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличалась вторая половина сороковыхъ годовъ и я постараюсь очертить ее въ послѣднихъ главахъ изъ моихъ замѣтокъ, относящихся къ 1846-му, 1848 и 1849 годамъ.

Вл. Зотовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

РУКОПИСИ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

ДОВА Александра Николаевича Островскаго, Марія Васильевна, передала въ Московскій Румянцевскій музей рукописи своего знаменитаго мужа. Это черновыя, по большей части собственноручныя, рукописи тридцати двухъ драматическихъ произведеній. Безъ сомнѣнія, интересно все, что касается знаменитаго драматурга, особенно же интересно прослѣдить по чернякамъ процессъ творчества такого выдающагося писателя. Кромѣ того, изученіе его рукописей чрезвычайно поучительно для всѣхъ начинающихъ литераторовъ. Тридцать двѣ тетради, хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ, наглядно доказываютъ, какъ строго относился къ самому себѣ покойный Островскій, какъ тщательно онъ отдѣлывалъ каждую фразу, каждое слово. Рукописи А. Н. Островскаго писаны почти всѣ карандашемъ, а потому недолговѣчны; слѣдовательно надо спѣшить ихъ изученіемъ.

I.

Прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, Островскій имѣлъ обыкновеніе записать планъ драмы или по отдѣльнымъ дѣйствіямъ и явленіямъ, намѣчая только дѣйствующихъ лицъ, или же вкратцѣ излагалъ сюжетъ. Дѣлалъ онъ это не только, когда былъ начинающимъ авторомъ, но и до послѣдняго времени. Вотъ, напр., какъ Островскій изложилъ самъ для себя планъ «Грозы».

ГРОЗА.

Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

(Слово «комедія» зачеркнуто и написано «драма»).

ДѢЙСТВІЕ 1-е.

Сцена представляетъ общественный садъ на берегу Волги, за Волгой сельскій видъ. Кулигинъ и толпа народу о громоотводахъ. Кулигинъ и Борисъ. Двѣ старухи, одна прохожая, а другая городская, разсказъ о городѣ, о семействѣ Кабановой. Кулигинъ, Борисъ и Дикой. Кулигинъ и народъ. Кабановы, мать, сынъ, жена и сестра. Катерина и Варвара. Катерина и Варвара разсказываетъ какъ полюбила. Тѣ же и Ксанѳина. Тѣ же безъ нея. Варвара и Борисъ.

ДѢЙСТВІЕ 2-е.

Комната въ домѣ Кабановыхъ. 1) Варвара и Катерина. 2) Мать, сынъ и тѣ же. 3) Катерина и мужъ. 4) Всѣ. 5) Кабанова и сынъ, Варвара, Катерина. 6) Варвара и Катерина. 7) Катерина одна.

ДѢЙСТВІЕ 3-е.

Улица. 1) Разныя лица. 2) Кабаниха и Дикой (пьяный). 3) Кулигинъ и Борисъ. 4) Варвара и Ваня. 5) Варвара и Борисъ.

Берегъ Волги. 1) Варвара, Глаша и Катерина. 2) Варвара и Ваня. 3) Борисъ и Катерина. 4) Варвара и Ваня.

ДѢЙСТВІЕ 4-е.

Варвара одна. Арки собора, видъ за рѣкой. Народъ и Кулигинъ. Катерина и Варвара. Борисъ и Катерина. Тѣ же и Варвара. Народъ, Кулигинъ и Дикой. Кабанова съ сыномъ. Тѣ же безъ народа, безъ Кабановыхъ.

ДѢЙСТВІЕ 5-е.

Декорація 1-го дѣйствія. 1) Кулигинъ и Кабанова. 2) Тѣ же и Глаша. 3) Катерина. 4) Катерина и Борисъ. 5) Катерина. 6) Катерина и Ксанѳина. 7) Кабановъ, Кабанова, Дикой, Борисъ. 8) Тѣ же безъ Бориса. Кабанова. 9) Всѣ.

Къ сожалѣнію, въ музеѣ всего 7 черновыхъ листковъ «Грозы», такъ что нельзя дать себѣ отчета о первоначальной редакціи этой драмы.

Комедія «Бѣдность не порокъ» называлась первоначально «Гордымъ Богъ противится» и была начата или окончена, какъ видно изъ собственноручной помѣтки Островскаго, 10 іюля 1853 г. Этой комедіи предпосланъ слѣдующій планъ 1-го дѣйствія:

Явленіе 1-е. Митя одинъ, сидитъ у стола, пишетъ стихи, взглядываетъ въ окно. «Пріѣхали, нѣтъ свободнаго времячка! Теперь того, зайдетъ кто-нибудь».

Явленіе 2-е. Митя и Пелагея Егоровна сначала разговариваетъ, стоя у двери, потомъ входитъ и разговариваетъ сидя. (Уходитъ).

Явленіе 3-е. Митя одинъ, пишетъ стихи.

Явленіе 4-е. Митя, Яша и Гриша (входятъ). Митя пишетъ, Яша поетъ, Гриша пляшетъ.

Явленіе 5-е. Тѣ же и Торцовъ Гордѣй Карпычъ упрекаетъ Митю бѣдностью. (Уходитъ).

Явленіе 6-е. Тѣ же, безъ Гордѣя Карпыча.

Явленіе 7-е. Тѣ же, Любовь Гордѣевна и дѣвушки.

Явленіе 8-е. Митя и Любовь Гордѣевна, чтеніе стиховъ.

Явленіе 9-е. Тѣ же и Любимъ Карпычъ Торцовъ.

Явленіе 10-е. Торцовъ и Митя. (Торцовъ засыпаетъ, Митя уходитъ).

Изъ этого видно, что при окончательной отдѣлкѣ комедіи авторъ въ общихъ чертахъ сохранилъ планъ перваго дѣйствія. Вслѣдъ за планомъ, Островскій набросалъ сцены изъ разныхъ дѣйствій, прежде всего тѣ, которыя казались ему особенно важными и носились предъ нимъ во время построенія плана. Мы будемъ еще имѣть случай показать, что Островскій не писалъ своихъ драмъ подъ рядъ съ перваго явленія до послѣдняго.

Раньше чѣмъ приняться за «Дѣвушку-снѣгурочку», какъ называлась сначала «Снѣгурочка», Островскій написалъ слѣдующее:

Прологъ: Появленіе весны. Монологъ, балетъ, вихорь и снѣгъ. Монологъ весны. Явленіе мороза. Явленіе Снѣгурочки. Разговоръ втроемъ. Масляница. Проводы. Хоръ крестьянъ. Отвѣтъ масляницы. Крестьянки берутъ Снѣгурочку.

ДѢЙСТВІЕ 1-Е.

Конецъ деревни. Крестьянская изба и овинъ. Игры и танцы. Народъ собрался для встрѣчи Ивана царевича. Выходитъ Снѣгурочка и т. д.

Все содержаніе перваго дѣйствія зачеркнуто и написано:

ДѢЙСТВІЕ 1-Е.

Въ глубинѣ сцены деревенская улица, съ правой стороны домъ Снѣгурочки, за улицей хмѣльники, ульи, стоячія загородки, вдали городъ.

ДѢЙСТВІЕ 2-Е.

Сцена 1. Гулянье въ лѣсу съ вѣнками, парни пристаютъ къ Снѣгурочкѣ, она ихъ отталкиваетъ и т. д.

Сцена 2. Снѣгурочку одаряютъ, всѣ подносятъ ей подарки.

ДѢЙСТВІЕ 3-Е.

Солнце, Снѣгурочка поетъ, балетъ, конецъ.

Это показалось Островскому не довольно подробнымъ, и онъ написалъ вслѣдъ за приведеннымъ планомъ:

ДѢЙСТВІЕ 2-Е.

Гусляры и скоморохи. Дворецъ Берендея. Берендей сидитъ на золотомъ стулѣ и занимается живописью. Бермята начинаетъ: Великій царь счастливыхъ Берендеевъ. Комическій монологъ. Берендей его перебиваетъ и говоритъ о дурной веснѣ, о болѣзняхъ, лихорадкѣ и неурожаѣ, о томъ, что его подданные занялись суетой... и забыли Ярилу (бога солнца), что его надо умилостивить и для этого собрать всѣхъ жениховъ и невѣстъ и обвѣнчать завтра (въ день Ярилы). Бермята говоритъ, что этого сдѣлать нельзя, что всѣ женихи отказались отъ невѣстъ, что всѣ они влюблены въ дѣвушку Снѣгурочку и всѣ невѣсты плачутъ, а дѣвушка Снѣгурочка никого не любитъ. Отрокъ докладываетъ, что дѣвушка пришла съ челобитіемъ. Входитъ дѣвушка. Разсказъ дѣвушки. Приказъ царя кликнуть народъ и привести Снѣгурочку. Входитъ народъ. Хоръ. Является Снѣгурочка, царь мгновенно влюбляется и желаетъ жениться, она отказываетъ. Берендей: конечно я старъ, но кто же изъ молодыхъ тебѣ нравится? Никто. Хоръ удивляется. Царь въ гнѣвѣ, уводятъ Снѣгурочку, какъ заставить Снѣгурочку полюбить? Прекрасная Елена: надо найти парня противъ котораго никто не можетъ устоять. Берендей спрашиваетъ, кто же этотъ парень? Елена указываетъ на Леля. Выходитъ Лель. Разговоръ съ Лелемъ. Берендей надѣется, что Лель похититъ Снѣгурочку и солнце умилостивится.

ДѢЙСТВІЕ 3-Е.

Сцена 1. Лѣсъ. Берендей говоритъ рѣчь къ народу. Игры и пляска. Лель дразнитъ Снѣгурочку. Царь уходитъ къ своимъ шатрамъ, разныя пары и т. д.

Сцена 2. Озеро. Снѣгурочка проситъ мать. Является жена, балетъ. Весна съ Снѣгурочкой. Заря. Снѣгурочка одна. Является женихъ. Является солнце, Снѣгурочка поетъ. Берендей: погубила злая сила, соединитесь всѣ и просите бога Ладо, чтобы онъ намъ показался, запѣваютъ. На горѣ является Ладо. Теперь пляски и любовь. Финалъ съ хоромъ и балетъ до неистовства.

Когда въ головѣ Островскаго зарождалась идея какой-нибудь пьесы, онъ далеко не всегда сейчасъ же приступалъ къ ея исполненію, но иногда по нѣскольку лѣтъ носился съ этой идеей, вѣроятно обдумывая и развивая ее. Такъ, напр., на черновой рукописи «Невольницъ» написано: «задумана 11 декабря 1878 г. подъ

названіемъ Іосифъ Прекрасный». Тутъ же на поляхъ помѣтка: «вечеромъ, 4 сентября 1880 г., сценаріумъ и отдѣльныя сцены писаны въ продолженіе августа». Это значитъ, что въ сентябрѣ Островскій засѣлъ окончательно за комедію, послѣ того какъ имъ были уже написаны отдѣльныя сцены. На послѣднемъ листѣ сдѣлана помѣтка: «18 октября 1880 г.», изъ чего видно, что Островскій написалъ комедію довольно быстро, именно въ шесть недѣль. Но обдумана она была гораздо раньше. На листѣ, написанномъ двумя годами ранѣе, значится слѣдующее:

Іосифъ Прекрасный. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Задумана 11 декабря 1878 г.

Фабула: Любовь жены благодѣтеля къ его воспитаннику; всѣ перипетіи сентиментальной страсти; нѣжность, безумные порывы, ложь, несправедливые упреки, глупая ревность, ложное спокойствіе. Катастрофа. Главные типы: Старикъ умный и по уму добрый, но по натурѣ нерѣшительный и съ старыми предразсудками. Женщина страстная, которую темпераментъ и оскорбительная подозрительность мужа доводитъ до пренебреженія всѣми высшими чувствами, приличіемъ, долгомъ, честностью, правдою. Молодой человѣкъ не глупый, но слишкомъ полагающійся на свою ловкость, пролазъ. Побочные типы: богатая молодая женщина, разсудительная, т. е. разсудительная, но развратная. Нянька старая, которая беретъ деньги и съ мужа, и съ жены. Пьяный лакей.

Къ словамъ «ложное спокойствіе» авторъ сдѣлалъ самъ для себя слѣдующую интересную выноску: «все это надо сдѣлать какъ можно реальнѣе, въ этомъ вся суть пьесы. Это ея внутреннее содержаніе».

Послѣ фабулы Островскій написалъ слѣдующія слова изъ носившейся передъ нимъ сцены, даже не обозначивъ, кто ихъ говоритъ: «Можно ли любить человѣка, котораго не уважаешь? Какая еще ты невинная! Гдѣ искать мужчинъ, которые стóятъ уваженія. Это такая рѣдкость. А любить-то кого-нибудь надо».

Тутъ набросанъ разговоръ, который ведутъ въ шестомъ явленіи послѣдняго дѣйствія Евлалія Стырова и Софья Коблова.

Далѣе слѣдуетъ:

Послѣдняя сцена 1-го дѣйствія.

5 января 1879 г. Ерот. Куда вы? А что? Въ контору. Ерот. Поспѣете.

Тѣми же словами Островскій впослѣдствіи началъ послѣднее явленіе перваго дѣйствія, діалогъ Евлаліи съ Мулинымъ. Изъ этого видно, что раньше чѣмъ приступать къ дѣлу, Островскій подробно обдумывалъ всѣ сцены. Онъ останавливался даже на именахъ; такъ въ данномъ случаѣ Ерот. означаетъ Еротида. Онъ колебался, какъ назвать героиню комедіи, на поляхъ у него написано: Евлалія

Андреевна или Еротида, впослѣдствіи онъ остановился на первомъ имени.

На отдѣльныхъ листкахъ записаны отрывки изъ нѣсколькихъ сценъ и болѣе или менѣе характерныя фразы. Есть между прочимъ и «конецъ: дайте-ка лучше въ винтъ сядемъ, что о пустякахъ-то разговаривать!» Этими словами авторъ думалъ закончить комедію, но затѣмъ измѣнилъ ихъ.

Такъ же какъ въ «Невольницахъ», Островскій вообще нерѣдко отмѣчалъ число, когда началъ и кончилъ писать ту или другую пьесу. Первое дѣйствіе «Снѣгурочки» окончено 9 марта, а вся пьеса 4 апрѣля 1873 г. въ 10 часовъ вечера. Историческая драма «Кузьма Захарьичъ Мининъ-Сухорукъ» окончена 9 декабря 1861 г. Драма «Не все коту масляница», начата 10 марта 1871 г., окончена 9 апрѣля того же года, слѣдовательно написана въ очень короткій срокъ. Комедія «Шутники» окончена 9 сентября 1864 г. въ 10 часовъ вечера. «Безприданница» задумана 4 ноября 1874 г., окончена черезъ четыре года 17 октября 1878 г.

II.

Любая рукопись Островскаго полна помарками и поправками; иногда зачеркнуты и написаны заново цѣлыя сцены. Но далеко не всѣ рукописи представляютъ одинаковый интересъ; иногда текстъ такъ близко подходитъ къ печатному, что имъ не стоитъ заниматься, иногда измѣнены только выраженія, а сущность сцены остается та же, но иногда пьеса передѣлывалась кореннымъ образомъ, напр., «Бѣдная невѣста» и особенно историческія драмы.

Одно изъ лучшихъ произведеній Островскаго «Не такъ живи какъ хочется» было задумано первоначально подъ названіемъ «Божіе крѣпко, а вражье лѣпко» и при томъ должно было быть написано стихами. Сохранилось нѣсколько листовъ этихъ стиховъ и надо радоваться, что авторъ не остался при своемъ намѣреніи.

Вотъ напр. отрывокъ изъ разговора Даши съ Васей.

Даша. Изволь я отъ тебя отстану,
И больше спрашивать не стану.
Вася. Сказалъ бы я, не утерпѣлъ,
Да говорить онъ не велѣлъ.
Маша. Чѣмъ подчивать мнѣ молодца?
Ты выпей, Васинька, винца.
Вася. Не подчуй ты, а то напьюсь.
Узнаетъ тятенька боюсь.

(Или вотъ нѣсколько стиховъ изъ второго дѣйствія):

Груша. На улицѣ нашей потѣха пошла,
Я больно озябла, а то бъ не ушла.
Спиридоновна. А вотъ и красавица, дочка моя,
Ну вотъ вамъ хозяйка молоденькая.

Какъ только Островскій обработалъ тотъ же сюжетъ прозою, сказалась рука мастера. Въ первоначальной редакціи сохранилось только нѣсколько сценъ, по существу не отличающихся отъ печатнаго текста. Чтобы дать понятіе о томъ, какая разница между первоначальнымъ текстомъ и окончательнымъ, приведу отрывокъ изъ разговора Петра съ Грушей (д. III, явл. 4). Послѣ того какъ Груша разсказала притчу, изъ которой видно, что она знаетъ, что Петръ женатъ и обманываетъ ее, Петръ говоритъ: Что, что?

Груша. Ахъ совѣсть, совѣсть!

Петръ. Кто это тебѣ навралъ? (Поправлено: скажи мнѣ, Груша, кто это тебѣ сказалъ?), (напечатано: аль насказалъ тебѣ кто? говори прямо).

Груша. Такъ навралъ, такъ наврали по твоему? (Попр.: кто бы ни сказалъ, да сказалъ) (такъ же напечатано).

Петръ. Извѣстно наврали. (Поправ.: обманули тебя, Грушенька, не вѣрь ты никому), (напеч.: это тебя смущаютъ только, обманываютъ, а ты рада вѣрить всякому).

Груша. Ну хорошо! Обманули, такъ обманули. Будь ты честнымъ человѣкомъ, только отъ насъ подальше. (Такъ напеч.).

Далѣе Груша говоритъ: Что на людей-то сваливать, коли самъ виноватъ.

Петръ отвѣчалъ: Да въ чемъ виноватъ-то, красавица моя? Не вѣрь ты никому, все вороги мои, разлучить насъ съ тобой хотятъ, погубить меня хотятъ. Коли ты меня, Груша, покидаешь, мнѣ лучше на свѣтѣ не жить. Развяжи ты меня, скажи, шутишь что ли? (Напеч.: Нѣтъ это, Груша, не то. Не вѣрь ты никому! Все вороги мои, разлучить насъ съ тобой хотятъ, погубить меня хотятъ! Развяжи ты меня, скажи, шутишь что ли?).

Особенно много работалъ Островскій надъ «Бѣдной невѣстой». Три раза мѣнялъ онъ общій ходъ дѣйствія и потому три раза писалъ планъ комедіи. Сначала онъ написалъ:

Актъ 1-й. № 1, Хорькова и Анна Петровна. № 2, Марья Андреевна и Анна Петровна. № 3, Марья Андреевна одна. № 4, Марья Андреевна и Зоричъ (такъ первоначально назывался Меричъ). № 5, Марья Андреевна и Милашинъ. № 6, конецъ.

Не приводимъ всего этого плана, потому что изъ одного перечня дѣйствующихъ лицъ трудно вывести что̀-нибудь. По этому плану началъ было писать Островскій; по крайней мѣрѣ первый разговоръ Хорьковой съ Анной Петровной несомнѣнно былъ написанъ, но затѣмъ онъ составилъ другой планъ, именно слѣдующій:

1-й актъ.

Марья Андреева одна, потомъ съ матерью, тутъ показать необходимость ея выйти замужъ и жениховъ въ перспективѣ. Марья Андреевна одна задумывается о своемъ положеніи. Зоричъ, легкая

сцена, потомъ Милашинъ, сцена навязыванія. Общая сцена, Добротворовъ на счетъ жениха и Анна Петровна сообщаетъ о купцѣ.

2-й актъ. Милашинъ и Зоричъ, потомъ Марья Андреева кокетничаетъ съ Милашинымъ. Зоричъ ревнуетъ, безъ Милашина сцена признаній обоюдныхъ. Марья Андреевна одна (о счастіи). Горничная. Мать съ женихомъ; потомъ другой женихъ.

3-й актъ. Мать и Марья Андреевна, потомъ Марья Андреевна одна. Марья Андреевна и Милашинъ, навязыванье, потомъ совѣтъ выйти замужъ возбуждаетъ подозрѣніе Зорича, чѣмъ усиливается любовь. Зоричъ, сцена ревности очень сложная. Маша и Зоричъ смѣются надъ женихомъ, мать, Добротворовъ и Маша, трогательная сцена.

4-й актъ. Марья Андреевна одна, ожидаетъ Зорича. Является Милашинъ, короткая, но энергическая сцена. Является Зоричъ. Главная сцена. Потомъ Милашинъ. Марья Андеевна съ матерью, письмо.

5-й актъ. Добротворовъ съ горничной, разныя лица. Марья Андреевна съ горничной, Зоричъ. Зоричъ и Милашинъ, женихъ и Добротворовъ. Сцены.

Обдумавъ еще разъ комедію, Островскій написалъ слѣдующее «расположеніе комедіи».

1-е дѣйствіе, явл. 1, Марья Андреевна и Анна Петровна (разговоръ о дѣлѣ и о женщинахъ, большое письмо отъ Добротворскаго). Явл. 2-е, Марья Андреевна одна (потомъ Дарья, разговоръ, Марья Андреевна одна, потомъ Дарья). Явл. 3-е, Дарья и свахи. Явл. 4-е, Анна Петровна и свахи (большое). Явл. 5-е, Хорькова и потомъ свахи уходятъ. Явл. 6-е, Анна Петровна, Хорькова и Милашинъ. Явл. 7-е, Милашинъ одинъ. Явл. 8-е, Марья Андреевна, Меричъ и Милашинъ. Явл. 9-е, Марья Андреевна и Милашинъ. Явл. 10-е, Марья Андреевна и Анна Петровна, Милашинъ, Добротворскій.

2-е дѣйствіе, сцена 1-я, явл. 1-е. Хорьковъ одинъ. Явл. 2-е, Хорьковъ, и Хорькова. Явл. 3-е. Хорьковъ, Хорькова и Марья Андреевна. Явл. 4-е, Хорьковъ и Марья Андреевна. Явл. 5-е, Хорьковъ, Милашинъ и Меричъ. Явл. 6-е. Хорьковъ и Милашинъ. Явл. 7-е, Марья Андреевна и Меричъ. Явл. 8-е, Марья Андреевна одна и Дарья.

Расположеніе второго дѣйствія буквально совпадаетъ съ напечатаннымъ текстомъ, первое дѣйствіе почти буквально. Но между первоначальнымъ планомъ и комедіей, какъ мы ее читаемъ въ собраніи сочиненій Островскаго, разница доволно значительная. Хорьковы совсѣмъ не упоминаются и должно быть не предполагались объясненія въ любви Хорькова съ Марьей Андреевной. Свахи не появлялись на сценѣ, но вмѣсто одного жениха (Беневоленскаго) во второмъ дѣйствіи должны были фигурировать цѣ-

лыхъ два—Беневоленскій, рекомендованный Добротворскимъ, и еще какой-то купецъ, отысканный матерью героини. По окончательной редакціи, въ первой же сценѣ между Марьей Андреевной и Меричемъ происходитъ объясненіе въ любви (явл. 7-е, дѣйств. 2-е); по первоначальному плану, этому предшествовало полупризнаніе молодыхъ людей, сцена, названная Островскимъ легкою, которая будетъ выписана нами ниже. Опущено въ напечатанномъ текстѣ кокетничанье Марьи Андреевны съ Милашинымъ, и вообще героиня должна была быть представлена болѣе легкомысленной и вѣтренной. По крайней мѣрѣ помѣтка Островскаго на первомъ листѣ рукописи «повѣсть—любовь порочной женщины» не совсѣмъ идетъ къ тому типу, который онъ представилъ намъ въ «Бѣдной Невѣстѣ».

Дѣйствительно, въ первоначальной редакціи Марья Андреевна относилась къ браку довольно легко. Комедія начиналась слѣдующимъ образомъ.

Явл. 1-е. Машенька одна (играетъ на фортепьно).

Боже мой какая скука! Не знаю куда дѣваться отъ тоски. Нѣтъ, я вижу, что наконецъ надо выйти замужъ. Въ странное иногда положеніе ставитъ судьба человѣка. Изъ чего хлопоталъ мой отецъ! Образовали меня, показали мнѣ свѣтъ. Съ пяти лѣтъ я привыкла видѣть толпу вокругъ себя; съ пяти лѣтъ была свободна. Выучилась разбирать людей, выучилась вести себя. Куда годятся эти качества безъ состоянія? Помню свои побѣды, помню какъ 14 лѣтъ... Да, мы тогда были богаты. За одно я только благодарю отца; это за свободное воспитаніе, вслѣдствіе котораго я съ самой ранней молодости научилась думать сама о себѣ, сама судить о своихъ поступкахъ, сама себѣ давать отчетъ во всемъ. Безъ этого я бы не перенесла своего положенія. А бѣдная маменька, она до старости жила, ничего не знала, а теперь должна сама хозяйничать. И считаетъ своимъ долгомъ непремѣнно найти мнѣ богатаго жениха.

Во второмъ явленіи, въ разговорѣ съ матерью, Марья Андреевна отвѣчала слѣдующее на ея сѣтованія о потерѣ состоянія: «Что прошло, того не воротишь. Еслибъ, маменька, отъ меня зависѣло поправить наши дѣла, еслибъ представился случай, я бы не задумалась, я давно рѣшилась. Ужъ разумѣется мнѣ въ моемъ положеніи разбирать жениховъ нечего. И я готова выйти за сколько-нибудь порядочнаго человѣка».

Третье явленіе было написано такъ:

Марья Андревна одна.

Маменька, говоритъ, что я хороша. Я и сама знаю, что хороша, да что въ томъ толку. Право, даже досадно, всѣ говорятъ хорошенькая, хорошенькая, а никто не влюбится. Хоть бы посмотрѣла какъ это любятъ-то. Ахъ, ей Богу до смерти хочется влюбиться. Не въ кого, рѣшительно не въ кого. Живемъ въ какой-то глуши

и людей-то не видать; здѣсь только Дарьѣ съ ея физіономіей и жить.

«Бѣдную Невѣсту» Островскій писалъ по обыкновенію не сплошь, а сначала нѣкоторыя сцены изъ разныхъ дѣйствій. На поляхъ одного изъ листовъ черновой рукописи онъ написалъ: «остается 15 сценъ, 1, 2, 7, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 21, 22, 23, 27, 28». Затѣмъ, написавъ сцену, онъ вычеркивалъ соотвѣтствующій номеръ изъ этого списка. Въ данномъ случаѣ у него была одна непрерывная нумерація для явленій всѣхъ пяти актовъ.

Чтобы дать понятіе, какъ Островскій переработывалъ свои произведенія, приведемъ одну сцену въ первоначальной редакціи. Это первое объясненіе Марьи Андреевны съ Меричемъ, сцена № 4 (изъ перваго дѣйствія). Эту сцену самъ авторъ считалъ важной. Онъ написалъ въ одномъ мѣстѣ на поляхъ: «важныя сцены 4, 9, 17, 20, 25».

№ 4. Марья Андреевна и Меричъ.

Марья Андр. Что это вы такъ давно у насъ не были?

Меричъ. Все какъ-то некогда было. А вы все хорошѣете.

М. А. Полноте шутить-то?

Меричъ. Можно у васъ посидѣть полчасика?

М. А. Что̀ это за вопросъ? Я думаю, что можно. Мы съ маменькой всегда рады васъ видѣть.

Меричъ, (садится подлѣ нея). Здоровы ли вы, Марья Андреевна?

М. А. Слава Богу.

Меричъ. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ вы похорошѣли. Какой цвѣтъ лица у васъ прекрасный. Знаете ли что̀!

М. А. Что̀ такое?

Меричъ. Вы нынче прекрасно одѣты.

М. А. Покорно васъ благодарю.

Меричъ. За что̀ же вы меня благодарите? Только я на вашемъ мѣстѣ надѣлъ бы пунцовый платокъ: это конечно смѣло, но въ томъ-то и эффектъ.

М. А. Вы скажите, отъ чего вы у насъ такъ давно не были-то?

Меричъ. Сказать вамъ откровенно?

М. А. Да, сдѣлайте милость.

Меричъ. Я боюсь, что ваша маменька меня прогонитъ когда-нибудь.

М. А. Отчего вы такъ думаете? Полноте.

Меричъ. Человѣка съ такой репутаціей, какъ у меня, старухи не любятъ.

М. А. Чѣмъ вы заслужили такую дурную репутацію?

Меричъ. Мнѣ трудно будетъ объяснить вамъ это. Вы еще ребенокъ. Какъ бы вамъ это сказать? Напр., я увезъ жену у мужа. Всѣ это знаютъ, и я этого не скрываю.

М. А. Зачѣмъ же вы это сдѣлали?

Меричъ. Зачѣмъ? въ томъ-то и вопросъ. Я бы самъ дорого далъ, еслибы мнѣ сказалъ кто-нибудь, зачѣмъ я это сдѣлалъ. Одно: я ее любилъ, она меня тоже любила. Мнѣ нужно было по мнѣнію общества отказаться отъ любви, задушить въ себѣ возвышенную и пламенную страсть. Я этого не сдѣлалъ, я ее увезъ, Марья Андреевна.

М. А. Что̀ же потомъ?

Меричъ. Потомъ, ну обыкновенная исторія—я слышалъ, что она несчастна,—что̀жъ дѣлать, я не виноватъ, впрочемъ, это не интересно. Пожалуй, если вамъ угодно, я человѣкъ жалкій, но что̀жъ дѣлать? Когда мной овладѣваетъ страсть, для меня не существуютъ ни разсчеты, ни свѣтскія условія.

М. А. (Задумывается). Вы пишете что̀-нибудь?

Меричъ. Нѣтъ, иногда стихи. Но я желалъ бы написать одинъ эпизодъ изъ моей жизни. Это было прошлымъ лѣтомъ. Но можетъ быть это будетъ для васъ не интересно.

М. А. Ахъ, нѣтъ, разскажите, сдѣлайте милость.

Меричъ. Это было лѣтомъ. Она, я вамъ не назову ея имени, жила съ мужемъ въ Сокольникахъ. Былъ одинъ изъ тѣхъ восхитительныхъ вечеровъ, когда луна разливаетъ повсюду свой таинственный свѣтъ, и воздухъ дышетъ упоеніемъ и сладострастіемъ; я вошелъ къ нимъ. Деревья бросали длинныя тѣни, я вошелъ, окутавшись плащемъ. Подхожу къ террасѣ; цвѣты разливаютъ благоуханія. Между цвѣтовъ сидитъ она, опершись на голую алебастровую руку: луна обливаетъ ее своимъ свѣтомъ, она была блѣдна, слезы дрожали на ея рѣсницахъ. Одной рукой она судорожно сжимала какое-то письмо. Я долго стоялъ противъ нея, сложивши на груди руки. Наконецъ губы ея пошевелились: «Владиміръ, вы меня преслѣдовали, я вамъ не сдавалась, я хотѣла быть вѣрной своему мужу, своему дому. Вотъ письмо, онъ мнѣ измѣнилъ, я ваша». Я не любилъ ее, но за то, чтобы видѣть еще разъ это мрачное чело, эту безвыходную тоску на лицѣ, я бы отдалъ свою жизнь.

М. А. Я читала что̀-то похоже на это.

Меричъ. Да, есть одна французская повѣсть, но это было и со мной, я вамъ могу доказать, есть свидѣтели, которые знаютъ это дѣло. Но, впрочемъ, я не знаю, зачѣмъ я вспомнилъ объ этомъ...

Меричъ. А Милашинъ часто у васъ бываетъ?

М. А. Даже очень.

Меричъ. Онъ еще не надоѣлъ вамъ?

М. А. Нѣтъ, ничего.

Меричъ. Согласитесь однако, Марья Андреевна, что онъ очень смѣшонъ. Знаете ли, мнѣ хотѣлось бы обыграть его въ карты.

М. А. Зачѣмъ?

Меричъ. Чтобы посмотрѣть, какъ онъ станетъ сердиться, когда будетъ проигрываться, посмотрѣть, какъ станетъ измѣняться его физіономія, однимъ словомъ, чтобы насладиться его бѣшенствомъ.

М. А. Какъ вы злы.

Меричъ. Да, я безжалостенъ къ своимъ жертвамъ.

М. А. Зачѣмъ это, Владиміръ Васильевичъ?

Меричъ. Зачѣмъ? Спросите у змѣи, зачѣмъ она жалитъ? Спросите у льва, зачѣмъ онъ терзаетъ свою жертву? Спрашивать легче, чѣмъ отвѣчать, Марья Андреевна.

М. А. Вотъ вы всегда смѣетесь надъ Милашинымъ, мнѣ право его жаль.

Меричъ. Какъ же не смѣяться, когда онъ меня ревнуетъ къ вамъ.

М. А. Это оттого, что онъ меня очень любитъ.

Меричъ. И считаетъ меня опаснымъ соперникомъ, вѣроятно. Надобно его успокоить въ этомъ.

М. А. Какъ же вы его успокоите?

Меричъ. Постараюсь его увѣрить, что я не имѣю никакихъ претензій на васъ.

М. А. Да вы его въ этомъ никакъ не увѣрите.

Меричъ. Отчего же?

М. А. Ужъ онъ такой человѣкъ.

Меричъ. Я буду порѣже къ вамъ ходить.

М. А. Что вы! Это для чего? Чтобы успокоить Милашина, помилуйте, стоитъ ли онъ того?

Меричъ. Нѣтъ, это и для меня для самого нужно, это нужно для моего душевнаго спокойствія.

М. А. Полноте шутить.

Меричъ. Шутить! Хорошо кабы это были шутки. Марья Андреевна, вы честны, вы прекрасное созданіе; на васъ жизнь и страсти еще не положили пятна. Съ моей стороны было бы безчестно отравлять миръ вашей невинной души. Меня считаютъ безнравственнымъ человѣкомъ. Я погубилъ многихъ женщинъ. Куда я гожусь съ моей больной и мрачной душой.

М. А. Мужчины, которыхъ я знаю, такіе скучные, они всегда заняты мелкими интересами; толкуютъ только про службу или про дѣла. Я люблю васъ слушать.

Меричъ. Въ моихъ словахъ желчь и ядъ, Марья Андреевна.

М. А. Чтожъ, вѣдь не вы виноваты, виновато общество, которое не поняло васъ.

Меричъ. Конечно, я прежде былъ чистъ, какъ вы теперь.

М. А. Такъ вы къ намъ станете ѣздить часто.

Меричъ. Вы такъ легко объ этомъ говорите, какъ будто и не

знаете, какая опасность угрожаетъ человѣку, который часто васъ видитъ. Я съ вами буду говорить откровенно. Вы весьма способны внушить любовь къ себѣ, поэтому вы опасны. У меня правило отъ хорошенькихъ женщинъ подальше. Я ужъ за это поплатился довольно.

М. А. Отчего вы избѣгаете хорошенькихъ женщинъ?

Меричъ. Да вы разсудите; влюбиться въ женщину пламенно, страстно; она не только не отвѣчаетъ тебѣ, а еще полюбитъ какого-нибудь мальчишку. Ну и долженъ страдать, если не умѣешь скрывать свою любовь, или подвергаться насмѣшкамъ любимой женщины и окружающей ее безсмысленной толпы [1]).

М. А. Ахъ, Владиміръ Васильевичъ, женщинъ нельзя винить въ этомъ, онѣ сами часто ошибаются и еще дороже вашего платятъ за свои ошибки.

Меричъ. А зачѣмъ же они выбираютъ именно такихъ, которые никуда не годятся. Я нарочно замѣчалъ: чѣмъ лучше женщина, тѣмъ скорѣе она полюбитъ какого-нибудь красивенькаго бездушнаго юношу. А потомъ пойдутъ жалобы на всѣхъ мужчинъ вообще.

М. А. Да это оттого, что у насъ чрезвычайно мало опытности. Гдѣ же женщинѣ понять человѣка, когда вы часто ошибаетесь. Вотъ я вамъ скажу про себя: я сужу по впечатлѣнію, коли понравится мнѣ человѣкъ съ перваго разу, ну хорошъ, а не понравится дуренъ. А вѣдь впечатлѣніе часто обманываетъ.

Меричъ. Да и то правда. Такъ вотъ отчего, Марья Андреевна, я боюсь хорошенькихъ... вотъ отчего я и васъ боюсь... Ну какъ полюбишь!

М. А. А можетъ быть и васъ полюбятъ.

Меричъ. Ахъ, Марья Андреевна, играть любовью мнѣ ужъ надоѣло, а серьезной страсти, сказать вамъ по правдѣ, боюсь, это страшно.

М. А. Да отчего же страшно?

Меричъ. Отчего? Страсть! вѣдь это, Марья Андреевна, огонь, который пожираетъ все на своемъ пути. Вы знаете Ромео и Юлію? (Марья Андреевна киваетъ головой). Вотъ это любовь. Да гдѣ же нынче Юліи, согласитесь сами?

М. А. Но мнѣ кажется, что и Ромео найти не легко.

---

[1]) Сначала было написано: «женщинъ хорошенькихъ очень мало, это рѣдкость, а мужчинъ понимающихъ красоту и способныхъ любить страстно, очень много. Чтожъ изъ этого выходитъ? Женщина, окруженная поклонниками по большей части выбираетъ по неопытности изъ нихъ недостойнаго, а остальные или должны страдать въ тайнѣ, если умѣютъ скрывать свои страданія, или подвергаться насмѣшкамъ любимой особы и окружающей ихъ безсмысленной толпы».

Меричъ. Конечно, я съ вами согласенъ. Но все-таки, Марья Андреевна, есть изъ нашего брата такіе сумасброды (и я знаю что есть), которые готовы для истинной страсти пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. А женщины! у нихъ по большей части или разсчетъ или просто кокетство. Я можетъ быть пристрастенъ, вы меня извините. Я вамъ признаюсь: я безъ особеннаго озлобленія не могу говорить о женщинахъ.

М. А. Такъ по вашему мужчины лучше умѣютъ любить? Ну я не думаю.

Меричъ. Какъ вамъ угодно, я спорить не смѣю.

М. А. Ну будетъ объ этомъ. Вы мнѣ дайте честное слово, что будете къ намъ ѣздить.

Меричъ. Я вамъ говорю, что боюсь васъ. А впрочемъ, знаете ли что, Марья Андреевна, частыя свиданія съ такимъ чистымъ и невиннымъ существомъ, какъ вы, благотворно дѣйствуютъ на душу. Я всегда выхожу отъ васъ умиротворенный, не съ такой злобой я смотрю на людей и на общество.

М. А. Вотъ видите ли. Я буду вашимъ добрымъ геніемъ; ѣздите къ намъ почаще. Да, скажите пожалуйста, можно узнать: любитъ ли мужчина или только притворяется?

Меричъ. Зачѣмъ вамъ, вѣдь вы никого не любите.

М. А. Все-таки интересно. На всякій случай, можетъ быть, полюблю кого-нибудь.

Меричъ. Тогда и спросите, я вамъ скажу.

М. А. Вотъ скажите теперь.

(Милашинъ входитъ незамѣченный).

Меричъ. Въ слѣдующій разъ, если угодно.

М. А. Въ слѣдующій разъ.

Выписанная нами сцена представляетъ не самый первоначальный текстъ, а исправленный и дополненный. Поставленное нами между чертами (отъ словъ «сказать вамъ откровенно» до словъ «вспомнилъ объ этомъ», и отъ словъ «шутить» до словъ «хорошенькихъ женщинъ») это вставка, написанная на отдѣльномъ листѣ. Первоначально вмѣсто первой вставки было написано:

М. А. Вы скажите отчего вы у насъ такъ давно не были-то?

Меричъ. Право, некогда было, Марья Андреевна, да и нездоровилось все какъ-то.

М. А. Это извѣстная отговорка. Просто вамъ скучно съ нами. У васъ много развлеченій, гдѣ же вамъ вспомнить о насъ? Право, у насъ такъ скучно.

Меричъ. Впрочемъ, я не смѣлъ часто бывать у васъ, я не зналъ, какъ это вамъ понравится.

М. А. Отчего же! Вы знаете, какъ мы живемъ, у насъ почти никто не бываетъ. И мы всегда благодарны тѣмъ, кто насъ посѣщаетъ.

Вмѣсто второй вставки было написано:

Меричъ. Вы такъ легко объ этомъ говорите, какъ будто и не знаете, какая опасность угрожаетъ человѣку, который часто васъ видитъ.

М. А. Вы шутите.

Меричъ. Нѣтъ, не шучу. Вы весьма способны внушить любовь къ себѣ и потому очень опасны для насъ. У меня правило: отъ хорошенькихъ женщинъ подальше. Я ужъ за это поплатился довольно.

М. А. Отчего вы избѣгаете хорошенькихъ женщинъ?

Приведенная сцена, хотя и опущена Островскимъ при окончательной отдѣлкѣ комедіи, характеризуетъ довольно рельефно типъ Мерича, Донъ-Жуана болѣе серьезнаго, хотя и враля, чѣмъ Меричъ выведенный въ напечатанной «Бѣдной Невѣстѣ». Слѣдовательно, оба главные типа подверглись довольно существенной передѣлкѣ.

Приведу еще первоначальную редакцію объясненія Хорькова съ Марьей Андреевной.

ДѢЙСТВІЕ 2-Е. ЯВЛЕНІЕ 2-Е.

М. А. Вы здѣсь, Михайло Ивановичъ? Что̀ вы тутъ одни дѣлаете?

Хорьковъ. Мечтаю, по обыкновенію.

М. А. А я такъ просто нынче цѣлый день плачу.

Хорьковъ. Объ чемъ вы это плачете?

М. А. Да маменька все съ женихами пристаетъ. Вотъ нынче какой-то уродъ пріѣдетъ. Очень весело. Скажите пожалуйста, какъ вамъ это покажется?

Хорьковъ. Вы меня извините, Марья Андреевна, я немножко иначе это понимаю. Приходитъ время, когда начинаешь серьезно думать о жизни.

М. А. Вы ужъ не жениться ли хотите? Послушайте, только не сватайтесь за меня, лучше не трудитесь; я и думать о замужествѣ не хочу.

Хорьковъ. Этотъ вопросъ важнѣе, нежели вы думаете; вы напрасно такъ легко разсуждаете о немъ.

М. А. Я и разсуждать совсѣмъ не хочу, я хочу любить, Михайло Ивановичъ.

Хорьковъ. Марья Андреевна, да любить-то некого. Вы еще мало знаете людей: порядочнаго человѣка вы не скоро разберете, часто онъ бываетъ покрытъ корой, которая скрываетъ достоинства. Вамъ нравится идеальность; а идеальность большею частію или фальшъ или пустота водевильныхъ героевъ. Хорошо, если ваша любовь будетъ баловство, шалость какъ это обыкновенно бываетъ;

а иногда она дурно оканчивается для дѣвушки, бываетъ причиной страданія. Не дай вамъ Богъ испытать этого.

М. А. Вы такъ говорите, потому что вы холодный человѣкъ.

Хорьковъ. Я холодный человѣкъ?

М. А. Такъ неужли же вы можете полюбить кого-нибудь! Полноте (смѣется).

Хорьковъ. Марья Андреевна, по крайней мѣрѣ вы не смѣйтесь надо мною.

М. А. Да что же вы говорите, вѣдь я васъ давно знаю.

Хорьковъ. Вы меня не знаете, Марья Андреевна. Позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ.

М. А. Говорите.

Хорьковъ. Но, быть можетъ, я надоѣлъ вамъ. Я не смѣю васъ безпокоить. Пойдемте въ комнаты къ вашей маменькѣ (встаетъ).

М. А. (встаетъ). Пойдемте.

Хорьковъ. (останавливаясь). Нѣтъ, Марья Андреевна, позвольте, я рѣшился... Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ вамъ.

М. А. Сядемте.

Хорьковъ. Выслушайте меня, ради Бога.

М. А. Говорите, я васъ слушаю.

Хорьковъ. Покорно васъ благодарю. Если вамъ не понравится мой разговоръ, я заранѣе прошу у васъ извиненія. Но я долженъ былъ высказаться. Я такъ убѣжденъ въ пользѣ моихъ словъ для васъ, что у меня останется на совѣсти, если я буду молчать.

М. А. Что же вы хотите отъ меня, Михайло Ивановичъ?

Хорьковъ. Бросьте мечты, я васъ умоляю, поглядите на жизнь серьезно. Вы можете составить счастіе человѣка, истинное счастіе. Я васъ люблю, Марья Андреевна, (беретъ ее за руку), люблю давно. Любовь моя не юношеская страсть, не минутное увлеченіе. Холостая жизнь мнѣ опротивѣла. Я чувствую, что день за день я трачу всѣ лучшія свои силы, теряю энергію. Кончится тѣмъ, что я облѣнюсь совсѣмъ и не буду ни на что способенъ.

М. А. Старайтесь какъ-нибудь выйти изъ этого положенія, займитесь чѣмъ-нибудь.

Хорьковъ. Для чего? для кого? Я для себя ни на что не рѣшусь. Я начинаю успокоиваться въ этой грязной жизни, это-то спокойствіе меня пугаетъ. А я былъ бы хорошимъ мужемъ, я сдѣлаю все для любимой женщины. Марья Андреевна, я васъ очень люблю. Я буду очень хорошимъ мужемъ... Марья Андреевна, сдѣлайте доброе дѣло. Это важное дѣло, это великое дѣло.

М. А. Михайло Ивановичъ, мало ли дѣвушекъ, кромѣ меня; вы можете полюбить, жениться, за васъ многіе пойдутъ съ радостью.

Хорьковъ. Отчего же не вы, Марья Андреевна? Гдѣ я найду другую дѣвушку. Хорошо, что случай меня свелъ съ вами, я васъ

узналъ, полюбилъ васъ. Кого же мнѣ, кромѣ васъ, полюбить! Я не вижу никого, не знаю никого. Да повѣрьте же вы, наконецъ, и тому, что я васъ столько люблю, что не могу полюбить никого, кромѣ васъ.

М. А. Но я не свободна, Михайло Ивановичъ, я люблю другого.

Хорьковъ. Нѣтъ, Марья Андреевна, не обманывайте меня, просто я вамъ не нравлюсь. Вы еще никого не любите, вы только готовы полюбить. Посмотрите, что изъ этого можетъ выйти: вы можете ошибиться въ человѣкѣ, котораго полюбите, что большею частію и бываетъ, а я могу втянуться совсѣмъ въ мою грязную жизнь. Теперь еще есть время, я смотрю съ отвращеніемъ на свою жизнь и свои привычки. Вѣдь страшно сказать, Марья Андреевна, отъ скуки да отъ лѣни все можетъ произойти, я запивать начинаю, мало-по-малу привыкаешь и тогда кончено.

М. А. Михайло Ивановичъ, мнѣ васъ жаль, но я право не могу.

Хорьковъ. Извините, Марья Андреевна, я зналъ заранѣе, что мое признаніе будетъ очень неловко и ни къ чему не поведетъ. Извините меня за мою глупую откровенность.

М. А. Напротивъ, я васъ благодарю за нее. Но мнѣ пора къ маменькѣ. Прощайте, Михайло Ивановичъ.

Стоитъ только сравнить эту сцену съ напечатанной, чтобы убѣдиться, что Островскій не оставилъ почти ни одного слова изъ прежде написаннаго, и что комедія много выиграла отъ этой передѣлки.

III.

Много работалъ Островскій и надъ своими историческими драмами. Особенно интересна исторія созданія «Василисы Мелентьевой», самой извѣстной и любимой исторической драмы Островскаго. Въ тетради, хранящейся въ Румянцевскомъ музеѣ, имѣются три первыхъ дѣйствія, писанныя писарской рукой, съ собственноручными поправками автора. Въ большинствѣ случаевъ все писаное писаремъ зачеркнуто и на поляхъ написанъ новый текстъ. Этотъ текстъ не представляетъ еще окончательной редакціи, такъ какъ онъ во многихъ мѣстахъ значительно разнится отъ напечатаннаго. Слѣдовательно, авторъ по крайней мѣрѣ три раза передѣлывалъ драму, тщательно отдѣлывая каждый стихъ, останавливаясь надъ каждымъ словомъ.

Первоначальная редакція значительно разнится отъ окончательной. По первоначальному плану, Василиса Мелентьева не представляла центра драмы и не играла той выдающейся роли, какая отведена ей впослѣдствіи. Какъ извѣстно, Мелентьева представлена Островскимъ хитрою и честолюбивою красавицей, пожелавшею сдѣлаться царицей и добившейся цѣли интригою и убійствомъ.—«Хитеръ ты, песъ, а не хитрѣе бабы,—говоритъ она Малютѣ Скура-

тову.—Ты хочешь подслужиться царю не трудной службою — посватать пригожую бабенку. За услугу и за красу чужую хочешь милость добыть себѣ, и на чужомъ добрѣ барышъ нажить. Такъ нѣтъ же, старый грѣшникъ! Ужъ если мнѣ судьба и доля вышла царицей быть, я сяду и сама». (Д. 2, явл. 8). «Отдай ты мнѣ свое цвѣтное платье, отдай добромъ,—говоритъ она въ монологѣ третьяго дѣйствія, котораго не было въ первоначальной редакціи,—не спорь со мной, царица!» Василиса убѣждаетъ влюбленнаго въ нее Колычева ложно донести на царицу и потомъ отравить ее. Такимъ образомъ, Василиса является главною пружиною драмы, и на ней сосредоточивается весь интересъ. Въ первоначальной редакціи Колычевъ былъ представленъ не влюбленнымъ въ Василису, а только ея свойственникомъ; онъ спасъ жизнь Малютѣ Скуратору, за что послѣдній желаетъ выдвинуть его. Малюта убѣждаетъ его донести на царицу, будто она еще въ дѣвицахъ находилась въ связи съ Воротынскимъ, и затѣмъ отравить. По безхарактерности Колычевъ соглашается на доносъ, придумывая въ то же время средство какъ-нибудь спасти царицу, но такъ, чтобы всѣ думали, что онъ дѣйствительно отравилъ ее. Онъ разсчитываетъ сдѣлать карьеру, если Грозный женится на его родственницѣ.

Какъ хотѣлъ окончить драму Островскій, мы не знаемъ, потому-что, кромѣ трехъ дѣйствій, сохранилась въ первоначальной редакціи только еще вторая сцена четвертаго дѣйствія. Пятое же дѣйствіе, написанное рукою Островскаго, представляетъ тотъ же текстъ, что изданный, и очевидно сочинено уже послѣ переработки первыхъ дѣйствій.

Первое дѣйствіе измѣнено меньше всего, хотя и надъ нимъ авторъ потрудился не мало. Главная разница въ томъ, что Василиса Мелентьева, хотя появлялась на сценѣ, но ничего не говорила, да еще въ томъ, что явленіе 10-е было написано прозою, а не стихами.

Драма начиналась первоначально такъ:

Шишкинъ. Ну только, князь, утѣшься!
Князь Сицкій. Хорошо,
Тебѣ, Иванъ Петровичъ, говорить,
А мнѣ-то каково теперь! съ Борисомъ
Въ товарищахъ мнѣ право быть невмѣстно.

Островскій поправилъ это такъ:

Шишкинъ. Ну полно, князь Иванъ, утѣшься! знаешь («знаешь» вычеркнуто и написано «помни»)
Негоже прати прòтиву рожна.
Кн. Сицкій. Негоже, то негоже, а съ Борисомъ
Въ товарищахъ мнѣ быть невмѣстно.

Въ окончательной печатной редакціи Шишкинъ названъ Морозовымъ, князь Сицкій Василіемъ и первыя слова читаются: «Ну полно, князь Василій, не дурачься! Негоже прати прòтиву рожна.

Хотя общій смыслъ перваго дѣйствія остался тотъ же, мелкихъ поправокъ чрезвычайно много. Форма значительно измѣнилась къ лучшему, потому-что автору не всегда удавалось сразу подобрать подходящія выраженія. Такъ въ первомъ же явленіи первоначально было написано слѣдующее:

Шишкинъ. Вотъ оно
Куда махнулъ! Опомнись, братъ Василій,
Вѣдь князь-то Воротынскій, шутка молвить,
Княжà удѣльный и прямой потомокъ
Рюриковой крови!
Кн. Сицкій. Да и мы
Съ тобой не изъ жидовъ! а подъ Москвою
Отецъ мой, князь Андрей, стоялъ съ нимъ вмѣстѣ
Въ большомъ полку.

Поправлено такъ:

Шишкинъ. Далеко намъ тягаться съ Воротынскимъ,
Слуга царю онъ первый. И во брани
И у царя въ совѣтѣ онъ изъ первыхъ.
И родовитъ зѣло...
Кн. Сицкій. Да и мы съ тобою
Не изъ жидовъ! а подъ Москвой стояли
Отецъ мой, князь Андрей, съ Михайломъ вмѣстѣ
Въ большомъ полку.

Напечатано гораздо короче и лучше:

Морозовъ. А погляди на старыхъ! Воротынскій
И родовитъ зѣло...
Кн. Сицкій. И мы съ тобою,
Не изъ жидовъ.

Князь Воротынскій говоритъ о Курбскомъ во 2-мъ явленіи 1-го дѣйствія:

Курбскій—
Великій воръ: Онъ ради живота
Испродалъ насъ и сотворилъ измѣну.
Не могъ стерпѣть онъ гнѣва отъ царя!
Иль онъ забылъ, что Божій гнѣвъ страшнѣе.
Онъ взялъ Казань, громилъ въ Лифлянтахъ нѣмцевъ,
За нимъ заслугъ довольно. Если будутъ
Такіе слуги бѣгать къ иноземцамъ,
Такъ на кого жъ надѣяться царю?
Измѣнникъ онъ, его мы проклинаемъ
Изъ рода въ родъ.

Первоначально это было изложено менѣе удачно:

Да! Князь Курбскій
Большой измѣнникъ! ради живота,
Онъ предалъ Русь и сотворилъ израду,

Бѣжалъ грозы царей, а позабылъ,
Что Божія гроза еще страшнѣе.
Быть русскимъ воеводою! Надеждой
И славою отчизны! взять Казань,
Громить нѣмецкихъ рыцарей въ Лифляндтахъ,
Великій родъ вести отъ Мономаха
И сдѣлаться измѣнникомъ! Будь онъ проклятъ
И днесь, и присно, и во вѣки!

Нѣкоторыя мѣста выходили довольно нескладно. Такъ напр. кн. Воротынскій говоритъ о Малютѣ:

Царь правды
Изъ-за него не можетъ насъ казнить.
Не Курбскій врагъ намъ! есть другой безстыжій
Свирѣпый врагъ, что демонскимъ глаголомъ
Царя чаруетъ гнусной клеветою
И смерти шепчетъ въ ухо государю!
Малюту знаете?

Островскій поправилъ это на

Нашъ государь, царь правды, не захочетъ
Изъ-за него казнить невинныхъ. Братья,
Не Курбскій врагъ боярамъ, есть другой
Свирѣпый врагъ, что демонскимъ глаголомъ
Царя на гнѣвъ и казни разжигаетъ...
Малюта—врагъ боярскій.

Второе дѣйствіе начиналось также какъ теперь разговоромъ царицы съ мамкою, но было написано прозою. Вотъ начало 1-го явленія:

Мамка. Полно тебѣ горевать, царица моя ненаглядная, побереги свои ясныя очи, вѣдь краса женская, что нѣжный цвѣтъ; пахнулъ вѣтеръ, цвѣтокъ завялъ.

Царица. Ахъ, мамушка, мамушка, мнѣ ли не плакать? умучилъ царь-государь кн. Михаила Ивановича, умучилъ его лютою смертью.

Мамка разсказывала нѣсколько иначе о Колычевѣ. На вопросъ царицы:—«развѣ я жива для него? Или онъ смѣетъ еще любить царицу?»—она отвѣчала:

— Сохрани Боже! Онъ и подумать не смѣетъ, вѣдь онъ не о двухъ головахъ. Ну а тосковать-то, голубчикъ мой, больно тоскуетъ; грѣха таить нечего. «Какъ,— говоритъ,— царь ее взялъ за себя, мнѣ весь свѣтъ опостылъ; хотѣлъ было я, горемычный, бѣжать куда глаза глядятъ; авось, думалъ, позабуду мою ненаглядную. Анъ не тутъ-то было; тоска заѣла, такъ,—говоритъ,—и тянетъ поглядѣть на нее». Вотъ онъ въ Москву и снарядился, все искалъ, какъ бы завидѣть тебя; то въ соборъ пойдетъ, то за царской охотой увяжется; тутъ-то улучилъ онъ выручить Григорья Лукья-

ныча отъ дикаго звѣря, да по милости его и попалъ въ дружинники царскіе. Теперь, говоритъ, онъ своего добился; раза два-три въ недѣлю увидитъ тебя, полюбуется на красу твою, а болѣе, говоритъ, ему и не надо.

Слѣдующій за первымъ явленіемъ монологъ царицы, начинающійся словами—«мнѣ страшно здѣсь, мнѣ душно»,—былъ первоначально написанъ иначе, но очень не дурно. Царица говорила:

Охъ, мамушка! не доброе ты имя
На память мнѣ сегодня привела.
Ужъ не видать сторонки мнѣ родимой,
Ни тѣхъ луговъ, ни мирнаго села,
Гдѣ я росла, гдѣ такъ была любима,
Гдѣ дѣвичьей красою расцвѣла!
Судьба иную долю мнѣ сулила;
Не воротить того, что прежде было...
Мнѣ памятны завѣтныхъ пѣсенъ звуки;
Онъ эти пѣсни для меня слагалъ
И помнится все про любовь да муки
Сердечныя въ нихъ грустно распѣвалъ.
Какъ будто бы безвременье разлуки
Душою чуткой тайно угадалъ!
Пришла пора: прости страна родная!
Идетъ въ царицы дѣвица младая...

Охъ, страшно здѣсь, какъ будто въ темной кельи
Невольницей живу въ тѣни палатъ,
И холодно на царскомъ новосельи,
И люди здѣсь такъ не любо глядятъ!
Свирѣпъ ихъ взоръ и дико ихъ веселье;
Все шопотомъ про казни говорятъ!
Придешь къ царю съ слезами и любовью,
Отъ царскихъ рукъ людскою пахнетъ кровью.

Слѣдуетъ роковой разговоръ царицы съ Василисой, въ которомъ первая проговаривается о своей прежней любви къ Колычеву. По первоначальной редакціи это должно было происходить такъ:

Царица. Во всемъ отказъ! Всегда суровъ и мраченъ!
Нѣтъ, такъ не любятъ! Нѣтъ, я это знаю!
Вѣдь и меня любили! помню я
Какъ любятъ!

Василиса. (въ сторону) Это новость! (вслухъ) И тебя
Любили?

Царица. Да, любили страстно, рабски!
Будь онъ царемъ, будь онъ моимъ супругомъ,
Малютѣ не смѣяться бъ надо мной!

Василиса. Ктожъ онъ?
Царица. И злую смерть онъ встрѣтилъ бы съ улыбкой!
Василиса. Да кто же онъ, царица? разскажи...
Царица (опомнившись). Кто онъ? На что тебѣ?... Онъ умеръ.
Василиса (въ сторону). Умеръ?
Узнаетъ царь, быть можетъ и тебѣ,
Красавица, не долго жить въ царицахъ!
Такъ вотъ оно смиренье-то!

Радикальной передѣлкѣ Островскій подвергъ третье дѣйствіе. Оно начинается въ окончательной редакціи съ монолога Василисы, далѣе Малюта Скуратовъ убѣждаетъ Колычева донести на царицу, будто, когда она была въ дѣвицахъ, у нея съ Володькой Воротынскимъ любовь была. Колычевъ, однако, не соглашается на это, убѣждаетъ его Василиса. «Мы царицу развесть хотимъ съ царемъ, говоритъ она, онъ запретъ ее въ монастырь и не промедлитъ часу, возьметъ себѣ жену шестую, отъ насъ же недостойныхъ рабынь своихъ, взоръ царскій отвратитъ. Минуется мой страхъ, и на свободѣ могу тогда любить тебя». Затѣмъ идетъ монологъ безхарактернаго Колычева, рѣшающагося на доносъ, потому что если не онъ, то кто-нибудь другой сдѣлаетъ это; слѣдуетъ разговоръ Грознаго съ Малютой, сцена доноса на царицу, признаніе ея въ прежней любви въ Колычеву и допросъ Колычева по этому поводу. Дѣйствіе начинается словами Василисы, обращенными къ Колычеву:

Зайди ко мнѣ сегодня, послѣ звона
Вечерняго. Я буду дожидаться
И выбѣгу тебя встрѣчать далеко,
И поведу за ручки въ свой теремъ,
Хорошій, милый мой дружокъ Андрюша.

Въ третьемъ дѣйствіи рѣшается судьба царицы, главнымъ образомъ, благодаря вмѣшательству Василисы, рѣшившей ее погубить.

Въ первоначальной редакціи, Василиса Мелентьева въ третьемъ дѣйствіи совсѣмъ не появлялась на сценѣ; понятно, что отъ этого драма теряла въ интересѣ. Дѣйствіе это начиналось съ разговора Малюты и Колычева, въ которомъ первый убѣждаетъ послѣдняго донести на царицу, и затѣмъ—убить ее, потому что Грозный желаетъ отдѣлаться отъ нея и это вѣрное средство сдѣлать карьеру. «Слушай, кумъ, долженъ былъ говорить Малюта, къ тебѣ пришла козырная игра! Мелентьева сестра тебѣ по мужу; она махнетъ въ царицы, ты въ бояре. Въ казнѣ царевой есть чѣмъ поживиться, сперва набьешь себѣ мошну, а тамъ, куда не шло! пожалуй и съ князькомъ природнымъ породнимъ тебя, что любо? Вотъ то-то же; добро не пропадетъ. Ты спасъ меня отъ звѣря; я тебѣ и чинъ, и женку припасу». Колычевъ отвѣчаетъ на это «спасибо» и соглашается сыграть роль палача Васьяна. «Григорій Лукьяновичъ,

говоритъ онъ Малютѣ, ужъ коль на то пошло, я службу сослужить тебѣ съумѣю, на что Васьянъ». Колычевъ рѣшается для виду донести на царицу, но на самомъ дѣлѣ спасти ее, что онъ долженъ былъ выражать въ слѣдующемъ монологѣ:

Иди, кровавый дьяволъ! какъ во снѣ,
Мнѣ страшныя мерещатся видѣнья.
Она умретъ! не пожалѣютъ люди
Ни юности, ни ангельской красы.
Она умретъ! О Господи, что дѣлать?
Безумная отвага не удастся;
Нѣтъ не пойметъ меня она; не можетъ
Меня понять! И какъ понять? Я самъ
Иду съ доносомъ на нее; я самъ
Ея палачъ-мучитель; я, все я!
Но чтожъ? Другой найдется, и тогда,
Спасенья нѣтъ тебѣ, моя царица.
Придетъ Васьянъ, взмахнетъ ножемъ холоднымъ,
И брызнетъ кровь и бархатная грудь
Какъ бѣлая голубка затрепещетъ!
О Анна, Анна! ты меня любила;
Ты не повѣришь клеветѣ моей!
Такъ рѣшено! Другого средства нѣтъ.
Спасу тебя, не то умру съ тобою.
Они идутъ, Господь будь милосердъ.

Въ третьемъ явленіи, соотвѣтствующемъ пятому, изданнаго текста, Грозный бесѣдуетъ съ Малютой.

Царь. Такая добрая царица! Такъ скромна
И какъ дитя чиста и непорочна!
Бывало въ тихой думѣ передъ ней,
Какъ нѣкогда передъ попомъ волшебнымъ,
Стою смятенья полный, а въ груди
Стѣсненной ноетъ грѣшная душа!
Притворщица! За дерзкое лукавство,
За униженье царскаго величья,
Предъ небывалой чистотой твоей,
Примѣрной казнью накажу тебя!

Малюта. Вотъ почему за князя такъ усердно
Она тебя молила, государь!
Она въ отцѣ еще ласкала сына.

Царь. Неслыханный обманъ! своей женою
Поруганъ русскій Царь! и Василисѣ
Она во всемъ призналась?

Малюта. Только имя
Его смолчала; но твой вѣрный рабъ
Андрюшка Колычевъ насъ надоумилъ.

Онъ жилъ у князя въ Костромѣ и слышалъ
Что о ту пору люди говорили.
Кабъ сынъ его не умеръ подъ Москвой...

Царь. Какъ хороша Мелентьева! Какъ смѣло
Со мною рѣчь вела она! Какъ чудно
Огнемъ блестятъ ея большія очи!
Она царицей рождена, Малюта!
Нѣтъ, ни одна изъ этихъ женъ постылыхъ,
Что за грѣхи за тяжкіе мои
Господь послать въ супруги мнѣ изволилъ,
Такъ страстно кровь мою не волновала.
Ужъ нѣтъ ли тутъ какого чарованья?
(молчаніе).
Я уже старъ; я думалъ для меня
Прошла пора мечтаній любострастныхъ,
Уже не разъ хотѣлъ отречься я
Отъ суеты мірской, сложить вѣнецъ
Съ главы усталой; сыну поручить
И царство, и народъ, а самому
Въ обители святой искать спасенья;
И вотъ я снова грѣшнымъ обольщеніямъ
Предаться радъ; о Господи!

Малюта. Владыко,
Отъ насъ тафья и ряса не уйдутъ!
Въ монахи изъ царей попасть не трудно,
И пѣсня-то не даромъ говоритъ:
Царь премудрый Соломонъ
Взялъ себѣ семь сотенъ женъ.

Царь. Молчи! несчастный песъ! Я не терплю
Безбожныхъ словъ, когда я трезвъ.

Малюта. Соблазна
Коли боишься ты, жени меня
На Василисѣ.

Царь. Что? Шутить задумалъ?
Аль ты о двухъ башкахъ, холопъ? Еще
Единый грѣхъ, послѣдній грѣхъ, и тамъ
Я принесу, какъ должно, покаянье.

Передѣлывая эту сцену, Островскій прекрасно сдѣлалъ, что выпустилъ неумѣстную шутку Малюты и рѣзкое ругательство Грознаго. Но жаль, что онъ вычеркнулъ слова, гдѣ царь прерываетъ Малюту и начинаетъ говорить о красотѣ Мелентьевой; это прекрасно передаетъ душевное настроеніе царя, мысли котораго всецѣло поглощены Василисой. Чрезвычайно удачное мѣсто, которое на сценѣ производило бы большое впечатлѣніе, Островскій замѣнилъ такими незначительными словами:

А жалко мнѣ, что бабы не воюютъ,
Послалъ бы я свою женишку Анну,
На веретенный бой, чтобъ съ милымъ другомъ
Ей умереть одною смертью.

Четвертое явленіе было первоначально написано такъ:

Царь. Ты изъ какихъ людей?
Колычевъ. Я дворянинъ отъ рода Колычевыхъ
И вѣрный твой холопъ.
Царь. Мнѣ говорили
Ты въ дѣвкахъ зналъ еще царицу. Правда ль
Что въ ту пору Володька Воротынскій,
Собачій сынъ измѣнника отца,
Былъ полюбовникомъ ея?
Колычевъ. Царица
Жила у князя въ домѣ, на селѣ,
Я въ Костромѣ стоялъ съ его полкомъ
И раза два видалъ ее. Въ народѣ
Шелъ точно слухъ, что молодого князя
Приворожить къ себѣ она умѣла.
Царь. И только-то?
Малюта. А что же, государь?
Чтò было тамъ у нихъ, хоть и невѣстно,
А все же слухомъ полнится земля.
Онъ при боярахъ и митрополитѣ,
Что повелишь присягой подтвердитъ.
Мы самого къ признанію понудимъ.
Царь. Да! знаемъ ихъ крамольниковъ поганыхъ!
Считай на нихъ!
Колычевъ. Когда царю угодно
Подробнѣе все дѣло разузнать,
Пусть въ Кострому пошлетъ кого съ указомъ.
Княгиня старая еще жива.
Царь. Да ждать!
Все ждать небось! Мнѣ нѣкогда. Малюта.
Старухѣ мамкѣ вѣрно все извѣстно;
Она съ царицей вѣкъ не разлучалась.
Пытать ее, къ допросу привести.
Малюта. Ужъ сдѣлано; да старая колдунья
Со страху что ли онѣмѣла; я,
Я пыталъ ее на всяческія пытки,
Она сквозь губы чтò-то бормотала
И умерла ни слова несказавъ.
Царь. Вотъ какъ мнѣ служатъ! Умерла, собака
Ни слова не сказавъ. Да ужъ и ты
Пытаешь, что твой косолапый Мишка!

Въ старухѣ еле держится душа,
А онъ ее чай на колъ посадилъ.
Охъ, князя-то умучили напрасно;
Я самъ бы сталъ пытать его Іюду,
Онъ у меня небось заговорилъ бы.

Намъ кажется, авторъ напрасно передѣлалъ эту сцену; въ общемъ она удачнѣе напечатанной. Здѣсь очень кстати было выражено нетерпѣніе Грознаго поскорѣе раздѣлаться съ царицей и очень характеренъ его послѣдній отвѣтъ; ничего этого нѣтъ въ изданной редакціи. Пятое явленіе, въ которомъ были также хорошія мѣста, было первоначально написано слѣдующимъ образомъ.

Слуга. (докладывая) Царица!
Царь. Хорошо. (Колычеву). Ты въ сторонѣ
Побудь немного. (слугѣ) Позови царицу.
Царица. Ты повелѣть изволишь, государь...
Царь. (Малютѣ) Не правда ли, какъ на нее взглянуть,
Она такой покажется смиренной?
Смотри, Малюта, кто бы могъ подумать,
Что этотъ взглядъ и кроткая улыбка
Такъ много скверныхъ и грѣшныхъ думъ скрываютъ?
Царица. Великій государь, я вся дрожу,
Я словъ твоихъ не разумѣю.
Царь. То-то!
Не разумѣешь! подними глаза!
Такъ! Все тутъ есть и ложь и лицемѣрство,
И помысловъ нечистыхъ рой!
Царица. Не знаю,
Въ чемъ передъ тобой меня оклеветали,
Но я невинна, государь.
Царь. Вѣстимо,
Что ты невинна; какъ же не повѣрить.
Ну далѣе.
Царица. Не знаю, что сказать,
Темно передъ глазами... Никогда,
Со мною такъ не говорилъ ты...
Царь. Га!
Невинна ты, и вся дрожишь отъ страха!
Что? все теперь небось уразумѣла,
Жена прелюбодѣйка!
Царица. Я!
Царь. Ты!
Царица. Нѣтъ,
Я не такая, государь; клянусь,
Тебѣ, великій царь, я не такая!
Меня всѣ знаютъ; обо мнѣ спроси:

Никто меня не назоветъ такою.
Я вѣрная твоя жена...

Царь. И ты
Ты до вѣнца другого не любила?
Ты не любила никого?

Царица. Я вижу,
Они хотятъ меня сгубить; не вѣрь имъ,
Не вѣрь моимъ клеветникамъ злодѣямъ!

Царь. А Воротынскій, полюбовникъ твой?
Володьку-то забыла? Такъ лукавить
Со мной задумала? Меня позорить!

Царица. Владиміра какъ брата я любила:
Мы съ нимъ...

Царь. Молчи, безстыдная! довольно
Царю и разъ единый покраснѣть!

Царица. Невинна я! Царицу кто дерзаетъ
Передъ тобой въ обманѣ обвинять?
Такъ вижу я! Мой лютый ненавистникъ
Идетъ съ навѣтомъ на меня; но кто же
Кромѣшнику повѣритъ.

Царь. Не Малюта
Твой обвинитель, дерзкая жена!
Смотри, вотъ онъ, кто на тебя доноситъ. (Подводитъ Колычева).

Царица. Онъ... онъ!

Царь. Да, онъ; ты думала, небось
Изъ Костромскихъ здѣсь никого не встрѣтишь?
Все шито, чай, да крыто будетъ, мнила?

Царица. И онъ сказалъ, что я любила князя?
Онъ?

Царь. Да, развратница!

Царица. О Боже мой!

Царь. Ну что, небось созналась!

Царица. Я теперь,
Я сознаюсь; я точно до тебя
Любила (стыдно вымолвить при людяхъ),
Любила... Только знаешь ли кого?
Не князя я любила, а его! (Указываетъ на Колычева).

Царь. Ты лжешь, негодная!

Царица. Нѣтъ, я не лгу!
Пусть онъ въ глаза мнѣ скажетъ, что я лгу!
Скажи, губитель!

Колычевъ. Я тебя не знаю.

Царица. И я могла его любить? И я
Могла себя измѣннику повѣрить!

И я царю, изъ жалости одной,
Не донесла, не предала его!
Да! по дѣломъ терплю я эту муку!

Царь. Что значатъ эти рѣчи и намеки?
Когда меня ты обмануть задумалъ,
Когда и въ самомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ нею,
Съ развратницей, ты надо мной смѣялся,
Такою казнью накажу тебя,
Что мертвые во гробѣ содрогнутся!

Колычевъ. Я вижу, государь, тебѣ царица
Еще люба, ты вѣрить ей изволишь.
Но будь я въ чемъ виновенъ передъ тобой,
Просилъ ли бъ я, чтобъ въ Кострому съ указомъ
Ты посылалъ? Меня тамъ люди знаютъ,
Повѣдали бъ какъ разъ.

Царь. И ты въ заправду
Всю истину повѣдалъ мнѣ?

Малюта. Владыко,
Я за него готовъ тебѣ отвѣтить.
Онъ родственникъ Мелентьевой и самъ
Мнѣ въ этомъ дѣлѣ вызвался помочь.
Царица какъ спасти себя не знала,
Затѣяла его оклеветать;
Отмстить вишь захотѣлось за усердье,
Такихъ проказъ видали мы не мало.

Царь (отнимая посохъ, который онъ раньше воткнулъ въ ногу Колычева)
Ты правъ, Малюта, я поторопился.
А ничего! Я дамъ тебѣ помѣстье
Изъ Воротынскаго земель удѣльныхъ,
И шубу съ царскаго плеча и денегъ
На излеченье.

Колычевъ. Святая рана
Отъ царскихъ рукъ мнѣ въ милость!

Малюта. А на счетъ
Царицы какъ изволишь приказать?
Она виновна предъ тобой.

Царь. Виновна.
Я знаю, что виновна! посмотрю я
Какъ кто ее невинной назоветъ!
А ну поди-ка! созывай бояръ!
Суди ее въ совѣтѣ...
Крамольники какъ разъ и оправдаютъ.
Казни ее! въ народѣ завопятъ;

Митрополитъ завоетъ на амвонѣ.
Какой я царь! Я всѣхъ слуга покорный.
За моремъ чтутъ своихъ царей иначе.
Державный Генрихъ, англійскій король,
Отецъ сестры моей Елизаветы,
Двухъ королевъ казнилъ на лобномъ мѣстѣ;
А изъ бояръ изъ англійскихъ никто
И слова пикнуть не посмѣлъ, за тѣмъ
Что слуги все внимательные были,
Что угождали прихотямъ его,
Что и намекъ умѣли понимать.
А вы что мнѣ за слуги? Тунеядцы,
На царскій счетъ горазды пировать;
А нѣтъ того, чтобы царя потѣшить.

Въ изданной редакціи царица въ отвѣтъ на доносъ Колычева говоритъ довольно много (по моему слишкомъ много) и довольно уклончиво и двусмысленно указываетъ на свою любовь къ Колычеву: «я гадала, говоритъ она, я думала, что суженымъ мнѣ будетъ не князь Владиміръ Воротынскій. Гдѣ ужъ! А развѣ вотъ Андрюшка Колычевъ». Царица хорошо знала, что подобный намекъ могъ имѣть ужасныя послѣдствія для любимаго ею человѣка. Она не могла говорить такъ хладнокровно, но оскорбленная предательствомъ Колычева у нея естественно могли вырваться слова: «не князя я любила, а его»,—какъ первоначально написалъ Островскій.

Намекъ царицы возбуждаетъ подозрѣніе Грознаго и онъ спрашиваетъ Колычева: «что значатъ эти рѣчи, Колычевъ, что Анна говорила: не Володька былъ суженымъ, былъ женихомъ желаннымъ, а Колычевъ Андрюшка. Говори!»

На это Колычевъ отвѣчаетъ: «не знаю, что царица говорила; въ ея душѣ я не былъ, государь. Не мало винъ на мнѣ передъ тобою, и передъ Господомъ грѣховъ великихъ за тѣ козни; а этой нѣтъ вины».

Такія пустыя и бездоказательныя слова успокоиваютъ царя, и онъ приказываетъ дать Колычеву помѣстье и шубу. Это мѣсто рѣжетъ ухо своей психологической и историческою фальшью. За то, что Мелентьева смотрѣла «яро» на одного оружничаго, Грозный сослалъ ее, а оружничаго казнилъ; онъ былъ подозрительный по своей натурѣ и однимъ отрицаніемъ своей вины нельзя было разсѣять его подозрѣнія. Поэтому первоначальная редакція представляется намъ въ этомъ мѣстѣ удачнѣе. Тамъ Колычевъ выставляетъ въ свою пользу вѣскіе аргументы—онъ не сталъ бы совѣтовать посылать въ Кострому, если бы былъ виновенъ—и за него заступается всесильный Малюта.

Въ послѣднемъ явленіи третьяго дѣйствія Малюта совѣтовалъ Колычеву отравить царицу, начто послѣдній согласился.

Малюта. Смотри же не плошай!
Твоя судьба въ твоихъ рукахъ. Ты понялъ
Слова царевы? А?

Колычевъ. Какъ не понять?

Малюта. Ночь скоро на дворѣ. Она съ попами,
Тамъ, чай, сидитъ; до утра обождемъ!
А тамъ ее спровадимъ въ тихомолку
Безъ глупаго боярскаго суда.
Мы батюшкѣ царю съ тобой покажемъ,
Что мы не хуже англинскихъ бояръ,
А русскаго боярства мы усерднѣй!
(Молчаніе).
Возьмешься отравить ее?

Колычевъ. Возьмусь!
А какъ попасть къ ней?

Малюта. Вотъ кольцо царево;
Оно тебѣ къ ней доступъ дастъ. А здѣсь
Вотъ и отрава. Этотъ самый ядъ
Князь Старицкій испилъ съ своей женою;
Бѣдовый ядъ! Ты и проси ее
Повыкушать домашней нашей бражки.
Съ поклономъ молъ прислалъ тебѣ, Малюта!
А вздумаетъ барахтаться и хныкать?
Ужъ такъ и быть, пырни ее ножемъ.

Колычевъ. Давай сюда (беретъ склянку).

Во второй сценѣ четвертаго дѣйствія Колычевъ приносилъ ядъ царицѣ и въ то же время предлагалъ спасти ее. Разыгрывалась довольно мелодраматическая сцена, которую Островскій къ счастью совсѣмъ передѣлалъ.

Изъ напечатанныхъ нами отрывковъ видно, что, переработавъ Василису Милентьеву, Островскій значительно усовершенствовалъ свою драму и по содержанію, и по формѣ. Жаль, однако, что онъ кое-что измѣнилъ къ худшему и не удержалъ тѣхъ мѣстъ, которыя первоначально были написаны имъ удачнѣе, чѣмъ впослѣдствіи.

Пав. Безобразовъ.

РОССІЯ И НѢМЕЦКІЯ ДЕРЖАВЫ ВЪ 1840—1860 ГОДАХЪ.

По изслѣдованіямъ прусскаго исторіографа.

РУССІЯ поспѣшила представить историческое оправданіе той политики, которую она проводитъ съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ ея стоитъ искуснѣйшій изъ современныхъ дипломатовъ. Князь Бисмаркъ уже изъ своей дипломатической карьеры вынесъ убѣжденіе, что всегда бываетъ выгодно говорить, когда другіе молчатъ. Этимъ же принципомъ руководствовался германскій канцлеръ и въ данномъ случаѣ, когда открылъ извѣстному историку Зибелю доступъ ко всѣмъ архивнымъ матеріаламъ, освѣщающимъ исторію возникновенія новой Германской имперіи. Въ своемъ послѣднемъ трудѣ, еще не оконченномъ, Зибель пользуется почти исключительно офиціальными данными — документами государственнаго архива и бумагами министерства иностранныхъ дѣлъ. Разрѣшеніе пользоваться этимъ матеріаломъ, а также франкфуртскими письмами Бисмарка, было получено Зибелемъ еще въ 1881 году. Сочиненіе Зибеля посвящено памяти императора Вильгельма I и удостоилось особой благодарности Вильгельма II. На весь трудъ прусскаго исторіографа наложена, такимъ образомъ, печать офиціальной достовѣрности.

Въ этомъ главное значеніе книги Зибеля [1]). Напрасно стали бы мы искать въ ней широкихъ обобщеній или философскихъ взгля-

[1]) Полное заглавіе этого капитальнаго сочиненія (вышло два тома, вскорѣ ожидается третій) гласитъ: «Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I. Vornehmlich nach den preussischen Staatsacten. Von Heinrich von Sybel. München und Leipzig». Судя по газетнымъ отзывамъ, книга принята въ Германіи «восторженно».

довъ. Авторъ и не задавался цѣлью писать что-либо, кромѣ политической исторіи; но все же слѣдуетъ признать, что и эту задачу онъ понялъ слишкомъ узко. Онъ умалчиваетъ и о развитіи политической печати, и о вліяніи общественнаго мнѣнія; онъ даже едва останавливается на экономическихъ условіяхъ, вызвавшихъ таможенный союзъ, такъ много содѣйствовавшій объединенію Германіи. Политика создается не только на аудіенціяхъ и не исключительно за зеленымъ столомъ дипломатовъ. Напрасно, поэтому, Зибель украсилъ первый томъ своего сочиненія эпиграфомъ: rerum cognoscere causas. «Причины вещей»—даже ближайшія, — такъ и остаются не выясненными. Въ многообѣщающемъ введеніи авторъ начинаетъ чуть ли не съ Адама, или, по крайней мѣрѣ, съ германцевъ Тацита, у которыхъ не находитъ «ни малѣйшаго слѣда національнаго сознанія». Переходя къ новой исторіи, Зибель, вмѣсто того, чтобы выяснить развитіе германской національной идеи, излагаетъ прусскіе взгляды на Австрію. Въ этихъ взглядахъ много интереснаго, но объективности въ нихъ мало. Даже роль самой Пруссіи, ея идею «собиранія земли», нѣсколько сходную съ идеей основанія Московскаго царства, Зибель выясняетъ довольно поверхностно.

Односторонность труда Зибеля не позволяетъ намъ ограничиться простою передачею его выводовъ, тѣмъ болѣе, что историко-полическіе взгляды прусскаго исторіографа сводятся къ общеизвѣстной программѣ національ-либеральной партіи (программѣ ни мало не обязательной для русской критики) да еще приправленной у Зибеля особыми прусскими взглядами, въ чемъ откровенно сознается самъ авторъ. Мы будемъ, поэтому, пользоваться не выводами, а фактами, при чемъ, впрочемъ, ограничимъ нашу задачу попыткою выяснить отношенія нѣмецкихъ державъ къ Россіи.

Такое пользованіе трудомъ Зибеля тѣмъ болѣе дозволительно, что въ 40-хъ, 50-хъ и даже 60-хъ годахъ, судьбы нѣмецкихъ государствъ были слишкомъ тѣсно связаны съ политикой Россіи.

Въ царствованіе императора Николая Россія нерѣдко фигурировала въ сонмѣ нѣмецкихъ державъ, какъ старшій братъ между младшими. Сильнѣйшія изъ этихъ державъ—Австрія и Пруссія—часто тяготились такимъ протекторатомъ, но, при своихъ постоянныхъ распряхъ, не могли обойтись безъ него вплоть до Крымской войны.

Австрія была безсильна противъ Россіи уже по внутреннимъ условіямъ своего существованія. Эта пестрая держава, возникшая послѣ паденія Византіи, вслѣдствіе потребности, которую ощущали различныя ея народности, въ единодушныхъ дѣйствіяхъ противъ грозныхъ турецкихъ полчищъ, существовала и существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока окружающія ее національныя государства—и составляющія ее народности — находятся во враждѣ между со-

бою. Австрія, поэтому, не только не могла стать ядромъ для новой Германской имперіи, но могла первенствовать въ Германіи лишь пока поддерживала партикуляризмъ. Иное дѣло—Пруссія. Въ концѣ 40-хъ годовъ она не содержала, за исключеніемъ Познани, ни одной провинціи съ ненѣмецкимъ элементомъ, и естественныя условія развитія побуждали ее къ возсоединенію Германіи. Для достиженія естественныхъ границъ, ей недоставало Гольштейна—провинціи нѣмецкой, въ отличіе отъ датскаго Шлезвига. Не теряя ничего, Пруссія могла даже отказаться отъ Познани, вознаградивъ себя нѣмецкими землями, какъ ей впослѣдствіи и предлагалъ Наполеонъ III. При этихъ условіяхъ, она могла оставаться въ дружбѣ съ Франціей, Россіей и даже Даніей, которой Гольштейнъ доставлялъ больше хлопотъ, чѣмъ выгодъ.

Но Пруссія не шла этимъ прямымъ, національнымъ путемъ. На первомъ планѣ у нея всегда стояли не какіе-либо общегерманскіе интересы, а честолюбивое желаніе поскорѣе пріобрѣсти положеніе первоклассной великой державы. Не довольствуясь Гольштейномъ, она хотѣла датскаго Шлезвига. Идея онѣмеченія Познани созрѣла позднѣе, но къ польскому вопросу Пруссія всегда относилась съ задними мыслями противъ Россіи. Мы увидимъ, что такъ было даже въ 1863 году. Что же касается болѣе ранней эпохи, то у Пруссіи были многія причины, заставлявшія ее относиться къ польскимъ стремленіямъ съ совсѣмъ особой точки зрѣнія, а именно, какъ къ орудію, которымъ можно было пользоваться въ борьбѣ съ русскимъ преобладаніемъ. Если это не высказывалось ясно въ дѣйствіяхъ правительства, то относительно общественнаго мнѣнія Пруссіи ужъ не могло быть никакихъ сомнѣній.

Чтобы понять тогдашнія симпатіи нѣмецкаго общества къ полякамъ—симпатіи, о которыхъ странно даже читать въ наше время—слѣдуетъ отнестись вполнѣ объективно къ русской политикѣ по отношенію къ нѣмецкимъ державамъ. Вмѣшательство Россіи въ нѣмецкія дѣла не ограничивалось сферою внѣшней политики, но простиралось до интимнаго участія во внутреннихъ дѣлахъ нѣмецкихъ государствъ. Этимъ, отчасти, поддерживался престижъ Россіи во всей Европѣ, но нерѣдко такая политика оказывалась совершенно чуждою нашимъ собственнымъ интересамъ. Сверхъ того, она возбуждала противъ насъ все, что было либеральнаго въ Германіи. Нѣмецкіе либералы считали Россію главною опорою реакціонной политики своихъ правительствъ [1]).

---

[1]) Такъ, въ 1831 году, Россія оказала энергическую поддержку князю Меттерниху. Хотя императоръ Николай, по выраженію Зибеля, терпѣть не могъ Меттерниха, но, желая нанести смертельный ударъ польской «справѣ», онъ охотно содѣйствовалъ всякимъ планамъ контръ-революціи. Нѣмецкіе либералы, наоборотъ, при всякомъ удобномъ случаѣ заявляли о своемъ пламенномъ сочув-

Въ 1848 году, когда даже мирные берлинцы вдругъ прониклись революціоннымъ духомъ, симпатіи нѣмецкихъ либераловъ и демократовъ къ полякамъ проявились съ особою силою. Поляки братались съ нѣмцами на баррикадахъ и однимъ изъ первыхъ требованій «побѣдоносной» демократіи было дарованіе амнистіи полякамъ, возмутившимся противъ Пруссіи въ 1846 г. Правительство уступило, а когда слѣдствіемъ уступокъ явилось возстаніе во всей Познани, туда отправили генерала Виллизена, извѣстнаго сторонника возстановленія Польши. Лишь вслѣдствіе громкихъ жалобъ познанскихъ нѣмцевъ, Пруссія предприняла въ ихъ пользу мѣры, подлившія масла въ огонь. Поляки заявили, что правительство намѣрено совершить «седьмой», какъ они выражались, раздѣлъ Польши; ихъ способный вождь Мѣрославскій разбилъ прусскій отрядъ подъ Милославомъ. Мятежъ былъ, однако, подавленъ.

Если даже въ Пруссіи находились въ то время государственные люди, мечтавшіе о возстановленіи Польши, то легко понять, что еще болѣе такихъ людей было во франкфуртскомъ общегерманскомъ парламентѣ. Мысль о германизаціи Познани едва стала назрѣвать; съ нею слишкомъ конкуррировала другая: создать оплотъ противъ Россіи изъ сильной, автономной Польши, состоящей подъ германскимъ протекторатомъ. Этотъ планъ лелѣяли не только нѣмецкіе поэты республиканскаго образа мыслей, но и многіе солидные дипломаты и даже философы. Съ отголоскомъ этой идеи, хотя и въ весьма преобразованномъ видѣ (Польша безъ Познани), мы встрѣчаемся до сихъ поръ [1].

Въ польскомъ вопросѣ, по крайней мѣрѣ, прусское правительство не могло идти противъ Россіи, но въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ виды Россіи и Пруссіи оказались уже прямо противоположными. Право, въ этомъ случаѣ, было на нашей сторонѣ, до тѣхъ поръ, пока мы отстаивали датскіе интересы въ Шлезвигѣ. Но, желая во что бы то ни стало подчинить и нѣмецкій Гольштейнъ реакціоннымъ замысламъ Даніи, мы держались лишь буквы трактатовъ и попирали національный принципъ.

Прусскому королю и его правительству было также не до либерализма и не до національныхъ идей. Фридрихъ-Вильгельмъ IV не былъ чуждъ нѣкоторыхъ романтическихъ фантазій въ тевтонскомъ вкусѣ, но онѣ перемѣшивались у него съ феодальными традиціями, съ почти суевѣрнымъ уваженіемъ ко всѣмъ нѣмецкимъ династіямъ, а особенно къ Габсбургамъ, и съ самыми ретроградными тенденціями. Его трудно было назвать злымъ, но онъ счи-

---

ствіи полякамъ. Подъ давленіемъ Россіи и Австріи, Пруссія предприняла рядъ ретрограднѣйшихъ мѣръ по отношенію къ печати, школьному дѣлу и частной жизни гражданъ.

[1]) Ср. мою статью: «Лейбъ-философъ князя Бисмарка» въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1889 г.

талъ себя призваннымъ искоренять зло и, прежде всего, революцію, съ которою онъ смѣшивалъ самый невиннѣйшій, самый мѣщанскій нѣмецкій либерализмъ. Этотъ по натурѣ добрый человѣкъ окончилъ свое царствованіе подписаніемъ одиннадцати смертныхъ приговоровъ, которые ему предложили съ тѣмъ, чтобы онъ помиловалъ виновныхъ. Его приближенные и министры были одинаково чужды и либерализму, и націонализму. Въ борьбѣ съ Даніей Пруссіею руководили совсѣмъ иныя соображенія: соперничество съ Австріей и желаніе усилиться съ сѣвера, чтобы имѣть оплотъ противъ Россіи. Съ этими же цѣлями Пруссія долго вела дипломатическую кампанію, чтобы основать сепаратную «прусскую унію», которая стала конкуррировать съ германскимъ союзомъ. Удача этого послѣдняго плана раздражила Петербургъ почти въ той же степени, какъ и Вѣну [1]).

Германія была, такимъ образомъ, раздѣлена на два враждебные лагеря. Когда Австрію пригласили къ участію въ датской войнѣ, она отправила это приглашеніе въ Копенгагенъ. Россія была менѣе враждебна Пруссіи и ея союзникамъ. Это доказывается собственноручнымъ письмомъ императора Николая къ датскому королю (12-го апрѣля 1849). Императоръ высказываетъ здѣсь строгое порицаніе датскимъ шовинистамъ и говоритъ, что если Данія будетъ дѣйствовать по прежнему, то онъ откажетъ ей въ своемъ содѣйствіи. Убѣдившись въ миролюбіи царя, Пруссія полагала даже, что ей удастся заручиться содѣйствіемъ Россіи. Въ Берлинѣ узнали, что императоръ Николай вскорѣ прибудетъ въ Скерневицы и король послалъ туда принца прусскаго (будущій императоръ Вильгельмъ). Главною цѣлью этой миссіи было разсѣять предубѣжденіе императора противъ прусской «уніи».

О взглядѣ императора Николая на австропрусскія отношенія Зибель судитъ довольно правильно. «Съ ранней юности—пишетъ онъ—императоръ былъ воспитанъ въ горячихъ симпатіяхъ къ прусскому королевскому дому и въ началѣ царствованія питалъ рѣшительную непріязнь къ Австріи. Позднѣе, смертельная борьба Австріи съ революціей—итальянской и венгерской—внушила ему симпатіи къ Австріи. Съ другой стороны, императоръ съ досадою видѣлъ, что Пруссія связывается съ революціонерами, устанавливая у себя «демократическую» конституцію и что именно на этой почвѣ она надѣется возвысить свое положеніе въ Германіи. Окончательно повліяли на императора датскія дѣла.

«Въ этомъ вопросѣ его воля, съ начала до конца, оставалась не-

[1]) Сначала союзъ состоялъ изъ Пруссіи, Саксоніи и Ганновера, потомъ примкнули и другія государства. Для характеристики нѣмецкихъ дипломатовъ, упомянемъ, что, вскорѣ послѣ основанія этой уніи, Саксонія и Ганноверъ заявили императору Николаю, что союзъ основанъ только для виду. Прямодушный императоръ немедленно сообщилъ объ этомъ прусскому посланнику въ Петербургѣ, генералу Рохову.

преклонною. Ненависть къ революціи, вѣрность договорамъ и притязанія на владычество—все вмѣстѣ здѣсь повліяло. Гольштейнцы были, съ его точки зрѣнія, просто измѣнники и мятежники». Наконецъ, были еще особыя соображенія, чисто династическаго свойства. Еще съ мая 1850 г., императоръ Николай велъ съ Франціей и Англіей переговоры о признаніи наслѣдственныхъ правъ ольденбургъ-готторпской линіи, къ которой могли перейти права датскаго дома; въ свою очередь, отъ ольденбургскихъ принцевъ можно было ожидать перехода правъ къ русскому императорскому дому. Съ этой точки зрѣнія, для Россіи было желательно установленіе общаго порядка престолонаслѣдія для Даніи и для герцогствъ.

Всѣ эти причины, взятыя вмѣстѣ, возбудили гнѣвъ императора противъ Пруссіи. Тѣмъ не менѣе, императоръ Николай ставилъ вопросъ о сохраненіи мира выше своихъ личныхъ видовъ. Въ спорѣ между Австріей и Пруссіей, какъ и въ датскомъ вопросѣ, онъ старался поставить себя въ положеніе безпристрастнаго верховнаго судьи, объявилъ, что обратитъ свое оружіе противъ перваго нарушителя мира, кто бы онъ ни былъ, увѣщевалъ Австрію сдѣлать уступки. Но въ то же время, онъ не скрывалъ отъ прусскаго короля, своего шурина, что возстановленный Австріею союзный сеймъ, Bundestag, есть учрежденіе вполнѣ легитимное, тогда какъ прусскую унію, preussische Union, открыто называлъ порожденіемъ революціонныхъ бредней.

Тотчасъ по прибытіи въ Скерневицы принца прусскаго (Вильгельма) императоръ Николай спросилъ его: «Отчего у васъ такъ боятся враждебныхъ дѣйствій со стороны Австріи?» Принцъ указалъ на грозныя австрійскія ноты и на сосредоточеніе войскъ въ Чехіи и въ Форарльбергѣ. «Угрозы,—возразилъ императоръ,—ничего не доказываютъ. Въ Чехіи давно уже нѣтъ столько войска, какъ тамъ у васъ воображаютъ; вообще, Австрія совсѣмъ не въ состояніи вести войны, если у нея въ резервѣ не будетъ моей арміи. Безъ моей помощи, Австрія не можетъ двинуть ни одного корпуса, такъ какъ, по удаленіи арміи, повсюду могутъ вспыхнуть новые мятежи. Я,—продолжалъ императоръ,—не думаю о войнѣ; я только прійду на помощь тому, кто подвергнется нападенію».—«Мы,—отвѣтилъ принцъ,—не дадимъ повода къ разрыву; всѣ наши дѣйствія таковы, что оправдываются параграфами союзныхъ постановленій и международными трактатами».—«Прошу васъ,—воскликнулъ императоръ,—не говорите мнѣ о вашихъ параграфахъ и договорахъ, я совершенно не понимаю ихъ смысла». Далѣе, императоръ пояснилъ, что онъ недоволенъ также Австріей. «Австрія нерѣшительна и лукавитъ,—сказалъ онъ,—но обладаетъ политическимъ умомъ; она старается выиграть время» [1]).

---

[1]) Разговоръ съ императоромъ со словъ самого принца прусскаго (будущій императоръ Вильгельмъ).

Принцъ имѣлъ еще нѣсколько бесѣдъ съ императоромъ. Результатъ ихъ былъ слѣдующій: Николай Павловичъ не пожелалъ дать никакихъ опредѣленныхъ указаній на свое будущее отношеніе къ германскому вопросу—впредь до окончательнаго мира съ Даніей. Онъ выказалъ готовность помирить Пруссію съ Австріей и, за себя и за Австрію, отрицалъ какія бы то ни было воинственныя намѣренія противъ прусской уніи. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, однако, Австрія можетъ быть вынуждена объявить войну. Россія, подобно Австріи, не сочувствуетъ прусской уніи, главнымъ образомъ, изъ-за принятыхъ ею конституціонныхъ принциповъ, въ которыхъ видитъ революціонный духъ. Австрія, при первомъ удобномъ случаѣ, хочетъ отдѣлаться отъ своей собственной конституціи, а поэтому прусская унія является опаснымъ соблазномъ. «Прежде всего,—сказалъ императоръ,—я желаю, чтобы Пруссія уничтожила у себя всякіе слѣды конституціонализма».

Эти бесѣды ни мало не измѣнили положенія дѣлъ; но императоръ Николай не терялъ надежды возстановить въ Пруссіи абсолютную монархію. Въ іюнѣ, во время большихъ варшавскихъ маневровъ, въ числѣ приглашенныхъ былъ прусскій графъ Фридрихъ Дона (Dohna), командиръ прусскаго армейскаго корпуса, раньше служившій въ русской службѣ и пользовавшійся личнымъ уваженіемъ императора. Послѣ маневровъ, императоръ Николай сказалъ графу, что онъ, графъ, долженъ былъ бы идти съ своимъ армейскимъ корпусомъ на Берлинъ и возстановить абсолютное монархическое правленіе. Въ этомъ случаѣ прусскій король могъ бы разсчитывать на помощь четырехъ русскихъ армейскихъ корпусовъ. Графъ Дона представилъ императору рядъ доводовъ противъ такого вмѣшательства Россіи во внутренній прусскій вопросъ. «Я долженъ признаться,—сказалъ императоръ,—что нахожу ваши слова убѣдительными, но, смотрите, въ концѣ концовъ вы будете вынуждены это сдѣлать».

Трудно представить болѣе разительное доказательство того, что императоръ Николай считалъ нѣмецкія дѣла своими собственными. Русская политика такъ заботилась о внутреннемъ упроченіи Пруссіи, какъ будто это было необходимо для блага Россіи.

Видя невозможность устроить внутренніе порядки Пруссіи по своимъ желаніямъ, императоръ Николай тѣмъ настойчивѣе сталъ требовать окончательнаго улаженія датскихъ дѣлъ. Наоборотъ, Пруссія видѣла въ русскомъ вмѣшательствѣ наихудшее зло, которому готова была предпочесть даже вмѣшательство германскаго союзнаго сейма.

Между тѣмъ, императоръ Францъ-Іосифъ писалъ прусскому королю, что при всемъ своемъ отвращеніи къ братоубійственной войнѣ, онъ можетъ быть вынужденъ къ ней обстоятельствами. Въ то же время Роховъ (прусскій посланникъ въ Петербургѣ) сообщалъ, что,

въ случаѣ войны, Россія непремѣнно вмѣшается въ пользу Австріи, если только миръ съ Даніей не будетъ заключенъ до начала войны. Англія, въ свою очередь, все рѣшительнѣе выступала въ датскомъ вопросѣ противъ Пруссіи.

Пруссія казалась вполнѣ изолированною, какъ вдругъ у нея явился неожиданный сторонникъ. Это былъ принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ, избранный, ко всеобщему изумленію, президентомъ французской республики.

Въ качествѣ народнаго избранника, Луи-Наполеонъ, еще задолго до переворота, давшаго ему корону, носился съ міровыми планами. Главною помѣхою этимъ планамъ было русское преобладаніе, распространявшееся на всю среднюю Европу. Первою задачею Наполеона было, поэтому, разрушить зданіе «Священнаго союза», связывавшаго дѣйствія Франціи со временъ вѣнскаго конгресса. Въ іюнѣ 1850 г., онъ объявилъ графу Гацфельду (прусскому посланнику въ Парижѣ), что сочувствуетъ идеѣ прусской уніи, независимой отъ германскаго союза и что, вообще, онъ питаетъ особую склонность къ Пруссіи, которая, будто бы, связана съ Франціей «сходствомъ культуры и общностью интересовъ». «Россія и Австрія, — сказалъ принцъ, — враждебны всѣмъ прогрессивнымъ стремленіямъ, Пруссія же, подобно Франціи, подавляя демагогическія крайности, въ то же время слѣдятъ за духомъ вѣка. Многіе французы [1]) думаютъ, что, въ случаѣ кризиса, Франція должна оставаться нейтральною. «Но если вмѣшается Россія,—замѣтилъ принцъ,—я думаю, что нейтралитетъ Франціи станетъ невозможнымъ. Наши вліятельные консерваторы стоятъ за союзъ съ Австріей, но меня гораздо болѣе влечетъ къ Пруссіи. Если же противники Пруссіи указываютъ мнѣ на территоріальныя пріобрѣтенія, которыя могла бы сдѣлать Франція, то, полагаю, что для этого могли бы послужить и баварскія земли, примыкающія къ лѣвому берегу Рейна». «Малѣйшій намекъ на это,—возразилъ графъ Гацфельдтъ,—сдѣлалъ бы сближеніе Франціи съ Пруссіей невозможнымъ». При этомъ Гацфельдтъ сослался на «національныя стремленія» Пруссіи и на увѣренія прежнихъ французскихъ министровъ (Друэнъ де Льюиса и Токвилля), что Франція не ищетъ пріобрѣтеній въ Германіи. Изъ австропрусской войны Франція можетъ извлечь вполнѣ реальную выгоду—распаденіе Священнаго союза. «Это справедливо,—сказалъ Наполеонъ,—мое замѣчаніе относится лишь къ тому случаю, если бы Австрія предложила мнѣ какія-либо прусскія области».

Эта хитрая политика Луи-Наполеона не достигла, однако, цѣли. Зибель увѣряетъ, что неудача переговоровъ должна быть припи-

---

[1]) Подъ этимъ, поясняетъ Гацфельдтъ, принцъ подразумѣвалъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, Лагитта.

сана романтической преданности короля Фридриха Вильгельма идеямъ Священнаго союза.

Полагаемъ, однако, что у прусскихъ государственныхъ людей имѣлись въ запасѣ и болѣе реальныя соображенія. Имѣя за собою лишь сомнительную дружбу Луи-Наполеона, трудно было отважиться на открытый разрывъ съ Австріей и Россіей. Благоразуміе взяло верхъ, и, уступая русскимъ требованіямъ, Пруссія подписала (2-го іюля 1850 г.) въ Берлинѣ мирный договоръ съ Даніей.

Разсчетъ оказался вѣрнымъ. Россія удовлетворилась этой уступкой; что же касается Австріи, ея отношенія къ Пруссіи измѣнились мало, такъ какъ для Австріи главный вопросъ былъ въ упраздненіи «прусской уніи». Но тогдашій руководитель австрійской политики, князь Шварценбергъ, при всей своей энергіи, зналъ, что безъ Россіи Австрія не въ состояніи бороться съ Пруссіей. Финансовое разстройство Австріи было такъ велико, что пришлось распустить чуть не треть войска; въ то же время императоръ Николай, довольный рѣшеніемъ датскаго вопроса, настойчиво требовалъ, чтобы Австрія отказалась отъ всякихъ воинственныхъ замысловъ. Берлинскій договоръ убѣдилъ императора въ «добросовѣстности» Пруссіи; хотя содержаніе его не во всемъ согласовалось съ петербургской программой.

Вскорѣ, однако, шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ опять навлекъ на Пруссію гнѣвъ русскаго государя. При первомъ извѣстіи о новомъ возстаніи въ герцогствахъ, императоръ Николай потребовалъ, согласно берлинскому договору, вмѣшательства германскаго союза. Нѣмецкіе дипломаты прибѣгли къ своимъ обычнымъ уловкамъ. Договоръ еще не былъ ратификованъ всѣми правительствами; такъ называемыя «среднія» государства объявили, что усмиреніе мятежа дѣло не ихъ, а Пруссіи; Австрія также высказалась весьма неопредѣленно.

Императоръ Николай вознегодовалъ на подобное канцелярское отношеніе къ вопросу; прежде всего его гнѣвъ обрушился, разумѣется, на Австрію. Императоръ сказалъ Рохову, что Пруссія поступаетъ неправильно, уклоняясь отъ участія въ союзномъ сеймѣ. «Тѣмъ не менѣе,—сказалъ онъ,—я признаю, что Пруссія честно и добросовѣстно стремится къ сохраненію мира, такъ какъ правительства, состоящія съ ней въ уніи, ратификовали договоръ, тогда какъ отказъ Австріи есть недозволительная интрига».

Такимъ образомъ, казалось, что императоръ все болѣе склоняется къ прусскимъ взглядамъ и это не обѣщало ничего хорошаго для Австріи. Но Австріею управлялъ послѣдній изъ ея великихъ государственныхъ людей, князь Шварценбергъ, и у него былъ въ запасѣ еще одинъ рѣшительный шахматный ходъ противъ Пруссіи, совершенно измѣнившій настроеніе Россіи. Было уже замѣчено, что между Россіей, Англіей и Франціей, уже велись переговоры

объ окончательномъ установленіи престолонаслѣдія въ Даніи, и что въ этомъ вопросѣ императоръ Николай имѣлъ въ виду и нѣкоторые династическіе интересы. Согласно требованіямъ Даніи, энергически поддержаннымъ Россіею, Пруссія добавила къ опубликованному тексту мирнаго договора еще одинъ тайный пунктъ, въ которомъ обѣщала «принять участіе» въ упомянутыхъ переговорахъ. По когда ея представитель въ Лондонѣ, Бунзенъ, получилъ отъ британскаго кабинета приглашеніе подписать протоколъ готоваго проекта (общее престолонаслѣдіе для Даніи и герцогствъ), Пруссія притворилась изумленною и оскорбленною. По приказанію короля, Бунзенъ категорически отказался дать подпись. Этого только и надо было князю Шварценбергу, который немедленно увѣдомилъ петербургскій кабинетъ, что Австрія подписала протоколъ, и что во Франкфуртѣ будетъ собрано совѣщаніе уполномоченныхъ отъ всѣхъ германскихъ правительствъ, которые не только ратификуютъ миръ съ Даніей, но и выработаютъ планъ усмиренія Гольштейна посредствомъ союзной экзекуціи.

Императоръ Николай былъ чрезвычайно доволенъ Австріею, но все же убѣждалъ ее помириться съ Пруссіей. Кстати для Австріи тутъ явился еще одинъ такъ называемый «кургессенскій» вопросъ.

Подробностей этого, интереснаго только для нѣмцевъ, дѣла мы разбирать не станемъ. Достаточно сказать, что курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ гессенскій вступилъ въ прусскую унію, но не извлекши изъ нея выгодъ, съ досады прогналъ своихъ умѣренно-либеральныхъ министровъ и рѣшилъ, что, вообще, конституція есть сущій вздоръ. Когда же земскій сеймъ отказался утвердить произвольно наложенныя подати, было провозглашено осадное положеніе. Всѣ гражданскіе чины возстали противъ такого произвола. Курфюрстъ уѣхалъ во Франкфуртъ за австрійскою помощью.

Пруссію мало тревожила участь гессенцевъ, которыми хотѣли управлять «по домашнему», но ей вовсе не нравилось отпаденіе Гессена отъ уніи. Вслѣдствіе своего географическаго положенія, Гессенъ ей былъ особенно важенъ и при томъ примѣръ могъ оказаться заразительнымъ. Въ свою очередь, Австрія увидѣла удобный предлогъ для вмѣшательства, и, по ея настоянію, союзный сеймъ постановилъ усмирить «мятежниковъ», т. е. депутатовъ и чиновниковъ, къ которымъ пристали и девять десятыхъ гессенскихъ офицеровъ.

Князь Шварценбергъ поспѣшилъ освѣдомиться въ Петербургѣ, какъ тамъ смотрятъ на гессенскій вопросъ. Оказалось, что императоръ Николай былъ крайне недоволенъ этой, какъ онъ выразился, чиновничьей революціей и требовалъ, чтобы порядокъ былъ водворенъ союзнымъ сеймомъ. Тогда въ Вѣнѣ рѣшено было дѣйствовать, не обращая вниманія на Пруссію. Прусскія предложенія были отвергнуты.

Монархи и министры Австріи, Баваріи и Виртемберга, съѣхались въ Брегенцѣ и заключили противъ Пруссіи оборонительный и наступательный союзъ. Условились выставить 200-тысячное войско, пили воинственные тосты, и виртембергскій король, обращаясь къ Францу-Іосифу, сказалъ:—«когда императоръ кликнетъ кличъ, мы пойдемъ».

Пруссія, однако, знала, что весь этотъ шумъ окажется бурею въ стаканѣ воды, если не вмѣшается Россія. Роховъ сообщилъ изъ Петербурга, что императоръ Николай опять ѣдетъ въ Варшаву. Рѣшено было послать туда министра-президента, графа Бранденбурга.

О пребываніи графа въ Варшавѣ сложилась цѣлая легенда, которой долго вѣрили, пока, наконецъ, Зибель не опровергъ ее офиціальными актами. Легенда эта любопытна лишь въ томъ отношеніи, что характиризуетъ тогдашнее состояніе умовъ въ Пруссіи. Общественное мнѣніе громко заявляло, что честь Пруссіи требуетъ войны съ Австріей, хотя бы, ради этого, пришлось воевать и съ Россіей. Когда война оказалась невозможною, молва создала народнаго героя, будто бы погибшаго жертвою позора, понесеннаго Пруссіей. Увѣряли, что Бранденбургъ испыталъ въ Варшавѣ чувствительный ударъ для своего самолюбія. — «Я звалъ сюда моего шурина»,—были, будто бы, первыя, услышанныя имъ слова, на которыя онъ отвѣтилъ, что, какъ пруссакъ, долженъ выразить по поводу ихъ свое крайнее прискорбіе. Далѣе разговоръ, будто бы, продолжался въ томъ же духѣ. Потрясенный нравственно и разбитый физически, Бранденбургъ возвратился въ Берлинъ; противъ личнаго убѣжденія, онъ вынужденъ былъ подчиниться миролюбивой политикѣ короля, затѣмъ заболѣлъ, кричалъ въ бреду: — «дайте мнѣ мечъ и шлемъ!» — и умеръ отъ разрыва сердца. Все это оказывается баснею. Въ дѣйствительности, произошло слѣдующее: Бранденбургъ прибылъ въ Варшаву 17 (5) октября и черезъ часъ по пріѣздѣ былъ принятъ императоромъ. Вопреки легендѣ, пріемъ былъ весьма милостивый. Бесѣда продолжалась нѣсколько часовъ; все время императоръ былъ спокоенъ и терпѣливо слушалъ собесѣдника.—«Я понимаю ваши желанія»,—сказалъ, между прочимъ, государь. — «Я самъ признаю необходимость измѣненія союзной конституціи и неоднократно высказывалъ это. Полагаю, однако, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, лучше всего признавать конституцію, существующую уже 30 лѣтъ, а потомъ думать о реформахъ». Бранденбургъ сталъ излагать прусскую программу и намѣренно выразился такъ: «При переговорахъ съ Австріей, посредничество вашего величества имѣло бы огромное значеніе». Тутъ только императоръ возразилъ съ нѣкоторою живостью: «Никакого посредничества я на себя не принимаю». Эти слова онъ повторилъ въ различной формѣ нѣсколько разъ.—«Я

желаю,—сказалъ императоръ,—обѣимъ сторонамъ всего хорошаго, но вмѣшиваться ни во что не хочу».

Бранденбургъ, разумѣется, понялъ эти слова такъ, что императоръ предоставляетъ Австріи полную свободу дѣйствій, и что Пруссіи придется вести переговоры непосредственно съ Шварценбергомъ. Болѣе «предупредительнымъ» къ Пруссіи оказался канцлеръ, графъ Нессельроде. Этому дипломату такъ понравилась прусская программа, что онъ успѣлъ даже убѣдить государя рекомендовать ее Шварценбергу, какъ основаніе для соглашенія.

Но императоръ Николай не забывалъ и гольштейнскаго вопроса. «Ваше предложеніе, — сказалъ онъ Бранденбургу, — уладить дѣло посредствомъ смѣшанной (прусско-датской) комиссіи, только затянетъ дѣло. Проще и скорѣе всего было бы самой Пруссіи послать войско въ Гольштейнъ». Далѣе императоръ сказалъ прямо, что Пруссія занимается подстрекательствомъ гольштейнцевъ и противится постановленіямъ франкфуртскаго сейма. Бранденбургъ отвѣчалъ уклончиво. Недовольный его отвѣтами, императоръ обратился къ Рохову, съ которымъ часто бесѣдовалъ фамильярно.—«Вы должны,—сказалъ онъ Рохову,—идти на гольштейнцевъ, разогнать бунтовщиковъ и повѣсить ихъ генерала Вилизена». На аудіенціи 22 (10) окт. императоръ «грустнымъ, но твердымъ тономъ» объявилъ Бранденбургу свое окончательное рѣшеніе. «Противодѣйствіе Пруссіи мѣрамъ, которыя предпишетъ союзный сеймъ,—сказалъ онъ,—я сочту оскорбленіемъ, нанесеннымъ мнѣ лично, и приму мѣры; сверхъ того, я сочту своимъ долгомъ признать союзный сеймъ, какъ только имъ будетъ сдѣланъ первый шагъ въ этомъ направленіи». Обращаясь къ Рохову, государь сказалъ: «Я спокойно посмотрю на то, если Пруссія устроитъ свою унію, а Австрія съ своими союзниками будетъ засѣдать въ Франкфуртѣ. Но я не допущу ни въ какомъ случаѣ, чтобы одна изъ двухъ сторонъ предписывала другой законы, или вторгалась въ чужую область».

«Къ прискорбію,—писалъ Роховъ въ Берлинъ,—я вижу, что государь считаетъ Гессенъ и Гольштейнъ въ области союзнаго сейма».

Разсматривая безпристрастно всѣ эти переговоры, легко видѣть что императоръ Николай неуклонно отстаивалъ начала, вытекающія изъ трактатовъ. Иной вопросъ, имѣли ли эти трактаты какое-либо отношеніе къ интересамъ и задачамъ Россіи? До извѣстной степени, конечно, имѣли. Стремленіе поддержать Данію противъ чрезмѣрныхъ прусскихъ притязаній вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительнымъ интересамъ Россіи; но признаваемое и трактатами, и русской политикой, различіе между Шлезвигомъ и Гольштейномъ, понималось слишкомъ узко: о какой-либо національной точкѣ зрѣнія не было и рѣчи, а интересы Даніи, какъ государства, опять-

таки ставились на второй планъ, если приходили въ столкновеніе съ тѣми трактатами, которые считались удовлетворительными съ точки зрѣнія консервативныхъ принциповъ. Одно изъ двухъ: либо слѣдовало прямо стать на національную точку зрѣнія и, присоединивъ неразрывно Шлезвигъ къ Даніи, совершенно отдѣлить отъ нея нѣмецкій Гольштейнъ; либо, изъ видовъ чисто государственныхъ, слѣдовало оставить Гольштейнъ за Даніей, давъ ему вполнѣ автономное управленіе и въ то же время выдѣливъ его изъ нѣмецкаго союза. Русская политика, наоборотъ, стремилась прежде всего возстановить невозможный, хотя и согласный съ трактатами, порядокъ, по которому Гольштейнъ имѣлъ одновременно двухъ господъ, считаясь и членомъ нѣмецкаго союза, и датскимъ владѣніемъ. Это положеніе вещей даже съ датской точки зрѣнія было невыгоднымъ, такъ какъ для Даніи создавалась угроза постоянныхъ столкновеній съ нѣмецкими державами, что и привело въ 1864 году къ извѣстной катастрофѣ.

Между тѣмъ, берлинскій кабинетъ, получивъ изъ Вѣны донесенія Радовица, вовсе не былъ склоненъ къ уступкамъ. Радовицъ сообщалъ, что, судя по состоянію австрійской арміи, трудно допустить, чтобы рѣшимость Австріи воевать была серьезна. Что касается русскихъ, имъ, по мнѣнію Радовица, понадобится для мобилизаціи не менѣе шести мѣсяцевъ.

25 (13) октября, въ Варшаву прибыли императоръ Францъ-Іосифъ и кн. Шварценбергъ. Пока шли переговоры, союзный сеймъ приказалъ Баваріи занять Гессенъ войскомъ. Послѣ переговоровъ съ Шварценбергомъ, императоръ Николай снова усвоилъ по всѣмъ главнымъ пунктамъ австрійскую точку зрѣнія и 26 (14) послалъ въ Берлинъ строгое предостереженіе не мѣшать союзной экзекуціи въ Гессенѣ [1]).

Опускаемъ варшавскіе переговоры Бранденбурга съ Шварценбергомъ. Результатъ ихъ можно видѣть изъ того, что Бранденбургъ писалъ въ Берлинъ: «Самымъ жгучимъ вопросомъ, особенно послѣ заявленій Россіи, остается гессенскій вопросъ; я предпочелъ бы совмѣстную съ Баваріей оккупацію».

Слѣдствіемъ варшавскихъ свиданій была знаменитая ольмюцкая «пунктація»—эта лебединая пѣсня австрійскаго преобладанія въ Германіи.

---

[1]) За два дня предъ тѣмъ Нессельроде совѣтовалъ Бранденбургу какъ разъ обратное. По мнѣнію канцлера соглашеніе между Австріей и Пруссіей должно было тотчасъ состояться, какъ только прусскія войска встрѣтятся съ баварскими. Бранденбургъ писалъ въ Берлинъ, что раздѣляетъ это мнѣніе, но совѣтывалъ, чтобы пруссаки не стрѣляли въ баварцевъ, довольствуясь созерцаніемъ противниковъ. Является вопросъ: дѣйствовалъ ли Нессельроде вопреки желаніямъ государя, или же прибытіе Шварценберга совершенно измѣнило взгляды Россіи на Пруссію? Намъ кажется, что и то, и другое частью справедливо. Вліяніе такого умнаго и энергичнаго дипломата, каковъ Шварценбергъ, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно.

Пруссія разсчитывала на невмѣшательство Россіи; Австрія ждала русской помощи. Поэтому обѣ стороны стали спѣшно вооружаться. Приказъ о мобилизаціи вызвалъ въ Пруссіи взрывъ энтузіазма. Шварценбергъ, однако, все еще былъ увѣренъ, что Пруссія не отважится на войну. Не смотря на совѣты Мейендорфа (нашъ представитель въ Вѣнѣ), князь отправилъ въ Берлинъ грозную ноту и сказалъ русскому послу, что ни мало не сомнѣвается въ сохраненіи мира, такъ какъ эта мобилизація доставитъ Пруссіи золотой мостъ для отступленія.

8 ноября произошла стычка баварскихъ егерей съ прусскими аванпостами, но офицеры вскорѣ прекратили кровопролитіе. «Они,— пишетъ Зибель,—были менѣе кровожадны, чѣмъ дипломаты».

Графъ Бранденбургъ еще раньше умеръ отъ разрыва сердца; преемникъ его, Мантейфель, отличался миролюбіемъ. Онъ извинился за прусскихъ солдатъ и былъ даже готовъ оставить Гольштейнъ на произволъ судьбы. Еще уступчивѣе стала Пруссія, когда во Франкфуртъ прибылъ кн. Горчаковъ съ заявленіемъ, что Россія признаетъ полномочія союзнаго сейма.

Тогда отъ Пруссіи потребовали, чтобы она сама упразднила созданную ею унію. Король былъ не прочь отдѣлаться отъ либеральной конституціи 26 мая; онъ даже соглашался на возстановленіе «законной власти» въ Кургессенѣ и Гольштейнѣ; но заставить его подчиниться ненавистному германскому сейму—это было уже слишкомъ. Какъ нарочно, въ это время Луи-Наполеонъ выставилъ обсерваціонный корпусъ въ 40,000 человѣкъ, и французскія газеты прокричали, что Франція не допуститъ ни австрійской опеки надъ Италіей, ни русско-австрійскаго владычества въ Германіи. Прусская военная партія подняла голову.

Оставалось прибѣгнуть къ угрозамъ. Будбергъ, отъ имени Россіи, заявилъ Мантейфелю, что императоръ Николай считаетъ себя оскорбленнымъ дѣйствіями Пруссіи, что Россія уже мобилизируетъ гренадерскій корпусъ и донскихъ казаковъ и что малѣйшее вмѣшательство Пруссіи въ гессенскія дѣла будетъ сочтено за объявленіе войны Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ, 25 ноября, Австрія прислала ультиматумъ.

Послѣ краткаго размышленія, прусскій король и его министры рѣшились уступить. 29 ноября 1850 г., Шварценбергъ и Мантейфель подписали въ моравскомъ г. Ольмюцѣ унизительный для Пруссіи договоръ, названный на дипломатическомъ жаргонѣ: «ольмюцкой пунктаціей».

Замѣчательно, что оригиналъ этого обиднаго для Пруссіи документа исчезъ куда-то безслѣдно изъ прусскаго государственнаго архива, и другой экземпляръ его хранится только въ Вѣнѣ. Едва ли правъ Зибель, обвиняя во всемъ Мантейфеля и увѣряя, что этотъ министръ «ради любезнаго ему мира пожертвовалъ су-

щественными пунктами данной ему инструкціи». Самъ Зибель вынужденъ признать, что «къ счастью для Пруссіи» нашелся человѣкъ, способный подписать такой договоръ. Достаточно сказать, что Пруссію обязали разоружиться, не налагая такого же обязательства на Австрію и другія нѣмецкія государства. Обсуждая шансы войны, Зибель замѣчаетъ, что Пруссія могла разбить Австрію, но еслибы послѣдней удалось продержаться до весны, то въ Пруссію явилось бы 200-тысячное русское войско и положеніе ея стало бы не менѣе опаснымъ, чѣмъ въ 1757 году. Что же касается помощи Франціи, то стоило Шварценбергу послать въ Парижъ кое-какія письма короля, съ непочтительными выраженіями о Наполеонѣ, чтобы навсегда поссорить Пруссію съ честолюбивымъ президентомъ.

Ольмюцкое дипломатическое пораженіе послужило для Пруссіи полезнымъ урокомъ. Она поняла необходимость разстроить во чтò бы то ни стало австрійскій союзъ.

Какъ разъ въ эту трудную для Пруссіи эпоху, выступаетъ на политическое поприще 36-лѣтній Отто фонъ-Бисмаркъ. 19 авг. 1851 г., будущій имперскій канцлеръ былъ назначенъ представителемъ Пруссіи въ союзномъ сеймѣ.

Здѣсь Бисмаркъ, котораго до тѣхъ поръ знали лишь какъ представителя прусскаго юнкерства, сразу выказалъ свое превосходство надъ всѣми тогдашними нѣмецкими дипломатами. Большинство сейма было противъ него, но Бисмаркъ не упускалъ ни одного случая усилить положеніе Пруссіи. Такъ, онъ велъ тайные переговоры съ Ганноверомъ, направленные противъ отстаиваемаго Австріей таможеннаго тарифа, при чемъ выступилъ въ роли рьянаго сторонника свободы торговли [1]). Въ самомъ Ганноверѣ Бисмаркъ старался поддержать не какіе-либо консервативные или либеральные принципы, а то, чтò было выгодно Пруссіи въ данную минуту. Бисмаркъ писалъ Мантейфелю: «Пусть политическая окраска ганноверскихъ министровъ будетъ какая угодно. Нашъ домъ достаточно крѣпокъ, такъ что мы въ Ганноверѣ можемъ предпочесть либеральное министерство—такому консервативному, которое будетъ стоять за Австрію». Мантейфель (или, вѣрнѣе, его государственный секретарь Лекокъ) думалъ иначе. Въ Берлинѣ считали «грѣхомъ» выступать противъ ганноверскаго рыцарства и даже въ письмахъ къ Бисмарку избѣгали слова «либералъ», замѣняя его словомъ: «неблагонадежный».

[1]) Теперь это можетъ показаться страннымъ. Но въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Бисмаркъ представляетъ любопытныя черты сходства съ покойнымъ Катковымъ. Такъ, напримѣръ, на классическое образованіе и на науку вообще Бисмаркъ, по справедливому замѣчанію Зибеля, смотритъ не какъ на идеальную цѣль, а какъ на подручное средство для цѣлей чисто государственныхъ. Точно также смотритъ онъ и на національные вопросы.

Между тѣмъ, Австрія потеряла (5-го апрѣля 1852 года) своего крупнѣйшаго государственнаго человѣка. Преемникъ Шварценберга, Буоль, былъ усерденъ и порою грубъ, но не имѣлъ ни ума, ни энергіи своего учителя.

Въ концѣ того же года выступилъ на первый планъ Восточный вопросъ, на время прекратившій прусско-австрійскую распрю.

О дѣйствіяхъ Австріи и Пруссіи въ Крымскую войну въ послѣднее время писали очень много, но не всегда безпристрастно. Современники во всемъ винили Австрію, теперь скорѣе склонны упрекать въ вѣроломствѣ Пруссію.

Поведеніе Австріи въ Крымскую войну, дѣйствительно, вполнѣ оправдало предсказаніе Шварценберга: Австрія удивила міръ своею неблагодарностью. Всѣ дѣйствія Австріи были рядомъ низостей, съ разсчетомъ на безнаказанность. Это, конечно, ни мало не оправдываетъ предшествующей русской политики, за которую ожидалась «благодарность». Мы пожали то, что сами посѣяли. Вольно же было поддерживать всѣми искусственными мѣрами государство, которое, рано или поздно, должно было искать выхода на Востокѣ, чтобы не задохнуться отъ внутренняго разложенія.

Теперь скажемъ о Пруссіи. Разсуждая безпристрастно, трудно понять, о какой такой благодарности можетъ идти рѣчь въ этомъ случаѣ. Конечно, мы спасали Пруссію въ эпоху Наполеона I, но вѣдь и Пруссія сыграла свою роль при Ватерлоо, а затѣмъ наступилъ рядъ годовъ, когда мы поддерживали въ Пруссіи развѣ только крайнія реакціонныя начала. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ Россія играла въ Германіи роль всесильнаго рока, но эта роль была одинаково непріятна и прусскому народу, и правительству, хотя по діаметрально противоположнымъ причинамъ. Народъ считалъ насъ врагами свободы, король и министры тяготились нашей опекой. Поэтому дѣйствія Пруссіи въ Крымскую войну, какъ бы они ни были враждебны Россіи, являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ нашего прежняго вмѣшательства въ нѣмецкія дѣла. Благодарить Россію за Ольмюцкій трактатъ было бы также странно, какъ намъ теперь благодарить Пруссію за обидный нашему самолюбію Берлинскій договоръ.

Зибель судитъ обо всемъ съ чисто прусской точки зрѣнія, а поэтому его взгляды на причины Крымской войны крайне поверхностны и тенденціозны, напоминая во многомъ мнѣнія извѣстнаго англійскаго историка Кинглэка. Зибель во всемъ винитъ Россію, считаетъ ея притязанія «очевидно не основательными», увѣряетъ, что потерпѣвъ неудачу съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ, императоръ Николай сдѣлалъ «тождественныя» предложенія французскому послу Кастельбажаку, наконецъ, вполнѣ оправдываетъ Австрію, объясняя ея дѣйствія «справедливыми» опасеніями за своихъ южныхъ славянъ, хотя, говоритъ Зибель, императоръ Николай

далъ Францу Іосифу «за себя и за потомковъ» торжественное обѣщаніе не поддерживать славянскихъ движеній въ Австріи.

О Пруссіи Зибель повѣствуетъ слѣдующее:

Король и министры радовались тому, что географическое положеніе Пруссіи не вынуждало ее къ непосредственному участію въ борьбѣ. Однако,—говоритъ Зибель,—они, подобно «всему міру», признавали полнѣйшую «неправоту» Россіи и ни минуты не колебались присоединиться къ дипломатическимъ дѣйствіямъ другихъ державъ. Извѣстно, что Пруссія, вмѣстѣ съ Австріей, Франціей и Англіей, приняла участіе въ вѣнской конференціи, которая, уже послѣ нашей Синопской побѣды, предъявила Россіи требованія: признать неприкосновенность турецкой территоріи и немедленно очистить Придунайскія княжества.

Въ теченіе 1853 года положеніе европейскихъ дѣлъ совершенно измѣнилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, общественное мнѣніе Пруссіи, болѣе не сдерживаемое страхомъ, высказалось противъ Россіи такъ рѣзко, что, казалось, даже въ Лондонѣ намъ были не болѣе враждебны, чѣмъ въ Берлинѣ.

«Кто имѣлъ какія-либо либеральныя стремленія (пишетъ Зибель), кто сколько-нибудь мечталъ о германскомъ единствѣ, кто скорбѣлъ объ Ольмюцѣ и Шлезвигъ-Гольштейнѣ—тотъ съ восторгомъ (sic!) видѣлъ, что честолюбіе Россіи навлекаетъ на нее все бòльшія и бòльшія опасности. Казалось, что настанетъ новая эра свободы (!?), когда Россія падетъ подъ ударами соединенной Европы».

Такіе взгляды, по словамъ Зибеля, раздѣлялись самыми высокопоставленными лицами, изъ которыхъ онъ называетъ графовъ Гольца, Пурталеса и барона Бунзена. Особеннымъ руссофобствомъ отличался Бунзенъ, который предложилъ англійскимъ государственнымъ людямъ «новую карту Европы», гдѣ Россія была доведена до предѣловъ московскаго царства. Этотъ дипломатъ буквально побивалъ Русь на картѣ. Военный министръ Бонинъ также былъ за войну. Но важнѣе всего помнить, что принцъ прусскій, будущій императоръ Вильгельмъ, склонялся на сторону партіи, требовавшей войны съ Россіей. Онъ говорилъ, что Россія черезчуръ высокомѣрна, что она «дерзко» нарушила европейскій миръ, почему заслуживаетъ хорошаго урока (II, 181). Не слѣдуетъ забывать, что принцъ былъ не юношей, а достигъ уже такъ называемаго дипломатическаго возроста. Что касается Мантейфеля, онъ также признавалъ «неправоту Россіи», но полагалъ, что и безъ войны можно принудить ее къ существеннымъ уступкамъ. Совершенно иначе были настроены приближенные короля, какъ напримѣръ генералъ-адъютантъ гр. Герлахъ, графы Дона и Гребенъ, Нибуръ и др. Отличаясь благочестіемъ и консервативными принципами, они были преданы царю и считали его войну съ Турціей священной борьбой христіанства съ исламомъ.

Былъ еще одинъ государственный человѣкъ, оставшійся въ этомъ вопросѣ при совсѣмъ особомъ мнѣніи. Мы говоримъ о Бисмаркѣ.

Бисмаркъ также не желалъ войны съ Россіей; но при этомъ онъ исходилъ не изъ какихъ-либо принциповъ или симпатій, а просто разсчиталъ, что въ то время, какъ для Англіи и Франціи война не грозила непосредственною опасностью, Пруссіи пришлось бы выдержать всю тяжесть борьбы на своихъ плечахъ. Сверхъ того, отчего не оставить себѣ лазейки на случай успѣха Россіи, и къ чему ссориться съ державой, которая послѣ войны ужъ навѣрное не подастъ руки вѣроломной Австріи?

Что касается самого короля, онъ, подобно многимъ, жаловался на высокомѣріе Россіи и стоялъ за неприкосновенность Турціи. Но его религіозность, доходившая до піэтизма, не позволяла ему отнестись безразлично къ положенію угнетаемыхъ Турціею христіанъ. Съ другой стороны, его мучили опасенія, что, въ случаѣ нейтралитета Пруссіи, Наполеонъ наводнитъ мирную Пруссію эмиссарами революціи.

Результатомъ столкновенія всѣхъ этихъ различныхъ мнѣній было стремленіе Пруссіи къ тѣсному сближенію съ Англіей, но не съ Франціей. Въ письмѣ къ принцу Альберту, король изображалъ Наполеона III анархистомъ и карбонаріемъ; въ то же время онъ обѣщалъ, что въ «рѣшительную минуту» Пруссія также броситъ мечъ на вѣсы. За это Англія должна гарантировать Пруссіи, за себя и за Францію, неприкосновенность прусской территоріи и невмѣшательство въ нѣмецкія дѣла. Это на языкѣ Фридриха Вильгельма IV называлось «автономнымъ нейтралитетомъ».

Пальмерстонъ былъ крайне удивленъ подобными предложеніями. Практическихъ англичанъ трудно было убѣдить въ томъ, что «автономный нейтралитетъ» лучше требуемаго ими 300-тысячнаго войска.

Мало-по-малу, однако, давленіе общественнаго мнѣнія вынудило правительство примкнуть къ политикѣ западныхъ державъ. Послѣ объявленія войны Россіи западными державами, Австрія сдѣлала попытку сблизиться съ Пруссіей и предложила ей оборонительно-наступательный союзъ противъ Россіи. Пруссія должна была выставить на первый разъ 100,000 солдатъ, а если потребуется, то и болѣе. Пока шли переговоры, Пруссія, по настоянію присланнаго Австріей фельдцейхмейстера Гесса, согласилась подписать австрійскую депешу, въ которой отъ Россіи требовалось немедленное очищеніе Придунайскихъ княжествъ, подъ угрозою вооруженнаго вмѣшательства. Пруссія потребовала лишь смягченія нѣкоторыхъ выраженій. Сверхъ того, король заявилъ, что рѣшится напасть на Россію лишь въ томъ случаѣ, если Россія овладѣетъ княжествами или же если русскія войска перейдутъ Балканы (II, 195).

20-го апрѣля, между Австріей и Пруссіей былъ подписанъ формальный союзъ, къ которому была присоединена и военная конвенція. Пруссія обязалась выставить 100-тысячную армію въ теченіе 36 дней, въ случаѣ же надобности, удвоить эту цифру.

Заключая договоръ, обѣ стороны искренно желали обмануть другъ друга. Возможность войны съ Россіей существовала, но зависѣла, единственно, отъ ихъ собственной доброй воли; въ тайнѣ же Австрія опасалась итальянской революціи, а Пруссія боялась Франціи.

Союзъ съ Австріей и отклоненіе предложеній западныхъ державъ—все это крайне раздражило прусское общественное мнѣніе. Противники Россіи такъ открыто выражали свое негодованіе, что Бунзенъ былъ за это отозванъ изъ Лондона, военный министръ Бонинъ получилъ отставку, а будущій императоръ Вильгельмъ, принцъ прусскій, вынужденъ былъ взять отпускъ, съ удаленіемъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей и съ угрозою заключенія въ крѣпость (II, 196). Бисмаркъ также былъ недоволенъ союзомъ съ Австріей и предпочелъ бы союзъ съ другими нѣмецкими государствами противъ Австріи (II, 192).

Большая часть нѣмецкихъ правительствъ, не говоря уже объ обществѣ, искренно желали пораженія Россіи. Исключеніе представлялъ Бейстъ. Онъ помнилъ услуги, оказанныя Россіей въ 1850 году нѣмецкому партикуляризму. «Намъ нужна побѣда Россіи,— говорилъ онъ, для обузданія прусскихъ завоевательныхъ стремленій». Попытка Бейста устроить союзъ всѣхъ германскихъ государствъ съ Россіей потерпѣла, однако, полнѣйшую неудачу.

Въ австропрусскомъ союзѣ, какъ и слѣдовало ожидать, Австрія всячески старалась занять первое мѣсто и дѣйствовала, не спрашивая своего союзника. Такъ, 3-го іюня, графъ Буоль, вопреки просьбѣ прусскаго короля, отправилъ въ Петербургъ весьма рѣзкую ноту [1]). Чтобы уладить дѣло съ королемъ, достаточно было любезнаго письма къ нему отъ императора Франца-Іосифа. При свиданіи, Францъ-Іосифъ не скрылъ отъ короля, что въ случаѣ, если Россія отклонитъ ноту, Австрія «немедленно объявитъ войну» (II, 199). «Австрія,—сказалъ императоръ,—разсчитываетъ при этомъ на прусскія войска, которыя должны охранить насъ отъ русскаго вторженія».

Въ Россіи, въ это время, императоръ Николай колебался между собственными энергическими рѣшеніями и политикою Нессель-

---

[1]) Не мѣшаетъ помнить, что Фридрихъ Вильгельмъ IV всегда смотрѣлъ на Габсбурговъ снизу вверхъ. Въ 1848 году онъ, изъ почтенія къ Габсбургамъ, отвергъ предложенную ему франкфуртскимъ сеймомъ императорскую германскую корону. Въ описываемомъ нами случаѣ, король просилъ Франца-Іосифа «милостиво принять» миролюбивые совѣты «нѣмецкихъ монарховъ» и отправить въ Петербургъ ноту «возможно умѣреннаго» содержанія.

роде. Послѣдній дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы доказать нѣмецкимъ государствамъ уступчивость Россіи—наилучшій способъ поддержать нахальную политику Австріи. 29-го іюня, Нессельроде отвѣтилъ вѣнскому кабинету, что Россія готова очистить княжества, въ томъ случаѣ, если Австрія займетъ ихъ (sic!), при чемъ отъ Австріи требовалъ лишь увѣренія въ томъ, что она не объявитъ Россіи войны, и, сверхъ всего, обѣщалъ, что Россія начнетъ мирные переговоры, принявъ за основаніе протоколы вѣнской конференціи.

Дальше трудно было идти, но, поощренный этою уступчивостью, графъ Буоль потребовалъ бо́льшаго. Еще 14-го іюня, онъ, не дожидаясь русскихъ предложеній, заключилъ съ Турціею договоръ о совмѣстной оккупаціи княжествъ. Теперь онъ двинулъ къ румынской границѣ подкрѣпленія, а 9-го іюля объявилъ петербургскому кабинету, что охотно «передастъ» западнымъ державамъ миролюбивыя предложенія Россіи, но безъ всякаго ручательства за успѣхъ. Если же Англія и Франція не примутъ русскихъ предложеній, то, что̀ бы тамъ ни было, Австрія будетъ настаивать на немедленномъ очищеніи княжествъ. Не менѣе грубо отнесся графъ Буоль къ союзной державѣ: онъ требовалъ отъ Пруссіи мобилизаціи 200-тысячной арміи и заявилъ, что предложеніе о мобилизаціи онъ внесетъ въ союзный сеймъ, что было крайне обидно для прусской чести.

Неудовольствіе на Австрію, а ужъ никакъ не дружественное расположеніе къ Россіи, побудило на этотъ разъ Пруссію заявить, что она довольна русскимъ отвѣтомъ. Пруссія и не думала исполнять австрійскій приказъ о мобилизаціи; только артиллерія была приведена на военное положеніе, да въ кавалеріи пополнили число лошадей.

Западныя державы полагали, что Австрія немедленно объявитъ Россіи войну. Но и онѣ были обмануты. Послѣ того, какъ императоръ Николай «по стратегическимъ соображеніямъ» внезапно отозвалъ дунайскую армію и очистилъ княжества, Австрія достигла своей главной цѣли и предпочла вынимать каштаны чужими руками. Графъ Буоль ограничился тѣмъ, что еще болѣе повысилъ тонъ по отношенію къ Россіи. 8-го августа, между Австріей, Франціей и Англіей, были условлены пункты, которыми устанавливался вмѣсто русскаго, европейскій протекторатъ надъ княжествами, плаваніе по Дунаю становилось свободнымъ и возбуждался вновь вопросъ о проливахъ и о нейтрализаціи Чернаго моря. Это такъ называемые «четыре пункта». Буоль сообщилъ ихъ какъ въ Петербургъ, такъ и въ Берлинъ.

Въ Берлинѣ были довольны упраздненіемъ русскаго протектората въ княжествахъ, но крайне досадовали на то, что Австрія снова дѣйствовала безъ предварительнаго уговора съ Пруссіей. Тѣмъ не менѣе, король предложилъ императору Николаю признать программу

Буоля основаніемъ для мирныхъ переговоровъ, и далъ знать въ Вѣну, что въ случаѣ отказа Россіи, Пруссія объявитъ Россіи войну!

По очищеніи княжествъ русскими войсками, этотъ край тотчасъ заняли австрійцы и турки. На ноту графа Буоля Россія, однако, отвѣтила категорическимъ отказомъ, заявивъ при этомъ, что отнынѣ ограничится защитою своей собственной территоріи и будетъ съ твердостью и упованіемъ ожидать дальнѣйшихъ событій.

Прусскій король находился въ это время на о. Рюгенѣ. Съ нимъ были Бисмаркъ, Альвенслебенъ и полковникъ Мантейфель (его не слѣдуетъ смѣшивать съ первымъ министромъ Мантейфелемъ). Прибылъ также и министръ-президентъ. 3-го сентября 1854 года, по поводу вопросовъ, предложенныхъ Австріей, Пруссія разослала циркуляръ ко всѣмъ нѣмецкимъ дворамъ, въ которомъ было сказано, что послѣ извѣстнаго заявленія Россіи, что она ограничится оборонительными дѣйствіями, опасности для австрійскихъ оккупаціонныхъ войскъ въ Придунайскихъ княжествахъ болѣе не существуетъ, а по этому теперь программа графа Буоля (такъ называемые четыре пункта) возбуждаетъ сомнѣнія, да и вообще Пруссія не совѣтуетъ нѣмецкимъ государствамъ принимать на себя какія-либо обязательства, тѣмъ болѣе. что и Австрія, вѣроятно, воздержится отъ агрессивной политики. Графъ Буоль, въ свою очередь, предпочелъ загребать жаръ чужими руками и понялъ, что теперь, когда англофранцузы отплыли къ Севастополю, нападеніе Россіи на Австрію стало мало вѣроятнымъ.

Понятно разочарованіе западныхъ державъ. Они разсчитывали, что послѣ отказа Россіи принять «четыре пункта», Австрія велитъ своему послу выѣхать изъ Петербурга и затѣмъ объявитъ войну. Но въ самую рѣшительную минуту, Австрія предпочла остаться зрительницей, сваливая при этомъ вину на Пруссію. Въ Парижѣ и Лондонѣ стали, однако, говорить, что Пруссія, по крайней мѣрѣ, никогда не бряцала саблею, подобно Австріи. Наполеонъ III былъ такъ возмущенъ двуличіемъ Австріи, что сказалъ пріѣхавшему къ нему принцу Альберту: «Знайте, что въ глубинѣ души я желаю лишь освобожденія поляковъ отъ Россіи и итальянцовъ отъ Австріи». Англійскія газеты писали, что если «лѣнивые» нѣмцы не пойдутъ на Россію, то ихъ погонятъ насильно палками; а Мантейфель такъ испугался, что повѣрилъ въ возможность блокады прусскаго побережья англофранцузскимъ флотомъ. Бисмаркъ разсмѣялся, услышавъ это, а также узнавъ изъ газетъ, что французы собираются идти черезъ Германію въ Польшу. «Блокада, сказалъ онъ, нанесетъ ущербъ не намъ, а англійской торговлѣ, а что касается французовъ, намъ стоитъ только выказать себя неустрашимыми и насъ не тронутъ». Однако, король отправилъ Наполеону столь льстивое письмо, что побудилъ послѣдняго спросить Гацфельдта, не желаетъ ли Пруссія предложить формальный союзъ? «Во всей Гер-

маніи,—пишетъ Зибель,—эти переговоры вызвали толки, что Пруссія начинаетъ вилять». (У Зибеля сказано нѣсколько вѣжливѣе—schwanken).

Въ самомъ дѣлѣ, вся тогдашняя прусская политика была безпрерывнымъ виляньемъ то въ сторону Россіи (или вѣрнѣе, противъ Австріи), то въ пользу англо-французской коалиціи. Это еще яснѣе сказалось послѣ того, какъ Австрія устроила Пруссіи новый сюрпризъ, предложивъ сообща вступить въ формальный союзъ съ западными державами. Самъ императоръ Францъ-Іосифъ долго колебался принять рѣшеніе, но какъ только графъ Буоль заявилъ, что, въ случаѣ несогласія императора, подастъ въ отставку, подписалъ проектъ союза.

Только тогда въ Россіи вполнѣ оцѣнили предсказаніе князя Шварценберга. Князь Горчаковъ былъ пораженъ какъ громомъ, хотѣлъ потребовать свои вѣрительныя грамоты, жаловался, что его обманули, что послѣ того, какъ Россія приняла «четыре пункта», его увѣряли въ неизмѣнной дружбѣ, а три дня спустя заключили союзъ съ врагами Россіи.

Въ Берлинѣ также чувствовали себя оскорбленными тѣмъ, что Австрія, за спиною Пруссіи, заключила союзъ, давшій ей шансы преобладанія въ Германіи. Тѣмъ не менѣе Пруссія не противилась рѣшенію союзнаго сейма, который (9-го декабря) присоединился къ заключенному Австріей союзу, подъ условіемъ, чтобы форма договора исключала мысль о нападеніи на Россію. Прусскій король извлекъ для себя изъ послѣднихъ событій лишь то нравоученіе, что Пруссіи слѣдуетъ, въ свою очередь, вступить въ особый, независимый отъ Австріи союзъ съ западными державами. Къ этому его побуждало еще опасеніе, что тройственный англо-франко-австрійскій союзъ не допуститъ Пруссію даже къ участію въ конференціи, когда зайдетъ рѣчь о заключеніи мира. Король отправилъ въ Лондонъ графа Узедома съ собственноручнымъ письмомъ къ королевѣ Викторіи. Онъ писалъ о солидарности двухъ «протестантскихъ» державъ Великобританіи и Пруссіи. Великобританія, превратившаяся, по волѣ короля, въ «первую въ свѣтѣ протестантскую державу» не должна покидать Пруссію на произволъ судьбы. Король наивно увѣрялъ при этомъ королеву, что у него нѣтъ никакой «arrière pensée», и что Англія не должна думать, будто Пруссія хочетъ разстроить ея союзъ съ Франціей.

Бисмаркъ былъ противъ сближенія съ Англіей. Онъ писалъ Мантейфелю: «Думаю, что односторонніе переговоры съ Англіей скорѣе испортятъ наши отношенія къ западнымъ державамъ, чѣмъ улучшатъ ихъ. Безъ всякой надобности мы даемъ имъ понять, что боимся за свою шкуру». Въ Англіи сочли излишнимъ даже обсуждать предложенія короля, но сообщили о нихъ во Францію, и Друэнъ де-Льюисъ сказалъ, что «вѣроятно Узедомъ имѣлъ

въ чемоданѣ нѣсколько проектовъ; но по ошибкѣ сообщилъ Англіи проектъ, предназначенный для Петербурга».

Не болѣе удачно дѣйствовалъ и Мантейфель. Когда представители Франціи, Англіи и Австріи, офиціально увѣдомили его о заключеніи тройственнаго союза, онъ отвѣтилъ пространнымъ объясненіемъ того, какъ много хорошаго уже сдѣлала Пруссія. Западныя державы вели войну, Пруссія же дѣйствовала, по его словамъ, своими дипломатическими нотами, что, по мнѣнію Мантейфеля, сводилось къ одному и тому же (II, 217). Теперь, однако, (заявлялъ Мантейфель), Пруссія также объявитъ войну Россіи, если до конца года послѣдняя не приметъ условій мира, которыя ей будутъ предложены союзниками.

Но въ концѣ года явилось новое усложненіе. Въ декабрѣ Наполеонъ началъ переговоры съ Сардиніей, предлагая ей вступить въ союзъ. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели эти переговоры на Австрію. «Знамена Піемонта,—сказалъ графъ Буоль (барону Буркенэ),—даже если они развѣваются подлѣ французскихъ знаменъ, могутъ для насъ быть только значками врага».

Тѣмъ не менѣе со стороны Австріи была сдѣлана еще послѣдняя попытка побудить всѣ нѣмецкія государства къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи. Имъ было обѣщано даже «умѣренное участіе» въ предполагаемыхъ австрійскихъ пріобрѣтеніяхъ. Австрійскія предложенія были поддержаны грозными нотами Друэнъ де-Льюиса. Тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ второстепенныхъ и малыхъ государствъ, одинъ Брауншвейгъ согласился съ австрійскою точкою зрѣнія. Нѣмецкія державы успѣли понять, что изъ нейтралитета онѣ извлекутъ реальныя выгоды, тогда какъ война могла принести имъ много хлопотъ. Переговоры продолжались и въ слѣдующемъ, 1855 году.

Новый ходъ событіямъ дала смерть императора Николая. По возобновленіи полномочій князя Горчакова, Россія безъ труда признала два первые важные пункта, касавшіеся Придунайскихъ княжествъ и свободнаго плаванія по Дунаю. Трудно было сговориться относительно третьяго пункта, т.-е. пересмотра договора 1841 года, которымъ было установлено, что въ мирное время ни одно иноземное военное судно не имѣетъ права пройти черезъ Дарданеллы. Князь Горчаковъ соглашался признать «третій нунктъ» въ принципѣ, но требовалъ, чтобы суверенныя права Россіи не были нарушены. Англія, въ свою очередь требовала полной нейтрализаціи Чернаго моря, т.-е. уничтоженія русскаго черноморскаго флота. По этому вопросу состоялась конференція министровъ, въ которой участвовали лордъ Джонъ Россель, Аали-паша и Друэнъ де-Льюисъ. Послѣдній имѣлъ, кромѣ того, другіе планы: онъ надѣялся упрочить связь между Австріей и Франціей. «Главная задача,—сказалъ хитрый дипломатъ Францу-Іосифу,—это обуздать революцію безъ по-

мощи Россіи, и обуздать Россію безъ помощи революціи. 30 лѣтъ тому назадъ эта задача была неосуществима: поэтому и Россія, и революція одинаково торжествовали. Теперь рѣшеніе возможно посредствомъ австро-французскаго союза». Друэнъ де-Льюисъ увѣрялъ императора, что весь Восточный вопросъ бездѣлица, по сравненію съ этою главною задачею. Австрія, однако, дала уклончивый отвѣтъ, а Горчаковъ рѣшительно отклонилъ предложеніе Англіи ограничить черноморскій флотъ 4-мя линейными кораблями. Это предложеніе было, впрочемъ, поддержано и Буолемъ, который, съ обычнымъ нѣмецкимъ дипломатамъ двуличіемъ, заявилъ: «Австрія не можетъ идти далѣе и требовать бо̀льшаго отъ Россіи. Но если Россія отклонитъ наши предложенія, мы объявимъ войну». Эта угроза войною повторялась чуть не въ сотый разъ, и Горчаковъ былъ правъ, отвѣчая въ не менѣе вызывающемъ тонѣ.

Зибель утверждаетъ категорически, что Наполеонъ III не только не уполномочилъ своего министра къ переговорамъ объ особомъ австро-французскомъ союзѣ, но никогда не согласился бы на такой союзъ. Какъ бы то ни было, Друэнъ де-Льюисъ вскорѣ вышелъ изъ состава министерства, а Наполеонъ сталъ публично порицать австрійскую политику. «Австрія,—сказалъ онъ въ засѣданіи Законодательнаго корпуса,—должна еще выполнить свои обѣщанія, т.-е. напасть на Россію, если переговоры не приведутъ къ желаемому результату».

Слѣдствіемъ неудачи миссіи Друэнъ де-Льюиса было прекращеніе конференціи и полнѣйшая бездѣятельность Австріи. Общественное мнѣніе всѣхъ нѣмецкихъ государствъ было крайне возбуждено и оскорблено тѣмъ, что Наполеонъ III такъ произвольно распоряжался нѣмецкою политикой. Въ первый разъ съ 1850 года раздались голоса о необходимости реформы союзнаго сейма. Всѣ жаловались на восточную политику Австріи, которая, послѣ затраты 160 милліоновъ гульденовъ, въ концѣ-концовъ свелась къ круглому нулю. Буоль пытался оправдаться, доказывалъ, что неудача зависитъ отъ недостаточно твердаго положенія Австріи въ союзѣ и отъ отсутствія могущественной общегерманской императорской власти; но когда Баварія потребовала, чтобы онъ объяснилъ истинный смыслъ своихъ словъ, Буоль взялъ ихъ назадъ и сталъ толковать о будущей германской «федераціи». Зибель основательно замѣчаетъ, что всѣ эти «чернильныя изліянія» ни на шагъ не подвигали впередъ дѣло объединенія Германіи.

Вскорѣ послѣ героическаго паденія Севастополя, Наполеонъ открыто заявилъ о миролюбивыхъ намѣреніяхъ Франціи. Тогда вѣнскій кабинетъ поспѣшилъ проявить свою дѣятельность и, справившись у западныхъ державъ относительно ихъ требованій, отправилъ, 16-го декабря 1855 года, въ Петербургъ депешу, въ которой вновь разъяснялъ «четыре пункта», требуя, въ особенности,

полной нейтрализаціи Чернаго моря и уступки части Бессарабіи, съ цѣлью лишить Россію обладанія устьями Дуная. Въ то же время, императоръ Александръ II выказалъ готовность къ уступкамъ и 23-го (11-го) декабря прислалъ въ Вѣну предложенія, немногимъ отличныя отъ вѣнскихъ. Тѣмъ не менѣе, графъ Буоль, изъ холопства передъ западными державами, настаивалъ на неизмѣнности своихъ условій и, въ случаѣ непринятія ихъ, опять грозилъ разрывомъ дипломатическихъ сношеній. Россія уступила; но негодованіе ея на Австрію усилилось еще болѣе. Австрія была отчасти наказана тѣмъ, что всѣ ея хлопоты съ цѣлью созванія конгресса въ Вѣнѣ не привели ни къ чему. Конгрессъ былъ созванъ въ Парижѣ, и къ не малой досадѣ Австріи, туда приглашена была ненавистная Сардинія. Пруссію, на первыхъ порахъ, совсѣмъ не пригласили.

На второмъ засѣданіи Австрія, въ этомъ случаѣ поддержанная и Россіею, предложила пригласить Пруссію, но это было сдѣлано лишь послѣ того, какъ главные пункты были уже обсуждены и рѣшены.

Въ то время всѣ это поняли какъ униженіе Пруссіи, заслуженное ею за ея двуличную политику, но Зибель и въ этомъ случаѣ пытается изобразить дѣло такъ, что Пруссію не пригласили по интригамъ Англіи, которая гнѣвалась на Пруссію за то, что послѣдняя, не уступая угрозамъ, выказала себя настоящею великою державой! Выводъ довольно комичный.

На конгрессѣ обнаружилось, что открытые враги лучше такихъ низкихъ и лицемѣрныхъ друзей, какова Австрія. Наполеонъ выказывалъ къ Россіи значительную предупредительность; такъ, напримѣръ, не смотря на противодѣйствіе Турціи и Австріи, принялъ русское предложеніе относительно будущаго объединенія Румыніи. На Австрію, впрочемъ, всѣ жаловались, болѣе же всѣхъ Кавуръ. Главнымъ результатомъ конгресса, помимо его прямой цѣли, было изолированіе Австріи и тѣсное сближеніе Франціи съ Сардиніей. Что касается Пруссіи, она дѣйствовала осторожно, но все же было замѣтно, что и она крайне недовольна Австріею. Съ Россіей и Франціей Пруссія оказалась въ наилучшихъ отношеніяхъ. Когда графъ Буоль какъ-то заговорилъ объ австрорусской дружбѣ, Горчаковъ сказалъ прусскому посланнику, что онъ ничего не хочетъ слышать о дружбѣ съ Австріей, и что, во всякомъ случаѣ, Россія не пойдетъ на сдѣлки съ Австріей, не сговорившись предварительно съ Пруссіей. Въ спорныхъ вопросахъ, Россія, Франція и Пруссія оказывались на одной сторонѣ, Австрія и, большею частью, Англія— на другой. Такъ, напримѣръ, по вопросу о Болградѣ и Змѣиномъ островѣ, Мантейфель писалъ, что Австрія постоянно подчеркиваетъ свою вражду къ Пруссіи; графъ Буоль, обратно, обвинялъ Пруссію въ недостаткѣ «германскаго патріотизма», а второстепен-

нымъ нѣмецкимъ державамъ внушалъ, что одна Австрія имѣетъ право руководить германской политикой.

Ограничимся бѣглымъ перечнемъ цѣлаго ряда событій, въ которыхъ отношенія Россіи къ нѣмецкимъ державамъ играли лишь самую маловажную роль. Вскорѣ послѣ парижскаго конгресса, король Фридрихъ Вильгельмъ IV былъ вынужденъ, по болѣзни, назначить регентомъ принца прусскаго, и съ этихъ поръ, собственно, начинается царствованіе Вильгельма. Отношенія между Австріей и Пруссіей все болѣе ухудшались, особенно же обострились во время франко-австрійской войны. Наоборотъ, между Пруссіей и Франціей произошло замѣтное сближеніе. Послѣ объединенія Италіи, прусское правительство, по личной иниціативѣ Вильгельма, занялось реформой, имѣвшей огромныя послѣдствія, а именно реорганизаціей арміи и провело эту реформу, несмотря на сильное сопротивленіе какъ ландтага, такъ и общественнаго мнѣнія страны. Парламентская оппозиція особенно усилилась по смерти короля Фридриха Вильгельма IV, такъ какъ вскорѣ окончательно исчезла надежда на болѣе либеральныя времена. Въ самый разгаръ парламентской борьбы, король Вильгельмъ нашелъ, наконецъ, «настоящаго человѣка», Бисмарка, который, ставъ министромъ-президентомъ, началъ съ того, что отбросилъ парламентскія традиціи, считая, напримѣръ, одобреніе бюджета палатами вещью совершенно излишнею. Между тѣмъ, внѣшнее положеніе Пруссіи успѣло значительно упрочиться. Въ серединѣ 60-хъ годовъ ей пришлось имѣть дѣло почти исключительно съ внутренними врагами. Австрія не разъ выступала противъ Пруссіи, но не ей было бороться съ дипломатическимъ искусствомъ новаго министра-президента, понемногу подготовлявшаго для Австріи погромъ 1866 года. Еще въ 1862 году Бисмаркъ говорилъ, что мирный исходъ спора между Австріей и Пруссіей невозможенъ, но что Пруссіи надо быть, до поры до времени, миролюбивой «такъ какъ всякая война до войны съ Австріей будетъ только напрасной тратой пороха».

Польскій мятежъ на время отклонилъ вниманіе Пруссіи въ другую сторону.

Во время Крымской войны полякамъ, повидимому, представлялся самый удобный случай для возстанія. Тѣмъ не менѣе, мятежъ произошелъ позднѣе, а именно лишь послѣ того, какъ польскіе паны убѣдились въ невозможности сохраненія тѣхъ поземельныхъ и административныхъ порядковъ, которыми они, не смотря на мятежъ 1831 года, пользовались въ царствованіе императора Николая.

Польскіе эмигранты заволновались при первыхъ извѣстіяхъ о разрывѣ Россіи съ западными державами, но особыхъ послѣдствій это не имѣло, хотя во французскихъ газетахъ и были однажды напечатаны слова Наполеона: «Въ интересахъ Германіи было бы возстановить великое герцогство Варшавское». На офиціальный за-

просъ Пруссіи относительно значенія этихъ словъ Друэнъ де-Льюисъ отвѣчалъ уклончиво. «Интересы Германіи,—сказалъ онъ,—въ этомъ случаѣ ясны, но императоръ не возьметъ на себя иниціативы». И министръ указалъ при этомъ, что, въ случаѣ возстановленія Польши, Пруссія могла бы вознаградить себя на нѣмецкой почвѣ. Пруссія охотно выслушала эти совѣты, но Австрія объявила наотрѣзъ, что о польскихъ дѣлахъ не можетъ быть и рѣчи. На парижскомъ конгрессѣ опять-таки Австрія отклонила предложеніе Наполеона «потребовать для поляковъ политическихъ правъ». Конгрессъ удовольствовался заявленіемъ князя Орлова, что Россія сдѣлаетъ все, отъ нея зависящее, для улучшенія положенія Польши.

Слѣдуетъ помнить, что Наполеонъ давно уже замышлялъ вытѣснить Австрію изъ Италіи и поэтому нуждался въ дружественной поддержкѣ Россіи. Въ польскомъ вопросѣ онъ, поэтому, сначала ограничивался только «совѣтами». Такъ, въ 1857 году, въ Штутгардтѣ, Наполеонъ сказалъ при личномъ свиданіи съ императоромъ Александромъ, что польскій вопросъ единственный, по которому существуютъ еще разногласія между Россіей и «желаніями французскаго народа».

Императоръ Александръ отвѣтилъ, что сдѣлаетъ для поляковъ все, чего требуютъ интересы самой Россіи и, оба монарха разстались самымъ дружелюбнымъ образомъ. Вице-канцлеръ Горчаковъ еще болѣе государя былъ склоненъ къ дружбѣ съ Франціей.

Польскихъ событій мы описывать не станемъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ Зибель сообщаетъ мало новаго. Ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ. Послѣ итальянской войны, между Франціей и Россіей явилось охлажденіе и у Наполеона были развязаны руки, а послѣ варшавскаго свиданія между Александромъ II и Францомъ-Іосифомъ (октябрь, 1860) отношенія Россіи къ Австріи нѣсколько улучшились, что еще болѣе раздражило Наполеона. Французскія подстрекательства, однако, едва ли могли бы повліять на Польшу, если бы не реформа 19-го февраля 1861 года, соединявшая въ одномъ лагерѣ польскихъ реакціонеровъ съ демократами.

Посмотримъ, какъ отнеслись къ польскому мятежу нѣмецкія державы и, въ особенности, Пруссія, которая, непосредственно послѣ итальянской войны, заняла въ Германіи первое мѣсто и почти вытѣснила Австрію.

Въ 1862 г., въ отношеніяхъ между Франціей и Пруссіей наступилъ поворотъ, неблагопріятный для этой послѣдней. Наполеонъ не выводилъ своихъ войскъ изъ Рима, явно склонялся на сторону клерикализма и въ то же время вновь назначилъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ де-Льюиса, извѣстнаго сторонника союза съ Австріей. Это дало Пруссіи сильный толчекъ къ сближенію съ Россіей. Но и самый польскій вопросъ скрывалъ въ себѣ стороны, весьма опасныя для Пруссіи.

«Трудно рѣшить,—говоритъ Зибель,—что было бы хуже для Пруссіи: побѣда красныхъ, съ Мѣрославскимъ во главѣ, или же образованіе автономной Польши подъ русско-французскимъ протекторатомъ, согласно планамъ Велепольскаго, къ которымъ склонялись кн. Горчаковъ и вел. кн. Константинъ». Красные прямо провозгласили, что Польша простирается до Одера, и въ г. Познани уже установилось организованное польское управленіе. Велепольскій не заходилъ такъ далеко, но, по мнѣнію Зибеля, былъ бы вынужденъ къ этому польскими патріотами и панславистами (?).

При первомъ взрывѣ польскаго возстанія, въ Петербургъ былъ посланъ генералъ Густавъ ф. Альвенслебенъ. Въ данныхъ ему инструкціяхъ было сказано, что революція одинаково опасна Россіи и Пруссіи, и что въ этомъ вопросѣ оба государства являются «въ положеніи союзниковъ, которымъ угрожаетъ общій врагъ».

Зибель прославляетъ берлинскій кабинетъ за этотъ рѣшительный шагъ, указывая, что онъ былъ сдѣланъ вопреки европейскому общественному мнѣнію, которое всюду, въ томъ числѣ и въ Пруссіи, было на сторонѣ поляковъ. Императоръ Александръ принялъ Альвенслебена весьма благосклонно, и сказалъ ему, что пока онъ живъ, панславистскія мечтанія о братствѣ между русскими и поляками не осуществятся (II, 491). Альвенслебенъ, однако, писалъ въ Берлинъ, что Велепольскій все еще силенъ и имѣетъ въ Петербургѣ сильную партію.

По повелѣнію императора, Горчаковъ предложилъ прусскому генералу изложить прусскія предложенія въ видѣ письменной конвенціи. 6-го февраля (н. ст.), Альвенслебенъ отправилъ въ Берлинъ составленный имъ проектъ военной конвенціи, которая была подписана имъ и Горчаковымъ 8-го числа, но оставалась нератификованною. Горчаковъ былъ весьма недоволенъ прибытіемъ Альвенслебена и 9-го февраля поспѣшилъ сообщить текстъ конвенціи французскому послу, герцогу Монтебелло, который самъ объ этомъ разсказывалъ (если вѣрить Зибелю) прусскому посланнику гр. Гедерну. Бисмаркъ, въ свою очередь, не желалъ держать конвенціи въ секретѣ. 11-го февраля, онъ имѣлъ разговоръ съ англійскимъ посланникомъ, сэромъ Андрьюзомъ Бухананомъ, и сообщилъ ему, что половина прусской арміи уже мобилизирована и что между Россіей и Пруссіей заключенъ договоръ относительно совмѣстныхъ дѣйствій. Бухананъ спросилъ, правда ли, что прусской арміи дозволено переходить русскую границу и русской прусскую? Бисмаркъ отвѣтилъ утвердительно, добавивъ, что Пруссія не потерпитъ существованія независимой Польши у своей границы.

— А что же,—сказалъ Бухананъ,—если русскіе будутъ выгнаны поляками? «Тогда,—сказалъ Бисмаркъ,—мы сами займемъ Польшу, чтобы предупредить ея возстановленіе».—Но этого Европа никогда не допуститъ!—воскликнулъ англичанинъ.—Бис-

маркъ отвѣтилъ коротко: «Что такое Европа?»—Разныя великія націи,—отвѣтилъ Бухананъ.—А развѣ онѣ сговорились между собою?—спросилъ Бисмаркъ. Англичанинъ уклонился отъ прямого отвѣта и сказалъ, что Франція не допуститъ подавленія Польши.— «Для насъ,—сказалъ Бисмаркъ,—вопросъ о подавленіи возстанія есть вопросъ о жизни или смерти». Въ томъ же духѣ былъ разговоръ Бисмарка съ французскимъ посланникомъ Таллейраномъ.

Новое затрудненіе явилось для Пруссіи послѣ того, какъ Горчаковъ, понявъ истинныя намѣренія берлинскаго кабинета, выступилъ рѣшительнымъ противникомъ Пруссіи.

Для насъ болѣе не тайна—хотя Зибель это тщательно скрываетъ—что слова Бисмарка, сказанныя Буханану относительно занятія прусскими войсками Польши, имѣли болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ сколько-нибудь значительнаго успѣха польскаго мятежа, Пруссія двинула бы въ Польшу половину своей арміи, съ цѣлью не только предотвратить потерю своей прусской Польши, но и продлить оккупацію на неопредѣленно долгое время. Весьма возможно, что при этомъ имѣлось въ виду не удержаніе Польши въ своихъ рукахъ, но, согласно планамъ Наполеона III, возстановленіе Польши (конечно безъ Познани) подъ условіемъ крупнаго матеріальнаго вознагражденія Пруссіи: матеріаломъ для вознагражденія могли послужить не польскія земли, а, быть можетъ, нашъ Прибалтійскій край. Всѣ эти соображенія, уже высказанныя въ русской печати, разумѣется, гипотетичны: достовѣренъ лишь планъ оккупаціи Польши. 22-го (10-го) февраля, русскій посланникъ Убри явился къ Бисмарку съ заявленіемъ, что Россія требуетъ уничтоженія пункта, касающагося права переходить границы чужой территоріи. Зибель старается выставить дѣло такъ, какъ будто все это было неожиданностью, крайне изумившей ничего не подозрѣвавшаго Бисмарка. Онъ увѣряетъ также, что въ этомъ вопросѣ Горчакову удалось очень ловко повести «интригу», и что князь Горчаковъ достигъ желаемаго лишь послѣ того, какъ увѣрилъ императора, что сама Пруссія настаиваетъ на уничтоженіи конвенціи. Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ императоръ Александръ не зналъ истиннаго положенія вещей; но Горчакову трудно было дѣйствовать иначе, такъ какъ очевидныхъ доказательствъ вѣроломства Пруссіи онъ представить не могъ, и по-неволѣ пришлось дѣйствовать окольнымъ путемъ, чтобы предотвратить всякую возможность вторженія прусской арміи въ предѣлы русской Польши. Императоръ Александръ былъ, однако, крайне недоволенъ, какъ Горчаковымъ, такъ и Убри. Принимая 25-го (13-го) февраля прусскаго военнаго уполномоченнаго гр. Лёна (Loen), онъ сказалъ ему: «Знаете, что случилось? Если военные люди ведутъ между собою переговоры, то всегда все идетъ отлично; но какъ только вмѣша-

ются дипломаты, сейчасъ выходятъ глупости». При этомъ императоръ пояснилъ, что «Россія вовсе не желала нарушить конвенціи, и что если Убри сказалъ что-либо подобное, то онъ дѣйствовалъ на свой собственный страхъ» (II, 499, 500). На слѣдующій день, императоръ снова спросилъ Лёна: «что же, Пруссія не желаетъ конвенціи?» и былъ доволенъ, когда Лёнъ прочелъ депешу Бисмарка, въ которой было сказано, что Пруссія считаетъ конвенцію вполнѣ цѣлесообразной. Бисмаркъ прибавлялъ, что слѣдовало бы точнѣе опредѣлить способъ ея осуществленія.

Противъ конвенціи возстало, однако, постоянно враждебное Россіи общественное мнѣніе Пруссіи. Прусская палата отвергла конвенцію огромнымъ большинствомъ голосовъ, требуя соблюденія Пруссіею строжайшаго нейтралитета. «Въ то время, говоритъ Зибель, ни въ палатѣ, ни въ странѣ, никто не понималъ, что эта конвенція, укрѣпившая за Пруссіей русскую дружбу, была первымъ камнемъ, положившимъ основаніе будущему величію Пруссіи». (II, 502).

Обратимся къ Австріи.

Лордъ Джонъ Россель серьезно думалъ, что въ польскомъ вопросѣ можно надѣяться на такое же сочувствіе Австріи взглядамъ Франціи и Англіи, какъ и въ 1854 году, въ Восточномъ вопросѣ. Друэнъ-де-Льюисъ, въ свою очередь, въ 1863 г., какъ и въ 1854 г., считалъ франко-австрійскій союзъ панацеею отъ всѣхъ европейскихъ золъ. 14-го марта, въ Вѣну прибылъ австрійскій посолъ въ Парижѣ, кн. Меттернихъ. Содержаніе его переговоровъ съ императоромъ до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Увѣряютъ, что Франція предлагала Австріи свой союзъ и пріобрѣтеніе Силезіи и Румыніи, за уступку Венеціи и Галиціи итальянцамъ и полякамъ, Австрія, однако, и слышать не хотѣла о возстановленіи Польши (II, 507). Съ другой стороны, Австрія, подобно Англіи, ничего такъ не боялась, какъ русско-французскаго сближенія и съ этой точки зрѣнія польскій вопросъ представлялъ для нея много соблазновъ. Бисмаркъ вполнѣ одобрялъ австрійскую политику въ польскомъ вопросѣ (II, 508) и даже благодарилъ графа Карольи, послѣ того, какъ Австрія отклонила предложеніе Франціи объ отправкѣ Россіи коллективной ноты. Все указывало на возможность сближенія Австріи съ Пруссіей, но тутъ же оказалось, что пустой споръ изъ-за торговаго договора заключеннаго Пруссіею съ Бельгіей, внезапно разстроилъ сближеніе. Сверхъ того, Австріи пришлось считаться съ своимъ либеральнымъ большинствомъ, къ которому примкнули клерикалы, метавшіе громы противъ Россіи за ея дѣйствія по отношенію къ польскому духовенству. Все это побудило Австрію искать сближенія съ Франціей. Результатомъ была поддержка Австріею нотъ, отправленныхъ въ Петербургъ изъ Лондона и Парижа. Вѣнская нота указывала, что вліяніе польскаго мятежа можетъ

отразиться на Галиціи, при чемъ Россіи былъ данъ «совѣтъ» установить въ Польшѣ порядки, способные обезпечить миръ на долгое время. Всѣ нѣмецкія государства, исключая Пруссіи, получили приглашеніе присоединиться къ этимъ нотамъ. Извѣстно, что результатомъ дипломатическихъ угрозъ былъ необычайный подъемъ духа въ Россіи. 17-го и 18-го іюля были посланы новыя ноты. На этотъ разъ Австрія требовала для Польши всеобщей амнистіи (которую и безъ того 13-го (1-го) апрѣля императоръ предложилъ каждому, кто положитъ оружіе и присягнетъ Россіи до 13-го мая), національнаго представительства, отмѣны мѣръ, направленныхъ противъ польскаго духовенства, введенія польскаго языка, какъ исключительно офиціальнаго и т. д. На этотъ разъ Россія отвѣтила увольненіемъ въ отпускъ маркиза Велепольскаго. Въ то же время Горчаковъ послалъ извѣстную отвѣтную ноту тремъ державамъ. Австрія получила ее, впрочемъ, въ наиболѣе смягченной формѣ.

Зибель заканчиваетъ свое описаніе польскихъ событій сообщеніемъ замѣчательнаго, до сихъ поръ остававшагося неизвѣстнымъ, факта. Фактъ этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что здѣсь мы видимъ явное нежеланіе Пруссіи поддерживать Россію даже въ томъ случаѣ, когда изъ такой поддержки она могла бы извлечь значительныя выгоды для себя. Императоръ Александръ, пишетъ Зибель, въ собственноручномъ письмѣ къ императору Вильгельму предложилъ, чтобы Россія, сообща съ Пруссіей, объявила войну Франціи и Австріи. Это предложеніе представляло для Пруссіи много заманчивыхъ сторонъ. Австрія была совершенно не готова къ войнѣ; внутренніе раздоры и ссоры съ Венгріей были опаснѣе чѣмъ когда-либо. Австрія была бы раздавлена, прежде чѣмъ на помощь ей могъ явиться хотя одинъ французскій полкъ. У Пруссіи были бы развязаны руки по отношенію къ Германіи, да и внутренней распрѣ, изъ-за военной реформы, былъ бы положенъ конецъ. Съ другой стороны, у Пруссіи были, по мнѣнію Зибеля, «вѣскія» причины не принять русское предложеніе. Франція вскорѣ напала бы на Пруссію всѣми силами, Пруссіи пришлось бы вынести всю тяжесть войны, и наконецъ, заключить миръ, который, по словамъ Зибеля, былъ бы условленъ между Россіей и Франціей сообразно съ вкусами Горчакова (?). «Въ этомъ случаѣ, сказалъ Бисмаркъ, Россія сидѣла бы на длинномъ плечѣ рычага». Бисмаркъ, поэтому, рѣшительно противился принятію русскаго плана, что же касается короля, онъ, вообще, былъ противъ войны съ Австріей. Король написалъ, поэтому, императору Александру письмо, составленное по черновой, собственноручно набросанной Бисмаркомъ. Въ письмѣ было сказано, что Пруссія «неограниченно довѣряетъ» императору Александру, но «кто можетъ поручиться за то, что въ Россіи не возьметъ верхъ другая, враждебная Пруссіи система?»

Послѣдовалъ дальнѣйшій обмѣнъ писемъ между монархами, не приведшій къ положительному результату. Въ Пруссіи, кромѣ короля и Бисмарка, никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ этой перепискѣ.

Этимъ мы заканчиваемъ разсмотрѣніе труда Зибеля. Дальнѣйшія описываемыя имъ событія, хотя частью касаются и Россіи, имѣютъ слишкомъ отрывочный характеръ и изложеніе ихъ мы отложимъ до появленія въ свѣтъ слѣдующихъ томовъ его сочиненія.

М. Филипповъ.

ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СУДЕБЪ ЗАПАДНАГО КРАЯ [1].

НОВЫЙ ТОМЪ предпринятыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ популярныхъ историческихъ очерковъ сѣверо- и юго-западной окраины Россіи посвященъ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Подобно первымъ двумъ томамъ,—«Холмской Руси» и «Волыни»,—заключительный томъ этой трилогіи, съ внѣшней стороны, не оставляетъ ничего желать, по отношенію къ поставленной цѣли. Новое изданіе П. Н. Батюшкова принадлежитъ къ рѣдкимъ у насъ образчикамъ общедоступно-художественныхъ изданій, и тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что предназначено къ ознакомленію читающей массы съ безвѣстными или забытыми памятниками прошлаго въ одной изъ самыхъ интересныхъ окраинъ нашего отечества. Правда, собственно говоря, избранная для историческаго описанія область западной Россіи не вполнѣ закончена, такъ какъ изъ предувѣдомленія издателя видно, что Подолія и Бессарабія ожидаютъ еще своего описанія. Но это очевидно не мѣшаетъ полнотѣ появившихся въ свѣтъ томовъ предпринятаго труда, такъ какъ именно съ ними соединяются главнѣйшіе моменты исторической жизни западно-русской народности. Наглядное упоминаніе объ этихъ моментахъ не безъ основанія считается особенно умѣстнымъ въ настоящую эпоху, эпоху затишья послѣ четверть-вѣковыхъ усилій къ подавленію послѣдствій вооруженнаго мятежа, послѣ почти столѣтнихъ хлопотъ съ доставшимися намъ по польскимъ раздѣламъ древними русскими областями.

---

[1]) «Бѣлоруссія и Литва». Историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края. Съ высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Спб. 1890.

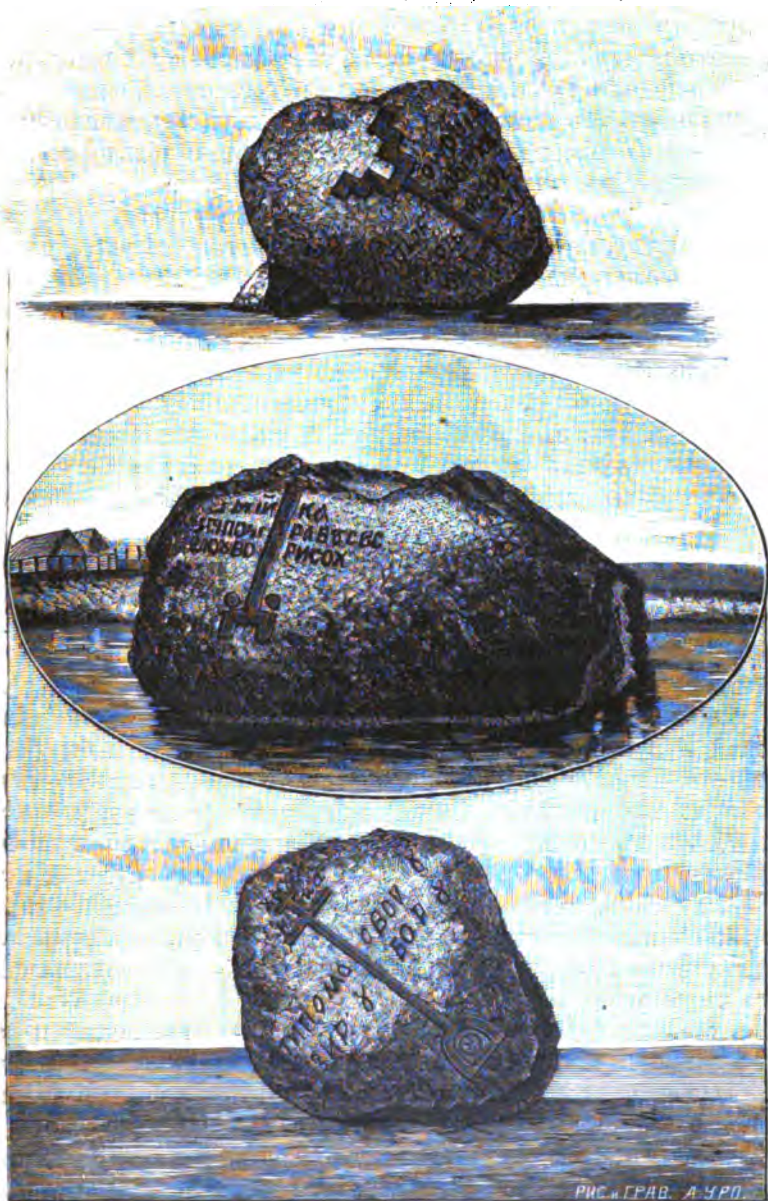
Издатель опредѣлительно объясняетъ причины, побудившія министерство внутреннихъ дѣлъ «обратить вниманіе на исторію западныхъ окраинъ и приступить къ изслѣдованію и изданію ихъ древностей». Дѣло въ томъ, что «неоспоримыя народныя права Россіи на западныя ея окраины» затемнялись въ періодической печати, и даже въ исторической литературѣ, благодаря тенденціознымъ, а иногда и прямо апокрифическимъ источникамъ (польскаго происхожденія) по статистикѣ и этнографіи западныхъ губерній Россіи. Началомъ принявшаго впослѣдствіи болѣе обширные размѣры дѣла были предпринятыя покойнымъ государемъ, предъ послѣднимъ польскимъ возстаніемъ, поддержка и обновленіе православныхъ церквей, которыя въ имѣніяхъ польскихъ помѣщиковъ (да и не въ нихъ однихъ) находились въ плачевномъ состояніи. П. Н. Батюшкову ввѣрено было «предварительное обозрѣніе церковныхъ построекъ и точное опредѣленіе числа прихожанъ по каждому приходу отдѣльно». Разработка собранныхъ на мѣстѣ данныхъ повела къ цѣлому ряду научныхъ и художественныхъ изданій о составѣ населенія и памятникахъ старины въ Западномъ краѣ, который завершился популярно-художественными очерками въ упомянутой трилогіи. Какъ вторая книга трилогіи «Волынь» была пріурочена къ юбилейному празднованію девятисотлѣтія христіанства въ Россіи, такъ «Бѣлоруссія и Литва» находится, по содержанію и рисункамъ, въ близкомъ соотношеніи съ прошлогоднимъ 50-лѣтіемъ возсоединенія уніатовъ, хотя и не совпала съ нимъ по своему появленію въ свѣтъ.

Содержаніе новой книги, вообще аналогичное съ предъидущими по своему плану, распадается на два отдѣла: историческій очеркъ Бѣлоруссіи и Литвы, составленный профессорами кіевской духовной академіи Н. И. Петровымъ и И. И. Малышевскимъ, и современный, заключающій въ себѣ изложеніе внутренняго объединенія Сѣверо-Западнаго края съ Россіей, возсоединенія уніатовъ, возстановленія въ краѣ православія и русской народности. Монографіи, составляющія этотъ отдѣлъ, вмѣстѣ съ редакціей всего изданія, принадлежатъ извѣстному спеціалисту по литературѣ Западнаго края М. И. Городецкому, подъ наблюденіемъ котораго выпущены въ свѣтъ и первыя двѣ книги трилогіи. Чтобъ не возвращаться болѣе къ внѣшней сторонѣ изданія, прибавимъ, что въ книгѣ «Бѣлоруссія и Литва» помѣщены одна хромолитографія и 99 гравюръ, не считая 20 заставокъ и иниціаловъ. Все это изготовлено спеціально для этого изданія лучшими художниками и граверами. Наконецъ, самые рисунки состоятъ изъ 14 священныхъ изображеній, 33 портретовъ, 37 видовъ замѣчательныхъ мѣстностей и зданій и 16 разныхъ изображеній; есть карта Бѣлоруссіи и Литвы, съ обозначеніемъ историческихъ границъ. Изъ числа портретовъ— изображеніе императора Николая I было уже помѣщено въ «Холм-

ской Руси» и «Волыни», но такъ какъ книгъ этихъ, по слухамъ, давно уже нѣтъ въ продажѣ, то воспроизведеніе не только этого, но также и нѣкоторыхъ другихъ рисунковъ, подходящихъ къ тексту, очень кстати для читателей такой книги, какъ настоящая. Достоинство и интересъ рисунковъ можно видѣть изъ приведенныхъ въ нашемъ журналѣ нѣсколькихъ образчиковъ.

Для правильнаго взгляда на изданіе, должно помнить его цѣль и самую публику, для которыхъ непосредственно выпущены въ свѣтъ эта книга и двѣ предшествовавшія. Изданіе это «предназначено преимущественно для руководства учителямъ народныхъ школъ и вообще для широкаго распространенія на западѣ Россіи», т. е. для массы грамотныхъ людей. Такимъ образомъ, мы, прежде всего, имѣемъ дѣло съ историческими очерками, послѣдовательно веденными отъ временъ Полоцкаго княжества и даже раньше, съ интересными рисунками древностей частію изъ тѣхъ же, частію изъ новѣйшихъ временъ. Таковы изъ древнихъ временъ, напримѣръ, воспроизводимые у насъ «Двинскіе камни» съ высѣченнымъ на нихъ именемъ полоцкаго князя Бориса Всеславича, поставленные въ ознаменованіе какихъ-либо особыхъ событій и вѣроятнѣе всего сооруженія храмовъ: сыновья Всеслава полоцкаго отличались благочестіемъ, какъ и самъ онъ, хотя и перешелъ въ лѣтопись съ репутаціей чародѣя, показывающей, впрочемъ, только даровитость этого потомка Рогнѣды, постояннаго соперника прямой Владиміровой линіи. Тѣмъ не менѣе, историческій характеръ изданія, особенно восходящій къ столь глубокой древности, ко временамъ лѣтописнымъ, не долженъ заслонять современнаго, несомнѣнно политическаго значенія книги, въ которомъ для обыкновенныхъ читателей, вѣроятно, и будетъ состоять, помимо художественной стороны, преобладающее значеніе этихъ изданій министерства внутреннихъ дѣлъ.

Историческая часть книги, хотя очень интересная по рисункамъ и по подбору источниковъ изложенія, должна бы служить въ качествѣ своего рода pièce justificative для политическихъ выводовъ, соотвѣтствующихъ интересамъ современности; впрочемъ, она и сама по себѣ можетъ имѣть непосредственное значеніе, особенно для той публики, которой предназначена и которая, быть можетъ, не имѣетъ возможности знакомиться въ подлинникѣ съ многочисленными и многотомными трудами, относящимися къ исторіи западной Россіи. Мы дѣлаемъ эту оговорку для выясненія, что, сообразно съ цѣлью изданія, не долженъ казаться страннымъ и постепенный, какъ бы генетическій переходъ въ изложеніи отъ Всеслава и другихъ Полоцкихъ князей, когда еще и понятія не было о Бѣлоруссіи и Литвѣ въ нашемъ смыслѣ, къ исторіи этой самой Литвы, въ соединеніи съ Польшей, къ раздѣламъ послѣдней, и къ самымъ новѣйшимъ временамъ, до Муравьева включительно.

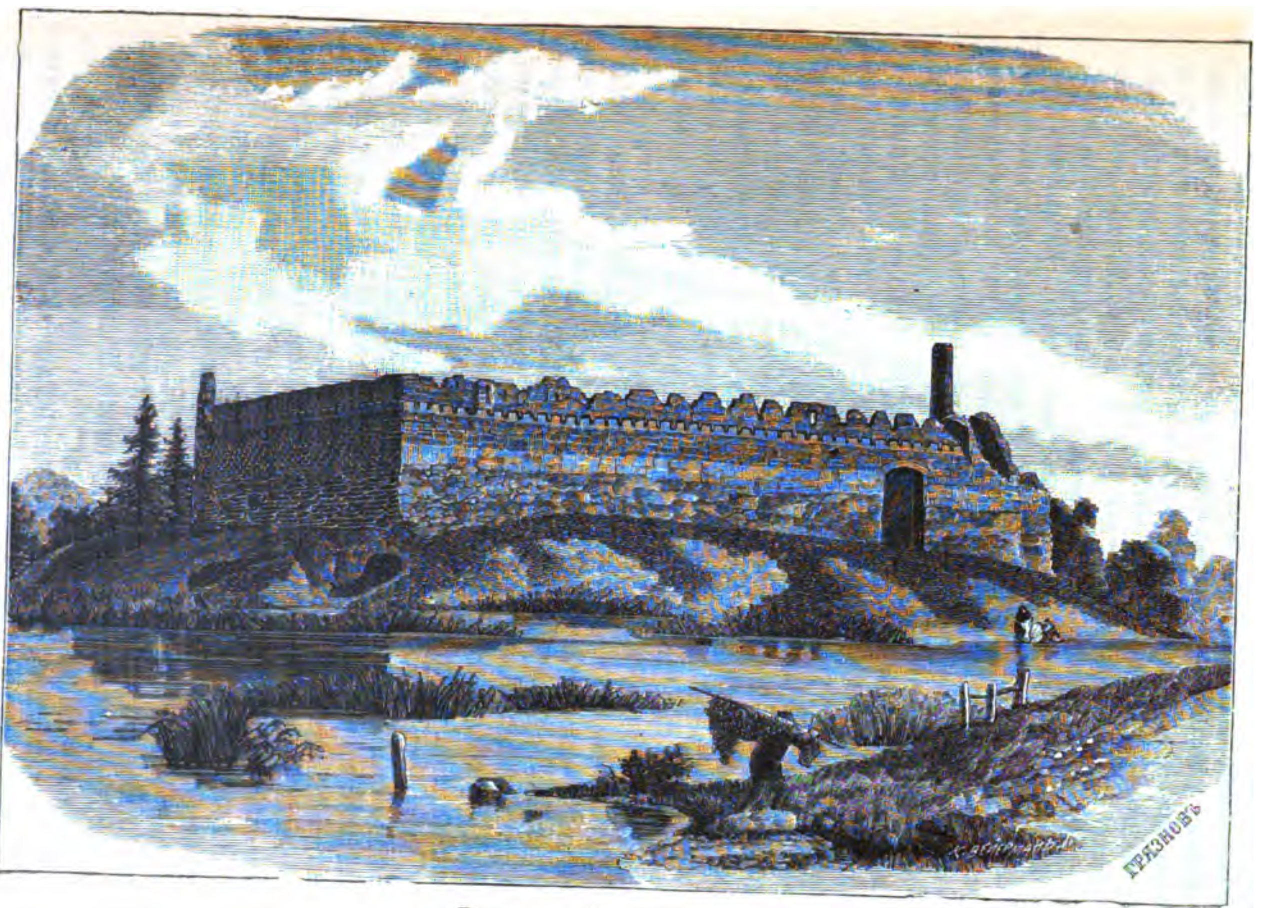


Двинскіе камни князя Бориса Всеславича.

Относительно «Волыни» намъ приходилось слышать выраженія недоумѣнія въ такомъ смыслѣ, что книга начинается крещеніемъ Руси, временами Владиміра святаго, съ его изображеніемъ, и кончается портретами и дѣятельностью гр. Блудовыхъ, — дѣятелей, весьма почтенныхъ и много сдѣлавшихъ въ новѣйшій періодъ исторіи Юго-Западнаго края, но, какъ каждый согласится, развѣ только въ строго мѣстномъ историческомъ порядкѣ укладывающихся на одну линію съ просвѣтителемъ Руси. Съ этой только мѣстной точки зрѣнія можно доходить и въ настоящей книгѣ отъ Всеслава до Муравьева, безъ внутренняго историческаго сродства между подобными именами; того требуетъ, повидимому, послѣдовательность въ мѣстномъ ознакомленіи съ судьбами края, который географически извѣстенъ подъ именемъ Бѣлоруссіи и Литвы. Здѣсь же можно усмотрѣть наглядное доказательство историческихъ, народныхъ правъ Россіи на области, чуть было не утратившіяся совсѣмъ для Россіи въ послѣдующія, смутныя и неопредѣленныя времена, когда польскій элементъ, съ католичествомъ и уніей, казалось, окончательно торжествовалъ въ этихъ древнихъ русскихъ земляхъ.

Съ этой точки зрѣнія, не лишено поучительности, послѣ полу-«чародѣйскихъ» временъ Всеслава и иныхъ удѣльныхъ полоцкихъ князей, перенестись въ болѣе сформировавшуюся эпоху, памятникомъ которой служитъ помѣщаемое у насъ изображеніе развалинъ сооруженнаго еще Гедиминомъ Лидскаго зàмка, въ нынѣшней Виленской губерніи. Это — эпоха недолговременной государственной особности литовской земли, долго сохранявшей язычество, а потомъ раздѣлившейся между православіемъ и католичествомъ, между польской и русской культурой. Это эпоха колебаній и борьбы за народность, за религію, разрѣшившаяся, однакожъ, перевѣсомъ полонизма до того полнымъ, по внѣшности, что даже русскіе историки только въ новѣйшее время (съ Устрялова) стали включать государственную жизнь Литвы въ общее изложеніе русской исторіи. Между тѣмъ, естественный ходъ событій послѣдней направлялся, какъ напоминается въ книгѣ г. Батюшкова, «къ сознательному, внутреннему объединенію всѣхъ русскихъ земель подъ властью одного государя».

Изъ этой эпохи, кромѣ церквей, церковныхъ рукописей и развалинъ зàмковъ, кромѣ слѣдовъ и преданій недавняго еще язычества, (задержавшагося, какъ сказано, въ Литвѣ, частію благодаря ея непроходимымъ лѣсамъ, особенно долго, сравнительно съ остальной Европой), кромѣ памятниковъ борьбы съ нѣмцами, остаются кое-какія не вещественныя указанія, которыя не лишнее выставить на видъ и въ наше время, не смотря на историческую пропасть, отдѣляющую обѣ эпохи въ просвѣтительномъ отношеніи. Мы разумѣемъ не только существованіе государственнаго въ Литвѣ языка — русскаго, но, что особенно характерно при тогдашнемъ господствѣ рус-



Развалины Лидскаго замка,

скаго языка, появленіе русскаго католичества, въ отличіе какъ отъ католичества польскаго, такъ и отъ восточнаго русскаго православія, распространившагося также по Литвѣ. «Къ концу XIV вѣка Литва получила уже сильную русскую окраску и съ теченіемъ времени могла бы совершенно слиться съ русской народностью и по вѣрѣ, и по языку»,—говоритъ авторъ, хотя, повторяемъ, само по себѣ католичество носило тогда еще русскій оттѣнокъ въ Литвѣ и могло бы продолжаться въ этомъ направленіи, безъ отождествленія съ польской народностью, какъ случилось впослѣдствіи. Какъ бы то ни было, «еслибы такое теченіе дѣлъ продолжалось еще нѣкоторое время»,—говоритъ польскій историкъ Ярошевичъ въ воспроизводимыхъ въ книгѣ г. Батюшкова выраженіяхъ,—«то Литва, усвоивъ себѣ русскій языкъ, русскіе обычаи, частію и русское законодательство, принимая русское вѣроисповѣданіе съ духовной властью русской церкви и вступая часъ отъ часу въ болѣе тѣсныя сношенія съ цѣлой Русью посредствомъ семейныхъ связей своихъ князей, перемѣнила бы свою литовско-языческую народность на русскую». Отсюда могло произойти и государственное соединеніе съ Русью, возможность котораго не разъ давала себя знать въ исторіи. Раньше или позже Литовское и Русское государства, безъ сомнѣнія, объединились бы, избѣгнувъ кровавыхъ распрей, долго ослаблявшихъ обѣ народности.

Противоположный поворотъ дѣламъ, говоритъ авторъ, далъ Ягелло, примкнувшій къ чуждому Литвѣ по развитію польскому государству и польско-католической вѣрѣ. Литовское католичество было ополячено, благодаря послѣдствіямъ этого шага; изъ мирнаго, хорошо уживавшагося наряду съ православіемъ, оно сдѣлалось воинствующимъ, усвоивъ себѣ тѣ элементы, какіе сообщила религіи польская исторія. Нельзя, однакожъ, называть политику Ягелла противоестественною: она была результатомъ колебательнаго, неустановившагося еще состоянія Литовскаго государства, не смотря на существованіе мудрыхъ правителей, какими были Гедиминъ и Ольгердъ, результатомъ дробленія государства на удѣлы, допущеннаго самимъ Ольгердомъ, послѣдствіемъ и географическаго положенія Литвы между Русью и Польшей, подобно положенію впослѣдствіи самой Польши между Россіей и нѣмецкими государствами. Наконецъ, нельзя упускать изъ вида внутренніе раздоры въ Литвѣ, вынуждавшіе соперниковъ искать точки опоры гдѣ бы то ни было, и существованіе въ самой Польшѣ роковой для нея тенденціи,—стремленія на востокъ.

Нужно помнить, впрочемъ, что не на одномъ Ягеллѣ и полякахъ лежитъ историческая вина за окончательное соединеніе Литвы съ Польшей. Соединеніе это долго фактически не укладывалось; литовцы имѣли отдѣльное управленіе, отдѣльныхъ государей, изъ которыхъ Витовтъ, по своимъ дарованіямъ, не уступилъ бы любому польскому

королю и многихъ превосходилъ въ этомъ отношеніи. Даже въ эпоху послѣдующихъ Ягеллоновъ, когда у Литвы и Польши былъ одинъ государь, но отдѣльно избираемый, до люблинской уніи 1569 года, совершенной литовскими чинами неохотно, подъ страхомъ, Литва была, въ сущности, раздѣлена отъ Польши. Но болѣе тѣсное сближеніе съ послѣдней указывалось тогдашними обстоя-

Фрески Супрасльскаго собора начала XVI вѣка.

тельствами; къ числу ихъ должно отнести, между прочимъ, и жестокости Ивана Грознаго, отбивавшія охоту поступать подъ его власть, отъ которой, какъ извѣстно, даже убѣгали въ Литву.

Но въ первое время и люблинская унія была такъ не прочна, что по смерти Сигизмунда-Августа и по смерти Стефана Баторія среди литовскихъ вельможъ не исчезала мысль посадить на литовскій престолъ отдѣльнаго государя: будь это московскій царь или другое, постороннее лицо, для Литвы, во всякомъ случаѣ,

было бы лучше отдѣлиться отъ начавшаго вслѣдъ затѣмъ клониться къ упадку польскаго государства. Конечно, въ томъ и другомъ случаѣ, Литвѣ предстояло въ будущемъ единеніе съ Россіей подъ какой бы ни было формой, но, при обособленіи отъ Польши, единеніе это, повторяемъ, могло быть достигнуто болѣе мирнымъ путемъ.

Возвращаясь назадъ, ко второй половинѣ XV столѣтія, должно замѣтить, что благодаря неизмѣнному выбору поляками литовскихъ князей въ короли Польши, государственная, общественная и церковная жизнь литовско-русскаго государства подвергается сильному вліянію польско-католическихъ началъ (католичество литовское тогда ополячилось), чуждаго строя жизни, состоявшаго въ расширеніи правъ дворянства въ ущербъ какъ верховной власти, такъ и остальному населенію, съ закрѣпощеніемъ простаго народа. Въ разсматриваемой книгѣ тщательно отмѣчены признаки самостоятельной борьбы противъ этого вліянія въ самомъ народѣ, которая стала пріурочиваться больше всего къ православной вѣрѣ и церкви: заботы о благоустройствѣ послѣдней, о постройкѣ храмовъ, о церковно-общественной благотворительности, о просвѣщеніи въ православно-духовномъ смыслѣ, образованіе церковныхъ братствъ—вотъ способы того мирнаго протеста, какимъ себя заявлялъ литовско-русскій народъ, пока еще это было для него возможно. А такая возможность постоянно умалялась подъ вліяніемъ нововведеній, имѣвшихъ цѣлью ополяченіе литовско-русскаго государства: вѣчевое устройство городовъ, старинное русское наслѣдіе, замѣнено было магдебургскимъ правомъ, единство города и земли нарушено, безъ всякой пользы для того и другой. Но больше всего въ упомянутомъ смыслѣ должна была дѣйствовать церковная унія, которую старались ввести въ русскихъ областяхъ польскіе ихъ государи; впрочемъ, даже при Казимірѣ IV, особенно усердномъ ревнителѣ польскихъ началъ, православные не только не соглашались на общеніе съ уніею, но и самое число православныхъ все возростало. Напоръ католичества и уніи вызывалъ въ народѣ сопротивленіе, оплотами котораго дѣлались православные монастыри, умножавшіеся въ это время по численности. Славянорусская церковная письменность, литовскія лѣтописи также не остались безъ вліянія на сохраненіе въ народѣ его особенностей и языка. Самое же важное то, что подъ вліяніемъ гоненій на православіе цѣлыя литовско-русскія области съ князьями тогда переходили къ московскому государю, которымъ былъ еще Иванъ III, принявшій титулъ «государя всея Руси», слѣдовательно, и Руси литовской. Такъ, между прочимъ, перешли знаменитые впослѣдствіи князья Одоевскіе и Воротынскіе. Извѣстны постоянные раздоры Москвы съ Литвой, при Александрѣ, зятѣ Ивана III, и при послѣднихъ Ягеллонахъ. Благодаря, впрочемъ, вѣротерпимости первыхъ двухъ Сигизмундовъ, особенно второго изъ нихъ, при которомъ

(въ XVI столѣтіи) умножились протестантскія секты, въ средѣ самихъ православныхъ оживились средства борьбы противъ иновѣрцевъ, учреждались общежительные монастыри, богадѣльни, братства, школы, книгопечатни. Бѣжавшій изъ Москвы книгопечатникъ

Іосифъ Солтанъ, литовскій православный митрополитъ.

Иванъ Ѳедоровъ напечаталъ въ Заблудовѣ (въ нынѣшней Гродненской губерніи), въ 1569 г., «евангеліе учительное» на простонародномъ западно-русскомъ языкѣ, а затѣмъ издалъ еще псалтирь съ часословцемъ. «Московскіе книгопечатники положили основаніе двумъ прочнымъ книгопечатнямъ въ западной Россіи, въ

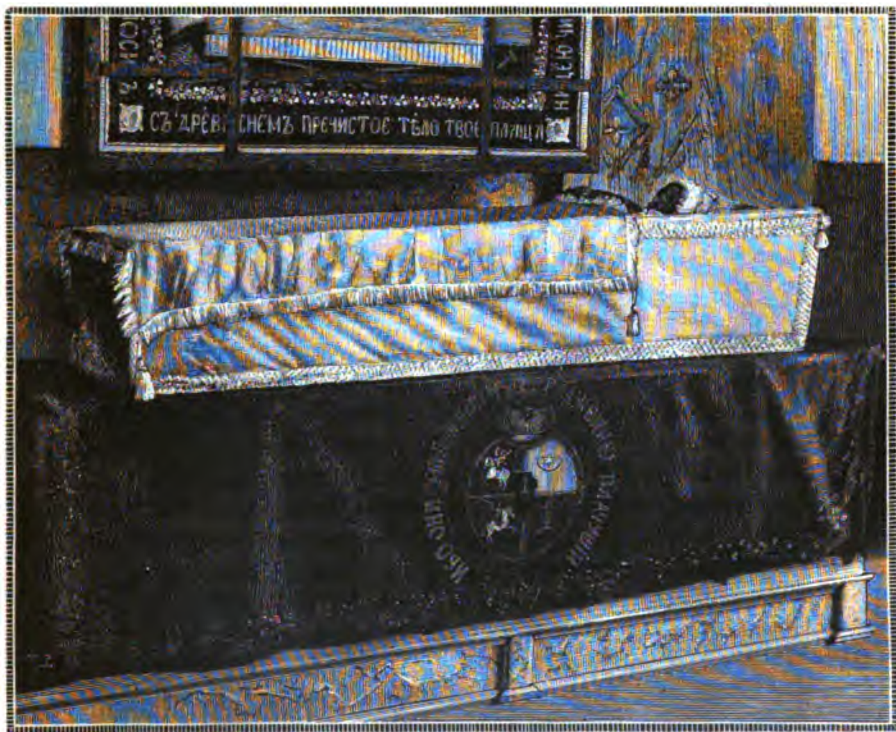
Вильнѣ и Острогѣ». Въ XVI же столѣтіи составленъ сборникъ западно-русскихъ законовъ и привилегій, извѣстный подъ именемъ литовскаго статута, и впервые напечатанъ въ виленской типографіи на русскомъ языкѣ.

Изъ памятниковъ православнаго церковнаго зодчества за это время замѣчателенъ Супрасльскій монастырь (въ нынѣшней Гродненской губерніи), основанный въ концѣ XV вѣка великимъ маршаломъ литовскимъ Ходкевичемъ (впослѣдствіи извѣстная польская католическая фамилія), пригласившимъ въ новую обитель иноковъ изъ Кіево-Печерской лавры, «въ видахъ защиты православія отъ начинавшейся латинской пропаганды». Замѣчательны фрески Супрасльскаго собора, относящіяся къ первой половинѣ XVI вѣка и составляющія «образецъ лучшаго періода православной иконописи». Мы воспроизводимъ изъ нихъ изображеніе благословляющаго Спасителя, въ срединѣ восьмиконечной звѣзды, занимающей сводъ купола, съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и съ огненными херувимами въ оконечностяхъ звѣзды. Въ пояснительномъ текстѣ къ рисункамъ, составленномъ М. И. Городецкимъ, приведены интересныя подробности о слѣдахъ варварства и кощунства, какія позволяли себѣ католики и уніаты по отношенію къ русской иконописи, между прочимъ, и въ Супрасльскомъ храмѣ; оживленіе въ новѣйшее время вниманія къ православнымъ древностямъ Западнаго края сказалось тѣмъ, что «въ 1887 г. фрески, закрытыя известью, отчищены сухимъ способомъ и варварскія поврежденія исправлены».

Вотъ, кстати, характерная выдержка изъ письма знаменитаго кіевскаго митрополита Петра Могилы о Супрасльскомъ монастырѣ: «гдѣ тѣ древнія иконы, которыя украшены были серебряными позлащенными ризами: онѣ обращены уніатами на свои надобности; вмѣсто же серебряныхъ иконъ поставлены въ церкви полотняныя, итальянскія. Хорошо мѣняются съ Богомъ: Ему полотно писанное, а себѣ серебро вызолоченное».

Мы упомянули о великомъ маршалѣ литовскомъ Ходкевичѣ, потомки котораго, подобно многимъ литовскимъ родамъ, такъ ополячились, что даже нападали на основанный ихъ предкомъ Супрасльскій монастырь. Ополяченіе и окатоличеніе литовскихъ, когда-то православныхъ фамилій, принимавшихъ дѣятельное участіе въ церковныхъ дѣлахъ, составляетъ общеизвѣстный историческій фактъ: къ числу ихъ принадлежали и потомки ревнителя православія, князя Константина Острожскаго, принадлежитъ и нынѣшняя «польская династія» Чарторыйскихъ, происходящихъ также отъ литовскаго корня. Въ числѣ совратившихся былъ и родъ прежнихъ защитниковъ и оберегателей православной церкви, Олельковичей, изъ рода князей Слуцкихъ. Осталась вѣрною православію лишь послѣдняя наслѣдница князей Слуцкихъ, Софія Юрьевна Олельковна, скончавшаяся уже въ началѣ XVII столѣтія. Рисунокъ ея

гробницы также воспроизведенъ у насъ. По мужу она носила фамилію Радивилъ (которая и удержана въ книгѣ), впослѣдствіи полонизованную, съ превращеніемъ въ Радзивиловъ. Можно сказать, цвѣтъ позднѣйшей польской аристократіи вышелъ изъ литовскихъ фамилій: такъ полна была, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ классахъ общества, окончательная побѣда полонизма надъ литовско-русскимъ элементомъ; различные фазисы борьбы литовско-русскаго



Гробница Софіи Юрьевны Олельковны, по мужу Радивилъ, нетлѣнно почивающей въ Слуцкомъ-Троицкомъ монастырѣ.

народа за свою самостоятельность принадлежатъ къ интереснѣйшимъ страницамъ книги.

Въ XVII столѣтіи наступило тяжелое для западно-русской православной церкви время усиленной борьбы съ уніей, изъ которой, однакожъ, православная общественность выходила съ честью, не смотря на свои сравнительно слабыя силы, не смотря на многочисленныя измѣны въ собственныхъ рядахъ, въ рядахъ православныхъ вельможъ и дворянъ. Католическое изувѣрство, при ревностномъ католикѣ Сигизмундѣ III, имѣя орудіемъ унію, выставляло къ борьбѣ съ православіемъ свои наиболѣе дѣятельныя или, вѣр-

нѣе, фанатическія силы въ родѣ Іосафата Кунцевича, убитаго въ 1623 г. народомъ въ Витебскѣ и за то впослѣдствіи канонизованнаго римскою церковью. Это даетъ понятіе о расширеніи предѣловъ борьбы и ея обостреніи. По мѣрѣ ослабленія Польши и усиленія политическаго могущества Россіи, послѣдняя пріобрѣтала естественный поводъ къ вмѣшательству въ польскія дѣла, для

Мелетій Смотрицкій, полоцкій архіепископъ.

покровительства своимъ единовѣрцамъ. Временамъ послѣднихъ Ягеллоновъ въ Польшѣ не суждено было повториться, и несчастное государство быстро шло къ своему разложенію.

Не имѣя въ виду вдаваться здѣсь въ послѣдовательный ходъ событій, изложенныхъ въ книгѣ г. Батюшкова, остановимся только на тѣхъ моментахъ, которые необходимы для поясненія нашихъ рисунковъ. Вотъ характерная личность изъ русско-литовскаго общества временъ исповѣдной борьбы XVII столѣтія. Это даро-

витый Мелетій Смотрицкій, архіепископъ полоцкій, оставившій по себѣ имя и въ исторіи русскаго просвѣщенія своей грамматикой, которая, до появленія грамматики Ломоносова, была руководствомъ во всѣхъ русскихъ школахъ; составленная для братской школы виленскаго Свято-Духовскаго монастыря, гдѣ Смотрицкій занимался преподаваніемъ, она была въ 1648 г. перепечатана

Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Захарій Григорьевичъ Чернышевъ.

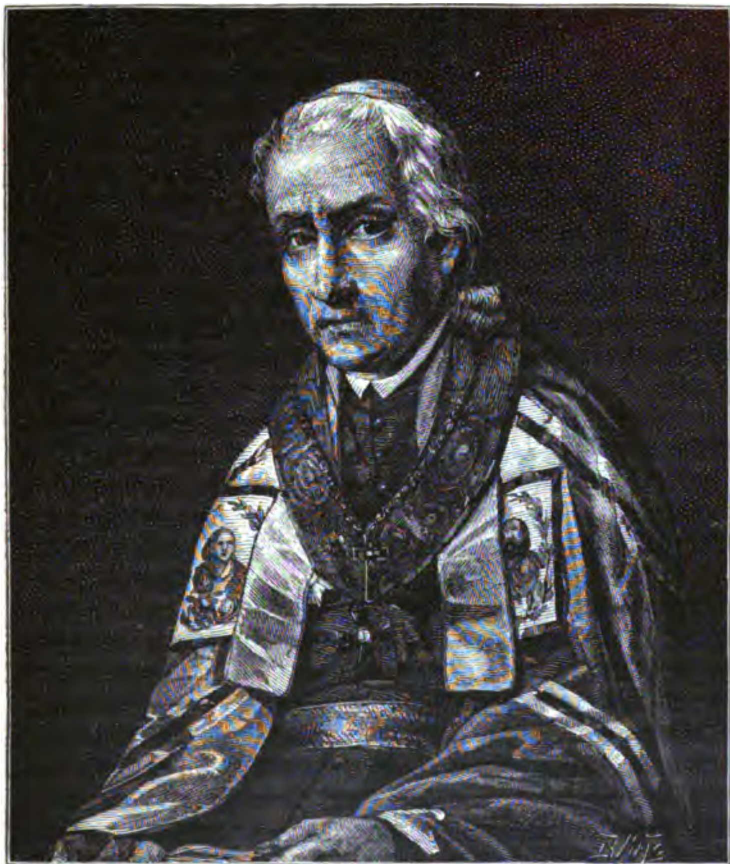
въ Москвѣ. Но это не единственный трудъ Смотрицкаго: кромѣ проповѣдей, посланій, обличительныхъ сочиненій по своей каѳедрѣ, ему принадлежитъ составленіе лексикона. Въ цитируемомъ въ разсматриваемой книгѣ сочиненіи «Ѳриносъ» (плачъ) авторъ, отъ лица православной церкви, оплакиваетъ совращеніе въ латинство лучшихъ западно-русскихъ родовъ, какъ-то: Вишневецкихъ, Сангушекъ, Чарторыйскихъ, Ходкевичей, Сапѣгъ и другихъ «безъ числа», негодуетъ на отступниковъ и угнетателей православія, притомъ и

самъ терпитъ не мало испытаній, притѣсненій отъ завистниковъ и религіозныхъ противниковъ, и по подозрѣнію въ содѣйствіи убіенію Кунцевича подвергается даже проклятію отъ уніатскаго митрополита Рутскаго. Быть можетъ, подъ вліяніемъ этого, въ концѣ концевъ, Мелетій Смотрицкій самъ совращается въ унію, задумавъ пункты соглашенія уніатовъ съ православными; затѣмъ, торжественно отрекается отъ своихъ заблужденій, въ присутствіи православныхъ іерарховъ и народа, въ церкви Печерской лавры, и чрезъ нѣсколько дней бѣжитъ изъ Кіева и окончательно присоединяется къ уніи. Можно бы сказать, что это, въ миніатюрѣ, Оригенъ русскаго православія. Судьба Мелетія Смотрицкаго наглядно показываетъ, какое дѣйствіе даже на отдѣльныя впечатлительныя личности производили религіозная борьба и преслѣдованія, вообще рознь между русскимъ православнымъ и польскимъ или полонизованнымъ населеніемъ нынѣшней Литвы въ царствованіе Сигизмунда III. Съ другой стороны, эти же событія содѣйствовали взаимному сплоченію людей съ болѣе сильнымъ характеромъ, съ твердыми убѣжденіями, для противодѣйствія насиліямъ, и это сплоченіе не преминуло принять политическій характеръ. Въ послѣдніе годы Сигизмунда III весьма замѣтнымъ становится сближеніе между собою, для защиты общаго дѣла православія, и представителей православнаго духовенства, и дворянъ, и церковныхъ братствъ, и казачества, которые, не надѣясь на однѣ собственныя силы, обращаются съ просьбою о помощи къ единовѣрному царю московскому. Такимъ образомъ, для православія и русской народности въ западной Россіи открывалось болѣе прочное будущее развитіе, которое надвигалось съ неизбѣжностью исторической судьбы.

Невольно является вопросъ, куда пропали въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ западно-русскаго общества этотъ активный духъ, эта умѣлая защита себя и своей религіи отъ притѣсненій и насилій? Въ примѣненіи къ современности, книга г. Батюшкова оказываетъ большую услугу уже самымъ напоминаніемъ о подробностяхъ проявленій русской общественности въ тѣ шаткія, переходныя времена, когда нестройная польская государственная машина клонилась къ упадку, когда послѣдніе слѣды древней литовско-русской государственной самостоятельности пропадали, поглощаемые тѣмъ же нестройнымъ политическимъ тѣломъ, а болѣе прочное общественно-политическое сближеніе съ единовѣрной Россіей не могло еще проявиться до времени, задерживаемое разными, иногда даже случайными причинами.

Случайными мы называемъ, напримѣръ, причины, побудившія царя Алексѣя Михайловича выпустить изъ рукъ счастливо сдѣланныя пріобрѣтенія древнихъ западно-русскихъ земель. Случайными же были, послѣ Петра I, намѣтившаго позднѣйшую русскую политику относительно изнемогавшей Польши, причины слабости

той же русской политики, занятой своими придворными интригами, до временъ Елисаветы и даже до Екатерины II. Только эта императрица уже восполнила программу Петра относительно западной границы Россіи: подъ такой программой мы разумѣемъ сдѣланныя Петромъ отъ Швеціи пріобрѣтенія, послѣ которыхъ возвратъ древнихъ западно-русскихъ областей, вдававшихся клиномъ въ остальную



Іосафатъ Булгакъ, греко-уніатскій митрополитъ.

Россію, былъ только вопросомъ времени, независимо даже отъ формы «польскихъ раздѣловъ», въ силу которыхъ этимъ областямъ пришлось возсоединиться съ Россіей. По тому или другому поводу,— рано или поздно, области эти должны были возвратиться къ Россіи.

Теперь, когда ходъ событій, непосредственно обусловившихъ собою и сопровождавшихъ паденіе Польши, достаточно выясненъ новѣйшими историческими изысканіями какъ въ русской, такъ и въ самой польской литературѣ,— остается далеко не вполнѣ еще

освѣщенною внутренняя исторія, формировка внутренней жизни западно-русскихъ областей по возвращеніи ихъ подъ русскую власть. Въ польской литературѣ появляются многотомныя изслѣдованія о четырехлѣтнемъ сеймѣ, монографіи о развитіи польскихъ идей, напримѣръ, даже въ такомъ небольшомъ центрѣ, какимъ послѣ паденія государственной независимости Польши сдѣлались одно время Пулавы, резиденція Чарторыйскихъ. Поучительна была бы болѣе подробная, чѣмъ та, какую можно найти въ нашей литературѣ, характеристика быта и, въ особенности, руководящихъ политическихъ идей въ нестройномъ обществѣ, населявшемъ возвращенныя отъ Польши русскія области. Главнѣйшія подобнаго рода свѣдѣнія и данныя, въ примѣненіи по преимуществу къ религіозной жизни, мы находимъ и въ изложеніи г. Городецкаго.

Не будетъ ошибкою сказать, что, преслѣдуя исключительно внѣшне государственныя цѣли, мы неизбѣжно упускали изъ вида возможное возстановленіе старыхъ русскихъ началъ въ жизни общественной, да и трудно было поправлять чтò-либо въ этомъ отношеніи при существованіи крѣпостного права, съ тѣми же польскими помѣщиками, дававшими тонъ и мѣстному обществу, съ приниженнымъ предъ этими магнатами русскимъ духовенствомъ и чиновниками, не говоря уже о горожанахъ и крестьянахъ. Общеизвѣстно замѣчательное въ своемъ родѣ явленіе, что наибольшее развитіе полонизма въ возвращенныхъ отъ Польши областяхъ проявилось уже послѣ самого ихъ возвращенія. Нагляднымъ доказательствомъ этого служатъ нѣкоторые рисунки старинныхъ церквей въ книгѣ г. Батюшкова, возобновленныхъ уже въ наше время. Въ XVII столѣтіи внѣшность нѣкоторыхъ изъ этихъ церквей была еще очень удовлетворительною. Въ началѣ текущаго столѣтія онѣ, напротивъ, проявляли уже большіе признаки упадка, который достигалъ крайней степени въ періодъ предъ послѣднимъ польскимъ возстаніемъ: таковы Пятницкая церковь и Пречистенскій соборъ въ Вильнѣ, наглядно показывающіе замираніе русской общественности въ Западномъ краѣ предъ 60-ми годами. Какъ этотъ мертвенный бытъ не похожъ на ту оживленную картину своего рода общественной же дѣятельности, какую въ литовско-русскихъ областяхъ рисуетъ разсматриваемая книга въ церковно-общественномъ отношеніи во времена, положимъ, Владислава IV, непосредственно слѣдовавшія за упомянутымъ уже нами католическимъ гоненіемъ его родителя. Ближайшія, историко-бытовыя подробности, подготовившія плачевную картину 60-хъ годовъ въ Западномъ краѣ, составили бы очень любопытную страницу прошлаго въ исторіи текущаго столѣтія. Въ изложеніи г. Городецкаго, впрочемъ, находимъ упоминаніе о виленскихъ университетскихъ обществахъ 20-хъ годовъ, о просвѣтительныхъ планахъ Чацкаго (въ «Волыни»); но въ общемъ исторія западныхъ нашихъ областей, со времени возсоединенія, сводится къ

Дѣятели возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью:
Епископъ Василій Лужинскій. Архіепископъ Антоній Зубко. Епископъ Игнатій Желѣзовскій.
Епископъ Михаилъ Голубовичъ. Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко. Протопресв. Антоній Тупальскій.

разсмотрѣнію мѣропріятій того или другого свѣтскаго администратора (первымъ былъ графъ Чернышевъ, портретъ котораго, у насъ воспроизводится)—и къ церковно-общественнымъ преобразованіямъ, видимымъ объектомъ которыхъ была унія, эта, по выраженію императора Павла, «ни рыба, ни мясо».

Относительно положенія католицизма въ Россіи у насъ преобладали различные взгляды, обусловливаемые преимущественно государственными соображеніями. Императоръ Павелъ ему даже покровительствовалъ, желая общей борьбы противъ невѣрія, какъ исчадія страшившей тогда многихъ французской революціи; но относительно уніи было больше единообразія въ мнѣніяхъ. Авторъ послѣднихъ главъ разсматриваемой книги упрекаетъ Екатерину II за пробѣлы въ ея польской политикѣ, слѣдствіемъ которой была искусственная задержка «естественнаго влеченія уніатовъ къ православію». Однако, во время Екатерины также происходили возсоединенія уніатовъ, но главный интересъ и забота не могли не быть поглощены политическими интересами, — послѣдствіями и самымъ ходомъ раздѣловъ Польши, которыхъ особенно добивались, какъ извѣстно, наши сосѣди и друзья, нѣмцы. Въ аллегорическомъ того времени изображеніи раздѣла Польши, на Екатерину, говорящую въ одной сторонѣ съ Понятовскимъ надъ разрываемой картой несчастной страны, зорко смотритъ съ противоположной стороны нѣмецъ, который, бесѣдуя въ то же время съ австрійцемъ, уже отрѣзалъ своей шпагой порядочный кусокъ той же географической карты. Здѣсь, можно сказать, намѣченъ ходъ польскаго вопроса въ обширномъ смыслѣ въ позднѣйшую эпоху и, быть можетъ, даже въ будущемъ. Къ содержанію же настоящей книги общій польскій вопросъ имѣетъ близкое отношеніе потому, что сущность и главная трудность вопроса для насъ состоитъ именно въ Западномъ краѣ, историческимъ судьбамъ котораго посвящены разсмотрѣнныя нами изданія министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ прошломъ году праздновалось у насъ 50-лѣтіе возсоединенія уніатовъ, подготовка котораго и характеристика главныхъ дѣятелей долго занимали собою столбцы періодическихъ изданій. Въ книгѣ г. Батюшкова, конечно, находимъ обстоятельное изложеніе хода и разрѣшенія этого вопроса, въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ плану всего изданія, съ прекрасными (воспроизводимыми, въ нашемъ журналѣ) портретами Іосифа Сѣмашко и его сподвижниковъ по возсоединенію. Въ книгѣ, которая близко слѣдитъ, въ судьбахъ Западнаго края, за ходомъ и вліяніемъ въ немъ уніи, такое изложеніе является какъ нельзя болѣе кстати, и вотъ почему можно еще разъ пожалѣть, что книга «Литва и Бѣлоруссія» не вышла въ свѣтъ къ 8 іюня 1889 года. Тогда, среди учено-журнальной полемики о заслугахъ той или другой личности, среди мимолетныхъ брошюръ, не появилось именно такого солиднаго

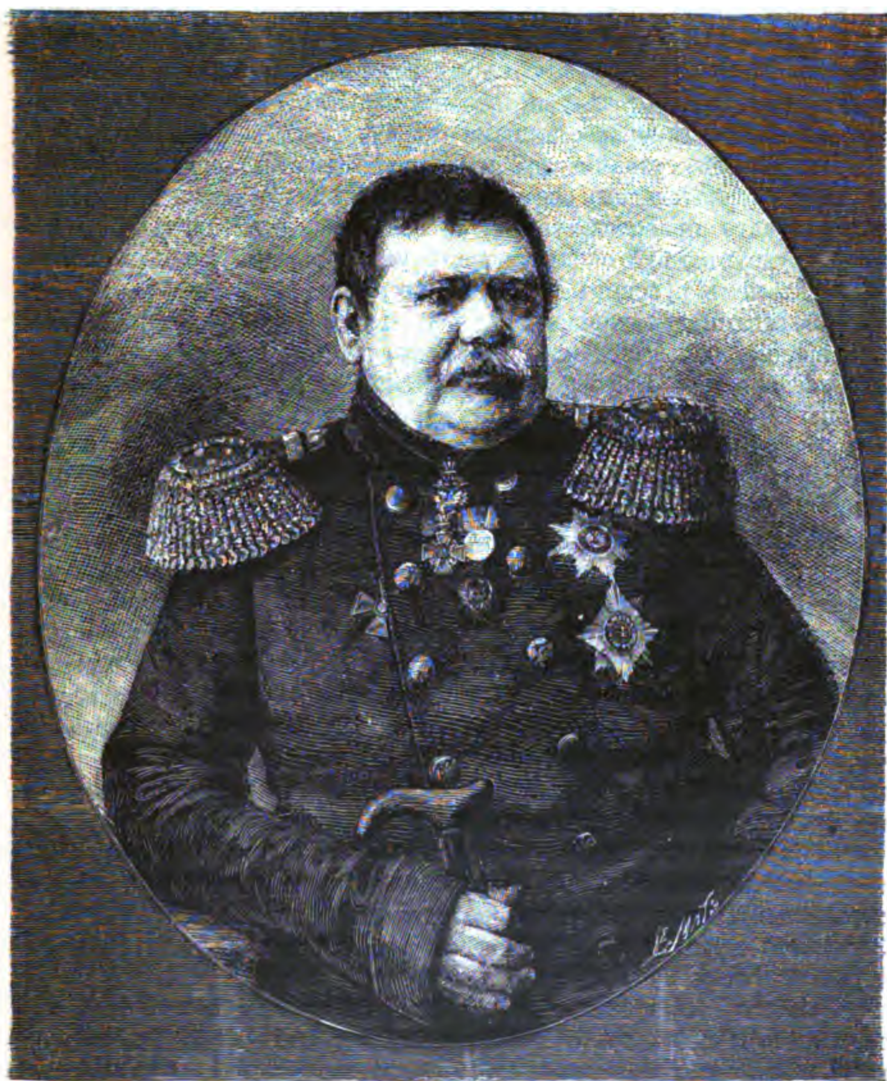
Церковь св. Параскевы въ Вильнѣ (Пятницкая): 1) въ 1807 году; 2) въ настоящее время; 3) до 1865 года.

историко-художественнаго изданія, которое преимущественно послужило бы дѣлу популяризаціи характера юбилейнаго событія и сознанію исторической его неизбѣжности. Неизбѣжно было сліяніе уніи, если не съ православіемъ, то съ католичествомъ, которое, какъ извѣстно, и дѣлало въ ней такіе большіе успѣхи, что, по словамъ знаменитаго впослѣдствіи Муравьева, если такъ пойдетъ дѣло, то «некого будетъ возсоединять».

Этому государственному человѣку, какъ генералъ-губернатору Западнаго края, посвящена г. Городецкимъ краткая, но выразительная монографія. Портрету М. Н. Муравьева, приводимому у насъ, сопутствуетъ изображеніе, въ разные періоды времени, древней виленской Пятницкой церкви, сооруженной въ 1345 г. супругой Ольгерда, Маріей Ярославной. Но мы воспроизводимъ виды этой церкви не только, какъ памятникъ стариннаго православнаго водчества, которыхъ въ книгѣ г. Батюшкова можно найти достаточное количество. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, памятникъ новѣйшаго времени, видимый образчикъ обновительной въ Сѣверо-Западномъ краѣ дѣятельности М. Н. Муравьева. Съ его именемъ обыкновенно соединяется подавленіе мятежа 1863 г. въ этомъ краѣ, и по этому поводу одними съ благодарностью вспоминается это имя въ числѣ людей, оказавшихъ Россіи незабвенныя государственныя услуги, другими подвергается порицанію за жестокость самаго усмиренія. Здѣсь не мѣсто входить въ эти вопросы, какъ и розыскивать въ какой бы ни было исторіи образчики кроткихъ усмирителей вооруженнаго возстанія, когда каждая минута промедленія (весной 1863 г.) могла обойтись Россіи дорого. Намъ достаточно сослаться, въ изданіи г. Батюшкова, на послѣдующую, мирную, организаторскую дѣятельность Муравьева, недолговременную, но оставившую по себѣ прочные слѣды въ исторіи края. Примѣнительно къ цѣли настоящаго изданія, въ немъ указывается какъ на всю эту дѣятельность, такъ особенно и на возобновленіе церквей, внѣшность которыхъ до того времени, (какъ мы уже замѣтили) выразительно говоритъ сама за себя.

Съ тѣхъ поръ смѣнился цѣлый рядъ виленскихъ генералъ-губернаторовъ, изъ которыхъ одинъ — Потаповъ — также составилъ себѣ имя въ противоположномъ Муравьеву смыслѣ. Съ тѣхъ поръ, не смотря на всѣ журнальные и газетные толки о Западномъ краѣ, нельзя сказать, чтобы современное его положеніе было всецѣло извѣстно читающей Россіи. Печатныя вѣсти доходятъ разнородныя. Чтò же сообщаетъ на эту тему, т. е. о современномъ положеніи Бѣлоруссіи и Литвы, изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ?

Вотъ сообщаемыя въ книгѣ числовыя данныя о количественномъ отношеніи разныхъ народностей и племенъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ: славянъ русскихъ 3,474.883, литовцевъ 2.295.300, евреевъ 1.200.522, поляковъ 744.410, нѣмцевъ 149,020, татаръ 14.839, раз-



Виленскій генералъ-губернаторъ, графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

ныхъ народностей 74.598. Такимъ образомъ, поляки не составляютъ и десятой части общаго количества населенія края, русско-литовское населеніе составляетъ болѣе двухъ третей, евреи также представляютъ собою почтенную долю... Общій выводъ разсматриваемой книги по данному вопросу нельзя назвать ни утѣшительнымъ, ни опредѣленнымъ. Вотъ что̀ тамъ говорится: «вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между польско-католиками, католиками-литовцами и русскими православными въ Сѣверо-Западномъ краѣ, не смотря на всѣ старанія русскаго правительства, еще далеко не достигъ окончательнаго своего разрѣшенія, и въ этомъ отношеніи для русскаго правительства и русскаго общества предстоитъ не мало труда въ дѣлѣ окончательнаго умиротворенія края и упроченія въ немъ русскихъ историческихъ началъ».

Средствами для окончательнаго и притомъ удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса о нравственномъ закрѣпленіи этого древнерусскаго края за Россіей указываются пока только мѣры отрицательныя, борьба противъ односторонности католичества, противъ преобладанія полонизма въ краѣ: очищеніе католичества отъ польской окраски, введеніе русскаго и литовскаго языковъ въ преподаваніе Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ католическія семинаріи, въ костельное дополнительное богослуженіе и въ проповѣдь,—все это начиналось уже не разъ, но «доселѣ не закончено еще не только по отношенію къ мѣстному ополяченному католическому населенію, но и по отношенію къ литвинамъ и жмудинамъ, исповѣдующимъ католическую вѣру». Что касается образованія независимой отъ папы католической церкви въ литовско-русскихъ областяхъ, въ родѣ той, какую имѣлъ въ виду когда-то Сигизмундъ-Августъ, то книга называетъ это «щекотливымъ вопросомъ» и, быть можетъ, при современныхъ обстоятельствахъ прямо должно бы назвать это иллюзіей; но дать у насъ католической церкви независимое отъ польской національности существованіе, казалось бы, возможно и теперь. Затѣмъ, собственно въ административномъ отношеніи, связь ополяченной части населенія Сѣверо-Западнаго края съ этнографически польскими областями не поддерживается.

Остается только какъ бы пробѣлъ по отношенію къ положительнымъ мѣрамъ въ общественно-культурной сферѣ Западнаго края. Между тѣмъ, «возвышать и обезпечивать можно только положительными, а не отрицательными мѣрами, которыя нерѣдко ведутъ къ результатамъ совсѣмъ противнымъ»,—такъ говорилъ покойный Катковъ въ своей, вошедшей въ извѣстный сборникъ Шелковича, статьѣ о русскомъ языкѣ въ католическомъ богослуженіи. Въ отношеніи свѣтскихъ мѣропріятій положительнаго свойства въ Западномъ краѣ остается очень многое въ области желаній, предстоитъ еще «немало труда» русскому правительству и обществу, какъ го-

ворится въ цитируемой книгѣ. Этотъ трудъ долженъ, въ конечномъ результатѣ, подготовить почву для мирной гражданственности края, при которой русскіе, польскіе, литовскіе его обитатели могли бы безъ взаимной горечи вспоминать о тѣхъ, иногда тяжелыхъ историческихъ моментахъ, которые, наряду съ періодами свѣтлаго свойства, обстоятельно воспроизведены въ изданіяхъ г. Батюшкова.

Н. Кутейниковъ.

ДВА СЪѢЗДА.

РИВѢТСТВУЯ въ 1869 году въ Москвѣ членовъ второго съѣзда русскихъ естествоиспыталей, министръ народного просвѣщенія, покойный графъ Д. А. Толстой, обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: — «На этомъ праздникѣ науки, позвольте мнѣ, мм. гг., выразить убѣжденіе, что и нынѣшній съѣздъ подвинетъ науку впередъ дастъ ей дальнѣйшее движеніе: это есть свойство науки, она не можетъ иначе двигаться, какъ впередъ. Я надѣюсь... что науки, коихъ достойныхъ представителей я имѣю удовольствіе видѣть здѣсь, сдѣлаются, наконецъ, въ общихъ ихъ выводахъ, всеобщимъ достояніемъ русскаго общества, столь нуждающагося въ научныхъ свѣдѣніяхъ, и что наше общество, въ свою очередь, будетъ способствовать ихъ дальнѣйшему ходу». Эти прекрасныя слова покойнаго графа не остались простымъ pium desiderium, но оказались пророческими. Русское общество пережило въ концѣ декабря прошлаго и началѣ января текущаго года дни, когда можно было воочію убѣдиться, какое завоеваніе въ области мысли и знанія сдѣлали въ послѣднее время точныя науки, какими симпатіями пользуются онѣ въ обществѣ, какія упованія возложены на нихъ и на какую педагогическую эволюцію можно расчитывать въ недалекомъ будущемъ. «Восьмой съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей» и первый «съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи» — вотъ тѣ два явленія нашей отечественной жизни, на которыя были устремлены взоры мыслящей Россіи въ теченіе полумѣсяца. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило общество за всякимъ словомъ, за

всякимъ сообщеніемъ, исходящимъ изъ С.-Петербургскаго университета, Дворянскаго Собранія и Русскаго Техническаго Общества, куда люди науки, ходатаи за народныя педагогическія нужды, сошлись со всѣхъ концовъ нашего необъятнаго отечества на праздникъ и торжество истины.

Давно уже наше утомленное и унылое общество не сознавало въ такой степени правдивости извѣстнаго изреченія профессора Рѣдкина, что «все минется, одна правда остается». Пусть эта правда еще не торжествуетъ въ ея практическомъ жизненномъ осуществленіи, но уже высказанная и поставленная громко передъ лицомъ всей Россіи—она не можетъ впредь заглохнуть, не дастъ дохнуть на себя дыханію смерти. И какъ разъ въ эти минуты, когда мы какъ бы отъ самого народа слышали, въ чемъ заключаются его школьныя потребности, въ чемъ состоятъ недостатки нашихъ низшихъ и среднеучебныхъ заведеній, когда высоко-авторитетные голоса лучшихъ представителей науки самымъ убѣдительнымъ образомъ показали намъ значеніе нынѣшняго вѣка и требованія, предъявленныя имъ къ современному человѣчеству, въ эти минуты раздался Высочайшій отвѣтъ смоленскому дворянству на ходатайство послѣдняго «о назначеніи комиссіи для разсмотрѣнія нынѣ дѣйствующей системы среднеучебныхъ заведеній».

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ объявить чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, «что министерство народнаго просвѣщенія занято вопросомъ объ облегченіи гимназическаго курса въ предѣлахъ, которые будутъ признаны возможными безъ ущерба для основательнаго образованія».

Этими словами, наполнившими не одно родительское сердце глубокой радостью, подана надежда, что облегченіе учащихся можетъ быть достигнуто будущей гимназической системой не столько черезъ сокращеніе нынѣ дѣйствующихъ программъ, сколько черезъ измѣненіе ихъ по существу. О необходимости такого измѣненія уже давно твердитъ вся наша пресса, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ старовѣровъ; въ такомъ же духѣ высказались въ послѣднее время многія земскія собранія. Неотложность рѣшенія этого вопроса особенно наглядно выяснилась на съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, а отчасти, косвенно, и на съѣздѣ

*

естествоиспытателей; такимъ образомъ, гласъ народа молитъ о педагогической реформѣ и Высочайшая власть, какъ бы внимая этому моленію, подаетъ надежду, что скоро наступитъ для нашего школьнаго дѣла новая заря.

Въ Германіи, а еще прежде во Франціи, уже наступило разочарованіе въ педагогическихъ идеалахъ, доставшихся по наслѣдству и традиціямъ отъ прошлыхъ столѣтій; тамъ уже идетъ переформировка школьнаго дѣла и многое уже сдѣлано въ этомъ направленіи.

Россія, по обыкновенію, опоздала и даже, какъ бы на зло историческому опыту, въ то время, когда Европа стала понемногу освобождаться отъ педагогическаго наслѣдія прошлаго, переняла отъ нея цѣликомъ тѣ принципы средней школы, которые были признаны безусловно непригодными для народнаго организма.

Потребность въ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи ощущалась давно, но лишь только въ іюлѣ 1888 г. получилось на то Высочайшее разрѣшеніе. Немедленно же «постоянная комиссія по техническому образованію» энергично принялась за организацію будущаго съѣзда и черезъ полтора года, въ декабрѣ 1889 г., открылась выставка и съѣздъ, на который прибыло до 1000 русскихъ дѣятелей. Сюда сошлись министры, профессора, народные учителя и учительницы изъ самыхъ захолустныхъ уголковъ нашего отечества, повѣдать о педагогическихъ нуждахъ народа и обсудить средства врачеванія нашихъ школьныхъ недуговъ. Программа занятій членовъ съѣзда заключала въ себѣ семь главныхъ положеній, предложенныхъ къ обсужденію:

1) Ознакомленіе съ современнымъ положеніемъ техническаго и промышленнаго образованія въ Россіи.

2) О значеніи общаго образованія для цѣлей техническаго и промышленнаго образованія.

3) Выясненіе вопросовъ, относящихся къ учебному плану технически-промышленныхъ училищъ.

4) Участіе учебныхъ заведеній въ дѣлѣ развитія соотвѣтственныхъ отраслей промышленности.

5) Сообщеніе техническихъ знаній внѣ школы.

6) О курсахъ и школахъ для общаго и техническаго образованія взрослыхъ рабочихъ.

7) Вопросы по отдѣльнымъ предметамъ, внѣ объясненныхъ выше рубрикъ.

Эти семь главныхъ группъ были подраздѣлены на цѣлый рядъ детальныхъ вопросовъ и сначала предполагались къ обсужденію въ 12 отдѣленіяхъ или секціяхъ, но впослѣдствіи были обобщены и сокращены до пяти отдѣленій на самомъ уже съѣздѣ.

Первое отдѣленіе заключало въ себѣ — вопросы по общей педагогикѣ, по школьной гигіенѣ, по реальному и коммерческому образованію и по техническому рисованію; второе — среднія и низшія техническія и ремесленныя училища, мореходные классы и училища путей сообщенія; третье — сельскохозяйственное образованіе и горнозаводскія училища; четвертое отдѣленіе — женское профессіональное образованіе и пятое — ручной трудъ въ школѣ.

Изъ такой постановки программы и организаціи работъ видно, что руководители съѣзда имѣли въ виду строго-опредѣленную задачу — обсужденіе вопросовъ исключительно техническаго и профессіональнаго образованія. Но такое живое дѣло, какъ народное образованіе, никогда не можетъ быть ограничено, при его разработкѣ, узкими и искусственными рамками, а потому и къ вопросамъ спеціальнымъ невольно пришлось присоединить вопросы общаго характера.

Рефераты и дебаты по такимъ вопросамъ сосредоточились въ первомъ и главнымъ образомъ въ пятомъ отдѣленіи и шли по двумъ направленіямъ.

Выяснилось, что существующія элементарныя школы не жизненны, равно какъ лишены жизни и профессіональныя, техническія учебныя заведенія; вслѣдствіе этого, дѣло народнаго просвѣщенія идетъ въ Россіи черепашьимъ шагомъ и народная масса продолжаетъ коснѣть въ невѣжествѣ. Народъ жаждетъ знанія, охотно идетъ въ школу, но или не находитъ въ ней отвѣта на свои запросы или не подвергается культурному перевоспитанію.

Болѣе всего пользуются симпатіями школы съ утилитарнымъ или профессіональнымъ характеромъ, а также тѣ народные педагоги, которые не чужды знанія ручного и ремесленнаго труда. Но создавая спеціалистовъ, эти школы и педагоги очень мало содѣйствуютъ поднятію общей культуры, вслѣдствіе чего наше техническое и ремесленное производство не носитъ на себѣ печати творчества и малопрогрессивно.

Такая же малоотрадная картина рисуется и при изученіи строя и результатовъ средней школы. Ни техническія, ни ремесленныя, или профессіональныя, ни реальныя училища, не отвѣчаютъ духу времени, общимъ принципамъ педагогики и не удовлетворяютъ потребностямъ страны.

Въ чемъ же корень зла, отчего существуетъ такая педагогическая неурядица?

Главное зло происходитъ отъ отсутствія гармоніи, равновѣсія главнѣйшихъ факторовъ въ дѣлѣ воспитанія и развитія учащихся: умственнаго, физическаго и творческаго.

До сихъ поръ въ нашихъ школахъ преслѣдовалась одна цѣль— умственное развитіе; въ послѣднее время обратили вниманіе и на необходимость физическаго развитія—начали вводить гимнастику и главнымъ образомъ, безъ особой впрочемъ нужды и съ цѣлями совсѣмъ не педагогическими, маршировку; что касается до развитія воли и творчества, то это не входитъ еще въ нашъ школьный обиходъ, въ чемъ и заключается громаднѣйшій пробѣлъ существующей педагогической системы. Пока этотъ элементъ не будетъ введенъ въ дѣло воспитанія, до тѣхъ поръ наши учебныя заведенія нельзя считать достигающими своей главной идеальной цѣли—доставленія отечеству здоровыхъ и уравновѣшенныхъ гражданъ съ развитою волею, способныхъ къ творчеству. Развитіе же творчества, какъ это показалъ въ своемъ сообщеніи г. Цирюль [1]), осуществляется введеніемъ въ число предметовъ общеобразовательныхъ ручного труда. «Удовлетвореніе стремленія къ дѣятельности

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», въ декабрьской книжкѣ 1889 года, въ отдѣлѣ «критики и библіографіи», уже обратилъ вниманіе своихъ читателей на взгляды г. Цирюля по вопросу о воспитаніи.

и творчеству, развитіе воли, глазъ, рукъ и внѣшнихъ чувствъ, физическихъ силъ и практическихъ способностей, любви и охоты къ физическому труду въ соотвѣтствіи съ развитіемъ умственнымъ и нравственнымъ—вотъ ближайшая польза, говоритъ г. Цирюль, отъ обученія ручному труду». Этотъ ручной трудъ, по мнѣнію почтеннаго дѣятеля съѣзда, «не имѣетъ цѣлію наученіе ремеслу, а лишь знакомство съ азбукою физическаго труда. При обученіи этой азбукѣ преслѣдуются, какъ и при преподаваніи всѣхъ прочихъ предметовъ общаго образованія, чисто воспитательныя цѣли».

Такимъ образомъ, гармонія трехъ элементовъ—развитія умственнаго, физическаго и творческаго, вотъ идеалъ для современной школы, безъ котораго она не можетъ быть жизненною и полезною въ культурномъ отношеніи. Это необходимый базисъ, общіе принципы, на которые должна опираться наша педагогическая система. И первымъ дѣломъ и главнѣйшимъ образомъ эти принципы должны быть положены въ основаніе элементарной народной школы. Потребность въ такого рода школѣ была заявлена въ одинъ голосъ всѣми народными педагогами, присутствовавшими на съѣздѣ. Вторая потребность для нашего отечества—это существованіе у насъ среднихъ техническихъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеній съ цѣлями утилитарными.

Только при существованіи такихъ учебныхъ заведеній и притомъ разнообразныхъ видовъ (сельско-хозяйственныхъ, земледѣльческихъ, ремесленныхъ, лѣсныхъ и т. п. и т. п.) можно надѣяться, что естественныя богатства Россіи сдѣлаются наконецъ достояніемъ русскаго народа. Эти же школы, отвѣчающія потребностямъ и всему складу нашей жизни, могутъ однѣ поднять и экономическую производительность страны и содѣйствовать общему нашему культурному развитію. Народная элементарная школа и техническое, профессіональное учебное заведеніе—вотъ два типа школъ, которыя выработалъ въ общихъ чертахъ, принципіально, первый съѣздъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію.

Какъ осуществить ихъ въ жизни, какъ создать ихъ, какъ ввести элементъ ручного труда?—это осталось не выясненнымъ. Отсюда видно, что дѣятели съѣзда, собравшись въ первый разъ, только какъ бы намѣтили общіе контуры строенія будущей русской педагогической системы. Многое осталось недоговореннымъ, о многомъ не успѣли столковаться; но первые шаги во всякомъ дѣлѣ бываютъ робки и не тверды; можно надѣятся, что, собравшись вторично, дѣло пойдетъ глаже и результаты будутъ осязательнѣе, благо починъ уже сдѣланъ,—люди перезнакомились между собою и узнали, что у насъ не оскудѣваетъ запасъ дѣятельныхъ умовъ, непрестанно думающихъ о родной землѣ, что русскій народный учитель дѣлается все дороже и ближе многомилліонному сельскому люду, видящему въ немъ не врага и носителя непріязненнаго

начала, но друга и руководителя. Типъ народнаго педагога, его значеніе въ крестьянской средѣ, обрисовались на съѣздѣ чрезвычайно симпатичными красками...

Въ то время какъ на этомъ съѣздѣ шла критика общихъ принциповъ нашей педагогической системы и намѣчалась внутренняя архитектура будущей русской школы, въ то же время по ту сторону Невы, на Васильевскомъ островѣ, происходилъ рядъ еще болѣе многолюдныхъ блестящихъ собраній. С.-Петербургскій университетъ гостепріимно раскрылъ свои двери «восьмому съѣзду русскихъ естествоиспытателей и врачей». На этотъ «праздникъ науки» сошлось около 2000 человѣкъ, изъ коихъ около половины иногороднихъ. Многіе пріѣхали изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи, какъ напр. изъ Иркутска, Самарканда... Молодыя силы нашего отечества преобладали на съѣздѣ, какъ по числу своихъ представителей, такъ и по количеству прочитанныхъ рефератовъ... Интересъ столичнаго общества къ работамъ съѣзда, симпатіи къ представителямъ науки, этимъ истиннымъ работникамъ нашей земли, проявлялись на каждомъ шагу. Газеты были полны извѣщеній, что говорится и дѣлается на секціяхъ, всевозможныя учрежденія наперерывъ зазывали къ себѣ ученыхъ гостей; залъ Дворянскаго Собранія, гдѣ происходили общія собранія съѣзда, представлялъ изъ себя самую блестящую и внушительную картину.

Рѣдко какой заѣзжій артистъ или виртуозъ привлекалъ въ этотъ залъ такую интелигентную толпу, какую можно было видѣть тамъ во время съѣзда естествоиспытателей. Про́сто не хватало мѣста и распорядителямъ было не мало хлопотъ и труда размѣстить всѣхъ желавшихъ послушать своихъ любимыхъ учителей и представителей просвѣщенія. Появленіе на каѳедрѣ профессоровъ Менделѣева, Тимирязева, Бекетова, Столѣтова и другихъ вызывали бури восторговъ и рукоплесканій.

Все это чрезвычайно знаменательно и показываетъ, какова сила науки, каково завоеваніе въ симпатіяхъ нашего общества, сдѣланное естествознаніемъ.

Да это и понятно. Такъ называемое наше гуманитарное направленіе на клинической подкладкѣ, искусственно привитое къ русской жизни, доставило намъ много горя,—положительно убило русскую творческую способность и невольно вызываетъ въ умѣ каждаго образы хилыхъ, переутомленныхъ и безличныхъ людей послѣдняго двадцатилѣтія. Ничего подобнаго не соединено съ представленіемъ о развитіи естествознанія въ нашемъ отечествѣ. Напротивъ, никто, особенно въ послѣднее время, не доставлялъ намъ столько поводовъ къ національной гордости, столько утѣшенія въ трудныя общественныя минуты, никто не подавалъ намъ такъ много надежды на лучшее реальное будущее, какъ представители точныхъ наукъ. Никогда еще вопросы объ улучшеніи нашей фабричной производи-

тельности, о подъемѣ нашей сельскохозяйственной экономической культуры, объ оздоровленіи населенія, населенныхъ мѣстностей и продуктовъ питанія, о развитіи нашихъ путей сообщенія и естественныхъ богатствъ, не требовали для себя столько рабочихъ рукъ и такого вниманія, какъ въ настоящее время. Человѣческая жизнь и знаніе должно течь по руслу, твердо вымощенному данными естественныхъ наукъ, и прежде чѣмъ говорить о какомъ-нибудь иномъ человѣческомъ назначеніи, необходимо помнить, что человѣкъ есть песчинка, атомъ общаго мірозданія, послушный единымъ законамъ природы. Мистикѣ, романтизму, шаткости мысли и невѣжеству, не должно быть мѣста въ современной жизни. Умъ жаждетъ положительнаго знанія, жизнь требуетъ свѣта и тепла... Сознаніе всего этого должно войти въ плоть и кровь современнаго общества и грядущихъ поколѣній; на этихъ началахъ и надо построить зданіе будущей русской школы.

Къ этимъ выводамъ должно невольно прійти, если вдуматься во все то, что говорилось и происходило на «восьмомъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей». Если среди его дѣятелей, во время рефератовъ, и не ставился прямо вопросъ о предстоящей педагогической эволюціи въ смыслѣ указанномъ выше, то эти мысли, эти выводы, невольно приходили на умъ каждаго участника съѣзда, каждаго бывшаго на собраніяхъ; эти же мысли сквозили и намѣчались во многихъ рѣчахъ и въ Дворянскомъ Собраніи, и въ рефератахъ въ университетѣ, и на товарищескихъ обѣдахъ и ужинахъ участниковъ съѣзда.

Ни одинъ изъ предшествовавшихъ съѣздовъ не отличался такимъ многолюдствомъ и оживленностью. Было сдѣлано 350 сообщеній на секціяхъ и произнесено 8 рѣчей въ общихъ собраніяхъ. Подвести въ настоящее время итогъ научнымъ результатамъ съѣзда не представляется возможнымъ до опубликованія его «Трудовъ». Одинъ общій выводъ только невольно приходитъ на умъ: если дѣятелямъ съѣзда не пришлось сказать чего-нибудь такого, чтобы уже ни было извѣстно изъ работъ западно-европейскихъ ученыхъ, если русская наука не обогатилась самостоятельными, оригинальными взглядами, за то никогда еще не замѣчалось такого настойчиваго стремленія связать жизнь съ выводами науки, поставить послѣднюю какъ импульсъ прогресса нашего отечества. Эта мысль, это стремленіе, очевидно одушевляетъ всѣхъ нашихъ естествоиспытателей и врачей, ею проникнуты многія рѣчи и отчетъ распорядительнаго комитета. «Теперь, когда Россія переживаетъ такой трудный сельско-хозяйственный кризисъ, читаемъ мы, напримѣръ по одному вопросу въ этомъ отчетѣ, когда мысль о томъ, что спасеніе отъ этого недуга нужно искать, главнымъ образомъ, въ средствахъ науки, все болѣе и болѣе проникаетъ въ жизнь, — когда естествознаніе, съ каждымъ днемъ, начинаетъ оказывать сельскому

хозяйству все болѣе и болѣе важныя услуги»,—въ настоящее время съѣздъ считаетъ необходимымъ обратить особенное вниманіе на агрономію, для чего и открыть новую секцію по этой отрасли. Эта новая секція, а равно и секція географіи, впервые, на VIII съѣздѣ, получившая право гражданства, были тѣми собраніями ученыхъ, которыя привлекали наибольшее количество референтовъ и слушателей.

Отмѣтимъ рѣчь предсѣдателя Географическаго Общества П. П. Семенова и профессора Новороссійскаго университета А. Клоссовскаго, въ которыхъ такъ задушевно и громко прозвучала мысль о необходимости служенія науки интересамъ родной земли: «...Русскіе естествоиспытатели и географы, сказалъ г. Семеновъ, какъ въ отдѣльныхъ своихъ работахъ, такъ и въ совокупной дѣятельности своихъ корпорацій—съѣздовъ и ученыхъ обществъ, могутъ исполнять весьма благодарную роль. Имъ предстоитъ не только въ области изслѣдованія русской земли и азіатскаго континента, но и въ развитіи производительныхъ силъ русскаго государства быть тѣми піонерами, которые, будучи вооружены никогда не померкающимъ свѣточемъ науки, прокладываютъ пути русскому вліянію въ странахъ мало доступныхъ и мало культурныхъ, и экономическому благосостоянію русскаго народа на тѣхъ малоторныхъ путяхъ, по которымъ безъ естествознанія и безъ землевѣдѣнія едва ли можно двигаться съ успѣхомъ».

Указавъ въ своей рѣчи на главные моменты въ исторіи развитія физическаго землевѣдѣнія въ связи съ вопросомъ объ организаціи физико-географическихъ изслѣдованій, и высказавъ мысль о необходимости увеличить въ нашемъ отечествѣ сѣть метеорологическихъ станцій, профессоръ Клоссовскій заканчиваетъ свою рѣчь такими, полными жизни, словами: «Съ цѣлью поднять интересъ къ изученію географическихъ особенностей нашего родного края, съ цѣлью выдвинуть тѣ вопросы, которые современной наукой поставлены на очередь и намѣтить тѣ пути, по которымъ должны идти дальнѣйшія изслѣдованія для того, чтобы они были наиболѣе продуктивны, съ цѣлью, наконецъ, привлечь новыхъ работниковъ и сотрудниковъ, я и обратился къ распорядительному комитету VIII съѣзда и ходатайствовалъ о предоставленіи мнѣ права занять эту каѳедру и представить настоящія соображенія на судъ многочисленныхъ представителей русской науки. Желательно, чтобы число изслѣдователей нашего отечества въ этомъ направленіи росло сообразно его обширности, желательно, чтобы каждый изъ собравшихся здѣсь товарищей внесъ свою лепту въ общее дѣло изученія родного края, производя лично наблюденія и записи, пропагандируя самое дѣло въ средѣ русскихъ просвѣщенныхъ людей».

Какъ въ этихъ, такъ и въ остальныхъ, рѣчахъ и рефератахъ ясно проглядываетъ мысль и желаніе по мѣрѣ силъ и возможности

служить реальнымъ интересамъ, насущнымъ потребностямъ отечества.

Рядомъ съ такого рода теченіемъ дѣятельности съѣзда мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ его представителяхъ желаніе дать философское объясненіе современному вѣку и задачамъ имъ выставленнымъ. Произнеся апологію дарвинизму, профессоръ Тимирязевъ такъ заканчиваетъ свое сообщеніе:—«Двадцатое столѣтіе! Только десять лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ него. Черезъ десять лѣтъ нашъ кичливый XIX вѣкъ смиренно предстанетъ передъ судомъ исторіи. Я полагаю, въ этотъ день, рядомъ съ покаяніемъ во многихъ и тяжкихъ своихъ прегрѣшеніяхъ, онъ приведетъ себѣ въ защиту и то— что много и честно потрудился въ области науки, и прежде всего въ области изученія природы. И когда ихъ старшіе братья, химики и физики, предъявятъ свои блестящія завоеванія, свои періодическіе законы элементовъ, ученія о тождествѣ физическихъ силъ и сохраненіи энергіи, и біологи выступятъ не съ пустыми руками: они предъявятъ не менѣе блестящее, широко захватывающее эволюціонное ученіе, первый разъ почувствовавшее подъ собой твердое сознаніе на почвѣ дарвинизма. Если осьмнадцатый вѣкъ сохранилъ за собой гордое прозвище вѣка разума, то девятнадцатому, конечно, не откажутъ въ болѣе скромномъ прозвищѣ—вѣка науки—вѣка естествознанія».

Блестящая и популярная рѣчь была произнесена профессоромъ Столѣтовымъ, на тему «эѳиръ и электричество». Почтенный ученый полагаетъ, что, «слово эѳиръ уже идетъ на помощь слову электричество и скоро сдѣлаетъ его излишнимъ... Разрѣшитъ ли... механика эѳира и другія загадки космоса, объяснитъ ли она намъ тайну матеріи и ея тяготѣнія, какъ надѣются нетерпѣливые умы,— это болѣе гадательно: быть можетъ, здѣсь чередъ наступитъ не такъ скоро. Но для «электричества» уже занялась заря эѳирной механики: для этой обширной науки XX вѣкъ будетъ вѣкомъ эѳира».

Восьмой съѣздъ естествоиспытателей и врачей намѣтилъ рядъ научно-общественныхъ проектовъ и начинаній. Не говоря уже о массѣ предположенныхъ къ будущему съѣзду изслѣдованій по всѣмъ отрослямъ естествознанія, онъ проектируетъ основать въ Россіи «Русскую ассоціацію для развитія науки», долженствующую объединить и сплотить всѣ силы русскихъ натуралистовъ въ одну тѣсную семью. Кромѣ того, съѣздъ ассигновалъ 1000 р. для «всесторонняго естественно-историческаго, физико-географическаго и сельско-хозяйственнаго изслѣдованія С.-Петербурга и его окрестностей» въ благодарность сѣверной столицѣ за радушный пріемъ и готовность нашего городского самоуправленія оказывать посильную поддержку людямъ науки и знанія. На этомъ же съѣздѣ появился первый № новаго журнала «Вѣстникъ Естествознанія» и

открыта подписка для привлеченія средствъ къ основанію «Метеорологическаго журнала».

Эта кипучая, полная жизни и практическихъ результатовъ дѣятельность съѣзда, вниманіе къ нему правительства, общества и прессы, служитъ доказательствомъ, что, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ какія было поставлено у насъ естествознаніе, оно сдѣлало громадное завоеваніе въ области отечественной мысли и чувства. «Ты побѣдилъ Галилеянинъ!» можно сказать, обращаясь къ представителямъ точныхъ реальныхъ наукъ. Остается надѣяться, что, наученные опытомъ историческаго прошлаго, мы бросимъ бороться съ фантастическими призраками, не будемъ болѣе отыскивать искусственнаго русла для нашей жизни, а, послушные естественнымъ законамъ, направимъ и нашу школу и наши труды на пользу родины въ направленіи, указанномъ дѣятелями двухъ съѣздовъ.

Б. Глинскій.

ИЗОБРАЖЕНІЕ СМЕРТИ ВЪ СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ ПРОЦЕССІЯХЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

ТОРЖЕСТВЕННЫЯ процессіи были извѣстны во всѣ періоды исторіи человѣчества, даже въ самыя отдаленныя языческія времена. Въ христіанскомъ мірѣ имъ положилъ начало Константинъ Великій, и съ тѣхъ поръ рѣдкое церковное или свѣтское празднество обходилось безъ процессій. Особенно многочисленны и разнообразны онѣ были въ средніе вѣка, когда католическое духовенство стало пользоваться ими для воздѣйствія на темныя народныя массы.

Большая часть такихъ процессій, равно какъ и всевозможныхъ церковныхъ представленій или мистерій, поражаютъ необыкновенною смѣсью духовнаго съ житейскимъ, свѣтскимъ, христіанскаго съ языческимъ, глубоко благоговѣйнаго съ шутовски смѣшнымъ. Удивительно, между прочимъ, что въ средніе вѣка ни одно торжественное шествіе, ни одно церковное представленіе, не обходилось безъ бѣсовъ. Какъ бы ни было оживленно извѣстное представленіе (мистерія), оно не могло вызвать одобренія со стороны зрителей, если однимъ изъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ не являлся дьяволъ, и, чѣмъ больше было въ той или другой пьесѣ бѣсовъ, тѣмъ болѣе выражали удовольствія зрители. Такъ, напримѣръ, особенною любовью народа пользовалось одно изъ извѣстныхъ празднествъ, носившее названіе нюренбергскаго красивобородаго Лауфена (Nürenberger Schönbart Laufen), въ которомъ являлось не только множество бѣсовъ, но представлялся и самый адъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы ограничимся описаніемъ только тѣхъ празднествъ и шествій, въ которыхъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ является смерть.

Но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, необходимо хотя слегка коснуться вообще олицетворенія смерти у древнихъ и въ средніе вѣка.

Лессингъ въ своей книгѣ «Wie die Alten den Todt gebildet» говоритъ, что мысль олицетворить смерть зародилась и была осуществлена въ самой глубокой древности, и съ того времени стали возникать разнообразныя символическія изображенія смерти — то прекрасныя и поэтическія, то отвратительныя и даже страшныя. Греки и римляне по большей части представляли себѣ смерть въ самыхъ поэтическихъ, граціозныхъ образахъ: въ видѣ генія, съ опущенымъ факеломъ жизни, въ видѣ бабочки, освобождающейся отъ своей личинки, и даже въ видѣ дельфина несущаго Психею.

Но кромѣ этихъ поэтическихъ изображеній, у древнихъ были и другія, весьма близко подходящія къ средневѣковымъ изображеніямъ смерти, извѣстнымъ подъ названіемъ «пляски мертвыхъ» (Todtentanz, danse macabre, chorea macabaeorum etc.). Подтвержденіемъ этому предположенію можетъ служить описаніе могилы, открытой нѣмецкимъ ученымъ д-ромъ Сиклеромъ, въ 1809 году, близь Неаполя, у озера Ликола, помѣщенное въ его «Curiositäten», изд. въ Веймарѣ, въ 1812 году. Въ этой могилѣ, которая, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, была признана древнею могилою куманскихъ грековъ, по словамъ д-ра Сиклера, находились три саркофага съ совершенно разложившимися скелетами. Стѣны надъ саркофагами были украшены тремя барельефами, изъ которыхъ одинъ даетъ право сказать, что древнимъ были извѣстны изображенія смерти, если не въ видѣ скелета, то въ видѣ близко подходящихъ къ нему человѣческихъ фигуръ, представляющихъ собою остовы, покрытые жилами и мускулами, но лишенные кожи. Три такихъ остова представлены на могилѣ открытой Сиклеромъ. Они изображены танцующими, и это даетъ намъ поводъ предполагать, что происхожденіе такъ называемой «пляски смерти» относится также ко временамъ глубокой древности. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и нѣкоторые другіе памятники древности, открытые въ Италіи, о которыхъ упоминаетъ Винкельманъ.

Изображеніе смерти въ видѣ скелета мы встрѣчаемъ преимущественно въ средніе вѣка, именно съ XIII по XVI вв., когда лучшіе художники украшаютъ разныя общественныя зданія и церкви изображеніями скелетовъ, танцующихъ или приглашающихъ на танецъ съ собою представителей разныхъ сословій и состояній, отъ императора и папы до крестьянина и даже нищаго.

Любопытнымъ образчикомъ тѣхъ причинъ, которыя были вполнѣ достаточны для установленія торжественной процессіи, служитъ

легенда о происхожденіи праздника «Тѣла Господня» и соединенной съ нимъ процессіи.

Въ 1208 году, монахинѣ одного монастыря близь Люттиха, по имени Іуліаніи, привидѣлся странный сонъ: она увидѣла луну съ большимъ отверстіемъ посрединѣ; два года сряду повторялся этотъ сонъ. Долго благочестивая инокиня не могла понять его, но, наконецъ, нашла ему объясненіе: мѣсяцъ—это была церковь; отверстіе—очевидно, означало какую-нибудь церковную нужду; но церковь въ то время имѣла много нуждъ, которую же изъ нихъ слѣдовало подразумѣвать? Вопросъ трудный, но на него скоро и легко нашелся отвѣтъ: церкви не доставало еще одного праздника. Вскорѣ Іуліанія была назначена настоятельницею монастыря. Тогда она открыла свой сонъ архіепископу Роберту Люттихскому, и тотъ установилъ праздникъ Тайной Вечери, который впослѣдствіи получилъ названіе праздника «Тѣла Господня».

Въ атласѣ, приложенномъ къ описанію путешествій Милина, мы находимъ любопытное изображеніе, а въ самой книгѣ—довольно полное описаніе процессіи, учрежденной въ 1642 году королемъ Рене въ честь этого праздника. Король Рене, тотъ самый, котораго Шиллеръ обезсмертилъ въ первомъ дѣйствіи своей «Орлеанской Дѣвы», имѣлъ врожденную страсть къ всевозможнымъ торжествамъ. Онъ не лишенъ былъ дара поэтическаго творчества, писалъ стихи, занимался живописью [1]) и музыкой, и при томъ былъ необыкновенно набожень и богобоязненъ. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что процессія, устроенная имъ въ честь новоустановленнаго праздника, отличалась необыкновенною роскошью и оригинальностью. Это празднество происходившее въ Э (Aix) въ 1462 г. и продолжавшееся пять дней сряду, должно было изображать торжество христіанства надъ язычествомъ. Въ немъ являлись представители трехъ сословій: мѣщанства, духовенства и дворянства. Мѣщанство имѣло представителемъ «короля богатства», духовенство—«аббата молодости» и дворянство—«принца любви». Добродѣтель и порокъ, ангелъ и дьяволъ, должны были также занимать значительныя роли. Праздникъ назначался въ воскресенье, въ день св. Троицы. Отсюда получило свое происхожденіе нѣмецкая пословица: «въ недѣлю всѣхъ святыхъ играютъ бѣсы». Въ слѣдующій затѣмъ четвергъ, въ день праздника «Тѣла Господня», должно было начаться главное представленіе. Распредѣленіе ролей было дѣломъ большой важности. Въ особенности бѣсы крѣпко держались своихъ правъ; даже въ позднѣйшія времена они не допу-

---

[1]) Одну изъ картинъ своей работы, изображавшую скелетъ одной изъ его возлюбленныхъ, онъ въ знакъ раскаянія и признанія своего безумія, приказалъ повѣсить въ монастырѣ целестиновъ въ Авиньонѣ. Подъ этой картиной написаны имъ стихи, изображающіе его душевное настроеніе.

скали замѣны или передачи своихъ ролей. Милинъ въ своихъ путешествіяхъ (стр. 304) говоритъ: «Нѣкто, кому отказывали въ роли чорта, говорилъ: мой отецъ былъ чортомъ, мой дѣдъ былъ чортомъ, почему же и мнѣ не быть имъ?»

Процессію открывалъ король. Онъ шелъ въ бѣломъ одѣяніи съ короною на головѣ. Его окружали, все время нападая на него, двѣнадцать бѣсовъ и одна вѣдьма, вооруженные длинными вилами и кирками. Король защищался скипетромъ и, конечно, побѣждалъ враговъ. Это была большая игра бѣсовъ. Затѣмъ слѣдовала малая игра бѣсовъ. Дитя, одѣтое въ бѣлое платье, съ голыми ручками и ножками должно было установить крестъ. Чтобы поддерживать его, слетѣлъ ангелъ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и подушкою на спинѣ. Одинъ изъ бѣсовъ сильно ударялъ по подушкѣ, а три другихъ бросались на ребенка. Послѣ третьяго удара бѣсы лишались чувствъ, а ангелъ начиналъ прыгать, выражая этимъ радость по случаю спасенія души ребенка.

Бѣсы были съ ногъ до головы одѣты въ черное платье, расписанное огненно-красными языками. На головахъ они имѣли шапки съ рогами, вокругъ шеи — галстухи, которые, какъ и пояса ихъ, были обвѣшаны звонками, бубенчиками и колокольцами, такъ что при малѣйшемъ движеніи они производили сильный шумъ. На главномъ бѣсѣ была надѣта огромная шапка со множествомъ роговъ. Любопытно, что всѣ изображавшіе въ процессіи бѣсовъ, въ день праздника «Тѣла Господня» слушали обѣдню въ церкви въ своихъ костюмахъ, только съ непокрытыми головами.

За бѣсами шелъ Моисей со скрижалями и Ааронъ съ золотымъ тельцомъ. Евреи должны были танцуя поклоняться тельцу и, смѣясь надъ законодательствомъ, издавать дикіе звуки. Въ это время вынимали изъ мѣшка кошку, высоко подбрасывали ее на воздухъ, подхватывали и опять бросали вверхъ при взрывахъ хохота и шумныхъ изъявленіяхъ удовольствія толпы. Шутка эта называлась игрой съ кошкою (Katzenspiel).

Затѣмъ появлялся мудрый царь Соломонъ и Савская царица, предшествуемая пляшущимъ танцоромъ. Королева, подпершись въ бока, дѣлала разныя движенія въ тактъ аріи, сочиненной самимъ королемъ Рене; вмѣстѣ съ нею танцовали ея фрейлины. За ними шли короли Востока съ своей звѣздой, въ сопровожденіи служителей. Звѣзду вертѣли во всѣ стороны, а служители прыгали вокругъ и поклонялись ей. Эта игра носила названіе «Прекрасной звѣзды» (Der schöne Stere).

Послѣ этого являлись Симеонъ, Іоаннъ, Іуда и Христосъ. За ними—св. Христофоръ съ Спасителемъ на плечѣ, чтобы напомнить зрителямъ, что они должны носить Христа въ своихъ сердцахъ. Потомъ передъ ликовавшей толпой были исполнены три кадрили, составленныя изъ центавровъ, плясуновъ и прокаженныхъ. Вече-

ромъ, подъ конецъ праздника «Тѣла Господня», собирались маршалы короля богатствъ и шесть маршаловъ аббата молодости. Подъ страшный шумъ и громъ барабановъ и свистъ флейтъ они привѣтствовали другъ друга поклонами, являлась гвардія короля—рыцари полумѣсяца, ордена учрежденнаго королемъ Рене въ 1448 году. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 10 часовъ вечера, начиналось великое шествіе, происходившее въ слѣдующемъ порядкѣ: Фамя, богиня славы, трубящая въ рогъ, барабанщики и флейтисты, рыцари и маршалы открывали шествіе. За ними ѣхали на ослахъ герцогъ и герцогиня Урбино, окруженные нѣсколькими рыцарями, барабанщиками и флейтистами.

Это была недостойная насмѣшка надъ Фридрихомъ I, герцогомъ Урбино, который былъ убитъ сыномъ короля Рене, Пиччини, въ 1460 году, тѣмъ болѣе недостойная и не дѣлавшая чести благочестивому королю Рене, что Фридрихъ I былъ отличный регентъ и замѣчательно храбрый полководецъ.

Потомъ слѣдовали Момусъ—богъ насмѣшки, окруженный сатирами и лѣшими, дразнящими его; Меркурій—посолъ боговъ, ночь—на конѣ, прокаженные и игра съ кошкой, далѣе ѣхали на коняхъ Плутонъ—богъ преисподней и Прозерпина; происходили большая и малая игры бѣсовъ; послѣ нихъ шли фавны и дріады, нимфы и разныя божества лѣсовъ, танцующія подъ музыку барабановъ, флейтъ и цимбаловъ; Панъ, богъ пастуховъ и охотниковъ, верхомъ на конѣ съ семиствольною свирѣлью, которую, по миѳологическому сказанію, онъ самъ изобрѣлъ; Аполлонъ и Діана, богиня охоты, на коняхъ. Савская царица и барабанщики; богъ времени Сатурнъ со своей супругой Цибеллой (Реей) и барабанщики; огромная, красиво убранная колесница и на ней Юпитеръ, его супруга Юнона, Венера и амуръ—«шутки игры и радости». Въ заключеніе ѣхали на лошадяхъ три богини судьбы—Парки и, наконецъ, появлялся старый другъ-смерть, съ громадной косой, которою она махала во всѣ стороны съ дикими восклицаніями. И такъ шествіе заключалось, какъ и все въ жизни—смертью.

Другое замѣчательное средневѣковое торжество подобнаго же рода, именно—религіозное шествіе въ праздникъ Обрѣтенія Честнаго Креста Господня, происходило 3-го мая 1531 года въ Лёбау.

Въ первомъ томѣ «Ежемѣсячника Лаузицера» за 1802 годъ (стр. 103), помѣщено подробное описаніе этого торжественнаго шествія. Тамъ, между прочимъ, мы читаемъ: «Персоналъ, необходимый при этомъ шествіи, былъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ: на долю ткачей выпали роли: юноши съ запрещеннымъ деревомъ, Арама и херувима съ огненнымъ мечемъ; булочники изображали Іосифа и Марію, убѣгающихъ въ Египетъ, рудокопы—четырехъ Евангелистовъ, башмачники—Христа, взятаго подъ стражу и солдатъ; на долю мясниковъ выпали роли дьявола, смерти и Іуды.

Поруганіе и вѣнчаніе Спасителя терновымъ вѣнцомъ изображали портные и мѣховщики; изъ бондарей выбрали двухъ разбойниковъ съ ихъ стражей, а изъ рыбаковъ—четырехъ самыхъ честныхъ людей, которые должны были нести Христа для положенія въ гробъ. На обязанности сапожныхъ подмастерьевъ было представленіе страшнаго суда и Христа—Судіи міра.

Важнымъ добавленіемъ къ этому шествію служатъ такъ называемыя процессіи Великой Пятницы и трагедіи, въ которыхъ смерть является всегда дѣйствующимъ лицомъ. Но мы должны прежде упомянуть о процессіяхъ вербы, осла и Великой Пятницы, въ Гемюндѣ, въ Швабіи, гдѣ они совершались еще до 1802 года. Оселъ—символъ лѣности и глупости, но, вмѣстѣ съ тѣмъ,—терпѣнія и трудолюбія, въ древности пользовался особеннымъ уваженіемъ. Для христіанскаго міра онъ имѣлъ важное значеніе, потому, во-первыхъ, что послужилъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи при бѣгствѣ ея въ Египетъ и во-вторыхъ,—Христу при входѣ въ Іерусалимъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что духовенство въ старину почтило осла праздникомъ. Народъ принималъ живѣйшее участіе въ устроивавшейся духовными лицами въ день Вербнаго Воскресенья процессіи и радостно привѣтствовалъ служителей церкви, когда они съ осломъ и пальмовыми вѣтвями проходили по улицамъ города.

Торжество въ Гемюндѣ происходило слѣдующимъ образомъ: обвѣшанное серебромъ и украшенное цвѣтами изображеніе Христа на ослѣ, тоже разубранномъ, во вкусѣ того времени, везли на восьми лошадяхъ, въ сопровожденіи магистрата и духовенства, по городскимъ улицамъ въ госпитальную церковь и тѣмъ же порядкомъ—обратно.

Въ случаѣ дурной погоды, процессія происходила въ городскомъ театрѣ. По окончаніи духовнаго представленія, начиналось шествіе по городу. Впереди ѣхалъ человѣкъ, съ ногъ до головы одѣтый въ черное. За нимъ смерть—верхомъ на конѣ, св. Женевьева въ сопровожденіи охотниковъ; за ними слѣдовали: Симеонъ въ цѣпяхъ, семь смертныхъ грѣховъ, бѣсенята и смерть—въ коляскѣ; Адамъ и Ева, Логинъ на лошади, литаврщики и трубачи; Иродъ, Пилатъ и весь іудейскій совѣтъ также на лошадяхъ; далѣе—Христосъ, несущій крестъ, и евреи; Марія, Вероника, Мароа, Магдалина и царь Константинъ съ крестомъ. Шествіе замыкалось нѣсколькими крошечными мальчиками на лошадяхъ, одѣтыми въ гусарское платье. Въ продолженіе всего шествія говорились самыя пошлыя остроты, въ жалкихъ, тяжелыхъ стихахъ. Повидимому, прибавляетъ составитель описанія, слушателямъ очень нравилась эта безсмыслица, такъ какъ тогдашняя молодежь встрѣчала каждую плоскость взрывами хохота и шумными знаками одобренія.

Въ Каринтіи, ежегодно въ Великую Пятницу исполнялась траге-

дія, имѣющая связь съ вышеописанными религіозными торжествами. Объ этой трагедіи, дававшейся на рынкѣ, пишетъ Серторіусъ во второй части своихъ путешествій по Австріи, Зальцбургу и проч.

Трагедіи Великой Пятницы, весьма любимыя и участниками и зрителями, въ Каринтіи, должны были имѣть воспитательное значеніе, но въ сущности, были только далеко не остроумными арлекинадами. Трагедія, представлявшая страсти Христовы, была, впрочемъ, извѣстна только въ средней и южной частяхъ герцогства, тамъ, гдѣ народъ говоритъ на нѣмецкомъ языкѣ. Школьные учителя, ремесленники и крестьяне, собирались въ громадномъ числѣ для исполненія этой трагедіи. Невѣжество и предразсудки породили ее, а равнодушіе правительства позволило ей долгое время удерживаться среди народныхъ обычаевъ.

Представленіе начиналось появленіемъ смерти, которая произносила: «hodie-mihi, cras-tibi». Затѣмъ смерть объясняла, какъ велика ея власть надъ всѣмъ живущимъ. Потомъ являлась отказавшаяся отъ міра Магдалина, въ сопровожденіи двухъ бѣсовъ. Послѣ этого представлялся пиръ въ домѣ Симона. Христосъ, Симонъ, Магдалина, Петръ, Іоаннъ и Іуда, разговариваютъ между собою. Два бѣса ведутъ обольстительныя рѣчи съ Іудой. Затѣмъ представленіе происходитъ въ такой послѣдовательности: Высшее судилище іудеевъ, Анна и Каіафа съ 8 другими судьями, Іосифъ Аримоѳейскій, Никодимъ и др.; Іуда-предатель. Военачальникъ получаетъ приказаніе схватить Христа. Христосъ прощается съ пресвятою Дѣвою, Марѳою и Магдалиною. Христосъ ужинаетъ съ учениками и, затѣмъ, совершаетъ омовеніе ногъ. Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду; его утѣшаетъ ангелъ, въ видѣ крестьянскаго мальчика; вокругъ лежатъ спящіе ученики. Взятіе подъ стражу. Монологъ смерти, послѣ котораго исполняется «пѣснь объ агнцѣ»; допросъ передъ Каіафою. Петръ отрекается отъ своего Господа и Учителя. Далѣе слѣдуетъ приведеніе къ Пилату и Ироду и начинается поруганіе Христа. Второй монологъ смерти. Раскаянье Петра. Отчаянье Іуды, который, при ликованіи бѣсовъ, давится на деревѣ. Окончательный судъ передъ Пилатомъ. Бичеваніе Христа (оно производилось помощникомъ палача). Ангелъ, поющій пѣснь объ истерзанномъ Богочеловѣкѣ. Громкое чтеніе смертнаго приговора; еще монологъ смерти. Выводъ. Плачь Вероники и Маріи. Симона Киринеянина учтиво приглашаютъ помочь нести крестъ. Пригвожденіе ко кресту. Послѣднія слова. Смерть и ея третій монологъ.

Подробное описаніе одной изъ процессій Великой Пятницы даетъ Гиртингъ въ I т. (стр. 226) своего этнографическаго архива. Здѣсь смерть также принимаетъ дѣятельное участіе.

Извѣстному старинному празднику св. Григорія желали придать большее значеніе посредствомъ введенія въ него смерти. Такъ ему былъ приданъ совершенно своеобразный характеръ въ Эйзенбергѣ въ 1693 году.

Торжественно тянулась—говорится въ одной рукописи объ этомъ праздникѣ — въ день св. Григорія веселая школьная молодежь, украсивъ свои ряды всевозможными аллегорическими изображеніями. Во главѣ шествія выступалъ предводитель съ бердышемъ и саксонскимъ щитомъ съ гербами; барабанщики и прапорщики слѣдовали за нимъ. Потомъ шелъ городъ Эйзенбергъ, въ образѣ прекрасно одѣтой, въ драгоцѣнномъ уборѣ съ вѣнкомъ на головѣ, дѣвушки. Ее сопровождали ангелы, а за ней шла смерть съ двумя могильщиками; за смертью слѣдовалъ раздраженный богъ войны—Марсъ, съ своими тѣлохранителями, несущими щиты. За ними шло множество нищихъ въ сопровожденіи голода. Но вслѣдъ затѣмъ шла богиня здоровья—Гигіена, за ней Ирина—богиня спокойствія, и Амальтея—богиня избытка. Такимъ образомъ, первая часть шествія заключалась весьма утѣшительно. Второе шествіе открывали знаменосцы; за ними дикарь несъ березу. Далѣе шли: императоръ, король, курфюрсты, князья; каждый изъ нихъ былъ окруженъ блестящей свитой. За ними слѣдовали ихъ семейства, потомъ художники, ремесленники, мѣщане и крестьяне. Рядомъ бѣжали арлекины. Самое представленіе шло въ слѣдующемъ порядкѣ:

Прекрасная дѣвушка, изображавшая городъ Эйзенбергъ, пѣла веселую пѣсню, въ которой выражала свое счастіе. Два ангела-хранителя пѣли и радовались съ ней; но тутъ приходили смерть, война и голодъ. Завидуя благосостоянію города, они угрожали ему всѣми своими бѣдствіями. Испуганный страшными угрозами, Эйзенбергъ съ воплемъ падалъ ницъ. Тогда появлялся епископъ Григорій, чтобы утѣшить его. Съ нимъ приходили Здоровье, Спокойствіе и Довольство. Всѣ они говорили и пѣли городу самыя отрадныя вещи. Затѣмъ они мужественно нападали на враговъ. Ангелы и арлекины приходили къ нимъ на помощь, побѣждали бога войны, смерть связывали и уводили прочь.

Праздникъ оканчивался оживленными танцами и веселымъ пѣніемъ молодежи. Особенной любовью пользовались въ глубокой древности представленія Великой Пятницы. Трагедіи на этотъ случай писались и прозою и стихами. Въ нихъ изображалась вся исторія страстей Господнихъ и это назидательное представленіе длилось часто цѣлую недѣлю. Свѣдѣнія объ этомъ можно почерпнуть изъ «Евангельскаго памятника города Франкфурта» I. Б. Риттера (стр. 32). Этотъ родъ представленій, хотя немного измѣненный, удержался до конца XVII и даже до начала XVIII вѣка и постепенно перешелъ въ кантаты и ораторіи.

При процессіяхъ и торжествахъ, не имѣвшихъ религіознаго характера, смерть, въ старину, играла то же не маловажную роль. Изъ подобныхъ представленій извѣстнымъ и любимымъ народомъ было шествіе Pietro di Cosimo (Петра Козимо) во Франціи въ 1559 году.

Изъ біографіи Пьетро-ди-Козимо (Т. II стр. 35) мы узнаемъ, что уже въ самой первой молодости онъ обладалъ необыкновеннымъ воображеніемъ, энергіей и рѣдкой изобрѣтательностью. Еще въ ранней молодости его приглашали на совѣтъ при устройствѣ карнавалъ-маскарадовъ, которымъ итальянцы всегда предавались съ особеннымъ увлеченіемъ. Онъ, при помощи своей богатой фантазіи, умѣлъ придумать такую роскошную, блестящую групировку, и обставить процессію такой пышностью и величіемъ, что его считаютъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, способствовавшихъ тому, что обыкновенныя процессіи обратились въ торжественныя шествія. По крайней мѣрѣ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что именно онъ придалъ этимъ шествіямъ чрезвычайное оживленіе, введя въ нихъ музыку, пѣніе, массу участвующихъ и необыкновенную роскошь одѣяній. «Изъ многихъ процессій, устроенныхъ Пьетро-ди-Козимо,—разсказываетъ Киндъ—(по Вазари)—особенно замѣчательна одна, которую онъ придумалъ и исполнилъ уже въ болѣе зрѣлые года, и которая, въ противоположность обыкновенно игривымъ и веселымъ выдумкамъ того времени,—отличалась страшными поразительными неожиданностями. Такъ, для этой процессіи была изготовлена и поставлена, въ такъ называемомъ папскомъ залѣ, похоронная колесница. Никто не подозрѣвалъ о ея существованіи до того момента, какъ она появилась передъ толпой. Сначала показалась огромная, запряженная волами колесница, совершенно черная, съ нарисованными костями мертвецовъ и бѣлыми крестами. На верхушкѣ колесницы сидѣла гигантская фигура смерти съ косой въ рукѣ. Колесницу окружало множество гробовъ, которые открывались каждый разъ, когда поѣздъ останавливался, и изъ нихъ поднимались фигуры, одѣтыя въ черный холстъ, на которомъ были нарисованы кости. На лицахъ этихъ фигуръ были надѣты маски, столь натурально изображавшія черепа, что видъ ихъ наводилъ ужасъ на зрителей. Эти мертвецы, при глухихъ звукахъ трубъ, поднимались до половины изъ своихъ гробовъ и пѣли подъ заунывные звуки музыки пѣсню, которая съ тѣхъ поръ получила большую извѣстность. Впереди колесницы и за нею ѣхало безчисленное множество людей также одѣтыхъ мертвецами. Для этого избирались самые хилые, дряблые и исхудалые изъ жителей города. Всѣ были покрыты черными покрывалами со множествомъ бѣлыхъ крестовъ. Каждаго изъ этихъ похожихъ на привидѣнія всадниковъ, сопровождали четверо, тоже костюмированныхъ мертвецами, слугъ, съ черными факелами въ рукахъ и большимъ знаменемъ, на которомъ были нарисованы кресты, кости и и черепа. За торжественною колесницею смерти несли 10 черныхъ знаменъ и во время шествія вся эта масса народа пѣла дрожащими голосами покаянный псаломъ Давида».

Это мрачное представленіе, казалось бы, несовсѣмъ было прилично для карнавала, но, новизна и необычайность, сначала поразившія толпу, вызвали, вмѣстѣ съ невольнымъ ужасомъ и общее удивленіе и одобреніе. «Многіе изъ насъ, стариковъ, разсказываетъ Вазари—бывшіе свидѣтелями этого удивительнаго шествія—сохранили о немъ живѣйшее воспоминаніе и до сихъ поръ не перестаютъ удивляться и прославлять эту необычайную, мрачную, но величественную выдумку».

Изображеніе и описаніе всевозможныхъ итальянскихъ процессій, которыя устроивались королемъ Рене, Пьетро-ди-Козимо и другими, подали мысль курфюрсту Августу устроить подобное шествіе въ Дрезденѣ, 7-го февраля, 1695 года.

Въ этой процессіи, между другими аллегорическими и миѳологическими фигурами, былъ самъ курфюрстъ, принявшій на себя роль Меркурія; онъ ѣхалъ на колесницѣ, везомой скелетами и сопровождаемой могильщиками. Съ нимъ ѣхали обѣ богини смерти: Марта и Либитина. Роль первой приняла на себя, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, оберъ-гофмейстерина фонъ-Эрдмансдорфъ, а второй—нѣкая госпожа фонъ-Шлейницъ. Обѣ были въ черныхъ платьяхъ и имѣли въ высоко-взбитыхъ волосахъ—песочные часы.

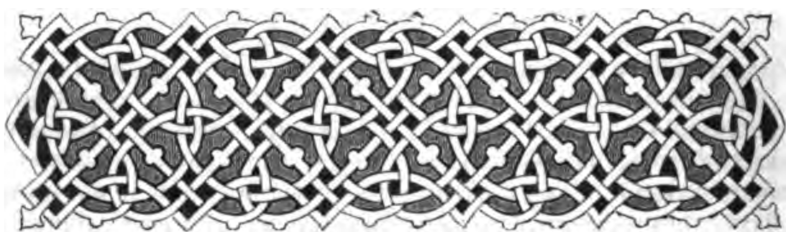
Можно написать цѣлые томы о средневѣковыхъ маскарадахъ, но мы ограничимся только указаніемъ на то, что въ большей части народныхъ празднествъ главную роль играютъ смерть и дьяволъ.

Являясь при поражающей обстановкѣ, смерть должна была производить глубокое впечатлѣніе и служить постояннымъ напоминаніемъ краткости и непрочности земной жизни. Но въ общемъ всѣ эти празднества имѣли главною цѣлью удовольствіе и развлеченіе. Въ собраніи старинныхъ политипажей Бекера (ч. I, отд. 5 б. № 9.) находится изображеніе одного подобнаго маскарада; точно также видимъ мы изъ исторіи драматической литературы, что въ древнихъ трагедіяхъ на обязанности смерти и дьявола лежало: «съ подмостковъ забавлять и предостерегать публику». Изъ большаго числа подобныхъ трагедій можно указать, напримѣръ, на «Юту, жену Ревенблюта», которая появилась въ 1480 году, и въ которой дѣйствующими лицами выступаютъ смерть и восемь бѣсовъ, и на фарсъ «О кумѣ смерти и о кумѣ чортѣ», который исполнялся въ бывшемъ зáмкѣ курфюрста въ Дрезденѣ еще до 10-го сентября 1677 года. Во многихъ изображеніяхъ смерти №№ 31 и 40 Гольбейновской пляски, № 10 Любенской и №№ 12 и 29 Эрфуртской «плясокъ смерти», мы встрѣчаемъ борющуюся смерть. Въ королевскомъ саксонскомъ собраніи гравюръ, тоже сохраняется листъ, на которомъ смерть, изображенная бойцомъ, стоитъ передъ своимъ противникомъ. Относительно этихъ изображеній, весьма вѣроятнымъ является предположеніе, что въ средніе вѣка возникала

мысль представить смерть въ видѣ борца, и нѣтъ сомнѣнія даже, что при какомъ-нибудь народномъ торжествѣ были устроиваемы представленія подобной борьбы. Достовѣрно извѣстно, что существовалъ балетъ, называвшійся «пляска мертвецовъ», исполнители котораго давали иногда публичныя представленія, и въ своихъ танцахъ представляли борьбу со смертью, въ которой одинъ изъ борцовъ обыкновенно представлялся убитымъ.

Заканчивая обзоръ процессій и аллегорическихъ представленій, въ которыхъ участвовалъ образъ смерти и, обращаясь снова къ изображеніямъ такъ называемой «пляски смерти», необходимо сказать, что, повидимому, отжившіе памятники этого рода, сохранившіеся еще кое-гдѣ въ Западной Европѣ, не смотря иногда на полное отсутствіе въ нихъ художественности, до сего времени производятъ на зрителя весьма сильное впечатлѣніе.

Е. Опочининъ.



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей; очерки изъ исторіи политическихъ идей древней Руси. Спб. 1889.

АЗВАННОЕ СОЧИНЕНІЕ г. Дьяконова является магистерской диссертаціей, представленной въ Спб. университетъ на соисканіе ученой степени магистра государственнаго права. Вопросъ, затронутый г. Дьяконовымъ въ его «очеркахъ», являясь однимъ изъ основныхъ вопросовъ въ исторіи русскаго права, далеко еще не можетъ считаться окончательно выясненнымъ. Дѣйствительно, по поводу того, какъ, когда и вслѣдствіе какихъ причинъ, возникла самодержавная власть русскихъ государей, въ наукѣ существуетъ много разнообразныхъ мнѣній. Анализируя содержаніе этихъ мнѣній, можно придти къ тому выводу, что на образованіе самодержавной власти русскихъ государей вліяли многіе факторы, въ числѣ которыхъ весьма видную роль играли византійскія идеи, вслѣдствіе тѣхъ отношеній, какія установились между Византіей и древней Русью послѣ принятія послѣдней христіанства. Само собой разумѣется, что для выясненія значенія византійскаго вліянія, какъ фактора образованія самодержавія русскихъ государей, необходимо прежде всего изучить строй государственныхъ и общественныхъ отношеній Византіи и ея политическую исторію. Только произведя подобную работу, можно до извѣстной степени безошибочно опредѣлить степень византійскаго вліянія въ области русскаго государственнаго права вообще, и въ отношеніи образованія самодержавной власти русскихъ государей въ частности. Между тѣмъ, г. Дьяконовъ, задавшійся цѣлью разрѣшить вопросъ о «возникновеніи и развитіи идеи самодержавной власти московскихъ царей» и имѣя дѣло исключительно съ однимъ византійскимъ вліяніемъ, какъ, по его мнѣнію, единственнымъ

факторомъ русскаго самодержавія, по собственному же своему сознанію, совершенно «не обладаетъ для этого спеціальной подготовкой византиниста». Такимъ образомъ, читатель «очерковъ» г. Дьяконова уже заранѣе предувѣдомляется самимъ авторомъ, что чего-нибудь существенно новаго, могущаго содѣйствовать разрѣшенію вопроса о происхожденіи самодержавной власти русскихъ государей, онъ не найдетъ въ «очеркахъ». И дѣйствительно, большая ихъ часть имѣетъ исключительно компилятивный характеръ, что, впрочемъ, не скрывается и самимъ авторомъ, обязательно указывающимъ читателю, что четыре первыя главы его книги (всѣхъ шесть главъ) не заключаютъ въ себѣ ничего оригинальнаго, такъ какъ содержаніе ихъ основывается на «результатахъ, уже добытыхъ ученой критикой». Рѣчь автора здѣсь поэтому «ограничивалась преимущественно сводомъ» этихъ результатовъ. «То немногое, говоритъ г. Дьяконовъ, что удалось автору прибавить къ выводамъ ученой критики, не измѣняетъ ихъ существеннаго содержанія» (предисл.).

Въ первой главѣ своей книги, г. Дьяконовъ даетъ очеркъ политическихъ и церковныхъ отношеній древней Руси и Византіи. Положенія автора въ этой главѣ далеко не отличаются опредѣленностью и ясностью, не рѣдко они даже взаимно исключаютъ другъ друга. Весьма возможно, что причина этого кроется въ трудности вопроса и въ некомпетентности автора, какъ византиниста. Такъ, на стр. 10, 11 и 12, г. Дьяконовъ признаетъ, что византійскому императору принадлежали разныя права—судебныя и административныя—въ отношеніи управленія русской церковью, признававшіяся и русскими князьями, что свидѣтельствуетъ не только въ пользу церковной, но и политической подчиненности древней Руси отъ Византіи (такъ какъ названныя права принадлежали не только патріарху, но и императору, т. е. главѣ государства). На стр. 17 г. Дьяконовъ указываетъ на присутствіе въ теченіе столѣтія въ Константинополѣ значительнаго отряда русскаго войска, что также свидѣтельствуетъ въ пользу извѣстнаго обязательства, принятаго на себя русскими по отношенію къ Византіи. Подобная точка зрѣнія, по мнѣнію г. Дьяконова, тѣмъ болѣе умѣстна, что подтверждается примѣромъ изъ исторіи отношеній Сербіи и Византіи. «Извѣстно, говоритъ г. Дьяконовъ, что вассальныя отношенія Сербіи къ Византіи выражались въ томъ, что первая должна была выставлять при походахъ императоровъ опредѣленную военную силу». Наконецъ, на стр. 57 г. Дьяконовъ уже прямо называетъ византійскаго императора «политическимъ главой всего православнаго міра», въ томъ числѣ, слѣдовательно, и Россіи. И вдругъ, послѣ всего сказаннаго, на стр. 13 г. Дьяконовъ начинаетъ доказывать на основаніи грамотъ, посылавшихся императорами на Русь, что послѣдняя въ политическомъ отношеніи ни въ какой подчиненности отъ Византіи не состояла, завися отъ нея только въ церковномъ отношеніи! Такихъ противорѣчій, свидѣтельствующихъ о неустановленности взглядовъ г. Дьяконова на трактуемый имъ предметъ, имѣется еще нѣсколько въ этой главѣ, но въ виду недостатка мѣста, намъ придется умолчать о нихъ.

Во второй главѣ, авторъ разсматриваемой книги излагаетъ политическія темы древнерусской письменности, причемъ весьма подробно анализируетъ содержаніе литературныхъ памятниковъ, являвшихся проводниками къ намъ византійскихъ теорій о власти. Г. Дьяконовъ приходитъ къ тому заключенію, что эти теоріи не имѣли никакого практическаго значенія въ

удѣльно-вѣчевую эпоху русской исторіи. Названное мнѣніе совершенно вѣрно, но, къ сожалѣнію, совсѣмъ не доказано и является вполнѣ голословнымъ положеніемъ. Объясняется это тѣмъ, что въ разсматриваемой главѣ (какъ и въ большинствѣ другихъ главъ своей книги) г. Дьяконовъ обращаетъ исключительное вниманіе только на изложеніе содержанія литературныхъ памятниковъ и совершенно игнорируетъ изученіе строя политическихъ и общественныхъ отношеній древней Руси съ цѣлью выясненія основныхъ началъ этого строя. А между тѣмъ подобная работа во всякомъ историко-юридическомъ изслѣдованіи (какимъ и являются «очерки» г. Дьяконова, представленные на соисканіе ученой степени магистра государственнаго права) должна быть на первомъ планѣ, тѣмъ болѣе, что путемъ выясненія началъ государственнаго быта древней Руси и сравненія ихъ съ византійскими государственными теоріями г. Дьяконовъ могъ бы объяснить своему читателю тѣ причины, благодаря которымъ византійское вліяніе было совсѣмъ безрезультатно въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи. Читатель «очерковъ» г. Дьяконова увидѣлъ бы тогда, что договорное начало, легшее въ основу всего государственнаго, гражданскаго и общественнаго быта древней Руси, служило главнымъ препятствіемъ этому вліянію, въ виду полнѣйшаго своего несоотвѣтствія съ византійскими государственными принципами. Нужно было монгольское завоеваніе со всѣми его послѣдствіями въ области политичекихъ и общественныхъ отношеній древней Руси, чтобъ подготовить почву для воспріятія визант!йскихъ идей и для извѣстнаго вліянія съ ихъ стороны на государственный и общественный бытъ Россіи. Подобныя благопріятныя условія наступили въ періодъ Московскаго государства, когда византійскія теоріи и получили до нѣкоторой степени практическое осуществленіе, въ особенности послѣ брака Ивана III и греческой царевны Софьи Палеологъ. Читая же книгу г. Дьяконова выносишь совершенно неправильное представленіе о причинахъ удачи византійскаго вліянія въ московское время. Такъ, въ третьей главѣ, посвященной политическимъ слѣдствіямъ Флорентійской уніи и паденія Византійской имперіи, г. Дьяконовъ старается показать, что благодаря, главнымъ образомъ, этимъ двумъ событіямъ византійское вліяніе усилилось въ Москвѣ и отразилось въ сферѣ политическихъ отношеній Московскаго государства. Намъ кажется, что не будь многихъ другихъ факторовъ, измѣнившихъ политическій строй удѣльно-вѣчевой Руси и создавшихъ власть московскаго великаго князя, о которыхъ г. Дьяконовъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ, то ни Флорентійская унія, ни паденіе Константинополя, не имѣли бы ни малѣйшихъ политическихъ послѣдствій въ жизни русскаго государства.

Въ четвертой главѣ разсматриваемыхъ «очерковъ» излагается содержаніе памятниковъ нашей письменности въ московское время, т. е. начиная съ половины XV ст. и заканчивая XVI ст. Г. Дьяконовъ излагаетъ здѣсь только тѣ памятники, которые были проводниками византійскаго вліянія, т. е. произведенія писателей іосифлянскаго направленія. Что касается до пятой главы, то въ ней г. Дьяконовъ даетъ очеркъ дипломатическихъ сношеній московскаго правительства съ сосѣдними государствами изъ-за принятія Иваномъ IV новаго титула царя. Въ обѣихъ главахъ авторъ разсматриваемой книги проводитъ то мнѣніе, что въ московское время византійскія идеи получили практическое осуществленіе. Въ особенности нужно это

сказать о царствованіи Ивана IV, который будто бы «примѣнилъ эти идеи въ полномъ объемѣ на практикѣ» и нормировалъ «сообразно съ ними внѣшнія и внутреннія государственныя отношенія» (ст. 138 и 139). Это положеніе г. Дьяконова и голословно и невѣрно. Голословно оно, потому что не доказано, а не доказано, потому что для этого нельзя ограничиться изложеніемъ одного только содержанія литературныхъ памятниковъ или очерка дипломатическихъ сношеній Москвы. Нужно было произвести, кромѣ того, и другую работу (что для юриста опять-таки обязательно), а именно изучить строй политическихъ и общественныхъ отношеній Московскаго государства и выяснить основныя начала, легшія въ основаніе его; тогда можно было бы показать, во-первыхъ, отразилось ли или нѣтъ византійское вліяніе на государственномъ бытѣ Москвы, и, во-вторыхъ, если отразилось, то въ чемъ именно? Такимъ образомъ, результатомъ подобной работы было бы уясненіе степени византійскаго вліянія, т. е. опредѣленіе роли и значенія византійскихъ теорій, въ качествѣ одного изъ факторовъ государственнаго строя Москвы вообще, и самодержавной власти московскаго государя въ частности. Тогда бы г. Дьяконову пришлось убѣдиться, что мнѣніе его на счетъ осуществленія на практикѣ въ полномъ объемѣ византійскихъ государственныхъ теорій у насъ въ XVI столѣтіи крайне преувеличено. Онъ увидѣлъ бы, что Иванъ IV, хотя и былъ убѣжденнымъ адептомъ этихъ теорій, но на практикѣ далеко не осуществилъ ихъ въ полномъ объемѣ, продолжая управлять своимъ государствомъ въ общемъ «по старинѣ», столь священной для всякаго древняго русскаго. Онъ увидѣлъ бы, что грозный царь, не смотря на всѣ свои теоріи о самодержавной власти, по прежнему совѣщался съ боярами, мало того, даже во время опричины, т. е. въ періодъ наибольшаго развитія антагонизма между нимъ и боярами, предоставилъ думѣ управленіе земщиной, т. е. большею частью государства, требуя чтобы дума являлась къ нему съ докладомъ только по самымъ важнымъ дѣламъ, всѣ же остальныя дѣла разрѣшала бы вполнѣ самостоятельно. Этотъ же грозный царь неоднократно обращался къ народу, какъ въ формѣ земскихъ соборовъ, такъ и въ иной формѣ. Ему же приписываетъ составитель Стоглава столь непонятные въ устахъ византійскаго автократора и вполнѣ естественные въ устахъ русскаго царя слова: «если я буду вамъ (боярамъ и чинамъ церковнаго собора) супротивенъ, вы о семъ не умолкните, воспрещайте мнѣ безъ всякаго страха» и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, еслибъ г. Дьяконовъ руководствовался въ своихъ «очеркахъ» указаннымъ выше методомъ, обязательнымъ въ юридическомъ изслѣдованіи, то онъ увидѣлъ бы, что, хотя византійское вліяніе несомнѣнно существовало въ Москвѣ (результатомъ его было принятіе новаго титула «царя» и «самодержца», установленіе новаго герба и обряда—вѣнчанія на царство, созданіе разныхъ политическихъ фикцій, выработка политическихъ идеаловъ, наконецъ, усиленіе власти московскаго великаго князя, на что жалуются современники, видоизмѣненіе прежней патріархальной придворной жизни на новую, построенную по византійскому шаблону; вліяніе сказалось даже въ области офиціальнаго языка, наприм. «холопи твои» такіе-то, слова, съ которыми обращались древніе русскіе къ государямъ — переводъ съ греческаго: «рабы твои» такіе-то и т. д.), но что въ общемъ государственный и общественный бытъ Московскаго государства далеко не былъ скроенъ по византійскому образцу и обладалъ многими оригиналь-

ными и самобытными чертами, являвшимися продуктомъ долгой исторической жизни русскаго народа — выводъ, къ которому теперь не можетъ придти читатель разсматриваемой книги.

Было уже сказано, что г. Дьяконовъ обращаетъ вниманіе только на тѣ литературные памятники, авторы которыхъ принадлежатъ къ іосифлянской партіи. Между тѣмъ, кромѣ упомянутыхъ памятниковъ, существовали еще другіе, авторы которыхъ, будучи заклятыми врагами іосифлянъ, высказывали совершенно иныя воззрѣнія, гораздо болѣе гармонировавшія съ основами древне-русскаго государственнаго и общественнаго быта и ничего общаго не имѣвшія съ византійскими политическими идеалами. Умолчаніе объ этой категоріи памятниковъ въ изслѣдованіи, посвященномъ «исторіи политическихъ идей древней Руси», какъ называетъ свое произведеніе г. Дьяконовъ, и имѣющимъ цѣлью показать «развитіе политическаго самосознанія» нашихъ предковъ, болѣе, чѣмъ странно. Неужели же ростъ нашего политическаго самосознанія въ XV и XVI ст. выражался только въ усвоеніи и въ повтореніи на всѣ лады византійскихъ теорій и идеаловъ, т. е. лишенъ былъ всякой оригинальности и самобытности? Историческіе факты противъ подобнаго заключенія, вытекающаго, какъ неизбѣжный логическій выводъ, изъ изслѣдованія г. Дьяконова. Напротивъ, анализируя содержаніе литературныхъ памятниковъ оппозиціоннаго іосифлянамъ направленія, мы видимъ, что ростъ политическаго самосознанія нашихъ предковъ выражался не въ повтореніи византійскихъ теорій, какъ у Іосифа Волоцкаго и его послѣдователей, а въ выработкѣ вполнѣ самобытныхъ политическихъ идеаловъ на почвѣ національныхъ государственныхъ и общественныхъ отношеній. Такъ, изъ анализа содержанія памятниковъ антиіосифлянскаго направленія мы можемъ себѣ составить понятіе о власти государя съ точки зрѣнія ихъ авторовъ. Глава государства, по ихъ мнѣнію, не надѣленъ властью византійскаго автократора, это не какой-то богъ на землѣ («естествомъ бо земнымъ подобенъ есть всякому человѣку цезарь, властью же сана, яко Богъ»), являющійся грознымъ карателемъ еретиковъ и отступниковъ отъ правовѣрія, нѣтъ, это — такой же смертный, какъ всѣ остальные, а потому и способный ошибаться, какъ всѣ, способный обладать «величествомъ» и «высокоумной гордостью» и даже быть лишеннымъ «дарованій», вслѣдствіе «неполученія» ихъ отъ Бога. Въ виду этого, онъ управляетъ государствомъ не иначе, какъ совѣщаясь съ своими «извѣчными пріятели, князи и бояры» и со «всякихъ чиновъ людьми». Такимъ образомъ намъ рисуется симпатичный образъ земскаго царя, власть котораго основывается на единеніи съ народомъ, такъ какъ этотъ послѣдній въ лицѣ всѣхъ своихъ составныхъ элементовъ, начиная съ бояръ и князей, засѣдающихъ въ думѣ и кончая «всенародными человѣками», созванными на земскій соборъ, участвуетъ въ «благомъ» дѣлѣ «строеніи земли», чтобъ «государево и земское дѣло не стало». Очевидно, этотъ идеалъ не имѣетъ ничего общаго съ византійскимъ и выросъ исключительно на почвѣ древнерусскаго государственнаго быта, вполнѣ гармонируя съ его основными началами. Умолчавъ объ упомянутыхъ «политическихъ идеяхъ» въ изслѣдованіи, посвященномъ имъ, г. Дьяконовъ нарисовалъ совершенно невѣрную картину роста политическаго самосознанія нашихъ предковъ, что является однимъ изъ самыхъ крупныхъ пробѣловъ его книги.

Послѣдняя (шестая) глава «очерковъ» посвящена вопросу объ отноше-

ніяхъ государя и чиновъ служилаго класса. Здѣсь г. Дьяконовъ впервые покидаетъ излюбленную имъ сферу «идей» и обращается къ фактамъ, въ силу чего, между прочимъ, эта глава (единственная во всей книгѣ) имѣетъ юридическій характеръ. Но съ другой стороны она возбуждаетъ недоумѣніе въ читателѣ, вслѣдствіе отсутствія всякой связи между ея содержаніемъ и содержаніемъ всей книги. Это недоумѣніе еще увеличивается тѣмъ фактомъ, что изъ обширной области отношеній между государемъ и служилыми людьми г. Дьяконовъ произвольно беретъ одну сторону, именно вопросъ о правѣ отъѣзда и пріѣзда служилыхъ людей, между тѣмъ, какъ вопросъ объ отношеніяхъ между государемъ и членами служилаго класса въ сферѣ государственнаго управленія, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ его темѣ, совершенно упускаетъ изъ виду. А между тѣмъ, путемъ изученія этихъ «отношеній», равно какъ и отношеній къ другимъ общественнымъ классамъ и учрежденіямъ, можно было бы выяснить вопросъ о власти московскихъ государей, что, какъ извѣстно, и составляетъ основную тему изслѣдованія г. Дьяконова.

Въ нашей сравнительно небольшой замѣткѣ, мы не могли, конечно, исчерпать всѣхъ возраженій, возникающихъ въ умѣ читателя при чтеніи «историческихъ очерковъ» г. Дьяконова. Но въ виду интереса вопроса и далеко неудовлетворительной постановки и разрѣшенія его въ разсмотрѣнной книгѣ, мы вернемся еще къ болѣе подробному анализу содержанія этой послѣдней, но только въ другомъ мѣстѣ. В. Л—нъ.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей и юбилейный XV томъ его Записокъ. (Одесса. 1889).

На третій годъ послѣ выхода въ свѣтъ XIV тома Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, вышелъ ко дню юбилея Общества, т. е. къ 15 ноября 1889 года, XV томъ. Вмѣстѣ съ томомъ записокъ, вице-президентъ Общества, г. Юрьевичъ, издалъ и историческій очеркъ пятидесятилѣтія Общества, разсказывающій шагъ за шагомъ объ основаніи Общества, его ростѣ, и выясняющій его современное состояніе. Въ концѣ приложенъ указатель статей, помѣщенныхъ во всѣхъ XV томахъ Записокъ и перечень изданій Общества.

Просматривая весь трудный путь, который прошло это Общество въ теченіе 50 лѣтъ своего существованія, нельзя не обратить вниманія на ту пользу, которую оно принесло русской наукѣ, ставши центромъ историческаго изученія нашего юга.

Исторія и археологія Крыма и его древнихъ греческихъ поселеній, равнымъ образомъ какъ и послѣдующая исторія вообще юга Россіи, нашли хорошихъ и дѣльныхъ изслѣдователей въ сотрудникахъ Общества. Извѣстность историческихъ мѣстъ Крыма начинаетъ занимать русскую науку чуть ли не съ путешествія императрицы Екатерины II въ Крымъ, въ 1787 году, по повелѣнію которой написалъ свое сочиненіе Сестренцевичъ-Богушъ («Исторія Тавриды»). Путешествія Зуева и Гюльденштедта пролили также не мало свѣта на Таврическій полуостровъ. Извѣстный своей ученостью Потоцкій издалъ много сочиненій относительно Южнаго края (Описанія Скиѳіи, Сарматіи, Тавріи); путешествія же извѣстнаго ученаго Палласа и Муравьева-Апостола, затѣмъ Гутри, не только устанавливали болѣе вѣрныя свѣдѣнія

относительно Крыма, но и дали много новаго матеріала въ изданіяхъ рисунковъ съ памятниковъ древностей. (Изданіе Вакселя, напримѣръ, теперь совершенно устарѣвшее). Сокровища, скрывавшіяся въ античной почвѣ Тавриды давно уже привлекали вниманіе ученыхъ, каковы Ламотре, затѣмъ де-Бозъ, Сусье, Кари, Эккель и др. Съ сокровищами, которыя скрывались въ нашихъ курганахъ, впервые познакомилъ А. П. Мельгуновъ. Богатѣйшіе результаты раскопокъ кургановъ обратили на себя вниманіе извѣстнаго археолога Келлера, который сообщилъ еще и новыя монеты Ольвіи, Херсониса, Ѳеодосіи и положилъ основаніе изученію древностей Босфора своимъ «Разсужденіемъ о памятникѣ Комосаріи». Находки, увеличиваясь въ различныхъ городахъ, Ѳеодосіи, около Анапы, потребовали особаго центра и по мысли Ѳеодосійскаго градоначальника, С. М. Броиевскаго, учрежденъ былъ въ 1811 году въ Ѳеодосіи первый музей Южнаго края. Въ это время прибывшій въ Керчь Павелъ Дюбрюксъ (извѣстный впослѣдствіи изслѣдователь) занялся изслѣдованіемъ мѣстности и кургановъ. Однако, всѣ прежнія раскопки затмило собою раскрытіе кургана Куль-Оба, близь Керчи, подъ надзоромъ Стемпковскаго, когда открыты были разнообразные серебряные и золотые предметы, удивительно прекрасной античной работы: діадемы, украшенія, оружія, и ваза съ цѣлыми сценами изъ скиѳской военной жизни. Забота о сохраненіи древностей вызвала дальнѣйшія усилія въ этомъ направленіи, окончившіяся открытіемъ музеевъ въ Одессѣ въ 1825 г. и въ Керчи 1826 г. послѣ записки поданной Стемпковскимъ гр. Воронцову. Къ этому же времени (до 1864 г.) относится и дѣятельность Кеппена, извѣстнаго знатока древностей Крыма и ученаго. Со времени все болѣе и болѣе назрѣвавшаго интереса къ древностямъ Южнаго края и накопленія памятниковъ и ученыхъ работъ, сама собою выяснилась потребность въ органѣ, гдѣ могли бы быть они издаваемы: мысль объ учрежденіи Общества высказывалъ еще Стемпковскій, но мысль его была осуществлена лишь черезъ 7 лѣтъ. Трудами Стурдзы, Княжевича, Фабра, Киріякова, Мурзакевича, оно было основано и въ 1839 году высочайше утверждено по ходатайству графа Воронцова. Не имѣя возможности слѣдить за дальнѣйшимъ изложеніемъ дѣятельности Общества въ этой краткой замѣткѣ, мы отсылаемъ читателя къ брошюрѣ уважаемаго вице-президента, приведя лишь тѣ слова его, которыми характеризуется дѣятельность Общества. «Мы позволяемъ себѣ питать надежду, что вы признаете», говоритъ онъ, «за Обществомъ заслугу добросовѣстнаго, посильнаго, пятидесятилѣтняго труда и, смѣемъ думать, труда, небезполезнаго для науки. Вы согласитесь, что Общество расширило кругъ свѣдѣній о краѣ, если не вполнѣ разъяснивъ, то намѣтивъ всѣ важнѣйшіе вопросы, что оно пробудило охоту къ историко-археологическимъ изслѣдованіямъ и собрало для будущихъ изслѣдователей значительный, какъ литературный, такъ и вещественный матеріалъ... Вы видѣли также, мм. гг., что Обществу принадлежитъ заслуга, что оно спасло отъ истребленія не одинъ замѣчательный историческій памятникъ въ нашемъ краѣ. При малыхъ своихъ средствахъ Общество не могло сдѣлать больше и утѣшаетъ себя мыслью, что оно выполнило свой долгъ передъ наукой, которой посвятило свои труды и предъ Царемъ, своимъ Августѣйшимъ Покровителемъ». («Историч. очеркъ пятидесятилѣтія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей». В. Юргевичъ, Одесса, 1889 г., стр. 69, 70).

Послѣ этого краткаго очерка исторіи Общества, обратимся къ XV т. Записокъ, которыя и теперь, какъ и всегда, полны научнаго интереса. Первыя страницы Записокъ открываются статьею «О монетахъ города Тиры», самого вице-президента Общества, который проявляетъ вообще весьма плодотворную и обширную дѣятельность спеціалиста ученаго въ такихъ областяхъ, гдѣ она и необходима и весьма желательна. Достаточно указать, что здѣсь же онъ помѣстилъ статью о свинцовыхъ печатяхъ города Херсонеса; статьи эти имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи и археологіи этого города и уже были изданы имъ раньше, но теперь являются съ новыми поправками; затѣмъ его же статья объ амфорныхъ ручкахъ города Херсонеса, въ которой онъ съ достаточной вѣроятностью указываетъ на возможность выбѣлки посуды въ этомъ городѣ и прибавляетъ, правда скрупулезныя, но новыя данныя къ исторіи учрежденій этого города—существованіе въ немъ астиномовъ. Вообще, имя уважаемаго профессора и вице-президента въ этомъ томѣ попадается довольно часто, что указываетъ на его неослабѣвающую энергію въ изслѣдованіи излюбленныхъ имъ древностей, особенно Херсонеса. Особый, спеціальный интересъ представляетъ переписка извѣстнаго въ свое время мецената и ученаго Оленина, по матеріалу, (особенно въ статьѣ Дюбрюкса), который въ ней заключается, а также и по остроумнымъ и вѣрнымъ въ научномъ отношеніи взглядамъ этого собственно диллетанта (какъ онъ себя и называлъ) на древности Босфора и на многія частности въ ихъ объясненіи. Эти объясненія не представляютъ, правда, теперь новизны, но важно то, что онѣ во многомъ уже приняты въ археологіи, хотя и напечатаны впервые. Переводъ съ французскаго на русскій языкъ сдѣланъ проф. Латышевымъ. Къ перепискѣ приложены рисунки, находившіеся при бумагахъ. (Къ статьѣ Дюбрюкса и рисунки къ объясненіямъ самаго Оленина). Въ отдѣлѣ исторіи оконченъ печатаніемъ почтенный трудъ В. Смирнова, о которомъ мы надѣемся говорить отдѣльно, вслѣдствіе его обширости и интереса, который онъ представляетъ. Весьма интересныя страницы представляетъ статья: «Четыре эпохи въ жизни города Өеодосіи» Феликса Лагоріо, бывшаго французскаго консула, того времени, когда Франція (въ 20, 30 гг.), въ видахъ своихъ колоніальныхъ интересовъ, назначала на торговые и важные пункты людей съ политическимъ тактомъ и обширнымъ образованіемъ. Сужденія Феликса Лагоріо отличаются остроуміемъ и основательностью и имѣютъ важность для людей, интересующихся торговлей нашего юга.

Не обойденъ молчаніемъ также и вопросъ о Геродотовой Скиөіи въ отдѣлѣ географіи. Письма П. Н. Кречетова весьма просто и остроумно подходятъ къ вопросу о скиөскомъ четыреугольникѣ. На основаніи вѣскихъ соображеній, онъ дѣйствительно возстановляетъ географическія представленія Геродота о Скиөіи и укладываетъ на возстановленный имъ Геродотовъ четыреугольникъ современную карту четыреугольника. Такихъ же достоинствъ его письма о мѣстоположеніи города Карпиринита и о мѣстоположеніи области Будиновъ. Для занимающихся Геродотомъ это важная новинка.

Отдѣлъ, содержащій сборникъ матеріаловъ, оживленъ статьею В. Латышева относительно загадочныхъ Ольвійскихъ надписей, до сихъ поръ не объяснимыхъ. Основываясь формально на извѣстіи Діана Хризостама о варваризаціи эллинской рѣчи въ Ольвіи, онъ склоненъ думать, что эти

эпиграфическіе памятники принадлежать новой, позднѣйшей Ольвіи. Среди различнаго рода, подчасъ довольно странныхъ, объясненій знаковъ на ольвійскихъ львахъ, на песчаникѣ, изданномъ В. Юргевичемъ въ разбираемомъ томѣ, чуть ли не самое близко подходящее объясненіе дѣлаетъ В. Юргевичъ, приложенное къ сборнику тамгъ, или фамильныхъ знаковъ кавказскихъ горцевъ Е. Фелицына. Эти знаки и по способу писанія, и по характеру, совершенно сходны съ указанными надписями. В. Юргевичъ заключаетъ поэтому объ этнологическомъ родствѣ племенъ Кавказа съ народомъ, начертавшимъ эти знаки. По его мнѣнію, это фамильные знаки кочевыхъ родовъ.

Изъ прочихъ статей этого же отдѣла, относящихся къ позднѣйшей исторіи Южнаго края, укажемъ на матеріалы для этнографіи Болгаръ (сообщ. А. Кочубинскимъ), на письма Погодина къ Иноккентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому (сообщ. В. Яковлевымъ), на автобіографическія записки офицера Черноморскаго флота И. А. Полномочнаго, интересныя по чертамъ быта, воззрѣніямъ автора-крестьянина и нѣкоторымъ историческимъ подробностямъ (сооб. А. Матвѣевымъ).

Въ заключеніе, намъ остается пожелать Обществу и впредь продолженія его полезной и плодотворной дѣятельности на пользу отечественной науки. **Д. А—ловъ.**

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). С. А. Венгерова. Томъ I. 1886—1889.

Въ концѣ прошлаго года вышелъ послѣдній, 21-й выпускъ этого словаря, заканчивающій первый томъ этого полезнаго, добросовѣстнаго, но совершенно невозможнаго изданія — въ томъ видѣ, въ какомъ оно началось; не говоримъ: задумано, потому что первоначальные планы и обѣщанія составителя словаря были весьма разумны. Сто двадцать выпусковъ, раздѣленныхъ на четыре тома, стоющіе 20 рублей; 40—45 страницъ, посвященныхъ корифеямъ литературы, какъ Пушкинъ и Гоголь, и 20—25 такимъ писателямъ, какъ Ломоносовъ, Карамзинъ, Бѣлинскій, Тургеневъ и др., все это было логично, даже если бы, противъ ожиданій, словарь разроссся до 8-ми томовъ и выходилъ бы въ теченіе того же числа лѣтъ, какъ словарь Березина, успѣвшаго однако меньше чѣмъ въ 9 лѣтъ издать 16 томовъ. Но съ первыхъ же выпусковъ словаря г. Венгерова всѣ ожиданія публики оказались ошибочными, всѣ расчеты составителя—обманчивыми. Одна первая буква русской азбуки заняла 21 выпускъ, выходившій въ теченіе трехъ лѣтъ слишкомъ. Въ такомъ объемѣ, словарь могъ умѣститься не менѣе, чѣмъ въ тридцати томахъ (по числу главныхъ буквъ русской азбуки), стоитъ полтораста рублей и продолжаться, по крайней мѣрѣ, тридцать лѣтъ, если даже каждый годъ будетъ появляться по тому въ шестьдесятъ печатныхъ листовъ (въ первомъ томѣ болѣе тысячи страницъ). Мыслимо ли у насъ подобное изданіе и могутъ ли разсчитывать на его благополучное окончаніе даже наши дѣти? Не говоримъ уже о томъ, какихъ измѣненій и дополненій потребуютъ, въ теченіе этихъ тридцати лѣтъ, прежде вышедшіе томы. Г. Венгеровъ увлекся своимъ трудомъ, весьма почтеннымъ, заслуживающимъ полнаго вниманія читателей, и забылъ, что эти читатели вправѣ тре-

бовать отъ него исполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Въ изданіяхъ многотомныхъ и выходящихъ въ теченіе многихъ лѣтъ, прежде всего необходимо опредѣлить объемъ изданія и время его окончанія—хотя бы приблизительно. Ни того, ни другого составитель словаря русскихъ писателей не сообразилъ, и съ первыхъ же выпусковъ отступилъ отъ принятаго имъ размѣра для біографій. Такъ трое Аксаковыхъ, отецъ и два сына, заняли у него 200 страницъ, причемъ вовсе не принята во вниманіе даже степень ихъ относительнаго значенія въ исторіи литературы: самому даровитому изъ нихъ Ивану Аксакову дано всего 25 страницъ (да десять въ приложеніи), Сергѣю 50, а Константину, менѣе извѣстному и даровитому—120. И все-таки г. Венгеровъ не помѣстилъ и въ приложеніи обѣщаннаго имъ разбора публицистической, самой важной дѣятельности Ивана Аксакова, и его поэмъ, обѣщая представить все это въ концѣ второго тома. Но если дополненія на одну букву онъ будетъ отлагать до окончанія другой, то причемъ же будетъ алфавитный, словарный порядокъ?

Намъ кажется, что вся неурядица со словаремъ произошла оттого, что составитель его недостаточно уяснилъ себѣ цѣль своего изданія. Онъ назвалъ словарь критико-біографическимъ, а могъ бы прибавить еще эпитетъ — библіографическій, такъ какъ даетъ списокъ всѣхъ произведеній каждаго автора. Біографія, конечно, должна составить существенную часть каждаго словаря писателей, но въ библіографіи едва ли нужно перечисленіе мелкихъ и не имѣющихъ значенія трудовъ; что же касается до критики, то она, собственно, относится къ исторіи литературы, и въ словарѣ достаточно изложить содержаніе главныхъ произведеній, доставившихъ извѣстность автору, представить краткую оцѣнку ихъ и указать на разборъ ихъ другими критиками, въ отдѣльныхъ монографіяхъ или въ общей критикѣ литературнаго движенія за извѣстное время. А между тѣмъ, у г. Венгерова большая часть біографій занята не только критическою оцѣнкою произведеній, но довольно обширными цитатами изъ нихъ, что дѣлаетъ уже изъ словаря христоматію «въ образцахъ и отрывкахъ». Такое смѣшеніе критики съ христоматіей и біографіей едва ли цѣлесообразно въ словарѣ писателей, который прежде всего долженъ служить справочною книгою для исторіи литературы, а не замѣнять эту исторію. Правда, въ послѣднее время стали вводить въ такіе словари и разборы замѣчательныхъ книгъ, помѣщая ихъ отдѣльными статьями по алфавиту ихъ заголовковъ, но такая система, принятая покойнымъ Геннади для рѣдкихъ книгъ, выходившихъ ранѣе 1825 года, и непомѣрно увеличившая знаменитый словарь Пьера Ларусса, можетъ принести пользу только когда на ряду съ указателемъ именъ авторовъ помѣщается указатель и всѣхъ ихъ произведеній, о которыхъ данъ отдѣльный отзывъ, какъ это сдѣлано въ новѣйшемъ словарѣ Жюля Лермина «Dictionnaire de la France contemporaine»». Но г. Венгеровъ этого не сдѣлалъ. Медленный выходъ въ свѣтъ его словаря приписывается также тому, что редакторъ, занятый посторонними какими-то желѣзнодорожными дѣлами, не имѣетъ возможности посвятить все свое время предпринятому имъ труду и работаетъ одинъ. О первой причинѣ, конечно, можно только пожалѣть, вторая отстранена перечисленіемъ 26-ти сотрудниковъ, участвовавшихъ въ первомъ томѣ изданія. Безъ сотрудниковъ подобное предпріятіе не мыслимо, но что касается до невозможности болѣе быстраго выхода выпусковъ, съ этимъ нельзя согласиться. Ларуссъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ (1865—76) издалъ 15 то-

мовъ своего словаря, составляющіе четыреста томовъ обыкновенной печати, по 30-ти листовъ въ томѣ. Но и срокъ въ 11 лѣтъ былъ такъ великъ, что уже въ 1877 году потребовалось дополненіе, составлявшее еще томъ, въ 1322 страницы, каждая въ четыре столбца убористаго шрифта (122 строки въ столбцѣ). Но мы живемъ такъ быстро, новые люди и труды ихъ, новыя событія являются такъ часто, что теперь выходитъ уже и второй дополнительный томъ Ларусса, который окончится въ нынѣшнемъ году.

На недавнемъ юбилеѣ И. Н. Березина онъ сказалъ, что остановилъ второе изданіе своего небольшого восьмитомнаго словаря на буквѣ *Г* и на половинѣ третьяго тома потому, что на первый томъ было 5,000 подписчиковъ, а на второй не было и половины этого числа. Расчитывать на подписку въ такомъ дѣлѣ нельзя, и начинать его безъ средствъ невозможно. На второй томъ словаря г. Венгерова останется, очевидно, еще меньше подписчиковъ, не расчитывающихъ прожить маеусаиловы вѣка. Это неизбѣжно, хотя объ этомъ нельзя не пожалѣть въ виду совершенно добросовѣстнаго, хоть и совершенно не практичнаго отношенія г. Венгерова къ своему дѣлу. А вѣдь у него былъ въ виду другой «Словарь практическихъ свѣдѣній» доктора Л. Симонова. Первый выпускъ этого изданія вышелъ въ 1884 году и было обѣщано, что всѣ 10—12 выпусковъ выйдутъ въ теченіе года. Но съ тѣхъ поръ идетъ уже седьмой годъ, а докторскій словарь не доведенъ еще, въ 11-ти вышедшихъ выпускахъ, и до половины русскаго алфавита. Послѣднимъ выпускомъ, появившимся еще въ началѣ мая 1888 года, закончилась буква *О*. Когда подписчики дождутся конца изданія—извѣстно одному Аллаху, за то они получили въ словарѣ цѣлый трактатъ о мебели, съ рисунками троновъ великаго могола и китайскаго императора, такъ необходимыми въ практической жизни, и обширное руководство къ обойному мастерству, нужное только для обойщиковъ, которымъ отведено въ словарѣ 50 страницъ въ два столбца. Если г. Симоновъ, смѣшавшій въ своемъ словарѣ практическія свѣдѣнія съ техническими, захочетъ помѣщать въ немъ цѣлыя руководства и къ другимъ ремесламъ: кузнечному, сапожному, столярному, слесарному и пр., онъ можетъ составить изданіе и больше, чѣмъ въ 30 томовъ. Къ сожалѣнію, промахи и увлеченія товарища не пошли въ прокъ г. Венгерову и онъ, между прочимъ, наполнилъ свой словарь біографіями разныхъ Адріановъ, Августиновъ, Алексѣевъ, Андреевъ и пр., писавшихъ только грамоты, поученія и посланія. Развѣ все это литература? Напрасно также онъ останавливается слишкомъ долго надъ такими отрицательными явленіями въ литературѣ, какъ Аскоченскій или Анаевскій (послѣдняго самъ г. Венгеровъ совершенно справедливо называетъ литературнымъ маньякомъ), или вноситъ въ словарь такихъ писателей, какъ Анненковъ, Николай Николаевичъ, бывшій генералъ-губернаторъ Новороссійскаго и потомъ Югозападнаго края. Онъ написалъ всего одну эпиграмму и отрывокъ изъ какой-то комедіи въ «Благонамѣренномъ» 1820 года. За это его врядъ ли стоило причислять къ литераторамъ, хотя онъ и имѣлъ отношеніе къ нимъ какъ членъ «бутурлинскаго комитета», учрежденнаго въ 1848 году для высшаго надзора за цензурою, или даже какъ членъ верховнаго суда надъ петрашевцами, между которыми было столько литературныхъ именъ. И между тѣмъ, г. Венгеровъ помѣстилъ превосходную біографію другого Анненкова, Павла Васильевича, этого литературнаго паразита, умѣвшаго примазываться ко всѣмъ знаменитостямъ, но «не имѣвшаго никакого таланта»

и позволившаго себѣ, при печатаніи матеріала, оставшагося послѣ Пушкина—исправлять поэта и исключать изъ его произведеній то, что не нравилось господину Анненкову. Подобныхъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательныхъ біографій въ словарѣ г. Венгерова не мало, и намъ остается тѣмъ болѣе сожалѣть, что словарь этотъ—въ томъ видѣ, какъ онъ ведется теперь—никогда не будетъ имѣть успѣха и не принесетъ пользы литературѣ.

В. З.

Д. И. Эварницкій. Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ и Новороссійскаго края. Спб. 1889.

Книга г. Эварницкаго, изданная подъ приведеннымъ нами заглавіемъ, не представляетъ собой цѣльнаго труда, посвященнаго рѣшенію одного какого-нибудь вопроса. Она состоитъ изъ ряда очерковъ, большая часть которыхъ посвящена выясненію запорожской исторіи, описанію жизни и быта «славныхъ лыцарей», наводившихъ ужасъ на Оттоманскую имперію, передъ которыми не разъ заискивала славная Речь Посполитая, которые, какъ говоритъ лѣтописецъ Григорій Грабянка «бяху отъ воинскаго чина отдревле и мечемъ упражняхуся, а не работнимъ игомъ, рабскаго не навыкше ига и дѣла, изволиша самовольно около реки Днѣпра нижае пороговъ въ пустихъ мѣстехъ и въ дикихъ поляхъ прибывати, кормящеся рибними и звѣриними ловли и морскимъ на бѣсурманъ разбоемъ»[1]), «въ мирѣ жити не хощутъ»[2]), «о которыхъ и султанъ турецкій изрекъ: когда окрестніе панства на мя востаютъ, я на обивѣ уши сплю, а о казакахъ мушу единымъ ухомъ слухати»[3]). Въ концѣ книги, кромѣ того, приложено десять актовъ въ качествѣ матеріаловъ къ исторіи Запорожскаго края.

Первый только очеркъ относится къ эпохѣ колонизаціи Новороссійскаго края и представляетъ собой біографію одного изъ видныхъ дѣятелей этой эпохи, именно біографію Ивана Максимовича Синельникова. Очеркъ этотъ появляется въ печати уже третій разъ, что, впрочемъ, вполнѣ зависѣло отъ матеріала, который авторъ получалъ постепенно. Синельниковъ безъ сомнѣнія была личность въ высшей степени симпатичная, въ высшей степени дѣятельная, умная и совершенно безкорыстная. Дѣятельность его особенно проявилась въ послѣдніе четыре года его жизни, на которыхъ главнымъ образомъ и останавливается. Въ 1784 г. новороссійскому правителю Т. И. Тутолмину велѣно было открыть екатеринославское намѣстничество; намѣстникомъ былъ назначенъ М. И. Синельниковъ, уже раньше заявившій себя переселеніемъ грековъ изъ Крыма и основаніемъ нѣсколькихъ селъ и слободъ. «Съ назначеніемъ въ правители екатеринославскаго намѣстничества, на И. М. Синельникова возлагались самые разнообразныя обязанности по устройству Новороссійскаго края: онъ былъ охранителемъ края, колонизаторомъ степей, начальникомъ комиссіи по продовольствію переселенцевъ изъ разныхъ странъ въ Новороссію и провинціи, вновь пріобрѣтенныя Россіей послѣ войны съ Турціей, начальникомъ заготовленія провіанта для русской арміи, находившейся тогда въ Новороссійскомъ краѣ, главнымъ управите-

---

[1]) Лѣтопись Григорія Грабянки, Кіевъ, 1854 г., стр. 19.

[2]) ibid. стр. 20.

[3]) ibid. стр. 20.

лемъ всѣхъ соляныхъ и питейныхъ сборовъ въ краѣ и, наконецъ, строителемъ городовъ, въ особенности самого города Екатеринослава» (стр. 17). Не смотря однако на такую массу и разнообразіе своихъ обязанностей, Синельниковъ, при своемъ добросовѣстнымъ отношеніи къ нимъ, выполнилъ ихъ какъ нельзя лучше, чѣмъ снискалъ себѣ расположеніе и полное довѣріе князя Потемкина и Екатерины, предпринявшей въ 1786 г. путешествіе по Новороссійскому краю. Передъ этимъ путешествіемъ Синельникову было поручено Потемкинымъ «устроить дороги, поставить каменныя мили, насадить плантаціи, открыть кирпичные и черепичные заводы, вырыть колодцы, заготовить матеріалы для постройки города Екатеринослава, соорудить временные дворцы и тріумфальныя ворота въ мѣстахъ екатеринославскаго намѣстничества, гдѣ будетъ проѣзжать, по заранѣе составленному маршруту, государыня» (стр. 37). На одной изъ такихъ новоустроенныхъ фабрикъ въ Екатеринославѣ, императрицѣ, между прочимъ, поднесли, какъ издѣліе мѣстной фабрики, шолковые чулки до того тонкіе, что ихъ можно было вложить въ скорлупу грѣцкаго орѣха. Впрочемъ, уже тогда ходили слухи, что за этимъ чулкомъ свѣтлѣйшій посылалъ особаго курьера въ Парижъ (стр. 40). Не долго однако продолжалась полезная дѣятельность Синельникова. Въ 1778 г., во время второй турецкой войны, объѣзжая вмѣстѣ съ кн. Потемкинымъ крѣпость Очаковъ, онъ получилъ переломъ ноги отъ одного изъ ядеръ, брошеннаго турками со стѣны, и послѣ операціи, которую перенесъ съ удивительной твердостью, 29-го іюля, на 47-мъ году жизни скончался. Такимъ образомъ кн. Потемкинъ, по его собственнымъ словамъ, «лишился правой руки, потерялъ лучшаго друга, а отечество героя-воина и вѣрнаго слугу».

Второй очеркъ,—«Замѣчательная страница изъ исторіи запорожскихъ казаковъ», относится къ той эпохѣ, когда, по словамъ лѣтописца, дѣтство котораго прошло подъ впечатлѣніемъ «Руины», «умножишася въ Украинѣ, найпервѣй въ значнихъ, потомъ и въ посполитыхъ казакахъ гнѣвы, несогласія, властолюбія, раздвоенія, измѣненія, рвенія, зависти, вражда, междуусобія съ кровопролитіемъ и иная тимъ подобная злоключенія и непотребства»[1]), когда, какъ говоритъ г. Эварницкій, «одни изъ малороссійскихъ гетмановъ старались играть въ одну руку съ польскими королями, другіе простирали свои взоры къ московскому царю, а третьи, болѣе дальновидные, открыто вступали въ союзъ съ турецкимъ султаномъ и искали у него протекціи для всей Малороссіи» (48 и слѣд. стр.). Событіе, послужившее предметомъ очерка, произошло въ 1675 г. на Чертомлыцкой Сичи. Турецкій султанъ, по словамъ Величкi, «задумалъ истребить все запорожское войско и разорить самый кошъ его» (стр. 51), но, не смотря на численное превосходство, потерпѣлъ полное пораженіе и, «увидя несчастный конецъ неудавшагося замысла», по словамъ того же Велички, «взвылъ какъ волкъ, подобно древнему Мамаю, побѣжденному русскими при рѣкѣ Непрядвѣ... бросился изъ Сичи, днемъ и ночью спѣшилъ въ Крымъ, боясь, чтобы раздраженные запорожцы, сѣвши на коней не догнали и не разгромили его самого» (стр. 55). Очеркъ состоитъ главнымъ образомъ изъ разсказа объ этомъ событіи Велички, который приведенъ авторомъ цѣликомъ и занимаетъ большую часть очерка (51—63 стр.). Въ концѣ помѣщено нѣсколько султан-

---

[1]) I. Вишенскій, Сумцева, «Кіевск. Стар.», 1884, Апр., 655 стр.

скихъ и казацкихъ писемъ, изъ которыхъ по своей оригинальности особенно бросается въ глаза письмо казаковъ къ Махмуду IV, въ отвѣтъ на требованіе безусловное покорности, представляющее собой сплошную ругань. Оно было открыто Н. И. Костомаровымъ и напечатано имъ въ «Русской Старинѣ»[1]). Въ настоящее время оно распространено на югѣ Россіи въ самыхъ разнообразныхъ варьянтахъ.

Три слѣдующихъ очерка, взятые вмѣстѣ, даютъ довольно полную картину быта и всей внѣшней обстановки, окружавшей запорожскаго казака, котораго г. Эварницкій ставитъ на ряду съ народами, находящимися на первыхъ ступеняхъ культуры. Первый изъ этихъ трехъ очерковъ посвященъ описанію выборовъ войсковой старшины, второй—описанію суда, наказаній и казней и, наконецъ, третій—описанію одежды и вооруженія запорожскихъ казаковъ.

Изъ остальныхъ очерковъ болѣе другихъ интересны—шестой, «куда дѣвались запорожскіе войсковые клейноды», который подъ тѣмъ же заглавіемъ былъ помѣщенъ въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ,—восьмой, гдѣ авторъ очень точно на основаніи цифровыхъ датъ рѣшаетъ вопросъ «сколько и въ какихъ именно мѣстахъ росло въ запорожскихъ вольностяхъ лѣсовъ» (стр. 146) и, наконецъ, девятый, представляющій собой малорусскую сказку объ Ильѣ Муромцѣ, которая важна для насъ «въ виду сложившагося въ наукѣ убѣжденія, что наши былины, не смотря на ихъ видимую южно-русскую обстановку—Кіевъ, князь Владиміръ и др., всѣ записаны не близь Кіева, въ Малороссіи, а близь Москвы» (стр. 169).

Всѣ очерки, изданные г. Эварницкимъ, безспорно имѣютъ каждый свой интересъ, свое значеніе, отличаются ясностью и живостью изложенія, а также полнотой матеріала. Авторъ не только воспользовался всѣмъ, что было извѣстно другимъ изслѣдователямъ, работавшимъ надъ тѣмъ же вопросомъ, но присоединилъ также много данныхъ, добытыхъ собственными изслѣдованіями, чѣмъ сдѣлалъ свой трудъ интереснымъ не только для читателя-диллетанта, но и для спеціалиста-историка. Намъ, впрочемъ, кажется, что г. Эварницкій имѣлъ въ виду исключительно перваго читателя и потому главнымъ образомъ старался, чтобы его очерки были возможно болѣе популярно и занимательно изложены. Цѣль эта, повидимому, побуждала автора избѣгать по возможности сухости въ изложеніи и оживлять свой разсказъ діалогами и такими описаніями, какъ, напримѣръ, картина Сичи, послѣ выбора новой старшины (78—80 стр.). Такой же точно характеръ легкаго разсказа носитъ весь седьмой очеркъ (135—145 стр.). Въ этомъ же желаніи заключается причина частыхъ отступленій автора отъ главной темы, какія мы видимъ, напримѣръ, на стр. 50 и 51-й (II очеркъ), гдѣ авторъ описываетъ устройство Сичи и запорожскаго куреня, или на стр. 72-й—перечисленіе запорожскихъ блюдъ и др. То же доказываютъ и такія точныя и обстоятельныя обозначенія времени, какъ напримѣръ: «въ 1787 году, 21-го августа, открылась вторая турецкая война, при императрицѣ Екатеринѣ II» (стр. 44) и т. п. Намъ кажется, что въ интересахъ той же популярности очерковъ, автору слѣдовало бы такіе акты, какъ напримѣръ, письмо казаковъ (стр. 65) буквально приводить въ примѣчаніяхъ, а въ текстѣ только передавать главную суть ихъ. Хорошо было бы также,

---

[1]) «Русск. Стар.», 1872, VI, 450 стр.

если бы авторъ иллюстрировалъ свои очерки снимками въ родѣ тѣхъ, какіе мы находимъ въ «Исторіи Малой Россіи» Бантыша-Каменскаго и въ изданіи древностей Прохорова. Эта имѣло бы тѣмъ большее значеніе, что названныя два изданія сдѣлались въ настоящее время библіографической рѣдкостью. Не мѣшало бы также для бо̀льшей полноты прибавить еще одинъ очеркъ «о началѣ проименованія казаковъ и откуду нареченни, отъ коего племени и рода»[1]) и познакомить читателя со взглядами на образованіе казацкой общины, господствующими въ современной исторической наукѣ.

В. Б.

Этнографическое Обозрѣніе, періодическое изданіе этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Двѣ книги: май и октябрь. Москва. 1889.

Появленіе на русскомъ языкѣ періодическаго изданія исключительно посвященнаго этнографіи Россіи (отъ рѣки Просны до Берингова пролива и отъ Новой Земли до Мерва) мы привѣтствуемъ съ радостью. Давно уже слѣдовало создать особый органъ, куда русскія провинціальныя силы могли бы, по мѣрѣ силъ и умѣнья, вносить свои труды. Редактору «Этнографическаго Обозрѣнія», Н. А. Янчуку, можно сдѣлать одинъ упрекъ: онъ задался черезчуръ обширною программою, для выполненія которой слѣдовало бы издавать выпуски не въ 11—15 листовъ, а въ 35—40 листовъ. Съ этимъ всякій согласится, припомнивъ, что этнотрафія Россіи, почти не разработанная, такъ обширна и разнообразна. Между тѣмъ, выпуская четыре книги въ годъ (самое большое 60 листовъ), нельзя разсчитывать на бо̀льшій или меньшій просторъ для сотрудниковъ, которые конечно охладятся въ своемъ усердіи, когда ихъ статьи будутъ по году лежать въ редакціонномъ портфелѣ. Какъ бы то ни было, желаемъ успѣха новому изданію, которое, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, привлечетъ подписчиковъ, увеличитъ свои матеріальныя средства и тогда найдетъ возможность перейти отъ четырехъ книгъ въ годъ къ двѣнадцати. Въ первыхъ двухъ книгахъ «Этнографическаго Обозрѣнія», майской и октябрьской, помѣщены слѣдующія статьи: 1) О задачахъ русской этнографіи, Д. Н. Анучина; 2) О нойдахъ у современныхъ и древнихъ лопарей, Н. Н. Харузина; 3) Свадебные обычаи ахалцихскихъ армянъ, В. Н Акимова; 4) О черничкахъ, В. Н. Свѣтъ; 5) Замѣтка о народной медицинѣ, П. М. Богаевскаго; 6) Бесѣдныя складчины и ссыпчины Обонежья, Г. И. Куликовскаго; 7) Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ, В. В. Каллаша; 8) Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ, В. Ѳ. Миллера; 9) Тушины, А. С. Хаханова; 10) Очеркъ вѣрованій крестьянъ Елатомскаго уѣзда, А. П. Звонкова; 11) Палій и Мазепа въ народной поэзіи, В. В. Каллаша; 12) Оскаръ Кольбергъ, по поводу 50-лѣтія его дѣятельности, Н. А. Янчука; 13) библіографія, извѣстія и замѣтки. Изъ всѣхъ этихъ статей обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: I) «О задачахъ русской этнографіи». Приведя вкратцѣ очеркъ того, что сдѣлано въ Россіи по этнографіи, г. Анучинъ говоритъ: «По нашему мнѣнію, одною изъ ближайшихъ нуждъ этнографіи Россіи должно считаться све-

[1]) Лѣтопись Грабянки, стр. 3.

деніе воедино разбросанныхъ свѣдѣній о различныхъ инородцахъ и частяхъ русскаго населенія. Берущійся за такую работу долженъ быть знакомъ съ основаніями этнографической науки вообще и этнографіи Россіи въ частности; кромѣ того, онъ долженъ имѣть достаточное понятіе о методахъ и пріемахъ собиранія этнографическихъ данныхъ». Раздѣляя въ общемъ мнѣніе г. Анучина, замѣтимъ только, что такое барское отношеніе къ дѣлу не всегда удобно, потому что при полномъ недостаткѣ этнографическаго матеріала, находящагося въ нашемъ распоряженіи, нельзя отказываться отъ содѣйствія лицъ, неподготовленныхъ въ этнографическомъ отношеніи; лишь бы это былъ человѣкъ добросовѣстный, толковый, умѣющій грамотно фотографировать все окружающее его и съ насъ достаточно на первое время. Этнографическія учрежденія съумѣютъ проанализировать его трудъ, извлечь изъ него все полезное и сдѣлать тѣ или другія обобщенія. Когда такимъ образомъ профильтрованный матеріалъ накопится въ достаточномъ количествѣ, тогда потребуются серьезные люди науки для того, чтобы начать возводить стройное зданіе этнографіи Россіи. 2) «О нойдахъ у древнихъ и современныхъ лопарей» — есть удачная лепта въ будущую монографію о лопаряхъ, о которыхъ мы, по правдѣ говоря, не смотря на содѣйствіе шведовъ и норвежцевъ, ровно ничего не знаемъ въ смыслѣ ихъ прошлой судьбы; что это за народъ? насколько онъ близокъ къ тавастамъ, суоми и кореламъ? гдѣ были его первоначальныя становища? аборигены ли они сѣверной Европы или пришли отъ Алтая? все это покрыто мракомъ неизвѣстности. 3) «Положеніе неспособныхъ къ труду стариковъ въ первобытномъ обществѣ». Монографія г. Каллаша очень любопытна, хотя еще не окончена; въ ней разбирается вопросъ о положеніи стариковъ въ томъ первобытномъ обществѣ, котораго пока не имѣетъ права касаться серьезная исторія за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ. Что стариковъ и старухъ такъ или иначе лишали жизни, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, тѣмъ болѣе что такое обыкновеніе существуетъ до сихъ поръ среди некультурныхъ народовъ, но прослѣдить всѣ видоизмѣненія этого обычая сообразно мѣстнымъ условіямъ и времени крайне любопытно. Промахъ г. Каллаша заключается лишь въ томъ, что тщательно роясь въ классикахъ, онъ опустилъ изъ вида скандинавскихъ обитателей, насколько о нихъ извѣстно изъ сагъ, и этнографическую группу обыкновенно называемую финнами; сопоставленіе греческихъ и римскихъ извѣстій со скандинавскими и финскими могло бы пролить много свѣта на этотъ первобытный обычай, тѣмъ болѣе, что самъ г. Каллашъ держится принципа: «comparer c'est comprendre». Кромѣ того, говоря объ обыкновеніи, несомнѣнно существовавшемъ до троянской войны въ Греціи и Италіи, авторъ не полюбопытствовалъ заглянуть въ ту страну, откуда пришли пелазги и этруски — въ Индію. 4) «Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ» и 5) «Тушины»—двѣ статьи, посвященныя Кавказу; въ первой передаются легенды о Рустемѣ и Зорабѣ, а во второй читатель знакомится со своеобразнымъ народомъ, быть можетъ, древнѣйшимъ остаткомъ былыхъ эмиграцій на западъ.

А. Б—въ.

Н. Бѣляшевскій. Монетные клады Кіевской губерніи. Кіевъ. 1889.

Г. Бѣляшевскій, о трудѣ котораго мы намѣрены сказать нѣсколько словъ, давно уже заявилъ себя сочиненіями и статьями въ области нумизматики и археологіи преимущественно Юго-Западнаго края, появлявшимися на страницахъ журнала «Кіевская Старина». Поэтому новый трудъ его не могъ не обратить на себя вниманія тѣмъ болѣе, что онъ, по словамъ автора, является попыткой, замѣтимъ первой попыткой, «свести въ одно цѣлое свѣдѣнія о кладахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Кіевской губерніи по 1888 г. включительно». «Цѣль этой работы, говоритъ авторъ дальше въ своемъ предисловіи, — служитъ пособіемъ при изслѣдованіи различныхъ вопросовъ, касающихся исторіи и археологіи данной мѣстности, по этому работа не заключаетъ въ себѣ никакихъ обобщеній и выводовъ, а представляетъ только сборникъ матеріаловъ». Безъ сомнѣнія, трудъ, отвѣчающій такимъ требованіямъ, имѣетъ важное научное значеніе и даже необходимъ, но мы, собственно говоря, ожидали большаго, мы именно думали найти здѣсь тѣ «выводы и обобщенія», которыхъ авторъ не сдѣлалъ, хотя они напрашиваются сами собой. Въ самомъ дѣлѣ, проглядывая описанія кладовъ, нельзя не обратить вниманія и не поразиться разнообразіемъ найденныхъ монетъ. Не говоря уже о древнихъ русскихъ монетахъ, мы встрѣчаемъ здѣсь массу польскихъ, литовскихъ, шведскихъ, мы видимъ монеты римскихъ колоній, чеканенныя въ Антіохіи во время царствованія императоровъ Филиппа, Трояна Деція, Волюзіана, монеты восточныя, Золотой Орды и др. Все это составляетъ слишкомъ благопріятную почву для выводовъ, которые въ данномъ случаѣ были бы весьма интересны и вполнѣ естественны. Что же касается до значенія труда г. Бѣляшевскаго, какъ «пособія», то оно несомнѣнно и трудъ этотъ представляетъ собой весьма цѣнный вкладъ въ нашу еще не богатую нумизматическую литературу. При описаніи того или другого клада, авторъ сообщаетъ тѣ условія, при которыхъ найденъ былъ кладъ, внѣшній видъ монетъ, при чемъ всегда указываетъ, въ какихъ музеяхъ, часто даже подъ какимъ номеромъ, хранится та или другая монета, а также, что очень важно, точно сообщаетъ, гдѣ въ какихъ изданіяхъ можно найти описаніе извѣстнаго клада или монеты, другими словами даетъ полную библіографію своего вопроса. Жаль только, что г. Бѣляшевскій ограничился лишь указателемъ мѣстъ, гдѣ были выкопаны клады, указателемъ, по нашему мнѣнію, даже лишнимъ при томъ прекрасномъ планѣ, по которому составленъ настоящій трудъ. Намъ кажется, что автору, для болѣе удобнаго пользованія его трудомъ, слѣдовало бы еще приложить index nominum, а также указатель, посредствомъ котораго легко можно было бы выбрать монеты, относящіяся къ извѣстному періоду. Такъ напр., для того чтобы найти монеты, относящіяся, положимъ, хоть къ IV в. по Р. Х. въ настоящее время нужно потратить массу труда и времени, тогда какъ при помощи указателя это можно было бы сдѣлать гораздо скорѣе и точнѣе. Затѣмъ, нельзя не отнести къ числу недостатковъ, хотя и простительныхъ, того, что авторъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выходитъ изъ границъ своей темы и даетъ описаніе вещей, найденныхъ при кладахъ, какъ напр. на стр. 83 онъ описываетъ монисто изъ граненаго хрусталя. Иногда онъ даже

дѣлаетъ это въ ущербъ главному предмету. Такъ напр., говоря о находкѣ горшка съ 36-ю пражскими грошами короля Вячеслава III, авторъ подробно описываетъ его, сообщаетъ даже, что онъ хранится въ музеѣ древностей университета св. Владиміра въ Кіевѣ, за № 1869 (стр. 84), о судьбѣ же монетъ, найденныхъ въ немъ, не упоминаетъ ни слова. Хорошо было бы также приложить пояснительную карту кладовъ и снимки болѣе древнихъ и рѣдкихъ экземпляровъ. В. Б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Пѣсни Кольцова въ нѣмецкомъ переводѣ.—«Недоросль» Фонвизина на нѣмецкомъ языкѣ.—Характеристика русскаго крестьянина въ учномъ нѣмецкомъ изданіи.—Злонамѣренныя клеветы, возводимыя на Россію нашими сосѣдями.—Исторія русскихъ сношеній съ Византіей и Востокомъ.—Енисейскія надписи, изданныя финляндскими археологами.—Книга іезуита о сношеніяхъ папъ съ царями.—Романъ гр. Саліаса во французскомъ журналѣ.—Исторія русскаго ученаго авантюриста.—Монографія Габріели д'Эстре.—Англійскій кондотьеръ XIV столѣтія въ Италіи.—Исторія Финикіи.

ѢМЦЫ, если не такъ усердно какъ французы, то во всякомъ случаѣ усерднѣе англичанъ изучаютъ и переводятъ русскихъ писателей. Къ новому году вышли одновременно въ Петербургѣ и Лейпцигѣ переводы Кольцова и Фонвизина. Народнаго поэта нашего перевелъ г. Морицъ Михельсонъ, подъ заголовкомъ «Русскія стихотворенія А. Кольцова» (Russische Gedichte von A. Kolzow. Deutsch von M. Michelsson). Переводчикъ, извѣстный прекраснымъ переводомъ «Бориса Годунова» и изданіемъ «Русскаго Парнаса» (Der russische Parnass) лирической антологіи отъ Ломоносова до нашего времени, уже давно напечаталъ переводъ нѣкоторыхъ пѣсенъ Кольцова въ лейпцигскомъ изданіи Реклама «Universalbibliothek». Теперь является въ печати переводъ всѣхъ, сколько-нибудь замѣчательныхъ, пьесъ поэта (числомъ 63) въ прекрасномъ изданіи, съ русскимъ текстомъ (texte en regard), доказывающій, что переводчикъ не только передалъ духъ кольцовской поэзіи, но воспроизвелъ ее на нѣмецкомъ языкѣ строфа въ строфу, стихъ въ стихъ, сохраняя вездѣ размѣръ подлинника. Это настоящій tour de force, весьма рѣдко встрѣчающійся въ переводной литературѣ, возможный только въ германскихъ діалектахъ, которые гораздо ближе къ славянскимъ, чѣмъ романскіе. Размѣръ кольцовскихъ стихотвореній, часто неровный, пѣсенный, ближе подходящій къ древнему метрическому, чѣмъ къ тоническому, весьма своеобразный, не смотря на его кажущееся однообразіе, не представлялъ ни малѣйшаго затрудненія для г. Михель-

сона, очевидно близко знакомаго со всѣми тонкостями обоихъ языковъ. Всѣ простонародныя выраженія, всѣ обороты рѣчи, свойственныя только нашему крестьянству, переданы вѣрно, мѣтко и образно. Даже риѳмы, встрѣчающіяся черезъ строку въ двухъ-трехъ пьесахъ Кольцова сохранились въ переводѣ, дающемъ полное понятіе нашимъ нѣмецкимъ братьямъ по санскриту обо всѣхъ особенностяхъ таланта народно-русскаго поэта. Для примѣра возьмемъ нѣсколько стиховъ изъ «Косаря»:

Широко ты, степь,	Weit hast, Steppe, du
Пораскинулась,	Dich hinaus gedehnt,
Къ морю Черному	Dich zum Schwarzen Meer
Понадвинулась...	Nah zu hingelehnt.
Раззудись, плечо,	Spann'dich Schulter aus!
Размахнись, рука,	Arm, hol mächtig aus,
Ты пахни въ лицо	Fach mein Antlitz an,
Вѣтеръ съ полудня.	Wind wom Mittag her.

Передавая русскаго поэта почти буквально, г. Михельсонъ держится въ нѣмецкомъ стихѣ правильныхъ удареній, а въ размѣрѣ точныхъ законовъ, что далеко не всегда соблюдается Кольцовымъ. Переводу предпослано нѣсколько словъ о значеніи поэта въ русской литературѣ и приведены о немъ выдержки изъ Бѣлинскаго. Вообще, трудъ г. Михельсона представляетъ замѣчательное явленіе въ современной нѣмецкой литературѣ.

— Переводъ «Недоросля» Фонвизина (Von-Wisin. Der Landjunker) помѣщенъ въ Мейеровскомъ изданіи народныхъ книгъ (Meyers Volksbücher), продающихся по 10-ти пфениинговъ (около 5-ти копеекъ сер.) за томъ въ 80 страницъ въ 16-ю долю. Этого невѣроятно дешеваго изданія вышло къ концу 1889 года 702 книжечки, въ которыхъ, кромѣ всѣхъ лучшихъ нѣмецкихъ писателей, помѣщены переводы Данта, Шекспира, Гомера, Софокла, Эсхила, Байрона, Сервантеса, Дидро, Вольтера, Пушкина («Борисъ Годуновъ») и другихъ, менѣе яркихъ свѣтилъ литературы всѣхъ вѣковъ и народовъ. Фонвизина перевелъ Фридрихъ Фидлеръ, предпославшій своему труду нѣсколько строкъ о жизни и значеніи русскаго автора. Въ біографіи прежде всего выставлено, конечно, происхожденіе Фонвизина изъ нѣмецкаго рыцарскаго ордена меченосцевъ. Переводчикъ сожалѣетъ, что потомки барона Петра Фонвизина, взятаго въ плѣнъ въ ливонскую войну при Иванѣ Грозномъ, совершенно обрусѣли и отреклись даже отъ своей нѣмецкой фамиліи. Это отреченіе, однако, состояло только въ перемѣнѣ одной буквы въ фамиліи: Визинъ вмѣсто Визенъ (Wiesen) и въ сохраненіи дворянской частички фонъ. Терминъ «недоросль» не совсѣмъ точно переведенъ Фидлеромъ и, какъ онъ самъ говоритъ, означаетъ «несовершеннолѣтняго». Комедія рисуетъ вѣрные нравы помѣщичьей жизни при Екатеринѣ II. Передана пьеса хорошо и близко къ подлиннику, причемъ сохранены нѣкоторыя русскія выраженія, какъ «obrok», значеніе котораго объяснено въ примѣчаніи. Это пожалуй лучше чѣмъ переводить такія выраженія, какъ «за тридевять земель въ тридесятомъ государствѣ» (hinter dreimal neun Länder im dreimal zehnten Königreiche). Вообще, слѣдовало бы пояснить въ примѣчаніяхъ не только подобныя выраженія, но и особенности бытовыхъ сторонъ тогдашней жизни, безъ чего многія подробности діалога остаются непонятными для нѣмецкихъ читателей.

— Ученыя нѣмецкія изданія также занимаются Россіею. Послѣдняя прошлогодняя книжка «Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik» помѣстила изслѣдованіе о русскихъ крестьянахъ (Der russische Bauer) съ прекрасными, хотя и нѣсколько идеализированными иллюстраціями. Бытъ крестьянъ мюнхенскій авторъ, Александръ Браунъ, впрочемъ, не идеализируетъ: на русскихъ почтовыхъ дорогахъ—пыль или грязь не только по щиколку, но и по колѣна, поля дурно обработаны, жидкія сосновыя рощи, болота, жалкія деревушки, издали похожія на дровяные склады; мужики въ грязныхъ, истрепанныхъ тулупахъ, съ ногами обернутыми въ тряпки, «въ башмакахъ изъ липовой коры»; женщины грустныя, со впалыми щеками, бросающія скудный кормъ отощавшему скоту; дѣти оборванныя, почти голыя; «что за жизнь въ этихъ домахъ, плохо сколоченныхъ изъ неотесанныхъ бревенъ, кое-гдѣ перемазанныхъ глиной, обтыканныхъ мохомъ»! патетически восклицаетъ авторъ. Запахъ въ избахъ, на половину занятыхъ печью—невыносимый; «грязь цѣлыхъ поколѣній лежитъ на столахъ и на домашней утвари». Восемь десятыхъ дѣтей умираетъ въ первые годы, лѣность, пьянство, нищета царствуетъ въ деревняхъ. Все это давно знакомыя картины, усердно обобщаемыя и преувеличенныя нашими сосѣдями. Авторъ между разваливающимися дворцами прежнихъ помѣщиковъ находитъ даже «зàмки съ красными кровлями и позолоченными куполами», что не мѣшаетъ ему важно толковать о русскомъ варварствѣ. Въ деревенскихъ церквяхъ онъ находитъ «башенки, посвященныя Богородицѣ», увѣряетъ, что мужикъ ставитъ своимъ любимымъ святымъ пищу и питье, что не меньше ихъ боится онъ разныхъ домашнихъ, лѣсныхъ, водяныхъ духовъ, въ особенности «духа земли» (der Erdgeist), которому при основаніи новаго жилища необходимо приносить жертву—зарыть въ землю живого ребенка. И весь этотъ вздоръ печатается въ серьезномъ, спеціальномъ журналѣ. Мы не привели еще и десятой доли всѣхъ нелѣпостей статьи, изъ которыхъ иныя заставляютъ улыбаться, какъ напримѣръ утвержденіе, что русскій крестьянинъ—«прирожденный пѣвецъ и его басъ двумя тонами ниже, чѣмъ у всѣхъ другихъ народовъ». Въ одномъ только авторъ безусловно правъ, когда доказываетъ, что злѣйшій врагъ губящій мужика—водка (wutki, какъ пишетъ авторъ, никогда не видавшій, вѣроятно, ни одного русскаго слова). Во всемъ, что онъ говоритъ, объ освобожденіи крестьянъ и послѣдствіяхъ этой реформы видно не только незнаніе Россіи, но и клеветы на нее. И здѣсь, какъ почти во всѣхъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ о нашемъ отечествѣ, проглядываетъ преднамѣренное желаніе представить его въ худшемъ свѣтѣ. Всѣ оскорбительные для насъ слухи и извѣстія собираются, сочиняются и распространяются преимущественно нѣмцами. Французы пишутъ о Россіи до сихъ поръ много нелѣпостей, но просто по невѣжеству, по незнанію дѣла и безъ всякаго желанія унизить, оклеветать насъ, тогда какъ нѣмецъ съ особеннымъ злорадствомъ упражняется въ собираніи всего, что клонится къ нашему осужденію и, при недостаткѣ матеріала, не останавливается передъ клеветою на то, что̀ всего дороже для русскаго человѣка.

— Стремленіе къ непризнанію никакихъ заслугъ за Россіей, къ отрицанію даже ея историческаго значенія, проглядываетъ и въ совершенно спеціальныхъ нѣмецкихъ изданіяхъ. Таково историческое изслѣдованіе доктора Вильгельма Гейда «Исторія левантской торговли въ средніе вѣка» (Geschichte des Levant-Handels im Mittelalter). Авторъ признаетъ, цитируя

даже Нестора, что самыя раннія сношенія съ Востокомъ средняя и сѣверная Европа вела черезъ русскихъ. Но этихъ русскихъ—и на этомъ особенно настаиваетъ авторъ—нельзя смѣшивать ни съ тогдашними, ни съ нынѣшними славянскими жителями Россіи: это было скандинавское племя, варяги, пришедшее въ Россію и господствовавшее надъ славянами, давшее имъ свое имя—руссовъ. Благодѣтельное вліяніе этого скандинавскаго племени прекратилось, когда оно приняло католицизмъ черезъ германцевъ а славяне—черезъ Византію обряды греческой церкви. Византія еще въ X столѣтіи принимала русскихъ купцовъ, но они были скандинавскаго происхожденія, изъ племени руссовъ. Эти смѣлые мореходы, проходя на своихъ утлыхъ ладьяхъ черезъ семь днѣпровскихъ пороговъ и низовья рѣки, гдѣ ихъ подстерегали хищные печенѣги, провозили въ Византію медъ, воскъ, мѣха и рабовъ, проникали въ Средиземное море, торговали съ Сиріей, Римомъ, даже Испаніей, и эта торговля избавляла народы сѣверной и средней Европы отъ прямыхъ сношеній съ Востокомъ, такъ какъ всѣ восточные товары можно было закупать въ Новгородѣ. Но эти руссы были все-таки скандинавское, то есть германское племя, а не славяне, за которыми авторъ не признаетъ, ни предпріимчивости и никакихъ хорошихъ качествъ—и это въ особенности подчеркиваетъ авторъ въ своемъ ученомъ изслѣдованіи.

— Въ Гельсингфорсѣ вышло изслѣдованіе «енисейскихъ надписей, собранныхъ и обнародованныхъ финляндскимъ археологическимъ Обществомъ» (Inscriptions de l'Ienissei, recueillies et publiées par la societé finlandudaise de l'archéologie). Еще въ 1730 году, Штраленбергъ, въ своемъ описаніи сѣверныхъ и восточныхъ странъ Азіи и Европы, говоритъ о двухъ недавно найденныхъ въ бассейнѣ Енисея камняхъ, съ надписями и рисунками. Съ тѣхъ поръ найдено еще нѣсколько подобныхъ камней, возбудившихъ интересъ филологовъ. Въ надписяхъ найдено сходство съ скандинавскими и финскими рунами, но для точнаго обзора камней на мѣстѣ финляндское археологическое общество только въ 1887 году отправило въ Минусинскій округъ комиссію, въ главѣ которой былъ профессоръ Аспелинъ, главный директоръ гельсингфорскаго музея. Труды комиссіи увѣнчались успѣхомъ: она описала до сорока монолитовъ и фотографировала многіе рисунки. Все это издано теперь финляндцами на французскомъ языкѣ для разсылки въ европейскія ученыя общества снимковъ съ надписей, въ которыхъ до сихъ поръ, однако, не разобрано ни одного слова. Найдено только, что алфавитъ надписей состоитъ изъ сорокà буквъ, начертаніе которыхъ схоже съ древне-греческимъ и этрусскимъ, а также съ рунами. Слова пишутся отъ правой руки къ лѣвой. Камни относятся къ эпохѣ за 500 лѣтъ до Р. X. и до V вѣка по Р. X. Рисунки, исполненные очень грубо, изображаютъ охотничьи сцены и человѣческія фигуры очень безобразныя; чаще всего встрѣчаются одни головы въ видѣ страшилища. Археологическое общество надѣется, что филологи обратятъ вниманіе на эти сибирско-монгольскіе памятники, остающіеся неразгаданными въ теченіе 160-ти лѣтъ.

— Извѣстный ренегатъ Пирлингъ, русскій по происхожденію, принявшій католичество и вступившій въ орденъ іезуитовъ, по примѣру своихъ соотечественниковъ Гагарина и Мартынова, издалъ новый трудъ о сношеніяхъ папъ съ Россіею (Papes et tsars. 1547—1597) по новымъ документамъ. Трудъ этотъ изданъ въ виду его историческаго интереса, а не съ цѣлью приглашенія русскихъ людей обратиться въ папистовъ, какъ это дѣ-

лаетъ философъ Вл. Соловьевъ. Пирлингъ—изслѣдователь усердный и добросовѣстный, хотя, конечно, убѣжденный въ непогрѣшимости и превосходствѣ католичества. Онъ не довольствуется печатными источниками и ревностно перерываетъ архивы Рима, Флоренціи, Венеціи, Парижа, Копенгагена. Нынѣшній трудъ его представляетъ результатъ и сводъ сдѣланныхъ имъ открытій, обслѣдованныхъ въ прежнихъ его сочиненіяхъ: «Сорбонна и Россія» (1882), «Римъ и Москва» (1883), «Папскій нунцій въ Московія» (1885), «Баторій и Поссевинъ» (1887). Въ формѣ доступной большинству читателей онъ излагаетъ исторію сношеній между Римомъ, Польшей и Россіей, продолжавшихся въ теченіе полустолѣтія въ XVI вѣкѣ. Римъ надѣялся привлечь Россію въ союзъ противъ турокъ и склонить ее къ признанію главенства католической церкви. Россія и Польша надѣялись, что посредничество папы положитъ конецъ постояннымъ спорамъ между ними и поможетъ одолѣть ихъ вѣчныхъ враговъ мусульманъ. Переговоры по этимъ предметамъ требовали большого искусства дипломатовъ, какъ съ религіозной, такъ и съ политической стороны, и Пирлингъ, по донесеніямъ пословъ, изображаетъ любопытные портреты ихъ самихъ, царей, папъ, придворныхъ бояръ, описываетъ сцены нравовъ, рисуетъ картины Рима, Москвы, Венеціи, Полоцка. Особенно рельефна у него фигура монаха Поссевина, умно и ловко ведущаго переговоры съ Баторіемъ и Иваномъ Грознымъ. Книга Пирлинга читается вообще съ большимъ интересомъ и въ ней много новаго и любопытнаго.

— Въ «Revue bleue», журналѣ слѣдящемъ за явленіями русской литературы, подъ редакціей знатока русской жизни, Альфреда Рамбо, приведенъ подробный разборъ романа графа Саліаса «Аракчеевскій сынокъ» (L'enfant gaté d'Arakhtchéef) съ переводомъ цѣликомъ нѣкоторыхъ сценъ. Содержаніе романа изложено сжато, но совершенно ясно, переводъ вообще хорошъ, хотя авторъ въ діалогахъ дѣлаетъ измѣненія и сокращенія, вѣроятно на томъ основаніи, что романъ не просто переданъ г-жею Софіею de N.... ff, а обработанъ ею (adapté). Въ предисловіи нѣсколько словъ въ похвалу графа Саліаса, его «Пугачевцевъ», разобранныхъ въ томъ же журналѣ его редакторомъ еще въ 1876 году, и всѣхъ 22-хъ романовъ его, изъ которыхъ многіе написаны очевидно наскоро, но въ каждомъ виденъ талантъ. Все это очень хорошо, и познакомить французовъ съ «Аракчеевскимъ сынкомъ» было далеко не лишнимъ, но почему же, говоря о томъ, что̀ романъ только-что вышелъ (vient de paraître), когда онъ еще и не появлялся въ отдѣльной продажѣ, переводчица не упомянула о томъ, что романъ этотъ появился въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1888 года? Г-жѣ Софіи de N. очевидно нашей соотечественницѣ—это и не могло быть неизвѣстно. Не говоримъ уже о томъ, что слѣдовало бы упомянуть и о продолженіи романа въ томъ же журналѣ, подъ названіемъ «Аракчеевскій подкидышъ».

— Знаменитый географъ и философъ, Элизе Реклю, издалъ замѣчательный историко-философскій трудъ нашего соотечественника Льва Мечникова «Цивилизація и большія историческія рѣки» (La civilisation et les grands fleuves historiques par Léon Metchnikoff). Въ предисловіи Реклю разсказываетъ жизнь автора, такъ рано погибшаго для науки и дѣлаетъ оцѣнку его послѣдняго труда. Покойный принадлежитъ дѣйствительно къ числу выдающихся дѣятелей. Онъ родился въ Петербургѣ въ 1838 году, отъ отца, харьковскаго помѣщика, потомка румынской фамиліи Спадаренко, и отъ матери—еврейскаго происхожденія. Мальчикъ былъ болѣзненнаго сложенія и въ 1851 году

родители принуждены были переселиться съ нимъ въ Харьковъ, такъ какъ онъ не могъ переносить суровость и непостоянство петербургскаго климата. На югѣ мальчикъ поправился и поступилъ въ Харьковскій университетъ. Шестнадцати лѣтъ онъ убѣжалъ изъ отцовскаго дома въ Крымъ, чтобы принять участіе въ защитѣ Севастополя; его, однако, вернули съ дороги и водворили снова въ семью. На медицинскомъ факультетѣ университета онъ оставался, однако, всего 7 мѣсяцевъ и былъ исключенъ за сопротивленіе распоряженіямъ начальства и за слишкомъ либеральный образъ мыслей. Онъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ началъ слушать лекціи въ медицинской академіи, потомъ на физико-математическомъ факультетѣ университета, въ академіи художествъ, наконецъ занялся изученіемъ восточныхъ языковъ. Во всѣхъ этихъ разнородныхъ занятіяхъ онъ оказывалъ блестящіе успѣхи, обладая рѣдкими способностями, но вездѣ его безпокойный духъ не давалъ ему возможности примѣняться къ общепринятымъ условіямъ. Въ 1858 году, онъ былъ отправленъ въ качествѣ переводчика при дипломатической миссіи Мансурова въ святыхъ мѣстахъ. Онъ посѣтилъ Константинополь, Аѳонъ, Іерусалимъ, но потерялъ казенное мѣсто вслѣдствіе дуэли и неповиновенія начальству. Онъ поступилъ тогда агентомъ въ общество мореходства и торговли, жилъ сначала въ Бейрутѣ, потомъ въ Галацѣ, откуда, бросивъ мѣсто, безъ паспорта и безъ всякихъ средствъ къ жизни уѣхалъ въ Венецію, гдѣ занялся страстно любимою имъ живописью, не переставая въ то же время принимать участіе въ политическомъ движеніи Италіи. Австрійская полиція слѣдила за нимъ, подозрѣвая его въ революціонныхъ замыслахъ, но онъ обманулъ ея бдительность, бѣжалъ въ Ливорно и поступилъ волонтеромъ въ отрядъ Гарибальди, отправлявшійся освободить Неаполь отъ ига Бурбоновъ. Мечниковъ храбро сражался въ Калабріи, былъ сильно раненъ, при взрывѣ мины на Вультурно. Съ поврежденными ногами, правымъ бокомъ и легкими, онъ былъ перенесенъ въ неаполитанскій госпиталь, гдѣ хорошій уходъ спасъ его отъ смерти. Выздоровѣвъ, онъ предался пропагандѣ соціальныхъ ученій во Флоренціи, въ Женевѣ, въ Испаніи. Зная основательно десять европейскихъ языковъ, онъ работалъ неутомимо, не смотря на свое болѣзненное состояніе, писалъ статьи въ журналахъ, говорилъ рѣчи, читалъ лекціи, устроивалъ сходки и конференціи. Статьи его являлись и въ «Современникѣ», но всего больше въ русскихъ ученыхъ изданіяхъ по предметамъ естественныхъ наукъ. Но эти работы не давали вѣрныхъ средствъ къ жизни. Мечниковъ, въ 1873 году, занялся изученіемъ японскаго языка и уже въ слѣдующемъ году отправился въ Іеддо, гдѣ устроилъ русскую школу, въ которой читалъ японцамъ лекціи по предметамъ общаго образованія содѣйствуя всѣми силами великому дѣлу пріобщенія сорокамилліонной націи къ европейскому прогрессу. Мечниковъ не могъ долго жить въ японскомъ климатѣ и, страдая анеміей, вернулся въ Европу черезъ Сандвичевы острова, Сан-Франциско и Нью-Іоркъ, привезя съ собой капитальный трудъ «Японская имперія», илюстрированный его собственными рисунками въ японскомъ стилѣ. Сблизившись съ Реклю, онъ сдѣлался сотрудникомъ его «Всемірной географіи». Въ 1883 году, Невшательскій кантонъ предложилъ ему мѣсто профессора сравнительной статистики и географіи, и Мечниковъ работалъ на этомъ поприщѣ также самоотверженно до 1887 года, когда болѣзнь легкихъ окончательно надломила его слабое здоровье. Онъ умеръ 30-го іюня 1888 года послѣ долгихъ страданій, на 50-мъ году своей тревожной, но плодотворной

жизни. Умирая, онъ завѣщалъ своему другу, Реклю, издать свой трудъ, который, въ мысляхъ его, долженъ былъ составлять только часть задуманной имъ исторіи прогресса человѣческихъ расъ, какъ цѣли земного существованія. Главный вопросъ книги: о вліяніи среды на націи, разработанъ имъ всесторонне и выводы его будутъ конечно приняты этнографами и физіологами. Прошло время, когда въ природѣ видѣли только декорацію, среди которой дѣйствуетъ человѣкъ. Вліяніе на него этой природы нельзя отрицать уже со времени Монтескье. Попытка Карла Риттера найти между человѣкомъ и землею какую-то предустановленную гармонію не выдержала научной критики. Не одна климатическая среда вліяетъ на человѣка, но среда физическая и астрономическая. Всемірная исторія, по Реклю и Мечникову, представляетъ соціальную эволюцію, подчиненную космическому дѣйствію среды. Первоначальная цивилизація древняго міра развивалась на большихъ рѣкахъ, этихъ артеріяхъ прогресса, но не на рѣкахъ сѣвера, большую часть года скованныхъ льдами, и не на рѣкахъ тропическихъ, гдѣ роскошная природа не побуждаетъ человѣка бороться съ нею и трудиться,—а на рѣкахъ умѣреннаго пояса, между 20 и 40° широты, гдѣ человѣкъ долженъ былъ употреблять всѣ усилія своего ума и изобрѣтательности, чтобы оградить свои поля отъ разливовъ и наводненій, проводить каналы для ирригаціи, устроивать плотины. Мечниковъ разсказываетъ исторію цивилизаціи на бассейнахъ такихъ рѣкъ: Нила, Тигра и Ефрата, Инда и Ганга, Гоанг-хо и Янце-Кіанга. Этимъ послѣднимъ четыремъ главамъ, резюмирующимъ всю основную мысль книги, предпосланы шесть главъ, гдѣ авторъ изучаетъ прогрессъ вообще въ органическомъ мірѣ, прогрессъ въ исторіи, географическій синтезъ, исторію такъ называемыхъ «избранныхъ» расъ, въ которыхъ видитъ результатъ вліянія окружающей ихъ среды, разсматриваетъ эту среду въ ея отношеніяхъ, къ физическимъ измѣненіямъ земной поверхности, термическимъ явленіямъ и пр., говоритъ о рѣчной средѣ и происхожденіи цивилизаціи на низовьяхъ большихъ рѣкъ Египта, Халдеи, Индіи и Китая; о средѣ Средиземнаго моря и океанійской, наконецъ, изслѣдуетъ территорію рѣчныхъ цивилизацій. Во всемъ этомъ столько новыхъ и блестящихъ идей, что посмертный трудъ Мечникова долженъ обратить на себя вниманіе ученаго міра.

— Деклозо составилъ обширную монографію извѣстной фаворитки Генриха IV, Габріели д'Эстре (Gabrielle d'Estrées, marquise de Monceaux, duchesse de Beaufort, par Desclozeaux). Книгу эту съ интересомъ прочтутъ и ученые и свѣтскіе люди. Это не только исторія Габріели, но и самого Генриха IV. Авторъ нашелъ въ архивахъ много новыхъ документовъ его царствованія, какъ напримѣръ, рѣчь короля въ собраніи нотаблей въ Руанѣ, 1596 года, приводимую историками въ различныхъ редакціяхъ. Всѣ показанія Деклозо основаны на подлинныхъ историческихъ фактахъ, а не на легендахъ. Съ неопровержимыми свидѣтельствами въ рукахъ разсказываетъ онъ исторію молодости Габріели, ея брака съ Николаемъ д'Амерваль, перехода въ католичество и развода короля, признанія Габріели фавориткою—maitresse en titre, непріязненныхъ отношеній къ ней министра Сюлли, ея смерти; сообщаетъ подробности о ея дворцѣ, ея придворномъ штатѣ, бриліантахъ, мебели, туалетахъ по инвентарямъ, составленнымъ въ Парижѣ, Фонтенебло, Монсо. «Славу Габріели д'Эстре, говоритъ авторъ, составитъ то, что она поняла мысль короля, вполнѣ присоединилась къ ней, сдѣлалась его

полезной и дѣятельной помощницей. Она воспользовалась вліяніемъ своего положенія и своей красоты, чтобы вести борьбу и противъ протестантовъ, которые не хотѣли ничего уступить и противъ католиковъ, которые съ жадностью забирали все въ свои руки. Она вербовала и при дворѣ и вездѣ, гдѣ могла, приверженцевъ королю и его примирительнымъ планамъ. Ея усилія къ водворенію въ странѣ религіознаго мира заставляютъ все простить ей. Помощь, оказанная ею Генриху IV въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ, реабилитируетъ ее въ исторіи». Авторъ приводитъ мнѣнія главныхъ историковъ Генриха IV и Габріели и во многомъ опровергаетъ выводы Берже де Ксивре, Обинье, Сисмонди, Мезере, Мишле и др.

— Во Флоренціи вышла любопытная исторія одного кондотьера англійскаго происхожденія, Джіовани Акуто, имя передѣланное изъ Гауквуда (Giovanni Acuto (John Hawkwood) storia d'un condottiere). Она явилась одновременно въ переводѣ и на англійскій языкъ. Начиная съ XVI столѣтія, Италія была наводнена кондотьерами большею частью иностраннаго происхожденія: гасконцами, венграми, нѣмцами, англичанами. Въ то время почти каждый городъ Италіи были во враждѣ съ другими сосѣдними городами и нанималъ для защиты своихъ интересовъ бродячіе отряды войскъ, готовыхъ сражаться за кого угодно, конечно, за хорошую плату. Исторія сохранила имена многихъ предводителей такихъ кондотьеровъ: Малетруа, Бонгардена, Ландау, Штерца. Гауквудъ принадлежалъ также къ числу этихъ рыцарей большихъ дорогъ, безпощадно опустошавшихъ страну, грабившихъ жителей, убивавшихъ всѣхъ, кто противился имъ и часто даже тѣхъ, кто сдавался безъ сопротивленія. Горожане защищались за толстыми стѣнами своихъ укрѣпленій, которыя можно было взять только измѣной или подкупомъ, такъ какъ осадныя орудія тогда еще не были извѣстны. Но когда такой городъ удавалось захватить кондотьерамъ, они раззоряли его до тла, убивая жителей безъ различія пола и возроста. Гауквудъ, какъ капитанъ кондотьеровъ, не отличался жестокостью, но и онъ, взявъ маленькій городокъ Чезену, истребилъ въ немъ три тысячи жителей и въ томъ числѣ множество женщинъ и дѣтей. Молодыхъ людей и красивыхъ дѣвушекъ эти разбойники уводили въ свой лагерь и таскали за собою въ походахъ, обращаясь съ ними варварски. За отрядами кондотьеровъ всегда тянулись длинные обозы съ рабами, плѣнниками, награбленнымъ имуществомъ. Франческо ди Каррара, разбивъ одинъ изъ такихъ отрядовъ при Брентелло, захватилъ въ ихъ обозѣ 211 женщинъ, между которыми были и патриціанки и монахини, и отпустилъ ихъ на свободу. Гауквудъ славился не только своею храбростью, но и стратегическими знаніями и Флоренція не разъ призывала его на военный совѣтъ и слѣдовала его планамъ. Современныя ему лѣтописи говорятъ, что у него былъ талисманъ—рогъ баснословнаго единорога, въ пять футовъ длины, говоритъ падуанскій лѣтописецъ Гаттара, утверждающій, что онъ самъ видѣлъ и держалъ въ своихъ рукахъ этотъ рогъ. Талисманъ обнаруживалъ присутствіе яда въ напиткахъ и съѣстныхъ припасахъ и дѣлалъ ихъ безвредными, что и доказалъ Гауквудъ, при взятіи Чезіи, гдѣ были отравлены всѣ колодцы и запасы провіанта. Ихъ можно было употреблять въ пищу, послѣ того какъ Гауквудъ опускалъ въ нихъ свой рогъ. Не смотря на свою храбрость, Гауквудъ избѣгалъ, однако, случаевъ вступать въ сраженіе съ бретонцемъ Малетруа, предводителемъ другой шайки кондотьеровъ, стоявшихъ за папу Климента.

— Извѣстный ассиріологъ Раулинсонъ написалъ «Исторію Финикіи» (History of Phoenicia, by George Rawlinson). Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ изученіе древнихъ цивилизацій Востока сдѣлало такіе успѣхи, что прежніе труды по этой части далеко отстали отъ новѣйшихъ изслѣдованій. Таковы изданные Раулинсономъ въ 1862—1865 годахъ «Пять великихъ монархій древняго Востока», и его труды семидесятыхъ годовъ «Древній Египетъ», «Египетъ и Вавилонъ». «Исторія Финикіи», написанная уже перешедшимъ за 75-ти-лѣтній возростъ авторомъ, также не отличается свѣжестью изъисканій. Она составлена по книгѣ Кенрика, вышедшей 50 лѣтъ назадъ и по нѣмецкому труду Мёверса, но Раулинсонъ вовсе не знакомъ съ французскимъ сочиненіемъ Перро и Шимье, по тому же предмету и съ капитальнымъ трудомъ Шредера «Die Phönizische Sprache». Многія положенія автора голословны, какъ напримѣръ, утвержденіе, что финикіяне взяли свою азбуку у аккадійцевъ и эламитовъ. Онъ также невѣрно цитируетъ финикійскія надписи и держится старинныхъ транскрипцій собственныхъ именъ: Сарданапалъ вмѣсто Ассурбанапалъ и пр., повторяетъ устарѣвшія легенды объ избіеніи въ одну ночь невѣдомою силою 185-ти тысячъ человѣкъ въ ассирійской арміи и т. п. Но въ цѣломъ «Исторія Финикіи» представляетъ все-таки достаточно полный и вѣрный сводъ историческихъ фактовъ и событій изъ жизни этого своеобразнаго семитическаго племени.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

Императоръ Николай Павловичъ и графъ Бенкендорфъ.

ЕФЪ КОРПУСА жандармовъ, генералъ-адъютантъ, графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, пользовался, какъ извѣстно, неограниченнымъ довѣріемъ императора Николая Павловича, огромнымъ вліяніемъ на дѣла государства и личной дружбой императора.

Вотъ не лишенный интереса эпизодъ изъ его жизни, наглядно подтверждающій это.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1837 года, Бенкендорфъ внезапно и серьезно заболѣлъ. Наканунѣ еще будучи совершенно здоровъ, онъ принималъ обычный докладъ начальника своего штаба Дубельта и подписалъ бумаги, которыя долженъ былъ на другой день представить на разсмотрѣніе государя. Утромъ слѣдующаго дня, почувствовавъ себя дурно, онъ отправилъ государю запечатанный конвертъ, въ которомъ были вложены текущія бумаги, при письмѣ, извѣщающемъ о его болѣзни.

Черезъ нѣсколько часовъ государь пріѣхалъ навѣстить Бенкендорфа. Найдя его совершенно больнымъ, онъ приказалъ немедленно собрать на консиліумъ всѣхъ лучшихъ петербургскихъ врачей того времени и о результатѣ консиліума ему доложить.

Исполненіе обязанностей шефа жандармовъ временно было поручено генералъ-адъютанту Мордвинову, которому государь выразилъ желаніе, чтобы впредь до совершеннаго выздоровленія графа, его отнюдь не безпокоить никакими служебными дѣлами.

Собравшійся, въ тотъ же день, къ постели Бенкендорфа ареопагъ врачей нашелъ положеніе больного чрезвычайно серьезнымъ, а черезъ нѣсколько дней, когда болѣзнь еще усилилась, почти безнадежнымъ. Признано было

необходимымъ примѣнить къ графу послѣднее медицинское средство, чрезвычайно сильное, причемъ государю было доложено, что если оно не подѣйствуетъ, то исходъ болѣзни, по всей вѣроятности, будетъ смертельный.

Въ то же самое время, по желанію графини Бенкендорфъ, къ постели страждущаго графа былъ приглашенъ какой-то петербургскій купецъ-знахарь, пользовавшій больныхъ ему одному извѣстными средствами. Осмотрѣвъ больного, онъ объявилъ, что ручается за его выздоровленіе, если ему будетъ позволено лечить его. Графиня обратилась за совѣтомъ къ государю, почти ежедневно пріѣзжавшему навѣщать своего любимца. Николай Павловичъ спросилъ объ этомъ самого Бенкендорфа и такъ какъ со стороны графа получился отвѣтъ утвердительнаго характера, то знахарь былъ немедленно призванъ и въ присутствіи государя натеръ больного какой-то мазью и далъ лекарство. Черезъ нѣсколько часовъ графу сдѣлалось гораздо лучше, а вскорѣ онъ уже всталъ съ постели и выздоровлѣніе сдѣлалось несомнѣннымъ.

Знахаря, конечно, щедро наградили, докторамъ же, лечившимъ графа, государь приказалъ выразить крайнее свое удивленіе и неудовольствіе по поводу происшедшаго.

Въ половинѣ апрѣля мѣсяца, Бенкендорфъ былъ уже почти здоровъ, но неожиданное столкновеніе съ англійскимъ посланникомъ уложило его въ постель еще на нѣсколько времени.

Имѣя къ Бенкендорфу какую-то надобность, но не будучи въ состояніи лично объясниться съ нимъ, такъ какъ графъ еще никого не принималъ, посланникъ обратился къ нему съ письмомъ на англійскомъ языкѣ. Бенкендорфъ, не знавшій по-англійски, былъ очень раздраженъ, получивъ это письмо, и принялъ его за знакъ величайшаго неуваженія къ себѣ со стороны посланника. Желая отплатить ему той же монетой, онъ приказалъ отвѣтить ему черезъ штабъ корпуса жандармовъ по-русски.

Стрѣла попала въ цѣль. Самолюбивый англичанинъ понялъ, конечно, почему графъ отвѣтилъ ему такимъ образомъ. Считая себя до крайности оскорбленнымъ, онъ препроводилъ отвѣтъ Бенкендорфа къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Нессельроде, заявивъ, при этомъ, что усматриваетъ въ поступкѣ графа чуть не оскорбленіе всей англійской націи, что будетъ лично жаловаться государю и проч.

Нессельроде обратился за разъясненіемъ дѣла къ Мордвинову, а этотъ послѣдній сообщилъ обо всемъ Бенкендорфу. Это еще болѣе раздражило графа. Разговаривая съ Мордвиновымъ, онъ сердился, бранилъ посланника и кончилъ тѣмъ, что, почувствовавъ себя дурно, слегъ въ постель.

Въ тотъ же день Николай Павловичъ пріѣхалъ навѣстить его. Узнавъ, что графу сдѣлалось опять хуже, государь, не заходя къ нему, вызвалъ графиню и освѣдомился о причинѣ новаго приступа болѣзни. Графиня сообщила ему, что нѣсколько часовъ назадъ былъ Мордвиновъ, что онъ имѣлъ съ графомъ о чемъ-то продолжительный разговоръ, послѣ котораго Бенкендорфъ почувствовалъ себя дурно и слегъ въ постель.

Вернувшись во дворецъ, Николай Павловичъ немедленно потребовалъ къ себѣ Мордвинова. На вопросъ государя, о чемъ онъ говорилъ съ Бенкендорфомъ, тотъ подробно доложилъ все, какъ было.

Николай Павловичъ былъ сильно разгнѣванъ, узнавъ о неосторожномъ поступкѣ Мордвинова. Онъ серьезно попенялъ ему за неисполненіе приказанія не говорить съ графомъ ни о какихъ дѣлахъ до окончательнаго его

выздоровленія. Въ концѣ этой непріятной для Мордвинова бесѣды, государь прибавилъ:

«Стоило ли изъ-за всѣхъ этихъ дрязгъ безпокоить старика! И неужели вы думали, что я могу придать жалобѣ англичанина хоть какое-нибудь значеніе? Одинъ сапогъ съ ноги Бенкендорфа я не промѣняю на десятокъ этихъ дураковъ!».

Намъ неизвѣстно поддерживалъ ли послѣ этого посланникъ свою жалобу на графа Бенкендорфа. Едва ли! [1]).

Сообщено **П. П. Шубинскимъ.**

II.

Черта изъ жизни императора Александра II [2]).

Однажды, во время пребыванія императора Александра Николаевича въ Царскомъ Селѣ, состоявшему при государѣ въ описываемый день дежурному флигель-адъютанту капитану Ф. доложили, что пришелъ какой-то крестьянинъ, который настойчиво желаетъ видѣть его и лично передать о дѣлѣ, по которому явился. Капитанъ Ф. велѣлъ ввести просителя и увидѣлъ просто и бѣдно одѣтаго старичка, средняго роста, чрезвычайно симпатичной наружности, видимо обрадованнаго исполненіемъ его просьбы.

Вся внѣшность просителя, его манера держать себя, добродушное выраженіе глазъ, сразу расположили къ нему дежурнаго флигель-адъютанта и онъ, не зная еще въ чемъ дѣло, уже готовъ былъ, если только возможно, облегчить участь этого крестьянина.

— Здравствуй, старина, что скажешь хорошенькаго?—обратился онъ къ нему.

— «Здравствуйте, батюшка,—произнесъ крестьянинъ, низко кланяясь,— извините, что безпокою васъ; но ужъ очень мнѣ хотѣлось бы попросить васъ, батюшка, помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ»—и послѣ обычныхъ разспросовъ о мѣстѣ его жительства, занятіяхъ и пр. онъ продолжалъ: «мнѣ хочется лично повидать батюшку-царя и поблагодарить его за освобожденіе крестьянъ» [3]). Вотъ уже сколько лѣтъ, батюшка, собираюсь исполнить свое желаніе и никакъ не могу; я далъ клятву сдѣлать это непремѣнно лично и не могу спокойно умереть, не сдержавши слова, а года-то ужъ приходятъ такіе, что надо думать о смерти постоянно и мучитъ меня это страшно. Ужъ и не въ первый разъ прихожу я изъ нашей губерніи въ Петербургъ, да все не могу повидать царя; а дорога трудная, устаешь сильно, а нельзя,

---

[1]) Разсказанный здѣсь эпизодъ заимствованъ изъ современной переписки двухъ лицъ, изъ которыхъ одно, будучи знакомо съ семьей Бенкендорфа, передаетъ другому фактъ болѣзни графа и исторію столкновенія его съ посланникомъ со словъ домашнихъ графа. Кромѣ того, въ отношеніи достовѣрности разсказаннаго, въ письмахъ сдѣлана ссылка на Петербургскаго губернатора М. Н. Жемчужникова, подтвердившаго автору писемъ дословную достовѣрность сообщаемаго имъ факта.

[2]) Приводимый здѣсь разсказъ записанъ мною со словъ флигель-адъютанта, капитана Ф.

[3]) Надо замѣтить, что описываемый фактъ происходилъ почти 15 лѣтъ спустя послѣ манифеста объ этомъ освобожденіи.

должень исполнить свою клятву, да и на душѣ будетъ легче, а теперь не могу умереть спокойно»,—снова повторилъ онъ.

— Да какъ же, неужели ты пѣшкомъ пришелъ въ Петербургъ?

— «Пѣшкомъ, батюшка, пѣшкомъ; да почитай что ужъ третій разъ, что я прихожу сюда; удостоился видѣть въ прежніе разы государя наслѣдника, цесаревича, великаго князя Владиміра Александровича, а батюшку-царя— нѣтъ. Разъ даже вотъ какой вышелъ со мной случай: пробрался я на площадь къ Михайловскому манежу, люди сказывали, что государь тамъ каждое воскресенье разводы дѣлаетъ и потому непремѣнно бываетъ; ну, хорошо, пришелъ это я, а народу много; полиція все отгоняетъ; сталъ и жду, дѣло было зимой; но только-что показалась карета государя, какъ начали тѣснить: «назадъ», «назадъ»; я было кинулся впередъ, да полицейскіе какъ ухватятъ за полушубокъ; а у меня подъ низомъ былъ другой одѣтъ; тотъ-то верхній стащили, а я вырвался, думалъ добѣгу, нѣтъ и тутъ не удалось, не смотря на хитрость, остановили-таки! И вотъ послѣ того, батюшка, вернулся я домой и заболѣлъ, чуть было не умеръ, а въ головѣ-то у меня все моя клятва и какъ сталъ это я немножко поправляться, опять начала меня мучить забота, чтобы исполнить свой обѣтъ; отговѣлъ я, пріобщился Св. Таинъ и вотъ снова пришелъ; въ Петербургѣ опять не пришлось повидать батюшку-царя; теперь узналъ, что онъ въ Царскомъ Селѣ и, помолившись утромъ Богу, вынулъ я въ церкви просвирочку за его здравіе и за упокой души родителя его, покойнаго государя императора Николая Павловича, и рѣшился идти сюда. Помоги, батюшка; устрой ты мнѣ, чтобы повидать батюшку-царя, вѣкъ заставишь за себя Бога молить; утѣшь ты мою душеньку и тогда умру спокойно».

Тутъ только флигель-адъютантъ замѣтилъ, что у него въ рукахъ былъ дѣйствительно какой-то узелокъ; это и были тѣ просфоры, о которыхъ онъ только-что говорилъ, завязанныя въ грязный, росписной платокъ.

— Но какъ же, старина, могу я тебѣ помочь? Что̀ я могу сдѣлать? Вѣдь царь лично не можетъ принимать каждаго крестьянина; ты подумай только одно: гдѣ же ему взять времени, если бы онъ вздумалъ васъ принимать; вѣдь освобождено крестьянъ около 30 милліоновъ, а онъ одинъ; вотъ и разсчитай, если бы даже по одному слову съ каждымъ сказать, такъ и то у него не только что часовъ, а секундъ, не хватило бы съ вами разговаривать; да потомъ вѣдь ужъ 15 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ освободили крестьянъ, а ты только теперь явился съ благодарностью за это.

Выслушавъ эти слова внимательно, старикъ нисколько не смутился: «Такъ-то, такъ, батюшка—отвѣчалъ онъ—вѣрно; но вѣдь пока-то я первый явился съ такою благодарностью».

Озадаченный такимъ мѣткимъ отвѣтомъ своего собесѣдника, флигель-адъютантъ улыбнулся и сказалъ: «и то вѣрно»; но потомъ началъ его убѣждать, что сдѣлать этого онъ не можетъ, такъ какъ и самъ-то не имѣетъ права явиться къ царю и потому совѣтовалъ ему обратиться въ Петербургѣ въ соотвѣтствующее учрежденіе (онъ указалъ какое именно) и просить, чтобы его благодарность довели до свѣдѣнія государя; но крестьянинъ такъ слезно просилъ сдѣлать для него хоть что-нибудь, клялся, что желаетъ только повидать государя, что онъ ужъ очень старъ, такъ что въ другой разъ не въ состояніи будетъ прійти въ Петербургъ, снова подтвердилъ о данной имъ клятвѣ и объ испытываемыхъ мученіяхъ, наконецъ, говорилъ,

что теперь онъ уже здѣсь, а въ Петербургѣ его и не подпустятъ близко, что онъ уже нѣсколько разъ пытался и все неудачно, и т. п. что наконецъ тронулъ флигель-адъютанта, который рѣшился ему помочь и придумалъ слѣдующій планъ: государь ежедневно, въ опредѣленное время, гулялъ по парку; при чемъ всегда выходилъ въ садъ съ терассы и, спустившись по отлогому скату, ведущему къ главной аллеѣ, огибалъ паркъ по извѣстному направленію и затѣмъ возвращался во дворецъ. Зная, что по одной изъ аллей, ведущихъ ко дворцу, государь непремѣнно прослѣдуетъ, Ф. рѣшился взять съ собой старика, идти на встрѣчу государю и объяснить его величеству желаніе этого просителя.

— Ну, старина,—сказалъ онъ просителю,—ужъ очень мнѣ тебя жалко и я рѣшился сдѣлать для тебя вотъ что: государь будетъ скоро гулять по парку; пока подожди, а когда онъ выйдетъ изъ дворца и пройдетъ въ паркъ, я встрѣчу его величество на площадкѣ лѣстницы, ведущей въ садъ, и вернусь за тобой, затѣмъ мы пойдемъ по аллеѣ на встрѣчу государю; ты только смотри не прячься, а иди смѣло за мной; когда я скажу о тебѣ государю, ты стань на колѣни; тутъ же можешь подать и просфоры, но только вынь ихъ изъ твоего грязнаго платка и положи на шапку, чтобы они видны были и такъ ихъ и держи, а теперь ступай себѣ съ Богомъ.

Обрадованный старикъ началъ благодарить своего благодѣтеля, но тотъ просилъ его удалиться, такъ какъ приближалось время царской прогулки и Ф. торопился. Крестьянинъ ушелъ; но не прошло и десяти минутъ какъ къ Ф. является околодочный надзиратель и докладываетъ, что какой-то незнакомый человѣкъ гуляетъ около парка и, не смотря на требованія полиціи, оберегающей паркъ и мѣсто царской прогулки, не хочетъ удалиться, говоря что ему разрѣшилъ здѣсь быть дежурный флигель-адъютантъ.

— Такъ какъ прикажите ваше высокоблагородіе, если вы велите его оставить, мы это сдѣлаемъ, а иначе мы обязаны его удалить.

— Я не могу этого приказать,—отвѣтилъ Ф.,—но онъ обратился ко мнѣ съ просьбой и я думаю при встрѣчѣ его величества, по возвращеніи съ прогулки, представить его государю императору, а пока велѣлъ ему подождать.

— Но мы не имѣемъ права разрѣшить ему здѣсь оставаться, если на то не послѣдуетъ приказанія вашего высокоблагородія.

Ужъ разъ рѣшившись помочь старику и сознавая, что все равно отвѣтственность за принятое имъ рѣшеніе должна лежать на немъ, Ф. приказалъ оставить старика. Полицейскій удалился, а флигель-адъютантъ переживалъ тяжелыя минуты въ сознаніи той громадной отвѣтственности, которую взялъ на себя изъ желанія успокоить обратившагося къ нему съ просьбою крестьянина; онъ не зналъ, какъ государь взглянетъ на подобный поступокъ и, дѣйствительно, рисковалъ слишкомъ многимъ, чтобы можно было оставаться спокойнымъ; одно только утѣшало его и давало надежду на благопріятный исходъ: это доброта покойнаго государя.

Наконецъ, государь вышелъ изъ дворца и отправился на обычную прогулку по парку; Ф. встрѣтилъ его величество на площадкѣ лѣстницы, ведущей изъ дворца въ паркъ. Государь былъ очень въ хорошемъ настроеніи, милостиво съ нимъ поздоровался и прослѣдовалъ дальше.

Замѣтивъ хорошее расположеніе духа императора и одобренный его вниманіемъ, флигель-адъютантъ нѣсколько успокоился, и выждавъ нѣкоторое время, приказалъ позвать просителя; еще разъ далъ ему нѣкоторыя указанія, какъ себя держать, осмотрѣлъ исполнилъ ли старикъ его совѣты относительно подношенія просфоръ и затѣмъ пошелъ съ нимъ по аллеѣ, откуда долженъ былъ вернуться государь. Флигель-адъютантъ шелъ впереди; крестьянинъ за нимъ. Прошли они такъ нѣкоторое время и наконецъ замѣтили государя, возвращавшагося изъ боковой аллеи. Онъ только-что хотѣлъ повернуть на главную аллею, по которой они слѣдовали, какъ вдругъ на самомъ поворотѣ выскакиваетъ изъ-за куста какая-то дама, вся въ черномъ и кидается въ ноги императору. Видимо пораженный такимъ внезапнымъ появленіемъ незнакомки, государь немного отшатнулся и повернулъ въ другую сторону; дама послѣдовала за нимъ, излагая свою просьбу.

Этотъ неожиданный эпизодъ очень обезпокоилъ Ф. и разсѣялъ то спокойное настроеніе, которое навѣяно было привѣтливымъ обращеніемъ къ нему его величества. Казалось, дѣло было испорчено совсѣмъ; онъ повернулъ назадъ и, выйдя другимъ путемъ на ту аллею, по которой теперь направился государь, сказалъ старику: «смотри, отнюдь не дѣлай такъ, какъ она, а то государь разсердится и тогда все будетъ испорчено». Тотъ молча послѣдовалъ за нимъ. Замѣтивъ наконецъ государя, уже идущаго одного, флигель-адъютантъ, оставивъ старичка на мѣстѣ, смѣло пошелъ навстрѣчу къ императору.

— Простите ваше императорское величество,—сказалъ онъ,—что я осмѣлился безпокоить ваше величество, желая представить крестьянина (онъ назвалъ его имя, фамилію и губернію, изъ которой онъ пришелъ), который далъ клятву лично поблагодарить ваше величество за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и для этого уже нѣсколько разъ приходилъ въ Петербургъ.

Государь улыбнулся и сказалъ: «Ну давай его сюда!»

Флигель-адъютантъ подалъ знакъ все еще стоявшему на мѣстѣ крестьянину и тотъ, быстро приблизившись къ его величеству, упалъ передъ нимъ на колѣни. Обратившись къ старику государь сказалъ: «Встань, старикъ, спасибо тебѣ»—и при этомъ его величество нагнулся, желая помочь старику исполнить его приказаніе.

Обрадованный такимъ милостивымъ обращеніемъ къ нему императора, старичекъ началъ повторять свой разсказъ о данной имъ клятвѣ и мучившемъ его желаніи непремѣнно лично исполнить данный имъ обѣтъ, благодарилъ нѣсколько разъ царя и разсказалъ все, что выше было изложено.

Государь былъ видимо очень доволенъ: «Ну спасибо, спасибо тебѣ, старина, сказалъ его величество, очень радъ, что повидалъ тебя, ступай себѣ съ Богомъ домой»—и повернулся, чтобы продолжать свой путь.

Тутъ только старичекъ замѣтилъ, что въ порывѣ охватившей его радости отъ неожиданнаго счастья, онъ совершенно позабылъ передать государю просфоры, которыя зажалъ въ своей шапкѣ, да такъ ихъ и оставилъ.

— Батюшка-царь, ваше величество, — послышалось сзади. Государь обернулся.—Я сегодня вынулъ эти просфоры за здоровье вашего величества и за упокой души батюшки вашего покойнаго государя Николая Павловича, не откажите принять ихъ отъ меня.

Государь милостиво принялъ это подношеніе и, передавъ просфоры флигель-адъютанту, приказалъ отнести ихъ къ себѣ въ кабинетъ. Старикъ еще разъ поблагодарилъ государя и его величество удалился.

Отнеся просфоры по назначенію и проводивъ государя во дворецъ, Ф. вернулся въ свою комнату, гдѣ его уже ожидалъ облагодѣтельствованный имъ крестьянинъ. Что̀ произошло тутъ, какія чувства благодарности изливалъ этотъ счастливѣйшій изъ смертныхъ передъ своимъ благодѣтелемъ, какъ онъ молился, какъ увѣрялъ, что онъ успокоилъ его передъ смертью..... все это не поддается никакому описанію.

Сообщено **Д. Щербачевымъ.**

СМѢСЬ.

ОРЖЕСТВЕННОЕ засѣданіе Академіи Наукъ въ концѣ прошлаго года было особенно знаменательно. Большая конференцъ-зала полна; было много прибывшихъ въ Петербургъ на съѣздъ врачей, естествоиспытателей и представителей съѣзда по техническому образованію. Засѣданіе было открыто августѣйшимъ президентомъ Академіи. За тѣмъ секретарь Академіи предпослалъ отчету за прошлый годъ—сообщеніе о понесенныхъ Академіей утратахъ въ лицѣ президента графа Толстого, вице-президента Буняковскаго и академика Безобразова. Ораторомъ были сдѣланы характеристики каждаго изъ покойныхъ по отношенію къ Академіи. Гр. Толстой, по его словамъ, былъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ подготовленъ къ плодотворной и трудной дѣятельности по управленію Академіей. Онъ еще ранѣе посвящалъ свой досугъ историческимъ трудамъ, избравъ предметомъ царствованіе Екатерины II. Изучивъ въ подробности архивъ бывшаго своего министерства, онъ занялся исторіею нашего просвѣщенія въ XVIII столѣтіи. Главною его заслугою было оживленіе въ Академіи трудовъ по русской исторіи и привлеченіе въ ряды академическихъ дѣятелей сенатора Н. В. Калачова, по мысли котораго Академія начала издавать важнѣйшіе и доселѣ неизвѣстные документы временъ Петра Великаго. По ходатайству гр. Толстого, Академіи были даны спеціальныя средства на изданіе матеріаловъ, хранящихся въ ея архивѣ и, благодаря ему же, издаются «Записки». Его стараніями Академія могла снарядить особую экспедицію въ полярныя окраины Сибирскаго материка и Ново-Сибирскихъ острововъ. При немъ возведено новое зданіе, давшее возможность расширить музей и помѣщеніе богатѣйшихъ колекцій. В. А. Буняковскій былъ характеризованъ, какъ Несторъ русской математики, жизнь котораго была спокойна и тиха. Онъ жилъ, только когда работалъ. Академикъ Безобразовъ былъ почтенъ, какъ преданный дѣлу и наукѣ человѣкъ съ разносторонними, обширными познаніями и энергіею.

Затѣмъ К. С. Веселовскій приступилъ къ перечисленію трудовъ гг. академиковъ за годъ. По отдѣленію математики, астрономіи и геодезіи: главная

физическая обсерваторія получала ежедневно по утрамъ телеграфическія свѣдѣнія изъ 139 метеорологическихъ станцій, изъ которыхъ 85 русскихъ и 54 заграничныхъ. Отъ нѣкоторыхъ станцій получаются извѣщенія и по вечерамъ. Благодаря этому и тѣмъ усовершенствованіямъ, которыя достигнуты теперь, обсерваторія въ состояніи предсказывать бури и посылать штормовыя предостереженія въ порты Чернаго и Азовскаго морей. Съ нынѣшняго года получится возможность посылать предостереженія и на желѣзныя дороги относительно мятелей и снѣжныхъ заносовъ. По химіи сдѣлали сообщенія акад. Н. Н. Бекетовъ, акад. Ф. Ф. Бельштейнъ, Гросьетъ и О. Блезе. По геологіи и палеонтологіи труды групировались около Сибирской экспедиціи. Труды зоологовъ сосредоточились на двухъ большихъ предпріятіяхъ Академіи: на обработкѣ колекцій, вывезенныхъ Н. М. Пржевальскимъ изъ Центральной Азіи, и на изданіи полной орнитографіи Россійской имперіи. По анатоміи и зоологіи былъ читанъ въ засѣданіяхъ Академіи рядъ статей гг. Введенскаго, Н. Келлера, К. К. Сент-Илера, Лавдовскаго и А. Е. Феоктистова.

По историко-филологическому отдѣленію: членъ кореспондетъ Н. А. Поповъ, преемникъ Калачова по завѣдыванію архивомъ министерства юстиціи, принялъ на себя веденіе сборника «Актовъ Московскаго государства». Подъ редакціею академика Н. Ф. Дубровина безостановочно печатается другое, предпринятое Академіею, изданіе «Доклады и протоколы сената временъ Петра Великаго». В. Э. Регель, совершившій путешествіе по Востоку, разрабатываетъ матеріалы по византійской исторіи, которые будутъ изданы Академіей. Предметомъ занятій эллинистовъ были Софоклъ и Плутархъ. Надъ ними трудился академикъ А. К. Наукъ. Кромѣ того, работали П. В. Никитинъ и О. Н. Бетлингъ (оріенталистъ). Академикъ В. В. Радловъ окончилъ печатаніемъ 3-й выпускъ своего «Опыта словаря тюркскихъ нарѣчій». По языку горскихъ кавказскихъ евреевъ трудился В. Ѳ. Миллеръ.

Не малую долю своей дѣятельности Академія удѣляла ежегодно на разсмотрѣніе ученыхъ сочиненій, представляемыхъ для соисканія премій. Капиталъ, назначенный на эти преміи, возросъ до полумиліона рублей. Присуждены: 1) сенатору тайному совѣтнику П. П. Семенову 1,500 руб. — премія, учрежденная симбирскимъ дворянствомъ имени Александра II за сочиненіе подъ заглавіемъ: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. Томъ I. Первый періодъ занятій». 2) На соисканіе преміи графа Д. А. Толстого было представлено одно сочиненіе г. Пономарева, удостоенное второй золотой медали имени гр. Толстого въ 250 руб. Премію потомственнаго почетнаго гражданина А. М. Сибирякова въ 1,500 руб. получилъ В. К. Андріевичъ за три сочиненія, въ общемъ обнимающія всю исторію Сибири по 1819 годъ.

По отдѣленію русскаго языка и словесности отчетъ читалъ акад. Л. Н. Майковъ. Отдѣленіе въ теченіе года работало въ области славяно-русской филологіи, по части составленія правилъ правописанія и словарныхъ работъ. Новое изданіе академическаго словаря общеупотребительной русской рѣчи подготовлено на столько, что буква «А» уже печатается, а буква «Б» находится въ наборѣ. Корректурные листы просматриваются отдѣленіемъ въ полномъ его составѣ и, кромѣ того, многими учеными, имена которыхъ будутъ современемъ оглашены. Редактируетъ изданіе вице-президентъ Я. К. Гротъ. Древне-русскій словарь, подготовленный покойнымъ академикомъ Срезневскимъ, печатается его дочерью и редактируется академикомъ Бычковымъ. Словарь займетъ 25 печатныхъ листовъ. Разработка и изданіе писемъ и документовъ Петра Великаго продолжается и вышелъ уже томъ, обнимающій года 1702 и 1703. Академикъ Сухомлиновъ окончилъ

VI-й томъ «Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ». Акад. Веселовскій изучалъ народныя преданія, легенды и сказанія славянскихъ, русскихъ и восточныхъ народовъ, и попутно проводилъ паралели и сравненія съ такими же сказаніями западныхъ и другихъ народовъ. Затѣмъ, были перечислены утраты, понесенныя Академіею въ лицѣ членовъ-корреспондентовъ: прот. С. К. Смирнова, хорвата Кукулевича и Вильяма Ральстона — переводчика Тургенева на англійскій языкъ. Онъ перевелъ «Дворянское гнѣздо» и этимъ выказалъ себя полнымъ знатокомъ русскаго языка. Отчетъ закончился объявленіемъ о присужденіи въ первый разъ преміи Котляревскаго. Она присуждена за единственное, представленное на конкурсъ сочиненіе чешскаго писателя Барбоша «О моравскихъ нарѣчіяхъ». Разборъ сочиненія былъ сдѣланъ проф. Варшавскаго университета Будиловичемъ, согласно отзыву котораго Академія присудила автору половинную премію въ 500 р., а рецензенту — золотую медаль.

Николай I, князь черногорскій принялъ званіе почетнаго члена Академіи. Академіею Наукъ избраны: въ почетные члены: Платонъ, митрополитъ кіевскій; Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій; статсъ-секретарь А. Я. Гюббенетъ и баронъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакенъ. Въ члены-корреспонденты: по физико-математическому отдѣленію: Софія Васильевна Ковалевская, профессоръ Стокгольмскаго университета; Морисъ Лёви, членъ фран. инст. въ Парижѣ; Ст. Канниццаро, проф. университета и сенаторъ въ Римѣ; Ѳ. П. Кеппенъ, въ Петербургѣ, и Генрихъ Гальонъ, проф. ботаники при медицинскомъ факультетѣ въ Парижѣ. По отдѣленію русскаго языка и словесности: Н. Н. Страховъ, членъ ученаго комитета мин. народн. просв.; виконтъ Эжень Мельхіоръ де-Вогюэ, членъ франц. института въ Парижѣ; профессоръ Берлинскаго университета по славянской филологіи Александръ Брюкнеръ и юго-славянскій филологъ, редакторъ академическаго словаря въ Загребѣ, Петръ Будмани. По историко-филологическому отдѣленію: по разряду историко-политическихъ наукъ — В. О. Ключевскій, орд. профес. Московскаго университета.

Монументъ Александру II. Въ селѣ Звѣринцѣ, Замостскаго уѣзда, Люблинской губерніи, мѣстными жителями сооруженъ монументъ императору Александру II, въ память освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Монументъ каменный, въ видѣ двухсаженнаго обелиска, увѣнчанъ двураменнымъ крестомъ съ распятіемъ; на аршинъ ниже креста помѣщенъ государственный гербъ, немного ниже — портретъ императора Александра II, писанный на мѣдной доскѣ; подъ портретомъ, на черной мраморной доскѣ находится надпись золотыми буквами: «Признательные крестьяне Царю-Мученику». Ниже портрета, на мраморной доскѣ надпись, указывающая годъ сооруженія памятника. По угламъ его четыре каменные столбика, къ которымъ прикрѣплена желѣзная цѣпь, составляющая ограду.

Археологическое Общество. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія этого Общества, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, было доложено собранію о ходѣ печатанія трудовъ отдѣленія: въ самомъ непродолжительномъ времени появится въ свѣтъ XX томъ «Трудовъ» восточнаго отдѣленія; въ составъ этого тома вошли «Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей въ XVII в.», собранные Н. И. Веселовскимъ. Сношенія эти начались въ царствованіе Ѳеодора Ивановича, къ какому времени и относятся документы, опубликованные въ настоящемъ томѣ. Но Н. И. Веселовскій приготовилъ уже въ печати и дальнѣйшіе документы этой серіи, проливающіе новый свѣтъ на событія Смутнаго времени и въ особенности на отношенія персидскаго шаха Аббаса къ Астрахани, во время пребыванія тамъ Заруцкаго. Къ царствованію Михаила Ѳеодоровича относится статейный списокъ о посольствѣ въ Персію князя Михаила Петровича Барятинскаго въ 1618 г., что и было въ томъ же засѣданіи предметомъ

особаго сообщенія Н. И. Веселовскаго. Воевода Болховской, кн. М. П. Барятинскій, посланъ былъ въ Персію съ цѣлью произвести у шаха Аббаса заемъ на нужды по войнѣ съ Польшей. Князь Барятинскій заболѣлъ въ Персіи и умеръ; тѣло его, по завѣщанію, отвезено было для погребенія въ Россію. Отвѣтное посольство доставило въ московскую казну заимообразно 12,000 тюменей (тюмень—около 3 р.). Статейный списокъ любопытенъ по сообщаемымъ имъ бытовымъ подробностямъ какъ изъ русской исторіи, такъ и изъ области нашихъ сношеній съ Востокомъ. Въ томъ же засѣданіи А. Я. Гаркави прочиталъ рефератъ «о еврейскомъ папирусѣ изъ колекціи В. С. Голенищева». Прочитанный папирусъ оказался принадлежащимъ, по своему содержанію, къ памятникамъ еврейской поэзіи литургическаго характера VIII вѣка нашей эры.

Кольца-монеты. Горный инженеръ де-Морганъ сообщаетъ о существованіи на Кавказѣ и въ Арменіи колецъ-монетъ, которыя представляютъ собою ассирійскія мѣры вѣса. Въ многочисленныхъ доисторическихъ подземныхъ кладбищахъ, открытыхъ при раскопкахъ въ русской Арменіи, въ могилахъ было найдено большое число колецъ, въ родѣ браслетовъ, принадлежащихъ къ ассирійскому вѣку. А. Бертрандъ и Морганъ взвѣсили браслеты Сен-Жерменскаго музея и нашли, что они совершенно одинаковы по вѣсу съ браслетами, привезенными съ Кавказа, но не имѣютъ ничего общаго съ европейскими бронзовыми браслетами доисторическихъ временъ. Изъ этого слѣдуетъ, что обычай считать предметы опредѣленнаго вѣса, вмѣсто того чтобы каждый разъ взвѣшивать слитки разнаго вѣса, существовалъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Азіи гораздо ранѣе изобрѣтенія лидійскихъ монетъ, между тѣмъ какъ въ Европѣ этотъ обычай, повидимому, не существовалъ въ доисторическую эпоху.

Стоянка древнихъ грековъ. Крупная археологическая находка сдѣлана недавно въ селѣ Вани, Кутаисской губерніи. Произведенныя въ этой мѣстности раскопки обнаружили на глубинѣ полутора аршинъ каменную, довольно большого размѣра постройку, окруженную каменною же оградой; само зданіе въ нѣсколько саженъ длины, въ ширину—меньше; крыша куполообразная, также каменной кладки; въ одномъ мѣстѣ замѣтно присутствіе дверей, вышиной болѣе сажени. Кладка оказалась настолько крѣпкою, что съ большимъ трудомъ удавалось кирками и ломомъ откалывать маленькіе кусочки отъ стѣнъ. Найдены еще, кромѣ этой постройки, граненыя каменныя плиты въ аршинъ и болѣе длины и ширины, два огромныхъ размѣровъ глиняные кувшина съ ручками, наполненные черными гнилыми зернами, два мраморные выдолбленныхъ камня и много разныхъ обломковъ глиняной посуды, весьма искусно сработанной. Полагаютъ, что здѣсь была стоянка древнихъ грековъ еще до христіанской эры, что подтверждается найденными здѣсь двумя монетами—одной золотой и другой серебряной. Серебряная монета величиной съ русскій рубль, вѣсомъ четыре золотника; одна сторона ея выпукла, и на ней весьма красиво и искусно выгравирована женская головка съ распущенными волосами, лобъ и уши которой окаймлены лентой. На другой сторонѣ монеты кругомъ греческая надпись, по срединѣ которой награвировано животное, похожее на лошадь; съ одной стороны животнаго луна, а въ ней звѣзды. Золотая монета плоская, величиной съ грузинскій двухабазникъ, и почти съ такими же изображеніями какъ и на серебряной. По словамъ г. Стоянова (директора кутаисской классической гимназіи, члена Московскаго Археологическаго Общества), монеты эти чеканены около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ. Знатоки держатся того мнѣнія, что на мѣстѣ находокъ, еще въ эпоху до Р. Х., жили греки, и здѣсь устроенъ былъ, вѣроятно, среброплавильный заводъ и монетный дворъ.

Двѣ надгробныя плиты. Географическому Обществу сообщено о замѣчательной находкѣ, сдѣланной въ Закаспійской области, въ Байрамъ-Али (въ 26-ти

верстахъ отъ Мерва). Эта находка—древняя надгробная плита, помѣщавшаяся на могилѣ принца Шахъ-Кумъ-Каджарскаго, скончавшагося въ 1161 году. На плитѣ имѣется арабская надпись, которая, въ переводѣ на русскій языкъ, гласитъ: «По волѣ Господа Бога, Шахъ-Кумъ-Каджарскій, покончивъ земное странствіе, переселился въ другой міръ. Надѣемся, что мѣстные жители и проѣзжіе не забудутъ объ усопшемъ и будутъ возсылать молитвы объ упокоеніи души его. Мѣсяца раджаба 1161 года». Географическое Общество рѣшило озаботиться снятіемъ съ плиты точнаго фотографическаго снимка.

Въ Азовѣ найдена мраморная надгробная плита, представляющая большой интересъ для археологіи. Мѣстный вѣстникъ сообщаетъ слѣдующій переводъ надписи на этой плитѣ: «1362 дня 11 мѣсяца августа. Здѣсь почіетъ знаменитый и благородный мужъ, господинъ Яковъ Корнаріо, венеціанецъ (по неразборчивости этого слова, приходится догадываться), графъ Арбскій (?) и прочая. По дожескому повелѣнію посолъ и консулъ въ Танѣ и по всему царству Гакаріи (?), гдѣ и скончался. Душа и прахъ въ мирѣ да покоятся».

Русское литературное Общество издало свой отчетъ за 1888—1889 годъ. Въ отчетномъ году Общество лишилось своего почетнаго члена С. А. Юрьева, скончавшагося въ Москвѣ. Къ 1-му октября 1889 г. въ Обществѣ состояло 12 почетныхъ, 50 дѣйствительныхъ и 57 членовъ-сотрудниковъ. На основаніи устава Общества, по выборамъ на всѣ должности, въ составъ совѣта вошли—предсѣдатель Общества П. Н. Исаковъ, товарищъ предсѣдателя, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, секретарь Общества А. А. Катенинъ, члены: Л. Н. Майковъ, А. И. Незеленовъ, А. К. Ротъ, В. М. Юзефовичъ. Обязанности казначея Общества были возложены совѣтомъ на А. К. Рота. Въ теченіе отчетнаго года совѣтъ имѣлъ 10 засѣданій. Общество приняло участіе въ изданіи сочиненій Загоскина и поднесло адресъ А. А. Шеншину по случаю 50-тилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности. Всѣхъ бесѣдъ, происходившихъ въ Обществѣ по понедѣльникамъ, было 27. На означенныхъ бесѣдахъ были прочитаны: собственныя неизданныя произведенія гг. членовъ и сдѣланы сообщенія: о произведеніяхъ В. Гаршина, о письмахъ Гоголя къ Жуковскому, о переводѣ П. А. Козлова «Донъ-Жуана» Байрона, и другихъ. Изъ общаго числа обыкновенныхъ собраній два происходили въ присутствіи гостей, которые были вводимы членами съ платою по 1 руб. На первомъ Д. В. Григоровичемъ былъ прочитанъ отрывокъ изъ повѣсти «Не по хорошу милъ», Я. П. Полонскимъ и графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній; на второмъ—П. М. Свободинъ прочелъ отрывокъ изъ «Записокъ актера» и С. С. Татищевъ сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ г. Вогюэ «Le Roman Russe». Въ залѣ театра Фантазія происходило публичное чтеніе члена общества С. А. Андреевскаго, предметомъ котораго былъ критическій очеркъ «Братья Карамазовы». Въ залѣ городского кредитнаго Общества состоялся другой публичный литературный вечеръ, устроенный Обществомъ. Въ библіотекѣ Общества находилось 450 томовъ и брошюръ по литературѣ русской и иностранной. Общество получаетъ 30 періодическихъ изданій и составляетъ собраніе портретовъ русскихъ литераторовъ.

Отчетъ о состояніи Карамзинской библіотеки за 1888—1889 библіотечный годъ. Къ 26-му ноября 1888 года оставалось библіотечныхъ суммъ 16,172 р. 48 к. Съ 26-го ноября 1888 года по 26-е ноября 1889 года поступило: пособій отъ министерства народнаго просвѣщенія, симбирской городской думы, отъ частныхъ лицъ, процентовъ съ капитала и др. всего 1,550 р. 90 к., залоговъ поступило 1,561 р., итого 3,111 р. 90 к., а съ остаткомъ на приходѣ 21,949 р. 97 к. Употреблено въ расходъ: на жалованье и награды служащимъ 749 р., на выписку книгъ, журналовъ и газетъ 296 р. 45 к., на переплетъ книгъ,

почтовые и другіе расходы, всего 2,807 р. 22 к. Къ 26-му ноября 1889 года состояло всего 16,454 р. 16 к. да залоговъ 19,142 р. 75 к. Журналовъ и газетъ въ 1889 году получалось 37. Книгъ въ библіотекѣ состоитъ 12,904 названія въ 27,542 томахъ. Чтеніе и выдача книгъ производились ежедневно, отъ 10 до 3 часовъ дня, исключая субботы. Посѣтившихъ въ теченіе года библіотеку опредѣлить трудно, но полагать можно отъ 30 до 70 человѣкъ ежедневно. Бравшихъ подъ залоги книги и ноты на домъ было 425 человѣкъ, въ томъ числѣ: дворянъ—70, чиновниковъ—69, купцовъ—50, военныхъ, учителей, мѣщанъ, студентовъ, воспитанниковъ гимназіи и пр.—236. Этимъ абонентамъ выдано 24,243 том.; въ томъ числѣ: журналовъ 8,504, французскихъ книгъ—94, англійскихъ—77, нѣмецкихъ—25. Въ числѣ русскихъ книгъ изъ отдѣла литературы и изящной словесности 12,502, исторіи—895, естественныхъ, медицинскихъ и математическихъ наукъ—796, дѣтскихъ книгъ—321, педагогическихъ и философскихъ книгъ—295, богословія—258, исторіи литературы и критики—183, географіи—128, сельскаго хозяйства и прикладныхъ наукъ—85, юридическихъ—52, учебниковъ—28. Изъ журналовъ были выданы: «Вѣстникъ Европы»—1,078, «Русская Мысль»—1,034, «Русскій Вѣстникъ»—1,122, «Историческій Вѣстникъ»—846 и др.

† **Іосифъ Николаевичъ Шатиловъ**, недожившій нѣсколькихъ дней до 25-лѣтняго юбилея своего предсѣдательства въ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства. Въ лицѣ покойнаго наше практическое сельское хозяйство понесло крупную утрату. Шатиловъ личнымъ примѣромъ доказалъ, что нынѣшнее неудовлетворительное положеніе вашей сельско-хозяйственной промышленности почти исключительно зависитъ отъ нашего собственнаго неумѣнія или нежеланія приспособиться къ живому дѣлу. Имѣніе покойнаго село Моховоое, Новосильскаго уѣзда, Тульской губерніи, многолѣтними и упорными трудами семьи Шатиловыхъ доведено до рѣдко-образцоваго состоянія. Не было той отрасли сельско-хозяйственной промышленности, нововведенія въ области лѣсоводства, садоводства, земледѣлія, сельско-хозяйственнаго машиностроенія и т. д., которыя не подверглись бы въ Моховомъ всестороннему и тщательному изученію. Шатиловское хозяйство также дѣятельно трудилось надъ вырабатываніемъ самостоятельныхъ типовъ различныхъ предметовъ и продуктовъ сельско-хозяйственнаго дѣла. Почетною извѣстностью пользуются шатиловская система лѣсонасажденія, шатиловскія швырялки-сортировки, шатиловскій овесъ и многіе другіе предметы. Парижская «Academie des sciences agricoles» достойно оцѣнила труды замѣчательнаго русскаго хозяина, присудивъ Моховому большую золотую медаль. Также плодотворна и многостороння была дѣятельность І. Н. Шатилова и въ качествѣ предсѣдателя Московскаго Общества сельскаго хозяйства. Московское Общество, имѣющее теперь многочисленныя отдѣленія во всѣхъ концахъ Россіи, съумѣло сгруппировать вокругъ себя лучшія русскія сельско-хозяйственныя силы. Правительство неоднократно призывало Московское Общество сельскаго хозяйства къ обсужденію весьма важныхъ экономическихъ вопросовъ общегосударственнаго значенія и само общество нерѣдко брало на себя починъ возбужденія подобныхъ вопросовъ. Еще недавно комиссія по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты приняла всѣ проекты, представленные на ея усмотрѣніе Московскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства. Въ массѣ объемистыхъ книгъ «Трудовъ» Общества собранъ драгоцѣнный матеріалъ, касающійся исторіи русскаго сельскаго хозяйства, не говоря уже о множествѣ полезныхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, руководствъ и т. д. Московское Общество сельскаго хозяйства достигло такихъ блестящихъ результатовъ, благодаря руководительству покойнаго, длившемуся цѣлую четверть вѣка. І. Н. Шатиловъ принималъ также дѣятельное участіе въ сельско-хозяйственной и общей періодической печати. Статьи его по разнымъ спеціальнымъ и общимъ вопросамъ печатались въ «Журналѣ

Министерства Государственныхъ Имуществъ», «Земледѣльческой Газетѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ изданіяхъ.

† Отъ тифа извѣстный своими трудами по гигіенѣ и популярными лекціями профессоръ военно-медицинской академіи **Алексѣй Петровичъ Доброславинъ**. Онъ былъ совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета, инспекторомъ главнаго тюремнаго управленія, организаторомъ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ ученыхъ Обществъ въ Россіи и почетнымъ членомъ заграничныхъ Обществъ. Цѣлью всей его жизни были работы по гигіенѣ и изученіе санитарныхъ условій какъ общественной городской, такъ и повседневной жизни. На этомъ поприщѣ онъ потрудился не мало. Онъ основалъ Общество охраненія народнаго здравія, учредилъ нормальную столовую, занимался изслѣдованіемъ пищевыхъ продуктовъ и воды, изучалъ санитарное состояніе большихъ центровъ въ Россіи и за границей, велъ дѣятельную борьбу съ чумою въ Ветлянкѣ, разрѣшилъ вопросъ о тифѣ, свирѣпствовавшемъ среди юнкеровъ Николаевской академіи, открылъ санитарныя станціи-лабораторіи, устроилъ врачебно-гигіеническую выставку, дезинфекцировалъ во время послѣдней войны поля сраженія на Кавказѣ и въ Азіат ской Турціи, организовалъ русскій отдѣлъ на брюссельской международной выставкѣ, былъ делегатомъ военнаго вѣдомства на международномъ клиническомъ конгресѣ въ Вѣнѣ, принималъ на себя цѣлый рядъ командировокъ по осмотру лазаретовъ и размѣщенію войскъ. Разстоянія и время его не останавливали. Въ 1872 г. онъ хлопоталъ объ упорядоченіи санитарныхъ условій въ войскахъ округовъ: виленскаго, варшавскаго, кіевскаго и одесскаго, въ этомъ же году работалъ надъ тѣмъ же дѣломъ уже на Кавказѣ, потомъ уѣхалъ съ ученой цѣлью за границу, возвратившись работалъ въ Астрахани, снова ѣздилъ нѣсколько разъ въ Европу и въ то же время читалъ лекціи гигіены въ Академіи, писалъ рядъ статей, производилъ сотни анализовъ, исполнялъ въ теченіе трехъ трехлѣтій должность ученаго секретаря Академіи, нѣсколько разъ замѣнялъ начальника Академіи, принималъ участіе въ женскихъ врачебныхъ курсахъ, устраивалъ тамъ лабораторію, исполнялъ обязанности безсмѣннаго предсѣдателя постоянной санитарной комиссіи петербургскаго земства, предсѣдательствовалъ на съѣздахъ петербургскихъ врачей и въ Обществѣ охраненія народнаго здравія, редактировалъ журналъ «Здоровье» и въ то же время успѣвалъ написать цѣлый рядъ капитальныхъ сочиненій. Въ такихъ чертахъ при бѣгломъ обзорѣ рисуется его плодотворная дѣятельность. Написалъ онъ—массу. Въ далеко не полномъ сборникѣ работъ врачей насчитывается около шестидесяти его сочиненій, среди которыхъ выступаютъ: «Курсъ военной гигіены», «Гигіена. Курсъ общественнаго здравоохраненія», выдержавшій два изданія (смерть помѣшала выпуску II тома), объемистая книга «О значеніи мяса и пищевыхъ консервовъ», «Канализація городовъ» и т. п. Онъ первый занялъ въ академіи профессорскую каѳедру гигіены—до него была только доцентура—и поставилъ ее на экспериментальную почву. Существуетъ болѣе ста его работъ по вопросамъ о питаніи. Ученикъ извѣстнаго профессора Зимина и знатокъ химіи, онъ оставилъ по себѣ цѣлую плеяду учениковъ, уже заявившихъ себя учеными трудами и составившихъ школу гигіенистовъ, это—профессора: М. Я. Капустинъ въ Казани и К. П. Ковальковскій въ Варшавѣ, и доценты—В. Ф. Нагорскій въ Москвѣ, С. В. Шидловскій и А. И. Судаковъ въ Петербургѣ. Трудился покойный А. П. безъ устали. Если ко всему, что уже пересчитано, прибавить списокъ ученыхъ Обществъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, то остается только удивляться, какъ у него на все доставало времени. Гдѣ только дѣло касалось гигіены—на него разсчитывали всегда. Такъ, онъ былъ намѣченъ предсѣдателемъ организаціоннаго комитета по устройству гигіенической выставки въ 1890 году и редакторомъ возникающаго «Журнала Общества Охраненія Народнаго Здравія». Популярныя

лекціи его, полныя интереса и содержанія, оригинальныя и живыя по изложенію, памятны всѣмъ, кому удалось ихъ слышать. Увлекающая рѣчь, убѣжденность и вѣра въ то, о чемъ онъ говорилъ, привлекали всегда массу слушателей. Петербургъ долго будетъ его помнить и поминать добрымъ словомъ; будутъ вспоминать о немъ и студенты, его ученики, ученицы врачебныхъ курсовъ, для которыхъ онъ сдѣлалъ такъ много и многія сотни небогатыхъ людей, которые, благодаря ему, получили возможность питаться вкусными, здоровыми и дешевыми обѣдами въ нормальныхъ столовыхъ. Не мало найдется и семей, гдѣ молодыя, не искушенныя въ стряпнѣ жены, пройдя основанную имъ школу кулинарнаго искусства, стали опытными, умѣлыми и бережливыми хозяйками. Алексѣй Петровичъ былъ безспорно прекрасный и добрый человѣкъ, неутомимый и безкорыстный труженикъ. Онъ умеръ, оставивъ жену и четверыхъ дѣтей безъ средствъ. Родился онъ въ 1842 г., жилъ далеко не много, но и за этотъ короткій промежутокъ успѣлъ и съумѣлъ сдѣлать много добраго, хорошаго и полезнаго для общества.

† Старѣйшій членъ Академіи Наукъ, ея почетный вице-президентъ **Викторъ Яковлевичъ Буняковскій**. Покойный стяжалъ себѣ славу одного изъ первыхъ европейскихъ математиковъ еще полвѣка назадъ и съ тѣхъ поръ своими новыми изслѣдованіями въ области чистой математики, своими безчисленными монографіями до послѣднихъ дней жизни сохранялъ ее за собою. Буняковскій родился въ 1804 г.; первоначальное образованіе получилъ въ Москвѣ, въ домѣ графа А. П. Тормасова, вмѣстѣ съ сыномъ послѣдняго, и въ 1820 г. вмѣстѣ съ нимъ былъ отправленъ за границу, гдѣ учился сначала въ Кобургѣ, потомъ въ Лозаннѣ. Университетскій курсъ Буняковскій слушалъ въ Парижѣ. Время студенчества Буняковскаго въ Парижѣ было блестящимъ періодомъ процвѣтанія точныхъ наукъ во Франціи: онъ засталъ и слушалъ знаменитыхъ тогдашнихъ математиковъ: Фурье, Лапласа, Біо, Коши, Пуасона, Араго, Ампера, Лакруа и Лежандра. Въ 1824—25 гг. Буняковскій послѣдовательно получилъ степени баккалавра, лиценціата и, наконецъ, доктора математическихъ наукъ; двѣ диссертаціи онъ защищалъ публично, одну—по механикѣ, другую—по вопросу изъ математической теоріи теплоты. Въ 1827 году Буняковскій возвратился въ Петербургъ, гдѣ былъ приглашенъ преподавателемъ въ первый кадетскій корпусъ; черезъ годъ Академія Наукъ избрала его своимъ адъюнктомъ и въ 1836 г. онъ былъ избранъ въ ординарные академики. Съ 1846 г. Буняковскій одновременно съ П. Я. Чебышевымъ началъ профессорскую дѣятельность въ Петербургскомъ университетѣ. Значеніе Буняковскаго для университета прекрасно выясняется изъ слѣдующихъ словъ покойнаго профессора Григорьева, сказанныхъ имъ въ его исторической запискѣ о Петербургскомъ университетѣ: «1846—48 годы памятны физико-математическому факультету тѣмъ, что начали тогда свои лекціи два свѣтила наши по математическимъ наукамъ, одно находившееся уже въ полномъ блескѣ, другое—только-что восходившее, но скоро пріобрѣвшее славу одного изъ первыхъ геометровъ въ Европѣ: академикъ Буняковскій и магистръ Чебышевъ, избранные на мѣсто выбывшихъ Д. С. Чижова и В. А. Анкудовича». Поступивъ въ университетъ, Буняковскій принялъ на себя чтеніе аналитической механики по Пуасону и Остроградскому, потомъ онъ читалъ дифференціальное и интегральное исчисленія преимущественно по Коши и теорію вѣроятностей по собственному сочиненію; позже въ 50-хъ гг. онъ читалъ вмѣсто теоріи вѣроятностей интегрированія дифференціальныхъ уравненій, способъ варіацій и исчисленіе конечныхъ разностей. Буняковскій былъ рѣдкій лекторъ. Его лекціи, гдѣ бы ни читалъ онъ, отличались въ высшей степени отчетливостью и изяществомъ изложенія. Самыя трудныя и съ перваго взгляда сухія истины высшаго математическаго анализа облекались имъ въ такія привлекательныя формы, излагались такимъ прекраснымъ языкомъ, съ такою изу-

мительною ясностью, что приковывали вниманіе слушателей, даже не обладавшихъ особенною сосредоточенностью. Въ 1859 г. Буняковскій, желая сосредоточиться въ однихъ чисто ученыхъ занятіяхъ, оставилъ университетъ, почтившій его избраніемъ въ почетные члены. Свою извѣстность одного изъ первыхъ представителей математическихъ наукъ Буняковскій пріобрѣлъ главнымъ образомъ массою (до 80) изслѣдованій на французскомъ языкѣ, помѣщенныхъ имъ въ «Мемуарахъ» Академіи Наукъ. Эти изслѣдованія относятся къ исчисленію конечныхъ разностей, къ дифференціальному и интегральному счисленіямъ, къ механикѣ, къ теоріи вѣроятностей и къ теоріи чиселъ, бывшей любимымъ предметомъ его занятій. Онъ же явился изобрѣтателемъ нѣсколькихъ механическихъ снарядовъ: планиметра-пантографа, инструмента для суммованія квадратовъ и многихъ другихъ. Изъ изданныхъ на русскомъ языкѣ работъ Буняковскаго, кромѣ нѣсколькихъ программъ и курсовъ ариѳметики и геометріи, многія были переведены на иностранные языки и сохраняютъ свое значеніе и до сихъ поръ. Его «Лексиконъ чистой и прикладной математики»—трудъ, къ сожалѣнію, неоконченный и доведенный только до буквы Е, сдѣлалъ много для улучшенія нашего математическаго языка и для упроченія ясной и вполнѣ удовлетворительной математической терминологіи, до Буняковскаго въ нашей математической литературѣ почти не существовавшей. Его «Основанія математической теоріи вѣроятностей» признаны однимъ изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній, какія только сдѣланы по математикѣ на русскомъ языкѣ,—въ нихъ впервые сведено все, что было выработано по этой теоріи изслѣдованіями свѣтилъ математики, начиная съ Паскаля и Ферма, къ чему онъ присоединилъ свои объясненія въ рѣшеніи самыхъ трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ. Въ 1853 г. появилась превосходная монографія Буняковскаго «Параллельныхъ линій», въ которой онъ разобралъ критически главныя изъ существующихъ доказательствъ теоріи параллельныхъ линій и, показавъ ихъ неудовлетворительность, предложилъ собственныя соображенія и изслѣдованія. Кромѣ этихъ трехъ важнѣйшихъ на русскомъ языкѣ трудовъ Буняковскаго, онъ помѣстилъ рядъ статей въ «Современникѣ», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и др.; въ своихъ журнальныхъ статьяхъ онъ разрабатывалъ по преимуществу практическія приложенія теоріи вѣроятностей. Въ 1848 г. онъ напечаталъ въ «Современникѣ» статью «О возможности введенія опредѣленныхъ мѣръ довѣрія къ результатамъ нѣкоторыхъ наукъ наблюдательныхъ и преимущественно статистики». Эмеритальная пенсіонная касса морского вѣдомства обязана своимъ существованіемъ Буняковскому, разработавшему ея основанія; трудъ Буняковскаго по проектированію этой кассы послужилъ къ учрежденію на выработанныхъ имъ основаніяхъ массы другихъ кассъ. Буняковскій работалъ неутомимо почти до послѣдняго времени; онъ постоянно дѣлалъ рефераты во всѣхъ засѣданіяхъ физико-математическаго отдѣленія Академіи Наукъ. Лишь въ послѣдніе мѣсяцы, почувствовавъ сильную слабость, онъ пересталъ бывать въ засѣданіяхъ Академіи и, сознавая, что болѣе принимать участіе въ активной академической жизни не можетъ, немедленно попросилъ уволить его отъ званія вице-президента Академіи, желая уступить этотъ постъ лицу, обладающему еще силами для активнаго исполненія связанныхъ съ нимъ обязанностей. Буняковскій не хотѣлъ занимать каѳедры, не имѣя силъ быть полезнымъ членомъ Академіи, и предоставилъ ее лицу, которое можетъ вступить въ академическую корпорацію еще полнымъ силъ, въ расцвѣтѣ своей дѣятельности. Уваженіе русскихъ и европейскихъ ученыхъ къ Буняковскому нѣсколько разъ проявлялось въ восторженныхъ оваціяхъ, устроенныхъ ему на его 50-лѣтнемъ юбилеѣ и въ 1887 году на чествованіи его 60-лѣтняго пребыванія въ званіи академика. Въ лицѣ Буняковскаго математическая наука потеряла одного изъ немногихъ своихъ титановъ.

† Въ Казани скоропостижно бывшій попечитель казанскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ **Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ**. Онъ свыше 25-ти лѣтъ состоялъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа и за это время успѣлъ принести много пользы для дѣла народнаго образованія въ Волжскомъ краѣ. Уроженецъ Калужской губерніи, сынъ священника, Шестаковъ росъ въ страшной бѣдности. Рано оставшись сиротою, онъ былъ взятъ на воспитаніе своимъ дядею, приложившимъ всѣ усилія, чтобы дать племяннику хорошее образованіе. Шестаковъ сперва былъ отданъ въ уѣздное училище, потомъ переведенъ въ тверскую гимназію, которую окончилъ съ серебряною медалью. Въ 1846 г. онъ кончилъ курсъ по историко-филологическому факультету Московскаго университета. Первое время Шестаковъ занимался преподавательскою дѣятельностью въ тверской гимназіи, потомъ въ 4-й московской. Будучи отличнымъ преподавателемъ древнихъ языковъ, Шестаковъ оказался и хорошимъ ученымъ филологомъ. Имъ былъ написанъ во время преподавательской дѣятельности цѣлый рядъ статей по исторіи и археологіи; между ними его работа: «Посланіе митрополита Фотія къ свіяжскому войску» считается капитальною архивною работою. Въ 1852 г. Шестаковъ былъ переведенъ инспекторомъ въ смоленскую гимназію, и немного спустя назначенъ ея директоромъ. Съ 1860 г. началась преимущественно административная дѣятельность Шестакова; въ этомъ году онъ былъ назначенъ инспекторомъ Московскаго университета, а съ 1863 г. занялъ постъ попечителя казанскаго учебнаго округа. За время его попечительства Казанскій университетъ значительно расширилъ свои учебно-вспомогательныя учрежденія, въ округѣ увеличилось число гимназій и училищъ. Незадолго до смерти Шестаковъ оставилъ службу изъ-за тяжелаго недуга.

† **Иванъ Ильичъ Глазуновъ**. Онъ родился 7-го января 1826 г. въ зажиточномъ купеческомъ семействѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ извѣстномъ въ свое время пансіонѣ и продолжалъ его во 2-й петербургской классической гимназіи, оставленной имъ, впрочемъ, по окончаніи шести классовъ. Книжное дѣло было родовымъ въ семьѣ Глазуновыхъ. Въ прошломъ еще столѣтіи дѣдъ И. И. Глазунова Иванъ Петровичъ Глазуновъ основалъ въ Москвѣ книжный магазинъ, тремя годами позднѣе былъ открытъ имъ такой же магазинъ въ Петербургѣ. Отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну переходила книжная фирма, существующая теперь уже 107 лѣтъ. Но одна только издательская дѣятельность не удовлетворяла Ивана Ильича. Въ 1852 г. онъ выступилъ на поприще общественной дѣятельности и до своей смерти состоялъ членомъ многихъ филантропическихъ и административныхъ учрежденій. Съ 1853 г. онъ былъ депутатомъ городского депутатскаго собранія, съ 1857 по 1867 г.—членомъ петербургской городской думы, земскимъ губернскимъ гласнымъ отъ города Петербурга. Какъ членъ комиссіи по городскимъ училищамъ, онъ самостоятельно завѣдовалъ 8 городскими училищами; кромѣ того, въ составѣ 25 членовъ принималъ участіе въ трудахъ комиссіи при петербургскомъ градоначальникѣ, въ комиссіяхъ санитарной и по воинской повинности. Тутъ на него было возложено завѣдованіе холерной больницей и, кромѣ того, онъ былъ окружнымъ попечителемъ Спасской части. Онъ также состоялъ членомъ комиссіи по постройкѣ моста Александра II, больничныхъ бараковъ, членомъ дѣтскаго пріюта принца Ольденбургскаго, директоромъ петербургскаго дома милосердія, депутатомъ отъ купечества въ государственномъ банкѣ, старшимъ членомъ комерческаго училища и болѣе двадцати лѣтъ директоромъ петербургскаго городскаго кредитнаго общества.

Труды И. И. Глазунова были оцѣнены городскимъ населеніемъ: 13-го мая 1881 года онъ былъ избранъ петербургскимъ городскимъ головой и занималъ этотъ постъ до 1885 г. На ряду съ общественной дѣятельностью Иванъ Ильичъ не забывалъ и своего родового дѣла—книгоиздательства. Какъ

издателя, Ивана Ильича можно поставить на одно изъ первыхъ мѣстъ. Ему удалось возвысить книжное дѣло въ Петербургѣ и безъ всякихъ зазываній и рекламъ, къ которымъ такъ часто стали прибѣгать наши книгопродавцы, постоянно поддерживать свое дѣло на высокомъ уровнѣ развитія. Въ то время какъ даже старыя фирмы (напримѣръ Базунова) въ погонѣ за лишнимъ рублемъ рушились и уже больше не поднимались, И. И. Глазуновъ стоялъ твердо и въ 1882 г. отпраздновалъ столѣтіе своей фирмы и получилъ званіе потомственнаго дворянина. Роскошныя и капитальныя изданія русскихъ классиковъ: Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гончарова—извѣстны всей читающей Россіи и ясно указываютъ на широкое развитіе дѣла.

мѣстахъ сада, грустила и плакала. Нерѣдко молодая женщина мечтала о Троило, его образъ рисовался передъ ней и она думала, что Троило могъ бы составить ея счастье. Цинизмъ мужа ничего не внушалъ ей, кромѣ отвращенія, она жаждала объятій любящаго человѣка и находила, что соединеніе въ одномъ лицѣ мужа и любовника необходимо для счастья. Ея цвѣтущая и полная силъ молодость, пробужденная къ жизни, дала ей почувствовать таинственное созвучіе, полное очарованія, которое природа влагаетъ въ самыя возвышенныя стремленія сердца и самыя настоятельныя требованія организма. Размышленія о любви вызывали въ ней страстное волненіе, тайную тревогу, она вздыхала въ тишинѣ и только ея комната, а иногда самыя глухія алеи сада, темные гроты, были свидѣтелями ея волненій и горя. Но какъ скрыть ввалившіеся глаза, лихорадочную дрожь и внутренній огонь, сжигавшій ее? Слуги и служанки, конечно, молчали. Родители же, навѣщавшіе Изабеллу, видя ея перемѣну, спрашивали здорова ли она и просили перебраться къ нимъ во Флоренцію. Но она всегда отговаривалась легкимъ нездоровьемъ и отклоняла просьбу родныхъ переѣхать къ нимъ потому, что очень полюбила свою виллу Импеpіале. И дѣйствительно, Изабелла сжилась съ своей грустью и хотѣла быть съ ней наединѣ.

Между тѣмъ Троило, изъ деликатности, первое время не являлся къ Изабеллѣ, но по прошествіи нѣсколькихъ дней рѣшился ее посѣтить. Онъ нашелъ молодую герцогиню грустной, одинокой, въ своемъ горѣ еще болѣе привлекательной.

Приходъ Троило доставилъ одинокой Изабеллѣ непривычное удовольствіе. Послѣ перваго визита, посѣщенія участились и вскорѣ не проходило дня, чтобы двоюродный братъ Паоло Джіордано не поднимался по тропинкѣ, ведущей къ виллѣ Поджіо. Изабелла съ кузеномъ своего мужа проводила долгіе часы. Она рвала цвѣты, дѣлала букеты, дарила ихъ своему кавалеру; иногда пѣла и Троило акомпанировалъ ей на лютнѣ. Иногда они оба молчали, но это молчаніе было краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Они не объяснялись, но каждый изъ нихъ чувствовалъ, что любитъ и что взаимно любимъ.

Когда дѣло находится въ такомъ положеніи, оно заходитъ далеко и развязка всегда бываетъ роковая.

Разъ вечеромъ, въ полумракѣ сумерокъ, среди ароматныхъ цвѣтовъ, когда вечерній вѣтерокъ едва колеблетъ листья деревьевъ, губы Троило коснулись Изабеллы и она склонила свою красивую голову на плечо любимаго человѣка. Еслибы мы въ то же самое время перенеслись изъ Флоренціи въ Римъ, то увидѣли бы и супруга Изабеллы, Паоло Джіордано, около другой женщины. Викторія Аккорамбони, страстно любимая герцогомъ Враччіано, извѣстна

въ исторіи не знатностью происхожденія, но красотой формъ, тонкостью ума и практичной обстановкой ея жизни. Она была дочь Клавдія Аккорамбони, дворянина изъ Губбіо, вышла замужъ за Франческо Перетти, племянника кардинала Монтальто. Семейство Перетти не отличалось знатностью, члены его принадлежали къ разряду садовниковъ предмѣстья Гротамаре, въ Марко Дȧнкона. Ихъ возвеличило могущество кардинала, который впослѣдствіи сдѣлался грознымъ папою Сикстомъ V.

Разсказываютъ, будто отцу Сикста V приснилось, что его первенецъ сдѣлается папою, вслѣдствіе чего онъ при рожденіи назвалъ сына Феличе (счастливый) и когда онъ подросъ отдалъ его къ капуцинамъ. Народъ, видя щедушнаго мальчика въ монашеской одеждѣ, шутя говорилъ:—«Вотъ повелитель міра», на что тотъ отвѣчалъ:—«Да я буду имъ». Сестра же его, прося милостыню, говорила:—«подайте милостыню, братъ Феличе вамъ за это воздастъ».

И въ самомъ дѣлѣ, монахъ Феличе сдѣлался кардиналомъ и впослѣдствіи папой, возвысившимъ свою семью и сынъ его брата нѣкто Франческо Перетти женился на благородной дѣвицѣ изъ Губбіо.

Викторія Перетти соединяла, какъ мы сказали, необыкновенную красоту съ умомъ и замѣчательнымъ образованіемъ. Она прекрасно импровизировала въ прозѣ и стихахъ и восхищала мужчинъ прелестью своей бесѣды.

Сынъ же бывшаго садовника изъ Гротамаре не обладалъ достаточнымъ умомъ и образованіемъ, чтобы оцѣнить высокія качества своей жены. Герцогъ Браччіано, знакомый съ кардиналомъ, увидалъ Викторію и былъ очарованъ ея физическими и умственными качествами. Она въ свою очередь не осталась равнодушною къ молодому Орсини и увлеклась его пламенными рѣчами.

Домъ Перетти, гдѣ царила суровая строгость, охраняемый донною Камилой, сестрою кардинала, не представлялъ удобства для запретной любви. Любовники отыскали болѣе укромное мѣсто для тайныхъ свиданій.

Орсини имѣлъ очаровательную виллу въ чертѣ Рима, на Авентинской горѣ.

Сторожъ этого уединеннаго и поэтическаго мѣстечка часто видѣлъ таинственную даму, лицо которой было тщательно закрыто вуалью, приходившую на виллу скрытой тропинкой.

Дама эта была Викторія Аккорамбони Перетти.

Вилла Орсини на Авентино граничила съ женскимъ францисканскимъ монастыремъ.

Говорили, что мать Магдалина да Губбіо, настоятельница монастыря, была старинной подругой Викторіи. Эта послѣдняя часто ее посѣщала и зная, что не смотря на монашескую одежду, настоятельницѣ францисканскихъ монахинь не были чужды слабости ея

пола,—рѣшилась открыть бывшей подругѣ тайну своей любви и просить содѣйствія. Настоятельница, по нѣкоторымъ причинамъ не благоволившая къ кардиналу Монтальто, изъявила полную готовность поощрять дѣло, которое могло скомпроментировать его имененцію. Тайная тропинка, ей одной извѣстная, соединяла садъ монастыря съ садомъ виллы Орсини и она открыла Викторіи этотъ таинственный путь.

Такимъ образомъ, Перетти могла оправдать въ глазахъ мужа и тетки частыя и продолжительныя отлучки изъ дома. Кромѣ старинной привязанности къ матери Магдалинѣ, Викторія часто посѣщала обитель, дабы горячо молиться передъ чудотворнымъ образомъ Мадонны, о дарованіи ей, Викторіи, дѣтей, что въ глазахъ мужа было чрезвычайно уважительно, ибо имѣть отъ Викторіи ребенка составляло самое его пламенное желаніе.

Итакъ, свиданія Викторіи съ герцогомъ Орсини въ женскомъ монастырѣ сдѣлались постоянными; любовники были вполнѣ счастливы. Съ этихъ поръ существованіе Викторіи, такъ сказать, раздвоилось: докучливое общество мужа, суровый деспотизмъ тетки Камиллы, нравоученія строгаго кардирала Монтальто, чопорные визиты, присутствіе на мессахъ, проповѣдяхъ, церковныхъ торжествахъ и тому подобныхъ религіозныхъ церемоніяхъ, которыми такъ изобилуетъ католицизмъ и завѣтная сердечная жизнь, нѣжные поцѣлуи любовника и страстныя объятія среди зелени и аромата цвѣтовъ. Первое походило на летаргію, какое-то оцѣпенѣніе; второе имѣло прелесть таинственнаго блаженства и сладострастныхъ восторговъ. Но вотъ на этомъ небѣ влюбленныхъ показалось мрачное облако. Рѣчь зашла о женитьбѣ Паоло Джіордано на дочери флорентійскаго герцога. Викторія и слышать не хотѣла, чтобы ея любовникъ женился, она плакала и горячо протестовала. Напрасно Орсини старался ей доказывать, что и она связана узами брака, а потому не должна огорчаться, если и онъ женится. На это Викторія отвѣчала, что она была невольной жертвой своего несчастья; между тѣмъ какъ онъ, Паоло, никѣмъ непринуждаемый, самъ желаетъ сочетаться бракомъ. Джіордано утверждалъ, что браки для владѣтельныхъ князей почти всегда имѣютъ политическій характеръ, что онъ вовсе не обязанъ любить свою будущую жену, его цѣль только чистолюбивая не болѣе, онъ хочетъ сродниться съ могущественнымъ домомъ Медичи и что Изабелла всегда останется чуждою его сердцу, которымъ постоянно будетъ владѣть она, Викторія. Но все это нимало не убѣдило влюбленную женщину и она была въ большомъ горѣ, когда Джіордано отправился во Флоренцію.

По возвращеніи его въ Римъ, снова къ ногамъ соблазнительной красавицы Викторіи, разсѣялись всѣ невзгоды; ревнивая любов-

ница увидала, что ея милый Паоло чрезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы бросилъ жену и прискакалъ въ Римъ. Это обстоятельство успокоило Викторію и миръ былъ заключенъ. Посѣщенія молодой женщиной францисканской обители участились и донъ Франческо Перетти съ восторгомъ восхвалялъ друзьямъ и знакомымъ религіозное настроеніе своей очаровательной супруги.

VI.

Война съ Сіеной.

ОТЧАСЪ послѣ свадьбы своей дочери Изабеллы, герцогъ Козимо затѣялъ войну противъ Сіены, отъ имени императора Карла V-го. Съ завоеваніемъ этого города онъ значительно увеличивалъ свое могущество, нисколько не сомнѣваясь, что Карлъ V отдастъ ему во владѣніе этотъ городъ, стоящій недалеко отъ столицы Тосканы Флоренціи.

Нанявъ войско, герцогъ Козимо отдалъ приказаніе тайно сдѣлать всѣ приготовленія, врасплохъ напасть на Сіену, жители которой ничего подобнаго не могли подозрѣвать, заручившись недавно мирнымъ договоромъ съ флорентійскимъ герцогомъ. И для того, чтобы они не могли узнать о намѣреніяхъ герцога Козимо, онъ распорядился приказать запереть на нѣсколько дней ворота Флоренціи, подъ предлогомъ розыска преступника. Одновременно съ тою же цѣлью въ Пизѣ, Ареццо и Вольтьерѣ, были сдѣланы тѣ же распоряженія; кромѣ того, по всей границѣ Сіены была протянута цѣпь солдатъ, не пропускавшихъ въ Сіену никого. Жители Сіены, находясь подъ протекторатомъ французовъ и заручившись мирнымъ договоромъ, какъ было замѣчено выше, безпечно наслаждались удовольствіемъ текущаго карнавала. Въ это время Сіеной управлялъ отъ имени короля Франціи кардиналъ д'Эсте, важный и богатый вельможа, веселившій народъ по случаю карнавала непрерывными празднествами.

Такимъ образомъ, маркизу Мариньяно, которому герцогъ Козимо поручилъ командованіе войсками, удалось подступить незамѣченнымъ къ самымъ стѣнамъ города Сіены, въ ночь, когда всѣ граждане и солдаты предавались карнавальнымъ развлеченіямъ. Отъ

сильнаго дождя, не перестававшаго лить въ продолженіе двухъ сутокъ, улицы были грязны и рѣки переполнены. На морѣ и на сушѣ свирѣпствовала буря, дулъ холодный порывистый вѣтеръ. Все это прекрасно способствовало предпріятію флорентійскаго главнокомандующаго и увеличивало безпечность жителей Сіены, скрывавшихся въ домахъ.

Маркизъ Мариньяно подошелъ къ крѣпости, называемой Комолья, снабженной укрѣпленіями снаружи. Цитадель охраняли незначительное количество солдатъ, остальные всѣ разбрелись кой-куда и предавались карнавальнымъ веселостямъ. Приставивъ къ бастіону лѣстницы, маркизъ въ сопровожденіи самыхъ храбрыхъ солдатъ поднялся на стѣну, остальное войско оставалось позади.

Такимъ образомъ, флорентійцы безпрепятсвенно проникли въ крѣпость и заняли какъ ее, такъ и сосѣдніе дома и гостинницы. Сначала Мариньяно хотѣлъ было идти дальше, но потомъ раздумалъ, не желая утомлять людей, совершившихъ трудный переходъ подъ проливнымъ дождемъ, по грязнымъ дорогамъ. Имѣя въ виду, что жители Сіены, хотя и застигнутые врасплохъ все-таки будутъ защищаться, маркизъ остановился. Это рѣшеніе вполнѣ соотвѣтствовало осторожности флорентійскаго гловнокомандующаго. Поступи онъ иначе, свободѣ Сіены насталъ бы тогда же конецъ. Маркизъ ограничился лишь тѣмъ, что укрѣпился и устроилъ траншеи для того, чтобы нельзя его было вытѣснить изъ крѣпости. Между тѣмъ въ городѣ узнали о появленіи враговъ. Весь народъ мигомъ встрепенулся, при звонѣ большаго дворцоваго колокола взялся за оружіе и бросился къ оборонѣ. Во всѣхъ домахъ и на улицахъ зажглись огни. Толпы вооруженныхъ гражданъ въ маскарадныхъ костюмахъ, освѣщенные огнями, представляли оригинальную картину. Но крѣпость, укрѣпленную флорентійцами, взять обратно оказалось безполезной попыткой со стороны сіенцевъ. Взятіе крѣпости вызвало общее желаніе всѣхъ гражданъ вести самую отчаянную войну съ флорентійцами. Въ защитѣ города приняли участіе сынъ Филиппа Строцци, умершаго въ флорентійской тюрьмѣ, Пьетро Строцци, самый злѣйшій врагъ герцога Козимо Медичи.

Наскоро собравши людей въ Кастро и Питиньяно, Пьетро Строцци повелъ ихъ въ Сіену, присоединивъ къ нимъ всѣхъ остальныхъ вооружившихся гражданъ. Энергичный предводитель сказалъ имъ горячую рѣчь, призывая всѣхъ биться съ вѣроломнымъ непріятелемъ, измѣнившимъ данному имъ слову.

Возбужденіе гражданъ дошло до крайнихъ предѣловъ; даже женщины вооружались, желая принять участіе въ защитѣ родного города и раздѣлились на три группы. Первой изъ нихъ предводительствовала Фортигуерра, одѣтая, какъ и всѣ ея сподвижницы, въ лиловый цвѣтъ. Второй группой командовала Пиколомини въ кофтѣ алаго цвѣта, точно такого же цвѣта кофты были надѣты и

Изабелла объясняетъ свое безпокойство легкой болѣзнью.

дозв. ценз. спб., 20 декабря 1889 г.

на ея подругахъ, составлявшихъ отрядъ. Третью группу, одѣтую во всемъ бѣломъ, вела Лилія Фауста. Всѣ женщины были благороднаго происхожденія, они несли щиты, оружіе и инструменты для земляныхъ работъ; ихъ было до трехъ тысячъ. Распѣвая воинственныя пѣсни, эти доблестныя гражданки работали надъ укрѣпленіями, не обращая ни малѣйшаго вниманія на опасности, которымъ подвергались ежеминутно.

Пока въ Сіенѣ мужчины и женщины формировали отряды и строили укрѣпленія, прибывали поселяне и также вооружались и поступали подъ команду гражданъ.

Война со всѣми ея ужасами и звѣрствомъ быстро охватила всю область. Сіенцы опустошали земли флорентійцевъ. Послѣдніе въ свою очередь грабили владѣнія своихъ сосѣдей-враговъ. Разсвирѣпѣвшіе солдаты предавали огню цѣлыя деревни.

Герцогъ Козимо отдалъ приказаніе безпощадно убивать всѣхъ бунтовщиковъ, пойманныхъ его солдатами. Строцци съ своей стороны велѣлъ дѣлать то же самое съ солдатами герцога. Сіенцы поставили висѣлицы на виду непріятельскаго лагеря и повѣсили четырехъ солдатъ. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ доходило крайней степени. Въ отмѣстку сіенцамъ, войска маркиза Мариньяно подожгли всѣ дома, стоявшіе близъ висѣлицы.

Между тѣмъ крѣпость усиливалась все болѣе и болѣе, бомбардируя городъ залпами изъ орудій. Желая подвергнуть Сіену правильной осадѣ, маркизъ Мариньяно обложилъ городъ кругомъ. Изъ восьми городскихъ воротъ шесть были совсѣмъ заколочены, а двое караулила кавалерія.

Тѣмъ временемъ на подкрѣпленіе герцога Козимо шли испанскія и нѣмецкія войска. Строцци получилъ поддержку со стороны французовъ. Война разгорѣлась по всей Тосканѣ. Солдаты флорентійскаго герцога Козимо въ особенности отличались жестокостью, брали приступами замки и рѣзали всѣхъ ихъ обитателей.

Между прочимъ былъ такой случай. Нѣкто Винченцо де Нобили, проходя съ своимъ отрядомъ мимо замка святой Цициліи, въ которомъ квартировала партія французскихъ солдатъ и гдѣ нашли себѣ убѣжище многіе поселяне съ семьями, послалъ туда герольда съ предложеніемъ сдаться. Начальникъ замка попросилъ два часа для размышленія. Де Нобили отвѣчалъ, что не имѣетъ обыкновенія дарить непріятелю такъ много времени и, пробивъ пушками въ стѣнѣ бреши, ворвался съ своимъ отрядомъ въ замокъ. Квартировавшіе тамъ французы имѣли возможность выйти въ противоположную сторону. Оставшихся мирныхъ гражданъ всѣхъ перебили до одного человѣка и трупы ихъ грудой сложили на дворѣ.

Женщинъ, запертыхъ въ церкви, велѣно было пощадить; на другой день имъ открыли двери и объявили, что они могутъ идти, куда хотятъ.

Страшная, раздирающая душу сцена произошла на дворѣ замка, когда несчастныя женщины, проходя мимо груды труповъ, съ отчаянными воплями узнавали въ числѣ убитыхъ своихъ отцовъ, мужей, сыновей, братьевъ.

Пьетро Строцци, узнавъ, что король Франціи посылаетъ ему подкрѣпленіе, что французское войско должно слѣдовать по дорогѣ Понтремоли, достигнуть флорентійской територіи, рѣшилъ выйти союзникамъ на встрѣчу.

Съ этимъ намѣреніемъ Строцци выступилъ изъ Сіены ночью и скрытно, незамѣченный маркизомъ Мариньяно, прибылъ въ Казоле. Здѣсь Строцци во главѣ четырехъ отрядовъ солдатъ и ста кавалеристовъ вступилъ на флорентинскую почву и съ необыкновенною быстротою перешелъ изъ Понтедіеро въ Біентину, подчинивъ себѣ все населеніе обѣщаніемъ свободы. Затѣмъ онъ перешелъ въ бродъ рѣку Арно и вступилъ въ городъ Лукку, для соединенія съ французами.

Маркизъ Мариньяно, узнавъ о движеніи непріятеля, оставивъ въ Сіенѣ крѣпостной гарнизонъ, двинулся на перерѣзъ союзникамъ. Пройдя Вальдельзу, отрядъ направился къ Санъ-Кашіано и Эмполи, а оттуда въ Пешіа. Но Строцци въ Понте-Маріано уже успѣлъ соединиться съ французами и шелъ съ ними обратно въ Сіену. Маркизъ Мариньяно заблагоразсудилъ отступить къ городу Пистоія.

Былъ моментъ великой опасности для герцога Козимо, такъ какъ Строцци могъ подойти къ Флоренціи, и провозгласивъ свободу гражданамъ, произвести большое волненіе. Но тутъ кстати подошли солдаты императора съ Джованини де Луна во главѣ. Миновавъ проходъ Понтемолли, они пошли къ Лунидріанѣ и быстро достигли Пизы. Тогда уже Строцци рисковалъ попасться между двухъ огней: отрядами Джованини де Луна и Маркиза Мартиньяно.

Въ виду такихъ соображеній, Строцци снова перешелъ Арно и вернулся въ Казале.

Маркизъ Мариньяно съ союзными войсками де Луна благополучно прибылъ въ свой лагерь вокругъ Сіены. Строцци, не имѣя средствъ заставить непріятеля снять осаду, намѣревался пройти Вольдикіано, подкупить Ареццо, склонить на свою сторону Вальдарно и, такимъ образомъ, угрожать герцогу Козимо въ его собственномъ дворцѣ, въ Флоренціи.

Въ этомъ разсчетѣ Пьетро Строцци снова двинулся въ путь, маркизъ же Мариньяно опять послѣдовалъ за нимъ, держась въ сторонѣ въ ожиданіи удобнаго случая для нападенія. Строцци взялъ мостъ Кіаны, возвышеніе Санъ-Сивино, покорилъ Фаяно и Марчіано и пошелъ далѣе.

Маркизъ, постоянно слѣдившій за нимъ, пожелалъ завоевать обратно Марчіано, узнавъ объ этомъ Строцци, вернулся и непрія-

тели очутились лицомъ къ лицу. Оба лагеря были расположены другъ противъ друга, на двухъ холмахъ, раздѣленныхъ рѣкою. Число людей съ обѣихъ сторонъ было почти одинаково, но лошадей у маркиза Мариньяно было гораздо болѣе, чѣмъ у Строцци. Каждый изъ отрядовъ твердо стоялъ на своемъ мѣстѣ, зорко слѣдя за врагомъ; каждый видѣлъ, что первый двинувшійся съ мѣста потерпитъ неудачу.

Въ это время нѣкоторые французскіе солдаты, недовольные не полнымъ платежемъ, начали волноваться и Строцци былъ вынужденъ отступить, рѣшившись на битву только въ томъ случаѣ, если непріятель преградитъ ему путь.

Осторожный Строцци вообще имѣлъ обыкновеніе маневрировать ночью, чтобы не быть замѣченнымъ непріятелемъ, но на этотъ разъ онъ считалъ постыднымъ пользоваться ночнымъ мракомъ, будто онъ труситъ врага и желаетъ скрыться отъ него тайно; а потому и рѣшилъ дождаться восхода солнца.

Заря 2-го августа 1554 года ознаменовалась страшной, кровопролитной битвой. Отрядъ Строцци двинулся въ порядкѣ черезъ горы, ведущіе къ Фаяно. Видя это, маркизъ послалъ итальянцевъ и испанцевъ занять долину, задержать непріятеля и завязать съ нимъ битву.

Строцци также двинулъ впередъ свои легкіе эскадроны и вскорѣ на холмахъ произошло знаменитое сраженіе.

Между тѣмъ оба войска спускались къ долинѣ. На берегу рѣки враги остановились, такъ какъ опытные начальники сообразили, что переправа черезъ рѣку нарушитъ строй отряда, и тотъ кто первый начнетъ переправу дастъ значительное преимущество непріятелю, въ стройномъ порядкѣ стоящему на берегу.

Сердца враговъ трепетали, пылала кровь, каждый изъ солдатъ горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться, но ни одинъ изъ предводителей не подавалъ сигнала, оба войска стояли неподвижно.

Среди всеобщаго тревожнаго ожиданія одинъ изъ всадниковъ покинулъ отрядъ герцогскихъ кавалеристовъ, во весь карьеръ поскакалъ по срединѣ лагеря и остановился передъ главнокомандующимъ. Это былъ Гуальтіери Малатеста. При первыхъ слухахъ о войнѣ онъ явился къ герцогу Козимо и объявилъ ему, что имѣетъ страстное желаніе принять участіе въ сраженіи. Герцогъ похвалилъ молодого пажа за его намѣреніе и въ виду его благороднаго происхожденія рекомендовалъ маркизу Мариньяно, прося дать ему возможность выказать свое мужество. Маркизъ испыталъ Малатеста въ первыхъ же стычкахъ и убѣдился въ его храбрости и удали, затѣмъ назначилъ его командиромъ эскадрона кавалеристовъ, въ рядахъ которыхъ онъ и находился при послѣднемъ сраженіи.

Передавъ командованіе эскадрономъ своему лейтенанту, Гуальтіери Малатеста предсталъ предъ маркизомъ главнокомандующимъ.

— Господинъ маркизъ,—сказалъ молодой человѣкъ,—я рѣшился просить васъ позволить мнѣ имѣть честь первому переправиться на тотъ берегъ. Ручаюсь вамъ моей головой, что ни я, ни кто изъ моихъ кавалеристовъ не вернется иначе какъ побѣдителями.

Отважная рѣчь юноши, его рѣшительный видъ и удаль, уже извѣстная маркизу, заставили послѣдняго рѣшиться на шагъ, который онъ до сихъ поръ считалъ рискованнымъ.

— Пусть будетъ такъ!—сказалъ начальникъ,—это будетъ хорошее предзнаменованіе, если вы, Малатеста, начнете переправу.

Гуальтіери пришпорилъ коня и съ быстротою молніи вернулся къ своему эскадрону.

Раздался трубный звукъ.

Прежде всѣхъ бросился въ воду эскадронъ Малатеста и въ порядкѣ достигъ противоположнаго берега, остальные послѣдовали за смѣльчакомъ. Французская кавалерія вначалѣ оказала стойкое сопротивленіе. Стычка сдѣлалась свирѣпою, ужасною. Съ громкимъ крикомъ «Медичи и Флоренція» Малатеста производилъ страшное опустошеніе своимъ длиннымъ мечомъ въ рядахъ враговъ, нисколько не заботясь о своей жизни. Его примѣръ увлекалъ солдатъ. Непріятельская кавалерія начинала отступать и разъединяться, и при усиленномъ напорѣ атаковавшихъ, наконецъ, совсѣмъ обратилась въ бѣгство, бросая по пути знамена и оружіе.

Флорентійская кавалерія преслѣдовала бѣглецовъ, убила многихъ изъ нихъ и многихъ взяла въ плѣнъ.

Піетро Строцци, лишенный артиллеріи, которую самъ отослалъ въ Фаяно, видя бѣгство своей кавалеріи и, что изъ перебитой непріятелемъ пѣхоты осталась лишь десятая часть, рѣшился на послѣднюю отчаянную попытку. Собравъ человѣкъ пятьсотъ лучшихъ своихъ людей и переправившись съ ними на другой берегъ, завязалъ битву, отчаянную, на жизнь и смерть, битву, въ которой равно покрыли себя славой обѣ стороны.

Положеніе солдатъ Строцци было крайне невыгодно, такъ какъ имъ приходилось сражаться подъ непрерывнымъ непріятельскимъ огнемъ, они начали слабѣть, а потомъ бѣжали, падая на пути въ рѣку, гдѣ тонули и были убиваемы преслѣдовавшимъ ихъ непріятелемъ. Русло рѣки было переполнено бѣжавшими, солдаты Марильяно переправлялись по ихъ трупамъ.

Все войско Строцци бѣжало въ страшномъ безпорядкѣ. Каждый искалъ спасенія, мѣстность была покрыта трупами, ранеными, оружіемъ и знаменами. Убитыхъ было до четырехъ тысячъ, большей частью французовъ, которыхъ герцогскіе солдаты истребляли съ особой яростью, чѣмъ подтверждалось прежнее знаменательное названіе этой мѣстности Scannallo.

Раненый Піетро Строцци, послѣ сраженія, во время отступленія, совершенно выбился изъ силъ, воодушевлялъ войско, бѣгая изъ

стороны въ сторону и видя, что его усилія не помогаютъ, сталъ искать смерти. Но убѣжденный друзьями не довершать еще своей смертью торжество непріятеля, отступилъ въ Лучиньяну, затѣмъ въ Монтальчино, куда собирались и остатки побѣжденныхъ.

Маркизъ Мариньяно послѣ славной побѣды хотѣлъ послать когонибудь къ герцогу въ Флоренцію съ радостною вѣстью и рѣшилъ оказать эту честь Гуальтіери Малатеста, который среди всѣхъ храбрецовъ, поддержавшихъ въ этотъ знаменательный день честь оружія флорентійцевъ, оказался самымъ храбрымъ и носилъ на себѣ много знаковъ ожесточенной битвы, хотя, къ счастью, не получившій ни одной тяжелой раны. Маркизъ далъ ему письмо, гдѣ, кромѣ подробнаго описанія удачнаго сраженія, было сказано и о подвигѣ Малатеста.

Влюбленный юноша, осчастливленный такимъ порученіемъ, готовъ былъ летѣть, и, не отдохнувъ ни одного часа, пришпорилъ коня, скакалъ день и ночь пока не прибылъ въ Флоренцію весь въ пыли и поту, выбившись изъ силъ.

Онъ скакалъ галопомъ по улицамъ города и народъ угадывалъ, что онъ везетъ важныя вѣсти. Направляясь къ палаццо Питти, гдѣ думалъ найти герцога, онъ встрѣтилъ его, окруженнаго свитою на площади св. Троицы.

Молодой человѣкъ быстро подскакалъ къ герцогу, остановился, почтительно слѣзъ съ лошади и, снявъ шляпу съ перьями, подалъ ему письмо, произнося при этомъ пароль битвы «Медичи и Флоренція».

Герцогъ сразу понялъ, что вѣсть радостная, распечаталъ письмо и, прочитавъ его, вскричалъ: «Сіéна наша!»

Это была совершенная правда, такъ какъ послѣ побѣды надъ войскомъ Строцци, паденіе Сіены было неизбѣжно.

Затѣмъ герцогъ далъ обѣщаніе воздвигнуть на этой же самой площади монументъ[1]) въ память радостной вѣсти, полученной имъ здѣсь; а Малатеста приказалъ сѣсть на лошадь и слѣдовать за собой во дворецъ.

Гуальтіери почтительно держался позади, но герцогъ захотѣлъ, чтобы онъ ѣхалъ съ нимъ рядомъ; всю дорогу онъ съ нимъ разговаривалъ о ходѣ битвы и радовался, слушая разсказъ о подвигахъ молодого человѣка.

Мы не скажемъ ничего о душевномъ состояніи Малатеста во время этой бесѣды и о томъ, какъ въ его юномъ сердцѣ зародилась надежда.

Пріѣхавъ во дворецъ, герцогъ Козимо, взялъ подъ руку храбраго юношу, вошелъ въ покой, гдѣ сидѣла герцогиня Элеонора съ дочерьми Маріей и Лукреціей, разсказалъ имъ о побѣдѣ и

---

[1]) Колонна Справедливости, существующая и понынѣ.

отважномъ храбрецѣ, Гуальтіери Малатеста, главномъ виновникѣ этой славной побѣды.

Юноша въ это время смотрѣлъ на свою обожаемую Марію и сердце его радостно забилось, видя какъ запылало лицо молодой принцессы. Чтобы скрыть свое смущеніе, Малатеста поспѣшилъ стать на колѣни и поцѣловать руку герцогини Элеоноры.

Герцогъ хотѣлъ, чтобы Малатеста въ этотъ день обѣдалъ за его столомъ—необычайная милость, которой удостоивались только великіе князья и близкіе родственники. Онъ также отдалъ приказъ, чтобы на другой день, передъ возвращеніемъ въ армію, Малатеста былъ посвященъ въ рыцари со всей торжественностью подобныхъ церемоній. Герцогъ самъ подарилъ молодому человѣку золотыя шпоры и драгоцѣнную цѣпь для ношенія на шеѣ. Гуальтіери, опьяненный всѣми этими почестями, а главное нѣжной улыбкой Маріи, уже сталъ думать, что исполнилась самая задушевная его мечта. Въ эту минуту никого не было счастливѣе его. Герцогъ Козимо также былъ въ полномъ удовольствіи, главнымъ образомъ потому, что побѣда надъ Строцци и неизбѣжное покореніе Сіены обезпечивали и упрочивали его могущество. Онъ разрѣшилъ народу праздновать три дня, въ теченіе которыхъ прибыли въ Флоренцію плѣнные и взятыя у непріятеля знамена. Первые оказались бѣглыми флорентійцами, а слѣдовательно государственными измѣнниками, ихъ было болѣе ста человѣкъ. Знамена поставили опрокинутыми во дворцѣ, а плѣнныхъ присудили: семерыхъ къ обезглавленію, остальныхъ лишили всѣхъ правъ состоянія.

Маркизъ Мариньяно, разбивъ Строцци, вернулся въ свой лагерь близъ Сіены и рѣшилъ довести осажденныхъ до послѣдней крайности. Но тѣ, съ своей стороны, приготовились сражаться до послѣдней капли крови. Граждане рѣшились скорѣе пожертвовать своими женами и дѣтьми, чѣмъ сдаться.

Между тѣмъ, всѣ выходы были тщательно закрыты и въ городѣ начали страдать отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ. Комендантъ города, французъ Монлукъ, рѣшилъ удалить всѣ ненужные рты, т. е. стариковъ, женщинъ, дѣтей и всѣхъ, кто неспособенъ носить оружіе. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи сіенскаго коменданта, маркизъ издалъ приказъ слѣдующаго содержанія:

«Симъ повелѣвается каждому солдату нашего славнаго войска, находящемуся подъ нашей командой, изъ всѣхъ людей, выходящихъ изъ Сіены, мужчинъ—убивать, за исключеніемъ лицъ способныхъ носить оружіе и солдатъ добровольно возвратившихся, женщинъ, предварительно ограбивши, возвращать обратно въ Сіену. Негодяевъ, несущихъ въ Сіену припасы, непремѣнно убивать, снявъ съ нихъ всю одежду, или препровождать къ намъ, за это будетъ дана награда, смотря по происхожденію доставленной особы. Все

это предписываю неукоснительно исполнить, если дорожите милостью его высочества герцога и нашей».

Печальное зрѣлище представляли несчастные изгнанники изъ города. Ихъ солдаты герцога убивали, грабили, а оставшихся въ живыхъ заставляли возвращаться въ городъ, снова мучиться голодомъ. Многихъ подвергали пыткѣ, чтобы вымучить необходимыя свѣдѣнія и если послѣднія оказывались невѣрными, плѣнныхъ убивали. Поселянъ, старавшихся принести въ городъ припасы, рѣзали безъ всякаго милосердія за исключеніемъ самыхъ молодыхъ, которыхъ оставляли для галеръ герцога. Не одна любовь къ наживѣ заставляла этихъ несчастныхъ подвергаться подобнымъ опасностямъ, но и чувство патріотизма, привязанность къ родному городу Сіенѣ. Многіе шли на явную смерть, но все-таки желали доставить припасы голодающимъ. Всего оригинальнѣе то, что не смотря на эти варварства противники обмѣнивались любезностями. Маркизъ Мариньяно, по случаю кануна Рождества, послалъ Монлуку съ герольдомъ половину оленя, шесть куропатокъ, шесть большихъ бутылокъ вина и шесть хлѣбовъ, чтобы тотъ могъ попировать въ первый день рождественскихъ праздниковъ. Монлукъ всю эту роскошь стола велѣлъ раздать беременнымъ женщинамъ.

Разставивъ пушки на возвышенности, подлѣ Онерванцы, маркизъ началъ бомбардировать городъ. Не смотря на страшное изнуреніе голодомъ, жители Сіены дѣлали частыя вылазки. Но ихъ отчаянное мужество не помогло. Часъ Сіены пробилъ. Всѣ лошади, ослы, кошки, крысы были съѣдены, за каждую крысу платили по одному скуди, а за кошку четыре.

Одно время овощи нѣсколько утоляли голодъ, но и они изсякли, какъ и все остальное. Граждане и солдаты падали мертвые отъ истощенія и слабости. «Не люди, а тѣни обитали въ Сіенѣ»,—говоритъ Ботта, — «но тѣни отчаянныя, готовыя скорѣе идти на смерть, чѣмъ въ неволю».

Въ 1555 году, апрѣля 17, голодъ наконецъ заставилъ жителей Сіены начать переговоры. Было рѣшено, что императоръ съ удовольствіемъ приметъ подъ свое покровительство городъ Сіену, оставляя ей прежнюю свободу, что онъ прощаетъ ея жителямъ всѣ преступленія, совершенныя ими во время войны, что французы должны покинуть городъ, а солдаты герцога Козимо вступить въ него.

Жители Сіены хорошо знали, что имъ нечего и думать объ обѣщанныхъ свободѣ и амнистіи, а потому большая часть ихъ рѣшила выселиться. Тяжело было видѣть толпу горожанъ, покидавшихъ родину съ своими женами и дѣтьми; между ними было двѣсти сорокъ два благородныхъ семейства и триста сорокъ пять крестьянскихъ. Старухи съ дѣтьми ѣхали на лошадяхъ, которыя были даны имъ побѣдителями изъ сожалѣнія. Молодыя женщины

шли пѣшкомъ, неся на головахъ колыбели съ грудными младенцами; мужчины вели подъ руки женъ и дочерей, неспособныхъ идти безъ посторонней помощи, и всѣ они бросали прощальный взглядъ на милый и родной городъ, думая, что никогда болѣе его не увидятъ.

Всѣ эти несчастные трогали даже иностранцевъ, испанскіе солдаты давали имъ хлѣба для подкрѣпленія силъ во время путешествія. Но не смотря на это, въ первый же день умерло пятьдесятъ переселенцевъ отъ голода. Остальные, блѣдные, изнеможенные, походившіе болѣе на мертвецовъ, чѣмъ на живыхъ людей, брели въ Монтанчино, гдѣ еще развѣвалось знамя свободы.

Маркизъ Мариньяно вступилъ въ завоеванный городъ и нашелъ тамъ едва шесть тысячъ жителей, между тѣмъ, какъ передъ войной ихъ было до сорока тысячъ. Улицы были пустынны, такъ какъ оставшіеся граждане сидѣли дома.

Овладѣвъ Сіеной, герцогъ Козимо поспѣшилъ закрѣпить ее за собой со всѣми привилегіями. Онъ тотчасъ же велѣлъ отобрать оружіе у гражданъ и послалъ въ Сіену судью, который своими жестокостями далъ почувствовать, что настала пора повиноваться флорентійскому деспоту. Такимъ образомъ, вопреки договора, отъ старинной свободы Сіены осталось одно воспоминаніе.

Гуальтіери Малатеста, добрый отъ природы и великодушный, воодушевленный благородной любовью къ своей идеальной принцессѣ Маріи, не остался равнодушнымъ къ бѣдствіямъ жителей Сіены. Ему было тяжело видѣть себя не воиномъ, а какимъ-то тюремщикомъ, притѣсняющимъ раззоренный городъ.

По этому, за послѣднее время осады, онъ просилъ маркиза Мариньяно послать его туда, гдѣ бы онъ со щитомъ въ рукахъ могъ стать лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. На территоріи Сіены были еще нѣсколько зàмковъ, занятыхъ солдатами Пьетро Строцци и осаждаемыхъ герцогскими отрядами.

Просьба молодого человѣка была исполнена, и онъ, благодаря своей необыкновенной храбрости, еще разъ имѣлъ случай прославиться.

Когда Сіена сдалась и всѣ ея зàмки были взяты, для окончанія войны представлялось еще одно препятствіе. Пьетро Строцци съ лучшими своими войсками изъ Монтальчино перешелъ въ Пертерколе, мѣсто большого значенія, такъ какъ отсюда открывался черезъ море свободный путь для помощи со стороны французовъ. Маркизъ Мариньяно двинулся туда, дабы окончательно покорить непріятеля. Разбивъ лагерь на окрестныхъ холмахъ, герцогское войско начало осаду крѣпостей. Самая отборная милиція и лучшая артиллерія были собраны защитниками въ крѣпость Стронко, которàя по условіямъ мѣстности и средствамъ обороны была обставлена лучше всѣхъ другихъ. Взятіе этой крѣпости должно было

рѣшить судьбу Пертерколе. Маркизъ во что бы то ни стало хотѣлъ ее покорить и въ виду важности предпріятія и большого риска, сопряженнаго съ нимъ, поручилъ это дѣло самому храброму и отважному изъ его подчиненныхъ, т. е. Гуальтьери Малатеста.

Молодой рыцарь не сталъ долго думать. Едва въ крѣпости была пробита первая брешь, Гуальтьери повелъ свой отрядъ на приступъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на цѣлый градъ пуль и камней, сыпавшихся со стороны осаждаемыхъ. Въ отрядѣ наступающихъ было перебито до четырехсотъ тридцати человѣкъ, но отважный Малатеста, не обращая вниманія на опасности, добрался до бреши и, выдержавъ самое отчаянное сопротивленіе непріятеля, проложилъ себѣ путь мечемъ, среди сплошныхъ копій и латъ, сквозь дымъ и градъ пуль и, наконецъ, водрузилъ знамя Флоренціи на гребнѣ крѣпости, но въ ту же минуту упалъ съ прострѣленной грудью.

Крѣпость Стронко была взята; самъ Пьетро Строцци бѣжалъ къ морю. Съ пріобрѣтеніемъ этого важнаго укрѣпленія война кончилась.

Гуальтьери, лежа безъ чувствъ на валу крѣпости, долго оставался безъ помощи, такъ какъ всѣ предполагали, что онъ убитъ. Но вечеромъ, когда друзья его пришли взять дорогіе останки, чтобы предать ихъ съ почетомъ землѣ, они замѣтили, что Гуальтьери живъ. Его тотчасъ же перенесли въ удобное помѣщаніе, сняли латы и оружіе и, благодаря искусству врача, молодой человѣкъ былъ приведенъ въ чувство.

Первое слово, произнесенное раненымъ, было: «Марія». Къ счастью окружающіе подумали, что Гуальтьери обращается съ молитвой къ пресвятой Мадоннѣ Маріи.

Хирургъ вынулъ пулю и выразилъ надежду спасти раненаго.

Въ продолженіе двухъ недѣль онъ находился между жизнью и смертью, наконецъ, молодость и сила взяли свое, опасность миновала и врачъ уже съ увѣренностью объявилъ, что больной выздоровѣетъ. И дѣйствительно, черезъ мѣсяцъ храбрый побѣдитель Пертерколе всталъ съ постели.

Гуальтьери хотя былъ еще слабъ и блѣденъ, но веселъ и счастливъ. Влюбленному юношѣ приходили въ голову радужныя мечты.

«Что если бы за пролитую кровь мнѣ отдали руку Маріи!» — думалъ Гуальтьери.

Эта сладкая мечта преслѣдовала его день и ночь, придавала энергію и способствовала выздоровленію. Несчастный юноша надѣялся, а ничто такъ не укрѣпляетъ духъ и тѣло, какъ надежда.

Лишь только докторъ позволилъ ему выѣхать, онъ поспѣшилъ въ Флоренцію, гдѣ его ожидала почетная встрѣча со стороны герцога и любовь прелестной Маріи.

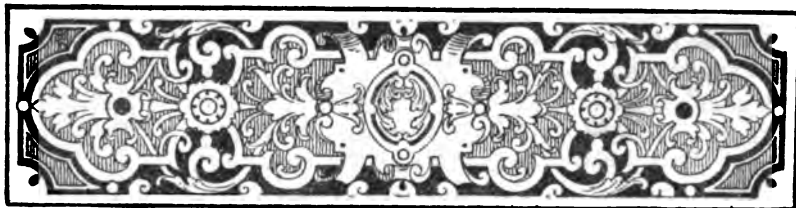
Герцогъ Козимо на этотъ разъ оказалъ еще болѣе почестей побѣдителю Пертерколе. Гуальтьери Малатеста былъ пожалованъ въ капитаны и ему была подарена земля.

Желая имѣть у себя на службѣ такого замѣчательнаго храбреца, герцогъ Козимо приказалъ отвести Гуальтьери помѣщеніе во дворцѣ.

Юноша былъ вполнѣ счастливъ. Ему казалось, что онъ уже близокъ къ осуществленію его завѣтной мечты. И странно, даже грустная Марія развеселилась и стала надѣяться.

Малатеста атакуетъ непріятеля.

дозв. ценз. спб., 20 декабря 1889 г.



VII.

Любовь и смерть.

ИЗЪ РИМА пришло извѣстіе, что герцогъ Браччіано скоро прибудетъ въ Флоренцію.

Изабелла, переѣхавшая къ роднымъ въ палаццо Питти, не безъ сердечнаго трепета ожидала мужа. Ей не была извѣстна его невѣрность, между тѣмъ сознаніе собственной вины грызло раскаяніемъ ея честную душу. Она мучилась, сознавая, что провинилась противъ него и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приходила въ ужасъ при мысли, если онъ откроетъ ея измѣну и захочетъ отомстить любимому ею Троило.

Герцогъ Джіордано пріѣхалъ веселый и безпечный, обнялъ жену, поздоровался съ ея родными, поклонился братьямъ и сестрамъ. На его ясномъ лицѣ не было и тѣни грусти или подозрѣнія. Молодая женщина, видя довѣрчивость мужа, еще болѣе мучилась совѣстью и вся ея ненависть къ этому человѣку вдругъ исчезла. Послушно и кротко она встрѣтила его, какъ провинившаяся раба. Ея поведеніе не внушало ему подозрѣнія, онъ считалъ вполнѣ естественнымъ для жены признавать въ немъ полнаго властелина. Таковъ былъ деспотическій образъ мыслей Паоло Джіордано, внушенный ему съ самого дѣтства.

Онъ повидался, конечно, и съ своимъ двоюроднымъ братомъ Троило. Послѣдній уже давно приготовился къ этой встрѣчѣ, заранѣе изучилъ мимику, жесты, слова, и хорошо съумѣлъ скрыть то, что̀ происходило въ его сердцѣ. Если бы герцогъ Браччіано обладалъ самой тонкой проницательностью, то и тогда онъ не могъ

бы ничего открыть. Его двоюродный братъ говорилъ съ нимъ такъ чистосердечно, такъ откровенно и кротко. Въ дружеской бесѣдѣ герцогъ спросилъ его о поведеніи Изабеллы въ его отсутствіе и, получивъ одобрительный отзывъ, вполнѣ успокоился.

Пробывъ въ Флоренціи не болѣе мѣсяца, Джіордано сталъ готовиться къ отъѣзду въ Римъ, мотивируя свой поспѣшный отъѣздъ главнымъ образомъ тѣмъ, что въ Римѣ совершилось важное событіе. Папа Юлій III умеръ и всѣ, въ особенности аристократы, съ нетерпѣніемъ ожидали собранія конклава. Послѣднее обстоятельство послужило предлогомъ для отъѣзда Джіордано.

Смерть папы Юлія III не мало озаботила также и герцога Козимо; онъ хотя и послалъ въ Римъ двухъ агентовъ, но также просилъ и зятя, имѣвшаго связи среди кардиналовъ, дѣйствовать въ его духѣ. Первымъ условіемъ для герцога Козимо было, чтобы избрали папу сочувствующаго Испаніи и, чтобы совершенно исключили кардинала д'Эсте, истаго француза, добивавшагося быть избраннымъ на папскій престолъ.

Въ виду такихъ соображеній герцогъ Козимо далъ подробныя инструкціи Паоло Джіордано и въ заключеніе замѣтилъ, что онъ и самъ не знаетъ какимъ образомъ завладѣть этимъ мѣшкомъ кошекъ (Sacco di gatti), называемымъ святой коллегіей кардиналовъ [1]).

Герцогъ Браччіано на этотъ разъ уѣхалъ съ своимъ кузеномъ. Троило Орсини благоразумно разсудилъ, что дальнѣйшее его пребываніе въ Флоренціи можетъ возбудить подозрѣнія, чего ему въ его положеніи совсѣмъ не хотѣлось.

Присутствіе мужа повліяло на честную Изабеллу, въ душѣ ея произошло раскаяніе, и она легко перенесла разлуку съ Троило, надѣясь, что это избавитъ ее отъ дальнѣйшаго паденія и дала себѣ слово сдѣлаться самой вѣрной женой.

Но могла ли быть тверда въ своемъ рѣшеніи бѣдная, молодая женщина, безпрестанно покидаемая своимъ мужемъ?

Взглянемъ поближе на Изабеллу, мы знаемъ ее только съ внѣшней стороны. Разсмотримъ среду, въ которой вращалась эта замѣчательная особа,—среду, имѣвшую роковое вліяніе на ея внутреннее развитіе.

Принцесса Изабелла обладала натурой, сложившейся изъ крайне разнородныхъ элементовъ; въ сущности она была одной изъ тѣхъ женщинъ, которыми изобиловалъ высшій кругъ общества XVI столѣтія. Впечатлительная и чувственная, увлекающаяся всѣмъ прекраснымъ какъ въ литературѣ, такъ и въ искусствѣ, безъ религіозныхъ вѣрованій, замѣнявшихся въ ней католическимъ

---

[1]) Изъ этого мѣшка кошекъ, по выраженію флорентійскаго герцога, вышелъ папа, котораго онъ совершенно не ожидалъ: былъ избранъ кардиналъ Карафа, принявшій имя папы Павла IV, глубоко ненавидѣвшій испанскую партію вообще, а флорентійскаго герцога въ особенности.

ханжествомъ разнузданнаго общества, въ душѣ сочувствовавшаго реформамъ. Вотъ типъ женщины XVI столѣтія, къ которому принадлежала Изабелла. Это было время, когда мужья, отцы и братья заботились лишь о томъ, чтобы женщины не запятнали ихъ именъ и за преступную любовь неизбѣжно слѣдовала кровавая месть. Катерина, герцогиня Амальфи, вдова Ольфоша Пиколомини, полюбившая Антоніо Болонья, была задушена по приказанію родныхъ съ двумя малолѣтними дѣтьми. Такъ же кончила Віолонте ди-Кордова, жена Карафа неополитанскаго, убитая въ своемъ собственномъ домѣ, за ея незаконную любовь къ одному изъ служащихъ. Легкомысленная и увлекающаяся любовными интригами Ипполита Пассероти изъ Болоньи была обезглавлена палачемъ за то, что подсыпала ядъ въ кушанье мужа, Юлія Караччіоло, бѣжавшая съ любовникомъ Гуальфіери, была настигнута и зарѣзана своими родными братьями. Марія Давалосъ, жена Карла Джезуальдо князя Венова, находившаяся въ преступной связи съ Фабриціо Карафа, застигнутая мужемъ на мѣстѣ преступленія, была убита ружейнымъ выстрѣломъ, любовникъ же ея былъ пригвожденъ Венозою кинжаломъ къ полу и, какъ разсказываютъ, долго мучился, извиваясь въ предсмертныхъ конвульсіяхъ.

Такихъ исторій кровавой мести можно насчитать тысячи.

Но не смотря на всѣ эти страшныя преслѣдованія и наказанія, женщины того времени, начиная отъ Лукреціи Борджіа, Туліи д'Арагона, Гаспари Стамна, Проперціи ди-Росса, предавались свободной и перемѣнной любви съ безпечностью танцующихъ надъ пропастью.

Ихъ не останавливало религіозное чувство, оно давно было утрачено, стыдливость также была заглушена общей безнравственностью, опасеніе кары нетолько не останавливало ихъ, но напротивъ еще усиливало прелесть соблазна.

Конечно, и въ тѣ времена общей распущенности нравовъ были исключенія; такъ напримѣръ, Викторія Колонна и Вероника Гамборо изъ культа супружеской любви рѣзко выдѣлялись среди всеобщаго разврата. Несомнѣнно въ числѣ ихъ была бы и Изабелла Медичи, еслибъ иначе сложились обстоятельства. Еслибы человѣкъ, за котораго она вышла, любилъ ее, окружилъ нѣжнымъ вниманіемъ и съумѣлъ сдѣлать семейный очагъ пріятнымъ, — Изабелла была бы примѣрная жена и прекрасная мать. Но мы знаемъ какова была ея судьба и какъ относился къ ней герцогъ Браччіано. Послѣ равнодушнаго и грубаго мужа, она увидѣла страстно любящаго, нѣжнаго и изящнаго поклонника. Сердце молодой женщины было побѣждено и паденіе сдѣлалось неизбѣжнымъ. Забывъ разъ супружескія обязанности, разорвавъ вѣнокъ идеальной непорочности, могла ли Изабелла остановиться?

На первое паденіе ее подтолкнуло сердце, но осталось еще два сильныхъ искусителя: воображеніе и чувственность. Развратъ въ Флоренціи главнымъ образомъ гнѣздился при дворѣ. Конечно, жизнь матери могла бы для Изабеллы служить примѣромъ, если бы она пожелала имъ руководствоваться. Элеонора Толедская была однимъ изъ исключеній, о которыхъ мы говорили. Къ сожалѣнію, ея самыми близкими подругами были Юлія Вителли и Джиневра Валори—любовницы братьевъ, женщины привыкшія играть самыми священными обязанностями.

Вителли нагло проявляла свою развращенность. Валори старалась скрыть ее подъ личиной притворства, а между тѣмъ превосходила подругу самымъ утонченнымъ развратомъ.

Братья Изабеллы, ухаживая за красавицами, нерѣдко вовлекали и сестру въ тайны ихъ любовныхъ похожденій. Она также переодѣвалась въ мужское платье, принимала участіе въ ихъ прогулкахъ и свиданіяхъ и тѣмъ способствовала, конечно, сама того не сознавая, любовнымъ интригамъ. Изабелла, живая и веселая отъ природы, мало-по-малу вошла во вкусъ этихъ развлеченій, въ которыхъ сначала участвовала лишь въ угоду братьямъ, а потомъ ей и самой очень понравилась эта жизнь вѣчныхъ маскарадовъ и увеселеній. Сначала Изабелла веселилась какъ ребенокъ, ея поведеніе было безупречно, тѣмъ не менѣе путь, на который ее толкнули братья и милыя подруги, велъ къ паденію. О Троило она начала также мало думать, какъ о своемъ супругѣ Паоло Джіордано.

Послѣ взятія Сіены, маркизъ Мариньяно, удрученный болѣзнью, сложилъ съ себя командованіе герцогскими войсками, и на его мѣсто былъ назначенъ Кіаянино Вителли. Новому главнокомандующему пришлось покинуть Флоренцію и отправиться охранять берега Тосканы, которымъ угрожалъ турецкій флотъ, вступившій въ союзъ съ французскимъ на Тиренскомъ морѣ.

Отъѣздъ мужа окончательно освободилъ Юлію отъ оковъ приличія и осторожности. Она, нисколько не стѣсняясь, публично высказывала свою любовную связь съ дономъ Гарціа де-Медичи, затѣмъ вскорѣ сошлась на самую короткую ногу и съ его братомъ, кардиналомъ. Связь съ послѣднимъ Юлія держала въ секретѣ, боясь скандала со стороны дона Гарціа, который, не смотря на свою молодость, былъ необузданнаго характера.

Интереснѣе всего то, что оба брата повѣряли свои секреты Изабеллѣ, посвящали ее въ тайны любовныхъ интригъ, веселыхъ похожденій и т. д., считая сестру, какъ бы сочувствующей соучастницей своихъ ухаживаній и безнравственныхъ затѣй.

Въ жилахъ Изабеллы также текла горячая кровь Медичи.

Сестра Марія въ свою очередь повѣряла ей свою сердечную тайну. Мечтательная дочь герцога Козимо искренно любила Гуальтьери Малатеста и это чувство поддерживало въ ней надежду, хотя

и весьма слабую, соединиться узами брака съ храбрымъ юношей. Своей отвагой Гуальтьери заслужилъ золотыя шпоры, землю и славное имя. Но какая пропасть еще отдѣляла его отъ Козимо, на главѣ котораго, кромѣ герцогской короны Флоренціи, еще сіяла корона Сіены, пожалованная ему императоромъ. Храброму Малатеста хотѣлось испросить позволенія отправиться воевать въ императорскомъ отрядѣ, сражавшемся съ французскими войсками; онъ надѣялся, авось ему удастся на земляхъ Фландріи, гдѣ Эммануилъ Филиберто Савойскій отвоевалъ владѣнія, потерянныя отцомъ,— возстановить прежнее могущество своего имени. Всѣ эти планы и предположенія Марія повѣряла сестрѣ и просила у нея совѣта.

— Благородное сердце,—говорила Изабелла,—да ниспошлетъ ему небо силъ!—Но я не думаю, чтобы онъ могъ когда-нибудь достигнуть своей цѣли,—продолжала она.—Прошло то время, когда храбрецы завоевывали себѣ мечемъ княжеское достоинство. Теперь короны добываются не иначе какъ путемъ гнусныхъ интригъ, преступленій и взаимнаго грабежа. Что толку въ его храбрости? Лучше бы онъ былъ незаконнымъ сыномъ папы или любовнымъ факторомъ короля. Обладай Гуальтьери отвагой Сфорцо и прямотой Баярда все-таки безъ княжеской короны ему не получить твоей руки. Въ этомъ я тебя могу увѣрить. Ты знаешь отца. Чтò для него дочери? Онъ смотритъ на нихъ какъ на средство къ заключенію союзовъ, упрочивающихъ его тронъ. Ты видѣла какъ онъ поступилъ со мной. Взяли ли на себя трудъ справиться о моихъ чувствахъ и о томъ любитъ ли меня герцогъ Браччіано? Ни мало, дѣло шло только о союзѣ двухъ князей, не болѣе.

Марія, слушая сестру, глубоко вздыхала.

— Бѣдная, бѣдная Марія,—добавила Изабелла,—одно только могу тебѣ посовѣтовать: вырви съ корнемъ изъ сердца эту несчастную любовь. Она не принесетъ тебѣ ничего, кромѣ горя.

— Но еслибъ возможно было воспользоваться твоимъ совѣтомъ,— отвѣчала Марія,—развѣ я стала бы счастливѣе отъ этого? Пусть я обречена на горе и страданіе, оставь мнѣ по крайней мѣрѣ вѣру въ благородную привязанность, въ возвышенность чувства, въ поэзію жизни!

Вскорѣ послѣ разговора двухъ сестеръ, Изабелла, отъ которой не было тайны при дворѣ, узнала отъ брата Франческо, что феррарскій посолъ, не за долго передъ тѣмъ прибывшій въ Флоренцію, подъ предлогомъ передачи поздравленія Козимо отъ имени герцога Эрколе д'Эсте по случаю взятія Сіены, имѣетъ тайное порученіе предложить властителю Флоренціи бракъ между его дочерью, Маріей Медичи, и наслѣднымъ принцомъ Феррары Альфонсомъ. Не могло быть сомнѣнія, что герцогъ Козимо дастъ свое согласіе, такъ какъ узы родства съ фамиліей д'Эсте были для него крайне выгодны.

Изабелла немедленно передала это извѣстіе Маріи, которая была поражена имъ, какъ громомъ.

Теперь уже нельзя было отпускать Гуальтьери на войну, каждая минута была дорога, такъ какъ разъ данное герцогомъ слово уничтожало всякія надежды. Надо было сдѣлать послѣднюю попытку, поставить все на карту — переговорить лично съ самимъ герцогомъ.

Сестры обратились къ матери, умоляя ее объясниться съ отцомъ. Герцогиня Элеонора пришла въ ужасъ отъ ихъ смѣлости и нетолько отказала въ своемъ содѣйствіи, но горячо убѣждала Марію оставить свой безумный замыселъ.

Тогда Марія стала упрашивать сестру, ради ея любви къ ней, объясниться съ отцомъ. Но Изабелла хорошо помнила гнѣвъ родителя, когда она рѣшилась высказать свои чувства, въ виду брака съ герцогомъ Браччіано, и онъ тогда наотрѣзъ отказалъ ей.

Гуальтьери Малатеста присутствовалъ при этомъ послѣднемъ совѣщаніи сестеръ.

— Я берусь перенести гнѣвъ герцога,—сказалъ онъ,—и прямо буду просить руки его дочери. Въ моихъ жилахъ также течетъ княжеская кровь и имя мое извѣстно въ Италіи. Въ чемъ онъ можетъ упрекнуть меня—въ чрезмѣрной гордости? Но вѣдь храбрымъ подобаетъ быть гордымъ.

Обѣ сестры сначала испугались смѣлости, съ которой молодой капитанъ идетъ на встрѣчу гнѣву герцога Козимо. Но затѣмъ стали надѣяться, что его благородная отвага, быть можетъ, умилостивитъ герцога, не лишеннаго нѣкоторой доли великодушія, и что эта смѣлая мѣра можетъ оказатся дѣйствительнѣе слезъ и просьбъ его собственныхъ дѣтей. Такимъ поступкомъ Гуальтьери выказывалъ благородство своей души, прямоту и чистосердечіе, а все это могло расположить герцога въ его пользу. Вѣдь Малатеста былъ не первый встрѣчный, а храбрый побѣдитель Сканнагалло и Пертерполе, удостоившійся отъ герцога похвалы и разныхъ почестей. Развѣ оказанныя имъ услуги не служатъ залогомъ еще многихъ другихъ въ будущемъ?

Если Гуальтьери не имѣетъ могущественной родни, за то онъ готовъ служить герцогу своей шпагой, вѣрнымъ, преданнымъ сердцемъ и испытанной храбростью. Развѣ все это не представляетъ въ будущемъ столько же, если не болѣе, выгодъ, чѣмъ союзъ съ племянникомъ Борджіа [1]).

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, обѣ сестры склонились на сторону Гуальтьери и рѣшили, чтобы онъ шелъ прямо къ гер-

---

[1]) Эрколе II, герцогъ Феррары, былъ сынъ Лукреціи Борджіа.

цогу и съ скромнымъ достоинствомъ просилъ руки его дочери Маріи.

Самымъ худшимъ исходомъ этого дѣла, разсуждали сестры, можетъ быть отказъ, или, минутный гнѣвъ. Во всякомъ случаѣ необходимо было выйти изъ ужаснаго состоянія неизвѣстности.

При томъ не было времени для долгихъ размышленій, потому что угрожавшая опасность была неминуема.

Въ назначенный день, Изабелла, наблюдавшая каждое утро за расположеніемъ отца, удостовѣрилась, что онъ былъ въ духѣ. Она сама проводила Гуальтьери въ апартаменты герцога Козимо, испросила для него аудіенцію и, стараясь ободрить его взглядомъ, оставила наединѣ съ отцомъ.

Флорентійскій деспотъ встрѣтилъ весело и привѣтливо своего храбраго капитана.

— Добро пожаловать, храбрый Малатеста!—сказалъ онъ.—Вы современемъ будете главнокомандующимъ всей моей милиціи и тогда, мой милый Гуальтьери, мы произведемъ большіе перевороты. У насъ не мало безпокойныхъ сосѣдей. Ихъ необходимо покорить всѣхъ разомъ.

Затѣмъ, подойдя ближе къ молодому человѣку, герцогъ сказалъ ему на ухо:

— Капитанъ! я берегу васъ для завоеванія Лукки.

— Я всегда буду почитать великой честью служить вашей свѣтлости,—отвѣчалъ Гуальтьери.

Поговоривъ еще нѣкоторое время о воинственныхъ планахъ герцога, Малатеста, улучивъ благопріятную минуту, сталъ на колѣна и сказалъ:

— Мой герцогъ, мой повелитель, я пришелъ молить васъ о милости.

— О милости? Говорите. Я готовъ исполнить для васъ все, какъ для своего сына.

— Ваша свѣтлость, моя просьба можетъ показаться вамъ дерзновенной... Награда, которую я хочу просить васъ, далеко превосходитъ мои ничтожныя заслуги; но я торжественно обѣщаю, что въ будущемъ съумѣю заслужить ее.

— Да говорите же, сынъ мой. Никакая ваша просьба не покажется мнѣ слишкомъ смѣлой.

— Еще разъ прошу прощенья за мою дерзость. Но когда вы узнаете, какое высокое чувство меня вдохновляетъ, вы навѣрное не будете гнѣваться.

Всѣ эти мольбы сильно возбуждали любопытство герцога Козимо, но онъ никакъ не подозрѣвалъ о чемъ шла рѣчь.

— Да ну же говорите. Что бы вы не просили, я заранѣе прощаю вамъ,—вскричалъ нетерпѣливо герцогъ.

— Вы позволяете, да будетъ такъ. Ваша свѣтлость, я прошу у васъ руки вашей дочери Маріи.

Если бы въ эту минуту Малатеста увидалъ лицо и глаза герцога Козимо, онъ бы понялъ, какой страшный взрывъ гнѣва разразился въ душѣ флорентійскаго деспота, но Козимо стоялъ въ это время отвернувшись. Пересиливъ первый приливъ негодованія, герцогъ сказалъ, не поворачивая головы:

— Просьба, дѣйствительно, очень смѣлая. Относительно Маріи я имѣю другіе планы.

— Я это хорошо понимаю. Отъ васъ зависитъ посадить принцессу Марію на княжескій тронъ и сдѣлать ее повелительницей. Князья и герцоги, одни передъ другими, будутъ добиваться чести получить руку дочери герцога Флоренціи и Сіены. Я, хотя и происхожу отъ знатнаго рода, въ настоящую минуту ничего не могу предложить вашей свѣтлости, кромѣ клятвы, служить вамъ вѣрой и правдой и своимъ мечемъ способствовать къ увеличенію вашихъ владѣній и могущества.

Козимо употреблялъ неимовѣрныя усилія, чтобы казаться спокойнымъ.

— А Марія знаетъ о вашемъ желаніи?—спросилъ онъ.

— Великій герцогъ! Я пришелъ сюда не для того, чтобы васъ обманывать. Принцесса Марія знаетъ о моемъ намѣреніи и присоединяетъ свои мольбы къ моимъ.

— Ахъ, ты, негодная собака, подлый измѣнникъ,—заревѣлъ Козимо Медичи, выхватывая шпагу и бросаясь на стоявшаго на колѣняхъ юношу, желая его заколоть.

Въ это время отворилась дверь, вбѣжала Изабелла и удержала руку отца.

— Прочь!—вскричалъ Козимо.—И ты за одно съ ними. Вы всѣ соединились, чтобы позорить меня! Оставь меня, говорю тебѣ. Ко мнѣ, стража! ко мнѣ!—кричалъ герцогъ.

Часовой, стоявшій у дверей вбѣжалъ въ комнату.

— Сейчасъ позвать ко мнѣ капитана дворца,—приказывалъ Козимо, вкладывая свою шпагу въ ножны.

Затѣмъ сталъ молча ходить большими шагами по комнатѣ. Изабелла боялась дышать. Малатеста, поднявшись, также молчалъ.

Явился капитанъ дворцовой стражи; герцогъ, указавъ ему на Гуальтьери, сказалъ:

— Возьмите его, онъ виновенъ въ измѣнѣ. Отведите его въ тюрьму.

Малатеста, по знаку капитана, отдалъ ему шпагу и послѣдовалъ за нимъ.

Съ этого дня никто не слыхалъ болѣе о капитанѣ Гуальтьери Малатеста. Его заперли въ одну изъ самыхъ страшныхъ подземныхъ тюремъ, гдѣ производились ужасныя тайныя пытки. Былъ ли несчастный юноша изгнанъ изъ Флоренціи съ запрещеніемъ когда-либо возвратиться туда подъ страхомъ смерти? Замученъ ли былъ палачами? Или самъ покончилъ съ собой? Все это покрыто непроницаемой тайной.

Несчастная Марія горько плакала и скрывала свои слезы, какъ преступленіе.

Въ одинъ прекрасный день отецъ потребовалъ ее къ себѣ и, сурово сдвинувъ брови, объявилъ, что должно состояться ея обрученіе съ Альфонсомъ д'Эсте, герцогомъ Феррары.

Молодая принцесса упала на колѣни и съ отчаянной мольбой простерла руки къ отцу. Ея нѣмое страданіе, исхудалое лицо, полное горя, могли тронуть самое ледяное сердце.

— Ты чтò просишь?—крикнулъ отецъ, бросая молніеносные взгляды на дочь.

— Я не рождена для свѣтлыхъ радостей,—отвѣчала несчастная,—умоляю васъ, позвольте мнѣ вступить въ монастырь.

— Ты съума сошла. Черезъ мѣсяцъ,—слышишь ли?—черезъ мѣсяцъ ты будешь женой герцога Феррары.

Высказавъ это рѣшеніе, Козимо грознымъ жестомъ указалъ дочери на дверь, что исключало всякую надежду на измѣненіе воли деспота.

Марія, шатаясь, ушла. Придя къ себѣ въ комнату, она упала на постель, ее била лихорадка, чрезъ нѣсколько дней она встала, но снова заболѣла и принуждена была снова лечь въ кровать. На этотъ разъ ей уже не суждено было оправиться; несчастная принцесса Марія умерла и была похоронена на кладбищѣ въ С. Лоренцо.

Смерть молодой дѣвушки была внезапная и таинственная. Носились слухи, что она погибла отъ яда, даннаго ей самимъ герцогомъ, ея отцомъ, чтобы наказать за любовь къ Малатеста и за непокорность родительской волѣ,—не желаніе покойной выйти замужъ за Альфонса д'Эсте, съ которымъ она была торжественно обручена. Можетъ быть, основаніемъ этихъ слуховъ было то, что Козимо Медичи славился какъ великій знатокъ ядовъ, испытавшій ихъ страшное дѣйствіе на самыхъ близкихъ своихъ родственникахъ. Другіе же утверждали, что несчастная принцесса, которой было отказано въ ея просьбѣ вступить въ монастырь, сама достала ядъ и отравилась. Во всякомъ случаѣ преждевременная смерть Маріи легла кровавымъ пятномъ на совѣсти ея отца, флорентійскаго деспота. Во дворцѣ Медичи не было недостатка въ ядахъ, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, если Марія, доведенная до полнаго тчаянія, добыла смертоноснаго снадобья и сама отравилась.

Смерть Маріи не уничтожила плановъ герцога Козимо породниться съ герцогомъ Феррары, онъ обѣщалъ Альфонсу д'Эсте руку своей третьей дочери Лукреціи.

Но что-то роковое тяготѣло надъ союзомъ д'Эсте съ Медичи. Лукреція почти ребенкомъ вышла замужъ за герцога Феррары. Но не прошло и года, какъ молодая скончалась, отравленная мужемъ за нарушеніе супружеской вѣрности [1]).

[1]) Донъ Чезаре д'Эсте, преемникъ Альфонса II, впослѣдствіи женился на Виргиніи Медичи, родившейся отъ второго брака герцога Козимо, былъ изгнанъ папой изъ Феррары и, покинувъ вмѣстѣ съ женой резиденцію предковъ, поселился въ Моденѣ (1598 г.).

VIII.

Пажъ.

ЕЛЬЗЯ не задумываться надъ событіями XVI вѣка. Личности, фигурировавшія въ эту эпоху, совмѣщали въ себѣ въ одно и то же время совершенно различные элементы: звѣрство и элегантность, первобытную жестокость съ самой утонченной вѣжливостью. Эти люди безпечно веселились и прыгали среди безпрерывныхъ войнъ, убійствъ и разныхъ бѣдъ и несчастій.

Въ высшей степени интересна жизнь владѣтельныхъ семействъ этой эпохи, какъ напримѣръ: Борджіа, Фарнезе, Медичи, д'Эсте, Гонзаго и пр. Цѣлая серія кровавыхъ битвъ, семейныхъ драмъ, служила какъ бы основой всей ихъ жизни, тѣмъ не менѣе эти люди проводили все свое время въ веселостяхъ, роскошныхъ пирахъ, нѣжной любви, охотахъ, празднествахъ, безпечно прыгая подъ музыку на вулканѣ [1]). Смерть близкаго дорогого лица недолго омрачала жизнь вѣчно празднующихъ, слезы быстро высыхали.

Изабелла была вѣрна культу своего времени. Трагическая смерть ея двухъ сестеръ не надолго отвлекла ее отъ веселой жизни и страсти къ удовольствіямъ. Распущенность флорентійскаго двора, участіе Изабеллы въ любовныхъ похожденіяхъ братьевъ, какъ нельзя болѣе способствовали желаніямъ юной герцогини.

---

[1]) Вальбо, говоря объ этой исторической эпохѣ Италіи, называетъ ее вакханаліей всѣхъ культуръ—baccanale di tutte le coulture.

Нельзя обвинять только однихъ братьевъ въ заблужденіяхъ Изабеллы: вся среда той эпохи способствовала паденію этой прелестной грѣшницы. Исторически дознано, что герцогиня Браччіано въ этотъ непродолжительный періодъ времени перемѣнила много любовниковъ и даже имѣла нѣсколькихъ незаконныхъ дѣтей.

Во имя истины и нашего желанія держаться историческихъ фактовъ, а не вымысла, мы не можемъ не приподнять завѣсы, скромно набросанной современными хроникерами, на поведеніе прелестной герцогини Изабеллы.

Въ числѣ министровъ герцога Козимо былъ одинъ, пользовавшійся его особымъ довѣріемъ. Ему поручалъ онъ самые щекотливые переговоры и награждалъ почестями. Это былъ человѣкъ ученый и замѣчательно ловкій дипломатъ, звали его Леліо Торелло, родомъ изъ Фано [1]). Леліо уже служилъ при отцѣ герцога Джіованни Медичи, знаменитомъ вождѣ черной партіи, въ качествѣ слѣдователя. Затѣмъ при папѣ Климентѣ VII (Медичи) былъ губернаторомъ Беневенуто; назначенный герцогомъ первымъ секретаремъ двора, онъ руководилъ дѣйствіями Козимо и знакомилъ его съ законами и политикой. У Леліо былъ сынъ по имени Торелло, юноша красивой наружности и очень умный.

Состоя посломъ при дворѣ герцога, красивый, хорошо воспитанный и изящный Торелло, былъ очень любимъ и ласкаемъ самой герцогиней Элеонорой. Она отличала юношу какъ своего родного сына, говоритъ историкъ, за его рыцарскій духъ и прекрасныя манеры.

Очаровательный образъ герцогини Браччіано овладѣлъ воображеніемъ Торелло съ первыхъ же дней его вступленія въ палаццо Питти. Она казалась ему лучшей женщиной въ цѣломъ мірѣ, воплощеніемъ поэзіи, идеаломъ всего прекраснаго. Въ глубинѣ души затаивъ незаконное чувство, молодой пажъ старался не выказывать его наружу. Но сердце страстно влюбленнаго юноши ему измѣняло. При встрѣчѣ съ герцогиней Изабеллой онъ трепеталъ, измѣнялся въ лицѣ, блѣднѣлъ и опускалъ глаза. Прислуживать герцогинѣ составляло высшимъ наслажденіемъ для влюбленнаго пажа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстной мукой, въ особенности когда онъ имѣлъ счастье прикасаться къ ея рукѣ, подсаживая на лошадь. Изабелла, уже опытная въ любви, не могла не замѣтить чувства благоговѣйнаго восторга, внушеннаго ею юному Торелло. Сначала это льстило самолюбію молодой женщины, забавляло ее, она съ любопытствомъ слѣдила за развитіемъ чувства влюбленнаго юноши и хотя не поощряла его, но и не избѣгала встрѣчи съ Торелло,

---

[1]) Гуерацци въ своемъ романѣ называетъ Леліо Торелло министромъ, влюбленнымъ въ Изабеллу, но это ошибочно,—въ Изабеллу былъ влюбленъ не министръ Леліо Торелло, а его сынъ, пажъ при дворѣ Козимо Медичи.

Троило входитъ въ то время, когда Изабелла даетъ урокъ пѣнія своему пажу.

Дозв. ценз. Спб., 20 декабря 1889 г.

не опускала глазъ передъ его пламенными взглядами. Впослѣдствіи обстоятельства перемѣнились и герцогиня Браччіано полюбила Торелло и отдалась ему.

Сближеніе ихъ началось во время занятій музыкой. Открывъ у молодого человѣка хорошій голосъ, Изабелла стала преподавать ему уроки пѣнія. Эти занятія, какъ нельзя болѣе, способствовали развитію чувства любви, какъ въ ученикѣ, такъ и въ учительницѣ. Во время занятій они сидѣли вдвоемъ: одна съ лютней въ рукахъ, другой съ нотами, пѣли дуэты, близко склонялись другъ къ другу, глядя въ нотную тетрадь, ихъ горячее дыханіе волновало кровь, заставляло страстно биться юныя сердца и дѣло кончилось тѣмъ, что молодой пажъ полюбилъ еще сильнѣе герцогиню и послѣдняя не осталась равнодушна къ его чувству.

Одно сознаніе быть любимой располагаетъ женщину въ пользу любящаго ее человѣка, и такъ именно, а не иначе, объясняетъ Данте паденіе несчастной Франчески. Къ тому же Торелло былъ красивъ, уменъ, образованъ и изященъ, а Изабелла страстно жаждала наслажденій любви. Тѣмъ не менѣе ни онъ, ни она, не искали сближенія. Чувству истинной любви свойственна сдержанность, при томъ же Торелло былъ юношески застѣнчивъ и робѣлъ предъ высокопоставленной синьорой, безмолвно преклоняясь передъ ея высокимъ умомъ и дивной красотой. Изабеллу обуздывало чувство собственнаго достоинства и гордость, которую не могла заглушить въ ней даже сила страсти.

Въ такомъ положеніи находились дѣла влюбленныхъ, когда Троило Орсини вернулся въ Флоренцію, полный сознанія гордаго владычества, столь свойственнаго мужчинѣ, разъ обладавшему женщиной законно или незаконно. Орсини уже не руководило поэтическое, возвышенное желаніе первыхъ изліяній любви. Теперь нѣчто совсѣмъ иное его влекло къ Изабеллѣ. Ему хотѣлось осушить до дна чашу разъ извѣданныхъ наслажденій, снова испытать блаженство, которымъ были озарены лучшіе дни его жизни.

Но увы! прошлое никогда не повторяется. Послѣ свиданія съ Изабеллою, Троило убѣдился, что она совсѣмъ не та, какою онъ зналъ ее прежде. Это была уже не страстная женщина, жертвующая своей добродѣтелью въ порывѣ непреодолимаго чувства любви. Передъ нимъ стояла не прежняя наивно-застѣнчивая, любящая Изабелла, а женщина, жаждущая наслажденій, способная ласкать одного и въ то же время мечтать объ объятіяхъ другого. Такое пагубное вліяніе имѣла на эту чистую душу окружающая зараженная атмосфера.

Еслибы Троило нашелъ Изабеллу все еще влюбленною и мечтающей о немъ, то любовь его прошла бы; мужчины почти всѣ, за весьма незначительнымъ исключеніемъ, охладѣваютъ къ женщинамъ, добившись ихъ истиннаго чувства и также мало дарятъ

вниманіемъ предметъ своего недавняго обожанія, какъ султанъ красавицъ своего гарема.

Насколько позволялъ этикетъ двора, Троило искалъ свиданія съ Изабеллой, но въ этихъ таинственныхъ встрѣчахъ ласки уже смѣнились упреками и нѣжныя увѣренія въ любви страшными угрозами мести въ случаѣ измѣны.

Отъ хитраго и подозрительнаго Троило не ускользнула любовь Торелло къ герцогинѣ, и онъ гордымъ тономъ повелителя запретилъ ей приближать къ себѣ молодого пажа. Въ отвѣтъ на это приказаніе бывшаго любовника, красавица Изабелла презрительно улыбнулась и молча кивнула головой въ знакъ согласія. Торелло въ свою очередь съ ясновидѣніемъ любящаго угадалъ таинственную связь, соединявшую Троило съ любимой имъ женщиной, и возненавидѣлъ его всѣми силами своей души.

Такое взаимное настроеніе этихъ двухъ мужчинъ служило поводомъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ и самымъ непріятнымъ сценамъ. Орсини злобно косился на Торелло, а тотъ, вмѣсто того, чтобы опускать глаза, пристально, въ упоръ смотрѣлъ на него, какъ бы принимая вызовы и отвѣчая угрозой на угрозу.

Одинъ разъ Троило засталъ Изабеллу за урокомъ пѣнія, именно въ тотъ моментъ, когда влюбленный пажъ пожиралъ пламенными глазами красавицу-учительницу. Въ бѣшеной ревности Троило рѣзкимъ тономъ велѣлъ ему удалиться. Но Торелло приказанія не исполнилъ, не обративъ на него никакого вниманія, и удалился лишь тогда, когда Изабелла кротко попросила его уйти.

Другой разъ, войдя въ апартаменты Изабеллы, Троило засталъ тамъ пажа и, чтобъ унизить его, снялъ шпагу и велѣлъ ему какъ лакею отнести ее въ другую комнату. Торелло, не желая огорчить Изабеллу, сдержалъ себя, принялъ шпагу и направился къ дверямъ, тогда Троило крикнулъ ему вслѣдъ, чтобы онъ несъ осторожнѣе шпагу и не уронилъ ее. Молодой человѣкъ не выдержалъ, выхватилъ шпагу изъ ноженъ, повернулся къ обидчику и сказалъ, что не только умѣетъ держать шпагу, но даже можетъ и направить ее противъ того, кто его оскорбляетъ. Говоря это, Торелло съ такой силой и ловкостью взмахнулъ шпагой, что Орсини долженъ былъ убѣдиться, какъ искусно владѣетъ оружіемъ его соперникъ.

Въ это время герцогъ Козимо отдалъ приказаніе всему двору перебраться на жительство въ замокъ Розиньяно, возлѣ Гроссето. Стояла осень и переѣздъ былъ весьма удобенъ для охоты, которую герцогъ страстно любилъ. Въ это лѣсное убѣжище перебрались герцогиня Элеонора, Изабелла, Гарціа, Джіованни, Фердинандъ и Пьетро. Изъ герцогскаго семейства отсутствовалъ только старшій сынъ, Франческо, посланный отцомъ ко двору испанскаго короля Филиппа II, сына Карла I, для ознакомленія съ европейской политикой.

Троило Орсини, не получивъ приглашенія, не могъ присоединиться къ свитѣ и страшно терзался мыслью, что туда ѣдетъ Торелло въ качествѣ пажа. Кромѣ того, его кровно оскорбила Изабелла, не согласившаяся остаться въ Флоренціи, не смотря на его самыя горячія просьбы.

Ревнивецъ былъ убѣжденъ, что Изабелла нарочно переѣзжаетъ въ Розиньяно, чтобы тамъ на свободѣ, безъ всякаго стѣсненія отдаться пажу. Эта мысль мучила Орсини, не давала ему покоя, и онъ въ душѣ поклялся отмстить.

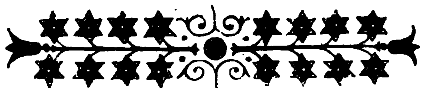
Но Изабелла вовсе объ этомъ не думала; ей просто хотѣлось насладиться природой, охотой и быть въ кругу родныхъ. Тѣмъ не менѣе среди очаровательной, хотя и дикой природы, любовь молодого Торелло приняла идилическій оттѣнокъ, восхищавшій пламенную фантазію поэтической Изабеллы. Улыбающаяся природа дѣйствовала на страстно влюбленнаго юношу, и онъ, окруженный таинственной прелестью лѣса, хотя еще болѣе конфузился, но сердце его жаждало взаимности; Изабелла все это видѣла и въ душѣ рѣшила осчастливить интереснаго юношу.

Недалеко отъ Розиньяно жила Юлія Вителли. Между тѣмъ, какъ мужъ ея воевалъ съ графомъ Питильяно, эта легкомысленная красавица, какъ мы знаемъ, была любима обоими братьями, Гарціа и Джіованни. Первый изъ нихъ уже давно пользовался ея милостями, второй, недавно полюбившій ее, добивался того же, чѣмъ пользовался братъ.

Кокетливая Юлія въ совершенствѣ умѣла распредѣлять встрѣчи и кружить головы обоимъ братьямъ. Новаго любовника она увѣряла, что прекратила всѣ отношенія съ старымъ и что принадлежитъ ему одному. А Гарціи говорила, что онъ безраздѣльно владѣетъ ея сердцемъ.

И такъ Розиньяно сдѣлалось гнѣздомъ любви и празднествъ, гдѣ нѣжные, любовные вздохи, трепетные поцѣлуи, тихо раздававшіеся въ густой тѣни растеній, смѣнялись шумными охотничьими пирами, веселой музыкой среди темнаго лѣса, освѣщаемаго тысячами факеловъ.

Но судьбѣ угодно было прервать любовныя наслажденія и веселыя празднества ужасной трагедіей.



IX.

Бесѣдка.

Ъ ТѢХЪ поръ какъ молодой кардиналъ Медичи влюбился въ Юлію Вителли, его отношенія къ Джиневрѣ Валори стали постепенно охлаждаться, и наконецъ совершенно прервались безъ всякаго кризиса и сценъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ угасающей любовью. Джиневра, какъ истинное дитя своего вѣка, чувствовавшая отвращеніе къ продолжительнымъ привязанностямъ, скоро утѣшилась и стала искать новой интриги.

Между тѣмъ замѣтивъ, что ея бывшій любовникъ серьезно вздыхаетъ по ея пріятельницѣ Юліи, она страшно разсердилась; ее мучила не ревность, а досада и зависть, что красота другой могла затемнить ея могущественныя чары. Когда герцогское семейство переѣхало въ Розиньяно, а съ нимъ вмѣстѣ и красавица Юлія перебралась въ свою виллу Вальерде, по сосѣдству съ герцогскимъ зàмкомъ, побѣдоносно увлекая за своей колесницей двухъ братьевъ Медичи,—Валори осталась въ Флоренціи обдумывать въ тайнѣ свой планъ мщенія. Обсудивъ все самымъ обстоятельнымъ образомъ, она скромно отправилась въ сопровожденіи только одного слуги въ виллу Вителли.

Джиневра хотѣла этимъ сюрпризомъ обрадовать свою дорогую пріятельницу. Юлія, хотя и не была довольна такимъ неожиданнымъ пріѣздомъ ея интимной подруги, тѣмъ не менѣе приняла ее съ распростертыми объятіями и выразила непритворную радость

№ 28.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Айналовъ, Д. и Е. Рѣдинъ. Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе древней мозаичной и фресковой живописи. Съ 14 рисунками. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Андерсенъ. О чемъ разсказывалъ мѣсяцъ. 25 разсказовъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Андерсонъ, Ѳ. К. Систематическій сборникъ разсказовъ для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Анненковъ, К. Н. Задачи губернскаго земства. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Angerstein, E. Dr. Und G. Eckler. Домашняя гимнастика для женщинъ и дѣвочекъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей, съ предисл., примѣч. и дополн. проф. К. П. Ковальковскаго. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Аноновъ, И. А. Опытъ систематическаго обозрѣнія матеріаловъ къ изученію современнаго состоянія средняго и низшаго техническаго и ремесленнаго образованія въ Россіи. Спб. 1889 г. Ц. 3 р.

Апраксинъ, А. Д. Алзаковы. Романъ изъ великосвѣтскаго быта. Изданіе 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Аррениусъ, С. Современная теорія состава электролитическихъ растворовъ. Спб. Ц. 60 к.

Баталинъ, Н. Руководство къ составленію періодовъ. Издан. 4-е. М. 1890 г. Ц. 30 к.

Баталинъ, Ѳ. А. Календарь и справочная книжка русскаго сельскаго хозяина на 1890 г. Ц. 2 р.

*) **Беккеръ, К. Ф.** Древняя исторія, вновь обработанная Вильгельмомъ Мюллеромъ. Съ иллюстраціями и картами. Ч. I. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Бильбасовъ, В. А. Исторія Екатерины Второй. Т. I. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Бильдерлингъ, П. Обзоръ современнаго состоянія земледѣлія и сельско-хозяйственнаго образованія во Франціи. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

*) **Бине и Фере.** Животный магнетизмъ. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Бобровскій, П. О. Русская греко-уніатская церковь въ царствованіи императора Александра I. Истор. изслѣдованіе по архивнымъ документамъ. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Боголюбовъ, М. Д-ръ. Новыя врачебныя средства. Для врачей и аптекарей. Изд. 2-е. М. 1890 г. Ц. 3 р. 25 к.

— Новыя antipyretica. М. 1890 г. Ц. 75 к.

Борисъ, архимандритъ. Космологія или метафизическое ученіе о мірѣ (по B. Bowne'у). Вып. II. Харьковъ. 1889 г. Ц. 50 к.

Бородинъ, И. П. Краткій учебникъ ботаники. Изд. 2-е, просмотр. и исправл. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ботаническія записки, издаваемыя при Ботаническомъ садѣ Имп. Спб. университета проф. А. Бекетовымъ и проф. Хр. Гоби. Т. II. Вып. 3-й. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бубновъ, Н. Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ (983—997). Критическая монографія по рукописямъ. Ч. II. Отд. 1-й. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.

Булгаковъ, Ѳ. И. Наши художники на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія. Т. I. Спб. Цѣна съ подпиской на 2-й т. 15 р., на слонов. бум. 25 р.

Буслаевъ, Ѳ. И. Общій планъ и программы обученія языкамъ и литературѣ въ женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1890 г. Ц. 50 коп.

Вишняковъ, Е. П. Фотографіи съ натуры. Вып. II. Спб. 1889 г. Ц. 3 р.

Войславъ, С. Изслѣдованіе грунта и развѣдка полезныхъ ископаемыхъ по-

средствомъ ручного буренія. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Воскресенская, М. Н. Краткое изложеніе повѣсти „Лингардъ и Гертруда" Г. Песталоцци. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Wyss, A. Dr. Чахотка. Очеркъ современныхъ идей о сущности и леченіи чахотки. Симферополь. 1889 г. Ц. 30 к.

В. Х. На сѣверѣ. (Путевыя воспоминанія). М. 1890 г. Ц. 1 р. 30 к.

Гарбель, А. Словарь глаголовъ нѣмецкаго языка. Конструкція, правописаніе и образованіе коренныхъ формъ нѣмецкихъ глаголовъ. М. 1890 г. Ц. 10 к.

Гарусовъ, И. Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Драматическая поэзія. Изд. 2-е, исправл. и значит. дополн. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гвоздевъ, П. Опроверженіе эпикуреизма. Первая и вторая кн. произведенія Цицерона: „О высшемъ благѣ и крайнемъ злѣ" въ русскомъ переводѣ. Казань. 1889 г. Ц. 75 к.

Герцъ, Г. Объ отношеніяхъ между свѣтомъ и электричествомъ. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Голубовскій, П. Половцы въ Венгріи. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1889 г. Ц. 30 к.

— Извѣстія Ибнъ Фодлана о руссахъ. (По поводу статьи г. Стасова). Кіевъ. Ц. 30 к.

Гольмстенъ, А. Х. Дополненія къ учебнику гражданскаго судопроизводства. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Графиньи, А. Ручной трудъ. Руководство для домашнихъ занятій ремеслами. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Guettée, Wladimir, Dr. Souvenirs d'un prêtre romain devenu prêtre orthodoxe. Paris. 1889 г. Prix 2 г. 50 cop.

Далматовъ, К. Великорусскіе узоры исполненные въ 1889 г. на мебель въ Русскій теремъ королевскаго парка Фреденборга въ Даніи. Спб. Ц. 5 р.

Данилевскій, Г. П. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. Изд. Спб. Комит. Грамотности. Спб. 1889 г. Ц. 5 к.

Довгялло, В. Въ столичномъ омутѣ. Романъ-хроника. Спб. 1889 г. Ц. 1 р.

Дубининъ, А. Наставленіе къ приготовленію силосованнаго корма для домашняго скота. Спб. 1889 г. Ц. 20 к.

Дьяконовъ, И. В. Въ храмѣ Ваала. Этюды по вопросамъ промышленности и торговли. М. 1889 г. Ц. 50 к.

Дювернуа, А. Словарь Болгарскаго языка по памятникамъ народной словесности и произведеніямъ новѣйшей печати. Вып. IX и послѣдній. М. 1889 г. Ц. 2 р.

Естифѣева, М. П. Стихотворенія и драма. Уфа. 1889 г. Ц. 1 р.

Ждановъ, С. Грамматическія наблюденія и критически-экзегетическія замѣтки. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Заводская книга русскихъ рысаковъ. Подъ редакціею Ю. И. Юрлова. Т. IV. Спб. 1889 г. Ц. 3 р. 50 к.

Зиссерманъ, А. Л. Фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. 1815—1879 гг. Т. II. Съ портретами, рисунками и картами. М. 1890 г. Ц. 3 р.

Змѣевъ, Л. Ѳ. Былое врачебной Россіи. Кн. I. Съ двумя портретами. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

З—скій, М. Д. Словотолкователь. 7,500 иностранныхъ словъ. Кіевъ. 1890 г. Ц. 35 к.

Ивановъ, Н. Предохранительныя мѣры при леченіи заразительныхъ болѣзней на дому. Спб. 1890 г. Ц. 35 к.

Изъ 99 дней царствованія императора Фридриха III (Auch ein Programm aus den 99 Tagen). Переводъ съ нѣмец. Бар. Н. Спб. 1890 г. Ц. 55 к.

*) **Карамзинъ, Н. М.** Исторія государства россійскаго. Томы IX, X, XI и XII. (Дешевая библіотека). Спб. Ц. каждаго тома 20 коп., въ папкѣ 28 к.

Кейбель, Д-ръ. Какъ намъ слѣдуетъ курить, чтобы уменьшить вредъ табака для здоровья. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Кирѣевъ, А. А. Славянофильство и націонализмъ. Отвѣтъ г. Соловьеву. Спб. 1890 г. Ц. 20 к.

Клоповъ, А. А. Отчетъ по изслѣдованію волжской хлѣбной торговли, произведенному въ 1887 году. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Отчетъ по изслѣдованію волжской хлѣбной торговли; произведен. въ 1888 г. Тверь. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Приложеніе къ отчету по изслѣдованію въ 1888 г. Тверь. 1889 г. Ц. 80 к.

— Отчетъ по изслѣдованію волжской хлѣбной торговли, произведенному въ 1888 и 1889 гг. Тверь. 1889 г. Ц. 2 р.

*) **Кнакфусъ.** Рембрандтъ, очеркъ его жизни и произведеній. Съ 155-ю снимками съ картинъ, гравюръ и рисунковъ Рембрандта. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Книга для чтенія въ сельскихъ училищахъ по сельскому хозяйству. Кіевъ. 1889 г. Ц. 30 к.

Kolzow, A. Russische Gedichte. Deutsch von Moritz Michelsson. S.-Peterb. 1890 г. Pr. 2 г. 20.

Коркуновъ, Н. Лекціи по общей теоріи права. Издан. 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Корнилова, О. Быль изъ временъ крѣ-

постничества. (Воспоминаніе о моей матери и ея окружающемъ). Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

Корсаковъ, С. С. Болѣзненныя разстройства памяти и ихъ діагностика. М. 1890 г. Ц. 50 к.

Костомаровъ, Н. Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Издан. 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

Котлубай, Л. Желѣзнодорожный міръ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котъ-Мурлыка. Повѣсти, сказки и разсказы. Т. IV. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 75 к.

Кудиновъ, И. Ф. Повѣсти и разсказы. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Куркинъ, Н. И. Стихотворенія. М. 1889 г. Ц. 1 р.

Ландау, Л. Д-ръ. О распознаваніи и леченіи рака матки. (Лекціи современныхъ нѣмецкихъ клиницистовъ). М. 1890 г. Ц. 30 к.

Lahnek, Er. Dr. Живопись по дереву акварельными красками. Съ замѣткой о лакировкѣ. М. 1890 г. Ц. 65 к.

Леру, Э. Словарь гомеровской миѳологіи и географіи. Перев. съ франц. Кіевъ. 1890 г. Ц. 60 к.

Лесгафтъ, П. Школьные типы. Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. (Антропологическій этюдъ). Ч. II. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лихачева, Е. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Лихачевъ, Н. П. Отвѣтъ суровому критику. Возраженіе на рецензію Д. А. Корсакова о книгѣ „Разрядные дьяки XVI вѣка". М. 1890 г. Ц. 75 к.

Лишинъ, И. О земскомъ зерновомъ кредитѣ. М. 1889 г. Ц. 20 к.

Лѣсковъ, Н. С. Собраніе сочиненій въ десяти томахъ. Т. VIII. Спб. 1889 г. Ц. по подпискѣ на 10 т. 20 р.

— Фигура. Разсказъ. М. 1890 г. Ц. 20 к.

— Прекрасная Аза. Легенда по старинному прологу. Съ рисункомъ. И. Е. Рѣпина. М. 1890 г. Ц. 15 к.

— Совѣстный Данила. Легенда по старинному прологу. Съ рисункомъ И. Е. Рѣпина. М. 1890 г. Ц. 15 к.

Любовичъ, Н. Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ. По неиздан. источникамъ. Варшава. 1890 г. Ц. 3 р.

Маврицкій, В. А. Сборникъ правилъ и подробныхъ программъ для поступленія во всѣ учебныя заведенія на 1890—1891 г. Издан. 3-е. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

*) **Марлинскій, А. (А. А. Бестужевъ).** Аммалатъ-Бекъ. Кавказская быль. Съ портретомъ автора. Изданіе 3-е. Спб. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

Минскій, Н. М. При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Михайловъ, А. Тина. Романъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Михайловъ, М. Адамъ Адамычъ. Романъ. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Монгомери. Синяя вуаль. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Съ рисунками. М. 1890 г. Ц. 1 р. 75 к.

Московская духовная семинарія. 1814—1889 г. (Краткій историческій очеркъ). М. 1889 г. Ц. 1 р.

Мостовскій, М. С. Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Чтеніе для народа. Изд. 2-е. М. 1889 г. Ц. 1 р.

Нейштабъ, Я. Т. Д-ръ. Чахотка и научно-санитарный планъ борьбы съ нею. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. На краю гибели. Романъ для юношества. Съ рисунками. М. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Святочные разсказы. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

— Кама и Уралъ. Очерки и впечатлѣнія. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Нилусъ, шт.-капитанъ. Историческій очеркъ послѣдовательнаго развитія наибольшаго берегового калибра въ Россіи (1888—1888 гг.). Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.

Орфано, А. Въ чемъ должна заключаться истинная вѣра каждаго человѣка. (Критическій разборъ книги гр. Л. Н. Толстого „Въ чемъ моя вѣра"). Изд. 2-е, исправл. и дополн. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Отрадинъ, В. Стихотворенія и драматическія поэмы. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Павлищевъ. Л. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ. (Изъ семейной хроники). М. 1890 г. Ц. 2 р.

Павловская, О. Скоромный и постный столъ. Изд. 3-е. Съ рисунк. Спб. 1890 г. Ц. 4 р.

Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній, дикорастущихъ и разводимыхъ въ предѣлахъ Московской губ. М. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

*) **Пешель, Оскаръ.** Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакціей проф. Э. Ю. Петри, съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгофомъ. Вып. I. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

— Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакціею проф. Э. Ю. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгофомъ. Вып. II. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Плутархъ. Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности, М. 1889 г. Ц. 75 к.

Подробный повторительный курсъ неорганической химіи. (Въ вопросахъ и отвѣтахъ). Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Позняковъ, Н. И. Святочные разсказы: I. Кичливая и счастливая. Ц. 10 к.— II. Безъ елки. Ц. 5 к. — III. Мятель. Ц. 10 к.—IV. Святой Николай Ц. 10 к.— Малышъ. Ц. 5 к.

Поповъ, А. И. Курсъ сельскаго инженернаго искусства. Вып. I. Дренажъ. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пороховщиковъ, А. Россія наканунѣ XX столѣтія. Вып. III. М. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.

Потѣхинъ, Л. А. Улей А. Дубини, устройство его и уходъ въ немъ за пчелами. Спб. 1890 г. Ц. 20 к.

Пушкинъ, А. С. Полтава. Поэма. Карманное изданіе. М. 1890 г. Ц. 30 к.

Пѣснь о Нибелунгахъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Съ средне-верхне-нѣмецкаго, размѣромъ подлинника, перевелъ М. И. Кудряшевъ. Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Радвановскій, В. Строительные матеріалы. Вып. I. Естественные камни. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Райскій, П. Парижская выставка 1889 г. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Реймеръ, Ю. Уставы и правила объ акцизныхъ сборахъ. Ч. I. Уставъ о табачномъ сборѣ. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.

Ренье, Э. Электрическіе аккумуляторы. Элементарныя свѣдѣнія объ ихъ устройствѣ и примѣненіяхъ. Спб. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рудницкій, В. В. Отражательная система защиты пути объ образованіи на немъ снѣжныхъ и песчаныхъ заносовъ. Варшава 1889 г. Ц. 2 р.

Roux, V. Руководство для травленія рисунковъ на мѣди, бронзѣ, цинкѣ и стали, съ примѣненіемъ гальванопластики. М. 1890 г. Ц. 65 к.

Рѣдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. III. Спб. Ц. 3 р.

Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ). Сочиненія въ 9 томахъ. VIII. Спб. 1889 г. Ц. по подпискѣ на 9 томовъ 15 р.

Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1885—1887 гг. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е ноября 1889 г. Спб. Ц. 50 к.

Северинъ (Н. И. Мердеръ). Безъ почвы. Повѣсть. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

„Семейная библіотека“. № 1, Г. П. Данилевскій, Потемкинъ на Дунаѣ. Историческій романъ. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Семеновъ, Н. П. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Т. II. Спб. 1890 г. Ц. 7 р., по подпискѣ на 3 тома 18 р.

Сементовскій, А. М. Бѣлорусскія древности. Вып. I. Съ 106 рисунками. Спб. 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сергіевскій, Н. Д. Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая. Издан. 2-е. Спб. 1890 Ц. 2 р. 50 к.

Сергѣевъ, М. Телеграфный апаратъ Морзе. Съ рисунк. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Сибирскій, Всеволодъ. Стихотворенія не отъ скуки. Томскъ. 1890 г. Ц. 1 р. 75 коп.

Скоттъ, Вальтеръ. Аббатъ. Романъ. Съ рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сливицкій, А. М. Лиса Патрикѣевна. Разсказъ съ рисунками И. С. Панова. Изд. 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.

Соколовскій, А. З. Законы и правила для составленія домашнихъ духовныхъ завѣщаній. Издан. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1890 г. 1 р.

Статистическій ежегодникъ по Московской губ. на 1889 г. М. 1889 г. Ц. 2 р.

*) **Стивенсонъ, Р. Л.** Черная стрѣла. Повѣсть для юношества временъ войны Алой и Бѣлой Розы. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.

Сысоевъ, Вал. Картинки. Изъ жизни простыхъ людей. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Т—ва, М. Н. Любимыя сказки въ дѣтскихъ стишкахъ, съ рельефными картинками. Издан. 2-е, исправл. Спб. Ц. 1 р.

Тиссандье Г. Эйфелева башня. Съ 34 рисунками. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Титовъ, Л. Л. Лѣтопись Двинская. М. Ц. 2 р.

Трубецкой, Сер. Кн. Метафизика въ древней Греціи. М. 1890 г. Ц. 3 р.

У. В. В., кн. Амазонка. Верховая ѣзда дамы. Съ рисунками. М. 1890 г. Ц. 1 р.

*) **Фонвизинъ, Д. И.** Двѣ комедіи: I. Бригадиръ“, комедія въ 5 дѣйствіяхъ.— II. „Недоросль“, комедія въ 5 дѣйств. Съ біограф. Д. И Фонвизина, его портретомъ и объяснительнымъ словаремъ къ его комедіямъ. Изд. 7-е. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

---

*) Изд. А. С. Суворина.

Въ составъ печатающагося II-го ТОМА (Л до Я), который появится въ первые мѣсяцы 1890 г., вошли портреты и снимки съ произведеній:

Н. А. Лаверецкаго, И. А. Лаверецкаго, Л. Ф. Лагоріо, Е. А. Лансере †, Э. К. Липгарта, М. Л. Маймана, К. Е. Маковскаго, В. Е. Маковскаго, Н. Е. Маковскаго †, А. Т. Маркова †, Д. Н. Мартынова †, В. В. Маттэ, А. И. Мещерскаго, М. О. Микѣшина, Ѳ. А. Моллера †, А. И. Морозова, Г. Г. Мясоѣдова, В. И. Навозова, А. А. Наумова, Т. А. фонъ-Неффа †, А. Н. Новоскольцева, А. Л. Обера, В. Д. Орловскаго, баронессы М. И. Паленъ, И. А. Пелевина, В. Г. Перова †, Н. К. Пимоненко, А. А. Писемскаго, Х. П. Платонова, П. Ѳ. Плѣшанова †, И. И. Подозерова, И. П. Пожалостина, В. Д. Полѣнова, А. А. Попова, А. Н. Попова, М. П. Попова, С. П. Постникова †, Л. О. Премацци, М. И. Прянишникова, М. И. Раевской-Ивановой, С. Р. Растворовскаго †, И. И. Реймерса †, П. Г. Ремера, А. А. Риццони, И. Е. Рѣпина, В. Е. Савинскаго, Н. С. Самокиша, Н. Е. Сверчкова, П. А. Свѣдомскаго, А. А. Свѣдомскаго, И. Ф. Селезнева, Г. И. Семирадскаго, Н. А. Сергѣева, В. С. Смирнова, А. В. Снигиревскаго, И. И. Соколова, Ѳ. Г. Солнцева, Е. С. Сорокина, П. С. Сорокина †, В. С. Сорокина, К. П. Степанова, Р. Г. Судковскаго †, Г. С. Сѣдова †, Л. А. Сѣрякова †, В. Ѳ. Тимма †, графа Ѳ. П. Толстого †, Ю. И. Томашевскаго-Бонча, И. П. Трутнева, К. А. Трутовскаго, Ю. И. Феддерса, К. Д. Флавицкаго †, Р. Ѳ. Френца, А. Н. Фролова, А. А. Харламова, В. Г. Худякова †, И. Ф. Ціонглинскаго, М. А. Чижова, П. П. Чистякова, Ѳ. П. Чумакова, П. М. Шамшина, А. І. Шарлеманя, В. Г. Шварца †, В. О. Шервуда, И. И. Шишкина, М. А. Шишкова, И. Н. Шредера, А. Н. Шурыгина †, Н. С. Шустова †, М. И. Щетинина и В. И. Якобія.

ЦѢНА ЗА ОБА ТОМА только по подпискѣ 15 руб., въ изящной папкѣ 16 руб., съ пересылкой 17 руб. I-й томъ отдѣльно 10 руб., съ пересылкой 11 руб.

Роскошные экземпляры (напечатано всего 50 экз.) по 25 руб., за оба тома съ перес. 28 руб.

При подпискѣ вмѣстѣ съ I-мъ томомъ выдается билетъ на полученіе II-го тома, который выйдетъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1890 г.

По выходѣ II-го тома подписка прекратится и цѣна будетъ возвышена.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

МАРТЪ, 1890

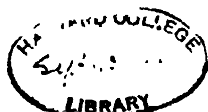
СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1890 г.

См. .

СОДЕРЖАНІЕ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ).



КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

рисунками, 3 планами и 4 картами. Спб. 1889. **А. К.**—Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ (1141—1173), изслѣдованіе Константина Грота. Варшава. 1889. **А. Б—ва.**—Генеральный планъ Императорскаго Воспитательнаго, для приносныхъ дѣтей, дома и госпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ Москвѣ. (1763—1767 гг.). Въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1889. **В. М.**—Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. Историческій очеркъ Н. Чечулина. Спб. 1889. **С. Т—чева.**—Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ; соч. Н. И. Шишкина. Касимовъ. 1889. **А. Б—ва.**—Пензенскія Губернскія Вѣдомости. Первое пятидесятилѣтіе 1838—1888 гг. Отдѣлъ неоффиціальный: систематическій сводъ статей, относящихся къ Пензенскому краю, хронологическій и алфавитный указатели. Составилъ И. И. Васильевъ. Пенза. 1889. **С. Тр—ва.**—Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Составилъ и издалъ Е. Н. Дверницкій. Кіевъ. 1889. **В. Б.**—Около трона, романъ изъ жизни современныхъ нѣмецкихъ аристократовъ. Н. А. Попова. Спб. 1890. **А. Б—ва.**—Исторія Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ (1838—1888), составилъ М. М. Захарченко. Кіевъ. 1889. **А. Б—ва.**—В. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей; очерки изъ исторіи политическихъ идей древней Руси. Спб. 1889. **В. Л—на.**—Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей и юбилейный XV томъ его записокъ. (Одесса. 1889.). **Д. А—лова.** Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). С. А. Венгерова. Т. I. 1886—1889. **В. З.**—Д. И. Эварницкій. Очерки по исторіи Запорожскихъ казаковъ и Новороссійскаго края. Спб. 1889. **В. Б.**—Этнографическое обозрѣніе, періодическое изданіе Этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Двѣ книги: май и октябрь. Москва. 1889. **А. Б—ва.**—Н. Бѣляшевскій. Монетные клады Кіевской губерніи. Кіевъ. 1889. **В. Б.**—Геннадій Карповъ. «Въ защиту Богдана Хмельницкаго». Москва. 1890. **Н. Лихачева.**—В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Т. I. Спб. 1890. **П. Полевого.**—Списокъ историческихъ, археографическихъ и библіографическихъ сочиненій и изданій. И. Ѳ. Токмакова. Москва. 1889. **А. К.**—Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. Александра Дмитріева. В. I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь. 1889. **А—ина.**—Кама и Уралъ, очерки и впечатлѣнія Вас. Немировича-Данченко. Спб. 1890. **А. Б—ва.**—Оскаръ Пешель. Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакціею профессора Э. Ю. Петри, съ 6-го изданія дополненнаго Кирхгоффомъ. Выпускъ I. Спб. 1890. **С.**—Древняя исторія К. Ф. Беккера, вновь обработанная Вильгельмомъ Мюллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университета. Съ иллюстраціями и картами. Часть первая. Спб. 1890. **С.**—Житомірскій могильникъ. Археологическое изслѣдованіе житомірской группы кургановъ. Сергѣя Гамченко. Житоміръ. 1889. **В. Б.**—Е. Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). Спб. 1890. **М. С—скаго.**—Ѳ. И. Леонтовичъ. Старый земскій обычай. Одесса. 1889. **В. Латкина.**—Курсъ гражданскаго права. Соч. К. Побѣдоносцева, почетнаго члена университетовъ: Московскаго, С.-Петербургскаго, Казанскаго и св. Владиміра въ Кіевѣ. Части первая, вторая и третья. Спб. 1880—1889. **Н. Др.**—Календарь для писателей, литераторовъ и издателей. Составилъ М. М. Бродовскій. Спб. 1890. Справочная книжка для писателей, литераторовъ и издателей (Часть II календаря). **В. З.**—Виленскій календарь на 1890 годъ. Вильна. 1889. **Н. П.**—Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ

Портретъ Гоголя, приложенный къ «Московскому Сборнику» издан. С. Т. Аксаковымъ въ 1852 году.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 15 ФЕВРАЛЯ 1890 Г.

Портретъ Гоголя, приложенный къ «Запискамъ о жизни Гоголя» издан. Кулиша.

Дозв. ценз. Спб. 15 февраля 1890 г.

ЗА ЧЬИ ГРѢХИ?[1]

Повѣсть изъ временъ бунта Разина.

IX.

Бѣглецъ Воинъ въ Венеціи.

НЯЗЬ ПРОЗОРОВСКІЙ напрасно, однако, тѣшилъ себя надеждою, что всесильное время и молодость, которую никогда нельзя ограбить—такъ она богата и всемогуща—возвратятъ ему его прежнюю веселенькую Натапеньку. Время еще не успѣло затуманить и вытравить изъ ея сердца свѣтлые образы ея перваго дѣвическаго счастья, которое она сама погубила своимъ безразсудствомъ, а молодость, на забывчивость которой онъ надѣялся, молодость, которая вездѣ, въ самой себѣ, въ самой этой молодости, найдетъ новые источники счастья, какъ богачъ новые капиталы,—эта молодость слишкомъ бурно чувствовала пережитое ею счастье, потому что оно было первое счастье въ ея жизни, счастье, въ первый разъ сознанное, какъ бы открытое на груди того, кого она сама оттолкнула отъ себя и погубила его,—эта молодость не могла помириться съ мыслью, что она уже никогда-никогда не будетъ трепетать на этой именно груди, давшей ей первые въ жизни моменты блаженства,—эта молодость жаждала только его—его одного, со всѣмъ пыломъ страсти. Она ждала только его, и его не было.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIX, стр. 241.

Она скоро поняла, что гонцы, посланные въ Польшу отъ царя, что намеки отца на то, что онъ, котораго она погубила—живъ,— что это—куклы, которыми ее, какъ маленькую, хотѣли обмануть, развлечь. Она все поняла—и ей захотѣлось умереть. Но смерть не шла къ ней. Такъ надо похоронить себя заживо. Надо уйти отъ міра, отъ людей, чтобъ ничто не напоминало ей о жизни, о ея радостяхъ, которыя она похоронила вмѣстѣ съ тѣмъ, кого любила.

Прозоровскій, наконецъ, долженъ былъ сознаться дочери, что молодой Ординъ-Нащокинъ, дѣйствительно, пропалъ безъ вѣсти: никакіе царскіе гонцы не въ состояніи были найти того, кого уже не было на свѣтѣ.

Дѣвушка, казалось, нѣсколько успокоилась на этомъ. Странное, но свойственное любящимъ успокоеніе: такъ не достанется же онъ никому, какъ не достался ей. Теперь ее уже не будетъ мучить мысль о красавицахъ-еретичкахъ, о полькахъ: ея Воинъ не достанется имъ.

Не достанется же и она никому! Монастырь, черническая ряса, клобукъ, темная келья—вотъ кому она достанется. Тамъ она будетъ за него молиться, его ждать въ предсмертный часъ, чтобъ тамъ съ нимъ свидѣться, тамъ, за гробомъ.

Она стала торопить отца—отдать ее въ монастырь, и именно въ Новодѣвичій, гдѣ похоронена ея мать. Какъ ни плакалъ отецъ— она оставалась непреклонна.

— Батюшка!—утѣшала она его:—все же я останусь твоей дочерью—ты будешь ѣздить ко мнѣ, видѣть меня. Ежели чтò и перемѣнится—такъ только имя мое: я ужъ тогда не буду княжной Натальей, а инокинею или старицею Надеждою.

И она была пострижена, и дѣйствительно получила ангельскій чинъ подъ именемъ Надежды. Всѣ инокини и бѣлицы навзрыдъ плакали въ церкви, когда ея прелестное, блѣдненькое личико выглядывало изъ-подъ чернаго монашескаго покрывала и на возгласы постригавшаго ее святителя Іоны: «откуду еси притекла въ обитель сію»—или: «подаждь ми ножницы сія!»—она кротко отвѣчала или покорно нагибалась, чтобъ поднять бросаемыя святителемъ на полъ, по чину постриженія, ножницы.

Но какъ плакалъ ея отецъ—этого словами люди никогда не съумѣютъ передать.

Между тѣмъ, вскорѣ послѣ ея постриженія вотъ чтò случилось.

Въ то время, когда у московскихъ пословъ кончились переговоры съ польскими коммисарами о мирѣ, съ обоихъ сторонъ послѣдовалъ обмѣнъ плѣнныхъ и бѣглыхъ.

Обыкновенно партіи этихъ полоняниковъ пригонялись въ Москву, въ подлежащій «разрядъ», а изъ «разряда», послѣ переписи, ихъ препровождали въ патріаршій дворцовый приказъ для допросовъ: не осквернился ли кто въ полону скоромною пищею, не перемѣ-

нилъ ли вѣры, не держалъ ли тамъ папежскую или иную вѣру, не бывалъ ли у «латынскаго ксенжа» на исповѣди или въ костелѣ, не биралъ ли «секраментъ» вмѣсто причастья, или даже «не бусурманенъ» ли и т. д.

Въ числѣ присланныхъ такимъ образомъ въ патріаршій приказъ для допроса былъ одинъ крѣпкій старикъ, который, какъ оказалось, находился въ полону около сорока лѣтъ!

Подъячій патріаршаго приказа, записывавшій его «распросныя рѣчи», глазамъ своимъ не вѣрилъ, чтобы можно было вынести то, чтò вынесъ на своемъ вѣку этотъ старикъ и остался живъ и бодръ.

Вотъ что говорилъ онъ въ своихъ «распросныхъ рѣчахъ»:

— Зовутъ меня Варсунофей старецъ. Родина моя городъ Москва. Въ дѣтствѣ моемъ отецъ взялъ меня въ Кіевъ, и отдалъ учиться грамотѣ. По возростѣ былъ я во дьячкѣхъ у Николы чюдотворца у Пустынного въ Кіевѣ же, а забаловавшися хмельнымъ дѣломъ, во дьячкѣхъ не восхотѣлъ быть, и служилъ у желныря у Гулявича въ Луцку — отдала меня мать въ службу тому желнырю за пьянство. И живучи я у желныря, по середамъ и въ посты мясо и всякую скверну ѣдалъ, а въ Филиповъ и въ великой постъ мяса не ѣдалъ. А вѣру держалъ папежскую и секраментъ дважды принималъ. И живучи я у желныря, занемогъ, и обѣщался опять притти къ Николѣ на Пустынь, и пришодъ постригся въ меньшой образъ; постригалъ въ церквѣ на обѣднѣ тое-жъ Никольскіе пустыни игуменъ Іевъ Непитущей о Троицынѣ дни. А тотъ игуменъ молилъ за патріарха царяградцаго за Кирила...

— Какъ! — удивился подъячій, закладывая перо за ухо: — за царяградцаго, а не за нашего святителя, за московскаго и всеа Русіи?

— Нѣту, батюшка,—какъ было, такъ и сказываю, словно на духу.

— Охъ, ужъ эти хохлы! — вздохнулъ подъячій. — Ну, говори дальше.

— Такъ молилъ онъ, Іевъ, сказываю, за патріарха Кирила да за архимандрита печерскаго за Елисея Плетенецкаго,—продолжалъ допрашиваемый.—А переманатка и манатья на мнѣ не положена, потому что въ большой иноческой образъ я не постриженъ.

— А какъ тамъ, у хохловъ крестютъ?—спросилъ подъячій.

— По-хохлацки, батюшка, — по кіевской вѣрѣ: въ крещенье обливаютъ, а не погружаютъ—оттого хохлы и слывутъ обливанцы, и мѵромъ, и масломъ помазуютъ. А постригшися, я не причащался. И я про то отцу своему духовному, что я секраментъ дважды принималъ, сказывалъ, и отецъ же духовной положилъ за то на меня епитемью на два года. А идучи я отъ Николы въ Васильковъ, и взяли меня въ полѣ въ полонъ нагайскіе тотарова, будетъ

тому нонѣ лѣтъ съ сорокъ, и свели меня съ протчими полоняники въ Крымъ, а изъ Крыму свели въ Козловъ городъ, а изъ Козлова продали на рынкѣ въ Кафу, а изъ Кафы продали въ Царь-городъ, и въ Царь-городѣ посадили на катаргу, и былъ я на катаргѣ лѣтъ съ тридцать; будучи жъ я на катаргѣ, по середамъ и по пятницамъ и въ великіе посты мясо и всякую скверность ѣдалъ, а не бусурманенъ и отъ христіанскія вѣры не отступилъ. И будучи на катаргѣ въ морѣ, отгромили насъ шпанскаго короля нѣмцы, и шпанскаго короля владѣтель дука Ференцъ, давъ мнѣ листъ, отъ себя отпустилъ. И будучи я въ шпанской землѣ, у ксенза бывалъ и секраментъ не разъ биралъ, и въ костелъ хаживалъ, по шпанской католицкой вѣрѣ маливался, по середамъ и пятницамъ и въ великіе посты и въ иные посты мясо и всякую скверность ѣдалъ, а у отца духовнаго не бывалъ. А изъ шпанской земли ушелъ во французкскую землю, а изо французкскія земли шолъ берегомъ въ тальянскую землю, въ городъ Лигорну, а изъ Лигорны въ Римъ, и былъ въ Римѣ двѣнадцать дёнъ, и по папину велѣнью ксенжъ исповѣдывалъ, а секраменту не ималъ; и будучи въ Римѣ, вѣру держалъ римскую и до костела хаживалъ. Изъ Риму пошелъ въ осень, о Михайловѣ дни, въ прошломъ году, и шолъ черезъ Веницѐю, и въ Веницѐи взяли меня на катаргу, да съ катарги меня выкупилъ руской человѣкъ, нашего боярина Аѳанасья Лаврентьича Ордина-Нащокина сынъ, Воинъ Аѳанасьичъ...

При этомъ имени какъ-будто что дрогнуло въ приказной палатѣ... У подъячаго, записывавшаго «распросныя рѣчи» старца Варсунофія, перо выпало изъ рукъ, и онъ съ изумленіемъ, не то съ испугомъ, вскочилъ съ мѣста; сидѣвшій за другимъ столомъ и чтò-то писавшій приказный, повидимому дьякъ патріаршаго приказа, сухой и лысый старикъ, тоже вскочилъ съ мѣста...

— Какъ!—Воинъ Аѳанасьичъ, говоришь?—радостно воскликнулъ онъ:—такъ онъ живъ?

— Живёхонекъ былъ, милостивецъ батюшко!—пошли ему Господь здравія на многи лѣты, — отвѣчалъ допрашиваемый, не понимая въ чемъ дѣло.

— И ты его самъ видѣлъ и говорилъ съ имъ?—допытывался дьякъ.

— И видѣлъ, батюшко, и говорилъ.

— Слава тебѣ, Господи!—перекрестился дьякъ набожно:—вотъ радость-ту будетъ благодѣтелю моему, Аѳанасью Лаврентьичу!— А ужъ по немъ давно и сорокоусты читаютъ по монастырямъ... Ахъ, Господи! Да разскажи же, старче, какъ дѣло было... Садись, старичокъ... Проша! дай ему стулъ!

Подъячій, котораго назвали Прошей, тотъ, чтò записывалъ со словъ старца «распросныя рѣчи», метнулся по приказу, досталъ и притащилъ стулъ.

— Садись, садись, старичекъ, да разскажи по порядку, какъ дѣло было,—волновался и суетился старый дьякъ:—сказывай.

Старецъ сѣлъ на стулъ, набожно перекрестился, и началъ свой разсказъ. Всѣ подъячіе сбились около него въ кучу и жадно слушали.

— Дакъ вотъ, милостивцы мои—говорилъ старецъ-бродяга—будучи я въ Веницѐѣ-градѣ, побирался Христовымъ именемъ. Площадь тамъ есть эдакая, что у самаго ихняго собора да около догина дворца,—а дога у нихъ, у веницейцовъ, какъ-бы во мѣсто царя правитъ. На площади этой столбы высокіе каменные стоятъ, и на одномъ столбѣ этта левъ поставленъ, на другомъ аки-бы ангелъ. Сижу я эта на ступенькахъ подъ ангеломъ и пою тихонько кàличій стихъ, что у насъ кàлики перехожи поютъ Христа-ради для милостыньки,—пою про Лазаря убогаго. Дѣло этта было подъ вечеръ. Коли смотрю, милостивцы мои, пловетъ по морю чорна лодочка — гòндолой у нихъ называется, длинная такая, а на ей храминка махонька съ дверцой и оконцами, словно-бы часовенка, вся коврами цвѣтными да кистями золотными изукрашена. Многое множество въ Веницѐѣ-градѣ такихъ гòндолъ потому—городъ на водѣ стоитъ, и коней въ городѣ—ни единаго, всѣ пѣши ходятъ либо на носилкахъ, а чаще всего ѣздятъ по морю и по каналамъ въ этихъ самыхъ гòндолахъ.—Такъ и пловетъ, говорю, эта така жъ гòндола мимо тѣхъ столбовъ, гдѣ я, горюнъ-бродяга, сижу. Коли слышу—поетъ кто-то въ гòндолѣ той, да таково сладостно и горько! Владычица Богородица!—меня словно ножемъ пò-сердцу рѣзануло... Слышу—поетъ—чтò бы вы думали, соколики мои!—Оохъ!—поетъ.

«Какъ и не бѣлы-то снѣжки въ полѣ забѣлѣлися!»

— Господи! чтò со мной было!—пятьдесятъ лѣтъ, какъ меня съ Москвы свезли—да гдѣ пятьдесятъ!—болѣ шестидесяти лѣтъ, мыкаючись по бѣлỳ свѣту да по катаргамъ, не слыхалъ я этой пѣсни.—А ужъ и пѣлъ же онъ—не пѣлъ, а горючьми слезами разливался, когда выводилъ:

«А хуть и ночую—всю ночь протоскую!»

— Какъ безумный, голубчики вы мои, вскакиваю я изъ-подъ того ангела, да за гòндолой—бѣгу и кричу—кричу и плачу: «остановись! погоди»!—Такъ гдѣ тебѣ!—не дошелъ мой старческій гласъ до гòндолы—такъ и скрылась изъ глазъ моихъ... Чтò я слезъ выплакалъ за ту ночь—и сказать не съумѣю: на катаргѣ, въ крымской и въ турецкой неволѣ такъ не плакивалъ...

И старикъ дрожащими руками утеръ катившіяся по его морщинистымъ щекамъ слезы. Слушатели видимо были тронуты: у нихъ тоже на глазахъ блестѣли слезы.

— Ну, и что жъ, родимый?—прервалъ общее молчаніе старый дьякъ.

Бродяга какъ бы очнулся и заплаканными глазами взглянулъ на окружавшихъ его подъячихъ.

— Ну, и какъ же потомъ, дѣдушка?—Сыскалъ тово, кто пѣлъ?— подсказалъ одинъ изъ подъячихъ.

— Да, точно, милостивцы,—заговорилъ снова бродяга:—проплакамши эдакъ всю ночь, я наутрѣе опять усѣлся подъ тѣмъ ангеломъ.—А катарга, на котору меня брали, уходила въ море черезъ два дня: я и былъ слободенъ—бродилъ на волѣ, а бѣжать колибъ и охота была, некуда, потому—море кругомъ, да и ярлыкъ ужъ у меня на плечѣ красный пришитъ былъ—катаржный, значитъ: никто бъ и не перевезъ меня до берега. Сижу я эта опять подъ ангеломъ, пою про Лазаря убогаво,—кто идетъ—копеечку дастъ, а то и такъ послушаетъ, послушаетъ, покачаетъ головой, и пойдетъ прочь. Коли эдакъ къ полудню подходитъ ко мнѣ невѣдомый человѣкъ, сталъ поблизь меня, и слушаетъ, да таково взглядивается въ меня. А тамъ и говоритъ по нашему, по-московски, да таково радостно: здравствуй—говоритъ—землячокъ!—какъ тебя Богъ занесъ сюда?—Меня отъ этихъ его словъ точно варомъ обварило—узналъ я гласъ, что вчера пѣлъ «не бѣлы снѣжки».— Молодой такой, пригожій, черные власы и борода. А я стою и слова вымолвить не умѣю: отъ радости у меня языкъ отнялся, потому—въ кой-то годы человѣка увидалъ съ родимой сторонушки. Сердечушко во мнѣ заходило, какъ не выпрыгнетъ.—Сказывай же— говоритъ—землячокъ: въ неволѣ томишься?—полоняникъ?—катаржный?—Я и разскажи ему все про себя, какъ на духу—откудова и слова брались!—А ты—пытаю его—кто, отецкій сынъ?—Я—говоритъ—бѣженецъ—бѣжалъ съ родимой сторонушки—бѣгунъ—въ бѣгахъ обрѣтаюсь, и былъ—говоритъ—допрежъ сего сынокъ Аѳонасья Лаврентьича Ординъ-Нащокина, Воинъ по имени.—А почто— пытаю его—бѣжалъ отъ отца-матери?—Съ тоски сердечной—говоритъ—бѣжалъ. А съ чево та сердечная тоска, про то не сказалъ.—Какъ же—говорю—думаешь впредь быть, Воинъ Аѳонасьичъ?—домой воротишься, али здѣсь, на чужбинѣ, останешься?— И самъ—говоритъ—не знаю: когда я былъ—говоритъ—на Москвѣ, то она такъ мнѣ опостылѣла, что не глядѣлъ бы ни на что; я— говоритъ—и бѣжалъ, потому—за моремъ мнѣ такой рай сулили, что я обезумѣлъ, говоритъ. А какъ попомыкался, говоритъ, на чужбинѣ—и въ польской землѣ, и во французской, и здѣся, въ тальянской землѣ, въ Веницѣѣ,—да такая—говоритъ—тоска лютая къ сердцу подступила, что хоша съ мосту да въ воду, и то впору.— Дакъ отчего жъ — говорю — не воротиться къ отцу — матери? — Нельзя—говоритъ—этого сдѣлать: мнѣ ужъ—говоритъ—на Москву путь-дороженька заказана: на Москвѣ—говоритъ—меня плаха ждетъ. А ты—говоритъ, старче, развѣе не хочешь на родную сторонушку нести старыя кости свои?—Какъ—говорю—не хотѣть?—

сорокъ лѣтъ плачу по святой Руси; а вонъ опять меня ждетъ катарга да и смерть въ морѣ незнаемомъ. Жаль ему меня стало.— Я—говоритъ—землячокъ, выкуплю тебя изъ неволи: иди—говоритъ—на святую Русь да поклонись ей отъ меня горючьми слезами. И самъ заплакалъ, а я за нимъ.—Поклонись—говоритъ—отъ меня, блуднаго сына, батюшкѣ моему рожоному—можетъ, онъ проститъ меня. Да поклонись еще—говоритъ,—а кому—такъ и не кончилъ: еще пуще залился горючьми слезами.

Старикъ замолчалъ и задумчиво опустилъ голову.

— Ну, и чтожъ, дѣдушка?—спросилъ кто-то.

— Выкупилъ, точно—выкупилъ меня изъ неволи, пошли ему Господь здравіе и спасеніе!—отвѣчалъ бродяга.

— А самъ въ Веницѣѣ остался?—спросилъ старый дьякъ.

— Веницѣѣ, батюшка,—да и въ Римѣ хотѣлъ побывать.

— А ты самъ какъ же?—спросили его.

— Я, спасибо ему, Воину Аѳонасьичу—онъ мнѣ и денегъ на дорогу далъ—я изъ Веницѣи побрелъ въ цысарскую землю, а изъ цысарской земли вышелъ въ Польшу, въ Аршавъ-городъ, а изъ Аршава-города въ Литву, а ужъ изъ Литвы на русской рубежъ: тамъ меня и взяли за приставы и отправили на Москву, въ «разрядъ», а изъ «разряду»—къ вамъ.

— Ну, спасибо тебѣ, дѣдушка, за добрыя вѣсти,—сказалъ старый дьякъ.—Ты, Проша, пропиши до конца распросныя рѣчи, а а я побѣгу обрадовать благодѣтеля своего, Аѳанасья Лаврентьича.— Шутка ли! схоронилъ сына, поминалъ и сорокоусты заказалъ, а онъ—нà поди!—живёхонекъ... Охъ, младость, младость!

Онъ торопливо вышелъ изъ приказа, но опять скоро воротился.

— Отъ радости чуть было не запамятовалъ,—говорилъ онъ впопыхахъ.—Ты, вѣрно, голоденъ, дѣдушка?—обратился онъ къ бродягѣ.

— Да, батюшка,—самъ вѣдаешь, чѣмъ мы, узники, кормимся— отъ Бога да отъ добрыхъ людей.

— Такъ вотъ что, Проша, сказалъ дьякъ:—пока я сбѣгаю къ Аѳанасью Лаврентьичу, ты спосылай въ обжорный рядъ, да хорошенько накорми дѣдушку.—Не ровёнъ часъ — ево потребуетъ къ себѣ на глаза Аѳанасій Лаврентьичъ,—чтобъ онъ здѣсь былъ.

И дьякъ поспѣшно удалился.

X.

„Твой сынъ—воръ!..“

Дьякъ патріаршаго приказа, желая первымъ сообщить Нащокину радостную вѣсть, чуть не загналъ лошадь возчика, котораго онъ нашелъ около приказа.

— Гони въ мою голову!—торопилъ онъ его:—гони, какъ на пожаръ,—прибавку получишь знатную!

И возчикъ гналъ,—хлесталъ свою лошадь и кнутомъ, и возжами, и даже самъ привскакивалъ на облучкѣ.

— Соколикъ! вывози!—грабютъ!—кричалъ онъ.

Этотъ окрикъ на московскихъ улицахъ никого тогда не удивлялъ: грабежи на улицахъ въ городѣ, особенно по вечерамъ, были явленіемъ обыденнымъ. И оттого лошади пріучены были къ такому своеобразному понуканью, и когда слышали крикъ ямщика—«грабютъ!»—неслись стремглавъ. Ямщицкое «грабютъ» до настоящаго времени удержалось на нашихъ проселкахъ и даже на почтовыхъ трактахъ.

— Ой, батюшки, грабютъ! рѣжутъ!—вопилъ извозчикъ, несясь по Москвѣ.

Къ счастью для усерднаго дьяка, Нащокинъ былъ дома.

Уже одно появленіе гостя въ неурочный часъ почему-то взволновало Нащокина; но радостный видъ дьяка нѣсколько успокоилъ его.

— Батюшка Аѳанасій Лаврентьичъ!—вамъ Господь милость свою посылаетъ!—выпалилъ онъ, кланяясь и крестясь на передній уголъ съ образами.

— Спасибо, Карпъ Иванычъ, на добромъ словѣ,—отвѣчалъ хозяинъ:—Господь и великій государь милостями своими меня не оставляютъ; токмо...

— Знаю, знаю, батюшка!—безцеремонно перебилъ его гость:—только нонѣ эту токму приходится бросить—токму-ту эту.

— Какую токму, Иванычъ?—не понялъ Нащокинъ.

— Да объ ней, объ этой самой токмѣ ты самъ сичасъ упомянулъ,—хитро улыбаясь, отвѣчалъ гость:—ты говорилъ о милостяхъ, благодарилъ Бога и великаго государя; токмо—говоришь... Знаю я эту токму это объ сынкѣ, объ Воинѣ Аѳанасьичѣ—токмо-де ево у меня Богъ взялъ... Анъ нѣтъ!—нонѣ твоя токма въ нѣтѣхъ обрѣтается.

Нащокинъ началъ было уже думать, что дьякъ съ ума сошелъ, какъ тотъ вновь выпалилъ:

— Воинъ Аѳанасьичъ живёхонекъ!—поклонъ тебѣ прислалъ!

Нащокинъ растерялся: жгучая радость охватила было его, но въ тотъ же моментъ онъ еще болѣе убѣдился, что бѣдный дьякъ дѣйствительно рехнулся. Онъ испуганно попятился назадъ.

— Молись Богу, Аѳанасій Лаврентьичъ,—продолжалъ дьякъ:—сынокъ твой въ Веницѣи-градѣ—здоровехонекъ—поклонъ тебѣ прислалъ.

— Что ты! что ты!—снова испугался Нащокинъ:—такъ это правда?—Господи!—да какъ же это?—Ты отъ кого это узналъ?

— Семинутъ, батюшка Аѳанасій Лаврентьичъ, сымалъ я въ приказѣ распросныя рѣчи съ одново полоняника...

— Съ полоняника, говоришь?—кто жъ онъ такой?

— Московской человѣкъ—въ полону былъ сорокъ лѣтъ въ турской землѣ, и въ шпанской землѣ...

— Ну, а какъ же сынъ-отъ мой?

— Да Воинъ-отъ Аѳанасьичъ въ Веницѣи!—Да ты погоди малость—не спибай меня съ рѣчей—дай толкомъ, по ряду все разсказать.—Полоняникъ-ту этотъ былъ въ турской землѣ на каторгѣ тридцать лѣтъ, да съ каторги отгромили ево шпанскаго короля нѣмци, и жилъ онъ въ шпанской землѣ, а изъ шпанской земли ему отпущеніе дали, потому—старъ человѣкъ; и пришелъ онъ въ италійскую землю, въ Римъ-городъ, а изъ Риму по папину велѣнью въ Веницѣю пришелъ.—Вотъ въ этой самой Веницѣѣ онъ и столкнулся съ сынкомъ твоимъ богоданнымъ. Да и сустрѣлись-ту они чудно таково, божіимъ изволеніемъ—и разсказать тебѣ, Аѳанасій Лаврентьичъ, дакъ не повѣришь... И «не бѣлы-то снѣжки»—и «ночку-ту не ночую»—«а хуть и ночую—всю ночь протоскую»...

Нащокину опять страшно стало: спятилъ съ ума старый дьякъ!—Какъ же такъ?—и Веницѣя, и «не бѣлы снѣжки», и сынъ его Воинъ.

— Онъ-то, Воинъ Аѳанасьичъ, и выкупилъ старца Варсунофья съ каторги,—продолжалъ дьякъ.

— Да кто этотъ Варсунофій?—допытывался Нащокинъ.

— Да полоняникъ, говорю тебѣ толкомъ: онъ и поклонъ тебѣ отъ сына принесъ.

— Гдѣ жъ онъ, полоняникъ твой?

— У меня, въ патріаршемъ приказѣ сидитъ, да теперь, поди, жретъ—я велѣлъ накормить ево съ обжорново ряду.—Велишь, милостивецъ, я самъ его къ тебѣ приволоку—семинутъ приволоку—пущай самъ тебѣ разскажетъ и про «не бѣлы снѣжки», и про сынка.

Соблазнъ былъ слишкомъ великъ: Нащокинъ начиналъ вѣрить.

— Ну, волоки ево ко мнѣ,—сказалъ онъ:—да допрежъ выпей у меня, подкрѣпись—пойдемъ въ столовую избу.

Черезъ нѣсколько минутъ дьякъ уже опять гналъ по Москвѣ.

— Соколики, грабютъ! рѣжутъ!—опять слышалось вдоль Неглинной.

Наконецъ, полоняникъ былъ привезенъ къ Нащокину и вторично разсказалъ ему свою безконечную Одиссею. Съ неизъяснимымъ волненіемъ слушалъ его Аѳанасій Лаврентьевичъ. Надо знать состояніе умовъ тогдашней Руси, смутное и ужасное представленіе москвичей о заморщинѣ, чтобы понять душевное потрясеніе отца, узнавшаго, что сынъ его, одинокій, покинувшій родину, бродитъ по этой незнаемой чуждальной сторонѣ. Если и имѣлось тогда, даже

относительно у образованныхъ москвичей, смутное представленіе о «Еѳропіи», то развѣ только по «Лусидаріусу», изъ котораго москвичи узнавали, что гдѣ-то за Аглицкой землей солнце доходитъ до «запода» и опускается въ море, что великая рѣка Гангъ течетъ изъ рая и приноситъ съ собою какія-то райскія овощи; что есть люди съ песьими головами, или одноногіе, или даже безъ головъ съ глазами на плечахъ и т. п. Конечно, Ординъ-Нащокинъ, умный дипломатъ и по тогдашнему времени западникъ, былъ выше этихъ дѣтскихъ представленій о «Еѳропіи»; онъ зналъ, чтò такое «Веницѣя»; но—знать, что тамъ гдѣ-то, за рубежомъ, въ качествѣ бѣглеца и «вора» (по тогдашнему «воръ»—государственный преступникъ), скитается его милый Воинъ,—это было выше его силъ.

— Ну и какъ же, говоришь ты, старче божій,—плакалъ мой сынъ, когда прощался съ тобой?—спрашивалъ онъ своего дорогого гостя.

— Плакалъ, боляринъ, горько плакалъ.

— И велѣлъ мнѣ кланяться?

— Земно—говоритъ—кланяюсь моему богоданному родителю и прошу—говоритъ—ево родительскаго благословенія.

— Ну, а насчетъ сердечной тоски?

— Сказывалъ и о сердечной тоскѣ,—а въ чемъ и съ чего та ево сердечная тоска—тово не сказалъ.

Нащокинъ начиналъ догадываться, чтò это была за «сердечная тоска». Въ послѣднее время онъ чтò-то замѣчалъ за сыномъ: его частая задумчивость, томный взглядъ, иногда безпричинная ласковость къ нему, а потомъ видимая тоска,—ясно, что у него было чтò-то на сердцѣ...

«Была зазноба», рѣшилъ онъ теперь въ умѣ:—«но для чево было бѣжать?»

«Блудный сынъ!» вспомнилось ему «комидійное дѣйство», которое недавно сочинилъ Симеонъ Полоцкій и приносилъ ему для прочтенія.

— Ну, а про то не говорилъ, чтобъ воротиться ему съ повинной?—который уже разъ спрашивалъ огорченный отецъ.

— Говорилъ—кàкъ не говорить!—Да только—говоритъ—мнѣ въ Москву ужъ путь-дороженька заказана:—не видать-де мнѣ родной стороны.

— Чтò такъ?

— А плаха—говоритъ—ждетъ меня на Москвѣ.

— А про то не говорилъ, кто ево провелъ за рубежъ?

Теперь Нащокину вспомнился прошлогодній разсказъ порубежнаго старика, что въ лѣсу надъ рѣчкою Городнею лыки дралъ: онъ говорилъ, чтò изъ лѣсу тогда, весной, о Николинѣ дни, трое выѣхало за рубежъ, а одинъ изъ нихъ—одвỳконь. Ясно, что ему указали дорогу за рубежъ; у него были соучастники; но кто?—

поляки? — не учителя ли изъ польскихъ полоняниковъ подвели такъ?—Ну, заплатили за хлѣбъ-соль.

— А про царскія деньги ничево не сказывалъ?—снова допытывался онъ.

— Нѣту, бояринъ,—про деньги не было рѣчи; а что мнѣ далъ малость на дорогу—это точно, да и меня съ катарги выкупилъ, пошли ему Господь здравіе.

Хотѣлъ было Нащокинъ спросить и про бумаги изъ приказа тайныхъ дѣлъ, что царь поручилъ Воину отвести къ отцу; но раздумалъ. Конечно, сынъ его не говорилъ объ этомъ съ полоняникомъ—никакого резону не было. Бумаги, конечно, онъ уничтожилъ, если не передалъ полякамъ. А если передалъ, то это усугубляетъ его страшное преступленіе. Не потому ли такъ неподатливы были польскіе коммисары, коронный канцлеръ Пражмовскій и гетманъ Потоцкій, при заключеніи мира въ Андрусовѣ? Эта мысль терзала Нащокина. Чтò можетъ подумать царь, когда узнаетъ о преступленіяхъ и предательствѣ его сына? Продать отечество! За чтò?—изъ-за чего?

«Сердечная тоска...» Тутъ чтò-то непонятное... И почему княжна Наталья Прозоровская, такая юная, такая красавица, безъ всякой видимой причины пошла въ монастырь—постриглась въ шестнадцать лѣтъ. Съ какой стати самъ Прозоровскій, князь Семенъ, такъ часто спрашивалъ его о Воинѣ—есть ли какіе слухи? живъ ли онъ?—Вотъ откуда эта «сердечная тоска» и это постриженіе княжны... Чтò между ними было? Почему такъ все склалось?—За чтò, для чего погубили себя и тотъ и эта?

Но всего больше терзала его мысль о томъ, что его Воинъ измѣнилъ Россіи, царю, который такъ былъ милостивъ къ нему?—Кàкъ теперь онъ, Аѳанасій, покажется на глаза великому государю?—Нечего сказать! воспиталъ сынка на позоръ себѣ, на позоръ всей Россіи.—Чтò теперь скажутъ его враги, этотъ «Тараруй» и вся его роденька, когда узнаютъ о преступныхъ дѣлахъ его сына?—А они скоро узнаютъ.

Ужъ лучше бы его, въ самомъ дѣлѣ, убили! Не было бы тогда безчестія на его сѣдую голову. Всѣ бы жалѣли, какъ и теперь жалѣютъ, бѣднаго отца. А то теперь вся Москва заговоритъ: «У Аѳанасья, у царскаго любимца и гордеца, сынъ—воръ!—воровствомъ ушелъ за море и за моремъ воруетъ!—Не фыркать было Аѳанасью на Москву, Москва-де старыми непорядками держится—надо все новое въ ней завести, съ иноземнаго, съ заморщины!—Вотъ тебѣ и завелъ—родного сынка воромъ сдѣлалъ! Во Псковѣ мужиковъ въ мѣсто воеводы посадилъ.—Хороши новшества, нечего сказать! Ай да Аѳанасій Ординъ-Нащокинъ!»

Казалось, онъ уже слышалъ эти укоризны, видѣлъ злорадныя лица враговъ, перешоптыванья, лукавыя улыбки...

И зачѣмъ явился этотъ полоняникъ?—зачѣмъ разсказалъ все?

— Ахъ, зачѣмъ его не убили!—невольно вырвалось у него отчаянное восклицаніе.

«Воръ, твой сынъ воръ!» шумѣло у него въ ушахъ.

Теперь онъ, казалось, возненавидѣлъ этого старца-полоняника, которому сначала такъ было обрадовался. Онъ, этотъ старикъ, принесъ ему роковую вѣсть—принесъ позоръ на его голову! Онъ, казалось, ненавидѣлъ и дьяка патріаршаго приказа, способствовавшаго перенесенію къ нему роковой тайны. Пусть бы лучше служили сорокоусты по его сынѣ, чѣмъ теперь будутъ благовѣстить вездѣ о его позорѣ.

Сказать дьяку, чтобъ все это замялъ, что никакого полоняника не допрашивали, уничтожить самыя «распросныя рѣчи», а его самого сослать въ такое мѣсто, куда воронъ костей не занашивалъ?

Да, сослать, «распросныя рѣчи» сжечь, дьяку ротъ запечатать!— Онъ, Аѳанасій Ординъ-Нащокинъ, все это можетъ сдѣлать—онъ силенъ въ московскомъ государствѣ, онъ правая рука царя...

Къ вечеру Ординъ-Нащокинъ слегъ—онъ не выдержалъ страшнаго душевнаго потрясенія.

Въ горячечномъ бреду онъ шепталъ: «какъ я покажусь на глаза великому государю!.. Онъ скажетъ мнѣ: Аѳанасій! твой сынъ — воръ!..»

XI.

„Возьми одръ свой и ходи...“

Между тѣмъ, на верху, у царя, вотъ что происходило.

Алексѣю Михайловичу въ тотъ же вечеръ успѣли доложить, что сынокъ Аѳанасія Лаврентьевича не убитъ и не пропалъ безъ вѣсти, а проявился за моремъ, во градѣ-Веницѣѣ; что тамъ онъ гуляетъ въ нѣмецкомъ платьѣ, «пьетъ богомерзкую табаку» и играетъ въ зернь; что словами своими безчеститъ московское государство и его, великаго государя; что онъ вывезъ съ собою за море столько денегъ, что швыряетъ ими направо и налѣво и выкупаетъ съ каторги полоняниковъ; что, наконецъ, собирается въ Римъ, къ папѣ, чтобъ перейти тамъ въ папину вѣру, а свою православную вѣру ногами потоптать. Говорили намеками, что Аѳанасьевы новшества къ добру не приведутъ.

Вообще все это говорилось осторожно, съ оглядкою—неровенъ-де часъ.

Алексѣй Михайловичъ слушалъ всѣ эти подходы, но своего мнѣнія не высказалъ, хотя и выразилъ сожалѣніе объ отцѣ, обманувшемся въ любимомъ сынѣ.

Его только одно удивляло—почему самъ Аѳанасій не явился къ нему, чтобъ лично доложить обо всемъ, что̀ онъ узналъ.

Потому, на другой день, рано утромъ, государь приказалъ позвать къ себѣ Ордина-Нащокина. Посланный воротился и доложилъ слѣдующее: Аѳанасій Лаврентьевичъ такъ убитъ, что опасно занемогъ и не можетъ головы поднять съ подушки; что всю ночь онъ метался и въ бреду все повторялъ: ка̀къ онъ теперь явится великому государю на очи. Боятся, какъ бы старикъ со стыда и горя, когда придетъ въ себя, рукъ на себя не наложилъ.

Это извѣстіе такъ встревожило государя, что онъ тотчасъ же пошелъ на половину царицы, чтобъ посовѣтоваться. Въ такихъ дѣлахъ женскій умъ можетъ иногда скорѣе разобраться, чѣмъ мужской: въ дѣлѣ Нащокина затрогивалась область семьи, область сердца; а тутъ женщина—дальновиднѣе мужчинъ и найдетъ разгадку тамъ, гдѣ мужчина, можетъ быть, и искать не будетъ. Онъ же такъ любилъ Аѳанасія, что ему страшно было потерять его.

У царицы онъ засталъ свою любимицу—Софьюшку. Юная царевна все носилась съ своимъ «Лусидаріусомъ». Онъ ей просто спать не давалъ—такъ эта книга волновала ея воображеніе. Теперь ей не давалъ спать вопросъ о томъ, гдѣ собственно находится рай на землѣ; а что онъ былъ на землѣ—изъ «Лусидаріуса» это ясно какъ день.

— Какъ же, мама—горячилась она—тутъ именно глаголетъ «Лусидаріусъ», что первая часть міра есть Азія, въ ней же восходитъ солнце, отъ рая же исходитъ источникъ единъ, и изъ того источника текутъ четыре рѣки: едина нарицается Виссонъ; егда же изыдетъ изъ рая, тогда именуется Гангія... Ну, видишь, мамочка,—на землѣ рай.

— Кажись бы, на землѣ,—неувѣренно отвѣчала Марья Ильишна.

— Такъ, мамочка,—продолжала Софья:—ну, слушай: вторая рѣка Гедеонъ; егда же изыдетъ изъ рая, нарицается Нилъ; третія Тигръ; четвертая Еѳратъ.

— Такъ, такъ, милая,—задумчиво соглашалась царица.

— Какъ же, мамочка, въ рай попасть?—можно?—приставала неугомонная дѣвочка.

— Нѣтъ, нельзя, милая: вить Богъ Адама и Еву изгналъ изъ раю.

— Такъ что жъ, мама!—онъ согрѣшилъ—яблочко съѣлъ, а мы не ѣли.

Царица невольно разсмѣялась.

— Дурочка еще ты—вотъ что.

— Нѣтъ, мама,—а ты слушай, настаивала Софья;—тутъ пишется, что до рая человѣку сущу во плоти доити невозможно...

— Видишь?—перебила ее Марья Ильишна.

— Нѣтъ, а ты слушай:—понеже—говоритъ—облежатъ рай ве-

ликія горы и чащи лѣсныя; подлѣ оныхъ лѣсовъ великія поля, широты и долготы презельныя, и на тѣхъ поляхъ много превеликихъ драконовъ и иныхъ лѣсныхъ звѣрей; потомъ начнется ближе всѣхъ къ тѣмъ мѣстамъ край земли—Индія земля и великая рѣка Индусъ, яже течетъ изъ горы Каукαзосы и течетъ въ Чермное море. Въ тоё землю трудно доити человѣку, понеже на единой половинѣ въ Вендейское море течетъ рѣка превеликая Индусъ, и прилежитъ ко границѣ великое море, яко невозможно по немъ прейти въ четыре лѣта... Такъ какъ же, мамочка,—волновалась Софья,—коли невозможно въ четыре лѣта перейти сіе поле, то въ пять можно? Говори же, мама,—можно?

За этимъ горячимъ разговоромъ засталъ ихъ Алексѣй Михайловичъ.

— Чево Софья-ту изъ себя выходитъ?—спросилъ царь.

— Да все вотъ рай хочетъ найти,—улыбнулась государыня.

— Рай?—обратился Алексѣй Михайловичъ къ дочери:—ужъ и ты не хочешь ли по Воиновымъ слѣдамъ идти?

— По какимъ Воиновымъ слѣдамъ, батюшка-царь?—удивилась Софья.

— А сынка Аѳанасьева Ордина-Нащокина.

— А что, батюшка?—встрепенулась царевна.

Она знала, что Воинъ пропалъ безъ вѣсти. Она знала этого Воина, красиваго молодца, часто его видѣла и во дворцѣ, и въ церкви, и была къ нему, по своему, конечно, по-дѣтски, очень неравнодушна. А потому она очень покраснѣла, когда отецъ упомянулъ его имя.

— Что жъ Воинъ?—не глядя на отца, переспросила она.—Вить его давно нѣтъ на свѣтѣ.

— Нѣтъ, дочушка, здравствуетъ, и такъ же, какъ ты вотъ, дорогу въ рай отыскиваетъ,—серьезно отвѣчалъ Алексѣй Михайловичъ.

И царица, и царевна посмотрѣли на него въ недоумѣніи.

— Ты шутишь, государь?—спросила первая.

— Не до шутокъ мнѣ, матушка-царица,—грустно отвѣчалъ царь.—Я пришелъ къ тебѣ объ этомъ именно и посовѣтовать.—Воинъ отыскался живъ и невредимъ.

— Ахъ, батюшка!—невольно воскликнула Софья.

— Подлинно говорю—живъ,—продолжалъ Алексѣй Михайловичъ,—и нонѣ во градѣ Веницѣѣ обрѣтается. Отай ушелъ онъ изъ московскаго государства, бѣженцемъ, какъ блудный сынъ, и своимъ воровствомъ отца убилъ: Аѳанасій, узнавъ про воровство сынка, зѣло занемогъ. Да и каково отцу, и то надо сказать. Всю ночь, нонѣ, говорятъ, Аѳанасій-ту огнемъ горѣлъ и метался: «какъ я, говоритъ, теперь великому государю на очи покажусь?» Смерти бѣдный старикъ проситъ.

— Ахъ, онъ, горемычный!—соболѣзновала царица.

— И мнѣ ево жаль, ахъ, какъ жаль!—повторялъ Алексѣй Михайловичъ.—А какъ поправить дѣло? Чтò дѣлать—я и ума не приложу.

Царица задумалась. Всѣ молчали. Софья тихо ласкалась къ отцу и вопросительно глядѣла въ его задумчивые глаза.

— Какъ ни какъ, а старика надоть пожалѣть,—сказала Марья Ильишна:—вѣрный старикъ, царства твоего и твоего государскаго покоя рачитель—ево поберечь надоть, утѣшить.

— И я такъ думаю, Маша,—согласился «тишайшій».

— А съ сынкомъ—расправа послѣ,—пояснила царица.

— А чтò Воину будетъ, батюшка?—тревожно спрашивала отца Софья.

Она была дѣвочка умная, всегда любила быть съ большими, и потому она многое знала, чтò говорилось и дѣлалось при дворѣ: оттого, можетъ быть, она и вышла изъ-роду вонъ—стала небывалымъ явленіемъ среди женщинъ XVII вѣка.

Алексѣй Михайловичъ не отвѣчалъ на ея вопросъ, а только погладилъ ея головку.

— Ты права, Маша, повторилъ онъ: утѣшимъ старика, и нонѣже, ни мало не помедля:—я напишу ему самъ, успокою его. А то долго ли до грѣха!—помретъ старикъ съ печали и со страху. Пойду—напишу.

И Алексѣй Михайловичъ поспѣшилъ къ себѣ.

— Вонъ оно, дочка, чтò значитъ рай-ту искать,—сказала Марья Ильишна.

— А развѣе, мама, онъ рай искалъ?—встрепенулась Софья.

— Вѣстимо.—Тѣсно, вишь, и душно ему стало въ московскомъ государствѣ: пойду-де и я поищу, гдѣ солнце встаетъ и гдѣ оно заходитъ.—Ишь новый Иванъ-царевичъ выискался—поѣхалъ жаръ-птицу искать да моложеватыя яблоки! Живой-ту воды не нашолъ, а мертвой-отъ водицы родителю прислалъ. Утѣшилъ старика!

— А чтò ему за это будетъ, мама?—робко спросила Софья.

— Ну, не похвалитъ за это государь.

— Казнить велитъ?

— Не знаю; а только не похвалитъ.

— Ево, мама, привезутъ изъ Веницѐи?

Софья чтò-то вспомнила и бросилась къ своей излюбленной книгѣ—къ «Лусидаріусу». Она торопливо перевернула нѣсколько страницъ, и остановилась.

— Такъ вонъ онъ гдѣ теперь, Воинъ,—въ Венецыи, сказала она, чтò-то соображая; потомъ прочла: «тамъ Венецыя, юже созда царь Упутусъ, оттолѣ вышла рѣка Рынъ, и течетъ по французской землѣ...» Ахъ, мама, куда онъ зашелъ!—вотъ молодецъ!

— Смотри, какъ бы этому молодцу не пришлось отвѣдать этой Венецыи въ Москвѣ,—замѣтила царица.

Но Алексѣй Михайловичъ оказался добрѣе, чѣмъ думала Марья Ильишна.

Когда Ординъ-Нащокинъ, послѣ мучительно проведенной ночи и тревожнаго утра, къ полудню забылся сномъ, ему принесли отъ царя письмо.

Сонъ нѣсколько подкрѣпилъ несчастнаго старика. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ передъ собою улыбающееся лицо Симеона Полоцкаго.

— Великій государь тебѣ милость прислалъ, Аѳанасій Лаврентіевичъ,—сказалъ онъ съ южно-русскимъ акцентомъ:—бальзамъ на раны.

— Какую милость?—испуганно спросилъ Нащокинъ.

— Говорю: бальзамъ на раны, повторилъ вкрадчиво хохолъ:—возьми одръ твой и ходи:—прочти сіе.

Онъ подалъ ему письмо Алексѣя Михайловича.

Руки Нащокина дрожали, когда онъ распечатывалъ его; но когда сталъ читать, слезы умиленія полились у него изъ глазъ: царь утѣшалъ его, просилъ не предаваться отчаянію, оправдывалъ даже его преступнаго сына.

Нащокинъ не могъ дольше сдерживать себя: онъ вслухъ, восторженно, прочелъ окончаніе царскаго письма:

«Твой сынъ—человѣкъ молодой (читалъ онъ, глотая слезы)—хощетъ созданіе Владычне и руку его видѣть на семъ свѣтѣ, якоже и птица летаетъ сѣмо и овамо, и, полетавъ довольно, паки къ гнѣзду своему прилетитъ. Такъ и сынъ твой воспомянетъ гнѣздо свое тѣлесное, наипаче же душевное привязаніе ко святой купели и къ тебѣ скоро возвратится».

Нащокинъ съ благоговѣніемъ цѣловалъ посланіе царя, цѣловалъ и плакалъ.

— Возьми одръ твой и ходи,—повторялъ Симеонъ Полоцкій.

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

ѢТО 1867 года я жилъ въ Тамбовской губерніи, въ имѣніи моей матери, и рѣшительно не зналъ, что мнѣ изъ себя дѣлать: поступать ли на казенную или частную службу, брать ли на аренду какое-нибудь имѣніе, которыхъ тогда предлагалось множество, такъ какъ большинство помѣщиковъ-сосѣдей, испробовавъ веденіе хозяйства по новому, пришли къ заключенію, что вести имъ его невозможно, искали охотниковъ-арендаторовъ и отдавали по чемъ попало, не требуя никакихъ залоговъ, гарантій, лишь бы поскорѣе развязаться и уѣхать куда-нибудь—въ Москву, Петербургъ, отдохнуть отъ тяжелыхъ, испытанныхъ въ теченіе семи лѣтъ неудачъ, разочарованій и непріятностей... А пока, отъ нечего дѣлать, я цѣлые дни проводилъ на охотѣ съ ружьемъ и собакой. Собственно говоря, это не была даже охота, а было какое-то безцѣльное, безъ начала и конца, шатанье по полямъ, по болотамъ, по окрестнымъ и дальнимъ деревнямъ, ночевки въ полѣ, на берегахъ рѣкъ, на гумнахъ, на сѣновалахъ. Мнѣ просто надо было куда-нибудь уходить отъ всѣхъ этихъ разговоровъ о «несчастіи», объ «огорченіяхъ», о «несправедливости» и проч., и проч., которые велись у насъ дома, и велись, когда пріѣзжали и сосѣди, одинаково совершенно смотрѣвшіе на посѣтившее ихъ «несчастіе»,—т. е., Положеніе 19-го февраля. Разговоры эти меня донимали пуще всего, а къ тому же, тутъ еще и неопредѣленное свое личное положеніе, неизвѣстность, и самая полная, о

своемъ будущемъ, т. е., по какой пойти дорогѣ. Уйду бывало въ поле и — легче. Даже иногда и не думаю ни о чемъ вовсе, а такъ отойду отъ дома версты на двѣ, на три, лягу гдѣ-нибудь подъ стогомъ или на берегу рѣки, руки подъ голову и смотрю, какъ тамъ, въ небѣ, высоко несутся надо мною облака. Возлѣ лежитъ ружье; гдѣ-нибудь свернулась въ комочекъ и спитъ собака. И хорошо. Иной разъ пролежишь такъ часа три, четыре, и очнешься, когда услышишь гдѣ-нибудь вдали громъ прогромыхалъ или на дорогѣ послышится чей-нибудь приближайющійся все ближе и ближе колокольчикъ, а то просто мужикъ прямикомъ въ телегѣ проѣдетъ по межѣ, совсѣмъ возлѣ, и на него подниметъ голову и зарычитъ собака.

Это была жизнь чисто созерцательная, которой можетъ жить только человѣкъ много испытавшій на своемъ вѣку и много настрадавшійся при этомъ; а я до той поры еще ничего не испыталъ, вся ломка жизненная была еще впереди у меня, я, можно сказать, тогда еще почти не начиналъ жить живой, реальной жизнью. Это убѣганіе въ поле, въ степь, было ничто иное, какъ излишняя впечатлительность и нервнораздраженность человѣка, еще не попавшаго на свою настоящую дорогу и чувствующаго одну только неудовлетворенность среди страшной пустоты и безсодержательности въ окружающей обстановкѣ. Я велъ тогда ужъ третій годъ такую жизнь и сколько бы продолжалась она еще, сколько бы еще я все соображалъ, разсуждалъ и не рѣшался начать чтò-нибудь иное, — я и самъ не знаю, если бы совершенно неожиданно не случилось со мною одно обстоятельство, которое сразу все въ моей жизни перевернуло, бросило сперва въ одну сторону, потомъ въ другую, пока наконецъ не попалъ я на ту дорогу, по которой бреду и на которой сталъ тѣмъ, чѣмъ я сталъ теперь, и которая вѣроятно и есть моя настоящая дорога: ни на какой другой я бы бòльшого не сдѣлалъ ужъ во всякомъ случаѣ...

Живя въ Петербургѣ и будучи еще въ университетѣ, я познакомился съ А. А. Краевскимъ, издававшимъ тогда казенныя «Петербургскія Вѣдомости». Чтò-то такое я тогда ему пописывалъ. Ему нравилось, онъ бралъ у меня, печаталъ, но, будучи самъ отъ природы человѣкъ серьезный и имѣя даже видъ серьезный, обстоятельный и дѣловитый, все совѣтовалъ мнѣ писать «въ серьезномъ родѣ».

— Да какъ же, Андрей Александровичъ, можно объ этомъ серьезно говорить? — спрашивалъ я его иногда.

— Все равно: относиться надо серьезно, ко всему надо относиться серьезно.

И читая въ это время въ корректурѣ какую-нибудь мою статейку, если въ ней попадались выраженія «день тому назадъ» -ли «годъ тому назадъ» вычеркивалъ слово «тому».

— Годъ назадъ, говорилъ онъ:—къ чему же тутъ еще «тому». Всѣ и такъ понимаютъ, что годъ былъ назадъ тому о чемъ вы разсказываете... И вотъ видите какъ вы не внимательны: я вамъ каждый разъ вычеркиваю, а вы все пишете.

А я писалъ нарочно: меня занимало—пропуститъ, проглядитъ онъ, или нѣтъ, и даже держалъ нѣсколько разъ съ товарищами пари и всегда, конечно, проигрывалъ, потому что такого серьезнаго корректора какъ Андрей Александровичъ не было у насъ, нѣтъ и никогда не будетъ.

Такимъ образомъ, съ А. А. Краевскимъ я былъ знакомъ. Теперь, живя въ деревнѣ, я началъ посылать ему въ «Голосъ» время отъ времени корреспонденціи и разныя замѣтки, очерки, подписывая ихъ буквами С. Т. Корреспонденціи эти нравились ему должно быть, потому что онъ нѣсколько разъ присылалъ мнѣ вмѣстѣ съ деньгами за нихъ и свои одобрительныя замѣчанія, только всегда непремѣнно напоминалъ о серьезности и рекомендовалъ ея держаться. Въ Тамбовской же губерніи и особенно въ нашемъ уѣздѣ, онѣ, эти корреспонденціи, производили внушающій фуроръ. Меня боялись, какъ положительно и завѣдомо «вреднаго», «безпокойнаго» человѣка, который живетъ здѣсь несомнѣнно для того только и потому, что ему поручено изъ Петербурга отъ газетъ слѣдить за всѣмъ и обо всемъ сейчасъ же доставлять туда извѣстія; чтò можно, газеты печатаютъ, а чего нельзя—принимаютъ къ свѣдѣнію и откладываютъ до болѣе удобнаго времени. Мои скитанья съ ружьемъ и собакой объясняли тѣмъ, что я въ это время собираю «свѣдѣнія» и обдумываю о чемъ бы мнѣ еще и какъ написать. Мнѣ это нравилось, т. е. этакое отношеніе ко мнѣ, и я не опровергалъ ходившихъ обо мнѣ слуховъ: я находилъ себѣ нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что мой смѣхъ смущалъ, тревожилъ и положительно не давалъ покою этимъ серьезнымъ глупцамъ, воображавшимъ, что они дѣлаютъ и Богъ вѣсть какое серьезное дѣло. И ни одинъ изъ тѣхъ, о комъ я говорилъ прямо, называя иногда по фамиліи—я не говорю уже о тѣхъ, о комъ я только намекалъ—не обратился, не посмѣлъ даже обратиться ко мнѣ съ выраженіемъ своего оскорбленнаго самолюбія. Такова была сила печатнаго слова въ провинціи въ то время. Можно было совершенно безопасно тогда писать чтò угодно, разумѣется, только чтобы это была правда, и риску не было въ томъ ни малѣйшаго, никакого. Но тогда и не было ни шантажныхъ, ни личныхъ, направленныхъ противъ кого-нибудь изъ личности, статей. Я говорю, конечно, объ общемъ характерѣ и при томъ сравнительно съ тѣмъ, что стало впослѣдствіи...

Пользуясь тѣмъ, что мнѣ все сходило съ рукъ безнаказанно, я все поднималъ и поднималъ тонъ въ своихъ корреспонденціяхъ, строго, конечно, продолжая провѣрять справедливость всего того,

о чемъ или о комъ я писалъ. Это мнѣ создало сторонниковъ, защитниковъ, друзей. Я радовался, что я, человѣкъ безъ всякихъ средствъ, безъ всякаго положенія, не знающій что съ собою дѣлать, убѣгающій отъ угнетавшей меня скуки и окружающей пошлости въ поле, въ деревни къ мужикамъ, куда попало, куда глаза глядятъ,—тѣмъ не менѣе своего рода сила, которая вызываетъ непримиримую ненависть ко мнѣ у однихъ, которыхъ я считалъ пошляками, и самое живое, горячее участіе и даже благодарность у другихъ, къ которымъ хоть сколько-нибудь у меня лежало сердце.

Сходило, сходило мнѣ все съ рукъ, наконецъ и я наскочилъ.

Былъ въ томъ году голодъ,—въ Самарской, въ Уфимской губерніи—не помню теперь хорошо—газеты были полны описаніемъ ужасовъ, въ которыхъ жило населеніе голодающей мѣстности; была объявлена подписка въ пользу голодающихъ, собирались пожертвованія; былъ образованъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, теперь Государя. Въ этотъ комитетъ стекались всѣ пожертвованія со всѣхъ концевъ Россіи. Жертвовала, разумѣется, и наша губернія и преимущественно хлѣбомъ, котораго у насъ тогда уродилось много и уродился онъ все хорошій, отличнаго качества. Въ Козловѣ, нашемъ уѣздномъ городѣ, лежали, пожертвованные мѣстными купцами и привезенные изъ другихъ мѣстъ, громадные запасы хлѣба въ зернѣ и въ мукѣ. Объ этихъ пожертвованіяхъ тогда много говорили. Однажды, въ это время я пріѣхалъ въ Козловъ, и мнѣ разсказываютъ, вдругъ что эти громадные запасы не могутъ быть двинуты въ голодающую мѣстность потому, что желѣзная дорога, козловско-рязанская, тогда только-что отстроенная и открытая для движенія, не беретъ ихъ къ отправкѣ.

— Это почему же?

Я сталъ разспрашивать. Мнѣ разсказалъ одинъ, разсказалъ другой, третій и всѣ разсказывали одно и то же. Это я разспрашивалъ купцовъ. Потомъ я поѣхалъ къ предводителю дворянства, моему хорошему знакомому, разспросилъ и его,—и онъ повторилъ буквально то же самое.

— Чтожъ вы молчите?

— Жаловались, всюду жаловались.

— И чтожъ?

— И — ничего.

Дѣло было вопіющее въ полномъ смыслѣ этого слова и заключалось въ томъ, что Дервизъ съ Мекомъ, хозяева дороги, выстроившіе ее за баснословно дорогую цѣну, недовольствуясь тѣми барышами, которые они получили отъ постройки дороги, задумали эксплоатировать ее еще и въ смыслѣ своей монополіи по отправкѣ грузовъ по ней. Они учредили съ этой цѣлью свое комиссіонерство для пріемки и отправки товаровъ, за что и взимали по копѣйкѣ

съ пуда, а тѣ изъ отправителей, которые не хотѣли пользоваться этими непрошенными ихъ услугами, должны были дожидаться съ своими товарами очереди послѣ отправки всѣхъ грузовъ комиссіонерства.

— Да помилуйте,—говорили отправители,—на что̀ намъ нужны ваши услуги? У насъ свои есть агенства, свои конторы въ Москвѣ и Петербургѣ,—зачѣмъ намъ ваше комиссіонерство?

Отправители, какъ сказано, жаловались, но все это оставалось безъ послѣдствій. Наконецъ, въ виду того, что Дервизъ съ Мекомъ сильны, у нихъ связи, на ихъ сторонѣ начальство, купцы-отправители убѣдились, что и здѣсь права пословица: «плетью обуха не перешибешь», и начали одинъ по одному покоряться, и сдавать свои хлѣба для отправки комиссіонерству, платившъ Богъ знаетъ за что̀ въ пользу Дервиза и Мека по копѣйкѣ съ пуда дани, лишь бы не опоздать съ доставкой, исполнить контракты и не обанкрутиться. Но пожертвованный хлѣбъ, всего около трехъ милліоновъ пудовъ, такъ и лежалъ сваленный подъ открытымъ небомъ у самаго вокзала козлово-рязанской дороги. Объ немъ заботиться было не кому, или тѣ, на обязанности кого это лежало, не имѣли разрѣшенія приплачивать къ цѣнѣ за отправку еще лишнюю копѣйку дани Дервизу съ Мекомъ, переписывались съ своимъ начальствомъ, а сложенный грудами хлѣбъ поливался, ничѣмъ не прикрытый, дождями. Когда я поѣхалъ смотрѣть это безобразіе, меня поразили просто наглость и безстыдство дервизовскихъ и трековскихъ инженеровъ, управлявшихъ порядками на дорогѣ. Представьте себѣ бугры или холмы, съ порядочные дома величиною, покрытые свѣжей яркой зеленью: это кули съ овсомъ и рожью проросли отъ бывшихъ передъ тѣмъ дождей, и это хлѣбъ собраный и назначенный къ отправкѣ голодающимъ! И кто же все это дѣлаетъ? Два какихъ-то сенатскихъ чиновника, урвавшіе желѣзнодорожную концесію, нажившіе на ней десятки милліоновъ и теперь изъ скаредности своей отнимающіе послѣдній кусокъ хлѣба у голодающихъ!..

Я написалъ тогда горячую и рѣзкую корреспонденцію обо всемъ этомъ въ «Голосъ» и, кромѣ того, письмо къ г. Краевскому, въ которомъ завѣрилъ его честнымъ словомъ, что всѣ подробности мною лично провѣрены, и что все это самая святая правда. Краевскій, осмотрительный, осторожный до щепетильности, не только напечаталъ всю корреспонденцію цѣликомъ, ничего изъ нея невыкинувъ, но еще мало того, напечаталъ, на основаніи ея, на другой день страшно рѣзкую передовую статью (ее писалъ М. П. Розенгеймъ). Эфектъ получился чрезвычайный...

Дальше таить шило въ мѣшкѣ стало уже невозможно. Сейчасъ же изъ Петербурга была прислана комиссія—какая-то смѣшанная изъ чиновниковъ всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ,—которая и принялась засѣдать гдѣ-то, въ отведенномъ для нея помѣщеніи на вокзалѣ

рязанско-козловкой дороги. Ничего не зная объ этомъ въ глуши деревенской, я совершенно случайно въ это время зачѣмъ-то пріѣхалъ въ Козловъ и мнѣ тамъ къ удивленію моему устроили цѣлую овацію. Что комиссія кончитъ дѣло ничѣмъ, виноватыхъ конечно не найдетъ,—въ этомъ никто не сомнѣвался, но не сомнѣвался никто въ то же время и въ томъ, что дни Дервизо-Мековскаго агентства отнынѣ ужъ сочтены и оно не сегодня завтра будетъ закрыто, по распоряженію правительста или еще ранѣе, спасая свое самолюбіе, Дервизъ съ Мекомъ закроютъ его сами. Комиссія впослѣдствіи такъ и кончила, какъ всѣ ожидали: виновникомъ въ убыткахъ на милліоны, которые потерпѣли отправители, оказался какой-то помощникъ бухгалтера...

Изъ Козлова я уѣхалъ на другой или на третій день совершенно съ отуманенной головой: я и теперь считаю эту свою корреспонденцію едва ли не самымъ плодотворнымъ своимъ литературнымъ трудомъ (по результатамъ), а тогда, мальчишка сравнительно, я былъ положительно, что называется, на седьмомъ небѣ. Меня радовало не то, что я дѣлался теперь въ глазахъ всѣхъ у насъ, въ нашей губерніи, силой, съ которой надо обращаться, держа ухо востро, — меня радовалъ успѣхъ другой, общей силы, которой я былъ только частичкой — успѣхъ литературы или по крайней мѣрѣ печатнаго слова вообще...

Помню, я написалъ тогда, по поводу этого, восторженное, горячее письмо къ Краевскому, котораго благодарилъ и за себя и отъ имени всѣхъ, кому мы съ нимъ помогли, и поздравлялъ съ успѣхомъ, желалъ его газетѣ, чтобы она стала еще болѣе авторитетною, сообщая смѣло достовѣрныя, строго провѣренныя свѣдѣнія.

Но каково же было мое удивленіе, когда тотъ же посланный, съ которымъ я отправилъ на почту свое письмо, привезъ мнѣ письмо отъ Краевскаго, въ которомъ тотъ писалъ, чтобы я какъ можно скорѣе выѣзжалъ въ Петербургъ—сегодня же, завтра—и везъ съ собою оправдательные докуметы, такъ какъ раздраженные на насъ Дервизъ и Мекъ подали жалобу въ диффамаціи и что у этихъ всесильныхъ милліонеровъ-желѣзнодорожниковъ и адвокатъ также всесильный, первая тогдашняя звѣзда адвокатуры, не закатившаяся и до нашихъ дней — В. Д. Спасовичъ... Спасовичъ, этотъ, если не богъ, то полубогъ нашъ въ университетѣ, котораго мы, студенты, когда-то съ благоговѣніемъ слушали, который намъ представлялся олицетвореніемъ правды и справедливости, и вдругъ этотъ самый Спасовичъ берется, даже уже взялся защищать такое разбойное дѣло! Помню, первое мое впечатлѣніе отъ этого письма: — Что̀ же это такое? разсуждалъ я. Спасовичъ — и вдругъ... Нѣтъ, это что-нибудь не такъ. Тутъ какая-нибудь ошибка. Этого не можетъ быть...

Меня наводило на эти мысли, кромѣ обоянія имени любимаго

профессора, еще и личная, какая-то желчная нотка въ письмѣ Краевскаго. Очень ужъ онъ негодовалъ на Спасовича и очень нехорошо объ немъ отзывался, а въ подтвержденіе всего приводилъ только то, что онъ полякъ... Чтожъ такое, что онъ полякъ? разсуждалъ я, мы давно всѣ знали и знаемъ, что онъ полякъ, это же нисколько не мѣшаетъ ему быть порядочнымъ человѣкомъ—какъ будто изъ поляковъ и нѣтъ порядочныхъ людей—что за вздоръ такой—и его, все равно—будь онъ хоть еврей—надо непремѣнно предупредить о томъ за что̀ онъ берется, какую черную неправду онъ собирается защищать. Я хотѣлъ сейчасъ же писать къ нему, подробно разсказать въ чемъ дѣло и т. д., но сообразилъ, что письмо ранѣе меня все-таки въ Петербургъ не придетъ, а по пріѣздѣ туда, я лично къ нему поѣду и объясню въ чемъ дѣло гораздо лучше на словахъ, чѣмъ въ письмѣ.

На другой день я собрался наскоро и уѣхалъ въ Петербургъ. Въ Козловѣ, во время остановки поѣзда, я встрѣтилъ кое-кого изъ купцовъ на вокзалѣ.

— Господа, ѣду судиться,—сказалъ я.—Краевскаго и, кажется, и меня подъ судъ тащутъ за то, что̀ мы писали противъ Дервиза съ Мекомъ.

— Это какъ же такъ? Да вѣдь комисарство закрыто ужъ.

— А вотъ такъ: какъ смѣли эдакихъ особъ тревожить. Они, вѣдь, по нынѣшнимъ временамъ, большія шишки.

— Да вѣдь вы же всю правду писали.

— Мало бы что!

— Вонъ, глядите-ка, зеленая гора-то стоитъ. Вѣдь больше половины хлѣба они погноили...

Меня провожали пожеланіями успѣха, полнаго оправданія, торжества правосудія и наперерывъ всѣ вызывались идти въ свидѣтели, хотя бы для этого и нужно было ѣхать на судъ въ Петербургъ.

II.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, прямо съ желѣзной дороги, я отправился къ Краевскому, на его квартиру, на углу Бассейной и Литейной. Я засталъ его дома, въ кабинетѣ, за газетами. Онъ былъ не одинъ. По другую сторону огромнаго его письменнаго стола сидѣлъ тоже какой-то сѣдой господинъ, тоже съ необыкновенно серьезнымъ лицомъ.

— А! Наконецъ-то. Ну, вотъ и спаситель нашъ теперь пріѣхалъ!—воскликнулъ Краевскій.

Сѣдой господинъ съ необыкновенно серьезнымъ лицомъ всталъ и, молча покручивая свою бороду и усы, поглядывалъ на меня, держа въ одной рукѣ газету.

— Вы незнакомы?—спросилъ его Краевскій.

И вслѣдъ за тѣмъ представилъ насъ. Это, оказалось, былъ В. Н. Леонтьевъ, помощникъ, соредакторъ Краевскаго, человѣкъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, совершенно тупой, бездарный и даже ужасно безграмотный, котораго Краевскій держалъ при себѣ только за его серьезный видъ и, кромѣ того, какъ говорили, и за то, что онъ былъ «Леонтьевъ»: у Каткова былъ Леонтьевъ, какъ же, чтобы не было и у него, конкурента Каткова, тоже своего Леонтьева?..

Мы усѣлись втроемъ. Краевскій обстоятельно и подробно изложилъ мнѣ въ чемъ дѣло, т. е. въ чемъ насъ обвиняютъ и добавилъ, что это обвиненіе по такой статьѣ закона, гдѣ почти не можетъ быть оправданія, такъ какъ оправдаться почти нельзя. А ужъ особенно, заключилъ онъ, когда обвиняетъ Спасовичъ, и при этомъ опять не хорошо такъ его обозвалъ.

— Но помилуйте,—воскликнулъ я,—онъ просто не знаетъ въ чемъ дѣло, онъ введенъ въ недоумѣніе. Я поѣду къ нему и все объясню. Онъ сейчасъ же откажется.

— Это Спасовичъ-то введенъ въ недоумѣніе?—возразилъ Краевскій, съ чувствомъ понюхавъ табаку и разсмѣялся.

— Я поѣду и вы вотъ увидите,—настаивалъ я.

Краевскій не сталъ больше мнѣ возражать, сказалъ что пожалуй, пускай я ѣду, но что изъ этого ничего не выйдетъ: тутъ-съ есть другія, кромѣ того, причины...

Тогда заговорилъ Леонтьевъ:

— Это дѣло вѣдь серьезное,—сказалъ онъ:—Андрею Александровичу грозитъ...

— Да-съ, могутъ засадить, сказалъ Краевскій, а Спасовичъ навѣрно будетъ этого добиваться.

— Но вѣдь это же все правда, что мы писали!—воскликнулъ я.

Краевскій махнулъ на это рукой, а Леонтьевъ взялъ со стола какую-то толстую книгу, порылся въ ней, что̀-то отыскивая, и показалъ мнѣ знаменитую и прискорбную для насъ 1,119 статью о диффамаціи.

— Да вѣдь это, если клевета, неправда... а тутъ какая же клевета?

— Это все равно,—сказалъ Леонтьевъ,—правда, клевета, это все равно.

Я ничего не понималъ и думалъ что̀ же это за мистификація?

— Ну-съ, а какіе же документики вы намъ привезли?—спросилъ Краевскій:—покажите. Надо, Владиміръ Николаевичъ, обратился онъ къ Леонтьеву, за Ф. Ф. Ординымъ послать сейчасъ.

— Кто это Ординъ?—спросилъ я.

— Это нашъ адвокатъ. Онъ помощникъ Я. М. Серебрянаго, а этотъ!—воскликнулъ Краевскій—а этотъ двухъ Спасовичей по уму стоитъ!..

У меня отлегло отъ сердца при этомъ, но въ то же время стало и обидно за Спасовича, какъ стало обидно тому арабу, который на какой-то клячѣ догналъ своего знаменитаго скакуна, котораго у него украли, и воръ, не зная какъ его погонять, далъ такъ опозорить его. Въ анекдотѣ объ арабѣ разсказывается, что хозяинъ скакуна, видя, что ужъ онъ достигаетъ вора и тотъ что ни дѣлаетъ съ лошадью, какъ ни погоняетъ ее, она все не идетъ у него полнымъ ходомъ, крикнулъ ему: «да ущипни его за ухо, за лѣвое ухо!» и тогда только его любимый скакунъ понесся съ воромъ какъ вѣтеръ... Но я, однако, какъ ни любилъ, или правильнѣе, какъ ни обожалъ Спасовича, все равно не былъ бы въ претензіи, еслибъ на предстоящемъ состязаніи обогналъ его г. Ординъ, помощникъ Серебрянаго, или самъ Серебряный—кто тамъ насъ съ Краевскимъ будетъ изъ нихъ защищать...

— Какія же бумаги?—удивился я.—Оправданія наши всѣ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, а такъ, какія же еще могутъ быть документы у меня? Въ свидѣтели всѣ пойдутъ...

Въ это время пришелъ Ф. Ф. Ординъ, адвокатъ Краевскаго, за которымъ посылали, красивый брюнетъ съ окладистой черной бородой, съ добрыми глазами, человѣкъ вообщее добродушнѣйшаго склада и вида. Я смотрѣлъ на него, слушалъ его и съ грустью думалъ: «и это противникъ Спасовича на судѣ? Это нашъ защитникъ, который долженъ вырвать наше оправданіе у Спасовича съ этой страшной статьей о диффамаціи въ рукахъ!..»

Краевскій представилъ насъ одного другому и Ординъ началъ разспрашивать меня о дѣлѣ и о томъ, какія письменныя доказательства нашей правоты я могу достать.

— Свидѣтельскія показанія въ дѣлахъ этого рода не допускаются,—мягко увѣрялъ меня Ординъ.

— Я право не знаю какія же другія доказательства я могу представить,—отвѣчалъ я и ему.

— Напримѣръ, квитанціи желѣзной дороги на принятый и не отправленный во время товаръ. Какія-нибудь завѣдомо злостныя распоряженія гг. фонъ-Дервиза и фонъ-Мека. (Къ этому времени они ужъ величались «фонами»).

— Не знаю.

— Наконецъ свидѣтельскія показанія, но письменныя и собственно не свидѣтельскія показанія, а письма къ вамъ или въ редакцію въ большомъ количествѣ отъ товароотправителей, гдѣ они разсказываютъ то же самое, что разсказывали и вы въ корреспонденціяхъ вашихъ и потомъ говорилось въ передовыхъ статьяхъ газеты.

— Это—сколько угодно!—воскликнулъ я.

Совѣщаніе наше кончилось тѣмъ, что завтра же я ѣду обратно въ Козловъ и запасаюсь письмами отъ товароотправителей, кви-

танціями на неотправленный товаръ и проч. и проч. Но вечеромъ, все-таки не покидая своей мысли лично повидаться съ Спасовичемъ и объяснить ему настоящую суть дѣла, я поѣхалъ къ нему на квартиру, помнится, гдѣ-то на Ивановской или Кабинетской.

— Ихъ нѣтъ-съ дома,—сказали мнѣ на квартирѣ.

— Когда же они будутъ?

— Ихъ въ Петербургѣ совсѣмъ нѣтъ. Они уѣхали...

— Когда же онъ будетъ?

— Черезъ недѣлю, или дней черезъ восемь.

Дожидаться его возвращенія—нечего было и думать, потому что до суда оставалось всего на всего двѣ недѣли и я въ это время долженъ былъ успѣть собрать всѣ нужные документы и все приготовить.

Я съ грустью пошелъ отъ Спасовича домой и по дорогѣ завернулъ пообѣдать къ Палкину. Вдругъ, я вижу, черезъ столикъ отъ меня сидитъ и тоже одинъ обѣдаетъ мой товарищъ П—скій. Онъ увидалъ меня, узналъ и мы усѣлись вмѣстѣ.

— Скажи пожалуйста, что это такое? Спасовичъ взялся за такое вдругъ дѣло?—сказалъ я, и сталъ подробно излагать ему въ чемъ оно заключается.

Онъ долго, внимательно слушалъ меня, прося продолжать, когда я останавливался, то и дѣло повторялъ: это очень интересный юридическій случай, очень интересный.

— Но это вопіющее дѣло! Ты видишь самъ,—воскликнулъ я.

— А это какъ судъ посмотритъ,—возразилъ мнѣ П—скій.

— То-есть какъ: какъ судъ посмотритъ? Ты самъ-то развѣ не понимаешь, не можешь своего мнѣнія имѣть? какъ же браться за такое дѣло? защищать его.

П—скій хитро улыбнулся при этомъ, слушая меня, и сказалъ:

— Вотъ видишь сколько ты упустилъ, не окончивъ юридическій факультетъ. Ты бы тогда эдакъ не говорилъ. Судъ, въ интересахъ истины, функціонируетъ всѣми своими членами: и обвиненіемъ, и защитой, и безпристрастной совѣстью присяжныхъ. Только такимъ образомъ онъ добивается истины и можетъ получить ее... И потому равно почтенно быть по каждому дѣлу, какое бы оно ни было, и прокуроромъ обвинителемъ и защитникомъ...

Я помню, я смотрѣлъ на него, слушалъ, и этотъ его судъ мнѣ представлялся со всѣми своими членами, которыми онъ функціонируетъ въ интересахъ истины, какимъ-то мягкотѣлымъ молюскомъ, который шевелитъ, изловляя свою добычу, всѣми своими щупальцами, усиками и лапками.

А П—скій продолжалъ:

— Это все равно, какъ если бы кто на любительскомъ спектаклѣ отказывался взять на себя роль лакея или горничной подъ тѣмъ предлогомъ, что это унизительная роль въ жизни. Жизнь сама со-

бою, а это само собою... И подобно тому, продолжалъ онъ, какъ всѣ актеры, какую бы роль не играли, дружнымъ исполненіемъ пьесы достигаютъ ансамбля и производятъ сильное впечатлѣніе, такъ и тутъ...

— Ты кто?—спросилъ я его:—Ты служишь?

— А что? — съ удивленіемъ, въ свою очередь, спросилъ меня П—скій.

— Такъ, ничего.

— Служу: я помощникъ прокурора окружнаго суда.

Онъ назвалъ мнѣ гдѣ—въ Саратовѣ, въ Симбирскѣ, въ Пензѣ—гдѣ-то въ этой сторонѣ.

— Да, повторилъ онъ мнѣ, въ видѣ добраго совѣта: понять судъ безъ юридической подготовки къ тому — это чрезвычайно трудно, потому, что это чрезвычайно сложная... сложная... Какъ бы это тебѣ сказать?..

Дальше, конечно, я не разспрашивалъ моего пріятеля на эту тему, предоставивъ себѣ думать объ этой «сложной функціи», какъ я нахожу нужнымъ; но спросилъ: не извѣстно ли ему чего объ отношеніяхъ Краевскаго съ Спасовичемъ, объ ихъ личныхъ отношеніяхъ, можетъ у нихъ была какая-нибудь ссора еще къ тому же?

— Я не могу тебѣ ничего по поводу этого сказать достовѣрнаго и опредѣленнаго, но все-таки думаю, едва ли они могутъ быть и въ хорошихъ отношеніяхъ.

— Это почему?

— Потому, что, ты вѣдь знаешь, Краевскій направленія консервативнаго...

— Ну, такъ не все ли равно какого онъ направленія?.. Если онъ защищаетъ правое дѣло...

— Ну, это, я тебѣ скажу, страшно сложный вопросъ. Какъ на это смотрѣть?..

Я тоже не зналъ какъ и мнѣ послѣ этого смотрѣть на него...

— Однако мнѣ пора, — сказалъ я, простился съ нимъ и вышелъ на улицу.

Было ужъ почти темно. На Невскомъ зажигали фонари. Я давно не былъ въ Петербургѣ и теперь онъ мнѣ показался такимъ шумнымъ, полнымъ жизни, движенія.

Я побродилъ по городу, зашелъ вечеромъ опять къ Краевскому, переговорилъ съ нимъ еще относительно нашего дѣла и усталый съ дороги, вернулся домой въ номеръ гостинницы. На другой день съ пассажирскимъ поѣздомъ я уѣхалъ изъ Петербурга обратно въ Козловъ добывать необходимые намъ документы.

III.

Въ Козловъ я пріѣхалъ, помню, на какой-то праздникъ, и знаменитый тамъ залъ Роговской гостинницы былъ биткомъ набитъ купцами, которые сидѣли по двое по трое за отдѣльными столиками и пили изъ крошечныхъ чашечекъ чай въ прикуску. Мое появленіе въ залѣ, гдѣ тогда кто же меня не зналъ—произвело цѣлую сенсацію.

— А! возвратились? Ну, съ чѣмъ? Поздравить? Оправдали, Богъ далъ?—послышалось со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ столиковъ, и меня окружили съ разспросами.

Когда, наконецъ, и я усѣлся—долженъ былъ усѣсться за одинъ изъ столиковъ, къ которому всѣ подошли—и началъ имъ подробно и обстоятельно разсказывать въ чемъ дѣло и что̀ мнѣ отъ нихъ нужно теперь,—всѣ горячо и искренно заговорили:

— Всѣ пойдемъ свидѣтельствовать, что эта правда.—А то такъ сдѣлаемъ: напишемъ здѣсь наши показанія и отправимъ въ Петербургъ депутацію. Она въ судъ и представитъ эти показанія наши.

— Это негодится,—сказалъ я.

— Почему?

— Не то совсѣмъ надо.

— Какъ не то?

— Такъ—не то: надо документы.

— А это развѣ не документъ будетъ?

— Нѣтъ. Это свидѣтельскія показанія, а въ этихъ дѣлахъ свидѣтельскія показанія не принимаются.

Я помню, долго я имъ объяснялъ, что насъ судятъ не за то, что мы воровскихъ людей переловили, а за диффамацію, и меня мои слушатели такъ-таки дѣйствительно и не поняли...

Надо было что̀-нибудь предпринимать. Времени не много было у меня въ распоряженіи. На другой день я поѣхалъ къ городскому головѣ и къ другимъ авторитетнымъ купцамъ, все моимъ хорошимъ, старымъ знакомымъ, знавшимъ меня еще мальчикомъ. Просилъ ихъ дать мнѣ старыхъ квитанцій, писемъ, въ которыхъ они сообщаютъ о безобразіяхъ въ дервизовско-мековскомъ агентствѣ, а также и доказательства, что это такое вообще было за агентство. Всѣ, конечно, соглашались, однако, съ нѣкоторой опаской, какъ бы ихъ самихъ не притянули къ суду; очень ужъ хитрой казалась имъ отвѣтственность по преступленію въ диффамаціи; но все-таки я набралъ сколько-то квитанцій на принятый и неотправленный дорогою во время товаръ, сколько-то писемъ, гдѣ разсказывалось о безобразіяхъ на дорогѣ.

Вдругъ вечеромъ на другой день, когда я сидѣлъ въ раздумьи у себя въ номерѣ, все-таки недовольный тѣмъ, что у меня собрано и на-

ходится теперь въ рукахъ, ко мнѣ вошелъ одинъ изъ крупныхъ хлѣбниковъ, купецъ Д. К. Мартыновъ—замѣчательная личность, какъ самородокъ и самоучка — нѣчто въ родѣ козловскаго Кокорева — мельникъ, уже сѣдымъ почти выучившійся читать и бросавшій иногда все, всѣ дѣла на недѣлю и на мѣсяцъ, и зачитывавшійся въ это время Гоголемъ, Пушкинымъ, Тургеневымъ и Толстымъ. Онъ меня очень любилъ и любитъ, такъ какъ живъ еще и до сихъ поръ, и зоветъ «мой унучекъ», т. е. внучекъ, а я его дѣдушкой.

— Вотъ что унучекъ, — сказалъ онъ. — Мы надумали такое дѣло: послѣ завтра соберемъ экстренное собраніе думы и напишемъ за общей всѣхъ насъ подписью благодарственный адресъ Краевскому за то, что онъ печаталъ правду объ этомъ разбойномъ коммиссіонерствѣ, никого не боясь... Всѣ идемъ за круговой порукой къ отвѣту... Ничего, не боимся мы этой диффамаціи!..

Старикъ былъ страшно взволнованъ, обнялъ меня и расцѣловалъ: — Ничего, будь покоенъ, ничего. Богъ не выдастъ — свинья не съѣстъ,—говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Двадцать три года прошло съ тѣхъ поръ. Я много испыталъ съ тѣхъ поръ на своемъ вѣку, видѣлъ и получалъ и шумныя оваціи, аплодисменты, читалъ и горячіе восторженные отзывы о своихъ трудахъ—видѣлъ, словомъ, и испыталъ много удачи, успѣха, но чтобы это могло сравниться съ тѣмъ, что цѣлый городъ и притомъ сильный торговый городъ, поголовно въ лицѣ всѣхъ своихъ представителей выражаетъ публично мнѣ свою благодарность и идетъ въ судъ свидѣтельствовать за меня (они, я увѣренъ, были убѣждены, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, въ томъ, что и имъ придется дойти до суда)—никогда!—выше этого нравственнаго радостнаго потрясенія не испытывалъ я никогда ничего...

Когда было въ думѣ это засѣданіе, я не поѣхалъ туда, не разсчитывая на свои нервы: до того они были у меня тогда всѣмъ этимъ разстроены и я былъ взволнованъ. Адресъ или постановленіе думы по этому засѣданію, за поголовной всѣхъ до одного подписью, привезъ ко мнѣ на квартиру городской голова. Я сейчасъ же телеграфировалъ обо всемъ Краевскому. Онъ отвѣчалъ, что больше ничего и не нужно, что онъ ничего подобнаго не ожидалъ. Копію съ постановленія думы я просилъ городского голову отправить къ Краевскому по почтѣ, засвидѣтельствовавъ подписью и приложивъ печать. Такъ онъ и сдѣлалъ.

До суда у меня еще оставалось нѣсколько времени и я рѣшилъ имъ воспользоваться, чтобы съѣздить на день или на два домой, въ деревню.

Теперь, явившись туда побѣдителемъ (нравственно—до суда мнѣ ужъ не было дѣла и я бы даже съ удовольствіемъ отсидѣлъ сколько нужно, если бы это потребовалось), я не узналъ и эти стѣны, которыя мнѣ казались чуть не тюрьмой столько лѣтъ во

время моего въ нихъ сидѣнья, эти поля, степь, берега узкихъ и заросшихъ рѣчекъ... Я пошелъ по знакомымъ мѣстамъ, опять, какъ и тогда, отойдя отъ дому, съ версту или болѣе, легъ на траву, но ужъ мнѣ не лежалось покойно, я ужъ не могъ, какъ тогда по цѣлымъ часамъ, ни объ чемъ не думать, смотрѣть на облака, бѣгущія надъ моей головой. Меня манило къ дѣятельной жизни, туда гдѣ столько движенія и этой жизни — въ Петербургъ.

И я помню, у меня было какое-то предчувствіе, что я ужъ больше не вернусь сюда, т. е., не вернусь ужъ осѣдлымъ здѣшнимъ жителемъ, что я теперь застряну навсегда въ Петербургѣ и я прощался глазами со всѣмъ, какъ дѣлаютъ это отъѣзжающіе надолго, а можетъ быть и навсегда... Мое предчувствіе это оправдалось: я сталъ здѣсь съ той поры если не чужимъ, то ужъ во всякомъ случаѣ рѣдкимъ-рѣдкимъ гостемъ...

Въ деревнѣ я переночевалъ и на другой день уѣхалъ въ Петербургъ.

IV.

Краевскаго, получившаго уже адресъ, я засталъ теперь гоголемъ. Онъ былъ даже, мнѣ показалось, заносчивъ и высокомѣренъ въ отношеніи своего врага, когда въ разговорѣ заходила объ немъ рѣчь.

— Вы понимаете, — нравственно мы теперь чисты. Мы, если напечатаемъ этотъ адресъ — за насъ будетъ вся Россія — мы страшно выиграемъ въ общественномъ мнѣніи... Вы не понимаете того, что вы сдѣлали.

— Да я ничего не сдѣлалъ, смѣясь, говорилъ я.—Это они сами придумали. Мнѣ и въ голову этого не приходило.

— Это большое дѣло. Это очень большое дѣло, — повторялъ онъ все.

Леонтьевъ, все съ тѣмъ же серьезнымъ видомъ, но уже дружески, какъ должно быть два генерала послѣ побѣды, встрѣтившись на полѣ сраженія, пожимаютъ другъ другу руки въ виду бѣжавшаго ихъ общаго врага, — пожалъ и онъ мнѣ руку.

— Ловко, хорошо сдѣлано, — проговорилъ онъ.

Я и ему тоже объяснилъ, что я тутъ не причемъ, что это не я до этого додумался.

— Это все равно — главное: хорошо, — отвѣтилъ онъ.

Ф. Ф. Ординъ, тоже ужъ прочиталъ адресъ, говорилъ, что объ обвиненіи насъ теперь не можетъ быть и рѣчи. Что ужъ если статья о диффамаціи и потребуетъ какихъ жертвъ, то онѣ во всякомъ случаѣ не будутъ превышать двадцати пяти рублевки.

— Но это небывалый фактъ въ Россіи,—говорилъ Краевскій: — журналистъ получилъ за свою дѣятельность и оказанную имъ услугу обществу благодарственный адресъ отъ цѣлаго города...

— Но вѣдь что же мы для нихъ и сдѣлали,— говорилъ Леонтьевъ.

— Конечо я рисковалъ, но... безъ риску что же можно у насъ сдѣлать?—соглашался Краевскій.

Я опять было началъ о томъ, что съѣзжу къ Спасовичу и объясню ему, уговорю его отказаться отъ этого дѣла; но Краевскій не хотѣлъ уже и слышать:

— Нѣтъ, нѣтъ, пускай въ этой грязи выкупается..

Я замѣтилъ, что ему видимо хотѣлось хвастнуть на судѣ адресомъ и даже потомъ быть можетъ и напечатать его у себя въ газетѣ, а поѣзжай я къ Спасовичу и удайся мнѣ его уговорить — это все пропало бы. Я понялъ это и оставилъ его наслаждаться. Съ Спасовичемъ я увидался ужъ на судѣ.

Я не знаю какъ теперь судятъ сочинителей и издателей, но тогда это было торжественно и къ тому же какъ бы съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ подсудимому. Видно по всему было, что это судъ собрался судить не татя какого-нибудь, а человѣка можетъ быть и виноватаго, но винить его суду какъ-то будто даже и неловко: все-таки онъ представитель слова, а какъ судить слово... Повторяю, это чувствовалось въ воздухѣ. Краевскому поставили даже кресло не далеко отъ стола, за которымъ сидѣли судьи, и онъ всѣ показанія и отвѣты давалъ сидя. Я, какъ неподсудимый, и не свидѣтель даже, помѣстился на первой скамейкѣ въ публикѣ, гдѣ сидѣли и всѣ почти тогдашніе сотрудники «Голоса», съ которыми я тогда не успѣлъ еще познакомиться.

Началось судебное дѣйство... Я вообще очень плохой юристъ, да къ тому же еще никогда не судился, такъ что не могу хорошо сказать, не путаю ли я тутъ чего-нибудь, если скажу, что первымъ говорилъ Спасовичъ. Но это не была рѣчь его, — рѣчь была послѣ, а это было нѣчто прелиминарное, нѣчто похожее на то, какъ виртуозы, когда ихъ упрашиваютъ что-нибудь съиграть, сперва берутъ отдѣльные аккорды... Такъ и Спасовичъ взялъ тутъ нѣсколько такихъ акордовъ, ему что-то отвѣтилъ Ординъ и затѣмъ судъ удалился, объявивъ, что дѣлаетъ на сколько-то времени перерывъ. Вся публика изъ зала повалила — кто въ корридоръ, кто въ курильную комнату. Я пошелъ въ курилку, и вдругъ передо мною точно изъ земли выросъ Спасовичъ, по обыкновенію, живой, веселый, съ вѣчнымъ своимъ нервнымъ смѣхомъ, отзывающимся какимъ-то душевнымъ подергиваніемъ. Я поздоровался съ нимъ.

— А, здравствуйте, вы что тутъ дѣлаете?—спросилъ онъ.

— Какъ что? Да вѣдь это я писалъ корреспонденціи, за которыя вы вотъ тянете Краевскаго.

— Да-а-а?— воскликнулъ онъ.

— Владиміръ Даниловичъ, вы знаете, это разбойное дѣло.

— А вотъ мы это увидимъ... Такъ это вы писали? Вы? Вотъ

я вамъ покажу сегодня. Я васъ отучу писать въ «Голосѣ»,—шутя и смѣясь, такъ и повертываясь изъ стороны въ сторону, говорилъ Спасовичъ: — я васъ отучу...

Подошедшій къ намъ Ординъ многозначительно улыбался, слушая Спасовича. Онъ былъ носителемъ большой тайны: Спасовичъ еще не зналъ ничего объ адресѣ.

Опять насъ позвали въ залу. Заняли всѣ мѣста. Опять на каѳедру вошелъ Спасовичъ и началъ говорить. Онъ говорилъ, какая огромная и страшная сила печатное слово, какъ имъ можно много принести пользы, но и какъ страшно имъ можно злоупотреблять, какъ смертельно можно имъ ранить невиннаго совершенно человѣка. И вотъ тому доказательство—«Голосъ», въ лицѣ статскаго совѣтника Краевскаго ранившій его довѣрителя фонъ-Дервиза, который собственно благодѣтель города Козлова: онъ выстроилъ жителямъ этого города желѣзную дорогу, связавъ ихъ, такимъ образомъ, со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, хотѣлъ основать и основалъ даже коммиссіонерство при этой дорогѣ, которое должно бы было собственно выучить жителей правильной торговлѣ, а они взамѣнъ всего этого вотъ чѣмъ ему платятъ!.. Тутъ Спасовичъ вдругъ и совершенно неожиданно сказалъ: — «Впрочемъ я, лично, ничего не имѣю противъ издателя «Голоса», статскаго совѣтника Краевскаго и обращу всѣ мои требованія къ автору корреспонденціи, подписавшемуся буквами С. Т., если только г. Краевскій назоветъ его здѣсь». Сказалъ— и остановился. Въ залѣ воцарилось молчаніе. Мнѣ оно показалось достаточно-таки продолжительнымъ... Краевскій взглянулъ на меня, потомъ медленно вынулъ носовой фуляровый платокъ, высморкался, съ толкомъ, съ чувствомъ и съ разстановкой понюхалъ табаку, и перекинулъ одну ногу на другую ..... «Я вижу, статскій совѣтникъ Краевскій не хочетъ назвать этого имени и потому, господа судьи, я продолжаю» заговорилъ вновь Спасовичъ.

Онъ говорилъ что-то много и долго. Разумѣется, онъ не могъ ничего другого говорить, кромѣ какъ увѣрить судъ въ невинности своего кліента Дервиза или кліентовъ—Дервиза и Мека — не помню,—но во всякомъ случаѣ обвиненіе его, эта его рѣчь, были слабы.

Затѣмъ настала очередь Ордина. Этотъ ограничился двумя тремя фразами и затѣмъ вынулъ и показалъ адресъ. «Это постановленіе единогласное всего города и я полагаю, что если могъ ошибаться г. Краевскій, то съ цѣлымъ городомъ относительно характера дѣятельности этихъ господъ — случиться ничего подобнаго уже ни въ какомъ случаѣ не могло. Къ свидѣтельству цѣлаго города, подтверждающаго офиціально все то, что писалъ или печаталъ у себя въ газетѣ г. Краевскій,—я не считаю нужнымъ прибавлять со своей стороны ничего». Сказалъ и сѣлъ.

Адресъ этотъ и еще какія-то бумаги разсматривали и судъ, и

г. Спасовичъ, и, наконецъ, судъ удалился. Мы остались дожидаться, когда онъ вынесетъ свое рѣшеніе. Онъ вынесъ рѣшеніе, что приговариваетъ Краевскаго къ 25 руб. штрафа за какую-то рѣзкую фразу въ статьѣ.

Приговоръ этотъ произвелъ эфектъ; собравшаяся въ большомъ числѣ на разбирательство этого дѣла публика встрѣтила его довольно шумными одобреніями. Краевскій вышелъ изъ залы суда веселый, иронически поглядывая на Спасовича, который съ огромнымъ толстымъ портфелемъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ и тоже смѣялся своимъ нервнымъ смѣхомъ.

— Н-да, сегодня спасовалъ Спасовичъ!—воскликнулъ кто-то въ публикѣ.

Краевскій обернулся и проговорилъ.

— Славная чья-то острота...

Когда мы ужъ одѣвались внизу, чтобъ разъѣзжаться по домамъ, Краевскій неожиданно вдругъ пригласилъ всѣхъ насъ, т. е. Ордина, Леонтьева, меня и нѣкоторыхъ сотрудниковъ ужинать—было ужъ довольно поздно, должно быть такъ около часа ночи.

— Женя, куда же? Ты это хорошо знаешь,—сказалъ онъ бывшему тутъ же съ нами сыну своему Евгенію.

— Въ Малый-Ярославецъ—самое лучшее,—отвѣчалъ сынъ.

И мы поѣхали туда. Я никогда не видалъ потомъ ужъ Краевскаго такимъ веселымъ и интереснымъ разсказчикомъ. Онъ, никогда не ужинавшій, ложившійся спать правильно въ 12 или $12^1/_2$ часовъ, кромѣ того что поѣхалъ ужинать съ нами, вызвался самъ, но еще выпилъ стаканъ или два краснаго вина за ужиномъ, что было уже большая рѣдкость, вызвавшая общее оживленіе и шутки.

Такъ кончилась эта эпопея. Адресъ конечно сохранился у Краевскаго въ бумагахъ и вѣрно когда-нибудь появится въ «Рус. Старинѣ», «Архивѣ», «Истор. Вѣстникѣ», гдѣ будетъ напечатана и подробная біографія Краевскаго,—этого замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ человѣка и очень мало еще кѣмъ вѣрно понятаго и оцѣненнаго.

V.

Еще до суда, какъ только я пріѣхалъ, Краевскій сдѣлалъ мнѣ предложеніе остаться въ Петербургѣ и сотрудничать у него въ «Голосѣ».

— Но чтòже такое я буду писать у васъ здѣсь?—спросилъ я...

— О! «Голосъ»—море великое: для плаванія въ немъ всѣмъ мѣсто будетъ—отвѣчалъ Краевскій.

Я согласился, сказалъ, что попробую.

Въ этотъ пріѣздъ мой я остановился было въ гостинницѣ, но Краевскій, узнавъ объ этомъ, посовѣтовалъ мнѣ лучше нанять гдѣнибудь поближ меблированную комнату.

— Да вотъ, позвольте, кажется у меня въ домѣ есть меблированныя комнаты, я сейчасъ пошлю узнать нѣтъ ли свободной—это было бы самое лучшее для васъ.

Комната оказалась, и я на другой же день переѣхалъ туда. Прошло дня два или три—порядки тогда были проще, строгости меньше—является ко мнѣ дворникъ за паспортомъ. Я началъ рыться въ бумагахъ, которыя захватилъ съ собою изъ деревни и сейчасъ же увидалъ, что взялъ вовсе не тѣ, которыя нужно—нужныя оставилъ на столѣ, а ненужныя взялъ. Въ числѣ этихъ ненужныхъ былъ только одинъ документъ, говорившій о моей личности—это свидѣтельство объ оспопрививаніи...

— Вотъ,—сказалъ я дворнику,—больше у меня ничего нѣтъ.

Должно быть, не разобравъ въ чѣмъ дѣло, онъ удалился, но въ тотъ же день вечеромъ пришелъ ко мнѣ:

— Это не тотъ документъ вы дали, по этому документу нельзя прописать.

— Нѣтъ у меня, братецъ, другого, я говорю тебѣ. Погоди вотъ сегодня напишу въ деревню, пришлютъ.

Но оказалось что столько времени—недѣли полторы во всякомъ случаѣ—и тогда нельзя было жить не прописаннымъ и я рѣшительно не зналъ, что мнѣ дѣлать. Изъ бѣды этой меня выручилъ Краевскій.

— Это вздоръ,—разсмѣялся онъ, когда я ему разсказалъ въ чемъ дѣло.

— Какой вздоръ—жить, говорятъ, такъ нельзя.

— Вотъ что вы сдѣлайте: я вамъ дамъ записку и вы съ ней поѣзжайте завтра утромъ—только пораньше, смотрите, встаньте пораньше—къ Трепову. Онъ принимаетъ очень рано. Онъ вамъ все устроитъ. Это очень любезный человѣкъ,—добавилъ Краевскій.

Треповъ принималъ дѣйствительно очень рано, часовъ въ семь. Когда я пріѣхалъ, народа, дожидавшаго его выхода, была масса. Пріемная, довольно просторная комната, выходящая окнами на Мойку, но народу набралось столько, что какой-то чиновникъ все усовѣщивалъ насъ не лѣзть впередъ, но мы, подталкиваемые задними и вновь приходящими, лѣзли, не смотря на его усовѣщиванія, и стояли передъ самыми дверьми, которыя должны были вдругъ распахнуться и черезъ нихъ выйти Треповъ.

Покойный генералъ былъ, какъ извѣстно, стремителенъ въ своихъ движеніяхъ и теперь, когда наконецъ двери распахнулись передъ нами, одной половинкой ихъ задѣло и должно быть больно какую-то вдову д. с. совѣтника, такъ что та вскрикнула и схватилась за щеку. Къ ней къ первой и обратился Треповъ, очень вѣжливо извинившись въ тѣснотѣ своей пріемной и въ томъ, что онъ такъ неожиданно распахнулъ дверь. За тѣмъ—ко мнѣ.

— Въ чемъ дѣло?

Я подалъ ему письмо Краевскаго.

— Отъ кого это? Отъ Краевскаго?

Онъ началъ читать его и вдругъ такъ и прыснулъ со смѣху. Стоявшій возлѣ него чиновникъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на меня, потомъ на него, не понимая, что это такое за письмо я принесъ.

— Покажите-ка это ваше свидѣтельство.

Я подалъ. Треповъ, читая его, опять засмѣялся. Потомъ взялъ у стоявшаго возлѣ насъ чиновника карандашъ и написалъ съ боку свидѣтельства: «Прописать. Треповъ».

— Мое почтенье. Кланяйтесь Андрею Александровичу. Вамъ все сдѣлаютъ.

По этому свидѣтельству я жилъ въ Петербургѣ года три и оно у меня до сихъ поръ цѣло, какъ воспоминаніе о томъ времени.

Но вотъ что при этомъ удивительно, для меня по крайней мѣрѣ:—память у этихъ людей!.. Я былъ въ то время человѣкъ ничѣмъ не отмѣченный, никому неизвѣстный, не представлялъ изъ себя, словомъ, ровно ничего, почему бы онъ могъ меня запомнить; скандальчикъ съ моимъ свидѣтельствомъ объ оспоприививаніи тоже не Богъ вѣсть что такое—у Трепова такихъ «приключеній», вѣроятно, бывало каждую недѣлю десятки, если не сотни, и тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ все-таки меня запомнилъ и узнавалъ еще и долгое время потомъ. Такая удивительная память у людей на лица объясняется, говорятъ, тѣмъ, что въ молодости мозги ихъ не особенно были обременяемы наукой, и вообще изученіемъ чего бы нибудь.

Послѣ этого, я не встрѣчался съ нимъ, т. е. не имѣлъ случая говорить и даже просто раскланиваться года три или четыре, и при встрѣчѣ онъ опять меня узналъ и напомнилъ мнѣ о визитѣ моемъ къ нему въ пріемную. Это было въ семидесятомъ году. Время это было, какъ извѣстно, самымъ полнымъ расцвѣтомъ у насъ «оживленія производительныхъ силъ страны», когда, торопясь и вперегонку одни передъ другими, вырывали другъ у друга изо-рта куски, всѣ спѣшили «удовлетворять справедливыя нужды стѣсненнаго землевладѣнія и земледѣлія, а также торговли и промышленности». Концессіи сыпались на «соискателей» какъ изъ рога изобилія и нахватали тогда ихъ больше всего мои земляки, оскудѣлые или почти ужъ оскудѣлые помѣщики губерній Тамбовской, Саратовской и Пензенской. Это были все по большей части добрые ребята, не отдававшіе себѣ ни въ чемъ отчета и ни объ чемъ не задумывавшіеся. Вчерашній прогорѣлый совсѣмъ человѣкъ, сегодня, получивъ концессію, вдругъ дѣлался чуть не милліонеромъ, а иногда и дѣйствительно милліонеромъ и на нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ на годъ или на два, совершенно ошалѣвалъ: натерпѣлся и вдругъ такое счастье!... Встрѣчаясь съ ними въ это время, отдѣлаться отъ нихъ не было никакой возможности—

хоть до скандала. Такимъ манеромъ, лѣтомъ семидесятаго года я встрѣтилъ, однажды, на островахъ цѣлую толпу моихъ дорогихъ земляковъ и они меня увлекли съ собою. Гдѣ мы были, что мы дѣлали, какъ оказалось это потомъ, цѣлыхъ три дня и три ночи,— я и тогда не зналъ и теперь не знаю. Помню только, что мы все кружились по островамъ, ночью путались, а днемъ спали въ загородныхъ ресторанахъ, а одинъ разъ спали даже на Елагинской стрѣлкѣ на какой-то тамъ молочной фермѣ. Одинъ разъ, гдѣ-то тутъ же, на берегу, встрѣтили рано утромъ рыбака, который несъ куда-то новенькій бредень, его купили у него, положили съ собою въ коляску и поѣхали дальше. Потомъ намъ попался какой-то околоточный, или, какъ они тогда назывались, однимъ словомъ маленькій квартальный и мы наняли его раздѣться и ловить съ нами этимъ бреднемъ рыбу. Потомъ поили его шампанскимъ и дали ему что-то рублей двѣсти или триста. Ѣздили мы—нанимали какой-то пароходъ—въ Кронштадтъ, чтобы оттуда отправиться въ Америку, такъ какъ мы рѣшили, что въ Россіи, при ея порядкахъ, жить нельзя да и не стоитъ... Словомъ, надѣлали мы въ эти три дня «много дѣловъ», какъ говорятъ у насъ, въ нашей губерніи, и, наконецъ ужъ, на четвертый день, нѣсколько прочухавшись, раннимъ утромъ, въ трехъ или четырехъ колясках рѣшили возвратиться домой, въ Петербургъ. Помню, было чудесное, ясное лѣтнее утро. Пріѣхали мы въ городъ, выѣхали на Невскій, надо было намъ всѣмъ разставаться и стало намъ грустно—когда-то еще мы соберемся въ такую веселую компанію. Коляски остановились какъ разъ противъ Пассажа и мы все разговаривали, не могли разстаться. Вдругъ кто-то вышелъ изъ экипажа, за нимъ другой, третій—поразмять ноги—и вскорѣ половина ужъ не сидѣла, а стояла возлѣ колясокъ.

— Господа, да что же мы стоимъ, сядемте, выпьемъ хоть чего-нибудь—въ колясках съ нами есть и вино, и закуски, и посуда.

— Гдѣ же сѣсть?

— А вотъ гдѣ—здѣсь, на мостовой.

Оригинальная мысль сѣсть на мостовой какъ разъ по срединѣ Невскаго и пить, всѣмъ до того вдругъ понравилась, что и остальные повыскакали изъ экипажей и мы всѣ усѣлись къ великому соблазну стоявшаго тутъ недалеко городового, который рѣшительно не зналъ, что съ нами дѣлать: «господа» все хорошіе, денегъ у нихъ видимо невидимо, безобразія никакого не дѣлаютъ, но и нельзя же сидѣть имъ такимъ таборомъ цыганскимъ на самой видной улицѣ столицы. Рѣдкіе, одинокіе прохожіе останавливались и смотрѣли на насъ. Мы ихъ подзывали къ себѣ, съ нѣкоторыми вступали въ бесѣду, угощали ихъ, нѣкоторымъ давали денегъ. Къ нашему городовому пришелъ изъ любопытства другой съ своего поста. Мы встрѣтили и этого также радушно, заставили выпить

и подарили и ему тоже крупную бумажку «на память»... Невозможною пошлостью кажется мнѣ все это теперь, но тогда—ничего, выходило какъ-то такъ, что было только смѣшно, до слезъ смѣшно. Я былъ самый молодой между ними, но были и пятидесятилѣтніе старики, уѣздные предводители дворянства, представители земства, привезшіе съ собою «гарантіи» этого земства для полученія концессіи—сидѣли и дурачились, какъ мальчишки школьники и они...

Вдругъ одинъ изъ городовыхъ началъ прислушиваться — къ чему-то постороннему, къ какому-то со стороны долетѣвшему до него звуку, вдругъ и испуганнымъ торопливымъ манеромъ сталъ просить насъ, ради Бога, сняться съ табора и уѣзжать.

— Все вздоръ, голубчикъ,—отвѣчали ему.—Мы вѣдь никому не мѣшаемъ.

— Генералъ вышелъ изъ дому и идетъ!

— Что такое? Какой генералъ?

— Генералъ Треповъ.

— Гдѣ же онъ? Я его знаю... и я его знаю,—послышались голоса.—Онъ отличный малый.

— Вамъ-то ничего, а мнѣ бѣда будетъ, говорилъ городовой. Вамъ что̀ же, а мнѣ...

— Да гдѣ ты его видишь?—оглядываясь во всѣ стороны, спрашивали мы его.

— Его еще не видно, но ужъ онъ вышелъ.

— Почемъ ты это знаешь?

— Даютъ знать.

Это было удивительно. Городовой стоялъ все время съ нами, никто къ нему не подходилъ, а онъ говоритъ, что ему дали знать?

— Кто же тебѣ далъ знать?

— Городовой сосѣдній.

До сосѣдняго городового было саженей сто, и онъ стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ.

— Что ты такое врешь?

— Никакъ нѣтъ-съ, даютъ знать.

— Да какъ же онъ тебѣ далъ знать?

— Зашипѣлъ...

— Что-о-о?

— Зашипѣлъ... Значитъ, даетъ знать, что генералъ вышелъ.

Мы ничего не понимали... Развѣ могъ сосѣдній городовой видѣть, что вышелъ изъ своей квартиры на Большой Морской генералъ Треповъ и давать объ этомъ знать?

Однакожъ, вскорѣ, хотя и съ трудомъ, мы добились отъ городового въ чемъ дѣло. Оказалось, что у нихъ заведенъ между собою своего рода телеграфъ. Какъ только Треповъ выходилъ изъ квартиры—и онъ все это время гулялъ, показывая жителямъ и кому ему было нужно свою неусыпность по службѣ,—ближайшій горо-

довой шипѣніемъ (тсс...) давалъ знать объ этомъ слѣдующему, по тому направленію куда шелъ генералъ, тотъ опять слѣдующему за нимъ и т. д., и т. д. А генералъ гулялъ по стогнамъ столицы вѣроятно въ полномъ убѣжденіи, что накрываетъ всѣхъ врасплохъ и находитъ при этомъ удивительный порядокъ...

Городовой просилъ насъ такъ убѣдительно снять нашъ таборъ, въ виду его отвѣтственности за это, что мы наконецъ рѣшили разъѣхаться: встали, поднялись всѣ разомъ, распрощались и отправились всѣ по домамъ. Погода была чудесная и я не поѣхалъ домой, а пошелъ еще пройтиться вмѣстѣ съ С—мъ, однимъ изъ нашихъ уѣздныхъ предводителей-концессіонеровъ,—очень ужъ хорошее было утро.

Городовые, выросшіе на Невскомъ, въ удвоенномъ числѣ, смотрѣли по направленію къ Морской, и время отъ времени, оборачивались въ сторону Аничкина моста и шипѣли. Но Трепова все еще не было видно. Наконецъ, мы увидали его: онъ шелъ на встрѣчу намъ по тротуару у Казанскаго собора,—шелъ одинъ, накинувъ на плечи легонькое лѣтнее сѣрое пальто и какъ бы прихрамывая.

— Вы не знакомы съ нимъ?—спросилъ меня С—въ.

— Знакомъ, отвѣтилъ я, но страннымъ образомъ. Я вамъ потомъ разскажу какъ.

— Что такое?

— Такъ, очень ужъ оригинально.

Между тѣмъ Треповъ былъ отъ насъ ужъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Поровнявшись, С—въ снялъ шляпу и раскланялся. Треповъ поздоровался съ нимъ за руку и какъ-то странно при этомъ посмотрѣлъ на него, а потомъ и на меня.

— А! вдругъ произнесъ онъ:—ну, а что, какъ ваше свидѣтельство объ оспоприививаніи?

— Ничего, цѣло, у меня,—отвѣтилъ я.

Онъ должно быть догадался, что мы «путанники», всю ночь кутили, потому что какъ-то вскинулъ плечами, странно усмѣхнулся и, смѣясь и раскланиваясь, пошелъ дальше. Шагахъ въ двадцати или тридцати за нимъ слѣдовалъ какой-то маленькій квартальный, на всякій случай вѣроятно для отдачи приказаній по замѣченнымъ безпорядкамъ. Шипѣніе городовыхъ, когда мы шли дальше, ужъ прекратилось и они стояли на своихъ постахъ вольно и даже довольно развязно.

Спустя полгода или около того, послѣ этой встрѣчи, я опять столкнулся съ Треповымъ въ одномъ знакомомъ домѣ. Онъ освѣдомился о моемъ свидѣтельствѣ.

— Какая однако у васъ память,—сказалъ я.

— Да, говорятъ, отвѣтилъ онъ и добавилъ:—да при моемъ дѣлѣ и невозможно быть безъ памяти. Память необходима... Не-

обходимѣе всего... посмотрѣлъ на меня и спросилъ:—А откуда это вы тогда шли съ С—вомъ?..

Я улыбнулся.

— Хороши оба были.

— Мы шли съ Невскаго, ваше превосходительство, сказалъ я, сидѣли противъ Пассажа... выпили тогда немного... три дня пили.

— И не жаль вамъ здоровья?

— Хватитъ. Много его.

Онъ былъ въ этотъ вечеръ необыкновенно веселъ, шутилъ, такъ, что кто не зналъ его и встрѣчалъ только на улицѣ, серьезнымъ и даже суровымъ, никакъ, мнѣ кажется, не повѣрилъ бы, что это онъ, Треповъ, самый и есть. Я разсказалъ ему какъ «шипятъ», давая другъ другу знать о его приближеніи городовые, когда онъ идетъ на прогулку и кстати смотрѣть порядокъ въ городѣ.

Онъ смѣялся, но мнѣ показалось, что это его какъ будто и удивило. Онъ какъ будто не могъ допустить и мысли, что его въ состояніи кто-нибудь мистифицировать, или... какъ бы это сказать? Ну, хоть перехитрить, провести его.

Послѣдняя моя встрѣча съ нимъ и разговоръ былъ въ передней у Салтыкова (Щедрина). Я входилъ, а онъ уходилъ. Это было въ восьмидесятомъ году.

Уже давно въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ я тогда печаталъ свои очерки подъ заглавіемъ «Оскудѣніе», и бывалъ каждую недѣлю по понедѣльникамъ въ квартирѣ Г. З. Елисеева, гдѣ собиралась редакція,—ходили слухи, вызывая общія улыбки, о какой-то дружбѣ, которая завелась у Салтыкова съ Треповымъ.

— И вы, Михаилъ Евграфовичъ, часто бываете другъ у друга?— спрашивали Салтыкова.

— Часто.

— И весело проводите время?

— Очень.

Треповъ, бывшій въ это время не удѣлъ и, кажется, немножко фрондировавшій, какъ у насъ всѣ вообще оставшіеся не удѣлъ, и какъ это, впрочемъ, и не у насъ у однихъ, а вездѣ, считалъ, повидимому, себя одного съ Салтыковымъ лагеря и поэтому свелъ и поддерживалъ съ нимъ знакомство...

Салтыковъ, какъ воспитанный человѣкъ, разумѣется сидѣлъ и бесѣдовалъ съ нимъ и время отъ времени отдавалъ ему визитъ, заходилъ къ нему на квартиру. Это было тѣмъ болѣе удобно, что они жили по одной лѣстницѣ. Они жили тогда оба на Литейной, въ домѣ Красовскаго — Треповъ въ бельэтажѣ, а Салтыковъ въ третьемъ этажѣ, надъ нимъ, въ той самой квартирѣ, гдѣ онъ потомъ и умеръ.

Кое-кто изъ сотрудниковъ, бывая у Салтыкова, встрѣчалъ тамъ

Трепова и разсказывалъ, потомъ, что уморительно видѣть Салтыкова бесѣдующаго съ нимъ. Главное при этомъ—серьезность Салтыкова.

Мнѣ ужасно хотѣлось видѣть эту картину, и, наконецъ, однажды я налетѣлъ-таки на нее, но, какъ я сказалъ уже, крайне неудачно: Треповъ уходилъ, когда я только-что входилъ.

Тутъ ужъ онъ былъ старъ, дряхлъ даже, мнѣ показалось. Я раскланялся съ нимъ, онъ тоже очень вѣжливо и даже какъ-то суетливо раскланялся со мною и видимо не узналъ меня на этотъ разъ.

Онъ ушелъ, а я съ провожавшимъ его до передней Салтыковымъ пошелъ черезъ гостиную въ кабинетъ.

— Вы знакомы развѣ съ нимъ?—спросилъ Салтыковъ.

— Да, немного. И довольно странно.

— Какъ такъ?

Я разсказалъ про свое приключеніе.

— Такъ, онъ должно быть добрый человѣкъ. Я не думаю, чтобы онъ былъ злой,—сказалъ про него Салтыковъ.

— Досадно, что я его не засталъ у васъ.

— А что?

— Любопытно—объ чемъ вы съ ними говорите?

— Н-да. Вотъ сегодня напримѣръ говорили о гесенской мухѣ и о томъ, какой она вредъ принесетъ обывателямъ...

Я разсмѣялся, а Салтыковъ пресерьезно продолжалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, увѣряю васъ.

— Память какая у него—удивительно,—сказалъ я.

— Это у всѣхъ у нихъ. Это отъ военной службы: приходится все въ лица всматриваться солдатамъ, и является привычка отъ этого запоминать.—Но онъ вообще замѣчательный человѣкъ,—продолжалъ Салтыковъ.—Это типъ и прелюбопытный. Вы знаете, что для него, напримѣръ, не существуютъ понятія: народъ... общество...

— То есть, какъ же это?..

— А такъ:—публика все... полицейское представленіе... это настоящій полицейскій. Такихъ ужъ больше не будетъ. Это типъ вымирающій,—заключилъ Салтыковъ.

Больше я ужъ не встрѣчалъ Трепова, т. е. такъ, чтобы съ нимъ поговорить. Я видалъ его только на улицѣ проѣзжающимъ въ парныхъ саняхъ, въ теплыхъ наушникахъ, въ нахлобученной фуражкѣ съ лакеемъ-нянькой, сидящимъ съ нимъ рядомъ, очевидно, чтобы поддерживать хилаго старика.

С. Терпигоревъ.

ОТЖИВШIЕ ТИПЫ.

Очеркъ второй.

I.

Maman.

ВОТЪ СЦЕНА, которая всплываетъ въ моей памяти особенно ярко каждый разъ, когда я спрашиваю себя, что за женщина была наша мать.

Въ синей гостиной темно. Свѣтъ изъ двери полурастворенной въ залу, освѣщенной одной стѣнной лампой, доходитъ только до дивана, на которомъ она лежитъ, вытянувъ ножки.

Ножки у нея такъ были малы, что башмаки ея, на высокихъ внутреннихъ каблукахъ, у насъ въ домѣ никому не были впору.

Ножками своими она щеголяла. Отецъ выписывалъ ей обувь изъ Варшавы. Да и вся она была прехорошенькая, небольшого роста, но пропорцiонально сложенная, у нея были прелестные, черные глаза съ поволокой и длинными рѣсницами, прямой, точно точеный носъ, красивой формы ротъ съ узкими, розовыми губами, круглый подбородокъ, пухленькiя плечи, руки съ ямочками какъ у ребенка.

Какъ большая часть женщинъ, расположенныхъ къ полнотѣ, она терпѣть не могла торопиться и волноваться; всѣ движенiя ея были плавны и полны достоинства. Никогда не возвышала она голоса, когда сердилась, и внутреннее возбужденiе проявлялось

у нея только тѣмъ, что она сжимала губы и еще больше жмурила свои продолговатые, близорукіе глаза, которые она и безъ того всегда держала полузакрытыми, точно ей тяжело было поднять вѣки.

Одѣвалась maman зимой въ шелковые капоты, лѣтомъ въ бѣлые кисейные и батистовые, роскошно вышитые крѣпостными бѣлошвейками, которыхъ у насъ было въ домѣ больше десяти.

Волосы ей причесывали по тогдашней модѣ: широкую косу укладывали корзинкой вокругъ высокой черепаховой гребенки; спереди у нея съ обѣихъ сторонъ висѣли длинные, заложенные за уши локоны, а на вискахъ акрошкеры, т. е. свернутыя колечкомъ прядки волосъ, которыя слегка смазывали клеемъ, чтобъ они не отставали отъ кожи.

Она знала, что хороша собой и была чрезвычайно занята своею наружностью. Когда насъ утромъ приводили въ ея спальню, чтобъ съ нею здороваться, мы всегда заставали ее въ постели и съ складнымъ зеркальцемъ въ рукахъ.

Зеркальцо это, хранившееся у нея ночью подъ подушкой, находилось у нея подъ рукой и днемъ. Она была близорука и любоваться собой въ большія зеркала, висѣвшія во всѣхъ комнатахъ, ей было не такъ удобно, какъ въ это.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ я теперь вспоминаю, она бесѣдовала съ одной изъ своихъ сестеръ, но съ которой именно—не помню. Не помню я также по какому случаю присутствовала при этомъ разговорѣ; думали, вѣрно, что я ничего не понимаю, а можетъ быть меня не замѣчали. Въ комнатѣ было темно, я могла забиться въ такой уголъ, куда свѣтъ изъ залы не достигалъ вовсе; какъ бы тамъ ни было, но суть подслушанной мною въ тотъ вечеръ бесѣды осталась однимъ изъ отвратительнѣйшихъ впечатлѣній моего дѣтства.

Рѣчь шла о томъ, какъ въ деревнѣ заставляютъ упрямыхъ дѣвокъ вѣнчаться съ ненавистными имъ женихами.

Особенно одобряла maman одного управляющаго изъ нѣмцевъ, который дѣйствовалъ слѣдующимъ образомъ: во время вѣнчанія онъ всегда становился позади невѣсты и ждалъ той минуты, когда попъ спрашивалъ у нея: «волей или неволей она идетъ за такого-то?» Тогда при малѣйшемъ колебаніи со стороны дѣвушки, нѣмецъ пригибался къ ея уху и шепталъ: «Пятьдесятъ лозановъ!» Ну, она, конечно: «волей, батюшка, волей!»

Способъ, придуманный нѣмцемъ для отвращенія скандаловъ въ церкви, очень забавлялъ maman и ея собесѣдницу.

II.

По поводу этого воспоминанія, братъ Андрей мнѣ, тридцать лѣтъ спустя, сознался, что и онъ тоже помнитъ факты, за которые дорого бы далъ, чтобъ забыть.

— Помнишь Петра?—спросилъ онъ.

— Тотъ, что былъ у отца камердинеромъ послѣ Ивана?

— Тотъ самый. Онъ еще былъ влюбленъ въ Парашу...

— Помню, помню. Его за что̀-то въ солдаты отдали и веселый онъ такой былъ, забавный.

— Да, очень забавный. Мы его любили. Помнишь, какъ бывало, подавая намъ за обѣдомъ блюдо съ цыплятами, онъ непремѣнно шепнетъ на ухо...

— Не берите этого кусочка съ печеночкой, барышня, папашенька его любитъ,—подсказала я съ улыбкой.

— Ну да, вотъ и ты помнишь. Представь себѣ, мы съ Костей видѣли, какъ этого самаго Петра розгами наказывали, передъ тѣмъ какъ въ солдаты сдать. Я объ этомъ до сихъ поръ равнодушно вспомнить не могу, а тогда насъ съ Костей это такъ потрясло, что думая объ этомъ постоянно, мы избѣгали говорить про это даже между собой, чтобъ не оживлять мучительнаго впечатлѣнія, понимаешь? Вотъ какъ было дѣло. Наканунѣ намъ кто-то сказалъ, что завтра, чуть свѣтъ, Петра будутъ наказывать. Долго не могли мы заснуть отъ волненія, а утромъ, едва только часы пробили пять, какъ мы ужъ проснулись и, дрожа отъ страха, стали прислушиваться. Обоимъ намъ слышались крики. Это была галлюцинація, понимаешь, изъ комнаты съ закрытыми окнами, въ третьемъ этажѣ, мы не могли слышать какъ Петръ кричалъ на конюшнѣ, въ самомъ отдаленномъ концѣ двора, но намъ казалось, что мы слышимъ и насъ вдругъ потянуло туда съ такой неотразимой силой, что мы соскочили съ постели, кое-какъ одѣлись, и побѣжали. Мсье Клумбъ спалъ. На дворѣ насъ тоже никто не встрѣтилъ. Мы добѣжали до конюшни и припали къ притворенной двери. Тутъ была большая щель и мы все видѣли. Петръ лежалъ на землѣ, весь въ крови и ужъ не кричалъ, а только тихо стоналъ, а его все продолжали бить. Кто-то считалъ удары. Я помню, что мы дрожали какъ въ лихорадкѣ, и что слезы намъ мѣшали глядѣть. Намъ было нестерпимо больно и страшно, но мы все стояли и смотрѣли, силъ не было отойти и оба ревѣли вслухъ. Но тамъ, конечно, не слышно было. Что̀ потомъ было, какъ мы домой прибѣжали—ничего этого я не помню, а вотъ этого, какъ онъ лежалъ въ крови и какъ его, ужъ совсѣмъ измученнаго, все продолжали бить—этого я никакъ не могу забыть. Наши дѣти счастливѣе ужъ тѣмъ, что избавлены отъ такихъ впечатлѣній; они узнаютъ про все это изъ книгъ, изъ раз-

сказовъ, это не то, что быть самому очевидцемъ, далеко не то! А главное, они не знали этихъ людей такъ, какъ мы ихъ знали, не росли среди ихъ, не играли съ ними, не смѣялись, не болтали, не знали ихъ жизнь такъ, какъ мы ее знали. Сколько разъ этотъ самый Петръ бралъ меня на руки и высоко подкидывалъ кверху... Онъ былъ такой сильный, большой, помнишь? Волосы у него постоянно спадывали на лобъ и глаза были такіе добродушные... «Не берите, сударь, этого кусочка съ печеночкой»... Я такъ и слышу его голосъ, точно это было только вчера.

III.

День свой maman проводила слѣдующимъ образомъ: утромъ молилась и читала Евангеліе и еще какія-то священныя книги. Она была очень набожная женщина, и такъ усердна къ церкви, что архіерей всѣмъ ставилъ ее въ примѣръ и оказывалъ ей особые, передъ другими городскими дамами, почетъ и уваженіе. Послѣ молитвы она принималась за свой туалетъ. Это тоже длилось долго, больше часу, а затѣмъ, шурша крахмальными юбками, выхоленная, нарядная и душистая, она выходила въ гостиную, садилась на свое обычное мѣсто, на возвышеніи, покрытое ковромъ у окна, съ низкимъ, глубокимъ кресломъ, обитымъ пунцовымъ бархатомъ, скамеечкой для ногъ, круглымъ столикомъ съ книгами, и принималась за какой-нибудь французскій романъ, любимыхъ тогда авторовъ: Сю, Дюма, Феваля, Бальзака, Поль де-Кока. Произведенія послѣдняго она прятала въ рабочую корзинку, когда пріѣзжали съ визитомъ гости.

Послѣ обѣда она отдыхала на своей широкой постели, потомъ снова одѣвалась и вечеромъ, часовъ до одиннадцати, играла въ преферансъ съ гостями, а когда гостей не было, съ помощниками отца, Алексѣемъ Николаевичемъ и Алексѣемъ Карповичемъ.

Жизнь эта разнообразилась рѣдкими выѣздами на званые вечера, гдѣ тоже были карты, и пріемами у себя. Тогда у насъ зажигали всѣ лампы въ гостиной и въ залѣ, и разставляли множество ломберныхъ столовъ для игры.

Русской литературой maman не интересовалась. У отца, во второмъ кабинетѣ, цѣлая стѣна была занята шкапами съ сочиненіями Державина, Жуковскаго, Пушкина, Марлинскаго, Карамзина и толстыми книжками «Библіотеки для Чтенія» за нѣсколько лѣтъ, все это въ прочныхъ, новыхъ переплетахъ, но я не помню, чтобы maman когда-либо взяла почитать которую-нибудь изъ этихъ книгъ.

Въ крайнемъ шкапѣ стекла были завѣшаны зеленой тафтой и ключъ отъ него хранился у отца въ наисекретнѣйшемъ изъ потайныхъ ящиковъ его письменнаго стола, вмѣстѣ съ его духов-

нымъ завѣщаніемъ, письмами великаго князя, записками отца во время польскаго возстанія и тому подобными драгоцѣнными предметами.

Долго интриговали насъ книги, хранившіяся въ таинственномъ шкапѣ, и когда, наконецъ, любопытство наше было удовлетворено, мы очень разочаровались, кромѣ «Душеньки» Богдановича съ иллюстраціями, Вольтера и Руссо въ изданіи прошлаго столѣтія, сочиненій барона Брамбеуса, да нѣсколькихъ тетрадокъ съ запрещенными, въ двадцатыхъ годахъ, стихами, мы ровно ничего не нашли.

Къ авторамъ, излюбленнымъ maman, отецъ относился критически, называлъ ихъ произведенія дребеденью и «жолтыми» книжками (намекая на цвѣтъ ихъ обертки, вѣроятно), и въ свободное отъ службы время, котораго у него, впрочемъ, было весьма мало, слѣдилъ за политикой, т. е. читалъ «Сѣверную Пчелу».

IV.

Какъ согласовать страсть maman къ романамъ въ книгахъ съ ея отвращеніемъ къ романамъ въ жизни, я не знаю, но ничего непреслѣдовала она такъ неумолимо, какъ любовныя похожденія, въ какой бы средѣ они не происходили.

Заслужить ея расположеніе могли только тѣ личности, которыхъ она въ этомъ отношеніи считала безупречными. Къ тѣмъ изъ городскихъ дамъ, которыя подавали поводъ къ сплетнямъ, касавшимся ихъ женской чести, она не скрывала своего презрѣнія. Ея сестры, даже и тѣ, что были давно замужемъ, боялись ее какъ огня и старались всячески держать отъ нея свои шашни въ секретѣ.

Ее и мать, бабушка Варвара Ивановна, боялась. Тѣ изъ людей, что были отданы maman въ приданое и хорошо знали ея жизнь въ родительскомъ домѣ, когда она была дѣвушкой, разсказывали съ гордостью, какъ старая барыня юлила передъ барышней Натальей Александровной и какъ тщательно скрывала она передъ нею свои грѣшки.

А любовныхъ грѣшковъ у бабушки было много.

Можно себѣ, послѣ этого, представить, какъ трепетали передъ барыней тѣ изъ крѣпостныхъ, для которыхъ пора любви еще не миновала!

Maman была въ полномъ убѣжденіи, что на томъ свѣтѣ съ нея взыщется за поведеніе этихъ людей и мысль, что изъ-за какой-нибудь блудливой Машки или Пашки, ей не выдадутъ сполна той порціи блаженства, на которую она расчитывала, мысль эта ей была нестерпима.

Дѣвушку, уличенную въ любовной связи съ которымъ-нибудь

изъ лакеевъ, немедленно подвергали жестокому наказанію на конюшнѣ, а затѣмъ ссылали въ деревню, гдѣ выдавали замужъ за мужика, изъ самыхъ что ни на есть ледащихъ.

Понятно, что безъ содѣйствія отца подобнаго рода экзекуціи совершаться не могли, но мы были убѣждены, что все это дѣлается по волѣ maman, а отцу, за множествомъ дѣлъ, нѣкогда вникать въ домашнія дрязги, иначе онъ ни за что не допустилъ бы такого тиранства.

Сколько разъ, бывало, проснешься ночью отъ шопота мадамъ Тома съ которой-нибудь изъ жертвъ цѣломудрія барыни, начнешь прислушиваться и узнаешь такимъ образомъ подробности драмы, до того раздирательной, что долго потомъ не смыкаешь глазъ подъ гнетомъ мыслей и представленій, одно возмутительнѣе другого.

Мадамъ Тома всегда, бывало, совѣтывала искать защиты у барина.

Но добраться до барина было трудно, почти невозможно. Безъ доклада черезъ камердинера, къ нему не пускали. А къ тому же, всѣ знали, какъ онъ обожаетъ барыню и что за одну ея улыбку готовъ пожертвовать жизнью и счастьемъ не только всѣхъ своихъ крѣпостныхъ, но также и родныхъ дѣтей.

Замужнихъ горничныхъ maman при себѣ не терпѣла. У нея были свои причины на это и весьма вѣскія по ея мнѣнію.

Мужъ, дѣти, и то мизерное подобіе хозяйства, которое самая бѣдная, зависимая отъ господъ, раба, непремѣнно ухитрится завести округъ себя какъ только-что выйдетъ замужъ, все это претило ей ужъ по одному тому, что предаваться всецѣло служенію своей госпожи такая женщина не могла.

Чтобы ни заставили ее дѣлать, она непремѣнно будетъ отвлекаться мыслями къ тому грязному, душному углу, гдѣ у нея въ зыбкѣ пищитъ ребенокъ и ждетъ ее мужъ. Отъ нея и такой опрятности какъ отъ другихъ, нельзя требовать; какъ не мойся она передъ тѣмъ, какъ бѣжать къ барынѣ, всегда отъ нея разной гадостью будетъ вонять. А самое главное то, что ночью ее ужъ не будетъ въ дѣвичьей, гдѣ вся женская прислуга, имѣвшая непосредственное отношеніе къ господамъ, должна была постоянно находиться на лицо.

Терпѣли у насъ еще замужнихъ прачекъ, судомоекъ, коровницъ, тѣ были далеки отъ господъ. Людскія и кухни находились на такомъ разстояніи отъ дома, что изъ насъ, барскихъ дѣтей, одни только мальчики могли хвастаться тѣмъ, что видѣли какъ живутъ наши дворовые, но, по слухамъ, мы всѣ знали, что Анисья-прачка спитъ въ одной коморочкѣ съ Марьей, и что у буфетчика Павла отдѣльная комната для семейства, состоявшаго изъ жены Авдотьи и сына Акимки. Семья эта жила очень скверно. Павелъ иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не говорилъ съ женой ни слова и что всего

было курьезнѣе, это-то, что Авдотья никогда не знала за что злится на нее мужъ. Придетъ вечеромъ спать, молча отколотитъ ее и потомъ молчитъ, точно воды въ ротъ набралъ. Опытные люди говорили, что Павелъ потому такъ, время отъ времени, свирѣпѣетъ, что женили его на дѣвкѣ не одной съ нимъ породы. Онъ былъ малороссъ и дурно говорилъ по-русски, а она новоторка.

Въ людской болталось, ползало и пищало, не мало и ребятишекъ. Все больше незаконные. Былъ ребенокъ и у Танюши. Ей тоже, когда она была молодая, замужъ выйти не позволили и она долго блюла себя, но подъ конецъ не вытерпѣла и уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ согрѣшила съ кѣмъ-то изъ господъ, (потомъ оказалось, что это былъ дяденька Василій Ивановичъ), и произвела на свѣтъ Никитку.

Танюша обожала своего сына и выростила его, буквально, подъ своей юбкой. Онъ былъ у нея такъ пріученъ, что, въ случаѣ надобности, могъ по цѣлымъ часамъ не подавать признака жизни. Никогда никто не слышалъ, чтобъ онъ плакалъ или кричалъ. Говорилъ онъ не иначе какъ шопотомъ, не ходилъ, а крался и всегда вдоль стѣнки, осторожно поглядывая по сторонамъ, чуя господъ издалека. За три, за четыре комнаты узнавалъ Никитка, что барыня идетъ въ дѣвичью и мгновенно исчезалъ подъ юбкой матери.

Онъ и отъ насъ прятался, но ужъ больше по привычкѣ и при появленіи нашемъ выглядывалъ изъ своей засады смѣющимися глазенками, дѣлая намъ гримаски въ знакъ привѣтствія.

Танюшинъ грѣхъ господа игнорировали. Она была слишкомъ необходимый человѣкъ въ домѣ; отказаться отъ ея услугъ было немыслимо. У нея даже и ребенка не отняли, побоялись, чтобъ отъ тоски по немъ она не утратила живость своего ума и сообразительность. Однако, пока maman была жива, существованіе Никитки въ домѣ офиціально не признавалось и лѣтъ до восьми долженъ онъ былъ прятаться отъ господъ. Долго ходилъ онъ въ одной рубашенкѣ, изъ которой такъ выросъ, что она почти не прикрывала его, пока, наконецъ, обитательницы дѣвичьей не соорудили ему въ складчину штаны. Много смѣха было отъ этихъ штановъ, онъ такъ ими гордился, что возмнилъ себя человѣкомъ и ни за что не хотѣлъ больше залѣзать ни подъ столъ, ни подъ юбку матери; когда объявляли, что барыня идетъ, надо было прятать его за занавѣску, висѣвшую передъ кроватью Танюши, въ концѣ коридора, подъ лѣстницей.

V.

По той же причинѣ, по которой избѣжала ссылки и наказанія розгами Танюша за свое любовное прегрѣшеніе, спаслись отъ этой напасти и Лизавета съ Яшкой.

Лизавета была миловидная блондинка, миньятюрная и деликатная, съ синими какъ васильки, глазами, очень тихая и скромная.

Яковъ былъ брюнетъ, веселаго нрава, сердце имѣлъ чувствительное, манеры съ вывертомъ и форсомъ, говорилъ не иначе какъ шуточками и прибаутками и галантному обращенію съ прекраснымъ поломъ научился въ Варшавѣ, состоя казачкомъ при баринѣ, когда отецъ нашъ былъ еще военнымъ.

Я помню Яшку очень еще молодымъ, лѣтъ двадцати двухъ, и какъ сейчасъ вижу: тоненькій, стройный, средняго роста, вертлявый, съ беззаботно смѣющимися карими глазами, закрученными усиками и слегка вздернутымъ носомъ.

Въ своей бѣлой шапочкѣ, франтовато сдвинутой на бокъ, бѣлой курткѣ и бѣломъ передникѣ, онъ производилъ очень пріятное впечатлѣніе. Передъ его добродушною веселостью никто не могъ устоять, его даже вѣчно сердитый Павелъ и мрачный Иванъ не посылали ни къ лѣшему, ни къ чорту, когда онъ обращался къ которому-нибудь изъ нихъ съ анекдотомъ, начинавшимся неизмѣнно такими словами: «а вотъ когда мы съ бариномъ въ Аршавѣ служили»...

Дѣвушекъ онъ приводилъ въ восторгъ своими разнообразными талантами, игралъ на гитарѣ, на балалайкѣ, какъ никто, пѣлъ тоненькимъ голоскомъ чувствительные романсы и лихо плясалъ.

Когда эти двое, Лизавета и Яковъ, полюбили другъ друга, вся дворня имъ сочувствовала, такъ они были милы въ проявленіи своихъ чувствъ. Явились вмѣстѣ, прежде всего, къ Танюшѣ, и, кланяясь ей въ ноги, просили замолвить за нихъ словечко барынѣ.

— Эхъ, вы, дурачье, что затѣяли! — вздохнула многоопытная Танюша.

Однако сдалась на ихъ мольбу и обѣщала, при первомъ удобномъ случаѣ, узнать на этотъ счетъ мысли барыни.

— Вотъ Лизавета капотъ кончитъ, тогда и скажу,—прибавила она въ заключеніе.

Работы надъ капотомъ оставалось мѣсяца на четыре. Второй годъ Лизавета надъ нимъ трудилась. Барыня съ большимъ нетерпѣніемъ ждала этого капота. Онъ вышивался по тонкому, дорогому батисту и такимъ великолѣпнымъ узоромъ, что многія изъ городскихъ щеголихъ просили позволеніе срисовать этотъ узоръ. Maman милостиво на это соглашалась.—«Все равно, такъ какъ у насъ не вышьютъ» говорила она.

Танюша подала влюбленнымъ хорошій совѣтъ, барыня, навѣрное, захочетъ чѣмъ-нибудь наградить Лизавету, когда капотъ будетъ дошитъ.

Рѣшили ждать. Лизавета трудилась надъ пяльцами, не разгибая спины, да и Яшка съ своей стороны не зѣвалъ. Ему удалось, путемъ сложныхъ интригъ и взятокъ сладкими кусочками, довести

до свѣдѣнія барина, что тѣ пирожки-пышки, за которые такъ одобряли нашего стараго повара, мастеритъ не старикъ Захаръ, а онъ, Яшка.

— Прошу покорно, какъ этотъ пострѣленокъ навострился!— говорилъ со смѣхомъ генералъ. — Онъ эдакъ, пожалуй, скоро и Захара перещеголяетъ.

А такъ какъ Захару было около семидесяти лѣтъ, то открытіе это являлось, какъ нельзя больше кстати.

Но maman стояла за Захара. Онъ былъ любимымъ поваромъ ея отца и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ изъ Полтавской губерніи, она съ малолѣтства къ нему привыкла и ей казалось даже неприличнымъ фамильярно толковать о кушаньяхъ съ такимъ мальчишкой, какъ Яшка.

Тѣмъ не менѣе, фонды влюбленныхъ стояли настолько высоко, что можно было расчитывать на успѣхъ. Хотя, опять-таки, опытные люди совѣтывали не увлекаться надеждой.

— За барыней тебѣ ходить тогда не рука будетъ, а причесывать ихъ такъ какъ ты, никто не умѣетъ,—говорила Танюша.

— Почему же, Татьяна Ефимовна? Да я бы тогда, кажется, еще усерднѣе, — возражала дрожащимъ отъ волненія голосомъ Лизавета.

— Не въ томъ дѣло,—доказывала Танюша.—Противно ей все это, понимаешь? Мерзятъ ей замужнія, да и все тутъ, ничего противъ этого не подѣлаешь. Она въ этомъ вся въ маменьку вышла, у той Боже сохрани бывало, если который изъ любимыхъ слугъ семьей вздумаетъ обзавестись, никогда не позволяла.

И дѣйствительно у бабушки вся дворня состояла изъ холостыхъ стариковъ, старыхъ дѣвъ и незаконныхъ дѣтей.

Однако Яшка съ Лизаветой не унывали и каждый при своемъ дѣлѣ, первый у плиты, а вторая за пяльцами, строили воздушные зàмки.

Но въ одно прекрасное утро всѣ мечты ихъ разлетѣлись прахомъ. Капотомъ барыня осталась довольна и, похваливъ Лизавету за искусство, подарила ей старенькую шелковую косыночку, но объявила при этомъ, чтобъ она выкинула изъ головы всякіе помыслы объ Яшкѣ. Никогда этому не бывать.

Послѣ такого приговора ничего больше не оставалость дѣлать, какъ покориться. Но влюбленные не покорились и мѣсяцевъ черезъ шесть, когда maman спросила почему Лизавета не спускаетъ съ плечъ большого платка, сидя за пяльцами, пришлось ей доложить, что любимая ея бѣлошвейка беременна.

Барыня очень разстроилась этимъ извѣстіемъ. Она почему-то не ожидала такой скверности отъ Лизаветы и въ первую минуту рѣшено было поступить съ провинившимися такъ, какъ съ другими

въ подобныхъ случаяхъ: наказать розгами и сослать въ разныя деревни.

Но барину было жаль разставаться съ Яковомъ, онъ сомнѣвался, чтобъ безъ него старикъ Захаръ справился одинъ на кухнѣ, а maman, въ свою очередь, не могла обойтись безъ Лизаветы.

Думали-думали и обратились за совѣтомъ къ Танюшѣ. Эта живо измыслила средство устранить затрудненія и предложила оставить виновныхъ каждаго при своемъ мѣстѣ, а только воздвигнуть между ними непреодолимую преграду, выдавъ Лизавету замужъ за Ивана.

Комбинація эта такъ понравилась maman, что она тотчасъ же согласилась на нее. Рѣшено даже было одного только Яшку отодрать на конюшнѣ за нарушеніе принципа нравственности, а Лизавету и отъ розогъ избавить.

— Вотъ тебѣ, дѣвка, какое счастье, — сказала Танюша, объявляя ей о состоявшемся приговорѣ.

Однако, Лизавета взглянула на дѣло иначе. Она пришла въ неописанный ужасъ, когда узнала кого ей назначаютъ въ мужья; выла нѣсколько дней сряду безъ передышки, отъ пищи совсѣмъ отбилась, руки на себя хотѣла наложить.

— Ахъ, дѣвынька, дѣвынька,—вздыхали надъ нею Танюша и другія опытныя женщины.—да не все ли тебѣ равно за кѣмъ не быть, когда за того, что тебѣ приглянулся, господа не хотятъ тебя отдавать. Привыкнешь, Богъ дастъ, и къ Ивану. Смотри въ какомъ онъ почетѣ у барина, послѣ господъ, первый человѣкъ въ домѣ можно сказать.

Но утѣшенія на Лизавету не дѣйствовали, она отъ нихъ еще пуще вопила.

— Матушки! Голубушки! Родненькія! Да вѣдь страшный-то онъ какой!—повторяла она, рыдая.

Противъ этого никто съ нею не спорилъ, Иванъ былъ страшный, что правда, то правда.

А между тѣмъ, наружность онъ имѣлъ весьма представительную и лицо, хотя старообразное, однако красивое, но онъ былъ такъ угрюмъ, что даже и господа его немножко побаивались, считая его способнымъ на самыя дикія выходки.

Когда баринъ позвалъ его въ кабинетъ, чтобъ объявить ему о желаніи барыни, чтобъ онъ женился на Лизаветѣ, Иванъ молча и не поднимая глазъ съ полу, выслушалъ это заявленіе.

— Чтожъ ты имѣешь на это сказать? — спросилъ баринъ.

— Ваша воля-съ.

— Знаю это, но мнѣ все-таки хотѣлось бы и твое желаніе знать. Я твоей службой доволенъ и желаю хорошенько тебя устроить, понимаешь?

— Точно такъ-съ.

— Нравится тебѣ Лизавета? По душѣ она тебѣ?

— Ваша воля-съ.

— Барыня эту дѣвку хвалитъ. Она хорошо вышиваетъ и кроткаго нрава. Барыня думаетъ, что если ты съумѣешь ее къ рукамъ прибрать, изъ нея хорошая жена выйдетъ. А ты какъ думаешь?

Чтò думалъ Иванъ, этого баринъ такъ и не добился. На всѣ разспросы, онъ все только ниже и ниже опускалъ голову, стоя у притолки двери.

Баринъ началъ наконецъ раздражаться и возвысилъ голосъ:

— Чтожъ ты молчишь, когда у тебя спрашиваютъ?

— Ваша воля-съ.

— Ну, ступай. Я скажу барынѣ, что ты согласенъ.

Иванъ вышелъ.

— Ничего, mon cher, все это обойдется,—сказала maman, когда мужъ передалъ ей про свою бесѣду съ Иваномъ.

— Главное, чтобъ она боялась его. Мы имъ дадимъ ту горницу у парадной лѣстницы, чтобъ они были подальше отъ кухни.

Отецъ согласился съ тѣмъ, что дѣйствительно новобрачныхъ не мѣшаетъ поселить подальше отъ кухни.

VI.

Про Ивана у насъ шла молва, будто онъ продалъ свою душу чорту.

Черезъ мадамъ Тома мы имѣли довольно ясное представленіе о томъ, какъ именно произошла эта сдѣлка. Ровно въ полночь, Иванъ снялъ съ себя крестъ и пришелъ въ старую баню на свиданіе съ дьяволомъ. И тамъ кровью своей подписалъ роковой договоръ.

Иванъ же кстати былъ грамотный.

Съ этихъ поръ онъ ни одному человѣку не могъ смотрѣть прямо въ глаза, а потому глядѣлъ всегда исподлобья, никогда не смѣялся и любилъ сидѣть одинъ.

На самомъ же дѣлѣ, не взирая на высокій ростъ и статность, Иванъ былъ человѣкъ болѣзненный, подверженъ запою и постоянно лечился у знахарки; отъ ея снадобій у него стала болѣть грудь и начала развиваться какая-то болѣзнь въ мозгу.

Надежды maman не сбылись. Иванъ не съумѣлъ внушить страха своей женѣ. Послѣ свадьбы она возненавидѣла его еще больше и, убѣдившись, что этотъ мрачный мужикъ никогда пальцемъ ее не тронетъ, развернулась до того, что бѣгала на свиданіе къ Яшкѣ во всякое время и въ такія мѣста, гдѣ не только мужъ, но даже и господа могли ихъ застать.

Ко всеобщему изумленію, Иванъ съ ангельскимъ терпѣніемъ

сносилъ всѣ обиды жены. Никогда не билъ ее и не ругалъ. Баринъ, когда до него доходили слухи о томъ, что Лизавета продолжаетъ амуриться съ Яшкой, приказывалъ драть этого послѣдняго на конюшнѣ, а Ивана призывалъ къ себѣ и спрашивалъ доволенъ ли онъ женой? Но другого отвѣта, кромѣ лаконическаго «ничего-съ», отъ этого страннаго мужа нельзя было добиться.

Когда родился тотъ ребенокъ, которымъ Лизавета была беременна, вѣнчаясь съ Иваномъ, баринъ опять призвалъ этого послѣдняго въ кабинетъ и спросилъ у него: желаетъ ли онъ оставить дитя при матери или отправить его съ глазъ долой, въ деревню?

— Это, братецъ, отъ тебя зависитъ, понимаешь?

Но Иванъ, насупившись, молчалъ.

— Если тебѣ непріятно его присутствіе, можно его отослать,— настаивалъ баринъ.

— Точно такъ-съ,—проронилъ наконецъ мужъ Лизаветы.

— Ну, и отлично,— обрадовался баринъ, — мы его, значитъ, и отправимъ. Завтра же мужики, что съ обозомъ пріѣхали, назадъ ѣдутъ, я прикажу имъ захватить съ собой младенца.

Иванъ не трогался съ мѣста. Приписывая эту нерѣшительность разстройству чувствъ, баринъ ласково повторилъ:—Ну, ступай же, братецъ, ступай.

Но Иванъ не уходилъ. Тогда баринъ милостиво у него спросилъ:

— Тебѣ еще чтò-нибудь надо? Говори, не бойся, я, братецъ, твоей службой доволенъ.

Иванъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и глухо произнесъ:

— Оставьте-съ. Пусть при матери.

И еще больше насупился.

Онъ хотѣлъ, чтобъ ребенокъ остался при матери. Это чрезвычайно удивило барина.

— Хорошо, братецъ, я переговорю объ этомъ съ барыней, она, я думаю, будетъ согласна.

Барыня согласилась. Ей одно только было нужно, чтобъ Лизавета скорѣе выздоровѣла и принялась за работу.

Ребенка, это была дѣвочка, Анютка, приказано было помѣстить въ людскую, къ Танюшиной бабушкѣ, и, бѣгая туда по нѣсколько разъ въ день, чтобъ его кормить, Лизавета, разумѣется, встрѣчалась съ Яшкой.

Танюшиной бабушкѣ было больше ста лѣтъ; она помнила Пугачева и была свидѣтельницей неистовствъ его шайки въ С—вѣ; видѣла, какъ господъ поджаривали на кострахъ и вѣшали на высокихъ висѣлицахъ, поставленныхъ на горахъ.

Старуха жила теперь у господъ на покоѣ и единственнымъ ея занятіемъ было присматривать за дѣтьми дворовыхъ. Когда Анютка была отдана на ея попеченіе, Яшка свелъ съ нею, изъ-за дочери,

дружбу. Носился онъ съ своимъ первенцомъ съ гордостью молодого отца. Каждый вечеръ можно было его видѣть разгуливающимъ по двору съ Анюткой на рукахъ. Иногда усаживался онъ на крыльцо кухни съ гитарой или балалайкой. И Анютка непремѣнно при немъ. Сидитъ у него на колѣняхъ смирно, не шелохнется, а онъ, вытянувъ впередъ руки, чтобъ не задѣть ее инструментомъ, наяриваетъ чувствительный романсъ какой-нибудь.

Когда, бывало, Лизаветѣ шепнутъ со смѣхомъ:—Яшка-то твой опять Анютку музыкой потѣшаетъ,—она съ досадой отмахивалась:— Ну, его къ лѣшему, дуракъ эдакій!

Но досада была притворная; по одному тому, какъ весело искрились ея глаза, можно было догадаться въ какомъ она восторгѣ, что Яшка такъ нѣжно любитъ свою дочь.

А съ Иваномъ, между тѣмъ, начинало совершаться нѣчто неладное.

Онъ бродилъ по коридорамъ и все высматривалъ чтò-то такое. Встрѣчали его и у дверей барыниной спальни, и въ тѣхъ сѣняхъ, что примыкали къ дѣвичьей, и на черной лѣстницѣ. На вопросъ:— чтò ему тутъ надо? онъ ничего не отвѣчалъ и молча отходилъ прочь, но черезъ нѣкоторое время снова появлялся на томъ же мѣстѣ.

— Смотри, дѣвынька, это онъ, вѣрно, тебя съ Яшкой подкарауливаетъ,—предостерегали подруги Лизавету.

Но она преотважная сдѣлалась съ тѣхъ поръ, какъ родила Анютку.

— А пусть его караулитъ, намъ наплевать!—возражала она со смѣхомъ.

Стали замѣчать, что у Ивана глаза по временамъ дико блуждаютъ, и что онъ все чтò-то такое про себя бормочетъ.

Каждый день про него чтò-нибудь новенькое разсказывали; то вдругъ за обѣдомъ, ни съ того, ни съ сего, заведетъ густымъ басомъ: — «Господи помилуй», то всѣхъ перепугаетъ, приставая къ повару Карпу за большимъ ножомъ:—«бѣлую курочку зарѣзать». И такъ страшно произносилъ онъ эти два слова: бѣлая курочка, что всѣ понимали на кого онъ намекаетъ. Другой такой нѣжненькой и бѣленькой бабенки, какъ Лизавета, въ дворнѣ не было.

Наконецъ, однажды утромъ, подавая барину умываться, Иванъ вдругъ громко расхохотался, а когда генералъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, онъ преспокойно вылилъ его п—ву на голову всю воду изъ рукомойника. Затѣмъ, кинулся къ туалетному столу, на которомъ были приготовлены бритвы.

Хорошо, что баринъ успѣлъ выбѣжать въ коридоръ и позвать людей. Ивану связали полотенцемъ руки и увели въ его комнатку подъ лѣстницей.

Послали за докторомъ и за Алексѣемъ Карповичемъ. Первый,

осмотрѣвъ Ивана, объявилъ, что у него острый припадокъ бѣлой горячки, а Алексѣй Карповичъ настоялъ на томъ, чтобъ его скорѣе отправили въ городскую больницу.

— Спокойнѣе будетъ, ваше п—во, дома вамъ его не укараулить, еще вырвется какъ-нибудь, да, Боже сохрани, ея п—во напугаетъ.

Пока запрягали крытые дрожки, чтобъ везти Ивана въ больницу, онъ успокоился, пересталъ буянить, а только плакалъ и все просилъ, чтобъ къ нему привели жену проститься.

Но Лизавету нигдѣ не могли найти. Танюша спрятала ее въ большой гардеробный шкапъ барыни.—Чтобъ мужъ голову съ нея не сорвалъ,—пояснила она потомъ.

VII.

У влюбленныхъ явилась надежда на освобожденіе. Докторъ сказалъ, что Иванъ врядъ ли поправится. У него, кромѣ остраго воспаленія мозга, оказалась и чахотка, и болѣзнь сердца, надо было только дивиться, какъ онъ живъ до сихъ поръ.

Каждый день у насъ кто-нибудь ходилъ его навѣщать. Баринъ безпрестанно освѣдомлялся о немъ. Утромъ нашъ домашній докторъ заѣзжалъ къ намъ съ донесеніями о положеніи больного, а за вечернимъ чаемъ, баринъ спрашивалъ у прислуживавшаго лакея или казачка:—былъ ли кто у Ивана и какъ онъ теперь?

Ему со дня на день дѣлалось хуже.

Лизавета съ Яшкой ликовали. Она расцвѣтала какъ цвѣтокъ, выставленный на солнце; щеки у нея сдѣлались розовыя, глаза блестящіе, и ей большого труда стоило сдерживать свою радость. Еслибъ можно было, она бы цѣлый день смѣялась, да пѣсни пѣла. Некому было теперь ни подсматривать за нею, ни ждать ее на ночь. Передъ тѣмъ, какъ идти спать, она бѣжала къ бабушкѣ покормить Анютку. Туда и Яшка являлся разумѣется. Бабушка имъ не мѣшала. Она была глуха и слѣпа, а къ тому же, послѣ Пугачева, ей ужъ никто не былъ страшенъ. Господъ она не узнавала и одно поколѣніе смѣшивала съ другимъ.

Весь домъ, за исключеніемъ барыни и барина, съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за перипетіями этой любовной драмы, съ нетерпѣіемъ ожидая развязки, т. е. смерти Ивана.

Въ томъ, что онъ скоро умретъ, никто не сомнѣвался. Это и по картамъ у ключницы Авдотьи Савельевны выходило, и сны такіе всѣмъ грезились, собаки на дворѣ по цѣлымъ ночамъ выли, на Яшку изъ печки огромные, красные уголья выскакивали и, наконецъ, Лизавета видѣла двойникъ мужа, возвращаясь какъ-то ночью изъ людской въ свою комнатку. Однимъ словомъ, по всѣмъ примѣтамъ, Ивану выходила смерть.

Онъ вскорѣ и умеръ, но за нѣсколько дней передъ смертью натворилъ такихъ ужасовъ, что долго потомъ безъ трепета не могли у насъ вспоминать про это происшествіе. Какъ-то ночью, онъ вырвался изъ своего заточенія, и какъ былъ въ больничномъ халатѣ, въ колпакѣ на выбритой головѣ, (ему шпанскія мушки на темя ставили), блѣдный, худой, небритый, прокрался въ комнатку, гдѣ спала его жена, улегся рядомъ съ нею и, по увѣренію, Лизаветы, сталъ ее душить.

На ея крикъ прибѣжали люди и связали его. Иванъ не сопротивлялся; онъ такъ ослабѣлъ, что ни рукой, ни ногой не могъ пошевельнуть, но былъ въ полномъ сознаніи и говорилъ безъ умолку. Разсказывалъ про свою любовь къ женѣ и про то, какъ онъ ее ревновалъ къ Яшкѣ.

Такъ онъ ее обожалъ, эту маленькую, бѣленькую женщину, что боялся чѣмъ бы то ни было ее огорчить.

— Я берегъ ее паскуду... вотъ какъ берегъ! Баринъ говоритъ: въ деревню надо Анютку отправить, съ обозомъ, а я: —не надо, ваше п—во, пусть при матери... пусть при матери... все думалъ опамятуется... пойметъ, какъ я ее жалѣю,—лепеталъ онъ безсвязно, обливаясь горькими слезами, въ то время, какъ ему скручивали назадъ руки и везли обратно въ больницу.

Приключеніе это было со всѣми подробностями передано господамъ и баринъ очень жалѣлъ Ивана, а барыня разгнѣвалась на Лизавету, не хотѣла вѣрить, что мужъ ее душилъ и объявила во всеуслышаніе, что если даже Иванъ умретъ, Лизаветѣ никогда не быть женою Яшки.

Иванъ вскорѣ умеръ и maman свое слово сдержала. А послѣ ея смерти, сколько не умолялъ Яковъ барина позволить ему жениться на Лизаветѣ, у которой каждый годъ были отъ него дѣти, генералъ оставался непреклоннымъ.

— Нельзя, братецъ ты мой, нельзя, самъ знаешь, какъ покойница барыня этого не желала.

Такъ и пребывали несчастные любовники въ незаконномъ сожительствѣ до эмансипаціи.

Я была года два замужемъ и жила въ Москвѣ, когда получила письмо отъ Якова. Онъ писалъ, что желая вступить въ законный бракъ съ извѣстной мнѣ Лизаветой Акимовной, проситъ меня по всей откровенности ему сказать—не предвидится ли какого поворота насчетъ воли (только-что тогда объявленной), и чтобъ я сдѣлала милость, разсѣяла ихъ сомнѣнія, потому они опасаются какъ бы потомъ въ отвѣтѣ не быть передъ тѣмъ начальствомъ, которое угодно будетъ царю надъ ними, замѣсто господъ, поставить.

Изъ этой путаницы я поняла, что они бояться вѣрить своему счастью и съ новыми своими правами освоиться еще не могутъ. Я поспѣшила ихъ успокоить и получила въ отвѣтъ благодарствен-

ное письмо, въ которомъ они меня, между прочимъ, извѣщали о томъ, что ко дню ихъ бракосочетанія обѣщала пріѣхать дочка Лизаветы Акимовны, Анна Ивановна, т. е. та самая Анютка, которая родилась при жизни Ивана.

Maman тогда уже лѣтъ десять какъ не было на свѣтѣ. Она умерла лѣтъ тридцати съ небольшимъ.

Характеристику ея я закончу разсказомъ про Катерину Ильинишну.

Н. Мердеръ (Северинъ).

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ[1].

(Выдержки изъ автобіографическихъ замѣтокъ).

IV.

Роль газетъ въ николаевское время.—Вмѣшательство постороннихъ вѣдомствъ въ дѣла печати.—Приглашеніе пожаловать къ генералъ-губернатору.—Обличеніе извозчиковъ и городовыхъ.—Непогрѣшимость полиціи.—Второе приглашеніе къ министру.—Бесѣда о полезности новаго министерства.—Коннозаводство и краснорѣчіе.—Канцеляріи какъ пріюты гласности.—Европа въ 1845 году.—Воронцовъ на Кавказѣ.—Внѣшнія и внутреннія дѣла.—Анекдотъ изъ временъ коронаціи.—Остзейскій баронъ и малороссійскій чиновникъ.—Появленіе «Иллюстраціи».—Первая театральная газета.—Театры въ 1844 и 1845 году.—Нужны ли лѣтніе спектакли?—Актрисы французской труппы.—Печальный конецъ блестящихъ существованій.—Аполонъ Григорьевъ какъ театральный критикъ.—Былъ ли онъ славянофиломъ?—Драмы исключительныхъ и повседневныхъ явленій.—Запрещеніе цензурою «Театральной лѣтописи».—Должна ли критика быть снисходительна?—Булгаринская партія.—Гречъ и его эпиграмы.

АЖДА ГЛАСНОСТИ между людьми, соединившимися въ общества, потребность знать все, чтò дѣлается въ этихъ обществахъ, такъ велики у всѣхъ народовъ, что и при полномъ отсутствіи органовъ этой гласности находятъ возможность удовлетворить стремленію къ ней, развитому въ каждомъ сколько-нибудь интелигентномъ человѣкѣ. Въ древнемъ мірѣ, недодумавшемся до журналистики, были въ большихъ городахъ центры, гдѣ собирались всѣ новости дня. Такими мѣстами были аѳинская агора, римскій форумъ. Въ николаевское время существовали конечно и

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXXIX, стр. 324.

у насъ, какъ во всемъ образованномъ мірѣ, органы гласности—газеты, но наши газеты созданы были повидимому съ исключительною цѣлью: сообщать только о томъ, что все обстоитъ благополучно и все къ лучшему въ лучшемъ изъ государствъ. Обо всякомъ не благополучномъ событіи, если его уже нельзя было скрыть, въ газетахъ говорилось весьма глухо, коротко и неясно. Объ обличеніи какихъ-нибудь общественныхъ, даже городскихъ и тѣмъ болѣе административныхъ, недостатковъ, нечего было и думать. Во время моей журнальной дѣятельности, помимо очень частыхъ и обязательныхъ визитовъ къ разнымъ начальникамъ печати, я удостоился получить приглашеніе пожаловать къ двумъ важнымъ администраторамъ совершенно постороннихъ вѣдомствъ, но считавшимъ также своею обязанностью надзирать за «слишкомъ много позволявшею себѣ журналистикою», какъ выразился первый изъ этихъ администраторовъ, петербургскій генералъ-губернаторъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ, пригласившій меня къ себѣ уже не въ первый годъ моего редакторства. Не искушенный еще и въ то время въ отношеніяхъ журнальнаго дѣла къ постороннимъ властямъ, я положительно недоумѣвалъ, зачѣмъ понадобилось генералъ-губернатору видѣть «коллежскаго совѣтника», какъ я былъ названъ на пригласительной запискѣ въ третьемъ лицѣ, безъ упоминанія моего редакторскаго званія, очевидно не имѣвшаго никакого значенія для чиновной іерархіи. Въ одной изъ обширныхъ залъ казеннаго дома на Большой Морской чиновникъ попросилъ меня обождать «его высокопревосходительство». Тамъ было еще три просителя или приглашенныхъ. Ждать пришлось не долго. Генералъ-губернаторъ вышелъ въ сюртукѣ съ густыми эполетами, въ сопровожденіи двухъ чиновниковъ, и обратился прежде къ посѣтителямъ, прибывшимъ раньше меня. Говорилъ онъ съ ними довольно громко, но я не считалъ интереснымъ вслушиваться въ разговоръ до меня не касавшійся и отошелъ еще дальше, въ глубину залы. Бесѣда съ тремя лицами была непродолжительна. Игнатьевъ скоро покончилъ съ ними, причемъ сильно упрекалъ въ чемъ-то одного изъ просителей, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ другихъ и повторя нѣсколько разъ: «стыдно вамъ въ вашемъ чинѣ, въ вашемъ положеніи, очень стыдно!» Упрекаемый принималъ жалкія позы, бормоталъ что̀-то слезливымъ голосомъ въ свое оправданіе, прижимая лѣвую руку къ правому боку, забывъ вѣроятно, что жестъ этотъ надо дѣлать наоборотъ, пересыпая все это безчисленными «превосходительствами». Но Игнатьевъ рѣзко оборвалъ бесѣду съ этимъ посѣтителемъ и обратился къ другому. Было тяжело и непріятно слышать это публичное распеканіе и видѣть, какъ это лицо, приниженное и сконфуженное, пробиралось, бочкомъ и сжавшись, вдоль стѣнъ къ выходу изъ залы. Сказавъ еще нѣсколько словъ остальнымъ

просителямъ, Игнатьевъ быстро подошелъ ко мнѣ и, назвавъ меня вмѣстѣ съ чиномъ и мѣстомъ служенія, прибавилъ:

— Какъ же это, состоя на службѣ правительства, вы позволяете себѣ осуждать правительственныя распоряженія?

Съ минуту ждалъ онъ отвѣта, но видя, что я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, не понимая въ чемъ дѣло, продолжалъ:

— Вы написали въ вашей газетѣ, что на поворотѣ съ Невскаго въ Морскую, оборванный извозчикъ, бѣшено гнавшій свою лошадь, опрокинулъ старуху, и его не могли догнать городовые?

Я отвѣтилъ не сразу, припоминая, что у меня дѣйствительно говорилъ что̀-то объ этомъ, въ послѣднемъ нумерѣ газеты, мой фельетонистъ П. М. Шпилевскій.

— Въ фельетонѣ, между другими петербургскими извѣстіями, говорилось и объ этомъ случаѣ. Сотрудникъ мой, пишущій фельетоны, былъ самъ свидѣтелемъ этого факта,—сказалъ я.

— Никакого такого факта и быть не могло,—горячо возразилъ Игнатьевъ: извозчикамъ строго запрещена не только бѣшеная, но даже скорая ѣзда, также какъ и неряшливая одежда, городовымъ отданъ приказъ останавливать всякаго, кто нарушаетъ эти постановленія. Печатая, что ихъ не исполняютъ, вы этимъ обвиняете высшія власти въ нерадѣніи и въ недостаткѣ надсмотра, да еще даете совѣты городовымъ—больше смотрѣть за порядкомъ на улицахъ, чѣмъ зѣвать на проѣзжающіе экипажи. И кто вамъ далъ право давать совѣты?

Я опять не могъ отвѣтить тотчасъ же. Мнѣ прежде всего вспомнилось, что совѣтъ фельетониста былъ не совсѣмъ тотъ, на который указывалъ губернаторъ: совѣтовалось лучше останавливать скачущихъ извозчиковъ, чѣмъ заниматься только прикладываніемъ руки къ козырьку. Но цензоръ никакъ не хотѣлъ пропустить такую страшную фразу и смягчилъ ее, какъ сказано выше. Поэтому я отвѣчалъ послѣ достаточной паузы:

— Полагаю, что полезный совѣтъ можетъ дать всякій, особенно лицо, которому предоставлено право говорить съ публикою въ печати. Городовой—не высшая власть и сказать, что онъ зазѣвался, не значитъ обвинять ее въ недосмотрѣ и нерадѣніи. Сужденіе о причинахъ, почему городовой не задержалъ извозчика, могло быть и ошибочное, но самый фактъ этимъ не опровергается.

— Что вы мнѣ все толкуете о фактѣ,—вскричалъ почти запальчиво Игнатьевъ.—Повторяю вамъ, что такого факта не было, иначе мнѣ объ немъ доложила бы полиція, да и въ такомъ видѣ, какъ вы его описали—онъ положительно невозможенъ.

— Однакоже цензура вѣроятно нашла его возможнымъ, если разрѣшила напечатать объ немъ, хотя и не была свидѣтельницею.

— До вашей цензуры мнѣ нѣтъ дѣла,—продолжалъ генералъ въ томъ же взвинченномъ тонѣ,—а за благочиніемъ въ городѣ и за точ-

нымъ исполненіемъ полиціей моихъ предписаній наблюдаю я, во исполненіе возложенной на меня обязанности. Съ министромъ народнаго просвѣщенія я еще, впрочемъ, снесусь, а васъ призвалъ вовсе не для того, чтобы выслушивать ваши объясненія и разсужденія о правѣ давать непрошенные совѣты, но для того, чтобы объявить вамъ, что и я имѣю право выслать административнымъ порядкомъ изъ столицы всякаго, кто вымышленными фактами подрываетъ довѣріе къ полицейскимъ распоряженіямъ и надзору высшихъ властей. Поэтому не пеняйте, если при вторичномъ появленіи въ печати подобнаго обвиненія полиціи въ нарушеніи ея обязанностей—я приму хотя бы и крутыя мѣры для ея огражденія.

Съ этими словами, сказанными въ мажорномъ діапазонѣ, все тѣмъ же начальническимъ тономъ, не допускавшимъ возраженій, Игнатьевъ быстро повернулся ко мнѣ спиною и исчезъ въ дверяхъ, изъ которыхъ вышелъ въ сопровожденіи двухъ чиновниковъ и теперь также безмолвно и почтительно слѣдовавшихъ за нимъ по пятамъ. Я вышелъ недоумѣвая, для чего разыгрывалась вся эта странная сцена. Не думалъ же генералъ-губернаторъ увѣрить меня въ справедливости и законности своего вмѣшательства въ цензуру и литературу, своего отстаиванія полицейской непогрѣшимости. Напоминать о своей власти въ отношеніи административныхъ порядковъ было совершенно напрасно: вся пишущая братія того времени и безъ того была увѣрена въ возможности всякій день отправиться за городскую заставу—дышать воздухомъ болѣе благораствореннымъ, чѣмъ воздухъ столицы. Отправленіе литераторовъ на гауптвахту за то, что они напечатали чтò-нибудь неугодное высшей власти или даже просто побранились между собою, считалось уже, сравнительно, болѣе легкимъ, совершенно приличнымъ и даже литературнымъ наказаніемъ, такъ какъ туда же сажали и офицеровъ за разстегнутые крючки воротника, или когда солдатъ ихъ полка попадался на глаза высшаго начальства одѣтымъ не по всей формѣ. Ничего особенно рѣзкаго не сказалъ мнѣ этотъ бывшій воспитанникъ Московскаго университета; только тонъ его замѣчаній былъ нѣсколько приподнятъ и хотя конечно «тонъ дѣлаетъ музыку», но все-таки это была музыка, то есть довольно стройная гармонія, если не мыслей, то выглаженныхъ фразъ, а не крикъ, съ какимъ нерѣдко обращался къ писателямъ начальникъ печати Мусинъ-Пушкинъ. Для чего же, повторяю, производились въ тѣ времена разными предержащими властями подобныя «внушенія» литературѣ въ лицѣ ея представителей, безапелляціонно отданныхъ на муштровку всякому постороннему вѣдомству, никакого прикасательства къ печати не имѣющему?—Всѣ эти вопросы времени не столь отдаленнаго, какъ тѣ мѣста, куда грозили отправить ослушниковъ, такъ торжественно возвѣщаемыхъ распоряженій—такъ и остались неразрѣшенными. Слѣдствіемъ генералъ-губернаторскаго выговора

было однако то, что цензоръ моей газеты, получившій съ своей стороны также надлежащее внушеніе, долгое время не пропускалъ въ ней словъ: полиція, городовые, даже извозчики, все болѣе и болѣе съуживая сферу предметовъ, о которыхъ разрѣшалось говорить злосчастной журналистикѣ.

Второе приглашеніе «пожаловать для личныхъ объясненій» получилъ я уже гораздо позднѣе, въ эпоху «новыхъ вѣяній», но когда эти вѣянія, сбивая съ ногъ кое-какъ установившіяся цензурныя отношенія, оставляли ихъ все-таки въ безпочвенномъ пространствѣ. Меня вызывалъ начальникъ только-что учрежденнаго и совершенно новаго въ Россіи министерства почтъ и телеграфовъ. Я только-что сказалъ въ своей газетѣ, что почты и телеграфы, служащіе, послѣ государственныхъ цѣлей, больше всего для развитія торговыхъ и промышленныхъ сношеній, конечно представляютъ весьма важный факторъ въ управленіи, но въ странѣ, живущей преимущественно вывозомъ своихъ земледѣльческихъ продуктовъ, учрежденіе вѣдомства земледѣлія и торговли, какъ факторовъ производства—повидимому должно бы предшествовать объединенію въ отдѣльное управленіе факторовъ распространенія этихъ производствъ. Подобное мнѣніе можно было скорѣе причислить къ «осужденію правительственныхъ распоряженій», чѣмъ замѣчаніе о зазѣвавшемся городовомъ, упустившимъ пьянаго извозчика—и поэтому я уже зналъ напередъ, для чего меня призываютъ къ министру почтъ и телеграфовъ и приготовился дать всѣ нужныя объясненія, хотя и въ этомъ случаѣ главнымъ пунктомъ моихъ оправданій должно было служить цензурное разрѣшеніе. Если надъ умственно несовершеннолѣтними лицами установлены опекуны, наблюдающіе за благонравіемъ и приличіемъ мыслей, то очевидно, что за выраженіе этихъ мыслей должны отвѣчать не опекаемые, а сами опекуны. Только черезъ ихъ посредство и слѣдовало бы производить всякаго рода внушенія лицамъ, признаннымъ неспособными безъ цензурнаго надзора говорить въ печати съ публикой, хотя въ то же время за ними признано право быть представителями общественнаго мнѣнія.

Вторая офиціальная бесѣда моя нисколько не походила на первую. Иванъ Матвѣевичъ Толстой принялъ меня чрезвычайно любезно, въ своемъ кабинетѣ, прежде всего пригласилъ сѣсть и заговорилъ самымъ мягкимъ тономъ, нисколько не напоминавшимъ генералъ-губернаторскую «музыку». Онъ началъ съ заявленія полнаго уваженія ко всякому личному мнѣнію, выраженному печатью, но не скрылъ, что ему было непріятно, при первомъ же шагѣ на новомъ поприщѣ, вмѣсто поддержки журналистики, встрѣтить ея сомнѣніе даже въ полезности учрежденія новаго министерства. Выдѣленіе обширнаго почтоваго вѣдомства изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, обнимающаго слишкомъ обширную сферу дѣятельности, должно было, по мнѣнію министра, принести несомнѣнную пользу.

— Поэтому, прибавилъ Иванъ Матвѣевичъ съ добродушной улыбкой, ваше замѣчаніе, что у насъ не людей готовятъ на мѣста, а нерѣдко для способныхъ людей придумываютъ новыя мѣста — не подходитъ къ данному случаю, хотя совершенно вѣренъ приведенный вами анекдотъ о томъ, какъ въ прошлое царствованіе одно высокопоставленное лицо отозвалось о заслуженномъ сановникѣ: «хорошій человѣкъ, надо для него составить какое-нибудь вѣдомство». Впрочемъ, прибавилъ министръ, въ принципѣ я не стою за увеличеніе числа отдѣльныхъ вѣдомствъ и нахожу, что напримѣръ — государственныя имущества или, тѣмъ болѣе — коннозаводство, могли бы и не выдѣляться въ самостоятельныя управленія. Да и ваше министерство земледѣлія и торговли, даже и съ присоединеніемъ къ нему промышленности и надзора за фабричнымъ производствомъ и рабочимъ вопросомъ — дѣло еще очень не близкаго будущаго. Департаментъ сельскаго хозяйства у насъ уже есть, но я не полагаю, что бы чиновники, завѣдующіе изъ Петербурга улучшеніемъ земледѣлія — были идеаломъ сельскихъ хозяевъ. Фабричнаго законодательства у насъ нѣтъ вовсе, а въ какомъ состояніи у насъ торговля и промышленность — извѣстно всякому. Что же касается до рабочаго вопроса, послѣ неурядицы сорокъ восьмого года его боятся затрогивать и въ западной Европѣ.

Министръ бесѣдовалъ еще нѣсколько времени на эту тему. Говоря о числѣ министерствъ, я привелъ между прочимъ мнѣніе Эмиля Жирардена о томъ, что въ благоустроенномъ государствѣ нужны собственно только два министерства: доходовъ и расходовъ. Первое заботилось бы о правильномъ поступленіи въ казну всѣхъ источниковъ государственнаго богатства, второе о равномѣрномъ распредѣленіи этихъ источниковъ на потребности страны и управленія ею. Иванъ Матвѣевичъ находилъ эту мысль болѣе остроумною чѣмъ практичною, и моя болѣе получасовая бесѣда съ нимъ оставила самыя пріятныя впечатлѣнія, особенно по сравненіи ея съ бесѣдою приведенною выше. Правда, между ними было разстояніе въ нѣсколько лѣтъ и перемѣна въ правительственныхъ «вѣяніяхъ», но вѣдь были же и въ николаевское время администраторы, не считавшіе униженіемъ своего сана бесѣдовать безъ начальническаго величія съ лицами, стоявшими ниже ихъ по табели о рангахъ. Не оттого же Игнатьевъ объяснялся высокимъ тономъ, что былъ въ золотыхъ жгутахъ и эполетахъ, а Иванъ Матвѣевичъ въ простомъ вицъ-мундирѣ. О ранней кончинѣ этого прекраснаго человѣка искренно сожалѣли всѣ, кто имѣлъ съ нимъ сношенія, хотя какъ министръ, онъ не успѣлъ сдѣлать ничего выдающагося въ своемъ вѣдомствѣ, прекратившемъ тотчасъ же свое отдѣльное существованіе вслѣдъ за смертью человѣка, такъ глубоко и безкорыстно преданнаго покойному государю.

Слова И. М. Толстого о коннозаводствѣ напомнили мнѣ, что

это учрежденіе, основанное въ 1843 году, какъ отдѣльное главное управленіе, отличалось сначала въ особенности своими витіеватыми докладами по предмету, вовсе не требовавшему избытка краснорѣчія. Въ 1845 году ходила по рукамъ копія заключительныхъ строкъ отчета этого вѣдомства за прошлый годъ. Привожу ее цѣликомъ, какъ записалъ въ то время.

«Оканчивая симъ отчетъ за второй годъ управленія государственнымъ коннозаводствомъ, смѣю думать, что если сія отрасль народной промышленности, получившая столь неукоснительное движеніе благотворнымъ вниманіемъ в. в., сохранитъ настоящій ходъ свой, то умноживъ производительную силу сельскаго труда, обезпечивъ сообщенія предметовъ торговли и доставляя возможность къ лучшему и дешевѣйшему ремонтированію арміи, будетъ имѣть безконечное благодѣтельное вліяніе на всю Россію, вліяніе толь свойственное царствованію». Жаль, что въ то время не существовало тотализатора. Безконечное благодѣтельное вліяніе толь свойственное этой коренной основѣ коннозаводскаго процвѣтанія, конечно послужило бы темою для еще болѣе цвѣтистыхъ фразъ краснорѣчиваго оратора. Китаизмъ выраженій у насъ всегда уживался съ монголизмомъ поступковъ.

Я заговорилъ въ началѣ этой главы о жаждѣ гласности въ сороковыхъ годахъ не для того, чтобы обрисовать ея проявленіе въ тогдашней журналистикѣ, а чтобы указать, что за невозможностью найти въ газетахъ свѣдѣнія интересующія общество, всякого рода слухи и извѣстія собирались въ то время—въ правительственныхъ мѣстахъ, такъ ревниво слѣдившихъ за непоявленіемъ въ печати никакихъ указаній, касающихся этихъ мѣстъ. Новости дня появлялись обыкновенно прежде всего въ многочисленныхъ департаментахъ разныхъ вѣдомствъ, гдѣ чиновники проводили гораздо больше времени въ пріятныхъ бесѣдахъ, чѣмъ въ строченіи дѣловыхъ бумагъ. Теперь они занимаются больше чтеніемъ газетъ и жженіемъ папиросъ, но тогда политика была такимъ же запрещеннымъ плодомъ какъ и табакъ, и курильщики выбѣгали затянуться на лѣстницы и въ ватерклозеты изъ залъ присутствій, прокопченныхъ теперь никотиномъ, но въ то время бывшихъ только центромъ, фойе всѣхъ возможныхъ новостей. Въ военномъ министерствѣ, какъ въ ближайшемъ ко двору, и преимущественно въ канцеляріи министерства, бывшей на половинѣ дороги между Зимнимъ дворцомъ и почтамтомъ, всѣ извѣстія получались раньше, чѣмъ въ другихъ вѣдомствахъ и чиновники канцеляріи часто знали прежде высшихъ круговъ общества о томъ, что̀ дѣлается у насъ и въ Европѣ. А 1845-й годъ представлялъ неутѣшительную картину какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ. Соціальное броженіе начиналось уже во Франціи и Германіи, какъ предвѣстникъ революцій 1848 года. Въ австрійской Галиціи и прусской Познани

произошли сильныя волненія. Краковъ—единственный вольный польскій городъ, послѣдній остатокъ королевства, простиравшагося когда-то отъ моря и до моря — задумалъ сдѣлаться центромъ возстановленія Польши. Вооруженныя банды заняли нѣсколько познанскихъ городовъ. Домбровскій провозгласилъ себя диктаторомъ и десять дней царствовалъ въ Краковѣ. Кончилось конечно тѣмъ, что повстанцевъ прогнали отовсюду. Много молодежи было захвачено и перевѣшано. У насъ въ Варшавѣ взято также нѣсколько заговорщиковъ и повѣшены Коцишевскій, Зарскій, Потоцкій. Паскевичъ приказалъ повернуть всѣ пушки цитадели на городъ и объявилъ торжественно, что при первомъ выстрѣлѣ на улицахъ Варшава перестанетъ существовать. Всѣ крѣпости велѣно было привести въ оборонительное состояніе. Привислянскій и Западный край объявлены на осадномъ положеніи. А между тѣмъ въ западной полосѣ былъ голодъ, а на востокѣ Кавказъ попрежнему поглощалъ цвѣтъ россскаго юношества. Тамъ, въ началѣ года, смѣнили бездарнаго Нейдгардта и назначили намѣстникомъ М. С. Воронцова, хорошаго администратора, но очень стараго. Ему пришлось начать свое управленіе не съ военныхъ подвиговъ, а съ выговоровъ полковымъ командирамъ за то, что они удерживали въ свою пользу винныя и мясныя порціи у своихъ солдатъ. Шамиль, одержавшій въ 1844 году столько важныхъ успѣховъ, въ слѣдующемъ году былъ сильно боленъ, что не мѣшало ему выказывать прежнюю жестокость. Такъ онъ разстрѣлялъ 36 человѣкъ нашихъ плѣнныхъ и отпустилъ только одного поручика Демьянова, варварски истязавъ его, по словамъ самого поручика, полуторатысячью ударовъ. Бѣднякъ получилъ здѣсь за это тысячу рублей серебромъ. Но вскорѣ пришлось прибѣгнуть и къ подвигамъ, чтобы «деморализировать горцевъ». Рѣшено было занять столицу Шамиля Дарго, и этотъ неприступный аулъ былъ взятъ штурмомъ, конечно, послѣ отчаянной борьбы со стороны дикарей и тяжелыхъ потерь съ нашей. Однихъ офицеровъ погибло при штурмѣ 189 человѣкъ, Воронцову дали за это дѣло титулъ князя, только не Даргійскаго, хотя взять Дарго было несомнѣнно труднѣе, чѣмъ Эривань Паскевичу.

По военному вѣдомству облегчена въ томъ же году служба въ караулахъ: послѣ 9-ти часовъ вечера уже не велѣно караулу выходить на площадку. Разрѣшено также военнымъ въ царскіе дни носить сюртуки. 16-го іюля вышелъ указъ о пожалованіи потомственнаго дворянства только съ чиновъ маіора и статскаго совѣтника. Нѣсколько раньше вышло новое уложеніе объ уголовныхъ наказаніяхъ, все еще далеко не отвѣчавшее гуманному развитію криминальныхъ теорій. Частыя поѣздки Николая I по Европѣ и въ особенности его путешествіе по Италіи до Палермо, возбуждали въ европейской печати такіе же толки, какъ теперь «die wilde Jagd durch Europa» Вильгельма II. Заграничныхъ памфлетовъ на Россію

появлялось не меньше, чѣмъ теперь, а недоброжелателей было гораздо больше. Во Франціи, управляемой орлеанской династіей, никому и на умъ не приходило симпатизировать «казакамъ и варварамъ». Явная вражда англичанъ и тайная—нѣмцевъ подъ покровомъ династической и дипломатической дружбы была также сильна, какъ и нынче. Французы по поводу нашихъ послѣднихъ успѣховъ на Кавказѣ писали, что горцы приносятъ большую пользу Россіи, производя въ ней періодическое кровопусканіе, безъ чего у нея, какъ у полнокровнаго индивидуума, завелись бы въ головѣ сумасбродныя идеи, опасныя для спокойствія Европы.

На ряду съ политическими и административными новостями собирались въ канцеляріяхъ новости общественной жизни. 17-го марта, на крестинахъ великаго князя Александра Александровича, было роздано много наградъ. Одинъ министръ двора князь Волконскій получилъ четыреста тысячъ рублей серебромъ и былъ еще недоволенъ тѣмъ, что его не сдѣлали канцлеромъ, какъ Нессельроде. Но министръ иностранныхъ дѣлъ, на ряду съ безпредѣльной преданностью нѣмецкимъ интересамъ, отличался по крайней мѣрѣ дипломатическою изворотливостью, а Волконскій не оказывалъ никакихъ особенныхъ заслугъ, кромѣ безпредѣльной преданности.... По этому поводу разсказывали случай, бывшій во время коронаціи Николая I. Покойный Голицынъ вошелъ съ какимъ-то экстреннымъ докладомъ къ государю, когда тотъ былъ въ ваннѣ. Государь былъ въ духѣ и разрѣшилъ Голицыну просить у него все, чтò ему вздумается. Тотъ попросилъ въ знакъ особаго благоволѣнія рубашку, только-что снятую императоромъ. Просьба его была, конечно, удовлетворена. Въ этой рубашкѣ старикъ, умирая, велѣлъ себя похоронить, на чтò потребовалось разрѣшеніе синода. Ночью 18-го марта, въ сенатѣ загорѣлся шкафъ съ дѣлами, хотя по близости не было печи и комнату три дня не топили. Это средство рѣшать запутанныя дѣла было въ то время еще новостью. Въ обществѣ очень жалѣли о смерти Елисаветы Михаиловны, дочери великаго князя Михаила. Выйдя замужъ въ одно время съ великой княгиней Александрой Николаевной, она умерла отъ родовъ, какъ и младшая дочь императора Николая.

Исключительныя преступленія были и тогда рѣдки въ столицѣ, въ Троицкомъ переулкѣ зарѣзали двухъ женщинъ; въ Коломнѣ нашлась чадолюбивая мать, державшая нѣсколько лѣтъ на чердакѣ своихъ двухъ дѣтей въ дикомъ состояніи.

Въ канцелярію военнаго министра являлись по временамъ лица, обращавшія на себя невольное вниманіе. Такъ, приходилъ туда одинъ баронъ, семнадцать лѣтъ просидѣвшій въ казематѣ по ошибкѣ вмѣсто другого лица. Ему за это дали Владиміра на шею, чинъ коллежскаго совѣтника и десять тысячъ рублей. Едва ли все это вознаградило бѣдняка за перенесенныя имъ лишенія, и онъ,

потерявъ во время своего заключенія всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, шатался только по трактирамъ и ресторанамъ, пропивая свою пенсію до послѣдней копѣйки. Трактирную жизнь вело въ то время въ Петербургѣ еще одно замѣчательное лицо, нѣкто Дениско. Служа въ одной изъ малороссійскихъ губерній, онъ взялъ однажды отпускъ на 28 дней, имѣя дѣло въ сенатѣ, и жилъ по этому дѣлу уже 28-й годъ въ столицѣ, все собираясь вернуться въ свой родной хуторъ, какъ только кончатся всѣ мытарства россійскаго судопроизводства. Не знаю, дождался ли Дениско если не совсѣмъ скораго, то по крайней мѣрѣ благопріятнаго рѣшенія своего дѣла.

Въ литературѣ въ этомъ году явилось два новыхъ періодическихъ изданія: ежемѣсячное «Финскій Вѣстникъ», подъ редакціей путейца Дершау, и еженедѣльное—«Иллюстрація», подъ редакціей Кукольника. Толстый журналъ и еще посвященный преимущественно чуждой намъ, хотя и вошедшей въ составъ Россіи національности, былъ если и не лишнимъ явленіемъ, то — во всякомъ случаѣ—и не необходимымъ. Но газета съ рисунками, изображающими событія современной общественной жизни, и хоть сколько-нибудь подходящая къ подобнымъ же европейскимъ изданіямъ, пополняла существенный пробѣлъ въ русской журналистикѣ. Къ сожалѣнію, наша «Иллюстрація» встрѣтила на первыхъ же порахъ два непреоборимыхъ препятствія для своего процвѣтанія: строгость тогдашней цензуры и недостатокъ хорошихъ рѣзчиковъ на деревѣ. Не говоря уже о томъ, что въ журналѣ не допускались никакіе рисунки, относящіеся къ политическимъ событіямъ въ Европѣ, сцены изъ русской жизни подвергались столькимъ мытарствамъ, проходили черезъ столько цензуръ, подвергались зачастую такимъ передѣлкамъ, что картина майскаго парада появлялась осенью, а крещенской іордани весною. Отсутствіе же искусныхъ граверовъ превращало нерѣдко портреты общественныхъ дѣятелей въ карикатуры; къ этому надо было еще присоединить національную и врожденную неакуратность русскихъ художниковъ, никогда не исполняющихъ своихъ обязанностей къ сроку и постоянно запаздывающихъ со всѣми сдѣланными имъ заказами. Не смотря на все это, русская «Иллюстрація», при всей безалаберности ея редактора, имѣла успѣхъ, которому положила конецъ только цензурная психопатія 1848 года.

Кукольникъ приглашалъ меня участвовать въ его изданіи и я очень сожалѣлъ, что занятый работами по «Репертуару», не могъ принять его предложенія. Я всегда былъ убѣжденъ, что развитію здравыхъ идей и популяризаціи энциклопедическихъ знаній въ полуобразованныхъ массахъ болѣе всего содѣйствуютъ иллюстрированныя изданія и, съ самаго начала моего литературнаго поприща, намѣревался заняться именно этимъ видомъ журналистики, которому посвятилъ себя только въ 1858 году, отдавъ ему 20 лѣтъ моей

жизни. Но въ началѣ сороковыхъ годовъ я уже весь принадлежалъ театру, много писалъ для него и, въ особенности, о немъ. Съ 1844 года, я велъ постоянную и чрезвычайно акуратную театральную хронику въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», въ отдѣлѣ «Матерьялы для исторіи русскаго театра» и могу смѣло сказать, что по этимъ матерьяламъ будущій историкъ петербургской сцены можетъ вполнѣ возсоздать значеніе нашихъ театровъ въ теченіе сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ (съ 1852 г. я велъ эту хронику уже въ «Пантеонѣ» Кони). Кромѣ постоянныхъ ежемѣсячныхъ статей о замѣчательныхъ спектакляхъ всѣхъ столичныхъ сценъ, я составлялъ и годичные обзоры дѣятельности всѣхъ труппъ. Для русскаго театра составлялись въ «Репертуарѣ» отдѣльныя таблицы съ графами, гдѣ показывалось число всѣхъ представленій, казенныхъ и бенефисныхъ спектаклей, дебюты новыхъ артистовъ и проч. Теперь такихъ отчетовъ не составляютъ, находя, вѣроятно, безполезнымъ дѣлать общіе выводы изъ частныхъ явленій, не стоющихъ замѣчанія. Но полвѣка тому назадъ театръ, если и не считали уже школою нравственности, то видѣли въ немъ все-таки полезную эстетическую и литературную цѣль, а не школу разгула, гдѣ праздная, неразвитая масса удовлетворяетъ свои далеко не эстетическія поползновенія. О русской труппѣ сороковыхъ годовъ въ молодомъ поколѣніи сохранились только преданія, но кто видѣлъ ее въ то время, тотъ сознается, что никогда на нашей сценѣ не появлялось такого обилія дарованій во всѣхъ родахъ и такой плодовитой, хотя и не очень плодотворной дѣятельности. 1844-й годъ былъ въ этомъ отношеніи кульминаціонымъ пунктомъ, съ котораго начался уже упадокъ театра въ сценическомъ отношеніи. Въ этомъ году дирекція поставила въ числѣ 233-хъ спектаклей 75 вновь монтированныхъ пьесъ. Ей было легко это сдѣлать, потому-что больше половины новыхъ и возобновленныхъ пьесъ достались ей даромъ, какъ игранныя въ бенефисы, а такихъ бенефисовъ было въ теченіе года 17. Обычай не платить за бенефисныя пьесы исчезъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, но почему уничтожили обычай давать спектакли лѣтомъ—это не оправдывается никакими соображеніями. Ни въ одной европейской столицѣ на лѣто не прекращается сценическая дѣятельность, потому-что это время пріѣзда провинціаловъ и иностранцевъ, хотя собственно городскіе жители разъѣзжаются по загороднымъ мѣстамъ. Въ Петербургѣ пріѣзжихъ лѣтомъ не меньше, чѣмъ въ другихъ столицахъ, за что же ихъ лишать возможности видѣть русскій театръ? Говорятъ, актерамъ нуженъ отдыхъ, но гдѣ же въ Европѣ актеръ отдыхаетъ семь недѣль сряду въ февралѣ и мартѣ, да двѣ недѣли въ августѣ, кромѣ 52-хъ субботъ, да множества праздничныхъ кануновъ? Насильно не превлечешь въ другое мѣсто тѣхъ, кого не пускаютъ въ театръ по субботамъ.

Въ 1844 году театръ далъ дирекціи чистаго барыша полтораста тысячъ серебромъ, и если вслѣдъ затѣмъ сталъ давать дифицитъ, то потому, что начали ставить дорого стоющіе и ничего не приносящіе балеты. Злые языки прибавляютъ еще и то обстоятельство, что театральные чиновники начали жить гораздо шире. И хорошіе сборы давали не блестящія литературныя произведенія, а пьесы весьма сомнительнаго литературнаго значенія, какъ «Ермакъ» Полевого, «Басенокъ» Кукольника, передѣлки «Эсмеральды», бульварныхъ драмъ «Серафимы Лафайль», «Евлаліи Понтуа» и т. п. Болѣе всего полные сборы дѣлали пьесы, въ которыхъ появлялся на петербургской сценѣ высокоталантливый московскій гость Щепкинъ, съигравшій у насъ 16 ролей въ такихъ пьесахъ, какъ «Горе отъ ума», «Ревизоръ», мольеровскіе «Тартюфъ» и «Школа женщинъ», «Москаль-чаровникъ» и «Матросъ». Но еще болѣе успѣха на сценѣ имѣли «Преферансъ» и «Полька». Въ слѣдующемъ году репертуаръ былъ уже гораздо лучше: явилась «Смерть Ляпунова» С. Гедеонова, комедіи: «Война съ тещей», «Свѣтскій случай», «Заколдованный принцъ», «Именины городничаго» и проч. Въ пустой шуткѣ «Букеты», написанной умнымъ человѣкомъ, гр. В. Соллогубомъ, авторъ осмѣялъ возникшее на нашей сценѣ цвѣтобѣсіе: букеты подносились всѣмъ безъ разбора и первому трагику В. А. Каратыгину, и бездарнымъ танцоркамъ, перешедшимъ изъ балета на александринскую сцену, и акробату Рислею, ломавшемуся на той же сценѣ въ антрактѣ между двумя водевилями, и Рубини, пѣвшему въ бенефисъ Каратыгина. Цвѣтами осыпали на масляницѣ въ балаганѣ Леде и накрашенную даму, танцовавшую польку-мазурку, и даже кита, остовъ котораго показывали въ публикѣ въ балаганѣ близь Александринскаго театра.

И какая блестящая французская труппа была у насъ въ 1845 году! Прямо со сцены перваго французскаго театра, въ полномъ цвѣтѣ силы и таланта, перешла на нашу сцену Плесси, за что̀ Парижъ долгое время бранилъ и ее, и Россію. Но въ это время, французскіе артисты, прослуживъ десять лѣтъ на императорской сценѣ, получали въ пенсію полный окладъ ихъ содержанія. Мудрено ли, что это условіе соблазняло многихъ: въ три съ половиной раза было выгоднѣе быть иностраннымъ актеромъ, чѣмъ русскимъ генераломъ. Поступивъ на сцену 20-ти лѣтъ, какъ Бертонъ замѣнившій у насъ Брессана, актеръ могъ оставить ее еще полный силъ, но уже обезпеченный на всю остальную жизнь, тогда какъ чиновникъ послѣ 35-тилѣтней службы большею частью былъ уже ни на что̀ негоденъ. Лица, доставляющія намъ удовольствіе, пользуются бо̀льшими благами міра, чѣмъ лица приносящія пользу. Плесси, при всемъ ея талантѣ, не заставила однако нашу публику забыть даровитую Алланъ, хотя уже нѣсколько постарѣвшую, и симпатичную Александръ-Мейеръ, старинную любимицу Михайловскаго театра. Это

были три настоящія артистки, для которыхъ сцена была цѣлью, а не средствомъ, какъ у Пажъ, Фальконъ и Эстеръ. Первыя три вели семейную жизнь: у Плесси былъ мужъ писатель, у Алланъ—артистъ, съ дарованіемъ еще бо̀льшимъ, чѣмъ у жены, у Луизы Мейеръ—мужъ то же актеръ, весьма полезный на вторыя роли. Про супружескія отношенія двухъ паръ людское злословіе отзывалось не совсѣмъ благосклонно, но не могло обвинить ихъ ни въ какомъ открытомъ нарушеніи общественныхъ условій. Но про трехъ не замужнихъ артистокъ говорили напротивъ уже слишкомъ много. Корнелія Фальконъ, хорошая оперная пѣвица, потерявшая голосъ, когда ей не было еще 30-ти лѣтъ, поступила на нашу сцену, не имѣя никакого драматическаго таланта, но для того, чтобы имѣть обезпеченное содержаніе. Эстеръ Бонгаръ была не дурная актриса на роли лоретокъ, гризетокъ и на мужскія роли, хотя и исполняла ихъ безъ всякаго одушевленія. У Пажъ было еще меньше дарованія, но гораздо больше привлекательности, если не на драматической, то на житейской сценѣ. Только оцѣнить по достоинству эту артистку могли не многіе баловни фортуны, имѣвшіе возможность тратить по крайней мѣрѣ тысячу рублей въ сутки. Осматривая ея изумительно-роскошную квартиру, одно лицо сказало ея хозяйкѣ: «это просто волшебныя сказки: les contes de fées.—Нѣтъ, отвѣчала Пажъ: это изъ тысячи—одной ночи, ce sont les contes (или les comptes) de mille et une nuits. Но странна была судьба этихъ трехъ представительницъ прожиганія жизни. Напрасно французы говорятъ, что ихъ эманципированныя соотечественницы, скопивъ себѣ состояніе веселой жизнью, дѣлаются подъ старость набожными филантропками. Такой конецъ ждетъ весьма немногихъ изъ этихъ дамъ. Кому легко достаются деньги, тотъ легко и спускаетъ ихъ. Пажъ умерла въ нуждѣ и бѣдности; Фальконъ, также раззорившаяся, ослѣпла подъ старость. Судьба Эстеръ была еще ужаснѣе: параличъ лишилъ ее употребленія ногъ и рукъ и, подѣйствовавъ на мозгъ, сдѣлалъ почти идіоткой. Ее лечили въ одной парижской больницѣ и, по докторскому предписанію, сажали поутрамъ на полчаса въ ванну, куда горячая вода прибавлялась изъ крана по мѣрѣ того, какъ остывала въ ваннѣ. Устроивъ ее однажды для больной, сидѣлка за чѣмъ-то ушла. Сама ли Эстеръ, владѣвшая одной рукой, отвернула безсознательно кранъ или онъ самъ открылся, только горячая вода полилась струею; разслабленная больная не могла выскочить изъ ванны, криковъ ея не слыхали, и несчастная буквально сварилась въ кипяткѣ. Когда пришли къ ней она была уже трупомъ.

Нѣмецкая труппа наша была также весьма замѣчательна, она поставила 72 піесы въ сезонъ—тремя больше, чѣмъ французы. Если въ ней не было такихъ первоклассныхъ дарованій, какъ у французовъ, то ансамбль былъ положительно не хуже. Съ французскими комиками: Верне, Руже, Готи, Варле, смѣло могли сравняться—Го-

ландъ, Моръ, Шварцъ, Замтъ, Ладдей и Бозардъ, были также очень хорошіе актеры; изъ прежней нѣмецкой оперы остался въ труппѣ прекрасный басъ Ферзингъ, а такой комической старухи, какъ Альбрехтъ, не было ни на одной сценѣ. Въ итальянской оперѣ были: тотъ же Рубини, превосходный контральтъ Альбони, Тамбурини, Сальви, бассъ Корради, Віардо-Гарсіа, Кастеланъ, Мольтини. Къ нимъ на подмогу, въ нѣкоторыхъ операхъ, являлись нѣмецъ Ферзингъ и наши русскіе пѣвцы и пѣвицы: Петровъ, Леоновъ, Степанова, Лилѣева, Каратыгина. Они же участвовали и въ русской оперѣ, влачившей печальное существованіе. Въ годъ поставили восемь старыхъ оперъ и одну новую — «Ольга», съ музыкою Бернарда. Это доморощенное произведеніе скончалось послѣ второго представленія. Балетъ также не процвѣталъ. Умерла 20-ти лѣтъ даровитая Шлефохтъ, ее не замѣнили наслѣдницы ея—Прихунова, Никитина и Яковлева. Андреянова весь годъ лечилась и училась за границей и танцовала въ Парижѣ.

Театральная лѣтопись, которую я велъ въ «Репертуарѣ», появляясь разъ въ мѣсяцъ въ книжкѣ журнала, не удовлетворяла своему назначенію. О сценическихъ новостяхъ слѣдовало сообщать вслѣдъ за ихъ появленіемъ, чтобы артисты и режиссерская часть могли воспользоваться замѣчаніями критики и заявленіями публики. Я задумалъ тогда — отдѣлить театральную лѣтопись отъ журнала и выпускать ее еженедѣльно, въ формѣ газеты, съ обзоромъ за прошлую недѣлю всѣхъ новостей русской и иностранной сцены. Первый нумеръ моей газеты явился перваго января 1845 года: тутъ были: театральный дневникъ и отчетъ о первыхъ представленіяхъ итальянской, французской и нѣмецкой труппы (о двухъ послѣднихъ труппахъ отчеты давались на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ), письма изъ Парижа, изъ Берлина — о новой оперѣ Мейербера, мелкія извѣстія и даже «современные костюмы» съ картинкой модъ. Появленіе первой у насъ газеты, посвященной театру, встрѣчено было публикою сочувственно. Подписка на «Репертуаръ» увеличилась, такъ какъ отдѣльно на «Театральную Лѣтопись» она не принималась. Съ четвертаго номера Аполлонъ Григорьевъ началъ помѣщать въ газетѣ интересныя письма «объ элементахъ драмы въ нынѣшнемъ русскомъ обществѣ». Въ этихъ письмахъ нашъ лучшій критикъ послѣ Бѣлинскаго, во многихъ отношеніяхъ стоящій не ниже Добролюбова, является далеко не такимъ славянофиломъ, какимъ его характеризуетъ г. Страховъ. Григорьевъ хвалитъ Кукольника за то, что «угадавъ лучшую струну нашего патріотизма, онъ не осквернилъ этого чувства хвалою кулаку и сивухѣ, жалобами на паденіе стараго боярства съ его отвратительнымъ произволомъ, и раскольничьяго быта, скошеннаго вмѣстѣ съ бородами съ лица русской земли». «Честь Кукольнику и за то наконецъ, прибавляетъ критикъ, что съ благоговѣніемъ и

любовью изучаетъ онъ всѣ слѣды лучезарнаго шествія Петра и дѣлаетъ доступнымъ для массы его сіяющій ликъ». Григорьевъ вступается и за театральную публику, за массу, наполняющую верхи и дешевыя мѣста на представленіяхъ «Польки» и «Преферанса». Масса—дитя, tabula rasa, говоритъ онъ: виновата ли она, что ее подчуютъ нелѣпостями, воспитываютъ такъ дурно? Будь у насъ сколько-нибудь благообразная драматическая литература, уничтожились бы всѣ сценическія нелѣпости. Существуютъ онѣ и во французской драматургіи, но тамъ онѣ исключеніе и не идутъ на перекоръ здравому смыслу и убѣжденіямъ общества. Но наши нелѣпицы не только просто пошлы, онѣ вредны потому, что созидаются наперекоръ здравому смыслу общества, утверждаютъ то, что общество давно отвергло. Критикъ разбираетъ главный элементъ современной драмы: любовь— и находитъ, что «Ромео, рыдающій въ пещерѣ Лоренцо, намъ непонятенъ и даже смѣшонъ; мы не понимаемъ его отчаянія, но понимаемъ любовь, основанную на взаимноравномъ отношеніи двухъ равно разумныхъ существъ». Другой конекъ нашей драмы Григорьевъ видитъ въ изображеніи идеальныхъ художниковъ, съ презрѣніемъ относящихся къ массѣ и страдающихъ оттого, что имъ не воздвигаютъ троновъ. По мнѣнію критика, не только смѣшонъ, но и жалокъ человѣкъ, который «среди общаго стона слышитъ только свою пѣсню, среди страшныхъ явленій жизни обдѣлываетъ съ величайшимъ стараніемъ свою статуэтку и любуется ею, когда кругомъ него блѣдныя, изнуренныя голодомъ лица». Въ возвеличеніи такого печальнаго идеала А. Григорьевъ обвинялъ Пушкина, съ стихотворенія котораго «Поэтъ и чернь», начались неистовые возгласы противъ толпы, непонимающей художника. «Но въ Пушкинѣ, который былъ только художникъ, а если и хотѣлъ быть подчасъ поэтомъ соціальнымъ, то въ соціальности его проглядывалъ всегда элементъ русскаго помѣщика,—въ Пушкинѣ это было только слѣдствіемъ увлеченія Байрономъ и непониманіемъ Байрона, испытывавшаго страданія человѣка, а не поэта,—о чемъ догадались только послѣ его смерти».

Въ концѣ второго письма критикъ высказываетъ весьма вѣрныя заключенія о современной драмѣ, которую онъ предлагаетъ раздѣлить на драму исключительныхъ и на драму повседневныхъ явленій; послѣдняя важна не менѣе первой, потому что и въ группахъ совершается тотъ же процесъ вѣковой идеи, какъ и въ исключительностяхъ. У всѣхъ народовъ театръ былъ всегда не только пропагандою идеаловъ, но и освященіемъ повседневныхъ явленій жизни. Идеалисты и теперь считаютъ сцену—профанаціей искусства, потому что она приближаетъ искусство къ потребностямъ жизни. Оттого и творецъ настоящей драмы Шекспиръ считалъ свои плохіе сонеты и поэмы единственно чистымъ служеніемъ искусству и сознавался, что профанируетъ его въ своихъ пьесахъ,

но поэту нельзя было дѣйствовать иначе какъ съ подмостковъ театра и Шекспиръ удовлетворялъ требованіямъ этой массы, вопреки своимъ личнымъ убѣжденіямъ. Современной драмѣ критикъ предъявляетъ весьма серьезныя требованія. «Задача драмы повседневныхъ явленій, говоритъ онъ, уловить въ этихъ явленіяхъ ту особенную сторону жизни, которая движитъ извѣстнымъ вѣкомъ и извѣстнымъ народомъ». А между тѣмъ, современной драмой «ворочаютъ избитый рычагъ пошленько-сладкой любви, которая такъ не клеится съ мундирными фраками чиновниковъ, съ фартуками хозяекъ, съ кухнею и преферансомъ, а еще болѣе не клеится съ грубою натурою русскаго человѣка».

Эти мѣткія и малоизвѣстныя сужденія о театрѣ Григорьеву не удалось, однако, развить во всей полнотѣ, какъ онъ обѣщалъ мнѣ. «Театральная Лѣтопись» была запрещена цензурою на восьмомъ нумерѣ, вышедшемъ 19 февраля. Предлогомъ запрещенія было то, что «Лѣтопись» являлась въ видѣ отдѣльной газеты, не разрѣшенной цензурнымъ вѣдомствомъ; настоящею причиною, — какъ мнѣ объяснилъ это цензоръ, финляндецъ Мехелинъ, человѣкъ образованный и расположенный къ литературѣ—слишкомъ рѣзкій тонъ статей газеты, относившейся большею частью отрицательно ко всѣмъ явленіямъ театральнаго міра. Обвиненіе это было уже предъявлено мнѣ и я привелъ его въ 7-мъ выпускѣ газеты въ статьѣ «сценическое искусство и театральная критика», но не найдя возможнымъ измѣнить тонъ статей, объяснилъ тутъ же причину его и общаго недовольства театромъ и драматическою литературою. А. Григорьевъ подтвердилъ то же мнѣніе въ 8-мъ выпускѣ, называя положеніе нашей сцены жалкимъ и говоря, что къ сценическимъ дѣятелямъ слѣдуетъ относиться съ негодованіемъ и смѣхомъ. Поэтому, видя что газета не мѣняетъ направленія, ее и прихлопнули на 8-мъ нумерѣ. Привожу главные пункты цензурнаго обвиненія изъ названной выше статьи и моего возраженія на нихъ, такъ какъ и въ 45 лѣтъ положеніе нашего театра не измѣнилось и къ нему приходится относиться съ тою же строгостью, какъ и въ дореформенное время.

«За что́ вы, господа рецензенты,— говорила цензура,—такъ нападаете на нашъ театръ, на пьесы, на нѣкоторыхъ актеровъ и почти на всѣхъ авторовъ? Что́ за страсть у васъ во всемъ видѣть дурное, все бранить, надо всѣмъ смѣяться, и смѣяться не добродушнымъ веселымъ смѣхомъ, а съ желчнымъ юморомъ, съ какимъ-то ожесточеніемъ. Рецензентъ долженъ говорить правду, но спокойно, холодно, съ убѣжденіемъ, не гоняясь за остротою, не увлекаясь насмѣшкою. Онъ долженъ быть судьею въ дѣлѣ искусства, а не сатирикомъ, не безпощаднымъ юмористомъ. Онъ долженъ доказать, почему это дурно, а не смѣяться надъ тѣмъ, что оно дурно. Правда дѣйствуетъ на человѣка сильнѣе, чѣмъ насмѣшка. Правда убѣж-

даетъ, насмѣшка раздражаетъ. Какая цѣль всѣхъ вашихъ филиппикъ противъ драматическаго искусства и жрецовъ его? исправленіе недостатковъ? Но развѣ можно исправить ихъ язвительными сарказмами? Развѣ виновенъ авторъ, если пьеса его исполняется не такъ, какъ она имъ задумана? Развѣ виновата актриса, когда горсть театраловъ вызываетъ ее съ шумомъ и громомъ и осыпаетъ цвѣтами?»

Вотъ въ главныхъ чертахъ отвѣтъ на эти упреки, раздающіеся и теперь по адресу не только сценической, но и вообще литературной критики:

«Хладнокровное и спокойное отношеніе критики къ театральнымъ и литературнымъ явленіямъ совершенно справедливо и необходимо, но только при извѣстныхъ условіяхъ. Въ принципѣ судья вездѣ и во всемъ долженъ быть безпристрастнымъ и не возставать съ насмѣшкою и сарказмомъ на подсудимаго. Идеалъ критики—холодное, юпитеровское спокойствіе, произносящее приговоры, обнаруживающее недостатки, но не преслѣдующее ихъ. Но гдѣ и въ какомъ обществѣ возможна подобная критика? Тамъ, гдѣ литература уже установилась на твердыхъ, всѣми признанныхъ основаніяхъ, гдѣ никто не споритъ противъ принятыхъ всѣми законовъ искусства и не восхищается уродливостью, называя ее оригинальностью. Такого рода критика существуетъ въ Англіи, Германіи, во Франціи, но въ Россіи, гдѣ еще до сихъ поръ перекипаетъ и бродитъ столько разнородныхъ элементовъ общественной жизни, гдѣ не только въ Петербургѣ и Камчаткѣ, въ Москвѣ и Ревелѣ, думаютъ совершенно различно не объ одной литературѣ, но гдѣ, въ одномъ и томъ же городѣ, люди дѣйствующіе на одномъ и томъ же поприщѣ, разсуждаютъ объ одномъ и томъ же предметѣ—одинъ какъ европеецъ, другой какъ патагонецъ, въ нашей великой и обильной Россіи установился ли правильный взглядъ на литературу, на критику? Гдѣ у насъ общепринятая теорія прекраснаго? Объ этомъ нечего и думать, потому что прежде, чѣмъ образовывать писателей, надо образовать кругъ публики, у которой понятія о прекрасномъ чрезвычайно разнообразны. У насъ находятся читатели и «Маяка» и Кузьмичева. Докажите какой-нибудь барышнѣ, что Бенедиктовъ и Марлинскій не образцовые писатели, убѣдите важное лицо изъ семинаристовъ, что Сумароковъ—образецъ бездарности, а Гоголь не простой грязненькій писатель, но чтò-нибудь и повыше, увѣрьте массу публики, что «Преферансъ» и «Полька» не составляютъ альфы и омеги сценическаго искусства—и тогда можно будетъ писать спокойныя рецензіи. Бездарность и презрѣніе къ искусству могутъ вывести изъ терпѣнія. На одеревенѣлыя головы нельзя иначе дѣйствовать, какъ сатирою. Правда, высказанная спокойно, не обратитъ на себя вниманія, сарказмъ невольно заставитъ человѣка подумать о своихъ недостаткахъ. Многіе мо-

гуть отъ нихъ исправиться, не потому что сознаютъ ихъ, а потому что будутъ бояться прослыть смѣшными. Истиннаго таланта никогда еще не убивала самая злонамѣренная критика. Отзовись снисходительно о бездарности, она завалитъ тебя новыми произведеніями и потомъ, прокричавъ, что ты самъ сперва похвалилъ ее, будетъ ругать тебя за измѣнчивость сужденій. Стоитъ ли серьезнымъ тономъ говорить о пустякахъ. Можно ли спокойно глядѣть на явную пошлость, на визиготское искаженіе самыхъ обыкновенныхъ понятій? Насмѣшка дѣйствуетъ сильнѣе дисертацій. Смѣяться надъ нелѣпыми понятіями гораздо полезнѣе, чѣмъ вооружаться противъ нихъ доводами логики, приводя въ примѣръ основные законы истины. Смѣхъ производитъ впечатлѣніе на сердце человѣка, убѣжденіе дѣйствуетъ только на голову. Пусть лучше человѣкъ не пойметъ, но почувствуетъ дурную сторону своихъ недостатковъ. Голосъ чувства не рѣдко сильнѣе убѣжденій ума».

Съ запрещеніемъ «Театральной Лѣтописи» и съ прекращеніемъ въ 1846 году «Репертуара» я сталъ хлопотать о пріобрѣтеніи какого-нибудь періодическаго органа, въ которомъ могъ бы высказывать свои мысли не объ одномъ театрѣ или по поводу его. «Репертуаръ», правда, не стѣснялъ меня въ этомъ отношеніи: тамъ я, кромѣ рецензій, писалъ большіе этюды по разнымъ предметамъ: о Шекспирѣ въ его малоизвѣстныхъ произведеніяхъ, о Менандрѣ и Теренціи, о Рабеле, о Фаустѣ, напечаталъ, кромѣ своихъ пьесъ, являвшихся на александринской сценѣ—драму изъ древняго міра «Клитемнестра», нѣсколько романовъ, повѣстей, стихотвореній, велъ ежемѣсячный отдѣлъ юмористики, въ которомъ набросалъ довольно подробную картину петербургской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Но этого мнѣ было мало: я хотѣлъ имѣть свой органъ для того, чтобы высказаться ясно и открыто, отъ своего имени, противъ булгаринскихъ тенденцій и направленія «Сѣверной Пчелы». Въ «Репертуарѣ» я не могъ сдѣлать этого потому, что Межевичъ по своимъ служебнымъ и литературнымъ отношеніямъ не могъ явно возстать противъ булгаринста, хотя и ссорился съ его представителемъ чуть не въ каждомъ нумерѣ своего журнала. Но для меня необходимъ былъ открытый разрывъ съ этой партіей, такъ какъ многіе считали, что и я принадлежу къ ней, потому что отецъ мой уже нѣсколько лѣтъ велъ театральную хронику и политическую лѣтопись въ «Сѣверной Пчелѣ». Помѣщеніе въ этой газетѣ моихъ первыхъ компиляцій, отданныхъ туда моимъ отцомъ, когда я былъ еще въ лицеѣ, личное знакомство мое съ Гречемъ, близкія отношенія къ цензору Корсакову,—все это поневолѣ заставляло булгаринцевъ и меня причислить къ ихъ партіи. Пока я работалъ въ совершенно отдѣльной отрасли и писалъ для театра, это было для меня базразлично, но когда я перешелъ къ журнальной дѣятельности, совершенное отчужденіе отъ этой партіи сдѣлалось для

меня настоятельною потребностью. Съ самимъ Булгаринымъ я былъ знакомъ только потому, что мой отецъ у него работалъ. Никогда не былъ я на вечерахъ ни у Булгарина, ни у Греча, но къ послѣднему заходилъ иногда по порученіямъ отца, въ домъ у Почтамтскаго мостика, и тѣмъ охотнѣе, что бесѣда наша начиналась почти всегда съ того, что Гречъ принимался за чтò-нибудь ругать Булгарина. Изъ противниковъ этого польскаго офицера, сражавшагося противъ Россіи, и потомъ превратившагося въ ея пламеннаго защитника и панегириста, въ качествѣ русскаго литератора, никто такъ не ненавидѣлъ его, какъ товарищъ по редакціи, десятки лѣтъ работавшій съ нимъ въ одной и той же газетѣ. Гречъ самъ сравнивалъ себя съ каторжникомъ, скованнымъ одною цѣпью съ своимъ врагомъ. Булгаринъ въ «Пчелѣ» велъ только свой комерческій фельетонъ, да переругивался съ своими противниками. Вся тяжесть изданія газеты лежала на Гречѣ, который, безспорно былъ и даровитѣе, и ученѣе, и честнѣе своего компаньона, а ужъ русскую грамоту зналъ конечно несравненно лучше польскаго перевертня, хотя самъ какъ нѣмецъ и лютеранинъ не питалъ особенно нѣжныхъ чувствъ къ Россіи. О многихъ, даже достаточно высоко поставленныхъ лицахъ, онъ нерѣдко выражался весьма непочтительно, за чтò и получилъ прозваніе злого языка. Нѣкоторыя изъ его эпиграмъ дѣйствительно остроумны. Онъ далъ мнѣ ихъ, увѣряя, что никогда не писалъ въ жизни другихъ стиховъ. Вотъ всѣ онѣ, въ томъ видѣ, какъ сохранились въ моемъ дневникѣ:

На Шишкова.

Весь свѣтъ Шишкова упрекаетъ,
Что онъ граматики не знаетъ.
Молчите, онъ ее пройдетъ,
Когда славянское ей имя приберетъ.

На засѣданіе россійской академіи 1841 года 29 декабря.

Чтò добраго въ рѣчи, которой Фуссъ насъ мучилъ?
Чтò?.. въ академіи шестнадцать новыхъ чучелъ.

Послѣ чтенія рѣчи князя Шихматова (въ томъ же засѣданіи).

Тяжелыхъ нѣмцевъ рѣчь едва-едва выносишь,
А русскій сталъ читать—такъ снова нѣмца просишь.

На профессора Павлова.

Земледѣлецъ и ораторъ—
Онъ во всемъ равно великъ:
Онъ на пашнѣ—литераторъ,
А въ словесности—мужикъ.

На Кр—го.

Природа все распредѣлила,
Но обманулась лишь въ одномъ,
Что съ Фейгинымъ не сотворила
Она Кр—го жидомъ.

На смерть Крылова.

Врагъ Пушкина, пріятель Фон-дер-Фўру,
Хоронитъ русскую литературу [1]).
Крылова прахъ несетъ
И въ гробъ его медаль кладетъ.
Дай намъ возможность, Боже,
Надъ нимъ скорѣе сдѣлать тоже.

На предложеніе подписаться на памятникъ Крылову.

Рацея длинная! Ты всѣхъ насъ убѣдила,
Что смерть Крылова поразила,
Что здравый смыслъ и русскій слогъ
Въ могилу слегъ.

Гречъ болѣе всего злился на то, что его не дѣлаютъ академикомъ, не смотря на его заслуги въ русской граматикѣ и на то, что онъ нѣмецъ. Нѣмецкіе соотчичи непремѣнно втянули бы его въ свою среду, но на бѣду его между ними былъ нѣмецъ, хотя и принявшій русскую фамилію Востокова, но также написавшій русскую граматику, а «два граматика въ одной академіи не уживутся».

В. Зотовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Уваровъ.

МОЛОДОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ II[1].

Ъ ИСТОРІИ каждаго народа и въ особенности въ исторіи народа русскаго, бываютъ страницы маловѣроятныя, невольно вызывающія улыбку сомнѣнія на уста изслѣдователя, привыкнувшаго къ строгому, логическому прагматизму исторіи европейскихъ государствъ. Онъ читаетъ эти яркія, блестящія страницы и не довѣряетъ имъ:—онѣ представляются ему какою-то сказочной Шехеразадой, въ которой мудрено отличить истину отъ вымысла, мудрено узнать дѣяніе простыхъ смертныхъ въ цѣломъ рядѣ какихъ-то неслыханныхъ гомерическихъ подвиговъ, мудрено разобраться въ пестрой массѣ событій, которыя, непрерывно чередуясь, переплетаясь и путаясь, ослѣпляютъ своимъ блескомъ, озадачиваютъ своимъ значеніемъ...

Вѣкъ Екатерины представляется намъ именно рядомъ такихъ маловѣроятныхъ страницъ, невольно приковывающихъ къ себѣ вниманіе, увлекающихъ воображеніе. Даже и личная исторія Екатерины, тщательно возстановленная по самымъ достовѣрнымъ архивнымъ документамъ и наиболѣе безпристрастнымъ свидѣтельствамъ современниковъ и очевидцевъ—представляется намъ все же скорѣе волшебною сказкою, нежели историческою дѣйствительностью. И чѣмъ болѣе мы вглядываемся въ отдѣльные факты ея жизни, чѣмъ болѣе вдумываемся въ нихъ, тѣмъ болѣе начинаемъ

---

[1]) «Исторія императрицы Екатерины Второй». В. Бильбасова. Томъ первый. Спб. 1890. Мы даемъ разборъ этой книги въ отдѣлѣ «Критики и Библіографіи», но данныя, собранныя г. Бильбасовымъ, настолько любопытны, что мы рѣшились воспользоваться ими для предлагаемой статьи.

находить, что въ гиперболизмѣ, которымъ окружали Екатерину наши поэты XVIII вѣка, очень мало преувеличенья; а въ сравненіяхъ Екатерины съ Семирамидою есть даже нѣкоторая доля правдоподобія.

И въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ мелкопомѣстную нѣмецкую княжну, которая провела дѣтство въ Штетинѣ и Цербстѣ и воспиталась въ простой, небогатой и неказистой обстановкѣ маленькаго княжескаго двора съ его крошечными интригами, дрянными сплетнями, мизерными интересами и копеечными разсчетами. Весь кругозоръ ея могъ ограничиваться Берлиномъ; всѣ мечты ея ранней юности не могли ее уносить далѣе брачнаго союза съ какимъ-нибудь нѣмецкимъ герцогомъ, для котораго король прусскій являлся чуть не полубогомъ... И вдругъ, по волѣ неисповѣдимыхъ судебъ, эта княжна покидаетъ свою нѣмецкую родину, отрывается отъ семьи и родни, отъ строго-выработанныхъ, опредѣленныхъ традицій, принциповъ, этикета и предразсудковъ—и переносится за полторы тысячи верстъ, въ самый центръ чуждаго ей государства, которое представлялось ей ни болѣе, ни менѣе, какъ сказочнымъ «тридесятымъ царствомъ»... Изъ крошечнаго Цербста княжна попадаетъ въ древнюю столицу Россійской имперіи, раскинувшейся на полъ-свѣта и считающей своихъ подданныхъ десятками милліоновъ; изъ среды маленькаго цербстскаго придворнаго кружка, въ которомъ взвѣшивался каждый шагъ и разсчитывался каждый зильбергрошъ, княжна вступаетъ въ очарованную среду двора Елисаветы, вымощеннаго золотомъ, засыпаннаго брилліантами, блистающаго безумною роскошью моды, нарядовъ, пировъ и празднествъ... Широкою волною течетъ мимо нѣмецкой княжны жизнь шумная, разгульная, разнузданная и до излишества веселая—жизнь способная закружить и завертѣть любого человѣка въ своемъ водоворотѣ!... И что̀ же? Княжна, увлеченная блескомъ и шумомъ, отуманенная нескончаемымъ рядомъ непривычныхъ для нея впечатлѣній — не теряется въ нихъ, не даетъ ослѣпить себя, не теряетъ власти надъ собою. Она пользуется каждой минутой, чтобы поближе узнать этотъ мудреный русскій народъ, у котораго на все «иная стать», чтобы изучить этотъ богатый, сильный и мудреный русскій языкъ, который тоже не любитъ укладываться въ граматическія рамки. Она знакомится съ его религіей, съ его исторіей, съ его понятіями, съ его повѣрьями и предразсудками — и вдругъ проникается не только глубокимъ, искреннимъ сочувствіемъ къ Россіи, но даже чувствуетъ желаніе всецѣло посвятить себя на благо своего новаго отечества. Забывая о далекомъ и скромномъ родномъ гнѣздѣ, бывшая нѣмка всѣмъ сердцемъ привязывается къ русскому народу, становится русскою въ душѣ и, смѣло возложивъ вѣнецъ на чело, вступаетъ твердою ногою на ступени трона... И русскіе люди смотрятъ на нее съ довѣріемъ и восторгомъ: — они знаютъ, что она

Христіанъ-Августъ Ангальтъ-Цербстскій (отецъ Екатерины II).

откроетъ для нихъ новую эру, полную благихъ дѣяній, громкихъ побѣдъ и гражданскихъ подвиговъ, озаренную блескомъ ея неувядаемой славы!

Но Троя не въ одинъ годъ построилась... Не въ одинъ, не въ два и не въ три года нѣмецкая княжна переродилась въ русскую великую княгиню и подготовилась къ тому, чтобы, современемъ, стать великою женщиной и великой государыней. Семнадцать лѣтъ протекло съ того дня, когда Софія-Августа переѣхала русскій рубежъ — и до того дня, когда она рѣшилась вступиться за права̀ русскаго народа, такъ легкомысленно попираемыя ея супругомъ... Эти семнадцать лѣтъ, эти лучшіе годы молодости Екатерины, этотъ тяжкій періодъ борьбы и усиленнаго умственнаго труда— въ высшей степени важны для изученія характера Екатерины. Въ ея молодости мы видимъ залогъ ея будущей государственной дѣятельности; видимъ и почву, на которой развились всѣ великія достоинства и всѣ крупные недостатки Екатерины. Вотъ почему мы и постараемся собрать во-едино въ бѣгломъ обзорѣ всѣ важнѣйшія событія этого періода жизни Екатерины. И этотъ общій очеркъ «молодости» великой женщины объяснитъ намъ многое въ ея необычайномъ царствованіи, которое составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ и — повторяемъ — самыхъ невѣроятныхъ страницъ нашей исторіи XVIII вѣка.

Княжнѣ ангальтъ-цербстской Софіи-Августѣ (будущей Екатеринѣ II) было не болѣе тринадцати лѣтъ отъ роду, когда ея бойкая, умная и сообразительная мать, княгиня Іоганна-Елисавета, стала заботиться о пріисканіи ей жениха. По природѣ честолюбивая и чрезвычайно искательная, княгиня направила свои поиски по совершенно новому и только-что открывшемуся пути. Воцареніе Елисаветы Петровны пробудило вновь надежды голштинской линіи на русскій престолъ и заставило всѣ европейскія «великія» державы вспомнить о томъ, что въ Голштиніи живетъ внукъ Петра Великаго—сынъ его дочери Анны Петровны; а когда Елисавета Петровна, тотчасъ по вступленіи на престолъ, вспомнила о племянникѣ и задумала утвердить его въ правахъ престолонаслѣдія—всѣ взоры обратились разомъ на этого жалкаго, болѣзненнаго юношу, неблиставшаго никакими способностями, необѣщавшаго ничего въ будущемъ. Самъ Фридрихъ Великій засуетился и сталъ заискивать въ ближайшей роднѣ голштинскаго принца, раздавая направо и налѣво ордена и чины его родственникамъ въ угоду императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и въ то же время посылая инструкцію за инструкціей своему послу въ Петербургѣ, чтобы выдвинуть на первый планъ свои чисто-прусскіе интересы въ Россіи...

Мудрено ли, что и княгиня ангальтъ-цербстская направила всѣ свои материнскія вожделѣнія къ тому же случайному избраннику

судебъ и рѣшилась попытать счастья—пристроить свою дочь Софію-Августу за этого болѣзненнаго и худосочнаго юношу. Расчеты княгини были довольно вѣрны. Ея родной братъ, когда-то, очень нравился цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ и былъ даже ея нареченнымъ женихомъ; онъ умеръ, не дождавшись свадьбы съ цесаревной и Елисавета навсегда сохраняла о немъ пріятное воспоминаніе. Женщина основала свой расчетъ на женскомъ сердцѣ, и, собираясь устроить судьбу дочери, напомнила о себѣ, какъ о сестрѣ бывшаго жениха нынѣшней императрицы. Горячее русское сердце Елисаветы тотчасъ откликнулось на это напоминаніе... Мало того: Елисавета предупредила тонкіе расчеты и смѣлые планы Іоганны-Елисаветы и сама пожелала имѣть портретъ ея подростающей дочери Софіи-Августы, такъ какъ именно въ это время она была болѣе всего занята подъисканіемъ подходящей невѣсты своему племяннику, болѣе всего озабочена его будущимъ бракомъ и возможностью дать «прямого наслѣдника» россійскому престолу, и тѣмъ навѣки устранить ненавистную брауншвейгскую семью... А между тѣмъ оказывалось, по свѣдѣніямъ дипломатическимъ, что только въ саксонскомъ, да въ ангальтъ-цербстскомъ домѣ и подростали подходящія для цесаревича Петра Ѳеодоровича невѣсты... И вотъ—княгиня Іоганна-Елисавета спѣшитъ сдѣлать въ Берлинѣ портретъ съ своей тринадцатилѣтней дочери, и заказываетъ его лучшему изъ тогдашнихъ берлинскихъ живописцевъ—Антуану Пэну... Портретъ, едва оконченный, посылается съ экстренной оказіей въ Петербургъ—и производитъ здѣсь пріятное впечатлѣніе. Это произведеніе кисти Пэна, сохранившееся до настоящаго времени и перепечатанное въ прекрасной книгѣ Ровинскаго, принадлежитъ къ числу посредственныхъ. Но «его свѣтлость, принцъ Августъ Голтшинскій» привезъ этотъ портретъ въ пору; «выразительная физіономія юной принцессы цербстской понравилась императрицѣ»—и участь Софіи-Августы была рѣшена...

1-го января 1744 года, княгиня Іоганна-Елизавета была уже обрадована письмомъ отъ воспитателя великаго князя Петра Ѳеодоровича, конфиденціально извѣщавшимъ княгиню, по порученію Елисаветы, о желаніи императрицы видѣть княгиню и дочь ея въ Петербургѣ, гдѣ Елисаветѣ угодно было лично познакомиться съ княжной.. Незамедлило и такое же конфиденціальное письмо отъ прусскаго короля Фридриха, который ужъ прямо навязывался въ сваты къ княгинѣ и не скрывалъ отъ нея, что вопросъ о выборѣ ея дочери въ невѣсты великому князю-цесаревичу оказывается рѣшеннымъ... При этомъ, точно по мановенію какого-то волшебнаго жезла, были устранены всѣ матерьяльныя препятствія къ отъѣзду княгини изъ Цербста и облегчены всѣ трудности ея тысячеверстнаго путешествія на лошадяхъ, зимою, по дурнымъ и не безопаснымъ дорогамъ. Княгинѣ была выслана изъ Россіи крупная сумма

на дорогу; а съ прусской, и съ русской стороны приняты всѣ мѣры на пользу удобствъ высокой путешественницы—и княгиня пустилась въ дорогу, напутствуемая религіозно-нравственными наставленіями своего недалекаго супруга, представляющими любопытный образчикъ современнаго нѣмецкаго «Домостроя».

«Сборы были недолги и касались болѣе матери, нежели дочери: княжна привезла съ собою въ Россію три, четыре платья, по дюжинѣ рубашекъ, чулокъ и платковъ — и только; у нея не было даже постельнаго бѣлья» [1]). И вотъ, 10-го января 1744 г. принцесса Цербстская выѣхала изъ Цербста и навсегда простилась съ своею скромною, скудною родиною...

Упоминаніе о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ должно служить необходимымъ вступленіемъ въ тотъ очеркъ, который мы предположили посвятить молодости Екатерины. Прежде чѣмъ говорить о молодости, нельзя хотя въ нѣсколькихъ словахъ не упомянуть о ближайшихъ къ ней лицахъ и объ условіяхъ, вслѣдствіе которыхъ юная княжна цербстская попала въ Россію. Нельзя не добавить также нѣсколькихъ словъ о дѣтствѣ Софіи-Августы, отчасти намѣчающихъ намъ тотъ типъ женщины, который позднѣе сказался съ такою силою въ Екатеринѣ.

Одна изъ сверстницъ Цербстской княжны (старше ея всего на нѣсколько лѣтъ) оставила намъ любопытный портретъ ея въ своихъ запискахъ:

«Княжна (въ дѣтствѣ) была отлично сложена; съ младенчества отличалась благородною осанкою и была выше своихъ лѣтъ. Выраженіе лица ея, не особенно красиваго, было очень пріятно, причемъ открытый взглядъ и любезная улыбка дѣлали всю ея фигуру весьма привлекательною. Ее воспитывала сама мать, державшая ее весьма строго и непозволявшая ей ни малѣйшаго проявленія гордости, къ чему дѣвочка была довольна склонна...»

Другія современныя и вполнѣ достовѣрныя свидѣтельства отмѣчаютъ въ княжнѣ, съ дѣтства, двѣ любопытныя черты—желаніе преобладать надъ сверстниками въ играхъ и склонность къ забавамъ, которыя, вообще, болѣе свойственны мальчикамъ, чѣмъ дѣвочкамъ (напр. къ стрѣльбѣ). Сама Екатерина, впослѣдствіи, въ своихъ «Запискахъ» добавила къ этой общей характеристикѣ еще одну черту:—«суровое воспитаніе»—говоритъ она—«пріучило меня повиноваться, а опытъ сдѣлалъ скрытною...»

Вотъ все, что мы знаемъ объ основѣ характера княжны Цербстской, въ ея дѣтствѣ. Къ этому необходимо добавить такія стороны ея типа, которыя она неизбѣжно должна была унаслѣдовать

---

[1]) Бильбасовъ, I; стр. 37.

отъ родителей, какъ въ томъ убѣждаетъ насъ послѣдующее развитіе ея женскаго типа. Отъ матери получила она тонкій, проницательный умъ, умѣнье отлично излагать свои мысли и словесно и письменно, свою чрезвычайную привлекательность и непринужденную веселость. Подобно матери своей, она страстно любила общество и притомъ преимущественно мужское; подобно ей, она легко и быстро сходилась съ людьми и относилась довольно свободно къ тѣмъ лицамъ, съ которыми судьба ее сближала... Но и отъ отца своего, ограниченнаго, суроваго, методическаго солдата и лютеранина-піэтиста княжна также кое-что унаслѣдовала: отъ него получила она твердый характеръ, умѣнье молчать вò-время и про себя хранить свои расчеты и планы...

На эту основу характера модное французское образованіе, уже успѣвшее въ это время овладѣть высшимъ слоемъ германскаго общества, наложило свой особый отпечатокъ утонченной мягкости въ отношеніяхъ къ людямъ, и той свѣтской любезности, которая совсѣмъ не свойственна германскому племени.

Не только княжна, но и ея мать, княгиня Іоганна-Елисавета, уже носили на себѣ отпечатокъ этого французскаго вліянія, которое дѣлало ихъ чрезвычайно пріятными и привлекательными въ обществѣ. Мало того: и княжна, и мать-княгиня, охотнѣе писали по-французски, чѣмъ по-нѣмецки, и, надо сказать правду, писали почти одинаково хорошо и талантливо.

Мы думаемъ, однакоже, что при всѣхъ природныхъ и личныхъ свойствахъ, княжна Цербстская не могла бы развернуться и расцвѣсть въ полномъ блескѣ среди той мизерной, жалкой обстановки, среди которой протекали ея дѣтство и ранняя юность. Нужны были просторъ ширь, приволье, для полнаго развитія тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ задатковъ, которыми княжна была такъ щедро надѣлена отъ природы. Одна изъ приближенныхъ ея матери, слѣдившая за развитіемъ и ростомъ Екатерины отъ рожденія до ея отъѣзда въ Россію, не замѣтила въ этой пятнадцати-лѣтней дѣвушкѣ «ничего выдающагося, ничего яркаго», но угадала въ ней только «умъ серьезный, расчетливый и холодный» [1]). Остальное очевидно дала ей новая родина, богатая разнообразіемъ впечатлѣній, поразившая ея воображеніе громадностью, могуществомъ и неистощимостью своихъ силъ и средствъ... Великую Екатерину могла произвести только великая Россія!

Россія встрѣтила свою юную гостью уже на границѣ—встрѣтила радушно, шумно и щедро. Залпъ орудій привѣтствовалъ княжну и княгиню при въѣздѣ въ Ригу. Неудобная и скучная ѣзда по дрянной и грязной дорогѣ, то на почтовыхъ, то просто на

[1]) Бильбасовъ, I; стр. 12.

обывательскихъ лошадяхъ — вдругъ смѣнилась путешествіемъ обставленнымъ царственною роскошью и удобствами. «Гофъ-фурьеры, кирасиры полка великаго князя, почетный караулъ у подъѣзда, часовые у дверей внутреннихъ покоевъ, звуки трубъ и литавръ, бой барабановъ, придворный этикетъ съ низкими реверансами и почтительными baise-main, представители мѣстнаго дворянства, петербургской гвардіи,—всюду золото, бархатъ, серебро, шелкъ»... Даже у княгини-матери голова закружилась... «Мнѣ и въ голову не приходитъ—пишетъ она въ Германію—что все это для меня, для бѣдной, для которой въ другихъ мѣстахъ едва били въ барабаны, а въ иныхъ и того не дѣлали. Все происходитъ здѣсь съ такимъ величіемъ и почетомъ, что мнѣ кажется, при видѣ роскоши меня окружающей, что все это сонъ [1])».

Если эти впечатлѣнія такъ сильно дѣйствовали на княгиню, можно себѣ представить, чтò должна была ощущать княжна среди новой и необычайной обстановки? Матери ея путешествіе казалось какимъ-то невѣроятнымъ сномъ; дочери—волшебною сказкою...

3-го февраля 1744 г. княгиня и княжна прибыли въ Петербургъ только для того, чтобы вздохнуть отъ трудной и долгой дороги и придать своему туалету то богатство и великолѣпіе, которыхъ требовалъ этикетъ россійскаго императорскаго двора. Послѣ этого отдыха, предстояло немедленно пуститься дальше въ путь— въ Москву, гдѣ находился въ это время весь Дворъ.

Пріѣздъ въ Москву, свиданіе съ императрицей, съ великимъ княземъ Петромъ Θеодоровичемъ, знакомство съ обширнымъ и блестящимъ дворомъ Елисаветы—масса новыхъ впечатлѣній, нахлынувшая разомъ, способна была отуманить и не пятнадцатилѣтнюю голову... По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что княгиня-мать совершенно растерялась и запуталась въ этомъ лабиринтѣ лицъ, партій, отношеній, связей, вліяній и вѣяній. Она пріѣхала въ Россію съ своими ограниченными понятіями и затѣями маленькаго княжескаго двора, со своими узенькими воззрѣніями нѣмецкой принцессы, съ мелкими планами политической интриги, въ которой Фридрихъ II поручилъ ей играть довольно значительную роль, предположивъ, что она къ выполненію ея способна. Съ первыхъ же шаговъ своихъ при дворѣ Елисаветы, княгиня Цербстская, при всемъ своемъ умѣ и талантахъ, оказалась совершенно непригодна къ роли политической интригантки, надѣлала ошибокъ и глупостей, уронила себя въ глазахъ императрицы Елисаветы и въ глазахъ Фридриха II, и почти тотчасъ послѣ свадьбы дочери была вынуждена покинуть Россію, изъ которой должна была вынести далеко непріятное впечатлѣніе.

Совсѣмъ иное случилось съ княжною Софіею-Августою, кото-

[1]) Бильбасовъ, I; стр. 51.

Принцесса Іоганна-Елисавета Ангальтъ-Цербстская (мать Екатерины II).

рая ѣхала въ Россію безъ всякой выработанной програмы и по самому возросту своему не была способна къ участію въ какихъ бы то ни было интригахъ и происках политическаго характера. Обласканная Елисаветой, окруженная (на первое время) непривычнымъ блескомъ и баловствомъ, сбиваемая съ толку и своей вѣтренной матерью и нескончаемымъ шумомъ и суетой придворной жизни—княжна съумѣла серьезно взглянуть на дѣйствительность. Еще въ дорогѣ свыкнувшись съ мыслью, что «она ѣдетъ въ страну, которая должда стать вторымъ ея отечествомъ», Софія-Августа сообразила, что ей, прежде всего, необходимо изучить языкъ этой страны, необходимо ознакомиться съ религіей народа, надъ которымъ ей современемъ предстоитъ царствовать.

И вотъ она принимается за изученіе русскаго языка съ такою энергіею, къ которой бываютъ способны только люди, одаренные сильною волею [1]). Начавъ изученіе языка въ февралѣ 1744 г., Софія-Августа «къ концу апрѣля уже понимала обращенную къ ней русскую рѣчь», не смотря даже на то, что бо̀льшую часть марта мѣсяца пролежала вслѣдствіе болѣзни въ постели; а къ концу іюня княжна уже настолько успѣла освоиться съ языкомъ своего новаго отечества, что, при торжествѣ мѵропомазанія, всѣхъ поразила своими твердыми отвѣтами на вопросы, обращенные къ ней духовникомъ и другими духовными сановниками... При этомъ всѣ замѣтили, что и русскій выговоръ у княжны замѣчательно чистъ и правиленъ.

Точно также разумно, энергично и твердо отнеслась юная княжна и къ усвоенію важнѣйшихъ сторонъ православной религіи. Она, видимо, приняла православіе не формально только и перемѣнила лютеранство на православіе съ полнымъ сознаніемъ того, что она дѣлаетъ. Уже въ началѣ мая 1744 г., т. е. три мѣсяца спустя послѣ пріѣзда въ Россію, княжна, получившая отъ отца разрѣшеніе на перемѣну вѣроисповѣданія, писала ему въ Цербстъ:

«Такъ какъ я не нахожу почти никакого различія между вѣрою греческою и лютеранскою, то я рѣшилась перемѣнить религію и пришлю вамъ съ первою же почтою мое исповѣданіе вѣры».

28-го іюня 1744 г., княжна Софія-Августа приняла православіе, въ присутствіи всего Сѵнода и первыхъ чиновъ двора. Въ этотъ день на литургіи впервые была провозглашена эктенья за «благовѣрную Екатерину Алексѣевну». 29-го іюня, въ Успенскомъ соборѣ было совершено обрученіе вел. князя Петра Θеодоровича «съ свѣтлѣйшею принцессою Ангальтъ-Цербстскою, принявшей на-

---

[1]) Извѣстно, что Екатерина чуть не поплатилась жизнью за свое рвеніе. Рано утромъ поднимаясь съ постели для приготовленія русскихъ уроковъ, она, босая, ходила по холодному полу и простудилась. Слѣдствіемъ простуды было воспаленіе легкихъ, которое чуть не стоило жизни княжнѣ.

канунѣ православіе и нареченной Екатериною Алексѣевною». Такъ гласилъ манифестъ того дня. Принцессу велѣно почитать «великою княжною съ титуломъ ея императорскаго высочества», и на богослуженіяхъ уже стала поминаться «благовѣрная государыня великая княжна Екатерина Алексѣевна, обрученная невѣста его императорскаго высочества».

Первый шагъ Екатерины, еще юной и неопытной въ жизни, былъ сдѣланъ... Этотъ первый шагъ былъ очень труденъ—не по силамъ 15-ти лѣтней дѣвушкѣ; онъ стоилъ ей не дешово, стоилъ ей борбы и усилій и многихъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ въ слезахъ и тревогѣ, которыя приходилось тщательно скрывать отъ окружающихъ. Екатерина понимала, что она порываетъ со всѣмъ своимъ прошлымъ и предается въ руки какой-то таинственной судьбѣ, которая должна вести ее далѣе; понимала, что около нея нѣтъ никого, кто бы могъ ее руководить и наставлять,— и все же избрала такой вѣрный, такой строго-опредѣленный путь, который свидѣтельствуетъ не только о большомъ и замѣчательномъ умѣ Екатерины, но также и о томъ, что умъ у нея былъ «холодный и расчетливый», по весьма тонкому и вѣрному замѣчанію одной изъ ея современницъ [1]). Эти свойства ума Екатерины съ полною очевидностью выказались въ тѣхъ фактахъ ея біографіи, которые ей пришлось пережить въ теченіе перваго же года пребыванія въ Россіи—года, который протекъ со времени ея обрученія съ Петромъ Өеодоровичемъ и до ея бракосочетанія.

Въ теченіе этого года, юная великая княжна,—поставленная судьбою въ весьма затруднительное положеніе между своею безтактною и вѣтренною матерью, любящею, но горячею и вспыльчивою императрицею Елисаветою и ограниченнымъ, мелочнымъ, безучастнымъ женихомъ своимъ—съумѣла выказать съ самой выгодной стороны всѣ лучшія, наиболѣе привлекательныя стороны своего нравственнаго типа. Мало того: она съумѣла за это время даже освободиться изъ-подъ опеки матери, хотя иногда еще и опасалась съ ея стороны даже ручной расправы [2]); съумѣла внушить къ себѣ довѣріе со стороны императрицы Елисаветы, несмотря на то, что враждебная ея матери придворная партія старалась всѣми силами вооружить императрицу и противъ Екатерины...

Чтобы оцѣнить это умѣнье по достоинству, не мѣшаетъ припомнить, что съ самого начала своего пребыванія въ Россіи, княгиня Цербстская, дѣйствуя въ качествѣ политическаго агента короля Фридриха прусскаго, впуталась въ дворскія интриги и ревностно стала радѣть объ интересахъ той партіи, которая добивалась паденія

---

[1]) См. выше мнѣніе высказанное о Екатеринѣ баронессою фонъ-Принценъ, камеръ-фрейлиной княгини Цербстской.

[2]) Бильбасовъ, I; стр. 131.

вице-канцлера Бестужева, столь опаснаго противника Пруссіи. Эта излишняя ревность не по разуму сразу создала княгинѣ Цербстской много враговъ при дворѣ Елисаветы, и при томъ такихъ, которые способны были вредить и Екатеринѣ, изъ непріязни къ ея матери. Сверхъ того, вѣтренное не по лѣтамъ и положенію, легкомысленное поведеніе Іоганны-Елизаветы, ея постоянно двойственный способъ дѣйствій, ея страсть къ сплетнямъ и пересудамъ, ея крайняя неосторожность въ сношеніяхъ съ окружающими—все это способствовало тому, что охлажденіе уже очень рано наступило между императрицею и княгинею Цербстской. Хотя это охлажденіе нимало не измѣнило милостиваго расположенія императрицы къ Екатеринѣ, однакоже положеніе самой великой княжны оказалось чрезвычайно труднымъ между Елисаветой, отъ которой зависѣло все ея будущее, и между вспыльчивой матерью, которая гораздо болѣе заботилась о выполненіи своихъ прихотей, чѣмъ объ упроченіи счастія дочери. Нѣсколько разъ она ставила это счастіе на карту, то некстати путаясь въ чужія дѣла, то неуклюже вступаясь въ политическія отношенія Россіи къ иноземнымъ державамъ, то ссорясь съ великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ и раздражая его своею придирчивостью. Въ особенности безтактно и неосторожно вела себя княгиня Цербстская въ то время, когда великій князь заболѣлъ осенью 1744 года, и заболѣлъ опасно. Нѣкоторое время можно было думать, что Петръ Ѳеодоровичъ, вообще болѣзненный и слабый, не поднимется болѣе... Елисавета была въ отчаяніи, проводила цѣлые часы у изголовья больного племянника; Екатерина искренно горевала о своемъ женихѣ и страшно тревожилась за свою будущность... А ея матушка въ это же время (даже изъ приличія не прикидываясь опечаленною), уже принимала мѣры къ подъисканію другой партіи для своей дочери, усердно переписывалась по этому поводу съ Фридрихомъ II и почти открыто совѣщалась съ его представителемъ при россійскомъ дворѣ, барономъ Мардефельдомъ! Въ концѣ концовъ, княгиня добилась того, что Елисавета увидѣла себя вынужденною—отдѣлить великую княжну отъ ея матушки въ особое помѣщеніе (во дворцѣ) и такимъ образомъ доставить ей нѣкоторую внѣшнюю самостоятельность и независимость отъ матери, которая способна была оказывать на дочь только дурное вліяніе.

Елисавета чуткимъ женскимъ сердцемъ оцѣнила и угадала Екатерину, и съ этой минуты—съ этого полуразрыва съ матерью—еще болѣе ласкала ее и выказывала ей истинно-материнскую нѣжность. Елисавета должна была оцѣнить чрезвычайный умъ и осторожность великой княжны, которая на 16-мъ году лучше умѣла понять свое положеніе при россійскомъ дворѣ, нежели ея 35-тилѣтняя мать. При томъ же, Елисавета, конечно, видѣла, что Екатерина не можетъ любить своего жениха, который былъ и некра-

сивъ собою, и неуменъ, и неразвитъ, и ребячливъ не по лѣтамъ... Но разумъ преобладалъ въ душѣ Екатерины даже и въ эту раннюю пору юности надъ всѣми остальными стремленіями, и руководилъ уже влеченіями ея сердца, подчиняя ихъ суровой необходимости того политическаго положенія, которое было такъ важно для Елисаветы, и въ которомъ Екатерина призвана была играть столь выдающуюся роль... И вотъ, Елисавета, оцѣнивъ всѣ эти качества Екатерины, рѣшилась спѣшить свадьбою, отчасти даже для того, чтобы поскорѣе избавиться отъ докучавшей ей княгини Цербстской.

Приготовленія къ свадьбѣ—какъ ни спѣшили съ ними—затянулись надолго, и свадьба могла быть отпразднована только 21-го августа 1745 г. Празднество было великолѣпное и, по желанію императрицы, символически связанное съ воспоминаніями о славной эпохѣ ея Великаго Отца: — свадебная церемонія закончилась «выводкою на воду дѣдушки русскаго флота—знаменитаго ботика Петра Великаго». Сама императрица «въ сопровожденіи молодыхъ, поѣхала на знаменитый ботикъ и поцѣловала находившееся на немъ изображеніе своего отца».

Десятидневныя свадебныя празднества, балы, фейерверки и пиры едва успѣли закончиться, какъ уже начаты были сборы княгини Цербстской въ дорогу... 28 сентября 1745 г., княгиня, щедро одаренная Елисаветой, со всею своею свитою, также получившей богатые подарки, покинула Петербургъ—и навсегда разсталась съ своею дочерью. Княгинѣ-матери въ ту пору и въ голову не приходило, что этой молоденькой женщинѣ предстоитъ быть современемъ «матушкой Екатериной» и что ей суждено держать судьбы Европы и Россіи въ своей маленькой и нѣжной ручкѣ...

Екатерина, видимо, никогда не была особенно горячо привязана къ матери; а послѣ пріѣзда въ Россію и двухъ-лѣтняго пребыванія въ ней, она была даже вынуждена, силою обстоятельствъ, отдалиться отъ матери, которая повела свои дѣла при дворѣ Елисаветы такъ неумѣло и неловко... Но все же, когда мать распростилась съ нею и навсегда покинула Россію, когда Екатерина увидѣла себя совершенно одинокою, въ чужой странѣ, среди чужихъ, чуждыхъ ей людей—она, въ первое время, конечно, страдала отъ этого одиночества... При томъ же, ея положеніе, въ замужествѣ, значительно измѣнилось къ худшему:—ей пришлось не только слѣдить за каждымъ своимъ поступкомъ, но еще нести тяжкую отвѣтственность за каждый шагъ великаго князя-супруга, который не отличался ни умомъ, ни тактомъ, ни деликатностью въ отношеніи къ окружающимъ.

Положеніе Екатерины было очень затруднительнымъ и тягост-

нымъ еще и потому, что къ ней враждебно относился главный руководитель судебъ Россіи, въ то время, всемогущій канцлеръ Бестужевъ, который, на первыхъ порахъ, не взлюбилъ Екатерину только потому, что она была дочерью вѣтренной и взбалмошной Іоганны-Елисаветы, такъ неосторожно выступившей во главѣ враговъ канцлера. Бестужевъ, безпощадный по отношенію къ своимъ врагамъ, восторжествовалъ надъ всѣми происками княгини Цербстской, разбилъ и разметалъ всю прусскую партію при дворѣ Елисаветы—и вообразилъ себѣ, что Екатерина, пожалуй, приметъ на себя при петербургскомъ Дворѣ неловкую и двусмысленную роль своей матери. Онъ жестоко ошибся и, позднѣе, поспѣшилъ исправить свою ошибку; но, тѣмъ не менѣе, онъ отнесся вначалѣ чрезвычайно сурово къ молодой великой княгинѣ и постарался показать ей всю свою мощь, всю силу своего вліянія на императрицу. Онъ не сразу повѣрилъ тому, что Екатерина, въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ пребыванія въ Россіи, уже успѣла на столько обрусѣть, что не способна была принять на себя роль прусскаго агента; онъ не сразу и присмотрѣлся настолько къ Екатеринѣ, чтобы угадать въ ней ея необычайный умъ и сильный, быстро-развивающійся характеръ... И вотъ онъ принимаетъ противъ Екатерины цѣлый рядъ чрезвычайно умно и тонко обдуманныхъ мѣръ предосторожности, окружаетъ ее сѣтью, вполнѣ лишающею Екатерину всякой возможности участія въ политикѣ, и поручаетъ надзоръ за каждымъ ея шагомъ своимъ преданнѣйшимъ клевретамъ.

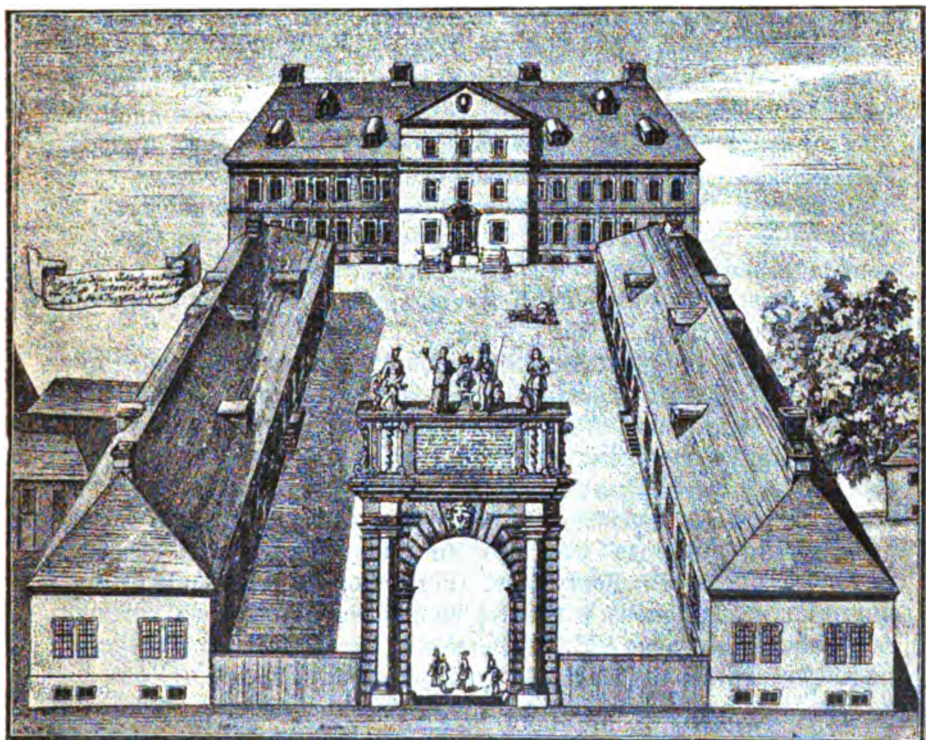
Результатомъ этихъ мѣропріятій Бестужева являются извѣстныя двѣ инструкціи 10-го и 11-го мая 1746 года, которыя, повидимому, направлены были только на пользу династическихъ интересовъ россійской державы, но, въ сущности, заключали молодое супружество въ желѣзные тиски и предавали его на полный произволъ людей, приставленныхъ Бестужевымъ къ великому князю и великой княгинѣ.

Вся инструкція 10-го мая 1746 года, сочиненная Бестужевымъ «по высочайшему повелѣнію, для знатной дамы, назначенной состоять при великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ», представляетъ собою документъ чрезвычайно характерный, превосходно рисующій намъ современные придворные нравы. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что всѣ остальные пункты инструкціи должны были служить только искуснымъ прикрытіемъ трехъ главныхъ пунктовъ (2-го, 3-го и 4-го), которые подчиняли всю внутреннюю, домашнюю жизнь Екатерины и всю ея общественную дѣятельность немилосердому, тиранническому и унизительному контролю.

По пункту 2-му, «знатной дамѣ» вмѣнялось въ обязанность «наблюденіе брачной повѣренности между обоими императорскими величествами», причемъ знатная дама обязана была «внушать великой княгинѣ, что она въ нынѣшнее достоинство императорскаго

высочества ни въ какомъ иномъ видѣ и надѣяніи возвышена, какъ токмо дабы имперіи пожеланный наслѣдникъ и отрасль всевысочайшаго императорскаго дома получена быть могла».

По пункту 3-му, «знатной дамѣ» предписывался надзоръ за каждымъ шагомъ великой княгини, для чего она должна была «всегда за нею слѣдовать», устраняя какъ «подозрѣніе возбуждающую фамильярность» великой княгини съ придворными **кавалерами, пажами и лакеями**, такъ и «смѣлость кого бы ни было



Видъ зáмка Ангальтъ-Цербстскихъ принцевъ въ Бернбургѣ.

ея высочеству на ухо шептать, письма, цедулки или книги тайно отдавать».

Пунктомъ 4-мъ, предлагалось «знатной дамѣ» воздерживать великую княгиню отъ всякаго вмѣшательства, какъ «въ здѣшнія государственныя или голштинскаго правленія дѣла», такъ и «отъ излишней и тайной переписки». Противъ подобной переписки указано было даже и весьма надежное средство: оказывалось, что великая княгиня «всегда свои потребныя письма въ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ сочинять и къ подписанію приносить приказать можетъ». Не мѣшаетъ замѣтить, что этотъ послѣдній пунктъ

лишалъ Екатерину даже права переписываться съ матерью, и тѣ рѣдкія и немногія приписки, какія она рѣшалась добавлять къ офиціальной перепискѣ съ княгинею Цербстскою, могли быть добавляемы не иначе, какъ тайно.

Въ качествѣ «знатной дамы» при ея высочествѣ явилась весьма непріятная для Екатерины г-жа Чоглокова, приближенное лицо императрицы—женщина неуживчивая, сварливая и надоѣдливая. Молодую, живую и сообщительную Екатерину вынуждали пребывать въ постоянной близости къ великому князю Петру Ѳеодоровичу, котораго кукольный театръ и «натаскиванье» собакъ занимали въ это время гораздо болѣе, нежели общество его жены. Мало того:— Екатерину лишали возможности наслаждаться въ полной иллюзіи обществомъ, въ которомъ она, по самой природѣ своей и по складу ума, призвана была блистать и преобладать... Ее даже лишаютъ возможности свободно предаваться чтенію. Однимъ словомъ, какое-то роковое сцѣпленіе случайностей складывается именно такъ, что Екатерина предоставляется вполнѣ «самой себѣ» — видѣть себя вынужденною подумать о самозащитѣ, о необходимости отстоять самостоятельность свою, какъ женщины и какъ будущей представительницы власти...

И чтò же? Въ тѣ годы, когда у другихъ молодыхъ женщинъ только выѣзды да наряды въ головѣ—Екатерина, окруженная скучною, сумрачною атмосферою своего неудачнаго супружества и блестящимъ туманомъ шумной придворной жизни, начинаетъ уже настойчиво работать надъ собою, наблюдаетъ, дѣлаетъ выводы изъ своихъ наблюденій надъ окружающей средой и находитъ вѣрный выходъ изъ того заколдованнаго круга, которымъ ее съумѣлъ обвести Бестужевъ. Напрасно, на основаніи данной инструкціи, Чоглокова и агенты канцлера слѣдятъ за каждымъ ея шагомъ. Напрасно смѣняютъ около Екатерины приставленныхъ къ ней штатныхъ служителей, чуть только замѣчаютъ, что она подчинила ихъ своему обаянію. Всѣми этими пріемами достигаютъ только одного, неожиданнаго результата: убѣждаются въ томъ, что умная Екатерина, ни на чтò не озлобляясь, умѣетъ примиряться со всякими условіями жизни, «умѣетъ ладить съ одними людьми, противодѣйствовать другимъ, уживаться со всѣми». Въ ней уже выработывалась постепенно и незамѣтно «та гибкость въ житейскихъ сношеніяхъ съ людьми, то умѣнье пользоваться силами другихъ, та способность эксплоатировать, не оскорбляя, которая позже заставляла многихъ удивляться». [1]) Въ довершеніе всего, по мѣрѣ того, какъ Екатерина стала приближаться къ возросту полнаго развитія женщины, она все болѣе и болѣе хорошѣла, становилась все

---

[2]) Бильбасовъ, I; стр. 223.

привлекательнѣе и милѣе. «Я нравилась»—говоритъ она въ своихъ «Запискахъ»—«и въ этомъ, я полагаю, заключалась моя сила».

«Сила» сказалась прежде всего въ томъ, что въ придворной средѣ явилось у Екатерины много поклонниковъ, которыхъ она очень ловко умѣла держать отъ себя вдалекѣ и въ то же время искусно покорять всѣмъ своимъ прихотямъ. Графъ Кириллъ Разумовскій, графъ Захаръ Чернышевъ, Нарышкинъ, самъ Чоглоковъ (мужъ «знатной дамы») и въ особенности С. В. Салтыковъ—очарованные великою княгинею—явились ея усерднѣйшими слугами и заставили многихъ измѣнить о ней мнѣніе. Сама Екатерина чувствовала болѣе всего сердечной склонности къ Чернышеву, но умный и ловкій С. В. Салтыковъ, очень дружный съ Бестужевымъ, съумѣлъ къ ней приблизиться прежде всѣхъ другихъ (въ 1752 году) и, вѣроятно, въ значительной степени способствовалъ примиренію и сближенію Екатерины съ всемогущимъ канцлеромъ... Это событіе, чрезвычайно важное въ смыслѣ біографическомъ для личной исторіи Екатерины, произошло въ Москвѣ, весною 1753 года. Бестужевъ, наконецъ, понялъ Екатерину и увѣровалъ въ нее, и тотчасъ же перемѣна отношеній къ нему выразилась въ томъ, что Екатерину стали менѣе стѣснять въ ея домашнемъ быту и менѣе строго относиться къ выполненію извѣстной «инструкціи». Екатерина вздохнула свободнѣе:—женщина вступила въ свои права...

Годъ съ небольшимъ прошелъ послѣ этого сближенія, когда Екатерина, 20-го сентября 1754 года, разрѣшилась отъ бремени сыномъ, Павломъ Петровичемъ—къ великой радости Елисаветы Петровны, которая наконецъ могла успокоиться относительно престолонаслѣдія. Новорожденный малютка обратилъ на себя всеобщее вниманіе и сдѣлался предметомъ такихъ нѣжныхъ заботъ со стороны императрицы, что иноземцами была даже пущена въ обращеніе нелѣпая басня, будто Павелъ Петровичъ былъ вовсе не сыномъ Екатерины, а сыномъ Елисаветы, подкинутымъ Екатеринѣ. Басня могла найти себѣ оправданіе и подтвержденіе въ томъ, что, тотчасъ послѣ рожденія, императрица взяла ребенка на свою половину, возилась и няньчилась съ нимъ и только на сороковой день послѣ родовъ Екатерина впервые увидѣла своего ребенка. Вообще, на время, послѣ рожденія Павла Петровича, Екатерина была совсѣмъ забыта Елисаветою; она исполнила то, чего отъ нея ждали и требовали — и въ ней какъ будто перестали нуждаться... Къ этому временному забвенію и покинутости прибавилось и еще одно обстоятельство, очень непріятное для Екатерины: С. В. Салтыкова рѣшено было отправить въ Швецію съ извѣстіемъ о рожденіи наслѣдника престола... По слухамъ, Екатеринѣ было даже извѣстно, что онъ не вернется изъ Швеціи въ Петербургъ, а получитъ другое назначеніе за границей. Это очень опечалило Екатерину; она не даромъ пишетъ въ своихъ «Запискахъ»: «я еще больше замкну-

лась въ своей комнатѣ и сильно грустила». И грустила долго, не принимая участія въ придворной жизни, удаляясь отъ всѣхъ и утѣшаясь тѣми свѣдѣніями о Салтыковѣ, которыя тайкомъ передавалъ ей канцлеръ.

Въ этотъ именно періодъ жизни Екатерины—одинъ изъ наиболѣе трудныхъ и наиболѣе печальныхъ періодовъ ея молодости—дружескія отношенія къ Бестужеву много внесли полезнаго и важнаго во внутренюю жизнь Екатерины. Кажется, что только одинъ канцлеръ, дальновидный и умнѣйшій дипломатъ и политикъ, не забывалъ въ это время Екатерину, окончательно заброшенную великимъ княземъ и отдаленную Елисаветой, которая сильно охладѣла къ Екатеринѣ, можетъ быть подъ вліяніемъ враждебныхъ Бестужеву Шуваловыхъ... Не забывалъ—потому что уже отлично понималъ ее, цѣнилъ и дорожилъ ею для будущаго горячо-любимой Россіи, во главѣ которой долженъ быть современемъ явиться Петръ III, ярый сторонникъ Фридриха II, гораздо болѣе занятый своими крошечными голштинскими интересами, нежели участью подданныхъ своего громаднаго и могущественнаго царства. Бестужевъ, видимо, только на Екатерину возлагалъ всѣ свои надежды въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что состояніе здоровья императрицы Елисаветы уже вызывало его опасенія. И вотъ онъ начинаетъ, мало-по-малу, втягивать Екатерину въ политику и дипломатію, исподволь посвящать ее въ тайны государственной мудрости, любуясь быстрыми и необычайными способностями своей высоко-талантливой ученицы, ея умѣньемъ все схватывать на-летў, и все глубоко скрывать въ тайникѣ своей души. Бестужевъ любуется этими неженскими, а чисто мужскими сторонами характера Екатерины и, въ то же время... не забываетъ о ея женскихъ слабостяхъ...

Екатерина скучала и томилась одиночествомъ среди многолюднаго двора Елисаветы. Полная жизни и энергіи природа молодой 25-ти лѣтней женщины, достигнувшей полнаго физическаго развитія, искала затраты силъ, искала примѣненія ихъ... И вотъ, мы видимъ въ Екатеринѣ какое-то тревожное исканье этой затраты, какіе-то быстрые переходы отъ одной дѣятельности къ другой, какіе-то странные, иногда до безумія смѣлые опыты надъ собою... Она какъ будто пробуетъ свои силы на разныхъ поприщахъ, въ разныхъ примѣненіяхъ — и, по временамъ, какъ будто вызываетъ помѣряться съ нею въ смѣлости и дерзкомъ пренебреженіи опасности. Подъ этимъ страннымъ, переходнымъ настроеніемъ она то замыкается въ своей комнатѣ, предаваясь чтенію Тацита, Вольтера, энциклопедистовъ; то берется за легкую и несовсѣмъ приличную романическую литературу прошлаго вѣка; то вдругъ переходитъ къ усиленной дѣятельности физической — по цѣлымъ часамъ охотится въ глуши Ораніенбаумскаго парка и по десятку

Императоръ Петръ III.

верстъ бѣшено скачетъ на борзомъ скакунѣ, которымъ владѣетъ легко и свободно, красиво и крѣпко сидя въ сѣдлѣ по-мужски. То вдругъ вся отдается тайнымъ совѣщаніямъ съ канцлеромъ, внимательно изучаетъ политическія интриги, которыми оплетенъ какъ тонкой сѣтью петербургскій Дворъ,—и вновь переходитъ къ веселымъ и совершенно невиннымъ шалостямъ, въ которыхъ ей помогаетъ Левъ Нарышкинъ, то уводя Екатерину, переодѣтую въ мужское платье, изъ дворца на ужинъ къ своей невѣсткѣ, у которой собирался шумный, молодой кружокъ; то, съ непонятною смѣлостью, проводя весь этотъ кружокъ во дворецъ, въ комнату Екатерины. И она сама пишетъ въ своихъ «Запискахъ»: «эти секретныя свиданія полюбились намъ и мы собирались по два, иногда по три раза въ недѣлю»... Молодость требовала веселья, шума—и затраты силъ...

Такія тревожныя настроенія, проявляясь въ женщинахъ энергическихъ и сильныхъ, свидѣтельствуютъ обыкновенно о ихъ расположеніи къ сердечнымъ склонностямъ. Екатерина, несчастливая въ своей семейной обстановкѣ, отдаленная отъ своего ребенка, котораго императрица не довѣряла ей и вполнѣ приняла на свое попеченіе, разлученная съ человѣкомъ котораго она любила—невольно должна была искать кругомъ себя такого друга, который могъ бы ее утѣшить, развлечь ее среди подавляющей пустоты и скуки праздной жизни. Мудрено было наполнить эту жизнь только охотами, верховой ѣздой, чтеніемъ и шаловливыми приключеніями.

Какъ разъ въ это время, въ свитѣ новаго англійскаго посла Уильямса, прибылъ въ Петербургъ молодой и красивый польскій графъ Станиславъ Понятовскій—былъ представленъ ко двору великаго князя, понравился Екатеринѣ, и имѣлъ счастье вытѣснить изъ ея сердца все еще незаглохшее въ немъ воспоминаніе о С. В. Салтыковѣ.

Екатерина, тонкій знатокъ женскаго сердца, впослѣдствіи, въ своихъ «Запискахъ» такъ объясняла это и многія другія свои увлеченія:

«Я была одарена очень большою чувствительностью и внѣшностью, по меньшей мѣрѣ, весьма привлекательною:—я нравилась съ перваго же взгляда, не употребляя для этого никакого искусства, никакихъ прикрасъ. Я была въ высшей степени общительна и имѣла нравъ скорѣе мужской, чѣмъ женскій; но съ умомъ и характеромъ мужчины во мнѣ соединилась привлекательность весьма любезной женщины. Я сказала уже, что нравилась мужчинамъ; слѣдовательно одна половина искушенія была уже готова, другая же по самой сущности человѣческой природы является всегда за первою, потому что искушать и быть искушаему - очень близко одно отъ другого. Если же къ этому примѣшается еще чувствительность, то какія бы строгіе принципы нравственности ни были запечатлены въ головѣ, непременно очутишься гораздо далѣе, чѣмъ предпола-

гаешь, и я до сихъ поръ не знаю, какимъ образомъ можно преодолѣть это? Быть можетъ, въ этомъ случаѣ только удаленіе могло бы помочь; но, бываютъ случаи, положенія, обстоятельства, когда никакое удаленіе не возможно... Какъ избѣгать, какъ удаляться, отворачиваться среди придворной обстановки? Это тотчасъ обратило бы вниманіе, возбудило бы толки... А если удалиться нельзя, то, по моему, нѣтъ ничего труднѣе, какъ не поддаться тому, чтò сильно

Екатерина II въ траурномъ одѣяніи.

прельщаетъ. Все, чтò ни говорили бы противъ этого,—все будетъ только лицемѣріе или незнаніе человѣческаго сердца. Человѣкъ не властенъ въ своемъ сердцѣ; его въ кулакѣ не удержишь, и оно никакихъ приказаній разсудка не слушаетъ».

Выписываемъ эту страницу «Записокъ» in extenso не только потому, что она представляетъ намъ превосходный анализъ женской сердечной философіи—и притомъ анализъ, написанный тончайшимъ дипломатомъ, принявшимъ на себя защиту правъ женскаго сердца... Выписываемъ ее потому, что она многое объясняетъ намъ въ личной исторіи Екатерины.

Отношенія Екатерины къ Понятовскому длились почти два года, поддерживаемыя и отчасти даже поощряемыя канцлеромъ Бестужевымъ, для котораго ловкій и красивый полякъ служилъ посредникомъ сношеній съ великой княгиней, значительно окрѣпшихъ за послѣднее время. Бестужевъ, озабоченный состояніемъ здоровья Елисаветы, въ это время, уже вырабатывалъ такой «проектъ» престолонаслѣдія», въ которомъ Екатеринѣ предназначалась выдающаяся роль. Онъ отлично понималъ и даже не скрывалъ отъ иноземныхъ дипломатовъ, что великій князь Петръ Θеодоровичъ «царствовать не будетъ» или процарствуетъ очень не долго, по своей крайней неспособности къ управленію могущественной Россійской имперіею. Возростающее значеніе и выдающаяся политическая роль Екатерины начинали уже обращать на себя вниманіе иноземныхъ государей и, преимущественно, Фридриха II, когда разразилась Семилѣтняя война и участіе въ ней Россіи стало неизбѣжнымъ. Не смотря на то, что симпатіи Екатерины были всецѣло на сторонѣ Россіи, какъ это видно изъ ея извѣстнаго письма къ канцлеру Бестужеву (отъ 30-го января 1747 г.)[1]), случайный оборотъ войны, вызванный загадочнымъ отступленіемъ Апраксина, послѣ Гроссъ-Эгерсдорфской побѣды и взятія Мемеля—чуть было не подвергъ Екатерину большой опасности...

Въ настоящее время «загадочное отступленіе» вполнѣ выяснено. Оно не имѣло связи ни съ какимъ предательствомъ, ни съ какою измѣною Россіи и русскимъ государственнымъ интересамъ, и было вызвано тайными указаніями Бестужева, который былъ напуганъ болѣзненными припадками Елисаветы, ожидалъ ея смерти — и безпокоился за будущее Россіи. Заботы объ этомъ будущемъ побудили его искренно пожелать того, чтобы русская армія и Апраксинъ были поближе къ границамъ Россіи... Но враги Бестужева истолковали его дѣйствія иначе. Дѣло о «безславной ретирадѣ» Апраксина было выставлено, какъ государственная измѣна; вскрыты были его поводы къ ней въ видѣ тайной переписки съ Бестужевымъ, и затѣмъ—Бестужевъ и Апраксинъ преданы суду... А такъ какъ частыя сношенія и дружескія связи Екатерины съ Бестужевымъ ни для кого не были тайною, то привлечена къ отвѣтственности и Екатерина, обвиняемая въ соучастіи съ «государственными измѣнниками!»

Положеніе Екатерины было очень опасно. Первые дни, послѣ ареста Бестужева, она не знала, гдѣ себѣ мѣсто найти; не знала,

---

[1]) «Я прошу Васъ рекомендовать нашему общему другу фельдмаршалу Апраксину»,—пишетъ Екатерина,—«чтобы онъ побилъ короля прусскаго, ограничилъ его старыми предѣлами такъ, чтобы мы сами не были вынуждены быть вѣчно насторожѣ. Въ этомъ состоитъ наша система, и я ничего противъ нея не имѣю, потому-что усвоила се себѣ». Впослѣдствіи Екатерина это доказала осязательно.

чѣмъ и какъ избавиться отъ тяжкой неизвѣстности, въ которую была поставлена. Государственной измѣнницей она никогда не была, потому-что думала и чувствовала въ это время уже вполнѣ по-русски, вполнѣ согласно съ русскими интересами; переписки преступной, касающейся послѣднихъ дѣйствій Апраксина и Бестужева, она не вела... Но «проектъ о престолонаслѣдіи», который она тайно выработывала съ Бестужевымъ, былъ у нея на сердцѣ— и она трепетала, что какой-нибудь чернякъ, какой-нибудь случайный списокъ, или отрывокъ, этого злосчастнаго проекта, быть можетъ, уцѣлѣлъ гдѣ-нибудь въ бумагахъ арестованнаго канцлера. Она успокоилась только тогда, когда при посредствѣ преданнаго ей Понятовскаго, черезъ тысячи преградъ и опасностей, получила наконецъ отъ Бестужева извѣщеніе, что «все сожжено...»

«Сожжено»—но осталось ясное, почти осязательное подозрѣніе о какихъ-то сношеніяхъ съ Бестужевымъ и преданными ему людьми. Враги его и Екатерины всѣми силами вооружаютъ императрицу противъ великой княгини, всѣми силами налегаютъ на Бестужева при допросахъ; роются даже въ такой области, въ которую не совсѣмъ ловко заглядывать слѣдователямъ:—допрашиваютъ Бестужева объ отношеніяхъ Понятовскаго къ Екатеринѣ. Но умный Бестужевъ знаетъ Екатерину и не выдаетъ ее ни въ какомъ смыслѣ; онъ за все принимаетъ отвѣтственность на себя... Оказывается, что даже и Понятовскаго онъ удерживалъ въ Петербургѣ въ своихъ видахъ и интересахъ, и «въ томъ проситъ монаршаго помилованія, что собственную свою пользу предпочелъ ея императорскаго величества соизволенію»... И Екатерина не опасается показаній Бестужева:— она тоже его знаетъ, и давно поняла, давно оцѣнила своего учителя и руководителя въ темной области дипломатіи и дворской политики! Но она все же видитъ себя въ опалѣ, въ самой полной опалѣ... Она знаетъ, что императрица на нее гнѣвается, что великій князь-супругъ ее ненавидитъ, что онъ радуется той опасности, которая угрожаетъ его женѣ; что около него уже есть женщины, готовыя ее замѣнить, дерзающія помышлять о пріобрѣтеніи важнаго значенія при маломъ дворѣ, дерзающія думать, что борьба съ Екатериной имъ по плечу... Екатерина видитъ, что чуть не каждый день хватаютъ и ведутъ къ допросу то одного, то другого изъ ея слугъ, изъ преданныхъ ей людей, изъ женщинъ ея придворнаго штата... «Его высочество почти не смѣлъ говорить со мною и не приходилъ въ мою комнату»,—пишетъ Екатерина,—«и я оставалась совершенно одна, не видя ни одного живого лица. Я сама никого не принимала къ себѣ, опасаясь тѣмъ навлечь на другихъ какія-либо непріятности и даже несчастія. При дворѣ я воздерживалась подходить къ тѣмъ лицамъ, которыя вынуждены были бы отвернуться отъ меня»...

Эти горькія строки, хотя и написанныя гораздо позже, звучатъ

еще тѣмъ тягостнымъ настроеніемъ, которое переживала Екатерина весною 1758 года, во время суда и розыска по дѣлу Апраксина и Бестужева. Положеніе ея было невыносимо-тяжкимъ, и враги Екатерины надѣялись, что оно безвыходно... Но они не знали Екатерины, не знали того громаднаго запаса нравственныхъ силъ, который таился въ этой молодой женщинѣ, уже приближавшейся къ періоду полной зрѣлости...

Покинутая всѣми, окруженная цѣпью шпіоновъ и соглядатаевъ, лишенная всякихъ средствъ для самозащиты, Екатерина нашла въ себѣ и въ неистощимомъ запасѣ своего гибкаго, расчетливаго ума средства и способы для разрушенія всѣхъ направленныхъ противъ нея козней. Она не позволила никому заградить ей дорогу къ императрицѣ, твердо вѣря въ ея доброе сердце—и рѣшилась именно воздѣйствовать на его самыя нѣжныя, самыя чувствительныя струны. 28-го февраля 1758 года, она написала Елисаветѣ нѣжное, почтительное и прочувствованное письмо, въ которомъ благодарила императрицу за всѣ оказанныя ей милости и сожалѣла о томъ, что этихъ милостей не заслужила, «потому что навлекла на себя только ненависть великаго князя и явную немилость ея величества». Въ виду этой немилости, Екатерина просила «прекратить ея невзгоды, отправивъ ее къ родителямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, какой императрица признаетъ болѣе приличнымъ». Въ заключеніе письма, поручая дѣтей своихъ (Павла Петровича и дочь Анну Петровну) попеченіямъ императрицы, Екатерина говоритъ, что «хотя и живетъ съ ними подъ одною кровлею, однакоже вовсе ихъ не видитъ и поэтому ей все равно—быть ли тамъ же, гдѣ и они, или за сотни верстъ отъ нихъ»...

Печальный, но рѣшительный и смѣлый тонъ письма не унывающей великой княгини произвелъ пріятное впечатлѣніе на Елисавету; она приказала передать, что «сама будетъ говорить съ великою княгинею». Екатерина ждала свиданія съ императрицею съ величайшимъ нетерпѣніемъ: помимо всякихъ стороннихъ соображеній, она чувствовала, вѣроятно, даже нравственную потребность очистить себя въ глазахъ императрицы отъ взводимыхъ на нее несправедливыхъ обвиненій... Но свиданія пришлось ждать очень долго. Приближенные къ Елисаветѣ люди, видимо, воздерживали ее отъ этого рѣшительнаго шага, все еще надѣясь что-нибудь «накрыть», «открыть», «вывѣдать» изъ слѣдствія надъ Бестужевымъ. Наконецъ Екатерина прибѣгнула къ послѣднему средству: она заболѣла, слегла въ постель, и, по совѣту одной изъ своихъ камеръ-фрау, приказала позвать къ себѣ своего духовника Ѳ. Я. Дубянскаго. Послѣ полуторачасовой бесѣды съ великою княгинею, которая пожелала исповѣдаться, духовникъ отправился къ Елисаветѣ, дождался ея пробужденія и переговорилъ съ нею такъ ловко, что

императрица тотчасъ назначила свиданіе Екатеринѣ (13-го апрѣля 1758 года).

Это знаменитое свиданіе, происходившее въ присутствіи А. Шувалова, великаго князя и И. Шувалова (скрытаго за ширмами) имѣло несомнѣнно-историческое, рѣшающее значеніе для Екатерины. Елисавета не примиралась окончательно съ великою княгинею; но пожелала еще разъ съ нею видѣться—и притомъ наединѣ, «безъ всякихъ постороннихъ свидѣтелей». Приближеннымъ своимъ Елисавета призналась, что изъ этого свиданія вынесла одно неопровержимое убѣжденіе:—«великая княгиня очень умна, а великій князь очень глупъ»...

Второе свиданіе послѣдовало 23-го мая и окончательно оправдало Екатерину въ глазахъ Елисаветы. Мало того: откровенность и крайне непривлекательная картина частной жизни великаго князя, на которую, конечно, Екатерина не пожалѣла красокъ,—вѣроятно побудили Елисавету съ грустью задуматься о будущемъ Россійской имперіи и, подобно многимъ другимъ—возложить надежды на одну Екатерину... Вскорѣ послѣ этого свиданія Екатерина уѣхала изъ Петербурга въ свое Ораніенбаумское уединеніе, въ которомъ еще разъ видѣлась и простилась съ Понятовскимъ наканунѣ его высылки за границу... И простилась со своею молодостью... Наступалъ ея 30-й годъ, наступала пора ея полной умственной и нравственной зрѣлости—и яснѣе, чѣмъ когда-либо сказывалась необходимость подумать о будущемъ не только своемъ, но и всей Россіи. И вотъ, въ то самое время, когда великій князь болѣе и болѣе предавался нравственной распущенности, окружая себя людьми недостойными и ограниченными, увлекаясь нелѣпыми политическими проектами и прусскими симпатіями,—около него, незамѣтно, все болѣе и болѣе поднимаясь и выростая въ общественномъ мнѣніи, все болѣе и болѣе пріобрѣтая значеніе въ глазахъ иностранныхъ дипломатовъ, созрѣвала будущая надежда и опора всей благомыслящей и здравомыслящей Россіи въ лицѣ великой княгини Екатерины Алексѣевны. Втихомолку, осторожно, но твердо, она—опираясь на Панина и привлекая къ себѣ симпатіи русскаго общества при посредствѣ идола тогдашней молодежи, красавца Григорія Орлова—шла медленно къ отдаленной, но вѣрно намѣченной цѣли.

П. П.

ГЕРОИНИ КАЛИДАСЫ И ШЕКСПИРА[1].

(Сравнительная характеристика).

I.

ВОСПИТАННЫЙ въ своебразныхъ вѣрованіяхъ, давшихъ всему нравственному складу жизни свой особый, исключительный колоритъ и развившихъ идеалы и міровоззрѣніе народовъ на зыбкой почвѣ философскихъ толковъ и религіозно-соціальныхъ системъ,—Востокъ со всей его исторіей рѣзко отличается отъ Запада, представляя изъ себя самобытный міръ идей и образовъ, часто совсѣмъ непонимаемыхъ Западомъ, часто понимаемыхъ имъ превратно. Преслѣдуя свои исключительныя культурныя задачи и живя самоуглубленной, совсѣмъ особой внутренней жизнью, зачастую представляющеюся на Западѣ въ ложномъ свѣтѣ, Востокъ мыслилъ и мыслитъ, однако, не менѣе Запада. Въ свое время, въ эпоху расцвѣта своихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, Востокъ, не будучи еще такимъ дряхлымъ и утомленнымъ пережитымъ, какимъ онъ является теперь, двигалъ науку, поощрялъ искусства и создалъ цѣлую обширную литературу, плѣняющую каждаго пылкостью фантазіи, оригинальностью образовъ и глубиною идеи и давно ставшую на Западѣ

[1]) Источники: T. Nève, Kâlidâsa et la poésie sanscrite.—Mary Summer, Les héroines de Kalidasa et les héroines de Schakespeare. Pr. 1879.—La reconnaissance de Sacountala tr. par Chézy.—Malavika et Agminitra, drame, tr. en fr. par Ph. Foucaux и его же переводъ: Vivramorvaci, — Ourvâci donnée pour prix de l'héroisme, drame sanscrite; P. Regnand—Sa métrique de Bharata, 1880.

предметомъ серьезнаго изученія. Рѣзко отличаясь отъ своихъ западныхъ собратьевъ и формою и пріемами, восточные поэты создали дивные образы, столь же понятные и близкіе сердцу сыновъ Востока, какъ и сердцу европейца. Тѣ сокровенные пути высшаго творчества, по которымъ идетъ геніальная мысль, выливаясь въ безсмертныя формы, всюду однѣ и тѣ же, и за много вѣковъ до появленія Шекспира въ Англіи, мы видимъ, какъ ни странно это можетъ показаться съ перваго взгляда, его героинь въ Индіи, въ твореніяхъ Калидасы, геніально воспроизведшаго въ своихъ драмахъ тѣ же міровые женскіе типы, выступающіе предъ нами въ трагедіяхъ и комедіяхъ безсмертнаго творца «Ромео и Джульеты».

Въ то время, когда Англія еще томилась подъ ярмомъ римлянъ, а грубые кельты строили свои хижины въ лѣсныхъ чащахъ, древняя Индія уже пользовалась всѣми благами цивилизаціи и развитія и требовательные зрители апплодировали своему знаменитому драматургу, присутствуя на его представленіяхъ.

Время рожденія Калидасы не можетъ быть, къ сожалѣнію, опредѣлено съ точностью. Индія страна льстецовъ: тамъ ловкіе царедворцы любили примѣшивать къ славѣ своихъ властелиновъ блескъ дней минувшихъ. По этому-то многіе мѣстные историки храбро приписываютъ своей эпохѣ высокую честь видѣть рожденіе Калидасы. Это знаменитое имя стало даже почетнымъ титуломъ, даваемымъ избраннымъ поэтамъ. При такихъ обстоятельствахъ, несомнѣнно, трудно найти вѣрные слѣды знаменитаго драматурга. Одни видятъ въ немъ современника Виргилія и Горація, другіе считаютъ его въ числѣ ученыхъ, блестѣвшихъ въ 1000 г. при дворѣ царя Бходжи. По словамъ этихъ послѣднихъ, поэзія не мѣшала ему быть губернаторомъ Кашемира и писать свои дивныя произведенія у подошвы Гималая. Однако, судя по болѣе достовѣрнымъ источникамъ, можно предположить съ наибольшей вѣроятностью, что Калидаса родился во II—III вѣкѣ христіанской эры, въ Уджейнѣ (Одзенъ древнихъ грековъ), на берегахъ Сикры; онъ управлялъ Кашемиромъ и велъ тихую, мирную жизнь, весь отдавшись поэзіи.

Въ это время религіозныя распри уже волновали Индію и буддизмъ открывалъ новые горизонты, провозглашая войну старымъ устоямъ общественной жизни, уже расшатаннымъ пантеистами. Тщетно брамины удерживали въ слабѣющихъ рукахъ прежнюю власть,—смута уже проникла въ религіозное сознаніе народа и аристократическому принципу прежняго строя грозила гибель. Броженіе во внутренней жизни народа не прошло даромъ и для санскрита: священный языкъ пересталъ быть единымъ и распался на діалекты: пáли и иракрита получили права гражданства наравнѣ съ санскритомъ.

Нравы сильно измѣнились. Прежняя простота арійцевъ на-

всегда исчезла. Отъ береговъ Ганга до устьевъ Инда дворы азіатскихъ владыкъ соперничали другъ передъ другомъ въ блескѣ и утонченной роскоши. Но гаремы и многоженство были здѣсь явленіемъ только терпимымъ.

Положеніе женщины въ Индіи было весьма почетное и облагораживалась уваженіемъ, съ которымъ къ ней относились. Хотя законы Ману отличались безпощадной строгостью въ отношеніи жены, мужъ на дѣлѣ никогда не прибѣгалъ къ нимъ, смотря на жену не какъ на невольницу, а какъ на мать своихъ дѣтей.

Вращаясь при дворѣ, среди сильныхъ міра сего, Калидаса не могъ, конечно, видѣть здѣсь строгость нравовъ; вотъ почему ихъ легкомысліе даетъ себя иногда чувствовать въ его произведеніяхъ, въ образахъ, подчасъ слишкомъ откровенныхъ. Кромѣ того,—онъ могъ изображать лишь часть современнаго ему общества, совсѣмъ, по неволѣ, игнорируя остальныя. Въ силу установившагося порядка вещей, драматическое искусство въ Индіи никогда не услаждало толпу. Мы не находимъ здѣсь обширныхъ аренъ древней Эллады, гдѣ тысячи зрителей увлекались Софокломъ и Аристофаномъ. Кастовая обособленность Индіи провела демаркаціонную линію даже въ области удовольствій. Браминъ никогда и низачто не согласился бы плакать и смѣяться бокъ-о-бокъ съ чернью, управляемою имъ съ высоты надменнаго величія. Театральныя зрѣлища по этому могли быть только удѣломъ избранныхъ. Воспитанные въ строго-аристократическихъ началахъ, поэты, принужденые игнорировать толпу, наполняли свои пьесы исключительно подвигами царей, героевъ и боговъ, какъ Душманты, Рамы или Кришны, находя свои сюжеты въ религіи страны, какъ Греція находила ихъ въ подвигахъ Вакха, а въ средніе вѣка въ христіанскихъ мистеріяхъ.

Подобно тому, какъ у эллиновъ, театральныя представленія индусовъ не имѣли строго опредѣленной организаціи. Они пріурочивались всегда къ какому-либо знаменательному факту,—коронованію, рожденію принца или празднику въ честь бога. Это объясняетъ малочисленнось индійскихъ драматурговъ.

Калидаса и Бхавабхути, во главѣ ихъ, не написали каждый болѣе трехъ пьесъ, хотя, правда, нѣкоторыя изъ нихъ занимаютъ цѣлые объемистые томы. Пьесы тянулись иногда на протяженіи десяти актовъ и смотрѣлись въ продолженіе нѣсколькихъ дней, какъ теперь слушаются вагнеровскія оперы.

Драмы индусовъ подчинялись особымъ правиламъ, весьма многочисленнымъ, сложнымъ и крайне строгимъ. Творцомъ этихъ правилъ считается мудрый Бхарата, написавшій ихъ цѣлый обширный кодексъ. Въ немъ пьесы, по обрисовкѣ характеровъ и общему тону, дѣлятся на двѣ категоріи: рупáка и упàрупака т. е. пьесы со строго выдержанными характерами главныхъ лицъ и серьез-

нымъ содержаніемъ, и менѣе обработанныя въ этомъ направленіи. Первая категорія имѣетъ десять видовъ, вторая семнадцать.

Для каждаго рода театральнаго представленія,—драмы, комедіи, водевиля, балета, феерiи,—даны самыя точныя правила.

Драма, наприм., должна имѣть никакъ не менѣе пяти актовъ. Въ первомъ дѣйствіи излагаются главныя обстоятельства фабулы и конецъ его долженъ быть отмѣченъ выходомъ на сцену всѣхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы. Дѣйствіе развивается постепенно въ слѣдующихъ актахъ, проходя черезъ различныя перепитіи. Развязка послѣдняго акта заключается тѣмъ же, чѣмъ началась пьеса,— благословеніемъ или молитвой. Единство времени, мѣста и дѣйствія, столь заботившее грековъ, не играетъ никакого значенія въ театрѣ индусовъ; за то всякое театральное зрѣлище ихъ окружается цѣпью правилъ, касающихся интриги пьесы, фабулы, добродѣтелей и пороковъ дѣйствующихъ лицъ, ихъ внутреннихъ и внѣшнихъ качествъ и т. п.

Постановка была, разумѣется, самая примитивная: нѣсколько сѣдалищъ, тронъ, колесницъ съ живыми лошадьми,—вотъ и вся незатѣйливая mise en scène индійской пьесы. Сверхъестественная часть заставляла желать весьма и весьма многаго. Подчасъ отверзались небеса, слышалось рокотанье грома бога Индры, но боги, конечно, чувствують себя несравненно болѣе въ своей тарелкѣ на нашей современной сценѣ съ ея приспособленіями и машинами.

Въ несомнѣнную пользу индійскаго театра служитъ прекрасный обычай исполнять женскія роли женщинами, а не мущинами, какъ это дѣлалось у грековъ и на западѣ, во времена Шекспира.

Актеры пользовались общественнымъ уваженіемъ и жили въ дружбѣ съ писателями, которые, въ свою очередь, нерѣдко удостоивались интимности двора.

II.

Будучи великимъ мастеромъ въ области драмы, Калидаса оставилъ потомству и нѣсколько превосходныхъ поэмъ, служащихъ для его соплеменниковъ лучшими образцами вкуса и изящества. Хотя разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ цѣли нашего очерка, мы считаемъ, однако, не лишнимъ упомянуть о нихъ здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ.

Укажемъ, во-первыхъ, на Риту-Санхара (времена года), поэму, вѣрно и сильно изображающую могучую природу Индіи. Thompson, Saint-Lambert и Roucher шли безсознательно по слѣдамъ Калидасы.

Рагхуванса воспѣваетъ героическій родъ индійскихъ властистителей, предки которыхъ считались за дѣтей солнца. Изящество стиля и благородство и гармонія стиха здѣсь несомнѣнны, но ав-

торъ является въ этомъ произведеніи слишкомъ царедворцемъ, ожидающимъ богатыхъ милостей за смѣлыя и нѣсколько льстивыя гиперболы.

Кумара Самбхава исполнена религіознаго пыла. Здѣсь поэтъ восхваляетъ грознаго бога Сиву, культу котораго онъ былъ преданъ, что показываетъ и первая часть его имени,—Кали, названіе женскаго божества, составляющаго съ Сивой чету, произведшую въ міръ бога Картикейю, покровителя войны.

Мегхадута (облако-вѣстникъ) передаетъ грустную легенду о геніи, которому богами было поручено стеречь сады, исполненные всевозможныхъ очарованій. Влюбившись въ нимфу, геній пренебрегъ своей обязанностью и далъ проникнуть въ заповѣдные сады слону бога Индры, надѣлавшему въ нихъ не мало опустошеній. Въ наказаніе геній разлучается съ нимфой и ему назначается отнынѣ жить одному на вершинѣ горы. Однажды, увидя надъ своей головой облако, онъ обращается къ нему съ просьбой дать о немъ вѣсть его возлюбенной и указываетъ путь, какъ долетѣть до нея. Изящество этой, полной прелести, элегической поэмы даетъ собою чувствовать знаменитаго творца Сакунталы, капитальнѣйшей драмы Калидасы, полной тонкой психологіи характеровъ и увлекательной прелести изложенія, которой мы и начнемъ, переходя къ драмамъ знаменитаго индійскаго писателя.

Первый актъ Сакунталы происходитъ на берегу фантастической рѣки Малини. Царь Гастинапуры (города слоновъ), Душманта, охотясь въ лѣсу, преслѣдуетъ антилопу и уже готовъ спустить тетиву въ утомленное продолжительнымъ преслѣдованіемъ животное, какъ вдругъ къ нему поспѣшно приближаются два отшельника съ просьбой пощадить добычу. Царь съ удовольствіемъ исполняетъ ихъ просьбу, прекращаетъ охоту и хочетъ посѣтить анахоретовъ. Направляясь въ ихъ уединенное жилище, онъ становится случайнымъ свидѣтелемъ сцены, которая никогда не изгладится изъ его памяти и будетъ имѣть роковое значеніе на всю его жизнь. На лужайкѣ, усѣянной роскошными цвѣтами, три молодыя дѣвушки занимаются ихъ поливкой. Каждой изъ нихъ не болѣе 12—14 лѣтъ, возростъ полнаго расцвѣта красоты индіянки. Дочери отшельниковъ шалятъ съ лейкой, которую то раскачиваютъ, то отнимаютъ и ловятъ другъ у друга. Онѣ смѣются и перекидываются шутками, веселыми, какъ щебетанье птицъ, наивными, какъ счастливая, довѣрчивая молодость! Онѣ думаютъ, что онѣ однѣ, и не подозрѣваютъ о присутствіи вблизи ихъ скрытаго за листвою именитаго охотника.

Вдругъ веселье смѣняется испугомъ: пчела вьется, жужжа около подругъ и хочетъ сѣсть на лицо одной изъ нихъ, юной героини драмы,—Сакунталы. Подруги, шутя совѣтуютъ ей просить защиты у царя Душманты, покровителя священной рощи. Выйти

изъ засады теперь самое удобное время и царь не колеблется болѣе. Онъ выдаетъ себя за царскаго посланца, имѣющаго порученіе къ отшельникамъ. Пріамвада и Анасуіа (такъ зовутъ подругъ Сакунталы) принимаютъ его радушно, но сама она держится въ сторонѣ и вдругъ становится задумчивой. Дѣвушки подсмѣиваются надъ этой внезапной перемѣной и между прочимъ объясняютъ, что Сакунтала не дочь отшельника, а плодъ любви царя и нимфы. «Боги смутили строгаго Каусику, говорятъ онѣ, и вотъ весной послали ему красавицу нимфу Менаку»... Гость деликатно приходитъ на выручку юнымъ разсказчицамъ и прерываетъ ихъ: «я понимаю остальное,—нимфы вездѣ и всегда однѣ и тѣ же!» говоритъ онъ, улыбаясь. Быстро летитъ время въ веселыхъ разговорахъ, но долго отсутствіе царя не можетъ оставаться незамѣченнымъ: встревоженная его исчезновеніемъ свита ищетъ его по лѣсу и царь, не желая разоблаченія своего инкогнито, прощается съ дѣвушками. Какъ объяснить сердце женщины? Сакунтала, только что торопившая подругъ домой, отстаетъ отъ нихъ, нарочно зацѣпившись туникой за сучекъ, и на прощанье бросаетъ на царя взглядъ, въ которомъ уже загорается могучее чувство чистой души, еще не испытавшей привязанности. Царь уходитъ подъ сильнымъ впечатлѣньемъ всего случившагося. Въ глубинѣ души онъ уже любитъ Сакунталу...

Такова завязка драмы. Въ слѣдующихъ актахъ сама судьба покровительствуетъ зародившейся страсти царя: вампиры наводятъ ужасъ на отшельниковъ священной рощи и они просятъ у царя защиты. Тотъ немедленно ѣдетъ къ старцамъ и быстро очищаетъ рощу отъ кровожадныхъ вампировъ. Здѣсь онъ снова видится съ Сакунталой, уже страстно въ него влюбленной. Тамъ же, на той же лужайкѣ, происходитъ ихъ встрѣча. Послѣ долгой, мучительной внутренней борьбы, она отдается своему идолу, клянущемуся ей въ вѣчной любви. Быстро пролетѣлъ медовый мѣсяцъ! Душманта возвращается во дворецъ, въ Гастинапуру, и даетъ Сакунталѣ обѣщаніе немедленно по возвращеніи прислать за нею, чтобы ввести ее во дворецъ, какъ жену и царицу, такъ какъ бракъ ихъ можетъ считаться уже совершеннымъ, хотя и произошелъ безъ всякихъ формальностей и секретно,—привиллегія царей и воиновъ. Но проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы, а царь все не присылаетъ посланцевъ за Сакунталой и не даетъ ей о себѣ вѣсти. Бѣдная плачетъ день и ночь: она чувствуетъ въ себѣ залогъ своей любви, такъ скоро забытой и такъ жестоко поруганной... Но не будемъ торопиться обвинять царя: онъ заколдованъ однимъ злымъ отшельникомъ, завидующимъ счастью молодыхъ сердецъ. Царь забываетъ о своей возлюбленной и только видъ кольца, надѣтаго имъ на ея руку, можетъ разрушить чары.

Прозорливый старецъ-отшельникъ, добрый, всѣми уважаемый

Канва, близко принимаетъ къ сердцу горе дѣвушки. Обладая даромъ предвидѣнья, онъ зритъ будущее и знаетъ, что̀ дѣлать. Онъ отправляетъ Сакунталу къ Душмантѣ и пророчитъ ей, теперь оскорбленной и забытой, счастливую и славную будущность, какъ могущественной царицы и матери славнаго героя.

Авторъ переноситъ насъ затѣмъ ко двору азіатскаго владыки. Предъ Душмантой появляется Сакунтала, окруженная отшельниками и отшельницами, та самая Сакунтала, которую онъ такъ страстно и глубоко любилъ когда-то: теперь онъ не узнаетъ ее,— чары сдѣлали свое дѣло! Она горько жалуется на несправедливость судьбы, горькія слезы текутъ изъ ея кроткихъ глазъ... Но вотъ она мѣняется: она вспоминаетъ о своемъ ребенкѣ и во имя этого дорогого ей существа она будетъ домогаться правъ жены и матери, которыхъ ее лишаютъ!.. Изъ плачущей и слабой она становится смѣлой и сильной чувствомъ матери. Упреки соблазнителю срываются съ ея устъ, она ищетъ кольцо, подаренное ей царемъ, но не находитъ его: оно исчезло!... Царь остается безстрастнымъ,—онъ, по прежнему, не узнаетъ ея. Анахореты отказываются взять обратно въ священную рощу опозоренную дѣвушку. Но тутъ появляется пламя въ формѣ женщины и похищаетъ Сакунталу: это нимфа Менака, мать ея, уноситъ съ собой несчастную въ заоблачныя пространства!

Вскорѣ затѣмъ царю приносятъ пропавшее кольцо: рыбаки находятъ его въ пойманной ими рыбѣ. При взглядѣ на него, Душманта вспоминаетъ все! Нѣтъ словъ передать его горе и мрачное отчаянье, которое имъ овладѣваетъ! Онъ не узнаетъ окружающихъ и часто имѣетъ видъ безумнаго. Судьба посылаетъ ему, наконецъ, нѣкоторое облегченіе. Царь успокоивается немного въ борьбѣ съ гигантами, возставшими противъ боговъ. Въ седьмомъ, и послѣднемъ, актѣ мы видимъ его на вершинахъ Гималая: онъ только-что вернулся съ неба, отъ бога Индры, почетно принявшаго героя за одержанную имъ побѣду надъ гигантами. Здѣсь онъ встрѣчаетъ трехлѣтняго мальчика, играющаго съ львенкомъ. Царя поражаетъ этотъ маленькій смѣльчакъ, онъ приближается къ нему, беретъ его за руку и видитъ перепонки между пальцами—признакъ потомковъ бога Пуру, отъ котораго ведетъ свой родъ Душманта. Онъ узнаетъ въ немъ сына и съ восторгомъ прижимаетъ его къ сердцу! Сынъ ведетъ его къ матери, живущей въ уединеніи воспоминаніями объ утраченномъ счастіи. Слѣдуетъ сцена примиренія и объясненія. Въ высотѣ небесъ появляется Индра на сверкающемъ тронѣ и занавѣсъ падаетъ. Этимъ апоѳеозомъ оканчивается драма, рисующая намъ трогательный и благородный типъ любящей женщины съ цѣломудріемъ дѣвушки, энергіей матери и преданностью жены.

Сакунталѣ, героинѣ долга, противопоставляется авторомъ героиня второй драмы, нимфа Урваси, капризная, своенравная, какъ ундина или виллиса. Пьеса названа именемъ героини.

На вершинѣ Гималая, Пурурава, царь Пратиштаны (города на лѣвомъ берегу Ганга, развалины котораго видны изъ Аллахабада) спасаетъ нимфу Урваси отъ злого гиганта Данавы, ее похитившаго. Нимфа влюбляется въ своего освободителя, который платитъ ей тѣмъ же. Съ облаковъ спускается она на землю, чтобы видѣть царя. Подруга совѣтуетъ ей подумать, прежде, чѣмъ рѣшиться. «Зачѣмъ думать? Любовь владѣетъ мной!»—отвѣчаетъ нимфа. Стремительно мчится она къ вскружившему ей голову царю и бросается въ его объятія съ беззаботной веселостью. Какая разница между Сакунталой, скромной, задумчивой, уступившей страсти послѣ долгаго колебанія и этой рѣзвой, шаловливой нимфой, вся цѣль жизни которой—кружить голову другимъ и влюбляться самой. Приревновавъ царя къ одной сильфидѣ, она капризно покидаетъ возлюбленнаго и удаляется въ лѣса Кумары, бога войны, «котораго должна избѣгать каждая женщина». За это боги обращаютъ ее въ ліану. Царь въ несказанномъ отчаяніи. Боги даютъ ему чудодѣйный камень со слѣдами ногъ богини Кали, супруги Сивы, и при помощи этого талисмана ліана, по прежнему, становится нимфой.

Въ третьей драмѣ, «**Малавика и Агминитра**», мы не имѣемъ дѣла ни съ женщинами долга, какъ Сакунтала, ни съ вѣтренными нимфами, какъ Урваси. Она рисуетъ намъ дворъ восточнаго деспота съ повседневными интригами придворной жизни. Азіатскій монархъ, Агминитра, влюбляется въ придворную танцовщицу Малавику, которая отвѣчаетъ ему взаимностью. Это простая, земная дѣвушка со всѣми страстями и увлеченіями пылкой, непосредственной натуры, полюбившей впервые. Послѣ многихъ непріятностей отъ ревнивыхъ царицъ, въ особенности же отъ царицы Дхарини, запирающей соперницу въ заключеніе, откуда ее можно освободить лишь показавъ тюремщику кольцо царицы, что и дѣлаетъ, добывъ хитростью нужное кольцо, наперсникъ царя, ловкій браминъ Готама,—любящія сердца соединяются, наконецъ, и все кончается благополучно: Малавика оказывается не простой танцовщицей, а дочерью сосѣдняго царя, лишеннаго престола узурпаторомъ; она убѣжала отъ мятежа въ предѣлы владѣній Агминитры и подъ видомъ балерины скрывала свое высокое происхожденіе. Царицы, узнавъ объ этомъ, мирятся съ соперницей, соглашаются на бракъ царя и находятъ ее достойной быть третьей царицей.

III.

Въ графствѣ Варвикъ, на берегахъ Эвона, въ Стратфордѣ, родился Вильямъ Шекспиръ, 23-го апрѣля 1564 года. Мы любимъ знать малѣйшія подробности о дѣтскихъ годахъ и юности великихъ людей, приковавшихъ насъ къ себѣ силою своего генія. Къ сожалѣнію, судьба отказала намъ въ этомъ удовольствіи относи-

тельно Шекспира: его молодость остается для насъ во многихъ отношеніяхъ покрытой мракомъ. Прислуживалъ ли онъ въ мясной лавкѣ отца, былъ ли продавцемъ шерсти, это остается одной изъ многочисленныхъ гипотезъ о юности великаго англійскаго драматурга. Мы знаемъ только, что около девятнадцати лѣтъ (въ концѣ 1582 г.) Шекспиръ женился; бракъ этотъ былъ столь же раннимъ, сколь и неудачнымъ. Онъ покидаетъ семью и идетъ искать счастье въ Лондонъ. Судьба ему благопріятствовала. Новая эра вставала тогда надъ Англіей! Послѣ грубой тираніи Генриха VIII и мрачнаго клерикализма Маріи Тюдоръ наступалъ счастливый вѣкъ Елизаветы. Съ прекращеніемъ религіозныхъ и политическихъ смутъ оживились искусства, науки и торговля. Кисть Гольбейна обезсмертила главныхъ дѣятелей эпохи, Бэконъ положилъ основаніе незыблемой научной системы и вскорѣ Англія простерла свое владычество до родины Калидасы, основавъ, въ 1602 году, знаменитую Остъ-Индскую Компанію. «Общество того времени, говоритъ Гизо (Vie de Schakespeare) стремилось къ матеріальному благосостоянію не меньше, чѣмъ къ умственнымъ наслажденіямъ». Робинъ Гудъ и царица Савская начали терять прежнее обаяніе. Общество требовало теперь чего-то иного. Въ это-то именно время и появился Шекспиръ, овладѣвъ вниманіемъ толпы своими драмами и комедіями, гдѣ дѣйствіе развивается правильно, интересъ всецѣло захватываетъ зрителя, а дѣйствующія лица — сама жизнь въ ея безконечныхъ проявленіяхъ! Этотъ геніальный человѣкъ, открывшій обществу новые горизонты, заимствуя фабулы своихъ пьесъ изъ историческихъ хроникъ, былъ полнымъ хозяиномъ ихъ формы. Никто не былъ такъ неодинаковъ и смѣлъ въ своихъ произведеніяхъ, гдѣ обработка всегда была на второмъ планѣ и все зиждилось на глубокомъ, неподражаемомъ анализѣ сердца. Обрисовываетъ ли онъ могучими штрихами историческую эпоху, посвящаетъ ли зрителя въ тайны семейныхъ раздоровъ, переноситъ ли въ причудливый міръ фантазіи,—повсюду его творчество черпаетъ свою силу изъ дѣйствительной, реальной жизни. Въ этомъ его тайна. Цѣломудренныя или страстныя, привлекательныя или внушающія ужасъ, его героини прежде всего глубоко жизненны. Это не блѣдныя, безцвѣтныя фигуры, автоматично двигающіяся въ большинствѣ современныхъ пьесъ, — героини Шекспира живыя, полныя энергіи: онѣ страдаютъ, смѣются, любятъ и ненавидятъ! Ужасаютъ ли онѣ насъ своими преступленіями, восхищаютъ ли добродѣтелью, — это образы, вѣрные истинѣ, изваянныя твердой рукой великаго мастера. Шекспиръ охотно зондируетъ бездну порочныхъ страстей женщины. Онъ рисуетъ намъ надменную лэди Мэкбэтъ, честолюбіе которой захлебнулось въ крови, и безчеловѣчныхъ дочерей царственнаго старца Лира. Онъ хочетъ показать намъ, до чего дошли эти страшныя женщины, забывъ свое великое, міровое назначеніе: любить и прощать! Если

мрачныя героини шекспировскихъ трагедій привлекаютъ вниманіе своей оригинальностью, то его свѣтлые, полные граціи женскіе образы полны несказанной прелести! Никто изъ драматурговъ Запада не можетъ сравниться съ Шекспиромъ въ тонкомъ анализѣ сложнаго чувства любви. Въ этомъ сходится онъ съ Калидасой, мастерски изображающимъ сокровеннѣйшіе уголки сердца индіянки, мало чѣмъ, въ сущности, отличающагося отъ сердца великобританки. Недаромъ В. Джонсъ [1]), которому первому обязана Европа знакомствомъ съ великимъ драматургомъ Востока, назвалъ Калидасу индійскимъ Шекспиромъ,—многознаменательная похвала въ устахъ гордаго англичанина! Недаромъ великій Гёте, восхищаясь Сакунталой, воскликнулъ съ жаромъ юношескихъ лѣтъ:

Willst du die Blüthe des Frühen, die Früchten des spaeteren Jares,
Willst du was reizt und entzückt, willst du was saettigt und naehrt,
Willst du den Himmel, die Erde mit einem Namen begreifen:
Nenn' ich Sakountala, Dich, und so ist Alles gesagt!..

Съ другой стороны, глубокомысленный А. Шлегель высоко ставитъ Сакунталу, это дивное произведеніе, представляющее, не смотря на яркій мѣстный колоритъ, такъ много общаго съ романтической драмой. Индійскій драматургъ находитъ своихъ героевъ въ миѳологіи Ведъ, англійскій въ историческихъ хроникахъ своей родины; первый живописуетъ любовь Пururавы, второй изображаетъ преступленіе Глостера, но оба они дружно идутъ рядомъ: ихъ драмы—живыя картины жизни и эпохи! Въ произведеніяхъ обоихъ драматурговъ нѣтъ строгихъ границъ между трагедіей и комедіей: онѣ обѣ тѣсно сплетаются въ нихъ, представляя полную гармонію горькихъ слезъ и веселаго смѣха, также, какъ и въ жизни, гдѣ смѣхъ прерывается слезами, и горе смѣняется радостью.

Это сходство двухъ великихъ писателей, бросающееся въ глаза въ общемъ, остается и въ деталяхъ. Вотъ двѣ героини, изображенныя одинаково: Миранда («Буря») и Сакунтала—обѣ царскаго рода, обѣ воспитаны въ полномъ уединеніи, при одинаковыхъ условіяхъ блаженнаго невѣдѣнія, непониманія жизни. Одна знаетъ пока одну страсть,—поливать свои цвѣты, величайшее наслажденіе другой—собирать раковины на берегу океана. Но не уйти отъ любви съ ея тревогами и мученіями ни одному сердцу! Она приходитъ и на пустынный островъ Миранды, и въ священную рощу Сакунталы. Она незамѣтно подкрадывается въ лицѣ Фердинанда и Душманты. Сердце героинь смущается. Онѣ восхищаются пришлецами и уже любятъ ихъ съ пыломъ перваго, свѣжаго чувства. Христіанская дѣвушка смѣлѣе въ выраженіи своей симпатіи,

---

[1]) Вильямъ Джонсъ сдѣлалъ первый переводъ Сакунталы, появившійся въ Калькутѣ, въ 1789 г.

индіянка — сдержаннѣе и оттого глубже страдаетъ. Малавика также сдержанна, какъ дочь Востока. Она не смѣетъ поднять глазъ на монарха, котораго страстно любитъ. Она весело танцуетъ на потѣху скучающимъ царицамъ и ея маленькое сердце стоически переноситъ терзанія любви, храня секретъ всей ея жизни. Точно также героиня «Двѣнадцатой ночи» Віола, живя вблизи любовницы боготворимаго ею человѣка, не выдаетъ себя, хотя безконечно страдаетъ, и даже проситъ у своей соперницы за того, кто недостоинъ видѣть страданій, имъ причиняемыхъ. Возьмемъ ли мы Джульету («Ромео и Джульета»), дивный идеалъ юной беззавѣтной любви, Іессику («Венец. купецъ»), которую любовь сдѣлала христіанкой, Урваси, граціозную нимфу и страстную баядерку Малавику, — во всѣхъ нихъ зарождающееся чувство первой любви изображено съ неподражаемымъ искусствомъ.

Душманта забылъ и отвергъ Сакунталу, Леонтъ, король Сициліи («Зимн. ск.»), осудилъ Герміону на гибель, заподозрѣвъ ее въ невѣрности. Первый вспоминаетъ забытую, второй — узнаетъ ошибку. Оба страдаютъ и мучатся позднимъ раскаяніемъ. Леонтъ находитъ свою дочь, Пердиту, когда жизнь стала ему въ тягость; Душманта встрѣчается съ сыномъ, горько тоскуя по его матери. Ихъ обоихъ соединяютъ съ супругами ихъ дѣти. Тонкое психологическое чувство подсказало обоимъ писателямъ эту именно развязку, какъ бы говорящую, что несогласія между мужемъ и женою должны замолкнуть во имя дѣтей, священнаго звена ихъ союза.

Съ удивительнымъ искусствомъ рисуютъ намъ оба драматурга какъ высокія, такъ и слабыя стороны женскаго сердца, какъ, напримѣръ, ревность. Англійскія героини доводятъ свою любовь до безропотной готовности умереть отъ руки любимаго человѣка, — таковы Дездемона («Отелло») и Имоджена («Цимбелинъ»); но если идетъ дѣло о соперницѣ, — онѣ изъ голубокъ становятся львицами. Въ Урваси сцена ревности царицы написана замѣчательно жизненно и сильно.

Оба поэта, описывая любовь съ одинаковымъ мастерствомъ, сходятся и въ самой манерѣ творчества. Такъ Ромео, скрываясь подъ балкономъ, любуется Джульетой; онъ хочетъ быть ея перчаткой, чтобы касаться ея щеки; Агминитра, укрываясь за асокой (красивѣйшее дерево Индіи) любуется Малавикой, сравнивая ее съ нѣжнымъ жасминомъ. У обоихъ драматурговъ героини, не подозрѣвая, что ихъ видятъ и слушаютъ, свободно выражаютъ свое чувство, и это составляетъ превосходнѣйшее и въ то же время простое средство дать героинямъ высказаться, щадя ихъ скромность.

Незабвенной фигурой является Джульета, вѣчно-юный, вѣчно-живой типъ безпредѣльно любящей женщины. Она не похожа ни на строгую Сакунталу, ни на робкую Малавику, ни на хитрую Ур-

васи. Презирая всѣ маленькія хитрости, составляющія удѣлъ ея пола, она думаетъ лишь объ одномъ,—быть достойной Монтегю. Вся порывъ, она также охотно спускается въ мрачный фамильный склепъ, какъ падаетъ въ горячія объятія обожаемаго человѣка, не прося у судьбы ничего, кромѣ счастія любить и быть любимой. У Калидасы мы не находимъ такой напряженности страсти, но романъ Урваси, завязанный на отрогахъ пустыннаго Гималая, разрѣшается при тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ и любовная интрига, начатая на балу у Капулети. Обѣ влюбленныя пары пьютъ чашу блаженства въ чудный лѣтній вечеръ. Съ неумолимой логикой и геніальнымъ чутьемъ правды оба поэта быстро мѣняютъ эту картину безконечнаго счастія на муки безъисходнаго отчаянья. Безумный отъ горя царь безуспѣшно ищетъ нимфу въ лѣсахъ, Ромео—въ мрачномъ склепѣ осыпаетъ поцѣлуями и вопросами неподвижную Джульету. Оба юные, добросердечные, но слабонравные и безхарактерные героя гнутся подъ ударами судьбы. Ромео кончаетъ самоубійствомъ; этимъ, конечно, кончилъ бы и герой Калидасы, еслибы восточныя вѣрованія не подсказали иную развязку, чѣмъ ту, которою неумолимая логика западнаго генія заключила безсмертную трагедію: Юлія должна оставаться холодною и неподвижною въ гробницѣ, пока не пройдетъ дѣйствіе усыпительнаго снадобья, тогда какъ Урваси изъ ліаны вдругъ опять становится чудной нимфой.

Калидаса охотно вводитъ въ свои пьесы комическихъ персонажей, извѣщающихъ зрителей о перемѣнѣ сценъ и дѣйствующихъ лицъ. Также и у Шекспира,—въ Периклѣ, Генрихѣ V, Зимней сказкѣ и Ромео и Джульетѣ хоръ (дѣйствующее лицо, исполняющее обязанности хора) дѣлаетъ нужныя объясненія и дополненія для зрителей.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что комическій элементъ въ пьесахъ Калидасы очень тонко и мастерски воспроизведенъ въ царскихъ наперсникахъ, хитрыхъ и льстивыхъ царедворцахъ—браминахъ, всячески угождающихъ царю, но не забывающихъ при этомъ и главнымъ образомъ себя. Они во многомъ напоминаютъ безсмертнаго Фигаро и несравненнаго Скапена.

Сходство обоихъ великихъ драматурговъ простирается даже до мелочей: точно однѣ и тѣ же мысли попеременно гостили въ ихъ мозгу. Какъ уже знаютъ читатели, въ драмахъ Калидасы играютъ большую роль кольца. Какъ это ни странно, они имѣютъ не меньшее значеніе и въ пьесахъ Шекспира. Припомнимъ Сакунталу и Порчію («Венец. купецъ»), царицу Дхарини и Елену («Все хор., что хор. конч.»).

Прологъ къ «Ромео и Джульетѣ» кончается словами: «если вы (т. е. зрители) терпѣливо выслушаете насъ до конца, мы приложимъ старанія, чтобы улучшить то, что вамъ покажется неудачнымъ».

Калидаса дѣлаетъ то же самое. Начальникъ труппы, объявляя о началѣ представленія Сакунталы, говоритъ слѣдующее: «я не сочту драму хорошей, пока она не удовлетворяетъ людей съ развитымъ вкусомъ».

Сходство простирается еще далѣе: шаръ изъ воздуха, на которомъ нимфа Урваси скользитъ по эфиру, не менѣе легокъ и прозраченъ, чѣмъ такой же шаръ королевы Мэбъ въ фантастическомъ «Снѣ въ лѣтнюю ночь».

С. Уманецъ.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О САНДУНОВЫХЪ.

АНДУНОВЫМЪ посчастливилось. Послѣ любопытныхъ бумагъ о нихъ, открытыхъ г. Опочининымъ въ театральномъ архивѣ [1]), редакція «Историческаго Вѣстника» получила въ свое распоряженіе теперь новые и еще болѣе важные подлинные документы, освѣщающіе до сихъ поръ совершенно неизвѣстный періодъ службы Сандуновыхъ въ Петербургѣ послѣ ихъ свадьбы. Всѣхъ документовъ три: 1) просьба Сандуновыхъ императрицѣ объ отставкѣ; 2) справка объ ихъ службѣ и 3) объясненіе, поданное артистами по требованію императрицы. До сихъ поръ всѣ лѣтописцы нашего театра, за исключеніемъ одного Зотова, представляли дѣло такъ, что тотчасъ же послѣ свадьбы, молодые Сандуновы уѣхали въ Москву и поступили тамъ на Медоксовъ театръ. Теперь оказывается, что они пробыли въ Петербургѣ еще цѣлыхъ три года и только весною 1794 года получили отставку, пройдя ранѣе черезъ цѣлый рядъ всевозможныхъ мытарствъ. Подробно излагая всѣ эти мытарства, наши бумаги возсоздаютъ интересную и вполнѣ законченную картинку театральной интриги прошлаго вѣка, давая не одну любопытную черту не только для характеристики современныхъ театральныхъ порядковъ, но и вообще для исторіи нравовъ.

Читатели, можетъ быть, помнятъ, что только благодаря смѣлому обращенію къ самой императрицѣ, Лизанькѣ Урановой удалось избавиться отъ сластолюбивыхъ поползновеній Безбородки и выйти замужъ за Сандунова. Императрица такъ разгнѣвалась на помо-

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1889 г., т. XXXVIII, стр. 342.

гавшихъ Безбородкѣ директоровъ театра, Соймонова и Храповицкаго, что въ тотъ же вечеръ, какъ получила отъ Лизаньки просьбу, 11-го февраля 1791 года, велѣла заготовить и указъ объ ихъ увольненіи. На другой день на ихъ мѣсто уже былъ назначенъ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ. Но новый вершитель театральныхъ судебъ съ самаго вступленія молодой четы «подъ его команду» сталъ выказывать къ обоимъ супругамъ явное неблаговоленіе. Гордый и неуживчивый Сандуновъ, конечно, былъ не изъ такихъ людей, которыхъ пріятно имѣть хотя бы и подчиненными. Но кажется, что неблаговоленію князя были и другія постороннія причины, и не послѣднюю роль игралъ здѣсь все тотъ же Безбородко. Упрямый, какъ истый малороссъ и притомъ мстительный, Безбородко не могъ, повидимому, простить Лизанькѣ того представленія «Рѣдкой вещи», когда публично передъ всѣмъ театромъ насмѣялась она надъ его притязаніями. А можетъ быть, несмотря на неудачу, онъ все еще надѣялся достичь своего. Не удалось поймать «Амура» золотой сѣткой, не соблазнили богатые посулы, но оставался еще неиспробованнымъ путь прижимокъ и всевозможныхъ притѣсненій. Какъ бы то ни было, съ самой свадьбы своей Сандуновы стали жертвою театральной интриги, ни мало не сомнѣваясь притомъ относительно источника всѣхъ своихъ бѣдъ, какъ показываетъ слѣдующій разсказъ Сандунова о случаѣ съ театральными экипажами.

Сандуновы, какъ и всѣ прочіе артисты, пользовались казенной каретой и лошадьми. Театральныхъ клячъ и допотопные экипажи можно и теперь отличить съ перваго взгляда. Въ старину, безъ сомнѣнія, они были еще въ болѣе безнадежномъ состояніи и нерѣдко грозили серьезной бѣдой, особенно же пѣвцамъ и пѣвицамъ, какъ Сандунова. «Отъ расщелявшихся экипажей и полтинныхъ на день пары лошадей она не разъ простужалась, но сколько ни просили артисты князя о замѣнѣ экипажа лучшимъ, хотя бы наемнымъ, въ отвѣтъ не получалось ничего, «кромѣ открытыхъ и язвительныхъ издѣвокъ». «Наконецъ, передаетъ Сандуновъ, въ своемъ объясненіи, прошлаго 792 года, ноября 24-го дня, жена моя, ѣдучи изъ театра послѣ представленія «Рѣдкой вещи», остановлена была дряхлостью лошадей и, простоявъ на улицѣ часъ съ четвертью, принуждена дойти домой пѣшкомъ, по мокрой тогдашней погодѣ, а, дошедъ, почувствовала ужаснѣйшую горячку, которой сколь ни мучительны были для насъ слѣдствія, но все несравненно сноснѣе тѣхъ слуховъ, которые объ насъ были распущены по всему городу и даже самимъ княземъ и съ прибавкою, что мы очень развратную ведемъ жизнь и потому ихъ должно-де непремѣнно развести и если бъ кто въ томъ могъ успѣть, я бы не пощадилъ на то 10,000 рублей. Это истинное израженіе князя и другія сему подобныя всюду имъ же самимъ разглашенныя». «Тотъ же князь—пишетъ Сандуновъ въ другомъ мѣстѣ своего объясненія,—при вся-

комъ разѣ, увидя мою жену, говорилъ, чтобъ она меня, какъ злобнаго и дурного поведенія человѣка, не слушалась и остерегалась—пунктъ очень малый, но притомъ и очень замѣтный», оговаривается артистъ. Если ко всему этому прибавить, что неблаговоленіе князя стало, по словамъ артистовъ, особенно замѣтно послѣ того какъ Сандуновъ отдалъ подаренныя его женѣ Безбородкой карету и алмазныя вещи въ ломбардъ въ пользу бѣдныхъ и, несмотря на всѣ увѣщанія князя Юсупова, не захотѣлъ ихъ взять обратно, то за спиною князя Юсупова передъ нами ясно обрисуется другая фигура, державшая въ своихъ рукахъ всѣ нити задуманной интриги—фигура Безбородки. Очень можетъ быть, что напуганной подозрительности Сандуновыхъ мерещилось то, чего не было, но во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть, что всѣ притѣсненія, перенесенныя ими отъ князя Юсупова и по пунктамъ до мелочей изложенныя въ объясненіи императрицѣ, безъ всякаго труда укладываются въ общую рамку картины преднамѣреннаго и разсчитаннаго гоненія.

Не успѣла еще Сандунова вполнѣ оправиться отъ простуды послѣ вынужденной прогулки пѣшкомъ въ ненастную погоду, какъ князь сталъ «со всевозможнымъ устращиваніемъ принуждать ее играть, называя болѣзнь ее притворствомъ, и играть, пишетъ Сандуновъ, не то что̀ бы она по слабости могла, но именно «Венеціанскую ярмарку», гдѣ роль жены моей наитруднѣйшая, наконецъ игранъ ею сей спектакль, но такъ, что послѣ каждой почти сцены она отъ слабости едва стоять могла, и тутъ открылось теченіе изъ горла въ крови и ломъ въ груди. Но онъ (т. е. князь), по окончаніи пьесы взошедъ къ ней въ уборную съ посторонними, видя ея растроенное здоровье, не только не тронулся тѣмъ ни мало, но черезъ день еще опять оную жъ ей играть приказывалъ; тутъ одни просьбы и устыженія стороннихъ убѣдили его отмѣнить жестокое сіе приказаніе, исполненіе котораго ей не только невозвратною потерею здоровья грозило, но и самой жизни стоить могло».

Неудивительно послѣ этого, что и новаго экипажа артистка, несмотря на вышеописанный случай, могла добиться отъ князя только послѣ долгихъ просьбъ и напоминаній. Лошадей же такъ-таки и пришлось Сандуновымъ имѣть своихъ, издерживая на ихъ содержаніе и наемъ до 600 рублей въ годъ. Но это были не единственные расходы, на которые вынудилъ ихъ князь. Оправясь отъ болѣзни, Сандунова, «чтобы не потеряться безъ практики» стала продолжать свои занятія пѣніемъ, и ей понадобился учитель музыки. При театрѣ были такіе учителя, и князю ничего не стоило дать одного Сандуновой. Но онъ отказалъ наотрѣзъ, и артисткѣ пришлось нанимать сторонняго преподавателя, платя отъ 3 до 5 руб. за визитъ, что̀ опять по словамъ Сандуновыхъ, обходилось имъ до 600 руб. въ годъ. Вмѣстѣ съ расходомъ на лошадей это соста-

вляло 1,200 рублей въ годъ — сумма очень тяжело ложившаяся на бюджетъ обоихъ супруговъ. Приданое, полученное Сандуновымъ отъ императрицы за женою—«300 руб. и по два куска граннтуру и атласу»—пошло на заведеніе ихъ маленькаго хозяйства и единственнымъ рессурсомъ мужа и жены было ихъ общее жалованье—2,000 руб. въ годъ [1]),—но за вычетомъ вышесказанныхъ расходовъ въ 1,200 руб. отъ чего оставалось всего 800 руб. въ годъ. «Если бы князь, пишетъ Сандуновъ, благоволилъ уважить, хотя мало, мои о семъ представленія, то конечно бы мы не дошли до того состоянія, въ которомъ мы, безъ постороннихъ пособіевъ, едва могли пропитаніе имѣть».

Но князь ни мало не думалъ объ облегченіи денежныхъ затрудненій артистовъ. Напротивъ, матеріальныя притѣсненія всегда были всемогущимъ орудіемъ въ рукахъ театральной интриги, и имъ не преминули воспользоваться и въ преслѣдованіи Сандуновыхъ. Когда отказать какой-нибудь просьбѣ артистовъ было невозможно, дѣлалось все, чтобы замедлить ея исполненіе. Вынужденные плохими обстоятельствами, артисты просили о бенефисѣ, но «цѣлый годъ, пишетъ Сандуновъ, едва былъ достаточенъ къ выполненію нашей просьбы. Наконецъ полученъ послѣ многихъ другихъ бенефисъ. Но онъ былъ новымъ поводомъ къ обидамъ, ибо ни одного не упущено случая, гдѣ бы мнѣ и женѣ не было отъ него (князя) симъ вспоможеніемъ упрекаемо до поношенія». Не довольствуясь прямыми притѣсненіями, князь, по словамъ Сандуновыхъ, позаботился даже лишить ихъ и тѣхъ средствъ, которыя добывали они побочными занятіями. Сандуновъ приготовлялъ актеровъ и актрисъ для частныхъ театровъ. Князь поспѣшилъ его очернить передъ его довѣрителями. Гдѣ не помогали совѣты, онъ пускалъ въ ходъ самое «убѣдительное доказательство» негодности Сандунова, какъ учителя: грозилъ, что если кто ему будетъ давать учениковъ, «онъ, какъ директоръ театра, лишитъ ихъ людей входа въ оный».

---

[1]) Какъ видно изъ справки о службѣ Сандуновыхъ, сдѣланной, очевидно, для императрицы, Сандуновъ, поступивъ на службу въ Петербургѣ по опредѣленію комитета 1-го декабря 1783 года, получалъ жалованья всего 500 руб. Но при правленіи Стрекалова, 1-го января 1788 года, получилъ прибавку въ 200 руб. Затѣмъ при Соймоновѣ и Храповицкомъ онъ, 11-го сентября 1790 года, былъ, какъ извѣстно, уволенъ отъ службы. Когда же при князѣ Юсуповѣ и послѣ своей свадьбы онъ былъ обратно принятъ, 20-го февраля 1790 года, на службу, ему положили окладъ въ 1,200 руб., на которомъ и оставался онъ вплоть до своей отставки въ 1794 году. Что касается до Сандуновой, то опредѣленная на службу, 20-го февраля 1791 года, съ жалованьемъ въ 500 руб., она въ 1792 году получила прибавку въ 300 руб., такъ что всего она получала 800 руб. Въ общемъ выходило 2000 руб. Всѣ эти цифры, сообщаемыя справкой очень важны: онѣ окончательно устанавливаютъ хронологическія даты петербургской жизни Сандуновыхъ, которыя ранѣе можно было обозначать лишь гадательно.

Рядомъ съ этими матеріальными притѣсненіями шли прижимки другого свойства, больно задѣвавшія артистическое самолюбіе. Съ самаго начала артистовъ стали, выражаясь на театральномъ жаргонѣ, «затирать». Напрасно благодарные за оказанныя императрицею милости супруги «усугубили» оба старанія свои по должности и «съ превеликой рачительностью» играли во всѣхъ тѣхъ пьесахъ, которые подходили къ ихъ амплуа. Дирекція не замѣчала ихъ усердія. Видя, что театръ перебивается однимъ старьемъ и боясь, какъ бы Сандунова «не потерялась отъ единообразности игры четырехъ или пяти оперъ», артисты рѣшились заказать новую оперу на свой счетъ въ полной увѣренности, что дирекція не откажется ее дать. Но и здѣсь ихъ старанія «оказать услугу и выгодность театру» привели только къ тому результату, что они потеряли 400 руб., въ которые обошлась имъ опера. Представленная въ дирекцію въ октябрѣ 1791 года, она, несмотря на всѣ ходатайства передъ княземъ Юсуповымъ, пролежала два съ половиною года у капельмейстера Мартини и въ концѣ концовъ актеры должны были взять ее назадъ. Для «яснѣйшаго уразумѣнія» неблаговоленія князя, артисты доносили императрицѣ, что даже приказаніе графа Платона Александровича Зубова, чтобы Сандунова играла въ оперѣ «Флейта», осталось безъ послѣдствій, и артистку обошли и здѣсь «для того единственно, чтобы отставить ее отъ всякой новости».

Понятно, что, мѣшая успѣхамъ актрисы передъ обыкновенной публикой, дирекція еще старательнѣе заботилась не дать ей отличиться передъ императрицей. Много разъ Сандуновы просили князя доставить ей возможность выступить при дворѣ въ тѣхъ новыхъ пьесахъ, гдѣ она пользовалась успѣхомъ. Но за цѣлые три года, кромѣ оперы «Федулъ», [1]) сочиненіе самой императрицы и двухъ разъ «Школы злословія», Сандуновой ничего такъ и не удалось сыграть передъ своей высокой покровительницей.

Характеренъ слѣдующій, хотя и мелочной случай. Однажды князь черезъ Сандунова приказалъ его женѣ именемъ императрицы занять въ Эрмитажѣ роль актрисы Софроновой и даже далъ на то письменный адресъ. «Послѣ же, пишетъ Сандуновъ, по претензіи о семъ оной Софроновой, отъ онаго формально отозвался, сказавъ,

---

[1]) «Федулъ» былъ впервые данъ 16-го января 1791 года, т. е. еще до свадьбы Сандуновыхъ и до директорства князя Н. Б. Юсупова. «Школа злословія», Шеридана была переведена съ англійскаго, какъ говорятъ, великими князьями Александромъ и Константиномъ Павловичами, въ юности, когда они оба учились англійскому языку, подъ руководствомъ И. М. Муравьева-Апостола. Первое представленіе этой комедіи въ Эрмитажѣ Араповъ, основываясь на дневникѣ А. В. Каратыгина, относитъ къ 3-му декабря 1794 года. Но объясненіе Сандуновыхъ помѣчено апрѣлемъ 1794 годи. Вѣроятно, у Арапова ошибка, какихъ не мало въ первой половинѣ его книги.

что я его о семъ просилъ для своей жены, и приказанія на то вашего величества никакого не было, и тѣмъ разстроены стали со многими въ сотовариществѣ». Сандуновъ и самъ по себѣ былъ неуживчивъ; безъ сомнѣнія, случаи, подобные вышеописанному, подливали еще болѣе масла въ огонь. Къ матеріальнымъ и служебнымъ притѣсненіямъ присоединялось и третье орудіе всякой театральной интриги—сѣялись закулисные раздоры. Всѣ эти утѣсненія были тѣмъ чувствительнѣе, что они шли отъ самаго директора и нерѣдко были совершенно неотразимыми. Стоитъ только начальнику не взлюбить подчиненнаго, чтобы на каждомъ шагу находить случаи досаждать ему такъ или иначе. А князь Юсуповъ, повидимому, особенно недолюбливалъ Сандунова и не упускалъ случая отозваться о немъ съ самой худой стороны.

«Въ бытность здѣсь въ Санктпетербургѣ, передаетъ артистъ въ своемъ объясненіи, его свѣтлости покойнаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго и при представленіи комедіи «Братомъ проданной сестры» [1]) я имѣлъ счастіе заслужить его благоволеніе до того, что угодно ему было бросить мнѣ на театръ нѣсколько сотъ червонныхъ; князь, будучи тутъ же въ ложѣ, и изъ сего лестнаго для меня благоволенія и чести составилъ чувствительнѣйшую обиду и поношеніе, сказавъ его свѣтлости: первое, что сіе здѣсь не въ употребленіи, а второе, что я недостоинъ сего знака отличія, ибо я при весьма дурномъ поведеніи пьяница и гордецъ. И такъ мало для него казалось лишить меня знака милости его свѣтлости, нужно было и обнести до совершенства».

«Развратникъ», «пьяница», «гордецъ»—вотъ, значитъ, эпитеты, какими разукрашивалъ князь имя Сандунова. Здѣсь еще можно однако оправдывать князя, хотя, конечно, нравственныя качества артиста были не причемъ въ оцѣнкѣ и поощреніи его дарованія; но вотъ случай, изъ котораго видно, что князь не гнушался ничѣмъ, чтобы очернить нелюбимаго имъ артиста. «Жена моя, разсказываетъ Сандуновъ, получа охоту къ дѣйствованію въ драмахъ и трагедіяхъ, избрала трагедію «Сорена» и, выуча оную, хотѣла ее играть; а тѣмъ болѣе, что актрисы къ занятію сихъ ролей у театра не имѣется—трагедія, хотя и печатная и все излишнее изъ нея со тщаніемъ вычернено и выброшено, но оную играть княземъ не позволено. Симъ бы и должно было все окончиться, и намъ за усердіе наше къ театру, если не награжденіемъ, то по крайности обычнымъ спокойствіемъ пользоваться надлежало; но князь по принятымъ противу насъ поступкамъ и симъ воспользоваться не преминулъ, и обратилъ оное въ чувствительнѣйшее мнѣ пораженіе,

---

[1]) «Преступникъ отъ игры или братомъ проданная сестра», комедія Ефимьева. Сандуновъ игралъ здѣсь роль слуги Семена. Въ этой роли онъ изображенъ на портретѣ, снимокъ съ котораго приложенъ къ 9 кн. «Ист. Вѣс.» 1889 г.

утверждая открыто, что выборъ сей трагедіи непремѣнно мой единственно, хотя мы всѣмъ театромъ оную выбрали, и всѣ вообще чернили оную». Чтобы понять, въ чемъ тутъ была суть, надо знать, что «Сорена», трагедія, нѣкогда пользовавшаяся большимъ успѣхомъ и составившая славу ея автора, слѣпого Николева, имѣла не мало стиховъ очень рѣзкихъ, которые легко было истолковать въ дурную сторону. Тамъ былъ напримѣръ такой монологъ:

«Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
«Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!
«Льзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ
«Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца?
«Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца»!

Въ Москвѣ графъ Брюсъ не рѣшился даже допустить представленія трагедіи, но императрица, когда ей было объ этомъ доложено, сняла запрещеніе. «Авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью»,—сказала она и сама велѣла напечатать трагедію въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ». Но это было до французской революціи. Въ началѣ же 90-хъ годовъ, когда напуганному событіями на Западѣ правительству мерещились всюду заговоры, когда предавали всесожженію княжнинскаго «Вадима», ссылали Радищева и заключали въ крѣпость Новикова, на выборѣ для постановки «Сорены» можно было легко построить цѣлое обвиненіе въ политической неблагонадежности. И князь Юсуповъ, повидимому, не прочь былъ набросить тѣнь на Сандунова и въ этомъ отношеніи. «Не было,—пишетъ артистъ,—ни однихъ по театру раскиданныхъ вздорныхъ и безумственныхъ стиховъ, коихъ бы сочиненія князь не выдавалъ на счетъ моего сочиненія и, призывая неоднократно, уграживалъ мнѣ Степаномъ Ивановичемъ» [1]).

Эти угрозы придаютъ своеобразный историческій колоритъ театральной интригѣ, отдѣльныя перипетіи которой только-что прошли передъ нами въ изложеніи самого Сандунова. Все было пущено въ ходъ противъ артистовъ—и крупныя утѣсненія и мелкія прижимки. Но мелочи, будучи, по словамъ Сандуновыхъ, «тьмочисленными» и повторяясь на каждомъ шагу, иной разъ уязвляли еще больнѣе, чѣмъ крупныя непріятности. Соединяясь же вмѣстѣ, все это легко могло довести «до совершеннаго отчаянія». И доводили многихъ. За примѣрами ходить не далеко. Но Сандуновы были не таковы, чтобы ихъ сломить. Ихъ удалось только выжить изъ театра. Финалъ, которымъ разыгралась вся эта исторія трехлѣтнихъ преслѣдованій, уже всецѣло относится къ исторіи нравовъ прошлаго вѣка, и вотъ какъ доносили о немъ императрицѣ сами Сандуновы въ своемъ прошеніи объ отставкѣ. Оно такъ живо и

---

[1]) Шешковскій.

интересно, что мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ, исправивъ только ореографію: [1])

«Всеавгустѣйшая Монархиня!

«Всемилостивѣйшая Государыня!

«Благость и правосудіе, окружающія освященный Вашъ Престолъ, подаютъ смѣлость подвергнуться къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества гонимымъ и бѣдствующимъ супругамъ, не имѣющимъ на всей земной поверхности, кромѣ Васъ, Всеавгустѣйшая матерь, инаго себѣ покровительства. Воззри, Всемилостивѣйшая Государыня, на слезы и бѣдствіе наше окомъ милосердія, съ каковымъ пріемлешь всѣхъ несчастныхъ подъ кровъ благости Твоея. Три года наслаждались мы блаженствомъ, дарованнымъ намъ отъ Вашего Величества, три года злоба сильныхъ удручала меня и жену мою различностію пораженій, негнушаясь противъ насъ употреблять ни ѣдкаго злословія, ни всеочерняющихъ пасквилей, и всего того, что могло содѣйствовать къ совершенной нашей пагубѣ: три года воображали мы, обожая Тебя, нашу благотворительницу, что злобствующіе имѣть могутъ услажденіе и конецъ въ гоненіи ненавидимыхъ; но событіе не отвѣчало нашему чаянію: по мѣрѣ нашего совершеннаго терпѣнія, возростали совершенныя угнетенія и наконецъ увидѣли мы разрушеннымъ покой нашъ до основанія. Директоръ нашъ, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, угнетая насъ различными притѣсненіями, довелъ до совершеннаго отчаянія, которое превзойдя всѣ мѣры нашего терпѣнія, принуждаетъ противъ воли нашей безпокоить Ваше Императорское Величество, льстясь надеждою, что вы, яко милосердая мать, вопль и и просьбу чадъ своихъ милостивно внять соизволите. Такъ, Великая Государыня, я съ женою моею, обоготворяя Васъ, признаваемъ за истинную матерь, устроившую наше блаженство, а потому и осмѣливаемся горести, удручающія сердца наши, изъявить вамъ:

«Нынѣшняго генваря 21-го дня, жена моя, пріѣхавъ въ Каменный театръ, сѣла въ ложу, актрисамъ всегда отдаваемую; но итальянцемъ Казасіемъ [2]) изъ оной была, самымъ грубымъ образомъ, выводима въ парадисъ, и на вопросъ ея, кто ей назначилъ тамо сидѣть, онъ отвѣтствовалъ, что князь ему приказалъ всѣхъ русскихъ актеровъ и актрисъ сажать тамо; жена моя, не пошедъ въ парадисъ, поѣхала домой и на другой день относилась о томъ письмомъ къ его сіятельству, но вмѣсто чаемаго нами на итальянца удовлетворенія: ибо мы никакъ не ожидали, чтобъ онъ не сдѣлалъ

[1]) Прошеніе, какъ и объясненіе Сандуновыхъ, писано писарской рукой и только подписано самими актерами, такъ что удерживать ореографію не представляется надобности.

[2]) А. Н. Казасси былъ смотрителемъ за сборами.

сего самовольно, такъ какъ князь предоставилъ ему совершенное распоряженіе всего театра: но вмѣсто разобранія сей обиды письмо ея принято княземъ за письмо ругательное, и не изслѣдовавъ ни онаго, ни существа дѣла, приказалъ насъ обоихъ, не пріемля никакихъ недовольно оправданій, но и не видя насъ, взять въ контору подъ караулъ.—Вдругъ приходитъ театральной команды офицеръ съ вооруженными солдатами, возвѣщаетъ намъ именемъ его сіятельства, что мы беремся подъ стражу—жена моя и я, не имѣя никакой за собой вины, кромѣ правилъ честности, слѣдуя оной по силѣ нашей возможности, мы были оба тѣмъ поражены совершенно; а особливо бѣдная жена моя, которая за мѣсяцъ передъ симъ происшествіемъ, бывъ беременною, выкинула; ее столько сіе поразило, что едва осталася жива; я, нехотя вѣрить видѣнному мною и спрашивая отъ присланнаго офицера, какъ преступникъ, почти со слезами, чтобы мнѣ позволено видѣть князя, узнать причину вины нашей, съ великимъ его упорствомъ получилъ на то позволеніе; теперь соизвольте, Милосердая Матерь, замѣтить, что несчастная моя жена въ совершенно истеричной болѣзни лежащая на постели, окруженная и тащимая солдатами, противу всякой благопристойности, безъ сомнѣнія по особому на то приказанію. Я чувствительности сердца Вашего Величества предоставляю судить, сколь разительна была сія картина для мужа, обожающаго свою жену, жену, которой все преступленіе въ томъ, что любитъ своего мужа и не хочетъ сдѣлаться въ угодность сластолюбцевъ развращенною женщиною.—Я пріѣзжаю къ его сіятельству, прошу позволенія его видѣть, но мнѣ отвѣтствуютъ, что онъ нигдѣ индѣ не хочетъ меня и жену мою слушать, какъ въ конторѣ; я пріѣзжаю въ контору, куда тоже пріѣхалъ его сіятельство—спрашиваетъ меня, гдѣ моя жена? я ему отвѣтствую, что послѣ поступленнаго съ нею она теперь больна и затѣмъ сюда не пріѣхала, да она же, по его приказанію, содержится ужъ подъ стражею дома; потомъ спрашиваю его сіятельство, за чтò столь непомѣрная жестокость съ нами происходитъ. Онъ отвѣтствуетъ, что за письмо ея, которое онъ признаваетъ для себя ругательнымъ; я отвѣтствую, что оное таковымъ ни почему почесть нельзя, и просилъ по оному меня выспрашивать, и что я не премину его объяснить и оправдать, и чтобъ позволилъ мнѣ его сіятельство оное при себѣ прочесть. Князь мнѣ возражаетъ, что онъ мнѣ не дастъ и никакія мои оправданія недѣйствительны, когда онъ находитъ его предосудительнымъ. Я, вынимая копію и читая, испрашиваю на оное обвинительныхъ вопросовъ, получаю, отвѣтствую, объясняю и совершенно оправдываю оное и даже до того оправдалъ, что самъ его сіятельство, не находя достаточныхъ причинъ ни возражать на письмо, ни обвинить за оное, выпускаетъ меня изъ конторы и изъ-подъ караула—но симъ не кончилось. Отъѣзжая, приказываетъ жену мою, въ какомъ бы она

положеніи ни была, не взирая ни на что̀, притащить въ контору подъ караулъ. Слабы мои слезы смягчить жестокое сіе приказаніе, не принимаются ни просьбы мои, ни доказательства; онъ отъѣзжаетъ, даже восхищаясь моимъ отчаяньемъ — пріѣзжаю домой, вижу выполняемыя его приказанія: пренесчастную мою жену опять принимаются тащить, но ужъ съ угрозами, съ разными грубостями и насмѣшками. Государыня, судите еще теперь мое состояніе и сколь должно быть растерзано бѣдное мое сердце и къ чему я могъ тутъ прибѣгнуть, какъ развѣ къ одной моей правотѣ и чувствованію оной; но сколь слабый помощникъ правота, когда она подавляется насильствомъ. Къ жалобамъ? но отъ меня и оныхъ никто не приметъ, потому что я и жена моя, едва не во всемъ здѣсь городѣ, описаны самыми черными красками и злословіе вездѣ успѣло, въ угодность злобствующихъ исполиновъ, превратить насъ въ сущихъ извергогъ. Мы остановились на томъ, что влекутъ насильственно съ постели жену мою — вдругъ приходитъ отъ его сіятельства повелѣніе въ контору ее не брать, но заарестовать насъ обоихъ дома, не давать намъ ничего, кромѣ воды и хлѣба, недопускать къ намъ никого сторонне-приходящихъ, а пришедшихъ не выпускать. Итакъ, всѣ ко мнѣ пришедшіе такъ же, какъ и я съ женою, безвинно были арестованы; мы первую ночь: да дай Боже, чтобъ и послѣднюю: препроводили при 4-хъ вооруженныхъ солдатахъ и одномъ сержантѣ, который не преминулъ вездѣ осмотрѣть и разспросить, безъ сомнѣнія тоже по приказанію, нѣтъ ли гдѣ потаенныхъ выходовъ? Наконецъ проведена нами ночь. Слабо перо мое изъяснить точность моихъ тогдашнихъ чувствованій! потомъ приходитъ утро и начинается, по полученному отъ него приказанію, приступъ брать опять жену мою въ контору; и на отвѣтъ мой, что я еще не одѣлся и что двумя наказаніями одна вина не наказывается, мнѣ кричатъ караульные, чтобъ я отперъ двери и къ нимъ вышелъ; караульный офицеръ сказываетъ, что сейчасъ князь приказалъ опять взять въ контору и если она станетъ отговариваться, то они будутъ брать ее, какъ бы ушедшую колодницу; я прошу, чтобъ хотя часа 3 или 2 погодили до тѣхъ поръ, пока ей хоть мало будетъ полегче, ибо она, не спавъ всю ночь, получила теперь отъ огорченія и безпокойства, сверхъ истерики, горячку. — Офицеръ ѣдетъ о семъ его сіятельству докладывать и потомъ, возвратясь, объявляетъ мнѣ, что будто я хотѣлъ его и команду стрѣлять, о чемъ-де я князю и докладывалъ и онъ-де изволилъ послать вѣдѣніе къ господину оберъ-полиціймейстеру за городовою ротою для взятія тебя и жены, которая по приказанію господина оберъ-полиціймейстера и была откомандирована, и собрана: я видя столь вредный для себя, на лжи составленный ковъ, а насильство и несправедливость, доведенныя до совершенства, убѣждаю всевозможно любезную и несчастную мою жену, хотя черезъ

крайнюю слабость, ѣхать въ контору и повиноваться угнетающему насъ року, окутываю ее, сажаю въ карету. Пріѣзжаемъ опять въ контору; появляется князь; вдругъ, подходя съ свирѣпостью къ женѣ моей, спрашиваетъ: «ты ли писала это письмо?» она отвѣтствуетъ: «я, ваше сіятельство». «Читай!» Она почитая строки три, была имъ спрошена: «какія ты имѣешь неудовольствія?» на что она возразила, что ихъ она очень много отъ его сіятельства имѣла и стала оныя объяснять — но онъ, вырвавъ у нея письмо, говоритъ съ совершенной жестокостью: «Прямая ты русская Фетинья, пошла отсюда вонъ, ты свободна». Итакъ она для того столь ругательно влекома была въ контору, чтобы услышать, что она Фетинья. «А ты, оборотясь ко мнѣ говоритъ, ты оставайся подъ карауломъ, я тебя здѣсь заморю на водѣ и хлѣбѣ». Я спрашиваю: «чѣмъ я оное заслужилъ?» онъ отвѣтствуетъ: «Я такъ хочу—и знаю, что дѣлаю; и ты же хотѣлъ стрѣлять караульныхъ!» — Я хочу доказать, что это истинная несправедливость и удивляюсь, съ чего взята столь грубая ложь, но онъ, не внимая никакимъ оправданіямъ, сталъ мнѣ ужаснѣйшимъ образомъ угроживатъ. Жена моя, причина моего страданія и за меня равно мучимая, составляющая все мое блаженство, возрыдала, видя оказанное со мною насильство, и для утѣшенія моего и любя меня, хочетъ со мною остаться; но онъ съ жестокостью приказываетъ ее изъ конторы тащить, говоря что здѣсь не квартира, чтобъ мужья съ женами могли сидѣть, не памятуя того, что за нѣсколько минутъ передъ симъ самъ обоихъ насъ тутъ посадить приказывалъ; наконецъ тронулся онъ слезами жены моей, позволилъ ей остаться со мною; и выходя почти внѣ себя сказалъ мнѣ: «ты у меня будешь мягокъ и сговорчивъ на все». — Онъ уходитъ. Въ маломъ времени появляются солдаты, съ обнаженными шпагами, для стереженія меня. Жена моя, видя сіе, пришла въ отчаяніе—я съ моей стороны, сколько ни мужался, но слеза, не ложный вѣстникъ угнетеннаго сердца, открыла слабость души моей, и мы имѣли только то утѣшеніе, что соединя слезами омоченныя наши руки, простирали ихъ къ испрошенію отъ Бога и Тебя—Великая наша благотворительница—защиты. Въ вечеру умножившаяся слабость и горячка жены моей принудили меня просить ее со слезами, чтобъ она возвратилась домой, на что съ великимъ затрудненіемъ получилъ ея согласіе, остался одинъ препроводить другую ночь подъ обнаженными шпагами. И во все время ареста моего никого ко мнѣ, какъ къ величайшему злодѣю, пропускать не велѣно, подъ жестокимъ наказаніемъ, и кромѣ самаго малаго куска хлѣба и воды, чтобъ ничего мнѣ не давали. Такъ приказано отъ его сіятельства, что и исполнено въ точности. На другіе сутки, въ 10-ть часовъ ночи, приказано офицеру меня освободить, необъявляя ничего, за что я былъ строптиво взятъ и содержанъ и чего мнѣ остерегаться должно, чтобъ не заслужить въ другой разъ подобнаго истязанія.

Теперь воззри! Великая Наша благотворительница, съ снисхожденіемъ на сіи строки: еслибъ письмо жены моей и въ подлинну показалось странно его сіятельству, какъ писанное отъ разгоряченнаго человѣка, еслибъ письмо и всѣ взводимыя имъ на насъ обвиненія были справедливы, то не имѣетъ ли власти и способовъ командиръ наказать подкомандующихъ, не присовокупляя къ тому ни жестокости, ни столь унизительныхъ поступокъ? Къ чему тутъ было помѣщать, что письмо ругательное и предосудительное? къ чему насильственно два раза тащить съ постели истинно больную женщину? къ чему, освободя меня въ первый разъ изъ конторы, потомъ заарестовать дома и жену и меня? а продержавъ сутки, къ чему опять брать ее въ контору? къ чему, взявши ее въ оную, съ столь жестокимъ усиліемъ, опять свободить, и оставя меня подъ карауломъ, опять вонъ ее тащить? потомъ, къ чему изводить на меня офицеру напраслины о стрѣляніи, еслибъ не былъ поощренъ на сіе командиромъ? къ чему, для взятія мужа съ женою, наряжать цѣлую роту городовыхъ солдатъ, когда у театра ихъ есть въ его командѣ болѣе 50 человѣкъ? къ чему обнаженныя шпаги и неоднократно слышимые мною отъ него страшныя угрозы, начатыя съ самаго того времени, какъ его сіятельство запрещалъ мнѣ препровождать въ ломбардъ, на пользу бѣдныхъ, какъ цѣну безчестія и обиды, гнусныя для меня алмазныя вещи, карету и разныя платья; съ того времени онъ мнѣ открыто сказать изволилъ, что, если я вещи назадъ изъ ломбарда не возьму, то онъ и другіе, не знаю кто, открытые мнѣ будутъ враги, и какъ я ни полагался на мою правоту, Бога и на Ваше, Государыня, высокое покровительство, но вижу съ того времени дѣйствіе обѣщанныхъ угрозъ, устремленныхъ на меня и мою жену, подъ разными предлогами. Къ чему всѣ сіи жестокости, если не къ тому, чтобъ угнести совершенно бѣднаго человѣка? и какая жъ поступь можетъ быть употреблена съ истиннымъ уголовнымъ преступникомъ, когда съ нами столь мучительные оказаны поступки, и недолжно ль, взирая на спасительныя Твои, Государыня, узаконенія, наказанія всего соразмѣрять съ преступленіями и гдѣ первые употреблены съ излишней жестокостью и безъ принятія оправданій, то не доказываетъ ли сіе очевидную несправедливость и наклоненіе къ одному только погубленію. И послѣ всего выше писаннаго соизволите, Государыня, усмотрѣть, можно ли спокойно и безъ опасности быть намъ при такомъ мѣстѣ, гдѣ самъ командиръ угнетаетъ открыто и не щадитъ никакихъ на то способовъ. Вотъ, Великая Государыня причины, побуждающія обременять Ваше Величество вѣрноподданническою просьбой о увольненіи отъ театра насъ обоихъ. Мы умалчиваемъ здѣсь о тьмочисленныхъ намъ обоимъ учиненныхъ обидахъ и поношеніяхъ, которыя, сколько для насъ обидны и чувствительны, столько унизительны и гнусны для злодѣевъ, насъ

угнетающихъ, и да не потревожатъ они своимъ мерзостнымъ исчисленіемъ сострадательной души Вашей. Наконецъ, его сіятельство, совершая открыто свое къ намъ неблаговоленіе, по неоднократной нашей просьбѣ, увольняетъ отъ театра меня одного, а жену мою подъ предлогомъ, что она воспитанница театральной школы, удерживаетъ въ службѣ, не памятуя того, что Ваше Императорское Величество, облаготворяя Россію, учредили корпусы, монастыри и училища, нѐ прикрѣпляя къ онымъ обучавшихся; но чтобъ воспитанные подъ кровомъ Вашего милосердія были полезные сыны и дщери отечества, предоставляя на ихъ волю избраніе должностей и службы.

«И такъ Всемилостивѣйшая Государыня! сжальтесь надъ горестнымъ нашимъ состояніемъ, благоволите насъ обоихъ уволить отъ россійскаго театра, а за 11-лѣтнюю мою службу, удостоить меня, изъ милосердія своего, хотя самомалѣйшимъ пенсіономъ, дабы я могъ имѣть, съ бѣдною моею женою, хотя дневное пропитаніе; но предвижу, что мстящіе мнѣ сластолюбцы, нигдѣ не оставятъ меня въ покоѣ, если не буду имѣть вѣрнаго куска хлѣба. Всеавгустѣйшая Государыня! безпредѣльная благость Ваша и великодушное чувствованіе, я уповаю, что не оставятъ умереть отъ крайности съ голоду, уволя насъ отъ такого мѣста, гдѣ одни угнетанія слѣдуютъ за другими, и благоволите несчастнымъ подать руку помощи, которыя съ толикою щедротою разсѣеваетъ милости на пространныя Твои владѣнія; а инако мы будемъ жертва сильныхъ и пища злобствующихъ, причемъ дерзаемъ донести, что память благодѣяній Вашихъ, Милосердая Матерь, во всю нашу жизнь пребудетъ намъ драгоцѣнна, и какую бъ участь судьба намъ не предопредѣлила, мы всегда блаженствомъ поставлять будемъ обожать нашу великую благотворительницу.

«Всеавгустѣйшая Монархиня
«Вашего Императорскаго Величества
«вѣрноподданные
«Сила Сандуновъ,
«Елизавета Сандунова.

«Марта дня 1794 г.

Получивъ это прошеніе, императрица пожелала узнать, въ чемъ заключались «тьмочисленныя» угнетенія кн. Н. Б. Юсупова и черезъ Дм. Прок. Трощинскаго повелѣла артистамъ подать особое объясненіе. Съ нимъ читатель уже знакомъ. Мы только сгруппировали иначе описанныя Сандуновыми по пунктамъ притѣсненія князя и намѣренно опустили одинъ послѣдній пунктъ, такъ какъ онъ дополняетъ изложенное въ прошеніи и, по выраженію Сандунова, «совершенно открываетъ, что князь всѣ мѣры употреблялъ къ истинной пагубѣ» артиста. Это — подробность изъ объясненія

Сандунова съ княземъ въ конторѣ. Оправдывая письмо своей жены, артистъ, между прочимъ, сказалъ, что, хоть за деньги бы дали женѣ его мѣсто и не тащили въ парадисъ. Князь съ величайшимъ презорствомъ возразилъ:

— Ужъ и ты можешь за деньги просить ложу?

— Любя жену мою, могу для нея нанимать,—отвѣчалъ артистъ.— И почему можно лишить насъ права имѣть за деньги мѣста, когда портной, слесарь, сапожникъ и самый послѣдній мѣщанинъ въ правѣ имѣть оное, то я будучи такой же, какъ они, гражданинъ, могу ласкаться за деньги тамъ имѣть себѣ мѣсто, гдѣ всѣ имѣютъ за оныя.

«Сіе слово гражданинъ,—пишетъ Сандуновъ,—принято за слово, имѣющее смыслъ казистой дерзости и всюду разславлено, что я произнесъ оное съ правилами буйства и ими упоенъ до совершенства. Судите, Всемилостивѣйшая Государыня, сколь притѣснительны должны быть дѣйствія, когда съ усиліемъ обращаютъ во злоумышленіе слово самое невинное, слово всюду употребительное, слово. изложенное въ самомъ богоподобномъ начертаніи Вашего наказа, гдѣ именно сказано: слова не вмѣняются никогда въ прѣступленіе, развѣ оныя пріуготовляютъ, или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному».

Будущее показало, однако, что князь Юсуповъ, считая слово «гражданинъ» зловреднымъ, лишь не надолго опередилъ свое время. Прошло нѣсколько лѣтъ и, какъ извѣстно, это слово наравнѣ съ другими подобными же было изгнано изъ русскаго языка указомъ императора Павла Петровича.

Намъ неизвѣстно, какъ посмотрѣла императрица на притѣсненія князя Юсупова. Онъ оставался, однако, въ должности директора до самой смерти Екатерины Второй и сохранилъ свое мѣсто и въ слѣдующее царствованіе. Что касается до просьбы артистовъ объ отставкѣ, то она была удовлетворена, и они получили увольненіе оба. Но вмѣсто пенсіона, на который Сандуновъ не имѣлъ еще права, императрица пожаловала имъ, какъ видно изъ другихъ источниковъ, единовременное вознагражденіе. Послѣ этого Сандуновы уѣхали въ Москву, гдѣ и продолжали свою службу на театрѣ Медокса. Дальнѣйшая ихъ судьба извѣстна читателямъ «Историческаго Вѣстника». Чего напрасно добивалась театральная интрига, впослѣдствіи сдѣлалось само собой. Супружеская жизнь Сандуновыхъ не была счастлива.

Разсказанный здѣсь эпизодъ изъ ихъ жизни какъ нельзя лучше обрисовываетъ, какъ цѣнились въ старину наши первоклассные сценическіе таланты. Грубое обращеніе князя Юсупова нельзя объяснять однимъ личнымъ его нерасположеніемъ къ Сандуновымъ, еще менѣе патріархальностью тогдашнихъ нравовъ. Въ немъ несомнѣнно сказался общій взглядъ на актерское сословіе, какъ на

«скоморошье». И тутъ артистамъ было одно только утѣшеніе: высокое покровительство русскихъ государей, которые почти всѣ безъ исключенія не оставляли русскій театръ и артистовъ своимъ вниманіемъ. Особенно же императоръ Николай Павловичъ и, какъ показываетъ, между прочимъ, исторія Сандуновыхъ, Екатерина II. Не даромъ же Сандуновъ до конца своей жизни, какъ святыню, хранилъ мраморный бюстъ государыни и ея свадебную пѣсню.

А. Сиротининъ.

„НАШИ ХУДОЖНИКИ“.

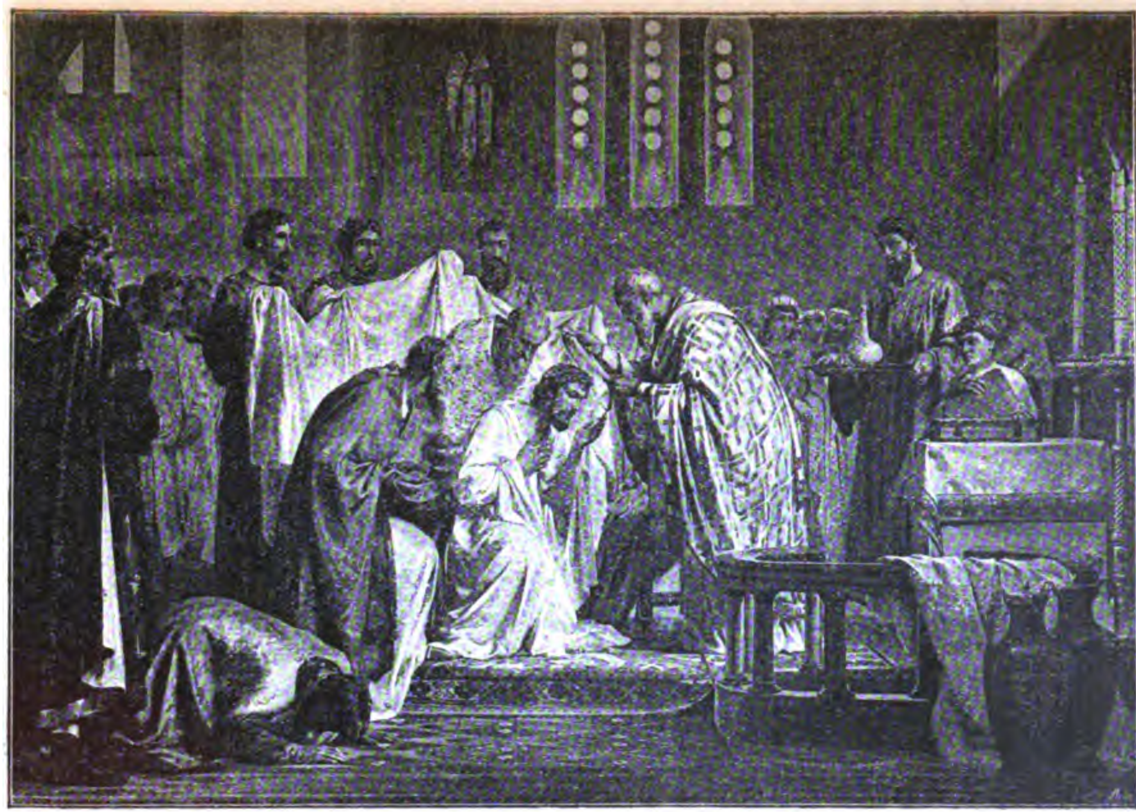
ИТЕРАТУРА НАША очень бѣдна изданіями, которыя наглядно знакомили бы съ произведеніями русскаго искусства и съ дѣятельностью ихъ авторовъ. То, что обыкновенно дѣлается у насъ въ этомъ родѣ, не можетъ претендовать ни на полноту, ни на отборность матеріала. Иллюстрированные журналы и единичныя отдѣльныя изданія воспроизводятъ снимки со многихъ произведеній нашихъ художниковъ, но подобныя репродукціи — явленія чисто случайныя, не говоря уже о томъ, что выборъ ихъ нерѣдко обусловливается соображеніями, не отвѣчающими непосредственнымъ интересамъ дѣла. Въ итогѣ такой популяризаціи отдѣльныхъ работъ художниковъ можетъ получиться развѣ только весьма неполное и отрывочное знакомство съ нашей художественной производительностью. Эта случайность и отрывочность свѣдѣній о русскомъ искусствѣ, быть можетъ, и служитъ одной изъ главныхъ причинъ того, что все достигнутое русскими артистическими дарованіями даже въ приговорахъ художественной критики зачастую сводится къ немногимъ произведеніямъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ авторовъ, которые такъ или иначе съумѣли нашумѣть иными изъ своихъ работъ и удостоиться похвалъ рецензентовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣсти и фаворъ публики. Такого сорта пристрастія и предвзятыя мнѣнія, конечно, не могутъ содѣйствовать развитію въ обществѣ дѣйствительнаго интереса къ отечественному искусству и справедливаго отношенія къ дѣятельности его представителей. Для того, чтобъ послѣднее было достижимо, необходимо прежде всего съ полною объективностью ознакомиться со всѣмъ, что сдѣлано въ нашемъ искусствѣ, и, какъ учитъ мудрая мораль Крыловской басни, впредь утро похвалить, когда вечеръ ужъ наступитъ.

Первая попытка пополнить въ данномъ случаѣ большой пробѣлъ нашей литературы сдѣлана только недавно. Предъ нами первый томъ труда г. Булгакова подъ заглавіемъ «Наши Художники» [1]). Трудъ этотъ изданъ по случаю 125-ти лѣтія нашей Академіи Художествъ и представляетъ собой обзоръ всего, чѣмъ заявили себя наши живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры на академическихъ выставкахъ въ Петербургѣ, въ провинціи и за границей за послѣднее 25-ти лѣтіе. Уже по массѣ собраннаго авторомъ матеріала изъ первыхъ источниковъ трудъ этотъ можно признать крупнымъ и важнымъ явленіемъ. Но г. Булгаковъ, помимо текста, далъ къ нему роскошныя и богатыя иллюстраціи въ снимкахъ съ главнѣйшихъ образцовъ нашей живописи, скульптуры, мозаики и отчасти гравированія за цѣлую четверть вѣка, и съ портретовъ главнѣйшихъ дѣятелей русскаго искусства, о которыхъ свѣдѣнія сгруппированы въ алфавитномъ порядкѣ фамилій.

Алфавитный порядокъ въ группировкѣ матеріала въ такомъ изданіи намъ кажется наиболѣе цѣлесообразнымъ. Классификація матеріала по родамъ искусства явилась бы слишкомъ произвольной. Устанавливать какую-либо іерархію по достоинствамъ художниковъ, выдвигать на первый планъ имена громкія, а другія болѣе скромныя упоминать гдѣ-нибудь мимоходомъ, значило бы произносить приговоры, а это, конечно, лишило бы изданіе того значенія, какое оно можетъ имѣть лишь при объективномъ и чисто фактическомъ изложеніи данныхъ. Точность и достовѣрность послѣднихъ — вотъ что должно было составлять главную заботу автора, и въ этомъ отношеніи настоящее изданіе у насъ есть первый опытъ систематической группировки данныхъ о предметѣ изданія, имѣющихся въ архивныхъ дѣлахъ Академіи Художествъ. Авторъ, какъ заявляется имъ въ предисловіи, имѣлъ возможность пользоваться академическимъ архивомъ и взялъ оттуда все, что нашелъ, не исключая и отдѣльныхъ случайно сохранившихся свѣдѣній объ экспонентахъ академическихъ выставокъ. Свѣдѣнія эти касаются пребыванія художниковъ въ Академіи, наградъ и отличій, полученныхъ ими и вообще ихъ отношеній къ своей alma mater, т. е. того именно, что малоизвѣстно не только публикѣ, но и нашей печати.

Въ этотъ обзоръ дѣятельности «Нашихъ Художниковъ» внесены великіе и малые, корифеи и труженики, учителя и ученики, рѣшительно всѣ, кто такъ или иначе принималъ участіе на вы-

[1]) Вотъ полное заглавіе этого изданія: «Наши Художники» (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-тилѣтія. Біографіи, портреты художниковъ и снимки съ ихъ произведеній въ алфавитномъ порядкѣ именъ художниковъ. Съ 750 фототипическими и автотипическими снимками. Въ двухъ томахъ. Томъ I-й отъ А до К включительно.



Крещеніе св. Владиміра. В. П. Верещагина.
Изъ изданія «Наши Художники».

ставкахъ, устраивавшихся въ Академіи или по ея почину и подъ ея руководствомъ. А этихъ всѣхъ насчитывается болѣе 750, въ ихъ числѣ и «дарованія содѣйствовавшія успѣхамъ русскаго искусства», и «представители разныхъ направленій», и «дѣятели прошлаго», и любители, не получившіе спеціальнаго художественнаго образованія. Эта смѣсь «стилей» и «школъ», «направленій» и «теченій», пожалуй, можетъ не понравиться партійной критикѣ, которая привыкла отстаивать то или иное направленіе въ нашемъ искусствѣ.

Но, по нашему, въ изданіи, имѣющемъ цѣлью представить ретроспективный обзоръ заслугъ и трудовъ всѣхъ нашихъ наличныхъ художественныхъ силъ, никакого другого отношенія къ дѣлу и быть не можетъ. Иначе легко было бы впасть въ ту или другую одностороннюю крайность. Вѣдь такъ называемое академическое направленіе въ нашемъ искусствѣ всегда вызывало протесты потому только, что гнуло въ одну сторону и стремилось подвести всѣхъ подъ одну шапку. А по существу дѣла задачи Академіи Художествъ представляются совсѣмъ не такими. Какъ центральное учрежденіе, подготовляющее почву для будущаго искусства, долженствующее выращивать изъ нея новые всходы, оберегать художественную производительность отъ вымиранія, знакомить публику со всѣми ея сторонами, Академія Художествъ не можетъ относиться равнодушно къ какому бы то ни было движенію въ искусствѣ и должна предоставлять всему хорошему и достойному, въ какомъ бы направленіи ни создавалось оно, одинаковые шансы заявлять себя передъ обществомъ. Это представляется неизбѣжнымъ въ виду разносторонности современнаго искусства, которая обусловливается индивидуальными различіями между художниками не только относительно техники, но и въ отношеніи къ выбору сюжетовъ. Стало быть, творчества никакъ не подобаетъ ограничивать рамкою какого бы то ни было «стиля» или направленія. Напротивъ, каждому по его знаніямъ и воззрѣніямъ должно быть предоставлено достигать въ искусствѣ того, чтò онъ можетъ и чтò ему любо. Съ такой точки зрѣнія помянутая смѣсь «школъ» и «направленій» есть необходимое условіе всесторонней полноты и добросовѣстности обзора новѣйшей художественной производительности въ изданіи «Наши Художники», насколько эта производительность выразилась на академическихъ выставкахъ за послѣднюю четверть вѣка.

Но давая отчетъ о сдѣланномъ художниками для академическихъ выставокъ, авторъ во многихъ случаяхъ не забываетъ и о дѣятельности ихъ, заявленной внѣ этихъ выставокъ, а относительно нѣкоторыхъ въ изданіи «Наши Художники» перечисляется даже все, чтò совершено ими по своей спеціальности и чтò было на отдѣльныхъ самостоятельныхъ выставкахъ ихъ произведеній. Такія

полныя свѣдѣнія собраны въ изданіи объ Айвазовскомъ, Верещагинѣ (В. В.), дѣятельность которыхъ не укладывается въ рамки общихъ выставокъ, о Коцебу, Дюккерѣ, Келерѣ, Кившенко, Клеверѣ, скульпторѣ Бродзкомъ и многихъ другихъ крупныхъ именахъ русскаго искусства. Конечно, не о всѣхъ напечатанныя г. Булга-

Сцена изъ Варѳоломеевской ночи. К. Ѳ. Гуна †.
Изъ изданія «Наши Художники».

ковымъ данныя равно обстоятельны. Но этой для всѣхъ одинаковой обстоятельности едва ли и возможно достигнуть вполнѣ при относительной недостаточности данныхъ въ источникахъ архивныхъ и печатныхъ, которыми пользовался авторъ, и при тѣхъ трудностяхъ, съ какими сопряжено полученіе точныхъ свѣдѣній отъ самихъ художниковъ. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что слиш-

комъ подробныя данныя о дѣятельности нѣкоторыхъ незначительныхъ художниковъ иногда не соразмѣрены съ мѣстомъ, которое можетъ быть отведено этимъ художникамъ въ нашемъ современномъ искусствѣ. Но такихъ нарушеній пропорціональности въ систематизаціи и группировкѣ данныхъ очень немного, да, кромѣ того, по-

Ангелы въ севастопольской церкви Св. Николая. М. Н. Васильева.
Изъ изданія «Наши Художники».

добное увлеченіе подробностями бываетъ почти неизбѣжнымъ, когда пользуешься автобіографическимъ матеріаломъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ текста въ трудѣ г. Булгакова. Уже одинъ этотъ обширный фактическій матеріалъ, впервые имъ собранный и приведенный въ систему, дѣлаетъ изданіе «Наши Художники» важнымъ и нужнымъ пособіемъ не только для занимающихся исторіей отечественнаго искусства, но и вообще

для всѣхъ, кто интересуется его развитіемъ и произведеніями, а равно и авторами этихъ произведеній. Но еще большее значеніе придаютъ этому труду иллюстраціи, воспроизведенныя въ немъ въ большомъ изобиліи. Выборъ ихъ далеко не случайный. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно пересмотрѣть превосходно отпечатанные снимки въ вышедшемъ пока первомъ томѣ изданія. Тутъ находятся почти всѣ болѣе или менѣе замѣтные образцы нашей живописи и скульптуры, произведенные въ періодъ послѣдняго 25-тилѣтія.

Изъ трудовъ нашихъ «историковъ» обращаютъ на себя вниманіе находящіяся во дворцѣ великаго князя Владиміра Але-

На берегу Дуная во время русско-турецкой войны 1877—78 гг.
В. П. Виллевальде.
Изъ изданія «Наши Художники».

ксандровича и впервые напечатанныя г. Булгаковымъ три картины В. П. Верещагина съ изображеніями эпизодовъ введенія христіанства на Руси, изъ которыхъ мы помѣщаемъ здѣсь «Крещеніе св. Владиміра». Къ области исторической живописи относится картина того же автора «Св. Григорій Великій наказываетъ сребролюбіе» и превосходный историческій жанръ изъ галлереи К. Т. Солдатенкова «Свиданіе заключеннаго съ своимъ семействомъ» во времена террора въ Неаполѣ при Фердинандѣ II. Изъ весьма немногихъ выдающихся картинъ съ сюжетами изъ нашей отечественной исторіи слѣдуетъ упомянуть о самомъ крупномъ произведеніи въ этой области, изображающемъ «Военный совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ въ 1812 году» г. Кившенко. Въ катего-

рію историческихъ картинъ изъ напечатанныхъ въ настоящемъ изданіи входятъ еще: произведеніе г. Горскаго «Петръ I посѣщаетъ г-жу Ментенонъ въ 1717 году», работы г. Венига «Послѣднія минуты Григорія Отрепьева» и «Царь Иванъ Грозный и его нянька», а также перепечатываемая нами прекрасная «Сцена изъ Варѳоломеевской ночи» покойнаго Гуна [1]) и картины профессора Герсона изъ жизни Яна Собѣсскаго и Коперника.

Въ ряду образцовъ исторической живописи нельзя обойти молчаніемъ и религіозныхъ картинъ. Ихъ напечатано небольшое количество, такъ какъ вообще у насъ очень мало дѣйствительно интересныхъ явленій этой отрасли живописи, но выборъ сдѣланъ очень удачный. Любопытны, во-первыхъ, картины г. Кошелева «Христосъ-отрокъ среди ученыхъ» по типичности фигуръ и по композиціи «Погребеніе Христа», затѣмъ весьма своеобразны по граціозности фигуръ картины профессора М. Васильева, изъ которыхъ мы помѣщаемъ здѣсь Ангеловъ (съ орудіями страданія Христа), написанныхъ имъ для севастопольской церкви св. Николая. Не лишены интереса, какъ характерныя проявленія реализма въ нашей религіозной живописи, грубая по живописи, «Тайная вечерь» г. Ге и «Христосъ въ пустынѣ» И. Н. Крамского. Библейскія картины, какихъ у насъ не мало, вполнѣ характеризуются снимками съ произведеній академика М. П. Боткина.

Въ область исторической живописи входитъ и баталистика, насколько она избираетъ своими сюжетами батальныя сцены историческаго значенія. Сюда принадлежатъ: шесть картинъ знаменитаго профессора Коцебу, иллюстрирующія Суворовскіе походы (изъ нихъ мы помѣщаемъ «Переходъ русскихъ войскъ черезъ Паниксъ»), наши побѣды при Петрѣ I со шведами, «Взятіе Берлина 28-го сентября 1760 года», семь картинъ Б. П. Виллевальде, въ томъ числѣ два историческіе жанра въ періодъ Отечественной войны, одна картина изъ венгерской кампаніи, одна баталія изъ франкопрусской войны, одна, печатаемая нами, «На берегу Дуная» изъ русско-турецкой войны. Затѣмъ замѣчательны военнобытовыя картины изъ послѣдней русско-турецкой войны профессора Ковалевскаго и «Пораженіе Мухтара-паши на Аладжинскихъ высотахъ 3-го октября 1877 года» г. Кившенко; «Взятіе Гуниба» г. Грузинскаго (изъ кавказской войны) и «Атака Зеленыхъ горъ» Скобелевымъ 27-го августа 1877 года г. Дмитріева-Оренбургскаго.

Наша жанровая живопись представлена не менѣе разнообразно и разборчиво. Изъ такъ называемыхъ историческихъ жанровъ

---

[1]) Сцена эта изображаетъ слѣдующее. Въ комнатѣ лежитъ убитый. Голова его обращена къ зрителю. Надъ лежащимъ наклонилась молодая женщина, пристально вглядывающаяся въ рану на груди лежащаго. Старый воинъ, крѣпко схвативъ женщину за руку, пытается поднять несчастную. Кавалеръ въ красномъ плащѣ жадно смотритъ на группу убитаго и женщины.

Переходъ русскихъ войскъ черезъ Паниксъ въ Альпахъ. А. Е. Коцебу' †.
Изъ изданія «Наши Художники».

Разлука. А. И. Корзухина.
Изъ изданія «Наши Художники».

первое мѣсто принадлежитъ тремъ картинамъ академика Бакаловича и шести — профессора Бронникова изъ древняго римскаго быта. Въ числѣ картинъ, характеризующихъ бытовую живопись нашей дѣйствительности прошлой и настоящей, въ разсматриваемомъ изданіи напечатаны: изъ купеческаго быта «Благословеніе невѣсты» г. Журавлева, премилые дѣтскіе жанры Гуна, изъ народнаго быта картины г. Дмитріева-Оренбургскаго («Утопленникъ» и «Пожаръ въ деревнѣ»), изъ чиновничьяго быта «Первое число» г. Кошелева, охотничьи сцены г. Кившенка, его же, впервые приведенная въ извѣстность, находящаяся въ Англіи, картина прекрасная по экспрессіи и типичности лицъ «Въ католической церкви»; путевые эпизоды съ лошадьми г. Ковалевскаго, изъ которыхъ приводимъ «Нападеніе разбойниковъ на большой

Нападеніе разбойниковъ на проселочной дорогѣ. П. О. Ковалевскаго.
Изъ изданія «Наши Художники».

дорогѣ», и извѣстное произведеніе его же «Раскопки въ Римѣ», увѣнчанное золотой медалью на юбилейной международной выставкѣ берлинской академіи. Наконецъ, нельзя не упомянуть о своеобразныхъ чисторусскихъ жанрахъ г. Корзухина, котораго всѣ извѣстныя картины напечатаны въ изданіи г. Булгакова. Изъ нихъ «Разлука» (отъѣздъ кадета въ корпусъ по окончаніи отпуска) перепечатывается въ нашемъ журналѣ.

Изъ пейзажистовъ нашихъ, произведенія которыхъ въ послѣднее время занимаютъ первое мѣсто на всѣхъ нашихъ выставкахъ, ярко обнаруживая самобытное направленіе русской пейзажной живописи, въ изданіи «Наши Художники» представлены въ лучшихъ и опять-таки нерѣдко впервые воспроизведенныхъ образцахъ, И. К. Айвазовскій, М. К. Клодтъ, преждевременно похищенный смертью

талантливый Ѳ. А. Васильевъ, проф. Боголюбовъ, Клеверъ, котораго пейзажъ «У корней» мы даемъ въ снимкѣ, всемірно-извѣстный Дюккеръ, особенно своими замѣчательными мотивами морскихъ береговъ и красивыми воздушными перспективами, образчикъ которыхъ видимъ на прилагаемой репродукціи, г.г. Кондратенко, Крачковскій, Крыжицкій и другіе.

Въ числѣ снимковъ съ произведеній живописи не забыты и портретныя работы. Въ изданіи «Наши Художники» выбраны представляющія наибольшій интересъ работы г. Боброва (портретъ г. Сухово-Кобылина, автора «Свадьбы Кречинскаго»), Бронникова (портретъ нашего знаменитаго художника А. А. Иванова, находящійся въ залѣ Совѣта Академіи Художествъ), Горавскаго

У корней. Ю. Ю. Клевера.
Изъ изданія «Наши Художники».

(любопытный портретъ М. И. Глинки и весьма удачный «Императора Александра II» въ годъ дарованія столичнаго Городоваго Положенія), Келера (портретъ великаго князя Владиміра Александровича) и Крамского (впервые напечатанный портретъ пейзажиста М. К. Клодта 1879 г.).

Вотъ важнѣйшіе изъ образцовъ нашей живописи, которые воспроизведены въ первомъ томѣ изданія «Наши Художники» и которые всегда будутъ занимать видное мѣсто въ исторіи русскаго искусства. Но, по количеству, это только половина изъ того, чѣмъ заявили себя наши живописцы въ періодъ послѣдняго 25-лѣтія. Второй томъ труда г. Булгакова по части иллюстрацій обѣщаетъ

Видъ на островѣ Рюгенѣ. Д. Э. Дюккера.
Изъ изданія «Наши Художники».

намъ снимки съ произведеній братьевъ Маковскихъ, Орловскаго, Риццони, Рѣпина, Сверчкова, Свѣдомскихъ, Семирадскаго, Судковскаго, Трутовскаго, Флавицкаго, Шварца, Шишкина, Шишкова, Якобія и многихъ другихъ именъ, которыми справедливо гордится наше искусство.

Въ ряду снимковъ разсматриваемаго изданія немало мѣста отведено и работамъ нашихъ скульпторовъ. У насъ, къ сожалѣнію, скульптура не принадлежитъ къ популярнымъ искусствамъ. Въ

Послѣдній вздохъ. М. М. Антокольскаго.
Изъ изданія «Наши Художники».

другихъ странахъ она не только украшаетъ города, но и меблируетъ комнаты. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ. Даже на выставкахъ скульптурнымъ произведеніямъ отводятся какіе-то углы. Поэтому неудивительно, что профессія скульптора насчитываетъ у насъ немногихъ дѣятелей. Но изъ этихъ немногихъ, нѣсколько избранныхъ артистическихъ дарованій уже успѣли оставить замѣтный слѣдъ въ активѣ новѣйшаго русскаго искусства. Въ изданіи «Наши Художники» не забыто ни одно изъ этихъ дарованій. Г. Антокольскій представленъ въ семи прекрасныхъ снимкахъ съ

его произведеній, изъ которыхъ мы заимствуемъ «Послѣдній вздохъ» (изображено послѣднее мгновеніе крестныхъ страданій Христа), работы братьевъ Баховъ показаны въ нѣсколькихъ снимкахъ, изъ прославленныхъ бюстовъ г. Бернштама даны портреты Флобера и Ренана, о которыхъ столько говорилось недавно въ парижской печати, произведенія профессора фонъ-Бока (изъ нихъ мы печатаемъ изящную «Рыбачку»), вполнѣ охарактеризованы въ 12 снимкахъ. Далѣе профессоръ Бродзскій, молодой жанристъ-скульпторъ Гинцбургъ, академикъ Забѣлло, профессоръ Іенсенъ, академикъ Каменскій, всѣ эти скульпторы являются передъ публикой въ своихъ наиболѣе извѣстныхъ произведеніяхъ.

Изъ работъ нашихъ мозаичистовъ въ разсматриваемомъ изданіи собраны и напечатаны тѣ, которыя прославили русскую мозаику на всемірныхъ выставкахъ и доставили нашимъ представителямъ этой скромной отрасли искусства почетныя награды, по приговору международныхъ жюри, и академическія званія.

Изъ этого краткаго перечня содержимаго въ первомъ томѣ изданія «Наши Художники» видно, насколько оно интересно, полезно и важно для всѣхъ интересующихся русскимъ искусствомъ. Не говоря уже о собранныхъ въ немъ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ о жизни и дѣятельности почти всѣхъ нашихъ наличныхъ художественныхъ силъ, оно по массѣ и разнообразію прекрасно исполненныхъ и роскошно напечатанныхъ иллюстрацій въ своемъ полномъ видѣ должно представить собою своего рода печатный художественный музей съ портретной галлереей главнѣйшихъ и выдающихся дѣятелей русскаго искусства.

Ф. З.

Рыбачка. А. Р. фонъ-Бока.
Изъ изданія «Наши Художники».

ПОРТРЕТЫ Н. В. ГОГОЛЯ.

Въ 1841 ГОДУ, когда Гоголь находился въ Римѣ, одинъ изъ русскихъ художниковъ, Ѳ. А. Моллеръ, предложилъ ему написать съ него портретъ. Гоголь согласился и просилъ художника написать его съ веселымъ лицомъ, «потому что христіанинъ не долженъ быть печальнымъ», говорилъ онъ [1]). Портретъ этотъ, составляющій въ настоящее время собственность Анны Васильевны Гоголь, написанъ мастерски: художникъ придалъ глазамъ Гоголя выраженіе той тихой грусти, отъ которой онъ очень рѣдко былъ свободенъ; улыбка нѣсколько оживляетъ его грустное лицо. Показывая портретъ Анненкову, Гоголь говорилъ: «писать съ меня весьма трудно: у меня по днямъ бываютъ различныя лица, да иногда и на одномъ днѣ нѣсколько совершенно различныхъ выраженій [2]). Это подтвердилъ и Моллеръ, разсказываетъ Анненковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ. Анненковъ находитъ, что портретъ прекрасенъ, хотя улыбка, которую придалъ художникъ лицу Гоголя, вышла нѣсколько искусственна, саркастична, никогда не составляя принадлежности его лица. Тѣмъ не менѣе портретъ на столько похожъ, что, войдя однажды въ комнату, гдѣ онъ на время былъ поставленъ, Марья Ивановна Гоголь думала, что это стоитъ самъ Николай Васильевичъ [3]). Портретъ, сдѣланный Моллеромъ, Гоголь считалъ своимъ

---

[1]) Предназначая портретъ матери, Гоголь заботился объ изображеніи его съ свѣтлымъ лицомъ еще и потому, думаетъ Анна Васильевна Гоголь, чтобы мать не тревожилась о его здоровьѣ, судя по грустному выраженію лица.

[2]) «Библіотека для Чтенія», 1857 года, № 11.

[3]) Слышала отъ Анны Васильевны Гоголь.

лучшимъ портретомъ и заказалъ съ него сдѣлать Іордану гравюру, о которой упоминаетъ въ завѣщаніи: «Тѣхъ же моихъ читателей, которые завели у себя какой-нибудь портретъ мой, прошу уничтожить его тутъ же, по прочтеніи сихъ строкъ, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ дурно и безъ сходства, и покупать только тотъ, на которомъ будетъ выставлено: «гравировалъ Іордановъ» [1]). Упоминая здѣсь о портретѣ, сдѣланномъ дурно и безъ сходства, Гоголь вѣроятно имѣлъ въ виду свой портретъ, сдѣланный Венеціановымъ, въ 1834 году, который, по словамъ Анны Васильевны Гоголь, совсѣмъ не напоминаетъ ея брата. Воспроизведенія портрета Венеціанова попадаются очень рѣдко, такъ какъ Гоголь, находя портретъ плохимъ, собралъ и уничтожилъ всѣ снимки. Два изъ нихъ случайно сохранились у Ив. Серг. Аксакова; одинъ онъ отдалъ Марьѣ Васильевнѣ Гоголь, а другой послужилъ оригиналомъ для снимка, сдѣланнаго въ «Русской Старинѣ», 1879 года, т. IX. Съ портрета, рисованнаго Моллеромъ, сдѣлано было наиболѣе всего снимковъ. Всѣ они чрезвычайно плохи, не исключая и гравюры Іордана, приложенной къ изданію сочиненій Гоголя, Кулиша, 1857 года. По поводу такой же гравюры, сдѣланной Іорданомъ нѣсколько въ меньшемъ видѣ, С. Т. Аксаковъ писалъ слѣдующее письмо Трушковскому, который приложилъ эту гравюру къ изданію сочиненій Гоголя, 1862 года: «Всѣ, кому я показывалъ портретъ, рѣшительно имъ недовольны. Мамоновъ, который въ этомъ дѣлѣ лучшій судья, говоритъ, что вѣроятно жесткость гравировки смягчится при окончательной отдѣлкѣ и совѣтуетъ намъ не сбивать художника мелочными замѣчаніями. Всѣ согласны въ томъ, что лицо слишкомъ кругло и что оно такъ полно, даже одутловато, какъ оно никогда не бывало у Гоголя. Что же касается до меня, то я просто въ отчаяніи отъ этого портрета. Что это за брови, особенно лѣвая? Это какой-то червякъ! Что за пошлое выраженіе въ глазахъ! И за это, заплатить такія деньги! Да Мамоновъ бы намъ даромъ нарисовалъ лучше этого [2])». Особенно плохи фотографіи съ Моллеровскаго портрета, распространенныя въ публикѣ. Они на столько неудачны, такъ мало напоминаютъ оригиналъ, что ихъ скорѣе можно принять за каррикатуру, чѣмъ за изображеніе дорогого намъ лица. Проходя однажды съ Анной Васильевной Гоголь мимо еврея, торговавшаго портретами писателей, мнѣ пришлось быть свидѣтельницей, какъ она нарочно купила и тутъ же въ клочки изорвала этотъ возмутительный портретъ ея брата [3]). Чрезвычайно хорошо переданъ литографіей пор-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Гоголя; т., IV, стр. 568.

[2]) Письмо С. Аксакова не бывшее въ печати.

[3]) Съ портрета Моллера, кромѣ гравюры Іордана, были сдѣланы слѣдующіе снимки: 1) геліогравюра по способу Скамони, приложенная ко всѣмъ слѣдующимъ изданіямъ сочиненій Гоголя. 2) Гравюра Шиллинга, приложенная къ контрафакціи сочиненій Гоголя, 1865 года. 3) Гравюра, приложенная ко II тому

третъ Гоголя, рисованный Мамоновымъ карандашомъ. Портретъ этотъ былъ сдѣланъ Мамоновымъ наизусть съ его же рисунка мертваго Гоголя, набросаннаго нѣсколько часовъ спустя послѣ его кончины. «Стоя поддѣ гроба, говоритъ г. Ефремовъ, я видѣлъ и рисуемый портретъ, и потому могу ручаться за поразительное сходство» («Русская Старина», 1878 года, № 5). На этотъ портретъ, рисованный Мамоновымъ наизусть, указываетъ и Анна Васильевна Гоголь, какъ на самый лучшій, наиболѣе похожій. Особенно живо схвачена здѣсь фигура Гоголя: изгибъ спины и наклонъ головы. Это подтверждаетъ и Н. В. Бергъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ: «Гоголевская мина,—говоритъ онъ,—вообще схвачена вѣрнѣе всего въ очеркѣ Э. А. Мамонова». Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ считалъ этотъ портретъ также болѣе всѣхъ удачнымъ и приложилъ его къ «Московскому сборнику» 1852 года. Его приложилъ и Кулишъ къ своимъ «Запискамъ о жизни Гоголя», но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Нынѣ приложенъ онъ къ десятому изданію сочиненій Гоголя подъ редакціей Тихонравова; но положенная на лицо тушь, которой не было въ оригиналѣ, значительно измѣнила портретъ къ худшему.

Съ портрета Мамонова былъ скомпанованъ профиль Гоголя, повернутый вправо. Онъ приложенъ къ «Альбому русскихъ писателей», изданному Полевымъ въ 1860 году; литографировалъ этотъ портретъ Бахманъ. Знаменитымъ художникомъ Ивановымъ было нарисовано три портрета съ Гоголя. Одинъ изъ нихъ, принадлежащій въ настоящее время г. Рейтерну, былъ писанъ въ 1841 году для Жуковскаго [1]). Другой, точно такой же, рисованный Ивано-

«Наши Дѣятели» Баумана. 4) Литографія, рисованная на камнѣ П. Борелемъ и печатаная Дарленгомъ, приложенная къ «Лицею князя Безбородко». 5) Литографія, рисованная Борелемъ. печатанная Мюнстеромъ, приложенная къ «Портретной Галлереѣ» изданіе Мюнстера. 6) Литографія, рисованная на камнѣ Варышевымъ и печатанная въ литографіи Прохорова, изданная отдѣльно. 7) Политипажъ, приложенный къ Варшавскому иллюстрированному календарю 1870 года, стр. 109. 8) Политипажъ приложенный къ 3 т. «Русской Библіотеки». 9) Политипажъ приложенный къ «Исторіи Русской Литературы» Полевого. 10) Политипажъ приложенный къ «Всемірной Иллюстраціи», 1877 года, № 458. Есть также копіи, писанныя масляными красками. Одинъ изъ такихъ портретовъ, неизвѣстно кѣмъ копированный, былъ у А. А. Краевскаго. Съ этой копіи сдѣланъ политипажъ, приложенный къ «Нивѣ» 1870 года, № 3, стр. 37. Другая копія, масляными красками, неизвѣстно кѣмъ дѣланная, принадлежитъ дочери С. П. Шевырева, г-жѣ Арсеньевой, «Русская Старина», 1872 года, № 1.

[1]) Съ живописнаго портрета, писаннаго Ивановымъ для Жуковскаго, были воспроизведены копіи: 1) въ размѣрѣ подлинника хромолитографированный портретъ, отпечатанный красками въ Парижѣ у Лемерсье и приложенный къ «Русской Старинѣ» 1878 года, № 5. 2) Кромѣ хромолитографированнаго портрета было сдѣлано еще 12 фотографій Отто. 3) Литографированный снимокъ, рисованный на камнѣ Зенковымъ, отпечатанный въ литографіи Карстена, былъ приложенъ къ «Москвитянину», 1843 года, кн. XI. 4) Съ литографіи Карстена была сдѣлана копія К. А. Горбуновымъ. 5) Литографія, сдѣланная

вымъ для себя, находится теперь въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ; въ этомъ портретѣ Ивановъ измѣнилъ цвѣтъ халата, сдѣлавъ его темносинимъ съ сѣрымъ оттѣнкомъ, тогда какъ на первомъ портретѣ халатъ кирпичнаго цвѣта. Копію въ миніатюрѣ съ этого портрета Гоголь подарилъ своей сестрѣ и она находится теперь у его племянника, г. Быкова. Третій портретъ былъ рисованъ карандашомъ, въ 1847 году, передъ отъѣздомъ Гоголя въ Іерусалимъ. Въ 1878 году, онъ былъ пожертвованъ Боткинымъ въ Публичную Библіотеку. Этотъ превосходный портретъ чрезвычайно хорошо переданъ фототипіей, приложенной къ I т. «Словаря гравированныхъ портретовъ» Ровинскаго. Кромѣ того, съ него была сдѣлана хорошая гравюра на деревѣ въ «Живописномъ Обозрѣніи», 1884 года, № 11. Весьма интереснымъ является политипажъ, приложенный къ «Иллюстраціи», 1858 года, неизвѣстно съ какого оригинала. Гоголь изображенъ мальчикомъ, въ лицейскомъ мундирѣ, профиль влѣво, поясной. Столь же интересна и литографія, приложенная къ «Молодику», 1844 года. Гоголь сидитъ въ готическомъ креслѣ, одною рукою облокотясь на него, а другая спущена. Неизвѣстно кѣмъ и когда рисованъ оригиналъ этого портрета [1]). Кромѣ вышеозначенныхъ портретовъ, слѣдуетъ упомянуть дагеротипъ, снятый Перро въ 1845 году съ группы русскихъ художниковъ, посреди которыхъ находится Гоголь. Онъ изображенъ во весь ростъ, въ профиль влѣво. Снимокъ съ дагеротипа былъ приложенъ къ «Древней и Новой Россіи», 1879 года, т. XV. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1883 года, № 9, былъ приложенъ портретъ Гоголя, сдѣланный актеромъ П. А. Каратыгинымъ, который въ одну изъ репетицій «Ревизора» набросалъ его карандашемъ на оберткѣ своей роли. Портретъ очень мало напоминаетъ Гоголя.

Существуетъ еще офортъ Боброва, сдѣланный по карандашному

Тиммомъ, была приложена къ «Художественному Листку», 1852 года, № 8. 6) Литографія, рисованная на камнѣ Барышевымъ, печатанная Дарленгомъ, вышла отдѣльно. 7) Литографія, не имѣющая подписей, приложена къ изданію «Въ память русскаго театра». 8) Литографія, не имѣющая подписей ни рисовальщика, ни литографа, вышла отдѣльно. 9) Литографія Руднева, съ подписью на портретѣ Theodor Andreeff, 1852 года. Съ портрета Иванова, рисованнаго въ 1847 году, были сдѣланы Скамони геліографическіе снимки въ 1876 году,—одни—увеличенные вдвое, другіе—въ размѣрѣ оригинала. Съ геліографическаго снимка въ размѣрѣ оригинала была сдѣлана гравюра на деревѣ Панемакеромъ въ Парижѣ и приложена къ «Историческому Вѣстнику» 1882 года. Августъ. Съ геліографическаго снимка, увеличеннаго вдвое, былъ сдѣланъ политипажъ, приложенный къ «Новому Времени», 1886 года, апрѣля 20.

[1]) Съ литографіи, приложенной къ «Молодику», 1844 года, былъ сдѣланъ политипажъ, приложенный къ книжкѣ «Nordiches Novellenbuch von Robert Lippert. t. II. 1846 года. Leipzig». 2) Литографія, рисованная Борелемъ и отпечатанная Мюнстеромъ, вышла отдѣльно. 3) Политипажъ, приложенный къ «Иллюстраціи», 1861 года, № 155. 4) Литографія, рисованная Зенгеромъ, неизвѣстно гдѣ отпечатанная,—вышла отдѣльно.

рисунку неизвѣстнаго художника. Гоголь представленъ читающимъ.

Былъ еще весьма плохой поясной портретъ Гоголя, изданный T. Andreeff, въ 1852 году, на большомъ листѣ, съ помѣтою «Литографія Шамина», а также двѣ плохихъ литографіи, изображающихъ Гоголя въ гробу. Одна изъ нихъ рисована съ натуры Зенковымъ, а другая рисована съ натуры Андреевымъ. Кромѣ портретовъ, есть еще маска, сдѣланная Рамазановымъ съ лица Гоголя, изображеніе которой приложено къ «Нивѣ», 1870 года, № 3. Съ маски сдѣланы бюсты, одинъ Рамазановымъ, а другой Степановымъ [1]).

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть каррикатуру Неваховича, съ подписью «Шествіе въ храмъ Славы», гдѣ Гоголь изображенъ заснувшимъ на второй части «Мертвыхъ Душъ [2])», а также большой литографированный листъ Солоницына, изображающій сожженіе Гоголемъ 2-й части «Мертвыхъ Душъ».

А. Черницкая.

---

[1]) Съ бюста есть политипажъ, помѣщенный въ изданіи Голяшкина «Вечера на хуторѣ».

[2]) «Ералашъ», 1846 года, листъ 24.

„ЯСЛИ",

пріютъ для дѣтей рабочаго класса.

(Къ исторіи благотворительныхъ учрежденій).

Въ ЧИСЛѢ филантропическихъ учрежденій Петербурга находится нѣсколько дѣтскихъ пріютовъ, устроенныхъ для сиротъ или для дѣтей бѣдныхъ родителей. Благотворительность нашего общества на этомъ пути и дѣятельность основателей подобныхъ учрежденій, за весьма рѣдкими исключеніями, остаются незатронутыми исторической литературой; между тѣмъ свѣдѣнія этого рода могутъ служить матеріаломъ для исторіи русской общественной жизни и развитія нашего самосознанія.

По условіямъ своего возникновенія и существованія обращаетъ на себя вниманіе пріютъ «Ясли», основанный 25 лѣтъ тому назадъ для дѣтей рабочаго класса.

Съ исторіей этого учрежденія тѣсно связаны имена двухъ русскихъ женщинъ, которыя, принадлежа къ различнымъ слоямъ общества, были въ одинаковой мѣрѣ воодушевлены любовью къ страждущему человѣчеству и желаніемъ послужить на пользу ближняго.

Имена эти—графиня Наталья Михайловна Милютина, урожденная Понсэ, супруга бывшаго военнаго министра, и Марья Ивановна Алексѣева, старшая сестра Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія.

Когда графъ Д. А. Милютинъ, занимавшій въ 1856—1860 годахъ постъ начальника главнаго штаба кавказской арміи, былъ

назначенъ товарищемъ военнаго министра, супруга его Наталья Михайловна, по пріѣздѣ въ Петербургъ, обратила свои труды на дѣла благотворенія. Жертвуя сама и получая денежныя суммы отъ своихъ знакомыхъ, Н. М. Милютина избрала себѣ въ помощницы въ этомъ дѣлѣ М. И. Алексѣеву. Сестра Алексѣева, посѣщая бѣдныхъ жителей Петербурга для оказанія имъ помощи въ деньгахъ и вещахъ, обратила вниманіе, что рабочія женщины, уходя на поденный заработокъ, оставляютъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей въ сырыхъ, душныхъ помѣщеніяхъ безъ всякаго призора. И вотъ въ сознаніи истинной сестры милосердія возникаетъ мысль организовать пріютъ, въ который женщины, снискивающія себѣ пропитаніе поденной работой, могли бы приносить своихъ дѣтей, не исключая и грудныхъ, на денное призрѣніе. Предположеніе это встрѣтило полное сочувствіе какъ со стороны Н. М. Милютиной, такъ и высокой покровительницы и основательницы Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, великой княгини Елены Павловны.

9-го ноября 1864 года, на Рижскомъ проспектѣ, Нарвской части Петербурга, подъ самой крышей дома Суслова, въ маленькой квартиркѣ, былъ открытъ пріютъ «Ясли» для ежедневнаго пріема десяти дѣтей. Скромное какъ по внѣшней обстановкѣ, такъ и по первоначальной дѣятельности, учрежденіе это не получило никакой, такъ сказать, облицовки формальной: не было составлено устава и не было установлено никакого начальства и никакихъ штатовъ, и только вслѣдствіе необходимости руководить дѣломъ и поддерживать существованіе пріюта установились сами собою попечительство надъ пріютомъ въ лицѣ Н. М. Милютиной и ближайшій надзоръ за нимъ въ лицѣ распорядительницы М. И. Алексѣевой.

Едва былъ открытъ пріютъ, какъ рабочія женщины, по преимуществу фабричныя, начали пользоваться его услугами. Раннимъ утромъ въ пріютъ приносили дѣтей, обвернутыхъ въ рубище, иногда голодныхъ и больныхъ. Приходилось тотчасъ же перемѣнять на нихъ бѣлье и платье, кормить и лечить ихъ. Вечеромъ поденщица приходила за полученіемъ своего ребенка, уже сытаго, обутаго и одѣтаго, чтобы на другой день утромъ снова принести его въ пріютъ. Съ первыхъ же дней такой дѣятельности «Ясли» пріобрѣли полное къ себѣ довѣріе со стороны бѣдныхъ женщинъ Нарвской части, изобилующей рабочимъ классомъ по нахожденію въ этой мѣстности фабрикъ и, главнымъ образомъ, экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ помѣщеніе пріюта оказалось уже недостаточнымъ. Не располагая средствами, пріютъ не имѣлъ бы возможности занять болѣе просторную квартиру, если бы не явилась помощь со стороны благотворителя М. П. Миткова, который предложилъ болѣе просторное помѣщеніе въ своемъ домѣ (на углу Фонтанки и Дерптскаго пере-

улка), за умѣренную цѣну, а на первые шесть мѣсяцевъ безплатно.

Въ 1865 году, когда въ Петербургѣ появилась эпидемія возвратной горячки, отъ которой наиболѣе страдало рабочее населеніе столицы, пріютъ, по предложенію великой княгини Елены Павловны, принялъ подъ свое попеченіе дѣтей, оставшихся безъ всякаго призора въ то время, когда ихъ родители, заразившись эпидеміей, были размѣщены по больницамъ. Вскорѣ отъ увеличенія числа приносимыхъ дѣтей въ пріютѣ появилась корь и распорядительницы его пріостановили дальнѣйшій пріемъ малютокъ. Съ этого момента пріютъ «Ясли» отступаетъ отъ своей спеціальной задачи — предоставленія деннаго убѣжища приносимымъ дѣтямъ рабочихъ женщинъ и, не прерывая однако этой дѣятельности, обращается вмѣстѣ съ тѣмъ и въ постоянное убѣжище. Этому въ особенности способствовало то, что нѣкоторыя изъ оставленныхъ временно въ стѣнахъ пріюта дѣтей лишились родителей и стали круглыми сиротами.

Еще спустя нѣкоторое время, дѣятельность пріюта развилась на столько, что и помѣщеніе въ домѣ Миткова оказалось недостаточнымъ, и пріютъ вынужденъ былъ нанять, въ 1873 году, новую, болѣе просторную квартиру по Новопетергофскому проспекту, гдѣ онъ помѣщается и понынѣ. Затѣмъ съ 1877 года, по совѣту докторовъ, пріютъ переселяется на лѣтніе мѣсяцы за городъ.

Расширеніе круга дѣйствій пріюта, наемъ болѣе обширной квартиры, ежегодное переселеніе на дачу, годъ отъ году увеличивающаяся дороговизна на предметы первой необходимости, отсутствіе основнаго фонда и неравномѣрность и случайность поступленія жертвуемыхъ на пріютъ средствъ, — все это сильно отражалось на его дѣятельности и было время, когда дальнѣйшее существованіе убѣжища сирыхъ и безпріютныхъ дѣтей представлялось сомнительнымъ. Въ исторіи пріюта особенно памятны бѣдственныя времена 1867, 1871, 1875, 1881 и 1882 годовъ, приносившихъ пріюту болѣе или менѣе значительные дефициты въ бюджетѣ [1]). Но на радость руководителей благаго дѣла и на счастье призрѣваемыхъ дѣтей каждый разъ являлась помощь и именно тогда, когда въ ней ощущалась особенная необходимость. Имена жертвователей и благотворителей, давшихъ возможность не только покрыть дифициты, но и оживить дѣятельность учрежденія и упрочить его существованіе, навсегда будутъ памятны для пріюта [2]).

---

[1]) Дефициты доходили до слѣдующихъ размѣровъ: въ 1871 г. — 500 р., въ 1874 г.—489 р., въ 1881 г.—1139 р., въ 1882 г.—501 р.

[2]) Наибольшія пожертвованія были сдѣланы слѣдующими лицами: оберъ-гофмейстеромъ Бибиковымъ — 5.000 р.; членомъ государственнаго совѣта К. К. Гротомъ изъ суммъ, оставленныхъ его сестрою Розою Карловною—2.640 р.; генералъ-адъютантомъ Ѳ. Ѳ. Треповымъ—1.400 р.; В. В. Валошиновымъ, баронес-

Въ настоящее время на воспитаніи пріюта находится 70 дѣтей возростомъ отъ 3 до 18 лѣтъ и, кромѣ того, призрѣвается до 15 малютокъ, приносимыхъ ежедневно бѣдными матерями на время своей поденной работы. Содержаніе всѣхъ этихъ дѣтей обходится въ годъ въ 7.257 руб., чтò составляетъ на каждаго изъ нихъ по 104 руб. Въ числѣ призрѣваемыхъ находятся и мальчики, но принято за

М. И. Алексѣева, основательница пріюта «Ясли».

правило оставлять ихъ въ пріютѣ лишь до 8-лѣтняго возроста; дѣвочки же остаются до того времени, когда онѣ получатъ возмож-

сой С. А. Вердтъ, А. С. Загоскиной и др.; купецъ В. А. Андреевъ, начиная съ 1882 года, жертвуетъ все необходимое для пріюта количество столоваго хлѣба; М. М. Стасюлевичъ съ 1873 года безплатно печатаетъ ежегодные отчеты пріюта, а извѣстная артистка М. Г. Савина, кромѣ пожертвованій деньгами, неоднократно принимала участіе въ спектакляхъ, которые устраивались въ пользу пріюта «Ясли». Здѣсь слѣдуетъ также упомянуть, что заболѣвшія дѣти пріюта пользовались всегда особою заботливостію врачей Елизаветинской дѣтской больницы.

ность содержать себя собственнымъ трудомъ. Всѣ призрѣваемые, смотря по возросту, обучаются Закону Божію, русскому языку и начальнымъ правиламъ ариѳметики [1]). Кромѣ того, пріютъ «Ясли» посылаетъ своихъ дѣвочекъ въ 6-ти классную рукодѣльную школу императрицы Маріи Александровны и въ профессіональное училище г. Коробовой за плату съ каждой учиницы по 30 р. въ годъ.

Распространивъ столь широко и человѣколюбиво свою дѣятельность, пріютъ «Ясли» имѣлъ утѣшеніе устроить нѣкоторыхъ своихъ воспитанницъ на хорошія мѣста, а въ томъ числѣ одну воспитанницу на должность преподавательницы прогимназіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ пріютъ дожилъ до времени, когда въ его стѣнахъ явилось, такъ сказать, второе поколѣніе: въ настоящее время въ немъ призрѣвается малютка—дочь нѣкогда воспитанной въ пріютѣ сироты, вышедшей замужъ, потерявшей потомъ мужа и вынужденной наконецъ отдать своего ребенка подъ кровъ того учрежденія, гдѣ она сама возросла и воспиталась.

За время своего существованія пріютъ «Ясли» понесъ нѣсколько невознаградимыхъ утратъ.

Прежде всего въ 1873 году почила великая княгиня Елена Павловна, оказывавшая высокое покровительство пріюту «Ясли». Въ 1881 году, вслѣдствіе выѣзда изъ Петербурга графини Н. М. Милютиной, прекратилось ея попечительство надъ пріютомъ [2]). Наконецъ въ 1884 году пріютъ лишился главной своей руководительницы М. И. Алексѣевой.

Какъ основательница и дѣятельная распорядительница пріюта, сестра Алексѣева заслуживаетъ добраго о ней воспоминанія.

Марья Ивановна Алексѣева, дочь петербургскаго книгопродавца, въ лѣта молодости своей, имѣла не легкое испытаніе, изъ котораго вышла однако съ честью [3]). Наболѣвшая душа молодой дѣвушки, вынесшей борьбу не безъ самопожертвованія, не искала уже въ жизни личнаго для себя счастія и съ любовью обратилась къ дѣламъ милосердія и благотворительности. Отзывчивое на всякое доброе дѣло сердце ея тотчасъ же нашло себѣ пищу. Въ самомъ началѣ Крымской кампаніи, во время сильнаго притока патріоти-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи пріютъ также пользуется благотворительностію со стороны священника П. Н. Малиновскаго, наставницы Е. К. Безпаловой и учителя пѣнія В. М. Матвѣева, безвозмездно обучающихъ пріютскихъ дѣтей.

[2]) Графиня Наталья Михайловна, проживая теперь за границей, продолжаетъ интересоваться бывшимъ подъ ея попечительствомъ пріютомъ и благотворить ему своими пожертвованіями.

[3]) М. И. Алексѣеву полюбилъ одинъ молодой человѣкъ, встрѣтившій въ ней взаимное влеченіе. Оказалось, однако, что онъ былъ женатъ. Но обоюдныя симпатіи были столь сильны, что молодой человѣкъ хотѣлъ развестись съ своей женой, чтобы обвѣнчаться съ любимой дѣвушкой. Марья Ивановна дала, однако, отвѣтъ, что на чужомъ несчастьи не желаетъ строить своего счастья.

ческихъ чувствъ въ сознаніи русскаго общества, въ Петербургѣ была открыта, по мысли великой княгини Елены Павловны и на ея иждивеніе, Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія. Поступивъ въ 1856 году въ составъ этого учрежденія, М. И. Алексѣева отправилась въ Крымъ и тамъ съ самозабвеніемъ отдалась служенію раненымъ и больнымъ воинамъ, и за свою самоотверженность и трогательно-душевное обращеніе съ ними пріобрѣла ихъ неподдѣльную любовь [1]).

---

[1]) Считаемъ нужнымъ привести здѣсь, съ сохраненіемъ ореографіи, письмо отъ раненыхъ, полученное М. И. Алексѣевой послѣ выѣзда ея изъ Крыма. Письмо это, свято сохранявшееся сестрою Алексѣевой, характерно и въ бытовомъ отношеніи, и какъ памятка изъ временъ Крымской кампаніи. Вотъ это письмо:

«Сія благодарность Крестовоздвиженскимъ сестрамъ отъ раненыхъ и изувеченныхъ калекъ. Во-первыхъ благодаримъ Бога, что Господь намъ даетъ помощь. Во-первыхъ Государя Императора и Попечительницу нашу Ея Императорское Высочество Великую Княгиню и весь Августейшій Домъ. И еще чувствительно благодаримъ васъ всѣхъ вообще отъ старшей до младшей и въ особенности же старшею сестру Марью Ивановну, за ваше къ намъ расположеніе, ибо милости вашей много было. Сестры смотрѣли и ухаживали за нами не такъ какъ забольными но какъ за дѣтьми своими. Вы за нами много теряли своего здоровья и принимали жаръ и стужу, дожжи и грязи и переменную погоду здѣшняго климата, Вы пеклись обнасъ и ничто не могло остановить васъ; и еще чувствительно Васъ благодаримъ, что вы небрезгали гнилыми ранами и текущаго гноища, и тежелаго и мрачнаго воздуха, и нагова тѣла. Это было ужасно и трудно перенести, въ особенности же нѣжному женскому полу. Но извините насъ, что мы называемъ васъ сестрами, ибо мы должны назвать Васъ и каждой изъ насъ своими родителями и того еще лучше, что можно разсудить самому не разумному, ибо родители наши за нами не ходили, и насъ въ эдакомъ положеніи не видали; Это все было попеченіе и досмотръ и стараніе Ваше. О эту добродетель долженъ изъ насъ каждой питать въ сердцѣ своемъ до жизни гроба. О Боже мой! чѣмъ мы должны заплатить вамъ за эту добродѣтель болѣе ни чѣмъ какъ русское спасибо, Богъ вразумилъ Ея Императорское Высочество выслать Васъ для присмотра за нашимъ несчастнымъ положеніемъ, чрезъ ваши старанія и попеченіе много мы получили пользы, не одни мы видѣли Ваше стараніе обнасъ и попеченіе и Богъ виделъ, и сіе стараніе ваше будетъ въ виду предъ Богомъ разумейте языцы и покоряйтеся яко съ нами Богъ. Всѣ покорнѣйше васъ благодаримъ милыя наши сестрицы, и еще просимъ у Васъ извиненія можетъ быть мы Васъ чемъ-нибудь нагрубили. О! какъ мысль эта тревожитъ насъ когда вспоминаемъ мы что вы оставитѣ насъ, кто безъ васъ навѣститъ насъ и кто насъ присмотритъ, и кто насъ пожалѣетъ только Одинъ Богъ; когда вы находилась при насъ намъ все еще было веселей, ни кто черезъ Васъ на насъ не нападалъ, и ни кто насъ не обижалъ; Вы были наши заступницы и покровительницы; но теперь мы остаемся будто какъ сироты, безъ родныхъ такъ мы безъ васъ, намъ теперь все не мило будто свѣтъ отъ насъ сокрытъ, весь вольный свѣтъ покрывается темными облаками, а даже весь сей госпиталь кажется намъ покрытъ чорнымъ печальнымъ трауромъ, хотя онъ былъ и чистъ, но безъ васъ очень скучно; счастливъ тотъ человѣкъ, который выписался при вашихъ глазахъ, теперь же каждый изъ насъ желалбы выписаться, но что же дѣлать, вѣрно наша участь такаго. Чувствительно васъ благодаримъ, что вы оставитѣ намъ хотя Бабушку, съ нами горѣ переносить, теперь Вы уѣзжаете всѣ мы единоровно желаемъ Вамъ многолѣтняго здравія, и всякаго

По окончаніи Крымской войны, М. И. Алексѣева осталась въ составѣ Крестовоздвиженской общины въ качествѣ лучшей изъ сестеръ[1]), а съ 24 октября 1868 по 16 декабря 1871 г. состояла въ должности настоятельницы общины. Когда пріютъ «Ясли» расширилъ свою дѣятельность, сестра Алексѣева, въ 1873 году, по приглашенію графини Милютиной и съ разрѣшенія комитета Крестовоздвиженской общины, поселилась въ помѣщеніи пріюта и съ этого времени, не покидая состава общины, посвятила свои труды и любовь исключительно дѣтямъ, призрѣваемымъ въ пріютѣ. Здѣсь она проявила ту же самоотверженность, какою отличалась ея любвеобильная душа при уходѣ за больными и ранеными воинами. Но ей чужды были какія-либо рамки, ограничивающія дѣло милосердія и любви къ страждущему человѣчеству предѣлами необходимости, и она шла на помощь бѣднымъ людямъ, не соображаясь ни съ средствами пріюта, ни съ его прямыми задачами. Снабжая бѣльемъ, платьемъ, обувью и проч. всѣхъ бѣдныхъ, о нуждахъ которыхъ доходила до нея вѣсть, сестра Алексѣева доводила себя до такого самозабвенія, что, сама нуждаясь въ отдыхѣ отъ трудовъ и будучи крайне слабаго здоровья, она отдавала бѣднымъ свою постель, радуясь тому, что могла помочь ближнему.

Частыя заболѣванія сестры Алексѣевой вынуждали ее подолгу оставаться въ лазаретѣ Крестовоздвиженской общины, а въ мартѣ 1884 г. надломленныя на служеніи человѣчеству силы ея совершенно ослабѣли, и она должна была разстаться съ горячо любимымъ пріютомъ.

3-го августа 1884 г. «Ясли» лишились своей основательницы и распорядительницы. 6-го августа тѣло Марьи Ивановны погребено на Митрофаніевскомъ кладбищѣ со скорбію въ сердцахъ сопровождавшихъ скромный катафалкъ пріютскихъ дѣтей, сестеръ Крестовоздвиженской общины и почитателей покойной, но съ упованіемъ, что любвеобильный обликъ почившей будетъ служить свѣточемъ убѣжища бѣдныхъ дѣтей, которымъ она посвятила свои силы и любовь.

благополучія, доѣхать до своего родного С.Петербурга. За темъ прощайте наши покровительницы; извините насъ въ томъ, что мы осмѣлились сіе написать къ Вамъ, когда прибудетѣ въ Петербургъ поклонитесь и прежнимъ нашимъ сестрамъ которыя преждѣ отправились отъ сюда. Унтеръ офицеръ Капустинъ безъ рукій. Писарь Лысенко. 1856 года сентября 17. Семфирополь».

[1]) Въ очеркѣ двадцатипятилѣтней дѣятельности Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія сказано: «Въ заключеніе мы не можемъ не сказать о другомъ учрежденіи, которое весьма близко и къ школѣ общины, потому что имѣетъ своею задачею воспитывать бѣдныхъ дѣтей, и къ самой общинѣ, потому что состоитъ подъ управленіемъ одной изъ лучшихъ сестеръ Крестовоздвиженской общины—М. И. Алексѣевой: разумѣемъ пріютъ «Ясли»... Неутомимая сестра Алексѣева находитъ возможность и устроить большую часть ввѣренныхъ ей дѣтей или въ ремесленныя школы, или даже въ женскія гимназіи».

Послѣ выѣзда изъ Петербурга графини Н. М. Милютиной, пріютъ «Ясли» оставался безъ попечительницы до 8 марта 1883 г., когда обязанности попечительницы приняла на себя Александра Петровна Арапова, урожденная Ланская[1]), которая руководитъ пріютомъ до настоящаго времени съ тою же заботливостію и въ томъ же направленіи, какъ и ея достойная предшественница. Мѣсто же распорядительницы занимаетъ М. Д. Бѣлокурова, бывшая въ теченіе шести лѣтъ сотрудницей М. И. Алексѣевой. Кромѣ того, съ 1872 года дѣлами пріюта завѣдываетъ ближайшій его руководитель, профессоръ военно-юридической академіи, полковникъ П. Ѳ. Лузановъ. Весь этотъ составъ управленія пріютомъ, не имѣя офиціальнаго въ отношеніи его положенія, представляетъ собою дружную семью, которая въ служеніи своемъ на пользу бѣдныхъ дѣтей руководится не письменными уставами и инструкціями, которыхъ пріютъ вовсе не имѣетъ, а единымъ непреложно-прочнымъ началомъ общественной жизни: любовью къ ближнему. Этому евангельскому началу, а также отсутствію штатовъ съ градаціей начальствующихъ и какой бы то ни было офиціальной формалистики пріютъ обязанъ тѣмъ, что, не смотря на многія и многія невзгоды, просуществовалъ онъ цѣлую четверть вѣка, избавивъ за это время не одну сотню дѣтей рабочаго класса отъ голода, стужи и всякой безпріютности, научивъ ихъ доброй нравственности, грамотѣ и рукодѣльямъ и пристроивъ многихъ изъ нихъ къ дѣлу.

Такое общественное служеніе на пользу ближнихъ получило милостивую оцѣнку со стороны государыни императрицы. Во время скромнаго празднованія 9 ноября 1889 г. двадцатипятилѣтія существованія пріюта «Ясли», послѣ молебствія въ помѣщеніи его, попечительница пріюта А. П. Арапова прочитала полученное ею письмо отъ секретаря ея величества отъ 7 ноября 1889 г. за № 3755, въ которомъ Ѳ. А. Оомъ сообщилъ, что государыня императрица, ознакомившись съ краткимъ очеркомъ развитія пріюта, «Высочайше повелѣть изволила передать вамъ, милостивая государыня, душевную признательность за попеченія ваши объ этомъ заведеніи и искренно благодарить отъ имени ея величества ближайшихъ помощниковъ вашихъ по завѣдыванію пріютомъ полковника Лузанова и М. Д. Бѣлокурову и мать ея, а также В. В. Валошинова, В. А. Андреева, А. С. Загоскину, баронессу С. А. Вердтъ, Е. К. Безпалову, равно и другихъ лицъ, сдѣлавшихъ пожертвованія въ пользу пріюта и безвозмездно потрудившихся въ дѣлѣ обученія дѣтей, призрѣваемыхъ въ пріютѣ. При этомъ государынѣ императрицѣ угодно было выразить пожеланіе, чтобы благая цѣль пріюта — призрѣніе дѣтей бѣдныхъ родителей и преимущественно матерей, личнымъ

---

[1]) Дочь Натальи Николаевны Пушкиной, урожденной Гончаровой, вступившей во второй бракъ съ генералъ-адъютантомъ Петромъ Петровичемъ Ланскимъ.

трудомъ зарабатывающихъ насущный хлѣбъ, — преслѣдовалась и впредь съ такою же неусыпною энергіею и любовью къ ближнему, которыя составляли до сего времени исключительныя черты этого полезнаго учрежденія и благодаря которымъ преодолѣвались всѣ тѣ затрудненія, коимъ подвергалось оно такъ часто въ теченіе 25-ти лѣтъ, и нынѣ вышло съ успѣхомъ изъ этой борьбы за свое существованіе».

Монаршая оцѣнка дѣятельности руководителей и благотворителей пріюта, учрежденнаго по частному почину и на частныя средства, служитъ лучшей наградой за ихъ труды и заботливость о бѣдныхъ дѣтяхъ, которыя получаютъ въ пріютѣ «Ясли» подготовку къ честному труду, необходимому для нихъ самихъ и полезному для общества.

М. Городецкій.

ПОѢЗДКА ВЪ ОКРАИНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

«Жатвы много, а дѣлателей мало».
Лука, X, 2.

I.

УДЬБА ЗАНЕСЛА меня въ апрѣлѣ прошлаго года въ Ковну. Для свѣжаго человѣка достаточно двухъ-трехъ дней, чтобъ почувствовать полную невозможность оставаться долѣе въ этомъ городѣ необыкновенной пыли, еврейскаго запаха и нѣмецкой рѣчи. Грудь требовала вольнаго воздуха... Отправившись посмотрѣть на вновь строющуюся крѣпость, мы долго любовались на быстро мчащіеся внизъ по Нѣману барки, нагруженныя крѣпкимъ булыжникомъ и другіе суда, медленно плывущіе вверхъ съ кашевиднымъ кирпичемъ. Первые спѣшатъ лечь въ основу прусскихъ фортовъ на русской границѣ, вторыя тянутся изъ Пруссіи для сооруженія русскихъ крѣпостей...

Счастье, что тутъ природа добра и роскошна; любуясь ея красотами есть время и возможность забыть людскія неправды. Минуя пыльный городъ,—ѣдешь зигзагами по военному шоссе мимо пологихъ горъ, украшенныхъ юной зеленью и молодымъ хвойнымъ лѣскомъ; заворачиваемъ направо къ строющемуся форту, гдѣ на грудѣ земли работающіе люди и лошади кажутся издали кучей хлопотливыхъ муравьевъ; еще поворотъ, еще маленькій зигзагъ и вдругъ раскрывается предъ глазами неожиданная и восхитительная картина. Внизу, подъ крутымъ и высокимъ обрывомъ горъ, течетъ широкой и голубой полосой Нѣманъ, блестя слѣва въ безконечной дали и теряясь справа почти подъ нашими ногами; образуемый его извилинами на другой сторонѣ низкій берегъ, окаймленный ярко-желтымъ пескомъ и сплошь покрытый густымъ вѣчно зеленымъ хвой-

нымъ лѣсомъ, кажется островомъ; съ боку нашъ обрывъ заканчивается огромной черной дырой въ горѣ—желѣзно-дорожнымъ тонелемъ, а впереди верстахъ въ шести поверхъ всей этой чудной картины природы ярко блеститъ и мигаетъ на солнечномъ горизонтѣ золотой крестъ храма. Православный крестъ здѣсь, въ Ковенландѣ, побѣжденномъ евреями и покоренномъ нѣмцами, среди лѣсовъ и горъ? Да, это православный крестъ самой окраинской православной обители—Пожайскаго монастыря, знаменитаго роскошью своей церкви, оригинальностью устава и не безъинтереснаго съ исторической точки зрѣнія.

Съѣзжая съ шоссе и повернувъ въ лѣсъ, подъ сѣнь раскидистыхъ вѣтвей, дѣлается совѣстно сидѣть въ экипажѣ; рѣдкая зеленая травка на мягкомъ коврѣ почвы, гдѣ на разсыпчатомъ пескѣ лежатъ вѣковые слои хвойныхъ иголочекъ, такъ и манитъ на прогулку: «стой, ямщикъ, мы слѣземъ и пойдемъ пѣшкомъ!» Во дворцѣ нѣтъ такого нѣжнаго бархата подъ ногами, какъ въ этомъ лѣсу не помнящемъ дня своего рожденія; въ богатѣйшихъ хоромахъ стараго Рима не было столь дивной мозаики, какъ этотъ сводъ надъ нами изъ переплета зеленыхъ вѣтвей, просвѣтовъ голубого неба и пронизывающихъ прихотливыми тѣнями лучей полуденнаго солнца...

Три версты пѣшаго хожденія по такому лѣсу не утомятъ самыя слабыя ноги; рѣзкій и пріятный хвойный запахъ, смѣшанный съ весеннимъ воздухомъ, съ каждымъ вздохомъ груди придаетъ ей новую бодрость, съ каждымъ шагомъ впередъ подымаетъ духъ и радуетъ сердце. Вотъ среди какой дивной природы стоитъ нашъ ближайшій къ прусской границѣ православный монастырь.

За густымъ лѣсомъ не видны даже его высокіе куполы; лишь за сто саженъ отъ главнаго входа обитель сразу выростаетъ передъ путникомъ на концѣ прямой и короткой аллеи тополей красивыми вратами съ надписью «Пріидите во имя Господне» и стройной башней главнаго храма.

Зданія обители обширны и красивы. Изъ главныхъ воротъ (нынѣ запертыхъ) идетъ узкая аллея съ столѣтними деревьями, огражденная съ обѣихъ сторонъ каменнымъ высокимъ заборомъ. На концѣ ея, ворота подъ капитальной постройкой главнаго дома, идущаго одноэтажной длинной линіей вправо и влѣво и съ пристройкой вверху надъ воротами. Пройдя послѣднія, входимъ на широкій и квадратный дворъ; съ боковъ по каменному флигелю, впереди величественный храмъ съ высокой колокольней и съ боковыми пристройками, черезъ которыя ведутъ чугунныя симметрично расположенныя справа и слѣва огромныя двери на задній дворъ, гдѣ опять постройки малыя для прислуги и обширныя съ прекраснымъ фруктовымъ садомъ и балконамъ для дачнаго пребыванія ковенскаго епископа-викарія.

За этими постройками опять лѣсъ, прудъ, узкая тропинка къ обрыву надъ Нѣманомъ и безконечные виды на другой сторонѣ его, виды лѣсовъ, полей, фольварковъ, деревушекъ и свѣже-насыпанныхъ укрѣпленій.

Я сомнѣваюсь, чтобъ гдѣ-либо православная обитель существовала среди столь благопріятныхъ условій природы. Тутъ мягкій климатъ нашей западной окраины, сухая почва песковъ, удобренная лѣсной залежью, ароматичный воздухъ безконечной хвойной рощи, здоровая чистая вода быстраго Нѣмана, близость города и рельсоваго пути. Этнографическая обстановка не менѣе важна—этотъ православный монастырь стоитъ на рубежѣ четырехъ царствъ—русскаго, польскаго, литовскаго и прусскаго, если не считать еврейскаго въ качествѣ реальнаго пятаго царства; тутъ мѣсто самое спорное въ національномъ смыслѣ, окруженное самыми страшными врагами—врагами мирнаго труда представителей борящихся національностей; тутъ православный монастырь важнѣе военной крѣпости, сильнѣе фортовъ, дѣйствующихъ лишь въ короткіе дни кровавой брани; здѣсь православный монастырь обязанъ быть тѣмъ свѣточемъ, который указываетъ путь къ правдѣ, миру, любви и покою для всѣхъ инородцевъ окраины Россіи, которые еще не слились съ кореннымъ населеніемъ отечества въ вѣрѣ, обычаяхъ и языкѣ... Памятуя о такой великой миссіи этой обители, я счелъ грѣхомъ не остаться ея гостемъ хотя бы на нѣсколько дней, чтобъ имѣть возможность ознакомиться съ ея исторіей и ея дѣйствительной ролью на иноплеменномъ краю государства...

Въ настоящее время эта обитель именуется Пожайскимъ Успенскимъ монастыремъ 1-го класса. Всѣ мои поиски монографій или статей объ этой обители оказались тщетными; о ней лишь въ нѣсколькихъ строкахъ упоминаютъ разные словари и списки россійскихъ монастырей. Въ самомъ же монастырѣ я нашелъ довольно богатый архивъ по преимуществу на польскомъ языкѣ и краткій перечень событій (синодикъ), записанный неизвѣстной рукой въ особую монастырскую книгу. Такимъ образомъ, при добромъ пособіи отца намѣстника Варсонофія, я могъ безъ особаго труда добыть достаточныя данныя для краткой повѣсти о происхожденіи и жизни обители.

Въ XV вѣкѣ, въ предѣлахъ литовскаго княжества сдѣлалась извѣстной фамилія Паца. Въ XVII столѣтіи, эта фамилія имѣла своими представителями трехъ братьевъ. Старшій изъ нихъ Михаилъ былъ виленскимъ палатиномъ, т. е. воеводой и сенаторомъ. Онъ разбилъ въ битвѣ 1659 года Юрія Долгорукаго и побѣдилъ турокъ при Хотинѣ. Младшій братъ Николай былъ виленскимъ католическимъ епископомъ, а средній—Христофоръ служилъ польской коронѣ канцлеромъ великаго княжества Литовскаго, т. е. хра-

нителемъ государственныхъ бумагъ и королевской печати. Онъ-то и былъ строителемъ описываемой нами обители.

Изъ документовъ архива явствуетъ, что Христофоръ Пацъ, путешествуя по Италіи, сблизился съ нѣсколькими представителями монашескаго ордена камальдуловъ, основанномъ въ началѣ XI вѣка въ Камальдоли, близь Ареццо, носящимъ бѣлое одѣяніе и отличающимся понынѣ строго-аскетическимъ уставомъ. Подъ вліяніемъ этихъ религіозныхъ друзей, въ особенности отца Іеронима, президента названнаго ордена въ Венеціи, Пацъ задумалъ увѣковѣчить свое имя постройкой лучшаго въ странѣ храма и поселить на литовской землѣ вѣчныхъ богомольцевъ за успокоеніе души создателя монашеской обители.

Рядомъ съ этимъ документальнымъ разсказомъ о мотивахъ созданія монастыря, до сихъ поръ сохраняется среди литовцевъ края другой устный варіантъ. Народная молва вѣритъ и увѣряетъ, что Христофоръ Пацъ совершилъ одинъ изъ страшнѣйшихъ грѣховъ — грѣхъ кровосмѣшенія, ибо преданіе утверждаетъ, что онъ жилъ и даже состоялъ въ бракѣ съ своей родной сестрой. Когда молодость прошла и страсти остыли, грѣшникъ убоялся небеснаго гнѣва и отправился въ Римъ къ папѣ за совѣтомъ, какъ излечить глубокую рану своей совѣсти. Папа будто бы и посовѣтовалъ ему создать наивеликолѣпнѣйшій храмъ въ литовскомъ княжествѣ и призвать на литовскую землю камальдуловъ, еще не нашедшихъ тогда прочнаго пристанища на территоріи Польскаго королевства.

Въ архивѣ монастыря нѣтъ ни слова объ этомъ незаконномъ сожитіи или бракѣ Паца съ сестрой. Напротивъ, покрытыя пылью и пожелтѣвшія бумаги разсказываютъ, что Пацъ былъ женатъ на дѣвицѣ знатнаго рода Ласкарисъ, генеалогическіе корни котораго простираются въ глубь XII вѣка, когда родоначальникъ этой фамиліи былъ зятемъ греческаго императора Алексѣя Ангели, а верхняя вѣтвь котораго, увы, составляетъ нынѣ скромную и небогатую семью, промышляющую въ Ниццѣ отдачей въ наемъ маленькихъ квартиръ иностранцамъ...

Заглядывая въ жизнь прошлыхъ вѣковъ, человѣческій умъ невольно склоняется вѣрить тому, что изъ былого носитъ на себѣ печать романтизма и поэзіи. Но не по одной этой слабости я отдаю предпочтеніе устному сказанію о поводѣ къ созданію обители предъ документальными данными. Бумага была всегда подлѣе людскихъ устъ предъ сильными міра сего; могла ли она сохранить, напримѣръ, въ стѣнахъ властнаго хозяина обители слѣдъ грѣха его? Между тѣмъ, тотъ же архивъ повѣствуетъ, что Пацъ, вдругъ бросилъ дворъ, столицу и свѣтскую жизнь, уединился въ чудныя лѣса обители и весь отдался богоспасительному дѣлу постройки храма, посвятивъ на него по тогдашнему колоссальныя суммы; такъ, по преданію, лишь первая четверть дорогого храма обошлась ему въ

милліонъ флориновъ. Такіе переломы въ жизни не только властныхъ, но и простыхъ людей, не происходятъ безъ сильныхъ и рѣзкихъ причинъ.

Христофоръ Пацъ умеръ въ 1684 году, жена его черезъ годъ и почти одновременно съ ней скончался ихъ единственный восьмилѣтній сынъ. Всѣ трое были набальзамированы и погребены въ склепѣ подъ серединой храма. Тутъ вдѣлана въ уровень пола огромная плита, находящаяся какъ разъ надъ тѣлами усопшихъ; на ней латинская надпись, теперь уже сильно попорченная; надпись эта гласитъ: «На семъ брачномъ ложѣ смерти и вѣчнаго покоя почіетъ рѣдкая чета» и т. д. съ упоминаніемъ титуловъ и должностей усопшихъ. Внизу плиты по повелѣнію польскаго короля Іоанна III прибавленъ стихъ его собственнаго сочиненія: «Покоя чтители, будь вѣчный вамъ покой!»

Мѣсто погребенія создателей обители и нахожденіе надгробной плиты посрединѣ церкви въ уровень съ поломъ противорѣчатъ обычаю класть знатныхъ покойниковъ въ укромномъ уголкѣ храма или подъ святымъ алтаремъ. Народная молва въ этомъ фактѣ видитъ ясное подтвержденіе сказанія о страшныхъ грѣхахъ Паца и повѣствуетъ, будто онъ нарочно приказалъ похоронить себя тутъ, чтобъ каждый молящійся попиралъ его своими ногами и чтобъ это униженіе праха послужило для смягченія гнѣва небеснаго судьи надъ грѣшной душой усопшаго литовскаго канцлера.

Постройка храма началась 20-го октября 1667 года, а окончена была черезъ 28 лѣтъ послѣ смерти основателя, въ 1712 году. Храмъ имѣетъ огромные размѣры; вся внутренность его выложена разноцвѣтнымъ мраморомъ, вывезеннымъ изъ Италіи; высокій куполъ украшенъ яркими фресками, писанными водяными красками по извести; такіе же рисунки итальянской школы и на стѣнахъ; надъ алтаремъ прекрасныя скульптурныя фигуры, изображающія основателей камальдульскаго ордена на подобіе евангелистовъ. Храмъ такъ великъ, что въ немъ смѣло и безъ тѣсноты могутъ помѣститься тысячи богомольцевъ, но не имѣя системы отопленія, онъ годенъ для службы и молитвы лишь два-три мѣсяца въ году — въ жары іюня и іюля. Древній мраморъ его сталъ пористымъ и превратился въ грандіозный барометръ—передъ дождемъ сырость льется потоками по стѣнамъ и величественнымъ колонамъ церкви, предсказывая дурную погоду. Эта сырость и теперь въ ясный и теплый весенній день обдаетъ входящаго въ храмъ пронизывающимъ холодомъ, какъ будто находишься въ глубокомъ и закрытомъ подземельи, гдѣ нѣтъ ни тяги воздуха, ни свѣта солнца. Старыхъ иконъ не много. Большая часть ихъ была впослѣдствіи уступлена католическому клиру за пустую сумму денегъ. Оставшіеся принадлежатъ искусной итальянской кисти и изъ нихъ двѣ—св. Елисаветы и Богородицы съ Младенцемъ пользуются особымъ почетомъ среди

мѣстнаго христіанскаго населенія, какъ католическаго, такъ и православнаго. Послѣдняя икона считается по народному повѣрью нерукотворной и слыветъ подъ именемъ Камандульской Божьей Матери.

На видномъ мѣстѣ мраморныхъ стѣнъ храма красуется металическая доска съ весьма оригинальной латинской надписью. На ней говоритъ самъ храмъ: «На вѣчную память Паца, я первый храмъ, я воздвигнутъ имъ, который какъ земля оставилъ землю для божественнаго безсмертія; при содѣйствіи его и посвященіи меня Богу, я вознесъ главу свою до небесъ!» Подобную надпись немыслимо найти въ православной церкви, столь далекой отъ любви католицизма къ помпѣ и эффекту.

Законченный постройкою храмъ быстро сдѣлался однимъ изъ самыхъ популярнѣйшихъ среди мѣстнаго котоличества. Легенда о великомъ грѣхѣ, послужившемъ стимуломъ къ его созданію, невиданное доселѣ во всемъ краѣ великолѣпіе, прекрасная живопись иконъ, роскошныя окрестности монастыря и строгій чинъ монаховъ подъ суровымъ надзоромъ выписанныхъ изъ-за границы камальдуловъ, черезъ малое число лѣтъ уже превратили обитель въ любимое мѣсто пелегримажа и, наконецъ, сотворили молву о нерукотворности главнаго образа храма.

Къ сожалѣнію, воинственность и политиканство католицизма нашло среди польской націи едва ли не самый прочный историческій пріютъ. Во время возстанія 1831 года камальдулская обитель превратилась въ военный лагерь мятежниковъ, а своды и колоны храма сдѣлались складомъ всевозможнаго оружія. Строгое слѣдствіе удостовѣрило неприложными данными этотъ печальный фактъ, приговорившій къ смерти самую роскошную католическую обитель: 5 февраля 1832 г. было объявлено высочайшее повелѣніе о передачѣ монастыря въ вѣдѣніе православнаго клира. Съ этого дня начинается русская исторія обители.

II.

Нѣсколько великорусскихъ монаховъ, выписанныхъ изъ Россіи для жительства въ обители, получившей новое званіе «Пожайскаго Успенскаго монастыря», очутились сразу въ безвыходномъ положеніи. Храмъ и обширные его постройки, бывшіе въ рукахъ политикановъ-монаховъ давно не знали ремонта, обветшали, обвалились и требовали немедленно дорогихъ и капитальныхъ починокъ; денегъ не было, крѣпостная же прислуга монастыря состояла исключительно изъ римско-католиковъ. Прошло болѣе пяти лѣтъ прежде чѣмъ новый монастырь обзавелся православнымъ иконостасомъ. Исторія обители за эти пять лѣтъ составляетъ пустую страницу, на которой есть лишь одно единственное маленькое

Пожайскій Успенскій монастырь.

извѣстіе объ учрежденіи при монастырѣ школы для 12 мальчиковъ—дѣтей штатныхъ служителей монастыря. Такое безполезное прозябаніе продолжалось бы, вѣроятно, и дольше, давая лишь пищу безконечной канцелярской перепискѣ разныхъ духовныхъ властей и коллегій, еслибъ счастливая судьба не привела въ ограду окраинской обители 9 августа 1837 года самого государя императора Николая Павловича.

Царь прибылъ въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Орлова и пробылъ въ монастырѣ около трехъ четвертей часа. Онъ удивился величинѣ и великолѣпію храма, подробно разспрашивалъ казначея обители отца Анастасія объ учредителяхъ монастыря и пр. Войдя во временной алтарь, гдѣ еще не было даже престола, онъ выразилъ неудовольствіе на медленность превращенія храма въ православную церковь; затѣмъ, потребовалъ подробнаго разсказа о предполагаемыхъ передѣлкахъ внутри храма и, узнавъ изъ отвѣтовъ настоятеля, что есть намѣреніе сломать стѣнку, оставшуюся отъ временъ камальдуловъ и отдѣлявшую въ прежнее время католическій престолъ отъ такъ называемаго въ костелахъ хора и устроить въ аркѣ православный иконостасъ, государь сказалъ:

— Не забудьте жъ, чтобъ не навести противъ насъ, православныхъ, отъ католиковъ невыгодныхъ слуховъ... Оставить эту мраморную стѣнку на своемъ мѣстѣ и въ ней помѣстить новый иконостасъ [1]).

Осмотрѣвъ затѣмъ всѣ зданія монастыря, царь Николай далъ обители на прощанье слѣдующее характерное наставленіе, которое вполнѣ достойно занесенія въ лѣтопись и можетъ быть повторено безъ малѣйшаго анахронизма даже въ наши дни:

— Помните ваше званіе, для котораго вы сюда вызваны,—провозгласилъ государь, обращаясь къ монахамъ,—вы находитесь теперь между иновѣрцами; старайтесь о ихъ обращеніи и просвѣщеніи къ познанію истинной религіи; поддерживайте все въ порядкѣ и чистотѣ, дабы не дать поводъ иновѣрнымъ къ осмѣиванью и укоризнамъ нашей православной вѣры, а я дамъ приказаніе доставить къ вамъ все потребное на устройство церкви и монастыря...

Въ 3 часа пополудни царь покинулъ монастырь, но не забылъ о немъ. 23 сентября того же 1837 года, Пожайская обитель получила указъ Полоцкой духовной консисторіи—къ вѣдомству которой тогда она принадлежала—подтверждающій еще разъ наставленіе государя.—«Объявить монашествующимъ Пожайскаго монастыря,—пишетъ указъ,—Высочайшее наставленіе относительно ихъ поведенія къ непремѣнному навсегда руководству и наблюденію строго и неослабно смотрѣть за точнымъ исполненіемъ онаго и еже-

[1]) Слова государя приводятся мною, конечно, буквально такъ, какъ они записаны въ монастырскихъ рукописныхъ актахъ.

мѣсячно доносить архіепископу Полоцкому о состояніи монастыря и поведеніи живущихъ въ ономъ безъ всякаго упущенія и потворства и съ подробнымъ изложеніемъ того, что въ теченіе мѣсяца будетъ замѣчено».

Въ 1842 году новое начальство обители—Литовская духовная консисторія, въ своемъ указѣ отъ 9 марта еще разъ удостовѣряетъ, что государь помнитъ посѣщенную имъ окраинскую обитель. «...По поводу предстоящаго обезпеченія штатами монастырей по западнымъ епархіямъ,—говоритъ названный указъ,—Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобъ прежде введенія новыхъ штатовъ сдѣлано было должное распоряженіе объ оставленіи въ монастыряхъ Западныхъ епархій монаховъ отличнаго поведенія и достаточнаго образованія съ переводомъ менѣе надежныхъ по поведенію въ великороссійскіе монастыри и съ назначеніемъ на ихъ мѣста въ случаѣ нужды другихъ лицъ изъ россійскихъ епархій».

Не забылъ государь Пожайскаго монастыря и деньгами. Въ 1838 году было отпущено изъ казны на перестройку обители 122 тысячи ассигнаціями, въ 1840 — еще 35 тысячъ, въ 1841 — вновь 37 тысячъ и т. д. Наконецъ, въ 1842 году окраинскій монастырь объявленъ первокласнымъ съ ежегоднымъ содержаніемъ отъ казны въ 3,115 р. сер.

Такимъ образомъ, все было сдѣлано для созданія на этой инородческой окраинѣ прочной основы православія. Деньги даны въ волю, канцеляріи и уста самого царя съ полной точностью и опредѣленностью начертили программу дѣлъ и задачъ вновь созданной обители.

Оправдала ли она эти заботы государя и его надежды? Есть полное основаніе усомниться въ добромъ отвѣтѣ на такой вопросъ. Уже въ 1847 году, въ дни вторичнаго проѣзда покойнаго императора Николая черезъ Ковну, обнаружился весьма странный фактъ. Крѣпостные православнаго монастыря — въ большинствѣ если не исключительно католики—подали на высочайшее имя жалобу, обвиняя монастырь въ изнуреніи ихъ непосильными трудами на братію. Слѣдствіе было поручено св. Сvноду и оказалось между прочимъ, что православный монастырь обязывалъ своихъ крѣпостныхъ подъ страхомъ жестокаго наказанія акуратно посѣщать въ воскресные и праздничные дни римско-католическіе костелы... До 1860 года Пожайскій монастырь былъ собственникомъ пивного завода... Далѣе, воспользовавшись льготами, дарованными въ прошлые дни уніатскимъ монастырямъ, Пожайская обитель до сей поры употребляетъ мясную пищу, доставляемую по контракту имѣющимися быть просвѣщенными иновѣрцами; нѣтъ въ монастырѣ и запрета на куреніе папиросъ и сигаръ; монашествующая братія лишь во время моленія въ церкви носитъ свой уставный костюмъ и, подчиняясь требованіямъ инородческой моды края, не смѣетъ

выходить за ограду своей обители въ клобукѣ или мантіи, замѣняя ихъ ряской и круглой шапочкой. Наконецъ, и по личному составу обитель далеко удалилась отъ предначертаній умнаго царя, ибо изъ 12 монаховъ ея лишь трое находятся въ бодромъ возростѣ, прочіе же суть старцы, доживающіе на покоѣ свой вѣкъ и неспособные на какую-либо дѣятельность. Эти трое въ свою очередь поглощены хозяйствомъ обители, такъ какъ одинъ изъ нихъ—намѣстникъ, другой исполняетъ многосложныя обязанности эконома, третій ризничаго. Въ этомъ личномъ составѣ, наконецъ, есть лишь одно лицо—бывшій настоятель-архимандритъ упраздненнаго второго окраискаго Березвечскаго монастыря, — который получилъ среднее образованіе (въ корпусѣ). Нынѣ сей мужъ едва ли не самый старѣйшій изъ всей престарѣлой братіи. Словомъ, ни въ уставѣ, ни въ людяхъ обители, нѣтъ и признаковъ стремленія выполнить хотя бы малую долю изъ великой предначертанной царемъ программы во имя интересовъ всего отечества и несчастливаго иновѣрчества края.

Смѣю думать, что такой печальный результатъ добрыхъ намѣреній обязанъ своимъ происхожденіемъ наиболѣе законодательной ошибкѣ. Въ 1843 году былъ учрежденъ ковенскій викаріатъ и Пожайскій монастырь сдѣлался его собственностью. Извѣстна печальная участь такихъ монастырей: они служатъ подспорьемъ для скромнаго жалованья викарнаго епископа и считаются просто болѣе или менѣе доходной статьей и дачей его; притомъ, должность епископа-викарія лишь временная, какъ переходная ступень къ архіепископской каѳедрѣ, а потому викарныя обители терпятъ обыкновенно все горе имѣній часто мѣняющихъ своего хозяина.

Пожайскій монастырь былъ бы не бѣдной обителью, еслибъ львиная доля его доходовъ не поступала по обычаю на расходы епископа и его подворья. У монастыря, кромѣ вышеупомянутаго денежнаго содержанія отъ казны, есть около 500 десятинъ земли въ ковенской и виленской губерніяхъ, есть девять рыбныхъ озеръ и т. д. Наконецъ, ежегодный іюльскій праздникъ въ день Успенія Пресвятой Богородицы собираетъ въ окрестностяхъ обители тысячи богомольцевъ римско-католиковъ и православныхъ, одинаково чтущихъ святость образа Божьей Матери; тутъ устраивается временная ярмарка, весь лѣсъ наполняется прибывшими возами богомольцевъ, дающихъ обители въ общей суммѣ не малую лепту. Далѣе монастырь имѣетъ своихъ коней, рабочія и земледѣльческія орудія, а среди рабочихъ нерѣдко и даровыхъ—изъ крестьянъ, присланныхъ духовнымъ судомъ на епитимью или покаяніе. Словомъ, у монастыря есть досточныя средства и для жизни, и для доброй дѣятельности на пользу духовнаго просвѣщенія окрестнаго иноплеменничества. Но обитель, поставленная закономъ въ тяжелыя условія викарнаго доходнаго имѣнія, нынѣ не въ силахъ тво-

рить пользу и даже принуждена къ дѣятельности скорѣе отрицательнаго свойства. Такъ, стоя исключительно на почвѣ выгодъ и доходовъ отъ своихъ угодій, монастырь не можетъ не сдавать свои земли евреямъ, принужденъ имѣть рабочихъ по ремонту евреевъ, не смѣетъ брать другихъ поставщиковъ и подрядчиковъ, кромѣ евреевъ и пр. Мало того, даже монастырскія зданія внутри самой ограды православной обители во имя тѣхъ же преобладающихъ меркантильныхъ потребностей, сдаются нынѣ ежегодно какъ дачи иновѣрцамъ и иноплеменникамъ...

При монастырѣ нѣтъ теперь и школы. Она закрыта въ 1887 году и флигель обители, гдѣ помѣщалась школа, нынѣ отдѣлывается какъ новое дачное помѣщеніе для ковенской буржуазіи. Между тѣмъ у монастырской школы была уже исторія цѣлаго полустолѣтія. Еще въ 1837 году документы монастырскаго архива упоминаютъ о школѣ для дѣтей монастырскихъ служителей; въ 1845 г. при монастырѣ было учрежденно и народное училище, при чемъ школа имѣла двойной характеръ: особый учитель обучалъ дѣтей изъ архіерейскаго хора, а другой наставникъ велъ собственно училище. Первый отдѣлъ былъ закрытъ въ 1860 г., когда архіерейскихъ пѣвчихъ стали набирать изъ вольныхъ людей; но школа народная продолжала существовать, а въ 1870 г. по ходатайству самихъ крестьянъ второго мирового участка Ковенскаго уѣзда, какъ православныхъ такъ и католиковъ, при монастырѣ было открыто даже ремесленное отдѣленіе съ обученіемъ крестьянскихъ дѣтей кузнечному, столярному, слесарному и сапожному мастерствамъ. Монастырь для этой полезной школы отводилъ даромъ помѣщеніе и бралъ за деньги крестьянскихъ мальчиковъ-учениковъ на пропитаніе, крестьянское же общество обязывалось ремонтировать и отапливать помѣщеніе, кормить, поить и одѣвать учениковъ. Курсы продолжались съ 1-го сентября по 1-е мая. Эта школа просуществовала до 1873 года, когда она опять превратилась въ простую народную, закрытую окончательно, какъ было сказано выше, въ 1887 году.

Эта краткая исторія монастырскаго училища весьма краснорѣчива. Она доказываетъ не только возможность найти въ окрестностяхъ обители достаточный контингентъ учениковъ, но и другой болѣе важный фактъ для окраинскаго православнаго монастыря: учиться въ его школу шли по доброй волѣ дѣти семей римско-католическаго вѣроисповѣданія. Такія семьи идутъ и понынѣ въ Пожайскую обитель на поклоненіе ея иконѣ; для нихъ храмъ обители не чужой по преданію двухвѣковой старины, какъ не чужда исторически имъ и православная религія. А потому не приходится ли пожалѣть дважды, что русская обитель при столь исключительно благопріятныхъ условіяхъ для ея проповѣди остается мертвымъ памятникомъ несбывшихся добрыхъ пожеланій царя и отечества?

Описывая Пожайскую обитель грѣшно не упомянуть о скромномъ уголкѣ ея обширнаго двора, гдѣ подъ сѣнью густыхъ деревьевъ огражденъ чугунной рѣшеткой маленькій четыреугольникъ зеленой травки. Тутъ подъ двумя каменными плитами покоится прахъ нашего извѣстнаго композитора Львова и его супруги. Налѣво отъ входа за рѣшетку плита имѣетъ въ заголовкѣ крестъ и такую надпись: «дѣйствительный тайный совѣтникъ Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ. Композиторъ народнаго гимна «Боже Царя храни». Родился 25-го мая 1798 года; скончался 16-го декабря 1870 года». На другой совершенно одинакой плитѣ также подъ крестомъ вычеканено: «вдова дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Прасковья Агеевна Львова, рожденная Абаза; родилась 25-го января 1817 года; скончалась 28-го іюня 1883 года. Блаженіи чистіи сердцемъ яко тіи Бога узрятъ».

А. Молчановъ.

СЪѢЗДЪ АРХЕОЛОГОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

ЫНѢШНІЙ ГОДЪ особенно богатъ всякими съѣздами. Кромѣ двухъ съѣздовъ, бывшихъ въ Петербургѣ, съ 9-го по 24-е января, въ Москвѣ продолжался 3-й съѣздъ—археологическій. Само собой разумѣется, я только ради хронологической смежности поставилъ эти три съѣзда рядомъ, такъ какъ послѣдній преставляетъ для публики гораздо менѣе интереса, чѣмъ первые два, затрогивающіе два интереснѣйшихъ предмета—природу и человѣка, какъ живые организмы. Археологія же, какъ извѣстно, имѣетъ дѣло и съ природой, и съ человѣкомъ ископаемыми. Но изъ этого вовсе не выходитъ, чтобы и археологическій съѣздъ не имѣлъ своего raison d'être: какъ съѣздъ всевозможныхъ представителей науки, какъ арена для обмѣна разнообразнѣйшихъ воззрѣній, онъ несомнѣнно имѣетъ существенное значеніе, особенно если принять во вниманіе присутствіе иностранныхъ делегатовъ, публично засвидѣтельствовавшихъ свое глубокое уваженіе къ русской наукѣ и русскимъ ученымъ. Если принять въ расчетъ, что съѣздъ отличался небывалымъ наплывомъ участниковъ и массой рефератовъ, то его можно считать совершенно удавшимся. Въ самомъ дѣлѣ, на съѣздѣ присутствовало 162 депутата отъ 68 учрежденій, тогда какъ на самомъ многолюдномъ Одесскомъ было только 73 депутата отъ 32 учрежденій. Въ число членовъ съѣзда записалось много и другихъ лицъ, такъ что число всѣхъ членовъ дало почтенную цифру 380. Этими участниками было прочитано 136 рефератовъ, такъ что на каждое изъ 34 засѣданій (31 засѣданіе по отдѣленіямъ да 3 общихъ) приходилось по 4 реферата круглымъ числомъ. Бывали дни, когда только утромъ засѣдали почти одновременно 3 отдѣленія. Понятное дѣло, что число

рефератовъ позволяетъ расчитывать на солидный вкладъ въ русскую науку. И дѣйствительно, здѣсь были рефераты, особенно выдающіеся научными достоинствами, были и такіе, которые касались какого-нибудь дробнаго вопроса, для большинства мало интереснаго. Нѣтъ надобности говорить, что наибольшее число рефератовъ и общаго, и частнаго характера вызвала доисторическая археологія. Изъ такихъ рефератовъ, назовемъ сообщенія профессора Самоквасова, Анучина, Завитневича, д-ра Гремплере (изъ Бреславля), Heger'а, Стржиговскаго (доцента Вѣнскаго университета) и друг. По отдѣленію древностей географическихъ и историческихъ два сообщенія обращаютъ особенное вниманіе, такъ какъ касаются крайне интереснаго вопроса о происхожденіи Руси. Петербургскій профессоръ Д. А. Хвольсонъ сообщилъ въ засѣданіи 18 января «Объ имени Русь у арабскаго писателя IX вѣка Ибнъ-Хардодъ-бея». На основаніи свидѣтельствъ этого и другихъ писателей, референтъ пытается рѣшить вопросъ, всегда ли нашъ народъ назывался Русью или получилъ это имя отъ нормановъ, носившихъ это названіе. Если предположить, что это названіе заимствовано у норманновъ, то становится «необъяснимымъ, невозможнымъ и невѣроятнымъ», чтобы въ короткое время могло распространиться это названіе по многочисленнымъ племенамъ, разбросаннымъ по нашему отечеству и сдѣлаться извѣстнымъ въ Багдадѣ. Этимъ рефератомъ наносится несомнѣнный ударъ теоріи норманизма. Другой рефератъ по тому же вопросу принадлежалъ въ томъ же засѣданіи варшавскому профессору П. С. Будиловичу и вызвалъ цѣлую бурю аплодисментовъ. Слово Русь одни изслѣдователи считаютъ славянскимъ, другіе заимствованнымъ у другихъ народовъ. На основаніи лингвистическихъ данныхъ и пріемовъ, реферантъ усматриваетъ здѣсь двойственность корневой вокализаціи: Русь и Россія, и Россъ. Эта двойственность корня замѣчается и въ другихъ языкахъ, напримѣръ въ нѣмецкомъ: Russland и Reussen; въ лѣтописи замѣчается та же двойственность. Но эта двойственность не встрѣчается въ другихъ подобныхъ славянскихъ языкахъ: чехъ, ляхъ, сербъ и т. д. Все это наводитъ на предположеніе о заимствованномъ характерѣ «страннаго» слова. Указывая на различные памятники, референтъ отмѣтилъ различіе значеній этого слова. У Нестора, напримѣръ, оно то означаетъ всю русскую землю, то—среднее Приднѣпровье, то—славянъ, то—какую-то заморскую династію, дружину.

При такихъ условіяхъ трудно, какъ это дѣлается, производить это слово отъ слав. роса (рось) или отъ русло (русь), такъ какъ и въ строеніи и въ значеніи слова чувствуется иноязычный элементъ. Въ какомъ же народѣ могло возникнуть это слово? Ни въ шведскомъ, ни въ финскомъ, ни въ южныхъ народахъ, такъ какъ, хотя у послѣднихъ и было племя роксолане, но оно не могло бы дать имени днѣпровской руси, а ее и должно имѣть въ

виду при разъясненіи слова. Переходя затѣмъ къ варяжской теоріи, г. Будиловичъ видѣлъ ея слабыя стороны въ слѣдующемъ: 1) среди шведскихъ варяговъ, шедшихъ на востокъ, не было племени Русь, 2) время броженія варяговъ по русской землѣ относится не къ VIII или IX вѣку, а къ X, т. е. къ періоду позднѣйшему появленія у насъ слова Русь, 3) варяги были дружинники и купцы, а не народъ и не могли оставить у насъ глубокаго слѣда. Но несомнѣнно въ древнерусскомъ языкѣ замѣтны слѣды германскаго наслоенія. Референтъ относитъ это наслоеніе къ готамъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) ни одинъ германскій народъ не жилъ въ Россіи въ эпоху болѣе и менѣе близкую къ основанію нашего государства, 2) готы жили у насъ такъ долго, что могли оставить замѣтный слѣдъ въ нашемъ языкѣ и учрежденіяхъ. Къ готскому вліянію въ языкѣ относятся слова: князь, витязь, мзда, шлемъ и др. Азъ, глаголь, иже, ерь—слова готскія. Готское названіе онъ видитъ и въ имени р. Бугъ. Русь соотвѣтствуетъ готскому Hrôtis, hrôs, гдѣ *ô* произносится, какъ русское *о* и *у* и въ словѣ слышны два корня *рос* и *рус*, отъ чего легко образовались формы *русь* и *рось*. Въ готскомъ мірѣ существовало даже подходящее названіе племени въ формѣ *Hrôdh*. Такое же названіе встрѣчается и у греческихъ писателей III и IV вв. Въ древней Руси была цѣлая область Готландія, совпадавшая приблизительно съ центромъ Руси—Кіевомъ. Понятно, какое первостепенное значеніе имѣетъ эта теорія проф. Будиловича, примиряющая всѣ теоріи, возникшія за срокъ полутораста лѣтъ, который насчитываетъ за собой этотъ важный вопросъ русскаго самосознанія.

И. Е. Забѣлинъ представилъ интересныя соображенія «О древнѣйшемъ поселеніи Москвы», имѣвшія цѣлью разъяснить причины, заставившія русскихъ выбрать мѣстность для Москвы именно въ теперешнемъ ея пунктѣ. Нѣкоторыя раскопки и находки заставляютъ предполагать, что въ мѣстностяхъ Москвы были поселки. Такъ на мѣстѣ храма Спасителя, очевидно, былъ одинъ изъ такихъ поселковъ, такъ какъ здѣсь найдены непонятныя древнѣйшія вещи. Москва являлась центромъ пересѣченія двухъ важныхъ дорогъ (съ юга къ сѣверу и съ запада къ востоку), и на ея мѣстѣ былъ такъ называемый «перевалъ». Мѣсто, занятое теперь Воспитательнымъ Домомъ, называлось «пристанище», т. е. станція. Ясно, что вотчина князя Юрія, находясь въ такомъ важномъ мѣстѣ, не могла не разростись въ обширное государство.

Интересъ представляло сообщеніе А. А. Гвоздева-Голомбіевскаго, указавшаго совершенно нетронутую область для историческаго изученія XVI, XVII, XVIII и XIX вѣковъ со стороны общественной жизни. Это документы, поступившіе въ архивъ министерства юстиціи, въ числѣ 10,516 книгъ и 168,119 дѣлъ. Къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ не приведенъ въ порядокъ и пользованіе имъ предста-

вляетъ не мало затрудненій. Не менѣе интересны данныя, приведенныя А. Ѳ. Селивановымъ о дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Такихъ комиссій въ настоящее время 11, и рязанская, напр., въ 1888 г. разсмотрѣла 26,780 дѣлъ. Кромѣ того, при всѣхъ почти комиссіяхъ существуютъ музеи. Эти факты говорятъ ясно объ увеличивающемся движеніи къ изученію родной старины.

Не маловажный интересъ для русской науки представляло сообщеніе В. Н. Сторожева въ отдѣленіи русскаго быта домашняго и общественнаго: «Десятни, какъ источникъ для изученія русскаго провинціальнаго дворянства въ XVI—XVII вѣкахъ». Этотъ рефератъ указывалъ значеніе для юридической науки «десятенъ», т. е описаній уѣздныхъ служилыхъ людей, имѣвшихъ не только финансово-стратегическія цѣли, но и значеніе юридическаго доказательства права владѣть населеннымъ помѣстьемъ. Особенно примѣнима роль десятни, какъ источника для изученія боевого строя московскаго дворянства. Десятня даетъ массу мелкихъ подробностей, сгруппировавъ которыя можно нарисовать общую картину провинціальнаго дворянства съ внѣшной стороны.

Въ томъ же отдѣленіи значительнымъ интересомъ отличалось сообщеніе Д. И. Прозоровскаго «О славяно-русскомъ до-христіанскомъ счисленіи времени». О русскомъ языческомъ времяисчисленіи не появлялось крупныхъ изслѣдованій, хотя этотъ предметъ крайне интересенъ. Подобное состояніе литературы предмета обусловливается скудостью памятниковъ, которую могутъ пополнить лишь свѣдѣнія, разсѣянныя по письменнымъ памятникамъ Кирилло-Меѳодіевскихъ изводовъ, а также данныя въ лѣтописяхъ, гдѣ также находятся довольно замѣтные слѣды древняго времяисчисленія, которое состояло изъ вѣковъ, годовъ, временъ, мѣсяцевъ, недѣль, дней и часовъ. Что русско-славянское лѣтоисчисленіе существовало самостоятельно, видно изъ того, что въ нашихъ древнихъ рукописяхъ сохранились названія, доселѣ употребляемыя южными и западными славянамя; названія дней у насъ настолько своеобразны, что нѣтъ нужды признавать ихъ за заимствованныя. Кромѣ того, изъ языческаго времени дошелъ рядъ названій, противныхъ христіанству, но укоренившихся въ бытѣ народномъ: святки, масляница, радуница и др. Эти термины указываютъ на обычаи, которыми распредѣлялось время года, измѣнившіе теперь свой религіозный характеръ на увеселительный.

Особеннымъ богатствомъ рефератовъ отличалось отдѣленіе памятниковъ русскаго языка и письма. Выдающееся мѣсто среди нихъ принадлежитъ живому, остроумному и строгонаучному сообщенію московскаго профессора А. С. Павлова: «Къ вопросу о подлинности церковнаго устава св. Владиміра». Насаждая въ своемъ отечествѣ христіанство, князь Владиміръ долженъ былъ по-

заботиться и объ устройствѣ новаго порядка жизни подданныхъ. Съ этой цѣлью имъ изданъ былъ «Церковный уставъ», заключавшій въ себѣ уложеніе о «десятинѣ» въ пользу духовенства, о церковномъ судѣ по дѣламъ брачнымъ, волшебнымъ и т. д. Референтъ, указавъ на ошибку изслѣдователей, оспаривающихъ принадлежность «Устава» св. Владиміру, приводитъ доказательства глубокой древности этого памятника. Однимъ изъ предметовъ церковнаго суда является «смильное застàванье», брачный сговоръ съ удержаніемъ неустойки. Этотъ терминъ въ позднѣйшихъ памятникахъ не употребляется, такъ какъ не соотвѣтствуетъ измѣнившемуся порядку вещей. То же должно сказать и о терминахъ «пошибаніе», «умычка», изъ коихъ послѣднее хотя стоитъ рядомъ, но вставлено позднѣе, какъ объясненіе перваго, а первое означаетъ преступныя дѣйствія противъ лицъ женскаго пола. Въ числѣ преступленій «Уставъ» Владиміра преслѣдуетъ, между прочимъ, «зубоѣжу», очевидно не простой укусъ зубами, а укусъ лихого человѣка съ цѣлью нанести «порчу» при посредствѣ колдовства. Всѣ постановленія «Церковнаго устава»,—заключилъ референтъ,—должны быть приписаны св. Владиміру, хотя и были кодифицированы позднѣе. Нѣсколько рефератовъ по отдѣльнымъ вопросамъ прочелъ одесскій профессоръ, А. И. Кирпичниковъ, изъ которыхъ наибольшій интересъ представляетъ сообщеніе: «Особый видъ творчества въ древнерусской литературѣ». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ референтъ занимался источниками духовныхъ стиховъ. Дойдя до трехъ варіантовъ стиха о Дмитріи Солунскомъ, референтъ обратился къ Минеямъ Дмитрія Ростовскаго и Макарія. Оказалось, что этотъ стихъ представляетъ пересказъ трехъ чудесъ великомученика, слитыхъ довольно искусно въ одно цѣлое. Этотъ стихъ весьма распространенъ въ народѣ, поющемъ его въ губерніяхъ Пермской, Новгородской, Смоленской и Симбирской. Четьи-Минеи Макарія дали тонъ этому стиху, подчинившись въ свою очередь народному сказанію о чудесахъ великомученика. На основаніи многихъ данныхъ, профессоръ высказалъ убѣжденіе въ томъ, что въ русской литературѣ есть еще много продуктовъ самостоятельнаго творчества. «Эти поэмы, можетъ быть, не отличаются особымъ богатствомъ содержанія и глубиной идеи, но въ нихъ слышится здоровое чувство, сильная вѣра здороваго и сильнаго народа, которому суждено было перенести на своихъ плечахъ цѣлый рядъ всесокрушительныхъ бѣдствій, не утративъ ни энергіи чувства, ни вѣры въ добро. А главное, это наше собственное, а кому свое не дорого?» закончилъ А. И. Кирпичниковъ свое сообщеніе.

Очевидно наше «собственное», «свое» начинаетъ интересовать русскихъ ученыхъ, которые по тому же отдѣленію предсталили рядъ иногда мелкихъ, детальныхъ изслѣдованій, но всегда показывающихъ связь ихъ съ родной литературой, интересъ къ ея

историческимъ судьбамъ. Таковъ, напр., рефератъ московскаго проф. М. И. Соколова: «Новый матеріалъ для изученія редакцій житія св. Авраамія Ростовскаго» и другія работы, изъ которыхъ мы остановимъ вниманіе читателей на интересномъ сообщеніи г. Михайлова: «О физіологѣ въ древнерусской литературѣ», тѣмъ болѣе, что физіологъ не имѣлъ до сихъ поръ своихъ изслѣдователей, и на рефератѣ А. Д. Корнѣева.

Физіологъ-сборникъ естественно иторическихъ статей, подобранныхъ съ нравоучительною цѣлью. Каждая распадается на двѣ части. Въ одной указывается свойство какого-нибудь животнаго, въ другой проводится аналогія, паралелль между этимъ свойствомъ и жизнью человѣка. Этотъ памятникъ до XV вѣка былъ почти неизвѣстенъ нашимъ предкамъ. Вмѣсто него ходили какіе-то физіологическіе разсказы, получившіе особую популярность въ русскомъ обществѣ, хотя и физіологъ имѣлъ извѣстную роль въ XVI вѣкѣ.

Въ тѣсной связи съ этимъ рефератомъ стоялъ рефератъ А. Д. Корнѣева, указавшаго: «Отзвуки физіолога въ живой рѣчи». Памятникъ этотъ, оказывается, такъ популяренъ, что физіологическія сказанія любили утилизировать Данте, Сервантесъ и Шекспиръ; Цицеронъ въ своихъ рѣчахъ ссылался на сказанія, вошедшія въ физіологъ, а Леонардо да Винчи обработалъ одну физіологическую сагу. Физіологъ повліялъ и на духовную литературу, проникъ въ церковную проповѣдь, обусловилъ стиль и укладъ средневѣковой архитектуры и живописи, далъ извѣстный оттѣнокъ, тонъ рукописнымъ заставкамъ. Живая рѣчь находитъ объясненіе многимъ своимъ оборотамъ только въ физіологѣ. У французовъ есть поговорка: Plus froid que la Salamandre и объясняется свойствомъ саламандры погашать пламя. Многія пословицы представляютъ переработку въ сжатой формѣ физіологическихъ сагъ. Такъ, напримѣръ, сказаніе объ ехиднѣ, прогрызающей утробу матери, дало возможность называть злыхъ людей «ехидными».

Уже изъ приведенныхъ рефератовъ видно, что представители отечественной науки работаютъ весьма усердно и добросовѣстно, каждый въ своей облюбованной области. И хотя съѣзду не представлено какихъ-либо цѣнныхъ научныхъ вкладовъ, но все-таки совокупными усиліями ученыхъ дѣло изученія нашего прошлаго значительно подвигается впередъ за послѣднее время. И если теперь западные ученые читаютъ у насъ рефераты (баронъ Де-Бэ) о значеніи русскихъ древностей для археологіи Западной Европы, если они указываютъ на Россію, какъ на колыбель, скрывавшую въ своихъ нѣдрахъ народы, заселившіе Европу,—это значитъ, что русская наука освѣтила родной край, привлекла къ нему и постороннихъ изслѣдователей.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что по иниціативѣ Б. П. Мансурова съѣздъ постановилъ ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія объ учрежденіи археологическаго института въ Константинополѣ, а также объ открытіи такого же института въ Римѣ съ отдѣленіемъ въ Аѳинахъ, согласно докладу проф. В. И. Модестова. Очевидно, археологіи въ лицѣ ея русскихъ представителей является возможность еще болѣе расширить свою полезную дѣятельность.

Надо замѣтить, что во все время съѣзда вниманію желающихъ были предоставлены двѣ выставки—одна археологическая въ историческомъ музеѣ, другая въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, имѣющая предметомъ коллекцію любопытныхъ документовъ по сношенію съ другими державами. Къ сожалѣнію, мы не можемъ войти въ подробности по описанію тѣхъ и другихъ коллекцій, несмотря на то, что здѣсь попадаются и настоящіе шедёвры и уники.

Заканчивая нашъ бѣглый обзоръ VIII археологическаго съѣзда въ Москвѣ, не можемъ не повторить словъ директора архива министерства иностранныхъ дѣлъ, Ѳ. А. Бюлера, сказанныхъ имъ на послѣднемъ засѣданіи съѣзда. «Живѣйшее желаніе мое заключается въ томъ, чтобы подвижники археографіи и археологіи продолжали отыскивать акты и вещественные памятники, которые бы пролили новый свѣтъ на наше достославное прошедшее, чѣмъ бы развивались все болѣе и болѣе русское самосознаніе и самопознаніе».

С. П. Т—въ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Геннадій Карповъ. «Въ защиту Богдана Хмельницкаго». Москва. 1890.

ОВЫЙ трудъ г. Карпова представляетъ «историко-критическія объясненія» по поводу сочиненія П. А. Кулиша— «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши», помѣщеннаго въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» и особенно тенденціознаго по отношенію къ личности Богдана Хмельницкаго. Книжка «Въ защиту Богдана Хмельницкаго» должна быть разсматриваема въ связи со всею дѣятельностію г. Карпова, какъ историка Малороссіи. Это новый шагъ въ борьбѣ двухъ историческихъ школъ по вопросу о присоединеніи Малороссіи къ Великой Россіи. Какъ извѣстно въ мнѣніяхъ по этому вопросу историки Московской школы (къ нимъ принадлежитъ и г. Карповъ) радикально расходятся съ такъ называемыми историками-украйнофилами. Тамъ, гдѣ великоруссы видятъ подданство, малоруссы предполагаютъ соединеніе по договору. Г. Карповъ высказывается съ обычной своей прямотою. По его мнѣнію, нѣкоторые украйнофилы, сознавъ, что при наличности существующихъ источниковъ, соединеніе по договору не можетъ быть доказано, обратились въ другую сторону и теперь стремятся доказать, что тотъ, кто допустилъ подданство Малороссіи,—коварный разбойникъ, измѣнникъ и предатель по натурѣ, измѣнникъ не только малороссійскому дѣлу, но и самому Московскому правительству. П. А. Кулишъ въ своемъ новомъ, обширнѣйшемъ изслѣдованіи дѣйствительно всецѣло отрицаетъ самую возможность Переяславскаго «договора» и чтенія «условій» («какъ говорятъ казакоманы») «на которыхъ Украйна соединилась съ Московіею» (см. т. III, стр. 403—409) и въ то же время съ необыкновен-

ной желчностью чернить Богдана Хмельницкаго. Въ книгѣ г. Карпова двѣ страницы заняты перечисленіемъ разнаго рода ругательныхъ терминовъ, которыми Кулишъ снабдилъ упоминанія Хмельницкаго.

«Объясненія» г. Карпова направлены не только противъ Кулиша, но и противъ Н. И. Костомарова, какъ издателя актовъ и автора статьи: «Богданъ Хмельницкій, данникъ Оттоманской Порты» [1]), въ которой по документамъ коронной метрики сношенія знаменитаго гетмана съ Турціей рѣзко подчеркнуты и едва ли не впервые истолкованы въ смыслѣ прямой измѣны московскому государю. Жаль, что г. Карповъ параллельно съ разборомъ статьи Н. И. Костомарова не разсмотрѣлъ и воззрѣній г. Буцинскаго, диссертація котораго «о Богданѣ Хмельницкомъ» (Харьковъ. 1882 г.) [2]) представляетъ развитіе мысли, высказанной Костомаровымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что убѣжденіе украйнофиловъ въ присоединеніи Малороссіи посредствомъ договора съ чтеніемъ условій на Переяславской радѣ далеко не совсѣмъ еще поколеблено. Не далѣе какъ въ сентябрьской книжкѣ журнала «Кіевская Старина», за 1889 годъ, г. Ив. Н. писалъ: «Очевидно, что въ тотъ моментъ, когда южно-русскій народъ, одержавъ рѣшительный успѣхъ (въ борьбѣ съ Польшей), обратился къ протекторату Москвы, не договариваться съ нимъ она не могла». Мнѣніе Кулиша является въ средѣ историковъ-украйнофиловъ скорѣе исключеніемъ, но во всякомъ случаѣ цѣль, смыслъ и степень справедливости литературнаго похода противъ Богдана Хмельницкаго заслуживаютъ полнаго вниманія. Защита Богдана, сдѣланная г. Карповымъ, довольно убѣдительна, довольно сильна, мы только должны помнить, что авторъ является представителемъ одной изъ воюющихъ сторонъ. Вопросъ о соединеніи Малороссіи съ Великой Россіей и оцѣнка малорусскихъ дѣятелей этого времени—еще ждетъ безпристрастнаго и совершенно хладнокровнаго изслѣдователя. Однако есть нѣчто, что въ нашихъ глазахъ является весьма убѣдительнымъ указаніемъ того, на чьей сторонѣ въ настоящемъ спорѣ историческая правда. Это нѣчто—исторія всей дѣятельности г. Карпова на поприщѣ исторической литературы. Въ 1870 году г. Карповъ выступилъ съ книгой: «Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до исторіи Малороссіи относящихся» (Москва. 8°) съ энергичными нападками на мнѣнія украйнофиловъ и дѣятельность Н. И. Костомарова по изданію актовъ. Сущность нападенія г. Карпова читатель можетъ найти въ главахъ VIII и IX разбираемой книжки. Н. И. Костомаровъ возражалъ статьей: «Отвѣтъ г. Карпову» («Бесѣда», годъ 1871,

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», за 1878 годъ, № 12.

[2]) О пристрастно-враждебномъ отношеніи П. Н. Буцинскаго къ Богдану Хмельницкому, см. въ рецензіи В. Антоновича («Кіевская Старина», 1883 годъ, № 2, стр. 417—428). Эта рецензія, написанная вполнѣ научно, даетъ возможность отмѣтить пристрастность рецензій Н. И. Костомарова («Южный Край», за 1882 годъ, № 693, отъ 28 декабря) и г. Мих. Н—евичъ'а («Историческій Вѣстникъ», за 1883 годъ, № 5, стр. 465—469), слова котораго относительно «бронзовой хвалы» Богдану Хмельницкому, составленной художникомъ Микѣшинымъ, вполнѣ подтверждаютъ соображенія г. Карпова, высказанныя имъ по поводу памятника Хмельницкому въ разбираемой нами книжкѣ. Тонъ анонимной статьи «Обличитель Богдана Хмельницкаго» («Недѣля», за 1882 годъ № 51) не позволяетъ считать ее рецензіей. Такія статьи необходимо подписывать, иначе онѣ смахиваютъ на пасквиль.

№ 1, стр. 1—9 и отд. оттискъ); г. Карповъ вновь выставилъ свои обвиненія въ брошюрѣ: «г. Костомаровъ, какъ историкъ Малороссіи» (Москва, 1871. 8°). Новый отвѣтъ Н. И. Костомарова напечатанъ въ газетѣ «Голосъ», въ № 130, отъ 12 мая 1871 года [1]). Прочтеніе этой полемики не даетъ ничего въ пользу Н. И. Костомарова. Съ одной стороны факты, можетъ быть, нѣсколько рѣзко выраженные, но факты несомнѣнные, съ другой—фразы, умолчаніе о важнѣйшемъ и подчеркиваніе своего презрительнаго отношенія къ противнику. Такъ не пишутъ люди, которые могутъ фактами опровергнуть доводы противной стороны, у которыхъ совсѣмъ твердая почва подъ ногами. Наиболѣе сильныя обвиненія г. Карпова, какъ напримѣръ, пропускъ Н. И. Костомаровымъ и П. А. Кулишемъ въ редактированномъ ими III томѣ Актовъ Южной и Западной Россіи (Спб. 1861. 4°) документовъ за 1654 и 1655 годы (т. е. какъ разъ за время присоединенія Малороссіи къ Московскому государству, см. тома стр. 507—508) остался, да и теперь остается совершенно невыясненнымъ и страннымъ тѣмъ болѣе, что документы за эти годы, какъ указываетъ въ послѣдней книжкѣ г. Карповъ выписками изъ протоколовъ Археографической Комиссіи, несомнѣнно были присланы въ Комиссію изъ Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, а слѣдовательно находились и въ рукахъ редакторовъ III-го тома актовъ. Въ 1873 году г. Карповъ напечаталъ изслѣдованіе: «Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго» (Москва. 8°), которое незаслуженно было замолчано; рецензій оно, какъ кажется, не вызвало, а послѣдующіе историки его игнорируютъ: г. Буцинскій въ своей книгѣ ссылается на г. Карпова возможно кратко на стр. 49, а г. Кулишъ совершенно не знаетъ этого труда своего литературнаго противника.

Дѣятельность Н. И. Костомарова и цѣлый рядъ его историческихъ воззрѣній ждутъ еще безпристрастной оцѣнки, когда разсѣется обаяніе отъ великаго художественнаго таланта этого въ высшей степени нервнаго, впечатлительнаго и страшно увлекавшагося историка. Погодинъ, Забѣлинъ, Ланге, Карповъ и др. писали противъ Костомарова еще при жизни послѣдняго, но ихъ не слушали, блескъ таланта ослѣплялъ читающую публику, а самъ Костомаровъ наивно не сознавалъ своей крайней тенденціозности (см., напримѣръ, «Вѣстникъ Европы», за 1876 годъ, № 9, стр. 339). Даже въ спорѣ за свою теорію о происхожденіи Руси изъ Литвы Костомаровъ вышелъ, повидимому, побѣдителемъ [2])!

И въ настоящемъ случаѣ авторитетъ Костомарова заглушилъ голосъ г. Карпова. Теперь настало время вновь разобраться въ важномъ вопросѣ о дѣятельности Богдана Хмельницкаго. Пропущенные Н. И. Костомаровымъ и П. А. Кулишемъ документы 1654 года напечатаны г. Карповымъ въ X томѣ «Актовъ относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи» (Спб. 1878. 4°) [3]), изданъ цѣлый рядъ новыхъ большихъ и малыхъ трудовъ по исто-

---

[1]) Съ насмѣшливымъ эпиграфомъ: «Зовсімъ козакъ, тільки чубъ не такъ».

[2]) Почти каждая статья Н. И. Костомарова вызывала возраженія и поправки, которыхъ накопляется все болѣе и болѣе. Знаменитый историкъ, какъ кажется, не особенно гнался за точностью при изложеніи хотя бы и важныхъ событій. Послѣднія по времени поправки см., напримѣръ, въ статьѣ В. О. Ключевскаго: «Составъ представительства на земскихъ соборахъ» («Русская Мысль», за 1890 годъ, № 1, стр. 145).

[3]) Изданія актовъ, редактированныя г. Карповымъ вызвали нѣсколько замѣ-

ріи Малороссіи въ XVII столѣтіи, существуетъ прекрасный журналъ, спеціально посвященный исторіи Южной Россіи — все даетъ, повидимому, возможность точно переизслѣдовать одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ Русской исторіи и было бы очень желательно, чтобы спеціалисты разныхъ лагерей еще разъ сломали копья по поводу новыхъ сочиненій г. Кулиша и Карпова. Отношенія Богдана Хмельницкаго къ Крыму и Турціи недавно вновь пересмотрѣны по мусульманскимъ и русскимъ источникамъ въ трудѣ В. Д. Смирнова: «Крымское Ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты до начала XVIII вѣка» (Спб. 1887). Къ сожалѣнію, и этотъ талантливый изслѣдователь игнорируетъ книгу г. Карпова (см. стр. 536—571). Мы лично далеко не безусловные поклонники г. Карпова, и напримѣръ, вполнѣ согласны съ серьезной статьей П. А. Шафранова: «О статьяхъ Богдана Хмельницкаго» («Кіевская Старина», 1889 годъ, № 11), поправляющей мнѣніе г. Карпова, ,но думаемъ, что Н. И. Костомаровъ и его поклонники забывали, что пытаться игнорировать, не значитъ еще опровергнуть. Странно видѣть, какъ Н. И. Костомаровъ пропускаетъ безъ вниманія весьма вѣскія замѣчанія г. Карпова относительно рукописной лѣтописи «Исторія о презѣльной брани», на которую въ монографіи «Богданъ Хмельницкій» сдѣлано болѣе 200 ссылокъ. Точно также г. Карповъ твердо устанавливаетъ, напримѣръ, дату смерти Богдана Хмельницкаго—во всякомъ случаѣ до 15 августа и почти несомнѣнно именно 27 іюля 1657 года (какъ пишетъ войсковой писарь Выговскій), а Н. И. Костомаровъ, несмотря ни на что, продолжалъ считать вопросъ о днѣ кончины Хмельницкаго—вопросомъ трудно разрѣшимымъ и только П. Н. Буцинскій въ 1882 году нашелъ возможнымъ приписать себѣ точное разрѣшеніе вопроса въ смыслѣ доказательства справедливости показанія Выговскаго (стр. 235—236)[1].

Книга г. Карпова «Въ защиту Богдана Хмельницкаго» начинается объясненіемъ, почему обширное изслѣдованіе г. Кулиша напечатано въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ». Крайняя тенденціозность маститаго автора «Отпаденія Малороссіи отъ Польши» покрывается его талантливостію и блестящимъ литературнымъ изложеніемъ. Этимъ качествамъ г. Кулиша, г. Карповъ отдаетъ полную справедливость на первыхъ же страницахъ объясненій, отмѣчаетъ затѣмъ перемѣны въ убѣжденіяхъ г. Кулиша и цѣлымъ рядомъ указаній характеризуетъ его симпатіи и антипатіи. Нельзя не согласиться съ г. Карповымъ, что восторженная оцѣнка гетмана Станисла́ва Жолкевскаго, какъ «незабвеннаго русича-

---

чаній. Такъ, напримѣръ, въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины», за 1889 годъ, г. Ив. Н. («Еще объ Иванѣ Поповичѣ», стр. 430) изъ-за невполнѣ выдержаннаго хронологическаго порядка документовъ въ изданіи Актовъ Южной и Западной Россіи, редактированныхъ г. Карповымъ, дѣлаетъ замѣчаніе о ненаучномъ пріемѣ изданія и въ той же книжкѣ П. А. Шафрановъ (стр. 384) благодаритъ г. Карпова за точность, съ которою онъ издалъ приказные документы, не упустивъ изъ вида мельчайшихъ помѣтокъ. Отзывы противоположные, но во всякомъ случаѣ, пора сознать, что приказныя дѣла при печатаніи нельзя разбивать въ хронологическомъ порядкѣ находящихся въ нихъ документовъ.

[1]) Въ четвертомъ изданіи монографіи «Богданъ Хмельницкій» (Спб. 1884, 8°) и Н. И. Костомаровъ выпустилъ фразу о томъ, что вопросъ о днѣ смерти Богдана Хмельницкаго есть вопросъ трудно разрѣшимый (стр. 281, ср. въ изданіи 3-емъ стр. 284).

католика» довольно странна. Жолкевскій несомнѣнно великій политическій дѣятель, но польскій, а никакъ не русскій.

Въ семи слѣдующихъ главахъ книги г. Карповъ стремится доказать, что Богданъ Хмельницкій никогда не думалъ объ измѣнѣ московскому государю и о сношеніяхъ своихъ съ Турціей постоянно самъ извѣщалъ въ Москву. Заключительная глава посвящена разсмотрѣнію обвиненій Богдана Хмельницкаго въ безвѣріи и безнравственности вообще.

Новое сочиненіе г. Карпова характеризуется обычными, присущими ему достоинствами и недостатками. Главное достоинство вѣскость содержанія, обиліе фактовъ и прямота автора, необыкновенно симпатичная по своей искренности. У г. Карпова нѣтъ ни намековъ, ни недомолвокъ, между строками нечего читать, у автора что на умѣ, то вполнѣ ужъ и на языкѣ. Къ сожалѣнію, съ этимъ послѣднимъ достоинствомъ соприкасается, можно сказать, изъ него даже вытекаетъ, невыдержанность, иногда даже излишняя рѣзкость тона, неотдѣланность выраженій, чѣмъ всегда и пользовались противники г. Карпова. Въ рядѣ сравненій и уподобленій, изъ которыхъ нѣкоторые положительно остроумны, есть и неудачные. Такъ сравненіе «Исторіи Руссовъ» съ шуточными произведеніями И. Ѳ. Горбунова «о поѣздкѣ въ Эмсъ» и «о битвѣ на Кушкѣ» могутъ быть истолкованы въ томъ смыслѣ, что Пушкинъ, якобы, по мнѣнію автора, не смогъ бы опредѣлить подложность Горбуновскихъ донесеній, тогда какъ на самомъ дѣлѣ авторъ желалъ только выразить совершенно справедливую мысль, что Пушкинъ и Гоголь если и восхищались «Исторіей Руссовъ», то исключительно какъ памятникомъ литературнымъ, а не историческимъ. А ужъ конечно знаменитое царское письмо въ Исторіи Руссовъ, въ которомъ царь Алексѣй Михайловичъ пишетъ Богдану Хмельницкому «почтительное слово» [1]) и проситъ, чтобы «гетманушка изволилъ съ нами соединиться» гораздо менѣе похоже на подлинный документъ, чѣмъ Горбуновскія пародіи.

Н. Лихачевъ.

В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Т. I. Спб. 1890 г.

До настоящаго времени, у насъ не было настоящей исторіи Екатерины Второй, хотя въ литературѣ нашей и было извѣстно нѣсколько болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ написать исторію Екатерины II и ея времени. Исключеніемъ является добросовѣстный трудъ дерптскаго профессора Брикнера, который составилъ общій очеркъ царствованія великой государыни на основаніи печатныхъ источниковъ. Но архивный, рукописный матеріалъ по царствованію императрицы Екатерины еще ожидалъ разработки русскихъ изслѣдователей... Первымъ на путь этой разработки выступилъ профессоръ и публицистъ В. А. Бильбасовъ,—и трудъ его, несомнѣнно, весьма почтенный, составляетъ въ настоящее время достояніе всего русскаго образованнаго общества.

---

[1]) «Исторія Руссовъ» (М. 1846), стр. 117: «А когда бы ты, гетманушка, изволилъ съ нами соединиться, то бы всѣ сумнительства на сторону, и мы поручили бъ Вамъ всю свою армію, такъ какъ человѣку умному и воину славному...», и въ заключеніи письма: «...и Вамъ объ томъ почтительно пишемъ».

Вышедшій нынѣ въ свѣтъ объемистый первый томъ Исторіи Екатерины II (около 650 страницъ, въ томъ числѣ до 200 страницъ приложеній) представляетъ собою только осьмую долю всего труда г. Бильбасова, такъ какъ «Исторія Екатерины II» будетъ обнимать собою восемь томовъ, при которыхъ будутъ приложены еще четыре дополнительные тома съ важнѣйшими, неизданными доселѣ, документами, письмами и прочимъ архивнымъ матеріаломъ, который неудобно будетъ помѣстить въ приложеніи къ томамъ «Исторіи».

Судя по первому тому, трудъ Г. Бильбасова обѣщаетъ быть весьма любопытнымъ и во многихъ отношеніяхъ важнымъ для изученія той эпохи, которую мы привыкли называть «вѣкомъ Екатерины», хотя, собственно говоря, авторъ, повидимому, собирается знакомить насъ съ эпохою только мимоходомъ, при удобнымъ случаѣ... Его главная задача—личная исторія Екатерины II, какъ государыни и какъ женщины; Екатеринѣ «какъ въ первомъ, такъ и въ послѣдующихъ томахъ «Исторіи» авторъ «полагаетъ предоставить первое слово, ограничиваясь только критическою провѣркою ея показаній». Не слѣдуетъ забывать, что нынѣшній первый томъ заключаетъ въ себѣ исторію Екатерины до воцаренія (1729—1762 гг.), т. е. главнымъ образомъ, исторію Екатерины какъ женщины. Въ этомъ томѣ, пожалуй, Екатеринѣ не только можно, но, до нѣкоторой степени, даже должно предоставить первое слово, хотя самъ Г. Бильбасовъ замѣчаетъ (совершенно справедливо), что она «подобно всѣмъ великимъ людямъ, хорошо умѣла употреблять перо на служеніе своимъ цѣлямъ». Несмотря на это, авторъ поддается вполнѣ тому обаянію Екатерины, которое сквозитъ въ каждой строкѣ его перваго тома. Онъ принимаетъ всюду «на вѣру» и почти не провѣряетъ показанія извѣстныхъ «Мемуаровъ» Екатерины, представляющихъ скорѣе искусно-составленный «оправдательный документъ», нежели автобіографію. Авторъ широко почерпаетъ въ «Мемуарахъ» содержаніе своей книги, заимствуя изъ нихъ и описанія событій, и характеристики лицъ, и всю ту художественно-построенную логику, которой Екатерина такъ ловко умѣетъ расположить читателя въ свою пользу и заставляетъ его признать заранѣе, что каждый шагъ ея былъ непремѣннымъ слѣдствіемъ «исторической необходимости» или такихъ условій, которыя вынуждали ее поступить именно такъ, какъ она поступала, не представляя ей никакого иного выбора или выхода... Повторяемъ: по отношенію къ первому тому, такое не вполнѣ критическое отношеніе къ «каждому слову» Екатерины еще мыслимо. Ея разсказы о дѣтствѣ, о воспитаніи, о первомъ знакомствѣ съ Россіею и русскимъ дворомъ, ея признанія о первыхъ увлеченіяхъ—все это можетъ быть допущено даже безъ строгой «критической провѣрки ея показаній». Великая женщина говоритъ о себѣ то, что́ ей хотѣлось сказать, разсказываетъ то, что́ она нашла возможнымъ разсказать — и мы съ наслажденіемъ прислушиваемся къ этой медорѣчивой исповѣди, въ которой все изложено такъ красиво и такъ правдоподобно... Но отъ послѣдующихъ томовъ «Исторіи» мы ждемъ иного отношенія къ главной героинѣ; ждемъ болѣе строгой и болѣе серьезной оцѣнки ея поступковъ, болѣе вѣрнаго освѣщенія ея словъ, которыя такъ часто не согласовались съ ея дѣяніями—ждемъ не историческаго романа, а историческаго изслѣдованія, насколько оно возможно по отношенію къ громадной массѣ матеріала, требующаго самостоятельной обработки.

«Обаяніе» Екатерины, которому поддался г. Бильбасовъ въ первомъ томѣ

«Исторіи», на столько велико, что оно связываетъ его даже и въ отзывахъ объ остальныхъ современныхъ дѣятеляхъ, и въ характеристикѣ важнѣйшихъ историческихъ лицъ. Не говоримъ уже о личности Петра III которая вся набросана авторомъ «по показаніямъ» Екатерины, и набросана довольно небрежно; мы находимъ, что и самый характеръ императрицы Елисаветы, и даже такой яркій историческій типъ, какъ канцлеръ Бестужевъ— не достаточно выяснены авторомъ, въ ихъ отношеніяхъ къ главной героинѣ его разсказа. Мастерски передавая отдѣльныя сцены придворной жизни, рукою знатока разбираясь въ мелочахъ и дрязгахъ придворныхъ интригъ и партій, ярко обрисовывая впечатлѣнія и ощущенія отдѣльныхъ лицъ, вызываемыя тѣми или другими событіями, авторъ часто упускаетъ изъ виду общую связь событій, охотно вдается въ эпизодизмъ и не даетъ возможность читателю составить себѣ общее представленіе о той картинѣ, въ которой всѣ частности такъ тщательно выписаны имъ, такъ ловко сплетены... Книга, правда, читается съ большимъ интересомъ: главы (за исключеніемъ очень немногихъ) мелькаютъ одна за другою, длинная и яркая вереница лицъ, событій, происшествій, тянется непрерывной панорамой передъ нашими глазами... Но едва только мы откладываемъ книгу въ сторону, чтобы отдать себѣ отчетъ въ прочтенномъ—соображеніе и память отказываются намъ служить: картина распадается на кусочки, на обрывочки, на частныя представленія объ отдѣльныхъ лицахъ, на отдѣльные факты, эпизоды и фразы—и очарованіе исчезаетъ...

Наиболѣе цѣльнымъ и живымъ изъ всѣхъ историческихъ лицъ, въ первомъ томѣ «Исторіи» г. Бильбасова, является безъ сомнѣнія Іоганна-Елисавета, мать Екатерины. Г. Бильбасовъ отводитъ ей въ своей книгѣ чуть ли не самое видное мѣсто, послѣ ея дочери, и знакомитъ насъ довольно подробно съ этою умною, живою, но мелочною и вѣтреною принцессой, отъ которой—увы!—Екатерина унаслѣдовала очень многіе недостатки и нѣкоторыя не совсѣмъ пріятныя стороны своего типа. И надо отдать справедливость г. Бильбасову: для уясненія личности Іоганны-Елисаветы, онъ собралъ много новыхъ данныхъ и очертилъ ея характеръ очень рельефно и ярко...

«Обаяніе», производимое на г. Бильбасова Екатериною и ея властнымъ, чарующимъ словомъ, настолько сильно, что когда онъ не ей предоставляетъ «первое слово», а начинаетъ говорить отъ себя, то его изложеніе становится блѣднымъ, вялымъ, безцвѣтнымъ; его доказательства—слабыми; его логика—неубѣдительною. Это всего яснѣе и очевиднѣе высказывается читателю въ главѣ XXII, гдѣ г. Бильбасовъ говоритъ о «самообразованіи» Екатерины, и въ главѣ XXV, въ которой онъ старается намѣтить главныя стадіи «развитія ея ума и характера». Обѣ эти главы (самыя слабыя во всей книгѣ и притомъ совершенно невѣрныя по своей логической постройкѣ) могли бы быть исключены изъ книги г. Бильбасова безъ малѣйшаго ущерба для «Исторіи» Екатерины Второй... Въ первой изъ нихъ авторъ старается приблизительно опредѣлить кругъ чтенія Екатерины, и намѣтить тотъ кругъ впечатлѣній, воззрѣній и образовъ, которые были ею изъ этого чтенія вынесены... «Чтò Екатерина могла вынести изъ этого чтенія (сочиненій Брантома)?»—спрашиваетъ г. Бильбасовъ. «Очень много для нея новаго, много невѣроятнаго, что способно было не только занять, но и увлечь. Она прочла, въ біографіи Монгомерри, что развратъ нисколько не мѣшаетъ быть великимъ полководцемъ; въ жизнеописаніи «La seconde reyne Jeanne» ей доказывали, что супружеская вѣрность не только излишня, но преступна

для (?) высокопоставленныхъ дамъ; Екатерина призадумалась, вѣроятно надъ біографіей «Madame Jeanne de France», гдѣ выставлены «des maris inhabiles et impotents». Въ цѣломъ рядѣ картинъ болѣе или менѣе соблазнительныхъ, со всевозможными подробностями, рисовалась безнаказанность преступныхъ дѣяній, оправдывался успѣхъ, не смотря на цѣну (?), которою онъ былъ достигнутъ, восхвалялись самые низкіе инстинкты, прославлялись самыя безсовѣстныя цѣли, уничтожалось всякое различіе понятій между добромъ и зломъ. Если все это «очень занимали» Екатерину [1]), то надо полагать, что занимательность происходила отъ совершенно новыхъ для нея взглядовъ, отъ соображеній вполнѣ оригинальныхъ, ей еще чуждыхъ». (Стр. 255—56).

Покончивъ съ такъ называемымъ «легкимъ» чтеніемъ Екатерины, г. Бильбасовъ такъ старается охарактеризовать ея серьезное чтеніе:

«Въ словарѣ Бэля (Bayle. Dictionnaire historique et critique») Екатерина встрѣтила много совершенно новыхъ для нея понятій, а старыя представились (?) въ совершенно новомъ освѣщеніи. Здѣсь (?) она узнала, что при перемѣнѣ вѣры даже самомъ искреннемъ (??), нѣтъ надобности ни отвергать все, чему учило старое исповѣданіе, ни принимать все, что̀ проповѣдуетъ новое; она впервые прочла новый для нея политическій догматъ о верховныхъ правахъ народа (souveraineté du peuple), рядомъ съ признаніемъ что «короли великіе бездѣльники»; бывшая цербстская принцесса увидѣла, что французскіе короли низко цѣнятъ браки съ нѣмецкими принцессами; Екатерина убѣждалась, что традиціи Цербста и обычаи Петербурга весьма условны, что какъ въ морали, такъ въ политикѣ и жизни, нѣтъ ни вѣчныхъ истинъ, ни неоспоримыхъ принциповъ». (Стр. 260).

Мы нарочно привели здѣсь эти двѣ большія выписки изъ книги г. Бильбасова, чтобы нѣсколько ознакомить читателей съ его критическими пріемами. Авторъ «Исторіи Екатерины», задавшись трудною задачею—разрѣшеніемъ вопроса о томъ, какъ образовался такой сложный женскій характеръ, какъ характеръ Екатерины, — чувствуетъ, что эта задача ему не по силамъ и, забывая критическую осторожность, пытается разрѣшить свою задачу элементарными пріемами нѣмецкой школьной педагогіи, которая вѣритъ въ то, что «добрыхъ гражданъ» и пожалуй даже «крупныхъ историческихъ дѣятелей» можно создавать по извѣстнымъ рецептамъ прописной морали, хорошихъ примѣровъ, строгой дисциплины и назидательнаго вліянія чтенія! Г. Бильбасовъ даже показываетъ видъ, будто вѣритъ въ возможность вліянія на Екатерину такого ничтожнаго автора какъ Брантомъ и даже старается убѣдить читателя, будто она могла найти въ его соблазнительныхъ разсказахъ что̀-то для нея «совершенно новое», «невѣроятное» и «вполнѣ оригинальное!». Г. Бильбасовъ забываетъ при этомъ, что онъ разсказываетъ намъ не о 15-тилѣтней нѣмецкой княжнѣ, а о 25-типятилѣтней княгинѣ, о замужней женщинѣ, которая видѣла передъ собою всю закулисную сторону русской придворной жизни Елисаветинскаго времени... А вѣдь самъ же г. Бильбасовъ рисуетъ намъ эту жизнь въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ... Неужели же разсказы Брантома или плохенькія пасторали съ ихъ слащавымъ развратомъ могли вліять на Екатерину сильнѣе, нежели вся окружавшая ее обстановка?... Но въ томъ-то и бѣда: г. Бильбасовъ ищетъ объясненія

---

[1]) Ея собственное выраженіе въ «Мемуарахъ».

новыхъ, нарождающихся чертъ въ типѣ Екатерины, не можетъ выяснить ихъ широкою, законченною, яркою картиною современныхъ нравовъ и придворной среды, а потому и предпочитаетъ ограничиться довольно поверхностнымъ обзоромъ того чтенія, которое могло будто бы вліять на Екатерину, предпочитаетъ (опять-таки основываясь на словахъ самой Екатерины) указать на такую-то книжку, какъ на источникъ такихъ-то воззрѣній — на другую, какъ на основу такихъ-то взглядовъ и мнѣній.

Намъ кажется, что г. Бильбасовъ даже и самъ чувствуетъ всю неосновательность такого метода изслѣдованія и старается исправить легковѣсные выводы XXII главы не менѣе легковѣсными доводами XXV главы. Тамъ онъ утверждалъ, что Брантомъ и Бэйль оказали на Екатерину очень сильное (и, конечно, дурное) вліяніе своими новыми, оригинальными и совершенно новыми воззрѣніями; здѣсь, въ XXV главѣ, онъ пытается увѣрить читателя, что серьезное чтеніе Екатерины совершенно изгладило дурное вліяніе предшествовавшаго чтенія, такъ какъ она читала (послѣ 1754 г.) только хорошія книги: «Лѣтописи» Тацита, сочиненія Монтескье и Вольтера... А кому же неизвѣстно, что «еще не родился человѣкъ, на котораго чтеніе твореній Тацита не произвело бы глубокаго впечатлѣнія!» (стр. 295). «Всякое чтеніе полезно», — утверждаетъ далѣе г. Бильбасовъ — (стр. 301), «но чтеніе Тацита, Монтескье, Вольтера, необходимо должно имѣть глубокое вліяніе на взгляды, сужденія, на самый образъ мыслей читателя, особенно если читателемъ является женщина. Впечатлительный умъ, воспріимчивое чувство Екатерины поддались въ полной мѣрѣ этому вліянію, что̀ она и высказала въ слѣдующемъ своемъ признаніи: «Je commençais à voir plus de choses en noir et à chercher des causes plus profondes dans les choses qui se présentaient à ma vue...» [1]).

Мы не безъ намѣренія остановились подольше на разборѣ этихъ двухъ главъ книги г. Бильбасова (наиболѣе слабыхъ и наименѣе интересныхъ по содержанію): — обѣ эти главы даютъ намъ довольно ясное понятіе о критическихъ пріемахъ автора и о его методѣ изслѣдованія, съ которою не всегда можно согласиться. Но эти главы, конечно, не уменьшаютъ достоинство остальныхъ, и нѣкоторый недостатокъ критическаго такта, высказываемый авторомъ, не отнимаетъ цѣны у той массы любопытнѣйшаго матерьяла, который такъ тщательно имъ отовсюду собранъ и такъ легко, такъ живо пересказанъ въ формѣ общедоступной и удобочитаемой. Намъ сдается даже, что, мѣстами, авторъ черезчуръ увлекается легкою формою изложенія историческаго матерьяла и придаетъ этому изложенію нѣсколько фельетонный характеръ. Такой оттѣнокъ проявляется въ особенности рѣзко на тѣхъ страницахъ книги г. Бильбасова, гдѣ онъ старается блеснуть краткостью, силой и яркимъ сопоставленіемъ противуположностей въ характеристикѣ историческихъ лицъ. Кому не бросилась напр. въ глаза та характеристика императрицы Елисаветы Петровны, которою начинается III глава книги

---

[1]) Въ какой степени произвольно распоряжается г. Бильбасовъ кругомъ чтенія Екатерины, и въ какой степени онъ поддается исключительно ея указаніямъ — это особенно очевидно изъ его отношенія къ русскимъ книгамъ, прочтеннымъ Екатериною. «Въ настоящее время» — говоритъ г. Бильбасовъ — «невозможно (?) указать, какія именно русскія книги могла достать Екатерина въ 1751—1757 гг., да и нѣтъ надобности: онѣ, очевидно, не произвели на нее большого впечатлѣнія, если она даже не называетъ ихъ заглавій» (295).

г. Бильбасова и которую можно назвать тѣмъ болѣе неумѣстною въ серьезномъ трудѣ, что при дальнѣйшемъ чтеніи книги эта хлесткая характеристика совершенно исчезаетъ изъ памяти и общій обликъ Елисаветы представляется читателю очень симпатичнымъ, а ея отношенія къ Екатеринѣ оказываются въ полномъ смыслѣ слова безукоризненными и человѣчными... Къ сожалѣнію, эта характеристика въ книгѣ г. Бильбасова—не единственная и многія страницы «Исторіи Екатерины Второй» напоминаютъ намъ по тону юношескіе труды М. И. Семевскаго по исторіи прошлаго вѣка.

Отмѣтимъ и еще одинъ—по нашему убѣжденію—существенный недостатокъ изложенія въ книгѣ г. Бильбасова. Этотъ недостатокъ—однообразная форма вопроса, которою авторъ заканчиваетъ каждую главу, а мѣстами повторяетъ даже по нѣскольку разъ въ одной и той же главѣ. Эта часто повторяющаяся форма вопроса, обрывающая плавное теченіе мысли и ничего не дополняющая и не выясняющая — очень надоѣдаетъ въ книгѣ г. Бильбасова, и мы думаемъ, что послѣдующіе томы его сочиненія значительно выиграли бы въ смыслѣ изложенія, если бы онъ совершенно исключилъ изъ своего разсказа эту неумѣстную и совершенно искусственную стилистическую прикрасу.

Въ заключеніе нашего краткаго обзора «Исторіи Екатерины Второй», приведемъ еще одну маленькую выписку изъ предисловія, въ которомъ г. Бильбасовъ говоритъ: «Великіе люди не рождаются и не подготовляются воспитаніемъ: они образуются довольно сложнымъ вліяніемъ окружающихъ обстоятельствъ, переживаемыхъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ идей,—всею тою массою трудно уловимыхъ данныхъ, которыя образуютъ характеръ, формируютъ волю, укрѣпляютъ энергію и даютъ извѣстное направленіе всей дѣятельности. Въ первомъ томѣ «Исторіи Екатерины Второй» авторъ старался указать тѣ данныя, которыя содѣйствовали Екатеринѣ стать великою. (Стр. V—VI).

Мы прочли всю книгу очень внимательно, но рѣшительно не замѣтили этихъ «стараній» автора, и даже сознаемся — если бы и замѣтили ихъ, то сочли бы излишними. Притомъ, первый томъ сочиненія г. Бильбасова излагаетъ намъ именно такой періодъ жизни Екатерины, когда она была еще мало замѣтна, когда она еще ни въ чемъ не могла выказать себя «великою» и ей приходилось дѣйствовать именно среди такихъ «данныхъ», которыя менѣе всего способны были содѣйствовать ей «стать великою» въ будущемъ. Будемъ ждать послѣдующихъ томовъ, въ которыхъ конечно «старанія» почтеннаго автора увѣнчаются лучшимъ успѣхомъ.

Послѣдующіе томы труда должны будутъ выяснить его научное значеніе и опредѣлить степень его историческаго достоинства. Не подлежитъ, однако же, никакому сомнѣнію, что г. Бильбасовъ добросовѣстно потрудился надъ собираніемъ матерьяла, что онъ многое сдѣлалъ для его обработки и оцѣнки и что если ему удастся довести «Исторію Екатерины Второй» до конца, его трудъ ляжетъ краеугольнымъ камнемъ въ основу будущихъ историческихъ трудовъ по славному, громкому и блестящему вѣку Екатерины Великой.

П. Полевой.

Списокъ историческихъ, археографическихъ и библіографическихъ сочиненій и изданій И. Ѳ. Токмакова. Москва. 1889.

Подъ такимъ названіемъ изданъ перечень трудовъ г. Токмакова, состоящаго библіотекаремъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ разныхъ статистическихъ комитетовъ и многихъ ученыхъ Обществъ, какъ это значится на обложкѣ почти каждаго его изданія. Имя г. Токмакова стало извѣстно въ облюбованномъ имъ родѣ литературы съ 1879 года и въ сравнительно короткое время этотъ неутомимый историкъ, археографъ и библіографъ изготовилъ и выпустилъ въ продажу ни болѣе ни менѣе какъ 86 своихъ ученыхъ трудовъ, да еще приготовляетъ къ печати 39 новыхъ.

Но такое обремененіе себя массой кропотливаго труда, повидимому, нисколько не смущаетъ автора и онъ на 11 стр. своего «Списка» заявляетъ публикѣ, что имъ во всякое время принимаются, за умѣренное вознагражденіе, подряды по составленію церковно-историческихъ и археологическихъ описаній монастырей, церквей, губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, посадовъ и селъ въ Россіи, различныхъ календарей, указателей, родословныхъ и проч.

Къ довершенію всего, неутомимый г. Токмаковъ предпринимаетъ нѣчто въ родѣ энциклопедическаго изданія, подъ названіемъ (стр. 15): «Московская Старина. Путеводитель по Московской губерніи и ея святынямъ, въ 60 выпускахъ 2 большихъ тома, около 1200 страницъ текста и до 300 древнихъ и современныхъ видовъ, плановъ и портретовъ».

Заинтересовавшись двумя изъ сочиненій г. Токмакова, составленными, какъ онъ увѣряетъ, «по новымъ археографическимъ и библіографическимъ даннымъ» и значащихся въ «Спискѣ»—одно подъ № 70: «Городъ Ковровъ (Владимірской губерніи) и князья Ковровы (матеріалы для исторіи города и родословія князей Ковровыхъ)», а другое—подъ № 71: «Муромъ, уѣздный городъ Владимірской губерніи, матеріалы для историко-статистическаго описанія города въ связи съ церковно-археологическимъ обзоромъ священныхъ достопамятностей этого края съ IX по XIV столѣтіе», мы поспѣшили пріобрѣсти оба эти сочиненія.

Ожидая, дѣйствительно, встрѣтить какія-нибудь новыя данныя для исторіи столь извѣстныхъ городовъ, какъ Ковровъ и Муромъ, мы принялись за чтеніе вышеназванныхъ двухъ книгъ; но съ первыхъ же страницъ намъ показалось, что мы гдѣ-то уже читали творенія г. Токмакова и притомъ какъ будто дословно. Обратившись затѣмъ за справками къ «Географическо-статистическому словарю Россійской имперіи» Семенова (Спб., 1863, т. 2), мы увидали (стр. 658), что почти весь трудъ ученаго библіотекаря Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, по составленію исторіи г. Коврова, заключался лишь въ буквальной перепискѣ «Словаря» г. Семенова. Чтобы не быть голословными, позволяемъ себѣ привести здѣсь слѣдующую выдержку:

Въ Словарѣ:	У Токмакова:
«На мѣстности нынѣшняго города издавна находилась деревня Елифановка, основанная, по преданію, какимъ-то звѣроловомъ Елифаномъ въ XII вѣкѣ. Впослѣдствіи деревня пе-	«На мѣстѣ нынѣшняго города Коврова (Владимірской губ.) находилась деревня Елифановка, основанная, по преданію, какимъ-то звѣроловомъ Елифаномъ въ XII вѣкѣ (около 1187

реименована въ с. Рождественское и въ XVI вѣкѣ принадлежала князьямъ Ковровымъ, отъ которыхъ и получила нынѣшнее названіе» и т. д.

года). Впослѣдствіи деревня переименована въ село Рождественское и въ XVI в. (около 1506 года) принадлежала кн. Ковровымъ, отъ которыхъ получила нынѣшнее названіе» и т. д.

То же можно сказать и объ описаніи г. Мурома. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ окончанія описаній того и другого города, въ которыхъ беззастѣнчивость г. Токмакова переходитъ уже всякіе предѣлы. Вотъ эти окончанія:

Ковровъ (стр. 9—10).

«Масса историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ, не даютъ намъ распространяться въ нашей небольшой замѣткѣ въ подробностяхъ о родѣ князей Ковровыхъ, равно и о городѣ Ковровѣ. А поэтому будемъ надѣяться, что прочтя наши строки кто-либо изъ мѣстныхъ жителей, а быть можетъ и городское управленіе, по примѣру гор. Киржача (тоже Владимірской губ.), поручитъ лицу свѣдущему и опытному составить такое историко-статистическое описаніе города Коврова, которое познакомило бы въ связномъ и цѣльномъ очеркѣ съ прошлою судьбою гор. Коврова, отъ момента его возникновенія до нашихъ дней и вмѣстѣ съ тѣмъ обрисовало, хотя въ общихъ чертахъ, современное его состояніе. Потребность въ такой книгѣ не только для мѣстнаго Владимірскаго края и ковровскаго жителя, но и для иногородняго, случайно попадающаго въ Ковровъ, будетъ очевидна: для того и другого она можетъ служить путеводителемъ при естественныхъ стремленіяхъ, изъ любопытства или изъ другихъ какихъ-либо цѣлей и побужденій, ознакомиться съ Ковровымъ. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что историко-статистическое описаніе гор. Коврова (Владимірской губ.) въ связи съ церковнымъ и гражданскимъ археологическимъ обзоромъ достопамятностей этого края со времени кн. Стародубскихъ, тогда только будетъ имѣть успѣхъ, когда будетъ составлено на основаніи «точныхъ» археографическихъ и библіографическихъ данныхъ, хранящихся въ архивахъ и библіотекахъ. И. Токмаковъ».

Описаніе г. Мурома (стр. 18—19).

«Масса историческихъ свѣдѣній, хранящихся въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ, не даютъ намъ распространяться въ нашемъ обзорѣ въ подробностяхъ о Муромѣ съ начала его возникновенія до нашихъ дней, равно и о муромскихъ князьяхъ. А поэтому будемъ надѣяться, что прочтя наши строки кто-либо изъ именитыхъ гражданъ Мурома, а быть можетъ и городское управленіе, по примѣру города Киржача (тоже Владимірской губ.) и др. городовъ, поручитъ лицу свѣдущему и опытному составить такое историко-статистическое описаніе города Мурома, которое познакомило бы въ связномъ и цѣльномъ очеркѣ съ прошлою судьбою города Мурома, отъ момента его возникновенія до нашихъ дней и вмѣстѣ съ тѣмъ обрисовало, хотя въ общихъ чертахъ, современное его состояніе. Потребность въ такой книгѣ не только для мѣстнаго Владимірскаго края и муромскаго жителя, но и для иногородняго, попадающаго въ Муромъ, будетъ очевидна: для того и другого она можетъ служить путеводителемъ при естественныхъ стремленіяхъ, изъ любопытства или изъ другихъ какихъ-либо цѣлей и побужденій, ознакомиться съ Муромомъ. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что историко-статистическое описаніе города Мурома въ связи съ церковнымъ, археологическимъ и гражданскимъ обзоромъ достопамятностей этого края со времени первоначальнаго заселенія, тогда только будетъ имѣть успѣхъ, когда будетъ составлено спеціалистомъ на основаніи точныхъ документовъ и рукописей государственныхъ архивовъ и библіотекъ, а равно археографическихъ и библіографическихъ данныхъ. И. Токмаковъ».

Послѣ этого становится вполнѣ объяснимой удивительная плодовитость автора-«спеціалиста» и быстрота печатанія его произведеній. Очевидно, что г. Токмаковъ печатаетъ всѣ описанія городовъ по первой своей рукописи

и только въ извѣстныхъ мѣстахъ переиначиваетъ собственныя имена, а типографіи приказываетъ держать наборъ перваго такого творенія всегда наготовѣ для немедленнаго удовлетворенія многочисленныхъ его подрядовъ. Совершенно по-американски! Любопытно однако, что эти описанія городовъ (Коврова и Мурома) помѣщались въ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (въ 1886 и 1887 гг.) и редакція сочла умѣстнымъ повторить на страницахъ своего изданія одно и то же. А. К.

Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. Александра Дмитріева. В. I. Древности бывшей Перми Великой. Пермь. 1889.

Настоящая книга представляетъ изъ себя 1-й выпускъ задуманнаго г. Дмитріевымъ большого изданія; это — цѣлая историко-археографическая монографія, которую съ интересомъ прочтетъ всякій занимающійся исторіей. Она раздѣляется на 6 главъ. У автора прекрасная манера: по каждому вопросу онъ сначала излагаетъ мнѣнія другихъ изслѣдователей, главнымъ образомъ такихъ, какъ Карамзинъ, Костомаровъ, Соловьевъ, Иловайскій, Замысловскій, Бѣляевъ и др., а потомъ уже или присоединяется къ которому-нибудь изъ нихъ, или излагаетъ свое личное мнѣніе, основываясь на соображеніяхъ, по большей части, довольно вѣроятныхъ. Этотъ пріемъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ одобрѣнія, что вопросы эти (за немногими исключеніями, гдѣ у автора подъ руками лѣтописи, писцовыя книги, договорныя граматы и др. достовѣрные матеріалы), — всѣ весьма запутанны и сбивчивы. Такова первая же глава труда г. Дмитріева, озаглавленная «Древность Перми Великой въ современномъ научномъ освѣщеніи». Авторъ раздѣляетъ исторію Перми Великой на три главныхъ періода: 1) доисторическій или «чудскій», источниками для изученія котораго служатъ древнія преданія, названія рѣкъ, городища и пр.; 2) Новгородскій съ XI до XV в. Источники — новгородскія лѣтописи, договорныя грамоты новгородцевъ съ князьями тверскими и московскими, Епифаніевское житіе св. Стефана (XIV в.) и др., и 3) Московскій до начала XVIII в. Такимъ образомъ, первый вопросъ, которымъ приходится заняться автору, касается такого спорнаго въ исторической наукѣ пункта, какъ происхожденіе финновъ, вообще чуди и пермяковъ. Изложивъ «алтайскую» теорію Кастрена, «угорскую» Регули; приведя мнѣнія по этому поводу нашихъ первостепенныхъ историковъ — Соловьева, Костомарова и Иловайскаго, авторъ приходитъ, по необходимости, къ одному только «устойчивому» выводу — что «нынѣшніе пермяки суть остатокъ прежней Перми (народа)», а вопросъ о генетической связи Перми съ Чудью такъ и остается открытымъ, во избѣжаніе произвольныхъ, только вѣроятныхъ спорныхъ заключеній; что же касается отношенія пермяковъ къ другимъ туземнымъ инородцамъ, то на основаніи изслѣдованій Кеппена, Видемана, Шегрена, Макса Мюллера и др., а особенно мѣстныхъ изслѣдователей Савваитова и Рогова — авторъ приходитъ къ тому, что пермяки не отличаются отъ зырянъ, и близки къ вотякамъ. Уже перечень всѣхъ этихъ именъ, русскихъ и иностранныхъ, показываетъ, какъ основательно изучилъ нашъ авторъ источники. То же мы видимъ и въ другихъ главахъ его изслѣдованія. Такъ 2-я глава («степень культур-

наго развитія обитателей древней Перми по даннымъ раскопокъ. Скептики Біарміи») свидѣтельствуетъ, что авторъ прекрасно знакомъ съ русской археологической наукой по занимающему его вопросу — начиная съ «Журнала или дневныхъ записокъ путешествія» Рычкова (1770 года) и «Путешествія» Берха (1821 года), впервые рѣшительно заявившаго, что пермскій народъ въ древности «былъ очень далекъ отъ просвѣщенія», что г. Дмитріеву, ярому «скептику Біарміи», по его выраженію, — нужно для доказательства «мнимости» величія этой страны, раздутаго довѣрчивыми учеными на основаніи Скандинавскихъ сагъ. Весьма интересны и двѣ слѣдующія главы труда г. Дмитріева, трактующія — первая о торговыхъ путяхъ, шедшихъ чрезъ Пермь, и вторая — объ эксплоатаціи естественныхъ богатствъ ея, и доказывающія основную мысль автора о плохомъ развитіи культуры пермской страны въ древнее время. Вотъ небезъинтересные выводы, къ которымъ пришелъ авторъ во второй изъ этихъ главъ: относительно знаменитаго «закамскаго» серебра авторъ, вслѣдъ за гг. Иловайскимъ и Полевымъ, приходитъ къ заключенію, что оно привозилось на берега Камы съ далекаго Юга и Востока (стр. 45); по вопросу объ обработкѣ руды г. Дмитріевъ, стоящій вездѣ на строго-научной, фактической почвѣ, приходитъ къ слѣдующему: достовѣрныя извѣстія о разработкѣ рудъ на Уралѣ начались съ XV в., первые же горные заводы для плавки металла появились только XVII в. (1-й Ницинскій въ 1628 г. и 2-й Пыскорскій — въ 1640 г.); древнія металлическія вещи, находимыя въ этой странѣ, суть продуктъ иноземной культуры и завезены сюда вслѣдствіе торговыхъ сношеній, а мѣстная культура, по мнѣнію автора, или совсѣмъ отсутствовала или ограничивалась первобытнымъ знакомствомъ съ плавкой металловъ. По вопросу о добываніи соли авторъ оспариваетъ утвержденіе Костомарова въ «Очеркѣ торговли русскаго государства», что въ XV вѣкѣ въ Россіи совсѣмъ не умѣли добывать соль и доставали ее изъ-за границы: на основаніи одного документа г. Дмитріевъ сообщаетъ, что въ этомъ (XV) вѣкѣ, еще до появленія Строгоновыхъ, уже возникло солевареніе на р. Усолкѣ около нынѣшняго Солинамска.

Чрезвычайно спорному вопросу посвящена и пятая, самая большая и, по самому существу своему, сухая глава изслѣдованія г. Дмитріева — «Границы и административное раздѣленіе Перми Великой до начала XVII в.». Опять автору приходится излагать по этому поводу мнѣнія почти всѣхъ нашихъ историковъ, при чемъ онъ дѣлитъ ихъ на 4 группы: къ 1-й группѣ относятся Ломоносовъ, Карамзинъ, Костомаровъ, Замысловскій и др., полагающіе, что Пермь то же, что̀ Біармія; авторъ, какъ мы упоминали уже, будучи «скептикомъ Біарміи», присоединиться къ нимъ, конечно, не можетъ. Ко 2-й группѣ принадлежатъ Шлецеръ, Берхъ, Иловайскій — пріурочивающіе Біармію къ Бѣлому морю, а Пермь южнѣе; къ третьей — Устряловъ и Соловьевъ, которые основываясь только на лѣтописяхъ и др. русскихъ источникахъ, отождествляли зырянъ и пермяковъ, а Біармію совершенно игнорировали. Правильными авторъ считаетъ воззрѣнія 4-й группы, хотя она и не блещетъ именами: первый изъ представителей этой группы былъ Волеговъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій въ началѣ нынѣшняго столѣтія, который впервые опредѣлялъ границу Перми на основаніи писцовыхъ книгъ (стр. 60). Въ новѣйшее время подобный же взглядъ высказалъ г. Лыткинъ. Воззрѣніе этой группы состоитъ въ томъ, что во-первыхъ,

№ 1, стр. 1—9 и отд. оттискъ); г. Карповъ вновь выставилъ свои обвиненія въ брошюрѣ: «г. Костомаровъ, какъ историкъ Малороссіи» (Москва, 1871. 8°). Новый отвѣтъ Н. И. Костомарова напечатанъ въ газетѣ «Голосъ», въ № 130, отъ 12 мая 1871 года [1]). Прочтеніе этой полемики не даетъ ничего въ пользу Н. И. Костомарова. Съ одной стороны факты, можетъ быть, нѣсколько рѣзко выраженные, но факты несомнѣнные, съ другой—фразы, умолчаніе о важнѣйшемъ и подчеркиваніе своего презрительнаго отношенія къ противнику. Такъ не пишутъ люди, которые могутъ фактами опровергнуть доводы противной стороны, у которыхъ совсѣмъ твердая почва подъ ногами. Наиболѣе сильныя обвиненія г. Карпова, какъ напримѣръ, пропускъ Н. И. Костомаровымъ и П. А. Кулишемъ въ редактированномъ ими III томѣ Актовъ Южной и Западной Россіи (Спб. 1861. 4°) документовъ за 1654 и 1655 годы (т. е. какъ разъ за время присоединенія Малороссіи къ Московскому государству, см. тома стр. 507—508) остался, да и теперь остается совершенно невыясненнымъ и страннымъ тѣмъ болѣе, что документы за эти годы, какъ указываетъ въ послѣдней книжкѣ г. Карповъ выписками изъ протоколовъ Археографической Комиссіи, несомнѣнно были присланы въ Комиссію изъ Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, а слѣдовательно находились и въ рукахъ редакторовъ III-го тома актовъ. Въ 1873 году г. Карповъ напечаталъ изслѣдованіе: «Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго» (Москва. 8°), которое незаслуженно было замолчано; рецензій оно, какъ кажется, не вызвало, а послѣдующіе историки его игнорируютъ: г. Буцинскій въ своей книгѣ ссылается на г. Карпова возможно кратко на стр. 49, а г. Кулишъ совершенно не знаетъ этого труда своего литературнаго противника.

Дѣятельность Н. И. Костомарова и цѣлый рядъ его историческихъ воззрѣній ждутъ еще безпристрастной оцѣнки, когда разсѣется обаяніе отъ великаго художественнаго таланта этого въ высшей степени нервнаго, впечатлительнаго и страшно увлекавшагося историка. Погодинъ, Забѣлинъ, Ланге, Карповъ и др. писали противъ Костомарова еще при жизни послѣдняго, но ихъ не слушали, блескъ таланта ослѣплялъ читающую публику, а самъ Костомаровъ наивно не сознавалъ своей крайней тенденціозности (см., напримѣръ, «Вѣстникъ Европы», за 1876 годъ, № 9, стр. 339). Даже въ спорѣ за свою теорію о происхожденіи Руси изъ Литвы Костомаровъ вышелъ, повидимому, побѣдителемъ [2])!

И въ настоящемъ случаѣ авторитетъ Костомарова заглушилъ голосъ г. Карпова. Теперь настало время вновь разобраться въ важномъ вопросѣ о дѣятельности Богдана Хмельницкаго. Пропущенные Н. И. Костомаровымъ и П. А. Кулишемъ документы 1654 года напечатаны г. Карповымъ въ X томѣ «Актовъ относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи» (Спб. 1878. 4°) [3]), изданъ цѣлый рядъ новыхъ большихъ и малыхъ трудовъ по исто-

---

[1]) Съ насмѣшливымъ эпиграфомъ: «Зовсімъ козакъ, тільки чубъ не такъ».

[2]) Почти каждая статья Н. И. Костомарова вызывала возраженія и поправки, которыхъ накопляется все болѣе и болѣе. Знаменитый историкъ, какъ кажется, не особенно гнался за точностью при изложеніи хотя бы и важныхъ событій. Послѣднія по времени поправки см., напримѣръ, въ статьѣ В. О. Ключевскаго: «Составъ представительства на земскихъ соборахъ» («Русская Мысль», за 1890 годъ, № 1, стр. 145).

[3]) Изданія актовъ, редактированныя г. Карповымъ вызвали нѣсколько замѣ-

ріи Малороссіи въ XVII столѣтіи, существуетъ прекрасный журналъ, спеціально посвященный исторіи Южной Россіи — все даетъ, повидимому, возможность точно перензслѣдовать одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ Русской исторіи и было бы очень желательно, чтобы спеціалисты разныхъ лагерей еще разъ сломали копья по поводу новыхъ сочиненій г. Кулиша и Карпова. Отношенія Богдана Хмельницкаго къ Крыму и Турціи недавно вновь пересмотрѣны по мусульманскимъ и русскимъ источникамъ въ трудѣ В. Д. Смирнова: «Крымское Ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты до начала XVIII вѣка» (Спб. 1887). Къ сожалѣнію, и этотъ талантливый изслѣдователь игнорируетъ книгу г. Карпова (см. стр. 536—571). Мы лично далеко не безусловные поклонники г. Карпова, и напримѣръ, вполнѣ согласны съ серьезной статьей П. А. Шафранова: «О статьяхъ Богдана Хмельницкаго» («Кіевская Старина», 1889 годъ, № 11), поправляющей мнѣніе г. Карпова, но думаемъ, что Н. И. Костомаровъ и его поклонники забывали, что пытаться игнорировать, не значитъ еще опровергнуть. Странно видѣть, какъ Н. И. Костомаровъ пропускаетъ безъ вниманія весьма вѣскія замѣчанія г. Карпова относительно рукописной лѣтописи «Исторія о презѣльной брани», на которую въ монографіи «Богданъ Хмельницкій» сдѣлано болѣе 200 ссылокъ. Точно также г. Карповъ твердо устанавливаетъ, напримѣръ, дату смерти Богдана Хмельницкаго—во всякомъ случаѣ до 15 августа и почти несомнѣнно именно 27 іюля 1657 года (какъ пишетъ войсковой писарь Выговскій), а Н. И. Костомаровъ, несмотря ни на что, продолжалъ считать вопросъ о днѣ кончины Хмельницкаго—вопросомъ трудно разрѣшимымъ и только П. Н. Буцинскій въ 1882 году нашелъ возможнымъ приписать себѣ точное разрѣшеніе вопроса въ смыслѣ доказательства справедливости показанія Выговскаго (стр. 235—236)[1].

Книга г. Карпова «Въ защиту Богдана Хмельницкаго» начинается объясненіемъ, почему обширное изслѣдованіе г. Кулиша напечатано въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ». Крайняя тенденціозность маститаго автора «Отпаденія Малороссіи отъ Польши» покрывается его талантливостію и блестящимъ литературнымъ изложеніемъ. Этимъ качествамъ г. Кулиша, г. Карповъ отдаетъ полную справедливость на первыхъ же страницахъ объясненій, отмѣчаетъ затѣмъ перемѣны въ убѣжденіяхъ г. Кулиша и цѣлымъ рядомъ указаній характеризуетъ его симпатіи и антипатіи. Нельзя не согласиться съ г. Карповымъ, что восторженная оцѣнка гетмана Станислава Жолкевскаго, какъ «незабвеннаго русича-

---

чаній. Такъ, напримѣръ, въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины», за 1889 годъ, г. Ив. Н. («Еще объ Иванѣ Поповичѣ», стр. 430) изъ-за невполнѣ выдержаннаго хронологическаго порядка документовъ въ изданіи Актовъ Южной и Западной Россіи, редактированныхъ г. Карповымъ, дѣлаетъ замѣчаніе о ненаучномъ пріемѣ изданія и въ той же книжкѣ П. А. Шафрановъ (стр. 384) благодаритъ г. Карпова за точность, съ которою онъ издалъ приказные документы, не упустивъ изъ вида мельчайшихъ помѣтокъ. Отзывы противоположные, но во всякомъ случаѣ, пора сознать, что приказныя дѣла при печатаніи нельзя разбивать въ хронологическомъ порядкѣ находящихся въ нихъ документовъ.

[1]) Въ четвертомъ изданіи монографіи «Богданъ Хмельницкій» (Спб. 1884, 8°) и Н. И. Костомаровъ выпустилъ фразу о томъ, что вопросъ о днѣ смерти Богдана Хмельницкаго есть вопросъ трудно разрѣшимый (стр. 281, ср. въ изданіи 3-емъ стр. 284).

права на этотъ титулъ. Вмѣсто твердо установленныхъ научныхъ положеній, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ гипотезами и теоріями, часто въ высшей степени шаткими. Любители скороспѣлыхъ заключеній не всегда опираются на вполнѣ провѣренныя данныя, и ихъ построенія—нерѣдко очень остроумныя—падаютъ, какъ скоро эти данныя подвергаются болѣе тщательному изслѣдованію. Такъ поверхностные наблюдатели представляли нѣкоторыхъ дикихъ народовъ почти настоящими животными, и въ особенности указывали на ограниченность ихъ языковъ. Между тѣмъ, такой серьезный изслѣдователь, какъ Александръ Гумбольдтъ, нашелъ, что языкъ одного изъ такихъ народовъ (караибскій) соединяетъ въ себѣ богатство, привлекательность, силу и нѣжность. Онъ не имѣетъ недостатка въ выраженіяхъ для абстрактныхъ понятій (будущность, вѣчность, бытіе) и имѣетъ достаточно числительныхъ, чтобы обозначить всевозможныя комбинаціи нашихъ цифровыхъ значковъ.

Такихъ необоснованныхъ теорій, скороспѣлыхъ выводовъ совершенно чужда разсматриваемая нами книга Пешеля: «Völkerkunde». Крайняя осторожность въ сужденіяхъ—отличительная черта ея автора. Онъ добросовѣстно сообщаетъ добытые наукою факты, указываетъ наиболѣе правильное, по его мнѣнію, освѣщеніе ихъ, но во время останавливается и не идетъ дальше того, что имѣетъ за себя фактическую достовѣрность, а гдѣ и предлагаетъ гипотезу, то именно какъ гипотезу, которая можетъ и не оправдаться, но не выдаетъ ее за послѣднее слово науки. Такое отношеніе къ дѣлу вытекаетъ у него не изъ боязни предъ прогрессивнымъ движеніемъ науки, а напротивъ, изъ твердой вѣры въ этотъ прогрессъ, изъ уваженія къ человѣческому разуму, расширенію горизонтовъ котораго не предвидится границъ. Авторъ убѣжденъ, что вопросы, неразрѣшимые при современномъ состояніи нашихъ знаній, найдутъ правильное рѣшеніе въ будущемъ.

Стоя на строго научной почвѣ, не преувеличивая наличныхъ средствъ науки, съ одной стороны, и не имѣя ничего общаго съ предразсудками,—съ другой, онъ такъ устанавливаетъ, во введеніи, исходные пункты своего изслѣдованія. О мѣстѣ человѣка въ мірозданіи говоритъ: «Человѣку можетъ принадлежать лишь то мѣсто въ морфологической системѣ, какое указало бы ему въ научной классификаціи животныхъ мыслящее существо въ далекомъ будущемъ нашей земли, когда не оставалось бы отъ нашего племени ничего, кромѣ достаточнаго количества окаменѣлыхъ костныхъ остатковъ. Руководясь законами сравнительной анатоміи и требованіями систематики, его отдѣлили бы развѣ только подпорядкомъ отъ остальныхъ двурукихъ современнаго геологическаго періода». При рѣшеніи вопроса о единствѣ или множественности человѣческаго рода, онъ полагаетъ въ основаніе ученіе Дарвина, который сильно ослабилъ вѣроятность противнаго ученія о неизмѣняемости видовыхъ признаковъ; въ области же народовѣдѣнія онъ укрѣпилъ этимъ предположеніе о происхожденіи всѣхъ расъ отъ одной первобытной формы, которая путемъ накопленія незначительныхъ, но закрѣпленныхъ въ непрерывномъ унаслѣдованіи отличій, развилась до разновидностей». Этому взгляду весьма благопріятствуетъ рядъ фактовъ, дающихъ возможность заключить объ очень высокой древности нашего рода, точно также какъ и способность человѣка приспособляться къ самымъ большимъ климатическимъ противуположностямъ нашего земнаго шара». Перебравъ далѣе мнѣнія о прародинѣ человѣчества, онъ не останавливается ни на одномъ изъ нихъ, дѣлая замѣчанія, что ничьей фантазіи не

возбраняется пока перенести рай туда, гдѣ цвѣтетъ лотосъ, или къ окаймленнымъ папирусомъ берегамъ нильскихъ озеръ, или передвинуть его еще ближе къ библейскому Востоку.

Первый выпускъ русскаго перевода книги Пешеля состоитъ изъ десяти печатныхъ листовъ и, кромѣ введенія, содержитъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) тѣлесные признаки человѣческихъ расъ (черепъ, мозгъ, кожа и волосы); 2) лингвистическіе признаки (историческое развитіе языка и строеніе рѣчи) и часть 3-го, ступени развитія техники, гражданственности и религіи (первобытное состояніе человѣчества, пища).

За достоинство русскаго перевода говоритъ уже имя его редактора, извѣстнаго спеціалиста въ данной области — профессора Э. Ю. Петри.

С.

Древняя исторія К. Ф. Беккера, вновь обработанная Вильгельмомъ Мюллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго университета. Съ иллюстраціями и картами. Часть первая. Спб. 1890.

Нельзя не привѣтствовать появленія въ русскомъ переводѣ книгъ, въ родѣ извѣстнаго руководства по древней исторіи Беккера—Becker's Geschichte des Alterthums, — въ обработкѣ профессора Мюллера. Это сочиненіе соединяетъ въ себѣ строгую научность съ популярностью изложенія. При обстоятельномъ изложеніи историческихъ событій, въ немъ нѣтъ излишнихъ подробностей, представляющихъ интересъ только для спеціалистовъ. Съ другой стороны, не встрѣтите здѣсь и такихъ сокращеній, какія нерѣдко свойственны нашимъ «краткимъ» курсамъ исторіи, представляющимъ собою перепечатку пространныхъ оригинальныхъ или переводныхъ курсовъ, съ чисто механическими пропусками нѣкоторыхъ отдѣловъ. Такіе пропуски придаютъ руководствамъ эпизодическій характеръ, и уничтожаютъ естественную связь и послѣдовательность историческихъ фактовъ. Не такова исторія Беккера: соразмѣрность въ частяхъ—ея характеристическая черта. Авторъ воспроизводитъ предъ нами всѣ наиболѣе крупныя событія древней исторіи такъ, что каждому изъ нихъ отводится ровно столько вниманія, сколько оно заслуживаетъ по своему значенію, по тому мѣсту, которое оно занимаетъ въ общей цѣпи событій. Въ результатѣ получается рельефно нарисованная и прекрасно освѣщенная картина древняго міра. Отсюда вытекаетъ и то обстоятельство, что культурная сторона исторіи не заслоняется внѣшними фактами, а напротивъ, гораздо виднѣе ихъ, — представляетъ ту почву, на которой развиваются послѣдніе.

Дѣля всю исторію человѣчества на шесть періодовъ, авторъ обозрѣваетъ въ первой части (вышедшей пока въ русскомъ переводѣ и заключающей въ себѣ 315 стр.) еврейскія и греческія преданія о первобытныхъ временахъ и первые два періода—отъ начала исторіи до смерти Кира (до 350 г. до Р. Х.), причемъ разсказъ обо всѣхъ историческихъ народахъ древности ведется параллельно (египтяне, евреи, вавилоняне и ассиріяне, иранскіе и индѣйскіе арійцы, мидяне, персы, греки и римляне). Исторія египтянъ и азіатскихъ народовъ излагается согласно съ новѣйшими изслѣдованіями, какъ извѣстно, значительно измѣнившими прежнія, еще не совсѣмъ исчезнувшія изъ учебниковъ, воззрѣнія, основанныя преимущественно на греческихъ источникахъ.

Въ заключеніе, замѣтимъ, что бытовая сторона выступаетъ предъ нами особенно ясно, благодаря массѣ рисунковъ (165 политипажей въ текстѣ и

1 отдѣльное изображеніе праздничной площади въ Олимпіи), иллюстрирующихъ изложеніе. Это — большею частію снимки съ древнихъ художественныхъ произведеній: зданій, статуй, барельефовъ, монетъ, гробницъ и пр., а также съ картинъ и статуй великихъ художниковъ новаго времени (Микель-Анжело, Бенвенуто и др.). Рисунки, равно какъ и приложенныя къ книгѣ четыре географическихъ карты (1) частей земного шара, извѣстныхъ древнимъ; 2) древняго Египта; 3) Палестины; 4) Греціи, Македоніи, Эпира и Западнаго края Малой Азіи), выполнены весьма тщательно, и вообще внѣшняя сторона изданія не оставляетъ желать лучшаго. С.

Житомірскій могильникъ. Археологическое изслѣдованіе житомірской группы кургановъ. Сергѣя Гамченко. Житоміръ. 1889.

Древняя исторія Волынской земли, которая такъ привлекала нашихъ князей въ удѣльный періодъ, до сихъ поръ еще, благодаря недостаточному количеству археологическихъ и историческихъ данныхъ, почти не выяснена, хотя попытки къ такого рода выясненію были положены еще въ началѣ нашего вѣка. Лишнимъ будетъ говорить, что попытки эти въ большинствѣ случаевъ были неудачны, вслѣдствіе недостаточности историческаго матеріала, на которомъ историкъ могъ бы основать свои выводы, который бы позволилъ придти къ какому-нибудь положительному заключенію. Какъ на примѣръ неудачной попытки можемъ указать на трудъ графа Потоцкаго «Древняя исторія Волынской губерніи», переведенный въ 1828 г. съ французскаго Степаномъ Руссовымъ, авторомъ «Волынскихъ записокъ». Помочь восполненію этого пробѣла въ древней исторіи Волыни, могла бы только археологія, но, къ сожалѣнію, археологическія раскопки, хотя и начались давно уже, но производятся въ высшей степени рѣдко. Такъ въ 1828 г. графъ Растворовскій раскопалъ нѣсколько могилъ у м. Миропольц—это была первая раскопка съ научной цѣлью. Затѣмъ, только въ 1854 г. были произведены раскопки въ Луцкѣ Потаповымъ, хотя результаты ихъ никому неизвѣстны. Только, начиная съ 60-хъ годовъ, раскопки становятся болѣе частыми. Такъ въ 1862 и 72 гг. раскопано 4 кургана въ с. Малыя Рыкахи княземъ Любомирскимъ, 1876—7 г. въ Острожскомъ уѣздѣ Люба-Радзиминскимъ, 1878 г. извѣстнымъ украинскимъ археологомъ проф. В. Б. Антоновичемъ въ Житомірѣ, въ 1879 г. Баторевичемъ въ Овручскомъ уѣздѣ и, наконецъ, въ 1886 году изслѣдовалъ курганы Житомірскаго могильника г. Гамченко, который результаты своихъ раскопокъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми догадками и выводами издалъ въ книгѣ, представляющей собою значительный вкладъ въ небольшую археологическую литературу Волыни, большая часть трудовъ по которой написаны польскимъ языкомъ.[1]).

Трудъ свой г. Гамченко начинаетъ описаніемъ географическаго мѣстоположенія и климатическихъ условій, въ которыхъ находится г. Житоміръ, а также даетъ нѣкоторыя геологическія свѣдѣнія о почвѣ этой мѣстности.

---

[1]) Много есть статей въ издающемся Краковской Академіей сборникѣ: «Zbior wiadomosci do antropologii Krajowej», затѣмъ въ «Wiadomosci archeologiczne» Варшава 1876 г. XIII, «Poczukiwania archeologiczne w powiecie Octrogskim, pr. z. Glogera i Z. duba-Radziminskiego», r. 1876. т. I, стр. 8—11, t III, стр. 62—69, t. VI, стр. 16—20 и мн. др.

Затѣмъ переходитъ къ преданіямъ старожиловъ. Преданія эти и легенды имѣютъ конечно свой небольшой интересъ и нѣкоторое значеніе, но значеніе во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ слѣдующіе отдѣлы, именно описаніе внѣшняго вида могильника, объясненіе его возникновенія, дневникъ раскопокъ и тѣ выводы, къ которымъ пришелъ авторъ на основаніи добытаго имъ матеріала. Выводы эти имѣютъ для насъ особенную цѣну и значеніе вслѣдствіе того серьезнаго и осторожнаго отношенія къ дѣлу, какое мы находимъ въ трудѣ г. Гамченко. На основаніи того, что ни въ одномъ изъ раскопанныхъ кургановъ не было найдено оружія, г. Гамченко сдѣлалъ заключеніе, что житомірскій могильникъ возникъ въ мирное время и въ теченіе довольно продолжительнаго періода служилъ кладбищемъ для одного поселка, при чемъ большой разницы въ культурѣ за этотъ періодъ не замѣчается. Опредѣливши происхожденіе могильника, авторъ, на сколько это позволили ему находившіяся въ его рукахъ данныя, даетъ картину погребальныхъ обрядовъ и между прочимъ доказываетъ, что при погребеніи употреблялся гробъ. Здѣсь г. Гамченко пришелъ къ совершенно новому и гораздо болѣе вѣроятному предположенію, чѣмъ проф. В. Б. Антоновичъ, который, на основаніи раскопанныхъ въ 1878 году 36-ти кургановъ, высказалъ гипотезу, заключающуюся въ томъ, что трупъ не клали въ гробъ, а прямо на землю, затѣмъ набрасывали на него покрывало, притыкавшееся къ землѣ гвоздями [1]). Хоронили покойниковъ лицомъ къ востоку, при чемъ подлѣ умершаго ставили ведра съ хлѣбомъ и водой, глиняные сосуды съ «стравой» (т. е. пищей), брелой, аттрибуты главныхъ занятій, нѣкоторую домашнюю утварь, украшенія, что дало возможность автору сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно быта и всей внѣшней обстановки обитателя Житомірскаго поселка. Одежда, какъ позволяютъ думать нѣкоторыя матеріалы г. Гамченки, была почти такой же, какъ нѣсколько вѣковъ спустя, т. е. состояла изъ четыреугольнаго плаща—корзно, надѣвавшагося поверхъ нижняго платья, остроконечной шапки—прилбицы, или, какъ ее иначе называютъ, клобука, на ногахъ носили кожаные сапоги «вѣроятно обувь изъ коры». «Любовь къ украшеніямъ была развита у женщинъ. Шею и грудь поверхъ платья украшали рядъ нитей изъ бусъ: стеклянныхъ, серебряныхъ, сердоликовыхъ, янтарныхъ. Волоса убирались бусами и колечками изъ серебряной или мѣдной проволоки» (стр. 115). Точныя измѣренія скелетовъ и костей дали возможность сдѣлать нѣкоторыя указанія на ростъ и физическое строеніе человѣка. Вычисленія эти мы имѣемъ основаніе считать довольно точными и вѣрными, такъ какъ авторъ говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось имѣть дѣло съ костяками, степень разрушенія которыхъ была слишкомъ значительна, онъ «принужденъ былъ отказаться отъ всякаго желанія продолжать измѣренія, такъ какъ въ противномъ случаѣ рисковалъ собрать очень гадательныя данныя» (стр. 108).

Несмотря, однако, на всю свою осторожность въ выводахъ, г. Гамченко, желая дать возможно болѣе полную картину жизни и погребальныхъ обрядовъ человѣка, обитавшаго въ Житомірскомъ поселкѣ, не могъ не сдѣлать нѣсколькихъ предположеній, предположеній чисто субъективныхъ, совершенно не вытекающихъ ни изъ добытаго авторомъ матеріала, ни изъ другихъ какихъ-нибудь источниковъ, а между тѣмъ выраженныхъ довольно положительно. Такъ, напримѣръ, на 104 страницѣ авторъ говоритъ: «при насыпкѣ

---

[1]) Газета «Волынь», за 1886 г., № 87.

кургана не всегда присутствовало достаточное количество людей», или на стр. 106: «часть жертвеннаго мяса поступала старѣйшинѣ-жрецу, а остальное потреблялась на тризнѣ. На тризну семья покойника приглашала по возможности весь поселокъ и заготовляла въ изобиліи съѣстные припасы. Тризна устраивалась или сейчасъ же послѣ погребенія, или немного времени спустя. Въ продолженіе ея происходило, вѣроятно, поминальное торжество и воинственныя игры въ честь его, семьи и племени» (стр. 106). Затѣмъ дальше, на стр. 119 и слѣдующей: «пчеловодство, конечно, имѣло первобытный характеръ, т. е. пользовались дуплами деревьевъ. Въ числѣ пушныхъ звѣрей, составлявшихъ интересъ для тогдашняго охотника, между прочимъ, должны были быть извѣстны: бобръ, лисица, медвѣдь, лось, горностай, бѣлка и проч.». Откуда почерпнулъ г. Гамченко такія точныя и опредѣленныя свѣдѣнія, мы положительно не знаемъ и даже не можемъ догадываться. Можно было бы привести еще нѣсколько примѣровъ подобныхъ выводовъ, но пока будетъ и этихъ. Не будучи обоснованы на какихъ-нибудь фактическихъ данныхъ и представляя собой такимъ образомъ голословныя гипотезы, они сразу бросаются въ глаза каждому, сами собой выдѣляются и потому нисколько не вредятъ серьезному археологическому труду г. Гамченко.

В. Б.

Е. Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). Спб. 1890.

Хотя исторія нашего воспитанія и образованія разработана слишкомъ мало, но мы имѣемъ нѣсколько очерковъ, посвященныхъ состоянію педагогическаго дѣла во второй половинѣ XVIII вѣка, изъ которыхъ одни спеціально трактуютъ о женскомъ образованіи, а другіе касаются этого предмета эпизодически. Таковы статьи В. Я. Стоюнина «Образованіе русской женщины» («Истор. Вѣстникъ», 1883) и «Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII столѣтіи» («Русскій Педагогич. Вѣстникъ», 1857), А. П. Пятковскаго «Ив. Ив. Бецкій» («Дѣло», 1867), А. Никольскаго «Школьная реформа императрицы Екатерины II» («Журн. М. Н. Просв.», 1872), монографіи графа Д. А. Толстого «Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 года» (1883) и «Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II» (1886), В. Лядова «Историческій очеркъ 100-лѣтней жизни воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ» и нѣкоторыхъ другихъ. Названные авторы начинаютъ исторію женскаго образованія въ Россіи съ 1764 года, такъ какъ въ этомъ году было основано Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и тѣмъ положено начало общественному образованію русскихъ женщинъ. Иначе взглянула на дѣло г-жа Лихачева, авторъ разсматриваемой нами книги. Исходя изъ того положенія, что и до Екатерины II женщины у насъ не только учились, но и учили сначала въ монастыряхъ и частныхъ домахъ, а затѣмъ въ пансіонахъ, она въ первыхъ трехъ главахъ своего сочиненія предлагаетъ историческій очеркъ женскаго образованія въ до-екатерининское время, начиная съ 1086 года, когда, по свидѣтельству Татищева, было основано первое женское училище въ Кіевѣ, при Андреевскомъ монастырѣ, княжною-инокинею Анной (Янкой) Всеволодовною. Она тщательно собираетъ свѣдѣнія за этотъ періодъ, но при скудости ихъ, особенно за первое время, находитъ нужнымъ пополнять пробѣлы, прибѣгая къ догадкамъ и предположеніямъ, иногда, правда, очень

остроумнымъ, но не настолько обоснованнымъ, чтобы изъ нихъ можно было дѣлать положительные выводы. Четвертая глава занята спеціально обзоромъ воспитанія и образованія—въ ихъ исторіи и практикѣ—на западѣ въ XVIII вѣкѣ, причемъ особенное вниманіе обращено на Сенъ-Сиръ, учебно-воспитательное заведеніе для дѣвочекъ, основанное г-жею Мэнтенонъ.

Само собою понятно, что по самой сущности дѣла центръ тяжести даннаго изслѣдованія падаетъ на царствованіе Екатерины II. При вступленіи на престолъ этой государыни, въ Россіи не было ни одного женскаго учебнаго заведенія, кромѣ нѣсколькихъ плохихъ частныхъ пансіоновъ; въ годъ же ея смерти, кромѣ Воспитательнаго Общества для двухсотъ благородныхъ дѣвицъ и при немъ училища для 240 мѣщанскихъ дѣвушекъ, не считая своекоштныхъ воспитанницъ, было еще 1,121 учащихся дѣвочекъ въ народныхъ училищахъ разныхъ губерній. Со стороны автора положено не мало самаго добросовѣстнаго и нерѣдко кропотливаго труда на всестороннее обслѣдованіе предмета. Мы находимъ въ «Матеріалахъ» не только внѣшнюю исторію женскаго образованія въ екатерининское время, но и характеристики Екатерины и ея сотрудниковъ на педагогическомъ поприщѣ, характеристику первыхъ воспитанницъ Смольнаго, картину современнаго общества и отношенія его къ начинаніямъ просвѣщеннаго правительства и проч. Кромѣ множества данныхъ, разбросанныхъ въ различныхъ литературныхъ изданіяхъ, автору были доступны и нигдѣ не напечанные матеріалы, которые теперь впервые дѣлаются извѣстными, заимствованные изъ архивовъ: канцеляріи совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, IV отдѣленія собств. Е. И. В. канцеляріи, министерства народнаго просвѣщенія и Св. Сѵнода.

Имѣя скромную задачу—собрать матеріалы и представить ихъ въ нѣкоторой связи одни съ другими,—трудъ г-жи Лихачевой не есть механическій сборникъ сырыхъ матеріаловъ; напротивъ,—это серьезное научное изслѣдованіе, проникнутое яснымъ пониманіемъ цѣлаго и хорошо обдуманными и ясно выраженными взглядами. Екатерина,—по автору,—съ самаго начала взглянула на дѣло общаго образованія русскаго народа вѣрно и широко, признавъ его, одинаково для лицъ обоего пола, дѣломъ государственнымъ. Большимъ счастьемъ для русскихъ женщинъ было то, что лицо, по мановенію котораго онѣ, безъ всякихъ съ своей стороны усилій, даже безъ желаній, такъ какъ и думать ни о чемъ подобномъ имъ до тѣхъ поръ не приходилось, получили благо, котораго въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ тщетно добивались западныя женщины и ихъ сторонники; что лицо это, олицетворявшее собою тогда все государство, было просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи; что это была женщина, и женщина геніальная, глубоко проникнутая идеями, носившимися тогда въ воздухѣ на Западѣ, понимавшая важную роль женщинъ въ дѣлѣ осуществленія этихъ идей въ жизни. Благодаря Екатеринѣ, положившей прочное основаніе среднему образованію русскихъ женщинъ, Россія до восьмидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія, въ отношеніи средняго и высшаго женскаго образованія, стояла впереди всѣхъ европейскихъ государствъ. Правда, въ этой оцѣнкѣ просвѣтительной дѣятельности Екатерины II замѣчается нѣкоторое преувеличеніе: она далеко не чужда многихъ важныхъ недостатковъ, указываемыхъ отчасти и авторомъ; но, безспорно, что уже самое учрежденіе такого «воспитательнаго училища», какъ Смольный, было шагомъ огромной важности въ дѣлѣ жен-

скаго образованія и воспитанія. Этимъ актомъ образованіе женщинъ впервые, со времени существованія русскаго государства, узаконялось и признавалось важною отраслью государственнаго благосостоянія, поставленное подъ непосредственное покровительство императрицы, снабженное средствами изъ государственной казны, вводилось въ общій строй нашей государственной жизни и управленія. Вводя новую систему воспитанія, Екатерина не имѣла въ виду создавать или умножить въ Россіи число ученыхъ. Особенно при женскомъ воспитаніи и образованіи, одна изъ главнѣйшихъ ея цѣлей заключалась въ томъ, чтобы содѣйствовать смягченію грубыхъ нравовъ русскаго общества. И воспитаніе въ Смольномъ, при извѣстныхъ недостаткахъ, во всякомъ случаѣ было выше того, какое до тѣхъ поръ давалось дѣвушкамъ въ частныхъ домахъ и пансіонахъ, и смольнянки, не смотря на аристократическій духъ заведенія, выходили изъ него болѣе человѣчными, болѣе развитыми и менѣе зараженными предразсудками, нежели другія дѣвушки того времени.

Не ограничиваясь сообщеніемъ фактовъ, а стремясь осмыслить и освѣтить ихъ, г-жа Лихачева, не избѣгла нѣкоторыхъ увлеченій и выводовъ, не оправдываемыхъ документальными данными. Такъ, напримѣръ, мы не можемъ согласиться съ нею во взглядѣ на педагогическія воззрѣнія императрицы Екатерины II, которыя, по ея мнѣнію, сложились подъ преимущественнымъ вліяніемъ Монтэня. «Мысли послѣдняго, — читаемъ на 110 стр.,—пришлись ей особенно по душѣ; онѣ отвѣчали ея природѣ, складу ея ума: она ихъ не только усвоила, но провѣрила на себѣ, и къ почерпнутымъ изъ «Essais» Монтэня взглядамъ присоединила свои собственные, сложившіеся у нея изъ продолжительныхъ наблюденій и размышленій, чтенія и—что особенно важно,—изъ собственнаго опыта». Дѣйствительно, можно усматривать общія черты въ душевномъ складѣ Екатерины и Монтэня; можно, пожалуй, находить сходство между ними и въ нѣкоторыхъ взглядахъ на вещи; но утверждать, что педагогическія убѣжденія императрицы сложились, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Монтэня, — для этого нѣтъ достаточныхъ основаній. Хотя мы и не считаемъ возможнымъ совершенно отрицать это вліяніе, какъ-то дѣлаетъ графъ Д. А. Толстой («Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи», стр. 88 — 89), но внимательное изученіе спеціально-пегагогическаго произведенія Екатерины—«Инструкціи Салтыкову»—убѣждаетъ насъ въ томъ, что это произведеніе представляетъ собою не что иное, какъ сокращенный переводъ знаменитаго трактата Локка: «Some thooghts concerning Education». То же нужно сказать и относительно попытки автора разграничить взгляды Екатерины на воспитаніе отъ взглядовъ И. И. Бецкаго, и въ частности относительно утвержденія, что императрица лучше своего ближайшаго сотрудника понимала воспитательное значеніе науки. Если судить по ея отношенію къ современной ей философіи и наукѣ, то ея глубокое уваженіе къ знанію — внѣ сомнѣнія; но въ сферѣ педагогіи она такъ же, какъ и Бецкій, отводила ему послѣднее мѣсто. Въ ея profession de foi по вопросамъ воспитанія, въ той же «Инструкціи», по которой воспитаніе «замыкается въ четырехъ вещахъ: 1) въ добродѣтели, 2) въ учтивости, 3) въ добромъ поведеніи и (наконецъ NB) 4) въ знаніи»,— о послѣднемъ говорится: — «Знать обращеніе въ свѣтѣ и обхожденіе, сходственное рожденію ихъ высочествъ, и чѣмъ отличиться для нихъ пристойно,—вотъ въ чемъ ихъ значеніе быть долженствуетъ («Сочиненія импе-

ратрицы Екатерины II», т. I, стр. 233); или въ другомъ мѣстѣ:—«Ученіе же или знаніе да будетъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей, и дабы привыкли къ труду и прилежанію» (Ibid, т. I, стр. 224). Въ виду этихъ и подобныхъ словъ самой императрицы, приходится признать, что и она не лучше Бецкаго понимала значеніе при воспитаніи интеллектуальнаго развитія. Оба они выработали такой взглядъ подъ вліяніемъ Локка, и Монтэнь не поправилъ этой ошибки.

Къ числу промаховъ автора мы позволяемъ себѣ отнести и параллель, проводимую имъ между дѣятельностью Екатерины II на пользу женскаго образованія и просвѣтительнымъ дѣломъ Петра Великаго:—«Благодаря тому, что при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины русское общество, въ отношеніи къ женскому воспитанію и образованію, представляло почти непочатую почву, императрицѣ, создававшей по одной своей волѣ новое, небывалое еще даже въ Европѣ, учрежденіе, не пришлось ничего ни реформировать, ни ломать, такъ какъ собственно говоря ничего для воспитанія и образованія женщинъ у насъ до нея не существовало, а то незначительное, что было, не возбуждало въ обществѣ ни вниманія, ни критики. Стало быть и бороться было не съ чѣмъ. Въ этомъ императрица Екатерина была счастливѣе своего великаго предшественника Петра» (132—133). Правда, дѣло Екатерины было гораздо легче подвига Петра, но не потому, чтобы ей не приходилось бороться, а потому, что самое дѣло было не столь грандіозно, какъ Петровская реформа, а также и потому, что реформами предшествующаго времени народъ и общество были уже подготовлены къ нововведеніямъ. Бороться же, какъ Петру, такъ и Екатеринѣ, приходилось противъ одного и того же врага—невѣжества и предразсудковъ. Если до Екатерины не было у насъ женскаго образованія, то и до Петра не было науки: какъ первая боролась не противъ какого-нибудь ложнаго образованія, такъ и второй велъ борьбу не противъ ложной науки, а противъ отсутствія послѣдней. Вѣрно, что при введеніи у насъ женскаго образованія не произошло ничего подобнаго стрѣлецкому бунту, да и не могло произойти по самому свойству дѣла, но что это «новшество» было встрѣчено большинствомъ общества враждебно—видно изъ книги самой г-жи Лихачевой. Не даромъ же Екатерина сочла нужнымъ вложить въ уста одной изъ героинь комедіи—«О, время»—слова: «На что дѣвку учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна; меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ... Да полно что! Ныньче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ... Быть добру!» («Сочин. импер. Екатерины II», т. II, стр. 51—52).

М. С—скій.

Ѳ. И. Леонтовичъ. Старый земскій обычай. Одесса 1889.

Названное изслѣдованіе имѣетъ своею цѣлью «намѣтить нѣкоторыя стороны вопроса объ обычномъ правѣ, не вполнѣ разъясненныя въ наукѣ, въ особенности раскрыть по возможности точно настоящій смыслъ и значеніе основныхъ понятій обычнаго права славянъ» (стр. 1). Въ виду этого, изслѣдованіе начинается съ опредѣленія обычнаго права. Послѣднее вполнѣ основательно опредѣляется, какъ *бытовая* форма права. Оно образуется и дѣйствуетъ въ народной жизни независимо отъ закона, являясь внѣшнимъ вы-

раженіемъ съ незапамятныхъ временъ живущихъ въ народной памяти правовыхъ воззрѣній и правилъ, однообразно соблюдаемыхъ и примѣняемыхъ въ жизни въ силу общаго убѣжденія въ ихъ необходимости и обязательности. Обычное право—первый по времени, а иногда очень долго и единственный источникъ права. Какъ свидѣтельствуетъ исторія, славяне вообще и русскіе въ частности изстари жили по обычаямъ предковъ и помимо обычнаго права долго не знали никакихъ другихъ формъ права. Идея права высказывалась у нихъ въ понятіи правды, какъ объективной нормы права, т. е. въ смыслѣ права вообще, закона. Затѣмъ тотъ же терминъ употреблялся и въ другихъ значеніяхъ: права въ субъективномъ смыслѣ, справедливости, правомѣрности, суда и пр. Проф. Леонтовичъ подробно останавливается на выясненіи понятія правды во всѣхъ этихъ значеніяхъ, стараясь аргументировать свои мнѣнія путемъ анализа содержанія древне-славянскихъ законодательныхъ памятниковъ. Однако, съ нѣкоторыми его толкованіями этихъ послѣднихъ трудно согласиться. Такъ, разсматривая ст. 94 и 95 Псковской судной грамоты, г. Леонтовичъ объясняетъ выраженіе «правда дать», встрѣчающееся въ обѣихъ статьяхъ, въ смыслѣ «разсмотрѣть дѣло судебнымъ порядкомъ» въ то время, какъ гораздо раціональнѣе объяснять это выраженіе въ смыслѣ «принести присягу», что и принято въ наукѣ. Затѣмъ вообще ст. 95 грамоты совершенно произвольно и притомъ вполнѣ голословно толкуется г. Леонтовичемъ. Въ ней рѣчь идетъ о младшемъ братѣ, живущемъ вмѣстѣ со старшимъ, причемъ первый «искористуется сребромъ» у второго и «учнетъ запиратися» въ этомъ. Статья предписываетъ возникшій споръ разрѣшать присягой. Въ наукѣ принято толковать выраженія «искористуется сребромъ» и «учнетъ запиратися» въ томъ смыслѣ, что младшій братъ присвоитъ себѣ что-либо изъ общей собственности братьевъ и начнетъ въ этомъ запираться, что гораздо болѣе подходитъ къ смыслу статьи, чѣмъ толкованіе г. Леонтовича, по мнѣнію котораго названныя выраженія означаютъ слѣдующее: младшій братъ возьметъ въ долгъ подъ проценты («корысть, говоритъ г. Леонтовичъ, собственно тоже, что ростъ, проценты»?!) извѣстную сумму денегъ у старшаго брата и затѣмъ «учнетъ запиратися», т. е. будетъ отказываться отъ возврата взятыхъ денегъ!!! Подобное толкованіе—является сплошнымъ недоразумѣніемъ, тѣмъ болѣе, что ничѣмъ не мотивируется, если не считать голословнаго заявленія, что «корысть то же, что ростъ, проценты»! Подобныхъ очевидныхъ для всякаго натяжекъ не мало у автора разсматриваемаго изслѣдованія при толкованіи и другихъ законодательныхъ памятниковъ, напр. «Русской Правды», но за неимѣніемъ мѣста мы должны о нихъ умолчать.

Разсмотрѣвъ вопросъ о «правдѣ», г. Леонтовичъ переходитъ къ вопросу о происхожденіи правовыхъ обычаевъ. Отвергая воззрѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, видѣвшихъ первоисточникъ обычая въ «народномъ духѣ и сознаніи» или «въ автономіи и индивидуальномъ усмотрѣніи лица», онъ приходитъ къ признанію однихъ только объективныхъ факторовъ правообразованія. «Какъ отдѣльный человѣкъ, говоритъ г. Леонтовичъ, въ пору своего младенческаго возроста, такъ и каждая общественная группа въ первыя эпохи своей жизни, ведутъ иногда очень долго совершенно безсознательную жизнь, слагающуюся подъ гнетущей силою чисто рефлективныхъ импульсовъ и движеній, «предписываемыхъ» неумолимой природой внѣшней среды, природой самого человѣка и условіями людскаго общежитія, импульсовъ и движеній, изъ совокупнаго дѣйствія которыхъ и слагался первоначально общій людской «на-

выкъ», незатѣйливый modus vivendi первичныхъ союзовъ. Чуть ли не всѣ обычаи такихъ союзовъ имѣли такой же характеръ неизбѣжнаго, предписаннаго самимъ «бытомъ» modus vivendi, какъ и modus проявленія и дѣйствія чисто физическихъ инстинктовъ и отправленій, дѣйствующихъ не самопроизвольно, но всегда въ строгомъ соотвѣтствіи съ внутренней ихъ природой... Всѣ такіе обычаи возникаютъ и затѣмъ дѣйствуютъ не потому, что того требуетъ «установившаяся практика» или сила подражанія и привычки, но потому, что иначе не можетъ жить первичный человѣкъ,—данные пріемы и способы дѣйствія предписываются самими условіями быта родовыхъ союзовъ... Нужно поэтому полагать, что какъ бы ни была примитивна жизнь людей, но имъ нельзя жить безъ всякихъ правилъ и обычаевъ—такова уже первобытная природа человѣка и человѣческаго общества» (стр. 21—23).

Покончивъ съ первоисточниками права, г. Леонтовичъ переходитъ къ вопросу о дѣйствіи правовыхъ обычаевъ. Опредѣливъ понятія «преданія», «старины» и «пошлины», встрѣчающіяся во всѣхъ древнеславянскихъ памятникахъ, авторъ разсматриваемаго изслѣдованія обращаетъ свое вниманіе на форму проявленія и дѣйствія обычнаго права. Такихъ формъ нѣсколько, а именно: манипулятивная, иначе говоря, мимическая или символическая (напр. «рукобитье» — символъ заключенія договоровъ, «посаженье на коня» или «врученіе меча или лука» — символъ признанія юноши совершеннолѣтнимъ и т. д.), форма выраженія обычнаго права посредствомъ пословицъ (г. Леонтовичъ приводитъ массу пословицъ, имѣющихъ отношеніе къ разнымъ отраслямъ права: къ государственному, гражданскому, уголовному и процессуальному праву), форма выраженія обычнаго права черезъ посредство пѣсенъ, былинъ и сказаній и, наконецъ, черезъ посредство законодательныхъ актовъ, лѣтописей, судебныхъ актовъ и показаній свѣдущихъ лицъ.

Отъ формы выраженія обычнаго права г. Леонтовичъ переходитъ къ юридическому содержанію и санкціи правовыхъ обычаевъ и здѣсь прежде всего останавливаетъ вниманіе читателя на опредѣленіи понятій «закона», «покона», «устава» и «урока». Всѣ эти понятія первоначально означали тотъ-же обычай и только впослѣдствіи стали разсматриваться, какъ продукты законодательной дѣятельности государства, и, слѣдовательно, различаться отъ обычая. Въ виду сказаннаго, говоритъ г. Леонтовичъ, легко объясняется значеніе уставной дѣятельности, приписываемой лѣтописью старымъ русскимъ князьямъ. Ихъ «уставы» нельзя оцѣнивать съ современной намъ точки зрѣнія на указную дѣятельность законодательныхъ органовъ... Ни общины (въ лицѣ вѣчъ), ни старые князья не сознавали идеи творчества законодательной функціи: ихъ заботой было лишь охраненіе старой пошлины — главной и единственной основы, какъ «пошлинныхъ» грамотъ вѣчъ, такъ и тѣмъ болѣе «уставовъ» князей. Уставы древняго времени нужно ставить рядомъ не съ указами, регламентами и уложеніями новаго времени, а главнымъ образомъ съ поконами и пошлинами русскихъ земель, знавшихъ лишь одну форму права—«обычаи и законы отецъ своихъ и преданія» (стр. 50). По вѣрному замѣчанію г. Леонтовича, упомянутая уставная дѣятельность старыхъ общинъ и князей, цѣликомъ опиравшаяся на обычномъ правѣ, особенно рельефно проявляется въ рядѣ—стародавней формѣ, въ какой выражалась у всѣхъ славянъ идея правды, какъ объективной нормы права, регулировавшей междусоюзный бытъ общинъ, земель и волостей. Рядъ — первое проявленіе *сознательнаго* элемента въ процессѣ правообразованія. Въ понятіи обычая, пош-

лины моментъ обязательности обычныхъ правилъ опредѣляется силою привычки, давности, старины, тѣмъ, что «такъ пошло», такъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ ведется на міру. Въ основѣ всѣхъ такихъ понятій и формулъ лежитъ непосредственное чувство правды, въ силу котораго соблюдался данный modus vivendi, намѣченный и, такъ сказать, предписывавшійся самой природою человѣка и человѣческаго общежитія. Рядъ впервые вводитъ въ правообразованіе и правоохраненіе сознательные элементы—волю, соглашеніе. Обычно-правовыя нормы въ формѣ ряда становятся обязательными, юридически необходимыми, не по непосредственному чувству, не по привычкѣ или давности, а въ силу акта свободной воли-единенія, союзности, закрѣпляемой клятвой и порукой (стр. 51). Путемъ ряда не создавались однако законы въ собственномъ смыслѣ: рядъ только расширялъ дѣйствіе старыхъ обычаевъ, практиковавшихся дотолѣ въ тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльныхъ родовъ и общинъ, дѣлалъ ихъ обязательными также въ междусоюзныхъ отношеніяхъ этихъ родовъ и общинъ. Г. Леонтовичъ разсматриваетъ отдѣльные виды ряда по древнеславянскому и русскому праву, затѣмъ говоритъ о публичности, символизмѣ и внѣшней формѣ ряда и, наконецъ, касается обязательности и нарушенія ряда.

Послѣдній отдѣлъ разсматриваемаго изслѣдованія (самый большой по объему) посвященъ вопросу объ органахъ (вѣщателяхъ и хранителяхъ) обычнаго права. «Право, говоритъ г. Леонтовичъ, какъ непосредственное, инстинктивное чувство первобытнаго человѣка сохраняется въ первичныхъ родовыхъ группахъ, не нуждающихся въ точномъ опредѣленіи и формулированіи нормъ права. Сознательные элементы начинаютъ сказываться въ процессѣ правообразованія лишь съ тѣхъ поръ, какъ мелкія родовыя группы путемъ союзнаго ряда вступаютъ между собой въ правовыя отношенія, сплачиваются въ организованные племенные союзы. Въ эту-то пору родовой культуры выдѣляется дѣятельность особыхъ органовъ или вѣщателей обычнаго права» (стр. 63). Такими являются, напр. жрецы и племенные вожди, предписанія которыхъ не имѣютъ субъективно-произвольнаго характера, а являются строго объективнымъ выраженіемъ родовыхъ обычаевъ. Г. Леонтовичъ разсматриваетъ положеніе подобныхъ вѣщателей права у не-арійскихъ народовъ, затѣмъ у германцевъ и скандинавовъ, у юго-западныхъ славянъ и, наконецъ, у русскихъ. Послѣднимъ издавна былъ извѣстенъ институтъ вѣщателей права. «Въ частной жизни, говоритъ г. Леонтовичъ, въ судѣ и нарядѣ, вездѣ, гдѣ только возникали правовые вопросы, главными дѣятелями являлись у насъ въ старое время непремѣнно вѣдоки-мужи, люди добрые или лучшіе, именно въ значеніи вѣщателей или органовъ обычнаго права; ни частныя сдѣлки не заключались, ни дѣла судебныя, административныя и законодательныя не вершились безъ болѣе или менѣе дѣятельнаго участія въ нихъ добрыхъ людей. Необходимость въ нихъ обусловливалась всѣмъ складомъ древне-русской жизни. Какъ уже замѣчено выше, вся жизнь старыхъ русскихъ земель опредѣлялась обычаемъ. Въ частной и общественной жизни все было на немъ основано, а между тѣмъ онъ держался на одномъ преданіи, могъ познаваться лишь путемъ личнаго опыта свѣдущихъ людей—органовъ и вѣщателей права» (стр. 79). Авторъ разсматриваемаго изслѣдованія подробно анализируетъ положеніе названныхъ вѣщателей права въ древнемъ періодѣ русской исторіи, всѣхъ этихъ мужей, знахарей, видоковъ, послуховъ, окольнихъ и стороннихъ людей, добрыхъ и лучшихъ людей, старцевъ и старожильцевъ и т. д., опре-

дѣляя ихъ общественныя функціи въ качествѣ знатоковъ и истолкователей обычнаго права. Заканчивается изслѣдованіе г. Леонтовича указаніемъ на то, что институтъ вѣщателей права, хотя въ значительно модифицированной формѣ, сохранился и въ болѣе позднюю эпоху. Такъ, московскіе государи постоянно совѣщаются съ своими боярами, играющими до нѣкоторой степени роль прежнихъ вѣщателей права. Въ своей уставной дѣятельности великіе князья не могли обходиться безъ ряда и совѣта съ ними, потому что отъ нихъ только они могли узнавать пошлины, легшія въ основу всего наряда князей. Не рѣдко государи призывали для совѣта не только своихъ бояръ, но и другихъ лицъ, особенно такихъ, кого касалось дѣло (напр. созваніе Иваномъ IV сторожевыхъ головъ и вожей при составленіи устава о сторожевой, станичной и полевой службѣ). Наконецъ, вліяніе вѣщателей права ясно проглядываетъ во всей организаціи и дѣятельности земскихъ соборовъ (наглядный примѣръ значенія вѣщателей права въ сферѣ уставной дѣятельности царей представляетъ земскій соборъ, созванный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для составленія Уложенія 1649 г.). Самымъ позднимъ переживаніемъ института вѣщателей права являются депутаты, призывавшіеся въ законодательныя коммиссіи XVIII ст.; такъ, въ депутатскихъ наказахъ и въ заявленіяхъ самихъ депутатовъ, созванныхъ имп. Екатериною II въ 1767 г. содержится не мало важныхъ указаній на современное обычное право, дѣйствовавшее въ различныхъ областяхъ русскаго государства (стр. 156).

Таково содержаніе любопытнаго труда проф. Леонтовича. Если и не всегда можно согласиться съ его воззрѣніями, то тѣмъ не менѣе его трудъ читается съ большимъ интересомъ. **В. Латкинъ.**

Курсъ гражданскаго права. Соч. К. Побѣдоносцева, почетнаго члена университетовъ: Московскаго, С.-Петербургскаго, Казанскаго и св. Владиміра въ Кіевѣ. Части первая, вторая и третья. Спб. 1880—1889.

Въ русской юридической литературѣ «Курсъ гражданскаго права» К. П. Побѣдоносцева занимаетъ почетное мѣсто. Это—настольная книга для всякаго юриста, какъ теоретика, такъ и практика. Желательно даже, чтобы сочиненіе это было настольною книгою и для всякаго образованнаго человѣка.

Названный курсъ состоитъ изъ трехъ частей. Часть первая—вотчинныя права—находится въ продажѣ въ третьемъ изданіи 1883 г. Часть вторая—права семейныя, наслѣдственныя и завѣщательныя—поступила недавно въ обращеніе также въ третьемъ изданіи 1889 г. Наконецъ, часть третья—договоры и обязательства—изданная въ 1880 году и уже разошедшаяся—настоятельно требуетъ новаго выпуска.

Та широкая извѣстность, которую пріобрѣлъ настоящій курсъ, объясняется исключительными достоинствами обработки предмета. Обработка эта образцовая, всесторонняя, основанная на глубокомъ знаніи матеріала, принимаемаго притомъ во всѣхъ подробностяхъ и извлекаемаго непосредственно изъ источниковъ. Теорія соединена здѣсь съ практикою, наука приведена въ тѣсную связь съ жизнію, чистый законъ показанъ въ примѣненіи, такъ сказать, во плоти и крови.

Разсмотрѣніе каждаго учрежденія гражданскаго права начинается съ представленія его въ научномъ теоретическомъ расчлененіи. Дальше пред

метъ показывается съ точки зрѣнія сравнительнаго законодательства. Затѣмъ дѣлается строгое и подробное изслѣдованіе началъ дѣйствующаго русскаго законодательства съ обширными историческими отступленіями. При этомъ почтенный авторъ не ограничивается обработкою только того частно-гражданскаго матеріала, который заключается въ томѣ X., ч. 1 Свода Законовъ. Онъ изслѣдуетъ и всѣ тѣ относящіяся къ гражданскому праву постановленія, которыя разбросаны по всѣмъ томамъ общаго свода. Затѣмъ онъ обращается также къ Своду мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ и къ постановленіямъ, относящимся къ царству Польскому. Наконецъ, тутъ же изслѣдуется обширная сенатская практика съ указаніемъ встрѣчающихся въ ней противорѣчивыхъ воззрѣній и съ разрѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ.

Обширная работа эта ведется въ строжайшей неуклонной послѣдовательности. Авторъ никуда не торопится, но твердо идетъ по ясно-намѣченному пути, подвергая все самому тщательному разбору, исполненному ученаго спокойствія и глубокой сознательности. Простота и ясность чисто русской рѣчи довершаютъ картину этой цѣльной, продуманной, внушительной работы.

Сами по себѣ подобныя сочиненія имѣютъ громадную живую поучительность. Читатель проходитъ съ авторомъ такую работу, присутствуетъ при примѣненіи такихъ пріемовъ, такъ близко и непосредственно ставится къ предмету,—что внимательное чтеніе должно оставлять неизгладимое впечатлѣніе, ясное сознаніе того, какъ нужно изучать предметъ. Но маститый авторъ обращается къ читателю и прямо съ теплыми совѣтами касательно способовъ занятія наукою. (И далеко пошла бы русская юридическая наука, еслибы совѣты эти принимались хотя немногими). Указывая русскую и иностранную литературу предмета, предлагая особо внимательное и серьезное изученіе одного изъ классическихъ твореній германской науки, въ родѣ «System des heutigen römischen Rechts» Савиньи, также показывая на необходимость чтенія какого-либо хорошаго французскаго сочиненія, — авторъ съ особенною силою, краснорѣчіемъ и искренностію, настаиваетъ на изученіи памятниковъ русскаго законодательства, путемъ чтенія Перваго и Второго Полнаго Собранія Законовъ, томъ за томомъ, съ отмѣткою того, что относится къ гражданскому праву. «Здѣсь—говоритъ онъ—каждое явленіе юридическое, каждое положеніе представляется въ связи со всею обстановкою быта, со всѣми данными историческими, и въ совокупности съ ними объясняется» (часть первая, стр. 716). Такое чтеніе освоиваетъ также читателя съ чистотою и ясностью рѣчи, которымъ писаны первые памятники законодательства». Вообще, по мнѣнію автора, невозможно прибрать для русскаго юриста лучшей школы—«какъ эта школа мертвыхъ, но краснорѣчиво говорящихъ памятниковъ»,—(почему, можно было бы прибавить, напрасно посылаютъ у насъ молодыхъ ученыхъ за границу изучать изслѣдованное вовсѣхъ подробностяхъ римское право, при наличности столь богатаго и неразработаннаго родного матеріала). Указавъ же такой продолжительный и трудный путь изученія науки, авторъ объясняетъ его значеніе: «Сила дѣйствительная не вдругъ возникаетъ и появляется; сила должна вырости, знаніе должно быть куплено цѣною труда; и только то прочно для духа, что своимъ трудомъ пріобрѣтено» (т. I, стр. 717).

Нельзя не указать здѣсь только на печальное условіе—трудность слѣдованія совѣтамъ относительно чтенія Полныхъ Собраній Законовъ. И Первое и Второе Собраніе не только стоятъ чрезвычайно дорого и рѣдко встрѣ-

чаются, но Перваго и нѣсколькихъ томовъ Второго вовсе даже нѣтъ въ продажѣ. Крайне желательно, поэтому, новое и болѣе доступное изданіе этихъ замѣчательныхъ памятниковъ отечественнаго законодательства, въ интересахъ русской юридической науки—то есть, и въ интересахъ чисто-государственныхъ.

Крайне желательно также новое изданіе труда другого замѣчательнаго русскаго цивилиста—Мейера. Послѣднее изданіе составленнаго г. Вицыною по его лекціямъ курса гражданскаго права—давно разошлось и стоитъ весьма дорого въ случайной продажѣ. Догматическая же сторона русскаго гражданскаго права получила у Мейера особую цѣльную и глубокую обработку.

Въ заключеніе не можемъ не выразить глубокаго сожалѣнія по поводу того, что въ курсѣ К. П. Побѣдоносцева не получили полной обработки поземельныя отношенія крестьянъ. Между тѣмъ, это область весьма обширная и трудная для изслѣдованія. Юридическая сторона крестьянскаго землевладѣнія остается почти не затронутою наукою. А въ это время и, такъ сказать, пользуясь этимъ, практика—съ одной стороны—совершенно извращаетъ нѣкоторыя законоположенія, имѣющія характеръ неотчуждаемости крестьянскихъ земель, съ другой—усиливаетъ въ примѣненіи неблагопріятное значеніе нѣкоторыхъ иныхъ законоположеній,—что, въ концѣ концовъ, приводитъ крестьянъ во многихъ случаяхъ къ неправильному, то есть, въ сущности къ недопускаемому закономъ обезземеленію.

Авторитетное разрѣшеніе многихъ весьма запутанныхъ, относящихся сюда, вопросовъ—желательно въ высшей степени, и именно почтенный авторъ съ особымъ успѣхомъ могъ бы выполнить эту задачу. Для этого нужно только совершенно отрѣшиться отъ воззрѣній, довольно распространенныхъ, но невѣрныхъ по настоящему предмету, и обратиться къ самому тексту закона, къ опредѣленію его, такъ сказать, юридическаго удѣльнаго вѣса.

Н. Др.

Календарь для писателей, литераторовъ и издателей. Составилъ М. М. Бродовскій. Спб. 1890. Справочная книжка для писателей, литераторовъ и издателей (часть II-ая календаря).

Календарь этотъ издается уже второй годъ. Первый годъ онъ былъ составленъ очень плохо и г. Бродовскій напрасно называетъ дѣльныя замѣчанія по его адресу—«нелѣпыми и наглыми выходками, дикимъ и возмутительно-безтактнымъ глумленіемъ и ругательствомъ, на которое если и слѣдовало отвѣчать, то во всякомъ случаѣ не словами». Такая «антикритика» гораздо болѣе безтактна и возмутительна, чѣмъ нападки на календарь, представлявшій, по словамъ самого г. Бродовскаго—пробный выпускъ, которымъ онъ надѣялся вызвать указанія и совѣты. Но за эту пробу и за полученіе указаній онъ все-таки желалъ заполучить дороже цѣлковаго, а за нынѣшній выпускъ требуетъ уже 1 р. 75 коп., правда, со справочной книжкой, такъ какъ календарь разросся до того, что пришлось «для удобства пользованія» раздѣлить его на двѣ части. Положимъ обѣ эти части очень удобно могли бы умѣститься и въ одной и, во всякомъ случаѣ, даже взятыя вмѣстѣ, даютъ гораздо меньше матерьяла, чѣмъ календари Суворина и Гоппе,—но это уже «матерьяльные» разсчеты, которыхъ мы не будемъ касаться. Послѣ неприличныхъ угрозъ отвѣчать «не словами» своимъ критикамъ, «выходки

которыхъ по своей безсмысленной грубости скорѣе жалко-пошлы, чѣмъ обидны», г. Бродовскій приглашаетъ литераторовъ и писателей, книгопродавцевъ, стенографовъ, художниковъ—иллюстраторовъ, ученыя, и разныя общества присылать ему свѣдѣнія о своей дѣятельности. Конечно безъ подобныхъ свѣдѣній календарь для писателей не можетъ быть ни полонъ, ни вѣренъ, но съ другой стороны нельзя же разсчитывать только на присылку свѣдѣній, надо и самому постараться добыть ихъ. А нельзя сказать, чтобы календарь былъ богатъ такими данными. За обыкновенными календарными свѣдѣніями, между которыми помѣщены даже затмѣнія въ 1890 году, такъ необходимыя для писателей, идутъ свѣдѣнія спеціальныя: записная книжка на каждый день, памятные листки, разсчетная книжка для гонорара и листки для адресовъ, то есть болѣе 90 страницъ чистой бумаги съ графами и заголовками. Безусловно полезны слѣдующіе затѣмъ списки: личнаго состава главнаго управленія по дѣламъ печати, цензурныхъ комитетовъ, инспекторовъ по надзору за книжной торговлей, заведеній печати и книжныхъ магазиновъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ. Жаль только, что всѣмъ этимъ заведеніямъ не подведены общіе итоги. Вообще въ календарѣ ощутителенъ недостатокъ цифровыхъ и статистическихъ данныхъ. Напримѣръ въ Петербургѣ показаны только «крупнѣйшія» книжныя лавки, а слѣдовало бы перечислить всѣ. Нѣтъ фирмы «Посредника», на Невскомъ, продающей дешевыя и антикварныя книги, нѣтъ старѣйшей фирмы Лисенкова, на Фонтанкѣ; книжный магазинъ Н. Г. Мартынова почему-то показанъ торгующимъ «классическими произведеніями». Въ спискѣ періодическихъ изданій есть также пропуски: не показаны новые журналы: «Русское Обозрѣніе», «Русская школа», «Фотографъ-любитель»; показана выходящею «Народная школа», тогда какъ изданіе ея пріостановлено. Если уже въ перечисленіи журналовъ большіе пробѣлы, то въ адресахъ писателей ихъ еще больше; пропущено много всѣмъ извѣстныхъ и всѣми уважаемыхъ именъ, зато тутъ же очень обязательно сообщены адресы и никому невѣдомыхъ лицъ, несомнѣнно умѣющихъ писать, если они доставили свои адреса въ редакцію календаря и причисленныхъ за это г. Бродовскимъ къ рангу писателей. Въ спискѣ литераторовъ умершихъ въ 1888—89 году, важныхъ пропусковъ нѣтъ; полезенъ списокъ славянскихъ періодическихъ изданій и переводчиковъ русскихъ произведеній, литературныя годовщины въ 1890 году и годовщины смерти нѣкоторыхъ писателей.

Во второй, справочной части календаря помѣщены: цензурный уставъ съ приложеніемъ о правѣ литературной собственности, драматическихъ, художественныхъ и музыкальныхъ произведеній, уставы разныхъ обществъ: литературнаго фонда и др., статьи уложенія о наказаніяхъ, относящихся къ нарушенію постановленій о печати, свѣдѣнія о конкурсахъ, смѣты типографскихъ работъ и расходовъ, формы прошеній и контрактовъ, ученыя и другія общества, библіотеки, музеи и картинныя галлереи, энциклопедическія изданія и хронологическій литературный указатель, — все это свѣдѣнія несомнѣнно полезныя, хотя и не полныя. Такъ въ русскихъ словаряхъ пропущены указанія на новый энциклопедическій словарь Березина, доведенный до буквы Г. включительно, на дополнительные томы словаря Бантыша-Каменскаго, на словарь писателей Геннади, неупомянуты два приложенія къ словарю Толя. Энциклопедическаго словаря П. Лаврова вышло не пять томовъ на букву А, а шесть съ буквою Е. Изъ иностранныхъ словарей пропущены лучшіе: Ларусса, La Grande encyclopédie, Nouvelle biographie générale, превосходный нѣ-

мецкій словарь Пирера, словарь писателей Анджело де-Губернатиса и др. а упомянуты такіе устарѣлые и плохіе словари какъ Булье. Почему-то не упомянутъ ни одинъ книжный каталогъ, тогда какъ безъ базуновскихъ и глазуновскихъ каталоговъ, составленныхъ Межовымъ, не обойдется ни одинъ литераторъ. Хронологическій указатель годовъ рожденія и смерти замѣчательнѣйшихъ писателей и разныхъ событій, относящихся къ дѣламъ печати, составленъ очень обстоятельно и подробно, хотя и тутъ бросаются въ глаза странные промахи. Такъ на первой же страницѣ смерть Герцена показана «между 9 — 21 января 1870 года, на основаніи указаній «Сборника русскаго историческаго общества», тогда какъ стоило заглянуть въ словарь Геннади, чтобы найти тамъ прямое указаніе на 9-ое января, которое по новому стилю будетъ 21 янв. Въ общемъ выводъ: побольше внимательности и акуратности, по меньше заносчивости и хлесткихъ словечекъ—и тогда календарь принесетъ свою долю пользы. **В. З.**

Виленскій календарь на 1890 годъ. Вильна. 1889.

Кромѣ обыкновенныхъ календарныхъ свѣдѣній, общихъ и мѣстныхъ, въ Виленскомъ календарѣ на 1890 годъ помѣщено нѣсколько статей по исторіи мѣстнаго края, какъ напр.: «Торжество 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православною церковію 8-го іюня 1889 г. въ Вильнѣ» прот. І. А. К — ча; «Св. виленскіе мученики Антоній и Іоаннъ (съ рисункомъ Н. П. Трутнева)», «Коложская церковь въ Гроднѣ (съ рисункомъ и планомъ В. В. Грязнова)» В. Гр—нова; «Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій (съ портретомъ архіепископа Георгія)», С. С — скаго; «Историческія замѣтки о городахъ Сѣверо-Западнаго края. Губернскіе города: Вильна, Витебскъ, Гродно, Ковно» и нѣсколько некрологовъ мѣстныхъ дѣятелей (прот. В. І. Гомолицкаго, С. А. Поль и др.). Подобныя статьи по мѣстной исторіи, умѣстныя въ каждомъ провинціальномъ календарѣ, имѣютъ особенное значеніе для Сѣверо-Западнаго края Россіи, содѣйствуя развитію русскаго историческаго самосознанія въ краѣ и служа противоядіемъ польскимъ притязаніямъ на этотъ край. Остается только пожелать, чтобы на будущее время отводилось въ календарѣ побольше мѣста подобнымъ статьямъ, и чтобы онѣ составлялись съ большею тщательностію. Въ указанныхъ статьяхъ календаря на настоящій годъ о «Коложской церкви въ г. Гроднѣ» и въ «Историческихъ замѣткахъ о городѣ Гроднѣ» смѣшивается нынѣшній губернскій городъ Гродно съ бывшимъ Городномъ, что нынѣ мѣстечко Городная, въ 60-ти верстахъ къ югу отъ Пинска, Минской губерніи. Въ Ковнѣ въ XVI вѣкѣ была не одна православная русская церковь, а двѣ: церковь Всѣхъ Святыхъ, упоминаемая подъ 1553 годомъ, и Никольская церковь. **Н. П.**

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ комиссію сочиненія Уложенія. Изданіе «Кіевской Старины». Кіевъ. 1889.

14-го декабря 1766 г. имп. Екатерина II издала свой извѣстный манифестъ о созывѣ депутатовъ отъ всѣхъ сословій русскаго государства для участія въ трудахъ знаменитой коммисіи «сочиненія проекта новаго Уложенія». Манифестъ былъ отправленъ и въ Малороссію, гдѣ осуществленіе его на

практикѣ было возложено на Малороссійскую коллегію. Уже въ февралѣ 1767 года коллегія вмѣстѣ съ графомъ Румянцевымъ, управлявшимъ въ то время Малороссіей, разослала по всему краю предписанія о выборѣ повѣренныхъ для избранія депутатовъ и инструкціи о порядкѣ выборовъ и составленіи депутатскихъ наказовъ. Одновременно съ этимъ были опредѣлены и мѣста для собранія повѣренныхъ. Съ этой цѣлью вся Малороссія была раздѣлена на 15 участковъ, въ которыхъ и должны были произойти выборы (Новгородъ, Стародубъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Глуховъ, Гадячъ, Сорочинцы, Полтава, Козелецъ, Переяславль, Лубны, Прилуки, Погаръ и Запорожье). Послѣдніе должны были происходить отдѣльно отъ каждаго сословія: отдѣльно отъ шляхетства, отдѣльно отъ горожанъ и отдѣльно отъ казаковъ. Въ каждомъ избирательномъ участкѣ и каждымъ сословіемъ должны были быть составлены наказы депутатамъ съ изложеніемъ сословныхъ нуждъ и желаній. Такимъ образомъ отъ одной Малороссіи должно было поступить въ комиссію 34 наказа. Изъ нихъ только немногіе (16 наказовъ) вошли въ составъ извѣстнаго рукописнаго сборника «актовъ, относящихся къ исторіи составленія Уложенія при Екатеринѣ II», принадлежавшаго г. Судіенко и перешедшаго въ руки редакціи «Кіевской Старины». Кромѣ наказовъ, въ упомянутомъ сборникѣ оказалось еще не мало другихъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ производству выборовъ въ Малороссіи въ 1767 году. Редакція «Кіевской Старины» рѣшила издать всѣ эти документы, въ виду ихъ несомнѣннаго историческаго интереса и въ виду того, что они нигдѣ еще не были напечатаны. Выписанное выше названіе и принадлежитъ сборнику, изданному «Кіевской Стариной». Въ этомъ изданіи документы сгруппированы слѣдующимъ образомъ: на первомъ планѣ поставлены собственно наказы; распредѣлены они по сословнымъ группамъ; такъ, прежде всего слѣдуютъ наказы и прошенія шляхетства (глуховскаго, черниговскаго, прилуцкаго, переяславскаго, лубенскаго и полтавскаго). Затѣмъ во вторую группу вошли наказы городовъ (Глухова, Чернигова, Погара, Стародуба, Полтавы и Лубенъ) и, наконецъ, въ третью группу наказы казаковъ (черниговскихъ, стародубскихъ, прилуцкихъ и миргородскихъ). Если мы сравнимъ названное изданіе малороссійскихъ наказовъ съ изданіемъ «Русскаго Историческаго Общества» (томъ 68 «Сборника»), вышедшимъ почти одновременно съ разсматриваемымъ, гдѣ также помѣщены малороссійскіе наказы, но только отъ шляхетства, то увидимъ, что въ «Сборникѣ Ист. Общ.» напечатаны, кромѣ названныхъ шести наказовъ, еще четыре, не вошедшихъ въ изданіе «Кіевской Старины», а именно: наказы нѣжинскаго, кіевскаго, стародубскаго и погарскаго шляхетства. Затѣмъ въ изданіи «Кіевской Старины» напечатано «прошеніе» лубенскаго шляхетства, собственно же «наказъ» не напечатанъ, въ «Сборникѣ же Ист. Общ.» «прошеніе» не напечатано, но за то, напечатанъ «наказъ».

Кромѣ наказовъ, въ изданіе «Кіевской Старины» еще вошли представленія и прошенія малороссійскихъ депутатовъ во время составленія Уложенія и много документовъ, относящихся къ выборамъ депутатовъ, какъ-то рапорты и донесенія мѣстныхъ начальствъ графу Румянцеву о производствѣ выборовъ, жалобы на выборы и т. п.

Къ изданію приложенъ указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ наказахъ.

В. Л—нъ.

А. М. Сементовскій. Бѣлорусскія древности. Спб. 1890.

Археологія,—эта сравнительно недавно возникшая наука, повидимому, хорошо привилась у насъ, въ Россіи: мы имѣемъ уже не одно археологическое общество, археологическій институтъ (отдѣленіе котораго, какъ мы слышимъ, открывается теперь въ Римѣ), и можемъ назвать уже цѣлый рядъ именъ ученыхъ, создавшихъ у насъ довольно богатую археологическую литературу. Однако, хотя и много сдѣлано уже по археологіи Россіи, но сдѣлано, конечно, еще далеко не все, и появленіе новыхъ трудовъ по этой части не можетъ не радовать всякаго, принимающаго къ сердцу интересы науки. Въ виду этого и книга г. Сементовскаго, заглавіе которой мы выписали, является весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ нашей научной литературы. Авторъ ея, состоящій дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Археологическаго Общества, уже въ 1867 г. издалъ описаніе памятниковъ старины Витебской губерніи, сдѣлавшееся теперь библіографической рѣдкостью. Это описаніе, дополненное многочисленными новыми фактами и выводами, легло въ основу настоящаго труда, представляющаго собою описаніе всякаго рода бѣлорусскихъ древностей, отъ памятниковъ каменнаго періода до древнихъ рукописей включительно. Въ первой главѣ своихъ «Древностей», г. Сементовскій даетъ описаніе земляныхъ памятниковъ Витебской губерніи, какъ-то городищъ, кургановъ и могилъ, приводя при этомъ связанныя съ ними въ народѣ преданія и тутъ же давая свѣдѣнія изъ мѣстной исторіи. Вся первая глава, однако, даетъ какъ ученому, такъ и просто любознательному читателю чрезвычайно мало: по описанію г. Сементовскаго никакъ нельзя составить себѣ яснаго представленія ни объ описываемой мѣстности, ни о типѣ кургановъ и городищъ, главнымъ образомъ, потому, что не достаетъ крайне необходимыхъ въ такомъ описаніи плановъ. Послѣ этого описанія, авторъ предпославъ разсмотрѣніе замковъ, замковищъ и находокъ «внѣ кургановъ и вообще земляныхъ насыпей», въ четвертой главѣ переходитъ къ палаткамъ каменнаго вѣка. Относительно этой главы мы не можемъ удержаться отъ небольшого замѣчанія. Намъ показалось страннымъ то, что авторъ въ описаніи Бѣлорусскихъ древностей берется разсуждать о такихъ, уже слишкомъ общихъ для его сочиненія, вопросахъ, какъ-то: древность земного шара и человѣка, слѣды повсемѣстнаго присутствія человѣка отъ начала міра до нашихъ временъ, существованіе въ наше время племенъ каменнаго періода, какъ напримѣръ меланезійцевъ и т. п. Можетъ быть, онъ сдѣлалъ это для приданія своему труду болѣе научнаго характера, чтобы онъ не являлся «простымъ спискомъ мѣстныхъ предметовъ древности»; но, во всякомъ случаѣ, мы можемъ увѣрить автора, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія, которыя онъ заимствуетъ изъ столь авторитетнаго источника, какъ журналъ «Нива», столь же мало увеличиваютъ научность его труда, какъ напримѣръ пріисканный имъ изъ Книги Царствъ эпиграфъ къ главѣ пятой: «И взя Самуилъ камень единъ, и нарече ему имя Авенезеръ»... У г. Сементовскаго замѣчается, вообще, какая-то страсть къ отступленіямъ, заставляющая его къ цѣнному и весьма полезному описанію древностей Бѣлорусскихъ присоединять массу никому не нужныхъ свѣдѣній. Напримѣръ, въ той же четвертой главѣ, описывая хранящіяся у него орудія каменнаго вѣка, г. Сементовскій почему-то считаетъ необходимымъ присовокупить, что у него есть не однѣ настоящія древности, но и поддѣльныя, какъ напримѣръ ка-

менный топоръ, представляющій собою «продуктъ усердія не по разуму одного маленькаго административнаго чиновника, нынѣ покойнаго, къ исполненію предписаній начальства». Спрашивается, къ чему сообщать объ этихъ «дѣлахъ семейныхъ» въ серьезномъ научномъ трудѣ? Въ слѣдующей, пятой главѣ г. Сементовскій немного сдерживаетъ свое влеченіе къ отступленіямъ, хотя, повидимому, это ему дается не легко. Напримѣръ, на 96 стр. у него, при разсказѣ о поднятіи Борисъ-Хлибниковскаго камня, прорывается слѣдующаго рода заявленіе:—«Послѣ этого подвига народные легендарные разсказы, одинъ другого нелѣпѣе, о томъ: почему начальство хочетъ вытащить камень изъ воды и поставить его въ Полѣзкѣ на площади, полились рѣкой. Мы ихъ не повторяемъ, но рано или поздно они найдутъ своего историка». Весьма жаль, что г. Сементовскій лишь въ самомъ концѣ своей книги додумался до того, что передача народныхъ преданій не можетъ служить содержаніемъ «Древностей»: проникнись онъ раньше этимъ убѣжденіемъ, такъ онъ не наполнилъ бы всей своей первой главы массой преданій, интересныхъ скорѣе въ этнографическомъ, и уже никакъ не въ археологическомъ отношеніи... Вообще, можно было бы дать автору совѣтъ ограничиваться впредь хотя бы простымъ, но возможно обстоятельнымъ и точнымъ описаніемъ самыхъ древностей, и возможно порѣже вдаваться въ разсужденія общаго характера и не прибѣгать къ выводамъ, въ построеніи которыхъ онъ крайне неумѣлъ. Вотъ, напримѣръ, образецъ «научнаго» предположенія г. Сементовскаго, относительно камня съ надписями, найденнаго въ одномъ изъ уѣздовъ Витебской губ.:—«Народное преданіе говоритъ, что на мѣстѣ, гдѣ лежалъ этотъ камень, болѣе двухъ-сотъ лѣтъ тому назадъ, обѣдалъ какой-то польскій король, стоявшій здѣсь съ своимъ войскомъ, и что, будто бы, въ память этого и выбита на камнѣ вышеприведенная надпись. Если это такъ, то съ нѣкоторой достовѣрностію можно предположить, что описанный камень есть памятникъ одного изъ многихъ походовъ короля Стефана Баторія». (Стр. 101). Мы, съ своей стороны, признаемся, что не видимъ здѣсь ровно никакой вѣроятности: такихъ мелкихъ фактовъ въ народной памяти въ продолженіе многихъ вѣковъ сохраниться не можетъ, и если существуютъ въ народѣ такого рода разсказы, то ихъ всецѣло слѣдуетъ отнести къ области вымысла... Впрочемъ, можетъ быть, г. Сементовскій въ этомъ дѣлѣ придерживается совершенно особаго мнѣнія: вѣдь, по его словамъ, Бѣлоруссы очень хорошо помнятъ даже событія временъ Рогвольда и Рогнѣды (стр. 16).

Скажемъ нѣсколько словъ и о внѣшности книги г. Сементовскаго. Она издана очень изящно, на хорошей бумагѣ, съ множествомъ прекрасно исполненныхъ рисунковъ и мелкихъ плановъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ наполнена массой грубыхъ опечатокъ. L.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургскаго Коммерческаго училища. Три тома. Спб. 1889.

6 декабря 1772 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи «воспитательнаго училища изъ купеческихъ дѣтей для коммерціи» на средства дворянина Прокофья Акинфьевича Демидова и по проекту Ивана Ивановича Бецкаго, создавшаго воспитательные дома въ Москвѣ и Петербургѣ. Такимъ образомъ Коммерческое училище существуетъ уже второе

столѣтіе, а между тѣмъ не только исторіи этого училища никто не составлялъ, но даже не было сборника матеріаловъ для будущаго историка. Чтобы пополнить такой чувствительный пробѣлъ, согласно мысли т. сов. И. П. Корнилова, на секретаря училищнаго совѣта, Н. И. Константинова, было возложено собраніе матеріаловъ, разсѣянныхъ въ различныхъ архивахъ и не всегда доступныхъ частному изслѣдователю. Первоначально составленный сборникъ былъ просмотрѣнъ т. сов. Г. К. Властовымъ и пополненъ согласно его указаніямъ. Въ такомъ видѣ сборникъ и явился въ свѣтъ. Весь матеріалъ раздѣленъ на шесть отдѣловъ: 1) въ первый вошли всѣ высочайшія повелѣнія съ 1772 по 1888 годъ включительно, касающіяся собственно заведенія, а также высочайшія повелѣнія о назначеніи оберъ-директоровъ, попечителей, директоровъ и членовъ совѣта; всѣхъ документовъ 198; 2) во второй отдѣлъ вошли важнѣйшія высочайшія повелѣнія, числомъ 29, императрицъ: Маріи Ѳеодоровны и Елисаветы Алексѣевны, объявленные Спб. опекунскимъ совѣтомъ съ 1802 по 1828 годъ; 3) въ третьемъ отдѣлѣ помѣщены рескрипты императрицы Маріи Ѳеодоровны къ служащимъ въ училищѣ и другимъ лицамъ по различнымъ случаямъ и обстоятельствамъ съ 1799 по 1828 годъ, числомъ 147; 4) въ четвертый отдѣлъ включены важнѣйшіе доклады, а также записки и письма, по дѣламъ училища, одобренные императрицею Маріею Ѳеодоровною съ 1799 по 1828 годъ, въ количествѣ 179 документовъ; 5) въ пятый отдѣлъ вошли инструкціи по училищу, въ числѣ 17, разсмотрѣнныя и одобренныя императрицею Маріею Ѳеодоровною съ 1800 по 1827 годъ; 6) наконецъ, въ шестой отдѣлъ вошли 29 разныхъ документовъ, относящихся до училища, не вошедшіе ни въ одинъ изъ предшествовавшихъ отдѣловъ и изданные съ 1815 по 1885 годъ. Кромѣ того, въ концѣ третьяго тома помѣщены историческія извѣстія о «Демидовскомъ коммерческомъ училищѣ», собранныя изъ писемъ И. И. Бецкаго, совѣтскихъ журналовъ, расходныхъ книгъ и изустныхъ преданій помощникомъ инспектора училища, кол. ас. Подшиваловымъ (1772—1800 г.). Такая чисто канцелярская группировка матеріала заключаетъ въ себѣ много неудобствъ, такъ какъ для лица, которое пожелало бы писать исторію училища, крайне неудобно читать всѣ шесть отдѣловъ разомъ одновременно, а между тѣмъ иначе невозможно приступить къ прагматическому, связному изложенію свыше столѣтней исторіи этого учрежденія. Кромѣ того, помѣстивъ обильный матеріалъ для эпохи отъ основанія училища до 1828 года, составитель совершенно выпустилъ не менѣе обильный матеріалъ для эпохи 1828—1888 годовъ, ограничившись лишь высочайшими повелѣніями и двумя десятками другихъ документовъ.

А. Б—въ.

Новгородскія древности. Археологическій эскизъ Евгенія Гаршина. Третье исправленное и дополненное изданіе, съ рисунками З. П. Ахочинской. Спб. 1890.

Въ своемъ предисловіи авторъ названной книжки отмѣчаетъ «отсутствіе въ нашей литературѣ обстоятельныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сжатыхъ и портативныхъ путеводителей, точно указывающихъ, какъ, гдѣ и что̀ можно видѣть интереснаго и поучительнаго». Цѣлью дать такой указатель для новгородскихъ древностей, очевидно, и задался г. Гаршинъ и нужно сказать, что эта задача выполнена имъ въ умѣньемъ и толкомъ. На двадцатисеми

страничкахъ небольшого формата, часть которыхъ занята къ тому же еще рисунками, онъ даетъ читателю интересно и живо составленный перечень главнѣйшихъ древностей, сохранившихся въ Новгородѣ, кратко выясняя при этомъ ихъ значеніе. Къ такому перечню, приспособленному для чисто практической цѣли—облегчить путешественникамъ осмотръ Новгорода, естественно, нельзя предъявлять слишкомъ строгихъ требованій. Авторъ сообщаетъ, какимъ путемъ нужно ѣхать въ Новгородъ, что̀ и какъ тамъ осматривать, перечисляетъ главнѣйшіе памятники новгородской старины и сообщаетъ необходимыя археологическія свѣдѣнія. То обстоятельство, что съ 1886 года, когда авторъ самъ совершилъ поѣздку въ Новгородъ, плодомъ которой и явилась его книжка, эта послѣдняя выдерживаетъ уже третье изданіе, лучше всего указываетъ, какъ вѣрно угадалъ г. Гаршинъ потребность въ такого рода археологическомъ путеводителѣ. Тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ будемъ мы ожидать обѣщаннаго имъ въ предисловіи къ настоящему труду обстоятельнаго обозрѣнія новгородскихъ древностей.

В. М.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Переписка русской посланницы съ ея англійскимъ поклонникомъ.— Англійскій полковникъ въ Средней Азіи.— Первые русскіе ученики въ Англіи.— Записки французскаго эмигранта, бывшаго адъютанта Александра I.—Русская колонизація въ Азіи и нѣмецкая въ Россіи.—Жена Вильгельма Оранскаго.—Доисторическая Франція.—Книга южно-американскаго писателя о своей родинѣ.—Историческія странности.

АНГЛИЧАНЪ продолжаютъ интересовать русская жизнь и русскіе дѣятели прошлаго и нынѣшняго времени. Гюи Лестранжъ издалъ два объемистые тома «переписки княгини Ливенъ и графа Грея» (Correspondence of prinsess Lieven and earl Grey). Не отрицая историческаго и даже философскаго значенія этой корреспонденціи, англійская критика находитъ однакожъ, что два огромныхъ тома и еще съ обѣщаніемъ третьяго могутъ утомить самаго усерднаго читателя. Далеко не всѣ эти письма заслуживаютъ того, чтобы ихъ сохранять для потомства, и переводчикъ ихъ—такъ какъ они писаны на французскомъ языкѣ—могъ бы сдѣлать изъ нихъ болѣе строгій выборъ. Между тѣмъ онъ заботливо печаталъ даже такія записки, въ которыхъ говорится о погодѣ, о здоровьѣ переписывающихся и тому подобныхъ предметахъ, не имѣющихъ уже ровно никакого интереса. Княгиня Ливенъ, жена русскаго посланника при сент-джемскомъ дворѣ, лицо довольно любопытное. Объ ней много говорилъ Гревиль въ своихъ мемуарахъ. Она играла въ англійскомъ обществѣ въ теченіе многихъ лѣтъ значительную роль и, въ то же время, была агентомъ, хотя и не офиціальнымъ, русскаго двора. Ея вліяніе на дипломатическія англо-русскія сношенія неоспоримо и хотя въ англійской администраціи она была всегда persona grata, у нея были въ управленіи и сильные противники. Къ нимъ принадлежалъ и герцогъ Веллингтонъ. Гревиль очень неясно передаетъ причины ихъ размолвки. Въ изданныхъ теперь письмахъ видно, что эта размолвка началась съ 1829 года изъ-за кандидатовъ на греческій престолъ. Не любилъ княгиню и министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Абердинъ и даже высказывалъ

желаніе о смѣнѣ посланника и его супруги, которые оба слишкомъ хитры (much too deep). Княгиня знала объ этомъ нерасположеніи къ ней правительственныхъ лицъ Англіи и въ письмѣ къ Грею горько жалуется на нихъ и на то, что ея безкорыстная дружба къ графу Грею подвергается нападкамъ, клеветѣ, на которыя ея достоинство не позволяетъ отвѣчать. Во всѣхъ оправданіяхъ княгини очень много фразъ и протестовъ и очень мало документальнаго. Впослѣдствіи и лордъ Пальмерстонъ находилъ, что ее необходимо немножко осадить (she wanted to be taken down a peg). Это и произошло при назначеніи въ Петербургъ посланникомъ Стратфорда Каннинга, чему сильно противилась Ливенъ, зная что императору Николаю не нравится это лицо. Пальмерстонъ настаивалъ однако на этомъ опредѣленіи и хотя Николай I отказался принять посланника, но недовольный тѣмъ, что дѣло это подняло шумъ въ газетахъ, отозвалъ изъ Лондона и Ливена, несъумѣвшаго при этихъ переговорахъ отстранить вмѣшательство въ нихъ печати. Въ корреспонденціи съ Греемъ, продолжавшейся десять лѣтъ (1824—34), Ливенъ была всегда его Эгеріей, какъ потомъ у премьера Луи Филиппа, Гизо, но она сознается, что Грей оставался всегда настоящимъ англичаниномъ. «Lui-très anglais, moi très russe», прибавляетъ она, хотя послѣднее утвержденіе далеко не справедливо: въ ея католическихъ и ультра-консервативныхъ тенденціяхъ очень мало истинно русскаго. Грей былъ убѣжденный вполнѣ противникъ Каннинга, Лансдоуна, въ особенности Абердина и Веллингтона, за ихъ стараніе обрѣзать сколько можно свободу и территорію только-что возникшаго греческаго королевства, за поощреніе Бурбоновъ и Полиньяка къ нарушенію конституціи. Ливенъ писала ему по этому послѣднему поводу, что поддержка самодержавныхъ претензій во Франціи можетъ повести къ паденію династіи. Ненавидя Меттерниха, она писала, что и онъ, упорно держась своей ретроградной системы, подавляющей прогрессивныя стремленія, погубитъ абсолютистскую монархію въ Австріи. Все это и случилось дѣйствительно. Въ письмахъ княгини Ливенъ встрѣчаются любопытныя подробности объ усиліяхъ русской дипломатіи помѣшать признанію независимости Бельгіи, о стараніяхъ княгини, чтобы въ королевской рѣчи, при открытіи парламента 1831 года, поляки, поднявшіеся въ Варшавѣ, были названы «мятежниками», а не воюющею стороною. Грей стоялъ впрочемъ за то, чтобы полякамъ сдѣланы были нѣкоторыя уступки въ примирительномъ духѣ и даже приглашалъ Адама Чарторыйскаго на офиціальные, министерскіе обѣды, за что княгиня дѣлала ему дружескіе выговоры въ своихъ письмахъ, изъ которыхъ многія читаются съ интересомъ и поясняютъ многое въ дипломатической интригѣ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ.

— Вслѣдъ за книгой Курзона о Россіи въ Средней Азіи, о которой мы говорили въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», вышло сочиненіе полковника Мезюрье «Отъ Лондона до Бухары и поѣздка черезъ Персію». (From London to Bokhara and a ride through Persia). Авторъ пріѣхалъ въ Бухару по закаспійской желѣзной дорогѣ, которую описываетъ подробно, стараясь вообще избѣгать политическихъ вопросовъ. Но самыя разсужденія его о значеніи этой дороги сводятся къ возможности столкновенія по русско-афганской границѣ между сосѣдними державами и къ различнымъ планамъ о защитѣ той или другой мѣстности, важной въ стратегическомъ отношеніи. Дорога, при незначительности стоимости (до 60,000 рублей за милю) принесетъ огромную пользу во время войны. Въ Бухарѣ Ме-

зюрье былъ первымъ англійскимъ офицеромъ, явившимся туда послѣ казни Стоддарта и Конолли бухарскимъ ханомъ Насруллою. Авторъ видѣлъ парадъ бухарскихъ войскъ и находитъ, что они весьма порядочно обучены и дисциплинированы. Изъ Баку Мезюрье отправился въ Энзели и оттуда черезъ Рештъ, Тегеранъ, Испаганъ и Ширазъ, проѣхалъ Персію до Бушира. Въ Испагани онъ видѣлся съ Зилль-эс-султаномъ, которому предназначена важная политическая роль, какъ наслѣднику Насръ-Эддина. Принцу, по описанію автора, за сорокъ лѣтъ, у него довольно пріятная наружность, но грубыя манеры. Онъ постоянно окруженъ муллами, которые «воображаютъ себѣ, что весь свѣтъ созданъ для нихъ». Принцъ спрашивалъ, скоро ли русскіе свергнутъ съ престола бухарскаго хана и сколько они могутъ выставить войска на афганской границѣ. Мезюрье отвѣчалъ, что теперь тамъ не болѣе 8000, но что съ Кавказа, Волги и изъ Сибири въ короткое время можно собрать до 300,000. Принцъ замѣтилъ, что и по его свѣдѣніямъ число это не преувеличено. Вообще въ книгѣ англійскаго полковника сообщается много любопытныхъ свѣдѣній.

— Варшавскій профессоръ Б. Александренко сообщаетъ въ журналѣ «Academy» интересныя свѣдѣнія о первыхъ русскихъ ученикахъ въ Англіи (The first russian students in England). Въ теченіе XVII вѣка сношенія между Россіей и Англіей были весьма дружественны. Англійскіе купцы, торговавшіе въ Россіи, пользовались большими преимуществами, гарантированными имъ Борисомъ Годуновымъ, котораго они называли «лордомъ-протекторомъ». Обѣ державы по временамъ отправляли одна къ другой посольства. Много англичанъ жили въ Москвѣ и нѣкоторые изъ нихъ, какъ Джонъ Меррикъ, говорили по-русски. Для усиленія этихъ дружескихъ отношеній, Годуновъ хотѣлъ имѣть вокругъ себя нѣсколько русскихъ людей, образованныхъ по-европейски и которыхъ онъ могъ бы потомъ употреблять для дипломатическихъ переговоровъ. Съ этою цѣлью, весною 1602 года, были отправлены въ Англію четыре молодыхъ человѣка. Неизвѣстно, когда они прибыли туда, но въ ноябрѣ того же года, какъ видно изъ офиціальныхъ документовъ, четыре московскихъ юноши были распредѣлены по школамъ въ Винчестерѣ, Итонѣ, Кембриджѣ и Оксфордѣ, для изученія какъ англійскаго, такъ и латинскаго языка. Но вернуться въ Россію эти ученики не захотѣли и въ мартѣ 1617 года, русскій посланникъ подалъ въ тайный совѣтъ заявленіе, что четыремъ отправленнымъ въ Англію русскимъ: Никифору Алферьевичу Егорову (Mechifor Olferiov sin Iegoriow), Ѳедору Семенову, Сафону Михайлову и Назорею Давыдову, время уже вернуться на родину, такъ какъ они теперь уже достаточно обучены для службы своему государю и передачи англійскаго, латинскаго и другихъ языковъ,—и прошло уже время «безпорядковъ въ Россіи, произведенныхъ иностранными врагами, посланными во владѣнія нашего государя за наши грѣхи». Совѣтъ отвѣчалъ, что изъ этихъ четырехъ учениковъ двое живутъ въ Индіи, одинъ въ Ирландіи,—всѣ женатые и только одинъ въ Англіи. Русскимъ посланцамъ предоставляется полная свобода уговаривать этихъ людей вернуться на родину, но если они не захотятъ сами оставить Англію, то, по законамъ страны, нельзя ихъ принудить къ этому, что уже заявлялось и прежнимъ посланникамъ. Въ англійскихъ архивахъ не сохранилось дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ этихъ русскихъ, но извѣстный знатокъ русской исторіи В. Р. Морфиль извѣстилъ журналъ «Academy», что онъ производитъ теперь изысканія о посылкѣ

первыхъ русскихъ людей въ Англію и о результатахъ своихъ розысковъ сообщитъ редакціи. Въ реестры оксфордскаго университета внесены около этого времени только четыре поляка: Лука и Самуилъ Слупецъ (Slupecius) Филиппъ Фердинандъ (1596 года) и Георгій Клеманнусъ (1604 г.).

— Вышли любопытныя «Воспоминанія о революціи, имперіи и реставраціи генерала графа Рош-шуара, адъютанта герцога Ришелье и императора Александра I» (Souvenirs sur la révolution, l'empire et la restauration, par le général comte de Rochechouart, aide de camp du duc de Richelieu et de l'empereur Alexandre I). Главная часть этихъ воспоминаній относится къ герцогу Ришелье, принявшему подъ свое покровительство автора и содѣйствовавшаго его военной карьерѣ. Рош-шуаръ разсказываетъ подробно жизнь Ришелье отъ 1805 г. до его смерти въ 1822 г., говоритъ о созданіи герцогомъ Одессы, объ его участіи въ кавказской войнѣ, объ его управленіи Новороссіею и, по возвращеніи его во Францію, о двухъ его министерствахъ. Авторъ разлучался съ герцогомъ только съ конца 1812 г. до половины 1814 года, но и въ теченіе этихъ 18-ти мѣсяцевъ велъ съ нимъ дѣятельную переписку, состоя въ то же время адъютантомъ Александра I и присутствуя при всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ, начиная съ перехода черезъ Березину до входа союзныхъ войскъ въ Парижъ. Состоя при генеральномъ штабѣ русской арміи, гдѣ сосредоточивались всѣ рапорты, всѣ новости дня, приближенный къ императору, авторъ имѣлъ возможность знать и видѣть многое. Потомъ Рош-шуаръ управлялъ домомъ Ришелье, былъ его секретаремъ и лучше другихъ могъ оцѣнить всѣ качества этого рѣдкаго человѣка. Онъ остался такъ же вѣренъ Бурбонамъ, и оканчиваетъ свои воспоминанія разсказомъ о своихъ попыткахъ поднять въ защиту ихъ Вандею и о порученіяхъ, какія ему давала герцогиня Беррійская въ 1832—1834 гг. Его мать была такъ же ярой роялистской и въ 1795 г. участвовала въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью освобожденіе Маріи Антуанеты. Принужденная бѣжать въ Швейцарію, чтобы спастись отъ гильотины, она должна была покинуть своихъ дѣтей въ Парижѣ и ея десятилѣтняя дочь умерла отъ изнуренія и волненія, заблудившись въ окрестностяхъ столицы. Самъ Рош-шуаръ принужденъ былъ скитаться по Швейцаріи, Англіи, Голштиніи. Изъ Гамбурга онъ отправился въ Лиссабонъ, гдѣ на 13-мъ году вступилъ въ военную службу въ полкъ, набранный Англіею для защиты Португаліи. Ему скоро удалось впрочемъ вернуться въ Парижъ, откуда онъ поѣхалъ черезъ Миланъ, Венецію, Вѣну, Львовъ въ Одессу, гдѣ поступилъ, въ чинѣ подпоручика, адъютантомъ къ Ришелье. Начавъ вести свои записки 12-ти лѣтъ, авторъ описываетъ кампаніи въ Бессарабіи, свое путешествіе въ Константинополь, въ Яссы, взятіе Анапы, кавказскую экспедицію, поѣздку по Крыму, гдѣ онъ жилъ въ Балаклавѣ и Севастополѣ, откуда отправился въ Петербургъ, гдѣ Александръ I сдѣлалъ своимъ адъютантомъ молодого поручика. Преслѣдуя при Березинѣ остатки наполеоновской арміи, въ іюнѣ вторгнувшейся въ Россію въ числѣ 500,000, Рош-шуаръ описываетъ ужасныя сцены: помѣшанную женщину съ отмороженными ногами, умолявшую его спасти ея ребенка, который уже давно замерзъ на ея груди. Казакъ, выстрѣломъ изъ пистолета въ ухо несчастной, прекратилъ ея страданія. Въ Вильнѣ, Рош-шуаръ засталъ какъ солдаты выбрасывали изъ монастыря Базиліанъ больныхъ и раненыхъ французовъ, чтобы очистить это помѣщеніе подъ госпиталь для русскихъ солдатъ. Вмѣстѣ съ генераломъ Сен-При автору

удалось остановить это варварское распоряженіе и настоять на томъ, чтобы больные обѣихъ націй были помѣщены вмѣстѣ, хотя имъ и пришлось конечно потѣсниться. «Останься Наполеонъ еще двое сутокъ въ Москвѣ, говоритъ авторъ—его армія нашла бы Березину уже замерзшею и могла бы перейти ее, гдѣ было удобнѣе, со всею артилеріею и багажемъ». Интересныя подробности сообщаетъ онъ о смерти Кутузова, о сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ, о своемъ свиданіи съ генераломъ Моро, который только-что высказалъ въ присутствіи Александра I и его штаба, горькую истину австрійскому главнокомандующему, князю Шварценбергу, боявшемуся двинуться впередъ: «Sacrebleu, monsieur! я не удивляюсь послѣ этого, что васъ постоянно разбивали въ теченіе семнадцати лѣтъ!» Далѣе онъ описываетъ прибытіе генерала Жомини въ лагерь союзниковъ, сраженіе при Дрезденѣ, свиданіе съ Бернадотомъ, суровый пріемъ Александромъ I саксонскаго короля послѣ сраженія при Лейпцигѣ. По взятіи Парижа Рош-шуару было поручено наблюдать за снятіемъ статуи Наполеона съ Вандомской колонны. Онъ приводитъ энергичныя слова Александра I прусскому королю, увѣрявшему, что Блюхеръ не послушаетъ его приказанія и взорветъ Іенскій мостъ черезъ Сену. «Тогда я самъ пойду на этотъ мостъ, сказалъ русскій монархъ, и посмотрю, посмѣетъ ли фельдмаршалъ исполнить свою угрозу въ моемъ присутствіи». Извѣстно, что защиту Іенскаго моста многіе французскіе историки приписываютъ Людовику XVIII. Смерть маршала Нея разсказана авторомъ съ новыми подробностями. Въ концѣ книги помѣщено много о любопытныхъ писемъ Карла X, герцогини Беррійской, графа Орлова, Нарышкиной, дю-Кайла, маршала Сен-Сира и Александра I къ герцогу Ришелье, отъ 9 апрѣля 1812 года изъ Царскаго Села; императоръ говоритъ, что если русская армія будетъ разбита, онъ удалится съ ея остатками въ глубь Россіи, чтобы завлечь туда французовъ. Авторъ удивляется, что во Франціи не воздвигли статуи герцогу Ришелье, управлявшему Франціей съ 1815 по 1819 г., освободившему страну отъ окупаціи иностранными арміями, отдавшему госпиталямъ значительную дотацію, назначенную ему палатами. Въ ожиданіи монумента, давно уже поставленнаго герцогу Ришелье въ Одессѣ, книга Рош-шуара послужитъ достойнымъ памятникомъ этому достойному человѣку. Мы имѣемъ въ виду ознакомить съ ней нашихъ читателей, въ болѣе обширномъ извлеченіи.

— Въ то время, когда въ нѣкоторой части нашей печати идутъ толки о томъ, что мы плохіе колонизаторы, какой-то г. Всеволодовичъ, въ послѣдней книжкѣ «Nouvelle Revue» ставитъ насъ въ примѣръ французамъ въ статьѣ: «Нѣсколько словъ о русской колонизаціи» (Quelques mots sur la colonisation russe). Печальное положеніе Алжиріи, бывшей нѣкогда цвѣтущей колоніей Рима, даетъ поводъ русскому автору разсказать въ главныхъ чертахъ исторію нашихъ успѣховъ въ Средней Азіи. Двѣнадцать лѣтъ назадъ русскія войска впервые высадились на восточномъ берегу Каспійскаго моря, чтобы положить конецъ разбоямъ и хищничеству туркменскихъ племенъ, незадолго передъ тѣмъ разбившихъ хивинскаго хана и отправившихъ его голову къ персидскому шаху, потомъ уничтожившихъ войско самого шаха и армію бухарскаго хана. Укротить эти воинственныя племена было не легко, что доказали двѣ неудачныя экспедиціи генераловъ Ломакина въ 1878 г. и Лазарева въ 1879 г. «Нуженъ былъ геній Скобелева и героизмъ русскихъ солдатъ, чтобы побѣдить отчаянное сопротивленіе дикарей,

оставившихъ въ одномъ Геок-Тепе 15,000 труповъ» и между тѣмъ черезъ три года послѣ взятія этой крѣпости, 500,000 туркменъ добровольно признали русское владычество и русскій флагъ развился на твердыняхъ Мерва, никогда не знавшаго чужеземной власти. А черезъ два года эти же туркмены мервскаго оазиса, въ рядахъ русскихъ войскъ, разбили при Кушкѣ афганъ, считавшихся непобѣдимыми въ Средней Азіи. Съ этихъ поръ превосходно организованная туркменская кавалерія вошла въ составъ русской арміи и во всей области, населенной фанатическими мусульманами, нѣтъ и слѣдовъ безпорядковъ и волненій. А въ Алжиріи, послѣ полувѣкового владычества надъ нею, сорокатысячная армія только и дѣлаетъ, что усмиряетъ возстанія туземцевъ. Успѣхи русскихъ приписываютъ тому, что они, «какъ полувосточное племя, легко сходятся съ азіатскими народами». Авторъ возстаетъ противъ этого нелѣпаго мнѣнія и доказываетъ, что туркмены покорились потому, что имъ гарантированы ихъ вѣрованія, обычаи, спокойное обладаніе ихъ собственностью, автономія ихъ общиннаго управленія и значительно улучшено ихъ матеріальное благосостояніе, вслѣдствіе уменьшенія разнаго рода платежей, какіе они платили во время ихъ независимости. Поэтому, при гуманномъ и справедливомъ обращеніи съ ними, туркмены сдѣлались вѣрными подданными Россіи, тогда какъ 3 милліона арабовъ и кабиловъ, угнетенныхъ, ограбленныхъ французами, ждутъ только случая, чтобы подняться противъ своихъ притѣснителей.

— Что чужеземцамъ всякаго рода живется подъ русской властью иногда лучше чѣмъ кореннымъ русскимъ, доказываетъ громадный наплывъ нѣмцевъ въ наши западныя окраины и южныя губерніи, противъ чего раздаются голоса всей нашей печати, требуя энергическихъ мѣръ, противъ заполоненія иноземнымъ элементомъ русскихъ провинцій. Что это нашествіе иноземцевъ хотя и мирное, но страшно вредное не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи, совершается по заранѣе обдуманному плану, доказывается брошюрами нашихъ сосѣдей, не скрывающихъ своихъ цѣлей. Въ сочиненіи «Нѣмцы за границей» (Deutchen in Auslande) Ретвишъ, говоря о нѣмецкихъ колонистахъ какъ объ апостолахъ германизма, возвѣщаетъ въ напыщенныхъ фразахъ ни болѣе ни менѣе, какъ скорое установленіе всюду — владычества германской имперіи. При этомъ авторъ увѣщеваетъ всѣхъ заграничныхъ нѣмцевъ держать высоко знамя германской національности и проводить стройную систему дѣйствія для того, чтобы достигнуть этой цѣли. Такъ необходимы: усиленное отправленіе новыхъ переселенцевъ изъ Германіи, поддержаніе живой связи между колоніей и фатерландомъ, денежная поддержка всѣхъ учрежденій, которая не допускаетъ колонистовъ слиться съ русскими людьми, наконецъ поднятіе у нихъ всѣми средствами сознанія превосходства нѣмецкой культуры и національности надъ русскою. Для поддержанія связи съ колоніями, авторъ совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ пріѣзжать въ Россію подъ видомъ туристовъ, охотниковъ, собирателей древностей, растеній и т. п. и поднимать духъ колонистовъ разсказами о могуществѣ Германіи. Книга перечисляетъ всѣ ферейны, оказывающіе денежную и всякаго другого рода поддержку колонистамъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ «Всеобщій нѣмецкій школьный союзъ (Allgemeiner deutcher Schulferein) и первый параграфъ его устава гласитъ: цѣль союза — сохранить для Германіи ея сыновъ за границей и всѣми силами помогать нѣмцамъ, всюду оставаться нѣмцами. Средствами къ достиженію этой цѣли служитъ

основаніе въ колоніяхъ нѣмецкихъ школъ, распространеніе книгъ соотвѣтственнаго содержанія и т. п. Изъ другихъ ферейновъ дѣятельно работають «Centralferein», «Deutsche Colonial Gesellschaft», гдѣ предсѣдателемъ князь Гогенлоэ, получившій въ наслѣдство столько тысячъ десятинъ русской земли; «Deutscher Exportbank», учрежденный съ спеціальной цѣлью поддерживать кредитомъ распространеніе колоній внѣ Германіи. Въ заключеніе Ретвишъ говоритъ прямо, что «распространеніе нѣмецкаго владычества должно произойти вытѣсненіемъ сосѣдней (то-есть русской) національности изъ занимаемыхъ ею земель, будетъ ли это сдѣлано силою или путемъ хитрости и лукавства». И послѣ такихъ откровенныхъ признаній, находятся еще публицисты, которые не видятъ ничего опаснаго въ заполоненіи нѣмцами Волынской, Подольской, Ковенской и другихъ пограничныхъ губерній, или въ томъ, что въ пяти южно-русскихъ губерніяхъ уже пять милліоновъ десятинъ земли принадлежатъ нѣмцамъ, быстро захватывающимъ Юго-Западъ Россіи.

— Графъ Дельбордъ написалъ довольно интересную біографію Шарлоты Бурбонъ, принцессы Оранской (Charlotte de Bourbon, princesse d'Orange, par le comte Jules Delaborde). Шарлота была четвертою дочерью герцога Монпансье, Людовика II и родилась въ 1546 г. Въ жизни ея не было особенно выдающихся и драматическихъ событій. Родители назначили ее съ малолѣтства въ духовное званіе, и ея тетка, игуменья Жударскаго монастыря, обѣщала уступить ей свое мѣсто, когда племянница достигнетъ совершеннолѣтія. Она приняла монашество въ 1559 году, но ея мать, умершая черезъ два года, приняла передъ смертію реформатское ученіе. Когда отецъ Шарлоты женился вторично, она оставила въ 1572 году монастырь и съ двумя монахинями, въ сопровожденіи кавалера Даверли, бѣжала въ Гейдельбергъ ко двору электора Фридриха III, принявшаго ее благосклонно и не согласившагося отправить ее обратно во Францію, на чемъ настаивалъ ея отецъ. Въ 1574 году она познакомилась съ принцемъ Вильгельмомъ Нассаускимъ и рѣшилась выдти за него, какъ только онъ разведется съ Анною Саксонской. Бракъ былъ совершенъ въ слѣдующемъ году и Шарлота родила шесть дочерей, но послѣ покушенія на жизнь ея мужа, умерла 36-ти лѣтъ. Дельбордъ приводитъ ея письма, въ которыхъ виденъ твердый и энергичный характеръ принцессы. Но въ книгѣ больше всего говорится о Вильгельмѣ Оранскомъ, прожившемъ семь лѣтъ съ женою. Въособенную заслугу авторъ ставитъ ей ея преданность протестантству и его интересамъ, хотя до 26-ти лѣтъ она была католичкой и игуменьею. Не видно такъ же, что бы она играла выдающуюся роль и въ жизни Вильгельма. Хорошая мать, любящая жена, она не вмѣшивалась въ нолитику и вообще жизненная карьера ея была слишкомъ коротка, чтобы остаться въ исторіи.

— Картальякъ составилъ исторію «доисторической Франціи по ея погребальнымъ и другимъ памятникамъ» (La France préhistorique d'après les sépultures et les monuments, par Emile Carthailac). Авторъ болѣе 15-ти лѣтъ издаетъ археологическій журналъ, самъ производилъ раскопки въ дольменахъ и пещерахъ, разобралъ сотни коллекцій въ разныхъ музеяхъ, производилъ съ тою же цѣлью изысканія въ Испаніи, Португаліи, на Балеарскихъ островахъ, написалъ множество статей по своей спеціальности и почти восемь лѣтъ занимался составленіемъ вышедшаго нынѣ колоссальнаго труда, представленнаго имъ на конгрессъ антропологіи и доисторической археологіи, въ концѣ прошлаго года. Эта отрасль знанія сдѣлала въ послѣд-

ніе годы значительные успѣхи и, выйдя изъ области гипотезъ и предположеній, примкнула къ точнымъ наукамъ. Авторъ начинаетъ свой трудъ съ описанія полированныхъ и обточенныхъ камней, керауній, сравниваемыхъ съ каменными орудіями современныхъ дикарей. Появленіе человѣка онъ относитъ къ третичной эпохѣ, предшествовавшей разселенію по землѣ человѣческихъ расъ, и держится системы моногенетическаго происхожденія, съ чѣмъ однако не согласны новѣйшіе нѣмецкіе и англійскіе антропологи. Говоря о геологіи и палеонталогіи первыхъ періодовъ, онъ признаетъ существованіе доледниковаго періода, къ которому относятся древнѣйшіе точеные кремни, затѣмъ переходитъ къ инструментамъ изъ кости, относящимся къ эпохѣ сѣвернаго оленя. Искусство троглодитовъ поражаетъ своимъ относительнымъ совершенствомъ въ изображеніи слона (elephas antiquus) и беременной женщины въ браслетѣ. Человѣкъ той эпохи уже носилъ сшитыя звѣриныя шкуры, что доказывается находимыми въ пещерахъ костяными иголками. Человѣкъ уже хоронилъ своихъ родичей въ палеолитическую эпоху, умѣлъ превращать ихъ въ скелеты и сохранять въ видѣ мумій.—Въ эпоху полированнаго камня существовали уже лагери, укрѣпленные каменными оградами, разнаго рода инструменты, погребальные гроты, естественные и искусственные памятники, воздвигаемые изъ камня. Памятники эти постепенно дѣлаются все громаднѣе и до того многочисленны, что дали свое имя неолитическому періоду. Дольмены Франціи попадаются и въ Голландіи, гдѣ народъ называетъ ихъ hunebedden—постели великановъ (а не гунновъ, какъ говоритъ Картальякъ: старинное нѣмецкое слово hüne значитъ великанъ). Книга оканчивается описаніемъ неолитическаго періода, гдѣ преобладаютъ каменные топоры изъ нефрита, каменные столбы, менгиры, воздвигнутые иберами и слѣды частаго разрушенія кладбищъ и костяковъ. 126 илюстрацій придаютъ еще большее значеніе замѣчательному труду.

— Событія въ южной Америкѣ и превращеніе въ ней послѣдняго монархическаго государства этой части свѣта, Бразиліи, въ республику придаетъ особый интересъ книгѣ Гроота, изданной въ Боготѣ: «Исторія духовная и гражданская Новой Гренады» (Historia eclesiastica y civil de Nueva Grenada, por Jose Manuel Groot). Авторъ ея, родившійся съ 1800 году, былъ свидѣтелемъ событій, превратившихъ колоссальную испанскую имперію въ группу независимыхъ республикъ. Уроженецъ южной Америки, Гроотъ одинъ изъ замѣчательныхъ писателей новаго и стараго свѣта, въ одно время—философъ, поэтъ, педагогъ, математикъ, журналистъ, живописецъ и богословъ. Онъ написалъ опроверженіе протестантскаго ученія и теоріи Ренана, но главный трудъ его, заслужившій ему уваженіе всѣхъ соотечественниковъ—исторія Новой Гренады или Колумбіи. Начинается она съ завоеванія Даріенскаго перешейка Нуньесомъ Бальбоа. У автора, какъ у ревностнаго католика, на первомъ планѣ религіозный элементъ, исторія монашескихъ орденовъ, дѣла церкви, а политическимъ событіямъ отведено второстепенное мѣсто. Во всякомъ случаѣ этотъ обширный, четырехтомный трудъ, являющійся уже послѣ смерти автора, даетъ полное понятіе обо всемъ, что̀ случилось замѣчательнаго въ южной Америкѣ со времени ея открытія.

— Барингъ Гоульдъ издалъ любопытную книгу «Историческія странности и странныя приключенія» (Historical oddities and strange events, by S. Baring-Gould). Въ исторіи не мало лицъ и событій, оставшихся неразъясненными и возбуждающихъ любопытство изслѣдователя. Разсказы

объ нихъ но разъ являлись въ печати и одну изъ такихъ книгъ «Personnages énigmatiques» издалъ Карновичъ на русскомъ языкѣ. Англійскій авторъ далъ въ своемъ сборникѣ біографіи нѣсколькихъ лицъ, дѣйствительно заслуживающихъ вниманія историка, и такихъ, которыхъ не стоило извлекать изъ забвенія. Главными персонажами его книги является—Батурстъ, герцогиня Кингстонъ и генералъ Малле. Веніаминъ Батурстъ былъ англійскій дипломатъ, отправленный тайнымъ агентомъ въ Австрію въ 1809 году, когда она составляла заговоры противъ Наполеона. Миссія Батурста была успѣшна, и онъ хвасталъ тѣмъ, что скоро положитъ конецъ владычеству корсиканца. Онъ возвращался въ Англію изъ Вѣны, везя съ собою важныя бумаги и изъ Берлина поѣхалъ въ Гамбургъ, чтобы тамъ сѣсть на пакетботъ, отправлявшійся въ Лондонъ. На станціи Перлебергъ онъ остановился въ 7 часовъ вечера 25 ноября 1809 года и пока перепрягали лошадей и укладывали его багажъ въ другую повозку, вышелъ на темный дворъ гостинницы, но не возвращался оттуда и съ тѣхъ поръ исчезъ безъ слѣда. Семья его обвиняла Наполеона, что онъ приказалъ своимъ эмисарамъ убить Батурста, чтобы овладѣть его бумагами, которыя тоже исчезли. Французскіе офиціозы утверждали, что онъ самъ убилъ себя, что конечно не вѣроятно, но и Наполеону, послѣ его побѣды при Ваграмѣ, не было причины убивать англійскаго агента. Авторъ приходитъ къ заключенію, что Батурста просто убили мошенники, съ цѣлью ограбить его. Авантюристка Елисавета Чодлейгъ, осужденная въ 1776 году за двоеженство, сдѣлавшаяся потомъ графинею Бристольскою, любовницею короля, подъ старость превратившаяся въ баронесу Бернштейнъ, слишкомъ извѣстна и трудно было сказать объ ней что-нибудь новое, послѣ ея біографіи, написанной Теккереемъ. Заговоръ Малле также подробно описанъ французскими историками и въ немъ нѣтъ ничего неразгаданнаго или страннаго. Разсказы о чудесныхъ леченіяхъ, производимыхъ княземъ Гогенлоэ, также не стоило сохранять для потомства. Такихъ чудотворцевъ является не мало въ каждую эпоху. Врядъ ли также было нужно разсказывать исторію графини Герлицъ или повторять обвиненія слесаря Гамена въ томъ, что его хотѣлъ отравить Людовикъ XVI и Марію Антуанету. Все это не исторія, а сказки.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

Къ біографіи В. Н. Татищева.

ТАТСКІЙ совѣтникъ Василій Никитинъ Татищевъ подалъ 1 го мая 1728 года въ Св. Сvнодъ слѣдующее прошеніе:

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Великій Государь Императоръ и Самодержецъ всероссійскій, Государь всемилостивѣйшій.

«Въ прошедшемъ 1714 году совокупился я законнымъ бракомъ со вдовою Авдотьею Васильевою[1]), дочерью Андрѣевскаго, женою Реткина, а живучи съ нею по закону, прижилъ дѣтей, сына да дочь, и послѣ того видя я отъ нея, жены своей, великіе противности, что паче мѣры пьянствовала и имѣніе мое растощала, унималъ ея добрыми представленіи, однако оное не токмо ко благому не поспѣшествовало, но паче противо меня въ безчеловѣчное озлобленіе ея привело, ибо вскорѣ потомъ услышалъ я, что она о нѣкоторыхъ чародіяхъ или ворожеяхъ къ очарованію меня прилежала, но понеже на оное никакова доказательства явнаго изобрести не могъ, къ тому же и отлучность моя тогда принудила меня отставить. Она же по отлученіи моемъ не токмо всѣ свои и мои также и брата моего Ивана Никитича оставленное въ домѣ моемъ на сохраненіе имѣнія безпотребно изжила, но и недвижимыя свои имѣнія противъ правъ россійскихъ безъ вѣдома моего продавала. Сверхъ того забывъ Законъ Божій и свое предъ Богомъ обѣщаніе прелюбодѣйствовала съ игуменомъ Іосифомъ Раковскаго монастыря, что въ

---

[1]) Въ дѣлѣ жена Татищева одинъ разъ названа Анною и нѣсколько разъ Авдотьею. Удерживаемъ за нею это послѣднее имя.

Старицкомъ уѣздѣ, которому есть такое доказательство, что оной игуменъ, не имѣя никакова съ нами свойства ниже со мною знакомства, противо закона монашескаго многократно къ ней, женѣ моей, въ домъ ѣздя пьянствовалъ чрезъ цѣлыя ночи, съ нею сиживалъ, и въ хоромахъ у нея ночевывалъ; такожде и она, жена моя, къ нему ѣздя въ кельѣ чрезъ цѣлыя ночи въ уединеніи пребывала, которому могутъ свидѣтельствовать бывшіе при ней служители, а именно: поваръ Ѳеимъ Ивановъ, дворовый человѣкъ Ларіонъ Никитинъ съ женою Ульяною, да дѣвки Авдотья Иванова, Ульяна Ѳедорова, вдова Дарья Григорьева, сіи же, надѣюся, что и большіе доказательства знаютъ, и ежели токмо отъ истины не устранятся. По прибытіи же моемъ въ Москву не довольствуяся она, жена моя, вышеобъявленными злодѣяніи, умыслила прежнее свое намѣренье о чародѣйствѣ въ дѣйство произвести: ѣздила сама къ чародѣямъ и посылала людей своихъ Ивана Захарова да Ѳедора Никитина для взятья нѣкоторыхъ составовъ и получа оное, посылала чрезъ женщину ея преданую, Ненилу Антипину дочь, класть мнѣ въ кушанье: и хотя оная сказываетъ три разы мнѣ въ похлебку клала, однако жъ всевышнимъ защищеніемъ отъ онаго безо всякой моей осторожности избавился, ибо ни единъ разъ ѣсть того не случилось и вскорѣ мнѣ открылось. Она же, жена моя, видя таковую свою злость открыту, умыслила употребляемыхъ въ томъ людей отлучить, а именно: Ѳедора Никитина съ женою отослала тайно, которой слышу, что живетъ у сына ея, а моего пасынка, Алексѣя Реткина, въ защищеніи, а поваръ Петръ Анисимовъ гдѣ живетъ, до днесь извѣстія не имѣю. И по тому за такое ея злое умышленіе и за показаннымъ противодѣйствомъ жить мнѣ съ нею по закону никоими мѣры невозможно. Всемилостивѣйшій Государь, прошу, да повелитъ Державенство Ваше сіе мое прошеніе въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ принявъ, жену мою допросить, и о разрѣшеніи супружества, а мнѣ о позволеніи на другой жениться по законамъ церковнымъ указъ учинить. А ежели она въ чемъ будетъ запираться, повелѣно бъ было на обличеніе ей вышепоказанныхъ свидѣтелей допросить. Вашего Императорскаго Величества нижайшій рабъ штатскій совѣтникъ Василей Никитинъ сынъ Татищевъ. Къ поданію надлежитъ въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ. Прошеніе писалъ Манетной Конторы копеистъ Николай Кондратьевъ. Апрѣля дня 1728 году. Василій Татищевъ руку приложилъ».

По этому прошенію Св. Сѵнодъ опредѣлилъ: «оное поданное штатскаго совѣтника Василія Никитина сына Татищева на жену его Анну прошеніе принять и о чемъ надлежитъ ее Анну допросить, какъ форма о судѣ повелѣваетъ, и ежели она въ чемъ будетъ запираться, то велѣть тому, мужу ея, Василію Татищеву, или кого онъ съ письменнымъ свидѣтельствомъ, какъ указъ повелѣваетъ, повѣреннаго пришлетъ, чинить доказательство съ яснымъ о всемъ показаніемъ, и по окончаніи тое судную записку предложить Святѣйшему Сѵноду въ докладъ немедленно».

Послѣ этого опредѣленія, 23-го мая того же года, изъ Сѵнодальной канцеляріи къ женѣ Татищева былъ посланъ сѵнодальный солдатъ Зиновей Сѣдовской для повѣстки, чтобъ она къ суду въ Сѵнодальную канцелярію явилась немедленно. На другой день солдатъ тотъ донесъ, что онъ съ повѣстнымъ письмомъ къ женѣ Татищева, которая живетъ въ одномъ съ мужемъ домѣ, являлся, но она ему сказала, что лежитъ больна, и что за тою болѣзнію быть ей въ Сѵнодальную канцелярію невозможно, и чтобъ пове-

лѣно было для допроса ея прислать кого надлежитъ къ ней на дворъ, о чемъ просилъ также и самъ Татищевъ, подтвердившій справедливость заявленія своей жены о ея болѣзни. Самому Татищеву при этомъ данъ былъ изъ Сѵнодальной канцеляріи слѣдующій билетъ: «По указу Его Императорскаго Величества и по приказу Св. Сѵнода данъ сей билетъ истцу стацкому совѣтнику Василію Никитину сыну Татищеву, въ томъ, что по поданному его прошенію на жену свою Авдотью (?) Васильеву дочь въ духовномъ дѣлѣ надлежитъ въ свят. правительствующій Сѵнодъ ему стацкому совѣтнику Татищеву совсѣмъ къ тому принадлежащими документами (или доказательствы) стать къ суду сего Іюня дня не позднѣе осмаго часа по полуночи, понеже съ показаннаго поданнаго его, Татищева, прошенія вышеозначенной отвѣтчицѣ Авдотьѣ (?) Васильевой дочери копія дана, по которой велѣно стать къ отвѣту показаннаго числа, а буде и прежде того числа она Авдотья (?) отвѣчать похочетъ, не требуя седмидневнаго времени, то и ему совѣтнику Татищеву быть при томъ неотложно».

Прошло послѣ того полгода.

4-го ноября 1728 года состоялось опредѣленіе св. синода: «по силѣ прежде состоявшагося 1-го мая сего 1728 года сѵнодальнаго опредѣленія статскаго совѣтника Василія Никитина сына Татищева жену Анну Васильеву дочь въ непотребныхъ ея поступкахъ противо челобитья его о чемъ надлежитъ допросить какъ о формѣ суда указъ повелѣваетъ, за прилучившеюся ей немощію на дворѣ мужа ея, помянутаго Татищева, гдѣ она жительство имѣетъ, и для того допросу послать къ нему въ домъ секретаря, кого пристойно, и ежели она въ чемъ будетъ запираться, то тому, ея мужу, Василію Татищеву или повѣренному отъ него, кого онъ съ письменнымъ свидѣтельствомъ, какъ указъ повелѣваетъ представить, чинить доказательство съ яснымъ показаніемъ и по окончаніи того предложить въ докладъ немедленно».

Было ли исполнено по сему опредѣленію, и чѣмъ окончился этотъ искъ знаменитаго историка — о томъ свѣдѣній нѣтъ въ дѣлѣ, которое вышеприведеннымъ опредѣленіемъ и оканчивается.

Сообщено проф. **Н. И. Барсовымъ.**

II.

Сорокъ лѣтъ назадъ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній о Рязанской Духовной Семинаріи).

О школьномъ воспитаніи дѣтей и юношей въ обществѣ высказывается нѣсколько разногласныхъ мнѣній. Одни недовольны ни прошлой, ни настоящей системой школьнаго воспитанія; другіе защищаютъ положеніе воспитательнаго дѣла въ настоящее время; третьи, меньшинство, даютъ предпочтеніе духу и направленію воспитанія въ старое, дореформенное время.

Пишущему эти строки довелось между бумагами одного недавно умершаго священника найти часть рукописи, посвященной воспоминанію о нѣкоторыхъ наставникахъ Рязанской Духовной Семинаріи 50-хъ годовъ. Семинарія этого времени обыкновенно представляется въ видѣ темной бурсы, преподаватели ея въ видѣ схоластиковъ безъ любви къ наукѣ, безъ сердечнаго сочувствія къ воспитанникамъ. Не безполезно поэтому послушать человѣка, въ которомъ старая семинарія и ея преподаватели оставили благоговѣйныя

воспоминанія. Эти воспоминанія, не отличаясь полнотою и цѣльностію, даютъ однако понять, что и дореформенное воспитаніе въ семинаріи не чуждо было хорошихъ сторонъ. Въ виду этого интереса извинимъ автору рукописи рѣзкіе и не вполнѣ справедливые отзывы о нынѣшнемъ воспитаніи и предоставимъ слово ему самому.

«Въ наше время семинарія мало походила на нынѣшнюю. То было время матеріальной скудости, спартанской суровости, но и время сильной вѣры, сильныхъ характеровъ и высокой нравственной жизни. Тогда не было внѣшнихъ признаковъ учености, не было красоты слога и критическаго направленія наукъ, но христіанская истина тогда была во главѣ всѣхъ познаній. Тогда не было современной начитанности въ неправославномъ западномъ духѣ, но работалъ логическій разумъ надъ матеріаломъ, даннымъ въ Св. Писаніи и преданіи. Тогда меньше говорили и проще писали, безъ красныхъ мнимо-послѣднихъ словъ западной науки. Въ воспитанникахъ семинаріи и другихъ учебныхъ заведеній тогда не было того порицательнаго взгляда на учителей, какой вошелъ въ моду нынѣ. Заведи нынѣ рѣчь о преподаваніи, о наставникахъ, съ юношей, окончившимъ курсъ въ какомъ-либо среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи, онъ будетъ смотрѣть на своихъ недавнихъ руководителей сверху внизъ и не увидитъ въ нихъ ничего достойнаго уваженія. Онъ припомнитъ только анекдоты и чудачества одного, простоватость другого, жестоко осмѣиваемаго своими питомцами, нравственную распущенность третьяго, апатичное отношеніе къ учебному дѣлу четвертаго... Грустно и страшно за этихъ юношей, не питающихъ уваженія ни къ кому изъ старшихъ и начальствующихъ, страшно за юношей, поставившихъ себя на ложную высоту.

«Въ наше время наставники или, какъ тогда ихъ называли, профессора семинаріи оставляли глубокій слѣдъ въ головѣ и сердцѣ воспитанниковъ. Были, конечно, исключенія, но нынѣ подобныя исключенія сдѣлались правиломъ. Что касается меня, то въ моей старѣющей памяти остались одни только свѣтлые образы прошлаго. Не обладая способностію живаго изображенія характеровъ и лицъ, я не берусь изобразить весь учительскій персоналъ своего времени; я помяну своимъ неумѣлымъ, но благодарнымъ словомъ только нѣкоторыхъ профессоровъ богословія въ Рязанской Духовной Семинаріи начала 50-хъ годовъ.

«Ректоромъ семинаріи въ то время былъ архимандритъ Антоній, оставившій каѳедру вслѣдствіе потери зрѣнія отъ долгой педагогической службы и скончавшійся въ санѣ архіепископа Пермскаго. Онъ началъ свою педагогическую дѣятельность, кажется, съ должности инспектора Виѳанской семинаріи и подъ его руководствомъ воспитался славный церковный витія архіепископъ харьковскій Амвросій. Читая проповѣди преосв. Амвросія, я въ построеніи и тонѣ этихъ проповѣдей какъ бы слышу голосъ своего учителя о. архимандрита Антонія.—Строгій къ самому себѣ, о. Антоній строгъ былъ и къ намъ, но въ этой строгости мы невольно чувствовали отеческую заботливость и расположеніе о. ректора къ намъ—семинаристамъ. Живо помню я первую его лекцію по богословію. Онъ такъ логично, сильно и убѣжденно говорилъ, что до глубины души тронулъ своихъ учениковъ и самъ отъ слезъ не могъ продолжать лекцію. Урокъ его обыкновенно продолжался около $2^1/_2$ часовъ ежедневно и всегда это время казалось недостаточнымъ для него и неутомительнымъ для насъ. Начинался урокъ обыкновенно съ того, что

о. ректоръ вызывалъ одного изъ воспитанниковъ на середину[1]) съ греческимъ Новымъ Завѣтомъ и заставлялъ его прочитать нѣсколько стиховъ изъ апостольскихъ посланій. Сдѣлавъ ученику нѣсколько вопросовъ касательно прочитаннаго, ректоръ самъ начиналъ объясненіе прочитанныхъ стиховъ и раскрытіе богословскихъ истинъ, въ нихъ заключающихся. Но это была еще не лекція, а только подготовленіе къ ней; цѣль этого подготовленія, помимо ознакомленія воспитанниковъ съ св. писаніемъ, заключалась въ томъ, чтобы сообщить имъ сосредоточенное, почти молитвенно-религіозное настроеніе духа. Затѣмъ начиналась очередная лекція, которую мы обыкновенно слушали, затаивъ дыханіе, боясь какимъ-либо шелестомъ и шорохомъ нарушить священную тишину класса. Въ продолженіе года о. ректоръ рѣдко провѣрялъ наши познанія; онъ весь отдавался чтенію лекцій, которыя походили у него на одушевленную проповѣдь догматическихъ истинъ. Только къ концу года онъ требовалъ точнаго отчета въ знаніи учебника и усвоеніи своихъ разъясненій.

«О. ректоръ былъ строгій критикъ ученическихъ сочиненій, проповѣдей и экспромптовъ, число которыхъ было въ то время многочисленнѣе, чѣмъ нынѣ. Эти труды разбирались во время уроковъ и со стороны стиля, и со стороны содержанія. Даже проповѣди наставниковъ семинаріи не избѣгали поправокъ и замѣчаній строгаго цензора, любившаго точность и ясность съ выраженіяхъ.

«Сотрудникъ о. Антонія инспекторъ протоіерей Николай Александровичъ Ильдомскій, какъ яркая звѣзда, блеститъ въ воспоминаніи своихъ воспитанниковъ. Какъ инспекторъ, какъ профессоръ, какъ градскій благочинный и членъ консисторіи, какъ исполнитель всевозможныхъ порученій епархіальнаго начальства, словомъ—во всякомъ дѣлѣ о. Николай Александровичъ былъ неутомимъ до самоотверженія, полезенъ болѣе всякихъ комиссій и комитетовъ, входилъ во всѣ подробности порученнаго ему дѣла. Многихъ сослуживцевъ своихъ вынесъ онъ на своихъ плечахъ. И умеръ онъ славною смертію трудолюбца въ консисторіи съ перомъ въ рукахъ. При извѣстіи о его смерти ученики семинаріи во время уроковъ, забывъ дисциплину, бросились въ консисторію и перенесли своего строгаго начальника изъ консисторіи въ семинарію на томъ креслѣ, на которомъ онъ умеръ. Массы народа сопровождали эту необычную импровизованную процессію.

«Я не былъ очевидцемъ этой потрясающей сцены, но помню, что первое извѣстіе о смерти о. Николая Александровича оглушило меня. «Умеръ Ильдомскій»,—возможно ли? Что же будетъ безъ него въ семинаріи, въ консисторіи, въ городѣ, въ епархіи? Изсякъ источникъ жизни, погасъ источникъ свѣта!

«Но небезслѣдна была жизнь этого высокаго человѣка для знавшихъ его и особенно для чуткихъ головъ и сердецъ учащейся молодежи. Каждый ученикъ о. Н. А. унесъ на своемъ характерѣ и міровоззрѣніи частицу благотворнаго вліянія своего наставника.

«Винятъ нѣкоторые о. Н. А. въ чрезмѣрной строгости и въ допущеніи тѣлесныхъ наказаній. Но несправедливо къ старому времени прилагать мѣрку

[1]) Онъ самъ не любилъ и другимъ наставникамъ не позволялъ спрашивать за партой, чтобы не подавать повода къ подсказыванію или подсматриванію въ книгу во время отвѣта. А нынѣ какъ часто за лѣнивыхъ учениковъ отвѣчаетъ книга или сосѣдъ!

нашихъ понятій и взглядовъ. Въ то время, когда о. Н. А. допускалъ (въ видѣ исключеній) сѣченіе провинившихся, эта мѣра представлялась столь же естественной и необходимой, какъ нынѣ балловыя отмѣтки, карцеръ и голодъ. Весьма вѣроятно, что чрезъ 30—50 лѣтъ и нынѣшніе воспитательные пріемы будутъ осуждены и осмѣяны.

«Но и въ то суровое время были между наставниками люди гуманные и вѣжливые въ отношеніи къ воспитанникамъ. Таковъ былъ нынѣ здравствующій протоіерей І. Е. Л. Самые выговоры его были проникнуты нѣжностію и сопровождались ласковой улыбкой.

«Д. В. П. привлекалъ воспитанниковъ своимъ ровнымъ, справедливымъ отношеніемъ къ нимъ, глубокимъ знаніемъ предмета (церковной исторіи) и яснымъ, логическимъ изложеніемъ его. Онъ понынѣ живъ и трудится въ одномъ изъ духовныхъ учрежденій, какъ поборникъ правды въ борьбѣ съ кривосудіемъ и мздоимствомъ, свойственными этому учрежденію.

«Всѣ эти наставники были лицами духовнаго сана; но преподаватель священнаго писанія Алексѣй Петровичъ Моревъ былъ человѣкъ свѣтскій не по костюму только, но и по направленію. Преданный наукѣ человѣкъ, тонкій діалектикъ, онъ вливалъ и въ насъ любовь къ наукѣ, будилъ нашу мысль живою рѣчью. Отъ ревизоровъ онъ получалъ лучшія аттестаціи и былъ переведенъ, кажется на каѳедру священнаго писанія въ Московскую Духовную Академію. Противъ неисправныхъ учениковъ онъ не принималъ мѣръ строгости, но язвительными насмѣшками стыдилъ ихъ предъ классомъ и доводилъ почти до слезъ.

«Свѣтлыя то были личности, сильные характеры. Они свѣтили намъ во время ученія, заставляли любить науку не ради «кормленія» и матеріальныхъ выгодъ, но какъ руководительницу жизни. Поэтому тогда образованность и благородство душевное были синонимами. Какъ все измѣнилось теперь! Духъ утилитаризма, духъ критики и скептицизма, отравилъ умы новыхъ поколѣній. Годы ученія не вызываютъ въ нихъ благотворныхъ воспоминаній. О своихъ наставникахъ они говорятъ съ осужденіемъ и насмѣшкою.

«Мы же, люди стараго поколѣнія, привыкли все доброе въ нашей жизни и характерѣ относить къ вліянію на насъ нашихъ учителей, а на все злое смотрѣть, какъ на измѣну урокамъ этихъ дорогихъ учителей».

На этихъ словахъ кончаются воспоминанія священника о наставникахъ Рязанской Духовной Семинаріи 50-хъ годовъ.

Сообщено **С. И. О — вымъ.**

III.

Анекдоты о В. И. Назимовѣ.

Итоги личныхъ свойствъ и государственной и общественной дѣятельности попечителя московскаго учебнаго округа, впослѣдствіи виленскаго генералъ-губернатора, В. И. Назимова еще не подведены, и личность Владиміра Ивановича выступаетъ на страницахъ исторіи то въ положительномъ, то въ отрицательномъ обликѣ. Пользовавшійся благоволеніемъ императора Александра Николаевича, защищавшій сочиненія Гоголя отъ цензурныхъ сокращеній, положившій начало освобожденію крестьянъ Сѣверо-Западнаго края и выказавшій рыцарскую честность во всѣхъ поприщахъ своего слу-

женія, Назимовъ является дѣятелемъ крупной величины и весьма симпатичнымъ человѣкомъ. Но на ряду съ тѣмъ онъ извѣстенъ какъ администраторъ, несъумѣвшій справиться съ Виленскимъ краемъ, гдѣ, наканунѣ мятежа, оставилъ весьма замѣтные слѣды своихъ компромиссовъ, уступокъ польскимъ патріотамъ, своей нераспорядительности; за предшествовавшее же время бытности его попечителемъ московскаго учебнаго округа въ немъ замѣчались такія странности, что появился цѣлый рядъ анекдотовъ.

Изъ числа этихъ анекдотовъ характерны слѣдующіе.

Посѣтивъ тверскую гимназію, попечитель Назимовъ, послѣ представленія ему мѣстнаго учебнаго персонала, обратился къ учителямъ съ слѣдующими словами:

— «Знаете, господа, — я нахожу, что самый важный предметъ преподаванія, послѣ Закона Божія, это чистописаніе... да, чистописаніе! вотъ сколько времени я бьюсь и никакъ не могу подыскать хорошаго переписчика для своей канцеляріи»...

Ремонтировалось одно изъ зданій учебнаго округа. Осматривая работы, Назимовъ вошелъ въ залъ, на потолкѣ котораго дѣлались какія-то украшенія. Попечитель замѣтилъ, что украшеніе по срединѣ потолка расположено не въ центрѣ, и тутъ же обратилъ на это вниманіе сопровождавшаго его мастера. Послѣдній на замѣчаніе отвѣтилъ, что если провести по потолку діагонали, то украшеніе окажется въ центрѣ.

— «Такъ вотъ-что, мой милый, — рѣшилъ Назимовъ, — устройте на мой счетъ діагонали».

При посѣщеніи одной библіотеки своего вѣдомства, Назимовъ замѣтилъ въ шкапахъ между книгъ пустыя мѣста.

— «Отчего это у васъ мѣста не заставлены книгами?» спросилъ попечитель у библіотекаря.

— Книги взяты для чтенія ваше пр-ство.

— «Что за безпорядокъ! выдавайте впередъ книги по порядку: возьметъ книгу одинъ, другому давайте слѣдующую и т. д. тогда у васъ пустота будетъ только въ одномъ мѣстѣ».

Сообщено **М. И. Городецкимъ.**

IV.

Къ біографіи М. Ю. Лермонтова.

Въ началѣ января 1890 года судьба закинула меня на нѣсколько дней въ с—цо «Мишково» Мценскаго уѣзда Орловской губ.

Случайно заставъ тамъ, пріѣхавшаго изъ полка, владѣльца этого с—ца корнета А. К. Юрасовскаго, я узналъ отъ него слѣдующее, не лишенное интереса, сообщеніе:

Полвѣка тому назадъ имѣніе это принадлежало М. П. Глѣбову (другу и секунданту М. Ю. Лермонтова).

Весною 1841 года Глѣбовъ узналъ, что поэтъ, отправляясь въ ссылку на Кавказъ, долженъ проѣзжать на лошадяхъ вблизи с—ца Мишково; немедленно выхлопотано было негласное разрѣшеніе остановиться поэту на нѣсколько дней въ Мишковѣ, чѣмъ Лермонтовъ и воспользовался.

Глѣбовъ всячески старался развлекать друга своего и между прочими выдумками, какъ говоритъ мѣстное преданіе, приказалъ призвать окрестныхъ крестьянокъ, которыя и пѣли пѣсни, для пившихъ на балконѣ чай господъ. Особое вниманіе поэта обратила на себя молоденькая, красивая крестьянка; онъ сошелъ съ балкона, шутилъ съ нею и потомъ звалъ на балконъ, на что та, страшно переконфузившаяся, долго не соглашалась. Поэтъ, распросивъ про нее бурмистра, узналъ, что крестьянка эта—солдатка, всего лишь нѣсколько недѣль тому назадъ, вышедшая замужъ за парня, котораго вскорѣ сдали въ солдаты. Видя, что крестьянка очень заинтересовала поэта, Глѣбовъ велѣлъ ей остаться на барскомъ дворѣ для услуженія гостю. Крестьянка эта и теперь жива и находится верстахъ въ 3-хъ отсюда, въ селѣ Усовѣ, добавилъ мнѣ А. К. Юрасовскій, чѣмъ еще болѣе заинтересовалъ меня.

Я немедленно послалъ за нею въ Усово и черезъ нѣсколько времени она предстала передъ нами. Это была уже очень пожилая женщина, лѣтъ семидесяти, черты лица которой ясно указывали, что когда-то она была, дѣйствительно, красавица. Она подтвердила все вышесказанное и добавила, что при отъѣздѣ пріѣзжій офицеръ хотѣлъ купить ее у Глѣбова, но послѣдній не согласился продать ее, а прямо подарилъ. Офицеръ, какъ заявила разсказчица, хотѣлъ взять ее съ собою и увезти куда-то—и только послѣ усиленныхъ просьбъ и слезъ не взялъ съ собою, а хотѣлъ все-таки прислать за нею послѣ, чего впрочемъ не сдѣлалъ, почему—неизвѣстно. Фамиліи офицера она конечно не знала, но помнитъ отлично, что всѣ называли его «ссыльнымъ» и что былъ онъ въ Мишковѣ вскорѣ послѣ ея свадьбы. (Справившись потомъ въ церковныхъ книгахъ, я узналъ, что вѣнчалась она въ апрѣлѣ 1841 года: какъ разъ въ то время, когда поэтъ ѣхалъ на Кавказъ).

Другимъ доказательствомъ, что это былъ, дѣйствительно, Лермонтовъ является слѣдующее:

На чердакѣ большого Мишковскаго дома, въ числѣ завалявшихся старыхъ книгъ, картинъ и тетрадей, переселившихся туда послѣ смерти Глѣбова, найденъ старый, пожелтѣвшій отъ времени, портретъ М. Ю. Лермонтова, на обратной сторонѣ котораго написаны стихи, мѣстами неразбираемые отъ пятенъ. Подъ стихами подписано:

«Другу Глѣбову Лермонтовъ.

«1841 годъ. Мишково.

Не смотря на мои усиленныя просьбы, корнетъ Юрасовскій положительно отказался отдать или продать портретъ, а также валявшуюся Богъ вѣсть съ какихъ поръ въ Мишковѣ кавказскую шашку съ литерой Л. на серебрянной оправѣ, ссылаясь на то, что онъ никогда не разстанется съ этими вещами, а если и рѣшится разстаться съ ними, то только не иначе, какъ отдать ихъ въ Лермонтовскій музей, находящійся при Николаевскомъ Кавалерійскомъ училищѣ. Сообщено Г. **Коробьинымъ**.

СМѢСЬ.

Административные юбилеи. Въ январѣ троимъ изъ бывшихъ царскосельскихъ лицеистовъ, занимающихъ важные административные посты, минуло 50 лѣтъ ихъ служебной дѣятельности. Выйдя изъ лицея къ Рождеству 1839 года, эти три лица вскорѣ же проявили на службѣ свои блестящія способности. Одинъ изъ нихъ М. Х. Рейтернъ былъ министромъ финансовъ, другой П. И. Саломовъ теперь членъ государственнаго совѣта, третій—В. А. Цеэ—сенаторъ и былъ начальникомъ цензуры въ министерствѣ А. В. Головнина, ихъ четвертаго товарища X выпуска, умершаго раньше своихъ школьныхъ друзей. Всѣ три юбиляра получили награды и рескрипты. М. Х. Рейтернъ сдѣланъ графомъ. Онъ холостой и потому титулъ этотъ не перейдетъ къ потомству, какъ и титулъ недавно пожалованнаго также по случаю его полувѣкового служенія отечеству, графа Делянова. Газеты помѣстили очеркъ дѣятельности всѣхъ юбиляровъ, изъ которыхъ важнѣйшіе слѣды оставила служба М. Х. Рейтерна, при которомъ совершилась реформа нашихъ финансовъ и развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, банковыхъ учрежденій и акціонерныхъ обществъ. Слишкомъ широкое примѣненіе системы концессій и банковыхъ операцій, какъ извѣстно, отразилось впослѣдствіи неблагопріятно на нашемъ кредитѣ и упадкѣ денежной валюты, а банковскія злоупотребленія имѣли вліяніе на пониженіе народнаго благосостоянія и даже общественной нравственности, но въ какой мѣрѣ участвовали въ этомъ пониженіи финансовыя реформы шестидесятыхъ годовъ—теперь еще не время судитъ объ этомъ. Нельзя не помянуть добрымъ словомъ дѣятельности Василія Андреевича Цеэ за его хотя и кратковременное, но вполнѣ раціональное и гуманное завѣдываніе дѣлами печати, перешедшими послѣ него въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ и теперь, по прошествіи болѣе четверти вѣка, оно остается еще въ томъ же «временномъ» положеніи, какъ было передано министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Юбилей И. Н. Березина. 7-го января праздновалось, въ домашнемъ кругу, пятидесятилѣтіе ученой и литературной дѣятельности писателя и профессора восточныхъ языковъ Ильи Николаевича Березина. Воспитанникъ Казанскаго университета, избравъ спеціальностью своею языки мусульманскаго Востока, онъ окончилъ курсъ ученія въ 1837 г., со степенью кандидата. Въ 1840 г. получилъ степень магистра восточной словесности за сочиненіе на тему: «Что способствуетъ развитію просвѣщенія и останавливаетъ ходъ его въ державахъ магометанскихъ». Университетское начальство исходатайствовало для молодого магистра разрѣшеніе отправиться на казенный счетъ въ ученое путешествіе по Азіи на три года. Во время пребыванія въ Петербургѣ И. Н. познакомился съ рукописями здѣшнихъ коллекцій на татарскихъ нарѣчіяхъ и описалъ ихъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, въ «Журналѣ министерства Народнаго Просвѣщенія». Часть этого труда появилась и въ нѣмецкомъ переводѣ. Съ прибытіемъ въ Казань, въ 1847 г. появились его дополненія къ тюркской граматикѣ, изданной А. К. Казембекомъ (трудъ переведенъ на нѣмецкій языкъ), и новая система тюркскихъ нарѣчій, изданная авторомъ на французскомъ языкѣ. Въ 1848 г. И. Н. Березинъ предпринялъ изданіе библіотеки восточныхъ историковъ въ текстахъ и русскомъ переводѣ съ ученымъ коментаріемъ, для которой обработалъ два сочиненія: «Исторію монголо-тюрковъ на джагатайскомъ нарѣчіи, подъ названіемъ: «Шейбяни-Нале» и историческій сборникъ на сибирско-татарскомъ нарѣчіи, подъ заглавіемъ: «Джама-уто-Теварихъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ принялся онъ и за изданіе своихъ странствованій по Востоку: первый томъ, заключающій въ себѣ «Путешествіе по Дагестану и Закавказью», напечатанъ въ 1849 г. а въ слѣдующемъ году вышелъ уже вторымъ изданіемъ: второй томъ «Путешествій по сѣверной Персіи» появился въ 1852 г. Въ то же время занялся И. Н. изданіемъ и объясненіемъ документальныхъ памятниковъ монголо-татарской письменности, извѣстныхъ подъ именемъ «Ханскихъ ярлыковъ». Затѣмъ перешелъ онъ къ изданію пріобрѣтенныхъ въ путешествіи по Востоку матеріаловъ для ознакомленія съ малоизвѣстными, а отчасти и бывшими до него извѣстными только по имени нарѣчіями Персіи: тати, талыжскимъ, мазандеранскимъ, гербскимъ и курдскимъ; матеріалы эти и изслѣдованія о граматическихъ особенностяхъ означенныхъ нарѣчій, изданные въ 1851 г. на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Recherches sur les dialectes persans», составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ вкладовъ въ сокровищницу европейской науки. За этимъ трудомъ послѣдовала изданная въ 1852 г. «Граматика персидскаго языка»—первое граматическое руководство къ изученію этого языка на нашемъ отечественномъ. Въ 1853 г. появилось изслѣдованіе его о «Бугарѣ на Волгѣ»; кромѣ того, онъ напечаталъ изслѣдованія «О пуризмахъ Слова о полку Игоревѣ», «О нашествіи Батыя на Россію» и т. д. Съ открытіемъ въ Петербургскомъ университетѣ факультета восточныхъ языковъ, И. Н. былъ переведенъ изъ Казани на каѳедру тюркскихъ нарѣчій въ здѣшнемъ университетѣ. Березинъ помѣщалъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ «Современникѣ», въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ «Петербургскихъ Академическихъ» и «Московскихъ Университетскихъ Вѣдомостяхъ» отдѣльные очерки изъ путешествія своего по Востоку и трактаты историко-политическаго содержанія. Къ числу этихъ статей принадлежатъ, между прочимъ, «Сцены въ пустынѣ», «Очерки Востока» и «Блаженство мусульманина». Отдѣльно изданы «Турецкая хрестоматія», «Православныя и другія христіанскія церкви въ Турціи» и проч. Публикѣ И. Н. Березинъ извѣстенъ, какъ редакторъ-издатель 16-ти томнаго русскаго энциклопедическаго словаря, надъ которымъ онъ работалъ 9 лѣтъ, съ 1873 г. по 1882 г. Начался этотъ словарь съ объявленія, что въ немъ будутъ участвовать чуть ли не всѣ наличныя силы русскихъ профессоровъ и первые выпуски его были

дѣйствительно замѣчательны, но потомъ каждый вновь выходящій томъ являлся слабѣе предыдущаго. Особенно статьи, относящіяся къ Россіи, были поверхностны и мало обработаны. Но словарь все-таки былъ конченъ и потребность въ подобномъ изданіи была такъ велика, что онъ вскорѣ же разошолся. Тогда г. Березинъ приступилъ къ изданію другого словаря, уже меньшихъ размѣровъ, въ восьми томахъ вмѣсто 16-ти и цѣною въ 16 рублей, а не въ 60 рублей, какъ первый словарь. Но издавъ два тома второго словаря, г. Березинъ остановился на третьемъ выпускѣ (буквѣ Г) и съ тѣхъ поръ не обмолвился ни однимъ словомъ въ печати: будетъ ли онъ продолжать свое изданіе.

Пятисотлѣтіе Калуги. Древнѣйшіе письменные памятники города Калуги были истреблены литовцами и крымскими татарами, а также колоссальными пожарами, которые неоднокрално истребляли этотъ городъ, поэтому объ основаніи его не сохранилось никакихъ точныхъ данныхъ. Въ первый разъ имя Калуги упоминается въ 1389 году въ завѣщаніи Дмитрія Донского: «а Калуга и Роща—сыну же моему Андрею»; стало быть, этотъ городъ существовалъ гораздо ранѣе, чѣмъ 500 лѣтъ назадъ. Есть преданіе, что Калуга выстроена была въ видѣ крѣпости Симеономъ Гордымъ для защиты отъ набѣга литовцевъ, на что указываетъ и самое названіе города: халуга по церковно-славянски означаетъ мѣсто, огороженное тыномъ и плетнемъ. Подобно старой Рязани и другимъ городамъ, Калуга неоднократно перемѣняла свое мѣстоположеніе. Причинами этого были моровыя язвы и другія эпидеміи, до такой степени опустошавшія русскіе города, что многіе изъ нихъ опасались оставаться на прежнемъ «огнищѣ смерти». Моровыя язвы въ XIV столѣтіи принимали такіе ужасающіе размѣры, что районъ ихъ распространенія, напримѣръ, въ 1352 и 1363 годахъ, по словамъ лѣтописца, былъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Суздалѣ, Москвѣ, Рязани и во всей земли рустѣй. Лѣтописецъ прибавляетъ, что послѣ мора земля опустѣла, поросла лѣсами и были потомъ всюду пустыни непроходимыя. Эти эпидеміи дважды опустошали Калугу, но каждый разъ послѣ нихъ она, какъ фениксъ, возрождалась на новомъ мѣстѣ. Теперь городъ этотъ стоитъ на высокомъ, красивомъ берегу Оки и считается кореннымъ русскимъ городомъ, гдѣ сохранились старинные русскіе обычаи, не исключая, конечно, суевѣрій, а главное—тамъ языкъ—чисто-русскій. Калужанинъ—это типъ настоящаго русака, мощный и живучій, какъ это отмѣтилъ Тургеневъ въ своемъ первомъ литературномъ очеркѣ «Хорь и Калинычъ».

Калуга то примыкала къ Москвѣ, то отпадала отъ нея, наконецъ послужила гнѣздомъ для самозванца, сдѣлавшись резиденціею Тушинскаго вора, который впрочемъ тутъ же и нашелъ свою смерть, хотя не отъ калужанъ, а отъ окружавшихъ его татаръ. Калужане даже истребили убійцъ-татаръ, князь Ю. Н. Трубецкой насильственно привелъ ихъ къ присягѣ Владиславу; но горячій, патріотическій голосъ Ляпунова поднялъ калужанъ на освобожденіе Москвы и они двинулись туда подъ начальствомъ другого Трубецкого, князя Дмитрія.

Послѣ этого на Калугу нападали поляки, которыхъ позорно прогналъ знаменитый русскій витязь Пожарскій, бывшій вождемъ калужанъ, а затѣмъ черкасы (запорожцы), почти до тла разорившіе и разграбившіе городъ подъ командою гетмана Сагайдачнаго. Жители такъ обнищали, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ освободилъ ихъ отъ податей на три года; но одна бѣда ведетъ за собою другую: начались страшные опустошительные пожары, которые каждый разъ обращали городъ въ груду пепла, какъ только онъ успѣвалъ отстроиться. Наконецъ, въ старые годы еще одинъ бичъ часто рушился на головы русскихъ людей — это голодъ, о которомъ мы теперь почти не имѣемъ понятія. Такой жестокій голодъ свирѣпствовалъ и въ Калугѣ въ

1723 г. Бѣдные люди, распродавъ послѣднія крохи, принуждены были ѣсть дубовую кору, гнилушки, лебеду, отчего многіе пухли и умирали. Старая хроника гласитъ: «въ сіе время жалости достойному народу дѣлали пособія изъ милосердія достойные вѣчныхъ похвалъ и поминовеній московскій купецъ Иванъ Астафьевъ сынъ Томилинъ, калужскіе купцы Акимъ Ѳоминъ сынъ Свѣшниковъ и Козьма Васильевъ сынъ Масленниковъ, ибо покупали рожь и пекли хлѣбъ, а притомъ варили щи изъ лебеды и капусты и въ домахъ своихъ кормили бѣдный народъ, давая по участку хлѣба, чтобы не помиралъ отъ голоду и вредной пищи. Для такого пропитанія ежедневно прихаживало отъ 2,500 до трехъ тысячъ человѣкъ». Подъ вліяніемъ несчастій и между гражданами возникла тогда страшная вражда: образовалось двѣ непримиримыя партіи, которыя хотѣли взаимно другъ друга уничтожить. Въ это время черезъ Калугу проѣзжалъ любимецъ Петра Великаго Григорій Петровичъ Чернышевъ, котораго калужане вышли за городъ встрѣчать хлѣбомъ-солью, но при этомъ каждая изъ враждующихъ партій поднесла свою хлѣбъ-соль отдѣльно. Чернышевъ удивился и спросилъ о причинѣ этого раздвоенія; ему разсказали о взаимной враждѣ гражданъ. Ни слова не говоря, вельможа, обратившись къ своимъ гренадерамъ, крикнулъ: «плетей!» «Купцы—разсказываетъ Голиковъ въ своихъ запискахъ—упали на колѣни и просили помилованія. Чернышевъ послалъ къ протопопу приказаніе принести крестъ и евангеліе. Когда явился протопопъ, Чернышевъ приказалъ купцамъ присягнуть въ томъ, что они вражду оставляютъ, а потомъ въ знакъ мира между собою поцѣловаться, объявивъ имъ, что онъ будетъ навѣдываться объ ихъ поведеніи и что если между ними окажется какая-либо ссора, то съ ними будетъ поступлено какъ съ клятвопреступниками. Чернышевъ велѣлъ имъ снова поцѣловаться, а потомъ поцѣловалъ самъ всѣхъ и въѣхалъ въ городъ». Объ этомъ чернышевскомъ мирѣ и до сихъ поръ разсказываютъ по преданіямъ дѣдовъ калужскіе старожилы.

Процвѣтаніе Калуги началось собственно съ учрежденія здѣсь намѣстничества при Екатеринѣ II, которая посѣтила этотъ городъ и до того увлеклась его типической русской внѣшностью, что приказала сдѣлать портретъ свой въ нарядѣ калужанки и въ этомъ костюмѣ она изображена на медаляхъ въ память ея посѣщенія Калуги, съ надписью: «се како любитъ ю». До какой степени быстро началъ развиваться и процвѣтать живучій русскій городъ, видно отчасти уже изъ того, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1804 году, въ Калугѣ издавался литературный журналъ «Уранія» подъ редакціею Зельницкаго. Правда, у журнала было всего 96 подписчиковъ, но по тогдашнему времени и это былъ успѣхъ, хотя и скромный. Сохранилось не мало книгъ конца прошлаго вѣка, изданныхъ въ Калугѣ. Такова книга подъ слѣдующимъ претенціознымъ заглавіемъ: «Изліяніе сердца, чтущаго благость единоначалія и ужасающагося, взирая на пагубные плоды мечтанія равенства и буйной свободы, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ изображеній духовной слѣпоты тѣхъ, которые не тамъ, гдѣ должно, ищутъ причинъ своихъ бѣдствій», 1794 г.

Французское «разореніе», которое хотя и не коснулось самой Калуги, но опустошило нѣкоторые ея уѣзды и стоило вообще неимовѣрныхъ жертвъ этой губерніи, снова ослабило калужанъ...

Но ни моровыя эпидеміи, ни нашествіе непріятелей, ни голодъ, ни пожары, ни внутренняя вражда,—ничто не въ состояніи было умертвить живучаго города, который недавно могъ пасть подъ ударами новаго страшнаго бича—желѣзной дороги. Главная линія, соединившая сѣверъ Россіи съ югомъ прошла на Тулу, миновавъ Калугу, и хотя впослѣдствіи, когда уже городъ доведенъ былъ до паденія, выстроена была въ утѣшеніе ему ряжско-вяземская линія, но экономическая жизнь губерніи, оставшейся все-таки

въ сторонѣ отъ главныхъ путей, постепенно вымираетъ: закрываются, напримѣръ, такія колоссальныя многомилліонныя предпріятія, какъ мальцевскіе заводы. Желѣзныя дороги по своему перестроили географію Россіи: они выдвинули торговые центры среди болотъ и пустынь и въ то же время привели въ запустѣніе многіе цвѣтущіе русскіе города.

Прекратившійся журналъ. Мы не такъ богаты періодическими изданіями, чтобы не обратить вниманіе на прекращеніе журнала, выходившаго въ теченіе двадцати одного года—ровно столько же, сколько существовалъ «Голосъ», прекращенный самимъ редакторомъ, когда вслѣдствіе министерскаго распоряженія онъ былъ отданъ подъ предварительную цензуру, за нарушеніе постановленій по дѣламъ печати. «Народная школа» прекратилась также по желанію ея редактора-издателя. О причинахъ остановки изданія редакція говоритъ слѣдующее: «Для народной школы въ настоящее время наступилъ трудный моментъ. Съ одной стороны, наблюдается охлажденіе земства къ дѣлу народнаго образованія, съ другой — создались такія условія, что открытіе новыхъ школъ земствами и сословными учрежденіями дѣлается затруднительнымъ. Туча появилась и на горизонтѣ журнала «Народная школа»: онъ долженъ пріостановиться на неопредѣленное время, и вновь будетъ выходить только когда обстоятельства измѣнятся къ лучшему, когда безпристрастіе не будетъ считаться порокомъ, когда служеніе интересамъ народнаго образованія будетъ опять признаваться истинно патріотическимъ дѣломъ...» Нельзя сказать, чтобы все это было ясно, и потомъ для возобновленія журнала приходится ждать не только перемѣны обстоятельствъ, но и измѣненія временныхъ цензурныхъ правилъ, по которымъ всякое періодическое изданіе, не выходившее въ теченіе года, считается окончательно прекратившимся. Нѣкоторый свѣтъ на причины остановки журнала бросаетъ помѣщенное въ послѣдней книжкѣ его, въ отдѣлѣ Законодательства, отношеніе министерства народнаго просвѣщенія къ издателю, отъ 1-го іюля 1889 года. Въ этомъ отношеніи говорится, что «Народная школа» была одобрена министерствомъ просвѣщенія въ 1869 году, то есть еще при Д. А. Толстомъ, для выписки онаго (то есть журнала) начальными народными училищами, но изъ разсмотрѣнія книжекъ этого журнала оказывается, что онъ не можетъ быть признанъ пригоднымъ ни для этихъ училищъ, ни даже для другихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства просвѣщенія». Такой приговоръ безъ указанія на непригодныя статьи поражаетъ своею суровостью, особенно въ виду того, что журналъ рекомендованъ учебнымъ Комитетомъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи—и, стало быть, одно вѣдомство рекомендуетъ то, что̀ другое вѣдомство считаетъ непригоднымъ. Кромѣ того, журналъ удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности и получилъ почетный дипломъ на славянской педагогической выставкѣ въ Чехіи. Статьи журнала подписаны именами извѣстныхъ педагоговъ и самъ ученый комитетъ министерства просвѣщенія не далѣе какъ два года тому назадъ, вновь пересмотрѣвъ изданіе, прислалъ ему и новое одобреніе. Поэтому послѣдовавшее теперь постановленіе департамента, безъ мотивированія, становится уже совершенно непонятнымъ и напрасно редакторъ прекратилъ свое изданіе, въ виду стольскихъ благопріятныхъ отзывовъ о его журналѣ сравнительно съ однимъ неодобрительнымъ мнѣніемъ.

† 19-го января въ Ниццѣ одинъ изъ скромныхъ, но полезныхъ общественныхъ дѣятелей **Вадимъ Владиміровичъ Романовъ.** Онъ родился 23-го апрѣля, 1841 г. Первоначальное воспитаніе получилъ въ англійскомъ пансіонѣ Мечина, а высшее—въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ пробылъ съ 1854 по 1859 г., откуда выпущенъ мичманомъ, послѣ восемнадцати-мѣсячнаго плаванія въ Средиземномъ морѣ и Атлантическомъ океанѣ. Для пополненія

пробѣловъ своего образованія онъ въ 1860 г. поступилъ вольнослушателемъ въ Петербургскій университетъ и оставивъ его въ 1862 г. былъ кандидатомъ мирового посредника Херсонской губерніи, гдѣ послѣ Крымской войны служилъ мировымъ посредникомъ и его отецъ. Въ чинѣ лейтенанта В. В. оставилъ службу въ 1864 г. и провелъ четыре года (1865—1868) въ путешествіяхъ по Европѣ и Азіи, причемъ прожилъ полтора года въ тайгахъ Енисейской губерніи. Вернувшись въ Петербургъ, поступилъ въ почтовый департаментъ чиновникомъ особыхъ порученій и занималъ должность секретаря до 1876 г. Въ 1878 г. приглашенъ къ участію въ работахъ по созданію добровольнаго флота, напечаталъ воззваніе въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и былъ назначенъ завѣдывающимъ пріемомъ пожертвованій, приносимыхъ въ Аничковъ дворецъ на имя Наслѣдника, и дѣлопроизводителемъ совѣта и хозяйственнаго отдѣленія комитета добровольнаго флота. Въ 1880 г. Лорисъ-Меликовъ призвалъ его въ верховную распорядительную комиссію и командировалъ за границу. Съ 1885 г. В. В. состоялъ гласнымъ петербургской думы. Въ литературѣ онъ началъ участвовать съ 1860 г., сотрудничая въ «Морскомъ Сборникѣ», «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Наблюдателѣ», «Новомъ Времени» и друг. изданіяхъ. Изъ отдѣльныхъ изданій его извѣстны: собраніе повѣстей, вышедшее подъ заглавіемъ: «Были безъ думъ», съ псевдонимомъ—димъ—овъ (1871) и «За Уралъ» (1874).

† Младшій цензоръ петербургскаго почтамта **Леонидъ Васильевичъ Березинъ**. Онъ родился въ Петербургѣ и по окончаніи курса наукъ въ Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата поступилъ въ число студентовъ восточныхъ языковъ. Окончивъ курсъ наукъ, онъ въ 1859 г. опредѣленъ въ константинопольское посольство; черезъ два года назначенъ секретаремъ и драгоманомъ консульства въ Битоли, а въ 1862 г. вице-консуломъ въ Фіуме и въ 1869 г. консуломъ въ томъ же городѣ. Семейныя обстоятельства заставили его оставить службу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь онъ въ 1872 г. былъ назначенъ младшимъ цензоромъ петербургскаго почтамта, а съ 1883 г. сверхъ этой обязанности, исполнялъ особыя порученія въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. Онъ извѣстенъ своимъ трудомъ: «Хорватія, Славонія и Далмація», въ которомъ имѣлъ возможность доказать, что въ бытность свою вице-консуломъ и консуломъ серьезно трудился надъ изученіемъ быта и отношеній къ Россіи славянъ. За свое сочиненіе онъ получилъ иностранные ордена отъ правительствъ: австрійскаго, итальянскаго, сербскаго и черногорскаго.

† Въ г. Ярославлѣ, на 68 году, уважаемый мѣстный археологъ, **Вадимъ Ивановичъ Лѣствицынъ**, уроженецъ Ярославской губерніи и бывшій кандидатъ московской духовной академіи. Онъ оказалъ не малыя услуги собираніемъ и печатаніемъ множества археологическихъ свѣдѣній, касающихся исторіи Ярославля и древнихъ его памятниковъ. Покойный все время въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, живя въ убогой комнаткѣ, весь обложенный книгами, трудился по мѣстной археологіи; жилъ онъ въ одной каморкѣ 28 лѣтъ сряду, будучи не въ состояніи буквально двинуться съ мѣста отъ массы собранныхъ имъ книгъ. Это былъ правдивый, честный — древняго закала русскій человѣкъ.

† 28-го января, въ Оренбургѣ, попечитель оренбургскаго учебнаго округа **Дмитрій Сергѣевичъ Михайловъ**, одинъ изъ полезныхъ и энергичныхъ дѣятелей. За 5 лѣтъ его попечительства оренбургскимъ учебнымъ округомъ было положено много труда для насажденія среди совершенно неразвитого и грубаго мѣстнаго населенія начальныхъ школъ и вообще начальнаго образованія. Покойный употреблялъ все возможное для привлеченія лучшихъ преподавателей въ среднія учебныя заведенія своего округа, учреждалъ учительскія семинаріи для подготовки народныхъ учителей, помогалъ земствамъ въ дѣлѣ

открытія училищъ. По образованію Д. С. Михайловъ — естественникъ; въ 1852 г. онъ началъ свою преподавательскую дѣятельность и продолжалъ ее слишкомъ 20 лѣтъ въ гимназіяхъ и кадетскихъ корпусахъ. Какъ педагогъ онъ извѣстенъ своими учебниками и атласами по зоологіи и естественной исторіи. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ былъ директоромъ петербургской учительской семинаріи и поставилъ блестяще ея учебное дѣло. Назначенный окружнымъ инспекторомъ петербургскаго учебнаго округа, Михайловъ производилъ рядъ ревизій въ учебныхъ заведеніяхъ округа; въ 1879 г., послѣ назначенія К. П. Яновскаго попечителемъ кавказскаго учебнаго округа, онъ былъ назначенъ на мѣсто перваго помощникомъ попечителя петербургскаго учебнаго округа. Въ Петербургѣ Д. С. Михайловъ пробылъ до конца 1884 г., исполняя не разъ обязанности попечителя округа.

† 28 января одинъ изъ государственныхъ дѣятелей прошлаго царствованія, графъ **Петръ Александровичъ Валуевъ**. Онъ началъ службу въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Блестящее воспитаніе, соединенное съ административными способностями, обратило на него вниманіе Николая I. П. А. Валуевъ былъ опредѣленъ въ Прибалтійскомъ краѣ по министерству государственныхъ имуществъ. Въ 1861 году онъ занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. При немъ была осуществлена земская реформа, введеніе городового положенія и составленъ новый законъ о цензурѣ. П. А. оставался министромъ внутреннихъ дѣлъ до 1867 г. Въ этомъ году онъ перемѣнилъ государственную дѣятельность на болѣе скромное занятіе, занявъ мѣсто предсѣдателя учетнаго и ссуднаго банка, затѣмъ на не менѣе скромное министерство государственныхъ имуществъ, причемъ ему было подчинено управленіе государственнаго коннозаводства и горный департаментъ. Съ этого поста онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета министровъ, гдѣ и оставался до 1881 года, затѣмъ—членомъ государственнаго совѣта.

Свои досуги графъ П. А. посвящалъ литературѣ, написавъ между прочимъ не имѣвшій успѣха романъ «Лоринъ»; началъ онъ свое литературное поприще компиляціями въ «Отечественныхъ Запискахъ» по вопросамъ международной политики, кончилъ — благочестивыми и душеспасительными брошюрками. Ему же принадлежитъ и мысль введенія въ нашу печать новыхъ временныхъ правилъ, заимствованныхъ изъ постановленій Персиньи, министра второй имперіи, уничтоженныхъ во Франціи еще въ 1870 году.

† На Вольскомъ варшавскомъ кладбищѣ предано землѣ тѣло ординарнаго профессора Варшавскаго университета **Николая Павловича Барсова**. Покойный занималъ въ варшавскомъ университетѣ каѳедру русской исторіи, съ самаго преобразованія его изъ главной варшавской школы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, завѣдывалъ университетской библіотекой. Знатокъ русской исторіи, авторъ многихъ критическихъ статей по этому предмету, Барсовъ былъ отличнымъ лекторомъ; лекціи его слушались всегда съ увлеченіемъ и привлекали не только однихъ филологовъ, но и студентовъ другихъ факультетовъ. Воспитывался Барсовъ въ орловской гимназіи, а высшее образованіе получилъ въ московскомъ университетѣ. Въ послѣднемъ же Барсовъ началъ свою профессорскую дѣятельность доцентомъ русской исторіи.

† **Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій**, дворянинъ по происхожденію, родился въ Казанской губерніи въ 1820 г. Сынъ небогатыхъ родителей, онъ получилъ отличное образованіе: блистательно окончилъ курсъ военныхъ наукъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, потомъ въ инженерной академіи, затѣмъ въ академіи генеральнаго штаба. Выпущенный въ 1841 г. изъ инженерной академіи, служилъ въ варшавской инженерной командѣ, но большую часть жизни прослужилъ на Кавказѣ, отличаясь храбростью и хладнокровіемъ. Ѳ. Ѳ. поочередно командовалъ 38, 21 и 9 дивизіями, затѣмъ назначенъ командиромъ 8-го корпуса дѣйствующей арміи во время послѣдней русско-

турецкой войны. За переправу черезъ Дунай генералъ Радецкій получилъ Георгія 3-й степени, а за защиту Шипкинскаго прохода Георгія 2-й степени. Всѣмъ памятны геройскія дѣйствія Радецкаго на Шипкѣ и та радость русскихъ людей, съ которою встрѣчена была вѣсть о побѣдахъ его надъ Сулейманомъ-пашей. Съ этого времени имя Ѳ. Ѳ. Радецкаго было увѣковѣчено для Россіи. Возвратившись по окончаніи войны въ Россію, Радецкій назначенъ былъ командиромъ гренадерскаго корпуса. Въ 1882 г. былъ командующимъ войсками Харьковскаго военнаго округа, и въ 1889 переведенъ командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа, а за тѣмъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Участвуя болѣе 100 разъ въ бояхъ съ непріятелемъ, въ самыхъ жаркихъ схваткахъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ остался цѣлъ и невредимъ: ни раненымъ, ни даже контуженнымъ, онъ не былъ ни разу. Наравнѣ съ своими доблестями, стяжавшими ему славу, Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ высокой честности и прекраснаго сердца.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ «Рукописи Островскаго».

Въ мою статью о рукописяхъ А. Н. Островскаго, напечатанную въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», вкрались нѣкоторыя неточности, которыя считаю нужнымъ исправить.

Я сказалъ, что драма «Не такъ живи, какъ хочется» первоначально должна была быть написана стихами. Это lapsus calami, которыя я замѣтилъ раньше поправки И. Ѳ. Горбунова, напечатанной въ «Новомъ Времени», но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Какъ извѣстно, опера Сѣрова «Вражья Сила» написана на сюжетъ драмы Островскаго и тѣ листы, на которыхъ «Не такъ живи, какъ хочется» изложено въ стихотворной формѣ, представляютъ оперное либретто, написанное самимъ Островскимъ.

«Василису Мелентьеву» Островскій написалъ въ сотрудничествѣ съ директоромъ театровъ С. А. Гедеоновымъ, какъ сказано въ хроникѣ петербургскихъ театровъ А. И. Вольфа (стр. 37). На первыхъ представленіяхъ имя Гедеонова на афишахъ было замѣнено тремя звѣздочками. По крайней мѣрѣ рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ», говоря о первомъ представленіи «Василисы Мелентьевой» поставилъ въ заглавіи; «Василиса Мелентьева» новая драма гг. Островскаго и *** въ 5-ти дѣйствіяхъ и стихахъ», и далѣе говоритъ: «прибавленныя къ имени автора таинственныя *** сотрудника ничего не убавили въ глазахъ публики», («Отеч. Зап.» 1868 г. № 1). Надо думать, что три первыхъ дѣйствія, писанныя писарской рукой, о которыхъ я говорилъ, принадлежатъ Гедеонову. Изъ моей статьи видно, какой радикальной передѣлкѣ подвергъ Островскій первоначальные тексты, а потому «Василису Мелентьеву» по справедливости можно считать его произведеніемъ.

Пав. Безобразовъ.

II.

По поводу отзыва о книгѣ о. Пирлинга.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ отдѣлѣ «Заграничныя историческія новости» въ отзывѣ о книгѣ о. Павла Осиповича Пирлинга, «Papes et tsars» авторъ ошибочно названъ ренегатомъ, тогда

какъ онъ родился католикомъ и лишь воспитывался въ Россіи, во второй петербургской гимназіи. Мы извиняемся передъ почтеннымъ о. Пирлингомъ въ нашей невольной ошибкѣ.

III.

Къ статьѣ «Декабристъ Оболенскій».

Г. Головинскій проситъ насъ исправить опечатку, или вѣрнѣе описку, вкравшуюся въ статью его «Декабристъ Оболенскій», напечатанную въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника». На стр. 121, въ примѣч. 4, сказано, что декабристъ Анненковъ женился на француженкѣ Ледантю. Анненковъ былъ женатъ на француженкѣ по фамиліи Поль, а на Ледантю женился декабристъ Василій Петровичъ Ивашевъ.

видѣть ее у себя въ домѣ. Гостьѣ отвели лучшія комнаты въ палаццо и приставили къ ней ловкихъ горничныхъ. Затѣмъ въ честь Валори стали назначать празднества, потомъ Юлія повезла ее въ герцогскій зàмокъ, гдѣ она тоже была принята очень любезно.

Все это дѣлалось, конечно, не отъ сердца и неискренно, но ради приличія.

Одна знала, что милая подруга отбила у нея любовника и за это глубоко ненавидѣла ее, хотя всячески старалась скрывать свою злобу. Другая сильно подозрѣвала такъ неожиданно появившуюся подругу и была убѣждена, что она затѣяла чтò-то недоброе.

Окружая возможнымъ вниманіемъ дорогую гостью, Юлія въ то же самое время изъ подтишка очень внимательно за ней наблюдала. Джиневра вскорѣ увидѣла все дѣло, какъ оно было. Отъ ея наблюдательности не укрылось, что милая подруга путаетъ обоихъ братьевъ Медичи, что одинъ не вѣдаетъ объ отношеніяхъ къ Юліи другого.

Джиневра продолжала внимательно слѣдить за всѣми поступками подруги и увидала, что донъ Джіованни посѣщаетъ Юлію въ то время когда отсутствуетъ донъ Гарціа и наоборотъ, и что съ кардиналомъ Джіованни она видится въ паркѣ, гуляетъ до бесѣдки, скрытой въ зелени, куда влюбленная парочка обыкновенно скрывается.

Гуляя въ одинъ прекрасный день въ паркѣ, Джиневра замѣтила съ задней стороны бесѣдки лѣсенку, ведущую на верхнюю террассу. Эта послѣдняя освѣщалась маленькимъ окошечкомъ, сквозь цвѣтныя стекла котораго нельзя было видѣть, чтò происходило внутри. Не смотря на это Джиневрѣ своими рысьими глазами все-таки удалось отыскать однò стеклышко изъ самыхъ маленькихъ, которое, будучи разбито, въ торопяхъ замѣнено бѣлымъ и довольно прозрачнымъ.

Джиневра, подсматривая въ это стеклышко, легко могла видѣть, чтò дѣлалось внутри бесѣдки. Именно на этомъ она и основала планъ своей интриги.

Во дворцѣ Юліи Вителло былъ пиръ. Въ числѣ приглашенныхъ, кромѣ гостившей Джиневры, были донъ Джіованни, донъ Гарціа и ихъ сестра герцогиня Изабелла съ своимъ пажемъ Торелло. Послѣ роскошнаго ужина съ кипрскимъ и кандійскимъ винами и весьма торжественными, а главное многочисленными, тостами у многихъ закружились головы и они предложили выйти въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Всѣ съ особеннымъ удовольствіемъ приняли это предложеніе и общество отправилось изъ обѣденнаго зала въ садъ. Свѣжій воздухъ располагаетъ къ свободѣ, а тѣмъ болѣе послѣ многочисленныхъ тостовъ; пары быстро разбрелись по тропинкамъ

роскошнаго сада, тѣнистымъ бесѣдкамъ и таинственнымъ гротамъ окруженнымъ стройными тополями.

Донъ Гарціа Медичи хотѣлъ предложить руку своей богинѣ, красавицѣ Юліи, но Джиневра поспѣшила избрать его своимъ кавалеромъ. Отказаться было нельзя; молодой человѣкъ очень любезно принялъ ея руку и они отправились гулять.

Джіованни, конечно, воспользовался удобнымъ случаемъ и въ свою очередь предложилъ руку прекрасной Юліи. Изабелла Орсини опиралась на руку пажа Торелло.

Влюбленный юноша до такой степени былъ въ восторгѣ отъ такой милости герцогини, что не могъ вымолвить ни слова, рука его трепетала, онъ краснѣлъ, конфузился.

Изабелла сжалилась надъ нимъ и когда они вошли въ тѣнистую алею сказала:

— Торелло! Отчего вы такъ задумчивы и грустны? Я помню вы были недавно безпечнымъ и рѣзвымъ пажемъ. Вы ужасно перемѣнились. Мнѣ кажется, я не погрѣшу противъ истины, если скажу, что сердце ваше ранено какой-нибудь веселой шалуньей. Только любовь можетъ такъ сильно измѣнять подобныхъ юношей, какъ вы.

Торелло глубоко вздохнулъ, но не отвѣчалъ.

— Значитъ я угадала?—продолжала Изабелла.

Легкая улыбка, скользнувшая по губамъ молодого человѣка, подтвердила это предположеніе.

— Кто же предметъ вашей страсти? скажите мнѣ. Впрочемъ я угадываю: вѣроятно одна изъ фрейлинъ моей матери. Между ними есть прехорошенькія.

— Ахъ, нѣтъ, синьора, я люблю нефрейлину!—вскричалъ юноша.

— Такъ кого же вы любите?

Торелло, ободренный настойчивостью герцогини, понялъ, что настало время хотя отчасти высказаться и, призвавъ на помощь все свое мужество, началъ:

— Особа, которую я люблю такъ знатна и высоко стоитъ, что я не могу надѣяться на ея взаимность. Она даже и неподозрѣваетъ о моей любви. А между тѣмъ я ее обожаю, благоговѣю передъ ней. Я знаю, что страсть, сжигающая меня, не можетъ принести мнѣ счастья, но я объ этомъ не думаю; если бы мнѣ грозила смерть, я все-таки благословлялъ бы ту, которая зажгла этотъ божественный огонь въ моей груди.

— И вы думаете, что она не догадывается о вашей любви? Не ошибаетесь ли вы? Женщины очень проницательны, иногда онѣ дѣлаютъ видъ будто не замѣчаютъ того, что̀ имъ уже хорошо извѣстно.

— О, еслибы она могла знать, что̀ происходитъ въ моемъ сердцѣ, она вѣрно пожалѣла бы меня!

Говоря это, молодой человѣкъ страстно взглянулъ на Изабеллу, она тотчасъ опустила глаза, какъ преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, и тихо сказала:

— А если бы она васъ пожалѣла, то чѣмъ же могла бы васъ утѣшить?

— Малѣйшее ея участіе, сдѣлало бы меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

При этихъ словахъ Торелло прочелъ въ глазахъ Изабеллы такъ много снисхожденія, что осмѣлился пожать ей руку. Прекрасная герцогиня не разгнѣвалась за это. Тогда страстно влюбленный пажъ схватилъ ея руку, покрылъ ее поцѣлуями и вскричалъ:

— Вы женщина, которую я люблю! . . . .

. . . .

Въ это время молодой кардиналъ Джіованни Медичи, девятнадцатилѣтній юноша, одѣтый въ изящный бархатный костюмъ, велъ подъ руку очаровательную Юлію, блиставшую красотой болѣе чѣмъ бриллiантами, которые были пришпилены въ ея бѣлокурые волосы.

— Намъ не слѣдуетъ слишкомъ удаляться, Джіованни,—говорила своему кавалеру красавица.—Я боюсь возбудить подозрѣнія Гарціа, быть можетъ онъ слѣдитъ за нами, и если мы удалимся, онъ можетъ догадаться.

— Чтожъ изъ этого? Вы думаете я его боюсь?—вскричалъ юный кардиналъ, желая похвастаться своей отвагой передъ красавицей.

— Нѣтъ я этого не думаю. Но не дай ему Богъ когда-либо открыть нашу тайну. Выйдетъ ужасный скандалъ.

— На что̀ же онъ надѣется? Не думаетъ ли онъ вѣчно властвовать надъ вами? По какому это праву? Развѣ въ силу того, что вы разъ изъ сожалѣнія дали ему нѣсколько мгновеній неземнаго блаженства? На что̀ онъ можетъ жаловаться, если то самое чувство, которое возвысило его въ вашихъ глазахъ, сегодня измѣнило ему? Онъ долженъ уступить мѣсто болѣе счастливому, тому кто съумѣлъ вамъ понравиться болѣе его.

— Боже мой! вы не знаете какъ онъ вспыльчивъ и необузданъ. О, еслибы онъ узналъ, его гнѣвъ былъ бы ужасенъ.

— Я не боюсь его гнѣва. Я даже былъ бы радъ показать вамъ силу моей любви въ противоположность гнѣву, хотя бы и моего брата.

— Слова ваши меня пугаютъ. Вы не думаете о моей репутаціи и не хотите взять въ соображеніе, что гнѣвъ Гарціа обратится прежде всего на меня.

— Пусть попробуетъ тронуть хотя волосъ на вашей головѣ. Я всегда буду готовъ защитить васъ.

— Братъ противъ брата. Если это случится изъ-за меня, я всю мою жизнь буду въ этомъ раскаяваться.

— Мужчина противъ другого мужчины. Я не виноватъ, что мы родились отъ одной и той же женщины.

— Джіованни!

— Я ненавижу его, не могу перенести мысли, что онъ владѣлъ вашимъ сердцемъ раньше меня!

— Мнѣ кажется онъ имѣетъ болѣе правъ васъ ненавидѣть, за то что вы отняли у него это сердце.

— И прекрасно! Въ такомъ случаѣ мы взаимно ненавидимъ другъ друга; я ничего лучшаго не желаю!

— А еслибы васъ слышала ваша мать?

— Наша мать? Она первая причина нашей ненависти, такъ какъ всегда больше всѣхъ любила и ласкала Гарціа.

— Я не вѣрю этому. Мать любитъ всѣхъ своихъ дѣтей одинаково.

— Это также вѣрно, какъ и то, что я люблю тебя, Юлія, всей силой моей души!—вскричалъ Джіованни.

Онъ былъ не въ состояніи долѣе сдерживать юношескій пылъ своей страсти и, горячо обнявъ, поднялъ на воздухъ соблазнительную Юлію.

— Неосторожный, — шептала Юлія, — говорю вамъ увидятъ, оставьте меня хотя на нѣсколько минутъ.

Уединенная бесѣдка была недалеко.

Джиневра между тѣмъ прогуливалась съ донъ Гарціа въ другой части сада. Сердце юнаго Медичи было переполнено любовью къ Юліи. Какъ не была Валори красива и привлекательна, но онъ не находилъ никакого интереса въ ея обществѣ. Изъ вѣжливости онъ едва поддерживалъ съ ней разговоръ, изрѣдка говоря обычные комплементы ея красотѣ, на что̀ красавица отвѣчала язвительно, намекая на его страсть къ ея подругѣ. Послѣ нѣсколькихъ острыхъ фразъ, разговоръ прерывался. Всѣ мысли молодого человѣка были заняты Юліей, подлѣ которой ему хотѣлось быть. Джиневра все это видѣла и слѣдила за парочкой, прогуливавшейся вдали, по другой тропинкѣ.

Когда парочка скрылась изъ глазъ, Джиневра поняла, что влюбленные вошли въ бесѣдку и сразу прервала церемонные разговоры.

— Да Гарціа вы обмануты!—вскричала она.

— Что̀ вы говорите, синьора? Я васъ не понимаю.

— Говорю, что вы обмануты, что мы оба обмануты. Мой Джіованни увлеченъ вашей Юліей, и въ это самое время они быть можетъ въ объятіяхъ другъ друга и смѣются надъ нами.

— Проклятіе!—вскричалъ донъ Гарціа, хватаясь за рукоятку кинжала.—Увѣрены ли вы въ томъ, что̀ говорите?

— Дайте мнѣ слово благороднаго принца, что съумѣете обу-

здать вашъ гнѣвъ, и я дамъ вамъ возможность убѣдиться собственными глазами въ истинѣ моихъ словъ.

— Идемъ.

— Клянетесь?

— Хорошо я вамъ клянусь, что съумѣю владѣть собой.

— Ваше честное слово?

— Слово благороднаго рыцаря. Идемъ.

Джиневра Вителли повела донъ Гарціа къ бесѣдкѣ. Предупредивъ его, чтобы онъ не шумѣлъ, они тихо поднялись по лѣстницѣ на площадку. Когда они были на верху, Джиневра отыскала прозрачное стеклышко и приложила къ нему глазъ, затѣмъ, обратившись къ донъ Гарціа, просила его сдѣлать то же самое.

Донъ Гарціа посмотрѣлъ и увидалъ... своего брата въ объятіяхъ Юліи. Страшное проклятіе уже было готово сорваться съ его устъ, онъ забылъ свою клятву и хотѣлъ сейчасъ же ворваться въ бесѣдку и наказать измѣнницу и предателя-брата. Но Джиневра удержала порывъ бѣшенства донъ Гарціа, напомнивъ ему его слово и убѣдивъ въ томъ, что для приведенія въ исполненіе мести необходимо выбрать болѣе удобный случай.

X.

Охота.

ЕПОДАЛЕКУ отъ зáмка Розиньяно тянулись обширные лѣса, гдѣ была отличная охота на кабановъ; они тутъ водились въ громадномъ количествѣ. Охота была самымъ любимымъ развлеченіемъ всѣхъ Медичи. Герцогъ Козимо страстно ее любилъ и иногда увлекался до такой степени, что подвергалъ жизнь свою опасности. Герцогиня Элеонора съ семействомъ, окруженная свитой тѣлохранителей и егерей, также не рѣдко присутствовала на охотѣ.

Приближался конецъ ноября, самая лучшая пора для охоты. Въ назначенное для охоты утро, лѣсную стражу разставили по мѣстамъ, егеря объѣзжали кругомъ лѣсъ, а всѣ окрестные поселяне высыпали изъ домовъ посмотрѣть на диковинную кавалькаду охотниковъ.

И дѣйствительно было на чтò посмотрѣть. Цвѣтъ флорентійской молодежи въ роскошныхъ костюмахъ, на красивыхъ лошадяхъ, въ блестящей сбруѣ, красовался, гарцуя около принцессъ и придворныхъ дамъ. Герцогиня Изабелла была одѣта въ мужскомъ платьѣ и это нисколько не скрывало ея женскихъ прелестей, напротивъ, дѣлало ихъ еще болѣе очаровательными. Красавицы Юлія и Джиневра въ яркихъ охотничьихъ курточкахъ на кровныхъ лошадяхъ съ своими молодыми кавалерами, ѣхавшими по бокамъ, донъ Джіованни и донъ Гарціа, были также прелестны. Затѣмъ свиты оруженосцевъ, придворныхъ, пажей и тѣлохранителей, представляли одно изъ необыкновенныхъ зрѣлищъ присущихъ только придворнымъ охотамъ шестнадцатаго столѣтія. Самъ герцогъ Козимо на этотъ разъ отсутствовалъ. Прибывъ на мѣсто охоты, всѣ разсыпались по

разнымъ мѣстамъ лѣса въ поискахъ за кабаномъ, окруженномъ опытными охотниками герцога Козимо, живымъ кольцомъ изъ егерей. При каждой дамѣ былъ кавалеръ въ качествѣ спутника и защитника. За Изабеллой слѣдовалъ Торелло, почти никогда не покидавшій ее, что уже подало поводъ къ злымъ сплетнямъ.

Жаждущая сильныхъ ощущеній, герцогиня Браччіано пришпорила лошадь и понеслась въ карьеръ по самымъ уединеннымъ тропинкамъ лѣса. Торелло могъ лишь издали слѣдить за ней, такъ какъ его лошадь не отличалась быстротой, но все-таки онъ не терялъ герцогиню изъ вида. За послѣднее время молодой пажъ значительно повеселѣлъ и ожилъ. Онъ открылъ предъ Изабеллой свою душу и получилъ нѣжный отвѣтъ. Этого было достаточно, чтобы сердце влюбленнаго переполнилось радостью и прошла съѣдавшая его тоска.

Послѣ отчаянной скачки на довольно значительномъ пространствѣ, Изабелла сдержала свою лошадь, пажъ догналъ ее, и они поѣхали рядомъ. Обмѣниваясь безсвязными фразами, вздохами, просьбами и нѣжными взглядами, которые обыкновенно употребляютъ любовники въ самый счастливый періодъ ихъ отношеній, Изабелла, между прочимъ, обратила вниманіе на очень красивый цвѣтокъ, растущій на маленькой полянкѣ лѣса. Торелло быстро соскочилъ съ лошади, сорвалъ цвѣтокъ и подалъ его красавицѣ-амазонкѣ, но въ то самое время, когда пажъ хотѣлъ садиться на лошадь, изъ чащи вдругъ выбѣжалъ громадный кабанъ и бросился, уставивъ свои острые клыки, на лошадь Изабеллы. Торелло вмигъ очутился между лошадью герцогини и разсвирѣпѣвшимъ вепремъ. Выхвативъ свою длинную шпагу, онъ ловко вонзилъ ее въ горло кабана, который и повалился на землю, корчась въ предсмертныхъ судорогахъ.

Трепетъ Изабеллы и ея страхъ смѣнились радостью. Страстный поцѣлуй прелестной герцогини былъ наградой храброму юношѣ.

Въ другомъ мѣстѣ лѣса, на небольшой лужайкѣ, среди самой чащи кустарниковъ стояли донъ Гарціа, Валори и донъ Джіованни, подлѣ своей обожаемой Юліи; ихъ окружали придворные, а не вдалекѣ расположились пажи и слуги.

Вдругъ раздался рожокъ, то былъ сигналъ о приближеніи кабана. Всѣ стали ждать съ напряженнымъ вниманіемъ. Дамы чувствовали нѣкоторую дрожь, кавалеры ихъ ободряли. Вскорѣ показывается кабанъ. Выбѣжавъ изъ колючаго кустарника на середину поляны, онъ на минуту остановился, какъ бы въ нерѣшительности. Сотни рукъ съ копьями готовы были убить дикаго вепря, но никто изъ охотниковъ не двигался съ мѣста,—честь убить кабана принадлежала двумъ принцамъ Медичи. Глаза всѣхъ устремились на кабана, желая угадать, въ какую сторону онъ бросится; кабанъ кружился на мѣстѣ, рылъ землю клыками, опустивъ голову и сви-

рѣпо вращая глазами, наполненными кровью, быстро подымалъ морду и бросился въ сторону, гдѣ стоялъ донъ Гарціа, желая проложить себѣ путь между нимъ и его дамой. Донъ Гарціа поднялъ копье и лишь только кабанъ съ нимъ поровнялся, ранилъ его въ спину. Животное метнулось въ другую сторону. Въ это самое время на него набросились спущенныя собаки, но кабанъ отбросилъ нѣсколько изъ нихъ въ сторону съ распоротыми животами и пробилъ себѣ путь. Отъ раны, полученной въ спину, вепрь страшно освирѣпѣлъ и на этотъ разъ, преслѣдуемый собаками, бросился на дона Джіованни. Молодой кардиналъ съ ловкостью хладнокровнаго охотника вонзилъ ему копье въ шею; кабанъ упалъ, обливаясь кровью, и былъ добитъ подскочившими охотниками, которые отрѣзали голову убитаго вепря и насадивъ ее на копье поднесли какъ трофей побѣдителю.

Донъ Джіованни, обращаясь къ охотникамъ, сказалъ:

— Отнесите эту голову на виллу Вальверде; я подношу этотъ трофей Юліи Вителло, цвѣты которой имѣю счастіе носить.

Въ это время къ нему подскакалъ братъ донъ Гарціа.

— Не спѣшите, донъ Джіованни, — вскричалъ молодой человѣкъ, — не присвоивайте себѣ чужихъ трофей. Кабана ранилъ я, слѣдовательно и трофей принадлежитъ мнѣ, а не вамъ, и я подношу его моей дамѣ Джиневрѣ Валори.

— Вы ошибаетесь, любезный братецъ, — возразилъ донъ Джіованни, — вы хотя и ранили кабана, но убилъ его я, а потому и трофей принадлежитъ мнѣ.

— Хороша честь нанести ударъ раненому животному, которое обезсиливъ и безъ того скоро околѣло бы.

— Напрасно вы это говорите. Кабанъ былъ еще очень силенъ и достаточно крѣпокъ; еслибъ я его не убилъ, онъ бы убѣжалъ.

— Неправда!

— Будьте осторожны, донъ Гарціа, въ вашихъ выраженіяхъ.

— Говоря съ вами такимъ образомъ, я не измѣняю моему долгу. Я старше васъ!

— О, я не унижусь до того, чтобы стать съ вами наравнѣ!

— Пресвятая Мадонна! Вы осмѣливаетесь меня оскорблять?!

Сцена принимала угрожающій характеръ. Изъ присутствовавшихъ никто не смѣлъ вмѣшаться въ ссору двухъ принцевъ.

Вдругъ Юлія выѣхала впередъ и крикнула.

— Донъ Гарціа подъѣзжайте сюда.

Но Джиневра, слѣдившая за ссорой двухъ братьевъ, сочла необходимымъ ее остановить.

— Оставьте ихъ! — сказала она съ дьявольской улыбкой.

Страшная ярость была написана на лицахъ двухъ братьевъ-соперниковъ; у каждаго она выражалась своеобразно: донъ Джіованни весь побагровѣлъ, донъ Гарціа позеленѣлъ.

Герцогиня Элеонора у постели умирающаго сына.

Дозв. ценз. спб., 20 декабря 1889 г.

— Какъ вы смѣли меня оскорбить?!

— Да я васъ оскорбилъ потому, что я васъ презираю!

— Негодное животное!—вскричалъ донъ Гарціа, вытягивая впередъ шею, онъ будто хотѣлъ укусить брата.

Донъ Джіованни схватился за рукоятку своего ножа, но донъ Гарціа предупредилъ его и, выхвативъ свой ножъ, погрузилъ его въ бокъ брата.

Въ это время подскакала Изабелла—и, видя всю эту страшную сцену, испустила пронзительный вопль. Раненый зашатался въ сѣдлѣ, придворные бросились его поддержать, потомъ сняли съ сѣдла и положили на плащи. Между тѣмъ слуги приготовили изъ копей и вѣтвей носилки.

Послѣ рокового удара, донъ Гарціа выронилъ изъ рукъ ножъ и съ минуту стоялъ, какъ ошеломленный, потупя глаза. Затѣмъ вдругъ поднялъ голову и, пришпоривъ лошадь, поскакалъ въ чащу лѣса. Изабелла понеслась вслѣдъ за нимъ. Ей пришло на мысль, что Гарціа можетъ покуситься на свою жизнь.

— Гарціа! Гарціа!—кричала она.

Но молодой человѣкъ не отвѣчалъ и скакалъ дальше. Послѣ довольно продолжительной скачки, лошадь Гарціа наконецъ стала уставать, спотыкнулась и убавила ходъ. Изабелла наконецъ догнала его.

— Братъ, братъ! что̀ ты сдѣлалъ?—говорила она.

— Онъ меня жестоко оскорбилъ,—отвѣчалъ донъ Гарціа, продолжая понукать лошадь.

— А если Джіованни умретъ? — спросила Изабелла, стараясь не отставать.

— Туда ему и дорога!

— О, какія ты ужасныя слова говоришь!

— Но вѣдь ты не знаешь, какъ онъ меня гнусно обманывалъ?

— Какимъ образомъ?

— Онъ былъ тайнымъ любовникомъ Юліи Вителли.

— А такъ вотъ причина ужаснаго преступленія! — вскричала Изабелла.

— А развѣ я неправъ?

— Я давно знала объ ея связи.

— Почему же ты мнѣ никогда объ этомъ не говорила?

— Боже правый! Изъ-за такой женщины братъ ранилъ брата, можетъ быть даже убилъ. Это ужасно! Неужели же ты не зналъ, что у Юліи нѣтъ сердца, что для нея существуетъ одинъ законъ— ея капризъ. Для нея всѣ любовники равны, она ищетъ только чувственныхъ наслажденій, неужели ты этого не зналъ? И ты воображаешь, что Джіованни только одинъ твой соперникъ? Въ такомъ случаѣ ты горько ошибался. Боже, что ты надѣлалъ!

— Ты черезчуръ строго судишь Юлію, она была чистый ангелъ. Джіованни развратилъ ее и отнялъ у меня.

— Несчастный безумецъ, ты скоро будешь имѣть случай разочароваться въ этомъ ангелѣ. Но какъ помочь страшному несчастью? Скрыть эту исторію отъ отца невозможно. Ты знаешь, какъ онъ сильно его любитъ, а потому можешь себѣ вообразить гнѣвъ отца?

— Оттого-то я и бѣгу.

— Бѣжишь, но куда?

— Самъ не знаю. Еще не придумалъ. Не посовѣтуешь ли ты мнѣ что-нибудь?

— Погоди, дай подумать.

— Прежде всего мнѣ необходимо временно скрыться,—продолжалъ Гарціа,—пусть хотя немного остынетъ гнѣвъ отца. Поѣду въ Ливорно.

— Нѣтъ, тамъ тебѣ негдѣ спрятаться. Лучше поѣзжай въ Пизу.

— Къ Сисмонди?

— Да, онъ твой школьный товарищъ и все семейство тебя любитъ.

— И въ самомъ дѣлѣ лучше поѣду въ Пизу.

— Пиши мнѣ по секрету. Я постараюсь успокоить нашу мать.

— Наша мать. Боже, какъ я виноватъ передъ ней, проси ее простить меня.

— О, она-то тебя проститъ, я въ этомъ убѣждена, но отецъ...

— Да, его я боюсь.

— Итакъ поѣзжай. Выбери самый кратчайшій путь, или нѣтъ самый глухой, безопасный, и не показывайся никуда изъ своего убѣжища безъ моего совѣта. Поѣзжай. Господь съ тобой!

— Благодарю тебя сестра.

Они разстались. Гарціа поѣхалъ по одной изъ лѣсныхъ тропинокъ, ведущихъ на западъ, а Изабелла вернулась обратно.

Раненаго понесли со всевозможными предосторожностями въ зáмокъ Розиньяно. Нѣжныя пріятельницы, Вителли и Валори, конечно, поспѣшили удалиться. Первая была поражена страхомъ, вторая подъ притворнымъ безпокойствомъ скрывала адскую радость и мысленно торжествовала, что ея интрига удалась вполнѣ: милая подруга лишилась разомъ двухъ знатныхъ любовниковъ — Гарціа и Джіованни. Юлія, конечно, не знала объ участіи подруги въ ужасномъ происшествіи, но начинала смутно догадываться, а потому съ этого рокового дня между двумя пріятельницами легла цѣлая пропасть. Валори тотчасъ же уѣхала во Флоренцію. Юлія ее не удерживала, даже не соблюла относительно бывшаго своего друга самыхъ обыкновенныхъ условій приличія и простилась съ ней очень холодно.

Когда прибыла печальная процессія въ зáмокъ, герцога Козимо

не было. Но герцогиня Элеонора, сидя на террасѣ, откуда видна была вся окрестность зàмка, замѣтила какую-то группу людей, медленно движущуюся вдали. Когда толпа приближалась, Элеонора разсмотрѣла, что эти люди несутъ кого-то на носилкахъ. Голосъ матери подсказалъ ей, что лежащій на носилкахъ былъ одинъ изъ ея сыновей. Предчувствіе подтвердилось роковой дѣйствительностью. Герцогиня Элеонора наконецъ увидала своего сына Джіованни, распростертаго на носилкахъ и окровавленнаго. Сквозь перевязку, кровь обильно сочилась изъ раны, лицо Джіованни было смертельно блѣдно. Испустивъ раздирающій душу вопль, несчастная мать стремглавъ бросилась съ лѣстницы внизъ, подбѣжала къ носилкамъ, обняла сына, стала его нѣжно цѣловать и спрашивала у окружающихъ, чтò случилось? Никто не хотѣлъ открыть матери, убитой горемъ, ужасную истину; придворные хранили молчаніе. Герцогиня повторила вопросъ. Наконецъ, одинъ изъ придворныхъ, путаясь и сбиваясь, разсказалъ ей, что принцъ былъ жертвой несчастнаго случая, желая нанести ударъ кабану онъ самъ себя ранилъ. Изъ состраданія къ матери донъ Джіованни не противорѣчилъ этой сказкѣ. Раненаго уложили въ постель и отдали на попеченіе дворцоваго хирурга. Послѣдній, осмотрѣвъ рану, конечно понялъ, что она не могла быть нанесена случайно; но и врачъ тоже скрылъ истину отъ герцогини Элеоноры. Не смотря на все искусство хирурга и его старанія, онъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что тутъ наука безсильна, ибо была перерѣзана одна изъ главныхъ венъ и при обильномъ кровотеченіи неизбѣжно должна послѣдовать смерть. Въ это время подоспѣлъ герцогъ Козимо, узнавшій о случившемся; онъ не такъ скорбѣлъ объ участи сына, какъ пылалъ гнѣвомъ на виновника несчастья. Вымышленному разсказу герцогъ, конечно, не повѣрилъ. Взглянувъ на пораненое мѣсто, онъ тотчасъ понялъ, что рана нанесена посторонней рукой. Затѣмъ начавъ разспросы и видя общее смущеніе, а главное отсутствіе Гарціа, онъ понялъ все и вскричалъ:

— Проклятый Каинъ, ты заплатишь мнѣ своею кровью!

Въ эту самую минуту въ комнату входила герцогиня Элеонора. Слова мужа моментально осѣнили ея умъ горькой истиной.

Несчастная мать не перенесла ударъ и упала въ обморокъ.

Герцогъ Козимо принялся ухаживать за женой и, оказавъ ей необходимую помощь, началъ допрашивать присутствовавшихъ при катастрофѣ.

Никто изъ придворныхъ не осмѣлился скрыть истины, такъ силенъ былъ ужасъ, внушаемый всѣмъ грознымъ Козимо Медичи.

— А гдѣ этотъ несчастный? Гдѣ?—кричалъ неистовымъ голосомъ герцогъ.

Ему сказали, что донъ Гарціа куда-то ускакалъ.

— Пусть мои оруженосцы сейчасъ отправляются за нимъ въ

погоню. Отыскать злодѣя во чтобы то ни стало и привести его ко мнѣ!

Отдавая этотъ приказъ, Козимо замѣтилъ входившую Изабеллу, грустную, заплаканную.

— Ты откуда?—спросилъ онъ дочь.

— Отецъ...

— Была ты при этомъ?

— Я ничего не знаю. Успокойтесь, отецъ, я васъ умоляю, это несчастье...

— Нѣтъ не несчастье, а ужасное преступленіе. Я съумѣю наказать его.

Изабелла, убѣдившись, что всѣ старанія умѣрить гнѣвъ отца въ данную минуту будутъ напрасны, подошла къ матери, склонилась къ ея изголовью и горько заплакала. Герцогиня Элеонора не хотѣла оставаться въ постелѣ. Едва вернулись къ ней силы, она встала и, опираясь на руку дочери, подошла къ раненому. Около его кровати стояли маленькіе братья, Фердинандъ и Петръ.

Состояніе больного быстро ухудшалось; онъ видимо таялъ и угасалъ. Спасти раненаго отъ смерти не было никакой возможности. Позвали духовника, который исповѣдовалъ и пріобщилъ умирающаго. Къ вечеру донъ Джіованни скончался. Вся семья присутствовала при его послѣднихъ минутахъ, братья и сестры плакали. Не находила слезъ только мать, какъ бы окаменѣвшая отъ горя; отецъ впалъ въ какую-то нѣмую сосредоточенность, наводившую на всѣхъ ужасъ.

Призвавъ къ себѣ всѣхъ свидѣтелей страшной катастрофы, герцогъ приказалъ имъ подъ страхомъ смерти хранить въ тайнѣ все это несчастное происшествіе. Придворные и слуги должны были разсказывать, что кардиналъ Джіованни умеръ отъ эпидемической малярной лихорадки (febre epidemica malaria).

То же самое герцогъ написалъ королю и своему старшему сыну Франческо, находившемуся при испанскомъ дворѣ, а равно и всѣмъ италіанскимъ уполномоченнымъ при иностранныхъ дворахъ.

Въ то время знатныхъ хоронили въ открытыхъ гробахъ, въ самыхъ роскошныхъ одѣяніяхъ. Но герцогъ Козимо побоялся, что видъ покойника можетъ обнаружить истину и приказалъ заколотить гробъ. Въ Розиньяно и во Флоренціи вмѣсто тѣла покойнаго донъ Джіованни лежала восковая кукла въ пунсовомъ одѣяніи кардинала. Однако, не смотря на всѣ эти предосторожности истина вскорѣ обнаружилась. Вѣсть о братоубійствѣ въ семействѣ флорентинскаго герцога быстро разнеслась повсюду. Прежде всего ее узнали въ Римѣ, а потомъ она перешла въ Тренто, гдѣ въ то время былъ созванъ знаменитый совѣтъ, и распространилась между прелатами, участвовавшими въ совѣтѣ. Депутатъ герцога Джіованни Строцци написалъ ему изъ Тренто слѣдующее донесеніе:

«На мнѣ лежитъ непріятная обязанность сообщить вашей свѣтлости о слухѣ, распространившемся чрезъ полученныя многими прелатами письма изъ Рима, будто смерть высокопочитаемаго кардинала донъ Джіованни, вашего сына, произошла отъ раны, нанесенной ему на охотѣ однимъ изъ его братьевъ. Письма эти были получены вчера, кромѣ того я слышалъ, что дня четыре тому назадъ здѣсь было лицо, знавшее объ этомъ слухѣ, но сохранявшее его въ тайнѣ до тѣхъ поръ, пока не были получены письма, подтверждавшія слухъ. Мнѣ и моему секретарю часто приходится отвѣчать на разспросы, разувѣрять въ неосновательности этихъ слуховъ, утверждать, что они не болѣе, какъ вымыселъ. Хотя я и знаю на сколько все это будетъ непріятно вашей свѣтлости, но я счелъ моей обязанностію сообщить вамъ о распространившихся здѣсь слухахъ, исходящихъ изъ Рима».

XI.

Трагедія въ Пизѣ.

ОНЪ ГАРЦІА, искавшій спасенія въ Пизѣ, былъ охотно принятъ семействомъ Сисмонди и скрытъ въ ихъ домѣ. Эмигрантъ уже писалъ Изабеллѣ о своемъ мѣстѣ жительства и получилъ отъ нея отвѣтъ, въ которомъ она сообщала грустный фактъ смерти донъ Джіованни, о гнѣвѣ отца и объ отчаяніи матери.

У Гарціа въ сущности сердце было нѣжное. Онъ не имѣлъ намѣренія убить брата. Необузданная страсть, ужасная ревность, порывъ гнѣва, толкнули его на преступленіе. Извѣстіе о кончинѣ брата глубоко его опечалило. Мысль, что онъ братоубійца, его терзала, при томъ же молодой человѣкъ сознавалъ, что совершивъ преступленіе, онъ не достигъ того, къ чему стремился.

Донъ Гарціа искренно раскаявался въ своемъ поступкѣ. Въ его памяти воскресли чудные дни дѣтства, проведенные имъ вмѣстѣ съ Джіованни. Онъ припомнилъ всѣ мельчайшія подробности этой свѣтлой эпохи его жизни, онъ жалѣлъ брата и горько оплакивалъ его преждевременную смерть. Мýки раскаянія отчасти сглаживали опасеніе наказанія. Не рѣдко въ безсонныя ночи онъ невольно трепеталъ при мысли о гнѣвѣ отца. «Великій Боже, чтò меня ожидаетъ!» —думалъ несчастный братоубійца, снѣдаемый чувствомъ раскаянія и страха.

Между тѣмъ герцогъ Козимо покинулъ Розиньяно, это мѣсто производило на него слишкомъ тяжелое впечатлѣніе, онъ со всѣмъ семействомъ перебрался въ Пизу. Въ то же самое время, онъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы розыскать бѣжавшаго сына. Но поиски

не привели ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ, донъ Гарціа нигдѣ не могли найти.

На бѣдную герцогиню Элеонару жаль было смотрѣть. Потерявъ одного сына, она дрожала и за другого, своего любимца Гарціа, совершившаго преступленіе и вынужденнаго бѣжать, покинувъ родную семью. Элеонара знала какъ страшенъ гнѣвъ ея мужа и съ ужасомъ думала о наказаніи, которое готовитъ сыну герцогъ Козимо.

Мрачно сосредоточенный деспотъ затаилъ въ себѣ злобу, онъ не объяснялъ своихъ намѣреній относительно провинившагося сына, онъ иначе не называлъ его какъ братоубійцей, Каиномъ, и говорилъ, что злодѣй дорого ему заплатитъ, когда попадется къ нему въ руки (что̀ вскорѣ и случилось). Слова мужа жестоко терзали сердце бѣдной матери. Она знала своего милаго Гарціа и была убѣждена, что онъ не имѣлъ намѣренія убить брата, что только порывъ гнѣва, затемнившій его умственныя способности, заставилъ его нанести роковой ударъ. Нѣжная мать давно простила своему любимцу его невольное преступленіе и напрягала всѣ свои способности, какъ бы отвратить отъ него наказаніе. Отъ дочери Изабеллы, постоянно переписывавшейся съ Гарціа, она узнала его убѣжище. Несчастный братоубійца писалъ матери, что онъ горитъ нетерпѣніемъ вымолить у нея прощеніе, но боится гнѣва отца. Мать въ отвѣтъ на эту просьбу просила сына ни подъ какимъ видомъ не дѣлать шага изъ его убѣжища.

Въ это время герцогъ Козимо, желая хотя немного разсѣять гнетущія его мысли, отправился въ Ливорно для осмотра галеръ, предназначенныхъ рыцарямъ св. Стефана. Этотъ орденъ былъ учрежденъ герцогомъ для борьбы съ турками.

Гарціа, узнавъ объ отсутствіи отца, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы тайно посѣтить мать.

Тщательно переодѣтый, онъ рѣшился подъ покровомъ ночи пройти по улицамъ Пизы и добраться до дворца, гдѣ Изабелла уже приказала своему пажу Торелло открыть ему потаенную дверь, чрезъ которую онъ могъ попасть въ покои матери.

Можно себѣ представить какая борьба чувствъ происходила въ душѣ герцогини Элеоноры. Ей казалось, что на этихъ простертыхъ къ ней рукахъ сына она видитъ кровь. Но ее молилъ милый сынъ Гарціа, котораго она не переставала любить. Какъ устоять матери противъ слезъ и мольбы любимаго дѣтища. Вѣдь онъ раскаялся, страдаетъ и проситъ пощадить его. Конечно, герцогиня Элеонора дала согласіе и Гарціа явился, упалъ къ ея ногамъ и молилъ о прощеніи. Мать все забыла, обнимая дорогого своего сына. Она не хотѣла его пустить обратно, ей казалось, что для Гарціа не можетъ быть болѣе безопаснаго убѣжища, какъ комнаты нѣжно любящей его матери. Она помѣстила сына въ одной изъ маленькихъ ком-

нать, замаскировавъ ее молельней. Туда герцогъ не могъ пройти. Добрая, любящая мать надѣялась впослѣдствіи вымолить прощеніе у суроваго Козимо, болѣе несчастному, чѣмъ преступному сыну.

Когда вернулся Козимо изъ Ливорно, герцогиня начала дѣйствовать. Она описала горькую участь ихъ сына Гарціа, защищала его, стараясь доказать, что это печальное событіе произошло отъ несчастной случайности и умоляла мужа простить сына, глубоко раскаявшагося въ своемъ поступкѣ. Элеонора была увѣрена, что Козимо не заставитъ ее, убитую горемъ отъ потери одного сына, страдать за участь другого, изгнаннаго, бездомнаго, подвергающагося всевозможнымъ опасностямъ. Она настаивала на томъ, что Гарціа искренно раскаялся и страдаетъ, а потому заслуживаетъ болѣе сожалѣнія, чѣмъ наказанія.

Нѣкоторое время герцогъ Козимо хранилъ молчаніе и ничего не отвѣчалъ. Трудно было разгадать его мысли и намѣренія. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Если Гарціа въ самомъ дѣлѣ раскаялся, то зачѣмъ же онъ скрывается отъ меня? Отчего не явится просить прощенія у отца?

— Онъ боится вашего гнѣва, — отвѣчала Элеонора. — Еслибы онъ смѣлъ надѣяться на ваше милостивое снисхожденіе, онъ бы давно былъ у вашихъ ногъ.

— Вамъ извѣстны его мысли? Значитъ вы тайно съ нимъ переписываетесь, знаете его мѣсто пребыванія, гдѣ онъ прячется; вы поэтому способствуете ему скрываться отъ справедливаго гнѣва отца?

— Да вѣдь я же мать ему!

— Скажите мнѣ, гдѣ онъ. Я хочу это знать.

— Нѣтъ я вамъ ничего не скажу, пока вы мнѣ не обѣщаете простить его.

— Простить его! Да вѣдь онъ убійца моего сына.

— Онъ также вашъ сынъ. Онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ слѣпого гнѣва; это былъ безумный порывъ неболѣе. Гарціа не злодѣй, онъ никогда сознательно не захотѣлъ бы пролить кровь родного брата. Еслибы вы могли знать, какъ онъ оплакиваетъ свое несчастіе.

— Искренно ли онъ раскаявается? — спросилъ повидимому растроганный Козимо.

— О, да! Самое тяжелое наказаніе ничто въ сравненіи съ его раскаяніемъ.

— Я хочу его видѣть! — вскричалъ герцогъ, какъ бы взволнованнымъ голосомъ.

— Обѣщайте мнѣ сначала, что вы его простите, — говорила мать.

Козимо на мгновеніе замолчалъ, колеблясь, что отвѣчать: въ немъ какъ бы происходила борьба разнородныхъ чувствъ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Если онъ, дѣйствительно, раскаявается, я его прощу.

Герцогиня радостно вскрикнула и бросилась цѣловать руки мужа.

— Благодарю, благодарю, — шептала, задыхаясь отъ волненія, любящая мать.

— Но вѣдь я еще не простилъ его.

— Да, но я надѣюсь, скоро простите.

— Если онъ предстанетъ предо мной, смиренно раскаится и попроситъ прощенія за свой проступокъ, тогда я... я прощу его.

— Вы обѣщаете?

— Да, обѣщаюсь...

— Я полагаюсь на ваше слово.

— Такъ приведите его. Гдѣ онъ?

— Я все еще трепещу. Слѣдуетъ ли мнѣ... лепетала несчастная мать, томимая какимъ-то страшнымъ предчувствіемъ.

— Чего же вы боитесь? Я далъ вамъ слово.

— Подождите меня здѣсь,—вскричала герцогиня и убѣжала въ свои комнаты.—Отодвинувъ молельню она бросилась цѣловать сына, говоря:—Отецъ прощаетъ тебя! Пойдемъ!

— Матушка, возможно ли это?!

— Да, пойдемъ скорѣе, бросься къ нему въ ноги и умоляй его о прощеніи. Онъ тебя проститъ.

— Увѣрены ли вы въ этомъ?

— Совершенно увѣрена, онъ мнѣ торжественно обѣщалъ. Пойдемъ, нельзя медлить. Онъ насъ ждетъ.

— Матушка, я боюсь гнѣва отца.

— Положись на меня. Въ присутствіи матери сыну нечего бояться.

— Иду, матушка, и полагаюсь на васъ.

Элеонора взяла за руку сына, который все еще колебался и потащила въ комнату герцога. Они оба вошли. Козимо мрачный стоялъ неподвижно, будто ихъ не замѣчалъ.

— Вотъ нашъ Гарціа,—сказала герцогиня.—Онъ пришелъ молить васъ о прощеніи.

Козимо продолжалъ безмолвствовать и не двигался съ мѣста.

— Иди, — шептала мать сыну.—Стань передъ нимъ на колѣни и проси прощенья.

Гарціа колебался, герцогиня старалась его ободрить и тихонько подталкивала впередъ. Наконецъ, юноша, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, приблизился къ отцу и лишь только хотѣлъ опуститься на колѣни, какъ Козимо, до сихъ поръ стоявшій, точно тигръ поджидающій добычу, кинулся на сына, выхватилъ кинжалъ и моментально два раза погрузилъ его по рукоять въ грудь несчастнаго. Гарціа упалъ, обливаясь кровью, и тутъ же испустилъ духъ.

Элеонора буквально обезумѣла отъ ужаса: она не вскрикнула, не упала въ обморокъ, а стояла, расширивъ глаза, холодная, неподвижная, будто каменная статуя. Лучъ разума погасъ въ ея головѣ; герцогиню уложили въ постель, она не сопротивлялась, потомъ впала въ безпамятство и чрезъ нѣсколько дней скончалась.

Такимъ образомъ, въ короткій промежутокъ времени, это былъ третій покойникъ въ домѣ герцога Козимо Медичи.

Смерть герцогини Элеоноры и донъ Гарціа также были приписаны той же маляріи, убившей кардинала Джіованни. Флорентійскій извергъ подробно сообщилъ объ этомъ чрезъ сына своего Франческо королю испанскому и всѣмъ иностраннымъ державамъ.

Усопшіе были перевезены во Флоренцію. Тѣло донъ Гарціа было погребено безъ всякихъ почестей, какъ частнаго гражданина, а покойную герцогиню Элеонару предали землѣ съ большими почестями и торжественностью. Въ печальной церемоніи принимали участіе члены совѣта сорока восьми и вся городская знать, во главѣ которой были Юлія Медичи и Маріо Колонно. Супруга Козимо Медичи была похоронена въ церкви Санъ-Лоренцо.

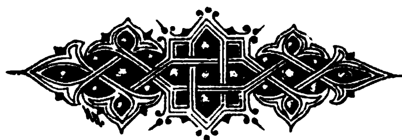
Трагическое событіе, занесенное на страницы исторіи того времени, дало и намъ возможность передать эту страшную драму, въ которой игралъ такую кровожадную роль флорентійскій герцогъ Козимо Медичи, убившій разомъ жену и родного сына.

Въ эту эпоху возрожденія литературы и искусства, въ обществѣ еще господствовало средневѣковое суевѣріе, къ истинѣ примѣшивали и сверхестественныя небылицы. Такъ, напримѣръ, расказывали, что Козимо открылъ виновника смерти сына своего Джіованни, потому что кровь покойника всегда кипѣла въ присутствіи донъ Гарціа. Интереснѣе всего то, что эта нелѣпость была записана нѣкоторыми современными хроникерами. Сказки эти, конечно, не заслуживаютъ серьезнаго вниманія и мы не будемъ на нихъ останавливаться. Главнымъ преобладающимъ свойствомъ характера флорентійскаго герцога Козимо Медичи было тщеславіе, которому онъ жертвовалъ всѣмъ. Едва похоронивъ жену и сына донъ Гарціа, убійца поспѣшилъ просить папу о возведеніи въ санъ кардинала его сына Фердинанда, взамѣнъ умершаго Джіованни. За папой Павломъ IV Карафою, столь ненавистнымъ герцогу Козимо и всей испанской партіи, на папскій престолъ былъ избранъ, подъименемъ Пія IV, кардиналъ Джіованни де-Медичи, братъ маркиза Мариньяно, главнокомандующаго тосконской милиціей. Хотя новый папа и не принадлежалъ къ флорентійскимъ Медичи, а къ фамиліи миланскихъ Медичи изъ Мариньяно, тѣмъ не менѣе онъ любилъ слыть родственникомъ флорентійскихъ князей и даже имѣлъ ихъ знаки на своемъ гербѣ.

Къ герцогу Козимо, много содѣйствовавшему его избранію въ папы, Пій IV питалъ самое горячее расположеніе. Его святѣйше-

ство не упускалъ ни одного случая, чтобы оказать услугу герцогу Козимо. Когда его сынъ Джіованни де-Медичи пріѣхалъ въ Римъ, папа встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями, предсказывалъ, что онъ будетъ четвертымъ папою изъ дома Медичи [1]) и поручилъ ему епархію Пизы, не смотря на то, что въ это время Джіованни имѣлъ только тринадцать лѣтъ отъ роду. Вслѣдъ за этимъ, папскій дворъ посѣтилъ старшій сынъ герцога Козимо, донъ Франческо, назначенный къ испанскому двору. Папа устроилъ ему торжество необыкновенное: Франческо встрѣтили два кардинала и триста всадниковъ; папа его принялъ въ залѣ Константино, въ присутствіи всѣхъ кардиналовъ. Въ подарокъ отъ папы Франческо была дана гранитная колонна изъ Терме Антоніане (Terme Antoniane), которая впослѣдствіи была поставлена на площади святой Троицы (Santa Trinita), согласно обѣщанію герцога Козимо, въ память битвы при Сканнагалло.

Къ этому-то папѣ, столь благосклонному, герцогъ Козимо обратился съ просьбой назначить кардиналомъ другого своего сына Фердинанда и не лишить его благосклонности, которой дарилъ его святѣйшество покойннаго Джіованни Медичи. Козимо добавлялъ, что это единственное средство успокоить его душу растерзанную горемъ. Пій IV, конечно, исполнилъ просьбу Козимо, сынъ его Фердинандъ получилъ пурпуровую мантію, а съ ней вмѣстѣ и всѣ папскія милости. Изъ всѣхъ кардиналовъ одинъ только Гизліери, который впослѣдствіи былъ папою Піемъ V, возсталъ противъ назначенія Фердинанда де-Медичи кардиналомъ, такъ какъ ему въ то время было всего тринадцать лѣтъ отъ роду.



[1]) Первый былъ Левъ X, второй Климентъ VII, третьимъ Пій IV. Впослѣдствіи былъ еще и четвертый Левъ XI, но онъ мелькнулъ на папскомъ престолѣ, какъ метеоръ, и закатился.

XII.

Біанка Капелло.

Не смотря на всю черствость души Козимо Медичи, потеря жены и двухъ дѣтей глубоко потрясла весь его организмъ. Раскаяніе въ убійствѣ сына Гарціа постоянно грызло жестокое сердце отца. Во Флоренцію онъ вернулся нелюдимымъ, встревоженнымъ, угрюмымъ. Козимо Медичи, точно духъ обреченный на вѣчное движеніе, слонялся изъ угла въ уголъ по большимъ заламъ дворца Питти.

Изъ всѣхъ его дѣтей при немъ находились только Изабелла и Пьетро, такъ какъ новый кардиналъ уѣхалъ въ Римъ, а старшій сынъ находился при испанскомъ дворѣ.

Единственнымъ утѣшеніемъ нравственно потрясеннаго герцога Козимо была его дочь Изабелла, которую онъ не отпускалъ отъ себя ни на шагъ.

Герцогиня Браччіано также не могла утѣшить отца, потому что сама была глубоко опечалена потерею брата. Она совѣтовала отцу выписать изъ Мадрита Франческо, что онъ и исполнилъ. Иберійская кровь матери и вліяніе Филиппа II и герцога Альбы сдѣлали изъ Франческо совершеннаго испанца. По пріѣздѣ во Флоренцію сына, мысли герцога Козимо приняли новый оборотъ. Его честолюбіе вспыхнуло съ удвоенной силой и заставило забыть гнетущее его горе.

Герцогъ задумалъ просить для своего сына и наслѣдника Франческо руку эрцгерцогини австрійской Іоанны, дочери императора Фердинанда. Бракъ этотъ былъ тѣмъ болѣе желателенъ для флорентійскаго честолюбца, что другая эрцгерцогиня Варвара была

уже обѣщана императоромъ въ супруги герцогу Феррары, а съ послѣднимъ Козимо Медичи постоянно соперничалъ.

Пока между двумя дворами велись продолжительные переговоры, Франческо, не смотря на свою наружную сосредоточенность, обладавшій страстной натурой и необузданной жаждой наслажденій, проводилъ время въ погонѣ за легкими побѣдами.

Изабелла также быстро утѣшилась и съ свойственнымъ ей непостоянствомъ стала требовать отъ жизни новыхъ наслажденій. Безъ всякаго сомнѣнія она уступила бы пламенной любви своего пажа, если бы не разыгралась ужасная трагедія—убійство брата. Но какъ только къ ней вернулось ея обычное душевное спокойствіе, передъ ней снова явились страстно въ нее влюбленный красивый юноша и ревнивый, вѣчно ее преслѣдующій, любовникъ. Къ первому ее влекла зародившаяся въ ея душѣ привязанность. Образъ другого давно уже померкъ въ ея глазахъ и она охотно порвала бы приковывающую ее къ нему цѣпь, но Троило упрямо оберегалъ свои права и не думалъ отказываться отъ нихъ.

Изабелла, боясь мести и скандала отъ своего бывшаго любовника, по необходимости должна была подчиняться его волѣ. Но съ хитростью страстно-влюбленной женщины Изабелла искусно обманывала даже и такого бдительнаго стража, какъ Троило Орсини. Надо знать, что онъ не имѣлъ доступа во внутренніе интимные покои палаццо Питти. Именно этимъ обстоятельствомъ и воспользовалась герцогиня Браччіано, назначая прелестному пажу свиданія въ своихъ внутреннихъ апартаментахъ.

Блаженство страстно-влюбленнаго Торелло не имѣло предѣловъ, онъ былъ вполнѣ счастливъ; Изабелла также совершенно искренно раздѣляла его любовные восторги, потому что полюбила его. Когда-то любимый ею Троило былъ ей ненавистенъ и она внутренно была очень довольна, что злой ревнивецъ не можетъ помѣшать ея счастью. Изъ окружающей среды единственное лицо, которое Изабелла удостоивала своего довѣрія, это былъ ея братъ Франческо. Ему она открыла всѣ свои сердечныя тайны. Франческо также былъ вполнѣ откровененъ съ сестрой: онъ повѣрялъ ей исторіи своихъ любовныхъ похожденій съ Фульвіей, Ливіей, Флавіей, Бенчини и т. д. Но вотъ въ одинъ прекрасный день онъ пришелъ къ Изабеллѣ и повелъ съ ней такую рѣчь.

— Знаешь сестра,—говорилъ онъ,—я кажется влюбился не на шутку.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Слушай, что со мной случилось. На дняхъ, утромъ, я ѣхалъ верхомъ по направленію воротъ Санъ-Галло. Доѣхавъ до площади св. Марка, я проѣзжалъ мимо небольшого домика, какъ вдругъ на гриву моей лошади упала роза. Я конечно схватилъ цвѣтокъ и поднялъ голову. Я затрудняюсь описать тебѣ, что пред-

ставилось моимъ глазамъ. Это было какое-то дивное видѣніе въ образѣ женщины необыкновенной красоты. Улыбаясь, она смотрѣла на меня. Но увы! это длилось лишь одно мгновеніе. Какъ только красавица замѣтила, что и я на нее смотрю, она быстро задернула занавѣсь окна и очаровательное видѣніе исчезло изъ моихъ глазъ, но не изъ сердца,—въ немъ запечатлѣлся ея божественный образъ. Я продолжалъ мою прогулку въ глубокомъ раздумьѣ. Я мечталъ о красавицѣ; она не выходила изъ моей головы. Признаюсь тебѣ, сестра, въ цѣлую мою жизнь я ничего подобнаго не видалъ. Мнѣ было пріятно сознавать, что это прелестное созданіе думаетъ обо мнѣ, быть можетъ я ей нравлюсь. Иначе чѣмъ же можно объяснить, что она бросила мнѣ розу, которую, замѣчу между прочимъ, я ношу у моего сердца и эта роза дороже для меня всѣхъ сокровищъ на свѣтѣ. Кто могла быть эта необыкновенная красавица?—думалъ я, продолжая мою прогулку. Я никогда ничего подобнаго не встрѣчалъ во Флоренціи. Пріѣхавъ домой я не успокоился. На другой и на третій день я ходилъ на площадь св. Марка и глядѣлъ на завѣтный домъ. Красавица появлялась у окна, но опять только на одно мгновеніе, что само собой разумѣется еще болѣе усиливало мое пламенное желаніе подольше полюбоваться на нее. Наконецъ, я поручилъ одному изъ моихъ вѣрныхъ слугъ узнать, кто этотъ ангелъ красоты. Свѣдѣнія, доставленныя мнѣ, еще болѣе распалили мою страсть. Прекрасная незнакомка родомъ изъ Венеціи, патриціанка самой благородной крови; она влюбилась въ одного флорентійца Бонавентури и бѣжала съ нимъ изъ Венеціи.

— Какъ ты его называешь?—Бонавентури?—прервала брата Изабелла.

— Ты его знаешь?

— Нѣтъ, но его имя... Впрочемъ, продолжай.

— Больше мнѣ нечего разсказывать, развѣ только прибавить, что необыкновенная красавица замужемъ за Бонавентури и ее зовутъ Біанкой, и что я влюбленъ какъ никогда въ жизни, и до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока прелестная Біанка не будетъ мнѣ принадлежать.

— Кто знаетъ? Все быть можетъ...—прошептала Изабелла.

— Что̀ ты говоришь, сестра?

— Пока ничего. Потерпи до завтра. Быть можетъ мнѣ удастся тебя утѣшить.

— Милая Изабелла, скажи лучше теперь.

— Завтра, завтра.

Вечеромъ того же дня, Изабелла въ сопровожденіи своего пажа Торелло отправилась къ своей пріятельницѣ Юліи Вителло, мужъ которой былъ въ отсутствіи. Бездушная кокетка уже забыла своихъ двухъ любовниковъ, погибшихъ благодаря ея вѣроломству, и продолжала наслаждаться жизнію, мѣняя любовниковъ, какъ перчатки.

Въ то время когда Франческо открылъ сестрѣ тайну своего сердца, Юлія Вителло была уже любовницей Бонавентури. Счастливый мужъ очаровательной Біанки увлекся флорентійской блондинкой и забылъ для ея прекрасныхъ глазъ ту, которая покинула для него родину, семью и пожертвовала честью. Вотъ почему Изабелла, услыхавъ отъ брата имя Бонавентури, вспомнила, что слышала его раньше отъ Юліи, которая отзывалась о немъ, какъ о красивомъ и интересномъ молодомъ человѣкѣ. Далѣе Изабелла узнала, что Бонавентури, приходившій часто къ Юліи съ своими увѣреніями пламенной любви, былъ, дѣйствительно, счастливый похититель и супругъ прекрасной венеціанки.

Именно въ тотъ вечеръ, когда Изабелла была у Юліи, явился и Піетро Бонавентури. Послѣ почтительныхъ привѣтствій высокопоставленной принцессѣ, разговоръ принялъ болѣе интимный характеръ. Изабелла стала просить Бонавентури разсказать ей о своихъ отношеніяхъ къ Біанкѣ, о которыхъ такъ много идетъ толковъ, по поводу ихъ бѣгства изъ Венеціи.

Сначала Піетро нѣсколько конфузился и заставилъ себя упрашивать, но, наконецъ, ободренный нѣжнымъ взглядомъ голубыхъ глазъ Юліи, началъ свой разсказъ.

— «Юношей восемнадцати лѣтъ я былъ посланъ родителями въ Венецію,—говорилъ Бонавентури,—гдѣ и поступилъ на службу въ банкъ Сальвіоти. Видъ этого фантастическаго города произвелъ на меня впечатлѣніе одуряющаго веселья. Эти темные и глубокіе каналы, по которымъ скользятъ гондолы, какъ таинственныя гнѣздышки любви, узкіе проходы такъ, что съ балкона на балконъ можно соединить руки въ нѣжномъ пожатіи. Эти площади, эти маски, игривыя и прекрасныя женщины, нѣжный, ласкающій ухо діалектъ, все это переносило меня въ заоблачный міръ; жить и любить, любить и наслаждаться, казались мнѣ синонимами. При подобномъ душевномъ настроеніи, изъ глубины темной конторы, гдѣ я работалъ, я увидѣлъ по ту сторону канала молодую дѣвушку на балконѣ роскошнаго палаццо. Она показалась мнѣ верхомъ совершенства. Палаццо принадлежалъ Барталомео Капелло, патрицію и сенатору, а стоявшая на балконѣ дѣвушка была его дочь Біанка. Видѣть эту красавицу вблизи, добиться ея любви, стало для меня потребностью жизни. Сначала мы обмѣнивались взглядами, потомъ мы стали дѣлать знаки другъ другу и, наконецъ, перешли къ обмѣну любовныхъ посланій. Словомъ, нами были пройдены всѣ романическіе фазисы. Біанка полюбила меня и я считалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ»....

Но лучше мы сами передадимъ этотъ извѣстный романъ, занявшій такую видную страницу въ исторіи, такъ какъ Бонавентури, самъ заинтересованный имъ, не можетъ точно передать его съ полнымъ безпристрастіемъ и исторической достовѣрностью.

Біанка родилась въ такомъ семействѣ, въ которомъ права наслѣдія самыхъ высокихъ мѣстъ республики принадлежали всѣмъ членамъ фамиліи Бартоломео Капелло.

Мать Біанки умерла вскорѣ послѣ родовъ и маленькая дѣвочка провела свое дѣтство въ деревнѣ, подъ присмотромъ гувернантки. Отецъ Біанки, честный, суровый и высокомѣрный, время отъ времени посѣщалъ и постоянно читалъ ей строгую мораль о послушаніи и благонравіи. Дѣвочка росла въ привольной сельской обстановкѣ, чутко прислушиваясь къ вѣстямъ изъ Венеціи. Не знакомая въ своемъ уединеніи съ городской жизнію, мечтательная Біанка создала себѣ цѣлый фантастическій міръ, смущавшій ея дѣтскій покой и возбуждавшій тайныя желанія и надежды. Когда въ семнадцать лѣтъ она переселилась въ Венецію въ роскошный палаццо отца, ея фантазія, развившаяся въ одиночествѣ, какъ нельзя болѣе способствовала увлеченію поэтическими соблазнами Венеціи.

Въ эту эпоху флорентійцы, обладая большими капиталами, были банкирами всей Европы; они имѣли банки въ Римѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Константинополѣ и другихъ городахъ. Короли, императоры, папы и князья, нуждаясь въ деньгахъ, постоянно обращались къ помощи флорентійскихъ банкировъ. Этими выгодными финансовыми операціями не пренебрегали даже и вельможи. Къ числу ихъ принадлежалъ и извѣстный въ то время богачъ Сальвіоти, на службу котораго и поступилъ очень красивый, вкрадчивый юноша, хотя и скромнаго происхожденія, Бонавентури. Юный флорентіецъ вскорѣ получилъ извѣстность своими дерзкими романическими похожденіями, дуэлями и азартной игрою.

Бонавентури съумѣлъ добиться свиданій съ прелестной Біанкой въ темныхъ подвалахъ палаццо Капелло, когда юная красавица, пользуясь отсутствіемъ родителя, искусно усыпляла бдительность старой служанки и гондольера.

Но эти свиданія въ присутствіи слугъ казались для Бонавентури не удобными, онъ сталъ просить Біанку ночью пріѣзжать къ нему, увѣривъ ее, что онъ принадлежитъ къ фамиліи Сальвіоти.

Молодая дѣвушка не долго колебалась. Имя Сальвіоти также извѣстно, какъ и имя Капелло, почему же она не можетъ сочетаться бракомъ съ юношей одинаковаго съ ней происхожденія, думала влюбленная и легко склонилась на просьбы милаго ея сердцу. Каждый день ночью, когда въ палаццо всѣ покоились мирнымъ сномъ, Біанка покидала свое дѣвственное ложе, спускалась по шелковой лѣстницѣ, выходила чрезъ маленькую дверь, ведущую къ каналу, и садилась въ гондолу Бонавентури.... На разсвѣтѣ она возвращалась домой. Потомъ молодая дѣвушка узнала, что мнимый Сальвіоти не болѣе ни менѣе какъ простой приказчикъ, но было уже поздно. Послѣдствія ночныхъ свиданій стали

Біанка Капелло.

(Съ портрета Флорентійской галлереи)

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 15 ФЕВРАЛЯ 1890 Г.

уже черезчуръ замѣтны и ей ничего болѣе не оставалось какъ выйти замужъ за своего обольстителя. Но для этого необходимо было бѣжать изъ Венеціи, чтобы избѣгнуть гнѣва отца. Въ свою очередь и Бонавентури, обольстившій знатную дѣвушку, подвергался страшной опасности. Біанка рисковала окончить жизнь свою въ монастырѣ, а съ ея любовникомъ могло быть нѣчто похуже. Сообразивъ все это, Бонавентури уговорилъ ее бѣжать.

Разъ ночью, когда Бартоломео Капелло былъ въ отсутствіи, его дочь покинула родительскій домъ, съ тѣмъ чтобы уже никогда въ него не возвращаться.

Переодѣтые любовники сѣли въ барку и направили путь свой въ Фузино, оттуда въ Болонью и, благополучно перейдя границу, въ одной маленькой деревенкѣ обвѣнчались. Затѣмъ пріѣхали во Флоренцію и поселились въ скромномъ домѣ отца Піетро.

Между тѣмъ въ Венеціи бѣгство Біанки произвело страшный переполохъ. Семейство Капелло, кровно обиженное похищеніемъ одной изъ своихъ дочерей, громко требовало мести.

Нѣкто Гримани, патріархъ Аквилеи, дядя по матери Біанки, гнѣвался болѣе другихъ; онъ добился прежде всего постановленія Совѣта Десяти подвергнуть штрафу въ тысячу червонцевъ бѣглецовъ, какъ самыхъ послѣднихъ негодяевъ. Затѣмъ дядя Піетро, Авантури Дижанбатиста, занимавшійся торговлей въ Венеціи, какъ сообщникъ племянника, былъ брошенъ въ одну изъ страшныхъ тюрьмъ, названныхъ венеціанцами «колодцами», гдѣ вскорѣ и умеръ. Старую служанку, какъ повѣренную любовной интриги бѣжавшей синьорины, постигла та же участь.

Узнавъ обо всемъ этомъ, Біанка пришла въ ужасъ. Она видѣла ясно, что надежда когда-нибудь возвратиться на родину для нея исчезла окончательно, имя ея опозорено и свою роскошную обстановку въ домѣ родителя она промѣняла на нищенскую. Проклятіе родныхъ, ненависть и презрѣніе всѣхъ гражданъ, до такой степени потрясли молодой впечатлительный огранизмъ Біанки, что въ ней быстро произошла реакція—она возненавидѣла своего соблазнителя Піетро Бонавентури. Послѣдній въ свою очередь началъ охладѣвать къ молодой женѣ; онъ уже не дорожилъ тѣмъ, что еще недавно составляло для него счастье и открыто сталъ искать новыхъ любовныхъ приключеній.

Біанка все это видѣла и въ душѣ презирала негодяя за его наглую ложь. Въ ея умѣ уже строились планы, какъ бы спастись отъ Бонавентури.

На безопасность во Флоренціи надѣяться было нельзя. Приговоръ, произнесенный венеціанскою знатью надъ бѣглецами, постоянно тяготѣлъ надъ ихъ головами. Они уже знали, что изъ Венеціи прислано нѣсколько бандитовъ для ихъ розыска. Для Біанки было ясно, что безъ могущественной поддержки ея гибель неиз-

бѣжна. Опасаясь венеціанскихъ бандитовъ, она скрывалась въ домѣ свекра, лишь изрѣдка рѣшаясь пойти къ обѣднѣ въ сосѣднюю церковь Св. Марка.

Разъ услышавъ на площади шумъ, юная затворница рѣшилась подойти къ окну и тогда она увидѣла проѣзжавшаго Франческо де-Медичи, гордаго, представительнаго молодого человѣка, котораго народъ шумно привѣтствовалъ.

При видѣ молодого герцога, Біанку внезапно осѣнила мысль. По наслышкѣ она уже знала, что старшій сынъ Козимо легко поддавался обаянію женской красоты. Она могла расчитывать на могущество своей наружности, которая дѣйствительно была очаровательна. Еслибы молодой герцогъ въ нее влюбился, то лучшаго покровителя нельзя было и желать. Наблюдая за Францеско, она замѣтила, что онъ часто проѣзжаетъ черезъ площадь Св. Марка и разыграла при его появленіи сцену съ розой, сама же, какъ мы знаемъ, поспѣшила быстро исчезнуть, чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе на воображеніе молодого человѣка, въ чемъ и успѣла; Францеско дѣйствительно въ нее влюбился.

XIII.

Джіованна Австрійская.

А ДРУГОЙ день послѣ знакомства и бесѣды съ Піетро Бонавентури, Изабелла передала брату все, что узнала о романическомъ бѣгствѣ Біанки съ ея любовникомъ, при чемъ сообщила, ему, что любовь молодой венеціанки къ ея супругу давно прошла, а потому онъ, Франческо, имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ.

Молодой герцогъ, не теряя времени, тотчасъ же принялся за дѣло. Въ повѣренные своихъ сердечныхъ тайнъ онъ взялъ испанца, маркиза Мондрагоне, самаго ловкаго человѣка по части устройства романическихъ комбинацій, и просилъ способствовать его знакомству съ Біанкой. Узнавъ о новой страсти герцога и согласившись помогать ему, маркизъ посовѣтовался съ своей женой, какъ бы устроить это дѣло.

Маркиза была женщина хитрая и очень опытная въ дѣлахъ подобнаго рода. Прежде всего она навела справки о привычкахъ семейства Бонавентури и узнала, что мать Піетро имѣетъ обыкновеніе посѣщать каждый день церковь Св. Марка.

Маркиза на другой же день начала посѣщать ту же церковь и всегда садилась на скамью подлѣ старухи Бонавентури. Далѣе при выходѣ изъ церкви стала съ ней заговаривать, сначала о пустякахъ, потомъ мало-по-малу бесѣда приняла и болѣе серьезный характеръ. Новыя знакомыя начали разсуждать о семейныхъ дѣлахъ, Бонавентури заговорила о своемъ сынѣ Піетро, восхваляла его какъ самая любящая мать и на вопросъ маркизы женатъ ли ея сынъ отвѣчала:

— Да къ несчастью женатъ.

— Почему же къ несчастью?—спросила Мондрагоне съ притворнымъ удивленіемъ.

Тогда донна Анна (такъ звали мать Піетро Бонавентури) передала своей новой знакомой, уже извѣстный намъ, романъ Піетро съ Біанкой. Маркиза, представившись растроганной, выразила желаніе познакомиться съ Біанкой и просила старуху когда-нибудь привести ее къ ней въ палаццо, обѣщая съ своей стороны оказать молодой женщинѣ помощь и расположеніе.

— Прошу васъ,—говорила маркиза,—передать ей, что мое участіе можетъ быть ей полезно. Вы кажется говорили, что она скрывается отъ преслѣдованія венеціанцевъ?

— Да, она скрывается.

— Изъ этого я заключаю, что Біанкѣ необходимо заручиться сильной протекціей.

— Конечно, это было бы очень недурно.

— Я могу ей доставить протекцію. Принцъ Франческо охотно принимаетъ участіе въ тѣхъ, кто нуждается въ помощи. Подъ его покровительствомъ ваша невѣстка можетъ быть совершенно покойна. Чрезъ моего мужа я передамъ герцогу о положеніи Біанки, а вы постарайтесь, чтобъ она поскорѣе пришла ко мнѣ. Пусть она сама откровенно передастъ свою исторію и я употреблю всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы жизнь ея во Флоренціи была совершенно безопасна.

— Это будетъ нѣсколько затруднительно,—отвѣчала Бонавентури,—Біанка никуда не выходитъ; кромѣ того, есть еще и другая причина,—добавила старуха и замолчала.

— Какая же это причина? скажите мнѣ откровенно,—спросила маркиза.

— У нея нѣтъ другого платья, кромѣ домашняго, а мы по нашей бѣдности не можемъ сдѣлать ей новаго. Біанкѣ при ея знатномъ происхожденіи и привычкѣ къ роскоши будетъ совѣстно пріѣхать къ вамъ въ домъ въ простенькомъ платьѣ.

— Ну этому горю можно помочь,—отвѣчала маркиза,—я ей пришлю нѣсколько платьевъ, пусть она выберетъ любое. А потомъ и моя карета будетъ къ ея услугамъ, она можетъ проѣхать въ закрытомъ экипажѣ по улицамъ Флоренціи совершенно незамѣченною.

— Вы слишкомъ добры, синьора!—вскричала старуха, тронутая участіемъ доброй маркизы,—но есть еще одно препятствіе,—продолжала Бонавентури,—я не знаю рѣшится ли Біанка выйти изъ дома безъ разрѣшенія мужа, которому она вполнѣ подчинена. И если мужъ изъявитъ на это согласіе, то я право не знаю приметъ ли Біанка ваше любезное приглашеніе. Она вообще не выходитъ никуда изъ дома. Но я все-таки постараюсь ее уговорить.

— Значитъ ваша невѣстка любитъ уединенную жизнь?

— О да, синьора! Біанка не хочетъ никого видѣть, кромѣ чле-

новъ нашей семьи. Съ тѣхъ поръ, какъ она у насъ въ домѣ, она, кромѣ церкви, никуда не ходила, да и то не иначе, какъ тщательно закутавшись въ плащъ.

— Постарайтесь ее уговорить, и передайте, что знакомство со мной для нея можетъ быть очень полезно. Вѣдь она, какъ вы мнѣ сообщали, скрывается, боясь преслѣдованія венеціанцевъ?

— Да, это и есть главная причина ея уединенія.

— Ну вотъ видѣте. Повторяю, значитъ, ей необходимо заручиться сильной протекціей.

Обрадованная старуха, вернувшись домой, поспѣшила войти въ комнату Біанки и разсказала ей о предстоявшемъ благополучіи; она подробно передала свой разговоръ съ маркизой, мужъ которой можетъ представить ее, Біанку, герцогу Франческо.

Изъ словъ тещи хитрая авантуристка тотчасъ поняла, что ея стратагема удалась, какъ нельзя лучше: очевидно молодой герцогъ ею заинтересовался.

Не обнаруживая своей радости, Біанка наотрѣзъ отказалась ѣхать къ маркизѣ, ссылаясь на то, что не имѣетъ ни малѣйшаго желанія ни себя показывать, ни людей смотрѣть.

Старуха настойчиво убѣждала невѣстку въ необходимости этого знакомства; Біанка долго не соглашалась, наконецъ, уступила просьбѣ съ тѣмъ, если ея мужъ Піетро одобритъ это предполагаемое знакомство.

Лишнее говорить, что Бонавентури нетолько изъявилъ согласіе, но даже обрадовался, предвидя возможность чрезъ Мондрагоне добиться покровительства герцога Франческо.

На утро донна Анна отправилась къ маркизѣ и сообщила ей, что Біанка искренно благодаритъ ее за участіе и съ удовольствіемъ готова ей представиться.

Послѣ визита старухи Бонавентури, маркиза отправила Біанкѣ цѣлый гардеробъ, массу самыхъ роскошныхъ платьевъ, изъ которыхъ Біанка могла выбрать себѣ любое. Вскорѣ передъ дверьми дома Бонавентури остановилась закрытая карета, присланная маркизой Мондрагоне. Разодѣвшись въ одинъ изъ роскошныхъ нарядовъ, красавица Біанка въ сопровожденіи тещи сѣла въ экипажъ и отправилась къ новой благодѣтельницѣ. Маркиза встрѣтила гостей на лѣстницѣ и поспѣшила ввести ихъ въ свои роскошные покои.

Расположившись въ небольшой гостиной, хозяйка съ любезной фамильярностью взяла Біанку за обѣ руки и просила разсказать всю ея исторію.

Молодая женщина откровенно передала всѣ свои романическія приключенія. Маркиза внимательно слушала исповѣдь Біанки и казалась растроганною. Когда все было передано, маркиза рекомендовала гостьѣ не терять надежды, восхваляла необыкновенную

доброту молодого герцога и обѣщала расположить его въ пользу Біанки.

Вскорѣ въ гостиную вошелъ маркизъ Мондрагоне; почтительно поздоровавшись съ дамами, онъ спросилъ жену:

— Кто эти дамы, которыя доставили намъ честь своимъ посѣщеніемъ?

— Эти дамы,—отвѣчала маркиза,—нуждаются въ вашемъ благосклонномъ ходатайствѣ передъ герцогомъ Франческо. Затѣмъ въ короткихъ словахъ передала мужу исторію Біанки и просила замолвить о ней слово передъ герцогомъ.

Хитрая Біанка разыгрывала свою роль превосходно. Она сидѣла, потупя глазки, вся ея красивая фигура выражала такую грусть, которая могла разжалобить каменное сердце.

— Ваша просьба, синьора,—сказалъ маркизъ, обращаясь къ Біанкѣ,—будетъ исполнена въ точности и я смѣю расчитывать на успѣхъ, зная безграничную доброту и великодушіе его высочества герцога Франческо. Онъ всегда милостиво относится ко всѣмъ, а къ дамамъ въ особенности онъ питаетъ рыцарское уваженіе. Можете быть совершенно покойны: ваша просьба будетъ исполнена.

Біанка поблагодарила вельможнаго синьора нѣжнымъ взглядомъ, лицо ея оживилось, и она стала развязнѣе. Маркизъ, видя свою цѣль достигнутою, что ему удалось произвести хорошее впечатлѣніе на красавицу, не счелъ нужнымъ оставаться долѣе, откланялся дамамъ и вышелъ.

Вскорѣ слуги внесли роскошный десертъ.

Старуха Бонавентури, непривыкшая къ такой роскоши, жадно накинулась на вино и бисквиты. Біанка взяла стаканъ съ лимонадомъ, отпила немного и поставила его опять на подносъ.

Между тѣмъ маркиза, обращаясь къ Біанкѣ, сказала:

— Синьора, не хотите ли вы осмотрѣть мой палаццо; мнѣ бы очень хотѣлось знать ваше мнѣніе, походитъ ли хотя немного мое жилище на ваши роскошные венеціанскіе зàмки. Синьора насъ извинитъ,—продолжала маркиза, обращаясь къ доннѣ Аннѣ, аппетитно кушавшей бисквиты съ мускатнымъ виномъ,—я не хочу затруднять ее движеніемъ по нашимъ лѣстницамъ.

— Пожалуйста ваше сіятельство не безпокойтесь обо мнѣ,—отвѣчала старуха,—я посижу здѣсь.

Маркиза, улыбаясь, взяла Біанку подъ руку и вышла съ ней изъ гостиной. Она повела свою молодую гостью по всѣмъ комнатамъ палаццо; показала ей портики, террасы, галереи, словомъ весь зàмокъ. Біанка очень хвалила роскошную обстановку палаццо.

Когда онѣ дошли до изящнаго кабинета, выходившаго окнами въ садъ, маркиза подвела Біанку къ столу, на которомъ лежали разныя драгоцѣнности и ради шутки стала ихъ надѣвать на шею и руки молодой женщины. Потомъ нѣсколько минутъ спустя ска-

зала: вотъ здѣсь въ этомъ сундукѣ спрятаны разныя венеціанскія украшенія, подождите меня здѣсь, я сейчасъ принесу ключъ. Біанка, оставшись одна, по инстинкту женскаго кокетства, стала надѣвать на себя всѣ эти драгоцѣнности, любуясь въ зеркало и нашла, что дѣйствительно богатыя украшенія къ ней очень идутъ. Въ это самое время она увидала въ зеркалѣ фигуру мужчины. Она тотчасъ же узнала герцога Франческо. Она быстро сообразила, что ей нужно дѣлать и упала передъ нимъ на колѣни.

— Ваше высочество,—вскричала комедіантка,—я лишилась родителей, отечества, состоянія, всего, всего, у меня осталась только одна честь...

Герцогъ поспѣшилъ ее поднять и сказалъ:

— Не безпокойтесь, синьора, я вовсе не для того пришелъ сюда, чтобы отнять у васъ честь. Напротивъ, меня привело сюда участіе къ вамъ, я хочу помочь вамъ въ несчастьи, утѣшить васъ. Скажите, чѣмъ я могу быть вамъ полезнымъ? Смотрите на меня, какъ на вашего друга, просите у меня все, что̀ вамъ угодно и я постараюсь исполнть вашу просьбу.

Сказавъ это, герцогъ удалился, оставивъ Біанку одну. Вслѣдъ за нимъ вернулась маркиза и смѣясь сказала:

— Васъ вѣрно удивилъ внезапный визитъ герцога; но вы не бойтесь ничего. Онъ приходилъ не съ дурными намѣреніями, мы часто имѣемъ счастье видѣть его высочество совершенно неожиданно; у него есть ключъ отъ потайной двери и онъ приходитъ, когда менѣе всего мы его ожидаемъ... Вы вѣроятно были очень напуганы его появленіемъ?

— Да я просила его высочество пощадить мою честь.

— О, что касается до этого, вы можете быть совершенно покойны, я вамъ за него ручаюсь,—сказала маркиза,—напротивъ вы должны радоваться, что послѣ стольких несчастій, наконецъ Богъ вамъ посылаетъ сильную руку помощи, конечно, если вы съумѣете воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ. Съ вами, какъ съ умной женщиной я позволю себѣ говорить откровенно. Герцогъ васъ любитъ. Онъ только и мечтаетъ о васъ, чувство особы столь высокопоставленной мнѣ кажется можетъ васъ вполнѣ осчастливить. Далеко не многимъ выпадаетъ такое благополучіе, было бы сумасшествіемъ не воспользоваться имъ.

Сказавъ это маркиза повела Біанку обратно въ гостиную, гдѣ старая Бонавентури продолжала кушать бисквиты, запивая ихъ сиракузскимъ виномъ.

Дипломатическіе переговоры относительно брака наслѣднаго принца Флоренціи съ эрц-герцогиней Джіованной австрійской шли своимъ чередомъ. За смертію императора Фердинанда, отца Джіованни, переговоры о бракѣ велись ея братомъ наслѣдникомъ по-

койнаго императора, Максимиліаномъ II, и участь эрц-герцогини Джіованни должна была скоро рѣшиться.

Между тѣмъ старый герцогъ Козимо Медичи рѣшилъ привести въ исполненіе давно задуманный имъ планъ—отказаться отъ престола и передать управленіе государствомъ своему старшему сыну; Козимо Медичи лишь ожидалъ бракосочетанія Франческо съ эрцгерцогиней австрійской. Не старость герцога Козимо была причиною его рѣшенія. Имѣя только сорокъ пять лѣтъ отъ роду, онъ былъ въ полной силѣ, но двадцати восьми лѣтнее управленіе государствомъ его утомило; онъ нуждался въ покоѣ. Кромѣ того, ему хотѣлось обезпечить сыну мирное царствованіе, руководя его поступками. Въ виду чего онъ оставилъ за собой верховную власть и право пользоваться всѣми дворцами и виллами, съ титулами главнокомандующаго войсками, адмирала флота и губернатора Сіены. Онъ также поставилъ условіемъ, чтобы сынъ не имѣлъ права, безъ его согласія, смѣнять смотрителей дворцовъ (costellani) и командировъ войскъ, налагать или измѣнять подати, а равно и отчуждать казенныя земли.

Въ остальномъ новому герцогу предоставлялась полная свобода управленія и администраціи, сообразно существующимъ законамъ; онъ могъ увольнять министровъ и назначать новыхъ по своему усмотрѣнію. Отреченіе герцога Козимо Медичи отъ престола изумило всѣ дворы Италіи и Европы. Старый герцогъ былъ весьма этимъ польщенъ, такъ какъ своимъ поступкомъ онъ опровергалъ обвиненіе его въ честолюбіи и алчности. Святѣйшему отцу папѣ Козимо писалъ, что онъ желаетъ посвятить все свое время Богу, благодарить его за всѣ, дарованныя ему милости. Испанскому королю Филиппу онъ объяснялъ свой поступокъ желаніемъ подражать славному отцу его величества, королю Карлу V-му.

Въ виду совершившагося факта, толки были чрезвычайно различны. Многіе, говорили, и не безъ основанія, что Козимо Медичи отрекся отъ престола вовсе не для того, чтобы посвятить себя Богу, или подражать славному отцу короля испанскаго Карлу V-му, но что и въ этомъ поступкѣ флорентійскаго деспота крылось честолюбіе. Онъ питалъ надежду быть избраннымъ папою, при первой открывшейся ваканціи. Имѣя весьма много приверженцевъ среди кардиналовъ, ему казалось возможнымъ достигнуть и этой власти. Затѣмъ нѣкоторые утверждали, что герцогъ Козимо, какъ хитрый, расчетливый эгоистъ, оставляя за собой верховное право монарха, хотѣлъ избавиться отъ бремени и опасностей правителя и въ то же время хотѣлъ закрѣпить за своей семьей преемственность. Но такъ или иначе фактъ отреченія совершился. Одиннадцатаго іюня 1564 года, въ день рожденія Козимо Медичи, сынъ его герцогъ Франческо торжественно принялъ титулъ регента-герцогства тосконскаго; самъ же Козимо удалился въ подгородную виллу.

Біанка Капелло видитъ въ зеркалѣ герцога Франческо.

Дозв. ценз. Спб., 15 февраля 1890 г.

№ 29.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Альбовъ, М. Н. Пшеницыны. Романъ изъ петербургской жизни. Спб. 1890 т. Ц. 1 р. 25 к.

Андреевъ, П. Записки о военныхъ сообщеніяхъ. Изданіе 6-е, исправл. и дополн. Спб. 1890 г. Ц. съ атласомъ черт. 3 р.

Анисимовъ, А. Уставъ о гербовомъ сборѣ (Изд. 1886 г. и продолж. 1887 и 1889 гг.). Съ разъяснен. Прав. Сената. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Антонинъ Liberalis. Превращенія. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Арцишъ, В. Паровая механика и паровозы. Издан. 2-е, исправлен. и дополн. Кременчугъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 3-я. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Батюшковъ, П. Н. Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Борисъ, архимандритъ. Объ изученіи церковной исторіи. Кіевъ. 1890 г. Ц. 30 к.

Бородинъ, П. М. Послѣдняя година міра и церкви Христовой на землѣ. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Брандтъ, Э. К. Популярная зоологическая энциклопедія. Млекопитающія (Mammalia). Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Бродовскій, М. М. Календарь и справочная книжка на 1890 г. для писателей, литераторовъ и издателей. 2 части. Спб. Ц. за каждую часть отдѣльно по 1 р.; вмѣстѣ 2 ч. 1 р. 75 к.

Бутовскій, Ник. Прежняя служба и настоящая (Очеркъ развитія солдатской школы). Спб. 1890 г. Ц. 40 к.

Васюковъ, С. Среди жизни. Этюды и очерки. М. 1890 г. Ц. 1 р.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. XII. М. 1890 г. Ц. 4 р. 50 к.

Вербловскій, Г. Законоположенія о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ и судебныхъ учрежденій. Съ объясненіями Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вереввинъ, Алек. Измельчаніе... Романъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вопросы философіи и психологіи. Подъ редакц. проф. Н. Я. Грота. Кн. 2-я. М. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Глубоковскій, М. Н. Гигіена голоса. Съ рисунками. Изд. 2-е, съ добавленіемъ главы „О заиканіи". М. 1890 г. Ц. 1 р.

Гоголь, Н. Тарасъ Бульба. Повѣсть. М. 1890 г. Ц. 25 к.

Греминъ, А. Б. Пророчество стараго учителя. Разсказъ. Спб. 1890 г. Ц. 40 к.

Гринева, М. Н. Счетоводство по сельскому и домашнему хозяйству. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гусевъ, А. Н. Уставъ о пошлинахъ, съ разъясненіями и приложеніями. Харьковъ. 1890 г. Ц. 2 р.

Давыдовъ, М. Систематическое руководство при обученіи молодыхъ солдатъ пѣхоты. Спб. 1890 г. Ц. 85 к.

Доброгаевъ, М. И. Разведеніе мака. Изданіе 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

*) **Еврипидъ.** Гипполитъ. Трагедія. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ, съ введеніемъ и примѣчаніями. („Дешевая Библіотека"). Спб. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.

*) — Ифигенія въ Авлидѣ. Драма. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ, съ введеніемъ и примѣчаніями. („Дешевая Библіотека"). Спб. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.

*) — Ифигенія въ Тавридѣ. Драма. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ, съ введеніемъ и примѣчаніями. („Дешевая Библіотека"). Спб. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.

Жоли, Г., проф. Психологія великихъ людей. Изд. 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Зелинскій, В. Зрительный диктантъ (самодиктованіе и самоисправленіе). Ч. I. Изд. 3-е. М. 1890 г. Ц. 45 к.

Зео. Для досуга. Разсказы. Одесса. 1890 г. Ц. 75 к.

*) **Историческая** портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 г., съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXXII и XXXIII. Спб. 1890 г. Ц. каждаго вып. 2 р.

Іогель, М. К. Сестры Кудеяровы. Романъ. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

*) **Капнистъ, В. В.** Ябеда. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ портретомъ и біографіей автора. Изд. 3-е. („Дешевая Библіотека„). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

Карѣевъ, Н. Польскія реформы XVIII в. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кашкаровъ, Д. Пособіе для охотничихъ командъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кишенскій, Ѳ. Н. Сводный постатейный указатель кассаціонныхъ рѣшеній уголовн. и гражд. кассац. деп., общ. собр. 1-го и кассац. деп. и кассац. деп. Прав. Сената за 1887 и 1888 гг. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Конспектъ уголовнаго права (Особенная часть). Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р.

Коппэ, Фр. Генріетта. Романъ. Кіевъ. 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

*) **Кренке, В. Д.** О сельскомъ хозяйствѣ. Вып. I. Изданіе 3-е, исправл. и дополн. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Кривенко, Н. Н. Бесѣды о лошади. Спб. 1890 г. Ц. 60 к.

Кротковъ, А. Русскій флотъ въ царствованіе императрицы Екатерины II. Съ 1772 г. по 1783 г. Спб. 1889 г. Ц. 2 р.

Крыловъ, Викторъ. Кому весело живется? Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

*) **Ламартинъ, А.** Іоанна Д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками („Дешевая библіотека"). Спб. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к.

Лахесъ. Діалогъ философа Платона о мужествѣ. Перев. съ греческаго Н. Виноградова. М. 1890 г. Ц. 40 к.

Левинсонъ, Я. И., д-ръ. Бесѣды о гипнотизмѣ. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Левитскій, В. Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. Ярославль. 1890 г. Ц. 2 р.

Лейкинъ, Н. А. „Голубчики". Разсказы съ рисунками А. И. Лебедева. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Мерчингъ, Г. О движеніи жидкостей: воды, керосина и нефти въ трубахъ. Разсчетъ керосино- и-нефтепроводовъ. Спб. 1889 г. Ц. 50 к.

Могучій, В. С. Законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ (2 ч. X т. Св. Зак.). Оренбургъ. 1889 г. Ц. 4 р.

Наши государственные и общественные дѣятели. Сочиненіе автора „Современной Россіи". Спб. 1890 г. Ц. 3 р.

Нерсесовъ, Н. О. Э.—О. проф. О бумагахъ на предъявителя съ точки зрѣнія гражданскаго права. М. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.

Обзоръ книгъ для дѣтскаго чтенія примѣнительно ко всякому возрасту. Вып. I-й. Одесса. 1890 г. Ц. 20 к.

Ортъ, І. Д-ръ. Руководство къ патолого-анатомической діагностикѣ, вскрытіе трупповъ и къ патолого-гистологическимъ изслѣдованіямъ. Изданіе 2-е. Харьковъ. 1890 г. Ц. 4 р.

Осецкій, Ф. Смерть и увѣчье при эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ. Издан. 2-е, совершенно переработанное. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Плутархъ. Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Т. II. М. 1889 г. Ц. 75 к.

Поповъ, А. А. Новая лира. Сборникъ стихотвореній современныхъ русскихъ поэтовъ. М. 1890 г. Ц. 75 к.

Поповъ, Н. А. Русскій гарибальдіецъ и дочь бандита. Романъ изъ недавняго прошлаго. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

— Русскіе фланеры въ Парижѣ и Италіи. („Русская тля за границей"). Издан. 2-е. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Потто, В. Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Т. IV. Издан. 2-е. Спб. 1889 г. Ц. 6 р.

Предварительный отчетъ по участію Россіи во всемірной парижской выставкѣ 1889 г. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Разведеніе подсолнечника. М. 1890 г. Ц. 20 к.

Рибо, Ш. Д-ръ. Психологія вниманія. Переводъ съ французскаго. Спб. 1890 г. Ц. 50 к.

Русско-славянскій календарь на 1890 г. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Рязанскія достопримѣчательности, собранныя архимандритомъ Іеронимомъ, съ примѣчаніями І. Добролюбова. Рязань. 1889 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ техническихъ отчетовъ экспертной комиссіи выставки предметовъ освѣщенія и нефтяного производства, устроен. Имп. Рус. Техническ. Общ. въ 1887—1888 гг. Спб. 1889 г. Ц. 3 р.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е декабря 1889 г. Спб. Ц. 50 к.

Сидерскій, Н. В. Бѣлая горчица. Ея культура на сѣмена, кормъ и удобреніе. Спб. 1890 г. Ц. 70 к.

Смирновъ, Димитрій. Руководство къ изученію японскаго языка. Спб. 1890 г. Ц. 5 р.

Смирновъ, И. Н. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ. Казань. 1890 г. Ц. 2 р. 25 к.

Скворцовъ, Ир., проф. Планы и способы санитарныхъ изслѣдованій. Харьковъ. 1889 г. Ц. съ приложеніемъ 3 р.

Смоленскій, П. О., д-ръ. О тряпичномъ промыслѣ въ санитарномъ отношеніи. Спб. Ц. 40 к.

— Объ олеомаргаринѣ и искуственномъ коровьемъ маслѣ. Спб. 1889 г. Ц. 60 к.

Труды пенитенціарной комиссія С.-Петербургскаго Юридическаго Общества. Подъ редакц. проф. И. Я. Войницкаго. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турчановскій, К. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ III. Изд. 2-е, исправл. Кіевъ. 1889 г. Ц. 65 к.

Тысяча одна ночь. Арабскія сказки. Новый полный переводъ Ю. В. Доппельмайеръ. Т. III. Вып. 1-й, 2-й и 3-й. М. 1890 г. Ц. каждаго вып. 35 к.

Фосфоритная мука, какъ средство для удобренія полей и луговъ. Спб. 1890 г. Ц. 35 к.

Фругъ, С. Г. Стихотворенія (1881—1889). Изд. 2-е. Т. I. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Хрущовъ - Сокольниковъ, Г. А. Грюнвальскій бой. Историческій романъ-хроника. Спб. 1890 г. Ц. 2 р.

Цвѣтковъ, П. Аврелій Пруденцій Клементъ. Изслѣдованіе. М. 1890 г. Ц. 3 р.

*) **Шекспиръ, В.** Гамлетъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Перев. съ англійскаго Н. А. Полевого. Съ дополненіями и варіантами по др. переводамъ. Изд. 3-е. („Дешевая Библіотека") Спб. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

Шрейберъ, I. Д-ръ. Практическое руководство къ леченію массажемъ и методическимъ мышечнымъ упражненіемъ. Съ 150-ю рисунк. М. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Щербина, Ф. Земельная община кубанскихъ казаковъ. Воронежъ. 1889 г. Ц. 1 р.

Щировскій, Е. П. и I. Н. Епанчинъ. Сборникъ закополож. и распоряж. правит. о преобразованіи губерн. уѣздн. по крестьян. дѣламъ и мировыхъ судебн. учрежд. въ мѣстностяхъ, гдѣ вводится положеніе о земск. участковыхъ начальникахъ. Харьковъ. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Зварицкій, Д. И. Публичныя лекціи по археологіи Россіи. Спб. 1890 г. Ц. 80 к.

Экkерманъ, В. Исторія землевѣдѣнія. Древніе и средніе вѣка. Казань. 1889 г. Ц. 1 р.

Эсвэ. Къ элементарной теоріи дѣлимости чиселъ. Спб. 1890 г. Ц. 30 к.

Эсмархъ-фонъ Фр. Д-ръ. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Съ рисунками Спб. 1890 г. Ц. 80 к.

Этнографическое обозрѣніе. Изд. этногр. от. Имп. Общ. любит. естествоз., антропол. и этногр. Кн. III. М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Якубовскій, Р. Р. Эскизы и наброски. Памяти Всеволода Гаршина. М. 1890 г. Ц. 50 к.

Янушевскій, П. А. Практическія замѣтки по управленію паровозомъ, ремонту и отопленію его каменнымъ углемъ, антрацитомъ, нефтью и дровами. Изд. 2-е, исправл. и дополнен. Воронежъ. 1889 г. Ц. 2 р.

Ясинскій, I. Иринархъ Плутарховъ. Романъ. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

Ясинскій, А. Н. Сочиненія князя Курбскаго, историческій матеріалъ. Кіевъ. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

*) Изд. А. С. Суворина.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Гоголя,** приложенный къ «Запискамъ о жизни Гоголя», издан. Кулиша. 2) Портретъ **Гоголя,** приложенный къ «Московскому Сборнику», издан. С. Т. Аксаковымъ въ 1852 году. 3) Изабелла Орсини герцогиня Браччіано. Историческій романъ **И. Фіорентини.** Переводъ съ итальянскаго **Н. А. Попова.** Гл. X—XIII. (Продолженіе). Съ тремя иллюстраціями. 4) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

При этой книжкѣ разсылается городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ объявленіе объ Энциклопедическомъ Словарѣ проф. И. Е. Андреевскаго.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени"**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13